

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

Н. К. ШИЛЬДЕРА

СЪ 252 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1903

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

Н. К. ШИЛЬДЕРА

СЪ 252 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1903

Рисунки дозволены цензурою 31-го октября 1903 г. С.-Петербургъ

—
Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ, 13

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I, великій князь МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ, ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ,
князь П. М. ВОЛКОНСКІЙ и графъ А. Х. БЕНКЕНДОРФЪ.

Съ портрета писанного Крюгеромъ и находящагося въ Николаевской залѣ Зимняго дворца.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Немедленно по окончаніи процесса декабристовъ дворъ переселился въ Москву.

Императрица Марія Ѳеодоровна уже со времени кончины императрицы Елисаветы Алексѣевны жила въ Москвѣ, гдѣ, по словамъ генераль-адъютанта Бенкендорфа, «благотворительною ея душою открывался кругъ дѣйствія не менѣе обширный, чѣмъ въ Петербургѣ...». Императоръ Николай прибылъ въ Петровский дворецъ 20-го іюля (1-го августа). Торжественный въѣздъ въ Москву последовалъ 24-го іюля (5-го августа). Государь былъ верхомъ; за нимъ слѣдовали въ каретахъ обѣ императрицы и наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.

Къ предстоявшей коронаціи явились также въ первопрестольную столицу чрезвычайные представители иностранныхъ державъ. Ранѣе прочіихъ, еще весною, прибылъ въ Петербургъ чрезвычайный посолъ Карла X, маршалъ Мармонтъ, герцогъ Рагузскій, въ сопровожденіи большой военной свиты. О немъ императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу: «Il me parait un franc soldat et tout à fait facile à vivre; du moins il ne me gêne point»¹. Представителемъ Пруссіи былъ братъ императрицы, принцъ Карлъ Прусскій, Австріи — принцъ Гессенъ-Гомбургскій, Англіи — герцогъ Девонширскій, Швеціи и Норвегіи — фельдмаршалъ графъ Стедингъ².

Слабость, ощущаемая императрицею Александрой Ѳеодоровной, по приѣздѣ въ Москву заставила отнести коронованіе къ концу поста; для укрѣпленія ея здоровья государь съ семьей поселился въ Нескучномъ, на дачѣ графини А. А. Орловой-Чесменской³.

Къ приѣзду двора въ Москву собраны были на Ходынскомъ полѣ сводныя войска гвардейскаго⁴ и гренадерскаго корпусовъ: государь

ГЛАВА ПЕРВАЯ

производилъ частые смотры и ученья, на которыхъ присутствовали иностранные гости. «Мармонтъ,—сообщалъ императоръ Николай цесаревичу,—сравниваетъ эти войска съ состояніемъ французскихъ войскъ въ Булонскомъ лагерѣ. На смотрѣ мой маленькій молодецъ ѣхалъ рысью и галопомъ на правомъ флангѣ дивизіона своего полка, все какъ слѣдуетъ, къ великому удовольствію отца и зрителей»⁵.

Маршалъ Мармонтъ, вспоминая въ своихъ запискахъ о московскомъ смотрѣ, высказываетъ удивленіе по поводу смѣлости и искусства, обнаруженныхъ во время смотра восьмилѣтнимъ наслѣдникомъ. Императоръ Николай, смотря на своего сына съ выраженіемъ самой нѣжной заботливости, обратился къ герцогу съ словами: «Вы полагаете, что я испытываю волненіе и беспокойство, видя этого столь дорогого мнѣ ребенка среди подобной суетлоки; но я предпочитаю покориться этому, чтобы выработать въ немъ характеръ и съ малолѣтства приучить его быть чѣмъ нибудь, благодаря самому себѣ»⁶.

«Вотъ что можно назвать хорошими началами воспитанія,—замѣчаетъ Мармонтъ,—а когда они примѣняются къ воспитанію человѣка, предназначеннаго быть главою великой націи, отъ этого должно ожидать наилучшихъ послѣдствій».

Изъ приведенныхъ уже ранѣе различныхъ отзывовъ, извлеченныхъ изъ писемъ цесаревича, видно было, съ какимъ упорствомъ и съ какою настойчивостію Константинъ Павловичъ отклонялъ малѣйшій намекъ государя на желательное, въ видахъ успокоенія умовъ, появленіе его въ Петербургѣ. Ссылаясь на недавній мятежъ, цесаревичъ признавалъ для себя невозможнымъ покинуть Варшаву.

Если уже государю не удалось привлечь Константина Павловича въ Петербургъ, то оставалось желать, чтобы при предстоявшемъ въ Москвѣ коронованіи присутствовалъ также цесаревичъ. Императоръ Николай не рѣшался, однако, облечь это желаніе въ форму просьбы, а еще менѣе придать своей мысли оттѣнокъ положительной воли.

Зимою 1826 года, въ Петербургъ прибылъ министръ финансовъ царства Польскаго, князь Любецкій, сопровождавшій польскую депутацію, явившуюся привѣтствовать воцарившагося императора. При прощаніи съ Любецкимъ государь выразилъ желаніе скорѣе увидѣться съ братомъ. Тогда, по разсказу князя Любецкаго, онъ осмѣлился замѣтить:

— «Государь, нужно, чтобы цесаревичъ прибылъ на коронацію въ Москву; нужно, чтобы тотъ, который уступилъ вамъ корону, явился возложить ее на васъ предъ лицомъ Россіи и Европы. (Sire, il faut qu'il arrive pour le couronnement à Moscou; il faut que celui qui vous a cédé la couronne vienne aussi vous la mettre à la face de la Russie et de l'Europe)».

Послѣ этихъ словъ Любецкаго разговоръ продолжался въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Императоръ Николай Павловичъ.

(Съ литографія Шмидта).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— «Это невыполнимо и въ особенности невѣроятно. (La chose est infaisable et surtout improbable).

— «Это осуществится, государь. (Elle se fera, Sire).

— «Во всякомъ случаѣ, по приѣздѣ въ Варшаву, отправьтесь къ княгинѣ Ловичъ поцѣловать ей ручки отъ моего имени. (En tout cas arrivé à Varsovie, allez baiser les mains à la princesse Lowicz)»⁷.

Князь Любецкій понялъ этотъ намекъ и, по возвращеніи въ Варшаву, обратился по этому дѣлу прямо къ княгинѣ Ловичъ. Пользуясь своимъ вліяніемъ на цесаревича, княгиня сумѣла убѣдить великаго князя въ необходимости своимъ появленіемъ въ Москвѣ обрадовать государя и успокоить Россію.

Передъ отъѣздомъ въ Москву императоръ Николай въ своей перепискѣ съ цесаревичемъ осторожно намекалъ насчетъ своихъ душевныхъ желаній.

«Я надѣюсь, съ Божіею помощію,— писалъ государь,— быть въ Москвѣ 22-го іюля; итакъ, вы освѣдомлены о моихъ планахъ столько же, сколько я самъ. Я не скрываю отъ васъ, что я буду очень счастливъ увидѣть васъ; если это невозможно, я покоряюсь судьбѣ, разъ очевидно такова воля Божія»⁸.

Находясь въ Москвѣ и не получая отвѣта на высказанное желаніе, императоръ Николай пересталъ уже разсчитывать на возможность свиданія съ братомъ, какъ вдругъ 14-го (26-го) августа, въ 11-ть часовъ утра, цесаревичъ совершенно неожиданно подѣхалъ въ Кремль къ дворцу, занимаемому государемъ⁹. Очевидцы разсказываютъ, что императоръ Николай въ это время занимался въ своемъ кабинетѣ. Цесаревичъ, войдя въ смежную съ нимъ комнату, приказалъ доложить о себѣ. Государю доложили о прибытіи великаго князя безъ упоминанія титула цесаревича и имени. Николай Павловичъ полагая, что приѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, велѣлъ подождать. Спустя нѣсколько минутъ, другой, болѣе догадливый камердинеръ доложилъ его величеству, что это — не Михаилъ Павловичъ, а цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Тогда государь опрометью кинулся навстрѣчу и въ объятія брата, объяснивъ причину не совсѣмъ почтительнаго приѣма. Тотчасъ же оба брата поѣхали къ императрицѣ-матери¹⁰.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, упоминая объ этомъ событіи въ своихъ запискахъ, пишетъ:

«Появленіе цесаревича было блестящимъ всенароднымъ свидѣтельствомъ и покорности его новому государю и добросовѣстности его отреченія отъ престола, было вмѣстѣ и драгоцѣннымъ залогомъ согласія, связывавшаго ко благу имперіи всѣхъ членовъ царственнаго ея дома. Публика была въ восторгѣ, а дипломатическій корпусъ пришелъ въ совершенное удивленіе. Народъ выражалъ цесаревичу свое удовольствіе

Императоръ Николай Павловичъ.

(Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры карандашомъ Крюгеромъ. Изъ собранія П. Я. Дашкова)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

единодушными кликами; сановники окружали его знаками почтительшаго благоговѣнія».

По свидѣтельству Дивова, записанному въ его дневникѣ, извѣстіе о прибытіи цесаревича Константина Павловича въ Москву произвело большую сенсацию въ благомыслящей части общества. «Въ извѣстіяхъ изъ Москвы описываютъ, что свиданіе императора съ его братомъ Константиномъ было очень трогательно. Ихъ объятія, ихъ волненіе въ присутствіи придворныхъ придали этому неожиданному свиданію нѣкоторый оттѣнокъ сентиментализма, который передать трудно».

Цесаревичъ надѣялся пробыть въ Москвѣ не долго, но расчеты его не оправдались, и ему пришлось прожить въ столицѣ до 22-го августа, дня, назначеннаго для коронованія. До наступленія этого торжества его развлекали разводами и маневрами, происходившими въ окрестностяхъ Москвы.

На разводѣ 15-го августа, когда государь вышелъ изъ кремлевскаго дворца съ обоими братьями, толпа народа пришла въ неописанный восторгъ, бросала вверхъ шапки, раздавались громкіе крики, въ которыхъ смѣшивались имена Николая Павловича и цесаревича. Императоръ подалъ знакъ, и войско крикнуло: «Ура! Константинъ Павловичъ!»

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней крики возобновлялись всякій разъ, когда цесаревичъ показывался въ публикѣ; народъ окружалъ его экипажъ; если онъ ѣхалъ верхомъ, то ему было трудно пробираться сквозь толпу, которая восторженно привѣтствовала его.

II.

22-го августа (3-го сентября) 1826 года, состоялась наконецъ давно ожидаемая коронація императора Николая Павловича. Ясное безоблачное небо благопріятствовало торжеству; солнце сіяло во всемъ блескѣ.

Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ новгородскимъ митрополитомъ Серафимомъ при содѣйствіи кіевскаго митрополита Евгенія и московскаго архіепископа Филарета, возведеннаго въ этотъ день въ санъ митрополита. Во время обряда коронованія ассистентами государя были цесаревичъ Константинъ Павловичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ.

На паперти Успенскаго собора Филаретъ произнесъ рѣчь, тронувшую до слезъ монарха¹¹.

Въ рѣчи митрополита особенно выдѣляется слѣдующее мѣсто, касавшееся тяжкихъ событій послѣдняго времени:

«Нетерпѣливость вѣроподданическихъ желаній дерзнула бы вопрошать: почто ты умедлилъ? если бы не знали мы, что какъ настоящее торжественное пришествіе твое намъ радость, такъ и предшествовавшее

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

умедленіе твое было намъ благодѣяніе. Не спѣшилъ ты явить намъ твою славу, потому что спѣшилъ утвердить нашу безопасность. Ты грядешь наконецъ, яко царь не только наслѣдственнаго твоего, но и тобою сохраненнаго царства. Не возмущаютъ ли при семъ духа твоего прискорбныя напоминанія? Да не будетъ! И кроткій Давидъ имѣлъ Іоава и Семею; не диво, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословенный. Въ царствованіе Давида прозябли сѣи плевелы, а преемнику его досталось очищать отъ нихъ землю Израилеву. Что жъ, если и преемнику Александра палъ сей жребій Соломона! Трудное начало царствованія тѣмъ скорѣе показываетъ народу, что даровалъ ему Богъ въ Соломонѣ. Ничто, ничто да не преятствуетъ священной радости твоей и нашей».

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «Во время священнаго обряда и утомительныхъ его церемоній цесаревичъ тронулъ всѣхъ нѣжною попечительностію объ императрицѣ; а минута, въ которую старшій братъ принялъ шпагу отъ младшаго, приступившаго къ св. причастію, извлекла у всѣхъ слезы. При выходѣ изъ церкви неподобное лицо государя подъ драгоцѣнными камнями императорской короны сіяло красотою. Молодая императрица и наслѣдникъ возлѣ императрицы-матери также обращали на себя взоры всѣхъ. Нельзя было создать воображеніемъ болѣе прекраснаго семейства».

Извѣстіе о совершеніи коронаціи привезено въ Петербургъ генераль-адъютантомъ, графомъ Комаровскимъ, 26-го августа. Въ привезенномъ имъ рескриптѣ на имя петербургскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта Голенищева-Кутузова, напечатанномъ затѣмъ въ газетахъ, государь писалъ, что къ особенному его удовольствію присутствовалъ при коронованіи цесаревичъ Константинъ Павловичъ, «прибывшій сюда за нѣсколько передъ тѣмъ дней».

Въ манифестѣ, изданномъ 22-го августа, въ день коронаціи, объявлены были милости и облегченія, дарованныя разнымъ состояніямъ. Кромѣ того, начальникомъ главнаго штаба, барономъ Дибичемъ, получены были два указа, заключавшіе въ себѣ различныя милости, оказанныя російскому войску.

Въ день же коронованія послѣдовали два именные указа о смягченіи наказанія государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ на каторжную работу и къ ссылкѣ на поселеніе, а также сосланнымъ въ крѣпостную работу и дальніе гарнизоны. Въ силу этихъ указовъ уменьшены сроки всѣмъ сосланнымъ на каторгу, поселеніе и крѣпостныя работы, а сосланныхъ въ гарнизоны сибирскаго, оренбургскаго и кавказскаго корпусовъ рядовыми съ лишеніемъ дворянства и безъ лишенія вѣчно опредѣлить въ полки кавказскаго корпуса до «отличной выслуги»¹².

День коронаціи императора Николая ознаменованъ былъ еще важною реформою въ придворномъ вѣдомствѣ, измѣнившей въ корнѣ существо-

ГЛАВА ПЕРВАЯ

вавший доселѣ способъ управленія его путемъ сліянія всѣхъ разнообразныхъ придворныхъ учреждений въ одно цѣлое. 22-го августа образовано было для этой цѣли новое, небывалое доселѣ въ Россіи министерство, а именно, министерство императорскаго двора, управление которымъ ввѣрено было князю Петру Михайловичу Волконскому. Такимъ образомъ долголѣтній сподвижникъ императора Александра I-го снова занялъ мѣсто довѣреннаго сановника при его преемникѣ; князь Волконскій безсмѣнно оставался министромъ двора до своей кончины, послѣдовавшей въ 1852 году.

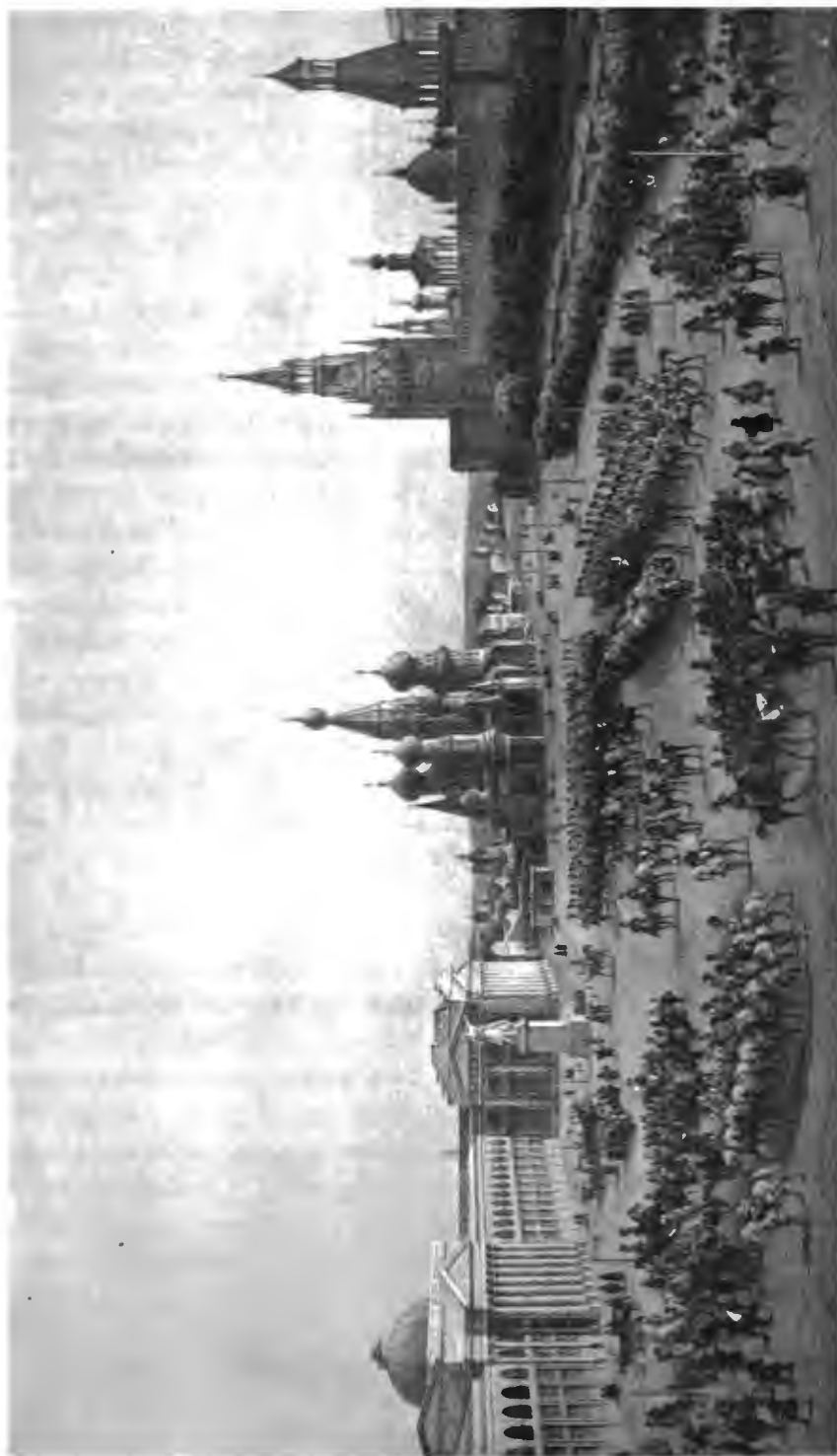
Согласно учрежденію, обнародованному 22-го августа, министерству императорскаго двора подчинены всѣ «придворныя вѣдѣнія» и театральная дирекція; вмѣстѣ съ тѣмъ министръ двора былъ министромъ департамента удѣловъ и управляющимъ кабинетомъ¹³.

Необходимо здѣсь также отмѣтить, что 22-го августа обнародованъ былъ составленный уже ранѣе манифестъ объ опредѣленіи, въ случаѣ кончины императора, правителемъ государства великаго князя Михаила Павловича, до наступленія законнаго совершеннолѣтія наслѣдника. Званіе же опекуна надъ всѣми дѣтьми государя до совершеннолѣтія каждого изъ нихъ предоставлено было императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Въ манифестѣ сказано было, что постановленіе это состоялось съ благословенія императрицы Маріи Ѳеодоровны и «съ предварительнаго одобренія любезнѣйшаго брата нашего, цесаревича и великаго князя Константина Павловича». Упомянутый здѣсь манифестъ подписанъ былъ еще задолго до коронаціи, а именно 28-го января 1826 года въ Петербургѣ¹⁴.

Награды, дарованныя 22-го августа, заключались преимущественно въ весьма значительной раздачѣ чиновъ и орденовъ. Главнокомандующіе первой и второй арміи, графы Сакенъ и Витгенштейнъ, произведены были въ генераль-фельдмаршалы, а начальникъ главнаго штаба, генераль-адъютантъ баронъ Дибичъ, въ генералы отъ инфантеріи. Графинѣ Ливенъ пожаловано было княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости¹⁵; военному министру Татищеву, генераль-адъютанту Чернышеву, начальнику штаба цесаревича Курутѣ, барону Строганову и генераль-адъютанту Поццо ди Борго — графское достоинство.

Особенныхъ милостей удостоены были только два лица: графу Нессельроде, въ видѣ изъятія изъ общихъ правилъ, пожалованъ былъ участокъ казенной земли въ 4.702 десятины въ Тамбовской губерніи, а князю П. М. Волконскому ежегодный пенсіонъ въ 50.000 рублей изъ суммъ департамента удѣловъ.

Генераль-адъютантами назначены были: начальникъ штаба отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній, генераль-майоръ Клейнмихель, и командиръ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона, генераль-майоръ Геруа.

Публичное объявление о коронации императора Николая I въ Москвѣ.
(Съ 'итографіи того времени Куртена).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На другой день послѣ коронаціи, 23-го августа, ночью, цесаревичъ Константинъ Павловичъ уѣхалъ изъ Москвы въ Варшаву, уклоняясь отъ дальнѣйшихъ торжествъ и увеселеній. Рассказываютъ, что по окончаніи коронованія цесаревичъ сказалъ своему другу Ѳ. П. Опочинину: «теперь я отпѣтъ». Такъ пишетъ Денисъ Давыдовъ.

По возвращеніи въ Варшаву цесаревичъ немедленно написалъ императору Николаю 30-го августа (11-го сентября) слѣдующія строки по поводу своего пребыванія въ Москвѣ:

«Примите, дорогой братъ, полнѣйшую и живѣйшую благодарность за всю дружбу, которую вамъ угодно было проявить по отношенію ко мнѣ во время моего послѣдняго пребыванія въ Москвѣ возлѣ васъ. Будьте увѣрены, дорогой братъ, что я сумѣю оцѣнить ее и надѣюсь, что съ помощью Божіей никогда не окажусь недостойнымъ ея. Эти восемь дней, проведенные возлѣ васъ въ Москвѣ, никогда не изгладятся изъ моей памяти, равно какъ и не изгладится ваша дружба ко мнѣ. Да ниспослетъ вамъ Господь всѣ свои блага и благословеніе; я молю Его объ этомъ сердцемъ, душою и мыслію. Вотъ я возвратился домой и счастливъ, что нахожусь возлѣ своей жены, и огорченъ, что разстался со всѣми вами: понимайте это буквально и такъ, какъ я говорю это»¹⁶.

Въ отвѣтъ на выраженные цесаревичемъ дружескія чувства императоръ Николай писалъ:

«Мнѣ бы первому, дорогой Константинъ, слѣдовало высказать вамъ все счастье, которое ваше посѣщеніе насъ и ваша особенная доброта по отношенію ко мнѣ заставили меня испытать, и какъ разъ въ это самое мгновеніе я получаю ваше милое и прекрасное письмо отъ 30-го августа (11-го сентября); но вы слишкомъ добры и слишкомъ справедливы, чтобы не простить меня; вы были свидѣтелемъ моего образа жизни, и то, что произошло съ тѣхъ поръ, еще болѣе стѣснило меня въ употребленіи моего времени. Но все это является плохимъ извиненіемъ по отношенію къ вамъ, чье расположеніе мое сердце умѣетъ цѣнить; ваша дружба и ваше довѣріе являются для меня неоцѣнимымъ благомъ, составляющимъ спокойствіе моей жизни; угадывать ваши намѣренія и ваши желанія есть и будетъ постоянною потребностью для меня; да будетъ вамъ это извѣстно разъ навсегда»¹⁷.

По поводу образа дѣйствій цесаревича во время коронаціи императора Николая въ Москвѣ, Лагарпъ выразилъ своему бывшему воспитаннику письменно полнѣйшее свое одобреніе. Константинъ Павловичъ отвѣчалъ ему, что весьма счастливъ, заслуживъ одобреніе своего наставника, но прибавилъ:

«Откровенность моя заставляетъ, однако, просить васъ не придавать этому такой большой цѣны, ибо, послѣ того какъ я рѣшился не уклоняться отъ того образа дѣйствій, который я себѣ предназначалъ, все сдѣланное съ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

моей стороны было лишь просто и естественно. Никто въ мірѣ болѣе меня не боится и ненавидитъ дѣйствій эффектныхъ, конхъ эффектъ заранѣе разсчитанъ, или же дѣйствій драматическихъ, восторженныхъ, движсній самопроизвольныхъ и другихъ; признаюсь въ моей глупости, что я въ нихъ ровно ничего не смыслю, какъ сказалъ выше. Если уже я принялъ рѣшеніе, утвержденное покойнымъ нашимъ безсмертнымъ императоромъ и моею матерью, все остальное является лишь чистымъ и простымъ послѣдствіемъ, и роль моя тѣмъ болѣе была легка, что я оставался на томъ же постѣ, который занималъ прежде и котораго не покидалъ. Сверхъ того, признаюсь съ извѣстною вамъ, милостивый государь, откровенностію, что я ничего не желаю, ровно ничего, ибо доволенъ и счастливъ, насколько это возможно. То, что мнѣ собственно принадлежитъ, этого никто въ мірѣ у меня отнять не можетъ,— это воспоминаніе о времени, употребленномъ мною на службу двумъ моимъ императорамъ съ испытанною честностію, вѣрностію, усердіемъ, преданностію и привязанностію въ продолженіе 32-хъ лѣтъ, съ надеждою служить также и нынѣшнему, насколько это можетъ быть ему угодно, и насколько позволятъ мнѣ мои физическія силы, оставаясь къ тому же всегда чуждымъ всякихъ интригъ, знакомый съ однимъ пассивнымъ повиновеніемъ и дѣйствуя всегда въ отношеніи ихъ съ самою безкорыстною откровенностію и безъ всякой задней мысли, храня свое частное мнѣніе для себя и выражая его лишь тогда, когда къ тому былъ призываемъ, подчиняясь всегда, даже вопреки моему убѣжденію, исполненію воли моихъ государей съ самою строгою добросовѣстностію и дѣлая, такъ сказать, родъ рыцарства изъ того, чтобы удалось, хотя бы противно моему мнѣнію, то, что было мнѣ предписано. Вотъ что мнѣ принадлежитъ, и чего никто въ мірѣ не можетъ и не будетъ въ состояніи отнять у меня. Къ тому же поддержки я буду искать въ одномъ Богѣ, а Онъ, видя чистоту, вложенную Имъ въ мое сердце, и которую буду стараться сохранять, совершилъ остальное, соблаговоливъ руководить меня между препятствіями, которыя я иногда встрѣчалъ на пути. За то я и благодарю Его ежедневно изъ глубины сердца и отъ всей души. Очень многіе не поймутъ меня, дорогой и почтенный наставникъ; это ихъ дѣло, они не имѣли, какъ я, счастья служить императору брату, императору другу, товарищу, и императору благодѣтелю, и питать къ нему тѣ чувства, которыя меня воодушевляли, и которыя онъ, въ свою очередь, питалъ по отношенію ко мнѣ. Но довольно объ этомъ предметѣ.

«Пожеланія ваши для блага нашей страны, съ которыми вы ко мнѣ обращаетесь, не могутъ быть приняты мною иначе, какъ съ живѣйшею признательностію. Смѣю надѣяться, что они также были бы приняты и всякимъ изъ моихъ соотчичей. Да будетъ счастлива дорогая и великая Россія, да не увидитъ она болѣе печальныхъ и гнусныхъ сценъ, да

ГЛАВА ПЕРВАЯ

будетъ она велика не только своимъ пространствомъ, но и истинными чувствами чести, которыя должны ее поддерживать и внушать къ ней уваженіе, ибо безъ этого сила ея не была бы прочна. Здѣсь я говорю, какъ русскій, дорогой наставникъ, а не какъ представитель ея, конмъ я никогда не былъ, и такъ какъ вы говорите мнѣ, что привыкли выражать ваши пожеланія нашему безсмертному императору въ свое время, прося меня принять ихъ его именемъ, мнѣ невозможно съ этимъ согласиться, не погрѣшивъ противъ него, но я могу развѣ принять ихъ единственно, какъ туземецъ страны, и въ такомъ качествѣ пріемлю ихъ отъ всего сердца и всей души»¹⁸.

Въ этихъ немногихъ строкахъ всецѣло обрисовалась вся личность цесаревича, съ присущимъ ей внутреннимъ міросозерцаніемъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ она выработалась путемъ тяжелаго жизненнаго опыта, и какою она уже неизмѣнно оставалась до самой кончины великаго князя.

Послѣ отъѣзда цесаревича изъ Москвы начались въ столицѣ празднества и увеселенія, продолжавшіяся до 30-го сентября, когда императоръ Николай направился обратно въ Петербургъ.

По свидѣтельству генераль-адъютанта Бенкендорфа, «все оживилось; веселость снова вступила въ свои права и вознаграждаетъ себя за годы, утраченные для ея культа. Молодежь снова принимается за танцы и уже значительно менѣе занимается устройствомъ государства, политикою обоихъ полушарій и мистическими бреднями»¹⁹.

Такимъ образомъ тревоги и опасности, ознаменовавшія эпоху восшествія на престолъ, понемногу забывались среди оживленія, вызваннаго коронаціонными празднествами. Балы, данные маршаломъ Мармономъ и герцогомъ Devonshire, отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ; но балы у князя Николая Борисовича Юсупова и у камеръ-фрейлины графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской одержали верхъ изяществомъ помѣщенія и роскошью²⁰. Государь, присутствуя на всѣхъ празднествахъ и балахъ, тѣмъ не менѣе продолжалъ работать попрежнему, съ обычною дѣятельностію²¹. Онъ, сверхъ того, ревностно посѣщалъ разныя учрежденія столицы и отдавалъ приказанія о введеніи необходимыхъ улучшеній, присутствуя вмѣстѣ съ тѣмъ каждое утро у развода, привлекавшаго несмѣтныя толпы народа. Государь успѣлъ даже посѣтить Тулу, гдѣ осматривалъ, 21-го сентября, оружейный заводъ.

Празднества закончились 23-го сентября блистательнымъ фейерверкомъ. Одинъ заключительный букетъ состоялъ изъ 140.000 ракетъ, къ которому присоединился грохотъ изъ 100 пушекъ. Изъ декораций этого фейерверка обращали на себя вниманіе триумфальныя врата съ надписью: «Успокоителю отечества Николаю Первому».

Въѣздъ императора Николая Павловича и императрицы Александры Феодоровны въ Москву.
(Съ литографіи того времени).

III.

Событія 14-го декабря застали Пушкина въ селѣ Михайловскомъ, гдѣ онъ былъ водворенъ по распоряженію правительства съ 9-го (21-го) августа 1824 года.

Поводомъ къ этой суровой мѣрѣ, принятой еще въ александровское царствованіе, послужило слѣдующее обстоятельство. Пушкинъ имѣлъ неосторожность написать изъ Одессы шуточное письмо одному пріятелю въ Москву, въ которомъ говорили, что беретъ уроки чистаго аеизма у какого-то англичанина, названнаго имъ единственнымъ умнымъ аеемъ, котораго имѣлъ случай встрѣтить. Къ этимъ строкамъ Пушкинъ прибавилъ еще заключеніе: «Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная».

Приведенныя нами строки вздорнаго письма рѣшили судьбу поэта. Пушкинъ былъ исключенъ изъ списка чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ съ объясненіемъ, что мѣра эта вызвана его безпутствомъ (*par son inconduite*), и сосланъ въ деревню, съ подчиненіемъ надзору мѣстныхъ властей.

Когда получены были въ Михайловскомъ извѣстія о Петербургскомъ мятежѣ, Пушкинъ рѣшился немедленно выѣхать въ столицу, но, не доѣхавъ до первой станціи, возвратился въ деревню. Преданіе говоритъ, что разныя дурныя примѣты поколебали его въ принятомъ рѣшеніи. При выѣздѣ изъ Михайловскаго онъ встрѣтилъ попа, а затѣмъ далѣе какой-то злобѣщій заяцъ трижды перебѣжалъ ему дорогу и побудилъ поэта отказать отъ путешествія. Дальнѣйшія же извѣстія изъ Петербурга были такого свойства, что Пушкинъ замолкъ и притихъ въ Михайловскомъ.

Въ началѣ 1826 года, Пушкинъ писалъ барону Дельвигу письмо, въ которомъ сообщилъ другу о своемъ желаніи «вполнѣ и искренно примириться съ правительствомъ». Результатомъ подобнаго настроенія явилось прошеніе на высочайшее имя, которое Пушкинъ представилъ, по совѣту петербургскихъ друзей, псковскому гражданскому губернатору, барону фонъ-Адеркасу. Содержаніе этого прошенія было слѣдующее:

«Всемпловичѣйшій государь.

«Въ 1824 году, имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно аеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ.

«Нынѣ съ надеждой на великодушіе вашего императорскаго величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не про-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

тиворѣчить моимъ мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ вашему императорскому величеству со всеподданнѣйшею моею просьбою.

«Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуютъ постояннаго лѣченія, въ чемъ и представляю свидѣтельство медиковъ: осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края.

«Всемилоостивѣйшій государь,

«ваше императорское величество,

«вѣрноподанный

«Александръ Пушкинъ».

Къ всеподданнѣйшему письму было приложено обязательство: «Я нижеподписавшійся обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что я ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу и никогда не зналъ о нихъ. 10-го класса Александръ Пушкинъ. 11-го мая 1826 года».

Послѣ коронованія генераль-адъютанту барону Дибичу сообщено было 28-го августа для исполненія нижеслѣдующее высочайшее повелѣніе: «Пушкина призвать сюда. Для сопровожденія его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря, не въ видѣ арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мнѣ. Писать о семъ псковскому гражданскому губернатору».

4-го сентября, Пушкинъ въ сопровожденіи фельдъегеря выѣхалъ изъ Пскова и 8-го (20-го) сентября прибылъ въ Москву, прямо въ канцелярію дежурнаго генерала Потапова. По извѣщеніи о томъ барона Дибича, повелѣно было привезти Пушкина въ Чудовъ дворецъ. Здѣсь поэтъ былъ тотчасъ представленъ императору Николаю въ дорожномъ костюмѣ, какъ былъ, не совсѣмъ обогрѣвшійся, усталый и даже не совсѣмъ здоровый. Съ этой минуты Пушкинъ снова приобрѣлъ утраченную имъ съ 1824 года свободу. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась среди московскаго общества, и, какъ пишетъ П. Анненковъ, въ торжествахъ, сопровождавшихъ день коронованія, она была радостно встрѣчена публикой, особенно литературно образованной ²².

Императоръ Николай имѣлъ при этомъ свиданіи продолжительный разговоръ съ опальнымъ поэтомъ, о которомъ государь отзывался въ 1826 году Д. Н. Блудову, что Пушкинъ самый замѣчательный чело-вѣкъ въ Россіи. Въ печати не появлялось еще до сихъ поръ описаніе разговора Пушкина съ государемъ въ полномъ объемѣ; существуютъ только отрывочныя указанія объ этомъ историческомъ свиданіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Въ 1848 году, императоръ Николай, бесѣдуя съ барономъ М. А. Корфомъ, сообщилъ ему о разговорѣ съ Пушкинымъ слѣдующія подробности.

«Я, — сказалъ государь, — впервые увидѣлъ Пушкина послѣ моей коронаціи, когда его привезли изъ заключенія ко мнѣ въ Москву совсѣмъ больного. — Что сдѣлали бы вы, если бы 14-го декабря были въ Петербургѣ? — спросилъ я его между прочимъ.

«— Сталъ бы въ ряды мятежниковъ, — отвѣчалъ онъ.

«На вопросъ мой, перемѣнился ли его образъ мыслей, и даетъ ли онъ мнѣ слово думать и дѣйствовать иначе, если я пушу его на волю, онъ наговорилъ мнѣ пропасть комплиментовъ на счетъ 14-го декабря, но очень долго колебался прямымъ отвѣтомъ и только послѣ длиннаго молчанія протянулъ руку съ обѣщаніемъ сдѣлаться другимъ».

По словамъ Пушкина, государь между прочимъ сказалъ поэту:

— «Довольно ты подурачился, надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ, и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ».

Вспоминая впослѣдствіи московскую аудіенцію 1826 года, Пушкинъ признавался А. О. Смирновой, что онъ думаетъ, что Петръ Великій вдохновилъ тогда государя, прибавивъ: «мнѣ кажется, что мертвые могутъ внушать мысли живымъ».

Эти слова Пушкина, свидѣтельствующія о его мистическомъ настроеніи, можно объяснить тѣмъ, что императоръ Николай былъ восторженнымъ поклонникомъ Петра Великаго, и Пушкинъ, въ свою очередь, также преклонялся передъ личностью великаго преобразователя; въ своемъ воображеніи поэтъ сближалъ Петра и Николая и подъ впечатлѣніемъ этого настроенія написалъ, какъ говорятъ, въ присутствіи государя въ его кабинетѣ импровизацію, которая могла быть названа: «Петръ Великій и Николай I-й», но вошла въ сочиненія Пушкина подъ заглавіемъ: «Стансы», которые явились такимъ образомъ поэтическимъ комментариемъ этого достопамятнаго свиданія ²³.

Изъ разговора императора Николая съ Пушкинымъ мы уже видѣли, что государь принялъ на себя обязанности цензора поэта, прославившаго наступившее новое царствованіе, на которое возлагали тогда великія надежды многіе изъ писателей и ученыхъ, потерпѣвшихъ въ концѣ правленія Александра Павловича за свободу мысли и слова. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ не замедлилъ сообщить Пушкину, 30-го сентября 1826 года, высочайшую волю: «Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ; на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ и цензоромъ».

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА И ВЕЛИКІЯ КНЯЖНЫ ОЛЬГА, МАРІЯ
И АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНЫ.
Оъ гравюры того времени.

Пушкинъ по этому случаю съ восторгомъ увѣдомилъ Н. М. Языкова, 9-го ноября 1826 года: «Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ — мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная».

Обращаясь къ «друзьямъ», поэтъ писалъ:

Въ изгнаньѣ жизнь моя текла,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Простеръ, — и съ вами снова я
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою.

Столь радостное настроеніе поэта не могло, однако, долго продлиться; вскорѣ возникли недоразумѣнія, и наступило нѣкоторое разочарованіе. По словамъ Сухомлинова, Пушкинъ не могъ непосредственно обращаться къ своему высокому критику и цензору: «Неизбѣжнымъ посредникомъ оставался постоянно генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, шефъ жандармовъ и главный начальникъ грознаго нѣкогда Третьяго Отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, по отзыву его современниковъ, былъ человѣкъ добрый, но совершенно равнодушный къ просвѣщенію и не питавшій ни малѣйшаго сочувствія къ литературѣ. При кажущейся мягкости пріемовъ онъ относился въ сущности весьма жестко и недоброжелательно къ литературному міру, не щадя и цензурнаго вѣдомства. Истинный представитель «желѣзнаго вѣка», по выраженію Пушкина, полагавшій, что усердіе и безусловная покорность несравненно выше всѣхъ добродѣтелей и талантовъ, Бенкендорфъ питалъ инстинктивное отвращеніе ко всякаго рода свободѣ, и всего пуще — къ свободѣ мысли и слова. Легко представить себѣ, какія отношенія образовались между человѣкомъ такого склада понятій и поэтомъ, который «свободу смѣлую избралъ себѣ въ законъ» и славу свою полагалъ въ томъ, что и «въ жестокий вѣкъ возславилъ онъ свободу». Бенкендорфъ увѣрялъ Пушкина, что относится къ нему по-отечески, будучи приставленъ къ нему для того, чтобы руководить его своими совѣтами, не какъ шефъ жандармовъ, а какъ лицо, облеченное особымъ довѣріемъ государя. Но Пушкинъ никакъ не могъ приучить себя къ сыновней почтительности, да и переписка съ Бенкендорфомъ, надо правду сказать, была плохою школою въ этомъ отношеніи»²⁴.

А. О. Смирнова остроумно замѣчаетъ о Бенкендорфѣ въ своихъ запискахъ²⁵: «Мнѣ кажется, что ему хотѣлось бы совсѣмъ упразднить русскую литературу, онъ считаетъ себя *sehr gebildet*. (*Je crois qu'il voudrait supprimer la littérature russe et il se croit sehr gebildet*)».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

30-го сентября 1826 года, Бенкендорфъ писалъ Пушкину: «Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, предавъ вмѣстѣ и безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ; вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія. И предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія».

Пушкинъ не отвѣчалъ на это письмо, но послѣ вторичнаго напоминанія взялся за перо и представилъ записку подъ заглавіемъ: «О народномъ воспитаніи».

«При оцѣнкѣ этого труда, или, точнѣе, этихъ набросковъ,—пишетъ Сухомлиновъ,—не слѣдуетъ забывать, что авторъ взялся за перо не по собственной волѣ, а по приказу, и самъ исполнѣ сознавалъ свою неподготовленность къ рѣшенію предложенной ему задачи. Несмотря на то, что ему прямо указано было, въ какомъ духѣ и направленіи должно писать, Пушкинъ умѣлъ сохранить свою самостоятельность и написалъ въ сущности совсѣмъ не то, что требовалось, и чего ожидали. Основная мысль Пушкина заключается въ томъ, что просвѣщеніе можетъ удалить поводы къ общественнымъ волненіямъ и смутамъ. Съ развитіемъ просвѣщенія поднимается и нравственный уровень общества: просвѣщеніе дѣйствуетъ благотворно не только на умы, но и на нравы людей. Чѣмъ менѣе путей открыто для просвѣщенія, чѣмъ менѣе свободы предоставлено литературѣ, тѣмъ труднѣе достигается благая цѣль. Упоминая о политическихъ заговорахъ и тайныхъ обществахъ, Пушкинъ указываетъ на то обстоятельство, что «рукописные пасквили на правительство» и другія возмутительныя вещи размножились именно тогда, когда литература была подавлена самою своею ценою цензурою».

Въ письмѣ отъ 23-го декабря 1826 года, Бенкендорфъ сообщилъ Пушкину, что государь прочелъ съ удовольствіемъ его записку, но прибавилъ: «Нравственность, прилежное служеніе, усердіе, предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ».

Въ отвѣтъ на полученное внушеніе, что усердіе важнѣе просвѣщенія, Пушкинъ послалъ Бенкендорфу стихотвореніе, въ которомъ говоритъ, что только рабъ или льстецъ можетъ внушать государю, что «просвѣщенія плодъ — развратъ и нѣкій духъ мятежный»; подобные наветы на просвѣщеніе лишь «горе на царя накличутъ».

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Практическимъ плодомъ сношеній Пушкина съ шефомъ жандармовъ явилось наконецъ высочайшее разрѣшеніе, сообщенное поэту 28-го апрѣля 1840 года, напечатать трагедію «Борисъ Годуновъ» подъ отвѣтственностью автора (*sous votre propre responsabilité*). По напечатаніи драмы Пушкинъ получилъ 9-го января 1831 года увѣдомленіе отъ Бенкен-

Великій князь Константинъ Павловичъ.

(Съ гравированнаго портрета Кардсели).

дорфа, что государь прочелъ сочиненіе «Борисъ Годуновъ» съ особымъ удовольствіемъ.

Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу письмомъ отъ 18-го января 1831 года: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ государя императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе, «Борисъ Годуновъ» обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе»²⁶.

Въ Москвѣ въ 1826 году рѣшилась судьба другого русскаго поэта Полежаева, но въ менѣе благопріятномъ смыслѣ.

Полежаевъ былъ тогда студентомъ Московскаго университета и обратилъ на себя вниманіе полиціи поэмой «Сашка», списки которой ходили по рукамъ. Авторъ былъ привезенъ во дворецъ, по требованію императора, который приказалъ ему прочесть поэму въ своемъ присутствіи и министра народнаго просвѣщенія; государь хотѣлъ показать Шишкову образчикъ университетскаго воспитанія, и чему учатся молодые люди.

— «Что скажете?»—спросилъ Николай Павловичъ по окончаніи чтенія.—Я положу предѣлъ этому разврату, это все еще слѣды.... послѣдніе остатки.... Я ихъ искореню!»

Полежаеву государь сказалъ: «Я тебѣ даю военной службой средство очиститься. Отъ тебя зависитъ твоя судьба»,—и, поцѣловавъ его въ лобъ, отпустилъ²⁷.

4-го августа 1826 года, юный поэтъ уже былъ зачисленъ унтеръ-офицеромъ въ Бутырскій пѣхотный полкъ.

IV.

Въ то время, когда Москва готовилась къ коронаціоннымъ торжествамъ, императоръ Николай озабоченъ былъ новыми и совсѣмъ для него неожиданными происшествіями, случившимися на отдаленныхъ окраинахъ имперіи; получены были извѣстія о вторженіи персіянъ въ наши предѣлы. «*Cette malheureuse affaire m'est insupportable, comme un pénible hors d'oeuvre*»,—писалъ государь къ цесаревичу²⁸. По мѣрѣ полученія тревожныхъ донесеній изъ Тифлиса, неудовольствіе и недовѣріе государя противъ Ермолова возрастали, можно сказать, съ каждымъ днемъ и часомъ.

Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что нерасположеніе императора Николая къ Ермолову началось уже прежде. Ранѣе было упомянуто, что еще въ день своего воцаренія, 12-го (24-го) декабря 1826 года, Николай Павловичъ писалъ генераль-адъютанту, барону Дибичу, что не будетъ спокоенъ, пока не получитъ присяги Ермолова и кавказскихъ войскъ, присовокупивъ роковыя для Алексѣя Петровича слова: «я виноватъ, ему менѣе всѣхъ вѣрю». Вообще въ Петербургѣ были недовольны Ермоловымъ. «Въ военномъ кругу говорили, что онъ выпустилъ войска, что въ нихъ нѣтъ порядка, знанія службы, выправки, нѣтъ даже дисциплины, что и одѣты они не по формѣ и съ виду не походятъ на солдатъ. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ упрекали

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

его въ крайне жестокихъ мѣрахъ съ персіянами, а равно и съ владѣтелями покоренныхъ народовъ. Приписывали ему планы, которыхъ онъ никогда не имѣлъ. Наконецъ, упрекали его въ томъ, что онъ не принялъ никакихъ мѣръ на границахъ, не успѣлъ соединить разбросанныхъ постовъ, не усилилъ гарнизоновъ въ пограничныхъ крѣпостцахъ»²⁹.

Маршалъ Мармонъ.

(Съ гравированнаго портрета Калена).

Замѣтимъ здѣсь еще, что вскорѣ послѣ междуцарствія распространились самые нелѣпые слухи относительно генерала Ермолова, что корпусъ его не присягалъ, какъ равно и вся Грузія; затѣмъ, что будто самъ Ермоловъ объявилъ себя независимымъ, что онъ якобы самовольно удержалъ у себя курьеровъ и фельдъегерей, присланныхъ изъ Петербурга, и что ни одинъ оттуда назадъ не возвращался.

Въ связи съ подобными нелѣпостями рассказывали также, какъ повѣствуютъ секретныя донесенія того времени, будто бы государь послѣ происшествія 14-го декабря просилъ прусскаго короля послать

ГЛАВА ПЕРВАЯ

къ нему свою армию для усмиренія возмущившихся его войскъ: «посему король посылаетъ въ Россію пятидесяти-тысячный корпусъ прусскихъ войскъ, но идутъ ли сіи войска или нѣтъ, о томъ ничего не слышно».

Наконецъ, дошло до того, что даже барону Дибичу пришлось защищать Ермолова отъ взводимыхъ на него напрасныхъ подозрѣній и 22-го декабря писать изъ Таганрога: «Насчетъ кавказскаго корпуса я долженъ сказать, что по всѣмъ свѣдѣніямъ, кои доходили къ намъ до сего времени, я не могу предполагать отъ командира онаго и малѣйшаго отклоненія отъ пути закона и увѣренъ по извѣстной его способности, что также и не допустить зломыслящихъ до какого либо предпріятія. Изъ словеснаго объясненія графа Витта знаю я, что зломыслиціе, выхваляя прежде генерала Ермолова при всякомъ случаѣ, весьма охладѣли насчетъ его въ послѣдніе года, что по нѣкоторымъ вѣроятностямъ даетъ заключеніе, что они не нашли въ немъжелаемаго. Я посему опасаюсь, что посылка кого либо изъ флигель-адъютантовъ могла бы возродить подозрѣніе въ такомъ человѣкѣ, который дѣйствуетъ въ хорошемъ смыслѣ и по уму своему можетъ навѣрное проникнуть всякій предлогъ, и по извѣстному честолюбію его даже могла бы возродить въ немъ другія мысли».

Тѣмъ не менѣе, несмотря на защиту, оказанную Ермолову со стороны начальника главнаго штаба, извѣстныя впечатлѣнія вызваны были тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и ко всѣмъ дѣйствіямъ кавказскаго начальства начали относиться съ предвзятою критикою.

По мѣрѣ того, какъ запутывались дѣла въ Грузіи, императоръ Николай Павловичъ сталъ помышлять, если не о замѣнѣ Ермолова другимъ лицомъ, то, по крайней мѣрѣ, о необходимости имѣть теперь же на Кавказѣ человѣка, которому онъ могъ бы вполне довѣрять; его мысли остановились на своемъ бывшемъ отцѣ-командирѣ, генераль-адъютантѣ Паскевичѣ. «У меня не было людей преданныхъ»,— признавался въ 1851 году императоръ Николай Ивану Ѳедоровичу Паскевичу, тогда уже преобразившемуся въ фельдмаршала и князя Варшавскаго. «Дѣла на Востокѣ требовали назначенія туда человѣка твоего ума, твоихъ военныхъ способностей, твоей воли! Я остановился на тебѣ, само Провидѣніе мнѣ указало на тебя»³⁰.

— «Этого я уважаю, какъ только сынъ можетъ уважать отца»,— сказалъ императоръ Николай, въ началѣ 1831 года, де-Санглену, упоминая въ разговорѣ о Паскевичѣ.

Новое назначеніе, полученное генераль-адъютантомъ Паскевичемъ въ 1826 году, состоялось слѣдующимъ образомъ.

Въ числѣ лицъ, приглашенныхъ по случаю коронаціи въ Москву, находился также командиръ 1-го пѣхотнаго корпуса, генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ Паскевичъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«За нѣсколько дней до коронаціи получилъ я вечеромъ записку отъ генераль-адъютанта барона Дибича, — пишетъ Паскевичъ въ своихъ запискахъ. — Онъ увѣдомлялъ меня, что государь императоръ приказалъ мнѣ быть у него на другой день, и просилъ, если угодно, зайти предварительно къ нему. Не зная, зачѣмъ требовалъ меня государь, я иду къ Дибичу, который говоритъ мнѣ: «Государь получилъ отъ главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ, генерала Ермолова, донесеніе, что персіяне вторгнулись въ наши закавказскія провинціи, заняли Ленкорань и Карабагъ и идутъ далѣе съ 60.000 войскъ регулярныхъ и 60.000 нерегулярныхъ, имѣя около 80-ти запряженныхъ орудій, что у него нѣтъ достаточныхъ силъ противопоставить персіянамъ, и что онъ не ручается за сохраненіе края, если ему не приплюнуть въ подкрѣпленіе двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи. Государь желаетъ, — сказалъ мнѣ Дибичъ, — чтобы вы ѣхали на Кавказъ командовать войсками. Сила персіянь должна быть преувеличена, и его величество послѣ такого донесенія не вѣритъ Ермолову». При этомъ Дибичъ присовокупилъ, что и покойный императоръ Александръ Павловичъ былъ недоволенъ Ермоловымъ и хотѣлъ отозвать и назначить на его мѣсто Рудзевича, ибо поступки Ермолова самоуправные, войска же распущены, въ дурномъ состояніи, дисциплина потеряна, воровство необыкновенное, люди нѣсколько лѣтъ не удовлетворены и во всемъ нуждаются, матеріальная часть въ запущеніи и проч., что, наконецъ, онъ дѣйствительно не можетъ тамъ оставаться.

«Я отвѣчалъ Дибичу: какъ я поѣду на Кавказъ и что буду дѣлать, когда тамъ Ермоловъ? Въ чемъ могу помочь дурному положенію дѣлъ, если тамъ нѣтъ силъ? Да, зная тамошній климатъ по примѣру Молдавіи и Валахіи, гдѣ я былъ пять лѣтъ, думаю, что его не выдержу.

«Мы говорили съ Дибичемъ еще разъ, на другой день рано утромъ, до представленія моего государю. Я повторилъ ему, что, кромѣ болѣзни, я встрѣчу другія важнѣйшія затрудненія: я знаю Ермолова; онъ мнѣ не дастъ и роты въ команду. Дибичъ отвѣчалъ, что будетъ данъ приказъ о назначеніи моемъ командовать подъ начальствомъ Ермолова войсками въ Грузію; я прибавилъ: и на линіи, ибо, судя о положеніи дѣлъ по описанію Ермолова, весьма можетъ быть, что онъ очистилъ уже Грузію, и я найду его уже на линіи. вмѣстѣ съ тѣмъ я сказалъ, что если я поѣду, то необходимо, чтобы безъ меня не дѣлалось ни гражданскихъ распоряженій, ни дипломатическихъ. Дибичъ согласился и прибавилъ, что онъ не полагалъ, да и быть не можетъ иначе. Я повторилъ ему, что я не желалъ бы ѣхать, ибо всѣ эти затрудненія слишкомъ велики, и наконецъ спросилъ: что мнѣ дѣлать, если я найду всѣ имъ мнѣ разсказанные громадныя безпорядки? Дибичъ отвѣчалъ, что не знаетъ и спросить приказанія государя. Впрочемъ вы сами его увидите, — прибавилъ Дибичъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Являюсь къ государю. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, наединѣ.

«—Я знаю,—говоритъ мнѣ его величество,—что ты не хочешь ѣхать на Кавказъ; мнѣ Дибичъ все разсказалъ. Но я тебя прошу, сдѣлай это для меня.

«Когда повторилъ я тѣ причины, о которыхъ сказалъ Дибичу, и добавилъ къ тому, что я буду въ подчиненіи у Ермолова и потому никакого распоряженія сдѣлать и отвѣчать за исполненіе его не могу, тогда государь началъ говорить такъ:

«— Неужели я такъ несчастливъ, что едва я только коронуюсь, и даже персіяне уже взяли нѣсколько нашихъ провинцій; неужели въ Россіи нѣтъ людей, которые бы могли сохранить ея достоинство? Я тебя прошу, поѣзжай, для меня и для Россіи. Видишь ли ты, — около меня 40 генераловъ, и покажи мнѣ хоть одного, которому я могъ бы довѣрить это порученіе, на кого бы я могъ вполне положиться. Я знаю, ты любишь моего брата, тѣнь его между нами; и онъ проситъ тебя ѣхать. Ты говоришь о затрудненіяхъ отъ Ермолова; все это правда, но я посылаю ему указы, чтобы онъ ничего безъ совѣщанія съ тобою не предпринималъ, никакихъ распоряженій военныхъ и по гражданской части не дѣлалъ, а тебѣ дамъ особый указъ о смѣнѣ его въ случаѣ безпорядковъ, или если бы онъ умышленно сталъ противодѣйствовать и не исполнять моихъ указовъ о томъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ тобою.

«Указъ этотъ его величество написалъ собственноручно и самъ мнѣ отдалъ.

«Такимъ убѣжденіямъ не могъ я противиться и принялъ предложеніе. Дибичъ, какъ казалось, радовался, что Ермолову показано недоувѣріе, и при этомъ случаѣ много еще говорилъ мнѣ о его дѣйствіяхъ, разумѣется, дурныхъ» ³¹.

Въ рескриптѣ на имя генерала Ермолова отъ 11-го (23-го) августа сказано было:

«Для подробнѣйшаго изъясненія вамъ намѣреній моихъ посылаю къ вамъ генералъ-адъютанта моего Паскевича, коему сообщивъ оныя во всей подробности, увѣренъ, что вы употребите съ удовольствіемъ сего храбраго генерала, лично вамъ извѣстнаго, для приведенія оныхъ въ дѣйствіе, препоручая ему командованіе войскъ подъ главнымъ начальствомъ вашимъ».

Затѣмъ, въ томъ же рескриптѣ государь объявлялъ Ермолову, что «твердое мое есть намѣреніе наказать персіянъ въ собственной ихъ землѣ за наглое нарушеніе мира», для чего повелѣно было 20-й пѣхотной дивизіи итти на усиленіе кавказскихъ войскъ.

Въ другомъ рескриптѣ, помѣченномъ днемъ раньше (10-го августа 1826 года), императоръ Николай отзывается о Паскевичѣ, какъ о своемъ бывшемъ начальникѣ, который пользуется «всею моею довѣренно-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

стію», и по поводу приѣзда его въ Тифлисъ высказываетъ Ермолову тѣ же мысли, какъ и въ рескриптѣ отъ 11-го августа. «Онъ лично можетъ вамъ объяснить все,—пишетъ государь,—что по краткости времени и по безызвѣстности не могу я вамъ письменно приказать. Назначивъ его командующимъ подъ вами войсками, далъ я вамъ отличнѣйшаго

Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде.
(Съ гравированнаго портрета Гоффмейстера).

сотрудника, который выполнить всегда всѣ ему дѣлаемыя порученія съ должнымъ усердіемъ и понятливостію. Я желаю, чтобы онъ, съ вашего разрѣшенія, сообщалъ мнѣ все, что отъ васъ поручено будетъ давать знать, что и прошу дѣлать, какъ найчаще. Засимъ прощайте, Богъ съ вами! Ожидаю съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій и, съ помощію Божіею, успѣховъ» ³².

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Распоряженія, указанныя въ приведенныхъ здѣсь рескриптахъ, создавали на Кавказѣ исполнѣ неестественное положеніе. Паскевичу предстояло наказать персіянъ въ собственной ихъ землѣ за наглое нарушеніе мира, а Ермолову оставалось только охранять Кавказъ отъ внутреннихъ безпорядковъ и снабжать Паскевича для веденія войны находящимися въ его распоряженіи средствами. Трудно уяснить себѣ, почему императоръ Николай остановился на полумѣрѣ и не предпочелъ сразу замѣнить Ермолова своимъ довѣреннымъ отцомъ-командиромъ, видимо, предпочитая дѣйствовать какъ бы окольнымъ путемъ.

Біографъ князя Варшавскаго по этому поводу пишетъ: «Паскевичъ безъ опредѣленной власти, какъ подчиненный Ермолова, долженъ былъ въ порядкѣ службы исполнять его приказанія, а Ермоловъ обязанъ былъ получать отъ Паскевича «изъясненіе высочайшихъ намѣреній и повелѣній». Но такъ какъ государь поручалъ Паскевичу «наказаніе персіянъ», а въ этомъ отношеніи приказанія Ермолова могли не согласоваться ни съ высочайшими намѣреніями, ни съ возложенною лично на Паскевича отвѣтственностью, то «главное начальство» Ермолова въ дѣйствительности могло послужить только поводомъ къ постояннымъ между ними столкновеніямъ. Государь въ данномъ случаѣ такъ очевидно отступалъ отъ обязательныхъ отношеній подчиненнаго къ начальнику, такъ явно нарушалъ всегда имъ же тщательно охраняемый законный порядокъ службы, что нельзя было не предположить здѣсь впередъ обдуманнаго плана и подготовленнаго исхода созданной его волею неестественности въ порядкѣ служебной подчиненности... Въ крайнемъ случаѣ Паскевичъ могъ предъявить данный ему государемъ указъ о смѣнѣ Ермолова, но предъявить этотъ указъ ему было дозволено только при очевидномъ намѣреніи Ермолова не исполнять высочайшихъ повелѣній... Можетъ быть, извѣстная пылкость нрава Паскевича давала нѣкоторый поводъ предположить, что, увлекаясь минутнымъ раздраженіемъ, онъ предъявитъ указъ о смѣнѣ Ермолова, не имѣя на то исполнѣ и опредѣлительно выясненныхъ основаній»³³.

Но Паскевичъ не рѣшился воспользоваться даннымъ ему полномочіемъ и, по прибытіи 29-го августа въ Тифлисъ, добровольно сталъ въ положеніе подчиненнаго. Что же касается Ермолова, то непрошенный новый подчиненный, генералъ-адъютантъ Паскевичъ, долженъ былъ произвести на Алексѣя Петровича крайне тяжелое и непріятное впечатлѣніе; въ его глазахъ Паскевичъ являлся живымъ выраженіемъ недовѣрія государя. Поэтому неудивительно, что во время первыхъ же разговоровъ Ермоловъ, не скрывая чувства оскорбленнаго самолюбія, замѣтилъ Паскевичу, «что лучше у него совершенно взять команду, нежели быть въ такомъ положеніи».

Во всякомъ случаѣ задача, которую предстояло рѣшить Паскевичу, была не легкая; онъ долженъ былъ одновременно воевать съ персіянами и съ проконсуломъ въ Грузіи, какъ называлъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ Ермолова³⁴.

Рѣшеніе первой задачи оказалось легче второй. 13-го (25-го) сентября 1826 года, Паскевичъ одержалъ подъ Елисаветполемъ побѣду надъ персидскими войсками, предводительствуемыми Аббасъ-Мирзою. Осада же Ермолова продолжалась шесть съ половиною мѣсяцевъ, когда наконецъ, указомъ 12-го (24-го) марта 1827 года, Паскевичъ окончательно водворенъ былъ на мѣсто опальнаго проконсула.

Извѣстіе объ Елисаветпольской побѣдѣ императоръ Николай получилъ еще во время пребыванія въ Москвѣ; это была первая побѣда, ознаменовавшая новое царствованіе. Обрадованный успѣхомъ, одержаннымъ надъ вѣроломнымъ врагомъ, государь наградилъ Паскевича шпагой, украшенной алмазами, съ надписью: «За пораженіе персіянъ при Елисаветполѣ».

Сверхъ офіціального рескрипта, императоръ Николай написалъ еще побѣдителю, 28-го сентября, изъ Москвы частное и дружеское письмо, написанное подъ первымъ впечатлѣніемъ полученныхъ донесеній, которое приведемъ здѣсь дословно, какъ документъ, служащій отправной точкой тѣхъ исключительныхъ отношеній, которыя установились съ этого времени между государемъ и его отцомъ-командиромъ, въ продолженіе послѣдующихъ затѣмъ двадцати девяти лѣтъ.

«Получивъ отъ васъ извѣстіе объ одержанной вами побѣдѣ, первой въ мое царствованіе, и пріемля оную, какъ знакъ видимой благодати Божіей на насъ, мнѣ душевно пріятно, любезный мой Иванъ Ѳеодоровичъ, старый мой командиръ, что предсказаніе мое при прощаніи сбылось; не менѣе того, я увѣренъ, что если бы не ваши стараніе и умѣніе, такихъ послѣдствій не было бъ, и, зная это, послалъ я васъ. Теперь надо не довольствоваться симъ добрымъ началомъ; когда можно, и первыя подкрѣпленія подоспѣютъ, итти должно, *pour rendre la visite*; свѣдѣнія, которыя князь Меншиковъ доставилъ намъ объ Эривани, доказываютъ, что надо ожидать въ Эривани главнаго сопротивленія, и что безъ осады не обойдется, потому должно къ тому приготовиться; я писалъ къ генералу Ермолову, что я считаю возможнымъ взять крѣпостныя орудія изъ ближнихъ крѣпостей; минеръ я высылаю нѣкоторое число отсюда; но все сіе требуетъ время. Рѣшить должно, можно ли войти въ Персію и, дойдя до Аракса, блокировать Эриванъ до прибытія осадныхъ принадлежностей; во всякомъ случаѣ, желательно не давать персіянамъ опомниться; стало, чѣмъ скорѣе появимся мы у нихъ, тѣмъ считаю лучше.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Я жду списки отъ васъ представляемыхъ къ наградамъ; невольно вспоминаю Вильну, и какъ мы оба, лежа на брюхѣ на столахъ, воевали, спорили до слезъ! Вотъ судьба!

«Прощайте, любезный Иванъ Ѳедоровичъ; моя благодарность и дружба вамъ навсегда принадлежатъ.

«Искренно вамъ доброжелательный

«Николай»³⁵.

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько строкъ изъ записокъ одного изъ самыхъ ярыхъ противниковъ Ермолова: генераль-адъютанта А. Х. Бенкендорфа; по этому отзыву можно судить о томъ, какимъ образомъ въ то время въ извѣстныхъ сферахъ разсуждали о проконсулѣ въ Грузіи.

«Генераль Ермоловъ, десять лѣтъ начальствовавшій Кавказомъ, — пишетъ Бенкендорфъ, — давно предсказывавшій войну съ Персіей, снабженный постепенно по его требованіямъ всѣми средствами къ защитѣ края, наконецъ имѣвшій въ своемъ распоряженіи вдвое болѣе войскъ, чѣмъ его предѣстникъ, — генераль Ермоловъ, несмотря на все это, былъ застигнутъ врасплохъ. Крѣпости нуждались и въ жизненныхъ и въ боевыхъ припасахъ; начальникамъ не были даны инструкціи и не были назначены сборные пункты; словомъ онъ десять лѣтъ управлялъ краемъ со всѣмъ самовластіемъ и непредусмотрительностію турецкаго пашы! Въ его донесеніи государю о вѣроломномъ вторженіи персіянъ явно отозвались нерѣшительность и малодушіе, и онъ до того растерялся, что предсказывалъ даже могущую открыться необходимость очистить Грузію и столицу ея, Тифлисъ, уступить персіянамъ. Въ то же время онъ просилъ прислать генерала, которому могъ бы поручить начальствованіе частію войскъ, считая себя слишкомъ занятымъ, чтобы лично распоряжаться военными дѣйствіями, и представляя положеніе края уже почти въ совершенно отчаянномъ видѣ. Между тѣмъ этотъ же Ермоловъ, котораго репутація была плодомъ частію собственной его хвастливости, постоянно критиковалъ образъ дѣйствія своихъ предшественниковъ, общалъ золотыя горы и, вмѣсто того, возстановилъ только противъ насъ всѣ сосѣдственныя племена строгостію и заносчивостію, прямо противоположными наказамъ, которыми всегда руководствовались въ сношеніяхъ съ ними наши главноуправляющіе въ этомъ краѣ».

Отзывы о Ермоловѣ, встрѣчающіеся въ перепискѣ А. Х. Бенкендорфа, отличаются еще большею рѣзкостью. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ графу М. С. Воронцову отъ 17-го января 1827 года Бенкендорфъ съ радостью восклицаетъ: «Вотъ онъ, этотъ великій патріотъ, который

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
(Съ портрета, писаннаго Кипренскимъ).

находилъ, что Барклай, Витгенштейнъ и всѣ тѣ, которые не носили московскаго имени, — недостойны чести называться русскими, теперь онъ является въ своемъ настоящемъ значеніи»³⁶.

Въ этихъ немногихъ словахъ обнаруживается истинная подкладка всѣхъ нападокъ на Ермолова; исходную точку враждебнаго противъ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

него настроенія слѣдуетъ искать въ событіяхъ 1812 года и въ послѣдующихъ затѣмъ походахъ. Въ этомъ случаѣ представляется одинъ возможный выводъ: извѣстная партія никогда не могла простить Ермолову все, что онъ говорилъ, писалъ и творилъ въ эту достопамятную эпоху. Счеты были сведены въ 1826 году.

V.

Императоръ Николай возвратился изъ Москвы въ Царское Село 5-го (17-го) октября, а на другой день 6-го (18-го) октября прибылъ въ Петербургъ. Городъ былъ иллюминированъ три дня сряду.

Еще будучи въ Москвѣ, государь, ожидая со дня на день окончанія переговоровъ съ турками въ Аккерманѣ и заключенія конвенціи, писалъ цесаревичу 27-го сентября: «Dieu veuille qu'elle nous épargne la guerre qui serait un vrai fléau». Надежды, высказанныя Николаемъ Павловичемъ, сбылись. Проѣздомъ черезъ Тверь, 1-го (13-го) октября, государь получилъ радостное извѣстіе объ успѣшномъ окончаніи переговоровъ; турецкіе уполномоченные приняли и 25-го сентября (7-го октября) 1826 года подписали проектъ конвенціи, предъявленный Россією.

Порта обязалась: подтвердить во всей силѣ Букарестскій трактатъ; принять разграничительную линію на Дунаѣ; оставить за нами спорныя мѣстности на восточномъ берегу Чернаго моря; удовлетворить искъ русскихъ подданныхъ и обезпечить наши торговые интересы на Востокѣ. Къ конвенціи присоединены были два отдѣльные постановленія о княжествахъ Молдавіи и Валахіи, и относительно Сербіи.

Аккерманская конвенція должна была положить конецъ нашимъ пререканіямъ съ Оттоманской Портой, не прекращавшимся съ самаго Букарестскаго мира; но хотя временно война Россіи съ Турціей была отклонена, однако уступчивость Порты, вызванная бунтомъ янычаръ и греческимъ возстаніемъ, не предвѣщала въ будущемъ продолжительнаго сохраненія мира на Востокѣ. Къ тому же заключеніе Аккерманской конвенціи возбудило неудовольствіе Австріи. Гентцъ нашелъ даже, что ничего не бывало болѣе насильственнаго и вѣроломнаго даже въ дипломатическихъ актахъ Наполеона и его достойныхъ сподвижниковъ! Совѣты же австрійскихъ дипломатовъ, конечно, не остались безъ вліянія на послѣдующій образъ дѣйствій Оттоманской Порты по отношенію къ Россіи.

По свидѣтельству одного изъ декабристовъ, въ донесеніи слѣдственной комиссіи не выставлено было ни одно обстоятельство, ни одно дѣйствіе подсудимыхъ, которое бы могло возбудить участіе и сочувствіе къ нимъ соотечественниковъ. Сколько было показаній многихъ изъ нихъ,

въ которыхъ представлено въ истинномъ видѣ тогдашнее состояніе Россіи! Сколько сдѣлано было вѣрныхъ изображеній хаотическаго безпорядка и въ законодательствѣ, и въ администраціи! Сколько высказано было уроковъ для уврачеванія тяжкихъ язвъ, снѣдавшихъ Россію, — уничтоженіемъ крѣпостного рабства цѣлой трети ея народонаселенія, виновныхъ откуповъ. Всѣ эти горькія истины и многія другія откровенно и добросовѣстно высказаны были подсудимыми. Долгое время думали, что императоръ Николай не обратилъ на эти заявленія никакого вниманія; однако же оказывается, что строгіе критики ошиблись въ своихъ заключеніяхъ. Всѣ заявленія подсудимыхъ въ упомянутомъ смыслѣ не прошли безслѣдно.

По возвращеніи въ Петербургъ послѣ коронаціи, императоръ Николай повелѣлъ передать Боровкову мнѣнія, высказанныя декабристами по поводу внутренняго состоянія государства въ царствованіе императора Александра, съ тѣмъ, чтобы составить изъ нихъ особую записку. Бывшій правитель дѣлъ комитета приступилъ къ этой работѣ и составилъ сводъ мнѣній въ систематическомъ порядкѣ, откинувъ только, какъ онъ пишетъ, повторенія и пустословіе; «но мысли даже въ способѣ изложенія оставилъ я по возможности безъ перемѣны. Сводъ главнѣйше извлеченъ изъ отвѣтовъ Батенкова, Штейнгеля, Александра Бестужева и Переца». Записка Боровкова была представлена императору Николаю 6-го (18-го) февраля 1827 года³⁷. Государь, оставивъ у себя записку, передалъ одну копію цесаревичу Константину Павловичу, а другую графу Кочубею.

«Государь, — сказалъ графъ Кочубей Боровкову, — часто просматриваетъ вашъ любопытный сводъ и черпаетъ изъ него много дѣльнаго; да и я часто къ нему прибѣгаю. Вы хорошо и ясно изложили разсѣяныя идеи, кажется, добавили и своихъ свѣдѣній». «Мнѣ пріятно было, — пишетъ Боровковъ въ своихъ запискахъ, — слышать лестный отзывъ умнаго государственнаго мужа о моей работѣ, но еще пріятнѣе было видѣть проявленіе ея въ разныхъ постановленіяхъ и улучшеніяхъ, выходящихъ съ того времени».

Приведемъ здѣсь изъ этой записки заключительныя слова ея:

«Кратко изображенное внутреннее состояніе государства показываетъ, сколь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ воспріять скипетръ нынѣ царствующій императоръ, и сколь великія трудности подлежатъ къ преодолѣнію. Надобно даровать ясныя положительные законы, водворить правосудіе учрежденіемъ кратчайшаго судопроизводства, возвысить нравственное образованіе духовенства, подкрѣпить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами въ кредитныхъ учрежденіяхъ, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію, улуч-

ГЛАВА ПЕРВАЯ

шить положеніе земледѣльцевъ, уничтожить унизительную продажу людей, воскресить флотъ, поощрить частныхъ людей къ мореплаванію, словомъ — исправить неисчислимые безпорядки и злоупотребленія».

Еще въ исходѣ 1826 года престарѣлый князь Лопухинъ обратился къ императору Николаю съ просьбою объ увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ. Во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 2-го ноября онъ писалъ:

«Въ службу вступилъ я въ царствованіе блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны 1760 года, марта 5-го дня, и прослужилъ оную какъ въ военномъ, такъ и гражданскомъ званіи со всѣмъ усердіемъ вѣрноподданнаго. Усилившаяся глухота, слабость зрѣнія, преклонность лѣтъ моихъ и разстроенное здоровье дѣлаютъ меня нынѣ совершенно неспособнымъ къ службѣ и лишаютъ возможности продолжать оную съ желаемымъ усердіемъ. Почему, припадая къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить о всемилостивѣйшемъ увольненіи меня отъ всѣхъ дѣлъ, дабы я могъ остатокъ дней моихъ провести въ тишинѣ и спокойствіи, моля Всевышняго о ниспосланіи вамъ, всемилостивѣйшій государь, и всей императорской фамиліи, долголѣтняго здравія и благоденствія»³⁸.

Желаніе князя Лопухина не было, однако, уважено; онъ продолжалъ занимать должность предсѣдателя государственнаго совѣта до своей кончины, послѣдовавшей 6-го апрѣля 1827 года. Его мѣсто занялъ 29-го апрѣля графъ В. П. Кочубей, назначенный вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ комитета министровъ.

Вскорѣ послѣ этого назначенія графу Кочубею пришлось принять участіе въ рѣшеніи весьма важнаго вопроса, возбужденнаго генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ. Императоръ Николай пожелалъ, «дабы государственный совѣтъ постановилъ законъ, чтобъ крѣпостныя дѣти отнюдь не были отдаваемы для воспитанія въ такія учебныя заведенія, въ коихъ они могли получить образованіе, превышающее состояніе ихъ, и чтобъ были обучаемы въ приходскихъ училищахъ»³⁹. Когда высочайшая воля была сообщена на заключеніе графу Кочубею (10-го іюля 1827 года), то онъ, исполнивъ сочувствуя предложенной мѣрѣ, высказалъ, однако, мнѣніе, что она можетъ быть приведена въ дѣйствіе безъ всякаго участія государственнаго совѣта, простымъ рескриптомъ на имя министра народнаго просвѣщенія.

«Я смѣю думать, — писалъ графъ Кочубей, — что таковое распоряженіе и потому было бы удобнѣе, что оно произвело бы менѣе огласки. Законъ, совѣтомъ изданный, сдѣлался бы всей Европѣ извѣстнымъ, произошли бы разные толки и проч., и хотя мы находимся въ особомъ положеніи отъ другихъ европейскихъ державъ по внутреннимъ нашимъ установленіямъ, однако жъ не можно презирать мнѣніемъ оныхъ, ни

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ.

Съ портрета, писаннаго Доу и принадлежащаго Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Михайловичу.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

мнѣніемъ внутри самого государства; наипаче должно стараться основать оное, сколько можно лучше, при началѣ царствованія, большія надежды въ подданныхъ породившаго» ⁴⁰.

Мнѣніе графа Кочубея было принято императоромъ Николаемъ ⁴¹, и затѣмъ Д. Н. Блудову повелѣно было изготавить проектъ указа на имя

Александръ Ивановичъ Полежаевъ.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Исторіи русской словесности“ Полевого).

министра народнаго просвѣщенія, адмирала Шишкова. Онъ удостоился высочайшаго одобренія 19-го августа 1827 года.

Приведемъ здѣсь содержаніе этого рескрипта, который служитъ характеристикой правительственныхъ воззрѣній, вступившихъ въ силу послѣ 14-го декабря 1825 года. Вотъ что возвѣщалъ рескриптъ:

«Александръ Семеновичъ. Вамъ извѣстно, что, почитая народное воспитаніе однимъ изъ главнѣйшихъ основаній благосостоянія державы, отъ Бога мнѣ врученной, я желаю, чтобъ для онаго были постановлены правила, вполне соответствующія истиннымъ потребностямъ и положенію государства. Для сего необходимо, чтобъ повсюду предметы ученія и

ГЛАВА ПЕРВАЯ

самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый вмѣстѣ съ здоровыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи, и, не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченію дѣлъ ему суждено оставаться. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ вашимъ занимающійся устройствомъ учебныхъ заведеній, призналъ сію необходимость, но въ настоящемъ порядкѣ многое противно предположенному имъ правилу ⁴². До свѣдѣнія моего дошло между прочимъ, что часто крѣпостные люди изъ дворовыхъ и поселянъ обучаются въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отъ сего происходитъ вредъ двоякій. Съ одной стороны, сіи молодые люди, получивъ первоначальное воспитаніе у помѣщиковъ или родителей нерадивыхъ, по большей части входятъ въ училища уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ, или чрезъ то препятствуютъ попечительнымъ отцамъ семействъ отдавать своихъ дѣтей въ сіи заведенія; съ другой же, отличнѣйшіе изъ нихъ, по прилежности и успѣхамъ, пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и отъ того они нерѣдко въ уныніи предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ. Дабы предупредить такія послѣдствія, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ, я нахожу нужнымъ нынѣ же повелѣть:

«1) чтобы въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, казенныхъ и частныхъ, находящихся въ вѣдомствѣ или подъ надзоромъ министерства народнаго просвѣщенія, а равно и въ гимназіяхъ и въ равныхъ съ оными по предметамъ преподаванія мѣстахъ, принимались въ классы и допускались къ слушанію лекцій только люди свободныхъ состояній, не исключая и вольноотпущенныхъ, кои представляютъ удостовѣрительные въ томъ виды, хотя бы они не были еще причислены ни къ купечеству, ни къ мѣщанству и не имѣли никакого иного званія;

«2) чтобы помѣщики крѣпостные поселяне и дворовые люди могли, какъ доселѣ, невозбранно обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и въ частныхъ заведеніяхъ, въ коихъ предметы ученія не выше тѣхъ, кои преподаются въ училищахъ уѣздныхъ;

и 3) чтобы они также были допускаемы въ заведенія особеннаго рода, кои учреждены, или впредь будутъ учреждаемы казною и частными людьми для обученія сельскому хозяйству, садоводству и вообще искусствамъ, нужнымъ для усовершенствованія или распространенія земледѣльческой, ремесленной и всякой иной промышленности, но чтобы и

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

въ сихъ заведеніяхъ тѣ науки, которыя не служатъ основаніемъ или пособіемъ для искусствъ и промысловъ, были преподаваемы въ такой же мѣрѣ, какъ въ уѣздныхъ училищахъ.

«Постановляя сіи правила и поручая вамъ привести оныя въ дѣйство, я не сомнѣваюсь, что воля моя будетъ въ точности исполнена. Снабдивъ попечителей учебныхъ округовъ и прочія подчиненныя вамъ мѣста и лица надлежащими наставленіями, вы можете, когда нужно, объявлять о сихъ распоряженіяхъ и начальствамъ другихъ вѣдомствъ, распространяя отнынѣ надзоръ министерства, вамъ ввѣреннаго, на всѣ училища безъ исключенія, кромѣ военныхъ и духовныхъ; комитетъ устройства учебныхъ заведеній не оставитъ съ своей стороны заняться изысканіемъ средствъ, чтобы въ уѣздныя училища ввести курсъ ученія, достаточный для воспитанія людей нижнихъ состояній въ государствѣ, стараясь въ особенности обогащать ихъ тѣми свѣдѣніями, кои по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ могутъ быть имъ истинно полезны.

«Пребываю благосклонный къ вамъ».

Адмиралу Шишкову недолго пришлось слѣдить за исполненіемъ повелѣній приведеннаго здѣсь рескрипта. Преклонныя лѣта заслуженнаго государственнаго дѣятеля заставили его покинуть министерство, во главѣ котораго онъ находился съ 1824 года по волѣ императора Александра ⁴³. Но до своего удаленія онъ успѣлъ наградить русскую литературу новымъ тяжеловѣснымъ цензурнымъ уставомъ, или, какъ его называли, чугуннымъ, высочайше утвержденнымъ 10-го іюня 1826 года. Онъ состоялъ изъ 230 параграфовъ и, по суровости своей, заставилъ не разъ вспоминать объ уставѣ, изданномъ въ 1804 году, въ лучшую пору царствованія императора Александра Павловича. Шишковскій уставъ существенно разнился отъ прежняго, допускавшаго руководствоваться «благоразумнымъ снисхожденіемъ» и «выгоднѣйшимъ» для сочинителя толкованіемъ, между тѣмъ какъ уставъ 1826 года допускалъ толкованіе сомнительныхъ и двусмысленныхъ мѣстъ въ худшую сторону. Цензоръ С. Н. Глинка говорилъ, что, руководствуясь уставомъ Шишкова, «можно и Отче нашъ истолковать якобинскимъ нарѣчіемъ».

При такомъ направленіи цензурнаго дѣла не легко было что либо печатать, а дѣятелямъ, подобнымъ извѣстному А. И. Красовскому, открывалось обширное поле дѣятельности. Къ прежнимъ цензурнымъ куріозамъ прибавилось несмѣтное число новыхъ, изъ которыхъ возможно набрать цѣлую книгу. Красовскій дошелъ до того, что по поводу одного слегка эротическаго стихотворенія Даля, не дозволеннаго цензурнымъ комитетомъ, прибавилъ съ своей стороны нравоучительное наставленіе: «особенно неприлично нынѣ, въ продолженіе великаго поста». Официаль-

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ная переписка того времени явственно обрисовываетъ положеніе, въ которое была поставлена цензура, — «положеніе чисто страдательное и почти зависящее отъ всѣхъ прочихъ вѣдомствъ»⁴⁴. Дѣло дошло до того, что въ сущности одна только чистая поэзія и беллетристика подлежали вѣдѣнію цензурныхъ комитетовъ, все же прочее требовало разрѣшенія того или другого вѣдомства. А впрочемъ случались и такіе эпизоды, что какое нибудь министерство вооружалось и противъ напечатанной повѣсти, если въ разсказѣ затронуто было въ неблагопріятномъ смыслѣ лицо, облеченное въ мундиръ извѣстнаго вѣдомства. Что же касается цензоровъ, то за провинности по должности для нихъ широко раскрывались двери гауптвахты, авторамъ же грозила иной разъ солдатская шинель.

Цензурныя строгости нѣсколько смягчились съ назначеніемъ въ 1828 году новаго министра народнаго просвѣщенія, генерала князя Карла Андреевича Ливена. Явился новый цензурный уставъ, утвержденный 22-го апрѣля 1828 года, облегчившій, хотя и въ слабой степени, драконовскія постановленія Шишкова. Въ новомъ уставѣ, между прочимъ, постановлено было, чтобы цензора принимали всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не позволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону. Но событія 1830 года скорѣе снова ухудшили положеніе печати, которая съ того времени постепенно все болѣе стѣснялась до 1855 года.

Обращая особенную заботливость на положеніе учебныхъ заведеній, усердно навѣщая ихъ, императоръ Николай не оставлялъ также безъ вниманія и другихъ правительственныхъ учрежденій.

10-го (22-го) августа 1827 года, Николай Павловичъ неожиданно посѣтилъ около десяти часовъ утра сенатъ. Государь вошелъ черезъ уголовный департаментъ, не заставъ тамъ никого, прошелъ во 2-й департаментъ, который также нашелъ пустымъ. Наконецъ, войдя въ 3-й департаментъ, онъ засталъ въ немъ сенатора П. Г. Дивова. «Его величество подаль мнѣ руку и пожалъ мою, — записалъ Дивовъ въ своемъ дневникѣ. — Я повелъ его изъ департамента въ департаментъ. Онъ сказалъ мнѣ сначала на ухо: «это кабакъ», затѣмъ повторилъ это слово очень громко. Я замѣтилъ, что хорошо только зало общаго собранія. — «Дѣйствительно оно красиво», — сказалъ государь, войдя въ это зало. Оттуда я повелъ его въ 1-й департаментъ, но государь туда не зашелъ. Уходя онъ поручилъ мнѣ передать моимъ сотоварищамъ сенаторамъ, что онъ былъ у нихъ съ визитомъ, но никого не засталъ».

Слѣдствіемъ этого посѣщенія былъ рескриптъ, послѣдовавшій на имя министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго, который сообщилъ сенаторамъ, что высочайше повелѣно имъ собираться безъ отговорокъ въ часы, указанные регламентомъ Петра Великаго; о тѣхъ же, кои сего не исполняютъ, узнавъ причину, доносить при ежедневныхъ табеляхъ.

Статсъ-секретарь Муравьевъ заступился за сенаторовъ; хотя, по его мнѣнію, посѣщеніе государя «сдѣлало полезную электризацію параличному», но во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 11-го августа Муравьевъ донесъ, что по регламенту присутствіе должны начинать въ кратчайшіе дни въ 6, а въ долгіе въ 8 часовъ утра и продолжать оное 5 часовъ времени, между тѣмъ «по силѣ рода нынѣшней общей жизни мало найдется людей довольно сильныхъ, чтобы быть въ состояніи долго перенести регламентомъ учрежденный порядокъ присутствованія». «Никто изъ государственныхъ людей, безъ крайней нужды, не выѣзжаетъ изъ дома ранѣе 9-ти или 10-ти часовъ утра». Поэтому,—заключаетъ Муравьевъ,—императоръ Александръ въ 1805 году постановилъ членамъ адмиралтействъ-коллегіи съѣзжаться въ присутствіе между 10 и 11 часовъ утра.

Вѣроятно, рѣшеніе императора Николая относительно сената видоизмѣнено было въ смыслѣ заявленія, сдѣланнаго Муравьевымъ.

Посѣщеніе государемъ городскихъ больницъ, Обуховской и Калининской, найденныхъ въ непростительномъ запущеніи, также сопровождалось соотвѣтственной «электризаціей».

8-го ноября 1826 года, великій князь Михаилъ Павловичъ назначенъ былъ въ день своего тезоименитства командующимъ гвардейскимъ корпусомъ на мѣсто генералъ-адъютанта Воинова, который, какъ сказано было въ высочайшемъ приказѣ, «увольняется въ отпускъ для излѣченія болѣзни на шесть мѣсяцевъ и назначается командиромъ 7-го пѣхотнаго корпуса»⁴⁵.

На первыхъ же порахъ императору Николаю пришлось сдерживать порывы вспыльчивости и горячности брата; строгость и мелочная требовательность великаго князя должны были неизбѣжно вызвать неудовольствіе среди подчиненныхъ ему чиновъ гвардіи. Добрый, рыцарски благородный, преисполненный отеческой заботливости къ ввѣреннымъ ему войскамъ вообще и корпусу гвардейскихъ офицеровъ въ особенности, великій князь, увлекаемый ревностью къ страстно любимой имъ фронтовой службѣ и горячностью своего темперамента, вдавался иногда въ чрезмѣрные вспышки неудовольствія.

Въ перепискѣ генералъ-адъютанта Бенкендорфа сохранились слѣды этихъ столкновеній и его личнаго вмѣшательства въ возникавшіе раздоры съ цѣлью умиротворенія. «Начиная съ нѣкотораго времени,—пишетъ шефъ жандармовъ,—жалобы на мелочную требовательность и строгость великаго князя Михаила возросли до такой степени, что это стало казаться тревожнымъ; графъ Кочубей, генералъ Васильчиковъ и наконецъ я говорили объ этомъ съ императоромъ, предварительно, однако, не условившись между собою, что доказало, что слухъ былъ повсемѣстный. Мы приказали переговорить съ великимъ княземъ; сцена должна была

ГЛАВА ПЕРВАЯ

быть преисполнена волненія и тягостна для меня и огорчительна для государя; въ результатѣ оказалось, что вотъ уже четыре дня, какъ его высочество сдѣлался неузнаваемымъ; онъ вѣжливъ, пріятливъ, однимъ словомъ, такой, какимъ бы долженъ быть постоянно, а я, быть можетъ, навсегда поссорился съ нимъ. Но лишь бы была польза, а я во всемъ утѣшусь, потому что моя единственная цѣль — благо, но трудно дѣйствовать; съ каждымъ днемъ гнѣвъ высшихъ чиновниковъ, а именно генералъ-губернаторовъ обѣихъ столицъ, растетъ противъ меня, по той причинѣ, что общественное мнѣніе высказывается за учрежденіе высшей охранительной полиціи и, осмѣлюсь сказать, за то, какъ я руковожу ею. Пока только окажется возможнымъ, я оберегу императора отъ какихъ бы то ни было непріятностей; я посѣдую отъ этого, но никогда не стану жаловаться; когда интриги превзойдутъ мѣры моего терпѣнія, я попрошу мѣсто моего брата во главѣ какой либо кавалерійской части, тамъ, по крайней мѣрѣ, когда гремятъ орудія, интрига остается позади фронта»⁴⁶.

Черезъ нѣсколько недѣль Бенкендорфъ могъ сообщить своему confidentу, что все идетъ хорошо; великій князь обходителенъ съ своими подчиненными, и остается желать, чтобы онъ заставилъ гвардію полюбить себя, что такъ легко для него; тогда, заключаетъ Бенкендорфъ, мы можемъ оставаться спокойными, прося лишь Бога о продленіи счастія, которымъ пользуемся. «Я одинъ лишь расплачиваюсь за все; но я готовъ помириться съ этимъ, лишь бы были довольны великимъ княземъ».

Но, къ сожалѣнію, подобное затишье продолжалось обыкновенно не долго, и жалобы возобновлялись попрежнему, такъ что однажды въ значительно позднѣйшее время императоръ Николай нашелся вынужденнымъ писать А. Х. Бенкендорфу: «Больно читать, ей-Богу, не знаю, чѣмъ помочь, ибо ни убѣжденія, ни приказанія, ни просьбы не помогаютъ, — что дѣлать?»

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая для Россіи наступила если не новая эра, то все-таки нѣкоторое обновленіе правительственной системы, господствовавшей въ послѣднее десятилѣтіе правленія Александра I. Для осуществленія этого обновленія нѣкоторые наиболѣе вредные для общественнаго благополучія люди должны были сойти съ занимаемаго ими поприща дѣятельности; къ такимъ лицамъ принадлежали графъ Аракчеевъ и Магницкій.

Послѣ отстраненія графа Аракчеева отъ завѣдыванія общими государственными дѣлами, 20-го декабря 1825 года, можно было быть увѣреннымъ, что онъ не останется надолго и во главѣ управленія военными поселеніями. Послѣ погребенія тѣла императора Александра наступило и это вождедѣнное событіе. Здоровье графа Аракчеева, послѣ потери своего отца и благодѣтеля, сильно пошатнулось; по его собственному признанію, онъ, «убитый старикъ», дошелъ до такого состоянія, что ни днемъ, ни ночью не имѣлъ покоя. Наконецъ, по совѣту пользовавшихся его врачей, онъ нашелъ себя вынужденнымъ просить объ увольненіи за границу для пользованія карлсбадскими водами.

Неумолимый противникъ графа Аракчеева, генераль-адъютантъ Закревскій, признававшій всегда грузинскаго отшельника самымъ вреднымъ человѣкомъ въ Россіи, относился скептически къ страданіямъ его и писалъ князю Волконскому ⁴⁷:

«О змѣѣ по слухамъ знаю, что онъ при началѣ весны намѣренъ ѣхать въ Карлсбадъ; но вѣрно не для того, чтобы отогрѣть свое ядовитое замерзшее жало, а чтобы скрыть себя отъ отечества, которое смотритъ теперь на него, какъ на чудовище. Но гдѣ онъ укроется отъ тер-

ГЛАВА ВТОРАЯ

занія своего сердца? II можетъ ли имѣть столько духу, чтобъ возвратиться скоро на зыблемое свое логовище».

Но болѣзнь существовала въ дѣйствительности и оказалась столь же неумолнимою, какъ и приговоръ современниковъ надъ дѣянiями бывшаго всемогущаго временщика.

9-го (21-го) апрѣля 1826 года, графъ Аракчеевъ обратился къ императору Николаю съ всеподданнѣйшимъ письмомъ, имѣющимъ первостепенное значенiе для характеристики безъ лести преданнаго графа и его дѣятельности по управленiю военными поселенiями. Приведемъ здѣсь полностiю этотъ замѣчательный историческiй документъ. Графъ Аракчеевъ пишетъ:

«Ваше императорское величество,
«всемилоствѣйшiй государь!

«Нѣсколько лѣтъ уже я страдаю болiю въ груди: общее несчастие — горестная кончина государя императора Александра Павловича, отца и благодѣтеля моего, довершило разстройство моего здоровья и довело наконецъ до такого состоянiя, что я ни днемъ ни ночью не имѣю покою. Я совѣтовался со многими врачами, но ни одинъ не могъ облегчить меня. Всѣ рѣшительно говорятъ, что мнѣ остается одно средство — испытать карлсбадскiя воды; я долженъ послѣдовать ихъ совѣту. Всемилоствѣйшiй государь! Я служу уже четвертому росciйскому государю, офицеромъ съ 1787 года, и во всѣ сiи тридцать девять лѣтъ въ первый разъ прошу у моего императора объ отпускѣ меня за границу. Я испрашиваю сего отпуска единственно для поправленiя моего здоровья. Ежели Всевышнiй благоволитъ ниспослать мнѣ облегченiе отъ болѣзни, то я могу продолжать мое служенiе вамъ, всемилоствѣйшiй государь, съ тѣмъ же чистымъ и прямымъ усердiемъ, которое руководило меня при жизни покойнаго государя, отца и благодѣтеля моего, ежели только служба моя угодна будетъ вашему императорскому величеству.

«Новое государственное учрежденiе военныхъ поселенiй, въ моемъ управленiи состоящее, съ Божiею помощiю и особымъ высочайшимъ въ Божѣ почивающаго государя императора, отца и благодѣтеля моего, Александра Павловича, попеченiемъ, получило уже твердое основанiе во всѣхъ частяхъ его устройства, такъ что теперь оно не требуетъ болѣе ничего, кромѣ охраненiя заведеннаго вездѣ порядка.

«Что касается до денежныхъ способовъ военныхъ поселенiй, то я оставляю наличныхъ денегъ болѣе тридцати двухъ миллiоновъ рублей. Кажется, могу я открыто и съ позволеннымъ вѣрному слугѣ своего государя христiанскимъ удовольствiемъ сказать, что сiя часть въ такомъ положенiи, какое, конечно, не всѣмъ другимъ извѣстно, и въ какомъ, можетъ быть, никто не воображаетъ себѣ военныхъ поселенiй; въ

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу).

дополненіе же онаго всеподданнѣйше доношу, что всѣ закономъ установленные отчеты по военнымъ поселеніямъ сданы уже государственному контролю по 1825 годъ, въ чемъ удостовѣряютъ полученныя отъ онаго квитанціи.

«Я осмѣливаюсь всеподданнѣйше поднести при семъ на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе особую записку о капиталахъ военныхъ поселеній⁴⁸.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Ежели мои труды и усердіе въ скопленіи и пріобрѣтеніи сихъ значительныхъ суммъ удостоятся обратить на себя хотя нѣсколько вниманія вашего императорскаго величества, то въ награду оныхъ я прошу оказать мнѣ двѣ монаршія милости: дозволить мнѣ подносимую записку напечатать въ «Инвалидѣ» къ общему свѣдѣнію и предоставить мнѣ пользоваться во время отпуска нынѣ получаемымъ мною содержаніемъ. Оно не огромно, всемплодивѣйшій государь, и менѣе получаемого не только моими сотоварищами, но даже и многими статсъ-секретарями.

«Не позволилъ бы я себѣ утруждать ваше императорское величество просьбою о послѣднемъ, ежели бы могъ безъ того обойтись въ приготовленіи себя къ отъѣзду и въ содержаніи себя за границу, но мои нужды доказываетъ продажа домовыхъ моихъ столовыхъ серебряныхъ вещей, что должно быть небезызвѣстно и вамъ, всемилостивѣйшій государь, по докладамъ вашего гофмаршала и управляющаго кабинетомъ. Письмо мое къ сему послѣднему я бы желалъ, дабы оно доведено было до высочайшаго свѣдѣнія.

«Но ежели я не пріобрѣлъ службою моего права и на сію милость вашего императорскаго величества, то долженъ буду прибѣгнуть для путевыхъ издержекъ къ займу денегъ подъ залогъ единственнаго Грузинскаго моего имѣнія, дарованнаго мнѣ за службу въ Божѣ почивающимъ вашимъ родителемъ: имѣніе сіе составляетъ все мое благосостояніе, и я со времени пожалованія онаго мнѣ не прибавилъ къ нему ни единой души крестьянъ, ни единой десятины земли, ни покупкою, ни наградами розданныхъ арендъ и земель.

«Всемилоствѣйшій государь, все здѣсь изложенное столь истинно, что я могу подвергнуть оное суду самыхъ моихъ недоброжелателей. Мнѣ кажется, и они, прочитавъ все оное, ежели бы не отдали мнѣ справедливости, то, конечно, восчувствовали бы въ совѣсти своей нѣкоторое волненіе. Я предаю себя сердцеѣдцу Богу и моему всемилоствѣйшему государю, августѣйшему брату блаженныя памяти государя, отца и благодѣтеля моего. Служа его величеству вѣрою и правдою, я не пріобрѣлъ ни чиновъ, ни почестей, ни богатства, я имѣлъ счастье удостойться одной только награды, превыше всѣхъ наградъ: его высочайшей къ себѣ довѣренности. Она одушевляла меня въ моемъ служеніи и до конца дней моихъ пребудетъ единственнымъ утѣшеніемъ, а нелицемѣрный судія — грядущее время и потомство, изречетъ всему справедливый приговоръ.

«Остаюсь навѣкъ, съ глубочайшимъ и истиннымъ высокопочтениемъ и преданностію,

«вашего императорскаго величества

«вѣрнопопданный,

«графъ Аракчеевъ».

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Въ отвѣтъ на это письмо государь, разрѣшивъ графу Аракчееву заграничный отпускъ, пожаловалъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, на дорожныя издержки 50.000 рублей.

Оставаясь вѣрнымъ системѣ, усвоенной себѣ въ продолженіе всего царствованія императора Александра и заключавшейся въ неизмѣнномъ уклоненіи отъ высочайшихъ наградъ, графъ Аракчеевъ и на этотъ разъ остался себѣ вѣрнымъ, не соблаговоливъ воспользоваться дарованною ему наградю; онъ не замедлилъ дать пожалованнымъ ему деньгамъ такое назначеніе, которое едва ли найдетъ себѣ въ служебномъ мірѣ много подражателей. 17-го апрѣля, графъ обратился къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ съ просьбою принять отъ него 50.000 рублей для составленія капитала, на проценты котораго воспитывать въ императорскомъ военно-сиротскомъ домѣ пять дѣвицъ сверхъ штата.

Но графъ Аракчеевъ не довольствовался этимъ великодушнымъ поступкомъ и довершилъ оказанное имъ благодѣяніе тѣмъ, что пожертвовалъ въ добавокъ къ 50.000 рублямъ еще 2.500 рублей, «дабы бѣдныя дѣвицы, — какъ писалъ онъ 3-го мая императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, — въ семь году еще воспользовались дарованною мнѣ отъ государей императоровъ милостію»⁴⁹.

Что же касается до денежныхъ средствъ, въ которыхъ нуждался графъ Аракчеевъ для заграничнаго путешествія, то, какъ упомянуто во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 9-го апрѣля, онъ приступилъ къ продажѣ своихъ драгоценностей. Для этой цѣли графъ Аракчеевъ обратился 9-го марта 1826 года съ просьбою къ князю А. Н. Голицыну о продажѣ въ кабинетъ его величества своихъ драгоценностей, прося оцѣнить ихъ по-христіански. Приведемъ здѣсь это письмо, преисполненное свойственнымъ графу Аракчееву язвительнымъ юморомъ.

«Судьбы человѣческія неисповѣдимы! — пишетъ Аракчеевъ. — Я всегда располагалъ себя такъ, чтобъ мнѣ никогда ваше сіятельство не беспокоить моими просьбами, но нынѣ долженъ по необходимости преступить сіе правило и адресоваться къ вашему сіятельству съ моею слѣдующею просьбою.

«Служа съ офицерскаго чина 39 лѣтъ четвертому россійскому государю, во все оное время накопились у меня жалованныя вещи. Но какъ я по болѣзни моей долженъ буду просить себѣ увольненія къ водамъ, а для сего нужны деньги, то я и рѣшился всѣ имѣющіяся жалованныя вещи продать.

«Прилагая о сихъ вещахъ подробную опись, прошу васъ, милостивый государь, приказать купить оныя въ кабинетъ его величества, гдѣ, я полагаю, по нынѣшнему приближающемуся торжественному коронованію подобныя вещи будутъ нужны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Если ваше сіятельство прикажете оныя мои вещи, накопленныя въ 39 лѣтъ моей службы, оцѣнить по-христіански, то я за оное буду вамъ, милостивый государь, весьма благодаренъ, ибо симъ самымъ увеличится моя сумма, потребная мнѣ на приготовленіе къ моему отъѣзду».

Письмо это является тѣмъ болѣе любопытнымъ историческимъ документомъ, если вспомнить, что еще не задолго до того, а именно въ 1824 году, графъ Аракчеевъ, въ союзѣ съ архимандритомъ Фотіемъ, сокрушилъ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, которымъ управлялъ тогда князь А. Н. Голицынъ; по свидѣтельству же Фотія, графъ Аракчеевъ дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ, «яко Георгій Побѣдоносецъ»⁵⁰.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ не оказался злопамятнымъ и отнесся къ своему недавнему врагу вполне по-христіански; онъ тотчасъ отвѣтилъ графу Аракчееву, что оцѣнка вещей его будетъ сдѣлана по всей справедливости.

Сверхъ брилліантовъ графъ Аракчеевъ продалъ еще въ придворную контору серебро и фарфоръ, такъ что окончательно продажа всѣхъ вещей состоялась на слѣдующихъ условіяхъ:

Табакерка черепаховая, оправленная въ золото и украшенная брилліантами, подаренная въ 1812 году наслѣднымъ принцемъ шведскимъ .	8.400 р.
Перстень брилліантовый съ вензелемъ императора Павла.	2.100 »
Серебряная посуда, десертное вызолоченное серебро и фарфоровыя десертныя тарелки. . . .	28.390 »
Итого . .	38.890 р.

На счетахъ же рукою графа Аракчеева написано: «Всего денегъ получено 38.890 рублей, которыя всѣ отданы въ коммерческій банкъ 7-го апрѣля 1826 года и взяты на расходы графомъ за границу 1-го мая 1826 года».

Судьба военныхъ поселеній опредѣлилась слѣдующимъ рескриптомъ императора Николая на имя графа Аракчеева, отъ 30-го апрѣля 1826 года:

«Графъ Алексѣй Андреевичъ!

«Для поправленія разстроеннаго вашего здоровья, сходно съ желаніемъ вашимъ, увольняю васъ къ водамъ за границу, предоставляя вамъ управленіе отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній во время вашего отсутствія поручить на общихъ правилахъ начальнику штаба,

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Графъ Иванъ Федоровичъ Паскевичъ-Чирванскій.

(Съ гравированнаго портрета Киселева 1828 года).

генералъ-майору Клейнмихелю, который обязанъ о дѣлахъ важныхъ, требующихъ вашего разрѣшенія, относиться къ начальнику главнаго моего штаба. Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ»⁶¹.

Хотя по смыслу рескрипта 30-го апрѣля казалось, что графъ Аракчеевъ только временно разстается съ корпусомъ военныхъ поселеній, до излѣченія болѣзни, но въ дѣйствительности онъ простился съ своимъ твореніемъ навсегда. 1-го мая, графъ Аракчеевъ отдалъ свой послѣдній

ГЛАВА ВІОРАЯ

прощальний приказъ, въ которомъ онъ, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ, называетъ ихъ почтенными сотоварищами и добрыми солдатами военныхъ поселеній. Этотъ трогательный приказъ былъ послѣднимъ откликомъ той отнынѣ замиравшей сельской идилліи, которою графъ Аракчеевъ восхищалъ и утѣшалъ императора Александра въ послѣднее десятилѣтіе его царствованія⁵².

По возвращеніи графа Аракчеева изъ-за границы въ исходѣ 1826 года, онъ уже болѣе не вступалъ въ исправленіе своихъ обязанностей. На основаніи послѣдовавшаго тогда указа, штабъ военныхъ поселеній былъ присоединенъ къ главному штабу его императорскаго величества, подъ вѣдѣніе начальника его, генералъ-адъютанта барона Дибича⁵³. Съ этого времени новгородское военное поселеніе поступило въ полное управленіе генерала отъ инфантеріи князя Шаховскаго, получившаго званіе командира отдѣльнаго гренадерскаго корпуса; Херсонское и Екатеринославское поселенія были подчинены также на правахъ командира отдѣльнаго корпуса начальнику этихъ поселеній, графу Витту, а поселенія въ Слободско-Украинской и Могилевской губерніяхъ остались въ завѣдываніи своихъ прежнихъ начальниковъ, имѣвшихъ званіе отрядныхъ командировъ.

Извѣстіе объ этой новой организаціи военныхъ поселеній графъ Аракчеевъ получилъ при возвращеніи въ Россію. Это видно изъ письма его къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 5-го декабря 1826 года изъ Кіева.

«Не осмѣливаясь,—пишетъ Аракчеевъ,—безпокоить моимъ донесеніемъ его императорскому величеству, всемилостивѣйшему моему государю императору, о полученномъ мною 2-го декабря, послѣдовавшемъ на мое имя прошлаго октября 23-го числа указѣ, о присоединеніи военныхъ поселеній въ главный штабъ его императорскаго величества, я по званію вашему увѣдомляю объ ономъ васъ, милостивый государь, для доклада государю императору.

«Покорно прошу ваше высокопревосходительство, при докладѣ вашему его императорскому величеству, изъяснить мою вѣрноподданную благодарность за увольненіе меня отъ занятій по военному поселенію, что дѣйствительно мнѣ нужно для поправленія совершенно разстроеннаго моего здоровья, которое необходимо требуетъ единственной мнѣ уединенно-спокойной жизни».

24-го декабря 1826 года генералъ-адъютантъ Дибичъ отвѣчалъ своему бывшему покровителю:

«Содержаніе почтеннѣйшаго письма вашего сіятельства ко мнѣ отъ 5-го сего декабря я доводилъ до свѣдѣнія государя императора, и по высочайшему повелѣнію въ отвѣтъ на оное имѣю честь увѣдомить, что его величество искренно желаетъ, дабы отдохновеніе отъ долговремен-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ныхъ трудовъ, на пользу службы вами понесенныхъ, могло способствовать къ совершенному возстановленію разстроеннаго вашего здоровья».

Судя по приведеннымъ здѣсь письмамъ, остается открытымъ вопросъ: составлялъ ли указъ отъ 23-го октября неожиданное для Аракчеева проявленіе высочайшей воли, или же прекращеніе исключительнаго положенія, существовавшего для военныхъ поселеній въ администраціи имперіи, являлось результатомъ соглашенія, состоявшагося еще до отъѣзда графа Алексѣя Андреевича за границу. Но, какъ бы то ни было, съ этого времени графъ Аракчеевъ, распростившись окончательно съ служебнымъ поприщемъ, дѣйствительно обратился въ грузинскаго отшельника — наименованіе, которымъ онъ столь часто злоупотреблялъ въ дни прошедшихъ навсегда силы и могущества. Теперь графу Аракчееву оставалось спокойно выжидать, чтобы, какъ онъ выражался въ письмѣ къ императору Николаю, неліцемерный судія — грядущее время и потомство, изрекъ всему справедливый приговоръ.

Поселившись уже навсегда въ своемъ грузинскомъ монастырѣ, графъ Аракчеевъ занимался хозяйствомъ, продолжалъ благотѣльствовать по своему крестьянамъ и устраивать свое великолѣпное помѣстье, «хранилище драгоцѣннѣйшихъ для него залоговъ довѣренности и благодарній, коими онъ пользовался отъ своихъ монарховъ», пишетъ Михайловскій-Данилевскій. «Какъ святыню, берегъ онъ всѣ украшенія комнатъ, въ которыхъ останавливался миротворецъ Европы, во время неоднократныхъ его пребываній въ Грузинѣ; не могъ безъ слезъ вспоминать и говорить о немъ; хранилъ подъ стекломъ его рескрипты и письма; взнесъ 50.000 рублей ассигнаціями въ государственный заемный банкъ, съ тѣмъ, чтобы сумма сія оставалась тамъ неприкосновенною, со всѣми процентами, 93 года, для обращенія потомъ въ награду лучшему историкѣ царствованія Александра⁵⁴, и соорудилъ своему вѣнценосному благотѣлю передъ грузинскимъ соборомъ великолѣпный бронзовый памятникъ. На немъ изображены Вѣра, Надежда и Милосердіе, вѣнчающія бюсты монарха. По сторонамъ подножія представлены освобожденная Европа и владѣлецъ Грузина, въ видѣ воина, сидящаго на опрокинутой мортирѣ⁵⁵. Надпись на памятникѣ: «Государю благотѣлю — по кончинѣ его»⁵⁶. «Теперь я все сдѣлалъ, — писалъ графъ къ одному изъ своихъ приближенныхъ, — и могу явиться къ императору Александру съ рапортомъ»⁵⁷.

II.

Пока графъ Аракчеевъ еще приготовлялся предстать съ рапортомъ къ императору Александру, случилось невѣроятное приключеніе, которое сильно встревожило грузинскаго отшельника и омрачило спокойное и однообразное теченіе его уединенной жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

31-го января (12-го февраля) 1827 года, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Тифлисъ обратился къ графу Аракчееву съ слѣдующимъ письмомъ:

«До свѣдѣнія государя императора дошло, что здѣсь въ С.-Петербургѣ появились печатныя книги, въ коихъ содержатся письма и записки, будто бы писанныя покойнымъ государемъ императоромъ къ вашему сіятельству. Его величество полагаетъ, что таковыя письма и записки напечатаны безъ вѣдома вашего сіятельства кѣмъ либо недоброжелательствующимъ вамъ, будучи увѣренъ въ собственномъ вашемъ убѣжденіи, сколь неприлично бы было напечатать то, что покойный государь императоръ, по особенной къ вамъ довѣренности, могъ писать къ вамъ партикулярно и по секрету. А потому его величество желаетъ знать: не извѣстно ли вашему сіятельству, изъ какого источника могли быть почерпнуты сіи напечатанныя письма и записки, и кѣмъ выданы въ печать? Буде же сіе вамъ неизвѣстно, то для предупрежденія всякихъ толковъ въ публикѣ его величество полагалъ бы лучшимъ средствомъ напечатать вашему сіятельству отъ себя объявленіе, что таковыя изданныя въ печать письма и записки выдуманы и не заслуживаютъ вѣроятія.

«Прося покорнѣйше ваше сіятельство почтить меня на сіе увѣдомленіемъ вашимъ для доклада государю императору, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства

«покорнѣйшимъ слугою

«Иванъ Дибичъ» ⁵⁸.

Графъ Аракчеевъ находился въ это время въ Тверской губерніи, въ городѣ Бѣжецкѣ, гдѣ похоронены были его родители; онъ говѣлъ и готовился пріобщиться святыхъ таинъ. Алексѣй Андреевичъ немедленно отвѣчалъ барону Дибичу собственноручнымъ письмомъ, 13-го февраля 1827 года:

«Получа вашего высокопревосходительства письмо, писанное ко мнѣ 31-го января, касательно появившихся въ Петербургѣ печатныхъ книгъ, въ коихъ помѣщены письма и записки, писанныя ко мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ, отцомъ и благодѣтелемъ моимъ, я сдѣлалъ объ ономъ нынѣ же мое донесеніе его императорскому величеству, которое нынѣ же и отправилъ.

«Касательно же требуемаго, по высочайшему повелѣнію, отъ меня объявленія о неизвѣстности моей касательно печатанія оныхъ писемъ, то я оное при семъ въ оригиналѣ къ вамъ, милостивый государь, препровождаю для объявленія онаго, куда слѣдуетъ.

«Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, вашего высокопревосходительства

«покорнѣйшій слуга,

«графъ Аракчеевъ».

Mais que Chère !

Je me mets très humblement à vos pieds
pour vous remercier des nouvelles que
vous daigniez me donner de ma sœur.
Gardez à Dieu que le tout va bien et
j'espère que dans peu vôtres malades seront
parfaitement établis. Dieu soit combien
je le desire. — C'est à 7 heures du soir
mais que Chère Chère que j'ai eu le
bonheur de recevoir. C'est votre consolation
et je vous livrerai que d'importance j'en
enverrai à une bonne nuit à moi que
vous

avoir des nouvelles. pardonnez moi mes indiges-
sances mais il s'agit de l'avenir. — J'aurais
jamais le bonheur de me rencontrer et
des nouvelles de mes chers amis. Les deux
jours et j'aurais de même le bonheur de
vous remercier de vous voir par votre
gracieux souvenir.

C'est avec le plus tendre et le plus profond
affectionnement que j'ai
votre dévoué

Mon cher ami Pierre!

Antoine
le 28. 10.

7. rue du singe.

Antoine les lettres les
obtiennent et les font
Antoine

Конференція въ Аккерманѣ въ 1826 году.
(Съ литографіи того времени Кавен, сдѣланной съ картины Гульмандела).

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Дошло до свѣдѣнія графа Аракчеева, что въ С.-Петербургѣ появились въ публикѣ печатныя книги, въ конхъ помѣщены будто бы письма и записки, писанныя ко мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ,—то какъ я, графъ Аракчеевъ, никому ничего никогда не только не позволялъ печатать, но даже и не отдавалъ никому никакихъ сего рода бумагъ, то и объявляю, что всѣ таковыя изданныя въ печати письма и записки должны быть невѣрныя и не заслуживающія вѣроятія. 13-го февраля 1827 года.

«Генераль графъ Аракчеевъ» ⁵⁹.

Императоръ Николай послалъ это письмо Дибичу въ Тифлисъ и 27-го февраля 1827 года писалъ ему:

«Вотъ письмо къ вамъ отъ графа Аракчеева; оно васъ изумитъ не менѣе всѣхъ насъ; я получилъ цѣлыхъ два, одно въ другомъ, въ которомъ онъ меня увѣряетъ, что это кто нибудь изъ злоумышленниковъ изобрѣлъ дѣло на него, и что я погрѣшу, если сему вѣрить буду!—je vous abandonne les réflexions» ⁶⁰.

Дѣйствительно «истинно русскій новгородской неученой дворянинъ», какъ называлъ себя нѣкогда Аракчеевъ въ перепискѣ своей съ Сперанскимъ, написалъ 13-го февраля изъ Бѣжецка два письма къ государю, одно лучше другого, представляющія собою неподражаемыя свѣдѣтельства для характеристики безъ лести преданнаго графа; говѣніе; повидимому, не располагало его къ излишней правдѣ. Приведемъ здѣсь полностью содержаніе этихъ писемъ:

«Ваше императорское величество,
«всемилоствѣйшій государь!

«Къ удивленію моему, ваше императорское величество, узналъ я изъ отношенія ко мнѣ начальника главнаго штаба вашего величества, что появились въ С.-Петербургѣ печатныя книги, въ конхъ содержатся письма и записки, писанныя покойнымъ государемъ императоромъ ко мнѣ. Если бы оное свѣдѣніе дошло когда либо до меня постороннимъ образомъ, то я бы никогда не повѣрилъ оному быть возможнымъ по той причинѣ, что, доживъ до 60-ти лѣтъ, стыдно бы мнѣ, старику, было не знать, что милостивыя покойнаго государя императора ко мнѣ писанныя письма должны быть для меня одного драгоценны, а объявлять ихъ въ печатныхъ книгахъ въ публику не только неприлично, но вредно и непозволительно. Почему я всеподданнѣйше прошу вашего императорскаго величества, всемилоствѣйшаго государя моего, приказъ разыскать, кто позволилъ оныя печатать, и кто оныя письма для

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

онаго употребленія выдать, тогда и откроются тѣ люди, кои сіе обидное для меня дѣло выдумали.

«По случаю десятизмѣсячнаго моего отсутствія изъ С.-Петербурга, я вышедшихъ въ публику печатныхъ книгъ нигдѣ ни у кого не только не видалъ, но и ни отъ кого объ оныхъ не слыхалъ, то и не могу придумать и вообразить себѣ, на кого бы я въ ономъ могъ имѣть подозрѣніе. Почему повторяю мою всеподданнѣйшую просьбу приказать оное изслѣдовать, что, кажется, весьма легко и удобно исполнить.

«Касательно требуемаго начальникомъ штаба отъ моего имени объявленія въ публику, что оныя письма никому мною не выдаваемы были для печатанія, то я оное препроводилъ къ нему нынѣ же, для объявленія онаго, гдѣ слѣдуетъ.

«Вашего императорскаго величества навѣки

«вѣрноподанный

«графъ Аракчеевъ».

«Ваше императорское величество! Всемилостивѣйшій государь императоръ.

«Изъяснивъ мой отвѣтъ вашему императорскому величеству касательно появившихся въ С.-Петербургѣ печатныхъ книгъ, въ коихъ помѣщены письма, писанныя ко мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ, въ особомъ письмѣ моемъ, которое, можетъ быть, угодно будетъ вамъ, всемилостивѣйшій государь, отдать къ общимъ дѣламъ,— я осмѣливаюсь писать сіе особое мое письмо къ вашему императорскому величеству, въ коемъ открываю мою душу въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, коими былъ я наученъ покойнымъ государемъ, отцомъ и благодѣтелемъ моимъ, оставаясь въ той надеждѣ и упованіи, что оное письмо будетъ извѣстно только вамъ однимъ, всемилостивѣйшій государь!

«Ваше императорское величество, конечно, позволили сами давно уже замѣтить, сколь много я имѣю у себя не только недоброжелательныхъ людей, но и самыхъ злодѣевъ, число коихъ извѣстно одному Богу и покойному государю императору, отцу и благодѣтелю моему! Но прошу васъ, всемилостивѣйшій государь, обратить на сіе ваше милостивое вниманіе, какаю оному могла быть иная причина, какъ только моя вѣрная и истинная служба и вѣрная преданность покойному государю императору, ибо въ теченіе оной не обогатилъ я себя никакими способами и не выпросилъ себѣ никакихъ особенныхъ почестей и наградъ, въ сравненіи моихъ товарищей, слѣдовательно, никого онымъ не обидѣлъ, а былъ только вѣрный слуга моему государю и говорилъ ему всегда правду, что видѣлъ и слышалъ; вотъ чѣмъ самымъ и улучилъ себѣ сіе безчисленное число недоброжелателей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Всемиловѣйшій государь! Я всегда служилъ покойному вашему родителю и августѣйшему вашему брату вѣрно и истинно и не имѣлъ ничего у себя иного въ предметѣ, какъ только быть истиннымъ вѣрнымъ слугою, и всѣ ввѣренныя мнѣ части я оставилъ, кажется, въ хорошемъ положеніи, въ чемъ имѣлъ, слава Богу, счастье заслужить и ваше, всемиловѣйшій государь, благоволеніе, то на что мнѣ въ публикѣ хвастать бывшими ко мнѣ письмами, ибо я не имѣю причины въ чемъ либо себя предъ публикою оправдывать, то сіе рѣшите, государь. Если вы подумаете, что изданныя печатныя письма по моему согласію изданы, я онаго никогда себѣ и въ умѣ не воображалъ, а дѣйствительно, видно, оное сдѣлано недоброжелателями моими, и должно, кажется, тутъ скрываться, кромѣ намѣренія сдѣлать мнѣ непріятное, предположеніе онымъ поселить въ вашихъ мысляхъ дурное обо мнѣ мнѣніе; но можетъ быть и общее какое либо злонамѣреніе, почему весьма нужно открыть издателей оныхъ книгъ.

«Всемиловѣйшій государь! Здоровье мое такъ худо, что я теперь ничего себѣ не долженъ желать, какъ только одного покоя, но онаго я отъ моихъ недоброжелателей никогда не буду имѣть, если вы, всемиловѣйшій государь, не обратите вашего милостиваго вниманія на стараго слугу вашихъ августѣйшихъ предковъ. Не оставьте меня вашею отцовскою защитою и будьте увѣрены, что я окажу свои послѣдніе годы жизни, хотя уже не службою, но тою же вѣрною преданностію къ вамъ, августѣйшему монарху, всемиловѣйшему государю моему, о коемъ я ежедневно молюсь Богу, ведущему всѣ наши помышленія.

«Я теперь говѣю и готовлюсь приобщиться святыхъ таинъ въ той деревнѣ, гдѣ находятся гробы моихъ родителей, а потомъ велю себя перевезти въ мое Грузино и буду жить уединенно. Но прошу у васъ, всемиловѣйшій государь, милости — позволить мнѣ въ случаѣ важныхъ какихъ либо обидъ и угнетеніевъ отъ злодѣевъ моихъ адресоваться прямо къ вашему императорскому величеству съ тою искренно-душевною откровенностью, съ какою я всегда оное дѣлалъ въ теченіе моей жизни.

«Окончу сіе письмо принесеніемъ моей вамъ, всемиловѣйшій государь, вѣрноподданнической душевной благодарности за ваши мнѣ оказанныя до сего времени милости и буду просить Господа Бога, дабы онъ даровалъ вашему величеству здоровье, нужное для счастья любезнаго нашего отечества; а я всю достальную жизнь пребуду съ душевнымъ вѣрноподданническимъ высокопочитаніемъ и преданностію.

«Вашего императорскаго величества

«вѣрноподданный

«графъ Аракчеевъ».

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Историческому обзору дѣятельности комитета министровъ“).

Трудно встрѣтить болѣе наглое обращеніе съ истиною, какъ въ этомъ произведеніи пера «истинно русскаго новгородскаго неученаго дворянина», являющемся къ тому же вполнѣ ложною исповѣдью. Остается только повторить слова, сказанныя императоромъ Николаемъ

ГЛАВА ВТОРАЯ

въ письмѣ къ барону Дибичу: «Je vous abandonne les réflexions!» Но чаша беззаконій оказалась переполненною, и наказаніе не замедлило послѣдовать неожиданно быстрымъ образомъ.

Начавшееся уже ранѣе разслѣдованіе обнаружило, что графъ Аракчеевъ самъ распорядился напечатать въ типографіи военныхъ поселеній письма и записки императора Александра, подъ заглавіемъ: «Собственноручные рескрипты покойнаго государя императора, отца и благодѣтеля, Александра I-го къ его подданному графу Аракчееву. Съ 1796 года до кончины его величества, послѣдовавшей въ 1825 году» ⁶¹. Затѣмъ графъ Аракчеевъ имѣлъ неосторожность подарить одинъ экземпляръ, съ собственноручною надписью, одному изъ своихъ бывшихъ ближайшихъ сотрудниковъ и другу, который не замедлилъ представить императору Николаю полученный имъ драгоценный сборникъ. Желаемая улика оказалась налицо, и отнынѣ неосторожному издателю трудно было продолжать свою защиту, сваливая содѣянный имъ грѣхъ на какихъ-то невѣдомыхъ злодѣевъ и выпрашивая себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отцовскую защиту государя.

Нашелся и другой доносчикъ, нѣкій Сальватори (Antoine Salvatori), который передалъ черезъ руки генерала Канкринъ въ руки государя французскій переводъ двухъ послѣднихъ писемъ императора Александра къ своему другу, заказанный графомъ Аракчеевымъ ⁶².

Тогда императоръ Николай, убѣдившись въ виновности графа Алексѣя Андреевича, рѣшился послать въ Грузино графа Чернышева, какъ бывшаго нѣкогда «dans les bonnes grâces du comte», съ полномочіемъ отобрать у Аракчеева напечатанную имъ переписку и доказать ему «son mensonge impudent», какъ выразился генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ. Порученіе было не изъ пріятныхъ, если припомнить, въ какихъ выраженіяхъ Чернышевъ кадилъ нѣкогда онимамъ всесильному временщику ⁶³.

Графъ Чернышевъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свое свиданіе съ грузинскимъ отшельникомъ въ письмѣ къ барону Дибичу отъ 26-го марта (7-го апрѣля) 1827 года:

«Я заставилъ этого господина (l'individu) признаться во всемъ и взялъ отъ него всѣ напечатанные экземпляры, которые находились у него въ рукахъ, якобы для своего собственнаго употребленія. Мое сердце содрогнулось при мысли, что человѣкъ, настолько пользовавшійся милостями нашего ангела-благодѣтеля, выказалъ себя столь низкимъ и столь трусливымъ» ⁶⁴.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ выразился объ этомъ дѣлѣ, которое называетъ грязнымъ (sale affaire), еще въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ:

«Чернышевъ былъ посланъ къ графу Аракчееву съ документами въ рукахъ, чтобы доказать ему его преступленіе въ отношеніи его благо-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

дѣтеля и государя, его злоупотребленіе довѣріемъ въ отношеніи дружбы, которою онъ былъ почтенъ, и его безстыдную ложь (*mensonge impudent*) въ отношеніи царствующаго императора. Его миссія носитъ положительный характеръ, но она не является пріятною для человѣка, который въ теченіе столькихъ лѣтъ искалъ и добился милостей опальнаго визиря.

«Онъ все отдалъ, онъ былъ настолько же трусливъ, настолько же подлъ, насколько прежде былъ высокомеренъ. Какой урокъ! Императоръ проявилъ къ этому преступному человѣку всю внимательность, которую его чудная душа должна была воздать памяти его несравненнаго брата; люди уважали въ немъ даже слабость государя, котораго не существовало болѣе; никто не нападалъ на него, хотя всѣ осуждали его. Онъ самъ палъ подъ собственною тяжестью своихъ дѣяній, и Провидѣніе, начавшее карать его со дня убійства его любовницы, не имѣло надобности ни въ содѣйствіи людей, ни въ могуществѣ императора, чтобы сдѣлать его несравненно болѣе несчастнымъ, чѣмъ былъ несчастенъ Меншиковъ, сосланный на сѣверъ Сибири» ⁶⁵.

15-го (27-го) марта 1827 года, императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«Сегодня утромъ Чернышевъ вернулся ко мнѣ изъ Грузина, куда я посылаю его объясниться устно съ Аракчеевымъ. Я выбралъ его для болѣе вѣрности, такъ какъ онъ пользовался милостями графа. И что же вы подумали бы? Онъ привезъ 18 экземпляровъ и признаніе, что онъ былъ не правъ, но что какъ его спрашивали, не извѣстно ли ему о подобныхъ книгахъ, ходившихъ по рукамъ, а не спрашивали, не велѣлъ ли онъ напечатать ихъ для себя, то онъ не думалъ, что лжетъ (*il n'avait pas cru mentir*), сказавъ, что онъ не слышалъ разговоровъ объ этомъ. Онъ плакалъ, увѣрялъ, что печаталъ ихъ съ вѣдома императора, и что даже императоръ часто спрашивалъ его, насколько увеличилось изданіе. Что онъ подарилъ ихъ только двумъ лицамъ, но что возможно, что часть ихъ украли у него, что, впрочемъ, онъ показывалъ ихъ нѣсколькимъ. Что касается пресловутыхъ послѣднихъ писемъ, то справедливо, что онъ показывалъ ихъ, переводилъ, списывалъ и раздавалъ, и что въ этомъ онъ признаетъ себя виновнымъ передо мною въ томъ отношеніи, что не испросилъ у меня разрѣшенія» ⁶⁶.

Еще ранѣе императоръ Николай послалъ цесаревичу письма графа Аракчеева отъ 13-го февраля и печатный экземпляръ его изданія, переданный государю другомъ-предателемъ. Возвращая государю эти рѣдкости, Константинъ Павловичъ писалъ:

«У меня просто опускаются руки, и мнѣ нечего прибавлять къ негодованію, которое я испытываю, какъ противъ Аракчеева, такъ и противъ презрѣннаго (*misérable*)., который, осыпанный въ полной мѣрѣ его милостями, имѣлъ подлость (*la bassesse*) отдать свой экзем-

ГЛАВА ВТОРАЯ

пляръ съ его собственноручною надписью; я на его мѣстѣ постарался бы уничтожить ее, сохранивъ все-таки экземпляръ, если бы не могъ пстребить его. Человѣкъ, обнаруживающій недостатокъ благодарности къ своему благодѣтелю, каковъ бы ни былъ послѣдній самъ по себѣ,—человѣкъ гадкій и низкій, заслуживающій презрѣнія и недостойный, по моему мнѣнію, оставаться среди общества и, въ особенности, на какомъ бы то ни было мѣстѣ близъ государя (*un homme vil et bas, méprisable et indigne, à mon avis, de rester dans la société et surtout auprès du souverain, dans une place quelconque*). Таково мое мнѣніе. Что же касается книги самой по себѣ, она не представляетъ ничего другого, какъ, съ одной стороны, слѣпую довѣрчивость человѣка, судившаго о прочихъ по своему ангельскому сердцу, а, съ другой стороны—глупое тщеславіе (*sotte vanité*), безстыдное самолюбіе (*amour propre déhonté*) и желаніе возвеличить себя даже въ ущербъ тому, кого онъ называлъ своимъ отцомъ и благодѣтелемъ,—однимъ словомъ, это прискорбно»⁶⁷.

Государь, отвѣчая Константину Павловичу, постарался до нѣкоторой степени смягчить рѣзкій приговоръ брата относительно лица, выдавашаго тайну своего благодѣтеля, объяснивъ побудительную къ тому причину; но затѣмъ Николай Павловичъ все-таки окончательно какъ бы подтверждаетъ справедливость отзыва, сдѣланнаго цесаревичемъ. Приведемъ здѣсь относящіяся до этого строки изъ письма государя отъ 14-го (26-го) марта 1827 года:

«Я вполне раздѣлилъ бы ваше мнѣніе насчетъ , если бы фактъ былъ самъ по себѣ точенъ; но такъ какъ книга была вытребована у него внезапно и неожиданно для него, то это смягчаетъ его вину; но, къ несчастью, болѣе чѣмъ часто бываешь вынужденъ пользоваться услугами людей, которыхъ не уважаешь, если они могутъ принести хоть какую нибудь пользу, а таково именно положеніе даннаго лица. (*Je partagerais complètement votre opinion sur , si le fait était exact; mais comme le livre lui a été redemandé subitement et à sa surprise, cela diminue de sa culpabilité; mais malheureusement on n'est que trop souvent forcé d'employer des individus que l'on n'estime pas, quand ils peuvent être de quelque utilité — et c'est bien le cas du personnage*)».

Объясненія и вмѣстѣ съ тѣмъ повинная графа Аракчеева, приведенныя Чернышевымъ изъ Грузина, заключались въ нижеслѣдующемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 13-го (25-го) марта 1827 года:

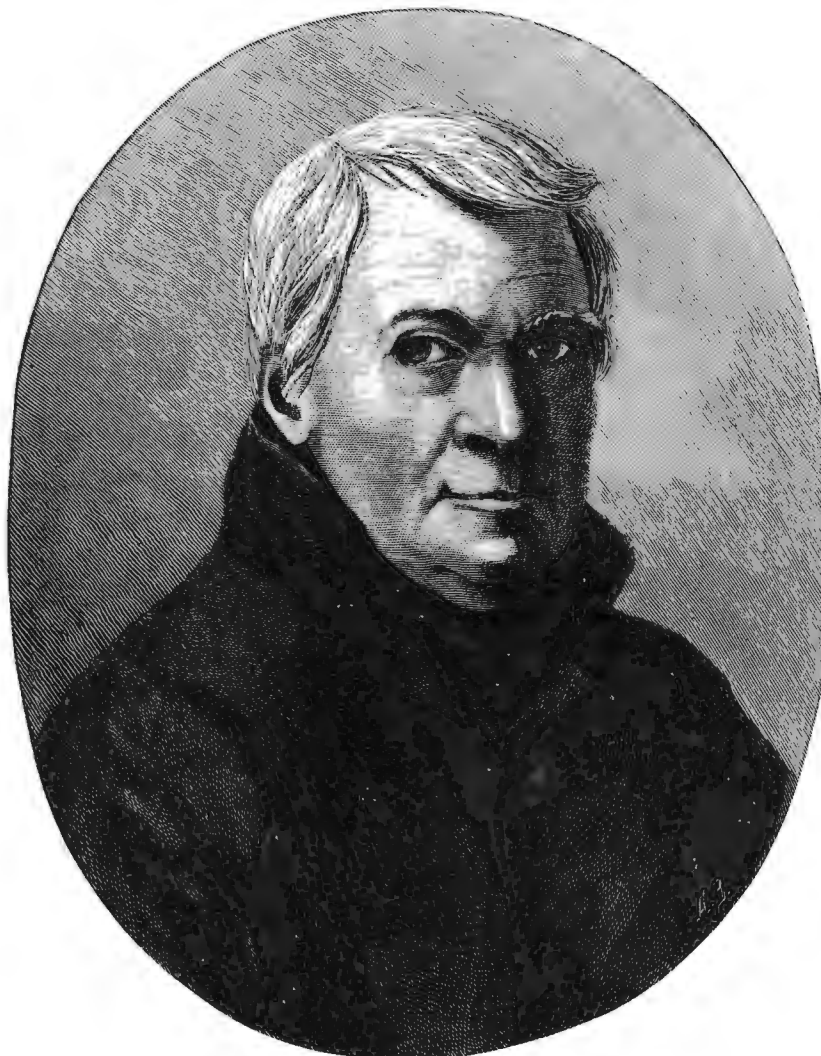
«Ваше императорское величество,

«всемилоствѣйшій государь!

«Я благодарю ваше императорское величество, что вы пзволили выбрать честнаго человѣка и справедливаго, Александра Ивановича

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Чернышева, которому я подробно и истинно все объявилъ, и всѣ печатные бывшіе у меня осьмнадцать экземпляровъ при семъ представляю; девятнадцатый отданъ былъ господину Клейнмихелю, а двадцатый оставилъ у себя, и болѣе сего, то-есть двадцати экземпляровъ, я не пере-

Александръ Семеновичъ Шишковъ.

(Съ портрета, рисованнаго съ натуры въ альбомъ С. Д. Пономаревой).

плеталъ и не собиралъ, о чемъ извѣстенъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель и чиновникъ Ольденбургеръ, управляющій типографіею и переплетной. Печатаны же сіи экземпляры съ самаго учрежденія типографіи ежегодно, по прошествіи каждаго года, и я имѣлъ счастье каждый годъ показывать покойному государю императору, который послѣдніе

ГЛАВА ВТОРАЯ

годы уже самъ изволилъ спрашивать меня, напечаталъ ли я письма, и сколько ихъ прибыло, что я все ясно и подробно объяснилъ Александру Ивановичу.

«Касательно же перваго моего письма о сихъ письмахъ, то я разумѣлъ письмо Ивана Ивановича Дибича, что онъ спрашивалъ меня о появившихся книгахъ, печатныхъ, въ публику, то я и думалъ, что письма сіи напечатаны въ какихъ либо журналахъ или анекдотахъ, а если бы онъ спросилъ у меня, нѣтъ ли для себя печатныхъ экземпляровъ, то я бы все то написалъ, что нынѣ лично объяснилъ генералу графу Чернышеву. Послѣ сего, кажется, ваше величество изволите увидѣть совершенно мою невинность и простите милостиво мое желаніе имѣть сіи письма въ печати, собственно для себя, а не для публики, о чемъ и покойный государь меня благословлялъ и позволялъ изъ представленныхъ ежегодно печатныхъ ему писемъ, а виновать, всемилостивѣйшій государь, я предъ вами, что я послѣдній годъ напечаталъ при вашемъ царствованіи.

«Господину Шкурину⁶⁸ я непереплетеннаго экземпляра не передавалъ, и не знаю, откуда онъ получилъ; даже я родному брату оныхъ не давалъ, и ихъ у него нѣтъ. Всемилоостивѣйшій государь, простите мнѣ вину мою, если я виновенъ въ ономъ, ибо я терзаюсь онымъ, что вы гнѣваетесь на меня, и оной гнѣвъ вашъ меня ускорить къ смерти.

«Письма послѣднія государя покойнаго я показывалъ его величеству королю прусскому, и онъ изволилъ, кажется, списать копіи, ибо изволилъ ихъ оставлять у себя, то-есть, въ переводѣ, французскія и нѣмецкія. Болѣе не могу писать, ибо, въ какомъ положеніи мое здоровье, то видѣлъ Александръ Ивановичъ, а пребуду навѣки

«вашего императорскаго величества

«вѣрноподданный

«графъ Аракчеевъ.

«Позвольте, ваше величество, Александру Ивановичу вамъ пересказать, что я ему говорилъ».

На это письмо графа Аракчеева императоръ Николай отвѣчалъ немногими строками:

«Генералъ-адъютантъ Чернышевъ вручилъ мнѣ письмо ваше, Алексѣй Андреевичъ, и посылку; онъ мнѣ передалъ весь вашъ разговоръ. Излишне мнѣ входить съ вами въ разсужденіе о предметѣ, на который мы взираемъ совершенно съ разныхъ точекъ. Я исполнилъ долгъ, какъ братъ и какъ государь. Ваше опасеніе на счетъ собственный излишне; гдѣ есть законы, тамъ и защита каждому; мое же дѣло: смот-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

рѣть за соблюденіемъ ихъ безъ лицепріятій, но съ должною справедливостію».

Затѣмъ императоръ Николай повелѣлъ уничтожить всѣ полученные имъ изъ Грузина экземпляры изданія графа Аракчеева, за исключе-

Князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ.

(Съ портрета, писаннаго масляными красками).

ніемъ двухъ экземпляровъ: одинъ оставилъ у себя, а другой согласно просьбѣ цесаревича послалъ въ Варшаву⁶⁹. Но сверхъ сего существуютъ еще экземпляры этого изданія, замуравленные въ грузинской колокольнѣ. 19-го февраля (3-го марта) 1827 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

ГЛАВА ВТОРАЯ

«L'on a enterré 12 exemplaires sous chacune des colonnes d'un magnifique clocher élevé à Groussino, pour que la chose passe à la postérité la plus reculée».

Кромѣ заслуги освобожденія Россіи отъ правительственной опеки графа Аракчеева, императору Николаю принадлежитъ также слава избавленія русскаго просвѣщенія отъ другой, не менѣе губительной язвы: Михаила Леонтьевича Магницкаго.

Незгоды Магницкаго начались тотчасъ послѣ кончины императора Александра, когда въ началѣ декабря 1825 года Михаилъ Леонтьевичъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій въ С.-Петербургъ, высланъ былъ обратно въ Казань. Распоряженіе объ его удаленіи изъ столицы сдѣлано было графомъ Милорадовичемъ, по требованію великаго князя Николая Павловича, который писалъ генералъ-губернатору: «За нимъ должно что нибудь крыться, и вѣрно, по крайней мѣрѣ, ничего полезнаго». Затѣмъ въ началѣ 1826 года генералъ-майору П. Ф. Желтухину повелѣно было произвести подробную ревизію Казанскаго университета по учебной и хозяйственной частямъ. На этотъ разъ неутомимый искатель почестей и фортуны какими бы то ни было средствами погибъ безповоротно. 6-го мая 1826 года, послѣдовалъ указъ правительствующему сенату, въ которомъ сказано: «попечителя Казанскаго университета и учебного округа оного, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, повелѣваемъ уволить какъ отъ сеѣ должности, такъ и отъ званія члена главнаго правленія училищъ».

Но этимъ указомъ дѣло не ограничилось. Магницкій остался жить въ Казани и по свойствамъ своего характера продолжалъ, по обыкновенію, интриговать и косвенно вліять на покинутый имъ университетъ, такъ что генералъ Желтухинъ нашелся вынужденнымъ донести о семъ императору Николаю. Во всеподданнѣйшемъ писемѣ отъ 11-го ноября 1826 года онъ пишетъ:

«Г. Магницкій вопреки правиламъ благomyслящаго чловѣка и убожденнаго въ своей невинности, какъ онъ имѣлъ счастье доносить вашему императорскому величеству, вмѣсто того, чтобы скромною жизнію, удаленіемъ себя отъ всякихъ неприличныхъ ему, по теперешнему положенію, пронырствъ по дѣламъ университета, а особливо по отчетамъ, требуемымъ по израсходованію денегъ, вмѣшивается вообще во всѣ дѣйствія совѣта, такъ и правленія, чрезъ тѣхъ профессоровъ, коихъ вопреки всѣхъ правилъ, постановленныхъ для удостоенія профессорскаго званія, вывелъ въ таковое, а именно по совѣту чрезъ бывшаго секретаря Караблинова, по правленію чрезъ бухгалтера Липунова, но болѣе еще имѣетъ вліяніе на всѣ дѣла университетскія чрезъ бывшаго своего правителя канцеляріи Чесовникова, занимающаго и нынѣ при ректорѣ то же самое званіе, и чрезъ удаленнаго отъ университета

адъюнкта Кроузе, невѣрнаго не только своимъ обязанностямъ по университету, но и самой религіи, ибо по настоянію г. Магницкаго третій разъ оную перемѣнилъ.

«Междоусобіа между господами профессорами, медленное составленіе отчетовъ по строительной части и вообще по израсходованію суммъ происходятъ отъ вредныхъ внушеній г. Магницкаго, распространяющаго слухи о себѣ, что никогда не пользовался таковою довѣренностію отъ высшаго начальства, какъ нынѣ, и что присланъ сюда по порученіямъ тайной полиціи, къ каковой якобы принадлежитъ... обѣщая покровительствовать тѣмъ изъ профессоровъ, которые ему остались преданными и не подчиняются теперешнему начальству, поселяетъ въ университетѣ совершенное неповиновеніе, которое ежели продолжится, то несомнѣнно повлечетъ за собою общее разстройство онаго... Г. Магницкій не ограничиваетъ себя занятіями вышеизложенными, но желая поддержать еще болѣе себя въ мнѣніи людей, готовыхъ всегда на всякіе подвиги, коль скоро только имѣютъ надежду получить какія награды, которыя по обѣщаніямъ г. Магницкаго щедро на нихъ посылаются, связи съ самыми потерянными поведеніемъ и нравственностью чиновниками, подъ замѣтку бывшими у правительства и даже удаленными... составляютъ доносы и стараются возродить всякаго рода партіи противъ самаго губернатора, выдавая его несвѣдущимъ, и стремятся единственно какими бы то ни было средствами поставить ему преграды въ дѣйствіяхъ его, направляемыхъ къ пресѣченію столь закоренѣвшихъ злоупотребленій, взятокъ и медленнаго теченія дѣлъ».

Рѣшеніе государя послѣдовало быстрое и рѣшительное; на письмѣ Желтухина рукою императора Николая написано:

«Послать фельдъегеря съ приказаніемъ губернатору арестовать Магницкаго, опечатать его бумаги и то и другое прислать, Магницкаго въ Ревель подъ присмотръ коменданта, а бумаги сюда. Г. Бахметеву⁷⁰ приказать за упомянутыми лицами имѣть строгій надзоръ и, если будутъ продолжать свои дѣйствія, то донести»⁷¹.

Когда фельдъегерь явился въ Казань для доставленія Магницкаго въ Ревель, Михаилъ Леонтьевичъ разыгралъ свою роль до конца и, нимало не смущаясь, сказалъ: «что онъ совершенно доволенъ, что государь императоръ изволилъ удовлетворить просьбу его о переводѣ въ Ревель, гдѣ онъ будетъ находиться въ близкомъ разстояніи и отъ своей жены, что онъ видѣлъ во снѣ настоящее событіе, и что ему одинъ человѣкъ сказывалъ, что нынѣшній день съ нимъ что нибудь случится».

Въ Ревелѣ Магницкій прожилъ болѣе шести лѣтъ, обязанный пискою нигуда не отлучаться.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— «Какъ можно посылать Магницкаго въ Ревель! Туда ѣздить за здоровьемъ, а онъ присутствіемъ своимъ и воздухъ заразить»,—замѣтилъ Сперанскій по случаю ссылки своего прежняго сослуживца ⁷².

Не менѣе печальная участь постигла сподвижника и подражателя Магницкаго, Дмитрія Павловича Рунича, исправлявшаго должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. Указомъ 25-го іюня 1826 года, Руничъ былъ удаленъ отъ должности и отъ званія члена главнаго правленія училищъ за несообразныя дѣйствія его по управленію С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ и въ особенности по строительной части ⁷³. До разсмотрѣнія отчетовъ повелѣно было считать его подъ слѣдствіемъ. Руничъ воображалъ, что онъ спасъ Россію, удаливъ изъ университета Раупаха, Германа, Арсеньева и Плисова, и что онъ страдаетъ за правое дѣло. «Россія спасена, и я живъ, но гибель моя совершилась»,—писалъ онъ въ 1832 году.

Возмездіе, которое судьба опредѣлила Руничу за его просвѣтительные подвиги, было ужасное: увольненіе, безконечное слѣдствіе, затѣмъ судъ, лишили его всѣхъ средствъ существованія, и несчастный въ борьбѣ со страшною нуждою, среди семейныхъ невзгодъ, окончилъ свою истинно многострадальную жизнь 80-ти лѣтъ, въ 1860 году.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Зима съ 1826-го на 1827-й годъ въ С.-Петербургѣ была чрезвычайно оживленная. По разсказу генераль-адъютанта Бенкендорфа, «императрица Александра Ѳеодоровна, оправясь совершенно отъ разстройства здоровья, увеличеннаго всѣми предшедшими 14-му декабря и послѣдовавшими за ними тревогами, одушевляла и украшала своимъ присутствіемъ столичныя балы. Давно уже такъ не веселились у насъ. Послѣдніе годы жизни императора Александра какъ бы парализировали всѣ общественныя удовольствія. Избѣгая ихъ самъ, онъ своимъ отшельничествомъ и своею наклонностію къ мистицизму внушилъ всѣмъ родъ замкнутости и лицемѣрія, которыя препятствовали увеселеніямъ и раздѣляли петербургское общество на маленькіе кружки. Всѣ, какъ будто бы вдругъ очнувшись отъ скучнаго и однообразнаго существованія, предались снова танцамъ и другимъ свѣтскимъ удовольствіямъ. Дворъ самъ поощрялъ къ тому, и, съ одной стороны, милая привѣтливость императрицы, а съ другой, простой и открытый тонъ августѣйшаго ея супруга служили обществу лучшимъ примѣромъ. Впрочемъ, государь, вполне сочувствуя такому возвращенію С.-Петербурга къ общественной жизни, нисколько не ослабѣвалъ черезъ то въ своей дѣятельности и въ полезныхъ своихъ трудахъ».

Столичная жизнь оживилась еще пріѣздомъ цесаревича Константина Павловича, который наконецъ нашелъ для себя возможнымъ посѣтить С.-Петербургъ впервые послѣ событій 14-го декабря. Объ этомъ не лишнемъ историческаго значенія появленіи цесаревича генераль-адъютантъ Бенкендорфъ писалъ 9-го февраля барону Дибичу, отсутствовавшему въ то время изъ С.-Петербурга.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Прибытіе великаго князя причинило удовольствіе, но не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія; можно было бы сказать, что въ теченіе настоящаго царствованія онъ въ десятый разъ появляется въ С.-Петербургѣ. Цесаревичъ въ очень хорошемъ настроеніи, но въ общемъ мало предупредителенъ. Какъ передаютъ одинъ другому, онъ не перемѣнился. Третьяго дня на разводѣ онъ попросилъ позволенія командовать конными ординарцами. Онъ кричалъ, охрипъ и тѣмъ самымъ отгѣнилъ спокойствіе и выдержку императора до того рѣзкимъ образомъ, что на это обратили вниманіе не только генералы и офицеры, но и солдаты» ⁷⁴.

Черезъ недѣлю Бенкендорфъ сообщилъ Дибичу еще слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія о цесаревичѣ:

«Слава Богу, его пребываніе здѣсь еще болѣе упрочило доброе согласіе между обоими братьями; они разстались крайне довольные другъ другомъ, а публика въ восторгѣ отъ манеры держать себя императора и отъ почтительнаго рвенія великаго князя. Послѣдній можетъ пріѣхать или не пріѣзжать болѣе — это безразлично; его настоящее появленіе было крайне полезно въ томъ отношеніи, что поставило все опять на свое мѣсто. Великій князь положительно находится теперь въ томъ же положеніи, которое занималъ во время императора Александра, съ тою разницею, что та своего рода партія, которая распускала слухи о происшедшей въ немъ перемѣнѣ и восхваляла его административныя способности, совершенно молчитъ, а публика спрашиваетъ себя, откуда явилось это движеніе въ его пользу» ⁷⁵.

Одною изъ первыхъ заботъ императора Николая съ самаго его воцаренія были мѣры, направленные къ возрожденію флота, чтобы извлечь наши морскія силы изъ того «забвенія и ничтожества, въ которыхъ онѣ прозябали въ послѣднее время предшествовавшаго царствованія» ⁷⁶. Съ этою цѣлью рескриптомъ на имя начальника морского штаба, вице-адмирала Моллера, отъ 31-го декабря 1825 года, повелѣно учредить комитетъ образованія флота, съ тѣмъ, чтобы онъ составилъ соображенія о новомъ лучшемъ устройствѣ и флота и морского управленія ⁷⁷.

По возвращеніи князя Меншикова изъ персидскаго посольства (9-го ноября 1826 года), снова награжденнаго званіемъ генералъ-адъютанта, императоръ Николай привлекъ его къ работамъ комитета. 28-го ноября, баронъ Дибичъ, призвавъ къ себѣ князя Меншикова, объявилъ ему, что государю угодно, чтобы князь занялся проектомъ образованія морского министерства, по образцу главнаго штаба, и вручилъ ему собственноручную краткую записку его величества, въ которой указаны были въ общихъ чертахъ основныя пункты намѣченнаго преобразованія ⁷⁸. 30-го ноября, вечеромъ, князь Меншиковъ былъ у государя, который изложилъ ему свои мысли насчетъ преобразованія морского министерства. Съ этого времени начались непосредственныя работы

trouverez une occasion favorable de me
mettre aux pieds de l'Impératrice pour
m'obliger infiniment.

recu: 24 fev. 1826.
Storo.

Mon Prince

D'après les ordres de Sa Majesté l'Impératrice
Elisabeth, que vous m'avez communiqués,
j'ai pris les renseignements nécessaires sur
la manière de faire la donation de Kamennoi
Ostrov au Grand-Duc Michel.

D'après l'acte de la Famille Impériale
toute affaire de Famille doit être adressée
à l'Empereur qui la termine par un rescrit
ou un ukase; par conséquent il me semble
que si Sa Majesté l'Impératrice voulait
écrire une lettre à l'Empereur en l'informant
qu'Elle a disposé de Kamennoi Ostrov en
faveur du Grand-Duc et priant Sa
Majesté de donner les ordres en conséquence.

l'Empereur alors donnera un oukase à la
Sofia-commendation pour qu'elle remette à
Kamennoi Ostroff d'après la volonté de
l'Impératrice au Grand-Duc.

Pour ce qui concerne la volonté de l'Impératrice
que l'entretien de Kamennoi Ostroff ne soit
pas à charge au Grand-Duc et qu'il soit
affecté sur les 400^m Roubles offerts en aug-
mentation des 600^m R. de l'argent de Poche
de Sa Majesté — j'ai eu l'honneur d'en
faire mon rapport à l'Empereur. Sa
Majesté m'a chargé de faire les dispositions
nécessaires pour cela en y ajoutant qu'il
se faisait un plaisir de remplir les
ordres de l'Impératrice Elisabeth et qu'il
veut être toujours le caissier pour ces

400^m Roubles.

J'aurais l'honneur de vous informer
combien il faudra pour l'entretien de
Kamennoi Ostroff. Agrée je vous prie en
même temps l'expression des sentiments
les plus distingués de votre tout dévoué

Serviteur le Prince
Alexandre Galitzin

St Pétersbourg
le 16 février 1826.

P.S. l'Empereur m'a chargé encore
de vous écrire sur Monsieur Longuevoff
Il voudrait savoir si Sa Majesté
l'Impératrice ~~pourrait~~ trouverait bon
que l'Empereur lui confère l'ordre
de St Anne de la 1re classe. Si vous

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Библиографическимъ Запискамъ“ 1892 года).

князя Меншикова съ государемъ по морской части, продолжавшіяся безъ перерыва до знаменитаго константинопольскаго посольства 1853 года.

Въ дневникѣ князя Меншикова отъ 1-го декабря 1826 года записано:

«Былъ у начальника морского штаба для предварительнаго сношенія по преобразованію морского министерства, и хотя непріятно было ему видѣть меня, но мы разстались хорошо, ибо я не пначе съ нимъ объяснялся, какъ въ видѣ присланнаго для сообщенія справокъ, а не для совѣта, предоставляя себѣ понемногу вступить въ званіе совѣщающаго».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Работа, порученная князю Меншикову, и неожиданное вторжение его въ чуждую доселѣ сферу не были встрѣчены сочувственно со стороны морскихъ чиновъ; по мѣрѣ возможности старались даже затруднять его при исполненіи порученной государемъ работы. Доказательствомъ тому служить слѣдующая замѣтка въ дневникѣ князя Меншикова отъ 17-го декабря 1826 года:

«Вечеромъ баронъ Дибичъ читалъ мнѣ, по высочайшему повелѣнію, записку полицейскую, въ которой сказано было, что Моллеръ предписалъ своимъ подчиненнымъ не давать мнѣ справокъ и меня запутывать».

Привлеченіе князя Меншикова къ дѣлу о преобразованіяхъ по морской части дѣйствительно привело многихъ современниковъ въ изумленіе; но критики не знали, что будущій адмиралъ уже давно теоретически ознакомился съ морскими науками и не былъ чуждъ этой отрасли военнаго дѣла.

Сохранился дневникъ князя Меншикова за 1824 годъ; онъ былъ тогда въ немилости и поѣхалъ лѣчиться въ Крымъ. Дорогою князь посѣтилъ Николаевъ и всесторонне ознакомился со всѣми морскими учрежденіями этого порта. Затѣмъ князь Меншиковъ направился въ Севастополь, гдѣ онъ объѣзжалъ верхомъ окрестности и не разъ посѣщалъ мѣстности, игравшія такую роковую роль въ его жизни, тридцать лѣтъ спустя. Всѣ замѣчанія и разсужденія, занесенныя Меншиковымъ въ свой дневникъ, свидѣлствуютъ о знаніи и полномъ пониманіи морского дѣла со стороны любознательнаго посѣтителя; они какъ бы вышли изъ-подъ пера моряка спеціалиста⁷⁹.

Всѣ козни, направленные противъ князя Меншикова, не затормозили, однако, начатаго императоромъ Николаемъ съ обычною энергіею. Князь Меншиковъ продолжалъ работать съ государемъ и постоянно сопровождалъ его при непрестанныхъ поѣздкахъ въ Кронштадтъ, предпринимаемыхъ зимою и лѣтомъ. Новое образованіе морского министерства было выработано и утверждено государемъ, а приказомъ, отъ 25-го марта 1828 года, генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ, переименованный въ контръ-адмиралы, назначенъ былъ исправляющимъ должность начальника морского штаба его императорскаго величества. Вице-адмиралъ Моллеръ занялъ мѣсто морского министра.

9-го (21-го) сентября 1827 года, императоръ Николай обрадованъ былъ рожденіемъ сына, великаго князя Константина Николаевича, которому предназначено было сдѣлаться генералъ-адмираломъ русскаго флота. Въ тотъ же день государь поспѣшилъ сообщить эту радостную вѣсть цесаревичу Константину Павловичу и писать ему:

«Небо, дорогой Константинъ, даруетъ мнѣ милость представить вамъ сына, которому я осмѣлился дать имя Константинъ, будучи увѣренъ, что вы не отвергнете этого приношенія. Пусть это имя будетъ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

для дорогого дитяти залогомъ вашихъ милостей, которыми я и всѣ мои были постоянно осыпaeмы вами, и вѣрьте мнѣ, когда я говорю вамъ, что я счастливъ сверхъ всякаго выраженія тѣмъ, что небо даровало мнѣ счастье имѣть сына, имя котораго постоянно будетъ мнѣ напоминать того, которому посвящена вся моя жизнь. Соболаговолите быть крестнымъ отцомъ этого дорогого дитяти. Да ниспошлетъ мнѣ Богъ счастье видѣть, какъ этотъ дорогой ребенокъ станетъ достойнымъ имени, которое онъ носить, — достойнымъ принадлежать вамъ!»

Съ этимъ письмомъ императоръ Николай немедленно отправилъ въ Варшаву генераль-адъютанта, графа А. Ѳ. Орлова, бывшаго тогда дежурнымъ. Цесаревичъ былъ глубоко тронутъ вниманіемъ государя и писалъ 16-го (28-го) сентября:

«Какъ, дорогой братъ, я сумѣю когда либо отблагодарить васъ за все вниманіе и за всѣ милости, которыми вы удостоиваете меня:

«1) ваша память обо мнѣ въ столь важный моментъ,

«2) дать вашему сыну имя въ память обо мнѣ,

«3) возвѣстить мнѣ объ этой болѣе чѣмъ счастливой новости черезъ посредство одного изъ вашихъ генераль-адъютантовъ,

«4) назначить меня его крестнымъ отцомъ.

«Я перечисляю всѣ ваши милости для того, чтобы вы были увѣрены, что я умѣю цѣнить ихъ и быть за нихъ болѣе чѣмъ признательнымъ. Матушка соблагОВОлила сообщить мнѣ въ своемъ письмѣ, что при совершеніи обряда крещенія я буду замѣщенъ маленькимъ Александромъ; дай Богъ, чтобы мой крестникъ встрѣтилъ со стороны моего замѣстителя то же покровительство и тѣ же милости, которыми я когда-то пользовался со стороны того, чье священное имя онъ носить, — это мое первое горячее пожеланіе для моего второго тома (pour mon tome second) и для его счастья».

Императоръ Николай на дружескія изліянія брата отвѣчалъ выраженіемъ слѣдующаго пожеланія:

«Будьте для него тѣмъ, чѣмъ вы были и чѣмъ постоянно являетесь для меня. Что же касается обоихъ братьевъ, я сказалъ Сапѣ, что вы говорите объ этомъ, и надѣюсь, что они будутъ въ отношеніи другъ къ другу тѣмъ, чѣмъ вы были, а онъ будетъ молить Бога за нихъ, онъ, который такъ любилъ того, который носитъ его имя, и который такъ желалъ видѣть, чтобы второй сталъ для него тѣмъ, чѣмъ вы были для него. (Soyez pour lui ce que vous avez été et êtes toujours pour moi. Quant aux deux frères, j'ai dit à Camille ce que vous en dites et j'espère qu'ils seront l'un pour l'autre ce que vous fûtes, et Lui priera Dieu pour eux, Lui qui aimait tant celui qui porte son nom et qui désirait tant voir un second devenir pour lui ce que vous fûtes pour Lui)».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

По желанію императора Николая новорожденный великій князь былъ тотчасъ зачисленъ въ польскую армію, чтобы доказать ей, какъ выразился государь, что онъ съ самаго рожденія посвященъ тому, чтобы принадлежать ей, и что онъ родился настолько же польскимъ, какъ и русскимъ слугою (*qu'il est né serviteur polonais aussi bien que russe*).

II.

Ненормальное положеніе дѣлъ, созданное на Кавказѣ появленіемъ въ Тифлисѣ генераль-адъютанта Паскевича, достигло въ началѣ 1827 года своего апогея. При воцарившемся тогда двоеначаліи дѣла не могли итти въ должномъ порядкѣ, а къ тому же среди этихъ неурядицъ Россіи предстояло еще вести наступательную войну противъ Персіи для окончательнаго обезпеченія предѣловъ имперіи отъ вторженій вѣроломнаго сосѣда. Нельзя было далѣе откладывать рѣшеніе вопроса: кому оставаться на Кавказѣ—Ермолову или Паскевичу; отъ ихъ дальнѣйшаго совмѣстнаго служенія «самая служба государя императора потерпитъ», такъ выражался въ то время Паскевичъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ императоръ Николай повелѣлъ начальнику главнаго штаба, генераль-адъютанту барону Дибичу, отправиться въ Тифлисъ. Во время его отсутствія графу П. А. Толстому поручено было завѣдывать дѣлами главнаго штаба; вмѣстѣ съ тѣмъ, 3-го февраля 1827 года, графъ Чернышевъ назначенъ былъ товарищемъ начальника главнаго штаба. Они должны были вмѣстѣ докладывать государю дѣла. По данной Дибичу инструкціи, онъ послѣ совершенной увѣренности въ неспособности или въ «дурной волѣ Ермолова» имѣлъ право уволить его отъ управленія краемъ и отъ командованія кавказскими войсками.

31-го января (12-го февраля) 1827 года, государь въ собственноручномъ письмѣ сообщилъ генераль-адъютанту Паскевичу о предстоявшемъ пріѣздѣ барона Дибича, присовокупивъ: «Я вамъ однимъ даю знать. Его пріѣздъ долженъ быть неожиданъ, и потому я прошу васъ хранить сіе въ тайнѣ и не показывать по пріѣздѣ его, что вы о томъ прежде знали. Онъ мной совершенно уполномоченъ дѣйствовать, какъ обстоятельства потребуютъ; я все надѣюсь, что съ вашимъ усердіемъ и опытностью можетъ все притти въ должное положеніе, бывъ настроено начальникомъ моего штаба. Прочее онъ вамъ самъ объяснитъ. Если же пныя мѣры нужны будутъ, моя воля рѣшительна, и ничто ея не остановитъ. Но крайность избѣгать есть долгъ мой... Если бы исполнено было по нашему, можетъ быть, были бы мы уже въ Тавризѣ о сю пору.... но съ Божіею помощію все будетъ къ лучшему. Прощайте, любезный Иванъ Ѳедоро-

Князь Иванъ Леонтьевичъ Шаховской.
(Оъ литографіи Поля).

вичъ, моя старая дружба вамъ извѣстна, она не измѣнна такъ, какъ и моя благодарность».

Получивъ такія милостивыя строки отъ своего державнаго друга, генераль-адъютантъ Паскевичъ могъ спокойно ожидать страшнаго суда начальника главнаго штаба.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

20-го февраля (4-го марта) 1827 года, баронъ Дибичъ прибылъ въ Тифлисъ и немедленно приступилъ къ допросамъ какъ Ермолова, такъ и Паскевича⁸⁰.

8-го (20-го) марта, императоръ Николай призналъ полезнымъ прислать Дибичу письменное предостереженіе противъ возможныхъ съ его стороны увлеченій. «Я надѣюсь, — писалъ государь, — что вы не позволите себя обмануть этому человѣку, для котораго ложь, какъ только она ему полезна, становится добродѣтелью, и который ни во что не ставитъ получаемыя имъ повелѣнія. Наконецъ, да поможетъ вамъ Богъ и да внушитъ вамъ быть справедливымъ»⁸¹.

Императоръ Николай не напрасно предостерегалъ Дибича; произошло нѣчто удивительное! Не скрывая нисколько отъ государя собранныхъ имъ разнообразныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на Кавказѣ и образѣ дѣйствій какъ Ермолова, такъ и Паскевича, баронъ Дибичъ началъ незамѣтно склоняться въ пользу оставленія въ Тифлисѣ Ермолова и отозванія Паскевича. Сила ума Ермолова могла торжествовать побѣду; она начинала увлекать Дибича на совершенно иной путь, чѣмъ тотъ, который былъ намѣченъ въ Петербургѣ.

«Дибичъ, — пишетъ Паскевичъ въ сохранившемся отрывкѣ изъ его дневника, — сталъ удивляться, какъ это я не сошелся съ Ермоловымъ и дурно объ немъ отзываюсь; я ему отвѣчалъ, что все, что я писалъ о Ермоловѣ, во сто разъ лучше того, что онъ мнѣ о немъ въ Москвѣ говорилъ, но какъ бы то ни было, сказалъ я, и кого бы изъ насъ ни считали въ томъ виновнымъ, я ни въ какомъ случаѣ съ Ермоловымъ служить не могу и не буду. Повторить срамное медленіе послѣ Елисаветпольскаго сраженія я уже не въ силахъ, а съ Ермоловымъ безъ этого не обойдется»⁸².

Дибичъ писалъ государю 21-го февраля (5-го марта), на другой день послѣ своего пріѣзда: «Паскевичъ съ благодарностью уважилъ мои резоны, однако остался непоколебимъ». «Резоны» Дибича клонились къ тому, чтобы убѣдить Паскевича оставаться «вѣрнѣйшимъ помощникомъ Ермолова», а Паскевичъ, хотя и принялъ ихъ «съ благодарностью», однако остался «непоколебимымъ» въ намѣреніи не служить съ Ермоловымъ. При этомъ, какъ пишетъ Дибичъ, Паскевичъ объяснилъ свое непоколебимое рѣшеніе тѣмъ, что, по его убѣжденію, «Ермоловъ фальшивъ и показываетъ неспособность какъ при военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и при управленіи войсками»⁸³.

Въ послѣдующихъ донесеніяхъ Дибичъ, высказывая различные поводы къ обвиненію Ермолова, представлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма вѣскія соображенія, клонившіяся къ его оправданію⁸⁴. Наконецъ, въ всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 28-го февраля (12-го марта) Дибичъ съ крайнею осторожностью старался внушить государю необходимость оста-

вить Ермолова на Кавказъ, но опасаясь, что недовѣріе императора Николая къ Ермолову можетъ пересилить его доводы, предлагалъ замѣнить его графомъ Витгенштейномъ, а Паскевича выставлалъ, какъ еще не подготовленнаго и вообще не способнаго для первостепеннаго мѣста, при чемъ, конечно, принимая въ соображеніе личныя отношенія государя къ Паскевичу, онъ превозносилъ рыцарски благородныя его чувства, можетъ быть, только, по его мнѣнію, слишкомъ пылкія для государственнаго дѣятеля⁸⁵.

Но внушенія Дибича не привели къ желаемой цѣли. Императоръ Николай сразу разсѣкъ гордіевъ узелъ, которымъ старались его опутать. Монаршей волей никто не руководилъ, пишетъ біографъ князя Паскевича, она была вполне самобытна и самодержавна⁸⁶.

Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что 12-го (24-го) марта императоръ Николай сообщилъ Дибичу слѣдующее рѣшеніе, положившее конецъ осадному положенію, въ которомъ находился Ермоловъ. Отправляя съ этимъ письмомъ къ барону Дибичу фельдъегеря, 13-го (25-го) марта, государь ничего не сообщилъ о принятомъ имъ рѣшеніи ни графу Толстому, ни графу Чернышеву.

«Я ясно вижу, — писалъ государь, — что дѣла не могутъ итти подобнымъ образомъ; когда вы и Паскевичъ уѣдете, этотъ человѣкъ, предоставленный самому себѣ, поставитъ насъ въ то же положеніе относительно знанія дѣлъ и увѣренности, что онъ будетъ дѣйствовать въ нашемъ духѣ, какъ это было до отъѣзда Паскевича изъ Москвы, — такую отвѣтственность я не могу принять на себя. Поэтому, зрѣло взвѣсивъ все и продолжая ожидать вашего второго курьера, если онъ не доставитъ мнѣ иныхъ данныхъ, чѣмъ тѣ, которыя вы уже дали мнѣ возможность предвидѣть, я не усматриваю иного исхода, какъ поручить вамъ воспользоваться полномочіемъ, предоставленнымъ вамъ для смѣщенія Ермолова. Его преемникомъ я назначаю Паскевича, потому что изъ вашихъ донесеній я не усматриваю, чтобы онъ хоть въ чемъ либо нарушилъ обязанности, налагаемыя самой строжайшей дисциплиной. Опозорить же этого человѣка отозваніемъ его при подобныхъ обстоятельствахъ было бы несогласно съ моею совѣстью... Прежде всего поставьте Паскевича на должную ногу и дайте ему понять всю важность поста, на который я призываю его въ данномъ случаѣ, и внушите ему всю цѣну моего довѣрія; онъ человѣкъ чести и мой прежній начальникъ, онъ сумѣетъ, я отвѣчаю за него, выполнить мои желанія»⁸⁷.

Въ томъ же письмѣ императоръ Николай сообщалъ еще, что онъ предназначилъ генераль-адъютанта Спягина для занятія мѣста военнаго губернатора въ Тифлисѣ⁸⁸.

По полученіи письма государя, утромъ 28-го марта, баронъ Дибичъ спохватился во время; новыхъ данныхъ (d'autres données), о кото-

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

рыхъ упоминалъ императоръ Николай, конечно, не оказалось, и начальнику главнаго штаба оставалось только сообщить Ермолову высочайшее повелѣніе объ его увольненіи и о замѣнѣ его генераль-адъютантомъ Паскевичемъ⁸⁹. Дѣло наконецъ завершилось тѣмъ, съ чего бы ему слѣдовало начаться.

Между тѣмъ, генераль Ермоловъ, благодаря своей проницательности, уже съ своей стороны, ранѣе Дибича, вѣрно оцѣнилъ истинное положеніе дѣлъ. «Старый левъ не пожелалъ тянуть агонію своей власти на Кавказѣ»⁹⁰. 3-го (15-го) марта, Ермоловъ отправилъ въ Петербургъ всеподданнѣйшее письмо, идущее совершенно въ разрѣзъ съ инсинуаціями, сдѣланными уже государю въ пользу проконсула Кавказа начальникомъ главнаго штаба.

«Не имѣвъ счастья заслужить довѣренность вашего императорскаго величества,—писалъ Ермоловъ,—долженъ я чувствовать, сколько можетъ беспокоить ваше величество мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ дѣло здѣшняго края поручено человѣку, не имѣющему ни довольно способностей, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности вашего императорскаго величества поставляетъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя бы природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается тою мыслию, что не буду я умѣть исполнить волю вашу, всемплоствѣйшій государь!

«Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю, однако же, просить объ увольненіи меня отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ это быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не почитаю непреодолимыми, но, устраняя всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить вашему императорскому величеству мѣру сію, какъ согласную съ пользою общою, которая всегда была главною цѣлью всѣхъ моихъ дѣйствій».

Это письмо, однако, не рѣшило собою участи Ермолова; оно пришло въ С.-Петербургъ, когда уже повелѣно было Дибичу уволить проконсула.

По странной случайности высочайшій приказъ объ увольненіи Ермолова отданъ былъ въ С.-Петербургѣ 28-го марта, слѣдовательно въ тотъ же день, когда Дибичъ объявилъ Ермолову въ Тифлисѣ высочайшее повелѣніе о замѣнѣ его Паскевичемъ⁹¹.

Когда Дибичъ начиналъ склоняться къ тому, чтобы оставить Ермолова на Кавказѣ, онъ, повидимому, надѣялся, что будетъ руководить военными дѣйствіями противъ Персіи и направлять проконсула. Между тѣмъ государь, порѣшивъ дѣло самостоятельно, не подчиняясь внушеніямъ начальника своего штаба, уполномочилъ лишь Дибича продлить свое пребываніе въ Тифлисѣ настолько, чтобы водворить Паскевича

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

на новомъ мѣстѣ и установить соотвѣтственные порядки⁹². Что же касается смѣны Ермолова, то Николай Павловичъ требовалъ, чтобы при этомъ отсутствовали шумъ, скандалъ, оскорбленія, комедія, неумѣстные вопли. «Пусть все совершится въ порядкѣ, съ достоинствомъ и согласно точному порядку службы», — писалъ государь Дибичу 27-го марта⁹³.

Графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Сакенъ.

(Оъ рисунка съ натуры Киля. Изъ собранія А. О. Думберга).

Опасенія императора Николая были напрасны; шумъ и оскорбленія не имѣли вовсе мѣста⁹⁴. Отсутствовали также выраженія общественнаго сочувствія къ павшему герою; отъ него отвернулись, какъ отъ зачумленнаго, и обратились къ восходящему солнцу. Н. Н. Муравьевъ въ запискахъ своихъ пишетъ: «Я поѣхалъ навѣстить Алексѣя Петровича, но

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

въ какомъ состояніи засталъ я домъ сей, прежде того наполненный людьми, ищущими его покровительства! Домъ, въ коемъ умеръ хозяинъ, есть лучшее уподобленіе, которое можно прибрать къ сему случаю».

Ермоловъ прожилъ еще мѣсяцъ въ Тифлисѣ частнымъ чело­вѣкомъ для приведенія своихъ дѣлъ въ порядокъ; дождавшись отъѣзда Алексѣя Петровича, Дибичъ также разстался съ Тифлисомъ и выѣхалъ 30-го апрѣля обратно въ Россію.

По словамъ Погодина: «Ермоловъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ простой кибиткѣ, въ которой и пріѣхалъ туда за десять лѣтъ, съ третнымъ жалованіемъ въ карманѣ, съ глубокою раню въ сердцѣ. Жить онъ расположился близъ Орла, въ родовой деревушкѣ у престарѣлаго отца»⁹⁵. Впереди лежало тридцать пять лѣтъ вынужденной праздности; не имѣя еще полныхъ пятидесяти лѣтъ отъ роду, Ермоловъ отправлялся на долгій и бесполезный для своей родины созерцательный покой.

«Какая тишина послѣ шумной жизни! Какое уединеніе послѣ все­гдашняго множества людей, — пишетъ Ермоловъ въ своемъ дневникѣ. — Я не отставленъ отъ службы, не уволенъ въ отпускъ, не сказано, чтобы состоялъ по арміи... Новое начальство не имѣло ко мнѣ и того внима­нія, чтобы дать мнѣ конвой, въ которомъ не отказываютъ никому изъ отъѣзжающихъ. Въ Тифлисѣ я его выпросилъ самъ, а на военныхъ по­стахъ по дорогѣ давали мнѣ его постовые начальники по привычкѣ по­виноваться мнѣ».

По дорогѣ въ деревню, Ермоловъ заѣхалъ въ Таганрогъ для того, чтобы видѣть мѣсто кончины императора Александра, вмѣстѣ съ кото­рымъ, по словамъ Алексѣя Петровича, «похоронено и мое счастье». Дѣй­ствительно, звѣзда Ермолова угасла вмѣстѣ съ жизнію монарха, въ цар­ствованіе котораго онъ проложилъ себѣ путь къ славѣ.

Жалованье Ермолова было обращено въ пенсію по 14.000 рублей ассигнаціями. Вотъ все, что онъ имѣлъ. Въ донесеніи государю отъ 29-го марта 1827 года о смѣщеніи Ермолова Дибичъ писалъ, что даже и въ этомъ краѣ, гдѣ о каждомъ распространяютъ массу позорящихъ клеветъ, никто не могъ и не смѣлъ заподозрѣть личнаго безкорыстія Алексѣя Петровича⁹⁶. Въ царствованіе императора Александра Ермо­ловъ отказался отъ дарованной ему аренды, сказавъ, что на малыя его нужды достанетъ ему жалованья. Враги его толковали, что это уловка, хитрость со стороны Ермолова, что въ этомъ отказѣ вѣрно кроется ка­кая нибудь задняя мысль, желаніе получить болѣе со временемъ. «Жаль, что они сами не прибѣгли къ той же уловкѣ, — пишетъ Е. П. Ковалев­скій: — отъ этого наши финансы, конечно, много бы выиграли»⁹⁷.

Біографъ Ермолова пишетъ: «Горько было Ермолову удалиться съ Кавказа, съ поприща своихъ подвиговъ и побѣдъ, гдѣ онъ въ продол­женіе десяти лѣтъ, имѣя подъ начальствомъ малое количество войска,

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

смирить дикихъ горцевъ, навелъ на нихъ ужасъ, такъ что матери страшили его именемъ своихъ младенцевъ, покорилъ цѣлыя области, утвердилъ русское владычество, построилъ крѣпости на всѣхъ важныхъ пунктахъ, открытыхъ его орлинымъ взоромъ, образовалъ и приготовилъ Суворовское войско, готовое идти хоть въ преисподнюю по гласу любимаго начальника, и бросалъ русско-петровскіе взоры на Турцію, Персію, Бухару, Хиву, Индію... горько было Ермолову, но, вѣрный подданный, онъ оставилъ жезлъ начальства безъ прекословія, въ надеждѣ, что сердце царево въ руцѣ Божіей, подвигнется когда нибудь съ гнѣва на милость.

«Что сказать о гражданскихъ его заслугахъ въ Грузіи? Онъ утвердилъ безопасность жителей, водворилъ порядокъ, привлекъ поселенцевъ, возбудилъ промышленность, открылъ новые источники доходовъ для правительства.

«Дѣятельность его была неимовѣрная: въ одно время онъ и сражался, и строилъ, и распоряжался, награждалъ и наказывалъ, заводилъ, повѣрялъ, свидѣтельствовалъ. Спалъ онъ по четыре и пяти часовъ въ день, на простомъ войлокѣ, гдѣ случалось. Такъ провелъ онъ десять лѣтъ, всегда преданный службѣ, не зная семейныхъ наслажденій, не пользуясь обществомъ, никакими удобствами, съ единою мыслию объ общей пользѣ, о славѣ и могуществѣ Россіи».

Одинъ изъ сослуживцевъ Ермолова пишетъ: «Противникамъ его (а у него ихъ было много) я скажу кратко: всякій человѣкъ имѣетъ недостатки; но пускайте, господа, заставить уважать и любить себя такъ безгранично, какъ уважали и любили Алексѣя Петровича, кто его знаетъ, и тогда пускай тѣшатся и бросаютъ камни въ его огородъ»⁹⁸.

Императоръ Николай въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 9-го (21-го) апрѣля 1827 года, слѣдующимъ образомъ объяснилъ брату увольненіе Ермолова⁹⁹:

«Изъ приказа вы уже узнали о замѣнѣ Ермолова Паскевичемъ. Судя по точной картинѣ того, что мнѣ описалъ Дибичъ, все, будучи далеко не столь безмѣрно дурно, какъ это рассказывалось, было, однако, достаточно дурно для того, чтобы доказывать ясно, какъ день, что послѣ отъѣзда Дибича и Паскевича все снова превратилось бы въ хаосъ, безпорядокъ, которые были раньше и сдѣлались обычными въ этой странѣ, въ виду системы, усвоенной Ермоловымъ. Вы согласитесь со мною, что наканунѣ войны это являлось плачевными гарантіями успѣха. Паскевичъ былъ безупреченъ (irréprochable), поэтому я не могъ колебаться и сдѣлать рѣшительный шагъ. Въ теченіе двухъ-трехъ дней здѣсь были совершенно ошеломлены: «качели»¹⁰⁰ заставили позабыть и Ермолова и Грузію. Сегодня утромъ я получилъ отъ Дибича донесеніе, что перемѣна совершилась, и что все произошло въ порядкѣ; Ермоловъ подчинился рѣшенію съ покорностію и безъ жалобъ. Я строго внушилъ Ди-

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

бичу воспользоваться всею своею властью и моимъ именемъ, чтобы воспрепятствовать и предупредить какіе бы то ни были восторги и восклицанія какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, чтобы все произошло, строго придерживаясь служебнаго порядка; повидимому, мнѣ удастся все-таки увидѣть все дѣло оконченнымъ, не какъ паденіе придворнаго, немилость и тому подобное, а такъ, какъ «сдача» и должна происходить»¹⁰¹.

Генераль-адъютантъ Дибичъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ Россію 30-го апрѣля (12-го мая) 1827 года.

Весною императоръ Николай предполагалъ осмотрѣть въ Вязьмѣ войска 2-го пѣхотнаго корпуса, состоявшаго подъ начальствомъ князя Щербатова, и съ этою цѣлью отправился въ путь 7-го (19-го) мая¹⁰². Свиту государя составляли: графъ П. А. Толстой, графъ Чернышевъ и генераль-адъютантъ Бенкендорфъ. Въ Вязьмѣ послѣ общаго смотра войска два дня маневрировали. Государь остался ими совершенно доволенъ, пожаловалъ начальникамъ разныя награды, а городу пособіе въ возмездіе за разореніе, понесенное имъ въ 1812 году отъ нашествія французовъ.

На смотрахъ присутствовали великій князь Михаилъ Павловичъ и главнокомандующій первой арміи, фельдмаршалъ графъ Сакенъ¹⁰³.

Генераль-адъютантъ Дибичъ засталъ императора Николая еще въ Вязьмѣ; здѣсь его ожидалъ милостивый пріемъ со стороны государя, а 25-го іюня (7-го іюля) 1827 года, баронъ Дибичъ возведенъ былъ въ графское достоинство, продолжая занимать должность начальника главнаго штаба его императорскаго величества.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ императоръ Николай посвятилъ три дня на подробный осмотръ новгородскихъ военныхъ поселеній¹⁰⁴, а осенью 1827 года предпринялъ новое путешествіе въ Динабургъ, Ригу и Ревель.

Императоръ Николай и послѣ воцаренія продолжалъ слѣдить за успѣхами инженерной части, которую онъ, въ качествѣ великаго князя, будучи генераль-инспекторомъ, вывелъ изъ прежняго у насъ ничтожества; несмотря на все бремя другихъ государственныхъ заботъ, онъ никогда не забывалъ своей прежней специальности. Поэтому государь, желая осмотрѣть работы по Динабургской крѣпости, производившіяся уже нѣсколько лѣтъ подъ личнымъ его управленіемъ, отправился въ Динабургъ 19-го октября, въ сопровожденіи только графа Дибича; оттуда онъ поѣхалъ въ Ригу и Ревель и возвратился въ С.-Петербургъ 1-го (13-го) ноября.

«Лифляндія, — пишетъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, — счастливая, со временъ Петра Великаго, подъ скипетромъ русскихъ самодержцевъ, душевно къ нимъ привязана и желаетъ только продолженія того же благоденствія, которымъ она наслаждается полтора вѣка. Рига приняла въ восторгѣ молодого императора. Получивъ во время своего тамъ пребыванія нѣсколько новыхъ трофеевъ, взятыхъ у вѣроломныхъ пер-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

сіанъ, онъ пожаловалъ ихъ городу, для храненія въ той же кафедральной церкви, гдѣ развѣшаны вооруженія и щиты древнихъ меченосцевъ, побѣжденных наконецъ русскими, праотцевъ современнаго дворянства, которое съ честію и славою служить въ рядахъ нашихъ войскъ.

«Изъ Риги государь поѣхалъ въ Ревель, куда велѣно было также явиться мнѣ и князю Волконскому. И Ревель привѣтствовалъ новаго

Графъ Иванъ Осиповичъ Виттъ.

(Съ портрета, находящагося въ „Военной галлерей“ Зимняго дворца).

императора съ восторгомъ; и здѣсь, какъ въ Ригѣ, онъ вошелъ въ малѣйшія подробности военнаго и гражданскаго управленія, обративъ преимущественное вниманіе на учебныя заведенія и на устройство Ревельскаго порта. Онъ почтилъ своимъ присутствіемъ обѣдъ, предложенный ему отъ дворянства, и балъ, данный гражданами города».

Независимо отъ увольненія Ермолова, 1827-й годъ ознаменованъ былъ еще другою не менѣе важною перемѣною въ личномъ составѣ высшаго

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

военнаго управленія. По свидѣтельству А. Д. Боровкова, довѣреннаго сотрудника военнаго министра графа Татищева, составилъ сильный ком-плотъ столкнуть его съ кресель министерскихъ, на которыя хотѣлось сѣсть графу Чернышеву. Къ достиженію своихъ честолюбивыхъ замысловъ онъ нашелъ себѣ содѣйствіе со стороны начальника главнаго штаба, барона Дибича, и вскорѣ явился желанный, благовидный предлогъ.

Во время пребыванія императора Николая въ Москвѣ, доставленъ былъ въ руки гоеударя доносъ, что графъ Татищевъ, въ бытность его генераль-кригскомиссаромъ, допустилъ по комиссаріату безпорядки и злоупотребленія. Разслѣдованіе поручено было генераль-адъютанту Храповицкому, «человѣку пустому и дерзкому, — какъ пишетъ Боровковъ, — дѣйствовавшему по волѣ и направленію графа Чернышева». Донесенія свои Храповицкій представлялъ непосредственно государю, который, не оскудѣвъ еще благоволеніемъ къ графу Татищеву, присылалъ бумаги на его заключеніе. Началась полемика, продолжавшаяся почти годъ, которая побудила наконецъ военнаго министра написать императору Николаю 22-го мая 1827 года письмо, которое поручилъ составить Боровкову. «Долго я размышлялъ объ этомъ, — сказалъ ему Татищевъ, — но у меня не станетъ силъ: я старъ, пусть молодые пройдохи возьмется съ министерствомъ. Въ защиту свою и моихъ подчиненныхъ я представилъ все, что могъ; да будетъ воля Божія и государя».

Содержаніе письма было слѣдующее:

«Всемиловѣйшій государь.

«Долговременное служеніе мое большею частію въ должностяхъ, требовавшихъ неунынной дѣятельности, бореніе съ огорченіями и непріятностями, съ сими должностями сопряженными, и наконецъ гнетущая рука времени такъ разстроили и душевныя и тѣлесныя силы, что управленіе военнымъ министерствомъ часть отъ часу становится для меня тягостнѣе.

«Страшусь, всемиловѣйшій государь, чтобы въ преклонности лѣтъ болѣзненное состояніе, преодолевая ревность къ сохраненію пользы отечественной, не пропзвело на обширномъ поприщѣ по званію военнаго министра невольныхъ упущеній и не возбудило тѣмъ праведный гнѣвъ августѣйшаго монарха, щедро явившаго на мнѣ опыты своего благоволенія и высочайшей довѣренности.

«Ободренный сими опытами, я дерзнулъ повергнуться къ стопамъ вашего императорскаго величества съ вѣрноподданническою просьбою о сложеніи съ меня званія военнаго министра. Но, пламенѣя въ душѣ посылъ-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ными трудами заслужить милости, вашимъ величествомъ на меня изліянныя, я приму всякое назначеніе съ чувствомъ искренняго благоговѣнія.

«Вашего императорскаго величества

«вѣрноподанныйишій

«графъ Александръ Татищевъ»¹⁰⁵.

Боровковъ рассказываетъ, что на другой день пріѣхалъ къ графу Татищеву баронъ Дибичъ; болѣе часу продолжалось ихъ совѣщаніе. Дибичъ убѣждалъ его именемъ государя не оставлять министерства, старикъ упрямствовалъ и настоялъ на своемъ. Желаніе его было исполнено, но только черезъ три мѣсяца, 26-го августа 1827 года. Въ послѣдовавшемъ тогда же высочайшемъ приказѣ поручено было управлять военнымъ министерствомъ, впредь до повелѣнія, товарищу начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанту графу Чернышеву. Такъ достигъ комплотъ своей цѣли,—замѣчаетъ названный выше современникъ.

Съ этого времени управленіе главнымъ штабомъ и военнымъ министерствомъ сосредоточилось въ одномъ лицѣ, и подготавлилось въ будущемъ полное сліянiе всѣхъ частей военнаго управленія въ рукахъ графа Чернышева.

Вообще, съ 1827 года, началось нѣкоторое обновленіе въ личномъ составѣ министровъ, назначенныхъ еще въ царствованіе императора Александра. Подобной переменѣ ожидали еще во время коронаціонныхъ торжествъ; но когда эти надежды не оправдались, въ петербургскомъ обществѣ начали говорить: «Императоръ хочетъ удержать старыхъ глупцовъ, чтобы доказать, что онъ одинъ умѣетъ управлять. (L'Empereur veut conserver les vieilles ganaches pour faire voir qu'il sait gouverner tout seul)»¹⁰⁶. 15-го октября 1827 года, преклонныя лѣта князя Лобанова-Ростовскаго побудили его просить о сложеніи съ него должности министра юстиціи, которую онъ занималъ десять лѣтъ. Увольненіе князя состоялось 18-го октября, а товарищъ его, князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгоруковъ, назначенъ былъ министромъ.

Въ началѣ слѣдующаго года переменѣ продолжались. 19-го апрѣля 1828 года, генералъ-адъютантъ Закревскій занялъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ, съ сохраненіемъ званія финляндскаго генералъ-губернатора и командира отдѣльнаго финляндскаго корпуса. Почти одновременно, нѣсколькими днями позже (23-го апрѣля), состоялось также, какъ уже выше упомянуто, увольненіе адмирала Шишкова.

Изъ бывшихъ alexandroвскихъ министровъ остались нетронутыми и еще болѣе укрѣпились на занимаемыхъ ими мѣстахъ: графъ Несельроде, пожалованный 24-го марта 1827 года въ вице-канцлеры, и

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

генераль Канкринъ, возведенный въ 1829 году въ графское достоинство.

По свидѣтельству одного современника, императоръ Александръ былъ довольно непостояненъ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ. «На благосклонность его нельзя было твердо полагаться. Люди, которымъ онъ оказывалъ свое особенное расположеніе, или которые удостоивались его горячей дружбы, и которые, казалось, были достойны оказываемаго имъ высокаго отличія, неожиданно лишались его прежняго вниманія и утрачивали его довѣріе. Только безсердечный Аракчеевъ, а отчасти и другъ дѣтства государя, князь А. Н. Голицынъ, составляли исключеніе. Вполнѣ повредить Голицыну не могъ даже Аракчеевъ, несмотря на всѣ свои интриги. Совершенно инымъ былъ императоръ Николай. У него не было любимца, который имѣлъ бы такое вліяніе, какое имѣлъ Аракчеевъ. Кромѣ того, если кто либо заслужилъ однажды его милостивое вниманіе, тотъ могъ разсчитывать на его благоволеніе до тѣхъ поръ, пока не лишался по собственной ошпбкѣ»¹⁰⁷.

Приведенный здѣсь отзывъ современника долженъ быть признанъ вполнѣ справедливымъ. Стоитъ припомнить выдающееся значеніе и довѣріе, которымъ пользовались въ продолженіе всего царствованія императора Николая князь Волконскій, графъ Бенкендорфъ, графъ Орловъ, графъ Дибичъ, князь Паскевичъ, князь Меншиковъ, князь Чернышевъ, графъ Клейнмихель, графъ Киселевъ, графъ Нессельроде, графъ Канкринъ и многіе другіе государственные дѣятели того времени, чтобы убѣдиться въ основательности высказанныхъ сужденій.

III.

Прошли многіе годы послѣ увольненія А. П. Ермолова, когда Николай Герасимовичъ Устряловъ вздумалъ написать: «Историческое обозрѣніе царствованія императора Николая I-го». Это было въ 1846 году. Сочиненіе Устрялова было прочитано государемъ въ рукописи и собственноручно имъ исправлено¹⁰⁸. Въ своемъ историческомъ обозрѣніи авторъ коснулся, конечно, и персидскихъ дѣлъ и написалъ:

«За Кавказомъ содержался малочисленный корпусъ, разсѣянный мелкими отрядами по крѣпостямъ и въ совокупности не составлявшій даже одной полной дивизіи. Но тамъ былъ Ермоловъ: недоступный страху, онъ умѣлъ вселить мужество въ каждого солдата, и русскій штыкъ оставилъ врага на первомъ шагу».

Приведенныя здѣсь слова были зачеркнуты императоромъ Николаемъ, и на полѣ написано его величествомъ¹⁰⁹:

«Неправда, Ермоловъ въ это время донесъ мнѣ, что не чувствуетъ въ себѣ силу начальствовать войсками въ подобное время, и просилъ

D'après les détails de l'engagement que le détachement de la Compagnie eut avec l'ennemi, je crois voir que les soldats, peu confiants dans leur nombre, ont dû se conduire de manière à ne pas vous rendre très content d'eux ainsi que moi. — Une ou deux rencontres sans succès peuvent gâter l'esprit des autres et nous ne réussirons pas à le remettre facilement. Ce n'est pas à un timide comme de commander un bataillon, qui, en but à un ennemi rusé, exige un chef actif, entreprenant et capable de faire observer l'ordre nécessaire avec exactitude et fermeté. —

Yermoloff

Графъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ.

(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу).

присылки довѣреннаго лица, тогда я послалъ къ нему генераль-адъютанта Паскевича и впослѣдствіи начальника штаба генераль-адъютанта графа Дибича».

Сообразно съ высочайшими указаніями, Устрялову пришлось измѣнить многія части своей рукописи, и въ такомъ переработанномъ видѣ его историческое обзорѣніе появилось въ печати въ 1847 году¹¹⁰. По-

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

хвальный отзывъ о Ермоловѣ, написанный Устряловымъ, былъ, конечно, исключенъ и замѣненъ слѣдующими строками:

«Ермоловъ донесъ императору, что онъ не чувствуетъ въ себѣ силы начальствовать войсками въ подобное время, и просилъ присылки довѣреннаго лица. Государь послалъ къ нему генералъ-адъютанта Паскевича, а впослѣдствіи начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта Дибича».

Какъ и слѣдовало ожидать, Ермоловъ очень огорчился напечатаннымъ о немъ отзывомъ и столь ярвымъ искаженіемъ исторической истины; гнѣвъ почтеннаго ветерана обрушился на неповиннаго ни въ чемъ историка. Устряловъ находился въ это время въ Москвѣ; въ своихъ воспоминаніяхъ онъ пишетъ:

«Въ Москвѣ я сблизился съ М. П. Погодинымъ, обѣдалъ у него и осматривалъ его любопытное и замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ книгохранилище. Отъ него я узналъ также, что Ермоловъ очень огорчился отзывомъ моимъ въ «Историческомъ обзорѣніи царствованія Николая I» объ увольненіи его на Кавказѣ. Я объяснилъ Погодину все, какъ было, что написалъ я въ рукописи, и какъ поправилъ сказанное мною самъ государь. Погодинъ говорилъ, что нѣсколько разъ ѣздилъ къ Ермолову и говорилъ ему, что я нисколько не виноватъ. Тѣмъ не менѣе, Ермоловъ написалъ ко мнѣ письмо, гдѣ довольно рѣзко говорить о моемъ выраженіи, и, не присылая мнѣ письма, распустилъ его по знакомымъ въ Москвѣ. Ихъ было очень много, и всѣ наперерывъ читали. Ермоловское посланіе было, разумѣется, не въ мою пользу. Мѣсяца черезъ три, уже возвратившись въ С.-Петербургъ, я получилъ это письмо. Я не зналъ, что дѣлать; писать къ Ермолову отвѣтъ и выставить все, какъ было, не видѣлъ никакой возможности; оставить безъ отвѣта тоже не хотѣлъ. Письмо Ермолова я отвезъ къ графу Уварову съ просьбою доложить государю. Послѣ мнѣ сказывалъ братъ мой, Ѳедоръ Герасимовичъ, служившій въ канцеляріи военнаго министра, что у нихъ, по волѣ государя, были большія хлопоты: отыскивали бумаги Ермолова при его увольненіи. Дѣло тѣмъ и кончилось. Я видѣлъ Ермолова впослѣдствіи на юбилей Московскаго университета, но не говорилъ съ нимъ ни слова»¹¹¹.

Ермоловъ по поводу этой полемики написалъ Погодину слѣдующія строки: «Препровождая письмо мое г. Устрялову, я высоко цѣню одобреніе ваше умѣренности, съ которою я сдѣлалъ возраженіе. Легко могъ бы я обойтись безъ него, убѣжденъ будучи, что мало вреда принесетъ мнѣ изложенное г. Устряловымъ на счетъ мой мнѣніе, ибо въ настоящее время я нѣсколько извѣстенъ, а исторіографъ оцѣненъ будетъ по достоинству и теперь, и впослѣдствіи, но такъ долженъ я былъ поступить по причинамъ, изъясненнымъ въ концѣ письма сего. Не думалъ ли исторіографъ, бросивъ на меня черную тѣнь, придать блеску

фельдмаршалу князя Варшавскому, но, и меня не трогая, довольно той подлой лести, которую расточаетъ въ похвалахъ ему» ¹¹².

Та подлая лесть, на которую жалуется Ермоловъ въ письмѣ къ Погдину, заключается, вѣроятно, въ слѣдующихъ словахъ исторіографа въ честь Паскевича: «Подъ стѣнами Елисаветполя встрѣтилъ его (Аббасъ-Мирзу) тотъ, кому судьба предназначила быть въ наше время грозою враговъ Россіи въ Азіи и въ Европѣ, вождь, достойный русскаго воинства: тамъ встрѣтилъ его Паскевичъ. Прибывъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ на Кавказъ, для содѣйствія главнокомандующему, съ особенною довѣренностію императора, онъ немедленно принялъ по волѣ Ермолова ¹¹³ начальство надъ войсками, назначенными противъ персіанъ, и первымъ дѣломъ его было совершенное пораженіе вдесятеро сильнѣйшей арміи, подъ личнымъ предводительствомъ Аббаса-Мирзы, въ семи верстахъ отъ Елисаветполя».

Каково же было прочесть рядомъ съ направленнымъ противъ него несправедливымъ обвиненіемъ донпрямбъ въ честь полководца, котораго онъ язвительно называлъ графомъ Ерихонскимъ, сравнивая его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука!

Для полной характеристики всѣхъ этихъ взаимныхъ недоразумѣній приведемъ здѣсь письмо Ермолова къ Устрялову отъ 17-го сентября 1847 года; оно свидѣтельствуешь, что съ 1827 года страсти еще не улеглись, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Выстрадавъ въ молчаливомъ уединеніи двадцать лѣтъ, Ермоловъ, затронутый сочиненіемъ Устрялова за живое, не могъ удержаться отъ составленія ядовитаго возраженія, въ которомъ бывшій проконсулъ весьма искусно, подъ видомъ несчастнаго исторіографа, громилъ совершенно другое лицо: всѣхъ бѣдъ своихъ содѣтеля ¹¹⁴.

«Увлекаясь общимъ любопытствомъ прочитать исторію достославнаго царствованія нашего государя императора, — пишетъ Ермоловъ, — долго не могъ я приобрѣсть сочиненія вашего, всѣми отыскиваемаго съ большимъ желаніемъ, и потому недавно ознакомился съ его содержаніемъ.

«Не разсуждая объ историческомъ изложеніи труда вашего, я почти-таю себя въ правѣ говорить, что въ немъ, упомянувши обо мнѣ, вы изволили изобразить меня въ чертахъ, совершенно несвойственныхъ ни личному моему характеру, ни поприщу, пройденному мною на службѣ и что, прежде нежели приступить къ тому, не было бы излишнимъ принять въ руководство свѣдѣнія болѣе основательныя или, по крайней мѣрѣ, правдоподобныя, хотя впрочемъ долженъ я подозрѣвать другую причину, предположить, что въ изложеніи вы искали соблудности добросовѣстность.

«Не въ защиту свою, въ которой не имѣю надобности, рѣшился я обнаружить ошибку вашу, но малѣйшее искаженіе истины оскорбляетъ достоинство исторіи и потрясаетъ довѣріе къ цѣлому труду.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«По произволу вашему приписать мнѣ недостатокъ способностей, вы отрицаете прозорливость покойнаго императора, котораго продолжительная борьба съ величайшимъ своего времени полководцемъ и низложеніе его поставили на такую степень славы, каковой судьба немногимъ достигнуть предоставляет. Послѣ сего нельзя безъ дерзости предположить, чтобы въ лицахъ, имъ избираемыхъ, недостатки способностей могли легко укрываться отъ его проницательности и легко быть замѣчаемы другими. Всѣ назначенія мои по службѣ опредѣляемы были непосредственною его волей. Такъ въ 1812 году, въ эпоху отечественной войны, былъ я начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи; въ 1814 году поручено мнѣ было болѣе 80.000 войскъ, расположенныхъ на границѣ съ Австріей; наконецъ, за шесть лѣтъ предъ удаленіемъ моимъ изъ Грузіи, я былъ назначенъ начальствовать арміею въ Италіи, болѣе нежели изъ ста тысячъ человѣкъ составленною, и для того вызванъ былъ въ Лайбахъ, гдѣ отзывъ обо мнѣ покойнаго императора императору австрійскому могъ быть лестнѣйшею для каждаго наградою.

«Прежняя война съ Персіей была современною войнѣ отечественной и, невзирая на ограниченность средствъ командовавшаго тогда на Кавказѣ генерала Ртищева, кончена со славою для оружія нашего и съ пріобрѣтеніями.

«Во время пребыванія моего въ Грузіи отличныя войска кавказскаго корпуса значительно умножены и сверхъ того нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ усилены были двумя дивизіями. Персіянами предводительствовалъ сынъ шаха, Аббасъ-Мирза, столь же извѣстный отсутствіемъ воинственныхъ дарованій, сколько знаменитый пораженіями русскихъ войскъ.

«Вамъ, милостивый государь, многое не извѣстно; но я, зная хорошо обстоятельства, войну съ персіянами не могъ встрѣтить безъ основательной надежды на успѣхъ и чувствовать въ себѣ недостатокъ способностей, когда во многихъ изъ подчиненныхъ мнѣ находилъ ихъ достаточными для персіянъ.

«Не оскорбленное самолюбіе, но признательность къ довѣрію, котораго удостоенъ я былъ покойнымъ императоромъ до конца его царствованія, и уваженіе къ памяти обо мнѣ прежнихъ моихъ сослуживцевъ вызвали меня замѣтить вамъ, милостивый государь, эту непозволительную ошибку.

«Съ должнымъ уваженіемъ имѣю честь быть

«милостиваго государя покорнѣйшій слуга

«Алексѣй Ермоловъ».

IV.

Избавившись отъ двухъ непрощенныхъ своихъ руководителей: Ермолова и Дибича ¹¹⁵, генераль-адъютантъ Паскевичъ смѣло и энергически принялся за выполненіе предположеннаго похода противъ Персін. Своими распоряженіями и блестящими успѣхами Паскевичъ не замедлилъ оправдать безграничное довѣріе, которое питалъ къ его дарованіямъ императоръ Николай.

Еще до отъѣзда Дибича военныя дѣйствія начались движеніемъ русскихъ войскъ въ Эриванскую область. 13-го (25-го) апрѣля, генераль-адъютантъ Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ занялъ Эчмιάдинскій монастырь ¹¹⁶. Неимоверная жара, превосходящая 40°, отсутствіе дорогъ и продовольствія въ безлюдной странѣ (персіане угнали жителей) сильно затрудняли быстрый ходъ намѣченныхъ военныхъ дѣйствій. Число больныхъ возрастало ужасающимъ образомъ; баталіоны начали замѣтно рѣдѣть. Тѣмъ не менѣе приступили къ осадѣ крѣпости Аббасъ-Абада, расположенной на Араксѣ, въ десяти верстахъ отъ Нахичевани. Аббасъ-Мирза, согласно предположенію Паскевича, не замедлилъ двинуться на выручку созданнаго имъ оплота въ Южно-Эриванской области, но попытка персидскаго полководца привела 5-го (17-го) іюля къ полному пораженію его войскъ при Джеванъ-Булахѣ; Аббасъ-Мирза съ трудомъ избѣгъ плѣна. Рѣшительная побѣда, одержанная Паскевичемъ, сопровождалась сдачею крѣпости Аббасъ-Абада, послѣдовавшею 8-го (20-го) іюля ¹¹⁷.

Теперь предстояло Паскевичу овладѣть Эриванью. Операции противъ этой крѣпости должны были рѣшить участь кампаніи; но для успѣшнаго выполненія подобной задачи нужно было выждать прибытія осадныхъ орудій; нестерпимый же зной и недостатокъ продовольствія препятствовали немедленно начать осаду Эривани. Пришлось отвести войска въ лагерь въ горы Карабабы.

Между тѣмъ наступательныя дѣйствія Аббаса-Мирзы, предпринятія къ Эчмιάдину противъ генерала Красовскаго, кончились тѣмъ, что персидскій полководецъ, несмотря на громадный перевѣсъ въ силахъ, отступилъ до появленія здѣсь нашихъ главныхъ силъ, пришедшихъ на выручку. Тогда Паскевичъ рѣшился овладѣть крѣпостью Сардаръ-Абадомъ. 19-го сентября (1-го октября) она была занята русскими войсками. Здѣсь побѣдитель нашелъ значительные запасы продовольствія, которые могли обезпечить содержаніе нашихъ войскъ во время предстоявшей теперь осады Эривани, къ обложенію которой немедленно приступили. 1-го (13-го) октября, Эривань, служившая оплотомъ персид-

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

скаго могущества въ Закавказьѣ, перешла въ руки Россіи. Паскевичъ доносилъ императору Николаю, 3-го (15-го) октября 1827 года:

«Знамя вашего императорскаго величества развѣвается на стѣнахъ эриванскихъ. Ключи сей столько прославленной крѣпости, весь гарнизонъ ея, взятый въ плѣнъ, вмѣстѣ со всѣми главными начальниками, самого Гассанъ-Хана, который на этотъ разъ не могъ ни бѣжать ¹¹⁸, ни пробиться, завоеванные трофеи: 4 знамя, 37 пушекъ, 2 гаубицы, 9 мортиръ, до 50 фальконетовъ, наконецъ подданство и благодарность жителей, освобожденныхъ нами отъ мнимыхъ защитниковъ и свирѣпыхъ утѣснителей,—все сіе спѣшу повергнуть къ всемилостивѣйшему воззрѣнію вашему, государь. Войско вашего императорскаго величества вновь увѣнчалось блескомъ побѣды. Быстрое покореніе Сардаръ-Абада навело ужасъ на непріятеля, и симъ должно было пользоваться... Потеря наша, по стеченію многихъ счастливыхъ случайностей, самая ничтожная ¹¹⁹. Знаменитая Эриванъ, которой пріобрѣтеніе, какъ полагали, должно было стоить потоковъ крови, пала предъ побѣдоноснымъ русскимъ оружіемъ безъ великихъ жертвовацій съ нашей стороны. Теперь лезгины, дагестанцы и всѣ мятежники въ кавказскихъ горахъ приведены будутъ въ трепетъ покореніемъ города, вѣчнаго ихъ убѣжища, гдѣ они находили помощь деньгами, оружіемъ и всѣмъ коварствомъ персидской политики. Слава его въ Турціи и Персіи неимовѣрна, но еще неимовѣрнѣе покажется овладѣніе имъ по шестидневной осадѣ. 3.000 человекъ военнопленнаго гарнизона уже мною отправляются въ Грузію».

Императоръ Николай щедро наградилъ Паскевича. За побѣду при Джеванъ-Булахѣ и взятіе Аббасъ-Абада онъ получилъ орденъ св. Владимира первой степени, а за взятіе Сардаръ-Абада и Эривани орденъ св. Георгія второй степени. Сверхъ сего государь написалъ еще своему полководцу 6-го (18-го) ноября слѣдующее собственноручное письмо:

«Богу угодно было благословить труды ваши, любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, преодолевъ всѣ препоны, природою и непріятелемъ вамъ противопоставимыя, исполнили вполнѣ мое желаніе и покорили Россіи тѣ области, которыя ей отнынѣ принадлежать должны въ возмездіе за наглосе покушеніе персіянъ.

«Изъ официальныхъ бумагъ вы увидите все мое удовольствіе; но мнѣ желательно, чтобъ мой старый командиръ зналъ, что я имъ сердечно доволенъ и вѣчно благодаренъ буду за то, что поддержалъ честь русскаго имени и исполнилъ мою волю. Спасибо, любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, спасибо отъ всей души. Я полагаю, что письмо сіе застанетъ васъ въ Тавризѣ, можетъ быть, съ помощію Божіею, и тогда же, какъ миръ заключенъ. Я сего искренно желаю; но если бы сего не было, и ослѣпленіе персіянъ вело ихъ къ гибели продолженіемъ войны, вы найдете всѣ мысли мои въ начертаніи, которое шлетъ вамъ Иванъ Ива-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

новичъ. Считаю необходимымъ намъ далеко не лѣзть въ глубину Персїи; но елико возможно скорѣе сдѣлать экспедицію въ Астрабадъ или Зинзили, гдѣ по вашему удобнѣе, и стать тамъ твердой ногой».

Дмитрій Павловичъ Руничъ.

(Съ портрета, принадлежащаго его дочери, г-жѣ Храбро-Василевской).

Въ то время, какъ русскія войска заняли Эривань, Аббасъ-Мирза окапывался въ лагерѣ въ Хоѣ и совершенно отказался отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій. Для русскихъ войскъ дорога въ главный городъ Азербейджана, Тавризъ, была открыта. 13-го (25-го) октября, князь Эристовъ занялъ съ отрядомъ безъ выстрѣла этотъ городъ; цита-

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

дель, крѣпость, склады, арсеналь, литейный заводъ—все было передано въ распоряженіе русскихъ. 19-го (31-го) октября, Паскевичъ съ авангардомъ вступилъ въ Тавризъ. Городское населеніе толпами вышло ему навстрѣчу, усыпая дорогу цвѣтами и закалывая быковъ, какъ это принято въ Персіи при торжественныхъ вѣздахъ шаха. «Вообще народъ изъясняетъ здѣсь къ намъ большое усердіе, — писалъ тогда Паскевичъ, — что въ послѣдствіи можетъ сдѣлаться для насъ затруднительнымъ»¹²⁰.

Шахъ Фетъ-Али-ханъ убѣдился наконецъ въ необходимости заключенія мира, тѣмъ болѣе, что наследникъ персидскаго престола и главнокомандующій Аббасъ-Мирза заявилъ своему повелителю: «мы не можемъ драться, намъ ничего другого не остается, какъ примириться».

Не довольствуясь подобнымъ признаніемъ своего пораженія, Аббасъ-Мирза, главный виновникъ войны съ Россією, явился въ Дей-Карганъ для личнаго свиданія съ Паскевичемъ. Главное затрудненіе къ заключенію мира состояло въ уплатѣ военныхъ издержекъ, которую требовала Россія; противъ территоріальныхъ же уступокъ никто не возражалъ. Въ Персіи всѣ государственные доходы принадлежали лично шаху, и Фетъ-Али-Ханъ дорожилъ сохраненіемъ своей казны. Поэтому уплата военныхъ издержекъ, писалъ Паскевичъ императору Николаю, «самая затруднительная въ землѣ, въ которой государь казну и личныя пользы свои совершенно отдѣляетъ отъ пользы народа». Препятствія къ заключенію мира увеличивались еще тѣмъ, что англійское правительство, снабжавшее Персію субсидіями, употребляло всѣ усилія для задержанія успѣховъ русской политики.

Хотя съ появленіемъ русскихъ войскъ въ Тавризъ политическая обстановка сразу измѣнилась въ нашу пользу и приняла даже антидинастическій характеръ противъ царствовавшего тогда въ Персіи шаха¹²¹, но императоръ Николай и въ этомъ случаѣ остался себѣ вѣренъ. «Непреклонный въ убѣжденіяхъ строго-легитимныхъ, — пишетъ князь Щербатовъ, — государь не допускалъ мысли о возможности воспользоваться непокорностію подданныхъ законному ихъ монарху. Наставляя на удовлетвореніи Россіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ отъ Паскевича и сохраненія цѣлости Персіи и неприкосновенности законной власти и престола шаха»¹²². Между тѣмъ въ донесеніяхъ Паскевича сквозило совершенно иное направленіе; онъ, повидимому, не особенно опасался разложенія Персіи. Паскевичъ, находясь въ Тавризѣ, всякій день все болѣе убѣждался въ возможности окончательно завладѣвъ Азербейджаномъ, управлять ханами всей Персіи. «Съ потерей Азербейджана, — писалъ Паскевичъ, — англійскіе чиновники могутъ сѣсть на корабли въ Бендеръ-Буширъ и возвратиться въ Индію»¹²³. Разсужденія русскаго главнокомандующаго, принимая во вниманіе одни персидскія дѣла, вполне соотвѣтствовали обстоятельствамъ; тѣмъ не менѣе близость неминуемой

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

войны съ Турціею не позволяла, однако, слишкомъ увлекаться одержанными успѣхами, такъ какъ низверженіе каджорской династіи удержало бы надолго русскія войска въ Персіи.

Персидское правительство съ свойственною восточнымъ политикамъ изворотливостію сумѣло затянуть переговоры, несмотря на то, что Аббасъ-Мирза подписалъ уже предъявленные ему предварительныя условія

Императоръ Николай I, императрица Александра Феодоровна и великій князь Константинъ Николаевичъ.

(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

мира ¹²⁴. «Безъ хитростей, безъ изворотовъ ничего здѣсь не дѣлается», — замѣтилъ Паскевичъ въ донесеніи къ государю отъ 21-го декабря 1827 года ¹²⁵. Наконецъ Паскевичъ вынужденъ былъ объявить о разрывѣ перемирія и снова двинуть войска для поддержанія своихъ требованій. Русскія заняли Міанъ и Ардебиль и, невзирая на холодное зимнее время, начали готовиться къ походу на Тегеранъ. Рѣшительныя мѣры, принятыя Паскевичемъ, и совѣты англійской миссіи заглушили наконецъ вспыхнувшіе новые воинственные порывы шаха; онъ смирился, и

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

10-го (22-го) февраля 1828 года въ Түркманчаѣ подписанъ былъ мирный договоръ съ Персіею.

Существенныя статьи трактата заключались въ уступкѣ Россіи ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, въ возвращеніи ханства Талышинскаго (съ Ленкоранью), занятаго персидскими войсками, и въ уплатѣ двадцати милліоновъ рублей за военныя издержки.

По полученіи этого радостнаго извѣстія, императоръ Николай возвелъ, 15-го (27-го) марта 1828 года, Паскевича въ графское достоинство, повелѣвъ ему именоваться графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ¹²⁶, и, сверхъ того, пожаловалъ ему одинъ милліонъ ассигнаціями изъ персидской контрибуціи. Эти милости императоръ Николай возвѣстилъ «отцу командиру» въ собственноручномъ письмѣ, въ которомъ писалъ:

«Воздавъ Всемогущему Богу благодареніе за дарованіе столь желаннаго мною мира, обращаюсь къ вамъ, мой любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, съ изъясненіемъ чувствъ признательности, которую отъ глубокаго сердца къ вамъ питаю за важныя услуги отечеству и точное исполненіе моихъ желаній; вы все вполнѣ совершили. Желая, чтобъ и въ потомствѣ сохранились неразлучныя съ именемъ вашимъ пріобрѣтенія, копми вамъ Россія обязана, пріобщилъ я къ фамиліи вашей названіе той твердыни, покореніемъ которой походъ принялъ рѣшительный оборотъ въ нашу пользу».

Затѣмъ въ томъ же письмѣ, какъ пишетъ біографъ Паскевича, государь въ мягкихъ, дружескихъ выраженіяхъ упрекалъ «отца командира» въ недовѣріи къ своимъ ближайшимъ помощникамъ и въ излишней раздражительности. Это замѣчаніе было вызвано тѣмъ, что до свѣдѣнія государя постоянно доводимы были случаи, свидѣтельствовавшіе о раздражительности и неуживчивости Паскевича. Слава, которую стяжалъ себѣ «отецъ командиръ» въ Персіи, и милость къ нему монарха встревожили немалое число лицъ, естественнымъ образомъ вызвавъ легіонъ недоброжелателей и завистниковъ, не пропускавшихъ удобнаго случая повредить ему во мнѣніи государя.

«Теперь,—писалъ императоръ Николай,—какъ старому знакомому, могу сказать, какъ другу, дозвольте мнѣ изъяснить со всею искренностью новое желаніе мое, собственно до васъ, любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, касающееся. Я душу вашу знаю; знаю, что благородная душа ваша не оскорбится голосомъ друга, которому честь ваша, ваша слава точно дороги.

«Не скрою отъ васъ, любезный другъ, что съ прискорбіемъ я видѣлъ, что многіе достойные сотрудники ваши, люди, коихъ вы уважать должны, ибо они вполнѣ сего достойны, лишились подъ конецъ похода вашего довѣрія, не сдѣлавъ, я смѣло скажу, ничего, дабы провиниться и тѣмъ заслужить неудовольствіе ваше справедливымъ образомъ. Мо-

жетъ ли высокая и благородная душа ваша быть преступна въ неза-
служенной недовѣрчивости? Достойно ли васъ угнетать или быть неспра-
ведливу къ тѣмъ, кои, не щадя ни трудовъ, ни самой жизни, дабы
заслужить мое благоволеніе, были истинными вамъ сотрудниками и по-
мощниками?

«Не мнѣ вамъ, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, упоминать, что про-
щать великодушно, притѣснять же безъ причины — неблагогородно.
Прошу васъ, какъ другъ, примите сіе увѣщаніе отъ меня, какъ долгъ
тому, которому я самъ многими добрыми совѣтами обязанъ. Я желаю,
чтобы моего Ивана Ѳедоровича всякій подчиненный любилъ и почиталъ,
какъ отца, и чтобы не было другихъ ему завистниковъ, какъ завистни-
ковъ его славы и добродѣтели.

«Слава сія на полѣ чести приобрѣтена вами, — остается приобрѣсти
другую, столь же важную: быть любиму своими подчиненными. Для сего
нужна строгая справедливость, даже самый видъ пристрастія или при-
хоти долженъ быть устраненъ. И можетъ ли быть иначе между благо-
родныхъ людей, обязанныхъ уваженіемъ другъ къ другу?

«Я льщу себя надеждой, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, что вы по-
стараетесь будущимъ вашимъ обращеніемъ съ вашими добрыми, усерд-
ными подчиненными доказать, что не въ нравѣ вашемъ поступать
постоянно, какъ донинѣ случалось, и что совѣтъ искренняго вамъ
друга не будетъ тщетнымъ. Въ трехъ вашихъ главныхъ подчиненныхъ:
Эмануелѣ, Сипягинѣ и Красовскомъ, имѣли вы людей способныхъ, на-
дежныхъ и заслуживающихъ мою довѣренность; съ ними въ особенности
будьте въ должныхъ начальническихъ, но дружественныхъ отношеніяхъ.
Ни одинъ изъ нихъ не будетъ, какъ говорится, искать выслуживаться
помимо васъ; каждый въ своемъ мѣстѣ будетъ преполезенъ... Съ сими
тремя помощниками, дѣйствуя черезъ нихъ по принятому плану и за-
нимаясь тогда болѣе общимъ направленіемъ, наблюденіемъ и частыми
осмотрами, я надѣюсь, мой Иванъ Ѳедоровичъ поставитъ скоро край сей
на ряду лучшихъ и самыхъ цвѣтущихъ областей Россіи»¹²⁷.

Приведенныя здѣсь строки, служащія лучшей характеристикой отно-
шеній, установившихся между Паскевичемъ и его другомъ, императо-
ромъ, сдѣлаются вполне понятными, если сказать, что даже ближайшій
сотрудникъ Паскевича, графъ Сухтеленъ, отзывался о немъ въ своей
перепискѣ, какъ о человѣкѣ честномъ, храбромъ, добромъ и справедли-
вомъ, но въ то же время недовѣрчивомъ, подозрительномъ и крайне тя-
желомъ въ служебныхъ отношеніяхъ¹²⁸.

Впрочемъ, въ письмѣ къ государю самъ Паскевичъ признавалъ жа-
лобы своихъ подчиненныхъ отчасти справедливыми¹²⁹. Въ письмѣ
же къ великому князю Михаилу Павловичу, написанному по окончаніи
Персидскаго похода изъ Туркманчая, Паскевичъ не отрицалъ проявлен-

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ной имъ съ нѣкоторыхъ поръ раздражительности, объясняя ее слѣдующимъ образомъ:

«Все счастливо кончилось,—пишетъ Паскевичъ,—однако прибавлю къ сему вашему высочеству, что если когда нибудь удостоюсь явиться въ присутствіе ваше, то узнать меня будетъ трудно. Безсонныя ночи въ теченіе долгаго времени, отсутствіе спокойствія, смѣна непрерывныхъ происшествій, непріятности всякаго рода, которыхъ никакимъ человѣческимъ расчетомъ ни предвидѣть, ни отвратить невозможно, наконецъ климатъ, послѣ несносныхъ жаровъ стужа такая, какъ въ Россіи, все это преобразило меня совершенно, и я устарѣлъ прежде времени. Характеръ мой даже совсѣмъ измѣнился. Требуя часто невозможнаго отъ людей и обстоятельствъ, нельзя сохранить себя въ обыкновенномъ положеніи души. Желаніе исполнить болѣе, нежели долгъ свой,—чрезмѣрно: препятствія раздражаютъ, и поневолѣ взыскивается часто и много, а это никому не нравится»¹³⁰.

Блистательный миръ съ Персією навелъ генераль-лейтенанта А. Х. Бенкендорфа на слѣдующія остроумныя размышленія, высказанныя имъ въ письмѣ, отъ 16-го (28-го) марта 1828 года, къ графу М. С. Воронцову:

«Нужно сознаться, что мусульмане не проявляютъ остроумія въ выборѣ времени для заключенія мира. Въ 1812 году турки посѣщили подписать его въ моментъ, когда Наполеонъ, имѣя позади себя всю Европу, надвигался на имперію. Теперь персіяне подражаютъ имъ, облегчая для насъ возможность раздавить ихъ единовѣрцевъ¹³¹. Миръ великолѣпный... Поэтому-то Паскевичъ и былъ сдѣланъ графомъ Эриванскимъ съ пожалованіемъ одного милліона. Вотъ какъ слѣдуетъ награждать... Наконецъ дѣло кончено такимъ образомъ, какъ и подобаетъ русскому императору. Всѣ восторгаются этимъ, и даже соперники, завистники, критики, крикуны ничего не находятъ для возраженія»¹³².

Нѣсколькими днями ранѣе Бенкендорфъ писалъ тому же графу Воронцову, что ожидаемое ежеминутно извѣстіе о мирѣ ошеломило дипломатовъ (*parmi les diplomates elle a été comme un coup de massue*).

Поздравляя императора Николая съ заключеніемъ мира, цесаревичъ Константинъ Павловичъ воспользовался случаемъ рѣзко осудить Ермолова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, косвенно кольнуть также и новаго героя Паскевича, котораго онъ не долюбивалъ.

«Я позволяю себѣ принести вамъ мой болѣе чѣмъ искренній поздравленія съ другою одержанной вами побѣдой, — писалъ цесаревичъ, — которая, по моему слабому разумѣнію, не лишена значенія и заключается въ томъ, что все обошлось безъ генерала Ермолова, бывшаго кумиромъ общественнаго мнѣнія и слывшаго за единственнаго способнаго человѣка въ нашемъ отечествѣ. Это является, по моему мнѣнію, не менѣе существенной побѣдой и призоветъ къ порядку очень многихъ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

съ ихъ новыми идеями, пагубными для всякаго законнаго порядка, и въ силу которыхъ геній долженъ замѣнять постоянно то, что установлено. Вы доказали, что можно было обойтись безъ него, и я отъ всего сердца благодарю за это небо; это — хорошій урокъ, данный всему міру»¹³³.

Императрица Александра Феодоровна.

(Съ гравюры Рајта).

9-го (21-го) апрѣля 1827 года, цесаревичъ писалъ по тому же поводу О. П. Опочинину:

«На то, что вы пишете, что генераль Ермоловъ отозванъ, а на мѣсто его назначенъ генераль Паскевичъ, скажу вамъ: жаль, что съ такими военными достоинствами, каковъ генераль Ермоловъ, онъ такъ себя своими дѣянiями запуталъ. Я ему во время оно нѣсколько разъ предвѣщалъ, что съ нимъ когда нибудь да будетъ такой конецъ. Съ послѣдняго же его пріѣзда въ Варшаву въ 1821 году, гдѣ онъ велъ себя не такъ, какъ бы слѣдовало, я совершенно прекратилъ мои съ нимъ соотношенiя».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Насколько отношенія цесаревича къ А. П. Ермолову стали недружелюбны, можно видѣть изъ другого, болѣе ранняго, письма Константина Павловича къ тому же О. П. Опочинину, отъ 12-го (24-го) марта 1826 года:

«Насчетъ выступившихъ въ походъ на Кавказъ баталіоновъ лейбъ-гвардіи Московскаго и Гренадерскаго полковъ, что государь императоръ не могъ безъ слезъ смотрѣть ихъ, будучи растроганнымъ, видя ихъ усердіе и ревность, съ коими они стремились итти загладить свой проступокъ,—въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что таковыя милосердыя чувства его императорскаго величества есть совершенно ему свойственны, въ чемъ всякій долженъ отдать справедливость, Алексѣй же Петровичъ Ермоловъ потѣшится теперь съ этими людьми, они ему на убой попались. Я весьма помню, когда въ 1814 году, во время атаки Парижа, изъ числа состоящей у меня въ командѣ прусской и баденской гвардіи я послалъ баденскій баталіонъ въ Rantín, и какъ Алексѣй Петровичъ стоялъ тогда въ сторонѣ, то я, подѣхавъ къ нему, сказалъ ему объ ономъ, онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ за нимъ, а по сродному своему человѣколюбію съ удовольствіемъ сказалъ, врядъ ли кто изъ онаго возвратится, и дѣйствительно такъ вышло, изъ 500 человѣкъ вступило въ Парижъ только 280».

Чѣмъ же разгнѣвалъ А. П. Ермоловъ цесаревича въ 1821 году? Дневникъ Ермолова отъ 20-го мая 1821 года даетъ слѣдующее объясненіе:

«Великій князь принялъ меня благосклонно. Почти ежедневно бывалъ я у развода; видѣлъ парады, ученья всякаго рода войскъ, смотры и маневры. Я отказался отъ квартиры во дворцѣ государя и остановился въ гостиницѣ. По приказанію цесаревича, всѣ польскіе генералы и прочіе чиновники на другой день по пріѣздѣ моемъ сдѣлали мнѣ посѣщеніе. Я просилъ объ отмѣнѣ его приказанія, но не успѣлъ. Я не принялъ ихъ, не желая дѣлать имъ безпокойства, зная при томъ, что изъ нихъ знакомые охотно увидятся со мною и безъ объявленнаго приказа. Цесаревичъ былъ въ большемъ негодованіи на меня, и начальнику штаба, генералу Курутѣ, поручилъ объясниться со мною самымъ непріятнымъ образомъ».

Но «патеръ Ермоловъ»¹³⁴ этимъ не довольствовался и причинилъ цесаревичу еще и другую непріятность: онъ рассказывалъ польскимъ генераламъ о Суворовскомъ штурмѣ Праги, за который украшенъ былъ Георгіевскимъ крестомъ. Варшавскія выходки Ермолова, шедшія совершенно въ разрѣзъ съ александровской политикой, проводимой тогда въ Польшѣ, навсегда разстроили отношенія цесаревича къ «проконсулу въ Грузіи», котораго онъ нѣкогда въ своихъ письмахъ называлъ не иначе, какъ: «почтеннѣйшій, любезнѣйшій и храбрѣйшій старинный

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

другъ и товарищъ», находя, «что единственный Ермоловъ гораздо на все»¹³⁵.

— «У васъ много враговъ», — сказалъ цесаревичъ однажды Ермолову.

— «Я считалъ ихъ, — отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ, — когда ихъ было много, но теперь ихъ набралось безъ счету, и я пересталъ объ нихъ думать».

V.

Варшавскій слѣдственный комитетъ, учрежденный для открытія польскихъ тайныхъ обществъ, окончилъ свои занятія значительно позже петербургскаго¹³⁵; онъ представилъ цесаревичу Константину Павловичу свое донесеніе только 22-го декабря 1826 года (3-го января 1827 года). Правительству предстояло тогда рѣшеніе весьма важнаго вопроса: какимъ образомъ вести далѣе дѣло и какой учредить судъ надъ привлеченными къ отвѣтственности лицами?

Императоръ Николай высказалъ первоначально желаніе учредить по этому случаю въ Варшавѣ судъ на началахъ, сходныхъ съ тѣми, которые были положены въ основаніе петербургскаго верховнаго уголовного суда. Въ письмѣ къ цесаревичу, отъ 15-го (27-го) сентября 1826 года, императоръ Николай припомнилъ, что онъ подалъ въ Россіи примѣръ почти представительнаго образа веденія дѣла, «которое тѣмъ самымъ показало передъ лицомъ всего міра, насколько наше дѣло было просто, ясно, священно»; а между тѣмъ въ Польшѣ, въ странѣ конституціонной, государь, къ сожалѣнію своему, видитъ себя вынужденнымъ учредить судъ, по его мнѣнію, почти некомпетентный для того, чтобы судить государственныхъ преступниковъ. «Явится ли это, — замѣчаетъ императоръ, — болѣе вѣрнымъ средствомъ охранить страну отъ всякихъ волненій и закрыть ротъ тѣмъ, которые пожелали бы видѣть несправедливость въ карѣ, которую предстоитъ наложить на виновныхъ? У меня нѣтъ ни знанія мѣстныхъ условій, ни опытности, поэтому я говорю совершенно зря и единственно по долгу безусловнаго довѣрія къ моему брату, моему лучшему другу; такимъ образомъ, дорогой Константинъ, примите это за то, чѣмъ оно есть, какъ исповѣдь сердца, а что касается прочаго, будьте увѣрены, что я исполню то, на что вы укажете мнѣ, какъ на необходимое и неизбѣжное». Въ заключеніе государь присовокупилъ, что будетъ съ нетерпѣніемъ ожидать донесенія комитета по дѣлу, о которомъ онъ имѣетъ лишь общее и смутное представленіе.

По поводу предположеній, высказанныхъ императоромъ Николаемъ въ приведенномъ нами письмѣ, цесаревичъ написалъ самое рѣшительное возраженіе и подвергъ критикѣ петербургскій верховный уголовный судъ. «Я позволю себѣ, — читаемъ въ письмѣ Константина Павловича отъ 12-го (24-го) октября 1826 года, — представить вамъ, что составъ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

суда въ родѣ того, какъ было сдѣлано у васъ, не можетъ имѣть мѣста у насъ безъ нарушенія всѣхъ конституціонныхъ началъ, потому что спеціальныя суды не допускаются, а петербургскій судъ былъ именно такимъ, потому что, на ряду съ сенатомъ, въ составъ его введены были члены, назначенные особо въ данномъ случаѣ; въ конституціонныхъ странахъ уже отвергаютъ компетентность и правосудіе петербургскаго суда и называютъ его чѣмъ-то въ родѣ военнаго суда (*cour prévôtale*); сверхъ того, самое судопроизводство представляется имъ незаконнымъ, такъ какъ въ немъ не было допущено гласной защиты; виновные или же подсудимые были осуждены, не бывъ, такъ сказать, ни выслушаны публично, ни защищены тѣмъ же путемъ; въ конституціонныхъ странахъ дѣйствуютъ учрежденные на то суды, при гласной защитѣ... впрочемъ я приказалъ составить для васъ по этому поводу записку, которая, надѣюсь, можетъ оказаться полезною для васъ и вполне поставить васъ въ извѣстность о томъ, что можно будетъ сдѣлать для того, чтобы, насколько возможно, остаться на законной почвѣ».

Императоръ Николай отвѣтилъ цесаревичу: «Съ нетерпѣніемъ ожидаю записки, о которой вы говорите мнѣ; само собою разумѣется, что родъ суда, подобный здѣшнему, не можетъ быть примѣненъ въ Польшѣ, и это тѣмъ болѣе бесполезно, что польскій сенатъ состоитъ изъ сенаторовъ, взятыхъ изъ всѣхъ отраслей службы; поэтому я никогда не имѣлъ въ виду чего либо другого, какъ придерживаться въ этомъ отношеніи требованій закона; здѣсь, гдѣ не существуетъ ничего подобнаго, нужно было дѣйствовать, насколько только возможно, законнымъ образомъ (*aussi légalement que possible*), и, слѣдовательно, ничего не выдумывать, а руководствоваться примѣрами прошлаго».

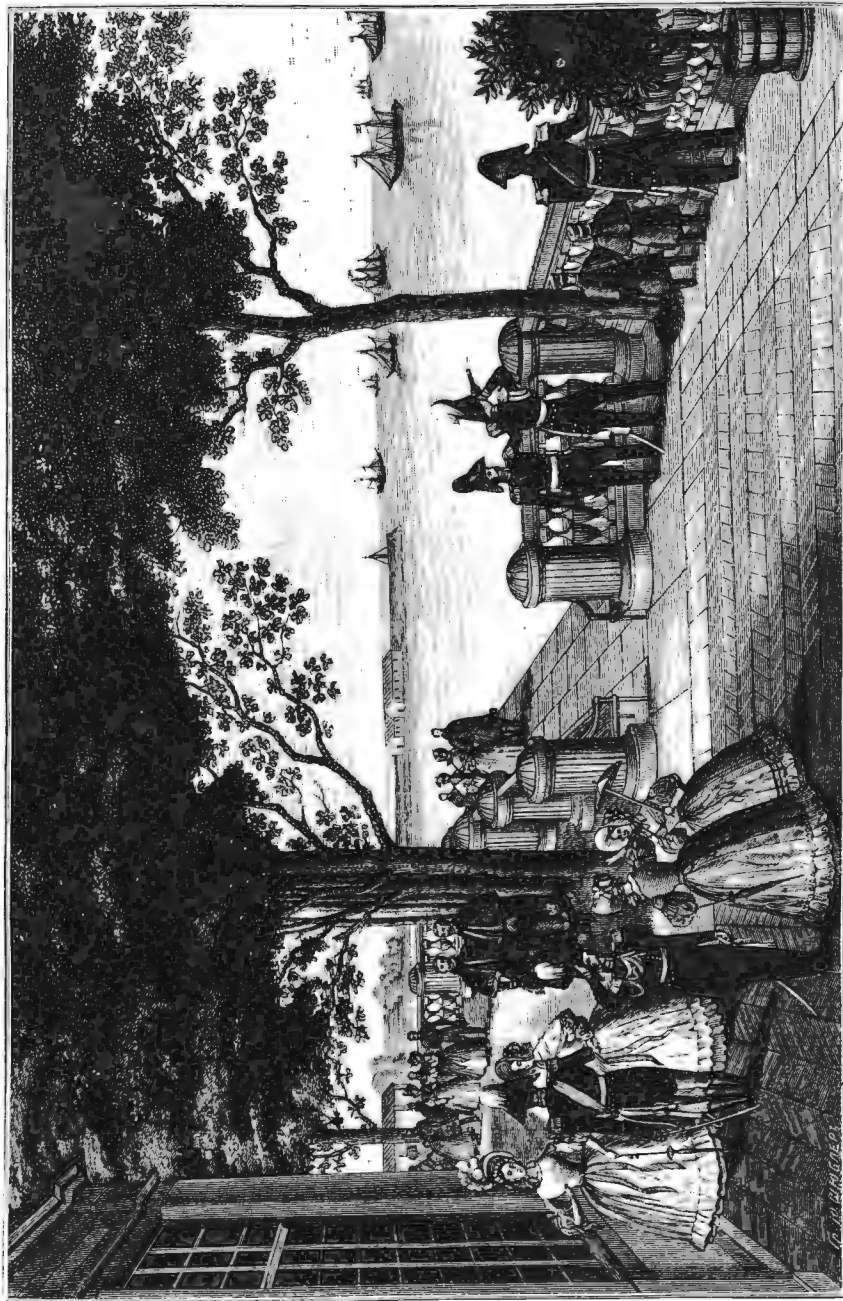
Переписка по этому дѣлу между Петербургомъ и Варшавою кончилась тѣмъ, что члены польскихъ тайныхъ обществъ были, согласно конституціи, по статьѣ 152-й, преданы сеймовому суду, образованному изъ всѣхъ членовъ сената; тѣ же изъ поляковъ, которые состояли русскими подданными, подверглись суду правительствующаго сената.

Засѣданія сеймоваго суда начались въ Варшавѣ 3-го (15-го) іюня 1827 года. Цесаревичъ выражалъ государю надежду, что судъ докажетъ своимъ ходомъ, насколько общественное мнѣніе страны стоитъ на должной высотѣ, безъ всякаго отбѣнка раболѣпства; вмѣстѣ съ тѣмъ, Константинъ Павловичъ полагалъ, что при этомъ случаѣ убѣдятся въ Петербургѣ, насколько несостоятельно воззрѣніе, по которому королевство изображалось, какъ находящееся въ состояніи броженія или даже революціи. «Не знаю, что выйдетъ изъ этого въ будущемъ, — писалъ цесаревичъ 26-го мая 1827 года, — но ручаюсь, что въ настоящее время нѣтъ и тѣни броженія, и, если сумѣютъ взяться за это, то и въ будущемъ можетъ не произойти ничего подобнаго».

Кремль въ Москвѣ въ началѣ XIX столѣтія.
Съ акварели того времени. принадлежавшей П. Я. Дашкову.

А. И. Вильборгъ, СПб. Мѣщ. 2

Императорское семейство въ Монтезириу въ Петербургѣ.
(Оъ литографіи Вегрова).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Предсказанія цесаревича не оправдались. Весь край не замедлил покрыться густою сѣтью тайныхъ обществъ и заговоровъ; началась усиленная революціонная пропаганда, чтобы воздѣйствовать на умы населенія въ пользу людей виновныхъ, какъ выражались тогда, въ томъ, что въ глубинѣ сердца они питали желаніе независимости отечества. Немногочисленные противники подобнаго воззрѣнія признавались отщепенцами общества, покидались своими друзьями, подвергались оскорбленіямъ на улицахъ города. Прокламаціи, расклеенныя въ публичныхъ мѣстахъ, съ самаго открытія засѣданій сеймоваго суда, грозили плохимъ патріотамъ местью народа. Памфлеты и подпольныя изданія разжигали страсти. Малѣйшій поводъ служилъ предлогомъ для шумныхъ манифестацій, устраиваемыхъ молодежью, съ каждымъ днемъ все болѣе совращаемой агитаторами, и которую стало столь трудно сдерживать, что власти, убѣдившись наконецъ въ своемъ безсиліи, перестали свирѣпствовать противъ нея¹³⁷.

Если бы польское общество того времени было болѣе зрѣлое и вѣрнѣе оцѣнило бы свои истинныя выгоды, то оно, довольствуясь настоящимъ, спокойно вынесло бы временныя невзгоды, на которыя жаловались патріоты, упоая на лучшее будущее. Но, какъ справедливо отмѣтилъ одинъ писатель, «всѣ мысли народа витали не въ настоящемъ, а въ прошедшемъ». Передовые дѣятели страны стремились къ одной цѣли, къ политической реставраціи прежней Польши; а подобное направленіе польской интеллигенціи могло только привести къ крушенію систему, которую Александръ I осуществилъ съ такимъ трудомъ въ 1815 году.

Сеймовому суду на основаніи королевскаго декрета отъ 7-го (19-го) апрѣля 1827 года преданы были восемь человѣкъ: Кржижановскій, графъ Солтыкъ, Маевскій, ксендзъ Дембекъ, Заблоцкій, Гржимайло, Плихта, графъ Залусскій. Предсѣдателемъ суда назначенъ былъ Бѣлинскій, старшій сенаторъ, замѣнившій собою настоящаго предсѣдателя сената, графа Замойскаго, отстраненнаго отъ дѣла, какъ бывшаго членомъ варшавскаго слѣдственнаго комитета.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности суда, открывшаго свои засѣданія въ Варшавѣ въ іюнѣ 1827 года.

Императору Николаю приходилось во время хода этого политическаго процесса либо сдерживать порывы неудовольствія цесаревича, либо выслушивать, съ его стороны, взгляды совершенно противоположнаго свойства, клонившіеся къ оправданію польскихъ подсудимыхъ. Такъ, на примѣръ, государь остался недоволенъ обвинительнымъ актомъ, представившимъ суду; цесаревичъ призналъ его слабо редактированнымъ (*je l'ai trouvé faiblement rédigé*), а затѣмъ высказалъ слѣдующія соображенія въ пользу подсудимыхъ, идущія совершенно въ разрѣзъ съ отправной точкой, которой придерживался въ этомъ дѣлѣ императоръ Николай.

«Что касается того,—пишетъ Константинъ Павловичъ,—что вы говорите мнѣ, что не можете понять, какъ можно назвать отдаленной попыткой (*tentative éloignée*) знаніе заговора, имѣвшаго цѣлью убійство короля и его семьи, то это можетъ казаться такъ на первый взглядъ; но преступленіе тѣхъ, которые знали объ этомъ, можетъ быть названо, по существующимъ законамъ, лишь сокрытіемъ,—понятіе вполне опредѣленное и предусмотрѣнное кодексомъ. Что же касается самого убійства, къ которому подстрекали русскіе, то на основаніи показаній подсудимыхъ, какъ русскихъ, такъ и поляковъ, дознано, что послѣдніе постоянно отказывались отъ дѣлаемыхъ имъ предложеній и даже не хотѣли слушать разговоровъ объ этомъ, выставляя тотъ доводъ, что никогда еще царубійство не запятнало польскаго народа. Поэтому преступленіе состоитъ исключительно въ сокрытіи этого факта. Такимъ образомъ отдаленная попытка (*tentative éloignée*), о которой упоминается, безусловно относится къ желанію низвергнуть настоящее правительство, пользуясь для осуществленія этой цѣли перемѣнами, которыя могли бы произойти въ Россіи, а такъ какъ время для совершенія этихъ перемѣнъ не было установлено, то оно и не могло быть названо иначе, какъ это сдѣлано было прокуроромъ, въ особенности въ виду показаній самихъ русскихъ, откладывавшихъ осуществленіе своихъ намѣреній изъ года въ годъ»¹³⁸.

Изъ С.-Петербурга присланы были делегаты правительствующаго сената и снова привезены участники польскихъ тайныхъ обществъ, состоявшіе въ русскомъ подданствѣ. Дѣло тянулось безконечно долго и кончилось лѣтомъ 1828 года оправданіемъ подсудимыхъ, изъ которыхъ только нѣкоторые приговорены были къ незначимымъ тюремнымъ заключеніямъ, съ вычетомъ времени, проведеннаго подъ арестомъ. Предсѣдатель суда, Бѣлинскій, сказалъ: «Мое сердце препятствуетъ мнѣ осудить національное чувство!». Приговоръ суда какъ бы торжественно оправдывалъ въ прошедшемъ всѣ попытки, которыя были направлены къ низверженію существовавшаго законнаго порядка, и какъ бы разрѣшалъ въ будущемъ всѣ дальнѣйшіе заговоры и попытки подобнаго рода.

Когда состоялся этотъ приговоръ, императоръ Николай находился въ Турціи при дѣйствующей арміи, озабоченный исходомъ бывшей въ полномъ разгарѣ войны съ Портою. Рассказываютъ, что государь, узнавъ о столь неожиданномъ исходѣ варшавскаго политическаго процесса, воскликнуть: «Несчастные, они спасли виновныхъ, но погубили отечество!». Цесаревичъ приведенъ былъ приговоромъ сеймоваго суда въ состояніе сильнѣйшаго гнѣва; письма къ государю, отправленные во время суда, испещрены выраженіями: «*notre sot et imbécile senat*», «*la vieille ganache de président*», «*l'insigne bêtise de Bielinski*» и т. п. Константинъ Павловичъ готовъ былъ прибѣгнуть даже къ крайнимъ мѣ-

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

рамъ, быстро позабывъ свои недавнія назидательныя конституціонныя наставленія, сообщенныя брату. Благоразуміе императора Николая отклонило всякія неосмотрительныя рѣшенія. Повелѣно было административному совѣту королевства высказать свое мнѣніе по поводу судебного приговора и поведенія сената въ этомъ дѣлѣ; затѣмъ приговоръ остался неутвержденнымъ, и сенаторамъ воспрещено отлучаться изъ Варшавы. Снова потребовались недѣли, обратившіяся въ мѣсяцы, для новой работы, возложенной на польскихъ государственныхъ людей. Административный совѣтъ пришелъ къ заключенію, что приговоръ сената слѣдуетъ приписать не злонамѣренности его членовъ, но неудовлетворительности существовавшаго тогда уголовного законодательства. Такимъ образомъ административный совѣтъ въ сущности оправдывалъ рѣшеніе, постановленное сеймовымъ судомъ. Заключение совѣта было препровождено къ императору Николаю въ декабрѣ 1828 года.

Въ слѣдующемъ 1829 году столь плачевное и безконечное пререканіе между властями наконецъ прекратилось. Государь повелѣлъ прочесть сенату высочайшій выговоръ, а затѣмъ утвердилъ приговоръ суда, который вступилъ въ законное дѣйствіе. 14-го (26-го) марта послѣдовало закрытіе сеймоваго суда, но зло, нанесенное этимъ политическимъ процессомъ странѣ, было непоправимо.

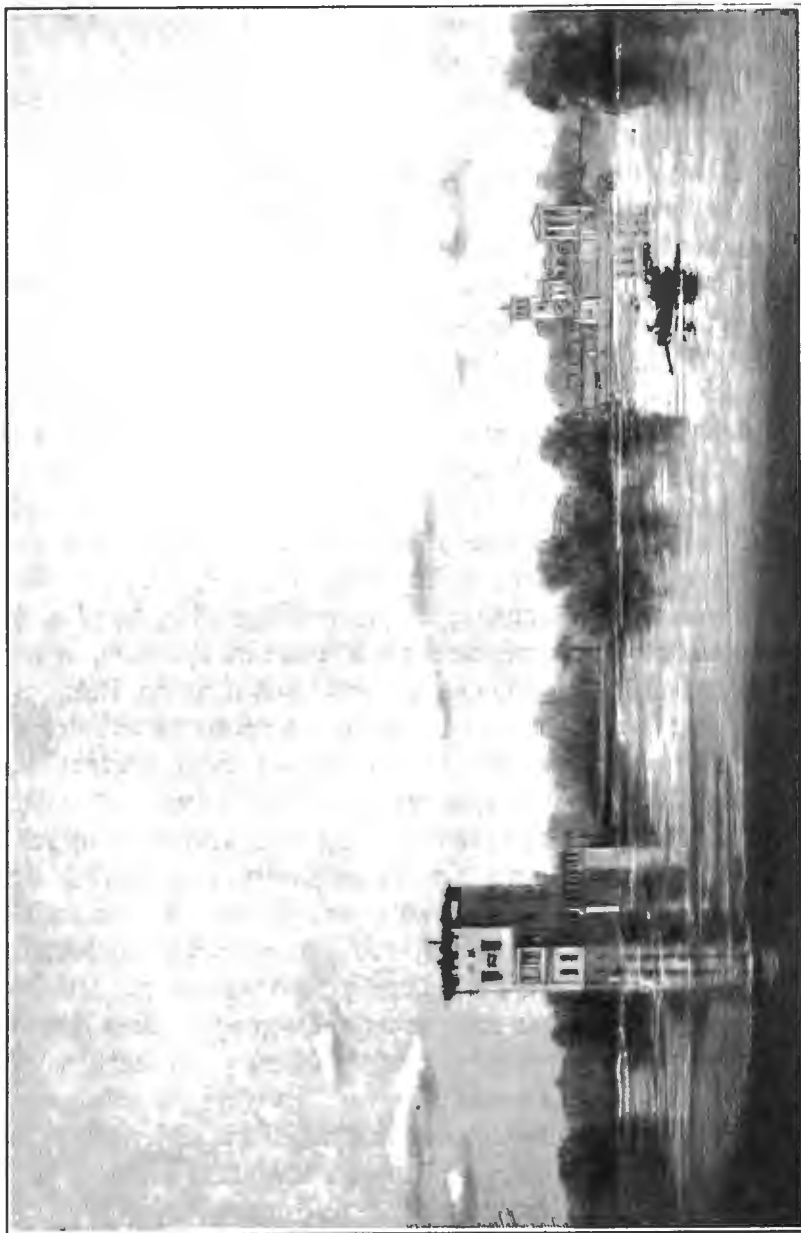
Между тѣмъ 22-го февраля (6-го марта) умеръ предсѣдатель сеймоваго суда, сенаторъ Бѣлинскій. Ему устроили пышныя похороны, которыя сопровождались нѣкоторыми безпорядками со стороны учащейся молодежи и послужили къ еще большему возбужденію умовъ.

9-го (21-го) марта 1829 года цесаревичъ писалъ государю:

«Выговоръ (*la mercurgiale*) былъ принятъ съ почительностью и покорностью, но не съ убѣжденіемъ, какъ это видно изъ донесеній, получаемыхъ мною со всѣхъ сторонъ; впрочемъ, чего же можно ожидать отъ подобныхъ существъ и отъ сброда, какимъ являются въ большинствѣ сенаторы этой страны? Тѣмъ не менѣе нужно быть справедливымъ и сказать, что среди нихъ есть такіе, которые сознаютъ, что сдѣлали ложный шагъ, и раскаиваются. Въмѣсто того, чтобы чувствовать деликатность вашего образа дѣйствій, выразившагося въ приказаніи сдѣлать имъ выговоръ при закрытыхъ дверяхъ, встрѣчаются такіе, которые въ этомъ видятъ опасеніе дѣйствовать публично, но что впрочемъ они восторжествовали, освободивъ патріотовъ, которые жертвовали для отечества. Подобное толкованіе распространено между праздною молодежью и, въ особенности, среди студентовъ; со дня на день они становятся все болѣе дерзкими и болѣе смѣлыми и, въ особенности, послѣ погребенія Бѣлинскаго. Я уже предупредилъ правительство объ этомъ и о крайней необходимости водворить порядокъ среди всей этой неугомонной молодежи; всѣ добромъслящіе люди чувствуютъ это и держатся

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

моего мнѣнія; но не знаю, чѣмъ это можно объяснить: мѣры, которыя считаютъ возможнымъ принять, не отвѣчаютъ безотлагательнымъ потребностямъ даннаго случая. Слѣдуетъ замѣтить, что

Ольгинъ и Царицынъ острова въ Петергофѣ.
(Съ акварели Шарлеманя).

съ нѣкотораго времени учащаяся молодежь усвоила крайне замѣтную склонность ко злу. Я склоненъ думать, что она получаетъ руководство извнѣ, а именно изъ Познанскаго герцогства и изъ Франціи»¹³⁹.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Совершенно иначе сложилась судьба поляковъ, русскихъ подданныхъ, замѣшанныхъ въ заговоръ тайныхъ обществъ. Ихъ судили въ правительствующемъ сенатѣ, а затѣмъ дѣло о нихъ поступило въ государственный совѣтъ, и на основаніи высочайше утвержденнаго 24-го февраля (8-го марта) 1829 года мнѣнія оного виновные по степени ихъ преступленія подвергнуты были наказаніямъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Ромеръ, по лишеніи чиновъ и орденовъ, выдержанъ годъ въ крѣпости и отданъ подъ надзоръ навсегда; графъ Ворцель и графъ Карвицкій по лишеніи чиновъ и графскихъ достоинствъ написаны въ рядовые до выслуги; отставной майоръ Ивашкевичъ, графъ Мошинскій и Гродецкій по лишеніи чиновъ, графскаго достоинства и дворянства сосланы въ Сибирь на поселеніе, первый на 8, второй на 10 и третій на 15 лѣтъ; отставной штабсъ-ротмистръ Пуласскій, помѣщикъ Билевичъ, губернский регистраторъ Новомейскій, титулярный совѣтникъ Струмило, дворяне Завиша, Вагнеръ и Тышковскій, по вѣнненіи имъ въ наказаніе трехлѣтняго содержанія въ крѣпости, первые трое освобождены, а послѣдніе отданы подъ надзоръ полиціи на годъ; Сабанскій и графъ Тарновскій, по выдержаніи еще мѣсяцъ въ крѣпости, отданы подъ надзоръ на два года; Цишевскій, Чарковскій, Ходзько, Іомейко, графъ Оссолинскій, Карвацкій, Гружевскій и Чарковскій, по выдержаніи еще нѣкотораго опредѣленнаго времени въ крѣпости, отданы подъ надзоръ полиціи на разные сроки, а послѣдній навсегда. Всѣмъ поименованнымъ лицамъ воспрещенъ былъ вѣздъ въ столицы и въ Варшаву.

Въ заключеніе остается сказать еще нѣсколько словъ о князѣ Антонѣ Яблоновскомъ, который своими разоблаченіями привелъ бывшихъ членовъ тайныхъ обществъ на скамью подсудимыхъ. Онъ былъ приговоренъ къ лишенію княжескаго достоинства и дворянства и ссылкѣ навсегда въ Сибирь на поселеніе, но по уваженію чистосердечнаго признанія и раскаянія Яблоновскій удостоился получить всемилостивѣйшее прощеніе.

Сверхъ того, на основаніи высочайше утвержденнаго въ сентябрѣ 1829 года положенія комитета министровъ, подвергнуты были секретному надзору оказавшіеся прикосновенными къ дѣлу о польскихъ тайныхъ обществахъ еще 15 человекъ¹⁴⁰.

«Наконецъ этотъ безконечный польскій процессъ оконченъ, — пишетъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, — тѣ изъ заключенныхъ, которые были освобождены, искренно тронуты милосердіемъ императора. Яблоновскій, самъ признающій, что заслужилъ смертную казнь, былъ внѣ себя отъ радости, когда узналъ о своемъ прощеніи. Онъ залился слезами и бросился цѣловать портретъ императора»¹⁴¹.

Вотъ чѣмъ кончилась, по свидѣтельству Бенкендорфа, трагикомедія польскихъ тайныхъ обществъ 1825 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ то время, какъ графъ Паскевичъ-Эриванскій побѣдоносно кончалъ наши расчеты съ Персіею, на Востокѣ произошли важныя событія, которыя сдѣлали неизбѣжнымъ разрывъ Россіи съ Оттоманскою Портою, несмотря на недавнее заключеніе Аккерманской конвенціи.

21-го мая (2-го іюня) 1827 года, эскадра подъ начальствомъ генералъ-адъютанта адмирала Сениавина вытянулась на Кронштадтскій рейдъ. Адмиралъ поднялъ свой флагъ на кораблѣ «Азовъ». Императоръ Николай осматривалъ эскадру три раза.

30-го мая (11-го іюня), государь утвердилъ наставленіе адмиралу Сениавину, въ которомъ указывалось, что по прибытіи эскадры изъ Кронштадта въ Портсмутъ ему предстоитъ (по предварительному сношенію съ нашимъ посломъ въ Лондонѣ, княземъ Ливеномъ) отдѣлить особую эскадру изъ 4 линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ и 2 бриговъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала графа Логгина Петровича Гейдена; эта эскадра должна была отправиться въ Средиземное море для оказанія защиты русской торговлѣ въ Архипелагѣ. Указанная здѣсь скромная цѣль скорѣе расширилась, благодаря измѣнившимся политическимъ обстоятельствамъ.

9-го (21-го) іюня, императоръ Николай, въ сопровожденіи князя Меншикова, неожиданно прибылъ къ 12-ти часамъ ночи на корабль «Азовъ». Ночнымъ сигналомъ приказано было сняться съ якоря; въ пять часовъ утра весь флотъ былъ подъ парусами. За Красной Горкой государь произвелъ флоту маневръ и затѣмъ, послѣ молебна, простился съ адмираломъ и, пересѣвъ на свою яхту, возвратился въ Петергофъ.

Когда эскадра Сениавина прибыла въ Портсмутъ, петербургскій протоколъ преобразился въ международный договоръ, заключенный между

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Англією, Францією и Россією 24-го іюня (6-го іюля) и названный Лондонскимъ договоромъ. Цѣлю новой конвенціи или договора было остановить пролитіе крови и предотвратить всякаго рода бѣдствія, неразлучныя съ продолженіемъ порядка вещей, существовавшего тогда на Востокѣ. Греціи же грозили тогда новыя бѣдствія. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ Константинополя, турецкое правительство рѣшилось просить помощи у египетскаго паши Мегмета-Али. Послѣдній согласился снарядить флотъ и съ войсками отправить подъ начальствомъ своего сына Ибрагима-паши въ Грецію, задавшись цѣлю истребить христіанское населеніе Морей; исполненіе этого чудовищнаго плана обратило бы Грецію въ пустыню, возстаніе прекратилось бы само собою. Императоръ Николай намѣренъ былъ ни въ какомъ случаѣ не допустить турокъ до осуществленія этой варварской мѣры, и стараніями русской дипломатіи явился договоръ, обезпечившій постановленія петербургскаго протокола. Австрія, оставшись вѣрною своей туркофильской политикѣ, отказалась присоединиться къ какимъ бы то ни было дипломатическимъ мѣропріятіямъ противъ Оттоманской Порты. Но три союзныя державы рѣшились, согласно договору, предложить Портѣ посредничество, съ цѣлю привести ее къ соглашенію съ греками на слѣдующихъ условіяхъ: 1) посредничество будетъ предложено немедленно по ратификаціи договора, посредствомъ совокупной деклараціи, за подписью посланниковъ въ Константинополь; 2) въ то же время будетъ предложено враждующимъ сторонамъ заключить перемиріе, необходимое для открытія переговоровъ; 3) основаніемъ соглашенія Порты съ греками должно служить возстановленіе Греціи подъ верховнымъ владычествомъ султана; Греція будетъ платить ему ежегодную подать, размѣръ которой опредѣлится съ общаго согласія.

Въ секретныхъ статьяхъ того же договора постановлено было:

1-е) объявить Портѣ, что порядокъ вещей, существующій на Востокѣ уже шесть лѣтъ, вынуждаетъ союзныя державы принять мѣры къ сближенію съ греками, при помощи установленія коммерческихъ съ ними сношеній; 2-е) если греки или Порта откажутся отъ заключенія перемирія, то союзныя державы объявятъ отказавшейся сторонѣ или обѣимъ сторонамъ, что онѣ сообща примутъ мѣры къ прекращенію этой вражды, не принимая впрочемъ участія во взаимныхъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ враждующихъ сторонъ; въ этомъ смыслѣ державы пошлютъ инструкціи своимъ адмираламъ, начальствующимъ надъ ихъ эскадрами въ моряхъ Леванта; 3-е) если эти мѣры окажутся недостаточными, чтобы побудить Порту принять предложенія союзныхъ державъ, или же если греки не согласятся на постановленныя въ ихъ пользу въ договорѣ условія, то державы все-таки будутъ продолжать дѣло замиренія на основаніяхъ, принятыхъ ими по заим-

Сенатская площадь въ 1806 году.

Съ акварели того времени Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову.

А. И. Вильборгъ, СПб. Мѣщ. 2

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ному соглашенію, и поэтому онѣ уполномочиваютъ своихъ представителей въ Лондонѣ согласиться насчетъ дальнѣйшихъ мѣръ, какія могутъ оказаться необходимыми.

День подписанія конвенціи совпалъ со днемъ рожденія императора Николая, и по этому случаю князь Ливенъ писалъ графу Нессельроде: «Съ этого дня будетъ считаться возрожденіе христіанскаго народа, и его благословенія придадутъ новый ореолъ годовщинѣ, столь священной для насъ. (De ce jour va se dater la régénération d'un peuple chrétien,

Императрица Александра Феодоровна на верхней террасѣ Ольгина острова въ Петергофѣ.

(Съ сепіа съ натуры Чернышева).

et ses bénédictions vont attacher un nouveau lustre à un anniversaire si sacré pour nous)».

На депешѣ, извѣщавшей государя о подписаніи Лондонскаго договора, императоръ Николай собственноручно написалъ: «Да будетъ тысячу разъ благословенъ Богъ, и будемъ надѣяться, что все пойдетъ къ лучшему. (Que Dieu soit mille fois béni et espérons que tout sera pour le mieux)».

Прямымъ послѣдствіемъ Лондонскаго договора явилось неожиданное происшествіе: 8-го (20-го) октября 1827 года, турецко-египетскій флотъ былъ истребленъ въ Наваринской бухтѣ соединенными флотами трехъ союзныхъ державъ, которыми, какъ старшій, командовалъ англійскій вице-адмиралъ Кодрингтонъ. Подъ его начальствомъ командовали: русскою эскадрою контръ-адмиралъ графъ Гейденъ, а французскою контръ-адмиралъ де-Ринъп. Громадный перевѣсъ въ силахъ находился на сторонѣ турокъ; они располагали 65 судами при 2.106 орудіяхъ, между тѣмъ какъ союзники могли ввести въ дѣло только 28 судовъ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

при 1.298 орудіяхъ. Несмотря на эту несоразмѣрность въ силахъ, побѣда все-таки осталась на сторонѣ христіанскаго флота ¹⁴².

Годъ тому назадъ, султанъ Махмудъ былъ вынужденъ уничтожить янычаръ, лишивъ себя арміи въ самую критическую минуту, переживаемую Оттоманскою имперіей. За янычарами послѣдовалъ флотъ: морскія силы Порты были сокрушены. Одно изъ главныхъ препятствій, которое предстояло преодолѣть Россіи въ случаѣ войны съ Турціею, было устранено вопреки намѣренію державъ, подписавшихъ Лондонскій договоръ съ цѣлью связать сѣвернаго исполина союзомъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы воспрепятствовать ему въ самостоятельномъ и одностороннемъ образѣ дѣйствій,—такъ разсуждаетъ объ этомъ событіи графъ Мольтке ¹⁴³.

Хотя султанъ писалъ своему визирю: «Соберись духомъ, ибо Аллахъ вѣдаетъ, опасность велика», но, тѣмъ не менѣе, Махмудъ не упалъ духомъ и не склонялся къ уступкамъ; онъ рѣшился не иначе, какъ только съ оружіемъ въ рукахъ потерять то, что было пріобрѣтено его предками цѣною крови ¹⁴⁴.

Сначала представители союзныхъ державъ опасались, что извѣстіе о Наваринскомъ погромѣ возбудитъ въ Константинополѣ взрывъ мусульманскаго фанатизма, подобный тому, который проявился въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ въ 1821 году, но ничего подобнаго не случилось. Конечно, нечего и говорить о тѣхъ радостныхъ чувствахъ признательности, которыя овладѣли христіанскимъ населеніемъ Востока, при извѣстіи о жестокомъ пораженіи, нанесенномъ его вѣковымъ притѣснителямъ. Но, хотя обычный въ такихъ случаяхъ религіозный фанатизмъ не заявилъ себя послѣ Наварина новою рѣзнею, однако же тревога, овладѣвшая посольскими дворцами въ Константинополѣ вслѣдъ за этимъ событіемъ, не лишена была нѣкотораго основанія. Турецкое населеніе взялось за оружіе, и воинственные клики слышались повсюду. Что же касается султана, то, по свидѣтельству нашего посла Рибопьера, Наваринское дѣло раздражило Махмуда до того, что онъ задумалъ было безъ объявленія войны умертвить всѣхъ пословъ въ возмездіе за уничтоженіе турецкаго флота. Вмѣшательство Хозревъ-паши и визиря спасло представителей союзныхъ державъ отъ вѣрной гибели. Когда же драгоманъ Порты осмѣлился Рибопьеру грозить Семибашеннымъ замкомъ, посолъ отвѣтилъ ему: «Скажите тѣмъ, кто васъ послалъ, что времена подобныхъ нарушеній международнаго права прошли безвозвратно, что я никому не совѣтую переступать мой порогъ, что я вооружу всѣхъ своихъ и буду защищаться до послѣдней капли крови, и что если кто осмѣлится посягнуть на мою жизнь или даже на мою свободу, камня на камнѣ не останется въ Константинополѣ: государь и Россія сумѣютъ отомстить за это». «Лицо драгомана послѣ этихъ словъ,—пишетъ Рибопьеръ,—отъ страха сдѣлалось смѣшно до крайности» ¹⁴⁵.

Послы снова принялись за бесплодные переговоры съ Портою; на сдѣланный ими вопросъ, намѣрена ли Турція считать «событіе въ Наваринѣ» поводомъ къ войнѣ, Рейсъ-Эффенди отвѣчалъ уклончиво: «Когда женщина не разрѣшилась еще отъ бремени, невозможно сказать, кого родитъ она — мальчика или дѣвочку». Наконецъ султанъ объявилъ посламъ союзныхъ державъ послѣднія уступки, которыя онъ намѣренъ сдѣлать грекамъ; обѣщаемыя милости заключались въ слѣдующее: не требовать съ нихъ за шесть протекшихъ лѣтъ поголовной подати, которой они не заплатили, не требовать вознагражденія за понесенные убытки и со дня изъявленія покорности освободить ихъ отъ всѣхъ податей на годъ.

Представители Россіи, Англіи и Франціи признали себя неудовлетворенными подобными уступками, а Порта, съ своей стороны, замолкла. Дипломатамъ оставался одинъ исходъ — потребовать паспорта и покинуть Константинополь¹⁴⁶. Послѣднимъ выѣхалъ Рибопьеръ; онъ тщетно поджидалъ въ Буюкъ-дере попутнаго вѣтра для выхода въ Черное море и наконецъ 5-го (17-го) декабря рѣшился отплыть въ Триестъ¹⁴⁷.

Впечатлѣніе, которое произвело въ Европѣ извѣстіе о Наваринской побѣдѣ, было неодинаково; оно подверглось самой разнообразной оцѣнкѣ.

Императоръ Францъ называлъ Кодрингтона и его сподвижниковъ не иначе, какъ убійцами, а Меттернихъ былъ твердо убѣжденъ, что Наваринскій погромъ открываетъ собою эпоху всеобщаго замѣшательства и хаоса¹⁴⁸. «Событіе 20-го октября является началомъ новой эры въ Европѣ», — писалъ Меттернихъ. Гнѣвъ австрійскаго канцлера дошелъ до того, что по прочтеніи одного письма графа Нессельроде къ нашему послу въ Вѣнѣ онъ сказалъ: «такъ думали и говорили Карно и Дантонъ (*c'est ainsi qu'ont pensé et parlè Carnot et Danton*)!»¹⁴⁹.

Во Франціи отнеслись къ пораженію турокъ болѣе сочувственнымъ образомъ. Въ своей тронной рѣчи Карлъ X упоминалъ даже о Наваринѣ, какъ о событіи, которое покрыло славою французское оружіе и служитъ блестящимъ залогомъ согласія между тремя державами.

Въ Англіи извѣстіе о неожиданной побѣдѣ принято было съ смущеніемъ; правительство даже думало о томъ, чтобы предать Кодрингтона суду. Торійская партія находила, что истребленіе турецкаго флота оставляетъ Турцію въ беззащитномъ положеніи противъ Россіи. Въ рѣчи Георга IV при открытіи парламента Наваринская битва названа была «непріятнымъ событіемъ» (*untoward event*). Общественное мнѣніе страны было, однако, на сторонѣ Кодрингтона; либеральная партія видѣла въ событіи 8-го октября первый шагъ къ тому, чтобы освободить европейскую политику отъ реакціоннаго характера, принятаго ею послѣ 1815 года. «Наваринская битва, — какъ превосходно замѣтилъ о ней одинъ изъ французскихъ публицистовъ, — была выиграна не правитель-

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ствами, а народами. Побѣдный кликъ на водахъ Архипелага былъ первымъ, на который въ теченіе послѣдняго времени могли отозваться всѣ народы съ общимъ одинаковымъ сочувствіемъ. Наваринскіе выстрѣлы возвѣщали наступленіе новой эпохи — эпохи торжественнаго воцаренія общественнаго мнѣнія, этой могучей силы, которая владычествуетъ на морѣ и на сушѣ, повелѣваетъ арміями и флотомъ, увлекаетъ за собою самихъ монарховъ, заставляя ихъ преклоняться предъ ея побѣдами и присвоивать себѣ завоеванные ею лавры»¹⁵⁰.

Въ Россіи извѣстіе о Наваринской побѣдѣ было принято совершенно инымъ образомъ. Императоръ Николай пожаловалъ вице-адмиралу Кодригитону орденъ св. Георгія второй степени¹⁵¹. Мысли, высказанныя въ рескриптѣ, данномъ англійскому адмиралу 8-го (20-го) ноября 1827 года, могутъ служить вѣрнымъ выраженіемъ чувствъ восторга и признательности, проявившихся повсюду въ Россіи по случаю пораженія, нанесеннаго туркамъ.

«Вы одержали побѣду, — писалъ императоръ Николай, — за которую цивилизованная Европа должна быть вамъ вдвойнѣ признательна. Достопамятная Наваринская битва и предшествовавшіе ей смѣлые маневры говорятъ міру не объ одной лишь степени рвенія, проявленнаго тремя великими державами, — въ дѣлѣ, безкорыстіе котораго еще болѣе отъѣняетъ его благородный характеръ; они доказываютъ также, что можетъ сдѣлать твердость — противъ численнаго превосходства, искусно руководимое мужество — противъ слѣпой отваги, на какія бы силы послѣдняя ни опиралась. Ваше имя принадлежитъ отнынѣ потомству. Мнѣ кажется, что похвалами я только ослабилъ бы славу, окружающую его, но я ощущаю потребность предложить вамъ блистательное доказательство благодарности и уваженія, внушаемыхъ вами Россіи. Въ этихъ видахъ посылаю вамъ прилагаемый военный орденъ св. Георгія. Русскій флотъ гордится тѣмъ, что заслужилъ подъ Навариномъ ваше одобреніе. Мнѣ же особенно пріятно завѣрить васъ въ чувствахъ питаемаго къ вамъ уваженія»¹⁵².

Въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 12-го (24-го) ноября 1827 года, императоръ Николай сдѣлалъ слѣдующую оцѣнку совершившихся тогда на Востокѣ событій:

«Я не удивился этому (то-есть извѣстію о Наваринскомъ сраженіи), такъ какъ, по моему мнѣнію, оно является вполне естественнымъ слѣдствіемъ условій договора¹⁵³, ставившихъ наши эскадры въ неизбѣжную необходимость прибѣгнуть къ подобной крайности, коль скоро турки будутъ продолжать поддаваться австрійскимъ наущеніямъ; все, что мы дѣлали подъ видомъ союза, было лишь сквернымъ фарсомъ (*une mauvaise farce*), продолжая же упорствовать въ своихъ идеяхъ разрушенія, они ставили насъ въ необходимость разрушить весь нашъ союзный договоръ

Зрмигакъ въ началѣ прошлаго столѣтія.
(Съ литографіи Ланга).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

изъ страха крайнихъ осложненій. И вотъ предусмотрѣнный случай произошелъ: парламентары были убиты, слѣдствіемъ чего явилось уничтоженіе флота, а пораженная Европа получила доказательство, насколько наши рѣшенія покончить съ этимъ дѣломъ были серіозны, искренни, и насколько искренно и чистосердечно было единеніе нашихъ трехъ дворовъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Въ исторіи не встрѣчается другого примѣра: три флага изъ наиболѣе разнообразныхъ соединились и сражались вмѣстѣ, подобно братьямъ одного и того же народа».

Далѣе Николай Павловичъ писалъ, что, дѣйствуя въ подобномъ случаѣ столь же рѣшительно противъ грековъ, мы докажемъ, что «въ этомъ дѣлѣ мы не являемся ни греками, ни турками, по что настойчиво продолжаемъ прилагать всѣ наши усилія, чтобы заставить прекратить эту позорную борьбу (*cette infâme lutte*) съ той и съ другой стороны, и что мы желаемъ лишь порядка и спокойствія». «Прежде чѣмъ эта цѣль, столь сильно и съ столь давнихъ поръ желаемая,—продолжалъ онъ,—не будетъ достигнута, очень возможно, все въ силу тѣхъ же причинъ, что слѣдствіемъ этого явится война; мнѣ уже извѣстно, что императоръ австрійскій, подъ первымъ впечатлѣніемъ отъ досады, вызванной полученіемъ этого извѣстія, сказалъ: «Если бы я слѣдовалъ только своему чувству, я двинулъ бы 100.000 человекъ, чтобы покорить Морею, но я чувствую, что не могу сдѣлать этого!» Сказанное, въ соединеніи съ другими данными, побуждаетъ насъ къ величайшей осмотрительности»¹⁵⁴.

Насколько политическіе взгляды цесаревича не сходились съ воззрѣніями императора Николая, можно видѣть изъ разсужденій Константина Павловича по поводу Наварина, высказанныхъ въ письмѣ отъ 20-го ноября (1-го декабря) 1827 года¹⁵⁵.

«Что касается Наваринской побѣды,—пишетъ цесаревичъ,—то, признавая храбрость и доблесть нашего флота и изъ глубины сердца поздравляя его съ этимъ, я въ то же время могу лишь сожалѣть и о причинахъ, и о результатахъ, и о неисчислимыхъ послѣдствіяхъ этой морской побѣды. Англичанинъ, какъ истый Маккиавель, сумѣлъ воспользоваться положеніемъ русскаго и француза, которые во всякомъ случаѣ, будучи прижаты къ стѣнѣ, не могли сдѣлать ничего другого, какъ принять предложеніе сражаться, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ робости или трусости. Русскій попалъ въ это положеніе по своему чистосердечію, французъ — по своей глупости и одинъ англичанинъ для своихъ выгодъ, уничтожая флотъ, каковъ бы онъ ни былъ, который могъ бы вызывать въ немъ хоть нѣкоторыя опасенія, такъ какъ онъ принялъ за правило не относиться съ пренебреженіемъ ни къ одному челну на водѣ. Простите, дорогой братъ, что я вамъ излагаю эти мысли: онѣ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ высказываются вамъ че-

ловѣкомъ, удѣлъ котораго — ничтожество (elles ne tirent à aucune conséquence venant d'un homme dont la nullité est le partage), но я долженъ былъ такъ поступить въ силу моей прямоты и откровенности и какъ бы платя дань откровенности, составляющей мой долгъ въ отношеніи къ вамъ, и такъ какъ я не могу и не долженъ скрывать отъ васъ что бы то ни было; таковъ былъ мой образъ дѣйствій въ отношеніи нашего почившаго безсмертнаго императора, и онъ останется неизмѣнно такимъ же въ отношеніи къ вамъ до тѣхъ поръ, пока вы не прикажете поступать иначе» ¹⁵⁶.

Такимъ образомъ, изъ словъ цесаревича оказывалось, что Наваринское сраженіе разыгралось въ пользу одной Англіи, въ ущербъ прочимъ союзникамъ; между тѣмъ въ дѣйствительности оказывалось, что Наваринскій погромъ повергъ англійскихъ политиковъ и даже самое общество въ полное смущеніе, возбуждая опасенія, что Англія сыграла въ руку Россіи.

Императоръ Николай не оставилъ безъ возраженія столь рѣзкой оцѣнки своей восточной политики, сдѣланной братомъ, и написалъ ему 29-го ноября (11-го декабря) 1827 года:

«Наваринское дѣло, какъ оно ни было пагубно для турокъ, является только естественнымъ и законнымъ слѣдствіемъ договора, задолго до этого объявленнаго Портѣ и объявленнаго потому, что это было единственнымъ средствомъ прекратить порядокъ вещей, несовмѣстимый съ законнымъ порядкомъ въ этой части вселенной ¹⁵⁷. Турція не могла покончить одна борьбу, позорную какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Англія покончила бы ее своими собственными средствами и такъ, какъ это удобно ей; я не могъ потерпѣть этого, такъ какъ это значило бы добровольно уступить ей право дѣлать тамъ то, что ей заблагоразсудится въ исключительныхъ цѣляхъ не блага дѣла вообще, а блага ея исключительныхъ интересовъ. Поэтому было необходимо принудить ее обязаться предъ лицомъ всей Европы отказаться отъ какихъ бы то ни было видовъ на исключительныя преимущества въ этихъ странахъ, вотъ смыслъ договора 6-го іюля. Франція примкнула къ нему изъ недоумѣчивости, и тѣмъ лучше: такимъ образомъ онѣ обѣ связаны; мы являемся во всемъ этомъ противовѣсомъ или антидотомъ; слѣдствіемъ этого будутъ не республика или республики, а прекращеніе враждебныхъ дѣйствій со стороны турокъ и грековъ, послѣднихъ же мы вскорѣ въ свою очередь заставимъ образумиться, и возстановленіе въ этихъ краяхъ свободы торговли — обстоятельство слишкомъ важное для всего нашего юга, чтобы я могъ довѣрить попеченіе о немъ англичанамъ или даже самому другу Меттерниху (l'ami Metternich). Теперь, если войнѣ суждено произойти, она будетъ крайне прискорбнымъ и даже весьма вѣроятнымъ слѣдствіемъ безразсудства турокъ, но здѣсь уже мнѣ невозможно что бы то ни было предусмотрѣть заранѣе» ¹⁵⁸.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ясное и убедительное изложение русской политики на Востоке, сделанное Николаем Павловичем, не склонило, однако, цесаревича къ признанію справедливости начинаній своего державнаго брата. Константинъ Павловичъ остался ярымъ противникомъ освобожденія Греціи отъ турецкаго ига; греческое дѣло онъ признавалъ всецѣло якобинскимъ дѣломъ (*cette cause grecque est la cause du jacobinisme pur et simple*), и вся его политическая мудрость сводилась къ афоризму: «il ne faut pas admettre chez autrui ce qu'on ne souffrirait chez soi»¹⁵⁹; онъ служилъ исходной точкой всѣхъ политическихъ разсужденій цесаревича по восточному вопросу. Въ 1825 году, Меттернихъ не напрасно радовался при мысли о возможности воцаренія Константина Павловича; австрійскій канцлеръ тогда же предугадалъ, что въ такомъ случаѣ политическія дѣла пойдутъ по знакомому, старому руслу, а вѣискому кабинету останется только торжествовать побѣду, расточая похвалы великодушію и умѣренности преемника Александра I. А теперь случилось нѣчто невообразимое: даже графъ Нессельроде заговорилъ, какъ утверждалъ Меттернихъ, языкомъ Карно и Дантона.

Опасенія императора Николая относительно возможности войны, благодаря безразсудству турокъ, оказались справедливыми. Султанъ не довольствовался отъѣздомъ пословъ изъ Константинополя, но дальнѣйшими своими мѣропріятіями прямо вызвалъ Россію на войну. 8-го (20-го) декабря 1827 года, Порта обнародовала гатти-шерифъ, въ которомъ турецкое правительство указывало на Россію, какъ на своего явнаго, непримиримаго врага¹⁶⁰. По словамъ сего воззванія къ правовѣрнымъ, Россія обвинялась въ томъ, что она вызвала возстаніе грековъ; единственно по ея ухищреніямъ Англія и Франція заняли враждебное положеніе къ Портѣ; она нарочно возбудила противъ нея внутреннихъ и вѣншихъ враговъ, чтобы воспрепятствовать введенію преобразованій, которыя должны были возвратить Турціи прежнюю силу; наконецъ Порта объявляла, что она вовсе не обязана исполнять исторгнутый у нея аккерманскій договоръ. На этомъ основаніи Порта признавала войну съ Россією религиозною и призывала всѣхъ магометанъ взяться за оружіе и стать подъ ея знамена.

Вслѣдъ затѣмъ русскіе подданные были изгнаны изъ турецкихъ владѣній, Босфоръ закрылся для торговыхъ судовъ, и начались сношенія съ Персіей, съ цѣлью уговорить шаха продолжать войну съ Россією.

Султанскій гатти-шерифъ разосланъ былъ всѣмъ пашамъ и губернаторамъ Оттоманской имперіи. Русскій генеральный консулъ въ Бухарестѣ, Минчіаки, представилъ его главнокомандующему второй арміи, графу Витгенштейну, при письмѣ отъ 24-го января (5-го февраля) 1828 года, и копія этого документа препровождена была генераль-адъютан-

En vous remettant les livres
que vous avez bien voulu me
prêter et en y ajoutant les
memoires de Bourienne, je
vous proposerai, Monsieur, de
venir partager avec moi mon
diner de Gineau à 4 heures —
et nous parlerons de la philosophie
de Platon. Agréez mes com-
plimens.

Sperantuz
laurel,

à Monsieur

Monsieur Schneider.

Петербургскіе типы въ началѣ прошлаго столѣтія.

Въ пивной.

(Съ рисунка съ натуры Щедровскаго. Изъ собранія И. И. Ваулина).

томъ Киселевымъ въ С.-Петербургъ при рапортѣ отъ 1-го (13-го) февраля. Императоръ Николай получилъ ихъ 8-го (20-го) февраля.

Вызывающій образъ дѣйствій Турціи привелъ къ большому политическому кризису. «Крайне трудно предвидѣть его развязку, — писалъ въ то время генералъ-адъютантъ А. Х. Бенкендорфъ графу М. С. Воронцову, — фактъ тотъ, что императоръ спокоенъ, выжидаетъ дальнѣй-

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

паго хода событій, готовится ко всему, что они могут представить наиболѣе затруднительнаго, и постоянно останется прямодушнымъ и умѣреннымъ. Если это и не понравится нѣкоторымъ кабинетамъ, зато народы будутъ рукоплескать этому, а послѣднее имѣетъ большое значеніе въ дѣлахъ нашего времени» ¹⁶¹.

Россіи оставалось одно: принять вызовъ, дерзко брошенный ей Портою ¹⁶². 14-го (26-го) апрѣля 1828 года, въ С.-Петербургѣ обнародованы были: манифестъ о войнѣ съ Турціею, декларація русскаго правительства ¹⁶³, приказъ россійскимъ войскамъ и манифестъ о рекрутскомъ наборѣ (по два рекрута съ 500 душъ).

Увѣдомляя графа Витгенштейна о принятыхъ рѣшеніяхъ, императоръ Николай повелѣвалъ ему приступить съ 25-го апрѣля (7-го мая) къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. Графу Паскевичу также повелѣно было считать съ 25-го апрѣля войну съ Турціею начатою.

Указомъ 12-го апрѣля, сенаторъ Абакумовъ назначенъ былъ главноуправляющимъ продовольственной частью арміи, назначенной къ переходу въ предѣлы Турціи ¹⁶⁴. Въ этомъ указѣ сообщалось еще слѣдующее распоряженіе: «Для управленія княжествами Молдавіею и Валахіею, состоящими подъ нашимъ покровительствомъ, мы утвердили особыя правила, которыя съ занятіемъ оныхъ войсками нашими и будутъ приведены въ дѣйствіе; всѣ же прочія земли, кои оружіемъ нашимъ заняты будутъ, поступаютъ въ завѣдываніе главноуправляющаго продовольствіемъ арміи».

II.

Для военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи предназначена была вторая армія, подъ предводительствомъ фельдмаршала графа Витгенштейна. Съ первыхъ же дней воцаренія императора Николая началась подготовка этихъ войскъ къ предстоявшему имъ трудному подвигу. Но приведеніе ихъ на военное положеніе, или, выражаясь современнымъ языкомъ, мобилизація этой арміи, а также другихъ частей русскихъ войскъ и польской арміи, прошло различные колебательные фазисы, въ зависимости отъ политическихъ теченій данной минуты и не скрываемой правительствомъ надежды сохранить миръ, дѣйствуя въ согласіи съ своими союзниками ¹⁶⁵. «Ce ne sera pas moi qui commence», — писалъ государь цесаревичу ¹⁶⁶ даже послѣ Наваринскаго сраженія.

Наконецъ, сами турки обнародованіемъ гатти-шерифа оказали, по мнѣнію Николая Павловича, Россіи истинную услугу и помогли намъ выйти изъ этого неопредѣленнаго положенія ¹⁶⁷. Окончательныя распоряженія были сдѣланы, и войска двинулись въ походъ, который оттягивался, начиная съ 1821 года.

Готовясь къ разрыву съ Турціею, императоръ Николай имѣлъ намѣреніе привлечь къ предстоявшей Россіи войнѣ и польскую армію. Трудно сказать, какой оборотъ приняли бы будущія политическія событія въ Европѣ, если бы планъ государя былъ приведенъ въ исполненіе¹⁶⁸. Но воля императора встрѣтила упорное противодѣйствіе въ лицѣ цесаревича Константина Павловича; онъ, какъ мы видѣли выше, не сочувствовалъ направленію, принятому нашей восточной политикой послѣ кончины императора Александра, неизмѣнно оставаясь безусловнымъ сторонникомъ мира, упорно отстаивая, по крайней мѣрѣ, вѣренную ему польскую армію отъ привлеченія къ ненавистному ему дѣлу¹⁶⁹.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ былъ вообще того убѣжденія, что война съ Турціею есть неполитическое и несвоевременное дѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ предпріятіе предосудительное для легитимности. «Эта война лишь дѣло либерализма, — писалъ цесаревичъ, — и потому столь превозносятся тѣми, которые ему покровительствуютъ, и мнѣнія которыхъ (горжусь тѣмъ) я не раздѣляю теперь, быть можетъ, болѣе, чѣмъ когда либо. По слабому моему разумѣнію, не съ Востока можемъ мы ожидать зла, но съ Запада, изъ этого очага всякихъ возмутительныхъ мыслей»¹⁷⁰.

При такихъ взглядахъ на восточную политику своего брата, легко себѣ представить, въ какой ужасъ привело цесаревича намѣреніе императора Николая двинуть польскую армію въ Турцію, чтобы сражаться рядомъ съ своими русскими братьями за правое христіанское дѣло. Для выигрыша времени Николай Павловичъ намѣревался двинуть польскую армію къ Дунаю, а въ Варшаву направить изъ С.-Петербурга гвардейскій корпусъ.

Предварительный обмѣнъ мыслей по этому предмету между государемъ и цесаревичемъ, вѣроятно, произошелъ во время пребыванія Константина Павловича въ началѣ 1828 года въ С.-Петербургѣ. Затѣмъ дальнѣйшіе фазисы этого вопроса можно прослѣдить въ личной перепискѣ императора Николая съ цесаревичемъ, при чемъ слѣдуетъ вообще замѣтить для уясненія дѣла, что императоръ дѣйствовалъ вполнѣ независимо отъ совѣтовъ старшаго брата, но вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгалъ, по возможности, предпринимать что либо ему непріятное¹⁷¹. Последнее обстоятельство имѣло также мѣсто въ перепискѣ между С.-Петербургомъ и Варшавою по поводу участія польской арміи въ предстоявшей тогда Россіи войнѣ.

Въ числѣ причинъ, которыя выставлялись для удержанія польской арміи въ бездѣйствіи въ царствѣ, главную роль играло возбужденіе преувеличенныхъ опасеній насчетъ предстоящихъ враждебныхъ дѣйствій противъ насъ какъ Австріи, такъ и Пруссіи. На послѣднюю обрушилось все вниманіе цесаревича, систематически старавшагося внушить импе-

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ратору недовѣріе къ намѣреніямъ прусскаго правительства. Наконецъ, Константинъ Павловичъ, предостерегая брата отъ опрометчивыхъ рѣшеній, припомнилъ даже Суворова, который сказалъ: «глазъ впередъ, глазъ назадъ, глазъ направо, глазъ налево», — подтверждая вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на свою ненависть къ отступленіямъ, что, прежде чѣмъ сдѣлать шагъ впередъ, нужно посмотрѣть назадъ, чтобы убѣдиться, не слѣдуетъ ли сдѣлать въ этомъ направленіи два шага или даже четыре ¹⁷².

Цесаревичъ обвинялъ прусское правительство въ приготовленіяхъ къ войнѣ, въ поощреніи какихъ-то полонофильскихъ тенденцій, сообщалъ также свѣдѣнія о мобилизаціи 5-го и 6-го корпусовъ, объ укрѣпленіи Позена и пр. ¹⁷³.

Всѣ опасенія, высказанныя Константиномъ Павловичемъ насчетъ коварныхъ намѣреній нашихъ сосѣдей, оказались напрасными. Австрія и Пруссія не двинулись съ мѣста, а Фридрихъ-Вильгельмъ поручилъ даже посланному въ русскую главную квартиру генералу Ностицу передать государю, что если австрійцы осмѣлились бы только когда либо напасть на насъ, то это послужитъ для него сигналомъ немедленно двинуться противъ нихъ. (*Si jamais les autrichiens s'avisent de tomber sur nous, c'était pour lui le signal de marcher de suite contre eux*) ¹⁷⁴.

Немалую долю вліянія на рѣшенія императора Николая въ дѣлѣ предназначенія польской арміи активной роли въ предстоявшей войнѣ имѣли также внушенія цесаревича относительно того, что настоящее зло грозитъ Россіи не съ Востока, а съ Запада, и что этотъ враждебный намъ Западъ, втянувъ Россію въ войну съ Турціею, освободился, такъ сказать, отъ нашего наблюденія (*il s'est soustrait pour ainsi dire à notre surveillance*) ¹⁷⁵. Подобныя предостереженія могли дѣйствительно поколебать начала истинно-русской политики, проводимыя молодымъ государемъ, такъ какъ внушенія цесаревича совпадали съ душевными мыслями и симпатіями императора Николая; они грозили увлечь государя на ложный, роковой путь, на который онъ подъ вліяніемъ позднѣйшихъ политическихъ обстоятельствъ не замедлилъ вступить, въ ущербъ своей собственной славѣ.

Прочитавъ политическія разсужденія цесаревича, императоръ Николай поспѣшилъ отвѣтить брату и писалъ ему 8-го (20-го) марта 1828 года:

«Прежде всего примите мою искреннюю благодарность за доброту и довѣріе, съ которыми вамъ угодно говорить со мною; я живо чувствую ихъ, и вѣрьте, что я пользуюсь ими, насколько могу: иногда внѣшность можетъ заставлятъ предполагать обратное, тогда какъ въ сущности я вполнѣ слѣдую началамъ, которыя вы намѣчаете мнѣ (*quelquefois les apparences feraient croire le contraire, quand au fond je suis bien réellement les principes que vous me tracez*)».

Петербургскіе типы въ началѣ прошлаго столѣтія.

Разносчики.

(Съ рисунка съ натуры Щедровскаго. Изъ собранія И. И. Ваулина).

Цесаревичъ своимъ отвѣтомъ еще болѣе усилилъ впечатлѣніе, произведенное на государя политическими разсужденіями предыдущаго письма, признавшись вдругъ, что онъ преподанными брату совѣтами исполнилъ только завѣтъ, оставленный ему императоромъ Александромъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Я никогда не позволю себѣ, дорогой братъ,—писать цесаревичъ,—намѣчать вамъ начала, которыхъ вы должны придерживаться, какъ вы пишете объ этомъ въ вашемъ послѣднемъ письмѣ; и если иногда я высказываю вамъ съ присущею мнѣ откровенностью истину,—то, что я признаю истиною въ душѣ,—это является не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ привычки, привитою обыкновеніемъ поступать такъ въ отношеніи нашего покойнаго безсмертнаго императора и побуждающей меня дѣйствовать подобнымъ образомъ, и слѣдствіемъ священнаго слова, даннаго ему мною поступать такъ и въ отношеніи васъ, какъ только его не станеть, что было потребовано имъ отъ меня подъ клятвою (*ce qu'il a exigé de moi sous serment*)»¹⁷⁶.

Благодаря сочетанію этихъ противорѣчившихъ мнѣній, взглядовъ и внушеній, моментъ для своевременнаго появленія польской арміи былъ упущенъ, и дѣло замолкло. Но императоръ Николай не сразу отказался отъ своей любимой мысли создать для двухъ соединенныхъ подъ его скипетромъ народовъ братство по оружію. Онъ обратился къ полумѣрѣ и потребовалъ, по крайней мѣрѣ, хотя бы высылку въ дѣйствующую на Дунаѣ армію нѣкотораго числа польскихъ офицеровъ: «*pour croiser et fraterniser les uniformes*»¹⁷⁷. Но и это скромное желаніе государя встрѣтило противодѣйствіе со стороны цесаревича; на этотъ разъ императоръ настоялъ, однако, на своемъ. Цесаревичъ долженъ былъ покориться высочайшей волѣ: польскіе офицеры, хотя и въ ограниченномъ числѣ (18-ть офицеровъ квартирмейстерской части и инженернаго корпуса), явились среди русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ, къ величайшему удовольствію государя¹⁷⁸.

Такимъ образомъ, благой мысли императора Николая не суждено было осуществиться; польская армія осталась нетронутою въ царствѣ, и попрежнему спокойно упражнялась во всѣхъ тонкостяхъ гарнизонной службы, подъ требовательнымъ окомъ своего главнокомандующаго, а тайныя общества могли безпрепятственно продолжать въ рядахъ ея свою подпольную, разлагающую работу, которая, благодаря близорукому упорству цесаревича, привела къ взрыву 1830 года.

III.

Рѣшившись на войну съ Оттоманской Портою, императоръ Николай пожелалъ принять личное участіе въ предстоявшихъ на Дунаѣ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ виду продолжительнаго, можетъ быть, отсутствія изъ столицы, государь призналъ необходимымъ установить на это время нѣкоторыя особыя мѣры по управленію имперіею.

Съ этою цѣлью, 24-го апрѣля (6-го мая) 1828 года, учреждена была временная верховная комссія, которая состояла изъ трехъ лицъ: графа

В. П. Кочубея, графа П. А. Толстого и князя А. Н. Голицына. Вмѣстѣ съ тѣмъ особымъ секретнымъ указомъ на имя членовъ этой комиссіи объявлялось, что въ случаѣ кончины императора, на основаніи манифеста отъ 28-го января 1826 года, великій князь Михаилъ Павловичъ «облекается саномъ и властью правителя государства», а въ случаѣ отсутствія его изъ Петербурга и до его прибытія повелѣвалось комиссіи издать манифестъ отъ лица наслѣдника, «сдѣлавъ всѣ надлежащія распоряженія для приведенія къ вторичной ему присягѣ», а также завѣдывать всѣми дѣлами управленія и посылать указы и повелѣнія отъ имени новаго императора. Порядокъ управленія на время отсутствія государя установленъ былъ особымъ наказомъ, даннымъ на имя членовъ комиссіи ¹⁷⁹.

Кромѣ того, было еще разработано особое постановленіе объ образѣ управленія по военной части во время отсутствія государя императора, въ виду отъѣзда въ армію вмѣстѣ съ государемъ и начальника главнаго штаба, графа Дибича. Управляющій военнымъ министерствомъ графъ Чернышевъ долженъ былъ на это время управлять также и главнымъ штабомъ. 24-го апрѣля 1828 года, послѣдоваль на его имя особый указъ, въ которомъ устанавливался порядокъ для хода дѣлъ какъ по военному министерству, такъ и по главному штабу ¹⁸⁰. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ П. А. Толстой назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Петербургѣ.

Передъ отъѣздомъ въ армію императоръ Николай обратился съ слѣдующими трогательными прощальными словами къ цесаревичу Константину Павловичу:

«Позвольте мнѣ, дорогой Константинъ, принести вамъ здѣсь заранѣе мои поздравленія съ приближающимся днемъ вашего ангела; пусть Божественное Провидѣніе осыплетъ васъ во всемъ всѣми своими благословеніями; пусть вы останетесь въ отношеніи ко мнѣ постоянно однимъ и тѣмъ же; и въ эту торжественную минуту, когда, быть можетъ, на небесахъ начертано, что я долженъ найти смерть въ этой войнѣ, вѣрьте, что я служилъ вамъ съ такою же преданностью, и что я испущу послѣднее дыханіе съ тѣмъ же чувствомъ нѣжности и признательности къ вамъ, которыя постоянно руководили мною во всѣ мгновенія моей жизни; если такова въ самомъ дѣлѣ воля Божія, я покину жизнь съ сознаніемъ, что исполнилъ свой долгъ, какъ честный человѣкъ, и съ сожалѣніемъ, что не могъ быть болѣе полезнымъ моему дорогому отечеству. Подумайте же тогда о моей бѣдной женѣ, объ этомъ ангельскомъ существѣ, которому я обязанъ всѣми счастливыми моментами моей жизни за эти послѣднія одиннадцать лѣтъ; не откажите замѣнить для нея отца и друга; продолжайте оказывать ваше расположеніе моимъ дорогимъ дѣтямъ и въ особенности бѣдному несчастному, которому придется замѣнить

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

меня (*surtout au pauvre malheureux qui devra me remplacer*). Однимъ словомъ, знайте тогда, что въ мірѣ однимъ существомъ, преданнымъ вамъ, станетъ меньше. Благословите меня и не откажите въ прощеніи моихъ, конечно, невольныхъ прегрѣшеній въ отношеніи васъ» ¹⁸¹.

Отвѣчая на это письмо, 5-го (17-го) мая 1828 года, цесаревичъ писалъ:

«Что касается конца вашего письма, дорогой братъ, я не сумѣю передать вамъ глубокаго и тяжелаго впечатлѣнія, которое оно произвело на меня. Пусть милосердый Богъ позволить вамъ испытать всѣ блага земли, предохранивъ васъ, дорогой братъ, отъ всякаго зла; я не могу допустить другой столь грустной мысли. Я осмѣливаюсь ожидать отъ Его милосердія, что Его благословенія будутъ постоянно сопутствовать какъ вамъ, такъ и нашей дорогой Александрѣ и всѣмъ вашимъ дѣтямъ, и что вы всѣ соединитесь снова въ совершенномъ мирѣ и спокойствіи. Вы — такой хорошій мужъ и отецъ, что было бы вполне справедливо, чтобы вы долго вкушали семейное счастье, которымъ столь заслуженно наслаждаетесь. Если, тѣмъ не менѣе, мои благословенія необходимы вамъ, дорогой братъ, они всецѣло принадлежатъ вамъ, и я, конечно, не колеблюсь дать вамъ ихъ, не потому, чтобы я считалъ себя въ правѣ поступать такъ, а просто по сердечной преданности и истинной привязанности» ¹⁸².

IV.

Теперь остается еще разсмотрѣть, какими планами намѣрены были руководствоваться въ борьбѣ съ Оттоманскою Портою. До послѣдней минуты императоръ Николай не терялъ еще надежды обойтись безъ кровопролитія и полагалъ возможнымъ достигнуть цѣли однимъ занятіемъ придунайскихъ княжествъ. По крайней мѣрѣ, судя по письму государя къ цесаревичу отъ 17-го февраля 1828 года, отправленному уже послѣ полученія въ Петербургѣ турецкаго гатти-шерифа, государь выражалъ еще подобную надежду и писалъ брату, что съ помощью Божіею достаточно будетъ одного занятія княжествъ ¹⁸³.

Въ этомъ смыслѣ даны были государемъ указанія генераль-адъютанту Киселеву, находившемуся въ это время въ Петербургѣ; на сдѣланныя имъ возраженія по поводу отсутствія денегъ и волею ему отвѣчали, что только стоитъ перейти Дунай, и тогда турки потребуютъ мира. Киселевъ говорилъ, что въ Петербургѣ настолько увѣрены были въ несомнѣнномъ успѣхѣ войны, что даже разсуждали, что сдѣлать съ Константинополемъ по взятіи его, оставить ли его за Россіею, или же отдать какой нибудь другой державѣ. Счастливое окончаніе Персидской войны вызвало, вѣроятно, подобное ослѣпленіе. Еще ранѣе были также

Полицейскій мостъ въ Петербургѣ въ началѣ прошлаго столѣтія.
(Съ литографіи того времени).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

вспышки въ другомъ родѣ. Такъ, напримѣръ, князь Меншиковъ въ дневникѣ своемъ 1827 года пишетъ: «11-го ноября былъ съ докладомъ у государя. Онъ мнѣ сказалъ между прочимъ, что ежели будетъ война съ турками, то чтобы я готовился ѣхать въ Николаевъ къ адмиралу Грейгу, на волю котораго полагаетъ итти въ Босфорскій заливъ и жечь Константинополь. Государь полагаетъ самъ быть при сухопутной арміи».

Когда графъ Витгенштейнъ узналъ о томъ, что вначалѣ желаютъ ограничиться однимъ занятіемъ княжествъ, фельдмаршалъ очень огорчился подобнымъ рѣшеніемъ, утверждая, что нужно дѣйствовать съ энергіею, а не оцущью; мысли свои онъ поспѣшилъ изложить въ письмѣ къ графу Дибичу отъ 11-го (23-го) марта 1828 года. Но уже было поздно поправить дѣло, и неудачно задуманный и подготовленный походъ неизбежно привелъ къ неудовлетворительному результату¹⁸⁴.

Полное разочарованіе смѣнило вскорѣ иллюзіи, съ которыми приступили тогда къ войнѣ съ Турціею. Къ тому же, сверхъ ожиданія, султанъ твердо рѣшился не дѣлать уступокъ и принялся по мѣрѣ силъ отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ.

Еще съ 1821 года, въ царствованіе императора Александра, когда разрывъ съ Оттоманскою Портою представлялся вѣроятнымъ, въ главномъ штабѣ его величества, равно какъ и въ штабѣ второй арміи, накопилось немало плановъ войны съ Турціею¹⁸⁵. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ записка генераль-адъютанта барона Дибича: О дѣйствіяхъ противъ турокъ¹⁸⁶. Она не осталась безъ вліянія на войну съ Портою, осуществившуюся уже въ царствованіе преемника Александра I-го.

Предположеніе, выработанное въ 1821 году генераль-адъютантомъ Дибичемъ, отличалось большою смѣлостью; будущій забалканскій герой полагалъ тогда возможнымъ покончить съ Турціею въ теченіе одной кампаніи, а именно: начавъ войну 1-го марта, перейти Балканы уже въ концѣ мая, въ іюнѣ занять Адрианополь и до 1-го августа овладѣть Царьградомъ при содѣйствіи флота. Одновременно съ этими рѣшительными операціями въ Европейской Турціи генераль Ермоловъ долженъ былъ занять Эрзерумъ и угрожать Трапезонду¹⁸⁷.

Въ 1828 году, не предполагалось совершить подобнаго орлинаго полета. Трудно узнать въ совѣтникѣ императора Николая прежняго сторонника рѣшительныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ. Программа предстоявшей кампаніи была гораздо скромнѣе; судя по сохранившейся перепискѣ того времени, полагали ограничиться занятіемъ княжествъ, переправой черезъ нижній Дунай и взятіемъ придунайскихъ крѣпостей. Кромѣ того, признано было необходимымъ, при самомъ открытіи военныхъ дѣйствій, направить черноморскій флотъ съ десантомъ

для овладѣнія Анапою; эта задача была поручена контръ-адмиралу, князю А. С. Меншикову.

Повидимому, все еще надѣялись, что турки во-время образумятся и, по открытіи военныхъ дѣйствій, не замедлятъ предложить миръ, который правительство склонно было заключить на умѣренныхъ условіяхъ, чтобы не возбудить противъ себя своихъ европейскихъ союзниковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, пока мы откладывали до послѣдней возможности объявленіе войны, руководствуясь общими политическими соображеніями, чтобы не казаться зачинщиками, явилось другое зло: мы дали Портѣ время для приготовленія къ войнѣ, для созданія арміи, замѣнившей собою янычаръ, и для вооруженія крѣпостей¹⁸⁸. О мирѣ же турки и не хотѣли помышлять.

Но эти невзгоды, вызванныя ошибочными расчетами, оказались недостаточными. Неповѣрныя трудности, сопряженныя съ войною на Балканскомъ полуостровѣ, были еще усилены той особенной обстановкой, при которой предполагалось начать операціи на Дунаѣ. Императоръ, сопутствуемый своимъ начальникомъ главнаго штаба, графомъ Дибичемъ, долженъ былъ находиться среди войскъ второй арміи, не принимая, однако, главнаго начальства надъ нею. Громадная главная квартира предназначалась къ слѣдованію съ государемъ; она состояла изъ военной свиты и дипломатовъ, русскихъ и иностранныхъ. Фельдмаршалу графу Витгенштейну предписано было командовать попрежнему арміею, имѣя при себѣ своего начальника штаба, генералъ-адъютанта Киселева. Великій князь Михаилъ Павловичъ, носившій званіе генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора по инженерной части, долженъ былъ также отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Все это изобиліе начальствующихъ лицъ и вызываемое присутствіемъ ихъ разнообразіе мнѣній, столкновеніе интересовъ и преслѣдованіе часто противоположныхъ цѣлей должно было до крайности стѣснить самостоятельность дѣйствій главнокомандующаго, препятствуя проявленію всякой съ его стороны инициативы. Указанныя здѣсь обстоятельства предвѣщали въ будущемъ мало утѣшительнаго и не замедлили отразиться самымъ невыгоднымъ образомъ на ходѣ военныхъ дѣйствій.

Двинутая противъ Турціи на Балканскій полуостровъ вторая армія состояла изъ 3-го, 6-го и 7-го пѣхотныхъ корпусовъ и 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, находившихся подъ начальствомъ генераловъ: Рудзевича, Рота, Воннова и Бороздина. По строевому рапорту отъ 15-го апрѣля 1828 года, она могла выставить въ поле 113.920 человекъ при 384 орудіяхъ¹⁸⁹. Эту армію предполагалось еще усилить гвардейскимъ корпусомъ, который съ 1-го (13-го) апрѣля началъ постепенно выступать изъ С.-Петербурга, но не могъ явиться на театръ военныхъ дѣйствій ранѣе августа мѣсяца.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Графъ Дибичъ заблаговременно отправился въ главную квартиру второй арміи; 24-го апрѣля, онъ послалъ изъ Кишинева свое первое доносеніе къ государю. Такимъ образомъ еще до вступленія русскихъ войскъ въ княжество графъ Витгенштейнъ не оставался безъ руководителя и наставника.

«25-го числа, — писалъ графъ Дибичъ, — воспослѣдуетъ переходъ черезъ Прутъ. Чрезмѣрно затруднительныя переправы замедлятъ нѣсколькими днями обложеніе Браилова, такъ что при самомъ удобномъ случаѣ оно не можетъ воспослѣдовать ранѣе 29-го числа. Начатіе осады Браилова зависѣть будетъ отъ возможности достать лѣсъ и другіе мѣстные предметы; осадная же артиллерія при помощи части упряжи подвижнаго магазина выступила уже изъ Тирасполя и можетъ прибыть во-время».

Императоръ Николай покинулъ С.-Петербургъ 25-го апрѣля. На другой день, вслѣдъ за государемъ, отправилась въ Одессу императрица Александра Ѳеодоровна и великая княжна Марія Николаевна, въ сопровожденіи министра двора князя Волконскаго. Что же касается великаго князя Михаила Павловича, то онъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга 22-го апрѣля, ранѣе прочихъ членовъ царской семьи. Великій князь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ вмѣстѣ съ прочими августѣйшими дѣтьми оставлены были на попеченіи императрицы Маріи Ѳеодоровны.

До отъѣзда государя отправился въ путь оберъ-церемоніймейстеръ, графъ Станиславъ Потоцкій, назначенный исправлять во время похода должность гофмаршала военнаго двора. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланъ былъ въ армію весь багажъ съ палатками, конюшнею и кухнею. Мѣстомъ сбора главной квартиры государя назначенъ былъ Измаилъ; здѣсь ей предстояло ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Въ числѣ генерал-адъютантовъ, предназначенныхъ сопровождать государя во время похода, обращали на себя вниманіе знаменитый стратегъ баронъ Жюмнини и состоящій при особѣ его величества принцъ Евгеній Виртембергскій, герой войнъ 1812—1814 годовъ. Въ дипломатахъ также не было недостатка; назовемъ здѣсь: графа Нессельроде, графа Матусевича, французскаго посла графа Мортемара, посланниковъ: ганноверскаго графа Дёрнберга и датскаго графа Бломе, австрійскаго генерала принца Гессенъ-Гомбургскаго, прусскаго генерала графа Ностица, Кистера и др. Изъ своихъ статсъ-секретарей императоръ Николай назначилъ состоять при себѣ Дмитрію Васильевичу Дашкову, какъ близко знакомому съ восточными дѣлами по своей прежней служебной дѣятельности въ Константинополѣ, въ званіи совѣтника посольства въ 1821 году¹⁹⁰.

При выѣздѣ изъ С.-Петербурга, государя сопровождалъ нѣкоторое время принцъ Оранскій, отъѣзжавшій за границу. Когда они разста-

лись, Николай Павловичъ взялъ къ себѣ въ коляску генераль-адъютанта Бенкендорфа, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ на многіе годы неизмѣннымъ спутникомъ государя во всѣхъ его безчисленныхъ поѣздкахъ по Россіи и за границу. Этотъ порядокъ продолжался до 1837 года, когда Бенкендорфъ по болѣзненному своему состоянію долженъ былъ впредь отказаться отъ чести сопровождать монарха. Съ тѣхъ поръ мѣсто Бенкендорфа въ коляскѣ государя занялъ графъ А. Ѳ. Орловъ.

Желая скорѣе явиться среди своей арміи, императоръ Николай ѣхалъ день и ночь и остановился только не надолго въ Могилевѣ, Елисаветградѣ и Вознесенскѣ для осмотра войскъ. Испорченныя продолжительными дождями дороги весьма затрудняли переѣздъ. Тѣмъ не менѣе съ 5-го (17-го) и на 6-е (18-е) мая государь имѣлъ уже ночлегъ въ Тирасполѣ. «Мы задыхались отъ жары», — пишетъ генералъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ. 7-го мая государь переѣхалъ по мосту черезъ Прутъ въ Водулай-Исаки, направляясь къ Браилову. Со времени Петра Великаго императоръ Николай былъ первый изъ русскихъ монарховъ, вступившихъ на оттоманскую территорію.

Въ Россіи съ безпокойствомъ взирали на отъѣздъ государя въ армію и на тѣ опасности, которыя неминуемо ожидали его среди непривѣтливой, вражеской земли. Приводимое ниже письмо генераль-адъютанта Храповицкаго ¹⁹¹ служитъ отголоскомъ тѣхъ тревожныхъ мыслей, которыя овладѣли многими изъ современниковъ этой эпохи.

«Государь, — писалъ Храповицкій, — Всемогущій видитъ сердце мое, надѣюсь, что услышитъ и молитвы наши и сохранитъ васъ для блага Россіи. Но для сего необходимо содѣйствіе ваше. Не только Россія, но почти весь міръ знаетъ неустрашимость и твердость вашу; Россія спасена ими! За что жъ, подвергая себя опасностямъ, страшитъ всѣхъ, искренно любящихъ оную, видѣть ее въ бѣдствіи? Такъ, государь! это будетъ неминуемое послѣдствіе потери вашей, отъ чего избави насъ Всемогущій Богъ. Ваше императорское величество неоднократно не только позволяли, но даже требовали отъ меня говорить вамъ истину съ откровенностію; пользуясь симъ, смѣю васъ увѣрять, что это общій голосъ вашихъ вѣрноподданныхъ, здѣсь находящихся, и никакому сомнѣнію не подвержено, что мнѣніе сіе раздѣляютъ и остальная часть вамъ подвластныхъ» ¹⁹².

Если отъѣздъ императора Николая въ армію вызывалъ тревогу и разнообразную оцѣнку, то на самую войну смотрѣли также съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Цесаревичъ стоялъ какъ бы во главѣ оппозиціи, являясь безусловнымъ сторонникомъ мира и политическихъ преданій конца царствованія императора Александра. За нимъ слѣдовала цѣлая фаланга государственныхъ дѣятелей прошлаго царствованія, не сочувствовавшая начинаніямъ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Николая Павловича и порицавшая направление, данное государемъ русской политикѣ въ восточномъ вопросѣ. Даже такой практическій умъ, какъ генераль-адъютантъ Закревскій, не понялъ печальной необходимости для Россіи силою оружія возстановить насущные жизненные интересы имперіи, попорченные турецкимъ правительствомъ. Въ перепискѣ своей съ генераломъ-адъютантомъ Киселевымъ онъ высказывался противъ войны, называя нашихъ, какъ онъ говоритъ, «дипломатиковъ» недальновидными. «Дай Богъ, — писалъ Закревскій 9-го февраля 1828 года, — чтобы всѣ ваши заботы остались безъ цѣли, чѣмъ имѣть войну, не приносящую никакой пользы Россіи, а болѣе сдѣлаетъ вреда по слабому ея состоянію»¹⁹³. Если Закревскій высказывалъ Киселеву такое мнѣніе, оно, конечно, принадлежало не ему одному, и критика доходила, безъ сомнѣнія, до свѣдѣнія государя; тѣмъ болѣе велика заслуга его передъ исторіею, что онъ не внялъ подобнымъ возгласамъ, а привелъ въ исполненіе свои планы, какъ онъ ихъ понималъ. Если въ подробностяхъ осуществленіе этой политики и подлежитъ критикѣ, то оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть распространено на основныя политическія начала, которыми въ этомъ вопросѣ руководствовался императоръ Николай.

Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «Молодежь восхищалась предстоящими ей опасностями и славою; но масса публики смотрѣла на начало новой войны довольно равнодушно и безъ всякой примѣси какого нибудь національнаго чувства. Турція — этотъ исконный врагъ Россіи и христіанства, уже слишкомъ часто была укрощаема нашими войсками и уже слишкомъ ослабѣла, чтобы внушать какое либо опасеніе или даже ненависть. Никто не сомнѣвался въ новыхъ лаврахъ, а на жертву людьми и деньгами смотрѣли единственно, какъ на неизбѣжное зло, требуемое нашею народною честію и интересами нашей торговли».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Согласно предназначеніямъ императора Николая, войска 6-го корпуса генерала Рота и 7-го корпуса генерала Воннова совершили 25-го апрѣля (7-го мая) переправу черезъ Прутъ въ трехъ пунктахъ: въ Скулянахъ, Фальчи и Водулай-Исаки. Затѣмъ войска безъ выстрѣла заняли Яссы, Галацъ, Букарестъ и Краіову¹⁹⁴, въ то время какъ 7-й корпусъ приступилъ къ обложенію Браилова; главное начальство надъ войсками, предназначенными для осады этой крѣпости, по повелѣнію государя, ввѣрено было великому князю Михаилу Павловичу.

Одновременно съ открытіемъ военныхъ дѣйствій тайный совѣтникъ графъ Паленъ немедленно вступилъ въ исправленіе должности полномочнаго предсѣдателя дивановъ обоихъ княжествъ.

Затѣмъ предстояло совершить переправу черезъ Дунай. Для этой цѣли предназначался 3-й корпусъ генерала Рудзевича, который сосредоточенъ былъ въ Болградѣ и готовился перейти черезъ нижній Дунай у Сатунова. Но «безпримѣрное», какъ писали тогда, весеннее разлитіе Дуная задержало исполненіе этой операціи на цѣлый мѣсяцъ¹⁹⁵, предоставивъ туркамъ драгоцѣнное время для сосредоточенія войскъ въ Шумлѣ и подготовки театра военныхъ дѣйствій къ предстоявшему вторженію русской арміи.

Въ виду невозможности немедленно приступить къ переправѣ черезъ нижній Дунай, явилось предположеніе о переправѣ черезъ Дунай у Гирсова или же у Туртукая¹⁹⁶. Приступлено было къ мѣстнымъ разслѣдованіямъ, которыя привели къ тому, что предпочтеніе отдано было Туртукаю. Однако, затрудненія, встрѣченныя при первыхъ же подготовительныхъ къ тому мѣрахъ, побудили главный штабъ арміи снова возложить

ГЛАВА ПЯТАЯ

всѣ надежды на Сатуновскую переправу¹⁹⁷. Къ тому же въ виду господствующаго положенія русскаго флота въ Черномъ морѣ и полного обезпеченія морского подвоза продовольствія, переправа черезъ нижній Дунай представлялась все-таки болѣе цѣлесообразнымъ предпріятіемъ, несмотря на сопряженную съ нимъ потерю драгоцѣннаго времени, чѣмъ внезапная перемѣна намѣченной заранѣе операціонной линіи.

7-го (19-го) мая, въ полночь, императоръ Николай прибылъ къ Браилову. Государь остановился въ загородномъ домѣ папи браиловскаго, расположенномъ почти въ срединѣ блокаднаго лагеря; здѣсь при входѣ ожидали его великій князь Михаилъ Павловичъ, графъ Дибичъ, главнокомандующій фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ, генералъ-адъютантъ Киселевъ, генералъ-адъютантъ Воиновъ и весь главный штабъ второй арміи.

На другой день императоръ Николай въ сопровожденіи громадной свиты объѣхалъ верхомъ мѣстность вокругъ крѣпости и всѣ войска блокаднаго корпуса, которыя восторженно встрѣтили своего молодого царя, явившагося ободрить ихъ и раздѣлить съ ними труды и опасности предпринятаго похода. Въ этотъ же день государь отослалъ обратно въ крѣпость всѣхъ турецкихъ плѣнныхъ, захваченныхъ съ самаго начала блокады, наградивъ ихъ еще деньгами.

Очевидецъ, увидавшій подъ Браиловымъ впервые императора Николая описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него государемъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Императоръ Николай Павловичъ былъ тогда 32-хъ лѣтъ; высокаго роста, сухощавъ, грудь имѣлъ широкую, руки нѣсколько длинныя, лицо продолговатое, чистое, лобъ открытый, носъ римскій, ротъ умѣренный, взглядъ быстрый, голосъ звонкій, подходящій къ тенору, но говорилъ нѣсколько скороговоркой. Вообще онъ былъ очень строенъ и ловокъ. Въ движеніяхъ не было замѣтно ни надменной важности, ни вѣтренной торопливости, но видна была какая-то неподдѣльная строгость. Свѣжесть лица и все въ немъ указывало желѣзное здоровье и служило доказательствомъ, что юность не была изнѣжена, и жизнь сопровождалась трезвостью и умѣренностію. Въ физическомъ отношеніи онъ былъ превосходнѣе всѣхъ мужчинъ изъ генералитета и офицеровъ, какихъ только я видѣлъ въ арміи, и могу сказать поистинѣ, что въ нашу просвѣщенную эпоху величайшая рѣдкость видѣть подобнаго человѣка въ кругу аристократіи»¹⁹⁸.

Но, несмотря на желѣзное здоровье, которымъ, безспорно, обладалъ императоръ Николай Павловичъ, утомительный переѣздъ и климатическая перемѣна произвели на него неблагопріятное дѣйствіе. Уже наканунѣ государь чувствовалъ себя нѣсколько нездоровымъ, и, вернувшись домой съ объѣзда позиціи и лагеря, онъ занемогъ лихорадкою, отъ ко-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I ВЪ ФОРМѢ ПРУССКАГО КИРАСИРСКАГО ЕГО ИМЕНИ ПОЛКА.

Съ портрета приложеннаго къ исторіи полка, изданной въ 1842 году.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

торой оправился только на третій день ¹⁹⁹. Тревожныя опасенія, вызванныя этимъ неожиданнымъ событіемъ въ главной квартирѣ арміи, были весьма велики, но, какъ замѣчаетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ въ своихъ

Великая княжна Марія Николаевна.

(Съ литографіи Митрейтера, сдѣланной съ портрета Штилера).

запискахъ, благодаря крѣпкому сложенію государя и чрезвычайной умѣренности въ пищѣ, онъ скоро оправился.

Дѣйствительно, 10-го (22-го) мая обрадованныя войска снова увидѣли среди себя неутомимаго монарха. Въ этотъ день государь лично раздавалъ отличившимся солдатамъ георгіевскіе кресты.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Трудность добыванія матеріаловъ для заготовленія туровъ и фашинъ замедлила нѣсколько открытіе осадныхъ работъ. Къ разсвѣту 13-го (25-го) мая окончена была большая батарея, вооруженная 12-ю осадными и 12-ю батарейными орудіями и заложная въ 200 саженьяхъ отъ крѣпости. Когда батарея была окончена, государь на разсвѣтѣ пришелъ на нее, чтобы лично удостовѣриться въ ея дѣйствіи. Непріятель, замѣтивъ на ближайшемъ къ крѣпости возвышеніи скопленіе большого числа людей, среди которыхъ находился государь со свитою, направилъ туда свои выстрѣлы и стрѣлялъ такъ мѣтко, что многія ядра ударялись въ подошву этой высоты, а нѣкоторыя даже перелетали черезъ нее и попадали въ стоявшихъ тутъ верховыхъ лошадей. «Намъ стоило продолжительныхъ усилій и много трудовъ уговорить государя оставить это мѣсто, сдѣлавшееся цѣлью непріятельскаго огня», пишетъ очевидецъ, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ.

Въ тотъ же день императоръ Николай заботливо обошелъ раненыхъ и больныхъ, роздалъ имъ деньги и вникалъ въ малѣйшія подробности касательно пищи солдатъ и попеченія о нихъ.

Затѣмъ государь оставилъ блокадный корпусъ подъ Браиловымъ. Въ Водулай-Исаки Николай Павловичъ вышелъ изъ коляски и, желая показать собою примѣръ исполненія законовъ, подвергся всѣмъ окуркамъ и дезинфекціи, установленнымъ для прибывающихъ изъ княжествъ. 14-го (26-го) мая, государь прибылъ въ Бендеры, гдѣ встрѣтился съ императрицею Александрой Ѳеодоровной. На другой день ихъ величества продолжали вмѣстѣ путь въ Одессу и по прибытіи въ этотъ городъ 16-го (28-го) мая остановились въ домѣ новороссійскаго генераль-губернатора графа Воронцова²⁰⁰.

Не долго, однако, государь пользовался отдыхомъ; ночью на 18-е (30-е) мая онъ отправился въ Измайлъ.

Къ этому времени здѣсь совершилось важное событіе. Запорожскіе казаки, которые нѣкогда бѣжали за Дунай и нашли себѣ здѣсь пріютъ, возвратились снова въ нѣдра прежняго своего отечества. 12-го (24-го) мая измайлскій комендантъ, генераль-майоръ Тучковъ I, донесъ объ этомъ генераль-адъютанту Киселеву. «Сѣчь Запорожская, съ давнихъ поръ во владѣніи турецкомъ существовавшая, — писалъ Тучковъ, — преклоняясь подъ власть государя императора, совершенно тамъ уничтожилась. Новый и прежній кошевые, оба писаря, всѣ атаманы и эсаулы съ двумя бунчуками, тремя знаменами, со всею церковною утварью, съ двумя священниками, съ султанскими привилегіями и дарованными имъ грамотами, съ войсковою канцеляріею, съ тысячею человекъ казаковъ, прибыли въ границы наши. Кошевой Іосифъ Гладкій, имѣющій достоинство двухбунчужнаго паши, съ десятию человекъ атамановъ, съ двумя бунчуками, тремя знаменами, находятся въ здѣшнемъ карантинѣ, а прочіе непо-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

далеку отъ Кишин на лодкахъ и завтра или послѣзавтра придутъ сюда» ²⁰¹.

Успѣшнымъ исходомъ этого дѣла мы обязаны были генералу Тучкову, который сумѣлъ искусно завести съ Гладкимъ сношенія и пробудить въ

Великая княжна Александра Николаевна.

(Съ литографіи Митрейтера, сдѣланной съ портрета Штилера).

его душѣ чувства преданности и любви къ законному государю и къ покинутой имъ родинѣ.

По прибытіи въ Измаиль, императоръ Николай 19-го (31-го) мая осмотрѣлъ въ карантинѣ запорожцевъ, возвратившихся въ родное свое пепелище; онъ простилъ имъ все прошедшее и пожаловалъ Гладкому

ГЛАВА ПЯТАЯ

золотую медаль съ своимъ изображеніемъ. Запорожцы поверглись къ стопамъ его величества и искренно просили прощенія и помилованія. Государь, принявъ отъ кошевого грамоты и регалии, жалованныя съѣхъ турецкими султанами, сказалъ: «Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ, и я прощаю». Слова эти Николай Павловичъ повторилъ потомъ всему составу съѣхъ, присовокупивъ: «Я знаю, что вы за люди»²⁰². Казаки поклялись вѣрою и правдою служить Россіи противъ турокъ и вскорѣ блистательнымъ образомъ подтвердили данное ими слово.

Осмотрѣвъ Измаильскія укрѣпленія и флотилію, императоръ Николай отправился въ Болградъ къ сосредоточенному здѣсь 3-му корпусу генерала Рудзевича. За государемъ послѣдовала и его главная квартира. Парадъ имѣлъ мѣсто 20-го мая (1-го іюня) на равнинѣ между городомъ и лагеремъ. Войска представились въ великолѣпномъ видѣ, и государь остался ими вполне доволенъ. Вечеромъ происходила заря съ церемоніею.

Изъ лагеря подъ Болградомъ императоръ Николай отправился въ сопровожденіи графа Дибича и генерала Рудзевича къ мѣсту, предназначенному для совершенія переправы черезъ Дунай, впереди селенія Сатунова. Въ это время въ императорскую главную квартиру изъ-подъ Браилова вызванъ былъ главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ, и генераль-адъютантъ Киселевъ. По прибытіи главнокомандующаго, за подписью графа Дибича отданъ былъ 24-го мая (5-го іюня) слѣдующій приказъ:

«Его императорское величество, прибывъ къ дѣйствующей арміи, высочайше предоставляет и въ присутствіи своемъ въ оной господину главнокомандующему, генераль-фельдмаршалу графу Витгенштейну, всю власть и права, присвоенныя ему учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи».

Но этимъ приказомъ не уничтожилось многовластіе въ арміи; оно продолжало фактически существовать силою самой обстановки и оказывало, въ продолженіе всей кампаніи 1828 года, неблагопріятное вліяніе на ходъ военныхъ операцій. Нерѣдко, въ счастливую пору войны, забывали совершенно о главнокомандующемъ; арміею распоряжался графъ Дибичъ, его мнѣніе преобладало въ совѣтахъ, и только при неудачѣ вспоминали о существованіи графа Витгенштейна; на престарѣлаго фельдмаршала сыпались тогда незаслуженные упреки за его бездѣятельность и непредусмотрительность. Ко всей этой ненормальной обстановкѣ, тормозившей правильный ходъ дѣлъ, присоединилось еще въ скоромъ времени убѣжденіе, что война предпринята съ недостаточными силами для достиженія какихъ либо рѣшительныхъ результатовъ, въ виду упорства турокъ не заключать мира. Уже 9-го (21-го) іюня императоръ Николай признался цесаревичу Константину Павловичу, что съ

Марсово поле въ Петербургѣ въ началѣ прошлаго столѣтія.
(Съ литографіи того времени).

ГЛАВА ПЯТАЯ

каждымъ днемъ приходится все болѣе убѣждаться въ настоятельной необходимости (*nécessité absolue*) подкрѣпленій и въ невозможности, по недостатку силъ, дать кампаніи рѣшительный оборотъ (*nous sommes donc beaucoup trop faibles pour pousser la campagne vigoureusement*).

Что же касается до переправы черезъ Дунай, то задуманное предприятие было весьма рискованное. Генераль Рудзевичъ въ день, назначенный для совершенія перехода, сказалъ Киселеву передъ началомъ боя, что переправа невозможна и не исполнится; генераль Сухтеленъ также признавалъ успѣхъ безнадежнымъ. Дѣйствительно мѣстныя условія могли навести на размышленія. Для того, чтобы войска добрались до мѣста, избраннаго для переправы, вынуждены были приступить къ постройкѣ гати на протяженіи болѣе пяти верстъ. На эту работу ежедневно высылали 2.000 нижнихъ чиновъ и до 2.000 обывателей. Въ виду подобныхъ приготовленій неудивительно, что турки обратили вниманіе на дѣйствія своего противника и съ своей стороны приступили къ устройству укрѣпленій на высотахъ праваго берега Дуная, примыкавшихъ съ восточной стороны къ крѣпости Исакчи. Наконецъ, послѣ неимоверныхъ усилій, гать была доведена 25-го мая (6-го іюня) до самаго Дуная; затѣмъ приступили къ заложенію 25-ти-орудійной батареи на самомъ краю берега, въ виду турецкихъ укрѣпленій, появившихся на противоположной сторонѣ рѣки.

Въ это время императорскій лагерь раскинутъ былъ въ Сатуновѣ, который самъ по себѣ походилъ на цѣлый городокъ. По словамъ Бенкендорфа, сверхъ всей свиты и иностранныхъ пословъ и генераловъ, въ немъ находились, для его охраненія и вмѣстѣ какъ резервъ, два пѣхотныхъ полка, десять артиллерійскихъ ротъ, три эскадрона жандармовъ, столько же гвардейскихъ казаковъ, сотня казаковъ Атаманскаго полка и цѣлый армейскій казачій полкъ. Маркитанты, рестораторы и торговцы всякаго рода увеличивали еще многолюдство лагеря. «Вся эта команда, съ которою не легко было управляться, состояла подъ моимъ начальствомъ,—пишетъ Бенкендорфъ.—Въ первые дни часто приходилось сердиться и браниться; потомъ все обошлось, и дѣло устроилось къ удовольствію государя и всѣхъ жителей этой кочевой столицы.

«По вечерамъ огни турецкой арміи живописно обрисовывали позицію, занимаемую турками, которая, будучи примкнута съ одной стороны къ крѣпости Исакчи, а съ другой—къ глубокому болоту, возвышенностію своею и протяженіемъ какъ бы смѣялась надъ всѣми нашими приготовлениями. Наша позиція, напротивъ, между гніющими камышами и среди болотъ, была совершенно подавлена господствовавшими надъ ними непріятельскими высотами, а наши лагерные огни горѣли, укутанные въ туманѣ.

«Государь продолжалъ дѣятельно ускорять минуту переправы. Понтоны и большія барки, приготовленныя для пловучаго моста, ждали у устья маленькой рѣчки сигналъ ко входу въ Дунай. Гребныя флотиліи, наша и новыхъ русскихъ подданныхъ, запорожцевъ, приблизились противъ теченія къ мѣсту переправы. Батарея на берегу была вооружена орудіями; полки, которымъ слѣдовало идти въ головахъ колоннъ, подошли къ плотинѣ, и всѣ малые суда находились между камышами и кустами, покрывавшими нашъ берегъ».

Обсуждая подробности переправы черезъ Дунай, императоръ Николай, по свидѣтельству Киселева, обнаруживалъ въ особенности желаніе сохранить людей, что составляло замѣчательную черту въ характерѣ молодого и твердаго государя²⁰³.

Переправу предполагено было произвести 27-го мая (8-го іюня), и для этой цѣли императоръ Николай собственноручно написалъ диспозицію, согласно которой и произошло дѣло²⁰⁴. Переходъ совершился при личномъ присутствіи государя, прибывшаго съ разсвѣтомъ на оконечность плотины; турки, занимавшіе въ числѣ до 10.000 человекъ выгодную позицію на высотахъ противоположнаго берега, были отброшены, укрѣпленія ихъ заняты, и дальнѣйшая безпрепятственная переправа войскъ 3-го корпуса обезпечена. За этотъ успѣхъ русская армія заплатила потерю 112-ти человекъ убитыми и ранеными.

Турки, сбитые съ своей укрѣпленной позиціи, обратились въ бѣгство въ Базарджикъ, отчасти же бросились въ Исакчу. Успѣху выполненнаго русскими войсками смѣлаго предпріятія много содѣйствовали запорожцы, явившіеся къ мѣсту боя на 40 лодкахъ. Охотники ихъ, сверхъ того, отыскиали заблаговременно на правомъ берегу Дуная мѣсто, удобное для высадки переправившихся войскъ, переѣхавъ наканунѣ на непріятельскую сторону. Особенное отличіе выказалъ также генералъ-адъютантъ Киселевъ. Государь поздравилъ его генералъ-лейтенантомъ и сказалъ ему:

— Ты первый перешелъ и показалъ дорогу другимъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ съ благородною откровенностью Киселевъ, — это наши четыре казака, которые переправились вчера въ полночь и ожидали насъ на другомъ берегу Дуная.

Императоръ обнялъ Киселева и при всѣхъ благодарилъ его въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ²⁰⁵.

Фельдмаршалу графу Витгенштейну государь подарилъ одну изъ пушекъ, найденныхъ въ турецкихъ укрѣпленіяхъ.

28-го мая (9-го іюня), императоръ Николай лично отправился на турецкій берегъ, не дождавшись наводки моста, доставленнаго изъ Измаила, къ устройству котораго приступлено было немедленно по совершеніи переправы. Къ удивленію своей ближайшей свиты, государь

ГЛАВА ПЯТАЯ

потребовалъ для переправы черезъ Дунай лодку атамана Гладкаго. По свидѣтельству генералъ-адъютанта Бенкендорфа, «въ виду еще не сдавшейся и защищаемой сильнымъ гарнизономъ крѣпости, государь сѣлъ въ шлюпку запорожскаго атамана. Гладкій самъ стоялъ у руля, а двѣнадцать его казаковъ гребли. Этимъ людямъ, такъ недавно еще нашимъ смертельнымъ врагамъ и едва за три недѣли передъ тѣмъ оставившимъ непріятельскій станъ, стоило только ударить нѣсколько лишнихъ разъ веслами, чтобы сдать туркамъ, подъ стѣнами Исакчи, русскаго самодержца, ввѣрившагося имъ въ сопровожденіи всего только двухъ генераловъ. Но атаманъ и его казаки были въ восторгѣ отъ такого знака довѣрія и съ жаромъ кричали: «Мы, батюшка царь, твои, и не только наша дружина, но и всѣ наши товарищи». Государь благополучно присталъ къ турецкому берегу».

Здѣсь императоръ Николай былъ встрѣченъ графомъ Витгенштейномъ и Киселевымъ. Въ сопровожденіи ихъ, государь осмотрѣлъ позицію, занятую турками 27-го мая, и затѣмъ возвратился на русскій берегъ съ тѣми же запорожскими казаками.

Императоръ Николай вполне призналъ заслуги, оказанныя запорожцами въ дѣлѣ переправы, и наградилъ Гладкаго чиномъ полковника и георгіевскимъ крестомъ 4-го класса; сверхъ того, государь назначилъ ему десять знаковъ отличія военнаго ордена для раздачи отличившимся подъ начальствомъ его казакамъ. Не были также забыты тѣ четыре запорожца, которые 26-го мая переправились въ лодкахъ черезъ Дунай для отысканія удобнѣйшаго мѣста для высадки войскъ и переночевали на непріятельскомъ берегу; государь пожаловалъ имъ знаки отличія военнаго ордена, повелѣвъ перевести ихъ въ гвардію ²⁰⁵.

Въ виду предполагавшагося дальнѣйшаго наступленія, императорскій лагерь перенесенъ былъ на правый берегъ Дуная. 30-го мая (11-го іюня), въ то время, когда государь объѣзжалъ нашу передовую цѣпь, изъ Исакчи явились два турецкіе парламентаря съ извѣстіемъ, что комендантъ Эюбъ-паша готовъ сдать ввѣренную ему крѣпость. Вскорѣ комендантъ и Гассанъ-паша, искавшій убѣжища въ крѣпости, по разсѣяніи войскъ его въ сраженіи 27-го числа, явились къ государю съ изъявленіемъ покорности. Крѣпость была немедленно занята нашими войсками; гарнизонъ же получилъ позволеніе свободного выхода съ оружіемъ, оставивъ, однако, въ нашихъ рукахъ весь военный матеріалъ. Въ крѣпости найдено было 85 орудій, 18 знаменъ и богатые военные и продовольственные припасы. Наши удалились въ Константинополь и были обезглавлены по приказанію султана.

Съ занятіемъ Исакчи, русская армія могла безпрепятственно продолжать наступленіе по Добруджѣ къ Траянову валу.

Петербургскіе типы въ началѣ прошлаго столѣтія.

Шарманщики.

(Съ рисунка съ натуры Щедровскаго. Изъ собранія И. И. Ваулина).

Относительно переправы черезъ Дунай 27-го мая графъ Мольке въ сочиненіи своемъ о русско-турецкой кампаніи 1828 и 1829 годовъ²⁰⁷ останавливается на критической оцѣнкѣ совершеннаго тогда русскими войсками подвига. По его словамъ:

«Русскіе по теченію нижняго Дуная не могли избрать для наводки моста другого пункта, какъ Сатуново. Тѣмъ не менѣе мѣстныя условія

ГЛАВА ПЯТАЯ

были здѣсь такого рода, что казалось почти невыполнимымъ совершить переправу открытою силой. Доступъ къ лѣвому берегу былъ возможенъ только послѣ устройства гати, продолжавшагося нѣсколько недѣль и устранявшаго всякое сомнѣніе насчетъ цѣли работы. Еще съ большими затрудненіями было сопряжено дебуширование на противоположномъ берегу, гдѣ турки имѣли достаточно времени укрѣпиться на командующихъ высотахъ. Близъ турецкой крѣпости присутствіе значительнаго непріятельскаго корпуса, закрытое расположеніе 15-ти орудій большого калибра, въ сферѣ самаго дѣйствительнаго пушечнаго выстрѣла которыхъ находилась оконечность гати, проведенной вдоль лѣваго берега, равно какъ самое теченіе рѣки, — все это должно было сдѣлать совершенно невозможнымъ наводку моста, хотя при нѣкоторомъ только сопротивленіи обороняющагося. Едва ли можно было рассчитывать на бѣгство 10.000 человѣкъ въ виду горсти высадившихся казаковъ и егерей.

«Поэтому, смотря по одержанному успѣху, переходъ черезъ Дунай 3-го корпуса составляетъ блистательно удавшееся отважное предпріятіе. Но развѣ можно было на этомъ основывать первое важное предпріятіе кампаніи? Можетъ быть, было бы проще испытать высадку при помощи лодокъ и плотовъ, вмѣсто столь сомнительной наводки моста?»

«Матеріалы для подобнаго предпріятія, которые, конечно, слѣдовало заготовить въ обширныхъ размѣрахъ, могли быть доставлены съ удобствомъ и въ достаточномъ числѣ изъ Прута и проведены мимо Исакии, такъ какъ эта крѣпость нисколько не господствуетъ надъ главнымъ рукавомъ Дуная. Высадка могла быть выполнена въ Ренни или же въ любомъ другомъ пунктѣ въ то время, когда турки не были бы нисколько подготовлены встрѣтить ее силою, какъ въ Сатуновѣ. Бригаду пѣхоты съ легкою батареей можно было переправить на правый берегъ въ 10 минутъ времени, при помощи 70-ти поромовъ и сравнительно небольшимъ числѣ плотовъ; затѣмъ уже осталось бы только продолжать усиливать этотъ отрядъ. Притомъ можно бы было ввести противника въ заблужденіе демонстраціями, между тѣмъ какъ въ нечаянности нападенія именно заключалась вѣроятность успѣха. Предпріятіе подъ Сатуновомъ и удалось только при помощи высадки на лодкахъ запорожскихъ казаковъ. По утвержденіи же русскаго отряда на правомъ берегу Дуная и обложеніи Исакии, можно бы было приступить еще къ наводкѣ судового моста для болѣе легкаго и удобнаго сообщенія. Но при подобномъ образѣ дѣйствій особенную важность заслуживаетъ то обстоятельство, что переходъ черезъ Дунай можетъ быть произведенъ одновременно съ переходомъ черезъ Прутъ, между тѣмъ какъ постройка моста у Сатунова задержала переправу черезъ Дунай болѣе чѣмъ на четыре недѣли.

«Если же не хотѣли иначе перейти черезъ Дунай, какъ по мосту, то съ военной точки зрѣнія все-таки представляется вопросъ, отчего

подготовительныя мѣры къ постройкѣ его не были приняты ранѣе. Еще и прежде было извѣстно, что Дунай ежегодно наводняетъ свои низкіе берега до конца мая (средины іюня), и нельзя было выжидать до середины лѣта осушенія этой мѣстности. Если даже принять въ соображеніе, что политическія условія не позволяли объявлять войны ранѣе середины (конца) апрѣля, то никто не могъ препятствовать русскимъ сосредоточить необходимое число судовъ на своихъ собственныхъ рѣкахъ, давно уже освобожденныхъ отъ льда, и провести по собственной землѣ фашинную гать къ берегамъ Дуная. Всѣ эти приготовленія можно было бы произвести скрытно и затѣмъ немедленно приступить къ постройкѣ моста. Вторженіе въ Валахію, обложеніе Браилова и наступленіе въ Добруджу обратились бы тогда въ одновременныя предпріятія, которыя поддерживали бы одно другое. Выполненныя же отдѣльно и въ разное время, они только возбудили зависть Европы, разбудили усыпленныхъ турокъ и доставили имъ безцѣнное время для окончанія своихъ вооруженій» ²⁰⁸.

II.

Послѣ паденія Исакии императоръ Николай во главѣ войскъ, перешедшихъ Дунай, двинулся къ Бабадагу ²⁰⁹. 2-го (14-го) іюня, за нѣсколько верстъ до этого города, государя ожидала депутація отъ некрасовцевъ, бѣжавшихъ изъ Россіи еще въ началѣ XVIII столѣтія, во время Булавинскаго бунта. Это племя, занимавшее нѣсколько большихъ деревень, выстроенныхъ на русскій образецъ, сохранило нашу вѣру, одежду и родные обычаи. Депутаты встрѣтили русскаго самодержца съ хлѣбомъ и солью и въ минуту его приближенія пали на землю. Императоръ велѣлъ имъ встать и сказалъ: «Не стану обманывать васъ ложными надеждами: я не хочу удерживать за собою этотъ край, въ которомъ вы живете, и который занятъ теперь нашими войсками; онъ будетъ возвращенъ туркамъ, слѣдственно поступайте такъ, какъ велятъ вамъ ваша совѣсть и ваши выгоды. Тѣхъ изъ васъ, которые захотятъ возвратиться въ Россію, мы примемъ, и прошедшее будетъ забыто; тѣхъ же, которые останутся здѣсь, мы не тронемъ, лишь бы они не обижали нашихъ людей. За все, что вы принесете въ нашъ лагерь, будетъ всегда заплачено чистыми деньгами».

Замѣтимъ здѣсь, что во все продолженіе войны не было нашей арміи повода къ жалобамъ на некрасовцевъ. Надѣленные, однако, турецкимъ правительствомъ угодьями и рыбными ловлями, всѣ предпочли остаться на оттоманской землѣ и не возвратились въ Россію.

Подвигаясь далѣе къ Траянову валу, императорская и главная квартира арміи расположились лагеремъ у Карасу, гдѣ оставались съ 7-го (19-го)

ГЛАВА ПЯТАЯ

по 24-е іюня (6-е іюля). Здѣсь государь поджидалъ извѣстія о покореніи крѣпостей, оставшихся въ тылу арміи ²¹⁰.

6-го (18-го) іюня, послѣдовало занятіе Мачина, занятаго полковникомъ Роговскимъ. 7-го (19-го) іюня сдался на капитуляцію Браиловъ, послѣ неудачнаго штурма (3-го іюня), стоившаго намъ болѣе 3.000 человѣкъ ²¹¹. Извѣстіе о покореніи Браилова привезъ адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, полковникъ Бибиковъ; онъ прискакалъ въ лагерь при Карасу, 8-го (20-го) іюня. «Благодареніе Богу! Браиловъ нашъ!» — воскликнулъ императоръ, обнимая радостнаго вѣстника, и тотчасъ поспѣшилъ въ палатку графа Витгенштейна сообщить главнокомандующему извѣстіе о покореніи крѣпости, надѣлавшей намъ столько бѣдъ. Немедленно повелѣно было отслужить въ лагерь молебенъ.

Затѣмъ послѣдовательно сдались: Гирсовъ 11-го (23-го) іюня — генералу князю Мадатову, Кюстенджи 12-го (24-го) іюня — генералу Ридигеру и Тульча 19-го іюня (1-го іюля) — генералу Ушакову.

Великій князь Михаилъ Павловичъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 2-й степени. Онъ прибылъ къ государю въ лагерь при Карасу 22-го іюня (4-го іюля).

Императоръ Николай удостоилъ также графа Витгенштейна лестнымъ рескриптомъ, въ которомъ, приписавъ ему, по чувству благодарной снисходительности, всю честь успѣховъ, одержанныхъ въ начавшейся кампаніи, пожаловалъ фельдмаршалу алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго.

Въ это время послѣдовали еще и нѣкоторыя перемѣны въ личномъ составѣ второй арміи. Государь назначилъ генераль-майора Берга генераль-квартирмейстеромъ на мѣсто князя Горчакова, который получилъ въ командованіе 18-ю пѣхотную дивизію, вмѣсто генерала барона Людинсгаузенъ-Вольфа, смертельно раненаго при штурмѣ Браилова.

Сдача всѣхъ поименованныхъ выше крѣпостей не передала, однако, въ руки побѣдителей турецкихъ гарнизоновъ военноплѣнными; ради ускоренія капитуляцій имъ повсюду предоставлено было право свободного выхода къ желаемому пункту Оттоманской территоріи, сохраняя право участвовать въ дальнѣйшей войнѣ съ Россією. Это обстоятельство отразилось весьма невыгоднымъ для насъ образомъ на послѣдовавшихъ затѣмъ операціяхъ, въ особенности противъ крѣпости Силистріи, гарнизонъ, который усилился храбрыми защитниками Браилова, въ числѣ до 17.000 человѣкъ ²¹².

Итакъ, къ 20-му іюня (2-му іюля) всѣ придунайскія крѣпости, ниже Силистріи, находились въ нашихъ рукахъ; мы господствовали въ странѣ до Траянова вала; свободный подвозъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ обезпеченъ былъ занятіемъ гавани Кюстенджи. До сихъ поръ русскія войска выходили побѣдителями во всѣхъ своихъ предпріи-

Петербургскіе типы въ началѣ прошлаго столѣтія.

Швейцаръ и продавецъ щетокъ.

(Съ рисунка съ натуры Щедровскаго. Изъ собранія И. И. Ваулина).

тіяхъ, и военное счастье всюду имъ благопріятствовало: они совершили открытой силою переправу черезъ Дунай, казавшуюся невозможною, и въ шесть недѣль овладѣли шестью турецкими крѣпостями. Вѣра въ непобѣдимость ихъ оружія предшествовала ихъ знаменамъ и могла имѣть неисчислимое вліяніе на противниковъ, подобныхъ туркамъ, если бы обаяніе это не было поколеблено послѣдующими затѣмъ событіями. На

ГЛАВА ПЯТАЯ

подобномъ заключеніи относительно нашихъ военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, за истекшій періодъ времени, начиная съ 14-го (26-го) апрѣля, справедливо останавливается графъ Мольке.

Во время стоянки въ лагерѣ при Карасу императоръ Николай получилъ 20-го іюня (1-го іюля) еще одно радостное извѣстіе о благополучномъ окончаніи осады Анапы. 12-го (24-го) іюня, князь Меншиковъ овладѣлъ крѣпостью. Занятіемъ Анапы развязаны были руки Черноморскому флоту, и открывалась возможность присоединить посланный туда десантный отрядъ къ арміи, дѣйствовавшей на Балканскомъ полуостровѣ. Государь наградилъ князя Меншикова орденомъ св. Георгія 3-й степени и чиномъ вице-адмирала; Грейгу пожалованъ былъ чинъ адмирала. 3-го (15-го) іюля, эскадра Черноморскаго флота взяла снова на корабли десантныя войска, а именно 13-й и 14-й Егерскіе полки при восьми орудіяхъ, для доставленія въ Мангалію, откуда они должны были сухимъ путемъ присоединиться къ войскамъ, предназначеннымъ для осады крѣпости Варны.

Съ этого времени невыгодныя послѣдствія поздняго перехода черезъ Дунай съ каждымъ днемъ дѣлались все болѣе очевидными. По свидѣтельству генераль-адъютанта Бенкендорфа, «жары начинали сильно утомлять солдатъ; мало было воды, и та дурная; заросшія камышемъ болота распространяли вредное зловоніе; трава погорѣла; для огромной массы лошадей уже оказывался недостатокъ въ фуражѣ; многія тысячи воловъ, перевозившихъ провіантъ и резервные парки, за неимѣніемъ достаточныхъ пастбищъ, худѣли, дѣлались неспособными къ извозу и издыхали въ пути, еще болѣе заражая воздухъ».

Императоръ Николай воспользовался стоянкою въ лагерѣ въ Карасу, чтобы съѣздить въ Кюстенджи, въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ казаковъ, и отдалъ приказаніе объ устроеніи тамъ госпиталей, равно какъ распоряженія относительно выгрузки провіанта, привезеннаго на купеческихъ судахъ.

Спустя нѣсколько дней, 24-го іюня (6-го іюля), сняли наконецъ лагерь при Карасу, и главныя силы арміи двинулись къ Базарджикъ; здѣсь, при приближеніи къ городу, передовымъ войскамъ ея представился первый случай въ эту кампанію вступить въ бой съ турками въ открытомъ полѣ. Непріятельская конница, воспользовавшись излишнимъ увлеченіемъ двухъ нашихъ уланскихъ эскадроновъ, нанесла имъ сильный уронъ и даже совсѣмъ истребила бы ихъ, если бы не подоспѣли на помощь гусары съ двумя конными орудіями. Турки продолжали свое отступательное движеніе.

Базарджикъ, брошенный жителями и окруженный множествомъ кладбищъ, представлялъ наглядный образъ опустошенія и смерти. Непріятель передъ уходомъ испортилъ тамъ всѣ фонтаны и колодцы, зава-

ливъ ихъ соромъ и мѣшками съ мыломъ, такъ что не было возможности ими пользоваться.

Въ Базарджикѣ осуществилось, 29-го іюня (11-го іюля), ожидаемое съ такимъ нетерпѣніемъ въ главной квартирѣ соединеніе съ 7-мъ корпусомъ, освободившимся послѣ взятія Браилова ²¹³; однако, за отдѣленіемъ различныхъ отрядовъ, предназначавшихся для особыхъ цѣлей, главныя силы арміи не превышали 44-хъ баталіоновъ и 20-ти эскадроновъ. Тогда ясно обнаружилось, что война съ Портою начата была съ недостаточными силами. Турки, рассчитывавшіе имѣть дѣло съ громадными средствами своего противника, крайне удивились, что противъ нихъ вводились въ дѣло только нѣсколько эскадроновъ и небольшая горсть пѣхоты; произведенное такимъ положеніемъ дѣлъ нравственное впечатлѣніе было благопріятно туркамъ, неосновательность же первоначальныхъ расчетовъ, вкравшаяся въ назначенную кампанію, являлась трудно поправимымъ дѣломъ. Подкрѣпленія ожидалось, но когда? Гвардія могла прибыть къ Дунаю только въ августѣ, а 2-й корпусъ, вытребованный послѣ неудачнаго Браиловскаго штурма, могъ подойти къ Дунаю только въ сентябрѣ. Вся эта невыгодная обстановка была еще усугублена непоправимою стратегическою ошибкою, въ которую впали послѣ занятія Базарджика. Рѣшено было измѣнить первоначальный операціонный планъ, двинувъ главныя силы вслѣдъ за авангардомъ генерала Ридигера, выступившаго къ Козлуджѣ; вмѣсто того, чтобы обратить всѣ усилія къ овладѣнію Варною, слабыя силы русской арміи вдругъ обречены были на бесплодную борьбу съ Шумлинскими твердынями ²¹⁴. «Русская армія въ Базарджикѣ,—пишетъ графъ Мольке,—была противъ своей воли и какъ бы магнитомъ притянута присутствіемъ турецкой арміи въ Шумлѣ».

Какъ бы ни были недостаточны средства атаки, которыми могли располагать противъ Варны, все-таки своевременное и полное обложеніе ея подготовило бы предстоявшую противъ этой крѣпости постепенную атаку. Впрочемъ, какъ бы ни былъ малъ корпусъ, который, въ случаѣ такого рѣшенія, можно было выставить къ сторонѣ Шумлы, для обезпеченія операціи противъ Варны, все-таки въ подобномъ случаѣ представлялось болѣе вѣроятія на успѣхъ съ десяти тысячнымъ отрядомъ разбить въ открытомъ полѣ непріятеля, выступившаго изъ Шумлы для освобожденія Варны, чѣмъ овладѣть шумлинскими твердынями, даже располагая арміею, значительно превосходящею турецкую. Предполагая же, что намъ удалось бы цѣною большихъ потерь вытѣснить Гуссейна-пашу изъ Шумлы, то занятіе обширнаго непріятельскаго укрѣпленнаго лагеря представляло бы только одну отрицательную выгоду, равносильную устраненному препятствію; взятіе же Варны, напротивъ того, составляло бы для русской арміи положительное приобрѣтеніе, обезпечивающее за ней прочную базу

ГЛАВА ПЯТАЯ

для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій черезъ Балканы. Спрашивается, какимъ образомъ остановились на рѣшеніи идти къ Шумлѣ, и кто подалъ императору Николаю коварный совѣтъ, поставившій русскую армію въ самое трудное положеніе, подвергая ее неизбежнымъ случайностямъ неравнаго состязанія съ турками, занимавшими недоступную позицію.

Неудачную мысль движенія главныхъ силъ армій къ Шумлѣ приписываютъ графу Дибичу, между тѣмъ какъ главнокомандующій, подвергавшійся столькимъ критическимъ нападкамъ еще съ 1813 года, вѣрнѣе оцѣнилъ обстановку, высказываясь противъ подобнаго плана дѣйствія. Рассказываютъ, что графъ Витгенштейнъ выразилъ Дибичу сожалѣніе о томъ, что не воспользовался своими правами главнокомандующаго, и прибавилъ, что теперь намѣренъ снять съ себя отвѣтственность, уступивъ ему главное начальство при такихъ обстоятельствахъ, когда одинъ необдуманный шагъ можетъ погубить армію. Вслѣдствіе подобнаго разногласія въ мнѣніяхъ, между фельдмаршаломъ и начальникомъ главнаго штаба произошло жаркое объясненіе. Императоръ Николай принялъ сторону мнѣнія графа Дибича, полагая, что дѣйствующая армія настолько сильна, что можетъ въ ожиданіи подходившихъ подкрѣпленій дѣйствовать одновременно противъ Шумлы, Варны и Силистріи.

Итакъ главные силы армій предприняли роковое движеніе черезъ Козлуджу вправо, направляясь къ Шумлѣ. Для наблюденія за Варною выдвинутъ былъ къ этой крѣпости слабый отрядъ генералъ-адъютанта графа Сухтелена; къ нему долженъ былъ присоединиться генералъ Ушаковъ, слѣдовавшій изъ Тульчи. Другой отрядъ генералъ-адъютанта К. Х. Бенкендорфа занялъ Праводы.

Движеніе войскъ послѣ оставленія Базарджика сопряжено было съ большими затрудненіями; лѣсистая мѣстность, изрытая оврагами, черезъ которые вели однѣ только узкія и иногда очень крутыя тропинки, крайне задерживавшія спускъ и подъемъ артиллеріи и обозныхъ фуръ, заставляла удвоить мѣры предосторожности. Къ тому же вооруженные жители, разбѣянные по лѣсамъ, пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ для нападенія на людей или же на транспорты. Только за Козлуджею, по мѣрѣ подъема въ горы, край принималъ болѣе привѣтливый видъ; долины, орошаемыя небольшими ручьями, расширялись.

Всѣ вопросы, связанные съ движеніемъ къ Шумлѣ, вновь обсуждались на военномъ совѣтѣ, собравшемся у государя 7-го (19-го) іюля въ Енибазарѣ. На этомъ совѣтѣ возбужденъ былъ, между прочимъ, вопросъ относительно того, что императоръ, продолжая наступленіе въ избранномъ вновь направленіи, подвергаетъ себя опасности быть окруженнымъ между Варною, Силистрією и Шумлою превосходными силами противника, подобно Петру Великому на берегахъ Прута въ 1711 году.

Позволяетъ имъ покорнейше
просить. ваше высококняжеское сродушество
объяснить намъ и възвешеніи мнѣ,
въ Кемьской волости, и въ Кемьской, Часу,
сноту и мнѣ чести бѣство у васъ
не разбуривая обьясненіи въ
Замѣтѣи вышнихъ? Я мнѣ не
-мѣтко надобно, въ мнѣ
обьясненіи о вамъ; намъ
всѣмъ, мнѣ для мнѣ расто-
мѣненіи, какъ у васъ мнѣ
мнѣ и мнѣ и мнѣ въ мнѣ
почтѣнтіи и мнѣ

вашего высококняжеского сродушества

Покорнейшій сынъ,

Антоній Кемьскій.

Сверно.

27 Декабря

1834. Годъ.

А. Д. Балашеву сегоменту
свое собственное пожелание
требовать, чтобы и в будущем году
платили, что записано в
списке в том же в
книжке.

30. Декабря 1834.

Симеоновскій мостъ въ Петербургѣ въ началѣ прошлаго столѣтія.
(Съ литографіи того времени).

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Если бы Провидѣніе не предохранило меня отъ подобнаго бѣдствія,—спокойно возразилъ государь,—если бы я имѣлъ несчастье попасть въ руки моихъ враговъ, то надѣюсь, что въ Россіи вспомнятъ многозначительныя слова сенату моего прапрадѣда: если случится сіе послѣднее, то вы не должны почитать меня своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы по собственноручному повелѣнію, отъ васъ было требуемо».

Это историческое припоминаніе, столь приличное въ настоящемъ случаѣ, произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ.²¹⁵

Рѣшено было, что 8-го (20-го) іюля послѣдуетъ общее наступленіе отъ Енибазара къ Шумлѣ, чтобы рекогносцировать силы противника и занять позицію въ виду его укрѣпленнаго лагеря. Это движеніе привело къ Буланлыкскому сраженію, результатомъ котораго было, что турки въ порядкѣ отступили въ свой укрѣпленный лагерь. Императоръ Николай во время дѣла распоряжался съ полнымъ спокойствіемъ, какъ будто дѣло шло о простомъ мирномъ маневрѣ. Очевидцы невольно припомнили Красное Село; сравненіе такъ и напрашивалось²¹⁶. По окончаніи боя, государь объѣхалъ всѣ ряды войскъ, благодарилъ солдатъ и объявилъ, что проведетъ съ ними ночь на бивакѣ.

Занявъ послѣ дѣла 8-го (20-го) іюля высоты передъ Шумлою, русскія войска увидѣли передъ собою вершины минаретовъ города, который еще никогда не былъ занятъ непріятельскою арміею. Знаменитыя шумлинскія линіи тянулись передъ ними въ равнинѣ и поднимались по крутымъ высотамъ, кончаясь у отвѣсныхъ скалъ, замыкавшихъ долину. Нѣсколько выдвинутыхъ турецкихъ укрѣпленій были вооружены сильною артиллеріею, самый же городъ скрывался за плоскими холмами, и только на позади лежащихъ высотахъ виднѣлись зеленныя палатки турецкихъ войскъ.

Шумла почти совершенно не была занята турецкими войсками въ концѣ мая (началѣ іюня), но ко времени появленія передъ крѣпостью русской арміи Гуссейнъ-паша сосредоточилъ здѣсь до 40.000 человекъ, которыми мы могли противопоставить не болѣе 30.000 человекъ, въ составѣ 48 баталіоновъ и 36 эскадроновъ. Вотъ къ какой скромной цифрѣ была приведена дѣйствующая противъ Турціи армія, вычитая изъ нея отдѣльныя отряды, направленные къ Варнѣ и къ Праводамъ.

При такихъ невыгодныхъ для насъ условіяхъ началась такъ называемая блокада Шумлы, которая безъ всякаго результата приковала къ себѣ главныя силы русской арміи, принудивъ въ слѣдующемъ году предпринять вторичную кампанію противъ Порты. Для осуществленія блокады остановились на рѣшеніи занять высоты, простирающіяся до Шумлы, и построить здѣсь систему редутовъ, которые могли бы служить другъ

другу взаимною поддержкою. Въ ночь съ 8-го (20-го) на 9-е (21-е) іюля приступили къ устройству укрѣплений, которыя лично назначены были государемъ напланѣ. Императоръ Николай самъ сдѣлалъ первый ударъ кпркою для рва перваго редута, названнаго «редутомъ Рудзевича». На третій день блокады перенесены были на позицію противъ Шумлы обѣ главныя квартиры.

Вслѣдъ за этимъ первымъ укрѣпленіемъ явилась постепенно цѣлая система редутовъ, числомъ до 27-ми, возведенныхъ въ виду противостоявшихъ имъ непріятельскихъ верковъ. Всѣ эти редуты построены были въ такомъ разстояніи отъ турецкаго лагеря, что подвергались огню крѣпостной артиллеріи, но съ своей стороны, конечно, не могли бороться съ нею успѣшно изъ полевыхъ орудій. Предположено было постепенно придвигать редуты къ высотамъ, и затѣмъ слѣдовало уже, по мнѣнію нѣкоторыхъ, начать противъ нихъ дѣйствовать. Но турки воспрепятствовали исполненію подобнаго предположенія тѣмъ, что сами начали выдвигать отдѣльныя укрѣпленія, въ виду ближайшихъ къ нимъ редутовъ. Сильный артиллерійскій огонь, которымъ хотѣли противодѣйствовать заложению непріятельскихъ укрѣплений, не привелъ къ желаемой цѣли. Но этимъ не исчерпывались еще всѣ затрудненія, встрѣченныя русскою арміею въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Шумлы.

Для того, чтобы задуманную въ главной квартирѣ блокаду сдѣлать дѣйствительною, предстояло еще отдѣлить отъ главныхъ силъ большое число самостоятельныхъ отрядовъ, которые не могли быть слабыми, такъ какъ непріятель, благодаря закрытой и пересѣченной мѣстности, могъ скрытно подойти и неожиданно напасть на нихъ въ значительно превосходныхъ силахъ, нисколько не ослабляя себя съ фронта въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ. Между тѣмъ съ нашей стороны, по отдѣленіи всѣхъ этихъ отрядовъ, необходимо было оставаться еще настолько сильными въ открытомъ полѣ, чтобы противостоять возможному наступленію турокъ. Но, такъ какъ наши облегающія войска были вообще слабѣе непріятеля, котораго предстояло блокировать въ Шумлѣ, то они подвергались опасности быть разбитыми по частямъ.

Но предположивъ, что намъ удалось бы въ самомъ дѣлѣ голодомъ принудить турецкій гарнизонъ къ отступленію, которому отнюдь нельзя было бы воспрепятствовать, благодаря множеству выходовъ изъ этой горной крѣпости и дорогъ, разсѣянныхъ на протяженіи нѣсколькихъ миль, — то обладаніе Шумлою нисколько не поправило бы нашихъ дѣлъ. Дѣйствительно эта крѣпость, обращенная фронтомъ къ сѣверу, требуетъ для своей защиты присутствія сильной арміи, которой графъ Витгенштейнъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи; затѣмъ обладаніе Шумлою вовсе не открывало прохода черезъ Балканы, продовольствіе арміи не было здѣсь нисколько обезпечено, и въ заключеніе все-таки пришлось бы приступить къ покоренію Варны.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вскорѣ стало очевиднымъ, что въ виду пассивнаго образа обороны, усвоеннаго себѣ турками, нельзя разсчитывать и въ будущемъ на какой либо успѣхъ подъ Шумлою. Поэтому вслѣдствіе полной невозможности рѣшить исходъ кампаніи сраженіемъ въ открытомъ полѣ пришлось, въ силу необходимости, подумать о Варнѣ, взятіе которой представляло отнынѣ единственный способъ приличнымъ образомъ закончить походъ 1828 года.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности нашихъ операцій подъ Шумлою; отмѣтимъ только нѣкоторыя черты, относящіяся къ пребыванію и дѣятельности императора Николая въ блокадномъ лагерѣ.

Два раза въ день государь, сопровождаемый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и свитою, объѣзжалъ лагерь во всѣхъ направленіяхъ, посѣщалъ аванпосты, осматривалъ укрѣпленія, входилъ въ палатки и разспрашивалъ офицеровъ и солдатъ. Всякій же разъ, какъ изъ Шумлы открывали огонь, онъ при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ лично являлся на мѣсто дѣйствій, чтобы судить о положеніи дѣлъ. Нерѣдко государь самъ руководилъ дѣйствіемъ артиллеристовъ и вопреки убѣжденіямъ окружавшихъ его лицъ наблюдалъ за непріятельскимъ огнемъ, подвергаясь нерѣдко явной опасности. Турки дѣлали частыя вылазки, съ цѣлью препятствовать нашимъ работамъ, но почти каждый разъ были отражаемы съ урономъ; тѣмъ не менѣе всякое подобное дѣло увеличивало лишь среди нашихъ войскъ число раненыхъ безъ достиженія существенной пользы. Послѣ боя государь лично награждалъ многихъ нижнихъ чиновъ, прикрѣпляя къ груди отличившагося крестъ и поощряя его къ совершенію новыхъ подвиговъ ²¹⁷.

Пока русская армія безцѣльно расходовала свои силы подъ Шумлою, дѣла подъ Варною оставались въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи. Наконецъ, къ слабому отряду генерала Ушакова начали подходить привезенные моремъ изъ-подъ Анапы 13-й и 14-й Егерскіе полки, а вмѣстѣ съ тѣмъ явился передъ Варною адмиралъ Грейгъ съ черноморскимъ флотомъ. Князь Меншиковъ, прибывшій въ Каварну 13-го (25-го) іюля, вызванъ былъ государемъ въ главную квартиру и поручилъ здѣсь повелѣніе принять начальство надъ отрядомъ, предназначеннымъ для дѣйствій противъ Варны. Сверхъ сего, императоръ Николай принялъ тогда внезапное рѣшеніе оставить блокадныя войска и поѣхать къ Варнѣ для распоряженій относительно осады этой крѣпости, а затѣмъ совершить кратковременную поѣздку въ Одессу моремъ.

Повидимому, императоръ Николай сознавалъ уже въ это время ошибочность воззрѣній, проводимыхъ графомъ Дибичемъ. Дѣйствительно, объясняя въ письмѣ къ цесаревичу побудительныя причины своего отъѣзда изъ-подъ Шумлы, государь называлъ уже Варну ключемъ кампаніи, присовокупляя, что море и побережье составляютъ нашу настоящую операціонную базу ²¹⁸.

Петербургскіе типы въ началѣ прошлаго столѣтія.

Дворникъ и почталіонъ.

(Съ рисунка съ натуры Щедровскаго. Изъ собранія И. И. Ваулина).

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ по поводу рѣшенія, принятаго императоромъ Николаемъ, пишетъ:

«Графъ Дибичъ, никогда ни въ чемъ не сомнѣвавшійся и зашедшій слишкомъ далеко, продолжалъ предсказывать скорое паденіе Шумлы. Всѣ прочіе генералы начинали въ томъ сомнѣваться, и каждый потерянный день все болѣе и болѣе подтверждалъ ихъ печальныя предви-

ГЛАВА ПЯТАЯ

дѣнія. Государь, одаренный при всемъ кипучемъ своемъ жарѣ вѣрнымъ сужденіемъ и взглядомъ, вскорѣ самъ убѣдился въ бесполезности нашихъ усилій и въ двусмысленности угрожающаго намъ положенія. Онъ призналъ ниже своего достоинства напрасно тратить время передъ неприступною позиціею, тѣмъ болѣе, что высшіе интересы требовали присутствія его на другихъ пунктахъ.

«Государь, еще не издавшій черноморскаго флота, захотѣлъ взглянуть на него и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать первыя распоряженія къ осадѣ Варны, потомъ отправиться моремъ въ Одессу, съ цѣлью осмотрѣть резервные баталіоны, формировавшіеся тамъ для укомплектованія дѣйствующей арміи, и, наконецъ, посвятить нѣсколько дней дѣламъ государственнаго управленія».

Такимъ образомъ, переломъ, совершившійся во взглядахъ императора Николая Павловича, обезпечилъ до нѣкоторой степени приличный исходъ кампаніи, исправивъ, насколько это было возможно, шумлинскія увлеченія графа Дибича.

Передъ своимъ отъѣздомъ государь назначилъ генералъ-адъютанта Воинова командующимъ всею кавалеріею дѣйствующей арміи, а принца Евгенія Виртембергскаго командиромъ 7-го корпуса. Графъ Дибичъ долженъ былъ остаться въ Шумлѣ и руководить попрежнему графа Витгенштейна.

При выѣздѣ изъ шумлинскаго лагеря, императора Николая сопровождали только великій князь Михаилъ Павловичъ, генералъ-адъютанты Васильчиковъ и Бенкендорфъ, графъ Нессельроде, графъ Матусевичъ, графъ Станиславъ Потоцкій, генералъ Адлербергъ и нѣсколько другихъ лицъ. Дорога въ Варну была далеко не безопасна, пролегая по сильно пересѣченной мѣстности, наполненной турецкими шайками, сильно затруднявшими сообщенія въ тылу арміи своими непрерывными нападеніями на наши транспорты; тѣмъ не менѣе, Бенкендорфу лишь съ большимъ трудомъ удалось уговорить государя приказать слѣдовать при себѣ для конвоя Сѣверскому конно-егерскому полку, тремъ сотнямъ Атаманскаго полка, двумъ баталіонамъ 19-го Егерскаго полка и Донской батарее.

Еще 12-го (24-го) іюля графъ Дибичъ сообщилъ адмиралу Грейгу слѣдующія извѣстія о предстоявшемъ переѣздѣ государя изъ шумлинскаго лагеря къ Варнѣ:

«По прибытіи вѣреннаго вамъ флота къ крѣпости Варнѣ, его величество намѣренъ прибыть туда для обозрѣнія крѣпости и окружнаго мѣстоположенія, а равно для осмотра флота, вслѣдствіе чего и предоставляетъ вамъ избрать удобное и безопасное мѣсто, гдѣ бы его величество могъ сѣсть на катеръ для пріѣзда на адмиральскій корабль. Сверхъ того, государь императоръ, полагая, что ходъ военныхъ дѣй-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ствій, можетъ быть, дозволить его величеству отбыть на время въ г. Одессу, желаетъ, чтобы ваше высокопревосходительство на сей случай приготовили для сего плаванія одинъ фрегатъ или другое удобное судно и пароходъ, также сдѣлали бы всѣ нужныя распоряженія для нагруженія на сіи суда двухъ колясокъ и другихъ багажей и вещей какъ его величества, такъ и прочихъ лицъ, имѣющихъ сопровождать высочайшую его особу».

16-го (28-го) іюля, адмиралъ Грейгъ отвѣчалъ съ корабля «Парижъ», при мѣстечкѣ Каварнѣ:

«Въ настоящее время нѣтъ другого удобнѣйшаго мѣста для прибытія на флотъ государя императора, какъ Каварна; когда же назначенное для осады Варны войско подойдетъ къ сей крѣпости и расположится такимъ образомъ, что однимъ изъ фланговъ будетъ примыкать къ берегу моря, тогда не благоугодно ли будетъ его императорскому величеству въ семь мѣстѣ сѣсть на флотъ, со стороны котораго и будетъ устроена тамъ надежная пристань. Заливъ Саганлыкъ кажется мнѣ удобнѣйшимъ пунктомъ для таковой пристани».

Вотъ при какой неопредѣленной, къ тому же и не безопасной, обстановкѣ предстояло императору Николаю совершить переѣздъ къ крѣпости Варнѣ.

III.

21-го іюля (2-го августа), около девяти часовъ утра, императоръ Николай оставилъ шумлинскій лагерь въ сопровожденіи назначеннаго для сего конвоя, направляясь по той самой дорогѣ, по которой слѣдовалъ съ войсками двѣ недѣли тому назадъ. По распоряженію генералъ-адъютанта Бенкендорфа, оба баталіона пѣхоты выступили еще наканунѣ, съ приказаніемъ остановиться на половинѣ дороги, между Шумлою и Козлуджи, для наблюденія за этою наиболѣе опасною частью мѣстности, равно какъ для того, чтобы не слишкомъ ихъ утомить переходомъ заразъ слишкомъ въ 35 верстъ. Прибывъ благополучно въ Енибазаръ, государь, не останавливаясь, продолжалъ путь, желая скорѣе достигнуть конечной цѣли переѣзда.

Императоръ, казалось, не подозрѣвалъ опасностей, ему грозившихъ, и даже настолько увѣренъ былъ въ своей безопасности, что лично приказалъ Конно-Егерскому полку и конной батарее воротиться въ лагерь подъ Шумлу. «Зачѣмъ напрасно утомлять людей?—сказалъ Николай Павловичъ генералъ-адъютанту Бенкендорфу:—они будутъ полезнѣе въ лагерь, нежели здѣсь. На насъ не нападутъ, а въ случаѣ надобности мы сумѣемъ отбиться».

Къ счастью, приказаніе, данное государемъ, не успѣли привести еще въ исполненіе, какъ вдругъ прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что

дорога преграждена отрядомъ турецкой кавалеріи. Бенкендорфу повелѣно было немедленно воротить конныхъ егерей, которые по приказанію государя уже остались въ тылу: отрядъ построился въ боевой порядокъ, и турки, увидѣвъ нашу готовность къ бою, отступили къ окрестнымъ горамъ и скрылись въ лѣсу. Послѣ случившейся тревоги уже не помышляли болѣе объ отсылкѣ въ Шумлу артиллеріи и конныхъ егерей; императоръ наконецъ убѣдился, что путешествіе его сопряжено было съ дѣйствительною опасностью. «Я придерживалъ при себѣ весь конвой», написалъ императоръ Николай графу Дибичу²¹⁹. Государь продолжалъ затѣмъ безпрепятственно путь до Туркь-Арнаутлара, гдѣ стояла биваками высланная впередъ пѣхота; отобѣдавъ и отдохнувъ здѣсь, Николай Павловичъ двинулся далѣе на Козлуджу.

Дорога шла по мѣстности, перерѣзанной горами, лѣсами, и представляла собою непривлекательный видъ, внушая справедливыя опасенія насчетъ благополучнаго исхода дальнѣйшаго переезда въ Варну; она была покрыта гниющими трупами животныхъ, заражавшими воздухъ, потому что волы и обозныя лошади издыхали отъ жажды и изнуренія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были покидаемы своими погонщиками. Кое-гдѣ попадались обломки экипажей и остатки обозовъ, разграбленныхъ или сожженныхъ непріятелемъ.

«Отвѣтственность въ безопасности государя лежала преимущественно на мнѣ, въ качествѣ командующаго главной его квартирой, — пишетъ Бенкендорфъ. — Меня невольно обнималъ ужасъ при мысли о слабости защиты, окружавшей владыку могущественной Россіи; вся наша сила состояла изъ 700 человѣкъ пѣхоты и 600 конницы, и съ этою горстью людей мы шли по пересѣченному горами и рѣчками краю, гдѣ предприимчивый непріятель, имѣвшій еще на своей сторонѣ и ревностную помощь жителей, могъ напасть на насъ и одолѣть, благодаря численному перевѣсу. Я взялъ всѣ возможныя въ нашемъ положеніи мѣры предосторожности, но сердце мое сильно билось».

Вечеромъ, довольно поздно, государь прибылъ въ Козлуджу; отрядъ расположился лагеремъ близъ плохого редута, которымъ прикрывался находившійся тамъ казачій этапъ. Едва успѣли составить ружья въ козлы, какъ въ долинѣ послышались крики и ружейные выстрѣлы. Казакъ явился просить помощи для обоза съ провіантомъ, на который напали турки позади нашей позиціи. Государь тотчасъ выслалъ пѣхоту на помощь, но, когда люди подоспѣли къ мѣсту боя, турки успѣли уже скрыться, убивъ нѣсколько погонщиковъ и уведя съ собою воловъ. Императоръ провелъ ночь въ солдатской палаткѣ.

Въ тотъ же вечеръ прибылъ курьеръ съ донесеніями отъ князя Меншикова, извѣщавшаго государя, что онъ вступилъ въ командованіе отрядомъ генерала Ушакова, расположеннаго близъ Варны, и тотчасъ

Благодарю, любезнѣйшій! Дмитрій!
 навѣстить, Забрудское ваше украше.
 вчера въ вечеру очень плохо предаде.
 Средства мои однако же по мнѣ;
 и сегодня дождь, меня К. а. н. к.
 убогаю, что Гусевъ приваивъ
 Гурьеву сегодня же подписи укавъ
 отъ: Гурьевъ, котораго и просить.
 — Гурьевъ, ктѣвѣтъ будетъ се
 прѣитно и потому сообщено.

Петербургскіе типы въ началѣ прошлаго столѣтія.

М а с т е р о в ы е.

(Съ рисунка съ натуры Щедровскаго. Изъ собранія И. И. Ваулина).

по прибытіи послалъ одинъ баталіонъ, для открытія сообщенія съ Каварною и высадившеюся здѣсь егерскою бригадою, прибывшей изъ-подъ Анапы съ черноморскимъ флотомъ. Въ письмѣ къ государю князь Меншиковъ предупреждалъ, что для обезпеченія его переѣзда необходимъ сильный конвой, такъ какъ мѣстность переполнена разбойниками; по мнѣнію князя, слѣдовало очистить окрестности Козлуджи ²²⁰.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ночь прошла безъ всякой тревоги. 22-е іюля государь провелъ въ лагерѣ, расположенномъ при Козлуджѣ; рѣшено было ожидать дальнѣйшія извѣстія изъ отряда князя Меншикова. Императоръ Николай отпраздновалъ въ Козлуджѣ день тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны. За неимѣніемъ священника нельзя было даже отслужить молебень; все празднество ограничилось тѣмъ, что государь произвелъ смотръ войскамъ своего конвоя и казакамъ, составлявшимъ гарнизонъ Козлуджи, одарилъ ихъ деньгами, приказалъ раздать чарку вина и за скромной трапезой провозгласилъ здоровье императрицы-матери.

«Тутъ, подъ солдатскими палатками, — пишетъ Бенкендорфъ, — мы провели 22-е іюля, столько лѣтъ ознаменованное блестящимъ петергофскимъ праздникомъ. Этотъ контрастъ крайне поразилъ и государя, и всѣхъ насъ, и навѣялъ на наше общество невыразимую грусть».

Императоръ объявилъ, что завтра, 23-го іюля, онъ намѣренъ во всякомъ случаѣ продолжать движеніе къ Варнѣ. Въ виду подобнаго рѣшенія Бенкендорфъ еще до разсвѣта отрядилъ двѣ егерскія роты для занятія дороги, по которой предстояло слѣдовать государю. Едва замерцала утренняя заря, Николай Павловичъ сѣлъ на коня и хотѣлъ ѣхать во главѣ находившихся при немъ войскъ, но, уступая убѣдительнымъ просьбамъ всей его свиты, согласился занять мѣсто между авангардомъ и пѣхотою прикрытія. Къ счастью, государь былъ въ шинели, скрывавшей генеральскій мундиръ, и потому не отличался отъ лицъ свиты, сѣвшихъ сплотиться вокругъ него. При выходѣ изъ Козлуджинской долины путь пролегалъ черезъ густой лѣсъ, въ которомъ каждая тропка могла служить засадою для непріятеля. Лѣсъ проѣхали благополучно, но едва конные егеря, замыкавшіе шествіе, вышли изъ него, какъ изъ опушки лѣса раздался выстрѣлъ, ранившій одного изъ егерей; виновника выстрѣла не удалось найти.

Во время дальнѣйшаго движенія не произошло болѣе никакихъ происшествій, и послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды достигли наконецъ открытой возвышенности, съ которой виднѣлся вдали Варнскій заливъ, городъ и русскій флотъ. «Видъ этотъ былъ столько же великолѣпенъ, сколько для насъ радостенъ», — замѣчаетъ Бенкендорфъ. До отряда князя Меншикова оставалось еще полъ-дня ѣзды; зной становился невыносимымъ; люди и лошади были до крайности утомлены. Поэтому остановились у небольшого редута, занятаго казачьимъ постомъ. Ночью получили извѣстіе, что князь Меншиковъ 22-го іюля сбилъ турокъ съ позицій, занятой ими на высотахъ къ сѣверу-востоку отъ Варны.

Въ пятомъ часу утра государь двинулся въ путь и къ девяти часамъ 24-го іюля (5-го августа) прибылъ на высоты, господствовавшія надъ Варною и занятыя отрядомъ князя Меншикова. У ногъ этой позиціи разстилался городъ, окруженный укрѣпленіями; можно было раз-

смотрѣть башни, валы, бастіоны, равно какъ орудія и ружья, сверкавшія на солнцѣ; минареты мечетей, закрытые дома и казавшіяся опустѣлыми улицы, по которымъ двигались одни солдаты. Повсюду замѣчались слѣды правильной, безмолвной дѣятельности, соотвѣтствовавшей осадному положенію города.

При вѣздѣ въ лагерь императоръ Николай былъ встрѣченъ княземъ Меншиковымъ. Осмотрѣвъ съ позиціи въ зрительную трубу Варну, государь объѣхалъ всѣ войска отряда, благодарилъ 13-й и 14-й егерскіе полки за славные ихъ подвиги подъ Анапою и обсудилъ съ княземъ Меншиковымъ планъ предстоявшей осады Варны²²¹. Затѣмъ, позавтракавъ у начальствующаго осадой, императоръ Николай направился къ мѣсту, избранному для переѣзда на корабль. Пристань была устроена у греческаго монастыря св. Константина, въ девяти верстахъ отъ крѣпости, въ заливѣ Саганлыкѣ. Дорога къ берегу шла по крутымъ и поросшимъ лѣсомъ скатамъ; въ маленькой бухтѣ путешественниковъ поджидала шлюпка съ матросами гвардейскаго экипажа. Выѣхавъ изъ бухты, государь пересѣлъ на пароходъ «Метеоръ», который подвезъ его къ флоту, стоявшему на варнскомъ рейдѣ. На кораблѣ «Парижъ» адмиралъ Грейгъ встрѣтилъ монарха съ рапортомъ; съ палубы корабля открывался видъ на всю крѣпость, можно было даже пересчитать амбразуры въ ея стѣнахъ. Черноморскій флотъ, состоявшій изъ восьми линейныхъ кораблей, пяти фрегатовъ и семи меньшаго размѣра судовъ (не считая транспортныхъ судовъ), величественно рисовался въ виду минаретовъ и пушекъ грозной, какъ ее величаетъ Бенкендорфъ, Варны. Осмотрѣвъ корабль и отобѣдавъ у адмирала, императоръ Николай переѣхалъ на фрегатъ «Флора», который въ семь часовъ снялся съ якоря для слѣдованія въ Одессу. Когда поднятъ былъ на фрегатѣ императорскій штандартъ, произведенъ былъ салютъ со всѣхъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. Погода была неподобная; умѣренный попутный вѣтеръ предвѣщалъ спокойное и благопріятное плаваніе. По свидѣтельству Бенкендорфа, переѣздъ совершенно походилъ на увеселительную прогулку²²².

Императоръ Николай оставилъ въ распоряженіе князя Меншикова конвой, съ которымъ прибылъ къ Варнѣ изъ Шумлинскаго лагеря; въ виду того, что князь Меншиковъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только съ небольшимъ 4.000 штыковъ, и это незначительное подкрѣпленіе представляло для осаждающаго существенную поддержку.

Неожиданный отѣздъ императора Николая изъ лагеря подъ Шумлою далъ англійской, французской и нѣмецкой печати желанный поводъ къ распространенію самыхъ лживыхъ и фантастическихъ догадокъ. Не было предѣла разнымъ вѣлѣпостямъ, усердно измышляемымъ въ то время составителями газетныхъ статей. По всей Европѣ разнесся слухъ, будто императоръ Николай, самъ осажденный въ своемъ лагерѣ голодомъ и

ГЛАВА ПЯТАЯ

чумою, не хотѣлъ снять внезапно осаду Шумлы, но передъ отъѣздомъ приказалъ отвести къ берегамъ Прута остатки арміи, почти истребленной непріятельскимъ мечомъ и лишеніями, связанными съ продолжительнымъ походомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ указывали на то, что только новая кампанія можетъ рѣшить участь борьбы, завязавшейся между Россіею и Портою, и утверждали, что при посредничествѣ Австріи и Англіи заключено уже перемиріе между обѣими воюющими имперіями.

Теперь вполне обрисовалось то пагубное вліяніе, которое оказало направленіе, данное главнымъ силамъ русской арміи при движеніи ихъ къ Шумлѣ, въ ущербъ своевременному занятію Варны. Ошибочный планъ привелъ къ тому, что рѣшеніе дѣла на Балканскомъ полуостровѣ затянулось на неопредѣленное время, а недоброжелателямъ Россіи представилось обширное поле для затѣянныхъ ими интригъ и дипломатическихъ козней. Во всякомъ случаѣ, благодаря бесполезной тратѣ людей и времени подъ Шумлою, въ соединеніи съ недостаточными силами, двинутыми черезъ Прутъ, утрачивалась всякая возможность помышлять о перенесеніи въ 1828 году войны за Балканы. Нензбѣжность новой кампаніи въ слѣдующемъ году становилась очевидною даже для лицъ, не посвященныхъ въ тайны военнаго искусства; она являлась единственнымъ средствомъ, чтобы рѣшить нашу распрю съ блистательною Портою сообразно съ достоинствомъ Россіи.

Въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу императоръ Николай замѣтилъ:

«Все, что касается этой кампаніи, представляется мнѣ неяснымъ, и я рѣшительно не могу высказать что либо опредѣленное относительно нашего будущаго... я надѣюсь, что милостивый Господь поможетъ намъ выпутаться изъ нея, какъ онъ помогалъ намъ въ несравненно болѣе трудныхъ обстоятельствахъ» ²²³.

IV.

27-го іюля (8-го августа) князь Волконскій изъ оконъ хутора Рено, занимаемаго императрицею Александрою Ѳеодоровною близъ Одессы, услышалъ салютъ фрегата, бросившаго якорь противъ этой дачи. Смотри въ подзорную трубу, князь узналъ на палубѣ государя. Вскорѣ къ бегу причалилъ катеръ, въ которомъ находился Николай Павловичъ; навстрѣчу ему выбѣжали императрица и великая княжна Марія Николаевна ²²⁴.

«Государь съ обычною своею дѣятельностію, — пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, — умѣлъ употребить въ пользу и пребываніе свое въ Одессѣ; онъ осмотрѣлъ резервные баталіоны и городскія заведенія и въ то же время занимался государственными дѣлами. Потомъ, желая взгля-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

нута на морскія учрежденія въ Николаевѣ, онъ отправился туда вмѣстѣ съ императрицею на корветѣ, который былъ буксируемъ пароходомъ. Въ минуту отплытія (13-го августа) пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что князь Меншиковъ опасно раненъ ядромъ, пролетѣвшимъ между его ногъ²²⁵. Надо было тотчасъ озаботиться его замѣщеніемъ. Государь велѣлъ мнѣ предложить начальство надъ варнскимъ отрядомъ графу Михаилу Семеновичу Воронцову и пріѣхать съ отвѣтомъ въ Николаевъ, куда я могъ поспѣть сухимъ путемъ въ одно время съ прибы-

Посѣщеніе императорскимъ семействомъ тоней противъ Каменнаго острова въ Петербургѣ.

(Съ гравюры, сдѣланной по рисунку Бегрова).

тіемъ его туда моремъ. Воронцовъ съ радостію принялъ сдѣланное ему предложеніе и не далѣе какъ на другой день уже плылъ къ новому своему посту. Я поспѣшилъ съ вѣстью о томъ въ Николаевъ»²²⁶.

Государь выѣхалъ обратно изъ Николаева 15-го августа и прибылъ въ Одессу, послѣ сильной качки, къ утру 17-го августа.

Пока императоръ Николай находился въ Одессѣ, онъ получилъ крайне неблагопріятныя извѣстія о ходѣ нашихъ дѣлъ подъ Шумлою.

Хотя послѣ отъѣзда государя изъ-подъ Шумлы въ главной квартирѣ должны были наконецъ признать критическое положеніе, въ которомъ находилась армія, благодаря избранному плану дѣйствія, но случилось обратное: поставивъ себя разъ въ ложное положеніе, направивъ главныя силы къ Шумлѣ, стали предаваться надеждѣ достигнуть луч-

ГЛАВА ПЯТАЯ

шаго результата дальнѣйшимъ еще развитіемъ принятой разъ ошибочной системы. Разсчитывали на нравственное превосходство собственныхъ войскъ и на неспособность непріятельскихъ полководцевъ. Последнее соображеніе дѣйствительно не было лишено основанія, но только до извѣстнаго предѣла. Безспорно, что Гуссейнъ-паша бездѣйствовалъ, но зато, пользуясь выгодами своего положенія, онъ спокойно смотрѣлъ съ своихъ тѣнистыхъ, лѣсистыхъ высотъ, какъ русскіе среди безводной, безлѣсной равнины, подъ палящимъ зноемъ солнца, старались цѣною невѣроятныхъ успій и лишеній уничтожить у турокъ источники ихъ изобилія и безопасности. Съ 17-го (29-го) августа мы осуждены были быть пассивными зрителями торжества нашего противника; видно было, какъ длинные ряды верблюдовъ, навьюченныхъ продовольственными припасами, входили въ Шумлу по освободившейся дорогѣ, черезъ Эски-Стамбуль и Кіостешъ.

Графъ Дибичъ заболѣлъ, а состояніе духа фельдмаршала также не вселяло къ себѣ довѣрія. Киселевъ писалъ 2-го (14-го) августа князю Меншикову: «*Le vieux est affaïssé par l'âge, la chaleur et les conseils de toutes nos vieilles ganaches*». За всѣхъ бодрствовалъ генераль-адъютантъ Киселевъ; онъ сочинилъ 25-го іюля (6-го августа) записку объ измѣненіи образа дѣйствій противъ Шумлы.

Мнѣніе его существенно заключалось въ томъ, что для возможно полнаго стѣсненія Шумлы слѣдуетъ занять долину Буюкъ-Камчика и стать твердою ногой на главномъ сообщеніи турокъ съ Константинополемъ черезъ Эски-Стамбуль. Киселевъ полагалъ, что постояннымъ наблюденіемъ и изысканіемъ удобопроходимыхъ дорогъ на высоты въ тылъ Шумлы представится наконецъ возможность утвердиться на хребтѣ горъ и тѣмъ еще болѣе стѣснить укрѣпленный турецкій лагерь, «а, можетъ быть, съ помощью Божіею и занять оный»²²⁷. Главнокомандующій рѣшился выполнить этотъ планъ, насколько позволяли ограниченныя средства, находившіяся въ его распоряженіи. Донося государю о своихъ распоряженіяхъ 29-го іюля (9-го августа), графъ Витгенштейнъ присовокупилъ, что «мѣра сія, вынужденная обстоятельствами и желаніемъ дать хотя нѣкоторой части арміи наступательное дѣйствіе, не завѣряетъ однакожь въ успѣхъ главной цѣли, которая можетъ быть достигнута только усиленіемъ войскъ подъ Шумлою».

Обезпокоенный наступательными намѣреніями русскихъ войскъ и неприбытіемъ транспортовъ, Гуссейнъ-паша наконецъ встрепенулся и рѣшился положить предѣлъ осуществленію нашихъ намѣреній; онъ атаковалъ 14-го (26-го) августа оба фланга нашего расположенія, что привело къ бою при Стражъ-Марашѣ, едва не сопровождавшемуся гибелью отрядовъ принца Евгенія Виртембергскаго. Казалось, что турки поняли наконецъ затруднительность положенія русской арміи, но затѣмъ Гус-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

сейнъ-паша впалъ въ прежнее бездѣйствіе, опасаясь, повидимому, что малѣйшее неосторожное движеніе сорветъ лавры съ его чела, которыми увѣнчали полководца собственное бездѣйствіе и счастье. Что же касается графа Витгенштейна, то ему оставалось только обратиться къ спасительной мѣрѣ — постепенно очищать позиціи, занятыя имъ въ тылу турокъ, и бросать одно укрѣпленіе за другимъ, сосредоточиваясь передъ фронтомъ непріятельскаго лагеря.

По мѣрѣ ухудшенія положенія дѣлъ подѣ Шумлою, становилось все важнѣе рѣшеніе относительно направленія, которое дано будетъ приближавшейся къ Дунаю гвардіи. Повидимому, императоръ Николай не сразу пришелъ къ рѣшенію двинуть гвардію къ Варнѣ. Шумла продолжала попрежнему привлекать вниманіе его; не разъ являлась мысль двинуть гвардію къ этому роковому пункту, «*pour ne pas laisser une verrue pareille à notre dos*», какъ выражался государь въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу²²⁸.

Извѣстіе о дѣлахъ 14-го августа подѣ Шумлою рѣшило вопросъ о будущемъ назначеніи гвардіи; донесеніе застало еще государя въ Одессѣ и вызвало съ его стороны противъ фельдмаршала сильнѣйшій гнѣвъ, который выразился полностью въ письмѣ къ графу Дибичу отъ 21-го августа (2-го сентября):

«Ивеличь только что прибылъ, — пишетъ императоръ Николай, — и я не знаю, что сказать вамъ, любезный другъ, именно больше ли я возмущаюсь или опечаленъ тѣмъ, что у васъ произошло. Мнѣ кажется, что со времени моего отъѣзда и вашей болѣзни все заснуло и идетъ наперекоръ здравому смыслу. Дѣло 14-го, не знаю, какъ и назвать, и вы можете сказать отъ меня фельдмаршалу, что я не понимаю, какимъ образомъ онъ, командуя русскою арміей, допустилъ турокъ у себя подѣ носомъ занимать русскій редутъ цѣлые 12 часовъ. Потеря орудій еще болѣе похвальна; вотъ уже восемь въ рукахъ турокъ, и что же сдѣлано съ того времени, какъ стоятъ подѣ Шумлою? Такъ ли должно исполнять мои положительныя приказанія? Узнавъ изъ вашего послѣдняго донесенія, что турки разрушили деревню Стражу, я тотчасъ сталъ опасаться, что они намѣрены построить тамъ новую батарею, или редутъ, либо атаковать насъ въ этомъ пунктѣ; какимъ образомъ никто у васъ не догадался о томъ? Очищеніе Эски-Стамбула также прекрасное дѣло! Ну, что же дѣлаетъ вся собранная у васъ несмѣтная артиллерія; развѣ она существуетъ для того, чтобы переморить съ голода лошадей, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла? Наконецъ, что же думаетъ фельдмаршалъ, если онъ думаетъ! (*Enfin qu'est ce que le maréchal pense donc, s'il pense*)! Все это плачевно и скверно. Меня всего болѣе озабочиваетъ рапортъ Абакумова; все можетъ поправиться, но ежели намъ нечѣмъ кормить армію, то что же остается дѣлать, какъ не уда-

ГЛАВА ПЯТАЯ

литься какъ можно скорѣе: прекрасный результатъ послѣ столькихъ пожертвованій!

«Уполномочиваю васъ исполнить предложенный вамъ планъ дѣйствій. Приказываю, однако, чтобы фельдмаршалъ остался съ своимъ штабомъ при корпусѣ, который расположенъ будетъ у Енибазара. Я обойдусь безъ него въ Варнѣ; вамъ слѣдуетъ присоединиться ко мнѣ съ остальною частію 3-го корпуса и 20-мъ Егерскимъ полкомъ, оставя конно-егерскую дивизію въ Козлуджѣ, въ видѣ общаго резерва, для прикрытія нашихъ сообщеній, равно какъ для поддержанія фельдмаршала или же Мадатова, если бы его отѣснили, либо же насъ, если въ томъ окажется надобность. Я отправляюсь сегодня послѣ обѣда. Баталіоны, назначенные на укомплектованіе 3-го корпуса, должны уже подойти къ вамъ по маршруту, присланному ко мнѣ Виттомъ я двину гвардію, чтобы она прибыла къ Варнѣ 29-го. Постарайтесь эвакуировать больныхъ и раненыхъ на Варну или Каварну; надѣюсь также, что вы подумали обезпечить артиллерію, которую вы отправляете. Необходимо обезпечить также дорогу на Силистрію и во всякомъ случаѣ предупредить Рота, чтобы онъ былъ остороженъ Все это для меня крайне прискорбно, и, право, не знаю, какъ намъ удастся выйти изъ такого положенія. Сдѣлайте гласнымъ, что я очень недоволенъ начальниками, и что ихъ однимъ виню во всемъ. . . . Я подписалъ манифестъ о наборѣ четырехъ съ 500 Вы пишете мнѣ, что вы приступите къ дѣйствию не прежде, какъ въ то время, когда я по прибытіи въ Варну найду это нужнымъ; но я предпочитаю развязать вамъ руки, чтобы вы могли предупредить событія, и не оставить васъ въ неизвѣстности о томъ, что вамъ слѣдуетъ предпринимать. И такъ, если по прибытіи графа Воронцова онъ признаетъ, что, по присоединеніи гвардіи, можно совершенно обложить крѣпость и надѣяться овладѣть ею вскорѣ, а вы не признаете опаснымъ стоять подъ Шумлою и будете имѣть продовольствіе, то оставайтесь тамъ. Въ противномъ же случаѣ, дѣйствуйте по предложенному плану, но, ради Бога, спасайте больныхъ и раненыхъ, а также артиллерію. Если вы останетесь подъ Шумлою, то необходимо поднять духъ войска какимъ нибудь блистательнымъ подвигомъ. Не разъ предполагали овладѣть редутомъ близъ Мараша, нельзя ли будетъ предпринять это дѣло? Если вы отойдете отъ Шумлы, то, по всей вѣроятности, васъ будутъ преслѣдовать; можетъ даже случиться, что сдѣлаютъ это неосторожно, и представится возможнымъ воспользоваться подобнымъ обстоятельствомъ. Какъ только мы будемъ находиться въ открытомъ полѣ, то, располагая многочисленною артиллеріею и прекрасною нашей пѣхотою, окажется возможнымъ разбить непріятеля. Подумайте о томъ хорошенько, и да поможетъ вамъ Богъ» ²²⁹.

По полученіи графомъ Дибичемъ приведеннаго здѣсь письма, фельдмаршалъ былъ сильно огорченъ, узнавъ, что онъ имѣлъ несчастіе навлечь

Sire.

Privé du bonheur le plus inappréciable à mon cœur — celui de combattre sous vos yeux et de donner à Votre Majesté Impériale de nouvelles preuves de dévouement sur le champ de bataille; qu'il me soit permis du moins, de porter à vos pieds, Sire, mes félicitations et mes vœux ardents, à l'occasion du 25. Juin!

Je n'ai point profité jusqu'à ce moment, de la permission que Votre Majesté a daigné m'accorder de lui écrire, parce que l'état satisfaisant de la marche des affaires et l'esprit calme et tranquille de Pétersbourg, ne m'ont point fourni de sujet assez intéressant pour être

partie à la connaissance. Tout ce que je puis dire
à ce sujet, c'est que tous et chacun en particulier,
pénétrés du sentiment de leur devoir et de
l'esprit de Votre Majesté, travaillent avec
accord et confiance et redoublent de zèle, pour
continuer l'activité et l'énergie, que Votre
Majesté Impériale a su imprimer à l'expé-
dition des affaires.

On est ivre de joie ici, de l'heureux début
de la campagne et du brillant passage du Danube;
les sentiments d'attachement à Votre Personne,
Sire, et de l'honneur national se développent
de la manière la plus honorable; toutes les
pensées et tous les vœux Vous accompagnent
et l'on se croit en droit de tout attendre des
glorieux travaux de Votre Majesté et de sa
brave armée. — Il n'y a que la contenance

des étrangers qui contraste singulièrement avec la
joie générale; ils paraissent effrayés et jaloux et
du succès qui accompagne toutes les entreprises
de Votre Majesté et de l'unanimité des vœux
et des pensées, qu'ils voient régner ici.

Après Vous avoir rendu, Sire, le plus
grand sacrifice de moi-même, je fais tout ce qui
sera humainement possible, pour me rendre
digne de Votre confiance dans la périlleuse
sphère d'activité où et Vous a plu de me
placer.

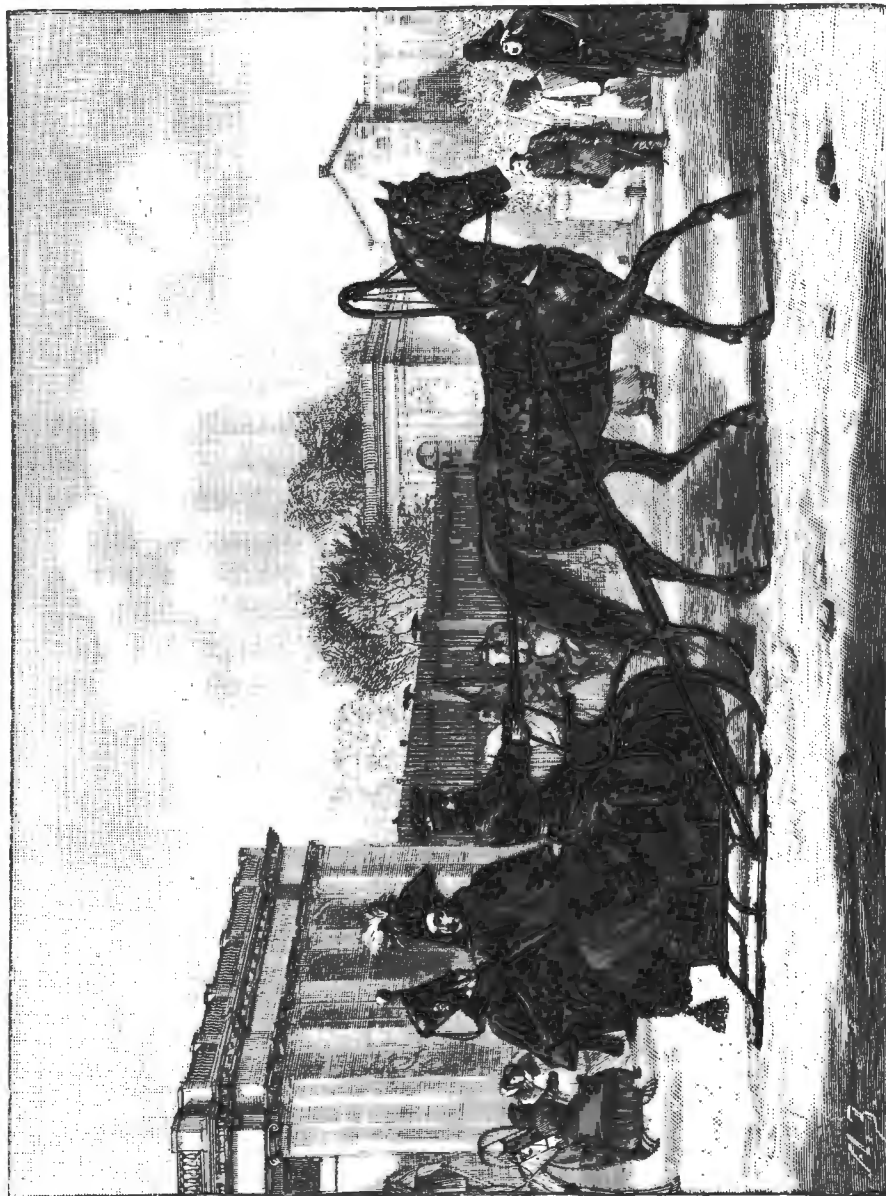
Je suis avec le plus profond respect
Sire.
de Votre Majesté Impériale

Le sujet le plus dévoué
Cte A. Czernichev

13. Juin 1826.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

на себя неудовольствіе и гнѣвъ государя за дѣло 14-го августа подъ Шумлою. Стараясь оправдать себя въ письмѣ отъ 27-го августа (8-го сентября) къ императору Николаю, главнокомандующій между прочимъ замѣтилъ, что онъ ни одного шагу не предпринималъ безъ совѣщанія

Императоръ Николай Павловичъ и герцогъ Лейхтенбергскій.
(Съ литографіи того времени).

съ графомъ Дибичемъ, и въ заключеніе сказалъ: «Объяснивъ истину сего дѣла, я долженъ откровенно признаться предъ вами, государь, что на важномъ посту, мною занимаемомъ, должно имѣть неусыпную дѣятельность, которая, чувствуя, къ несчастью, во мнѣ чрезвычайно осла-

ГЛАВА ПЯТАЯ

билась, какъ отъ старости, такъ и отъ нѣсколькихъ рецидивовъ здѣшней лихорадки, которая произвела во мнѣ чрезвычайную слабость, а для того осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить ваше императорское величество, дабы не подвергнуть себя чрезъ какое либо упущеніе гнѣву вашего императорскаго величества, за что долженъ бы былъ дѣлать себѣ упреки до конца жизни моей, уволить меня отъ столь важнаго дѣла»²³⁰.

Въ отвѣтъ на это заявленіе главнокомандующаго государь выразилъ желаніе, чтобы фельдмаршалъ остался на своемъ посту до конца кампаніи.

Хотя извѣстія, полученныя изъ-подъ Шумлы, были весьма прискорбнаго свойства, но неудачи 14-го августа несомнѣнно благопріятно повліяли на послѣдующія рѣшенія. Отнынѣ рѣшено было обратить главные усилія противъ Варны и двинуть туда для поддержанія осаждавшихъ ее войскъ гвардію. Шумлинскій кошмаръ наконецъ кончился²³¹.

21-го августа (2-го сентября), послѣ обѣда, императоръ Николай отправился изъ Одессы на фрегатѣ «Флора» въ Варну²³². Сначала благопріятный вѣтеръ позволялъ рассчитывать на благополучный исходъ плаванія, но къ утру вѣтеръ, переѣнвивъ свое направленіе, перешелъ въ бурю. «Вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ,—пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ,—насъ относилъ назадъ, и никакое лавированіе не приносило пользы. Капитанъ предсказывалъ, что такой же вѣтеръ будетъ продолжаться еще нѣсколько дней, и предлагалъ въ избѣжаніе несчастія воротиться въ Одессу. Государь, нетерпѣливо желавшій поскорѣе быть въ Варнѣ, принялъ рѣшеніе ѣхать туда сухимъ путемъ и повелѣлъ повернуть назадъ, къ Одессѣ. Вѣтеръ стремительно несъ насъ къ городу, такъ что не было почти возможности держаться на всѣхъ парусахъ. Еще очень далеко отъ цѣли насъ застигла страшная темъ; буря все болѣе и болѣе разыгрывалась; къ ней присоединилась гроза, и только при блескѣ молніи мы иногда могли видѣть берегъ. Маякъ, на который мы должны были держать курсъ, по непростительной небрежности не горѣлъ; мы наплысь вынужденными дѣлать ночные сигналы брандвахтѣ, которая вскорѣ стала намъ на нихъ отвѣчать. Одесскіе огни и дома, освѣщенные молніею, служили намъ дальнѣйшимъ указаніемъ, и около полуночи фрегатъ бросилъ якорь.

«Государь сошелъ въ шлюпку, и насъ повезли къ берегу. Погода была самая ужасная; мы высадились въ совершенной темнотѣ; не встрѣчая ни души, побрели по липкой грязи къ дому графа Воронцова. У входа туда я разстался съ государемъ и пошелъ на квартиру князя Волконскаго, который страшно перепугался, увидѣвъ меня вдругъ у своей кровати, когда считалъ насъ въ морѣ и ближе къ Варнѣ, чѣмъ къ Одессѣ. Императрица и весь городъ не меньше были удивлены этимъ неожиданнымъ возвращеніемъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«Я немедленно занялся всѣми распоряженіями къ сухопутной поѣздкѣ и послѣ обѣда 23-го августа (4-го сентября) уже мчался съ государемъ въ коляскѣ²³³. Одинъ фельдъегерь поскакалъ впередъ для заготовленія лошадей на мое имя, другой слѣдовалъ за нами, и ими ограничивалась вся государева свита. Прочіе остались на фрегатѣ, которому велѣно было снова идти къ Варнѣ, какъ только позволитъ вѣтеръ.

«24-го августа (5-го сентября), мы пріѣхали въ Сатуново при такой же погодѣ, которая сопровождала нашъ возвратъ въ Одессу, и въ такую темноту, что переѣздъ черезъ длинную плотину и мостъ надо было отложить до разсвѣта. Въ этихъ мѣстахъ, оглашавшихся при первой нашей переправѣ громомъ пушекъ и кликами двухъ сражавшихся армій, царствовало теперь глубочайшее безмолвіе. По ту сторону Дуная намъ пришлось довольно долго ждать лошадей. Дороги были совершенно испорчены; большой лѣсъ, которымъ должно было проѣзжать, славился разбойничьимъ притономъ: насъ конвоировали всего четыре казака на дрянныхъ лошаденкахъ. Выѣхавъ оттуда на открытое мѣсто, мы встрѣтили множество болгаръ, которые, спасаясь отъ хищничества турокъ, блуждали по краю съ женами, дѣтьми и всѣмъ своимъ имуществомъ. Подобно имъ, могли тутъ шататься и турецкія партіи; самые эти болгары и особенно некрасовцы, воры по ремеслу, могли напасть на нашу коляску. Государь, незнакомый со страхомъ, спокойно въ ней спалъ, или велъ со мною живую бесѣду, какъ бы на переѣздѣ между Петербургомъ и Петергофомъ. Мнѣ же было вовсе не до сна и не до разговоровъ²³⁴. Въ Бабадагѣ государь подробно осмотрѣлъ находившійся тамъ небольшой госпиталь; почти всѣ врачи лежали больные; смертность уже причиняла такія опустошенія, отъ которыхъ отцовское его сердце обливалось кровью.

«Отсюда на клячахъ и съ ничтожнымъ конвоемъ отправились въ Кюстенджи. На пути къ этой крѣпости насъ застигла ночь. По скверной и почти непроложенной дорогѣ надо было волочиться чуть-чуть не шагомъ. Мѣстами огни просвѣчивали сквозь мракъ, но чьи — свои или непріятельскіе? Наконецъ, по правильному ихъ расположенію мы догадались, что тутъ стоятъ наши войска, и вскорѣ признали палатки и оклики нашихъ. Мы очутились среди лагеря гвардейской легкой кавалерійской дивизіи. Государя узнали по голосу, и въ минуту всѣ генералы, офицеры и солдаты высыпали къ палаткѣ дивизіоннаго командира генералъ-адъютанта Чичерина, у которой остановилась наша коляска. Восторгъ увидѣть такъ неожиданно государя былъ неописуемъ, и еще возросъ при извѣстіи, что онъ проѣхалъ почти одинъ около 200 верстъ по непріятельской землѣ. Необходимо было поѣсть и отдохнуть. Намъ подали хорошій супъ и постлали хорошія постели.

*

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Рано утромъ государь сдѣлалъ смотръ полкамъ Драгунскому, Гусарскому и Уланскому, съ принадлежащими къ нимъ конными батареями. Конно-Егерскій, по усиленной моей просьбѣ, былъ посланъ къ Мангаліи, для занятія эшелонами нашей дороги. Государь остался чрезвычайно доволенъ превосходнымъ сбереженіемъ всѣхъ этихъ полковъ, и, дѣйствительно, люди и лошади, казалось, только что выступили въ походъ. Поблагодаривъ всѣхъ и взглянувъ на госпиталь и магазины въ Кюстенджи, государь поѣхалъ далѣе.

«Въ Мангаліи, небольшомъ городкѣ на берегу моря, онъ навѣстилъ больныхъ, которые, за недостаткомъ одного просторнаго помѣщенія, размѣщались въ пятидесяти домахъ. На обходъ ихъ, по смертельной духотѣ, потребовалось слишкомъ два часа. Для всѣхъ этихъ маленькихъ госпиталей оставалось всего лишь два медика, и изъ нихъ уже одинъ лежалъ въ горячкѣ; всѣ прочіе были жертвами утомленія и климата. Такой же недостатокъ былъ и во всей госпитальной прислугѣ, въ людяхъ на кухняхъ и пр. Государя сильно разстроило это печальное положеніе. Къ вечеру (25-го августа) мы пріѣхали въ Каварну, гдѣ находился главный царскій обозъ. Государь и тутъ пошелъ осматривать больныхъ, а я занялся отправленіемъ обоза къ Варнѣ, куда, за два дня передъ тѣмъ, выступила гвардія²³⁵.

«Между тѣмъ и фрегатъ, везшій свиту изъ Одессы, прибылъ въ Каварну. Графъ Потоцкій сошелъ на берегъ для нужныхъ распоряженій, а вслѣдъ затѣмъ государь подъ вечеръ (26-го августа) сѣлъ въ шлюпку, которая при очень сильномъ вѣтрѣ привезла насъ на фрегатъ «Флора».

«На другое утро (27-го августа) фрегатъ бросилъ якорь посреди флота противъ Варны. Видъ на нее во многомъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы стояли тутъ въ первый разъ. Греческія церкви и магометанскія мечети, возвышавшіяся надъ прочими строеніями, были дѣйствіемъ нашихъ бомбъ и ядеръ или разрушены или обезображены. Отрядъ, которымъ командовалъ прежде князь Меншиковъ, и который мы оставили на высотахъ, далеко внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, спустился внизъ и посредствомъ параллелей и траншей пододвинулся къ крѣпостнымъ стѣнамъ. Демонтиръ-батареи дѣйствовали, съ промежутками, день и ночь; каждый изъ линейныхъ кораблей выходилъ по очереди на полъ-выстрѣла отъ города и громилъ его изъ своихъ орудій. Графъ Воронцовъ сталъ лагеремъ въ виноградникахъ и садахъ, которые давали все удобство прикрывать осадныя работы; часть экипажей съ судовъ была обращена въ прислугу на батареяхъ; наконецъ гвардейская пѣхота занимала гребень горы. Все это вмѣстѣ представляло картину очень разнообразную и живую. Государь и часть его свиты помѣстились на кораблѣ «Парпжъ», а остальные въ палаткахъ возлѣ гвардейскаго лагеря, гдѣ расположился и обозъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«Государь сошелъ на берегъ (въ день прибытія къ флоту 27-го августа) для свиданія съ княземъ Меншиковымъ, очень страдавшимъ отъ своей раны, а также для осмотра разныхъ лагерей и осадныхъ работъ и для посѣщенія больныхъ и раненыхъ²³⁶. Число тѣхъ и дру-

Императоръ Николай Павловичъ на охотѣ.

(Съ портрета, находящагося въ музеѣ П. И. Цуккина въ Москвѣ).

гихъ возрастало ежедневно, и государь съ истинно отеческою заботливостію не пропускалъ ни одного дня, чтобы ихъ не навѣстить».

Императоръ Николай проводилъ ежедневно утро въ осадномъ лагерѣ, гдѣ велѣлъ раскинуть для себя палатку, и только къ закату солнца возвращался на «Парижъ». Нерѣдко, при сильномъ вѣтрѣ, спускъ на берегъ или входъ на корабль сопряжены были съ крайнею опасностью.

9-го (21-го) сентября, государь вызвалъ къ себѣ графа Дибича, повелѣвъ, однако, фельдмаршалу оставаться попрежнему подъ Шумлою²³⁷.

Несмотря на постепенное усиленіе средствъ атаки, турки съ необыкновеннымъ упорствомъ и свойственнымъ имъ искусствомъ отстаивали шагъ за шагомъ осажденную крѣпость. Наступила половина сен-

ГЛАВА ПЯТАЯ

тября, а между тѣмъ нельзя было еще предвидѣть конца осады, тогда какъ взятіе Варны являлось необходимымъ заключительнымъ дѣломъ оканчивающейся неудачной кампаніи 1828 года и залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ нашего оружія на Балканскомъ полуостровѣ.

Всѣ усилія атакующаго, съ самаго открытія постепенной атаки, ошибочно направлены были противъ перваго (приморскаго) бастиона Варны и не обѣщали рѣшительнаго результата. Хотя къ 12-му (24-му) сентября открыты были уже въ крѣпости двѣ бреши, одна въ первомъ бастионѣ, а другая въ куртінѣ, примыкавшей къ второму бастиону, но существованіе ихъ нисколько не подвигало насъ къ завѣтной цѣли всѣхъ стремленій. Правда, брешь въ приморскомъ бастионѣ была доступна для штурмующихъ колоннъ, но не подлежало сомнѣнію, что занятіе бастиона было бы сопряжено съ значительными потерями, а недавній примѣръ Бранлова былъ еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Что же касается бреши въ куртінѣ возлѣ второго бастиона, то она независимо отъ своей неудобовсхожимости еще прикрыта была находившейся во рву глубокой рытвиной, размѣры которой невозможно было изслѣдовать. Занятіе же бреши одного перваго бастиона, по мѣстнымъ особенностямъ этой части крѣпостныхъ верковъ, было бы недостаточно для овладѣнія Варною.

Въ такомъ незавидномъ положеніи находились осадныя работы, когда 12-го (24-го) сентября къ Варнѣ прибылъ командующій лейбъ-гвардіи сапернымъ баталіономъ полковникъ Шильдеръ, оставшійся по болѣзни въ Каварнѣ. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, Шильдеръ предложилъ новый планъ дѣйствій, имѣвшій цѣлью вѣроятное овладѣніе крѣпостью безъ штурма. 15-го (27-го) сентября, онъ имѣлъ счастье лично представить свои соображенія императору Николаю, и государь повелѣлъ немедленно приступить къ выполненію вновь предположенныхъ осадныхъ работъ.

Планъ полковника Шильдера состоялъ въ томъ, чтобы перенести атаку на середину куртینی, между первымъ и вторымъ бастионами, и, устроивъ въ куртінѣ пространный ложементъ, дѣйствовать изъ него по городу, принудивъ крѣпость къ сдачѣ безъ штурма. Но для исполненія новыхъ работъ, при значительномъ ихъ количествѣ, недоставало рабочихъ, а потому было рѣшено и государемъ одобрено обратить главную атаку не на куртину, какъ предполагалъ Шильдеръ, а на второй бастионъ, обрушивъ его минами. Къ работамъ приступлено было 15-го (27-го) же сентября. Находчивость и изобрѣтательность полковника Шильдера преодолѣли всѣ усилія храбрыхъ защитниковъ, и 22-го сентября (4-го октября) второй бастионъ взлетѣлъ на воздухъ, и притомъ такъ, что онъ всталъ вверхъ дномъ, обратившись фронтомъ къ непріятелю; открылась здѣсь пологая брешь, и выброшенной землей засыналась часть водяного ровика, находившагося въ глубинѣ рытвины.

Какъ только государь получилъ донесеніе объ удачномъ взрывѣ второго бастіона, онъ послалъ полковнику Шпльдеру черезъ флигель-адъютанта князя Суворова орденъ св. Георгія 4-й степени.

Продолжая преслѣдовать намѣченную имъ цѣль, овладѣть крѣпостью безъ штурма, Шпльдеръ съ разсвѣтомъ 23-го сентября приступилъ къ веденію подступовъ по скату воронки, чтобы безъ большихъ потерь приблизиться къ ея гребню, обращенному къ непріятелю, и утвердиться на немъ.

Между тѣмъ почему-то рѣшено было 25-го сентября штурмовать брешь перваго бастіона, образовавшую въ немъ взрывомъ, произведеннымъ еще 21-го сентября. Безцѣльный штурмъ стоилъ намъ до 200 человѣкъ убитыми и ранеными и не привелъ къ цѣли. Послѣ этой неудачи возвратились снова къ дальнѣйшему исполненію работъ, предложенныхъ по первоначальному плану полковника Шпльдера, и приступили къ заложению минъ въ куртінѣ для образованія въ ней бреши.

Въ это время турки пришли наконецъ къ убѣжденію въ бесполезности дальнѣйшаго сопротивленія и приступили къ переговорамъ. 28-го сентября (10-го октября) повелѣно было прекратить осадныя работы.

Но передъ описаніемъ самой сдачи Варны необходимо сказать еще нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ нашихъ на южной сторонѣ осажденной крѣпости.

По недостатку числительной силы осадныхъ войскъ, турки долгое время сохраняли свободу своихъ сообщеній въ южной части города. Только съ приходомъ гвардіи оказалось возможнымъ подумать о довершеніи обложенія и приступить къ нѣкоторымъ мѣрамъ, клонившимся къ пресѣченію неудобствъ, сопряженныхъ съ подобною обстановкою. Турки, пользуясь нашею малочисленностью, двинули войска для выручки осажденнаго города, и съ южной стороны Варны появился Омеръ-Вріоне, съ 30.000 человѣкъ. Съ нашей стороны одною изъ первыхъ мѣръ для наблюденія за сообщеніями непріятеля на этой мѣстности было расположеніе слабаго отряда генералъ-адъютанта Головина на полуостровѣ Галата, тыломъ къ мысу Галата-Бурну; занятую здѣсь позицію укрѣпили редутами.

Операціи, предпринятыя нами затѣмъ на южной сторонѣ Варны, среди лѣсистой, гористой и сильно пересѣченной мѣстности, ознаменованы были двумя неудачами: въ Гассанъ-Ларѣ и при Куртепѣ.

Первое дѣло происходило 10-го (22-го) сентября, въ которомъ польской арміи флигель-адъютантъ графъ Залускій безцѣльно погубилъ, по собственной неосторожности, лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ. Послѣ Гассанъ-Ларскаго дѣла войска генералъ-адъютанта Головина были усилены до 8.000 человѣкъ, начальство надъ которыми принялъ генералъ-адъютантъ Бистромъ. 16-го (28-го) сентября, турки атаковали занятую

ГЛАВА ПЯТАЯ

нами позицію, но были отбиты, послѣ чего Омеръ-Вріоне отошелъ къ Куртенѣ (Волчья гора), гдѣ приступилъ къ устройству укрѣпленнаго лагеря. Въ это время со стороны Шумлы придвинулся принцъ Евгений Виртембергскій; силы, которыми онъ располагалъ, были весьма слабы и въ общей сложности не превосходили 8.000 человѣкъ. Императоръ Николай повелѣлъ принцу рѣшительно атаковать позицію Омеръ-Вріоне и соединиться съ отрядомъ генералъ-адъютанта Вистрома²³⁸. 18-го (30-го) сентября, произошелъ въ Куртенѣ кровопролитный бой, стоившій намъ до 1.400 человѣкъ; турки удержались на своей позиціи. Атака, произведенная противъ нихъ въ тотъ же день отрядомъ генералъ-адъютанта Вистрома, также была отбита съ потерей 500 человѣкъ.

«Атака на Куртенѣ, — пишетъ графъ Мольке, — является однимъ изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ похода 1828 года; хотя предполагаемое нападеніе и не увѣчалось успѣхомъ, но храбрость русскихъ войскъ произвела на турокъ столь сильное впечатлѣніе, что послѣдствія этого боя существеннымъ образомъ повліяли на исходъ кампаніи. Примѣръ этотъ служить новымъ доказательствомъ, насколько строгое повиновеніе даже среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ представляетъ одну изъ первѣйшихъ военныхъ добродѣтелей. Вынужденный противъ своей воли руководить предпріятіемъ, успѣхъ котораго казался ему сомнительнымъ, принцъ Евгений выполнилъ полученные приказанія съ полною рѣшимостью и слѣпымъ повиновеніемъ. Только два баталіона оставлены были имъ въ резервъ; всѣ прочія части выдержали кровопролитный бой, при чемъ пѣхота, почти совершенно лишенная содѣйствія кавалеріи и артиллеріи, дѣйствуя какъ бы оцѣпью, сражалась съ истинно львиною храбростью»²³⁹.

Послѣ боя 18-го (30-го) сентября положеніе Омеръ-Вріоне было блестящее. Насталъ самый рѣшительный моментъ всей кампаніи. Освобожденіе Варны было во власти Омера и могло сопровождаться для насъ самыми плачевными послѣдствіями, даже обратнымъ движеніемъ за Дунай. Но, къ счастью, ничего подобнаго не случилось²⁴⁰. Омеръ-Вріоне пробылъ одиннадцать дней въ бездѣйствіи въ лѣсу; слышалъ, какъ взрывали въ Варнѣ одну мину за другою, и остался безучастнымъ свидѣтелемъ успѣховъ осаждающаго. Когда же русскія знамена взвились на развалинахъ крѣпости, онъ совершилъ поспѣшное отступленіе за Камчикъ, какъ бы пораженный событіемъ, подготовленнымъ собственнымъ бездѣйствіемъ.

3-го (15-го) октября, турки пытались перейти снова Камчикъ, но были отброшены съ большимъ урономъ²⁴¹. Послѣ этого неудачнаго наступленія турки удалились въ Балканы, оставивъ противъ насъ небольшія партіи.

«Конечно, — справедливо заключаетъ графъ Мольке, — отношенія, существующія между албанскимъ пашей и Оттоманскою Портою, не мо-

C'est parfait, mais je vous prie
de croire que je serai fort embarrassé
si je devais composer une lettre aussi
bien écrite; *вѣрно было мамеру бѣдѣ.*

Je vous remercie, Mon cher Comte; pour la lettre
affectueuse que vous m'avez adressée en date du 13. Juin
et que j'ai lue avec un véritable plaisir. J'apprécie
le sacrifice que vous me faites de vos inclinations en de-
meurant éloigné du champ des batailles. Mais un homme
vraiment dévoué à son pays le sert partout avec le
même zèle, quel que soit le cercle d'activité qu'il
se trouve appelé à remplir: moi-même, premier ser-
viteur de notre patrie commune, je lui offre souvent
de pareils sacrifices. D'ailleurs votre réputation mili-
taire est si bien et depuis si longtemps établie parmi
vos compagnons d'armes, que la conviction de l'utilité
réelle dont votre présence et vos travaux me sont à
Petersbourg, doit vous satisfaire pleinement.

Je suis très-content du témoignage que vous me
rendez sur le zèle des employés de l'Etat et sur la
tranquillité qui règne dans la capitale. L'attitude des
étrangers et les sentimens qui les animent me sont assez
indifférens: ^{comme vous le savez fort bien} ~~les vœux de mon peuple~~ ^{ceux que j'estime} me suffisent.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Императоръ Николай Павловичъ и императрица Александра Сеодоровна
на парадѣ Кавалергардскаго полка.

(Съ рисунка, приложеннаго къ „Исторіи Кавалергардскаго полка“).

гутъ быть сравниваемы съ отношеніями европейскаго полководца къ своему державному вождю и отечеству. Дѣйствіями Омеръ-Вріоне руководили, вѣроятно, не стратегическія, но совершенно иного рода соображенія».

Между тѣмъ, какъ эти событія происходили на южной сторонѣ крѣпости Варны, Юсуфъ-паша 28-го сентября (10-го октября) вышелъ изъ крѣпости и предалъ себя подъ покровительство императора съ своими сторонниками. «Вскорѣ вокругъ насъ,—замѣчаетъ Бенкендорфъ,—толпилось гораздо болѣе турокъ, чѣмъ русскихъ». Капуданъ-паша Изетъ-Мегметъ сначала не хотѣлъ присоединиться къ капитуляціи. Онъ удалился въ цитадель внутри города и тамъ грозилъ взорвать себя на воздухъ съ остатками вѣрныхъ защитниковъ крѣпости. Начатый тогда, по совѣту Юсуфа-паши, сильный огонь съ флота и съ батарей побудилъ, однако, остатокъ гарнизона и многихъ жителей со своими семействами выйти изъ города, а затѣмъ 29-го сентября (11-го октября), когда капуданъ-пашѣ съ вооруженнымъ конвоемъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ обѣщанъ былъ свободный выходъ изъ города, крѣпость покорилась императору Николаю. Остальной гарнизонъ, до 6.000 человѣкъ, сдался военнопленнымъ.

Государь, прибывъ утромъ въ лагерь, видѣлъ уже турецкій гарнизонъ, выходившій изъ крѣпости²⁴², и затѣмъ отправился осматривать

ГЛАВА ПЯТАЯ

осадныя работы; спустившись въ ровъ, изъ котораго ведены были минныя работы, и осмотрѣвъ тщательно все сдѣланное нашими саперами, Николай Павловичъ поднялся на Варнскія твердыни, увѣнчанныя турами атакующаго. Турки, по свидѣтельству Бенкендорфа, спокойно сидѣли за трубками и равнодушно глядѣли на побѣдителей.

Прославившимся въ эту войну своими подвигами 13-му и 14-му Егерскимъ полкамъ предоставлено было первымъ вступить въ сдавшуюся крѣпость; за ними слѣдовалъ лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, а за нимъ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ — почеть, оказанная войскамъ, наиболѣе отличившимся при осадѣ Варны.

30-го сентября (12-го октября), свободнымъ войскамъ осаднаго корпуса повелѣно было собраться въ лагерь для принесенія благодарственнаго молебствія. По прибытіи императора Николая началось богослуженіе. Громъ орудій полевой артиллеріи и съ кораблей возвыстилъ славное окончаніе кровавой борьбы подъ Варною. Послѣ молебствія государь объѣзжалъ войска и милостиво привѣтствовалъ каждый полкъ. Когда потомъ его величество подошелъ къ гвардейскимъ саперамъ, августѣйшій шефъ самъ привязалъ къ ихъ знамени георгіевскій крестъ, говоря: «Вы это заслужили; мнѣ пріятно, что не забыли вы словъ покойнаго государя, когда дано было вамъ это знамя, что при первомъ случаѣ промѣняете его на Георгіевское,—осада Варны оправдала мои ожиданія». Завязавъ ленту, государь поцѣловалъ крестъ. На глазахъ многихъ навернулись слезы, и самъ императоръ прослезился. Осмотрѣвъ всѣ другія войска, снова приблизился онъ къ лейбъ-гвардіи Саперному баталіону и сказалъ: «Поздравляю васъ съ георгіевскимъ знаменемъ. Вы мнѣ, старому своему товарищу, дали этимъ прекрасный праздникъ» ²⁴³.

Командующій баталіономъ полковникъ Шильдеръ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и утвержденъ командиромъ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона. Съ этого времени во все продолженіе своей службы генералъ Шильдеръ пользовался неизмѣннымъ довѣріемъ и высокимъ расположеніемъ императора Николая.

Императоръ Николай щедро наградилъ всѣхъ участниковъ славной осады Варны. Графъ Воронцовъ получилъ шпагу съ алмазами съ надписью: «За взятіе Варны», а графъ Дибичъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Государь не позабылъ также въ эти радостныя минуты раненаго князя Меншикова и пожаловалъ ему турецкую пушку.

Графу Воронцову повелѣно было возвратиться къ мѣсту своего прежняго служенія. Въ то же время онъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

«Графъ Михаилъ Семеновичъ! Воздавъ жертву должной хвалы и благодаренія Богу, поборающему правдѣ и увѣнчавшему оружіе российское новымъ блистательнымъ успѣхомъ, я желаю почтить память моего предшественника, утратившаго побѣду и жизнь, но не славу, подѣ-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Форма офицеровъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка въ 1826 году.

(Съ литографіи Мюнстера, сдѣланной съ рисунка Теребенева).

нами покоренной нынѣ Варны. Здѣсь палъ, ратуя подъ знаменемъ Христовымъ, мужественный сынъ Ягайлы, Владиславъ, король польскій. Мѣсто его погребенія незнаемо, но да будетъ ему воздвигнутъ въ самой столицѣ Польши памятникъ, его достойный. Назначивъ для сего ей въ даръ 12 турецкихъ пушекъ изъ числа найденныхъ въ Варнѣ орудій, я поручаю вамъ немедленно выбрать и отправить ихъ въ Варшаву, гдѣ оныя будутъ поставлены на приличномъ мѣстѣ, по распоряженію его императорскаго высочества цесаревича, въ честь герою и въ честь храбрымъ

*

ГЛАВА ПЯТАЯ

россійскимъ войскамъ, отомстившимъ побѣдою за его паденіе. Возлагая на васъ исполненіе моей воли, пребываю вамъ всегда благосклонный».

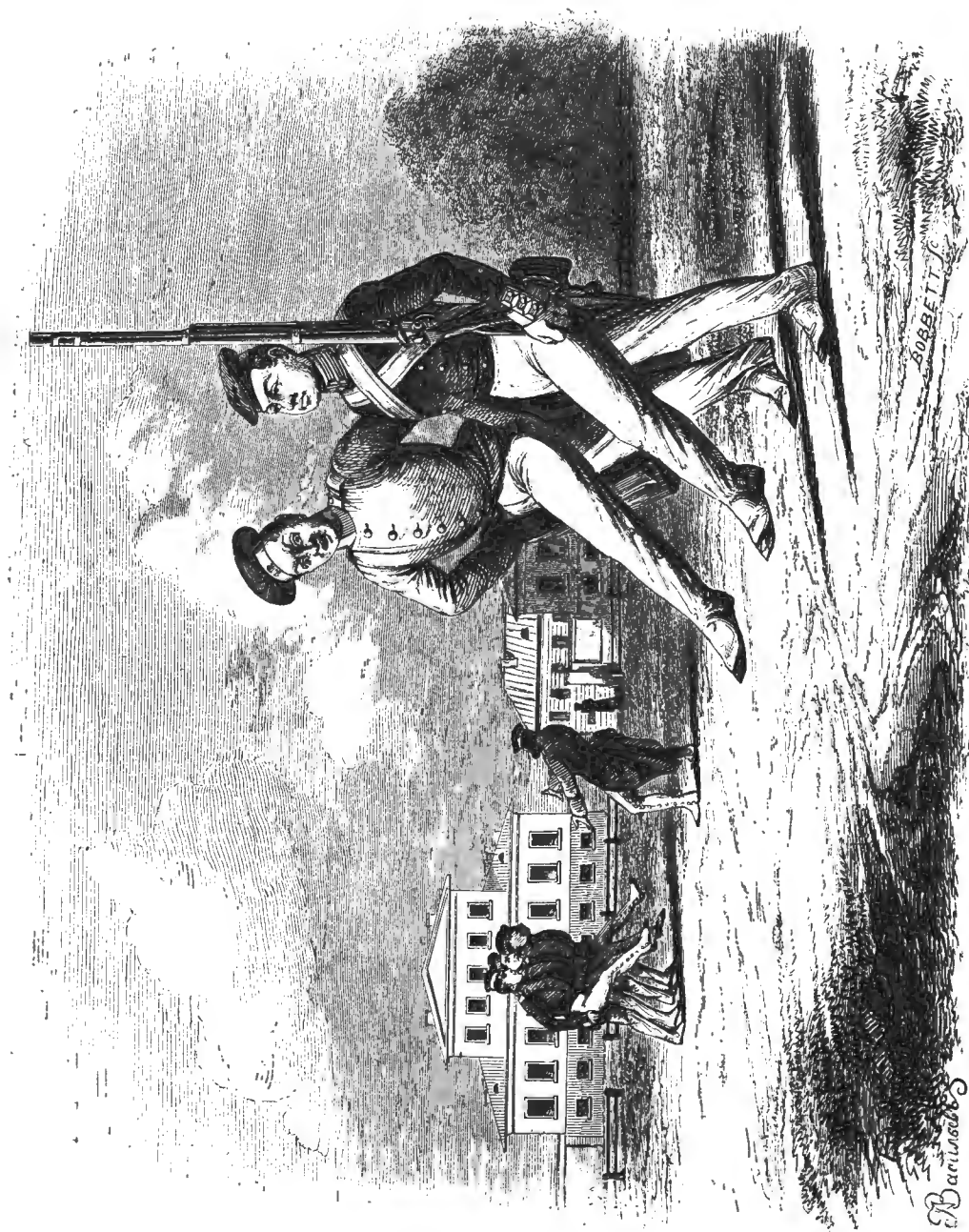
Цесаревичу Константину Павловичу государь писалъ: «Я жалую Варшавѣ 12 орудій, какъ замѣчательное историческое воспоминаніе, ибо достойно вниманія, что здѣсь явилась именно русская армія съ польскимъ королемъ, чтобы отомстить смерть другого польскаго короля²⁴⁴... Да сблизятся поляки и русскіе все болѣе другъ съ другомъ. Вотъ въ чемъ цѣль всѣхъ моихъ желаній и всѣхъ стремленій моего разума. Быть можетъ, подаренныя пушки докажутъ то, что я высказываю вамъ здѣсь этими словами»²⁴⁵. Въстѣ съ тѣмъ императоръ Николай въ письмѣ къ брату отозвался съ величайшей похвалою о польскихъ офицерахъ, прикомандированныхъ къ арміи; находившагося при немъ полковника Гауке назначилъ своимъ флигель-адъютантомъ.

Торжественный вѣздъ императора Николая въ Варну въ сопровожденіи всего штаба и иностранныхъ дипломатовъ состоялся 1-го (13-го) октября. «Смерть Владислава отомщена», — сказалъ государь, вѣзжая въ крѣпость²⁴⁶.

«Настъ обдало, — пишетъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, — такимъ невыносимымъ срадомъ отъ безчисленнаго множества падали всякаго рода и человѣческихъ тѣлъ, такъ дурно похороненныхъ, что у иныхъ торчали ноги, а другія едва прикрыты были нѣсколькими лопатками земли. Страшная неоприятность еще болѣе заражала воздухъ. Не возможно описать положенія, въ которое приведенъ былъ городъ бомбардированіемъ. Вездѣ встрѣчались полуразрушенныя мечети; дома, пронизанные ядрами или обрушившіеся отъ разрыва бомбъ; цѣлые кварталы, обращенные въ груды развалинъ, безъ всякаго почти слѣда бывшихъ тутъ прежде зданій. Какимъ-то чудомъ только уцѣлѣла греческая церковь, хотя именно та часть города, въ которой она находилась, наиболѣе пострадала отъ огня нашего флота и сухопутныхъ батарей. Государь, остановившись передъ этою церковью, очень маленькою, мрачною и построенною во дворѣ, велѣлъ отслужить въ ней благодарственное молебствіе. Это священнослуженіе, посреди смерти и развалинъ, въ мусульманскомъ краѣ, въ православномъ, угнетенномъ полулуніемъ храмѣ имѣло что-то неописуемо поразительное».

Утромъ, 2-го (14-го) октября, императоръ Николай прибылъ на южную сторону крѣпости Варны къ отряду генераль-адъютанта Бистрома. Онъ благодарилъ войска, обнялъ предводителя ихъ и самъ повелъ находившіеся здѣсь полки гвардейскаго корпуса, съ распущенными знаменами, черезъ крѣпость на сѣверную сторону, гдѣ они расположились лагеремъ²⁴⁷.

Въ виду предстоящаго отъѣзда изъ арміи, по случаю окончанія кампаніи 1828 года, императоръ Николай лично распорядился относительно размѣщенія арміи по зимнимъ квартирамъ, устройства госпиталей

Обучение рекрутов в Николаевское время.
(Съ рисунка А. Васильева).

ГЛАВА ПЯТАЯ

и магазиновъ, а также исправленія варнскихъ укрѣпленій. Гвардію рѣшено было немедленно отправить на зимнія квартиры въ Подольскую губернію, въ Тульчинъ²⁴⁸. Въ особомъ рескриптѣ отъ 2-го (14-го) октября, на имя главнокомандующаго, императоръ Николай ввѣрилъ ему ближайшее исполненіе всѣхъ распоряженій, связанныхъ съ зимнимъ расквартированіемъ войскъ; графъ Дибичъ долженъ былъ оставаться при фельдмаршалѣ еще нѣкоторое время до полного устройства дѣлъ и окончанія похода. Намѣреніе государя было возвратиться въ Россію сухимъ путемъ, но адмиралъ Грейгъ и генераль-адъютантъ Бенкендорфъ склонили его отправиться моремъ; онъ пересѣлъ на корабль «Императрица Марія», который 2-го (14-го) октября поднялъ паруса при столь попутномъ вѣтрѣ, что можно было надѣяться черезъ три дня прибыть въ Одессу. Корабль сопровождали яхта «Утѣха» и пароходъ «Метеоръ». Въ тотъ же день отплылъ и фрегатъ «Пантелеймонъ», на которомъ помѣщены были иностранные дипломаты, находившіеся при государѣ въ арміи²⁴⁹.

Императора Николая сопровождали: графъ Воронцовъ, графъ Нессельроде, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, графъ Орловъ и Адлербергъ, графъ Станиславъ Потоцкій и прусскій генераль Ностицъ. Кораблемъ «Императрица Марія» командовалъ капитанъ Папа-Христо.

По снятіи съ якоря, попутный вѣтеръ, продолжавшійся до полудня 3-го (15-го) октября, довелъ суда благополучно до высоты Георгіевскихъ дунайскихъ гирлъ. Послѣ того сдѣлался совершенный штиль, который продолжался до десятаго часа вечера. Поднявшійся въ то время свѣжій противный вѣтеръ (NO) мало-по-малу сталъ крѣпчать и въ полночь 4-го (16-го) октября обратился въ сильный штормъ; дождь лилъ, какъ изъ ведра. Штормъ свирѣствовалъ 36 часовъ сряду и началъ стихать только 5-го (17-го) октября, пополудни въ шестомъ часу. Наконецъ корабль «Императрица Марія», пробывъ въ морѣ семь дней, бросилъ якорь на Одесскомъ рейдѣ ночью на 8-е (20-е) октября²⁵⁰.

По поводу этого страшнаго переѣзда очевидецъ, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, пишетъ:

«Мы были уже на половинѣ дороги къ Одессѣ, какъ вдругъ началась буря, превратившаяся вскорѣ въ совершенный штормъ. Въ нѣсколько минутъ у насъ совсѣмъ сломало бизань-мачту, повредило и другія, и порвало снасти. Волненіе сдѣлалось такъ сильно, что невозможно было ни предупреждать, ни исправлять поврежденій; оставалось закрѣпить руль и отдаться на произволъ волнамъ. Всѣ особы свиты легли по койкамъ; большая часть прислуги и даже экипажа страдала морскою болѣзнію. Только государь, графъ Потоцкій и я были здоровы и на ногахъ, цѣпляясь за все встрѣчное, когда хотѣли передвинуться съ одного мѣста на другое. Вѣтеръ такъ ревѣлъ, что нельзя было раз-

слышать другъ друга иначе, какъ крича на ухо, а въ прибавокъ ко всему этому и воздухъ охладился до нестерпимости. Насъ неудержимо гнало къ враждебнымъ берегамъ Босфора. Въ продолженіе двадцати часовъ корабль уже уклонился въ этомъ направленіи отъ настоящаго курса слишкомъ на 60 миль, и не было никакого средства бороться противъ этой новой опасности. Еще сутки такой же бури, и русскаго монарха выбросило бы на турецкую землю! Государь, оставшійся неизмѣнно твердымъ и снисходительнымъ, упрекнулъ меня въ данномъ мною совѣтѣ плыть моремъ лишь словами, что ему непремѣнно хотѣлось поспѣть въ Петербургъ къ 14-му октября, т.-е. къ рожденію его матушки, но теперь эта задержка, вѣроятно, тому воспрепятствуетъ. Наконецъ, послѣ 26-ти-часовой бури, вѣтеръ, перемѣнивъ отчасти направленіе, сталъ нѣсколько ослабѣвать и позволилъ намъ, по крайней мѣрѣ, не пятиться назадъ. Люди принялись за работу со всѣмъ жаромъ, который имъ внушало присутствіе государя, главнѣйшія поврежденія были по возможности исправлены, и корабль сталъ слушаться руля. Къ послѣобѣденной порѣ вѣтеръ стихъ и принялъ попутное намъ направленіе; но на морѣ была еще такая зыбь, что огромный нашъ линейный корабль качало, какъ бы легкій яликъ. Къ Одессѣ мы подошли только съ наступленіемъ ночи (8-го октября). Надо было обратиться къ помощи ночныхъ сигналовъ и бросить якорь довольно далеко отъ города, чтобы избѣжать несчастія, если бы мы слишкомъ приблизились къ рейду. Погода была ужасная. Несмотря на холодный, пронзительный вѣтеръ, государь сѣлъ въ шлюпку, которая отвезла его къ одесской пристани ²⁶¹. Онъ явился въ домъ графа Воронцова къ восхищенію жителей всего города, страшившихся за дни своего монарха. Вѣсть объ отправленіи его въ такую бурю моремъ и, слѣдственно, о грозившей ему опасности привезъ за нѣсколько часовъ до того адъютантъ Михаила Павловича, посланный великимъ княземъ изъ Варнскаго лагеря за извѣстіями о государѣ сухимъ путемъ. Буря перепугала и армію и флотъ; послѣдній при всей удобности своей стоянки довольно пострадалъ, а въ лагерѣ сорвало и разнесло палатки.

«На дорожныя наши приготовленія потребовалось немного времени, и въ четыре часа утра я уже сидѣлъ въ коляскѣ рядомъ съ государемъ. Онъ остановился у собора помолиться. Лишь его и мои шаги раздавались подъ церковными сводами. Въ соборѣ находился только одинъ священникъ, и нѣсколько свѣчей, зажженныхъ у иконъ, освѣщали царствовавшую въ немъ глубокую темноту. Этотъ отъѣздъ былъ печаленъ, и хотя мы только что освободились отъ смертельной опасности, впереди все еще чудилось какое-то новое несчастіе».

Императора Николая тяготило въ то время предчувствіе близости великаго несчастія, хотя онъ не отдавалъ себѣ отчета, какое именно горе готово

ГЛАВА ПЯТАЯ

поразить его. Государь признался въ этихъ чувствахъ цесаревичу по приѣздѣ въ Петербургъ и писалъ: «*Quelque chose d'irrésistible me poussait vers ici*».

Мрачное предчувствіе государя, которое сообщилось и генераль-адъютанту Бенкендорфу, въ минуту отъѣзда изъ Одессы, скорѣ объяснилось: Николая Павловича ожидало въ столицѣ великое семейное горе.

V.

Когда императоръ Николай на кораблѣ «Императрица Марія» отправился въ Россію, кампанія 1828 года была закончена²⁵². Отъѣзжая, государь оставилъ графа Дибича при фельдмаршалѣ графѣ Витгенштейнѣ, чтобы помочь главнокомандующему устроить армію на зимнихъ квартирахъ.

Пока продолжалась осада Варны, Гуссейнъ-паша въ Шумлѣ не предпринималъ ничего особеннаго, за исключеніемъ поиска къ Базарджику, не увѣнчавшагося успѣхомъ, и неудачной вылазки 2-го (14-го) октября. Послѣ паденія Варны настало наконецъ время окончательно отвести войска изъ-подъ Шумлы, и оставалась еще слабая надежда овладѣть крѣпостью Силистріею; но, повидимому, у исполнителей энергія стала ослабѣвать къ исходу столь трудной кампаніи.

Еще ранѣе, 3-го (15-го) сентября, обѣимъ дивизіямъ 6-го корпуса генерала Рота велѣно было слѣдовать къ Шумлѣ, при чемъ онѣ подъ Силистріею были смѣнены войсками 2-го корпуса генераль-адъютанта князя Щербатова. Войска 7-го корпуса принца Евгенія Виртембергскаго частями двинуты были къ Варнѣ для усиленія операцій противъ этой крѣпости. Затѣмъ, 4-го (16-го) октября, началось отступательное движеніе нашихъ войскъ изъ-подъ Шумлы: 6-й корпусъ генерала Рота отошелъ въ Козлуджу, а генералъ Рудзевичъ съ 3-мъ корпусомъ двинулся къ Силистріи. Послѣдній былъ слабо преслѣдуемъ непріателемъ, и только 7-го (19-го) октября завязались жаркія арьергардныя дѣла въ Айдоадской лощинѣ съ восьмидесячнымъ турецкимъ отрядомъ. Дороги сдѣлались непроходимыми вслѣдствіе проливныхъ дождей, и 3-му корпусу, при изнуренныхъ лошадяхъ и истощенныхъ въ силахъ людяхъ, лишенныхъ надлежащаго продовольствія, пришлось бороться съ неимоверными затрудненіями, въ особенности въ Айдоадской лощинѣ, изъ которой приходилось подниматься на крутизны, простирающіяся на двѣ версты. Артиллерію удалось спасти, но въ виду натиска турокъ пришлось пожертвовать обозомъ. Генералъ Рудзевичъ роздалъ людямъ, что они могли взять, а затѣмъ истребилъ большую часть своихъ обозовъ, застрявшихъ въ лощинѣ. Въ этомъ дѣлѣ мы понесли потерю болѣе 700 человекъ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ.

(Съ литографіи того времени).

По прибытіи генерала Рудзевича къ Силистріи, силы облежавшихъ ее войскъ возрасли до 30.000 человекъ, но благопріятное время для рѣшительныхъ дѣйствій противъ крѣпости прошло. Проливные дожди наводнили траншеи и затопили мѣстность, по которой надлежало вести подступы. Вскорѣ дождь смѣнился мятью, при восьми-градусномъ морозѣ; снѣгомъ занесло землянки и батареи. На Дунаѣ сталъ уже появляться ледъ, грозившій совершенно прервать сообщеніе съ лѣвымъ

ГЛАВА ПЯТАЯ

берегомъ и прекратить подвозъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ, въ которыхъ и безъ того ощущался недостатокъ. Къ тому же 3-й корпусъ нуждался въ отдыхѣ на зимнихъ квартирахъ послѣ всѣхъ трудовъ и потерь, понесенныхъ имъ въ теченіе кампаніи. Между тѣмъ, 18-го (30-го) октября, графъ Витгенштейнъ въ сопровожденіи графа Дибича прибылъ изъ Варны въ Каларашъ. Убѣдившись лично въ невозможности продолжать осаду въ столь позднее время года, главнокомандующій по совѣщаніи съ графомъ Дибичемъ рѣшился, 1-го (13-го) ноября, снять блокаду Силистріи²⁵³. Главная квартира арміи была перенесена въ Яссы, куда прибылъ фельдмаршалъ 7-го (19-го) ноября; за нимъ послѣдовалъ графъ Дибичъ. Графу Ланжерону ввѣрено было начальство надъ всѣми войсками, занимавшими лѣвый берегъ Дуная, а генералу Роту подчинены войска, предназначенныя для охраненія занятой нами части Болгаріи.

Графъ Мольтке пишетъ: «Если принять въ соображеніе огромныя жертвы, которыми ознаменовалась для русскихъ кампанія 1828 года, то трудно сказать, кто ее выигралъ или потерялъ: русскіе или турки? Значеніе этого похода должно было опредѣлиться второю кампаніею».

«Но, — замѣчаетъ тотъ же авторъ, — если кампанія получила сносный исходъ, то въ этомъ нисколько не повинны соображенія русской стратегіи. Кампанія была подготовлена неудовлетворительно, начата недостаточными средствами и открыта слишкомъ поздно; направленіе же, данное главному корпусу войскъ, было такое, отъ котораго иногда нельзя было ожидать какого либо результата. Но всѣ эти ошибки были исправлены отличными качествами, свойственными русскимъ войскамъ, самоотверженнымъ повиновеніемъ начальникамъ, настойчивостью солдата, бодростью его духа въ перенесеніи лишеній и непоколебимымъ мужествомъ среди опасности — вотъ обстоятельства, отклонившія гибель, которая угрожала русскимъ подъ Шумлоу, и удерживавшія предпримчивость сераскира; они же побѣдили всѣ затрудненія и противодѣйствіе, встрѣченныя подъ Варною, и въ такой степени подѣйствовали на Омеръ-Вріоне, что онъ, несмотря на одержанную имъ побѣду, простоялъ, какъ ошеломленный, десять дней въ бездѣйствіи, между тѣмъ какъ Варна, этотъ оплотъ Оттоманской имперіи, пала передъ его глазами. Начинанія полководцевъ должны подвергаться критическому разбору, который не всегда можетъ относиться къ нимъ благопріятно; но поведеніе войскъ, отъ послѣдняго солдата и кончая самымъ главнымъ начальникомъ, какъ при штурмѣ Браилова, такъ и въ натискѣ подъ Куртепэ, равно какъ и въ минахъ и подступахъ подъ Варною, выше всякихъ похвалъ кабинетнаго пера».

Очевидецъ заключительнаго эпизода кампаніи 1828 года, генералъ-адъютантъ Депперадовичъ, писалъ фельдмаршалу графу Сакену, 16-го (28-го) ноября, изъ Тульчина:

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«По слабому моему понятію о большихъ военныхъ операціяхъ, я ничего не смѣю сказать о толкахъ про нынѣшній походъ и кампанію. Кажется мнѣ, однако же, что чудесное паденіе Варны нѣсколько поправило наше неблпстательное положеніе, бывшее до того времени, и котораго былъ я свидѣтель. Если симъ концемъ для передѣ воспользуются, какъ должно полагать, то, можетъ быть, и вся строгая критика уничтожится. При семъ, почитаая ваше сіятельство душевно, рѣшаюсь доложить мое мнѣніе о двухъ важныхъ частяхъ безпорядка, какового въ пятидесятилѣтнюю мою службу не видывалъ и котораго причиною полагаю почти уничтоженіе арміи безъ боя, а пменно: медицинской и провіантской. У первой былъ одинъ лѣкарь на 600 человекъ больныхъ; въ медикаментахъ былъ еще большій недостатокъ по пропорціи слабыхъ въ искусствѣ докторовъ; для раненыхъ, которыхъ число, можно сказать, было ничтожно, противу прежнихъ, вашему сіятельству извѣстныхъ, недостатокъ во всѣхъ припасахъ былъ таковъ, что бинты употреблялись изъ палатокъ. Транспортировка изъ одного въ другой пунктъ госпиталя и всѣ распоряженія по сей части были столь слабы, что превышаютъ всякое воображеніе. Не лучше сей части было распоряженіе господина сенатора (Абакумова) по продовольствію. Гвардія и небольшая часть арміи, находившіяся по единственной нашей довольно вѣрной береговой линіи, по милости флота, невзирая на невѣрность и непостоянность стихій, были довольно счастливы и мало нуждались. Но армія, особливо подѣ Шумлою, изрядно потерпѣла».

Въ заключеніе остается намъ еще вкратцѣ упомянуть о побѣдахъ, одержанныхъ графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ въ Азіатской Турціи. Совершенный имъ въ 1828 году походъ ознаменовался непрерывнымъ рядомъ блестящихъ успѣховъ; побѣды «отца командира» служили императору Николаю истиннымъ утѣшеніемъ среди невзгодъ и затрудненій, съ которыми приходилось въ то же время бороться русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ.

Графъ Паскевичъ, едва окончивъ изнурительный персидскій походъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи для дѣйствій противъ Азіатской Турціи 11.000 человекъ, между тѣмъ какъ турки угрожали намъ вторженіемъ въ Закавказскій край. Положеніе дѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ было не изъ блестящихъ, но Паскевичъ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ затрудненій и предупредилъ рѣшительностью своихъ дѣйствій всѣ намѣренія непріятеля. Окончивъ приготовленія къ походу, Паскевичъ перешелъ 14-го (26-го) іюня въ Гумрахъ границу и, двинувшись къ Карсу, взялъ его штурмомъ 23-го іюня (5-го іюля).

Послѣ этого успѣха явилось новое бѣдствіе: въ Карсѣ открылась чума. Благодаря принятымъ мѣрамъ, чумная зараза не усилилась, но вскорѣ начала ослабѣвать, и, простоявъ двадцать дней внѣ крѣпости въ

ГЛАВА ПЯТАЯ

лагерь, Паскевичъ направился къ Ахалцыху. Затѣмъ, занявъ дорогою Ахалкалаки и Гертвизъ и разбивъ 30.000 турокъ, выступившихъ противъ него изъ Эрзерума, овладѣлъ 16-го (28-го) августа крѣпостью Ахалцыхомъ. Вслѣдъ за симъ побѣдами занятъ былъ безъ боя Аккуръ.

О движеніи черезъ Саганлугскія горы на Эрзерумъ, конечно, нельзя было помышлять. Оставалось еще занять Баязетъ и Ардаганъ, что и было исполнено безъ особенныхъ затрудненій, и въ заключеніе обратитъ все вниманіе на устройство зимнихъ квартиръ и обезпеченіе продовольствія войскъ.

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ два мѣсяца, Паскевичу удалось съ самыми ограниченными средствами разсѣять непріятельскую армію и занять три пашалыка: Карскій, Ахалцыхскій и Баязетскій.

Императоръ Николай наградилъ графа Паскевича-Эриванскаго орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

VI.

Желая непременно поспѣть въ С.-Петербургъ къ 14-му октября, императоръ Николай совершилъ переѣздъ изъ Одессы съ необыкновенной быстротою, несмотря на темныя ночи и осенніе дожди.

Бенкендорфъ пишетъ: «Мы прискакали въ Царское Село, правда измученные и полузамерзшіе, но 14-го числа утромъ. Государь остановился здѣсь, чтобы переодѣться и пріѣхать въ С.-Петербургъ именно въ то время, когда обѣ императрицы со всѣмъ дворомъ будутъ у обѣдни. Ему хотѣлось войти въ Зимній дворецъ, не бывъ никѣмъ замѣченнымъ; но, когда мы подъѣзжали почти украдкою со стороны Дворцовой набережной, его узнали въ рядахъ двухъ эскадроновъ Кавалергардскаго полка, стоявшихъ тутъ, чтобы взять и провезти по улицамъ привезенныя изъ-подъ Варны турецкія знамена. Общее «ура» прогремѣло при видѣ государя, и онъ вошелъ во дворецъ между трофеями завоеванной Варны, сопровождаемый кликами стоявшей на набережной толпы. Но по вступленіи въ царскіе чертоги, гдѣ радостно бросились ему навстрѣчу супруга и дѣти, онъ былъ жестоко пораженъ вѣстью объ опасной болѣзни императрицы Маріи Ѳеодоровны»²⁵⁴.

Безпрестанныя тревоги, сопровождавшія тяжелую для насъ войну, опасности, которымъ подвергался государь, и радость, вызванная полученіемъ извѣстія о взятіи Варны, потрясли крѣпкое дотоли злоровье ея. Сначала болѣзнь не внушала особыхъ опасеній; императрица могла даже письменно сообщить цесаревичу извѣстіе о возвращеніи государя въ С.-Петербургъ и о собственномъ нездоровьѣ. Поэтому неудивительно,

Михайловскій дворець въ Петербургѣ въ началѣ прошлаго столѣтія.
(Съ литографіи того времени).

ГЛАВА ПЯТАЯ

что императоръ Николай въ письмѣ къ Константину Павловичу отъ 21-го октября (2-го ноября) увѣдомилъ брата, что Рюль не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ скораго ея выздоровленія²⁵⁵. Оказалось, однако, что врачъ ошибся въ опредѣленіи болѣзни, и 22-го октября (3-го ноября) докторъ Крейтонъ вынужденъ былъ пустить императрицѣ кровь; тѣмъ не менѣе появились признаки паралича. Отнынѣ всѣ принятыя мѣры не могли уже привести къ цѣли, и 24-го октября (5-го ноября) 1828 года, въ два часа тридцать минутъ пополудни, императрица Марія Ѳеодоровна скончалась.

Въ тотъ же день государь писалъ цесаревичу:

«Помолимся Богу за ту, которая на этой землѣ составляла для насъ все! Да будетъ воля Его, и да ниспошлетъ Онъ намъ силы, чтобы перенести ужаснѣйшее изъ несчастій. Все кончено съ двухъ съ половиною часовъ утра. Болѣзнь развилась съ такою быстротою, что никакое лѣкарство не могло остановить ея; такъ какъ кровь бросилась къ головѣ, то третьяго дня вечеромъ пустили кровь; это, казалось, принесло пользу. Ночь была сносная; утромъ, такъ какъ голова была тяжела, попытались прибѣгнуть къ слабительному; дѣйствіе было таково, что доказало необходимость сдѣланнаго, но силы уменьшались послѣ cadaго дѣйствія; языкъ повиновался плохо, и глотаніе было затруднено; врачи опасались немедленнаго паралича легкихъ; шпанская муха на спинѣ не произвела никакого дѣйствія, и силы и сознаніе ослабѣвали. Нужно было дать ей почувствовать ея положеніе и склонить ее выполнить свой христіанскій долгъ! О дорогой Константинъ, представьте себѣ мое состояніе, когда я выполнилъ эту ужасную обязанность! Я далъ ей понять, что наступило время подумать объ этомъ; она часто задавала мнѣ вопросъ: «развѣ я въ опасномъ положеніи?» — и сказала мнѣ: «о, значить, я въ очень опасномъ положеніи!». Я отвѣчалъ ей: «я надѣюсь, что нѣтъ, но я знаю ваши чувства, и хорошо почерпнуть силы въ томъ, что постоянно даетъ ихъ». Она отвѣтила мнѣ: «я сдѣлаю это завтра, я хочу приготовиться сегодня». Я сказалъ ей: «затѣмъ откладывать? вы постоянно готовы». Она проговорила мнѣ: «позовите Вилламова». Онъ вошелъ, но ничего не могъ понять, такъ какъ языкъ уже повиновался съ трудомъ; затѣмъ послѣдовалъ моментъ возбужденія: она непремѣнно хотѣла перейти въ свою постель, затѣмъ сѣсть, и при всемъ томъ не понимая самое себя. Наконецъ, черезъ нѣсколько мгновений мнѣ удалось заставить ее замѣтить духовника; тогда она снова стала спокойной и исповѣдалась въ полномъ сознаніи, горячо молясь. Какой назидательный и ужасный для насъ моментъ! Я молился одинъ возлѣ нея, и вся семья съ моею бѣдной, моею чудной женою; я молился за всѣхъ васъ, и Богъ услышитъ наши молитвы, чтобы ниспослать намъ силы, и за ту, которая соединяла въ себѣ всѣ мои привязанности! Когда

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАИ ПЕРВЫЙ

это было сдѣлано, она позвала насъ къ себѣ и, не имѣя возможности говорить, взяла насъ за руки и даже съ силою; я называлъ имена всѣхъ членовъ семьи; она открыла глаза и сказала нѣсколько словъ, изъ которыхъ мы могли понять лишь «Алу»; я велѣлъ привести всѣхъ дѣтей, она крѣпко поцѣловала мою маленькую «Adine» и двухъ маленькихъ

Императоръ Николай Павловичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ.

(Съ силуэта съ натуры, сдѣланнаго Лопкаревымъ и находящагося въ музеѣ Царскаго корпуса).

Михаила и даже улыбнулась. Что касается другихъ, то на нихъ она могла лишь положить руку. Она не страдала; конечности холодѣли, и дыханіе учащалось, но безъ хрипѣнія и усилій; наконецъ въ два съ половиною часа²⁵⁶, безъ малѣйшихъ страданій и судорогъ, она послѣ нѣсколькихъ вздоховъ тихо перестала дышать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Вотъ мы сиротами! Намъ остается лишь вы — старшій и глава нашей несчастной семьи. На васъ именно переходятъ наши привязанности, не отталкивайте ихъ, дорогой Константинъ, и замѣните намъ, насколько это возможно для васъ, ту, которая все время, пока Господь хранилъ ее, составляла для насъ все.

«Я отъ глубины души благодарю Бога, что онъ даровалъ мнѣ грустное утѣшеніе имѣть возможность быть при ней въ этотъ ужасный моментъ; у меня была потребность или какъ бы предчувствіе этого; что-то неотразимое влекло меня сюда. Я былъ далекъ отъ мысли предвидѣть — зачѣмъ! Я выбился изъ силъ, моя бѣдная жена надломлена; да поддержать ее Господь! Что будетъ съ вами? съ моей доброй сестрой? Однако, именно на нее я рассчитываю, что она поддержитъ васъ; кто же лучше ея могъ бы сдѣлать это? Думая, что, можетъ быть, въ ваши намѣренія входитъ пріѣхать сюда, чтобы воздать матушкѣ послѣдній долгъ, я могу сообщить вамъ, что у васъ имѣется для этого вполне достаточно времени, такъ какъ приготовленія потребуютъ, по крайней мѣрѣ, десять дней. Васъ не можетъ удивить, если я скажу, что быть вмѣстѣ въ такія ужасныя минуты было бы счастьемъ. Да поддержитъ насъ милосердный Богъ.

«Душею и сердцемъ обнимаю васъ и прошу у васъ благословенія, какъ я просилъ его у нея, — для меня, моей жены и для моихъ добрыхъ дорогихъ дѣтей» ²⁵⁷.

По полученіи этого письма, цесаревичъ немедленно собрался въ путь и, выѣхавъ изъ Варшавы 30-го октября (11-го ноября), прибылъ въ Петербургъ въ субботу 3-го (15-го) ноября. На другой день, въ воскресенье, вечеромъ, Константинъ Павловичъ присутствовалъ при положеніи въ гробъ и перенесеніи тѣла императрицы-матери изъ тронной комнаты на «Castrum doloris», устроенный съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ въ Кавалергардской залѣ, обращенной въ траурную залу.

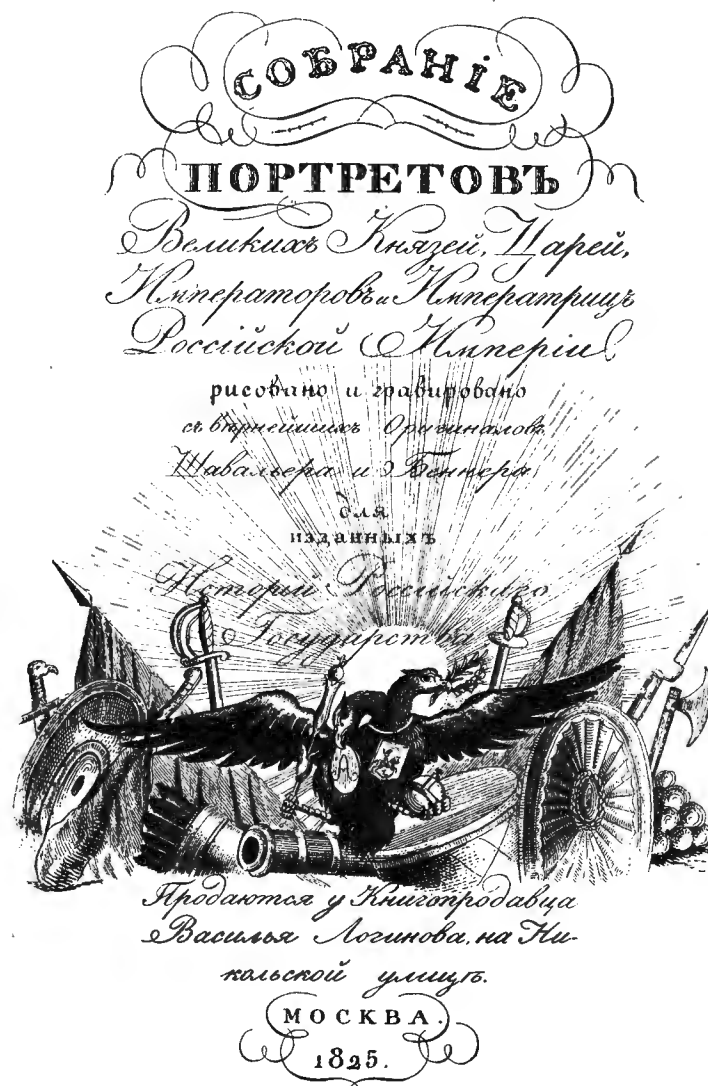
Великій князь Михайлъ Павловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ еще ранѣе цесаревича; получивъ въ Кишиневѣ извѣщеніе объ опасной болѣзни императрицы-матери, онъ немедленно поспѣшилъ въ столицу.

Во время нахожденія тѣла въ Зимнемъ дворцѣ допущены были повседневно на поклоненіе всякаго званія люди. Выносъ тѣла изъ Зимняго дворца въ Петропавловскій соборъ и отпѣваніе послѣдовали 13-го (25-го) ноября. Процессія шествовала отъ дворца по Милліонной, Царѣвину лугу, Суворовской площади и Троицкому мосту въ крѣпость. За колесницею слѣдовалъ императоръ Николай въ траурной епанчѣ, съ распушенной шляпою съ длиннымъ флеромъ. Это было послѣднее погребеніе члена императорской фамиліи, совершенное при соблюденіи всего стариннаго церемоніала, установившагося со времени кончины Петра Великаго. Императоръ Николай выразилъ при этомъ случаѣ

Великій князь Михаилъ Павловичъ.

Съ портрета, писаннаго Ладурнеромъ.

Факсимиле заглавнаго листа книги «Собрание портретовъ», изданной въ 1825 году.

желаніе, чтобы подобный церемоніаль не былъ примѣненъ при его погребеніи.

16-го (28-го) ноября цесаревичъ Константинъ Павловичъ выѣхалъ обратно въ Варшаву²⁵⁸.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующую характеристику императрицы-матери:

«Марія Теодоровна прожила слишкомъ 50 лѣтъ въ томъ дворцѣ, гдѣ теперь испустила духъ, и служила въ немъ живымъ урокомъ всѣхъ добродѣтелей; стараясь умягчать суровую строгость императора Павла, супруга его подавала собою примѣръ покорности его волѣ; она

ГЛАВА ПЯТАЯ

даровала Россіи двухъ монарховъ; была образцомъ жены и матери; жила единственно, чтобы благодѣлствовать бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ. Важнѣйшія, какъ и самыя мелкія подробности надзора за воспитаніемъ принятыхъ ею подъ свое попеченіе нѣсколькихъ тысячъ дѣтей и за устройствомъ множества больницъ занимали ее ежедневно по нѣсколькимъ часамъ, и всѣмъ этимъ заботамъ она посвящала себя со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ высоко христіанской своей души. Уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, императрица никогда не отходила къ покою, не окончивъ всѣхъ своихъ дѣлъ, не отвѣтивъ на всѣ полученныя ею въ тотъ день письма, даже самыя малозначащія. Она была рабою того, что называла своимъ долгомъ. Науки и искусства всегда находили въ ней просвѣщенную и благоволятельную покровительницу. Она любила чтеніе, не гнушалась руководѣемъ и, между тѣмъ, считая обязанностію своего сана содѣйствовать свѣтскимъ удовольствіямъ, съ этою цѣлью нерѣдко собирала во дворцѣ многолюдное общество на театральныя представленія и на балы. Въ лѣтнюю пору пріятно развлекалъ ее Павловскъ съ своими роскошными садами, въ которыхъ она занималась, съ особеннымъ знаніемъ дѣла, ботаникою и садоводствомъ. Къ числу отличительныхъ ея способностей принадлежало умѣнье такъ распредѣлять свои занятія, что у нея доставало времени на все, чему способствовали необычайная дѣятельность и необычайное здоровье.

«Взыскательная къ самой себѣ, она была требовательна и къ своимъ подчиненнымъ; всегда неутомимая, не жаловала, если они казались усталыми; наконецъ, любя искренно и постоянно тѣхъ, кого удостоивала своею дружбою, или кому покровительствовала по влеченію сердца или по разсудку, требовала отъ нихъ полной взаимности. Единственнымъ недостаткомъ этой необыкновенной женщины была излишняя, можетъ быть, ея взыскательность къ своимъ дѣтямъ и къ лицамъ, отъ нея зависѣвшимъ.

«Смертное ложе императрицы Маріи Осодоровны было орошено слезами сокрушенія и благодарности. Трогательно было видѣть рыданія молодыхъ воспитанницъ ея заведеній, когда ихъ привозили на поклоненіе бездыханному тѣлу. Старые гренадеры, дѣти, сироты, придворные, вдовы и нищіе — все это плакало, ибо всѣ лишились въ ней матери и ангела хранителя».

Графиня Нессельроде въ письмахъ къ брату пишетъ:

«Для всѣхъ эта ужасная потеря является кошмаромъ; для своего возраста она была свѣжа, красива, никогда не болѣла. Всѣ слои общества будутъ въ отчаяніи; это именно была евангельская жена; доброты, благотворительности болѣе широкой, болѣе неустанной нельзя найти; ея жизнь была благомъ, еще необходимымъ для всей семьи. Императоръ глубоко опечаленъ... Я убѣждена, и это общее мнѣніе, что Рюль, докторъ императрицы, не понялъ болѣзни. Такова ужъ судьба, что наша

императорская фамилія окружаетъ себя плохими докторами и настолько любить ихъ, что не хочетъ другихъ, а этотъ Рюль не понималъ болѣзни»

Императрица Марія Ѳеодоровна оставила обширныя, многотомныя записки, но, къ сожалѣнію, повелѣла ихъ сжечь послѣ своей кончины. Для исторіи Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія исчезновеніе этихъ записокъ составляетъ невоснаградимую потерю.

14-го (26-го) января 1829 года, императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«По ея приказанію, я былъ долженъ лично сжечь цѣлый ящикъ, наполненный серіей томовъ, родомъ воспоминаній или дневника, писанныхъ ею собственноручно, изъ года въ годъ, восходящихъ до семидесятихъ годовъ и оканчивающихся около 1800 года. Признаюсь, что это меня очень огорчило. Непонятно, какъ моя матушка находила время написать все то, что собственноручно начертано ею» ²⁶⁰.

Отвѣчая государю, цесаревичъ писалъ, что ему вполне понятно огорченіе, испытанное братомъ при сожженіи дневника императрицы-матери. «Было бы очень любопытно прочесть его, но если уже такова была ея воля, то оставалось только въ точности ее исполнить» ²⁶¹, — заключаетъ Константинъ Павловичъ.

6-го (18-го) декабря 1828 года, въ день тезоименитства императора Николая, розданы были щедрыя награды многимъ сановникамъ.

Предсѣдатель государственнаго совѣта графъ Кочубей получилъ портретъ государя, украшенный алмазами; князь А. Н. Голицынъ, графъ П. А. Толстой и генераль-адъютантъ Васильчиковъ — алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго; графъ Нессельроде — орденъ св. Андрея Первозваннаго; генераль-адъютанты графъ Чернышевъ и Бенкендорфъ — орденъ св. Владимира первой степени.

О принцѣ Евгеніи Виртембергскомъ вспомнили нѣсколько позже, въ 1829 году. Послѣ назначенія графа Дибича главнокомандующимъ напечатана была 1-го (13-го) апрѣля высочайшая грамота:

«Въ ознаменованіе особеннаго уваженія нашего къ благоразумнымъ распоряженіямъ и отличной храбрости, оказаннымъ вашимъ королевскимъ высочествомъ въ продолженіе кампаніи 1828 года противу турокъ, всемилостивѣйше жалуемъ вамъ препровождаемые у сего алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, пребывая навсегда императорскою нашею милостію къ вамъ благосклонны».

Кромѣ того, принцъ получилъ по этому случаю еще ранѣе особый рескриптъ государя слѣдующаго содержанія:

«Командуя въ продолженіе большей части прошлой кампаніи 7-мъ корпусомъ, ваше королевское высочество оказали на полѣ чести отличныя заслуги во многихъ бояхъ примѣрною твердостію и храбростію и выказали себя передъ непріятельскими войсками опытнымъ и

ГЛАВА ПЯТАЯ

проницательнымъ полководцемъ. Поэтому почитаю для себя приятнымъ долгомъ выразить вашему высочеству за всѣ эти похвальные труды и отличныя дѣйствія мою искреннюю признательность, въ знакъ чего препровождаю у сего алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный и доброжелательный».

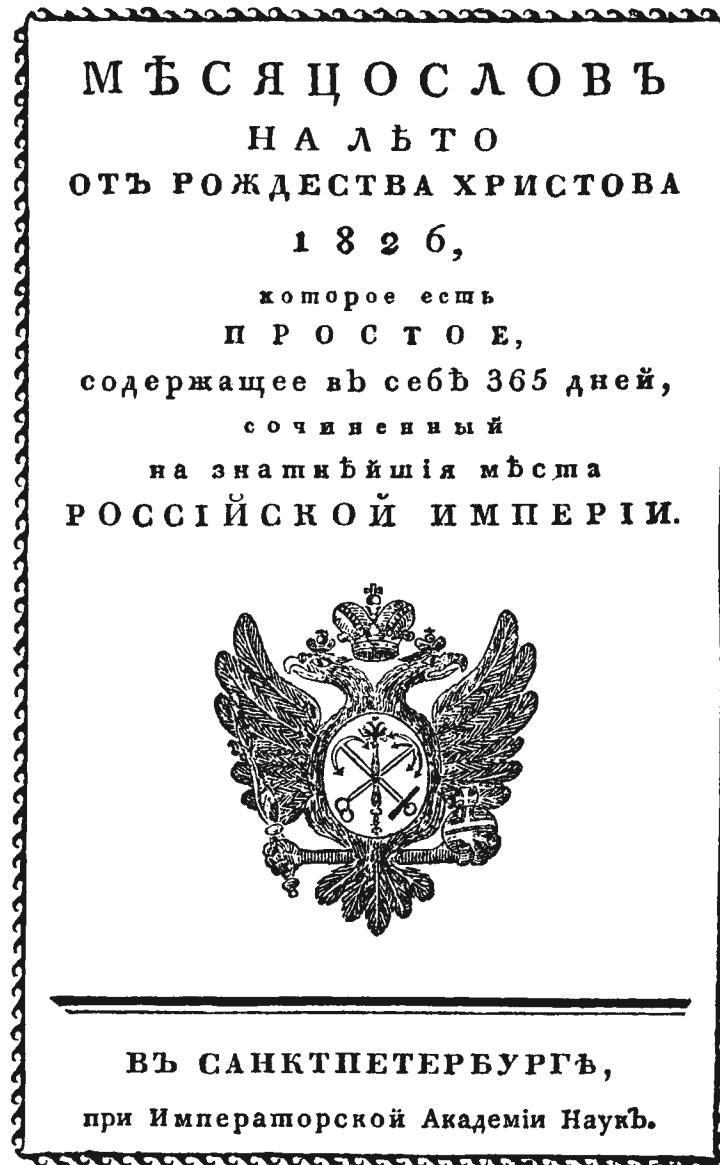
Несмотря на всѣ старанія принца Евгенія, рескриптъ не былъ обнародованъ въ Россіи. «Journal de St. Pétersbourg» отвѣтилъ принцу, что редакція не уполномочена принять рескриптъ. «Я подозреваю, какъ все это случилось,—пишетъ принцъ въ своихъ запискахъ.—Первыя слова вылились у Николая отъ души, когда же затѣмъ онъ подписывалъ грамоту, пущено было въ ходъ, съ вѣдома его или нѣтъ, чужое коварство. И развѣ уже во времена Александра со мною не случалось неоднократно нѣчто подобное «во имя требованій политики»²⁶²? Развѣ не могли сказать Николаю Павловичу: «Оправдывая публично своего двоюроднаго брата, вы обвиняете самого себя»? Отрекался теперь отъ того, что имъ было признано по чувству справедливости, императоръ служилъ не своему интересу, могущему только выиграть при каждомъ благородномъ поступкѣ, а явился орудіемъ мести. Мнѣ извѣстна дружина этой мести, но я ея не назову; скажу только, что во всѣхъ странахъ люди интригуютъ, клеветаютъ и злословятъ, и честные люди при дворѣ бываютъ заклеены наветами».

Недоброжелателя своего, графа Дибича, принцъ не признаетъ причастнымъ въ случившемся дѣлѣ. «Я думаю скорѣе,—пишетъ принцъ,—что Дибичъ отъ души пожелалъ бы мнѣ теперь цѣлые милліоны, даже цѣлое королевство, такъ какъ онъ не былъ завистливъ, но только честолюбивъ и жаждалъ славы». Замѣтимъ здѣсь, въ объясненіе отъзыва принца Евгенія, что въ то время графъ Дибичъ былъ уже назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміи.

Немедленно послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны послѣдовалъ, 26-го октября (7-го ноября) 1828 года, указъ сенату, въ которомъ сказано:

«Желая, чтобъ всѣ воспитательныя и благотворительныя учрежденія, бывшія подъ управленіемъ въ Бозѣ почившей любезнѣйшей родительницы нашей, государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, и ея мудрыми попеченіями доведенныя до столь высокой степени благосостоянія, продолжали и по кончинѣ ея, руководствуясь тѣми же правилами и пользуясь тѣми же преимуществами и выгодами, дѣйствовать, какъ доселѣ, на пользу государства и человѣчества, мы признали за благо для теченія дѣла, къ сямъ учрежденіямъ относящихся, установить предварительно слѣдующій порядокъ:

«1) Императорскій воспитательный домъ со всѣми принадлежащими къ оному заведеніямъ, воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, учи-

Факсимиле заглавнаго листа «Мѣсяцеслова» на 1826 годъ.

лице ордена св. Екатерины, Павловская больница въ Москвѣ и вообще всѣ учрежденія, въ вѣдѣніи любезнѣйшей родительницы нашей состоявшія, принимаются подъ непосредственное и особенное наше покровительство.

«2) Составъ и порядокъ управленія сихъ учрежденій, а равно и порядокъ сношеній ихъ между собою, остаются прежнія безъ всякаго измѣненія.

«3) Начальства каждого изъ сихъ учрежденій представляютъ намъ всѣ дѣла, кои по установленнымъ правиламъ должны были по-

ГЛАВА ПЯТАЯ

ступить на разсмотрѣніе въ Божѣ почивающей любезнѣйшей родительницы нашей.

«4) Для доклада по симъ дѣламъ и для объявленія нашихъ по онымъ повелѣній, назначается при насъ особенный статсъ-секретарь съ наименованіемъ статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учрежденій императрицы Маріи».

На эту вновь созданную должность императоръ Николай назначилъ долголѣтняго секретаря и довѣреннаго сотрудника императрицы Маріи Ѳеодоровны, тайнаго совѣтника Григорія Ивановича Вилламова; вмѣстѣ съ тѣмъ ему повелѣно было присутствовать въ государственномъ совѣтѣ. Одновременно съ этими распоряженіями канцелярія императрицы Маріи Ѳеодоровны была переименована въ IV-е Отдѣленіе собственной ея величества канцеляріи и ввѣрена управленію статсъ-секретаря Вилламова.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Война въ Европейской Турціи въ 1828 году не привела къ какимъ либо рѣшительнымъ результатамъ; она имѣла для русской арміи одинъ почетный исходъ, не оправдавъ ожиданій императора Николая. Покореніе Браилова и Варны вмѣстѣ съ удержаніемъ Праводъ и Базарджика могло только обезпечить открытіе въ 1829 году новой кампаніи, благоприятный исходъ которой привелъ бы насъ къ желанному миру и позволилъ бы кончить «*cette guerre odieuse*», какъ называлъ эту войну императоръ Николай въ своей перепискѣ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.

Между тѣмъ духъ турецкой арміи и рѣшимость оттоманскаго правительства возвысились послѣ неудачныхъ дѣйствій нашихъ войскъ противъ Шумлы и Силистріи, а также поздняго паденія Варны. Громадныя же потери среди русской арміи отъ болѣзней²⁶³, соединенныя съ утратою почти всѣхъ лошадей, независимо отъ частныхъ неудачъ, испытанныхъ арміею графа Витгенштейна въ открытомъ полѣ, должны были вселить въ Константинополѣ надежду на успѣшное продолженіе борьбы, начавшейся въ 1828 году при крайне неблагопріятной для Порты обстановкѣ. Уже одно то обстоятельство, что султанъ Махмудъ безъ всякой посторонней помощи не погибъ въ единоборствѣ съ такимъ противникомъ, какимъ являлась Россія, должно было поднять значеніе Турціи въ глазахъ европейскихъ державъ и обрадовать всѣхъ нашихъ западныхъ недоброжелателей.

Менѣе благопріятно для Оттоманской Порты сложилась кампанія на азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Покореніе Карса и Ахалцыха покрыло славою графа Паскевича, обезпечивая за нимъ достиженіе столь же блестящихъ успѣховъ въ 1829 году.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Императоръ Николай немедленно занялся самымъ важнымъ въ то время для Россіи дѣломъ: реорганизаціей дѣйствующей арміи и подготовленіемъ средствъ для продолженія войны. Но ко всѣмъ этимъ заботамъ чисто военнаго характера присоединялись еще политическія соображенія: какимъ образомъ отнесется Европа къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ?

При всей враждебности къ Россіи мнѣнія западно-европейскихъ державъ относительно исхода борьбы Россіи съ Турціею расходились между собою. Неудачи наши возбудили прежде всего ликование въ Вѣнѣ: Турціи пророчили въ будущемъ полную побѣду. Канцлеръ, «l'ami Metternich», по выраженію императора Николая, считалъ положеніе Россіи крайне затруднительнымъ; воображенію его представлялась уже картина русскихъ войскъ, тѣснимыхъ турками и доведенныхъ до печальной необходимости искать убѣжища на трансильванской территоріи²⁶⁴. Изреченіе, встрѣчающееся въ перепискѣ того времени: «le jour où un cabinet prononcera le mot de coalition, on s'étonnera de la trouver toute prête», представляло извѣстную долю правды²⁶⁵. Недавно еще Европу пугали русскимъ исполномъ; теперь этого исполна хотѣли изобразить карликомъ. Положеніе русской арміи стали сравнивать съ отступленіемъ французовъ въ 1812 году. Неудивительно, что при существованіи подобныхъ несбыточныхъ надеждъ Меттернихъ ласкалъ себя увѣренностію, что вскорѣ ему представится случай разыграть роль посредника, чтобы явиться рѣшителемъ судебъ Востока. Для обезпеченія за собою подобнаго торжества вѣнскій кабинетъ призналъ даже полезнымъ поддерживать Порту въ ея рѣшеніи продолжать борьбу съ Россіею.

Вообще же, за исключеніемъ обычнаго коварства со стороны Австріи по отношенію къ нашимъ восточнымъ дѣламъ, случайное сочетаніе политическихъ созвѣздій намъ благопріятствовало; неудачи же наши на Балканскомъ полуостровѣ какъ бы поддерживали это счастливое сочетаніе. Посолъ нашъ при французскомъ дворѣ, графъ Поццо ди-Борго, прекрасно формулировалъ причину подобнаго явленія въ слѣдующихъ словахъ: «Смѣлость и мѣры правительствъ, враждебныхъ намъ или завистливыхъ, будутъ всегда въ противоположномъ отношеніи къ идеѣ, которую онѣ составляютъ себѣ о нашемъ могуществѣ».

Въ виду роковой необходимости продолжать борьбу съ Портою для нанесенія ей болѣе рѣшительныхъ ударовъ и достиженія такимъ путемъ желаемого мира, приходилось государю, прежде всего, подумать о выборѣ новаго главнокомандующаго и обновленіи личнаго состава штаба арміи, предназначенной дѣйствовать въ 1829 году на Балканскомъ полуостровѣ.

Выше было уже не разъ указано на зависимое положеніе, въ которое былъ поставленъ фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ во время всего

П Р И К А З Ъ

Р О С С І Й С К И М Ъ В О Й С К А М Ъ .

Миръ съ Персією, славный и полезный Отечеству, не положилъ еще конца знаменитымъ подвигамъ Россійскаго воинства. Брань справедливая прекращена съ одной стороны: но съ другой предстоитъ намъ новая брань, столь же справедливая, для защиты чести нашей и правъ, купленныхъ цѣною крови Русской. Великодушное терпѣніе Благословеннаго АЛЕКСАНДРА было уже исполнено враждебными поступками Турецкаго Правительсва: нынѣ сіе Правительсво преисполнило мѣру и явно сложило съ себя личину дружелюбія, едва утвердивъ миръ священнѣйшими клятвами. Мы идемъ пресѣчь смуты и убійства въ странахъ, намъ сопредѣльныхъ, и возстановить нарушенный миръ на прочныхъ основаніяхъ.

Воины! сражаясь съ народами просвѣщенными, искусными въ битвѣ, вы пріобрѣли славу неувядаемую, не одною храбростію побѣждая, но и благодушіемъ. Безошвѣтное повиновеніе Начальникамъ, строгое соблюденіе порядка и милосердіе къ побѣжденнымъ, были всегда отличительною черпою Русскихъ рапшиковъ. Отъ того мирные граждане вездѣ столь же радовались вашему пришествію, и вами побѣжденные именовали васъ избавителями. Вы сохраните и нынѣ сію драгоцѣнную славу: просирая дружелюбно руку къ единовѣрцамъ нашимъ, поражайте спропшивыхъ, но щадите безоружныхъ и слабыхъ; щадите достояніе, дома и самые храмы враговъ, хотя и другую вѣру исповѣдающихъ. Такъ великъ наша вѣра, Святое ученіе Спасителя! Преклонившій къ себѣ крошечную и человеколюбіемъ ожесточенныхъ, защитившій сироту и вдовицу — наравнѣ съ храбрѣйшимъ въ боѣ будешь близокъ къ Моему сердцу.

Воины Русскіе! Вы не обманете Моихъ ожиданій. Съ нами Богъ, вѣнчающій побѣдами доблестъ и правду!

На подлинномъ подписано Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА рукою:

НИКОЛАЙ.

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ.
(Съ литографіи Басина, сдѣланной съ портрета А. Брюлова).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

похода. Рядомъ съ нимъ возсѣдала власть какъ бы другого негласнаго главнокомандующаго, въ лицѣ начальника главнаго штаба его императорскаго величества, графа Дибича, который все время находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ государемъ, велъ помимо фельдмаршала обширную по дѣламъ арміи переписку и руководилъ ходомъ операцій исполнѣ самостоятельно, будучи уполномоченъ на то высочайшимъ довѣріемъ. О настоящемъ главнокомандующемъ, графѣ Витгенштейнѣ, въ счастливую пору войны 1828 года обыкновенно какъ бы забывали; онъ исполнѣ ступался предъ всепоглощающимъ авторитетомъ графа Дибича. Только неудачи и затрудненія, проявившіяся во время безцѣльнаго шумлинскаго сидѣнія, заставляли вспоминать о лицѣ официально отвѣтственнаго главнокомандующаго²⁶⁶. Укоры сыпались тогда на голову несчастнаго старца, клястицкіе лавры котораго уже сильно поблекли еще съ 1813 года, послѣ Люцена и Бауцена. «Tenez tête à votre vieux maréchal et employez mon nom quand on ne vous obéit pas», — писалъ 27-го августа (8-го сентября) императоръ Николай графу Дибичу, но просьба главнокомандующаго объ увольненіи, заявленная послѣ неудачныхъ дѣлъ подъ Шумлою, тѣмъ не менѣе не была уважена²⁶⁷. Въ другомъ письмѣ къ Дибичу государь еще болѣе рѣзко выразился насчетъ графа Витгенштейна, сказавъ: «Вообще глупость и безпечность фельдмаршала проглядываютъ во всемъ, и ваша болѣзнь, любезный другъ, открыла ему совершенный просторъ для полнаго обнаруженія своей неспособности»²³⁸.

Послѣ паденія Варны и отъѣзда государя изъ арміи въ Россію фельдмаршалъ возобновилъ свою просьбу объ увольненіи, испрашивая соизволеніе на отъѣздъ въ Подольскую губернію, по отправленіи войскъ на зимнія квартиры²⁶⁹.

Просьба графа Витгенштейна была вторично отклонена; онъ удостоился получить изъ С.-Петербурга рескриптъ слѣдующаго содержанія, помѣченный 11-мъ (23-мъ) ноября 1828 года:

«Графъ Петръ Христіановичъ! Съ крайнимъ прискорбіемъ усмотрѣлъ я изъ письма вашего, отъ 5-го октября, намѣреніе ваше оставить командованіе дѣйствующею арміею. Предводительствуя оною въ продолженіе кампаніи столь трудной, какова настоящая, подвергаясь вліянію климата вреднаго и всѣмъ тягостямъ военнымъ, вы стяжали несомнѣнныя права на живѣйшую мою признательность и многими опытами вновь доказали, сколь полезна отечеству усердная ваша служба. Посему убѣдительно прошу васъ сохранить начальство надъ ввѣренною вамъ арміею и не оставлять оной даже временно, доколѣ не расположите войскъ на зимнія квартиры, не возстановите въ оныхъ частей, разстроенныхъ въ продолженіе настоящей кампаніи, не обезпечите успѣшнаго открытія будущей. Вы не отклоните отъ себя исполненія сего моего желанія, и

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

новымъ доказательствомъ постоянного усердія вашего къ отечеству и личной ко мнѣ привязанности пріиму служеніе ваше; но, если, совершивъ труды, въ продолженіе зимы вамъ предстоящіе, вы почувствуете необходимость возвратиться въ кругъ вашего семейства на мѣсяць или на шесть недѣль, не слагая съ себя впрочемъ командованія арміею, то я охотно на сіе соглашаюсь, оставаясь въ совершенной увѣренности, что, собравъ временнымъ отдохновеніемъ новыя силы, вы съ полною готовностію возвратитесь къ исполненію предначертаній моихъ для будущей кампаніи.

«Пребываю къ вамъ навсегда доброжелательнымъ

«Николай» ²⁷⁰.

По полученіи рескрипта, столь милостиво выражавшаго волю государя, графу Витгенштейну оставалось только благодарить и съ покорностію продолжать нести почетное бремя, обратившееся для него уже давно въ терновый вѣнецъ ²⁷¹.

Въ половинѣ декабря графъ Дибичъ пріѣхалъ изъ арміи въ С.-Петербургъ. Для полного разъясненія обстоятельствъ, сопровождавшихъ возвращеніе въ столицу начальника главного штаба, необходимо обратиться нѣсколько назадъ.

Послѣ своего пріѣзда изъ Варны императоръ Николай приступилъ въ письмамъ къ графу Дибичу къ обсужденію условій будущей кампаніи противъ турокъ. Первоначально она обрисовывалась государю въ слѣдующемъ видѣ: онъ признавалъ невозможнымъ удержать фельдмаршала на мѣстѣ главнокомандующаго, въ виду выраженного имъ положительнаго желанія отказаться отъ командованія арміею; но, конечно, отъѣздъ его долженъ будетъ послѣдовать не ранѣе расположенія арміи на зимнихъ квартирахъ. «Проѣзжая черезъ Могилевъ,—писалъ императоръ Николай графу Дибичу 16-го (28-го) октября,—я видѣлся съ добрымъ старикомъ Сакеномъ (le bon vieux Sacken), и я опасаюсь, что слабость воспрепятствуетъ ему принять то новое назначеніе, которое вообще вполне соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ; пока Ланжеронъ можетъ оставаться, какъ старѣйшій изъ генераловъ, безъ титула командующимъ войсками въ Молдавіи, а Ротъ въ Болгаріи; если же нельзя будетъ избѣжать второй кампаніи, то мнѣ придется возвратиться, и тогда я буду лично командовать, имѣя подъ своимъ начальствомъ Ланжерона» ²⁷².

Относительно плана будущей кампаніи государь подъ вліяніемъ, конечно, недавнихъ событій полагалъ полезнымъ не переходить Балканъ, находя, что здравый смыслъ и благоразуміе настоятельно требуютъ оставить всякую о томъ мысль. Признавалось достаточнымъ удержать за нами то, что было покорено, и затѣмъ овладѣть тѣми пунктами, ко-

ГЛАВА ШЕСТАЯ

которые еще не находились въ нашей власти²⁷³. Слѣдовательно, вторая кампанія должна была привести къ постепенному занятію одной линіи Дуная, то-есть къ плану кампаніи, примѣненному уже однажды съ такимъ неуспѣхомъ во время семилѣтней войны съ Турціею въ царствованіе императора Александра (съ 1806 по 1812 годъ). «Этотъ планъ кампаніи,—писалъ императоръ Николай,—докажетъ всему міру, что мы продолжаемъ дѣло, не какъ завоеватели, но какъ подобаетъ благоразумнымъ и осмотрительнымъ людямъ, преслѣдующимъ планъ, который можетъ привести насъ къ большимъ результатамъ»²⁷⁴.

Въ такомъ же духѣ императоръ Николай писалъ графу Паскевичу 15-го (27-го) ноября:

«Опыты настоящей кампаніи въ Европейской Турціи показали, съ какими затрудненіями и пожертвованіями по естественному положенію и состоянію сего края сопряжены въ ономъ отдаленныя предпріятія. Сюда наиболѣе принадлежатъ разрушительныя дѣйствія вреднаго здоровья климата и совершенный недостатокъ мѣстныхъ способовъ къ удовлетворенію потребностей многочисленной арміи, болѣе еще увеличивающійся по чрезвычайнымъ трудностямъ, коими перевозки и доставки всякаго рода сопровождаются. По симъ соображеніямъ и въ особенности по видамъ нынѣшняго состоянія Европы, я предполагаю въ продолженіе будущей кампаніи вести за Дунаемъ войну болѣе систематическую, нежели наступательную: ограничиться овладѣніемъ Силистріи, Журжи и другихъ крѣпостей, оставшихся доселѣ въ рукахъ турокъ на рѣкѣ сей, стать на оной твердой ногою и съ сего основанія дѣлать демонстраціи къ сторонѣ Бургаса и, смотря по обстоятельствамъ, отъ сего рода войны перейти къ дѣйствіямъ болѣе наступательнымъ, ежели, по соображеніи силъ и движеній непріятеля, въ открытомъ полѣ представится тому благопріятный случай».

Для выполненія подобнаго плана кампаніи графъ Витгенштейнъ признавался вполне способнымъ, и предположено его не трогать.

Графъ Дибичъ, съ своей стороны, одобрилъ всѣ предположенія государя относительно обреченія арміи на атаку дунайской оборонительной линіи, предполагая только, предварительно, при открытіи кампаніи овладѣть, во что бы то ни стало, Шумлою—при помощи штурма. Затѣмъ уже графъ находилъ возможнымъ спокойно приступить къ покоренію дунайскихъ крѣпостей. «Это движеніе главныхъ силъ вполне оборонительное и даже до нѣкоторой степени отступательное,—писалъ въ заключеніе Дибичъ государю,—доказало бы самымъ очевиднымъ образомъ наши миролюбивыя намѣренія и выяснило бы принятую систему дѣйствій»²⁷⁵.

Но въ то время, когда графъ Дибичъ разсуждалъ такимъ образомъ, полагая, что дѣйствуетъ согласно мыслямъ государя, въ Петербургѣ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

произошелъ переворотъ въ мнѣніяхъ насчетъ плана будущей кампаніи, произведенный со стороны, отъ которой никто ничего подобнаго не ожидалъ.

Генералъ-адъютантъ И. В. Васильчиковъ обратился къ императору Николаю съ прямодушною рѣчью честнаго солдата и представилъ

Императоръ Николай Павловичъ на денныхъ маневрахъ.
(Съ литографіи Шмидта, едѣланной съ рисунка Шварца).

государю записку, заключающую въ себѣ самую беспощадную критику всего совершившагося въ 1828 году на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій противъ Турціи. Записка Васильчикова, носящая заглавіе: «*Apperçu sur la campagne de 1828*», настолько важна и поучи-

ГЛАВА ШЕСТАЯ

тельна, что необходимо познакомиться съ ея содержаніемъ, прежде чѣмъ приступимъ къ дальнѣйшему изложенію событій этого времени.

Исходной точкой разсужденій Васильчикова была мысль, что, готовясь къ новой войнѣ, нужно воспользоваться прибрѣтеннымъ опытомъ истекшей кампаніи, остерегаясь впасть въ тѣ же ошибки, которыя воспрепятствовали намъ въ достиженіи болѣе положительныхъ результатовъ.

«Цѣль этого обзора,—пишетъ Васильчиковъ,—заключается въ изслѣдованіи причинъ, которыя вызвали неудачный исходъ кампаніи, и въ указаніи средствъ, могущихъ обезпечить успѣхъ похода, нынѣ предстоящаго къ исполненію. Я не имѣю намѣренія представить планъ военныхъ дѣйствій и еще менѣе принять на себя роль строгаго критика. Я хочу только высказать моему государю тѣ замѣчанія, которыя я имѣлъ случай сдѣлать. Оканчивая свою военную карьеру, одержимый недугами, я не могу быть обвиненъ въ честолюбивыхъ замыслахъ или въ интригѣ. Я буду вполне счастливъ, если хотя одна мысль, заключающаяся въ предлагаемомъ обзорѣ, будетъ признана полезною и послужитъ къ славѣ моего государя».

Затѣмъ Васильчиковъ продолжаетъ: «Причины неудачнаго исхода этой кампаніи не слѣдуетъ искать ни въ дурно избранной операціонной линіи, ни въ стратегическихъ или тактическихъ ошибкахъ, наконецъ ни въ превосходствѣ и искусствѣ непріятеля; легко прослѣдить ихъ въ ошибочныхъ расчетахъ относительно численности войскъ, которыя должны были быть введены въ дѣло, и въ невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, которыя имѣлись о наступательныхъ средствахъ султана и духѣ, воодушевлявшемъ его войска. Пренебрегая своимъ противникомъ, возмечтали, къ несчастію, о триумфальномъ шествіи до Константинополя и не обращали вниманія на безчисленные затрудненія, представляемые этой войною. Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, достаточно обратить вниманіе на силы, съ которыми двинули императора російскаго для покоренія Оттоманской имперіи; при семъ окажется, что эта армія Ксеркса, какъ называли ее иностранные дипломаты въ Петербургѣ, заключала въ себѣ едва 90.000 человекъ. Этими силами предполагали занять Молдавію и Валахію, блокировать дунайскія крѣпости, предпринять осаду Браилова и двинуться противъ Варны и Шумлы. Очевидно, что надежда одержать успѣхъ столь незначительными силами могла только быть основана на убѣжденіи, что придунайскія крѣпости падутъ при нашемъ появленіи, и что Шумла представляетъ собою открытую позицію, какъ говорили лица, утверждавшія, что обозрѣвали ее... Очевидно, что начальникъ штаба основалъ приготовленія къ войнѣ на неточныхъ данныхъ, отстранивъ всякое обсужденіе съ военными людьми, опытность которыхъ могла бы представить болѣе положительные свѣдѣнія. Даже геній не можетъ все сдѣлать самъ собою, и нѣтъ настолько талантливыхъ людей, которые

могли бы обойтись безъ чужихъ мыслей. Осмѣливаюсь обратить вниманіе государя на сію истину; его императорское величество не располагаетъ въ своей арміи и въ своемъ совѣтѣ столь высокимъ геніемъ, которому онъ могъ бы всецѣло одному съ полнымъ довѣріемъ поручить разработку приготовленій ко второй кампаніи; но онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько талантливыхъ людей, опытностью и мнѣніемъ коихъ нельзя пренебречь. Собравъ въ комитетъ тѣхъ изъ нихъ, достоинства которыхъ внушаютъ наиболѣе довѣрія, и поручивъ имъ въ своемъ присутствіи обсужденіе плана дѣйствій и принятіе мѣръ, обеспечивающихъ успѣшное его выполненіе, государь имѣлъ бы возможность всесторонне обсудить дѣло и остановиться на мнѣніи, отвѣчающемъ его намѣреніямъ. Частное обсужденіе въ отдѣльности съ этими же самыми лицами было бы болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ... Нѣтъ надобности, чтобы этотъ комитетъ былъ очень многочленнымъ: достаточно призвать трехъ или четырехъ лицъ».

Указавъ на необходимость совѣщанія для рѣшенія столь важнаго вопроса, Васильчиковъ останавливается на разсмотрѣніи другого болѣе важнаго мѣста истекшей кампаніи и яркими красками рисуетъ неудобство, происходящее отъ назначенія фельдмаршала главнокомандующимъ арміею въ то время, когда императоръ лично ея предводительствуетъ. «Подобный конфликтъ власти не можетъ быть полезенъ,—пишетъ Васильчиковъ,—новѣйшая исторія представляетъ намъ не одинъ примѣръ. Дѣйствительно, если фельдмаршалъ даровитый и достойный человѣкъ, онъ не пожелаетъ принять на себя роль подобія главнокомандующаго; если же, напротивъ того, выборъ падетъ на неспособнаго человѣка, который все позволитъ, я не вижу пользы отъ его назначенія²⁷⁶. Напрасно мнѣ скажутъ, что государь не можетъ самъ войти въ частности администраціи арміи, и что именно для этого необходимо присутствіе главнокомандующаго; на подобное возраженіе я долженъ дать тотъ же отвѣтъ, что талантливый человѣкъ не пожелаетъ ограничиться исполненіемъ обязанностей интенданта арміи, и что человѣкъ неспособный не въ состояніи управлять ею, но приведетъ въ разстройство. Если даже предположить, что найдутъ достойнаго человѣка, готоваго жертвовать своимъ самолюбіемъ, то его начальникъ штаба будетъ находиться въ положеніи столь же ложномъ, какъ и трудномъ; столкновеніе двухъ властей: главнокомандующаго и начальника штаба императора, стѣснить и затруднить его работу; онъ будетъ состоять подъ руководствомъ какъ того, такъ и другого; вынужденный угождать обоимъ, онъ не дерзнетъ исполнить приказанія главнокомандующаго, не заручившись одобреніемъ начальника штаба императора; онъ будетъ терять время на пустые переговоры, дѣла будутъ накопляться, рѣшенія пострадаютъ отъ слишкомъ большой поспѣшности, и слѣдствіемъ всего этого явится безпорядокъ. Я имѣлъ случай

ГЛАВА ШЕСТАЯ

убѣдиться положительнымъ образомъ въ вѣрности того, что я здѣсь утверждаю, и поэтому я не опасаюсь возраженій. Итакъ, принимая за исходную точку принципъ, что централизація и единство власти составляютъ одно изъ главнѣйшихъ условій для хорошо организованной арміи, я твердо стою на томъ, что если государь командуетъ лично, главнокомандующій представляется лишнимъ колесомъ, которое затрудняетъ движеніе машины».

Всѣ эти правдивыя, но рѣзкія замѣчанія по поводу кампаніи 1828 года Васильчиковъ нѣсколько смягчилъ, высказавъ въ заключеніе истину, противъ которой, какъ онъ выражается, никто не станетъ возражать, а именно: ни переходъ черезъ Дунай, ни покореніе Варны не имѣли бы мѣста безъ твердой воли и предусмотрительности государя; продолжали бы упорствовать въ штурмъ или въ блокадѣ Шумлы, притянули бы къ ней гвардію²⁷⁷, а благопріятное для военныхъ дѣйствій время года было бы окончательно утрачено безъ всякаго полезнаго результата²⁷⁸.

Императоръ Николай оцѣнилъ по достоинству правдивое слово Васильчикова, и высказанныя имъ въ представленной запискѣ истины и полезные совѣты не остались подъ спудомъ. Государь освоился съ принципомъ, выставленнымъ Васильчиковымъ, какъ непреложная истина: на войнѣ, въ виду непріятеля, главнокомандующій долженъ руководствоваться исключительно собственными соображеніями; но, занимаясь подготовленіемъ кампаніи, слѣдуетъ призвать для обсужденія людей опытныхъ и способныхъ. Эти мысли не замедлили получить практическое примѣненіе.

19-го ноября (1-го декабря) 1828 года, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, собранъ былъ комитетъ, въ которомъ приняли участіе: графъ В. И. Кочубей, графъ Чернышевъ, баронъ Толъ и П. В. Васильчиковъ²⁷⁹. Въ этомъ засѣданіи, получившемъ несомнѣнно важное историческое значеніе, государь считъ умѣстнымъ заявить собранію, что цѣль дальнѣйшей войны съ Турціею не заключается вовсе въ покореніи Константинополя или же въ низверженіи султана, но единственно въ пріобрѣтеніи возможно большихъ гарантій для принужденія Оттоманской Порты заключить миръ, могущій впредь обезпечить прочнымъ и непоколебимымъ образомъ точное выполненіе преимуществъ, утвержденныхъ за Россіею прежними трактатами. Затѣмъ государь присовокупилъ, что полагаетъ возможнымъ назначить для предстоявшей теперь кампаніи не болѣе 120.000 человекъ, и пригласилъ собравшихся лицъ изложить свое мнѣніе о наилучшемъ употребленіи этихъ силъ для достиженія результата, имѣвшагося въ виду правительствомъ при объявленіи войны Турціи²⁸⁰.

Выслушавъ объясненія, данныя государемъ, всѣ присутствовавшіе на совѣщаніи сановники высказались противъ предположенной систе-

Mon sur le conte je vous remercie de votre
 lettre je suis extrêmement content
 de tant de disposition, rien du rien —
 pour votre Anakenen au même jour 6 a
 7 jours — Peut être revendre vous —
 vendre, — autrement vous marchez —
 sur le grand chemin de Tupperonde et
 de la vous ferez votre retraite, sur le bout
 tant nos bagages vous tant droit sur
 cette route. adieu je vous remercie beaucoup

Votre très humble serviteur.

1829 le 15de mai.

Camp. de Tumbia.

Pierre Casimir de Brissot.

Императоръ Николай Павловичъ на ночныхъ маневрахъ.
(Съ литографіи того времени).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

матической войны на Дунаѣ, а, напротивъ того, признали необходимымъ стараться причинить непріятелю чувствительные, сильные и неожиданные удары, могущіе ввергнуть его въ состояніе полного оцѣпенѣнія и страха; только такимъ способомъ веденія войны признавалось возможнымъ принудить султана къ уступкамъ²⁸¹. Принявъ такую точку зрѣнія относительно характера предстоявшихъ въ 1829 году военныхъ дѣйствій, коммиссія перешла къ обсужденію въ общихъ чертахъ будущаго Забалканскаго похода.

Во время засѣданія 19-го ноября былъ затронутъ весьма важный вопросъ: слѣдуетъ ли воспользоваться настроеніемъ сербовъ и содѣйствовать возстанію ихъ въ нашу пользу? Вопросъ о сербахъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ признавалось затруднительнымъ отдѣлить отъ арміи для этой цѣли 15.000 человекъ, и сверхъ того привлеченіе сербовъ къ войнѣ затронуло бы слишкомъ близко интересы вѣнскаго кабинета, усложнивъ чрезвычайно заключеніе мира. Тѣмъ не менѣе, совѣщаніе признало, однако, что если успѣхи русскаго оружія позволяютъ предложить миръ и въ случаѣ, если умѣренность требованій государя не была бы признана Европою, то въ такомъ случаѣ это попутительное средство могло бы быть употреблено безъ неудобства; никто не имѣлъ бы тогда права протестовать²⁸².

Когда все это совершилось, и императоръ Николай уже освоился съ новымъ взглядомъ на задачи предстоявшей кампаніи, графъ Дибичъ появился въ Петербургѣ. Нужно полагать, что онъ былъ немало удивленъ перемѣною, совершившейся въ воззрѣніяхъ государя; но Дибичъ съ присущею ему ловкостью тотчасъ примѣнился къ новымъ требованіямъ. Незамѣтнымъ образомъ онъ постепенно отступился отъ своихъ прежнихъ заявленій и, сдѣлавшись сторонникомъ Забалканскаго похода, пересталъ признавать занятіе Шумлы необходимымъ условіемъ завершенія кампаніи; когда же рѣчь заходила объ ошибкахъ прошлогодней кампаніи, онъ постоянно повторялъ: «я это прекрасно знаю, это ужасно, это постыдно».

Всего важнѣе, по своимъ послѣдствіямъ, было рѣшеніе, принятое государемъ, отказаться отъ личнаго предводительствованія арміею. Впослѣдствіи Николай Павловичъ, придавая своему рѣшенію религіозный оттѣнокъ, любилъ говорить: «que ce n'est pas la volonté de Dieu qu'il se distingue à la tête de ses armées»²⁸³. При такой постановкѣ дѣла рѣшеніе вопроса, кому быть главнокомандующимъ, стало на первой очереди.

Графъ Дибичъ повелъ дѣло съ большимъ искусствомъ. Прежде всего онъ вспомнилъ о своемъ бывшемъ главнокомандующемъ, при которомъ онъ нѣкогда состоялъ начальникомъ штаба. Поднять былъ вопросъ о замѣнѣ графа Витгенштейна такой же развалиной: «ce bon vieux Sacken». 31-го декабря, графъ Дибичъ поручилъ генералъ-адъютанту Толю на-

писать въ этомъ смыслѣ частное письмо въ Могилевъ²⁸⁴. 4-го (16-го) января 1829 года фельдмаршалъ Сакенъ отвѣчалъ, что старость и недуги его, конечно, требуютъ снисхожденія, но что уже одно предполагаемое присутствіе въ арміи государя воодушевитъ его и обезпечитъ успѣхъ; содѣйствіе же со стороны барона Толя послужитъ ему существенною поддержкою.

На это письмо Толя сообщилъ Сакену, что онъ доложилъ графу Дибичу содержаніе полученнаго письма, но еще рѣшительнаго отвѣта не послѣдовало, а поэтому онъ полагаетъ, что почтенные годы фельдмаршала все-таки будутъ приняты въ соображеніе²⁸⁵.

Между тѣмъ графъ Витгенштейнъ, пребывая въ своей главной квартирѣ въ Яссахъ, ничего не подозрѣвая о томъ, что творилось въ это время въ Петербургѣ, предавался мыслямъ о систематической войнѣ, предстоявшей ему въ 1829 году; спокойное теченіе его мыслей было внезапно прервано сообщеніемъ графа Дибича, что «систематическая война» отстранена, и для кампаніи 1829 года намѣченъ переходъ черезъ Балканы.

Въ отвѣтъ на это письмо фельдмаршалъ написалъ графу Дибичу 13-го (25-го) января, что для предполагаемаго послѣ взятія Силистріи движенія за Балканы и занятія Бургаса, Айдоса и Карнабата потребуются большія силы (*de grandes forces réunies*), а потому указывалъ на необходимость направить гвардію въ княжества ко времени наступательнаго движенія арміи, въ противномъ же случаѣ графъ Витгенштейнъ выражалъ сомнѣніе въ успѣхѣ и отказывался отъ принятія на себя отвѣтственности (*je doute du succès et je ne prends pas la responsabilité sur moi*)²⁸⁶.

Письмо фельдмаршала развязало руки въ Петербургѣ. Графъ Витгенштейнъ получилъ отвѣтъ, который долженъ былъ привести его въ немалое изумленіе. Въ немъ графъ Дибичъ писалъ, что государь усматриваетъ изъ разсужденій фельдмаршала, что, такъ какъ въ виду недостаточныхъ силъ арміи онъ не признаетъ возможнымъ принять на себя отвѣтственность за исполненіе требуемаго плана дѣйствій, его величеству приходится, къ сожалѣнію, приступить къ выбору новаго главнокомандующаго. Преемникъ графа Витгенштейна не былъ названъ въ письмѣ, но въ заключеніе графъ Дибичъ сообщалъ, что онъ въ скоромъ времени лично привезетъ въ Яссы окончательное высочайшее повелѣніе по этому предмету.

Участь графа Витгенштейна была рѣшена. Графъ Дибичъ достигъ наконецъ главной цѣли своихъ честолюбивыхъ стремленій, преслѣдуя которую онъ, по свидѣтельству многихъ современниковъ, подготовилъ неудачный исходъ кампаніи 1828 года. 9-го (21-го) февраля 1829 года появился слѣдующій высочайшій приказъ:

•

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Государь императоръ, снисходя на прошеніе генераль-фельдмаршала, графа Витгенштейна, всемилостивѣйше соизволяетъ на увольненіе его отъ командованія второю арміею, по совершенно-разстроенному трудами прошедшей кампаніи здоровью. Назначается начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, генераль отъ инфантеріи, генераль-адъютантъ графъ Дибичъ, главнокомандующимъ второю арміею со всѣми правами, властію и преимуществами, главнокомандующему большою дѣйствующею арміею присвоенными».

Въ тотъ же день генераль-адъютантъ баронъ Толь назначенъ былъ начальникомъ штаба второй арміи, а генераль-адъютантъ Киселевъ получилъ въ командованіе 4-й резервный кавалерійскій корпусъ. Съ открытіемъ же кампаніи Киселеву подчинены были всѣ войска, предназначенныя къ защитѣ верхняго Дуная; графъ Ланжеронъ удалился изъ арміи послѣ назначенія новаго главнокомандующаго.

Назначеніе графа Дибича главнокомандующимъ сопровождалось еще увольненіемъ генераль-квартирмейстера второй арміи, генераль-майора Берга, и замѣною его генераль-майоромъ Д. П. Бутурлинымъ. Во время же кампаніи генераль Бергъ снова занялъ прежнюю должность. Кромѣ того, еще ранѣе, 19-го января 1829 года, командиромъ второго пѣхотнаго корпуса назначенъ былъ генераль-адъютантъ графъ Паленъ.

Ко времени открытія новой кампаніи совершились еще и другія перемѣны въ личномъ составѣ начальствующихъ лицъ въ арміи. Еще осенью 1828 года, послѣ отъѣзда принца Евгенія Виртембергскаго, генераль-лейтенантъ Ридигеръ принялъ начальство надъ 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Затѣмъ, послѣ скоропостижной кончины генерала Рудзевича, 23-го марта (4-го апрѣля) 1829 года, генераль-лейтенантъ Красовскій вступилъ въ командованіе 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ²⁸⁷. Въмѣсто тайнаго совѣтника графа Палена полномочнымъ председателемъ дивановъ княжествъ назначенъ былъ кіевскій военный губернаторъ, генераль Желтухинъ. Дежурный генераль Байковъ былъ смѣненъ генераломъ Обручевымъ.

Выборъ новаго главнокомандующаго и его начальника штаба «представился мнѣ наилучшимъ, — писалъ императоръ Николай къ цесаревичу, — и, признаюсь, почти единственнымъ, который можно было сдѣлать. Лишь одно сходство недостатковъ обоихъ лицъ заставляло меня опасаться, что они не сойдутся, и, чтобы быть увѣреннымъ, что я не поврежу легкомысленнымъ рѣшеніемъ столь важному дѣлу, я призналъ необходимымъ, прежде чѣмъ офиціально заговорить объ этомъ съ Толемъ, заставить ихъ сначала объясниться между собою частнымъ образомъ; Толь выказалъ себя благороднымъ человекомъ, обѣщавъ другому повиноваться и ревностно стараться, какъ только можетъ, помогать ему и обѣщавъ сдерживаться, чтобы не заслужить упрековъ, которые

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

часто дѣлають ему за его характеръ. Призвавъ затѣмъ его къ себѣ, я предложилъ ему откровенно сказать мнѣ, сознавая затруднительность своего положенія въ отношеніи къ своему начальству въ виду ихъ характеровъ, считаетъ ли онъ возможнымъ общать мнѣ принять мѣсто,

Императоръ Николай Павловичъ на бивуакѣ.
(Оъ литографіи, сдѣланной съ рисунка Шварца).

которое я предназначаю ему; онъ далъ мнѣ слово, и, зная его за честнаго человѣка, я убѣжденъ, что онъ не по-пустому далъ мнѣ свое слово. Съ тѣхъ поръ письмо фельдмаршала (Витгенштейна) показало мнѣ окончательно, что онъ не можетъ оставаться, и я рѣшилъ произвести

ГЛАВА ШЕСТАЯ

перемѣну²⁸⁸. Дибичъ уѣзжаетъ сегодня вечеромъ (5-го февраля). Миѣ остается лишь молить Бога благословить это важное рѣшеніе и надѣяться, что милость свыше увѣнчаетъ мои добрыя намѣренія»²⁸⁹.

Получивъ извѣщеніе о совершившейся перемѣнѣ, цесаревичъ отвѣчалъ:

«Что касается назначенія Дибича и Толя и удаленія фельдмаршала, я ничего не могу сказать, какъ выразить лишь пожеланія насчетъ исполненія вашихъ повелѣній; но если уже вы сообразовали говорить со мною объ этомъ, я не считаю себя въ правѣ обойти молчаніемъ общее недовольство, которое господствуетъ противъ генерала Дибича, въ особенности же въ арміи, въ командованіе которой онъ вступитъ, гдѣ онъ сумѣлъ, за малыми исключеніями, всѣхъ нерасположить къ себѣ. Генераль Толъ тоже не изъ наиболѣе любимыхъ, но онъ отличается лучшимъ обхожденіемъ и имѣетъ болѣе сторонниковъ. Я откровенно высказываю вамъ это, дорогой братъ, не умѣя скрывать отъ васъ истину и будучи крайне огорченъ, что приходится говорить дурно о двухъ лицахъ, съ которыми я нахожусь въ наилучшихъ отношеніяхъ, и которыхъ особенно уважаю. Образъ дѣйствій генерала Дибича слишкомъ оскорблялъ самолюбія и личности, чтобы это могло быть тотчасъ же забыто, и ему придется вести двойной походъ: одинъ противъ турокъ, а другой— чтобы снова завоевать доброе мнѣніе, уваженіе и довѣріе своей арміи»²⁹⁰.

Обмѣнъ мыслей между братьями по поводу новыхъ назначеній закончился слѣдующими строками императора Николая:

«Ваше мнѣніе о Дибичѣ и Толѣ очень вѣрно; я надѣюсь, что первый сумѣетъ заставить забыть прошлое, которое я настойчиво поставилъ ему на видъ; онъ слишкомъ чувствуетъ тяготѣющую надъ нимъ отвѣтственность и слишкомъ любитъ самого себя, чтобы не сдѣлать всего для выполненія ко всеобщему удовольствію лежащей на немъ задачи»²⁹¹.

Если цесаревичъ Константинъ Павловичъ не очень обрадовался новымъ назначеніямъ, то въ обществѣ появленіе графа Дибича въ роли главнокомандующаго также не было встрѣчено съ сочувствіемъ и вызвало до нѣкоторой степени скептическое къ нему отношеніе, подтверждаемое въ достаточной мѣрѣ современными свидѣтельствами. Приведемъ здѣсь отрывокъ изъ частной переписки одной близкой ко двору особы, которая пишетъ:

«Послѣ безконечныхъ разсужденій, собраній особаго комитета, массы представленныхъ записокъ кончили тѣмъ, что назначили Дибича главнокомандующимъ дѣйствующей арміи, придавъ ему Толя въ качествѣ начальника штаба. Если они пожелаютъ сойтись другъ съ другомъ, дѣло можетъ пойти, но оба они—горячія головы, которыя, весьма вѣроятно, несмотря на обѣщанія, данныя каждымъ въ отдѣльности, вѣцпятся другъ другу въ волосы. Здравая часть общества желала бы

назначенія Воронцова; но государю не было угодно это; тогда захотѣли оставить фельдмаршала съ Толемъ, но и этотъ проектъ потерпѣлъ крушеніе, потому что маленькій человѣкъ, котораго осенью я очень желала бы признать великимъ, не выпустилъ своей добычи (*le petit homme que je voudrais bien surnommer le grand cet automne n'a pas lâché sa prise*); онъ былъ настолько уменъ, что, когда ему говорили объ ошибкахъ, сдѣланныхъ въ прошломъ году, онъ постоянно повторялъ: «но я это прекрасно знаю; что говорятъ — справедливо; это ужасно, это постыдно». Стали говорить: человѣкъ, который такимъ образомъ признаетъ свои промахи, не впадетъ снова въ тѣ же ошибки, и вотъ онъ держитъ въ своихъ рукахъ судьбу если не Россіи, то, вѣтъ всякаго сомнѣнія, судьбу нашего преобладанія въ Европѣ. Вы поймете, что этотъ выборъ никого не успокоиваетъ, и что мы проникнуты опасеніями, тѣмъ болѣе, что армія снова не достаточно многочисленна... поэтому нельзя рассчитывать на блестящую кампанію» ²⁹².

По прибытіи въ Яссы, графъ Дибичъ отдалъ 15-го (27-го) февраля слѣдующій собственноручно сочиненный имъ приказъ:

«Храбрые воины второй арміи!

«Государю императору благоугодно было поручить мнѣ главное надъ вами начальство. Чувствую всю важность монаршаго довѣрія и уповаю въ успѣхѣ на благость Всевышняго. Съ полною довѣренностію къ вамъ, возросши въ рядахъ вашихъ, будучи всѣмъ обязанъ подвигамъ вашимъ, я знаю, чего отъ васъ ожидать можно, и не страшуся затрудненій. Въ любви къ вамъ не отступлю отъ примѣра любимаго полководца, коего недуги лишаютъ насъ счастья побѣждать вновь враговъ подъ отеческимъ его начальствомъ, въ коемъ я столь многократно былъ свидѣтелемъ доблестей вашихъ и вашей къ достойному вождю привязанности. Надѣюсь, что строгая справедливость и неусыпныя о васъ попеченія, сходно съ священною волею всемилостивѣйшаго нашего государя, пріобрѣтутъ и мнѣ вашу довѣренность. Да поможетъ намъ Богъ, и докажемъ, что для русскихъ воиновъ нѣтъ ничего непреодолимаго въ подвигахъ за вѣру, царя и отечество».

Въ перепискѣ одного очевидца сохранилось описаніе пріема чиновъ штаба арміи новымъ начальствомъ; онъ пишетъ:

«Начальникъ штаба, баронъ Толь, плотный, невысокаго роста мужчина, съ полнымъ, широкимъ лицомъ и яснымъ твердымъ взоромъ. Видно по всему, что онъ гнѣться не дастъ и взора не потушитъ ни передъ кѣмъ. Весь штабъ собрался у генерала Киселева, чтобы быть ему представленнымъ. Генералъ Киселевъ всѣхъ насъ назвалъ поименно. Какъ это кончилось, думали всѣ, что новый начальникъ скажетъ два

ГЛАВА ШЕСТАЯ

слова. Не тутъ-то было. Онъ сталъ на конецъ залы и зычнымъ голосомъ сказалъ: «Да что тутъ вамъ говорить? Познакомимся. Прощайте!»

«Вчера было зрѣлище другого рода. Мы отправились къ фельдмаршалу Витгенштейну, чтобы представиться новому главнокомандующему... Онъ говорилъ съ жаромъ и долго, но зато невнятно. Поняли мы болѣе по движеніямъ, нежели по словамъ, что онъ говорилъ о преданности къ доблестному начальнику, и какъ ему трудно будетъ замѣнить его и пр. и пр. Потомъ послѣдовали лобзанія и такъ далѣе. «А все-таки старика славно свернулъ», — сказалъ кто-то тихимъ голосомъ. Вотъ и все» ²⁹³.

Остается еще замѣтить, что, если мы будемъ руководствоваться разнообразными отзывами современниковъ, личность графа Дибича по своему внѣшнему облику представится намъ вообще мало привлекательною. Небольшой ростъ, короткая шея, несоразмѣрно большая голова, длинные, рыжіе, нечесанные волосы, непріятный голосъ, неумѣніе говорить съ солдатами и воодушевлять ихъ—вотъ какими красками рисуютъ наружность Дибича его тогдашніе сослуживцы.

При вступленіи въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей, графъ Дибичъ вручилъ фельдмаршалу графу Витгенштейну рескриптъ императора Николая, подписанный государемъ еще 6-го (18-го) февраля 1829 года. Содержаніе рескрипта было слѣдующее:

«Графъ Петръ Христіановичъ! Соглашаясь на желанія мои, изъясненныя вамъ въ рескриптѣ отъ 11-го ноября прошлаго года, вы доселѣ, невзирая на постигшіе васъ недуги, сохранили начальство надъ ввѣренною вамъ арміею, и я съ удовольствіемъ вижу, что предназначенія мои къ приведенію оной въ состояніе, соотвѣтствующее цѣли и видамъ будущей кампаніи, неусыпными попеченіями вашими, большею частію, исполнены. Руководствуясь опытами многолѣтняго служенія, обезпечили вы будущіе успѣхи оружія нашего распоряженіями вашими. Такимъ образомъ совершили вы кругъ усильнаго труда и занятій, за предѣлы коего, безъ несправедливости къ вамъ, не могу требовать продолженія дѣятельности вашей, а потому и соглашаюсь на увольненіе ваше отъ командованія дѣйствующею арміею. Въ надеждѣ, что здоровье ваше, возстановясь временнымъ отдохновеніемъ, позволитъ вамъ паки быть полезнымъ отечеству, мнѣ остается только повторить вамъ при семъ случаѣ чувства истинной благодарности за долговременное и знаменитое служеніе ваше на поприщѣ славы, труда и опасностей.

«Вмѣстѣ съ симъ повелѣлъ я сохранить вамъ полное содержаніе, по званію главнокомандующаго вамъ производимое.

«Пребываю навсегда вамъ доброжелательнымъ».

Разставаясь съ арміею, столь долгое время имъ предводимою, графъ Витгенштейнъ, въ свою очередь, отдалъ приказъ, въ которомъ, обра-

Дворцовый мостъ и набережная Васильевского острова въ 1806 году.

Съ акварели того времени Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову.

А. И. Вилъборгъ, СПб. Мѣщ. 2.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, обозрѣвающій маневры изъ павильона
Дудергофскаго дворца.

(Съ литографіи Иванова, сдѣланной съ картины Чернецова).

щаясь къ своимъ бывшимъ подчиненнымъ, фельдмаршалъ между прочимъ сказалъ: «Вамъ, храбрые сподвижники, вамъ неотъемлемая хвала! И кому болѣе извѣстны подвиги ваши, если не мнѣ, ихъ давнему свидѣтелю? По бремени лѣтъ, прощаясь съ вами, я буду утѣшаться вѣстію о дѣлахъ знаменитыхъ, коихъ ожидаю отъ васъ подъ предводи-

ГЛАВА ШЕСТАЯ

тельствомъ достойнаго преемника моего, и которыми докажете свѣту пламенную любовь вашу къ вѣрѣ, царю и отечеству».

Графъ Дибичъ и его начальникъ штаба дѣятельно занялись приготовленіями къ задунайскому походу и реорганизаціею арміи. Обращеніе съ солдатами стало вообще снисходительнѣе. Невыносимый гнетъ и неестественная выправка, по словамъ графа Мольке, нѣсколько смягчены. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ отношеніи оставалось сдѣлать еще многое. Такъ, наприимѣръ, въ разсыпномъ строѣ все еще держались ноги и равнялись, вслѣдствіе чего ученья производились только на ровномъ мѣстѣ.

Нельзя не признать, что графъ Дибичъ пользовался, какъ главнокомандующій, большимъ значеніемъ и находился въ лучшемъ положеніи, чѣмъ его предшественникъ. Опытъ прошлогодней кампаніи пришелся кстати ему и подчиненнымъ генераламъ; императорская и дипломатическая свита не была прикована къ пятамъ его, и потому свобода дѣйствій его не была стѣснена; слѣдовательно, Дибичъ могъ руководствоваться исключительно военными соображеніями и собственными убѣжденіями. 2-го (14-го) апрѣля главная квартира выступила изъ Иссъ и перешла въ Галацъ. Военныя дѣйствія должны были начаться осадю Силистріи, но подготовительныя дѣйствія потребовали много времени, такъ что обложеніе этой крѣпости главными силами арміи совершилось только 5-го (17-го) мая. Для кампаніи 1829 года Силистрія имѣла одинаковое значеніе съ Браиловымъ въ 1828 году, и покореніе ея должно было служить основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ предпріятій предстоявшаго намъ новаго похода.

Что же касается императора Николая, то взгляды его въ военномъ отношеніи настолько просвѣтлѣли послѣ тяжелаго опыта прошлогодней кампаніи, что на одной запискѣ графа Дибича, въ которой будущій забалканскій герой снова заговорилъ о Шумлѣ, государь написалъ: «Повторять прошлогоднихъ глупостей я не могу позволить»²⁹⁴.

До вступленія графа Дибича въ командованіе арміею мы одержали надъ турками нѣкоторые успѣхи. 13-го (25-го) января 1829 года взята была штурмомъ крѣпостца Кале, а 30-го января (11-го февраля) сдалась на капитуляцію Турно; сверхъ того, 6-го (18-го) февраля удалось сжечь турецкую флотилію, зимовавшую въ устьѣ рѣки Осьмы, близъ Никополя. Такимъ образомъ за турками оставалась на лѣвомъ берегу Дуная одна крѣпость Журжа. Сдача ея послѣдовала уже при заключеніи мира, на основаніи условій Адрианопольскаго договора.

Остается еще упомянуть, что 3-го (15-го) февраля контръ-адмиралъ Кумани предпринялъ нечаянное нападеніе на Сизополь, находящійся въ трехъ переходахъ отъ Айдова. Городъ Сизополь былъ занятъ, и намъ удалось въ немъ удержаться, несмотря на старанія турокъ снова овладѣть этимъ пунктомъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Замѣтимъ здѣсь, что нѣсколько дней до назначенія графа Дибича главнокомандующимъ послѣдовалъ указъ 5-го (17-го) февраля 1829 года, по которому командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса, графу Паскевичу-Эриванскому, повелѣно быть главнокомандующимъ тѣмъ же кор-

Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій.

(Съ портрета, находящагося въ военной галлерей Зимняго дворца).

пусомъ, «со всѣми правами, властію и преимуществами, учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи званію главнокомандующаго присвоенными».

Такимъ образомъ императоръ Николай позаботился о своевременномъ уравниніи правъ «отца-командира» съ вновь назначеннымъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміи, графомъ Дибичемъ. Новому званію, дарованному тогда графу Паскевичу, суждено было оставаться за нимъ безъ перерыва, во все продолженіе послѣдующей службы, до самой кончины его, послѣдовавшей въ 1856 году.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Въ началѣ 1829 года едва не произошло новое столкновение съ Персіею: 30-го января (11-го февраля) посланникъ нашъ въ Тегеранѣ, безсмертный авторъ «Горе отъ ума», Грибоѣдовъ, умерщвленъ былъ съ большею частию свиты во время возстанія столичной черни²⁹⁵. Уцѣлѣлъ одинъ секретарь посольства, Мальцевъ. Персидское правительство, устрашенное возможными послѣдствіями тегеранской кровавой драмы, въ которой англійскія деньги и наущенія играли немалую роль, сообщило графу Паскевичу, что «всякаго рода возмездіе и наказаніе, согласное съ постановленіями обѣихъ религій, будетъ исполнено». Завязались переговоры, во время которыхъ графъ Паскевичъ, предостерегая Аббасъ-Мирзу отъ злоупотребленія терпѣніемъ русскаго императора, настаивалъ, вопреки мнѣнію графа Нессельроде, на присылкѣ лица царствующаго дома въ С.-Петербургъ съ письмомъ отъ шаха къ государю. Настойчивость графа Паскевича привела къ желаемой цѣли; мы избѣгли второй войны съ Персіею; союзъ послѣдней съ Турціею остался только на бумагѣ, и Хозревъ-Мирза, старшій сынъ наслѣдника престола Аббасъ-Мирзы, прибылъ въ Тифлисъ. Политика Паскевича восторжествовала надъ трепетною уступчивостью графа Нессельроде, опасавшагося возбудить возможное неудовольствіе Англіи.

Замѣшательства съ Персіею и появленіе чумы въ рядахъ нашихъ войскъ задержали нѣсколько открытіе кампаніи. Тѣмъ не менѣе, 19-го (1-го іюля) и 20-го іюня (2-го іюля) Паскевичъ нанесъ выступившему противъ насъ эрзерумскому сераскиру рѣшительное пораженіе при Каинъ-Лы и Милидюзѣ; сераскиръ бѣжалъ, Гачки-паша взятъ въ плѣнъ, а 27-го іюня (9-го іюля), въ день Полтавской битвы, Эрзерумъ былъ занятъ русскими войсками. Сераскиръ съ четырьмя пашами сдался въ плѣнъ, и стотысячное городское населеніе безмолвно приняло побѣдителей. Такимъ образомъ намѣренія турокъ возвратить себѣ области, утраченныя въ прошлогоднюю кампанію, привели только Порту къ новымъ потерямъ и пораженіямъ, между тѣмъ какъ блескъ русскаго оружія въ Азій возсіялъ съ новой силой.

II.

Съ самаго воцаренія императора Николая на очереди стоялъ вопросъ о коронованіи его, какъ польскаго короля. Сначала оборотъ, принятый судомъ надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ, а затѣмъ и война 1828 года, препятствовали императору посѣтить Варшаву и осуществить 45-й параграфъ конституціи, дарованной королевству Александромъ I-мъ, который гласилъ: «Всѣ наши преемники въ королевствѣ Польскомъ обязаны короновать себя королями польскими въ столицѣ по обряду, ко-

Князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій.
(Съ портрета, принадлежащаго князю А. Б. Лобанову-Ростовскому).

торый мы установимъ, и они будутъ приносить слѣдующую присягу: «Я клянусь и обѣщаю передъ Богомъ и на Евангеліи поддерживать и всею моею властью побуждать къ выполнению конституціонной хартіи» ²⁹⁶.

Рѣшивъ этотъ вопросъ принципиально, императоръ Александръ не установилъ, однако, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ ни способа коронованія, ни подробностей предначертаннаго имъ обряда; для преемника его остался такимъ образомъ въ силѣ одинъ 45-й параграфъ конституціи.

Когда, въ 1826 году, возникъ вопросъ о коронаціи въ Варшавѣ, то рассказывали, что будто бы императоръ Николай замѣтилъ князю Кса-

ГЛАВА ШЕСТАЯ

верію Францовичу Друцкому-Любецкому: «Понимаю, что, короновавшись уже императоромъ русскимъ, мнѣ надо еще короноваться и королемъ польскимъ, потому что этого требуетъ ваша конституція, но не вижу, почему такая коронація должна быть непременно въ Варшавѣ, а не въ С.-Петербургѣ или Москвѣ: въ конституціи сказано глухо, что этотъ обрядъ совершается въ столицѣ».

«— Такъ точно, — отвѣчалъ Любецкій въ шутку, — и нѣтъ ничего легче, какъ исполнить вашу волю: стоятъ только объявить, что конституція, въ которой это постановлено, распространяется и на русскія ваши столицы».

Но, переходя отъ анекдотическаго міра къ міру дѣйствительному, нужно сказать, что истинныя воззрѣнія императора Николая на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ письмахъ его къ цесаревичу Константину Павловичу; въ нихъ государь высказалъ вполне откровенно, какъ онъ смотрѣлъ на политическій актъ, совершеніе котораго ему предстояло въ Варшавѣ.

Еще задолго до московской коронаціи императоръ Николай поручилъ Ѳ. П. Опочинину спросить мнѣніе цесаревича относительно варшавской коронаціи. 24-го мая (5-го іюня) 1826 года Константинъ Павловичъ писалъ государю, что онъ о коронаціи не въ состояніи высказать никакого мнѣнія, такъ какъ со стороны императора Александра вопросъ не былъ рѣшенъ; затѣмъ цесаревичъ испрашивалъ разрѣшенія посовѣтоваться съ Новосильцевымъ²⁹⁷. Государь изъявилъ свое согласіе, прибавивъ: «Я очень желаю, чтобы это могло произойти съ возможно меньшими церемоніями, и въ остальномъ полагаюсь на васъ; что касается духовной церемоніи, то само собою разумѣется, что это совершенно невозможно»²⁹⁸. «чѣмъ меньше будетъ шутовства, тѣмъ это будетъ лучше для меня (*le moins il y aura de farces, le mieux cela vaudra pour moi*)»²⁹⁹.

Записка, выработанная Новосильцевымъ, въ которой предлагалось разыграть церемонію на Вольскомъ полѣ, не была одобрена императоромъ Николаемъ, сдѣлавшимъ контръ-предложеніе:

«Я заранѣе принесть присягу, требуемую закономъ; я далъ ее по собственному побужденію и добровольно, какъ лучший залогъ искренности моихъ намѣреній въ отношеніи польскихъ подданныхъ императора и короля; поэтому я считаю себя выполнившимъ въ отношеніи ихъ все то, что статья хартіи представляетъ для меня обязательнаго по части формы; что же касается способа коронованія, то всякая церемонія, которую мнѣ заблагоразсудится избрать, будетъ имѣть силу закона; такимъ образомъ, если я созову чрезвычайный сеймъ и повторю присягу, уже данную мною народу, и если затѣмъ, въ завершеніе, предпишу отслужить по римскому обряду благодарственное молебствіе на открытомъ полѣ, чтобы избѣжать этого въ соборѣ и имѣть возможность

произвести службу въ присутствіи войскъ, — всего сказаннаго довольно, какъ мнѣ думается; если же прибавить еще торжественный въѣздъ и обычныя празднества въ городѣ, то оно хватить съ меня, вашего бѣднаго брата. Вотъ откровенное изложеніе моей мысли для васъ, которую я вамъ представляю» ³⁰⁰.

Когда политическій процессъ надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ, «*cette éternelle et odieuse affaire*», — какъ называлъ его императоръ Николай, — наконецъ кончился, то государь сообщилъ цесаревичу, что онъ пріѣдетъ въ Варшаву, «дабы не оставаться вѣчно чуждымъ странѣ, въ которой я не могу быть отвѣтственнымъ за что бы то ни было, такъ какъ я едва знаю ее и еще менѣе знаю лицъ, дѣйствующихъ тамъ моимъ именемъ, и, конечно, ужъ не желаніе отсутствовало у меня для сего» ³⁰¹.

Когда императоръ Николай отказался отъ личнаго участія во второй турецкой кампаніи, ничто уже не могло болѣе препятствовать ему назначить, въ маѣ 1829 года, намѣченную съ самаго воцаренія коронацію въ Варшавѣ.

Готовясь къ отъѣзду въ польскую столицу, императоръ Николай обратился къ брату съ слѣдующими трогательными строками:

«Прошу позволенія выразить вамъ чистосердечное и горячее желаніе найти васъ въ Варшавѣ тѣмъ же по отношенію ко мнѣ, какъ и въ прошломъ: превосходнымъ братомъ и безупречнымъ другомъ (*excellent frère et parfait ami*); будьте снисходительны ко мнѣ и поймите всю затруднительность моего положенія, единственнаго въ мірѣ (*unique au monde*) и болѣе труднаго тамъ, возлѣ васъ, въ мѣстѣ вашего обычнаго пребыванія, чѣмъ каково оно уже всюду въ другихъ мѣстахъ. Пусть ваша снисходительная дружба будетъ моимъ руководителемъ и моею поддержкою, чтобы я могъ черпать въ ней бодрость, и чтобы я нашелъ въ ней поощреніе, въ которомъ часто нуждаюсь, когда мой духъ слабѣетъ подъ тяжестью заботъ. Я надѣюсь на Бога; Онъ знаетъ мои добрыя намѣренія; они чисты, такъ какъ это — намѣренія брата, посвятившаго вамъ свое существованіе; Онъ вдохновитъ также и васъ» ³⁰².

Незадолго до отъѣзда императора Николая религіозная сторона коронаціи въ Варшавѣ снова была затронута въ его перепискѣ съ цесаревичемъ. Великій князь въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ настаивалъ на необходимости для государя присутствовать на молебствіи въ католическомъ соборѣ, между тѣмъ какъ Николай Павловичъ полагалъ возможнымъ ограничиться молебствіемъ во дворцѣ. Константинъ Павловичъ сопровождалъ свои доводы слѣдующими разсужденіями:

«Богъ призвалъ васъ царить надъ народомъ другой вѣры, чѣмъ ваша; поэтому вамъ слѣдуетъ защищать ее, уважать и поддерживать, а не подвергать ее, такъ сказать, съ вашей стороны запрещенію (*de*

ГЛАВА ШЕСТАЯ

votre index). Вамъ не предоставлено, какъ кому бы то ни было другому, вмѣшиваться въ споры; оставьте людямъ ихъ вѣрованія, отъ этого они не будутъ менѣе вѣрны и признательны вамъ; помимо того молебствіе не таинство, вы будете тамъ въ качествѣ присутствующаго. Вотъ мое мнѣніе, и я не могу измѣнить его»³⁰³.

Императоръ Николай покорился желанію цесаревича и согласился на молебствіе въ католическомъ соборѣ, разъ оно со стороны брата признано было необходимымъ (*dès que vous le trouvez opportun*).

Въ Россіи извѣстіе о предстоявшей варшавской коронаціи не было встрѣчено съ сочувствіемъ; говорили, что не было примѣра, чтобъ два раза короновались цари, а особенно въ покоренныхъ царствахъ; въ самомъ торжествѣ усматривали умаленіе императорскаго достоинства и негодовали, что помазанника Божія коснется рука нечестивца. «Слухъ о коронаціи оживилъ новыми надеждами жителей возвращенныхъ отъ Польши губерній и не порадовалъ русскихъ», замѣчаетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ³⁰⁴.

25-го апрѣля (7-го мая) императоръ Николай въ сопровожденіи великаго князя Михаила Павловича отправился изъ Царскаго Села въ Динабургъ, гдѣ по прибытіи немедленно занялся осмотромъ укрѣпленій. 29-го апрѣля (11-го мая) сюда прибыла императрица Александра Ѳеодоровна съ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ. При наслѣдникѣ находились генералъ Мердеръ и В. А. Жуковскій. Изъ Динабурга императрица съ сыномъ продолжали свой путь прямо на Варшаву, а государь посѣтилъ еще Вильно, Гродно и Бѣлостокъ. По свидѣтельству Бенкендорфа, «повсюду происходили представленія, парады и осмотры общественныхъ учрежденій, что значить, что мы ничего не видѣли. Отчасти это составляло цѣль государя, который опасался видѣть то, чего онъ не желалъ бы видѣть; нужно было пріѣхать въ Варшаву довольнымъ, и такъ оно и случилось»³⁰⁵.

Выѣхавъ изъ Динабурга, государь слѣдовалъ безостановочно до Бѣлостока, гдѣ былъ первый ночлегъ. Затѣмъ императоръ Николай съ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ направился къ Тыкочину, расположенному на границѣ имперіи съ королевствомъ.

«Хотя я не видалъ этихъ мѣстъ съ войны 1806 и 1807 годовъ,— пишетъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ,— однако не сомнѣвался, что тотчасъ узнаю мѣстности, извѣщенные мною верхомъ, съ небольшимъ за двадцать лѣтъ, во всѣхъ направленіяхъ, и даже увѣрялъ государя, что объясню ему на дорогѣ всѣ позиціи, сраженія и марши нашихъ войскъ. Каково же было мое удивленіе, когда съ самага выѣзда изъ Бѣлостока насъ, вмѣсто тогдашнихъ сыпучихъ песковъ и бездонныхъ болотъ, повезли по чудесному шоссе. Точно также измѣнилась мѣстность передъ Тыкочиномъ; самое мѣстечко приняло видъ опрят-

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и принадлежащаго П. Я. Дашкову.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ности и довольства. Все преобразилось; край самый бѣдный и самый грязный въ мірѣ, чуждый всякой промышленности, былъ превращенъ, какъ бы волшебствомъ, въ страну богатую, чистую и просвѣщенную. Роскошныя почтовые дороги, опрятные города, обработанныя поля, фабрики, общее благосостояніе, наконецъ, все, чего мудрое и отеческое

Князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгоруковъ.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Опыту біографій генераль-прокуроровъ и министровъ юстиціи“).

правительство можетъ достигнуть развѣ послѣ полувѣковыхъ усилій, было сдѣлано императоромъ Александромъ въ пятнадцать лѣтъ. Самая закоренѣлая неблагодарность молодыхъ польскихъ патріотовъ вынуждена была очевидною воздать дань истинѣ и сознаться, что покойный императоръ пересоздалъ эту часть Польши.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«На полѣ сраженія близъ Пултуска я не могъ въ разговорѣ съ государемъ не перенести воображеніемъ къ тому, что было двадцать три года тому назадъ, и что съ тѣхъ поръ произошло. Тогда Наполеонъ торжествовалъ въ Варшавѣ и угрожалъ Россіи; поляки предавались мечтамъ о своемъ возрожденіи, а наши войска, отступавшія къ своимъ границамъ, находились въ состояніи полного унынія и изнеможенія. А теперь? Наполеонъ уже давно перешелъ въ область исторіи; Парижъ видѣлъ наши побѣдоносныя знамена; поляки же — русскіе подданные, обязанные своимъ благосостояніемъ единственно великодушію русскаго императора, а я — въ коляскѣ возлѣ могущественнаго преемника этого государя, короля той же самой Польши, гдѣ въ то время я воевалъ для защиты собственныхъ нашихъ границъ. Мы философствовали объ этихъ міровыхъ переворотахъ до самой той минуты, пока не остановились на городской площади для принятія назначеннаго для встрѣчи государя почетнаго караула. Спустя нѣсколько минутъ, пріѣхала императрица съ наслѣдникомъ; и мы, переночевавъ въ Пултuskѣ, на другой день всѣ вмѣстѣ отправились въ Варшаву».

4-го (16-го) мая, цесаревичъ ожидалъ императора Николая въ загородномъ дворцѣ князя Понятовскаго, Яблонѣ. Сюда же прибыла княгиня Ловичъ, и оба брата съ своими супругами провели здѣсь вмѣстѣ остатокъ дня; свиданіе отличалось самой сердечной дружъ къ другу пріязнью. Великій князь Михаилъ Павловичъ находился также здѣсь.

На слѣдующій день, 5-го (17-го) мая, въ воскресенье, долженъ былъ произойти торжественный въѣздъ императора въ Варшаву. Шествіе при звонѣ колоколовъ и громѣ пушекъ началось отъ пражской заставы, среди войскъ, разставленныхъ по пути шпалерами; прекраснѣйшая погода благопріятствовала блеску церемоніи. По словамъ очевидца, въ ту минуту, какъ государь со всею свитою проѣхалъ на мостъ, лошадь цесаревича Константина Павловича вдругъ повернула назадъ и, несмотря на всѣ успія всадника, не захотѣла ему повиноваться. Възбѣшенный великій князь долженъ былъ сойти съ нея и слѣдовать по мосту и отчасти по городу пѣшкомъ, пока привели заводную лошадь взамѣнъ той, которая теперь запряжилась такъ некстати. Командуя парадомъ и слѣдуя за государемъ съ опущенною шпагою, цесаревичъ отъ этой неприятной случайности потерялъ все удовольствіе, которое онъ ощущалъ при представленіи своихъ блестящихъ польскихъ войскъ. Черты лица его совершенно измѣнились, и привычныя къ вспышкамъ его гнѣва подчиненные легко могли угадать, что ихъ ожидаетъ. Эта нечаянная случайность, какъ она ни была маловажна сама по себѣ, набросила облако на все торжество и болѣе или менѣе всѣхъ поразила.

По разсказу того же очевидца, войско и народъ встрѣчали государя радостными кликами; дамы у оконъ и на балконахъ махали платками

и казались въ восторгѣ отъ красоты императора, отъ безподобнаго личика его сына, отъ привѣтливыхъ поклоновъ и всей очаровательной осанки императрицы; однимъ словомъ, глазъ самый наблюдательный не открылъ бы въ варшавской встрѣчѣ ничего, кромѣ радости и привязанности къ своему монарху народа. «Таковъ сей послѣдній намъ представился; таковъ онъ былъ и въ сущности, по крайней мѣрѣ, относительно массы», пишетъ Бенкендорфъ.

Примасъ, окруженный духовенствомъ столицы, ожидалъ ихъ величества на паперти церкви францискановъ. Государь остановился и, выслушавъ молитвы, принялъ тутъ святую воду, къ общему удовольствію присутствовавшихъ.

Сойдя съ лошади у входа въ королевскій замокъ, императоръ Николай остановился, чтобы подождать императрицу. Княгиня Ловичъ и знатнѣйшія польскія дамы встрѣтили свою королеву внизу лѣстницы. Во дворцѣ ожидали государя сенатъ и главные начальствующія лица. Затѣмъ ихъ величества присутствовали еще при молебствіи въ греко-россійской церкви замка.

Послѣ обѣда государь пошелъ къ цесаревичу въ Брюлевскій дворецъ пѣшкомъ, объ руку съ императрицею, одинъ, безъ всякаго конвоя или свиты. Этотъ знакъ довѣрія и эта простота очаровали всѣхъ жителей; единодушные виваты долго сопровождали августѣйшую чету по улицѣ.

На слѣдующее утро, 6-го (18-го) мая, императоръ Николай присутствовалъ у развода на Саксонской площади; несмѣтная толпа ожидала тамъ прибытія государя. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ старался подавать собою примѣръ почтительности и усердія. У развода онъ суетился, какъ бы простой генералъ, уstraшенный высочайшимъ присутствіемъ; при церемоніальномъ маршѣ становился самъ на правый флангъ и при второмъ проходѣ войскъ шелъ въ замкѣ, съ карманною книжкою въ рукѣ, для отмѣтки тутъ же высочайшихъ приказаній.

Послѣ развода главнокомандующій польской арміи, цесаревичъ, представилъ государю въ залахъ замка генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ. Представленіе сенаторовъ, нунціевъ и депутатовъ послѣдовало тогда же. На другой день военные чины представились императрицѣ, при чемъ наслѣдникъ Александръ Николаевичъ находился предъ корпусомъ офицеровъ 1-го Конно-Егерскаго его имени полка.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни до коронаціи неизбежные разводы повторялись ежедневно, а 9-го (21-го) мая состоялся большой парадъ и смотръ войскамъ, собраннымъ въ Варшавѣ.

11-го (23-го) мая герольды, предводимые церемоніймейстеромъ и сопровождаемые отрядами гвардейскаго польскаго егерскаго полка, разѣзжая по улицамъ Варшавы, возвѣщали народу предстоявшее коронаваніе ихъ величествъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Въ воскресенье, 12-го (24-го) мая, совершился обрядъ коронованія въ королевскомъ замкѣ, въ залѣ сената. На одномъ концѣ ея воздвигнутъ былъ тронъ, а посреди залы возвышался крестъ. Постѣ того какъ архіепископъ примасъ произнесъ молитву, государь возложилъ на себя императорскую корону, надѣлъ порфиру, украсилъ цѣпью ордена Бѣлаго Орла императрицу и принялъ въ руки державу и скипетръ. Когда же затѣмъ, по принесеніи присяги монархомъ, примасъ провозгласилъ троекратно: «*Vivat rex in aeternum*», присутствовавшіе сенаторы, нунціи и депутаты воеводствъ не повторили этихъ установленныхъ обычаемъ словъ; говорили, что ихъ объ этомъ не предупредили. «Эта черта, по мнѣнію одного польскаго историка, свидѣтельствовала о холодности, которую противопоставили предупредительности Николая, и соединеніе всѣхъ симптомовъ не оставляло никакого сомнѣнія какъ насчетъ настоящаго, такъ и насчетъ будущаго: разрывъ между поляками и династіей въ духовномъ отношеніи совершился»³⁰⁶.

По прочтеніи примасомъ молитвы за короля и благоденствіе его державы, ихъ величества въ коронахъ и порфирахъ, а государь съ скипетромъ и державою въ рукахъ, сопровождаемые августѣйшими братьями его, великимъ княземъ наслѣдникомъ, княгинею Ловичъ и всѣми присутствовавшими при коронаціи сенаторами, нунціями и депутатами шествовали въ соборъ св. Іоанна, гдѣ воспѣтъ былъ благодарственный молебенъ.

«Въ соборѣ,—пишетъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ,—подъ древними сводами котораго столько королей воспринимали корону и столько поколѣній поклонялись своимъ владыкамъ, поляками не могло не овладѣть нѣкоторое самодовольство, при видѣ потомка Петра Великаго, отдающаго почестъ вѣроисповѣданію ихъ края, и католическое духовенство не могло не ощущать страннаго чувства, вознося молитвы о возведенномъ на престолъ православномъ королѣ. На насъ, напротивъ, все это произвело какое-то тягостное впечатлѣніе, какъ бы предназначавшее ту неблагодарность, которою этотъ легкомысленный и тщеславный народъ отплатить со временемъ за довѣріе и честь, оказанныя ему русскимъ императоромъ. Возвратившись во внутреннія комнаты замка, государь послалъ за мною. При видѣ моего духовнаго смущенія онъ не скрылъ и своего. Онъ принесъ присягу съ чистыми помыслами и съ твердою рѣшимостью свято ее соблюдать. Рыцарское его сердце всегда чуждалось всякой затаенной мысли»³⁰⁷.

Сами поляки признаютъ теперь, что императоръ Николай не нарушилъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ, какъ конституціоннаго короля Польши. «Онъ сдѣлалъ это къ тому же съ полною предупредительностью, предоставляя полякамъ прекрасный случай загладить ихъ ошибки и съ своей стороны набросить на прошлое покровъ забвенія.

БОЖІЕЮ ПОСПѢШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ:

МОСКОВСКІЙ, КІЕВСКІЙ, ВЛАДИМИРСКІЙ, НОВГОРОДСКІЙ, ЦАРЬ КАЗАНСКІЙ, ЦАРЬ АСТРАХАНСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ЦАРЬ СИБИРСКІЙ, ЦАРЬ ХЕРСОНИСА-ТАВРИЧЕСКАГО, ГОСУДАРЬ ПСКОВСКІЙ и ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СМОЛЕНСКІЙ, ЛИТОВСКІЙ, ВОЛЫНСКІЙ, ПОДОЛЬСКІЙ и ФИНЛЯНДСКІЙ, КНЯЗЬ ЭСТЛЯНДСКІЙ, ЛИФЛЯНДСКІЙ, КУРЛЯНДСКІЙ и СЕМИГАЛЬСКІЙ, САМОГИТСКІЙ, БѢЛОСТОКСКІЙ, КОРЕЛЬСКІЙ, ТВЕРСКІЙ, ЮГОРСКІЙ, ПЕРМСКІЙ, ВЯТСКІЙ, БОЛГАРСКІЙ и ИНЫХЪ; ГОСУДАРЬ и ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НОВА-ГОРОДА НИЗОВСКІЯ ЗЕМЛИ, ЧЕРНИГОВСКІЙ, РЯЗАНСКІЙ, ПОЛОЦКІЙ, РОСТОВСКІЙ, ЯРОСЛАВСКІЙ, БѢЛОЗЕРСКІЙ, УДОРСКІЙ, ОБДОРСКІЙ, КОНДІЙСКІЙ, ВИТЕБСКІЙ, МСТИСЛАВСКІЙ и ВСЕЯ СѢВЕРНЫЯ СПРАНЫ ПОВЕЛИТЕЛЬ и ГОСУДАРЬ ИВЕРСКІЯ, КАРТАЛИНСКІЯ, ГРУЗИНСКІЯ и КАБАРДИНСКІЯ ЗЕМЛИ, и АРМЯНСКІЯ ОБЛАСТИ; ЧЕРКАССКИХЪ и ГОРСКИХЪ КНЯЗЕЙ и ИНЫХЪ НАСЛѢДНЫЙ ГОСУДАРЬ и ОБЛАДАТЕЛЬ; НАСЛѢДНИКЪ НОРВЕЖСКІЙ, ГЕРЦОГЪ ШЛЕЗВИГЪ-ГОЛСТИНСКІЙ, СТОРМАРСКІЙ ДИТМАРСЕНСКІЙ и ОЛЬДЕНБУРГСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Арсеній Андреевичъ Закревскій.
(Съ литографіи Смирнова, сдѣланной съ портрета Ранделя).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Онъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи столь неумолимо суровымъ въ отношеніи поляковъ, тогда прилагалъ всѣ усилія лично понравиться имъ, вызвать славныя воспоминанія польской исторіи и превозносить во всеуслышаніе свой титулъ короля польскаго»³⁰⁸.

Но всѣ эти старанія не принесли желаемыхъ плодовъ и оказались напрасными. Въ то самое время, когда Варшава, повидимому, ликовала, и все принимало обликъ преданности и восторга, существовалъ заговоръ, имѣвшій цѣлью путемъ злодѣянія разорвать на вѣчныя времена связь и единеніе между Польшею и Россіею. Но Провидѣніе спасло Польшу отъ подобнаго позора; между заговорщиками произошелъ разладъ, колебаніе, и на этотъ разъ твореніе Александра I-го уцѣлѣло отъ гибели.

Между тѣмъ балы, иллюминаціи, смотры, разводы и народныя увеселенія не прерывались и шли своимъ чередомъ.

16-го (28-го) мая устроено было для народа угощеніе на Уяздовскомъ полѣ. Государь съ императрицею изъ особой бесѣдки, украшенной цвѣтами, надъ куполомъ которой возвышался польскій орелъ, любовались зрѣлищемъ увеселенія народа. Затѣмъ императрица въ экипажѣ, а государь верхомъ, со свитою, объѣхали всю площадь; на ста длинныхъ столахъ, накрытыхъ скатертями, разставлены были кушанья всякаго рода, а напитки разливались подлѣ столовъ и били фонтанами.

При оцѣнкѣ событій, разыгравшихся въ Варшавѣ до революціи 1830 года, исторія должна принять во вниманіе особенное, вполне исключительное положеніе, въ которое судьба поставила императора Николая относительно своего старшаго брата; стѣсненія, налагаемые этими отношеніями, должны были вліять на свободу рѣшеній и дѣйствій государя, когда она касалась предѣловъ власти, предоставленной цесаревичу еще въ царствованіе императора Александра въ королевствѣ и въ прилегавшихъ русскихъ губерніяхъ.

По наружности между обоими братьями царствовало полнѣйшее согласіе, и Николай Павловичъ прилагалъ всѣ силы, чтобы его поддерживать и ничѣмъ не поколебать. Но при всемъ томъ пребываніе государя въ Варшавѣ тяготило цесаревича, привыкшаго въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ не нести иныхъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ на себя налагалъ, и повелѣвать, какъ первое лицо, тогда какъ теперь ему приходилось, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ подавать примѣръ покорности. Очевидцы упоминаютъ о тогдашней его «*humeur massacrante*». Сознывая прекрасно, что не одинъ голосъ поднимется противъ его самовластнаго образа дѣйствій и противъ его произвольной, часто переходящей всякую мѣру строгости, онъ страшился проницательнаго взгляда своего брата. Ближайшіе изъ наперсниковъ цесаревича также опасались подпасть заслуженной отвѣтственности, между тѣмъ какъ

поляки рассчитывали на измѣненіе установленнаго образа управленія и въ особенности надѣялись увидѣть ограниченіе власти великаго князя. Бенкендорфъ рассказываетъ, что, когда во время торжественнаго обѣда ему пришлось сидѣть между нунціями, они жаловались ему на нестерпимую грубость цесаревича и превозносили привѣтливость новаго нхъ короля, увѣряя, что они охотно отдали бы послѣднему свою конституціонную хартію со всѣми ея привилегіями, лишь бы онъ управлялъ ими непосредственно, какъ управляетъ Россією ³⁰⁹.

Вся эта ненормальная обстановка крайне смущала и затрудняла императора Николая. Избрать средній путь между двумя крайними теченіями представлялось невозможнымъ: надо было или поссориться съ старшимъ братомъ, котораго самъ онъ нѣкогда призналъ своимъ монархомъ, но уступившимъ ему престоль, или же, отдавая предпочтеніе братскимъ связямъ передъ благосостояніемъ края, уронить себя въ глазахъ своихъ польскихъ подданныхъ. Николай Павловичъ сумѣлъ, конечно, лишь временно выйти изъ этого двусмысленнаго положенія благородною твердостію въ отклоненіи разныхъ желаній своего брата и тою внимательностію, съ которою онъ занялся дѣлами по управленію королевства.

Любопытно указать здѣсь, какимъ образомъ отразилось коронованіе императора въ Варшавѣ на настроеніи умовъ жителей австрійскихъ владѣній. Въ Венгріи стало замѣтно нѣкоторое возбужденіе умовъ, и въ большихъ собраніяхъ часто провозглашались тосты въ честь короля польскаго Николая, при чемъ памятовали Владислава, короля венгерскаго и польскаго, погибшаго, сражаясь за христіанство, и чествовали его преемниковъ; между словаками также замѣчался большой энтузіазмъ ³¹⁰.

«Здѣсь я вполне доволенъ всѣмъ, и войска дѣйствительно безподобны», писалъ императоръ Николай графу Дибичу изъ Варшавы ³¹¹.

По полученіи этого милостиваго отзыва государя, графъ Дибичъ отвѣтилъ слѣдующими нравоучительными разсужденіями:

«Дай Богъ, чтобы удовольствіе, испытанное вашимъ императорскимъ величествомъ въ Варшавѣ, оставалось всегда прочнымъ и неизмѣннымъ. Я убѣжденъ въ этомъ, поскольку это касается превосходной польской арміи; но вслѣдствіе частыхъ сношеній, которыя мнѣ пришлось имѣть, я хорошо и съ различныхъ сторонъ знаю самый народъ и увѣренъ, что онъ тоже надѣленъ превосходными качествами, но въ обращеніи съ нимъ болѣе, чѣмъ въ отношеніи ко всякому другому народу, необходимо совмѣщать постоянно великодушное благородство съ большою твердостію и даже строгостію; особенно же надо остерегаться попасть въ западню, благодаря кажущемуся прямодушію высшихъ классовъ, являющемуся слѣдствіемъ громаднѣйшей власти, присущей въ этой странѣ полѣ, который здѣсь еще болѣе, нежели въ другихъ странахъ, помимо всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествъ, надѣленъ чѣмъ-то въ родѣ рыцарскаго духа,

ГЛАВА ШЕСТАЯ

якобы народнаго, весьма мало похожаго, однако, на духъ рыцаря безъ страха и упрека. Простите мнѣ, государь, если я осмѣлился включить въ мое письмо эти разсужденія, но переживаемое время представляется мнѣ слишкомъ важнымъ, чтобы не высказать вамъ всего того, что внушаетъ мнѣ мое сердце»³¹².

«Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе насчетъ поляковъ»³¹³, отвѣтилъ императоръ Николай по прочтеніи письма графа Дибича.

III.

19-го (31-го) мая въ Варшаву прибылъ принцъ прусскій Вильгельмъ; онъ привезъ извѣстіе, что король прусскій по болѣзни долженъ отказаться отъ поѣздки въ Силезію, гдѣ намѣчено было свиданіе съ государемъ и его семействомъ въ Сибилленортѣ. Императоръ Николай въ ту же минуту рѣшился, безъ всякаго предувѣдомленія, лично отправиться въ Берлинъ, чтобы навѣстить августѣйшаго своего тестя, и, какъ сказано въ официальныхъ извѣстіяхъ того времени: «для изъявленія симъ его величеству новаго доказательства нѣжныхъ своихъ чувствованій къ нему».

Императрица Александра Оеодоровна съ наслѣдникомъ выѣхала изъ Варшавы въ Берлинъ 21-го мая (2-го іюня), а государь, неожиданно для всѣхъ, отправился въ путь 22-го мая (3-го іюня). При немъ находились только генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ и графъ Орловъ. Въ Гринбергѣ Николай Павловичъ встрѣтился съ императрицею. Во Франкфуртѣ на Одерѣ наслѣдный принцъ прусскій съ братьями поджидали сестру и вдругъ, къ величайшей радости и удивленію, увидѣли и государя. Не меньшую радость испыталъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III, выѣхавшій навстрѣчу дочери въ Фридрихсвальде, когда 25-го мая (6-го іюня) встрѣтилъ среди своей семьи неожиданнаго гостя. «Вѣсть объ этомъ скорѣ достигла Берлина, — пишетъ Бенкендорфъ, — и весь городъ поднялся на ноги и побѣждалъ ко дворцу; всѣ поздравляли другъ друга, кричали и толпились на улицахъ; казалось, Пруссію посѣтило какое-то неожиданное счастье. Дѣйствительно, народное самолюбіе было польщено и появленіемъ русскаго монарха, и нѣжною предупредительностью его къ королю, столь любимому своимъ народомъ. Общій кликъ радости привѣтствовалъ короля, императора и императрицу, при входѣ ихъ во дворецъ, и перешелъ почти въ неистовый вопль, когда король показался на балконѣ, держа за руку своего маленькаго внука, наслѣдника русскаго престола. Остановившись въ первую минуту въ гостиницѣ, я могъ, въ моей роли неизвѣстнаго зрителя, вполне судить о радостномъ чувствѣ, объявшемъ всѣхъ жителей города до ниж-

Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ.

(Съ литографіи Мишелеса, сдѣланной съ портрета Крюгера).

нихъ словъ. Потомъ, когда пригласили меня перейти изъ гостиницы въ отведенное во дворцѣ помѣщеніе, я, пробираясь сквозь толпу пѣшкомъ, снова убѣдился въ томъ же самомъ. Это было такое наслажденіе, которымъ одинаково могли гордиться и русскіе и пруссаки»³¹⁴.

Пребываніе императора Николая въ Берлинѣ ознаменовано было тотчасъ большимъ парадомъ «Подъ Липамп», передъ малымъ королевскимъ дворцомъ. Фридрихъ-Вильгельмъ съ обнаженною шпагою ѣхалъ подлѣ государя и, ставъ во главѣ войскъ, провелъ ихъ мимо своего августѣйшаго зятя. На другой день состоялся еще особый смотръ потсдамскаго гарнизона.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Что сказать вамъ о томъ, что происходитъ здѣсь? — писалъ государь къ цесаревичу:—что мы были приняты съ той сердечностью, съ тѣмъ добродушіемъ, которыя отличаютъ здѣсь всѣхъ (*nous avons été reçus avec cette cordialité, cette bonhomie qui caractérise tout le monde ici*), что и не подозрѣвали о моемъ приѣздѣ, и что король чуть не упалъ отъ удивленія, увидавъ меня позади себя! Онъ неизмѣнно превосходенъ, но онъ страдаетъ и, по своему обыкновенію, нисколько не бережетъ себя» ³¹⁵.

Въ это время въ Берлинѣ готовились къ встрѣчѣ невѣсты принца Вильгельма, принцессы Саксенъ-Веймарской Августы, дочери великой княгини Маріи Павловны и слѣдовательно племянницы императора Николая. Бракосочетаніе состоялось 29-го мая (10-го іюня) 1829 года.

Дипломатическій корпусъ приглашенъ былъ также къ этому торжеству; когда же онъ собрался въ канцелію вмѣстѣ съ прусскими сановниками, сюда явился министръ двора князь Волконскій и во всеуслышаніе пригласилъ французскаго посла, графа Агу (*comte Agout*), послѣдовать за нимъ въ кабинетъ къ императору Николаю, желавшему съ нимъ бесѣдовать.

Государь въ разговорѣ съ посломъ передалъ ему свое намѣреніе продолжать войну съ Турціей соотвѣтственно тѣмъ началамъ, которыя были высказаны имъ въ своемъ манифестѣ; что онъ рѣшилъ, въ случаѣ, если войнѣ не суждено кончиться во время кампаніи настоящаго 1829 года, предпринять третью, четвертую, пятую и т. д.; что онъ сожалѣетъ о необходимости пролить столько крови и принести столько жертвъ изъ-за малозначащихъ, повидимому, причинъ, но что честь и достоинство его имперіи, равно какъ личное положеніе его, какъ преемника императора Александра, не позволяютъ ему отклониться отъ принятаго непоколебимаго рѣшенія; поэтому, если, съ одной стороны, онъ не можетъ положить оружія, доколѣ цѣль, высказанная въ его манифестѣ, останется не выполненною, то, съ другой стороны, онъ также ненарушимо исполнитъ все обѣщанное въ манифестѣ, а именно, по окончаніи борьбы, отказываясь отъ всякихъ завоеваній, будетъ довольствоваться исключительно однимъ вознагражденіемъ за военныя издержки, которое будетъ ликвидировано особою комиссіей. Подобное принятое на себя добровольно обязательство даетъ союзнымъ съ нимъ монархамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей Европѣ, гарантію въ его будущемъ образѣ дѣйствій. Все это, сказалъ императоръ послу, сообщается ему для донесенія королю; вмѣстѣ съ тѣмъ государь изъяснилъ сожалѣніе объ отсутствіи англійскаго посла, которому онъ сообщилъ бы то же самое. Все это онъ не намѣренъ скрывать ни отъ кого, а всего менѣе отъ своего врага, султана ³¹⁶.

Независимо отъ этого разговора съ французскимъ посломъ, императоръ Николай поручилъ еще генералъ-адъютанту Бенкендорфу перего-

ворить объ этомъ дѣлѣ съ прусскихъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Бернсторфомъ, который, по болѣзни, не могъ принять участія въ придворныхъ торжествахъ. Министръ этотъ, повидимому, чрезвычайно опасался послѣдствій честолюбивыхъ видовъ императора Николая, которые иностранные кабинеты не переставали упорно приписывать государю.

Бесѣдуя съ министромъ и перечисливъ причины, вызвавшія войну съ Портой, неизбежность которой предвидѣлъ еще императоръ Александръ, всегда столь умѣренный въ своихъ требованіяхъ, Бенкендорфъ развилъ старанія его преемника къ сохраненію мира, высказанныя имъ при Аккерманскихъ переговорахъ. Затѣмъ Бенкендорфъ указалъ ему, что настойчивость императора Николая продолжать начатую войну съ усугубленною энергіею слѣдуетъ приписать пронкамъ европейскихъ кабинетовъ и надеждамъ, которыя они подаютъ Турціи на ихъ посредничество; что если кампанія нынѣшняго года не увѣнчается полнымъ успѣхомъ, то на слѣдующій годъ государь снова лично станетъ во главѣ своихъ войскъ, за которыми, въ случаѣ нужды, послѣдуетъ вся Россія, готовая всемъ пожертвовать для славы нашего оружія; что Европа своими интригами понудитъ насъ дойти до Константинополя и сама вызоветъ паденіе Турціи, тогда какъ сохраненіе ея входитъ въ обоюдные наши интересы; что если, напротивъ, кабинеты, вмѣсто ободренія султана къ борьбѣ съ Россіею и обѣщанія ему или помощи, или посредничества, постараются убѣдить его въ безсиліи Порты и въ необходимости просить того мира, который предложенъ ему былъ императоромъ Николаемъ еще при переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, то они тотчасъ увидятъ готовность нашу предложить честныя условія и довольствоваться тѣми гарантіями, какихъ необходимо требуютъ наша торговля и обезпеченіе нашихъ азіатскихъ границъ.

— Но вы вѣрно оставите за собою, по крайней мѣрѣ, Молдавію и Валахію? — возразилъ Бернсторфъ.

Импровизированный дипломатъ отвѣчалъ министру, что намъ нѣтъ въ нихъ ни малѣйшей надобности, и что ему надлежало бы имѣть болѣе довѣрія къ слову нашего императора, объявившаго передъ войною, что онъ начинаетъ ее не для завоеваній. Въ заключеніе Бенкендорфъ сказалъ, что прибытіе императора Николая въ Берлинъ даетъ прусскому кабинету поводъ принять на себя въ восточномъ вопросѣ роль миротворца. «Тестю, — сказалъ онъ, — прилично завести въ Константинополѣ рѣчь о мирѣ, въ качествѣ услуги и своему зятю, котораго умѣренные и справедливыя требованія ему исполнѣ извѣстны, и доброму своему союзнику—султану. Такая миссія, не имѣя вида посредничества и способствуя къ увеличенію славы Пруссіи, привела бы, по всей вѣроятности, къ послѣдствіямъ, одинаково полезнымъ и для Турціи, и для Россіи, и для всей Европы, желающей сохраненія мира».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Высказанная Бенкендорфомъ мысль понравилась министру. Обѣщаясь тотчасъ довести ее до свѣдѣнія короля, онъ прибавилъ, что вѣрить въ искренность словъ своего собесѣдника и въ желаніе императора Николая окончить дружественно эту борьбу, столь опасную для политическаго равновѣсія Европы.

Всѣ эти переговоры привели къ тому, что, по соглашенію императора Николая съ королемъ, рѣшено было немедленно отправить въ Константинополь съ мирными совѣтами Мюфлинга, а пока сохранить данное ему порученіе въ величайшей тайнѣ. Въ то время, когда остановились на этомъ рѣшеніи въ Берлинѣ, никто не подозрѣвалъ, что на Востокѣ произошли важныя событія, которыя дѣлали излишнимъ дипломатическое вмѣшательство Пруссіи, создавъ совершенно новую для насъ политическую обстановку.

Послѣдній день пребыванія императора Николая въ Берлинѣ, 31-е мая (12-е іюня), ознаменованъ былъ слѣдующимъ событіемъ. Государь, король и великій князь наслѣдникъ отправились верхомъ черезъ Бранденбургскія ворота на смотръ уланскаго полка, коего шефомъ наименованъ былъ тогда наслѣдникъ. По прибытіи къ полку, король объявилъ о семъ назначеніи командиру полка и представилъ его новому шефу. Въ изъясненіе благодарности великаго князя Александра Николаевича, читаемъ мы въ «Русскомъ Инвалидѣ» того времени, «должная почтительность къ августѣйшему дѣду соединилась съ непритворною радостію, свойственною его возрасту. Сей случай произвелъ самое сильное впечатлѣніе во всѣхъ собравшихся зрителяхъ, и самъ король былъ видимо тронутъ. Полкъ привѣтствовалъ новаго своего шефа продолжительными восклицаніями «ура», кои были повторяемы всѣмъ народомъ. Юный князь, обнаживъ шпагу, принялъ команду надъ полкомъ и повелъ оный мимо короля, императора и императрицы съ ловкостію и непринужденностію, восхитившими всѣхъ присутствующихъ. Его императорское высочество ввелъ полкъ въ городъ и самъ проводилъ штандартъ во дворецъ»³¹⁷.

31-го мая (12-го іюня), ночью императоръ Николай отправился въ обратный путь въ Варшаву. Императрица Александра Ѳеодоровна осталась еще на нѣкоторое время въ Берлинѣ.

Шестидневное пребываніе въ прусской столицѣ было для государя, какъ пишетъ Бенкендорфъ, отдохновеніемъ и истинною отрадою. Въ официальныхъ же современныхъ извѣстіяхъ рассказъ объ этомъ пребываніи сопровождался слѣдующими разсужденіями: «Сіе кратковременное его тамъ пребываніе надолго останется въ памяти. На многіе годы оставитъ оно воспоминаніе о непоколебимой дружбѣ и о самомъ искреннемъ союзѣ, заключенномъ между императоромъ Александромъ и королемъ прусскимъ, о союзѣ, который утвержденъ взаимнымъ уваженіемъ двухъ народовъ въ продолженіе знаменитой общей брани и увѣковѣченъ узами

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

родства между августѣйшими домами, коимъ Провидѣніе поручило судьбу сихъ народовъ».

Близъ Бреслава, въ маленькомъ замкѣ Сибилленортъ (Sybilleort), императоръ Николай въ 9 часовъ утра сдѣлалъ смотръ кирасирскому

Заключеніе мира въ Туркманчаѣ 10-го февраля 1828 года.
(Съ рѣдкой литографіи Бегрова, сдѣланной съ картины Машкова).

полку своего имени, явившемуся сюда по повелѣнію короля. Государь въ мундирѣ этого полка, пишетъ Бенкендорфъ, училъ его цѣлый часъ и командовалъ на нѣмецкомъ языкѣ, по прусскому воинскому уставу, ни разу не ошибаясь, какъ будто бы всю жизнь только этимъ и занимался. Полкъ и всѣ зрители не могли довольно ему надивиться и

ГЛАВА ШЕСТАЯ

нарадоваться. Потомъ императоръ провелъ полкъ церемоніальнымъ маршемъ передъ корпуснымъ командиромъ Цитеномъ и, пригласивъ всѣхъ офицеровъ къ обѣденному своему столу, пожаловалъ нѣкоторымъ изъ нихъ ордена, а нижнихъ чиновъ щедро наградилъ червонцами.

IV.

При вѣздѣ въ царство Польское императоръ Николай остановился въ Калишѣ для осмотра въ этомъ городѣ кадетскаго корпуса и одной бригады конно-егерской дивизіи. Здѣсь его встрѣтили цесаревичъ Константинъ Павловичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ. Затѣмъ, во время дальнѣйшаго пути, государь сдѣлалъ еще смотръ войскамъ, расположеннымъ въ Ловичѣ, и 4-го (16-го) іюня возвратился въ Варшаву. 6-го (18-го) іюня сюда же прибылъ изъ Берлина наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.

Въ это время года войска польской арміи собирались обыкновенно въ учебный лагерь подъ Варшавой, такъ что цесаревичу представился наконецъ случай показать государю различныя части ея, доведенныя многолѣтними стараніями до рѣдкой степени совершенства, какъ въ выправкѣ, такъ и въ строевомъ обученіи. Удовольствіе, испытанное императоромъ Николаемъ видомъ столь превосходныхъ войскъ, было еще усилено полученіемъ радостнаго извѣстія изъ арміи, дѣйствовавшей на Балканскомъ полуостровѣ. 7-го (19-го) іюня изъ главной квартиры арміи прибылъ адъютантъ главнокомандующаго, капитанъ князь Трубецкой, съ извѣстіемъ о блестящей побѣдѣ, одержанной графомъ Дибичемъ надъ верховнымъ визиремъ, 30-го мая (11-го іюня), при Кулевчѣ.

Въ письмѣ къ главнокомандующему князь Трубецкой писалъ:

«Было бы трудно описать впечатлѣніе, произведенное на императора извѣстіемъ, съ которымъ вамъ угодно было послать меня. На верху радости, или, вѣрнѣе, счастья, онъ осыпалъ меня поцѣлуями, бросился на колѣни, чтобы поблагодарить Бога, и тотчасъ же поздравилъ меня своимъ флигель-адъютантомъ и полковникомъ—двѣ милости, которыхъ я никоимъ образомъ не ожидалъ одновременно. Затѣмъ, не давъ мнѣ времени опомниться, онъ, такъ сказать, увлекъ меня на свои дрожки, чтобы отправиться сообщить эту пріятную новость великому князю Константину; я прибавилъ на словахъ все то, что зналъ изъ подробностей, касающихся какъ этого дня, такъ и всего нашего движенія отъ Силистріи. Императоръ не уставалъ слушать и проявлять свое крайнее удовольствіе относительно всего случившагося; особенно дѣлало его счастливымъ нахожденіе артиллеріи верховнаго взира въ нашихъ рукахъ. Вечеромъ въ день моего пріѣзда императоръ снова призвалъ

меня къ себѣ въ кабинетъ и, пригласивъ меня пить съ нимъ вмѣстѣ чай, около двухъ часовъ разговаривалъ со мною насдинѣ о томъ, какъ вообще у насъ обстоитъ дѣло» ³¹⁸.

Радостное чувство, овладѣвшее императоромъ Николаемъ при полученіи извѣстія о побѣдѣ 30-го мая, является естественнымъ послѣдствіемъ нерѣшительнаго исхода кампаніи 1828 года. Въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ раздавались зловѣщіе предсказанія насчетъ дальнѣйшихъ неудачъ, ожидавшихъ Россію въ ея борьбѣ съ Портой; по мнѣнію однихъ, война должна была затянуться на многіе годы, по мнѣнію другихъ, русскимъ войскамъ предстояло неминуемое пораженіе и во второмъ походѣ; не было также недостатка въ злорадныхъ насмѣшкахъ надъ позорнымъ уныніемъ, будто бы овладѣвшимъ Россією. И что же оказалось въ дѣйствительности: получается вдругъ извѣстіе, что армія верховнаго визиря разбита, даже разсѣяна, утратила свою артиллерію, и что движеніе русской арміи за Балканы можетъ отнынѣ входить въ расчеты ея главнокомандующаго ³¹⁹.

Императоръ Николай повелѣлъ отпраздновать Кулевчинскую побѣду торжественнымъ молебствіемъ въ лагерѣ при Повонзкахъ. Оно состоялось 9-го (21-го) іюня подъ двумя палатками, изъ которыхъ одна предназначалась для православнаго, а другая для римско-католическаго богослуженія. По окончаніи молебствія, во время пушечной пальбы, государь самъ первый закричалъ «ура», повторенное за нимъ десятками тысячъ голосовъ, къ большому неудовольствію цесаревича, очень не жаловавшаго подобной демонстраціи и даже самаго слова «ура». Затѣмъ войска проходили церемоніальнымъ маршемъ. Въ строю было болѣе 30.000 человекъ. Послѣ парада трофеи, знамена и штандарты, отбитые у турокъ, возмы были по лагерю и по улицамъ Варшавы, подъ прикрытіемъ эскадрона польскихъ гвардейскихъ конноегерей и потомъ поставлены въ придворной греко-россійской церкви.

Въ тотъ же день императоръ Николай писалъ графу Дибичу:

«Да будетъ Господь тысячекратъ благословенъ, и да вознаградитъ Онъ васъ, любезный другъ, въ будущей жизни за ту выдающуюся услугу, которую вы оказали нашему отечеству! Вамъ извѣстны чувства, питаемая мною къ вамъ, и вы знаете также то довѣріе, которое я имѣю къ вашимъ чувствамъ; я счастливъ, что вы доказали всему міру, что довѣріе мое къ вамъ было справедливо. Примите мою сердечную и душевную благодарность. Отнынѣ имя ваше начертано безсмертными строками въ лѣтописяхъ славы нашей арміи! Радость здѣсь была большая: вся армія подъ ружьемъ и подъ моею командою присутствовала при молебнѣ, который мы отслужили сегодня по утру, при громѣ залповъ всей артиллеріи и въ присутствіи всей Варшавы. Георгій 2-й степени васъ украситъ; сдѣлайте такъ, чтобы я могъ перемѣнить его на

ГЛАВА ШЕСТАЯ

первую степень, и никто тому не будет радоваться болѣе меня. Что же касается возможности попытки противъ Шумлы, то я предпочитаю сомнѣваться въ ней, чѣмъ обольщать себя напрасною надеждою; впрочемъ я увѣренъ, что вы не захотите терять плодовъ побѣды, рискуя войсками безъ увѣренности въ успѣхѣ. Шумла—полезный придатокъ, но не необходимый, между тѣмъ какъ приготовленія къ переходу черезъ Балканы представляютъ цѣль, которую вы всегда должны имѣть передъ глазами, и къ достиженію которой вамъ слѣдуетъ направить всѣ ваши усилія. Я сдѣлаю все, что возможно, чтобы облегчить вамъ успѣхъ предпріятія» ³²⁰.

Генералъ-адъютантъ баронъ Толь, «храбрый и достойный помощникъ» главнокомандующаго, какъ его называетъ императоръ Николай въ томъ же письмѣ къ Дибичу, возведенъ былъ за Кюлевчу въ графское достоинство.

Поздравляя графа Дибича съ одержанной побѣдой, генералъ-адъютантъ Адлербергъ писалъ ему изъ Варшавы одновременно съ государемъ:

«Ваши таланты, ваша настойчивость, ваша твердость, ваша предпримчивая рѣшительность не могли быть подвержены сомнѣнію, такъ какъ множество фактовъ подтверждали ихъ; но счастье могло вамъ не благоприятствовать; вы только что доказали міру, что со всѣми выдающимися качествами, составляющими отличительное свойство генерала, вы соединяете еще ту столь необходимую особенность, то счастье, которое создастъ великаго полководца. Армія, Россія, императоръ нуждались въ побѣдѣ, чтобы занять въ глазахъ завистливой Европы ихъ прежнее положеніе рѣшительнаго превосходства; вы сами нуждались въ ней, чтобы заставить замолчать зависть и интригу; вы блестящимъ образомъ достигли этой двойной цѣли; побѣдивъ визиря, уничтоживъ его армію, вы тѣмъ самымъ поразили вашихъ враговъ и враговъ государства, тайныхъ и явныхъ. Еще разъ поздравляя васъ съ этимъ успѣхомъ, поздравляю также и себя и всѣхъ добромыслящихъ людей! Да благословитъ Небо и впредь ваши усилія и даруетъ вамъ возможность присоединить къ чуднымъ побѣднымъ лаврамъ не менѣе славные лавры миротворца. Я не буду пытаться описать вамъ радость императора; она отвѣчаетъ важности событія, вызвавшего ее, она на уровнѣ его любви къ счастью и славѣ его народа и его арміи, его милостивой дружбы, его безграничнаго довѣрія къ вамъ» ³²¹.

Во время пребыванія императора Николая въ Варшавѣ онъ получилъ также донесенія о дѣйствіяхъ Черноморскаго флота, одно радостное, а другое печальное.

Адмиралъ Грейгъ донесъ рапортомъ о подвигѣ брига «Меркурія», выдержавшаго 14-го (26-го) мая трехчасовое сраженіе съ двумя ли-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

нейными турецкими кораблями въ виду всего непріятельскаго флота, неожиданно появившагося въ Черномъ морѣ. Командиръ брига, капитанъ-лейтенантъ Козарскій, приказалъ прибить флагъ къ мачтѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не могло быть рѣчи о сдачѣ, офицеры же поклялись, что тотъ изъ нихъ, который останется въ живыхъ, воспламенитъ кровью-камору пистолетомъ. Императоръ Николай написалъ на рапортѣ Грейга:

«Капитанъ-лейтенанта Козарскаго произвести въ капитаны 2-го ранга, дать Георгія 4-го класса, назначить въ флигель-адъютанты съ оставле-

Входъ въ Наваринскую бухту.

(Съ рисунка Вебера).

ніемъ при прежней должности и въ гербъ прибавить пистолетъ. Всѣхъ офицеровъ въ слѣдующіе чины, и у кого нѣтъ Владимира съ бантомъ, то таковой дать. Штурманскому офицеру сверхъ чина дать Георгія 4-го класса. Всѣмъ нижнимъ чинамъ знаки отличія военнаго ордена и всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ двойное жалованье въ пожизненный пенсіонъ. На бригъ «Меркурій» георгіевскій флагъ».

Одновременно съ донесеніемъ о блистательномъ подвигѣ брига «Меркурія», мужественно вступившаго въ бой, предпочитая очевидную гибель безчестію плѣна, получено было извѣстіе о позорной сдачѣ фрегата «Рафаилъ», командиръ котораго, капитанъ 2-го ранга Стройниковъ, спустил флагъ при встрѣчѣ съ турецкимъ флотомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Графъ Мольке пишетъ: «Капуданъ-паша захватилъ призъ, самъ не вѣдая, какимъ образомъ это случилось; Аллахъ въ сущности послалъ ему даръ во снѣ. Но, тѣмъ не менѣе, эта добыча причинила туркамъ большую радость, возбудивъ въ народонаселеніи неосновательныя надежды. Фрегатъ «Рафаиль» привели съ торжествомъ въ Константинополь».

4-го (16-го) іюня императоръ Николай подписать въ Варшавѣ указъ на имя адмирала Грейга объ учрежденіи подъ его предѣтельствомъ комиссіи для разбора обстоятельствъ, побудившихъ Стройникова къ сдачѣ фрегата. Указъ заканчивался словами: «Уповаю на помощь Всевышняго, пребываю въ надеждѣ, что неустрашимый флотъ Черноморскій, горя желаніемъ смыть безславіе фрегата «Рафаиль», не оставитъ его въ рукахъ непріятеля. Но, когда онъ будетъ возвращенъ во власть нашу, то, почитая фрегатъ сей впредь недостойнымъ носить флагъ Россійскій и служить наряду съ прочими судами нашего флота, повелѣваю вамъ предать оный огню».

Повелѣніе императора Николая исполнено было въ точности, почти 25 лѣтъ спустя, вице-адмираломъ Нахимовымъ во время Синопскаго боя 1853 года. Фрегатъ «Рафаиль», названный турками «Фазли-Аллахъ» (данный Богомъ), зажженъ былъ во время сраженія выстрѣлами съ нашего флагманскаго корабля «Императрица Марія» и взлетѣлъ на воздухъ въ виду русской эскадры.

Ободренный одержаннымъ нечаяннымъ успѣхомъ, капуданъ-паша рѣшился вторично выйти въ море, 24-го мая (4-го іюня), намѣреваясь атаковать Сизополь. Послѣ десятидневнаго плаванія турецкій флотъ показался въ виду Сизополя, но, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, столь же неожиданно возвратился въ Босфоръ. Съ этого времени адмиралъ Грейгъ блокировалъ со своимъ флотомъ Босфоръ, въ то время какъ вице-адмиралъ, графъ Гейденъ, блокировалъ Дарданеллы; они прервали по обоимъ проливамъ подвозъ жизненныхъ припасовъ къ столицѣ, захватили множество призовъ и безпокоили побережье. Что же касается капудана-пашы, то, опасаясь утратить пріобрѣтенныя лавры въ случаѣ новыхъ предпріятій, онъ по совершеніи прогулки въ Сизополь болѣе не покидалъ занятаго обезпеченнаго рейда.

Намѣреваясь произвести смотръ войскамъ гвардейскаго корпуса, расположеннымъ лагеремъ въ Тѣльчинѣ, императоръ Николай выѣхалъ изъ Варшавы 13-го (25-го) іюня, вечеромъ. По пути слѣдованія предназначены были еще смотры въ Краснотавѣ, Замосцѣ и Луцкѣ, въ присутствіи цесаревича Константина Павловича.

Во время проѣзда въ Краснотавъ императоръ Николай имѣлъ встрѣчу, которая не осталась безъ вліянія на послѣдующія событія въ Польшѣ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

За станцію до Пулавъ, по разсказу Бенкендорфа, къ государю явился какой-то человекъ во фракъ съ приглашеніемъ отъ княгини Чарторижской, матери князя Адама, остановиться у нея въ Пулавскомъ замкѣ. «Такой странный образъ приглашенія, — пишетъ Бенкендорфъ, — побудилъ государя къ отказу, выраженному впрочемъ въ вѣжливыхъ формахъ. Противъ самыхъ Пулавъ надо было переѣзжать черезъ Вислу на поромѣ. Мы увидѣли, что на противоположномъ берегу стоитъ много людей, и когда переѣхали рѣку, то княгиня сама подошла повторить государю свое приглашеніе. Государь, стоя, несмотря на палящіе лучи

Битва при Наваринѣ.

(Съ рисунка тушью того времени. Изъ собранія П. Я. Дашкова).

солнца, безъ фуражки, извинялся тѣмъ, что не можетъ медлить въ пути, такъ какъ цесаревичъ ожидаетъ его на ночлегѣ. Старуха, которая имѣла видъ настоящей сказочной вѣдьмы, продолжала настаивать и на повторенный отказъ сказала: «Ахъ! вы меня жестоко огорчили, и я не прощу вамъ этого вовеки». Государь поклонился и уѣхалъ».

По мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, эта случайная встрѣча императора Николая съ княгинею Чарторижскою имѣла пагубныя послѣдствія, ускоривъ развязку польскихъ дѣлъ въ революціонномъ смыслѣ.

Послѣ смотра въ Красновѣ государь направился въ Замосць, гдѣ онъ съ особеннымъ вниманіемъ ознакомился также съ крѣпостными сооруженіями, а затѣмъ въ Луцкѣ осмотрѣлъ собранную здѣсь 25-ю

ГЛАВА ШЕСТАЯ

пѣхотную дивизію отдѣльнаго Литовскаго корпуса. Здѣсь цесаревичъ простился съ его величествомъ.

Послѣ отъѣзда государя изъ Варшавы генераль-адъютантъ Бенкендорфъ въ письмѣ къ графу Дибичу высказалъ слѣдующія заключенія по поводу польскихъ дѣлъ:

«Благодаря Богу и самообладанію императора надъ самимъ собою, все кончилось благополучно, и оба августѣйшіе брата разстались крайне довольные одинъ другимъ. Поляки въ восторгѣ отъ своего короля и преисполнены довѣрія къ его мудрости. Увѣряю васъ, что невозможно быть болѣе разсудительными, чѣмъ они, и болѣе покорными волѣ Провидѣнія, подчинившаго ихъ военному вліянію великаго князя. Теперь, дорогой графъ, я видѣлъ собственными глазами и буду вѣрить лишь своимъ глазамъ. Польскія русскія провинціи заслуживаютъ еще большаго сожалѣнія; нѣтъ приближенца, нѣтъ конституціи, которая можно было бы противопоставить волѣ военнаго начальника. Всѣ надѣются и съ покорностью ожидаютъ повелѣній императора»³²².

Изъ Луцка императоръ Николай проѣхалъ, не останавливаясь, до Тульчина, гдѣ нашелъ 19-го іюня (1-го іюля) свою палатку, раскинутую въ лагерѣ гвардейскаго корпуса, расположенномъ среди прекрасной мѣстности близъ бывшей главной квартиры второй арміи. По разсказу Бенкендорфа: «войско было въ восхищеніи, что увидѣло государя, онъ тоже былъ чрезвычайно радъ тому, что снова находился посреди своей гвардіи, въ которой зналъ не только всѣхъ генераловъ и офицеровъ, но и многихъ изъ нижнихъ чиновъ. Государь любовался своимъ войскомъ и на общихъ парадахъ, и на частныхъ смотрахъ, и на маневрахъ, и остался имъ вполне доволенъ. Гвардейскій корпусъ былъ опять такъ же хорошъ, какъ и при выступленіи изъ Петербурга. Слѣды утомленія отъ похода и военныхъ потерь совершенно исчезли: здоровый и бодрый видъ людей и лошадей не оставлялъ ничего желать».

Разставшись съ гвардіею, императоръ Николай направился черезъ Бѣлую Церковь въ Кіевъ, въ которомъ онъ не былъ съ 1816 года, когда впервые посѣтилъ этотъ городъ, будучи еще великимъ княземъ. 23-го іюня (5-го іюля), въ девятомъ часу вечера, государь съ дороги прямо подѣхалъ къ Печерской лаврѣ, гдѣ ожидали его митрополитъ Евгеній съ духовенствомъ и всею монастырскою братіей. Множество богомольцевъ, въ эту пору года стекавшихся въ Кіевъ, наполняло всю монастырскую ограду; древній соборъ переполненъ былъ народомъ, военными и гражданскими чиновниками, городскими дамами. Выйдя изъ лавры, государь взялъ къ себѣ въ коляску находившагося здѣсь главнокомандующаго первою арміею, фельдмаршала графа Сакена, и отвезъ его въ занимаемую имъ квартиру, а потомъ уже поѣхалъ въ домъ военнаго губернатора въ Липкахъ, предназначенный для помѣщенія державнаго гостя.

Адмиралъ Кодрингтонъ.
(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

На слѣдующій день, утромъ, здѣсь представлялись государю генералы и полковые командиры расположенныхъ въ Кіевѣ войскъ, гражданскіе чиновники, купечество и др., а затѣмъ его величество слушалъ въ Софійскомъ соборѣ литургію и прикладывался къ мощамъ. Изъ собора государь направился въ лавру для поклоненія почивающимъ въ пещерахъ угодникамъ. Въ 4 часа изъ Тульчина прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а въ 6 часовъ вечера происходилъ смотръ войскамъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

25-го іюня (7-го іюля), въ день рожденія императора Николая, получено было отъ графа Дибича извѣстіе о покореніи крѣпости Силистріи, которая 18-го (30-го) іюня сдалась на капитуляцію генералу Красовскому. Силистрія взята была безъ штурма; осадными работами руководилъ генераль-майоръ Шильдеръ, который благополучно довель крѣпость до сдачи одними лопатами. Побѣдителю достались 220 орудій, 80 знаменъ, флотилія и гарнизонъ въ 10.000 человекъ. Послѣ развѣда государь слушалъ обѣдню въ Андреевской церкви, а въ часъ пополудни присутствовалъ въ Софійскомъ соборѣ на благодарственномъ, по поводу взятія Силистріи, молебнѣ, совершенномъ митрополитомъ Евгеніемъ.

Изъ наградъ, пожалованныхъ за покореніе Силистріи, отмѣтимъ слѣдующія: графъ Дибичъ назначенъ былъ шефомъ Черниговскаго полка, генералъ Красовскій награжденъ орденомъ св. Владимира первой степени, а генералъ Шильдеръ орденомъ св. Георгія 3-го класса.

26-го іюня (8-го іюля), государь осматривалъ крѣпостныя работы, производившіяся плѣнными турками; при этомъ онъ далъ повелѣніе избрать изъ нихъ 200 человекъ старшихъ и семейныхъ и отпустить ихъ въ Турцію. Въ тотъ же день государь послѣ обѣда выѣхалъ въ Козелецъ.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, неразлучный спутникъ императора Николая, во время путешествія 1829 года, пишетъ въ своихъ запискахъ по поводу высочайшаго пребыванія въ Кіевѣ, что, кромѣ важнѣйшихъ городскихъ церквей, государь осмотрѣлъ также общественныя заведенія, арсеналъ и крѣпостныя сооруженія. «На всѣ эти осмотры, при которыхъ отдавались многія приказанія объ исправленіяхъ и улучшеніяхъ, ему при обычной его дѣятельности дозволено было двухъ дней, хотя въ то же время онъ нисколько не задерживалъ текущихъ дѣлъ; курьеры, ежедневно приѣзжавшіе, въ продолженіе высочайшаго путешествія, изъ Петербурга или изъ арміи, были отправляемы обратно въ ту же ночь. Государь ложился спать не раньше трехъ часовъ утра, чтобы только порѣшить и отослать всѣ безъ изъятія поступившія бумаги. Такимъ образомъ, доклады государственнаго совѣта, комитета министровъ, министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, военнаго и финансовъ, и начальниковъ армій возвращались точно такъ же безъ замедленія, какъ бы государь проживалъ въ Петербургѣ, свободно располагая своимъ временемъ. Кромѣ того, онъ находилъ время ежедневно писать подробныя письма къ императрицѣ, прочитывать донесенія о здоровьѣ и ходѣ уроковъ его дѣтей, перелистывать газеты и часто даже пробѣгать вновь появившіяся въ печати книги на русскомъ и французскомъ языкахъ».

Во время пребыванія въ Козельцѣ государь дѣлалъ смотры 2-му резервному кавалерійскому корпусу и черезъ Черниговъ прибылъ 30-го іюня (12-го іюля) въ крѣпость Бобруйскъ. Здѣсь императоръ Николай,

какъ бывшій генераль-инспекторъ, съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ крѣпостныя сооруженія. Едва выйдя изъ коляски, онъ тотчасъ пошелъ по работамъ, хотѣлъ все видѣть собственными глазами, вышнуть лично во всѣ подробности, все обсудить и всему дать дальнѣйшее направленіе. Подобно тому, какъ въ Кіевѣ, здѣсь также работали плѣнные турки; государь явился среди занимаемаго ими лагеря совершенно одинъ и возвратилъ многимъ свободу. Въ Бобруйскѣ къ этому времени доставлено было великое множество турецкихъ знаменъ; государь помѣстилъ часть изъ нихъ въ бобруйскій крѣпостной соборъ, въ память своего здѣсь пребыванія, а прочія отосланы были въ Петербургъ.

Императоръ Николай вспомнилъ въ Бобруйскѣ заслуги своего бывшего ближайшаго сотрудника по управленію инженернымъ корпусомъ (съ 1818 по 1825 годъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ основателя этой крѣпости — инженеръ-генерала Оппермана: 16-го (28-го) іюля 1829 года государь подписалъ въ Бобруйскѣ рескриптъ на его имя, по которому генераль Опперманъ возведенъ былъ въ графское достоинство, «за долговременное неутомимо-дѣятельное и полезное служеніе».

Пробывъ въ Бобруйскѣ три дня, императоръ Николай, направивъ свой дальнѣйшій путь черезъ Могилевъ, Витебскъ, Великія Луки и Старую Руссу, прибылъ 11-го (23-го) іюля вечеромъ въ Царское Село. На другой день государь съ наслѣдникомъ и великими князьями перѣѣхалъ въ Петергофъ.

13-го (25-го) іюля въ Красномъ Селѣ въ присутствіи государя состоялся парадъ расположеннымъ здѣсь въ лагерѣ войскамъ. Военно-плѣнные турецкіе офицеры, одинъ двухъ-бунчужный паша и двѣнадцать бимъ-башей были приглашены на парадъ. Имъ даны были лошади, осѣдланныя по-турецки, и вообще оказаны, какъ сообщалось въ современныхъ печатныхъ извѣстіяхъ, «всѣ учтивости, съ коими обходятся у насъ съ обезоруженными плѣнными непріятелями. Турки въ полной мѣрѣ чувствовали отличіе, имъ оказанное таковымъ приѣмомъ при самомъ монархѣ всероссійскомъ. Но какою радостію были они поражены, когда послѣ развода, бывшаго въ лагерѣ, его императорское величество изволилъ подойти къ нимъ и объявить, что онъ даруетъ имъ свободу; что они могутъ возвратиться на свою родину, и что уже повелѣлъ снабдить ихъ какъ деньгами, такъ и всѣмъ нужнымъ для совершенія столь дальняго путешествія».

Въ тотъ же день императоръ Николай снова сѣлъ въ дорожную коляску съ генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ и скакалъ навстрѣчу императрицѣ, возвращавшейся изъ Берлина; государь имѣлъ радость встрѣтиться съ нею за двѣ станціи отъ Нарвы. 16-го (28-го) іюля ихъ величества прибыли въ Петербургъ къ молебствію въ Казанскомъ соборѣ, назначенному по случаю поѣздъ, одержанныхъ графомъ Дибичемъ при

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кулевчѣ и графомъ Паскевичемъ при Милидюзѣ. Послѣ молебствія ихъ величества отправились въ Елагинскій дворецъ ³²³.

Этимъ завершились путешествія императора Николая въ 1829 году, продолжавшіяся безъ перерыва почти три мѣсяца ³²⁴.

Пока готовились громадной важности событія на Балканскомъ полуостровѣ и въ Азіи, въ Петербургъ прибылъ персидскій принцъ Хозревъ-Мирза, который долженъ былъ исходатайствовать у подножія царскаго престола прощенье въ убійствѣ нашего посланника въ Тегеранѣ.

Выше уже было упомянуто, что Аббасъ-Мирза прислалъ въ Тифлисъ своего сына Хозревъ-Мирзу. Но онъ явился къ главнокомандующему скорѣе, какъ аманатъ, чѣмъ какъ посланникъ; принцъ не былъ снабженъ письмомъ шаха къ государю и не имѣлъ даже денегъ для дальнѣйшаго путешествія. Графъ Паскевичъ распорядился тогда по-своему и разсѣкъ гордіевъ узелъ, отправивъ безъ дальнѣйшихъ переговоровъ Хозревъ-Мирзу въ Петербургъ и увѣдомивъ Аббасъ-Мирзу о сдѣланномъ распоряженіи. Шахъ спохватился еще въ-время и немедленно отправилъ курьера съ письмомъ къ государю, исполненнымъ смиреннѣйшихъ извиненій. Этотъ курьеръ догналъ Хозревъ-Мирзу въ Новгородѣ, и такимъ образомъ рѣшительный образъ дѣйствій Паскевича привелъ къ желаемой цѣли.

10-го (22-го) августа состоялась торжественная аудіенція персидскаго принца въ Зимнемъ дворцѣ. По разсказу генералъ-адъютанта Бенкендорфа:

«Государственные сановники, дворъ, свита государева, генералы и офицеры гвардіи и городскія дамы были собраны въ Георгіевскую залу Зимняго дворца, обставленную дворцовыми гренадерами, и размѣщены по обѣимъ ея сторонамъ, а государь съ императрицею стали на ступеняхъ, ведущихъ къ тропу. Оберъ-церемоніймейстеръ ввелъ молодого принца съ его свитою и послѣ трехъ поклоновъ тому, котораго онъ прибылъ умолять о пощадѣ именемъ своего дѣда, Хозревъ-Мирза прочелъ свою рѣчь съ видимымъ для всѣхъ волненіемъ, внушеннымъ ему и ея цѣлю и высокимъ кругомъ предстоявшихъ слушателей. Отвѣтъ нашъ, написанный въ самыхъ дружественныхъ и успокоительныхъ выраженіяхъ, былъ прочитанъ вице-канцлеромъ графомъ Нессельроде ³²⁵.

«По волѣ государя приложено было все стараніе сдѣлать персидскому принцу пріятнымъ пребываніе его въ Петербургѣ. Его окружили всевозможнымъ почетомъ, разнообразными развлеченіями и самою нѣжною предупредительностью со стороны двора, даже ввели въ тѣснѣйшій кругъ императорскаго дома. Его возили по всѣмъ общественнымъ заведеніямъ, театрамъ, кадетскимъ корпусамъ, приглашали на разводы и на маленькіе маневры въ окрестностяхъ Царскаго Села; наконецъ, осыпали вмѣстѣ съ чинами его свиты подарками, достойными его высокаго сана и того монарха, отъ котораго они жаловались.

Графъ Логгинъ Петровичъ Гейденъ.

(Съ портрета масляными красками, принадлежащаго Е. И. В. Великому Князю Николаю Михайловичу).

«Хозревъ-Мирза уѣхалъ изъ Петербурга въ восторгѣ отъ сдѣланнаго ему пріема и отъ достигнутаго черезъ его пріѣздъ возобновленія дружественныхъ сношеній между Россією и Персією. Двѣнадцать пушекъ, посланныхъ въ даръ Аббасъ-Мирзѣ еще отъ имени императора Але-

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ксандра и взятыхъ у персіянъ съ боя въ продолженіе минувшей войны, были замѣнены равнымъ числомъ орудій превосходнѣйшей отдѣлки и отправлены въ Тавризъ съ прочими подарками для отца принца-посланника».

V.

Послѣ Кулевчинской побѣды и покоренія Силлестріи императору Николаю оставалось ждать перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы. «Подготовляйте и торопитесь приготовленіями къ переходу черезъ горы (*soignez et pressez les préparatifs du passage des monts*)», — писалъ императоръ Николай графу Дибичу еще 21-го іюня (3-го іюля) 1829 года изъ Тульчина. 30-го іюля (11-го августа) извѣстіе объ этомъ счастливомъ событіи обрадовало государя. Переходъ черезъ Балканы совершился благополучно ³²⁶. 5-го (17-го), 6-го (18-го) и 7-го (19-го) іюля, затѣмъ съ 11-го (23-го) по 31-е іюля (12-е августа) заняты были Мисемврія, Ахіоло, Бургасъ, Айдосъ, Карнабатъ, Ямболъ и Сливно, а въ заключеніе 8-го (20-го) августа сдался на капитуляцію, безъ выстрѣла Адриано-поль. Вслѣдъ затѣмъ войска наши заняли 9-го (21-го) августа Люле-Бургасъ; Иніада покорена Черноморскимъ флотомъ, Демотика сдалась добровольно, а 26-го августа (7-го сентября) занятъ городъ Эносъ, послѣ чего армія наша вошла въ связь съ находившеюся въ Архипелагѣ эскадрою графа Гейдена. Съ этого момента слава графа Дибича, какъ полководца, окончательно утвердилась, а завистники и недоброжелатели его умолкли надолго.

«Любезный другъ, съ какою радостью я могу сказать вамъ: спасибо, Забалканскій, — писалъ императоръ Николай графу Дибичу 4-го (16-го) августа: — названіе это принадлежитъ вамъ по праву, и я даровалъ его вамъ отъ всего сердца. Но прежде всего да будетъ тысячекратно благословенъ Господь за Его столь явное вамъ содѣйствіе, признаемъ Его покровительство во всемъ, что случается для насъ счастливаго. Затѣмъ примите полную мою благодарность за ваше движеніе, столь же счастливо, сколь искусно соображенное и отлично выполненное храбрыми помощниками вашими. Вы правы, говоря, что теперь время убѣдиться, насколько вѣрно судили тѣ, которые утверждали, что было бы вполне ошибочно упорствовать въ овладѣніи Шумлою, между тѣмъ какъ настоящимъ предметомъ атаки и цѣлью движенія представлялись Балканы. Доказательство налицо. Побѣда подъ Кулевчею положила всему основаніе, и вы пожинаете ея плоды» ³²⁷.

Нѣсколькими днями ранѣе императоръ Николай, по полученіи донесенія о взятіи Эрзерума, писалъ 30-го іюля (11-го августа) графу Паскевичу:

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ.

(Съ гравюры Генриха Доу, сдѣланной съ портрета, писаннаго его отцомъ).

«Трудно мнѣ вамъ выразить, любезный мой Иванъ Ѳеодоровичъ, съ какимъ душевнымъ удовольствіемъ получилъ я извѣстія, привезенныя Дадіановымъ и Фелькерзамомъ. Вы все сдѣлали, что можно было только ждать послѣ продолжительной и трудной кампаніи, и все сдѣлали въ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

14 дней; вы вновь прославили имя русское, храброе наше войско, и сами приобрели новую неувядаемую славу; да будет награда ваша — первая степень Георгія — памятникомъ для васъ и для войскъ, вами предводительствуемыхъ, славныхъ вашихъ подвиговъ и того уваженія, которое съ искренней дружбой и благодарностію моею навѣки принадлежить вамъ. Изъявите всѣмъ мое совершенное удовольствіе и признательность; поведеніе войскъ послѣ побѣды мнѣ столь же пріятно, сколь славнѣйшіе подвиги военные; оно стоитъ побѣдъ вліяніемъ въ пользу нашу... Сего же вечера получилъ я рапортъ Ивана Ивановича изъ Айдоса... вопросъ: чего хочетъ султанъ? Казалось бы, правда, и этого довольно, но товарищъ Махмудъ упрямъ; зато мой Иванъ Ѳедоровичъ и Иванъ Ивановичъ его прошколятъ досыга».

Извѣстія изъ дѣйствующихъ армій крайне запаздывали. Когда начался Забалканскій походъ, императоръ Николай оставался въ невѣдѣніи о ходѣ операций въ продолженіе четырнадцати дней. Донесеніе же о занятіи Адріанополя пришло въ С.-Петербургъ лишь 27-го августа (8-го сентября), послѣ семнадцати тревожныхъ дней, проведенныхъ государемъ въ ожиданіи курьера.

28-го августа (9-го сентября) императоръ Николай писалъ графу Дибичу Забалканскому:

«Послѣ семнадцати тревожныхъ дней я получилъ вчера, любезный другъ, ваше безподобное письмо, отъ 9-го числа, изъ Адріанополя. Да будетъ тысячекратно благословенъ Богъ за сію новую мплость, вы же примите мою живѣйшую и искреннюю признательность за блестящій и прочный результатъ, достигнутый благодаря отличнымъ вашимъ распоряженіямъ и превосходному ихъ выполненію. Имя ваше, любезный другъ, отнынѣ навсегда принадлежитъ исторіи и прославитъ наши военные лѣтописи... Богъ да наставитъ васъ и поддержитъ въ послѣднихъ трудахъ вашихъ и да сподобитъ васъ сколь возможно скорѣе подписать прекрасный Адріанопольскій миръ»³²⁸.

Послѣ рѣшительныхъ успѣховъ русскаго оружія въ Европѣ и въ Азіи, двухлѣтняя кровавая борьба съ Портою приближалась наконецъ къ вождедѣльной развязкѣ, предвѣщавшей скорый миръ. Предвидя уже съ нѣкотораго времени подобную развязку, императоръ Николай отправилъ въ армию графа Дибича для веденія мирныхъ переговоровъ генералъ-адъютанта графа А. Ф. Орлова, «человѣка надежнаго, умнаго и русскаго по имени»³²⁹, и тайнаго совѣтника графа Ф. П. Падена.

Судя по письму графа Дибича къ императору Николаю отъ 9-го (21-го) августа 1829 года, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, вступая въ Адріанополь: 12.200 человѣкъ пѣхоты, 4.500 кавалеріи и 100 орудій. Вотъ съ какими скромными силами предстояло Забалканскому пригнудить турокъ къ миру или же принять крайнія мѣры противъ даль-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

нѣйшаго упорства Порты. Къ этому арифметическому, такъ сказать, элементу данной минуты нужно присоединить еще и нравственный элементъ, о которомъ въ то время въ с.-петербургскихъ сферахъ, конечно, не могли составить себѣ яснаго представленія. Между тѣмъ, по свидѣтельству очевидца адрианопольскихъ событій, генерала Михайловскаго-

Графъ Петръ Александровичъ Толстой.

(Съ рѣдчайшей гравюры Доу).

Данилевскаго ³³⁰, оказывается, что графъ Дибичъ желалъ чрезмѣрно мира, потому что армія наша таяла, какъ ледъ при лучахъ солнца, и отъ невѣроятнаго количества больныхъ, ежедневно умножавшихся, появился какой-то духъ унынія въ войскахъ, въ особенности же среди генераловъ, — «унынія, которому подобнаго я еще въ нашей арміи не

ГЛАВА ШЕСТАЯ

видалъ». Приведенное нами свидѣтельство Данилевскаго не лишено значенія, если припомнить, что онъ прожилъ въ арміи всѣ тяжелыя минуты, случавшіяся не разъ во время походовъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Къ тому же приближался сентябрь мѣсяцъ, а съ нимъ вмѣстѣ дождливое время года, которое, дѣлая дороги окончательно непроходимыми, возбуждало справедливыя опасенія насчетъ успѣшнаго хода дальнѣйшихъ операцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій не терялъ изъ виду, что онъ находился съ горстью людей среди непріятельской земли, имѣя въ тылу Балканы и до 80.000 больныхъ, разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ Турціи, изъ которыхъ многіе подверглись чумной заразѣ. Неудивительно, что при подобной обстановкѣ наши генералы, а во главѣ ихъ даже графъ Толь, мечтали болѣе о мирѣ и скорѣйшемъ возвращеніи въ Россію, чѣмъ о пріобрѣтеніи новыхъ лавровъ; у всѣхъ, даже среди ближайшихъ сотрудниковъ главнокомандующаго, замѣчались признаки какой-то усталости, апатіи, вызванныхъ болѣзненнымъ состояніемъ и лишениями, сопряженными съ трудностями похода.

Принимая всѣ изложенныя нами обстоятельства во вниманіе, нельзя удивляться, что появленіе въ Адріанополѣ 16-го (28-го) августа уполномоченныхъ, присланныхъ султаномъ, преисполнило главную квартиру радостными чувствами³³¹. Начатыя немедленно переговоры подвигались, однако, не слишкомъ быстро впередъ, послѣ того какъ турки, оправившись отъ перваго испуга, нѣсколько осмотрѣлись. Чтобы сдѣлать ихъ болѣе сговорчивыми, графу Дибичу пришлось прибѣгнуть къ демонстраціямъ и двинуть передовыя силы арміи по направленію къ Константинополю, занявъ пространство отъ Мидіи на Черномъ морѣ до Родосто на Мраморномъ морѣ. Разъѣзды, выславшіеся изъ Чорлу, доходили до 60 верстъ къ Царьграду; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы были всѣ распоряженія къ выступленію главной квартиры въ Люле-Бургастъ.

Мѣры, принятыя графомъ Дибичемъ, устроили турокъ и привели къ миру. Вечеромъ 29-го августа (11-го сентября) пріѣхалъ курьеръ изъ Константинополя отъ прусскаго посланника Ройе (Royer) съ письмомъ къ главнокомандующему отъ французскаго и англійскаго пословъ при Оттоманской Портѣ (графа Гильемино и Р. Гордона), въ которомъ они увѣдомляли, что въ случаѣ движенія русскихъ войскъ къ Царьграду Порта перестанетъ существовать (*dans ce cas elle cessera d'exister*), и что самое ужасное безначаліе, уничтоживъ власть ея, подвергнетъ безъ защиты самому пагубному жребію христіанъ и мусульманъ Турецкой имперіи³³².

«Письмо это, — пишетъ Данилевскій, — въ коемъ представители двухъ сильныхъ державъ объявляли торжественно, что Порта проситъ пощады и жребій свой предоставляетъ великодушію побѣдителей, исполнило насъ неописанною радостію. Главнокомандующій столь былъ пораженъ сло-

вами, что въ случаѣ движенія его существованіе Турціи прекращается, что у него изъ глазъ лились ручьи слезъ». Графъ Толь также плакалъ.

Императоръ Николай назвалъ декларацію пословъ: «un certificat de ruine, signé par les ambassadeurs de France et d'Angleterre»³³³.

Заботливое къ намъ участіе европейскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ не ограничилось присылкою деклараціи. 30-го августа (11-го сентября) въ Адрианополь лично явился прусскій посланникъ Ройе, котораго турецкое правительство упросило, по причинѣ тѣсныхъ связей, существовавшихъ между берлинскимъ дворомъ и русскимъ, ѣхать въ главную квартиру графа Дибича ходатайствовать о скорѣйшемъ заключеніи мира. На рѣшеніе, принятое Портою, повліяли до нѣкоторой степени переговоры, начатые прибывшимъ въ Константинополь прусскимъ генераломъ Мюфлингомъ; но, съ другой стороны, данное ему, какъ выше упомянуто, дипломатическое порученіе крайне облегчалось успѣхами русскаго оружія³³⁴.

Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ со стороны турецкихъ уполномоченныхъ въ Адрианополь продолжать оспариваніе предъявленныхъ нами требованій, они наконецъ покорились судьбѣ. 2-го (14-го) сентября 1829 года подписанъ былъ во дворцѣ Эски-Сарай Адрианопольскій мирный договоръ.

Главнѣйшія условія этого столь желаннаго мира заключались въ слѣдующемъ. Дарданеллы и Босфоръ открыты навсегда для торговли всѣхъ народовъ безъ изъятія. Безопасность нашей азіатской границы до нѣкоторой степени обезпечена присоединеніемъ къ имперіи крѣпостей: Анапы, Поти, Ахалцыха, Ацхура и Ахалкалаки. Прежніе трактаты съ Портою признаны ею во всей силѣ. Постановлена также уплата Турціею военныхъ издержекъ и убытковъ, понесенныхъ русскими подданными. Права и преимущества Сербіи и княжествъ Молдавіи и Валахіи утверждены, при чемъ Порта обязалась не оставлять за собою на лѣвомъ берегу Дуная ни одного укрѣпленія и не позволять своимъ мусульманскимъ подданнымъ имѣть тамъ жительство. Греція признана вассальнымъ государствомъ.

Уплата военныхъ издержекъ опредѣлена была въ десять милліоновъ голландскихъ дукатовъ, а вознагражденіе русскимъ подданнымъ и negociантамъ въ милліонъ пятьсотъ тысячъ дукатовъ.

Въ день заключенія мира, 2-го (14-го) сентября, главнокомандующій писалъ графу Чернышеву:

«Адрианопольскій миръ подписанъ сегодня, семнадцать лѣтъ спустя послѣ вступленія французовъ въ Москву и пять мѣсяцевъ спустя послѣ выступленія изъ Яссы главной квартиры второй арміи. Результатъ его — тахіишъ условій, которыми я долженъ былъ руководствоваться,

ГЛАВА ШЕСТАЯ

какъ основаніемъ; вся Европа несомнѣнно усмотритъ въ мирѣ избытокъ великодушія со стороны нашего дорогого повелителя въ моментъ, когда ничто не могло бы помѣшать его побѣдоноснымъ арміямъ овладѣть Константинополемъ и Босфоромъ, и когда Порта при посредствѣ иностранныхъ пословъ признавалась, что она перестанетъ существовать, если мы будемъ продолжать наше движеніе.

«Вы узнаете подробности изъ моихъ донесеній императору и Нессельроде, а сегодня мнѣ невозможно писать вамъ болѣе. Въ настоящемъ случаѣ пруссаки дѣйствовали, какъ истинные и вѣрные друзья; вы можете себѣ представить, что это сдѣлало меня очень счастливымъ»³³⁵.

VI.

Въ то время, когда мирные переговоры въ Адрианополѣ уже приближались къ концу, въ Петербургѣ не могли еще быть увѣренными въ ихъ благополучномъ исходѣ. Нужно было готовиться ко всякимъ случайностямъ. Поэтому императоръ Николай писалъ графу Дибичу 28-го августа (9-го сентября):

«Одобряю во всѣхъ отношеніяхъ принятыя вами мѣры, но настаиваю, чтобы въ томъ случаѣ, если переговоры прервутся, вы направили отрядъ войскъ къ Дарданелламъ, дабы быть увѣреннымъ, что незваные гости не явились тамъ для вмѣшательства и вреда дѣламъ нашимъ... Наконецъ, если вы у Дарданеллъ, то положительно откажите въ пропускѣ всякому иному флоту, кромѣ нашего. Если же употребить силу, вы отвѣтите пушечными выстрѣлами. Но отъ сего да оборонить насъ Богъ»³³⁶.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 1-го (13-го) сентября государь коснулся Константинополя:

«Перейдемъ теперь къ случайностямъ (*possibilités*), осуществленія которыхъ молю Бога не допустить! Это — увидѣть насъ владыками Константинополя и тѣмъ вызвать, слѣдовательно, исчезновеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ. Однако я не хочу оставить васъ безъ нѣкоторыхъ общихъ указаній на случай, если бы дѣйствительно дошло уже до этого. При неуспѣшности переговоровъ слѣдуетъ вамъ немедленно двинуться къ Константинополю, обезпечивъ себя со стороны Дарданеллъ; не обращайтесь вниманія на ваши недостаточныя численныя силы, онѣ болѣе чѣмъ уравниваются вашимъ моральнымъ превосходствомъ. Овладевъ Константинополемъ, вы будете ожидать новыхъ приказаній, до полученія коихъ вы положительно откажетесь войти въ какіе бы то ни было переговоры, какого рода они бы ни были и съ кѣмъ бы то ни было. Тѣмъ болѣе вы не позволите никакому иностранному флоту

СВИДАНИЕ ГРАФА ПАСКЕВИЧА СЪ НАСЛѢДНИКОМЪ ПЕРСИДСКАГО ПРЕСТОЛА, АББАЗЪ-МИРЗОЙ, ВЪ ДЕЙКАРГАНѢ, ВЪ 1828 ГОДУ.

Съ рѣдкой литографіи Вегрова, сдѣланной съ картины Мошкова.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

войти въ Дарданеллы впредь до приказанія... Полученныя мною сего-дня утромъ съ курьеромъ извѣстія изъ Лондона положительно утвер-ждаютъ, что англійское министерство совершенно поражено успѣхами нашего оружія до такой степени, что Абердинъ сказалъ нашимъ: ради Бога не обходитесь съ нами по-дибичевски и пощадите нашу честь...

Баронъ Жомини.

(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

словомъ сказать, это — полное торжество. Богу благодареніе, а вамъ спасибо; это болѣе, чѣмъ всѣ фразы. Но затѣмъ, любезный другъ, теперь болѣе, чѣмъ когда либо, отнесемъ все Богу и да будемъ спо-койнѣе, скромнѣе, великодушнѣе и послѣдовательнѣе прежняго; вотъ слава, къ которой я стремлюсь, и да хранить меня Господь добиваться

ГЛАВА ШЕСТАЯ

иной, я же увѣренъ, что вы меня понимаете... Итакъ, если все кончено, возвращайтесь, если же нѣтъ, впередъ»³³⁷.

Въ виду упоминаемыхъ императоромъ Николаемъ случайностей, къ которымъ, безъ сомнѣнія, нужно было быть готовымъ, государь учредилъ особый секретный комитетъ, подъ председательствомъ графа Кочубея, изъ князя А. Н. Голицына, графа П. А. Толстого, графа Нессельроде, Д. В. Дашкова и графа Чернышева. Комитету поручено было выяснить положеніе Турціи и обсудить вопросъ о томъ, какое положеніе должна занять Россія, въ случаѣ паденія Оттоманской Порты. Въ первомъ же засѣданіи комитета, состоявшемся 4-го (16-го) сентября 1829 года, графъ Нессельроде прочелъ собранію записку, въ которой проведена была мысль о пользѣ для Россіи сохранить дальнѣйшее существованіе Турціи; по мнѣнію вице-канцлера, всякій другой порядокъ вещей, которымъ была бы замѣнена Турція, не можетъ доставить намъ выгодъ, сопряженныхъ съ сосѣдствомъ слабой державы (*qu'aucun ordre de choses que l'on pourrait y substituer, ne saurait balancer pour nous l'avantage d'avoir pour voisin un état faible*). Если же паденіе Оттоманской имперіи представляется дѣломъ неизбѣжнымъ, если существованіе турокъ въ Европѣ должно уступить мѣсто новой политической комбинаціи, то графъ Нессельроде полагалъ, что Россія должна пригласить своихъ союзниковъ съ цѣлью совмѣстнаго обсужденія (*à délibérer en commun*) этого важнаго вопроса. Намѣреваясь рѣшить его безъ ихъ участія, въ то самое время, когда ихъ важнѣйшіе интересы съ нимъ связаны, значило бы, по мнѣнію вице-канцлера, нанести самый чувствительный ударъ ихъ чести и взять на себя слишкомъ большую отвѣтственность. (*Vouloir la résoudre sans leur participation, tandis que leurs intérêts les plus puissants s'y rattachent, serait porter l'atteinte la plus sensible à leur honneur, et nous charger nous-mêmes d'une trop grave responsabilité*).

Комитетъ выслушалъ также записку Д. В. Дашкова, близко знакомаго съ восточными дѣлами. Въ запискѣ его высказывалось убѣжденіе, что политика, поставившая себѣ цѣлью паденіе Турецкой имперіи, не соотвѣтствовала бы истиннымъ выгодамъ Россіи. Теперь, утверждалъ Дашковъ, когда границы имперіи простираются отъ Бѣлаго моря до Дуная и Аракса, отъ Камчатки до Вислы, осталось мало приобрѣтеній, которыя могли бы ей быть полезными.

Въ этомъ же засѣданіи комитета члены его ознакомились, между прочимъ, и съ письмомъ графа Каподистрії къ императору Николаю отъ 18-го (30-го) марта 1828 года. Бывшій русскій министръ предполагалъ въ случаѣ переустройства Балканскаго полуострова обратить Константинополь въ вольный городъ, служащій вмѣстѣ съ тѣмъ центромъ конфедераціи пяти вновь образованныхъ балканскихъ госу-

дарствъ, а именно: герцогства или королевства Дакіи (Молдавія и Валахія), королевства Сербіи (Болгарія, Сербія и Боснія), королевства Македоніи, королевства Эпира и, наконецъ, Эллинскаго государства (l'état Hellénique).

Послѣ всесторонняго обсужденія всѣхъ прочитанныхъ записокъ комитетъ пришелъ единогласно къ слѣдующему рѣшенію:

1) Выгоды, представляемыя сохраненіемъ Оттоманской имперіи въ Европѣ, превосходятъ сопряженныя съ ея существованіемъ неудобства.

2) Вслѣдствіе сего паденіе Оттоманской имперіи не соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ Россіи.

3) Благоразуміе требуетъ предупредить это паденіе, изыскавъ всѣ могущія еще представиться средства для заключенія почетнаго мира.

Во второмъ засѣданіи комитета императоръ Николай лично принялъ на себя предсѣдательство; удостоивъ полнаго одобренія заключенія комитета, государь повелѣлъ сообщить ихъ графу Дибичу для руководства ³³⁸.

Но пока въ Петербургѣ занимались обсужденіемъ вопроса о будущей судьбѣ Оттоманской Порты, графъ Дибичъ успѣлъ уже предупредить на мѣстѣ желаніе комитета, обезпечивъ дальнѣйшее существованіе Турецкой имперіи въ Европѣ. 30-го августа (11-го сентября), въ день тезоименитства наслѣдника и за два дня до заключенія Адрианопольскаго мира, главнокомандующій писалъ государю:

«Примите мои поздравленія и самыя искреннія пожеланія по случаю сегодняшняго торжества, въ которомъ свѣтлыя надежды на будущее, которое уже не можетъ быть нашимъ достояніемъ, соединяются въ вѣрныхъ сердцахъ съ настоящимъ счастіемъ и дорогими воспоминаніями. Великій Богъ, видимо благословляя оружіе вашего императорскаго величества, ниспослалъ намъ радость возвѣстить въ такой день увѣренность въ заключеніи славнаго мира. Послѣ всего того, что мнѣ писалъ и говорилъ прусскій посолъ, приглашенный Портою для ускоренія заключенія мира, и, кромѣ того, при чтеніи памятнаго документа, подписаннаго сэромъ Р. Гордономъ и графомъ Гильемино и содержащаго въ себѣ заявленіе Порты, подтвержденное гг. послами, что движеніе вашихъ побѣдоносныхъ войскъ на Константинополь положить конецъ существованію Оттоманской имперіи,— все это кажется мнѣ не только славнымъ памятникомъ для вашего оружія, государь, но и самую прочною гарантіею для мира, ибо Порта не станетъ дѣлать подобныхъ заявленій, если осталась еще надежда на бой. Я полагаю, что слѣдующій фельдъегеръ привезетъ вашему императорскому величеству мирный трактатъ» ³³⁹.

12-го (24-го) сентября императоръ Николай отвѣчалъ Забалканскому:

«Я не могу иначе начать мое посланіе, какъ, возблагодаривъ Бога, сказать вамъ: bravo, bravo et bravo. Мой отвѣтъ — св. Георгій первой степени, который вамъ посылаю; вы его вполне заслужили. Теперь

ГЛАВА ШЕСТАЯ

еще разъ искренно благодарю васъ за вашъ образъ дѣйствій, столь же твердый и искусный, сколь благородный и умѣренный. Положеніе ваше достойно главнокомандующаго русской арміи, стоящей у воротъ Константинополя. Въ военномъ отношеніи оно баснословно, и воображеніемъ едва можно себѣ его представить: правый флангъ, опирающійся на флотъ, отправленный изъ Кронштадта, лѣвый — на севастопольскій флотъ; прусскій посланникъ, являющійся въ вашу главную квартиру и приносящій мольбу султана и свидѣтельство о гибели, подписанное послами французскимъ и англійскимъ! Послѣ этого остается только сказать: великъ Богъ русскій и спасибо Забалканскому»³⁴⁰.

Мирный договоръ привезъ государю въ Царское Село флигель-адъютантъ Чевкинъ³⁴¹. Въ письмѣ къ графу Дибичу этотъ историческій моментъ описанъ слѣдующимъ образомъ:

«Прибывъ въ Царское Село, я прежде всего передалъ графу Чернышеву депеши на его имя; вскорѣ, по счастливой случайности, пришелъ графъ Нессельроде, коему я вручилъ привезенныя ему депеши, а затѣмъ мы всѣ втроемъ пошли къ государю. Его величество принялъ извѣстіе о заключеніи мира съ величайшею радостію; онъ тотчасъ послалъ за императрицею, которая прибѣжала въ сопровожденіи великаго князя наслѣдника, молодыхъ великихъ князей и даже маленькаго великаго князя Константина. Тогда произошелъ взаимный обмѣнъ поздравленій, радости и сочувствія. Я не могу найти выраженій, чтобы выказать то глубокое впечатлѣніе, которое я испыталъ въ эту минуту, которая, безъ сомнѣнія, останется въ моей памяти, какъ лучшее воспоминаніе моей жизни. Послѣ этого государь познакомился съ депешами и съ договоромъ; все удостоилось полнаго его одобренія; одна статья, казалось, возбудила въ немъ сожалѣніе: это возвращеніе Карса; я осмѣлился высказать нѣкоторыя мысли относительно незначительности выгодъ, представляемыхъ этимъ пріобрѣтеніемъ; его величество соблаговолило ихъ выслушать; когда же, нѣсколько дней спустя, графъ Нессельроде, бесѣдуя со мною объ этомъ, просилъ доставить ему о семъ записку, онъ высказалъ предположеніе, что государь не будетъ настаивать на этомъ пріобрѣтеніи, но что, повидимому, пожелаетъ имѣть Батумъ и турецкую Гурію»³⁴².

22-го сентября (4-го октября) государь, по случаю заключенія мира, велѣлъ собрать на Царицыномъ лугу войска, расположенныя въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ³⁴³. Посреди плаца воздвигли высокій и обширный амвонъ для императорской фамиліи, духовенства и двора. Ступени его были украшены турецкими знаменами, завоеванными въ Европѣ и Азіи, а войска расположились вокругъ густыми колоннами. По командѣ государя всѣ головы обнажились, и началось благодарственное молебствіе. Огромныя толпы народа стояли за рядами войскъ и вмѣ-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

стѣ съ ними молился. Громъ орудій и многотысячнаго «ура» возвѣстилъ окончаніе молебствія, какъ бы утверждая, по свидѣтельству очевидца, знаменіемъ силы прочность мира, силою же завоеваннаго. Потомъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, а въ заключеніе торжества

Дмитрій Васильевичъ Дашковъ.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Опыту біографій генераль-прокуроровъ и министровъ юстиціи“).

турецкія знамена отнесены были въ Преображенскій соборъ³⁴⁴. Впослѣдствіи, послѣ 1831 года, ограда этого собора украшена была еще другими турецкими трофеями, а именно орудіями, взятыми въ Варнѣ, затѣмъ подаренными въ 1828 году императоромъ Николаемъ полякамъ и отбитыми снова у нихъ гвардіею во время мятежа 1831 года³⁴⁵.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Въ день парада императоръ Николай произвелъ графа Дибича-Забалканскаго въ фельдмаршалы и написалъ ему слѣдующія милостивыя строки:

«Возблагодаривъ Бога на Марсовомъ полѣ среди войскъ и огромной толпы, я обращаюсь къ вамъ, мой любезный другъ, съ душевною благодарностію за счастливый конецъ, увѣнчавшій вашу блестящую кампанію. Адрианопольскій миръ — самый славный изъ когда либо заключенныхъ, и вы сумѣли придать ему характеръ, приличный миру, заключенному послѣ такой войны; наша умѣренность зажметъ ротъ всѣмъ нашимъ клеветникамъ, а насъ самихъ миритъ съ нашею совѣстью. Еще разъ повторяю вамъ мою признательность на всю жизнь. Чинъ фельдмаршала, пожалованный вамъ сегодня, принадлежитъ вамъ по праву»³⁴⁶.

Сверхъ фельдмаршальскаго званія, императоръ Николай пожаловалъ еще графу Дибичу миллионъ рублей. Графъ Толь награжденъ былъ орденомъ св. Георгія второй степени, св. Владимира первой степени, назначенъ шефомъ 20-го Егерскаго полка и получилъ 300.000 рублей. Графу Чернышеву пожаловано было также 300.000 рублей, а генераль-адъютанту Бенкендорфу аренда на 50 лѣтъ. Генераль Канкринъ возведенъ былъ въ графское достоинство. Графъ Нессельроде и графъ Воронцовъ награждены были орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а графъ А. Ф. Орловъ и генераль-адъютантъ Киселевъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Графъ Паскевичъ-Эриванскій, подобно графу Дибичу, также награжденъ былъ чиномъ фельдмаршала. 25-го сентября (7-го октября) 1829 года императоръ Николай въ собственноручномъ письмѣ возвѣстилъ «отцу командиру» новое его отличіе, приложивъ эполеты, украшенные фельдмаршальскими жезлами:

«Богъ благословилъ наше дѣло, любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, и славный миръ положилъ конецъ подвигамъ армій нашихъ, стяжавшихъ новыя неувядаемые лавры подъ предводительствомъ вашимъ и товарища вашего въ Европѣ. Воздавъ благодареніе Всевышнему, видимо намъ помогавшему, обращаюсь къ вамъ, мой любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, примите искреннее благодареніе стараго вашего друга, умѣющаго цѣнить ваши заслуги.

«Чинъ фельдмаршала, мною вамъ данный, принадлежитъ вамъ не по пристрастію какому, но по славнымъ дѣламъ, которыя присоединили имя ваше къ именамъ Румянцева и Суворова; съ сердечною радостью пишу вамъ это, пбо слова сіи въ моихъ устахъ не лесть, а справедливость.

«Но позвольте другу вашему сказать вамъ: ничто столько не украшаетъ величія дѣла, какъ скромность, въ этомъ нахожу я величайшую красу, истинную доблесть великихъ людей. Во всякомъ дѣлѣ, нами исполняемомъ, мы должны искать помощи Божіей; Его рука насъ караетъ, Его же рука насъ возноситъ; васъ она поставила на высшую ступень славы! Да украситъ васъ и послѣдняя слава, которая истинно

будетъ ваша принадлежность: скромность! воздайте Богу и оставьте намъ славить васъ и дѣла ваши. Вотъ совѣтъ друга, васъ искренно любящаго и изъ глубины души благодарнаго.

«Надѣюсь, что о сию пору у васъ уже все спокойно, ибо по моему расчету офицеръ отъ Ивана Ивановича могъ до васъ доѣхать; надѣюсь также, что безъ большого затрудненія исполнено будетъ очищеніе края, котораго удерживать за собою не призналъ я полезнымъ для Россіи въ строгомъ смыслѣ ея выгодъ.

«Кончивъ такимъ образомъ одно славное дѣло, предстоитъ вамъ другое, въ моихъ глазахъ столь же славное, а въ разсужденіи прямыхъ пользы гораздо важнѣйшее,—усмиреніе навсегда горскихъ народовъ или истребленіе непокорныхъ. Дѣло сіе не требуетъ немедленнаго приближенія, но рѣшительнаго и зрѣлаго исполненія, когда получу отъ васъ планъ вашъ, которому слѣдуя надѣветесь исполнить мое ожиданіе. Я для сего предоставляю вамъ временно всѣ войска, подъ командою вашей нынѣ находящіяся, съ тѣмъ, чтобъ ударъ былъ столь же рѣшителенъ, какъ и внезапенъ. Прочее рѣшить предоставляю вамъ.

«Жена моя вамъ сердечно кланяется. Прощайте, любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, вѣрьте дружбѣ искренно вамъ доброжелательнаго

«Николая.

«Прилагаемые эполеты прошу носить, меня поминая» ³⁴⁷.

Приведенное здѣсь письмо государя, несмотря на выраженные въ немъ глубоко дружескія чувства къ «отцу командиру», отличается, тѣмъ не менѣе, правоучительнымъ характеромъ и напоминаетъ собою приведенное уже выше письмо императора Николая отъ 18-го (30-го) марта 1828 года, посланное послѣ заключенія Туркманчайскаго договора. Очевидно, что, несмотря на преподанные тогда совѣты, государю снова пришлось умѣрять пылкость нрава графа Паскевича; недовѣріе къ ближайшимъ помощникамъ, подозрительность, раздражительность проявились также и во время малоазіатскихъ кампаній не въ меньшей степени, чѣмъ во время персидской; многіе достойнѣйшіе генералы нашлись вынужденными искать новаго поприща дѣятельности, внѣ кавказскаго корпуса—обстоятельство, сдѣлавшееся, конечно, извѣстнымъ императору Николаю такъ же, какъ и многое другое. Для «отца командира» все кончилось дружескимъ внушеніемъ и проповѣдью о скромности и прелестьяхъ этой добродѣтели.

1-го (13-го) октября императоръ Николай повелѣлъ всѣмъ участникамъ въ кампаніи 1828 и 1829 годовъ носить медаль на лентѣ св. Георгія, установленную въ этотъ день. Тогда же государь отдалъ приказъ войскамъ второй арміи, отдѣльнаго кавказскаго корпуса и дѣйствовавшимъ эскадрамъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ:

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Благословеніемъ Всевышняго окончена брань, въ коей вы покрыли себя незабвенною новою славою, и трудами вашими Россія торжествуетъ миръ достославный.

«Въ двухъ странахъ свѣта неумолкну раздавался громъ побѣдъ вашихъ; многочисленный, упорный врагъ сокрушенъ повсюду, и пала предъ вами вѣковая слава неприступныхъ твердынь его, до появленія вашего не знавшихъ побѣдителей. Смѣлою стопою переносились вы чрезъ хребты горъ непроходимыхъ и, поражая врага въ неприступнѣйшихъ его убѣжищахъ, у вратъ Константинополя, принудили его къ торжественному сознанию, что мужеству вашему противостоятъ онъ не въ силахъ. Столько же отличили вы себя кроткимъ обращеніемъ съ побѣжденными, дружескимъ охраненіемъ мирныхъ жителей въ покоренныхъ областяхъ, постояннымъ соблюденіемъ самаго примѣрнаго воинскаго порядка и подчиненности и строгимъ исполненіемъ всѣхъ вашихъ обязанностей. Вы истинно достойны имени русскихъ воиновъ.

«Въ ознаменованіе толкихъ заслугъ вашихъ престолу и отечеству повелѣваю: носить всѣмъ, участвовавшимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ въ 1828-мъ и 1829-мъ годахъ, установленную мною особую медаль за Турецкую войну, на лентѣ ордена святого великомученика и побѣдоносца Георгія.

«Да будетъ знакъ сей памятникъ вашей славы и моей къ вамъ признательности! Да послужитъ онъ залогомъ и будущей вѣрной вашей службы!»

Оцѣнка Адрианопольскаго мирнаго договора со стороны современниковъ сдѣлана была самая разнообразная.

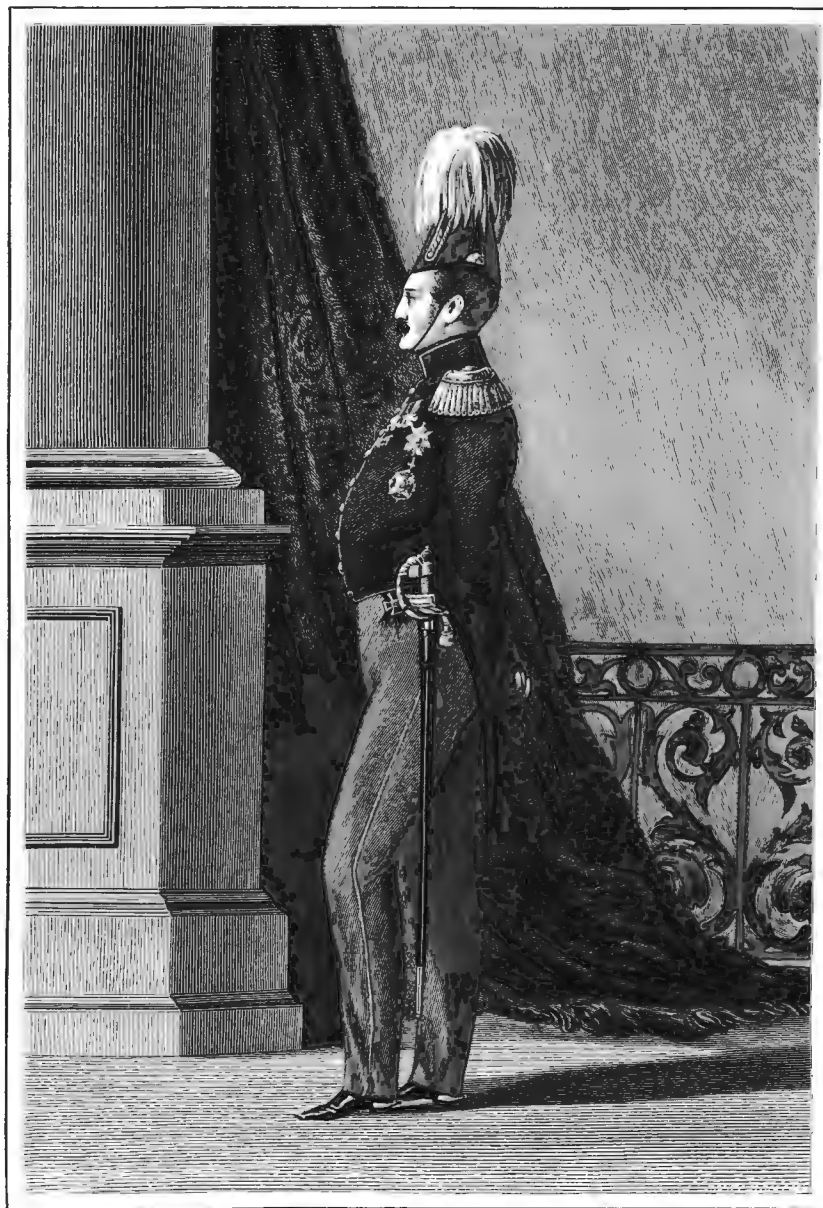
Графъ Нессельроде писалъ 13-го (25-го) октября 1829 года графу Дибичу:

«Иностранная газеты уже начинаютъ болтать вздоръ по поводу нашего мирнаго договора. Пусть себѣ болтаютъ, всѣмъ вѣдь нельзя угождать, но всѣ люди разумные, разсуждающіе спокойно и безпристрастно, всѣ они не находятъ ничего, заслуживающаго возраженія, и полагаютъ, что миръ соединяетъ выгоды, требовать которыхъ даютъ намъ право столько побѣдъ,—съ тою умѣренностію, которая столь благороднымъ образомъ характеризуетъ политику императора. Удовольствуемся же, мой дорогой фельдмаршалъ, ихъ одобреніемъ и не будемъ обращать вниманія на остальное. Придерживаясь подобнаго правила, всегда бываешь увѣренъ, что дѣлаешь хорошее дѣло» ³⁴⁸.

Самая вѣрная оцѣнка Адрианопольскаго мира принадлежитъ авторитетному перу извѣстнаго австрійскаго дипломата Гентца, который по поводу договора, заключеннаго 2-го (14-го) сентября, пишетъ:

«Умѣренность — понятіе относительное, но въ случаѣ, сходномъ съ настоящимъ, оно должно одинаково распространяться какъ на побѣдителя,

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Императоръ Николай Павловичъ.

(Съ акварели съ натуры).

такъ и на побѣжденнаго. Въ сравненіи съ тѣмъ, чего могли требовать русскіе и требовать безнаказанно, они требовали мало. Я не говорю, чтобы у нихъ достало силы разрушить Турецкое царство въ Европѣ, не подвергаясь европейскому противодѣйствию. Но они могли потребовать уступки княжествъ и Болгаріи до Балканъ, половины Арменіи и вмѣсто десяти милліоновъ червонцевъ — пятьдесятъ, при чемъ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ни Порты не имѣла бы власти, ни кто либо изъ добрыхъ друзей ея серьезнаго намѣренія этому воспрепятствовать. Конечно, императоръ неоднократно увѣрялъ, что онъ не хочетъ завоеваній въ этой войнѣ³⁴⁹. Но отъ подобныхъ увѣреній легко отречься при содѣйствіи сотни дипломатическихъ тонкостей, и если бы даже голосъ нѣсколькихъ честныхъ людей обозвалъ его вѣроломнымъ, зато несравненно сильнѣйшая часть глубоко испорченнаго общественнаго мнѣнія со всѣхъ сторонъ громко привѣтствовала бы его. Представляется вопросъ: что могло побудить императора не переступить границъ, предписанныхъ имъ его генераламъ и дипломатамъ? Любовь ли къ справедливости, великодушіе, благо-разуміе, или соображенія, касающіяся отечественныхъ условій, или же другія какія либо причины? Одно остается несомнѣннымъ, что онъ могъ бы пойти далѣе, чѣмъ пошелъ въ дѣйствительности, и сторонники его политики имѣютъ поэтому полное право восхвалять его умѣренность»³⁵⁰.

Все сдѣланное въ Адрианополѣ было дѣйствительно безконечно великодушно, но спрашивается, оцѣнила ли Европа по достоинству умѣренность, проявленную императоромъ Николаемъ при заключеніи договора 2-го (14-го) сентября. На подобный вопросъ можно только отвѣтить отрицательно. Недруги наши были сначала лишь ошеломлены и поражены удивленіемъ отъ неожиданнаго исхода борьбы нашей съ Портой, а затѣмъ дѣла пошли по-старому, и антагонизмъ западныхъ державъ по отношенію къ Россіи продолжалъ свою подпольную работу въ Константинополѣ, успѣшно подтачивая, гдѣ можно, плоды нашихъ недавнихъ побѣдъ.

Баронъ Оттенфельсъ, занимавшій постъ австрійскаго интернунція въ Константинополѣ, называлъ Адрианопольскій договоръ «самымъ жестокимъ, самымъ унижительною изъ всѣхъ когда либо исторгнутыхъ побѣдителемъ у слабаго побѣжденнаго». По его мнѣнію, заключенный нами договоръ содержалъ въ себѣ тотъ смертельный ядъ, который рано или поздно долженъ привести къ распаденію Оттоманской имперіи. Адриано-польскимъ договоромъ Россія будто бы исключила Порту изъ числа независимыхъ державъ; въ немъ Россія найдетъ все, что захочетъ, и если гибель Порты входитъ въ ея расчеты, то она обезпечила себѣ предлоги и средства къ ея осуществленію.

«L'ami Metternich» съ своей стороны громилъ своимъ перомъ Николая Павловича не менѣе внушительно и писалъ въ 1830 году: «Императоръ посредствомъ денежной сдѣлки, безъ существенныхъ жертвъ, окруживъ себя ореоломъ великодушія, доказалъ, что умѣетъ простира- далеко искусство пользоваться ложными положеніями».

Съ русской стороны нападки на Адрианопольскій договоръ вырази- лись главнымъ образомъ въ томъ, что не одобряли возвращенія Портѣ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

крѣпости Карса и, сверхъ того, сожалѣли, что трактатомъ не было выговорено присоединеніе Батума къ нашимъ владѣніямъ. Карсъ и Батумъ стоѣтъ нѣсколькихъ милліоновъ контрибуціи, замѣтилъ императоръ Николай въ письмѣ къ графу Дибичу³⁵¹. Между тѣмъ главнокомандующій въ особой оправдательной запискѣ оспаривалъ значеніе для насъ Карса и Батума; относительно же послѣдняго пункта находилъ сверхъ того неудобнымъ требовать отъ Турціи уступки города, которому во время кампаніи даже не угрожали наши войска. Послѣдній доводъ поражаетъ своею наивною, если просмотрѣть 2-ю и 4-ю статьи Адрианопольскаго договора, въ которыхъ перечисленъ длинный рядъ сдѣланныхъ нами въ Европѣ и въ Азіи завоеваній, возвращаемыхъ Оттоман-

Переправа императора Николая черезъ Дунай въ 1828 году
(Съ гравюры Петрова, сдѣланной съ рисунка Звѣрева).

ской Портѣ; казалось бы, что въ виду этого списка требованіе уступки Батума не представляло бы ничего особеннаго, даже оставляя въ сторонѣ возможное уменьшеніе военной контрибуціи.

Графъ Паскевичъ смотрѣлъ на этотъ важный вопросъ территоріальнаго расширенія Россіи въ Закавказьѣ нѣсколько иначе и въ письмѣ къ графу Нессельроде сообщилъ о степени той важности, съ какою должны быть цѣнимы при заключеніи мира области, покоренныя оружіемъ нашимъ въ Азіатской Турціи. Онъ неоднократно особенно настаивалъ на удержаніи нами Карскаго пашалыка и написалъ вице-канцлеру пророческія слова: «Остается только надѣяться, что намъ не придется раскаться въ сдачѣ Карса и хребта Саганлутскихъ горъ, а уступка немаловажная». Къ сожалѣнію, пророчество Паскевича сбылось съ неотразимою вѣрностію, и намъ пришлось не разъ въ 1855 и 1877 го-

ГЛАВА ШЕСТАЯ

дахъ памятовать объ ошибокъ, учиненной графомъ Дибичемъ при заключеніи Адрианопольскаго мира.

Въ письмѣ къ вице-канцлеру графъ Дибичъ приводитъ въ свое оправданіе то обстоятельство, что записка Паскевича объ азіатскихъ границахъ, присланная графомъ Нессельроде въ Адрианополь, получена была въ главной квартирѣ, два дня спустя послѣ того, какъ турецкимъ уполномоченнымъ врученъ былъ максимумъ нашихъ требованій³⁵².

VII.

Напряженная дѣятельность, въ которой императоръ Николай провелъ весь 1829 годъ, дала себя подъ конецъ чувствовать; вечеромъ 29-го октября (10-го ноября) государь почувствовалъ себя нездоровымъ. Сперва при общей увѣренности въ крѣпкомъ сложеніи императора Николая никто даже и во дворцѣ не предполагалъ, что болѣзнь его можетъ вызвать какія либо опасенія; но на третій день она до такой степени усилилась, что врачи испугались и потребовали консультаціи. Это были Крейтонъ, Раухъ и Арендтъ. Тогда и при дворѣ и въ городѣ всѣ перетревожились. Входя въ комнату, гдѣ лежалъ государь, былъ всѣмъ воспрещенъ; толпились въ дворцовыхъ залахъ, желая получить извѣстія о положеніи больного; разспрашивали докторовъ, камердинеровъ; опасеніе несчастія увеличивало въ глазахъ всѣхъ его возможность; всѣ трепетали при мысли о потерѣ монарха, столь необходимаго для блага и славы имперіи. Невольно очевидцы кончины императора Александра Павловича припоминали недавніе еще печальные таганрогскіе дни. «Императрица, — пишетъ Бенкендорфъ, — съ ангельскою своею добротою выходила по временамъ изъ комнатъ своего супруга съ заплаканными глазами сообщать намъ о немъ вѣсти или спросить, нѣтъ ли чего пересказать для развлеченія. Нервическая горячка въ нѣсколько дней совершенно ослабила государя и физически и морально. Врачи были въ большомъ безпокойствѣ и не таили его отъ меня³⁵³. Я видѣлся съ императрицею по нѣскольку разъ въ сутки и не могъ довольно надивиться ея неутомимости въ ухаживаніи за больнымъ, котораго она не покидала ни днемъ, ни ночью; не могъ также не удивляться точности ея разума и правильности сужденій въ дѣлахъ, съ которыми въ эту болѣзнь государя многіе приходили, чтобы узнавать ея о нихъ мнѣніе. Наконецъ, послѣ двѣнадцати томительныхъ дней, проведенныхъ между страхомъ и надеждою и лучше всего доказавшихъ искреннюю и общую привязанность къ государю, врачи объявили, что онъ начинаетъ выздоравливать, но что это выздоровленіе будетъ идти очень медленно, и больному легко

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

можетъ сдѣлаться снова хуже при малѣйшемъ возбужденіи, о чемъ мы и были предупреждены неоднократно передъ допускомъ къ нему.

«Первымъ удостоился этой чести князь А. Н. Голицынъ, на условіи не говорить ни слова о дѣлахъ. Вторымъ ввели въ спальню меня, и я былъ глубоко пораженъ найденною въ государѣ переменною. Кромѣ того, что онъ страшно исхудалъ, во всѣхъ чертахъ его отражались страданія и слабость. Онъ спросилъ меня, что новаго случилось въ его болѣзнь, и, удовлетворяя его любопытство, я долженъ былъ, однакожъ, всемѣрно стараться не проронить ни одного слова, которое дало бы работать его головѣ или имѣло бы видъ какой нибудь утайки отъ него. Разговоръ въ такомъ родѣ, продолжавшійся болѣе часа, былъ не легокъ, и по-

Видъ Рушука съ русекой батареи въ 1828 году.

(Съ рисунка съ натуры. Изъ собранія П. Я. Дашкова).

добныя бесѣды возобновлялись нѣсколько дней сряду, то утромъ, то вечеромъ, соображаясь съ приговоромъ врачей о большей или меньшей степени его слабости и раздражительности. Наконецъ, онъ сталъ видимо оправляться и, съ возвращеніемъ силъ, все болѣе и болѣе настаивать на поставленіе его въ полную извѣстность о дѣлахъ.

«Однимъ утромъ, 15-го (27-го) ноября, былъ призванъ не видѣвшійся еще съ государемъ графъ П. А. Толстой. Несмотря на всѣ предупрежденія, этотъ гость на вопросъ государя, нѣтъ ли чего новаго, отвѣчалъ ему въ невинности своей души: «кажется, ничего, ваше величество, развѣ извѣстіе о томъ, что англійскій фрегатъ вошелъ въ Севастопольскую гавань»³⁵⁴. Государь тотчасъ весь измѣнился въ лицѣ, началъ трястись отъ досады, бранить дерзость англичанъ, отважившихся вступить въ Черное море, и глупость турокъ, имъ то дозволившихъ, и велѣлъ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

немедленно позвать къ себѣ графа Нессельроде и князя Меншикова. Нельзя было ослушаться, и оба приглашенные явились внѣ себя отъ неосторожности Толстого, которая могла имѣть самыя вредныя послѣдствія для государева здоровья, а вмѣстѣ и для нашихъ политическихъ сношеній. Государь принялъ ихъ въ страшномъ жару и приказалъ отправить линейный корабль и фрегатъ въ Босфоръ и потребовать объясненія отъ англійскаго кабинета, разославъ курьеровъ съ депешами о семъ непременно въ тотъ же день³⁶⁵.

«По выходѣ отъ государя, Нессельроде съ Меншиковымъ долго совѣщались о томъ, какимъ образомъ привести въ дѣйствіе такое строгое приказаніе, и какіе оно можетъ имѣть результаты, и порѣшили тѣмъ, что не возможно отсрочить, а тѣмъ болѣе не исполнить высочайшей воли. Къ счастью, извѣстіе объ отъѣздѣ обоихъ курьеровъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемое государемъ, тотчасъ ослабило усилившуюся въ немъ лихорадку; благодаря умнымъ мѣрамъ графа Орлова, еще находившагося въ Константинополѣ, вступленіе судовъ нашихъ въ Босфоръ не оскорбило турокъ, а Лондонскій кабинетъ удовлетворилъ насъ блестящимъ образомъ, сдѣлавъ выговоръ посланнику своему при Оттоманской Портѣ и отрѣшивъ отъ службы капитана несчастнаго фрегата. Такимъ образомъ, остался въ накладѣ одинъ лишь графъ Толстой, а самое дѣло, въ сущности очень маловажное, но угрожавшее безконечною вознею съ Константинополемъ и Англіею, окончилось совершенно благополучно».

Вскорѣ здоровье императора Николая совсѣмъ возстановилось, и 10-го (22-го) декабря 1829 года государь могъ уже собственноручно написать графу Дибичу:

«Наконецъ, мой любезный другъ, благодаря Богу, я самъ могу отвѣчать вамъ на ваше письмо, которое получилъ вчера. Я почти совсѣмъ оправился отъ поразившаго меня сильнаго потрясенія: милосердіе Божіе на этотъ разъ сохранило меня женѣ и дѣтямъ; чувствую только слабость въ ногахъ, однако я могъ сегодня сѣсть верхомъ и слѣдовательно готовъ на службу»³⁶⁶.

Въ письмѣ къ графу Дибичу, отъ 25-го ноября (7-го декабря) 1829 года, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ написалъ фельдмаршалу слѣдующія строки насчетъ событія, взволновавшаго тогда собою всю Россію:

«Вы поймете, дорогой и высоко чтимый графъ, насколько мы должны были тревожиться здѣсь насчетъ здоровья императора. Зная, насколько разстояніе должно было еще болѣе усиливать вашу тревогу по этому поводу, я каждый день просилъ Чернышева сообщать вамъ, насколько возможно чаще, извѣстія о ходѣ болѣзни. Теперь, слава Богу, нашъ несравненный государь чувствуетъ себя совершенно хорошо, и отъ

болѣзни остались лишь слабость и худоба, служащія сильнѣйшимъ доказательствомъ опасности, которой мы подвергались. Эта мысль владѣла всѣми умами, и отъ нея волосы на головѣ становились дыбомъ. Сознавали весь ужасъ послѣдствій, которыя повлекла бы за собою потеря человѣка, котораго какъ самый злонамѣренный, такъ и самый равнодушный признаютъ необходимымъ не только для нашего счастья, но и для нашего существованія. Впечатлѣніе, которое извѣстіе объ этой болѣзни произвело въ Москвѣ и провинціи, является прекраснѣйшимъ доказательствомъ привязанности, которую императоръ сумѣлъ внушить. Все было поглощено этимъ великимъ интересомъ; только говорили что объ императорѣ; быть можетъ, это испытаніе было необходимо, чтобы заставить императора понять истинное значеніе заботливости, съ которою онъ долженъ относиться къ своему здоровью, и послужить поводомъ къ вознагражденію его за его труды, которое лишь одна любовь можетъ давать государю» ³⁵⁷.

Послѣ благополучнаго исхода этого тревожнаго эпизода петербургская общественная жизнь вступила понемногу въ свою обычную колею.

«Я не припомню зимы въ Петербургѣ, — писалъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ графу Дибичу, — которая была бы болѣе наполнена балами, празднествами и удовольствіями. Благодаря вашимъ побѣдамъ и мудрымъ распоряженіямъ, приведшимъ къ нимъ, мы наслаждаемся здѣсь истинною радостью, въ цѣлой Европѣ — внушительнымъ положеніемъ, а внутри — спокойствіемъ и довѣріемъ къ правительству, которыя могутъ привести лишь къ хорошимъ результатамъ. Теперь мы свободны отъ какихъ бы то ни было помѣхъ, сильны болѣе чѣмъ когда бы то ни было въ мнѣніи всѣхъ народовъ; ничто не мѣшаетъ отдаться съ послѣдовательностью улучшеніямъ, новымъ реформамъ, въ которыхъ нуждается Россія (*rien n'empêche de se livrer avec suite aux améliorations, aux revirements nouveaux que demande la Russie*). Это будетъ прекраснымъ плодомъ четырехъ лѣтъ войны и напряженія, которыми началось царствованіе нашего повелителя. Онъ также мало отступитъ передъ административными трудностями, какъ и передъ трудностями войны; онъ не встрѣтитъ въ этой области дѣятелей столь блестящихъ, столь быстрыхъ въ дѣйствіи, какъ «Забалканскіе» и «Эриванскіе», но, если эти трудности будутъ побѣждены, онъ извлечетъ изъ нихъ славу, столь же блестящую и еще болѣе полезную для своихъ многочисленныхъ подданныхъ» ³⁵⁸.

Дѣйствительно, все предвѣщало родъ политическаго затишья. Европа казалась до нѣкоторой степени успокоенною; всѣ дѣла наши съ Персією и Портою были окончательно улажены; зависть западныхъ державъ, повидимому, какъ бы умолкла предъ умѣренностію и прямотою императора Николая; можно было думать, что мпловная судьба пре-

ГЛАВА ШЕСТАЯ

доставляетъ наконецъ императору Николаю возможность посвятить себя, согласно своему сердечному влеченію, исключительно дѣламъ по улучшенію внутренняго положенія своей обширной имперіи. Однако случилось какъ разъ противное. Наступилъ 1830 годъ и вмѣсто успокоенія принесъ съ собою рядъ такихъ потрясающихъ событій, стеченіе которыхъ, одного вслѣдъ за другимъ, создало истинно смутное время для Европы и Россіи. Въ Парижѣ вспыхнула іюльская революція со своими отраженіями въ другихъ еврпейскихъ государствахъ; затѣмъ начался польскій мятежъ и война имперіи съ королевствомъ, созданнымъ Александромъ I-мъ, а въ довершеніе всѣхъ бѣдъ появился неизвѣстный доселѣ зловѣщій гость: холера; она посѣтила Москву, а затѣмъ и Петербургъ, вызывая повсюду народныя волненія, а въ заключеніе кровавый бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ. Подъ давленіемъ всѣхъ перечисленныхъ тягостныхъ послѣдствій всѣ «*améliorations* и *revirements nouveaux*», о которыхъ возвѣщали шефъ жандармовъ, отступили на задній планъ. Неумолимая сила событій толкнула правительство совсѣмъ въ другую сторону; нужно было прежде всего возстановить погранный мятежемъ порядокъ и спасти имперію отъ угрожавшаго ей отторженія западныхъ ея окраинъ. Первую роль въ разыгравшейся тогда кровавой драмѣ снова пришлось играть тѣмъ же «Забалканскимъ» и «Эриванскимъ», на которыхъ ссылался въ своемъ письмѣ Бенкендорфъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Въ началѣ 1830 года въ Петербургъ прибылъ чрезвычайный посолъ султана Галиль-паша въ сопровожденіи Неджиба-Сүлеймана-эфенди. Цѣль турецкаго посольства, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ любимцевъ Махмуда, заключалась въ томъ, чтобы прійти къ соглашенію относительно подробностей уплаты вознагражденія за военныя издержки; но вмѣстѣ съ тѣмъ Порты имѣла въ виду и скрытую цѣль: просить государя о смягченіи условій Адріанопольскаго договора. Въ секретной инструкціи рейсъ-эфенди, данной Галиль-пашѣ, ему поручалось представить русскому двору о неудобноисполнимости всѣхъ условій заключеннаго мира и ходатайствовать о пересмотрѣ трактата.

Галиль-паша прибылъ въ Одессу еще осенью 1829 года; внезапная болѣзнь государя задержала здѣсь посольство въ ожиданіи разрѣшенія дальнѣйшаго путешествія.

Между тѣмъ, генералъ-адъютантъ графъ А. Ф. Орловъ, посланный въ Константинополь послѣ ратификаціи Адріанопольскаго договора, давно уже съ успѣхомъ дѣйствовалъ въ турецкой столицѣ, снискавъ особенное расположеніе къ себѣ султана³⁵⁹. Наконецъ, 25-го января (6-го февраля) 1830 года, Галиль-паша въ свою очередь появился въ Петербургъ и 28-го января (9-го февраля) принятъ былъ императоромъ Николаемъ въ торжественной аудіенціи въ Георгіевской тронной залѣ Зимняго дворца, въ присутствіи всего двора.

Послѣ торжественной аудіенціи государь удостоилъ еще Галиля и Неджиба частной аудіенціи, которая длилась полтора часа. Въ продолжительномъ дружескомъ разговорѣ императоръ Николай ознакомилъ ихъ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

съ своими взглядами на политическое положеніе дѣлъ, созданное на Востокѣ Адрианопольскимъ миромъ. Чтобы подтвердить въ турецкой памяти все сказанное, государь приказалъ Фонтону, служившему ему переводчикомъ, тотчасъ же составить очеркъ этой достопамятной бесѣды и сообщить Галиль-пашѣ.

Составленный тогда «*précis de l'entretien particulier*»³⁶⁰ заключался въ слѣдующемъ:

«По окончаніи сегодняшней аудіенціи его величество императоръ, соизволивъ удостоить частнымъ разговоромъ оттоманскихъ пословъ, началъ съ того, что выразилъ свое удовольствіе по поводу увѣреній, лично высказанныхъ султаномъ генералъ-адъютанту графу Орлову, о твердомъ намѣреніи своемъ въ точности выполнить обязательства, принятія по Адрианопольскому договору; что онъ не менѣе остался доволенъ завѣреніями, только что сдѣланными самими послами именемъ и по порученію султана, но что нѣкоторыя инструкціи, которыя, какъ извѣстно его величеству, были даны имъ рейсъ-эфенди, — о чемъ этотъ министръ конфиденціально сообщилъ графу Орлову, — ему крайне не понравились, потому что онѣ шли совершенно въ разрѣзъ съ чувствами, проявленными султаномъ; что даже нѣкоторыя мѣста изъ частнаго письма султана, съ которымъ его величество только что ознакомился, повидимому не вполне отвѣчаютъ этимъ чувствамъ; что, тѣмъ не менѣе, будучи убѣжденъ, что, когда дѣло происходитъ между государями, и когда уже протянули другъ другу руки и обязались своимъ словомъ, то это обязательство становится священнымъ и ненарушимымъ, онъ нисколько не колеблется придать полную и безусловную вѣру искренности истинныхъ намѣреній султана, отвѣчающихъ его собственнымъ; что, убѣжденный въ этомъ, онъ поставляетъ себѣ въ удовольствіе объявить, что готовъ сдѣлать все, что могло бы быть пріятно султану, но лишь бы только Адрианопольскій договоръ продолжалъ служить основаніемъ будущихъ отношеній между обоими государствами, и чтобы ни въ какомъ случаѣ не было произведено посягательство на неприкосновенность и дѣйствительность этой сдѣлки, но что при этомъ онъ ставитъ одно предварительное и непремѣнное условіе, а именно, что инструкціи рейсъ-эфенди будутъ признаны недѣйствительными и какъ бы несуществующими, и что о нихъ не будетъ болѣе и рѣчи.

«Оттоманскіе послы поспѣшили возразить, что въ намѣренія султана, ихъ повелителя, отнюдь не входило оказать хоть малѣйшее посягательство на дѣйствительность Адрианопольскаго договора, что этотъ актъ, торжественно признанный и ратификованный имъ, былъ и долженъ остаться обязательнымъ; что, преполненный довѣріемъ къ справедливости и умѣренности его императорскаго величества, султанъ далъ имъ спеціальное порученіе къ императору исключительно лишь для того, чтобы

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

во имя великодушной дружбы ходатайствовать у него нѣкоторыя льготы, нѣкоторыя измѣненія, внѣ договора; что, въ виду этого только, сообразуясь съ приказаніями и намѣреніями его императорскаго величе-

Видъ крѣпости Варны въ 1828 году.

(Съ рисунка съ натуры генерала К. А. Шильдера).

ства, они могли бы приступить къ изложенію ходатайствъ, которые имъ предписано представить ему.

«Мнѣ пріятно слышать эти рѣчи,—возразилъ императоръ,—и я не могъ бы слышать чего либо другого. Разсматриваемое съ этой точки

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

зрѣнія порученіе, данное этимъ господамъ, крайне пріятно для меня; я съ особеннымъ удовольствіемъ готовъ дать султану доказательства моеѣ искренней дружбы и моего желанія быть пріятнымъ ему. Я прошу немного терпѣнія, такъ какъ намѣренъ изложить историческій ходъ моего образа дѣйствій съ самаго начала, чтобы доказать, насколько мое отношеніе къ Оттоманской имперіи было неизмѣнно одно и то же. Какъ только началось мое царствованіе, тѣ, которые величаютъ себя друзьями Порты, и которые доказали, что они за друзья, выставили меня, какъ государя честолюбиваго, какъ подражателя Наполеона, мечтающаго только о побѣдахъ и захватахъ. Дѣло, однако, въ томъ, что, вступая на престолъ, я взошелъ на него со славнымъ наслѣдствомъ, состоявшимъ изъ благородныхъ и великодушныхъ принциповъ, неизмѣнно руководившихъ политикою покойнаго императора Александра, терпѣніе и кротость котораго, — надо признаться въ этомъ, — были подвергнуты чрезмѣрному испытанію вслѣдствіе дурныхъ поступковъ Порты. Въ моментъ моего воцаренія я былъ слишкомъ исключительно поглощенъ внутренними дѣлами имперіи, чтобы имѣть возможность посвящать свои заботы интересамъ внѣшней политики. Но, нѣсколько времени спустя, осложненія на Востокѣ привлекли мое исключительное вниманіе. Я желалъ предотвратить несчастія, которыя, какъ я предвидѣлъ, должны были явиться слѣдствіемъ этого, и начались Аккерманскіе переговоры. Результатомъ ихъ явилась конвенція, приличнымъ образомъ рѣшившая всѣ спорные вопросы и подавшая намъ надежду, что миръ и спокойствіе упрочатся. Эта надежда не просуществовала долго. Вскорѣ, вслѣдствіе прискорбнаго заблужденія, Порта сама порвала всѣ узы, связывавшія ее съ Россіей. Слишкомъ пресловутый фирманъ, широко распространенный, открыто указывалъ на насъ, какъ на неумолимыхъ враговъ Оттоманской имперіи. Я былъ вынужденъ прибѣгнуть къ оружію; но, подчиняясь необходимости войны, я въ то же время рѣшилъ испытать всѣ средства, чтобы воспрепятствовать ей сдѣлаться продолжительной. Я лично отправился по ту сторону Дуная во главѣ корпуса, численный составъ котораго самъ по себѣ доказывалъ, что онъ не предназначался для завоеванія Турціи. Вступая такимъ образомъ во владѣнія султана, я льстилъ себя мыслью, что найду случай вступитъ съ нимъ въ непосредственныя сношенія, чтобы выяснитъ ему положеніе его, убѣдитъ его въ моемъ расположеніи и тѣмъ покончить нашу распрю. Въ этихъ-то видахъ я и объяснялся откровенно сначала съ Гассанъ-пашею и Эюбъ-пашею шакчинскими, затѣмъ съ Джаферъ-пашею мачинскимъ, а еще позднѣе въ Варнѣ съ капуданъ-пашею и Юсуфъ-пашею. Всѣ эти попытки оказались безплодными. Не позднѣе еще, какъ въ концѣ 1828 года, когда, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, явился поводъ думать, что въ Константинополѣ желаютъ вступитъ въ переговоры, я не колебался позво-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

лить послать туда парламентаря, который по прибытіи былъ почти позорно отосланъ обратно. Началась кампанія 1829 года, и ея первыя событія позволили мнѣ судить о бѣдствіяхъ, которыя явятся ея слѣдствіемъ для Оттоманской имперіи. Я пожелалъ сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы предотвратить ихъ. Находясь въ Варшавѣ, я проѣхалъ до Берлина и побудилъ его величество короля Прусскаго, моего тестя, послать въ Константинополь генерала Мюфлинга, чтобы попытаться вразумить султана и заставить его оцѣнить мои истинныя намѣренія. Тѣмъ временемъ наши войска вступили въ Адрианополь, и слѣдствіемъ сего явился миръ.

«Теперь я спрашиваю, съ какой стороны находятся друзья, и съ какой—враги? Кто пытался спасти Порту отъ грозившей ей опасности?

Взятіе крѣпости Варны въ 1828 году.

(Съ рисунка съ натуры того времени. Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Тѣ ли, которые вѣроломными совѣтами, гнусными наущеніями старались поощрять ее къ сопротивленію, или же тѣ, которые миролюбивымъ образомъ дѣйствій и благоразумными увѣщаніями не переставали стремиться къ тому, чтобы предотвратить опасность?

«Такимъ образомъ, среди самой войны я поставилъ себѣ задачею доказать, что я не былъ, какъ пытались меня выставить, неумолимымъ врагомъ Оттоманской имперіи, съ остервенѣніемъ думавшимъ о ея разрушеніи. Повсюду, гдѣ были мои войска, мы никогда не пытались возмущать населеніе противъ султана. Нигдѣ недовольные янычары не могли замѣтить ни поддержки, ни поощренія. Даже христіанъ, напихъ единоувѣрцевъ, мы не переставали убѣждать оставаться спокойными и покорными. Султанъ можетъ быть увѣрентъ, что всюду, гдѣ еще мои

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

войска временно остаются, его власть останется неприкосновенной. Пусть же султанъ убѣдится, что его друзья находятся въ Петербургѣ, а не гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, и что одинъ изъ этихъ друзей и самый вѣрный это — я. Не нужно, чтобы между нами находился кто либо: будь то Англія, Австрія, Франція или даже рейсъ-эфенди. Да сохранить насъ Богъ отъ новой войны, но если иностранцы будутъ мѣшаться въ наши дѣла, они въ концѣ концовъ снова поссорятъ насъ. Итакъ, я не желаю имѣть какого-либо посредника между султаномъ и мною, даже въ лицѣ рейсъ-эфенди съ его инструкціями.

«Когда его величество кончилъ свою рѣчь, оттоманскіе послы снова повторили прежнія увѣренія относительно намѣреній султана. Они подтвердили, что именно въ видахъ воздать блестящую дань чувствамъ императора, всю искренность которыхъ ихъ повелитель признаетъ въ настоящее время, и чтобы высказать высокое довѣріе, которое они внушаютъ ему, султану и было угодно поручить имъ, его посланнымъ, выразить его мысль во всемъ объемѣ. Они прибавили, что имъ не остается ничего другого, какъ умолять его императорское величество дать полную свободу великодушнымъ порывамъ своей души, и что въ воздаяніе своихъ благодѣяній онъ соберетъ всеобщія молитвы и благодарность.

«Однимъ словомъ,—продолжалъ императоръ,—я хочу быть другомъ султана и сдѣлаю для него все, что возможно. Онъ предпринималъ важныя реформы и преобразованія въ своемъ государствѣ. Чтобы окончить и упрочить свое твореніе, ему необходимы время и спокойствіе, тогда какъ въ случаѣ новаго разрыва, если бы по несчастью онъ снова произошелъ между нами, все было бы неспровергнуто и сопровождалось бы для Турціи самыми пагубными послѣдствіями. Пусть же султанъ предохранитъ себя отъ этого несчастія, пусть онъ предохранитъ отъ него меня самого. Онъ можетъ разсчитывать на меня. Я хочу, чтобы Оттоманская имперія была сильна и спокойна. Но нужно также принять во вниманіе, что каждый государь имѣетъ обязанности въ отношеніи своей страны. У меня есть свои обязанности, которыя я долженъ выполнить, и поэтому я не могу отказаться отъ всѣхъ выгодъ, постановленныхъ Адрианопольскимъ трактатомъ послѣ столькихъ потерь и жертвъ.

«Императоръ положилъ конецъ этому свиданію, обратившись къ турецкимъ посланнымъ со словами, пріятными лично для нихъ, и мило-стииво отпустилъ ихъ, извиняясь за то, что такъ долго задержалъ ихъ».

Вечеромъ того же дня (28-го января) состоялся балъ въ Бѣлой залѣ, какъ пишетъ графъ Чернышевъ, «самый многочисленный и самый красивый изъ всѣхъ, которые давались когда либо; по собственному признанію турокъ, имъ казалось, что они перенесены въ область тысячи и одной ночи» ³³¹.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Въ 1830 году турецкіе посланные впервые явились въ Петербургъ не въ традиціонномъ національномъ костюмѣ, но въ формѣ, придуманной султаномъ, пмѣя на головѣ феску вмѣсто азіатской чалмы. Галиль-паша объѣздилъ всѣ общественныя заведенія въ столицѣ, присутствовалъ ежедневно при разводѣ, а также при возвращеніи въ столицу изъ похода различныхъ полковъ гвардіи, посѣщалъ театры, а также собранія частныхъ лицъ. Вообще онъ остался чрезвычайно доволенъ оказаннымъ ему приемомъ и тронуть былъ въ особенности милостями государя, который, вручивъ ему богатые дары для султана, надѣлилъ какъ пашу, такъ и свиту его щедрыми подарками.

Послѣ категорическихъ объясненій, сдѣланныхъ императоромъ Николаемъ въ день первой же аудіенціи, турки отказались отъ всякой мысли возможнаго пересмотра Адрианопольскаго договора. Но Галиль-паша получилъ другія доказательства благосклоннаго расположенія государя къ побѣжденной Турціи. 14-го (26-го) апрѣля 1830 года въ Петербургѣ заключена была конвенція, по которой императоръ Николай уменьшилъ военную контрибуцію на два милліона червонцевъ и остальную сумму въ восемь милліоновъ червонцевъ разрѣшилъ выплачивать ежегодными взносами по одному милліону каждый. Сверхъ сего императоръ Николай добровольно отказался отъ выговореннаго въ Адрианополѣ десятилѣтняго права оккупации придунайскихъ княжествъ русскими войсками, обѣщая вывести ихъ тотчасъ послѣ уплаты Портою вознагражденія за убытки русскихъ подданныхъ. До окончательной же расплаты контрибуціи Россія удерживала за собою только одну Силистрійскую крѣпость, съ правомъ пользоваться проложенною черезъ княжества военною дорогою и Дунаемъ ³⁶². Но этимъ не исчерпалось великодушное отношеніе императора Николая къ своему недавнему врагу: государь обѣщалъ уступить еще одинъ милліонъ червонцевъ, если Порта признаетъ постановленія Лондонской конференціи, то-есть полную независимость Греціи. Объ этомъ сообщено было Галиль-пашѣ особой нотой.

Въ это время распространился слухъ, что будто султанъ Махмудъ, встрѣтивъ въ своихъ преобразованіяхъ противодѣйствіе со стороны высшего магометанскаго духовенства и всѣхъ приверженцевъ старины, помышлялъ будто бы о принятіи христіанства и объявленіи христіанской вѣры господствующимъ исповѣданіемъ въ имперіи. Какъ все это ни представлялось сказочнымъ, но въ то время подобному слуху придавали, повидимому, вѣру. Во время прощальной аудіенціи Галиль-паши императоръ Николай призналъ возможнымъ затронуть въ разговорѣ этотъ замысловатый вопросъ.

Галиль-паша откланивался императору въ присутствіи директора азіатскаго департамента Радофиникина и старшаго драгомана министерства иностранныхъ дѣлъ Фонтана. Принявъ изъ рукъ его величества

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

письмо къ султану, Галиль-паша спросилъ государя, не имѣетъ ли онъ возложить на него какого либо словеснаго порученія, которое не можетъ быть довѣрено бумагѣ, обязуясь въ точности исполнить полученныя приказанія. Подумавъ немного, императоръ Николай сказалъ:

— Да, есть такія вещи, писать о которыхъ нельзя. Величайшимъ доказательствомъ дружбы моей къ вашему повелителю былъ бы именно подобный совѣтъ въ этомъ родѣ, но я сомнѣваюсь въ возможности для васъ передать его.

Галиль-паша поклонился, и государь продолжалъ:

— Если такъ, то будемъ вполне откровенны. Я поручаю вамъ сдѣлать словесное сообщеніе, впрочемъ условное. Вы передадите его другу моему султану, лишь при удобномъ случаѣ, если вамъ представится возможнымъ повторить мои слова его величеству, не рискуя навлечь на себя неудовольствіе его. Я нахожу, что лучшее средство для монарха утвердить свое государство, престолъ, династію, состоитъ въ томъ, чтобъ исповѣдывать религію великаго большинства своихъ подданныхъ. (*Je suis d'avis que pour le souverain le moyen le plus sûr de consolider l'état, le trône, la dynastie, c'est de professer la religion de la grande majorité de ses sujets*).

Галиль-паша, видимо смущенный, безмолвствовалъ.

— Можете ли вы передать эти слова султану?—спросилъ его государь.

— Ваше величество,—возразилъ Галиль,—соблаговолите дать мнѣ условное приказаніе. Быть можетъ, когда нибудь и представится случай повторить дословно моему государю эти слова, которыя запечатлѣются въ моей памяти, какъ самое очевидное доказательство благоволенія вашего величества къ моему отечеству и дружбы къ моему повелителю ³⁶³.

Мы не располагаемъ никакими данными, по которымъ можно было бы судить, дошло ли до султана содержаніе приведеннаго разговора, и какимъ образомъ повелитель правовѣрныхъ отнесся къ преподанному ему совѣту. Но замѣчательно, что въ 1832 году императоръ Николай вторично остановился на этомъ вопросѣ, высказавъ генералу Муравьеву, при отправленіи его на Востокъ, что есть основаніе предполагать въ султанѣ склонность къ принятію, въ случаѣ крайности, христіанской вѣры.

Во время пребыванія при русскомъ дворѣ Галиль-паша встрѣтился съ своимъ константинопольскимъ знакомымъ, прусскимъ генераломъ Мюфлингомъ, который въ исходѣ 1829 года прибылъ въ Россію, сопровождая въ С.-Петербургу младшаго брата императрицы Александры Осодоровны, принца Альбрехта. Императоръ Николай не разъ бесѣдовалъ съ прусскимъ генераломъ о восточныхъ дѣлахъ; одна изъ такихъ бесѣдъ произвела на него особенно сильное впечатлѣніе. Приведемъ здѣсь относящійся къ ней отрывокъ изъ записокъ генерала Мюфлинга ³⁶⁴:

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«Императоръ сказалъ, что со времени паденія янычарь Оттоманское государство утратило завоевательный характеръ. Онъ хвалилъ характеръ мусульманъ, ихъ любовь къ правдѣ, вѣрность, съ которою они держатъ данныя обѣщанія, и отсюда приходилъ къ заключенію, что онъ не можетъ и желать себѣ лучшихъ сосѣдей, поэтому онъ сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы поддержать ихъ неприкосновенность и, насколько

Видъ крѣпости Шумлы въ 1828 году.

(Съ акварели того времени).

только возможно, предохранить ихъ отъ внутреннихъ распрей и внѣшнихъ нападеній. Если въ Европѣ иногда высказываютъ опасеніе, что будто бы онъ, поддаваясь любви къ войнамъ или ложному честолюбію, способенъ выступить противъ Порты въ качествѣ завоевателя, то это доказываетъ не только полное незнакомство съ направленіемъ его ума, но обусловливаетъ также предположеніе, что онъ мало вдумался и въ свое собственное положеніе и въ положеніе своего государства. Пространство

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

подвластных его скипетру земель, равно какъ ихъ населеніе, могутъ съ избыткомъ занять одну человѣческую жизнь; съ его стороны было бы безразсудствомъ стремиться къ завоеваніямъ; отъ Бога предначертанный ему путь заключается въ способствованіи благоденствію его подданныхъ, а для этого нужно прежде всего оберечь ихъ отъ легкомысленныхъ войнъ. Подобной цѣли можно достигнуть путемъ вѣрнаго выполненія обязательствъ, принятыхъ по отношенію къ другимъ государствамъ, и послѣдовательнаго воздержанія отъ вмѣшательства въ область чужихъ правъ. Это составляетъ стремленіе его жизни, и онъ молить Бога ниспослать ему необходимыя къ тому здоровье и силы».

«Мысли, высказанныя императоромъ, — продолжаетъ Мюфлингъ, — привели меня въ трудно поддающееся описанію волненіе. Онѣ были выражены такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою теплотою, что не могло явиться и мысли о чемъ либо искусственномъ или преднамѣренномъ. Благородное сердце, богато одаренная душа, свѣтлый умъ проявились съ правдивостью при важномъ, хотя и самомъ случайномъ поводѣ. Я тотчасъ же записалъ этотъ навсегда памятный для меня разговоръ, и въ теченіе моего почти пятимѣсячнаго пребыванія въ С.-Петербургѣ я не нашелъ въ дѣйствіяхъ и поступкахъ императора ничего такого, что не стояло бы въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи со словами этого разговора».

II.

3-го (15-го) марта 1830 года императоръ Николай отправился въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Бенкендорфа для осмотра военныхъ поселеній гренадерскаго корпуса. Осмотрѣвъ тамъ нѣсколько полковъ, также госпитали и нѣкоторыя постройки, государь, по возвращеніи въ Новгородъ, вдругъ велѣлъ санямъ повернуть на московскій трактъ.

«Я чрезвычайно удивился такой внезапной переменѣ, — пишетъ Бенкендорфъ, — а онъ, позабавившись моимъ смущеніемъ, рассказалъ, что еще изъ С.-Петербурга выѣхалъ съ этимъ намѣреніемъ, но сообщилъ о немъ одной лишь императрицѣ, чтобы сохранить свой маршрутъ въ совершенной тайнѣ и тѣмъ болѣе удивить Москву. Мы употребили на переѣздъ туда менѣе 34-хъ часовъ и остановились у Кремлевскаго дворца въ два часа ночи. И тамъ, и въ цѣломъ городѣ всѣ, разумѣется, спали, и появленіе наше представилось разбуженной придворной прислугѣ настоящимъ сновидѣніемъ. Съ трудомъ можно было допроситься свѣчи, чтобы освѣтить государеву комнату. Онъ тотчасъ пошелъ безъ огня въ придворную церковь помолиться Богу и по возвращеніи оттуда, отдавъ мнѣ приказанія для слѣдующаго дня, прилегъ на диванѣ. Я послалъ за оберъ-полицеймейстеромъ, который прискакалъ, перепуганный моимъ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

неожиданнымъ прїѣздомъ, и совершенно остоленѣлъ, когда услышалъ, что надъ моею комнатою почиваетъ государь. Комендантъ, гофмейстеръ, шталмейстеръ, полицейскіе чиновники стали появляться одинъ за другимъ съ лицами, крайне меня смѣшившими, и не дали мнѣ заснуть цѣлую ночь. Братъ императрицы, принцъ Альбрехтъ, сопровождавшій

Карлъ Андреевичъ Шильдеръ.

(Съ миниатюры, принадлежащей Н. К. Шильдеру).

государя въ военныя поселенія и прїѣхавшій въ древнюю столицу за сутки до насъ, удивился еще болѣе другихъ, когда проснувшись узналъ, что въ Москвѣ находится государь.

«Въ 8 часовъ утра (7-го марта) я велѣлъ поднять на дворцѣ императорскій флагъ, и вслѣдъ за тѣмъ кремлевскіе колокола возвѣстили москвичамъ прибытіе къ нимъ царя. Еще гулъ колоколовъ не замолкъ,

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

а уже народъ и экипажи со всѣхъ сторонъ устремились ко дворцу; началась толкотня, давка; всѣ другъ друга поздравляли съ нечаянною радостью; всѣ были въ восторгѣ и удивленіи. На дворцовой площади происходило такое волненіе, что можно было бы принять его за бунтъ, если бы на всѣхъ лицахъ не изображалось благоговѣнія и радости, свидѣтельствовавшихъ, напротивъ, о народномъ счастіи. Въ 11-ть часовъ государь вышелъ изъ дворца пѣшкомъ въ Успенскій соборъ; всѣ головы обнажились, загремѣло многотысячное «ура», и толпа до того сгустилась, что генераль-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, и я насилу могли слѣдовать за государемъ, да и самъ онъ при всѣхъ усиліяхъ народа раздаваться передъ нимъ едва могъ подвигаться впередъ. Только на какой нибудь аршинъ очищалось вокругъ него мѣсто; онъ безпрестанно останавливался и, чтобы пройти двѣсти шаговъ, раздѣляющихъ дворецъ отъ собора, употребилъ, конечно, десять мннутъ. На паперти ожидали его митрополитъ Филаретъ и духовенство съ крестами; при видѣ ихъ народные клики тотчасъ смолкли. Выслушавъ краткое молебствіе и приложившись къ ракамъ св. угодниковъ и образамъ, государь вышелъ въ двери, противоположныя тѣмъ, которыми вошелъ, и направился къ старому дворцу. И здѣсь встрѣтили его такое же стеченіе народа и такія же трудности добратся до Краснаго крыльца, ступени котораго были заняты сплошными рядами дамъ. Дойдя до верху, государь обернулся и привѣтливо поклонился толпѣ, отозвавшейся на сію царскую милость новыми, долго не умолкавшими криками. Потомъ онъ поѣхалъ въ экзерциргаузъ, окружаемый вездѣ такими же толпами.

«Время пребыванія въ Москвѣ государь провелъ съ обычною своею дѣятельностью. Цѣлыя утра онъ проводилъ въ посѣщеніи общественныхъ заведеній, училищъ, госпиталей, въ приѣмѣ купцовъ и фабрикантовъ и въ осмотрѣ произведеній мануфактурной промышленности, все болѣе и болѣе развивавшейся въ Москвѣ. Къ обѣденному столу были приглашаемы высшіе сановники и старые слуги царскіе, доживавшіе свой вѣкъ въ отставку. Вечеромъ онъ появлялся въ театрѣ и на балахъ въ дворянскомъ собраніи и у военнаго генераль-губернатора. Такъ мы провели шесть дней, которые были для Москвы постояннымъ праздникомъ, а для сердца государя — истинною наградою за лежавшее на немъ бремя и за чистую его любовь къ своему народу. 12-го (24-го) марта, въ полночь, мы снова сѣли въ санн, и 14-го (26-го), въ два часа пополудни, государь былъ въ Зимнемъ дворцѣ, промчавшись 700 верстъ въ 38 часовъ».

III.

Оставаясь всегда и вездѣ строгимъ исполнителемъ даннаго слова, императоръ Николай призналъ необходимымъ собрать къ 16-му (28-му) мая 1830 года польскій сеймъ. Это былъ первый сеймъ въ его царствованіе и четвертый со времени возстановленія Польскаго королевства Александромъ Первымъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не сочувствовалъ этой мѣрѣ, называя сеймъ «нелѣпой шуткой», но государь остался при своемъ мнѣніи, сказавъ: «мы существуемъ для упорядоченія общественной свободы и для подавленія злоупотребленій ею (*nous sommes là pour régler l'usage des libertés publiques et pour en réprimer l'abus*)».

Императоръ Николай отправился въ путь по Динабургскому тракту 2-го мая, въ полночь, въ сопровожденіи генераль-адъютанта Бенкендорфа. Въ Динабургѣ государя поджидалъ великій князь Михаилъ Павловичъ; послѣ осмотра крѣпостныхъ сооруженій и находящихся здѣсь войскъ, императоръ, съ великимъ княземъ продолжая свой путь на Ковно и Остроленку, прибылъ въ Варшаву 9-го (21-го) мая. На слѣдующій день государь поскакалъ назадъ въ Пултускъ, навстрѣчу императрицѣ, которую упредилъ нѣсколькими минутами.

Отобѣдавъ въ Пултускѣ, поѣхали вмѣстѣ въ Варшаву. Здѣсь повторился весь образъ жизни прошедшаго года: разводы, смотры, приемы, балы слѣдовали одинъ за другимъ.

«Вообще въ царствѣ ничего не измѣнилось, кромѣ развѣ того, что были еще недовольнѣе самовластіемъ цесаревича, — пишетъ Бенкендорфъ. — «Всякая надежда поляковъ на переѣзду къ лучшему исчезла, даже многіе изъ русскихъ, окружавшихъ цесаревича, приходили довѣрять мнѣ свои жалобы и общій ропотъ. Я держался осторожно въ отношеніи этихъ откровеній; но они были такъ единодушны и такъ искренни, что невольно пробудили во мнѣ чувство состраданія къ полякамъ, а еще болѣе къ трудному и жестокому положенію государя. Цесаревичъ въ личномъ обращеніи своемъ съ нимъ всегда представлялся почтительнымъ и покорнымъ подданнымъ; но въ сношеніяхъ съ министрами и даже въ разговорахъ съ своими приближенными онъ нисколько не таилъ постоянной оппозиціи. Малѣйшее противорѣчіе причиняло ему досаду; даже похвалы государя кому либо изъ мѣстныхъ чиновниковъ, военныхъ или гражданскихъ, тотчасъ возбуждали горькіе пересуды, нерѣдко и неудовольствіе его брата противъ этихъ самыхъ чиновниковъ, награжденныхъ по собственному его представленію. Можно было тогда же предугадать близость реакціи и мятежа, если бы жалобы скрывались въ тайнѣ; но онѣ высказывались совершенно явно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«На государя всё смотрѣли, какъ на надежду лучшей будущности, и возрастающее благосостояніе края служило важнымъ противовѣсомъ тѣмъ непріятностямъ и униженіямъ, отъ которыхъ терпѣли отдѣльныя личности, а не нація. Въ этомъ отношеніи даже самые раздраженные изъ числа недовольныхъ отдавали справедливость правительству. Прибытіе государя, императрицы, множества иностранцевъ и нунціевъ утишили ропотъ, по крайней мѣрѣ, по виѣшности, и Варшава приняла блестящій и очень оживленный видъ. Балы и праздники слѣдовали одинъ за другимъ, со всею роскошью и со всею веселіемъ богатой столицы. 16-го (28-го) мая государь велѣлъ открыть сеймъ съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ формъ, опредѣленныхъ конституціею. Цесаревичъ, засѣдая въ камерѣ нунціевъ, въ качествѣ депутата отъ Пражскаго предмѣстья, привезъ съ собою туда и меня посмотрѣть на эту «нелѣпную шутку», какъ онъ громко называлъ сеймъ, къ крайнему неудовольствію поляковъ.

«Камера нунціевъ избрала депутацію, въ составъ которой былъ выбранъ и цесаревичъ, чтобы вмѣстѣ съ депутаціею отъ сената представиться королю и довести до свѣдѣнія, что оба государственныя сословія готовы его принять. Государь съ императрицею пришли въ тронную залу, за ними слѣдовали дворъ и вся военная свита, а галлерей были наполнены почетнѣйшими дамами. По занятіи всѣми своихъ мѣстъ государь открылъ собраніе рѣчью, заслужившею общее одобреніе. Всѣ любовались величественною его осанкою и звонкимъ голосомъ и казались исполненными самой ревностной къ нему привязанности».

Приведемъ здѣсь самыя выдающіяся части первой конституціонной рѣчи императора Николая, обращенной на французскомъ языкѣ къ собравшимся вокругъ него представителямъ королевства Польскаго.

«Пять лѣтъ протекло со времени вашего послѣдняго собранія,— началъ свою рѣчь императоръ,—причины, не зависѣвшія отъ моей воли, помѣшали мнѣ созвать васъ раньше; но причины этого запозданія, къ счастью, миновали, и сегодня я съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ вижу себя въ первый разъ окруженнымъ представителями народа.

«Въ этотъ промежутокъ времени Божественному Провидѣнію угодно было отозвать къ Себѣ возстановителя вашего отечества (*le restaurateur de votre patrie*); вы всё чувствовали великое значеніе этой утраты, и поэтому ощутили глубокую печаль: сенатъ, истолкователь вашихъ чувствъ, выразилъ мнѣ желаніе увѣковѣчить воспоминаніе о благороднѣйшихъ добродѣтеляхъ и о глубокой благодарности. Всѣ поляки призваны содѣйствовать сооруженію памятника, предположенія о которомъ будутъ вамъ представлены.

«Всемогущій благословилъ наше оружіе въ двухъ войнахъ, которыя имперія только что должна была вести. Польшѣ не пришлось нести ихъ тягостей, однако она пользуется выгодами, которыя явились слѣд-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

Съ портрета масляными красками, писанного въ 1842 году Ѳ Агинымъ и принадлежащаго Н.Н. Буху.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ствіемъ ихъ, благодаря тому братству въ славѣ и интересахъ, которое связуется отнынѣ съ ея неразрывнымъ единеніемъ съ Россіей. Польская армія не приняла активнаго участія въ войнѣ; мое довѣріе указало

Кончина императрицы Маріи Феодоровны.
(Съ гравюры того времени П. Федорова).

ей другой постъ, не менѣе важный; она составляла авангардъ арміи, долженствовавшей охранять безопасность имперіи... Безпрерывно возрастающее развитіе промышленности, расширеніе внѣшней торговли, увеличеніе обмѣна продуктами между Польшей и Россіей являются

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

несомнѣнными выгодами, которыми вы уже пользуетесь въ настоящую минуту, и которыя въ то же время даютъ вамъ увѣренность въ непрерывномъ возрастаніи вашего благосостоянія... Представители польскаго народа, выполняя во всемъ объемѣ 45-ю статью конституціонной хартіи, я далъ вамъ залогъ моихъ намѣреній. Теперь ваше дѣло упрочить твореніе возстановителя вашего отечества, пользуясь съ умѣренностью и благоразуміемъ правами, которыя онъ даровалъ вамъ. Пусть спокойствіе и единеніе сопутствуютъ вашимъ занятіямъ! Поправки, которыя вы найдете нужнымъ сдѣлать къ проектамъ законовъ, которые будутъ представлены вамъ, будутъ встрѣчены благопріятно, и льщу себя надеждой, что Небо благословитъ дѣянія, начатыя при столь счастливыхъ предзнаменованіяхъ».

Вообще тронная рѣчь императора Николая имѣла характеръ дѣловой рѣчи и не оживляла въ памяти ни одного тягостнаго воспоминанія. Но это была первая рѣчь къ польскому сейму, которая затрогивала вопросы внѣшней политики; что же касается внутреннихъ вопросовъ, то въ этомъ отношеніи она отличалась большею откровенностью и большею опредѣленностью, чѣмъ рѣчи Александра. Въ ней отсутствовали сентиментальный оттѣнокъ; никакое обѣщаніе не возбуждало угасшихъ надеждъ на присоединеніе Литвы; но король приглашалъ представителей упрочить твореніе возстановителя Польши благоразумнымъ и умѣреннымъ пользованіемъ своихъ правъ.

Въ Россіи рѣчь императора встрѣтила слѣдующую оцѣнку со стороны одного уцѣлѣвшаго екатерининскаго дѣятеля. «Странно видѣть государя самодержавнаго,—пишетъ А. М. Грибовскій,—обладающаго 50.000.000 народовъ на третьей части полушарія, говорящаго конституціоннымъ языкомъ и представляющаго власть свою ограниченою предъ горстью народа, всегда Россіи враждебнаго, въ то время, когда въ сей послѣдней указъ, не только имъ подписанный, но отъ его имени объявленный, рѣшаетъ безъ малѣйшихъ обрядовъ или формъ жизнь и участь и высшихъ и низшихъ сословій, и гдѣ за малѣйшее противъ правленія замѣчаніе со стороны частнаго человѣка можетъ онъ ужасно пострадать»³³⁵.

Однимъ изъ первыхъ предметовъ, къ обсужденію которыхъ камера нунціевъ приступила, было предложеніе, единогласно принятое, воздвигнуть народный памятникъ императору Александру, возстановителю отечества. Маршалъ сейма далъ большой обѣдъ всѣмъ почетнѣйшимъ сановникамъ, находившимся въ Варшавѣ, и всѣмъ нунціямъ. На немъ присутствовалъ и государь. Здоровье его было провозглашено при единодушныхъ кликахъ, и это пиршество, по свидѣтельству Бенкендорфа, совершилось со всевозможнымъ приличіемъ и всѣми признаками сердечной преданности. Прекрасные балы нѣсколько разъ соединяли все

Григорій Ивановичъ Вилламовъ.
(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

высшее варшавское общество въ Лазенкахъ и у предсѣдателя сената, графа Замойскаго. Все по виду казалось спокойнымъ, и ни въ чемъ не обнаруживалось непріязненнаго чувства противъ особы монарха.

Государь, желая отстранить даже и тѣнь какого нибудь вліянія съ его стороны на работы сейма, оставилъ на все время ихъ продолженія Варшаву и даже самые предѣлы королевства. 21-го мая (2-го іюня)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

императрица уѣхала въ Фипбахъ въ Силезіи, гдѣ ожидала ее прусская королевская семья, а вечеромъ государь отправился въ Елисаветградъ.

Въ это время наша Забалканская оккупация окончилась. Порта сдѣлала второй взносъ по своему денежному долгу, и фельдмаршалъ графъ Дибичъ выѣхалъ изъ Бургаса въ Россію ³⁶⁶. Государь встрѣтился съ своимъ полководцемъ на послѣдней почтовой станціи передъ Елисаветградомъ 25-го мая (6-го іюня) и, пригласивъ его къ себѣ въ коляску, продолжалъ путь. Въ Елисаветградѣ государя ожидалъ Галиль-паша, возвращавшійся съ посольствомъ въ Константинополь.

Послѣ смотровъ въ Елисаветградѣ императоръ Николай направился черезъ Кременчугъ въ Козелецъ, гдѣ также произвелъ смотры и маневры, а затѣмъ 31-мая (12-го іюня) прибылъ въ Кіевъ. Пробывъ здѣсь два дня въ обычной дѣятельности, государь направился въ мѣстечко Кодни и послѣ нѣсколькихъ смотровъ послѣдовалъ въ Брестлитовскъ, гдѣ цесаревичъ представилъ императору собранныя здѣсь части Литовскаго корпуса. По прибытіи въ Варшаву, государь 7-го (19-го) іюня поспѣшилъ въ Ловичъ навстрѣчу императрицѣ, возвращавшейся изъ Силезіи, а затѣмъ пробылъ въ польской столицѣ до закрытія сейма, послѣдовавшаго 16-го (28-го) іюня.

Въ послѣдній разъ народные представители слышали рѣчь своего конституціоннаго короля; она заканчивалась словами: *«quoique éloigné de vous, je veillerai perpétuellement à votre véritable bonheur»*. Впослѣдствіи императору Николаю представился еще разъ случай произнести рѣчь въ Варшавѣ; но она была уже другого содержанія и выходила на этотъ разъ изъ устъ грознаго и неумолимаго побѣдителя мятежа.

Во время занятій сейма 1830 года въ средѣ его образовалась довольно сильная оппозиція, которая даже отвергла проектъ закона, очень интересовавшій государя, объ ограниченіи удобства къ брачнымъ разводамъ; впрочемъ все это, какъ пишетъ Бенкендорфъ, было прикрито выѣшними изъявленіями преданности и довѣрія къ монарху, удалявшими всякое подозрѣніе о разладѣ между трономъ и народнымъ представительствомъ. Все окончилось по виду миролюбиво, хотя въ сущности довольно холодно.

За нѣсколько дней до выѣзда государя изъ Варшавы пришло туда извѣстіе, что населеніе Корабельной слободки въ Севастополѣ, состоявшее болѣею частію изъ матросовъ съ ихъ семьями, взбунтовавшись по случаю неудачныхъ мѣръ начальства противъ чумы, открывшейся въ тамошнемъ портѣ и проникнувшей до Одессы, отважилось на самыя преступныя дѣйствія и даже убило временнаго севастопольскаго военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта Столыпина, равно какъ и нѣсколько другихъ лицъ. Вызваны были со всѣхъ сторонъ на помощь войска, при-

былъ графъ Воронцовъ, и открылись дѣйствія слѣдственной комиссіи, обнаружившей 980 человѣкъ обоого пола участниковъ бунта. Тишина и спокойствіе снова водворились въ Севастополѣ. Графу Воронцову предписано было государемъ принять мѣры «для истребленія духа своеволія и непокорности, столь неожиданно оказавшагося на самомъ дѣлѣ».

17-го (29-го) іюня выѣхала въ Петербургъ императрица, въ сопровожденіи прибывшаго въ Варшаву принца Карла Прусскаго. Государь же отправился въ путь 19-го іюня (1-го іюля) послѣ маневра всѣми войсками, собранными подъ Варшавою. Въ этотъ день Николай Павловичъ разставался навсегда съ цесаревичемъ: обоимъ братьямъ не суждено было болѣе встрѣтиться.

Бенкендорфъ высказываетъ слѣдующія мысли по поводу пребыванія императора Николая въ Польшѣ въ 1830 году: «Не совсѣмъ довольный собою и еще менѣе своимъ старшимъ братомъ, государь чувствовалъ неловкость положенія русскаго монарха въ королевствѣ Польскомъ; чувствовалъ все зло либеральной и преждевременной организаціи этого края, которую охранять присягнулъ самъ; понимая всю тяжесть характера цесаревича, считалъ, однако же, присутствіе его въ Польшѣ необходимымъ, въ виду противовѣса притязаніямъ польской аристократіи; наконецъ, всю свою надежду полагалъ единственно на будущее и какъ бы страшился дать себѣ полный отчетъ въ настоящемъ положеніи этой важной части его огромной державы. Впрочемъ ничто не указывало на вѣроятность близкаго взрыва, и, напротивъ, видимое матеріальное благосостояніе казалось надежнѣйшимъ оплотомъ общественнаго спокойствія. Время могло устранить все непріятное въ личномъ положеніи государя, и, говоря вообще, онъ остался не совсѣмъ недоволенъ своею поѣздкою и націею, подвластною ему и,—прибавляетъ Бенкендорфъ,—всѣмъ обязанною русскимъ царямъ».

Дорогою императоръ Николай остановился въ Дерптѣ, гдѣ въ подробности осмотрѣлъ университетъ; остальную часть пути государь совершилъ вмѣстѣ съ императрицею. 24-го іюня (6-го іюля) ихъ величества прибыли въ Петергофъ, а черезъ день въ Петербургъ; посѣтивъ Казанскій соборъ, отправились въ Елагинскій дворецъ.

Едва государь успѣлъ возвратиться въ Петербургъ, какъ вдругъ новое событіе, новая забота дали почувствовать ему, что онъ не избавился отъ несчастій, преслѣдовавшихъ его со дня вступленія на престолъ. Въ имперіи показалась холера, занесенная изъ Персіи, и съ 1830 года стала подвигаться по Россіи. Эта страшная болѣзнь, извѣстная у насъ дотолѣ только по имени и по описаніямъ производимыхъ ею опустошеній, наводила повсюду тѣмъ большій ужасъ, что никто не зналъ и не могъ указать противъ нея ни медицинскіхъ средствъ, ни полицейскихъ мѣръ. Общее мнѣніе склонялось, однако, въ пользу карантинныхъ и офѣ-

плений, какъ бы противъ чумы, и въ этомъ смыслѣ правительство тотчасъ приняло всѣ пужныя мѣры, съ тою дѣятельностію, которую твердая воля государя умѣла влагать во всѣ его распоряженія. На указаные пункты направлялись войска, и изъ нихъ, равно какъ и изъ мѣстныхъ жителей, образовывались чумные кордоны для спасенія отъ этого бича внутреннихъ губерній и обѣихъ столицъ.

Къ внутреннимъ затрудненіямъ присоединились вскорѣ и внѣшнія осложненія.

IV.

Императоръ Николай уже давно озабоченъ былъ направлениемъ, даннымъ Карломъ X своей внутренней политикѣ. Еще 22-го марта (3-го апрѣля) 1830 года государь въ письмѣ къ графу Дибичу выражалъ свои опасенія насчетъ положенія дѣлъ во Франціи и благополучнаго исхода правительственныхъ мѣропріятій, которыя заставляютъ трепетать за будущее (*qui font trembler pour leur suite*)³⁶⁷. Выражая надежду, что Богъ предохранитъ Францію и Европу отъ новыхъ несчастій, Николай Павловичъ прибавилъ: «во всякомъ случаѣ прискорбно сказать, что сумасшествіе короля всему тому причиною (*toutefois il est cruel de devoir le dire, que c'est la folie du roi qui est cause de tout cela*)». Шаткое положеніе французскаго правительства тѣмъ болѣе огорчало императора Николая, въ виду того обстоятельства, что отношенія Россіи къ Франціи были самыя дружественныя. Государь съ признательностію относился къ Карлу X за дружественную политику, которой онъ придерживался во время русско-турецкой войны; насколько Николай Павловичъ относился благосклонно къ тогдашнему французскому правительству, можно видѣть изъ словъ, сказанныхъ барону Бургоэну (французскому повѣренному въ дѣлахъ) въ Красномъ Селѣ во время ученія гвардейской артиллеріи: «Французы взяли Алжиръ. Напишите вашему королю, что это завоеваніе наполнило меня такою радостію, какъ бы оно было совершено пушками, выстрѣлы которыхъ раздаются въ настоящій моментъ»³⁶⁸.

Между тѣмъ тревожныя извѣстія изъ Парижа стали быстро слѣдовать одни за другими и подтвердили опасенія императора Николая. Государственный переворотъ совершился: Карлъ X нарушилъ хартію и данную имъ клятву, а затѣмъ начались іюльскіе дни.

Въ это время императоръ Николай предполагалъ совершить поѣздку по Финляндіи, которую до сихъ поръ еще не имѣлъ времени посѣтить. Въ день отъѣзда, 30-го іюля (11-го августа), государь принималъ прибывшаго въ Петербургъ фельдмаршала графа Дибича³⁶⁹ и барона Бур-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

гоэна. Разговоръ съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ изложилъ имъ въ своихъ запискахъ слѣдующимъ образомъ ³⁷⁰:

«Лишь только я вступилъ въ кабинетъ императора,—пишетъ Бургоэнъ,—какъ его величество подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

«— То, что мы предвидѣли, совершилось. Сообщенія прерваны; но и этого довольно, чтобы опасаться всего. Сообщенія прерваны — дока-

Максимъ Яковлевичъ фон-Фокъ.

(Съ портрета, находящагося въ „Альбомѣ Пушкинской выставки“).

зательство, что мятежъ торжествуетъ. Какое ужасное несчастье (quel affreux malheur)!

«Я присоединился къ сожалѣнiямъ, къ печальнымъ опасенiямъ императора.

«— Чѣмъ кончится все это? — сказалъ онъ. — Что, по вашему мнѣнiю, выйдетъ изъ всего этого?

«— Увы, государь, догадки тутъ невозможны: въ Парижѣ мятежъ, вотъ все, что мы знаемъ. Когда страна видитъ возмущенiе въ своей

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

столицѣ, оно сходно съ умопомѣшательствомъ въ человѣкѣ, никто не можетъ сказать, что онъ предприметъ.

«— Что произойдетъ, если Карла X свергнуть? Кого посадятъ на его мѣсто? Не будетъ ли у васъ республики?»

«— Нѣтъ признаковъ, чтобы думали о республикѣ, — отвѣчалъ я.

«— Не изберутъ ли какогонибудь Бернадота?»

«— Онъ слишкомъ далекъ, государь, и вполнѣ забыть.

«— Я не говорю о королѣ шведскомъ, но о какомънибудь военачальникѣ, избранномъ преторіанцами.

«— Нѣтъ, государь, нѣтъ, наши солдаты, славу Богу, еще никогда не покушались на такія преступныя, безумныя дѣйствія, какъ преторіанскій выборъ.

«— Такъ что же будетъ?»

«— Подобно вашему величеству, я блуждаю во тьмѣ хаоса.

«По настоянію императора, я приступилъ съ нимъ къ разсмотрѣнію различныхъ догадокъ; отреченіе въ пользу законныхъ наслѣдниковъ, примѣры котораго нашъ вѣкъ представлялъ въ минуты смутъ или анархіи, казалось намъ наиболѣе желательнымъ и наиболѣе вѣроятнымъ рѣшеніемъ. Впрочемъ, такъ какъ императоръ готовился ѣхать въ Финляндію, такъ какъ полученныя имъ извѣстія были неполны, я же не имѣлъ никакихъ и не могъ рассчитывать на скорое прибытіе курьера изъ Парижа, то настоящая бесѣда была непродолжительна. Императоръ все еще надѣялся, хотя и весьма слабо, на торжество или на долгое сопротивленіе королевской партіи или въ Парижѣ или же внѣ возмущившейся столицы. Во всякомъ случаѣ онъ полагалъ, что весь дипломатическій корпусъ послѣдуетъ за Карломъ X.

«— Станемъ, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что монархическое начало будетъ спасено, — повторилъ онъ мнѣ нѣсколько разъ.

«Желаніе видѣть монархическое начало неприкосновеннымъ посреди смутъ было неоднократно выражаемо императоромъ, хотя ничего положительнаго не было высказано. Онъ произнесъ между прочимъ имя Орлеанской вѣтви, не останавливаясь, однако, на подобной гипотезѣ болѣе, чѣмъ на другихъ выставляемыхъ съ его стороны; на первомъ планѣ онъ естественно ставилъ герцога Ангулемскаго, затѣмъ герцога Бордоскаго; но всѣ эти предположенія, всѣ личные вопросы затронуты были мимоходомъ, съ непослѣдовательностью, отличающей быстрый и отрывистый разговоръ. Передъ тѣмъ, какъ разстаться, возвращаясь къ упорному бою королевской гвардіи, императоръ сказалъ мнѣ:

«— Молодцы ваши гренадеры королевской гвардіи! Я желалъ бы поставить золотую статую каждому изъ нихъ.

«Послѣ этихъ словъ, такъ благородно обрисовывающихъ свойственныя ему чувства и способъ выраженія, равно уваженіе его къ военной вѣрности и преданности, онъ простился со мною, сказавъ:

«— До свиданія черезъ шесть дней: долѣе я не пробуду въ Финляндіи, отъ поѣздки въ которую не могу отказаться; я тороплюсь возвратиться сюда для полученія извѣстій; скоро возвратится Нессельроде; пока же я поручилъ князю Ливену сообщать вамъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ получитъ. Я понимаю вашу душевную тревогу».

Въ тотъ же вечеръ императоръ Николай съ генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ сѣлъ въ дрожки и направился въ Выборгъ.

«Сидя вдвоемъ въ этой ломкой повозкѣ, — пишетъ Бенкендорфъ, — мы, разумѣется, говорили только о парижскихъ происшествіяхъ и о послѣдствіяхъ, которыя они могутъ имѣть для остальной Европы. Помню, какъ, разсуждая о причинахъ этой революціи, я сказалъ, что съ самой смерти Людовика XIV французская нація, болѣе испорченная, чѣмъ образованная, опередила своихъ королей въ намѣреніяхъ и потребности улучшеній и перемѣнъ; что не слабые Бурбоны шли во главѣ народа, а что самъ онъ влачилъ ихъ за собою, и что Россію наиболѣе ограждаетъ отъ бѣдствій революціи то обстоятельство, что у насъ со временъ Петра Великаго всегда впереди націи стояли ея монархи; но что по этому самому не должно слишкомъ торопиться ея просвѣщеніемъ, чтобы народъ не сталъ по кругу своихъ понятій въ уровень съ монархами и не постигнулъ тогда на ослабленіе ихъ власти».

Къ сожалѣнію, Бенкендорфъ ничего не пишетъ, что отвѣтилъ императоръ Николай на историческую импровизацію своего спутника, и продолжаетъ свой разсказъ:

«За нѣсколько станцій до Выборга дрожки сломались, и мы вынуждены были пересѣсть въ запасныя, менѣе покойныя и еще менѣе прочныя, чѣмъ первыя. Въ Выборгѣ мы остановились у православнаго собора (31-го іюля, въ 9 часовъ утра), на паперти котораго ожидали государя губернаторъ и всѣ власти. По осмотрѣ имъ войскъ, укрѣпленій, госпиталя и немногихъ казенныхъ зданій, украшающихъ этотъ городокъ, мы, переночевавъ въ немъ, на слѣдующій день пустились далѣе и вскорѣ очутились въ новой Финляндіи, то-есть въ той ея части, которая была завоевана императоромъ Александромъ».

Не доѣзжая Фридрихсгама, государь въ Питтерлакѣ свернулъ въ сторону въ простой крестьянской телѣжкѣ для осмотра каменной ломки, гдѣ приготавлился гранитный монолитъ для памятника Александру I-му. Послѣ осмотра войскъ и финляндскаго кадетскаго корпуса въ Фридрихсгамѣ, императоръ Николай черезъ Ловизу и Борго прибылъ 1-го (13-го) августа вечеромъ въ Гельсингфорсъ.

На другой день генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Закревскій, возведенъ былъ въ графское великаго княжества Финляндскаго достоинство. Его величество, какъ сказано въ рескриптѣ, «оказываетъ сей знакъ монаршаго благоволенія тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что оный согласуется съ желаніемъ, изъявленнымъ финляндскимъ сенатомъ: соединить его, Закревскаго, тѣснѣйшими узами съ согражданами финляндской націи и считать его въ числѣ ея сочленовъ».

3-го (15-го) августа государь посѣтилъ Свеаборгъ и обѣдалъ на кораблѣ «Кульмъ», съ которымъ прибылъ сюда князь Мениковъ.

Относительно пребыванія императора Николая въ Финляндіи Бенкендорфъ пишетъ: «Сердечный пріемъ, сдѣланный государю всѣми классами населенія, быстрое возрастаніе столицы, наконецъ общій видъ довольства, не оставляли сомнѣнія въ выгодахъ благого и отеческаго устройства, даннаго этому краю. Прежніе навыки, преданія и семейные союзы не могли не поддерживать еще до нѣкоторой степени симпатической связи его со Швеціею; но матеріальные интересы и управленіе, столько же либеральное, сколько и національное, уже производили свое дѣйствіе, и все обѣщало Россіи въ финляндцахъ самыхъ вѣрныхъ и усердныхъ подданныхъ».

Въ ночь на 5-е (17-е) августа императоръ Николай возвратился въ С.-Петербургъ и остановился во дворцѣ на Елагинномъ острову.

Ко времени пріѣзда государя французскія дѣла окончательно разъяснились. Отреченіе Карла X въ пользу внука, герцога Бордоскаго, не доставило ему престола, и намѣстникъ королевства, герцогъ Орлеанскій, Людовикъ-Филиппъ, преобразился въ короля французовъ. Николай Павловичъ усмотрѣлъ въ устраненіи старшей линіи Бурбоновъ и законнаго короля Генриха V одно коварство и вѣроломство намѣстника королевства и рѣшился прервать сношенія съ Франціею. Первый же докладъ графа Чернышева сопровождался высочайшимъ повелѣніемъ, переданнымъ имъ 5-го (17-го) августа 1830 года кронштадтскому военному губернатору, вице-адмиралу Рожнову, и гласившимъ слѣдующее:

«По случаю возникшаго во Франціи мятежа и перемѣны существовавшаго правительства, государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ ни подъ какимъ видомъ не допускать кораблямъ сей націи, плавающимъ подъ флагомъ трехцвѣтнымъ, а не бѣлымъ, входить въ Кронштадтскій портъ, но если бы усиливались войти въ оный, то останавливать ихъ дѣйствіемъ оружія. Его императорскому величеству равноугодно, чтобы всякій корабль французскій изъ остающихся нынѣ въ Кронштадтскомъ портѣ, который бы перемѣнилъ бѣлый флагъ на трехцвѣтный, немедленно былъ высланъ въ море. Сообщая вашему превосходительству высочайшую волю сію къ непремѣнному и строному исполненію, имѣю честь присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ увѣ-

Князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.

(Съ портрета, приложеннаго къ „Историческому обзору дѣятельности комитета министровъ“).

домляю объ оной г. начальника морского штаба его императорскаго величества».

Утромъ 5-го (17-го) августа графъ Чернышевъ навѣстилъ барона Бургоэна и сказалъ ему:

— «Императоръ, зная наши короткія отношенія, полагаетъ, что сообщеніе, которое онъ хочетъ сдѣлать вамъ, было бы менѣе непріятно

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

въ устахъ друга, чѣмъ всякимъ другимъ путемъ. Вамъ, конечно, извѣстно, какъ недоволенъ его величество случившимся во Франціи. Его непоколебимыя правила не позволяютъ ему признать то, что было сдѣлано. Поэтому рѣшено прислать вамъ ваши паспорта и прервать всѣ сношенія съ Франціею».

Кронштадтскія распоряженія и слова графа Чернышева служили явнымъ доказательствомъ предвзятаго намѣренія правительства довести дѣло до разрыва; поэтому баронъ Бургоэнъ немедленно испросилъ черезъ князя Ливена аудіенцію у государя и получилъ приглашеніе прибыть въ Елагинскій дворецъ въ тотъ же день (5-го августа) въ 11-ть часовъ вечера. Аудіенція сопровождалась продолжительнымъ разговоромъ, ярко обрисовавшимъ характеръ и политическіе взгляды императора Николая.

Государь принялъ Бургоэна въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, расположенномъ во второмъ этажѣ Елагинскаго дворца; одна комнатка отдѣляла его отъ спальни императрицы. Оживленный разговоръ продолжался часъ и три четверти ³⁷¹. Съ первыхъ же словъ государя Бургоэнъ убѣдился въ справедливости словъ, переданныхъ ему утромъ графомъ Чернышевымъ о предстоявшемъ немедленно разрывѣ Россіи съ Франціею.

«Когда я вошелъ, — пишетъ Бургоэнъ, — императоръ встрѣтилъ меня на самомъ порогѣ и, ставъ передо мною, произнесъ мрачнымъ, но рѣзко отчетливымъ голосомъ слѣдующія слова:

«— Ну, что, имѣете ли вы извѣстія отъ вашего правительства, отъ господина намѣстника королевства (*de monsieur le lieutenant général du royaume*)? Вы уже знаете, что я не признаю никакого другого порядка вещей, кромѣ прежняго, и считаю его единственно законнымъ, потому что онъ истекаетъ изъ легитимной королевской власти.

«На обращенныя ко мнѣ столь рѣзкія слова я отвѣчалъ въ томъ же духѣ.

«— Признаюсь, государь, я крайне удивленъ, что ваше величество смотрите такъ на вопросъ, отнынѣ безповоротно рѣшенный моимъ отечествомъ, которое всегда умѣло отстаивать то, что дѣлало.

«Мы подошли въ это время къ столу, стоявшему влѣво, въ глубинѣ комнаты. Императоръ, идя вольно, сказалъ возвышеннымъ голосомъ:

— «Да, таковъ образъ моихъ мыслей: принципъ легитимизма, вотъ что будетъ руководить мною во всѣхъ случаяхъ (*le principe de légitimité, voilà ce que me guidera en toute circonstance*).

«Подойдя въ это время къ столу, императоръ, сильно ударивъ по нему, воскликнулъ:

«— Никогда, никогда не могу я признать того, что случилось во Франціи.

«Я оставался спокойнымъ въ виду этого энергическаго проявленія необдуманной воли, которую мнѣ предстояло побороть.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Баронъ Карлъ Ѳеодоровичъ Толь.

(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу).

«— Государь, — возразилъ я, — нельзя говорить никогда; въ наше время слово это не можетъ быть произносимо: самое упорное сопротивление уступаетъ силѣ событий.

«— Никогда, — продолжалъ императоръ съ тѣмъ же жаромъ, — никогда не уклонюсь я отъ моихъ принциповъ: съ принципами нельзя вступать въ сдѣлку, я же не вступлю въ сдѣлку съ моею честью.

•

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«— Знаю, — отвѣчалъ я, — что слово вашего величества свято, и что если вы принимаете на себя обязательство, то оно становится для васъ непреложнымъ закономъ; вотъ почему я и придаю столько цѣны тому, чтобы вы не связывали себя на будущее время поспѣшными заявленіями.

«То, что я предвидѣлъ, случилось: императоръ при самомъ началѣ нашего разговора хотѣлъ мнѣ показать свое неудовольствіе въ полной силѣ; но очевидно, что онъ призвалъ меня не для того единственно, а желалъ выслушать объясненія, даже настоянія, потому что обстоятельства были равно важны и для него и для насъ. Въ своихъ чувствахъ, симпатіяхъ, принципахъ онъ былъ увѣренъ, но серьезная дѣйствительность минуты ставила его въ мучительную нерѣшимость, въ большое недоумѣніе; въ продолженіе нѣсколькихъ дней его осаждали самыми противоположными совѣтами: воинственные подстрекательства преобладали, но онъ не пренебрегалъ соображеніями, которыя могли быть ему представлены и въ другомъ смыслѣ. Въ такомъ настроеніи духа онъ сказалъ мнѣ тономъ, уже въ значительной степени смягченнымъ:

«— Садитесь и поговоримъ спокойно, — въ то же время онъ указалъ мнѣ на стулъ, находящійся противъ своего по другую сторону стола, который онъ только что ударилъ своею мощною рукою.

«— Ваше величество съ самаго начала говорили со мною такъ опредѣлительно, такъ рѣшительно, что и я считаю себя въ правѣ сдѣлать то же.

«— Говорите все, — возразилъ императоръ, — выскажите все, что у васъ на сердцѣ, для того-то я и пригласилъ васъ; мы здѣсь вовсе не для того, чтобы обмѣниваться любезностями.

«— Итакъ, государь, позвольте мнѣ представить вамъ вполнѣ откровенно картину того, что случилось бы, если бы вы исполнили рѣшеніе, о которомъ мнѣ говорилъ графъ Чернышевъ сегодня утромъ.

«— Хорошо, я слушаю васъ.

«— Эта картина будетъ проста; ваше величество увидите, какъ послѣдствія связываются между собою. Допустимъ, что мнѣ предложили бы выѣхать изъ С.-Петербурга. Отъѣзжая, я отправилъ бы впередъ курьера, который возвѣстилъ бы объ удаленіи меня и объ исключеніи нашего національнаго флага. Неужели вы полагаете, что мы останемся спокойными при такомъ извѣстіи? Это не въ нашихъ обычаяхъ; въ тотъ же самый день мы удалили бы вашего посланника, какъ вы удалили меня. Тогда что случилось бы? Ваше величество знаете, какое положеніе занимаетъ въ Парижѣ генералъ Поццо-ди-Борго. Столько же по своему искусству, сколько и по могуществу монарха, котораго служить представителемъ, онъ — какъ бы опорная точка всему парижскому дипломатическому корпусу. Всѣ его товарищи пользуются его совѣтами... но если весь дипломатическій корпусъ разсѣется, то, какъ вы полагаете, какое дѣйствіе произведетъ этотъ отъѣздъ на моихъ соотечественниковъ? Вы знаете, до ка-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

кой степени мы порывисты въ нашихъ рѣшеніяхъ и поступкахъ. Ваша прежняя коалиція не можетъ устрашить насъ. Мы скажемъ себѣ, что она постарается вновь образоваться, и выведемъ немедленно заключеніе, что нужно предупредить ее. Мы будемъ имѣть дѣло съ организованною массою, но располагаемъ съ нашей стороны дезорганизаціонной силой и нашей способностью быстрого расширенія; мы вынуждены будемъ бро-

Алексѣй Самойловичъ Грейгъ.

(Съ литографіи Сандомури, сдѣланею съ портрета, рисованнаго съ натуры Осокинымъ).

ситься на Европу, прежде нежели она будетъ готова. Вотъ, государь, какое будетъ послѣдовательное сцѣпленіе фактовъ, если мнѣ не удастся убѣдить васъ посмотреть на событія съ настоящей точки зрѣнія.

«— Я еще въ недоумѣніи, какъ поступлю; но какимъ образомъ вы хотите, чтобы мы стали на сторону того, что совершилось въ Парижѣ?

— «Тѣмъ лучше, государь, если вы еще не приняли рѣшенія въ виду столь важныхъ событій, это доказываетъ вашу мудрость, потому

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

что всё мы въ подобныя минуты должны усугублять спокойствіе и осторожность. Что случилось бы, если бы я самъ не подавилъ въ себѣ перваго движенія, когда сегодня утромъ вашъ военный министръ сдѣлалъ мнѣ отъ вашего имени рѣшительное сообщеніе? Въ какомъ видѣ были бы теперь дѣла, если бы я принялъ это сообщеніе въ буквальномъ смыслѣ или только написалъ о немъ въ Парижъ? Полагаю, что я поступилъ согласно съ моими обязанностями, желая переговорить прежде всего съ вами, потому что вы одинъ господинъ здѣсь.

«— Вы хорошо сдѣлали, что пожелали видѣть меня; полезно, чтобы мы имѣли настоящую бесѣду.

«— Въ этомъ я также убѣжденъ наравнѣ съ вашимъ величествомъ; но къ чему послужила бы наша бесѣда, если бы мнѣ не удалось измѣнить вашихъ намѣреній? Если я выйду изъ этого кабинета, не убѣдивъ васъ, то послѣдствіемъ будетъ война болѣе обширная и кровавая, чѣмъ войны республики и имперіи. Разсчитаемъ, сколько миллионовъ людей погубили эти войны; а та, которую вы, государь, вызвали бы, была бы еще губительнѣе, и вы отвѣчали бы за нее передъ Богомъ.

«Воззваніе къ искренно-религіозному чувству императора Николая произвело свое дѣйствіе.

«Устремивъ глаза къ небу, онъ сказалъ:

«— Да предастъ Господь эту отвѣтственность въ руки достойнѣе мопхъ.

«— Отклонить отвѣтственности вы не можете, государь: она—естественное послѣдствіе того высокаго положенія, которое вы занимаете на землѣ. Я счелъ, однако, своимъ долгомъ напомнить вамъ всю важность того, что мы говоримъ и обсуждаемъ въ настоящую минуту.

«— Повторяю,—отвѣчалъ императоръ,—я еще не знаю, на что мы рѣшимся; но я, конечно, сообщу свой взглядъ моимъ коллегамъ (*mes collègues*). Я передамъ имъ безъ утайки мое мнѣніе о случившемся и о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать; графъ Орловъ въ скоромъ времени скажетъ это въ Вѣнѣ. Вчера я писалъ Вильгельму (принцу Оранскому); мы не объявимъ вамъ войны, будьте въ томъ увѣрены; но если мы когда либо признаемъ то, что совершилось у васъ, то лишь послѣ взаимнаго согласія.

«— Что же выйдетъ, государь, изъ подобнаго конгресса?

«— Рѣчь идетъ не о конгрессѣ; мы располагаемъ другими средствами для соглашенія.

«— Покамѣстъ вы условитесь, государь, долгъ каждого изъ васъ воздерживаться въ отдѣльности отъ всякаго раздражительнаго слова, отъ всякой деклараціи или демонстраціи, которая могла бы встревожить или оскорбить насъ.

«— Я долженъ былъ быть весьма недоволенъ тѣмъ, что случилось, и я никогда не стану скрывать своего мнѣнія,—возразилъ императоръ.

«— Ваше величество припомните, что въ нашемъ разговорѣ въ Анничковомъ дворцѣ, когда мы еще ничего не знали, мы коснулись множества предположеній; не пришли ли мы къ заключенію, что посреди столь страшнаго переворота все было возможно? Роковая случайность революцій управляла обезумѣвшимъ населеніемъ. Я отвѣчалъ вамъ, что, къ сожалѣнію, никто не могъ ничего знать и ничего предрекать. Я видѣлъ мое отечество на краю пропасти и подобно большинству благо-разумныхъ людей страны, испытавшей столько революцій, призывалъ всѣми пожеланіями моиими руку, которая могла бы ее спасти. Чувства мои не измѣнились; попрежнему я съ болѣзненнымъ сожалѣніемъ вспоминаю о мѣрахъ, погубившихъ короля Карла X, и съ прежнею признательностію о храброй королевской гвардіи, тщетно защищавшей его.

«Императоръ продолжалъ:

«— Повторяю вамъ, любезный другъ, я обѣщаю вамъ не предпринимать торопливаго рѣшенія; что же касается до моего мнѣнія, то я всегда выскажу его прямо; мы не объявимъ вамъ войны, примите въ этомъ увѣреніе; но мы условимся сообща, какого образа дѣйствій намъ слѣдуетъ держаться въ отношеніи Франціи.

«— Я готовъ вѣрить, что вы не объявите намъ войны: со стороны державъ это было бы дѣйствіемъ столько же безумнымъ, сколько и опаснымъ. Но развѣ вы полагаете, что мы удовольствуемся холодными и оскорбительными отношеніями? Мы — уже не истощенная Франція 1814 года, а вы — уже не соединенная Европа 1815 года. Вы говорите, что не желаете войны, это не подлежитъ сомнѣнію; но между правительствами, какъ и между частными людьми, дѣло постепенно доходитъ со ссоры, а потомъ и до столкновенія. Недоброжелательные поступки влекутъ за собою рѣзкія объясненія, затѣмъ являются оскорбленія и угрозы, и оба противника скоро становятся лицомъ къ лицу, со шпагою въ рукѣ.

«— Надѣюсь, мы будемъ дѣйствовать осторожно, но всѣ сообща, — замѣтилъ императоръ. — Надобно, однако, предвидѣть, что другія державы, не сожалѣя, подобно мнѣ, о томъ, что Франція намѣревается снова броситься въ революціонныя случайности, возрадуются, что вы губите ваши прекрасныя начала преуспѣянія.

«Весьма вѣроятно, что на аудіенціяхъ посланникамъ и министрамъ другихъ великихъ державъ императоръ уже упомянулъ со времени іюльской революціи условнымъ образомъ о коалиціи. Впрочемъ, онъ все еще сохранялъ нѣкоторое расположеніе къ Франціи; онъ далъ мнѣ въ томъ новое доказательство даже во время нашего пренія, и я не могу забыть словъ, сказанныхъ имъ по этому поводу.

«Замѣтивъ ему, что если Россія, хотя и сохраняя миръ, покажетъ себя враждебною въ отношеніи къ намъ, то съ нашей стороны есте-

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ственнымъ образомъ произойдетъ сближеніе съ Англіею, императоръ отвѣчалъ:

«— Не теряйте изъ виду большую разницу между Англіею и мною. Несмотря на все то, что меня волнуетъ, и что мнѣ не нравится у васъ, я никогда не переставалъ интересоваться судьбами Франціи. Всѣ эти дни меня безпокоила мысль, что Англія, завидуя завоеванію Алжира, воспользуется вашими смутами, чтобы отнять у васъ это прекрасное владѣніе. Что же касается Австріи, то она трепещетъ за Италію; изъ-за этого страха она сожалѣетъ о вашей новой революціи, и потому только безпокоится; она никогда не будетъ сожалѣть о вашихъ горестяхъ; мы же, напротивъ того, всегда счастливы, когда Франція возрастаетъ въ силѣ и благоденствіи.

«— Государь, вы вполне правы питать въ отношеніи насъ подобныя чувства, потому что они вполне взаимныя. Не мнѣ напоминать вамъ, что французы сдѣлали для васъ во время послѣдней турецкой войны. Наша политическая поддержка сопровождала васъ до Адриано-польскаго трактата, а что касается до нашего военнаго братства, то вы помните, сколько французовъ служили въ рядахъ вашей арміи, и сколько другихъ желали послѣдовать за ними. Вотъ эту медаль за турецкую кампанію, которую вы намъ пожаловали, мы носимъ, какъ дорогое воспоминаніе. Правда, офицеры и другихъ великихъ державъ пріѣзжали и находились также въ вашей дунайской арміи, но, за исключеніемъ насъ и пруссаковъ, по сочувствію ли, или только изъ любопытства? Австрійскихъ офицеровъ было на Дунаѣ, въ 1828 году, почти столько же, какъ и французскихъ; но въ то же самое время австрійскія газеты унижали славу вашего оружія и предсказывали вамъ бѣдствія въ кампанію 1829 года. Въ противоположность подобнымъ дѣйствіямъ что же дѣлали мои молодые соотечественники? Лаферронэ и Ларошжакелены храбро дрались за васъ, бросались въ первые ряды вашихъ авангардовъ. Пруссаки и французы, государь, вотъ кто были въ тяжелыхъ обстоятельствахъ 1828 и 1829 годовъ вашими единственными друзьями.

«Я одушевился при этихъ словахъ; государь казался тронутымъ и дружески протянулъ мнѣ руку. Разговоръ принялъ затѣмъ болѣе спокойный тонъ простого обсужденія; императоръ еще разъ подтвердилъ, что говорятъ и дѣйствуетъ лишь изъ интереса къ Франціи.

«— Государь, если вы продолжаете интересоваться моимъ отечествомъ, то явите себя его другомъ въ этомъ новомъ кризисѣ и не увеличивайте его замѣшательства враждебнымъ положеніемъ.

«— Никакой вражды не питаю я къ Франціи, это вѣдомо Богу; но я ненавижу начала, васъ ослѣпляющія (*je déteste les principes qui vous égarent*); вы говорите мнѣ о враждебномъ начинаніи съ нашей стороны, оно можетъ послѣдовать и съ вашей.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«— Этого не случится, государь, будьте въ томъ увѣрены, если къ намъ отнесутся такъ, какъ мы въ правѣ ожидать по нашей независимости и справедливой гордости. Наши внутреннія перемѣны ни до кого не касаются; поэтому нѣтъ повода къ постороннему вмѣшательству. Если бы союзныя монархи захотѣли возобновить коалицію, то пусть они

Александръ Ивановичъ Козарскій.

(Съ литографіи Сандомури, сдѣланной съ портрета, рисованнаго съ натуры Осокинымъ).

вспомнать, что только въ такомъ случаѣ мы будемъ вынуждены искать поддержки у народовъ.

«При этомъ словѣ императоръ своимъ движеніемъ выразилъ удивленіе и неудовольствіе. Я прибавилъ, чтобы успокоить его:

«— Слова, мною сказанныя, относятся лишь къ предположенію, которое, какъ вы говорите, не осуществится. Мы не предпримемъ пропаганды, потому что намъ не предстоитъ бороться съ коалиціею. Впрочемъ, все, что я говорю по поводу защиты нашей независимости, и тѣ французы,

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

которыхъ вы наиболѣе уважаете, герцога Мортемаръ и графа Лафферронэ, сказали бы то же самое.

«— Да, я знаю, что, слушая васъ, я вопрошаю мнѣніе умѣренной Франціи, и что со мной какъ бы говорятъ Лафферронэ или Мортемаръ.

«— Эти люди, столь достойные вашей дружбы, государь, сказали бы вамъ, какъ и я, что отвращеніе къ иноземному вторженію преобладаетъ въ ихъ сердцахъ надъ всѣми другими чувствами, и что они и дѣти ихъ взяли бы за оружіе. Мы всѣ дружно соединимся, чтобы защитить Францію; всѣ партіи забудутъ свои распри.

«Мнѣ не предстояло надобности распространяться болѣе о громадной силѣ, во имя которой я говорилъ: императоръ былъ такъ убѣжденъ въ этомъ, что съ величайшимъ спокойствіемъ выслушалъ все сказанное мною, имѣвшее угрожающій оттѣнокъ. Императоръ постепенно успокоился: онъ сталъ обсуждать важнѣйшія статьи новой конституціи, замѣнившей собою хартію 1814 года. Онъ критиковалъ, съ своей точки зрѣнія, главнѣйшія статьи, и нашъ разговоръ, въ началѣ столь оживленный, принялъ тонъ теоретическаго разсужденія. Онъ закончилъ обзоръ введенныхъ новыхъ конституціонныхъ комбинацій, долженствовавшихъ имѣть силу съ нѣкоторыми измѣненіями въ продолженіе восемнадцати лѣтъ, словами, не менѣе всѣхъ выше приведенныхъ достойными быть сохраненными.

«— Если бы,—сказалъ императоръ,—во время кровавыхъ смутъ въ Парижѣ народъ разграбилъ домъ русскаго посольства и обнаруговалъ мои депеши, то были бы поражены, узнавъ, что я высказывался противъ государственнаго переворота; удивились бы, что русскій самодержецъ поручаетъ своему представителю внушить конституціонному королю соблюденіе учрежденныхъ конституцій, утвержденныхъ присягою. (On se fût fort étonné de voir l'autocrate de Russie charger son représentant de recommander au roi constitutionnel l'observation des constitutions établies et jurées).

«Таково въ общемъ мнѣніе императора Николая относительно нашей іюльской революціи; онъ совѣтовалъ не производить государственнаго переворота, разсматривая его скорѣе, какъ крайне опасный неблаго-разумный шагъ, чѣмъ заслуживающій порицанія проступокъ; прежде всего онъ интересовался королемъ Карломъ X и Франціею.

«Императоръ всталъ наконецъ, чтобы отпустить меня. Всѣ слѣды неудовольствія исчезли. Видя его въ такомъ расположеніи духа, я сказалъ:

«— До всѣхъ этихъ печальныхъ событій, государь, вы сооблаговолчили пригласить меня сопутствовать вашему величеству въ поѣздкѣ на берега Волхова для осмотра военныхъ поселеній и для инспектированія гренадерскаго корпуса. Осмѣливаюсь надѣяться, что это приглашеніе не отмѣнено.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«При столь неожиданномъ напоминаніи императоръ взглянулъ на меня улыбувшись; затѣмъ послѣ минутнаго раздумья отвѣчалъ:

«— Хорошо, я согласенъ; у меня только одно слово. Вы поѣдете со мною, но это удивить весьма многихъ.

«Императоръ обнялъ меня. Дѣло было улажено, и я возвратился въ Петербургъ. Корабли подъ трехцвѣтнымъ флагомъ были допущены въ Кронштадтъ.

«На другой день ко мнѣ явились всѣ главные члены дипломатическаго корпуса. Въ предшествовавшіе дни разнесся общій слухъ о присылкѣ мнѣ паспортовъ и полномъ разрывѣ сношеній между Франціей и Россіей. Это извѣстіе вызвало большое безпокойство, и каждый желалъ знать истину, чтобы донести своему двору. Меня посѣтили лордъ Гейтесбюри, англійскій посланникъ, графъ Фикельмонъ, австрійскій посланникъ, генераль Шёлеръ, прусскій министръ, и многіе другіе. Всѣ спрашивали меня со страхомъ:

«— Правда ли, что вы покидаете Петербургъ?

«— Правда, конечно,— отвѣчалъ я,— черезъ три дня я уѣзжаю, но чтобы сопровождать императора въ поѣздкѣ по военнымъ поселеніямъ».

Поѣздка въ новгородскія военныя поселенія дѣйствительно состоялась, однако не черезъ три дня, какъ рассказывалъ Бургоэнъ навѣщавшимъ его дипломатамъ, но въ началѣ сентября ³⁷².

Между тѣмъ, императоръ Николай, отказавшись отъ немедленнаго разрыва съ Франціею, все-таки продолжалъ увлекаться мыслию стать во главѣ легитимистскаго крестоваго похода въ духѣ Александра I-го. Возстаніе, начавшееся въ Брюсселѣ, подняло вопросъ о военномъ вмѣшательствѣ съ новой силой. Милолюбивый цесаревичъ Константинъ Павловичъ сильно встревожился воинственными намѣреніями своего державнаго брата, и изъ Варшавы немедленно раздалась правдивая рѣчь безусловнаго сторонника мира, противника новаго крестоваго похода.

«Я сильно сомнѣваюсь,— писалъ цесаревичъ 13-го (25-го) августа,— чтобы въ случаѣ, если бы произошелъ вторичный европейскій крестовый походъ противъ Франціи, подобно случившемуся въ 1813, 1814 и 1815 годахъ, мы встрѣтили то же рвеніе и то же одушевленіе къ правому дѣлу. Съ тѣхъ поръ сколько осталось обѣщаній, не исполненныхъ или же обойденныхъ, и сколько поправленныхъ интересовъ; тогда, чтобы сокрушить тиранію Бонапарта, тяготѣвшую надъ континентомъ, повсюду пользовались содѣйствіемъ народныхъ массъ и не предвидѣли, что рано или поздно то же оружіе могутъ повернуть противъ насъ самихъ» ³⁷³.

Относительно Польши цесаревичъ присовокупилъ:

«До сихъ поръ у насъ все спокойно, и я льщу себя надеждою, что при помощи и по милости Божіей такъ продолжится и далѣе. Поляки

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

докажутъ вамъ свою вѣрность,—я осмѣливаюсь ожидать этого отъ Его милосердія,—и уничтожатъ всякія сомнѣнія на этотъ счетъ».

Отвѣчая цесаревичу, императоръ Николай писалъ 17-го (29-го) августа:

«Мнѣніе, которое вы высказываете относительно поляковъ, какъ разъ то самое, котораго я считаю себя въ правѣ держаться въ отношеніи ихъ; что же касается моего довѣрія къ этой прекрасной и храброй арміи, оно всецѣло и полно, и я ни одного мгновенія не сомнѣвался въ ней».

Государь сообщилъ также цесаревичу, что вопросъ о трехцвѣтномъ флагѣ не существуетъ болѣе, послѣ того какъ «мы офиціальнымъ образомъ получили извѣстіе, что это не цвѣтъ возстанія (*la couleur de la rebellion*), но что правительство намѣстника короля, утвержденное Карломъ X и слѣдовательно сдѣлавшееся, въ нашихъ глазахъ, законнымъ (*rendu légal à nos yeux*), торжественно его приняло». Затѣмъ, переходя къ ближайшему разбору современныхъ политическихъ вопросовъ, государь старался успокоить брата насчетъ своихъ воинственныхъ намѣреній.

«Все, что было сдѣлано здѣсь дипломатическимъ путемъ, было сообщено вамъ,—писалъ императоръ,—надѣюсь, что вы найдете наши рѣшенія отвѣчающими чести и началамъ, унаслѣдованнымъ нами отъ нашего покойнаго ангела. Мы вовсе не торопимся дѣйствовать, но мнѣ кажется, что по части началъ непреложныхъ, священныхъ (*principes immuables, sacrés*) никогда не слѣдуетъ оставлять мѣста сомнѣніямъ; и вотъ не изложить открыто нашего взгляда на узурпацію герцога Орлеанскаго значило бы поступить какъ разъ такимъ образомъ. Впрочемъ, событія чередуются съ такою быстротою, что буквально едва хватаетъ времени, чтобы зрѣло взвѣсить дѣло, приготовить депеши, какъ вдругъ разыгрывается новое событіе, измѣняющее кажущійся обликъ положенія дѣлъ. Таковы, по моему мнѣнію, обстоятельства данной минуты, такъ какъ законный король въ моихъ глазахъ, Генрихъ V-й, вывезенъ своимъ дѣдомъ изъ предѣловъ Франціи; такимъ образомъ онъ фактически эмигрировалъ и бросилъ страну. Эта страна не можетъ оставаться безъ главы, а за немѣніемъ его должна впасть въ состояніе самой ужасной анархіи; поэтому фактически наиболѣе близкій къ трону, находящійся во Франціи, за немѣніемъ тѣхъ, которые были до него, становится для насъ фактически королемъ Франціи; если же мои союзники находятъ единогласно, что мы должны помириться въ этомъ отношеніи на герцога Орлеанскаго, то, мнѣ кажется, лучше признать королевскую власть, исходящую изъ подобнаго факта, чѣмъ королевскую власть по выбору народа: страшный примѣръ, пагубный для всякаго порядка и который подорвалъ бы наше собственное

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

существованіе; повторяю, мнѣ было бы слишкомъ противно признать его подобнымъ образомъ» ³⁷⁴.

Однако, цесаревичъ не успокоился, повидимому, не слишкомъ довѣряя незыблемости мирныхъ заявленій, присылаемыхъ ему изъ Петербурга;

Хозревъ-Мирза.

(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

онъ продолжалъ, съ своей стороны, посылать предостереженія противъ возможныхъ увлеченій и писалъ государю:

«Вы понимаете и оцѣняете текущія событія, какъ истинно благородный человѣкъ, простите мнѣ это совершенно простое выраженіе, но

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

на ряду съ этимъ не слѣдуетъ забывать, что вы государь и властелинъ громадной имперіи, и что вашъ первый долгъ—примирять интересы вашихъ подданныхъ и вашихъ союзниковъ, поставленныхъ въ положенія относительно крайне различныя».

Руководствуясь подобными соображеніями, цесаревичъ указывалъ, что въ случаѣ разрыва Россіи съ Франціею почтенный прусскій король прежде всего будетъ компрометированъ въ своихъ отношеніяхъ къ этой странѣ; географическое положеніе Пруссіи вынудитъ его принять, можетъ быть, тяжелыя, но неизбѣжныя рѣшенія. Сравнивая давно прошедшія событія съ настоящими, цесаревичъ въ заключеніе своихъ разсужденій снова повторялъ сдѣланную имъ ранѣе справедливую оцѣнку дѣлъ, обусловленную необыкновенно яснымъ пониманіемъ политической обстановки данной минуты.

«Когда происходила первая революціонная война,—писалъ цесаревичъ,—все дѣлалось съ энтузіазмомъ, порожденнымъ долгомъ и ужасомъ, который испытывали; всѣ хотѣли сохранить свое общественное положеніе и были спокойны за свой тылъ. При второй войнѣ, если она случится, пойдутъ по чувству долга и, въ большинствѣ случаевъ, неохотно. Новыя идеи настолько созрѣли во всѣхъ головахъ и вообще пустили слишкомъ глубокіе корни среди большинства новаго поколѣнія, чтобы можно было вѣрить въ обратное. Сверхъ того, въ прошломъ было слишкомъ много нарушено интересовъ и не исполнено обѣщаній, чтобы явилась возможность рассчитывать на единодушное содѣйствіе правому дѣлу»³⁷⁵.

Прежде всего императоръ Николай, въ виду возможныхъ случайностей, пожелалъ ознакомить своихъ ближайшихъ союзниковъ, Австрію и Пруссію, съ своими взглядами на политическое положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать намѣренія ихъ правительствъ. Съ этою цѣлью 16-го (28-го) августа генералъ-адъютантъ графъ Орловъ отправился въ Вѣну; съ подобнымъ же порученіемъ посланъ былъ 19-го (31-го) августа въ Берлинъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ.

«Я избралъ его,—писалъ императоръ Николай къ цесаревичу,—потому что онъ смотритъ на дѣла такъ же, какъ вы и я, а для меня именно важно, чтобы мои слова и мысли были переданы королю съ тѣмъ тономъ, который я придаю этой музыкѣ»³⁷⁶.

Передъ отъѣздомъ государь передалъ Дибичу изустно свою инструкцію, а фельдмаршалъ немедленно изложилъ ее письменно. Въ составленной такимъ образомъ запискѣ между прочимъ сказано въ заключеніе, что для движенія своихъ войскъ императоръ, ожидая призыва его величества короля, предполагаетъ, отдавъ нужныя приказанія, полетѣть въ Берлинъ (*voler à Berlin*), чтобы еще лично совѣщаться съ августѣйшимъ тестемъ своимъ и затѣмъ рядомъ съ нимъ сражаться противъ враговъ общаго спокойствія (*les ennemis du repos général*)³⁷⁷.

Консервативныя воззрѣнія прусскаго короля не оказались, однако, на высотѣ той «музыки», которую заиграли въ Петербургѣ. Дѣйствительно немедленно по прибытіи въ Берлинъ графъ Дибичъ приглашенъ былъ 27-го августа (8-го сентября) въ Шарлотенбургъ, гдѣ на аудіенціи, продолжавшейся полтора часа, изложилъ королю все, что поручилъ фельдмаршалу сказать государь. Но русскій посланный, преисполненный воинственнаго пыла, видѣвшій себя уже новымъ героемъ дня на высотахъ Монмартра, ангеломъ-спасителемъ въ революціонномъ пожарѣ, не нашелъ въ королѣ особенной склонности къ военнымъ предпріятіямъ; лѣта и опытъ жизни, богатой великими событіями, воспоминанія о бывшихъ несчастіяхъ и о дорого купленномъ торжествѣ внушали тестю императора Николая большую сдержанность и трезвый взглядъ на дѣла сего міра. Выслушавъ графа Дибича, король былъ видимо тронутъ дружескими чувствами и довѣріемъ къ нему императора, заявлялъ, что вполне раздѣляетъ его политическія убѣжденія и считаетъ войну неизбѣжною; по при этомъ выразилъ, ссылаясь на примѣръ Александра I-го въ 1812 году, что не желалъ бы ни въ какомъ случаѣ быть начинающею стороною³⁷⁸.

По желанію короля, графъ Дибичъ остался въ Берлинѣ до выясненія обстоятельствъ. Начались безконечныя совѣщанія фельдмаршала съ прусскими государственными людьми, не менѣе короля опасавшимися по отношенію къ Франціи всякаго дѣйствія, носящаго вызывающій оттѣнокъ; войны же Пруссія хотѣла избѣжать, во что бы то ни стало.

Но русскіе чрезвычайные посланцы: Орловъ и Дибичъ, не успѣли еще доѣхать до мѣстъ своего назначенія, какъ уже состоялось официальное признаніе совершившейся во Франціи перемѣны правленія, какъ со стороны Австріи, такъ и Пруссіи, безъ предварительнаго соглашенія съ нами. Еще ранѣе Англія также признала королемъ Людовика-Филиппа. Императору Николаю оставалось только послѣдовать ихъ примѣру. Въ Петербургъ прибылъ въ началѣ сентября генералъ Аталэнъ съ собственноручнымъ письмомъ короля Людовика-Филиппа. Въ этомъ письмѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія строки:

«На васъ, государь, въ особенности Франція останавливаетъ взоръ. Ей отрадно видѣть въ Россіи свою наиболѣе естественную и наиболѣе могущественную союзницу. Ручательствомъ въ томъ служитъ мнѣ благородный характеръ и всѣ качества, отличающія ваше императорское величество»³⁷⁹.

Генералъ Аталэнъ принятъ былъ при дворѣ съ большою вѣжливостью и даже предупредительностью; его приглашали не только на всѣ празднества, но и на смотры, парады. Менѣе удовлетворенъ былъ французскій генералъ отвѣтнымъ письмомъ государя. Рыцарская прямота императора Николая воспрепятствовала ему скрыть свои взгляды и чувства по отношенію къ іюльской монархіи подъ личиною искусныхъ дипломатическихъ сборотовъ рѣчи. Въ сущности отвѣтъ государя заключалъ въ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

себѣ неодобрительное и условное признаніе ненавистнаго ему совершившагося факта, безъ соблюденія даже обычныхъ формъ, установившихся для переписки съ царственными особами. Николай Павловичъ не назвалъ себя въ отвѣтномъ письмѣ «добрымъ братомъ» короля французовъ, власть котораго въ глазахъ русскаго монарха была запятнана революціоннымъ происхожденіемъ.

Приведемъ здѣсь дословный переводъ письма императора Николая, отъ 6-го (18-го) сентября, опредѣлившаго собою отношенія Россіи къ Франціи въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ восемнадцати лѣтъ.

«Я получилъ изъ рукъ генерала Аталена,—писалъ государь,—привезенное имъ посланіе. Событія, навѣки прискорбныя (*des événements à jamais déplorables*), поставили ваше величество въ тягостное положеніе. Ваше величество приняли рѣшеніе, которое одно, казалось вамъ, могло предотвратить отъ Франціи великія бѣдствія. Я ничего не скажу о побужденіяхъ, внушившихъ образъ дѣйствій, усвоенный вашимъ величествомъ въ данномъ случаѣ, но я возсылаю горячія мольбы къ Божественному Провидѣнію, дабы оно благословило намѣренія вашего величества и усилія ваши на благо французскаго народа. Въ согласіи съ союзниками моими я съ удовольствіемъ принимаю выраженіе желанія вашего величества поддерживать со всѣми европейскими государствами мирныя и дружественныя сношенія. Доколѣ эти сношенія будутъ основаны на существующихъ договорахъ и на твердой рѣшимости поддерживать права и обязательства, торжественно имъ признанныя, а равно и поземельныя владѣнія, Европа усмотритъ въ нихъ ручательство мира, столь необходимаго даже для спокойствія Франціи.

«Призванный совместно съ союзниками моими поддерживать съ Франціею подъ новымъ ея правительствомъ таковыя охранительныя отношенія, я, съ своей стороны, поспѣшу не только отнестись къ нимъ съ надлежащею заботливостью, но и не устану проявлять чувства, въ искренности коихъ мнѣ пріятно увѣрить ваше величество въ отвѣтъ на чувства, выраженные вами» ³⁸².

Письмо императора Николая произвело въ Парижѣ самое удручающее впечатлѣніе не только на короля и его министровъ, но и на общественное мнѣніе страны, почувствовавшее въ немъ оскорбленіе достоинства Франціи. Тѣмъ не менѣе при обоихъ дворахъ остались прежніе дипломатическіе представители: въ Парижѣ графъ Поццо-ди-Борго, а герцогъ Мортемаръ снова возвратился въ Петербургъ; но императоръ Николай продолжалъ относиться къ королю французовъ съ чувствомъ сильнѣйшаго негодованія, укоряя его въ коварствѣ, вѣроломствѣ и совершенно не признавая въ немъ виновника спасенія монархическаго начала. Булавочные уколы смѣнялись болѣе крупными размолвками вплоть до 1848 года, когда императоръ Николай съ нескрываемымъ удо-

ВЗЯТИЕ ГОРОДА ЭРЗЕРУМА ВЪ 1829 ГОДУ.
Съ литографіи Гастейна, сдѣланной съ картины Машкова.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

вольствиемъ могъ наконецъ сказать: «Voilà donc la comédie jouée et finie et le coquin à bas».

Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ: «Итакъ, послѣ долгой внутренней борьбы и гласно заявленнаго отвращенія къ новому монарху

Вступленіе русской арміи въ Адрианополь 8-го августа 1829 года.
(Съ рисунка съ натуры очевидца. Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Франціи, нашему государю не оставалось ничего иного, какъ покориться силѣ обстоятельствъ и принести личныя чувства въ жертву сохраненію мира и отчасти общественному мнѣнію. Императоръ Николай впервые принудилъ себя дѣйствовать вопреки своему убѣжденію и не безъ глубокаго сокрушенія и досады призналъ Людовика-Филиппа королемъ французамъ».

V.

Вскорѣ къ политическимъ тревогамъ присоединились неблагоприятныя внутреннія вѣсти. 24-го сентября (6-го октября) получено было сообщеніе, что въ Москвѣ открылась холера. Императоръ Николай немедленно рѣшился поспѣшить въ первопрестольную столицу, чтобы личнымъ присутствіемъ успокоить встревоженное населеніе; быстро собравшись въ путь, государь 27-го сентября (9-го октября) уже выѣхалъ въ Москву. Трудно описать чувства московскихъ жителей при неожиданномъ появленіи царя въ зараженномъ болѣзнію городѣ. «Мы знали, что ты будешь; гдѣ бѣда, тамъ и ты!» — вотъ крики, которые раздавались среди народной толпы, когда государь остановился у Иверскихъ воротъ и приложился къ образу. «Такое царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели христіанской... Съ крестомъ встрѣчаемъ тебя, государь; да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь», — сказалъ императору въ Успенскомъ соборѣ митрополитъ Филаретъ.

Въ это время генераль-адъютантъ Бенкендорфъ находился въ отпуску, въ своемъ имѣніи Фаль; но уже черезъ нѣсколько дней къ шефу жандармовъ прискакалъ фельдъегерь съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ государя и съ повелѣніемъ послѣдовать за нимъ въ Москву.

«Я былъ въ восхищеніи отъ героической рѣшимости моего царя, — пишетъ Бенкендорфъ, — и спустя два часа послѣ полученія извѣстія уже летѣлъ по почтовой дорогѣ. Прибывъ въ Петербургъ, я заѣхалъ въ Царское Село за приказаніями императрицы и поспѣшилъ въ Москву. А тамъ, пріѣхавъ вечеромъ, немедленно явился къ государю съ выраженіемъ благодарности моей за память ко мнѣ въ минуту, столь тяжкую для отеческаго его сердца. Онъ былъ, какъ всегда, спокоенъ и благодушенъ. Его пріѣздъ оживилъ, но не удивилъ добрыхъ москвичей, которые среди ужаса таинственной заразы предчувствовали, что ихъ не покинетъ царь. Когда онъ появился передъ народомъ, презрѣвъ опасность, чтобы пособить ему, общій энтузіазмъ достигъ крайнихъ предѣловъ, и всѣмъ казалось, что сама болѣзнь должна уступить его всемогуществу. Было рѣшено оцѣпить Москву для охраненія отъ заразы прочихъ губерній и Петербурга; все исполнилось безъ затрудненій, и покорность народа, одушевленного благодарностію, не знала границъ. Холера, однако же, съ каждымъ днемъ усиливалась, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивалось и число ея жертвъ. Лакей, находившійся при собственной комнатѣ государя, умеръ въ нѣсколько часовъ; женщина, проживавшая во дворцѣ, также умерла, несмотря на немедленно поданную ей помощь. Государь ежедневно посѣщалъ общественныя учрежденія, презирая опас-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ность, потому что тогда никто не сомнѣвался въ прилипчивости холеры. Вдругъ за обѣдомъ во дворцѣ, на который было приглашено нѣсколько особъ, онъ почувствовалъ себя нехорошо и принужденъ былъ выйти изъ-за стола. Вслѣдъ за нимъ поспѣшилъ докторъ, столько же испуганный, какъ и мы всѣ, и хотя черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся къ намъ съ приказаніемъ отъ имени государя не останавливать обѣда, однако никто въ смертельной нашей тревогѣ уже болѣе не прикасался къ кушанью. Вскорѣ затѣмъ появился въ дверяхъ самъ государь, чтобы

Графъ Иванъ Антоновичъ Каподистрія.
(Съ гравированнаго портрета Милова 1822 года).

насъ успокоить; однако его тошнило, трясла лихорадка, и открылись всѣ первые симптомы болѣзни. Къ счастью, сильная испарина и данныя во-время лѣкарства скоро ему пособили, и не далѣе какъ на другой день все наше безпокойство миновалось».

Государь почувствовалъ себя дурно 5-го (17-го) октября; въ тотъ же день вечеромъ Николай Павловичъ получилъ извѣстіе о дальнѣйшихъ успѣхахъ бельгійской революціи, вслѣдствіе которыхъ король нидерландскій нашелъ себя вынужденнымъ просить вооруженной помощи,

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

въ силу существовавшихъ трактатовъ ³⁸¹. Несмотря на нездоровье, государь безотлагательно отправилъ повелѣнія графу Чернышеву, фельд-маршалу Сакену и цесаревичу о приведеніи арміи на военное положеніе.

Графу Чернышеву государь писалъ:

«Любезный другъ, депеши, только что полученные мною, таковы, что надо принять безотлагательныя мѣры для нашего выступленія въ походъ. Нидерландскій король пишетъ мнѣ, прося въ силу существующихъ трактатовъ вооруженной помощи. Нетерпѣніе его въ этомъ отношеніи такъ велико, что Вильгельмъ (принцъ Оранскій) проситъ меня его именемъ послать часть войскъ, если то возможно, моремъ. Вы сами чувствуете, что это вещь, не исполнимая въ настоящее время года. Если бы эта запоздалая просьба явилась мѣсяцемъ ранѣе, то всѣ принятыя мною мѣры позволили бы ее осуществить... Первый контингентъ, который я, какъ членъ союза, обязанъ выставить, будетъ составленъ изъ арміи, находящейся подъ начальствомъ брата. По моему расчету, ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца, мы не въ состояніи будемъ выступить, по крайней мѣрѣ, со всѣми силами. Поэтому малѣйшій выигрышъ времени въ семь дѣлѣ будетъ весьма цѣненъ. Можетъ быть, извѣстія обо всѣхъ этихъ громадныхъ приготовленіяхъ послужатъ къ тому, чтобы предотвратить войну, которой всѣ мы искренно желаемъ избѣгнуть; о приготовленіяхъ вы можете говорить громко, но безъ аффектаціи, не дѣлая изъ нихъ тайны. Сообщите прямо отъ себя генералу Вицлебену о мѣрахъ, которыя приказано принять, написавъ ему для сообщенія королю, что отнынѣ я считаю наши арміи уже соединенными и желаю посему, чтобы по всѣмъ военнымъ между нами сношеніямъ всякая дипломатическая формальность была отложена въ сторону; что вамъ приказано держать его въ постоянной извѣстности обо всемъ, что будетъ дѣлаться у насъ, и что я буду весьма благодаренъ королю, если онъ дозволитъ отвѣчать тѣмъ же и мнѣ въ самыхъ простыхъ и самыхъ непосредственныхъ формахъ... Успокойте Канкринна насчетъ первоначальныхъ расходовъ и старайтесь по возможности уменьшить ихъ» ³⁸².

Графъ Чернышевъ по полученіи письма государя могъ торжествовать; всѣ предначертанныя мѣры прямо соотвѣтствовали воинственному пылу графа, проявлянному имъ съ самаго начала іюльской революціи. Сообщая Дибичу въ Берлинъ распоряженія императора, графъ Чернышевъ писалъ: «Если бы другіе кабинеты имѣли ту же энергію, какую придаетъ императоръ нашему кабинету, то какъ должны бы были трепетать зачинщики смутъ и мятежей!» ³⁸³.

Графъ Нессельроде былъ менѣе восхищенъ вѣроятіемъ предстоявшей войны и склонялся къ мирному, дипломатическому разрѣшенію возникшихъ вопросовъ. «Мы тоже не отдыхаемъ на розахъ,—писалъ вице-канцлеръ графу Дибичу,—холера-морбусъ господствуетъ въ очень

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

многихъ губерніяхъ, которыя посему пришлось освободить отъ рекрутскаго набора; внутренняя торговля остановилась вслѣдствіе мѣръ, кои пришлось принять для воспрепятствованія распространенію этого бича, и мы не увѣрены въ томъ, что онъ и здѣсь не настигнетъ насъ, такъ какъ говорятъ о его появленіи уже около Тихвина. Урожай былъ ду-

Соборъ Спаса Преображенія въ Петербургѣ.
(Съ гравюры, сдѣланной по рисунку Бегрова).

ренъ, и поступленіе податей идетъ плохо. Вотъ подъ какими предзнаменованіями мы приступаемъ къ приготовленіямъ къ войнѣ, послѣдствія которой одинъ лишь Богъ можетъ предвидѣть. Не надо, конечно, унывать и падать духомъ передъ обстоятельствами; но я считалъ необходимымъ представить вамъ печальную картину нашего внутренняго по-

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ложенія, дабы вы могли принимать ее въ соображеніе во всѣхъ совѣщаніяхъ вашихъ съ прусскимъ кабинетомъ»³⁸⁴.

Изъ строкъ графа Нессельроде видно, при какой печальной для Россіи обстановкѣ императоръ Николай готовъ былъ начать войну, совершенно чуждую всякаго государственнаго эгоизма; къ тому же онъ одинъ оставался вѣренъ смыслу договора, заключеннаго между Россією, Англією, Австрією и Пруссією 8-го (20-го) ноября 1815 года. Но съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ, политическіе взгляды измѣнились, и въ данномъ случаѣ одинъ русскій самодержецъ готовъ былъ съ полнымъ безкорыстіемъ стоять на стражѣ возстановленія нарушеннаго законнаго порядка. Прочія державы предпочли обратиться къ содѣйствію дипломатическихъ лѣкарствъ; въ результатъ вмѣсто вооруженнаго вмѣшательства началась работа общеевропейской конференціи, собравшейся въ Лондонѣ для улаженія бельгійскаго вопроса мирнымъ путемъ.

Но обратимся снова къ пребыванію императора Николая въ Москвѣ. Государь провелъ тамъ десять дней въ неутомимой, непрерывной дѣятельности; онъ лично наблюдалъ, какъ по его приказаніямъ устраивались больницы въ разныхъ частяхъ города, отдавалъ повелѣнія объ удовлетвореніи Москвы въ жизненныхъ потребностяхъ, о денежныхъ вспомоществованіяхъ неимущимъ, объ учрежденіи пріютовъ для дѣтей, у которыхъ болѣзнь похитила родителей; безпрестанно показывался на улицахъ; посѣщалъ холерныя палаты въ госпиталяхъ и только, устроивъ и обезпечивъ все, что могла человѣческая предусмотрительность, выѣхалъ 7-го (19-го) октября изъ Москвы.

Въ Твери, гдѣ проѣзжающіе должны были останавливаться въ карантинѣ, самъ законодатель подалъ примѣръ, какъ должно уважать законъ. Государь остановился во дворцѣ, который нѣкогда былъ занимаемъ великою княгиней Екатериной Павловной и супругомъ ея, принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, во время бытности его тамошнимъ генералъ-губернаторомъ. «Здѣсь, по разсказу Бенкендорфа, врачъ принялъ насъ въ особо приготовленной комнатѣ и окурить, согласно съ существовавшими тогда правилами, хлоромъ, постѣ чего дворецъ и маленькій его садъ оцѣпили часовыми, для совершеннаго отдѣленія его отъ города, а насъ, во исполненіе собственной воли государя, желавшаго дать примѣръ покорности законамъ, засадили въ карантинъ и разъединили отъ всего міра. Свиту государеву составляли, кромѣ меня, графъ П. А. Толстой, бывшій нѣкогда моимъ начальникомъ въ парижскомъ посольствѣ, генералъ-адъютанты Храповицкій и Адлербергъ, флигель-адъютанты Кокошкинъ и Апраксинъ и доктора Арендтъ и Енохинъ. Всѣхъ насъ размѣстили въ томъ же дворцѣ. Утромъ занимались бумагами, которыя ежедневно присылались изъ Петербурга и Москвы, а потомъ прогуливались по саду, впрочемъ очень худо содер-

жимому; государь стрѣлялъ воронъ, я подметалъ дорожки. За этими забавами слѣдовалъ прекрасный обѣдъ для всего общества вмѣстѣ, послѣ котораго расходились по своимъ комнатамъ до вечера, соединившаго опять всѣхъ на государевой половинѣ, гдѣ играли въ карты. Такъ мы, до возвращенія въ Царское Село, провели одиннадцать дней въ этой тюрьмѣ, хотя очень спокойной и удобной, но, тѣмъ не менѣе, жестоко намъ надоѣвшей».

20-го октября (1-го ноября) императоръ Николай благополучно возвратился въ Царское Село, а 25-го октября (6-го ноября) прибылъ въ Петербургъ. На другой день, въ воскресенье, состоялся первый разводъ.

VI.

Событія, ознаменовавшія собою вторую половину 1830 года, глубоко опечалили императора Николая. Съ сокрушеннымъ сердцемъ государь увидѣлъ себя вынужденнымъ признать воцареніе короля французовъ Людовика-Филиппа, а затѣмъ даже отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи. Съ цѣлью дать себѣ отчетъ въ совершившемся на западѣ Европы политическомъ переворотѣ и отношеніи къ нему Россіи, государь изложилъ свои мысли и взгляды въ особой запискѣ, названной имъ «исповѣдью (ma confession)».

Приведемъ здѣсь въ переводѣ съ французскаго подлинника содержаніе этого замѣчательнаго историческаго документа, опредѣлившаго собою дальнѣйшее направленіе русской политики до роковаго 1849 года, ознаменованнаго спасеніемъ Австріи.

«Важность нынѣшнихъ обстоятельствъ, въ ихъ связи съ непосредственными интересами Россіи, — пишетъ императоръ Николай, — привели меня къ мысли отдать самому себѣ отчетъ въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя они пробуждаютъ во мнѣ. Результатъ этого испытанія передъ судомъ моей совѣсти, какъ мнѣ кажется, намѣчаетъ мнѣ, въ чемъ заключается мой долгъ.

«Географическое положеніе Россіи до такой степени благопріятно, что въ области ея собственныхъ интересовъ ставитъ ее въ почти независимое положеніе отъ происходящаго въ Европѣ; ей нечего опасаться; ея границы удовлетворяютъ ее; въ этомъ отношеніи она можетъ ничего не желать, и слѣдовательно она ни въ комъ не должна была возбуждать опасеній. Обстоятельства, приведшія къ заключенію дѣйствующихъ трактатовъ, относятся къ тому времени, когда Россія, побѣдивъ и уничтоживъ неслыханное нашествіе Наполеона, въ качествѣ освободительницы, помогала Европѣ скинуть угнетавшее ее иго. Но воспоминаніе о благодѣяніяхъ скорѣе сглаживается временемъ, чѣмъ воспоми-

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

наніе обѣ обидѣхъ; недобросовѣстность въ Вѣнѣ уже чуть было не порвала только что закрѣпленнаго союза, и потребовалась новая очевидная опасность для того, чтобы державы открыто примкнули къ тому, кто, уже явившись разѣ ихъ освободителемъ, оставался неизмѣнно великодушнымъ.

«Въ теченіе десяти послѣдующихъ лѣтъ союзъ между Россіей, Австріей и Пруссіей казался тѣснымъ. Однако, обѣ эти державы неоднократно уклонялись отъ буквальнаго смысла или основныхъ началъ, служившихъ краеугольнымъ камнемъ союзныхъ трактатовъ. Неизмѣнно лишь терпѣнію и умѣренности императора, при его неистощимомъ желаніи сохранить внѣшніе признаки самой полной близости, удавалось возвращать на истинный путь или скрывать различіе взглядовъ. Когда Провидѣніе отняло его у Россіи, мы увидѣли вскорѣ, что Австрія одновременно съ прекраснѣйшими завѣреніями обнаруживала свои заднія мысли; правда, Пруссія оставалась вѣрно намъ болѣе долгое время, но между личными отношеніями къ королю и отношеніями къ его министерству сказывалась явная разниаца.

«Однако яркаго различія во взглядахъ не было вплоть до подлой іюльской революціи (*l'infâme révolution de juillet*). Мы издавна предвидѣли это ужасное событіе и исчерпали по отношенію къ Карлу X и къ его министрамъ все средства убѣжденія, которыя только допускались дружбою и нашими хорошими отношеніями. Все было напрасно. Тогда мы не колебались болѣе высказать сильное порицаніе незаконнымъ поступкамъ Карла X, но развѣ въ то же время мы могли бы признавать законнымъ государемъ Франціи кого либо другого, какъ не того, который долженъ былъ быть призванъ къ этому въ силу всехъ своихъ правъ? Поступить такъ значило исполнить нашъ долгъ и остаться вѣрнымъ началамъ, руководившимъ всеми дѣйствіями союзниковъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Однако наши союзники, не условившись съ нами относительно шага столь важнаго, столь рѣшительнаго, поторопились своимъ признаніемъ совершившагося факта увѣнчать мятежъ и узурпацію — шагъ роковой, непонятный, и которому слѣдуетъ приписать рядъ несчастій, не перестававшихъ съ этого времени обрушиваться на Европу. Мы противились, потому что мы должны были поступать такъ; я уступилъ лишь изъ одного побужденія — сохранить союзъ; но легко было предвидѣть, что послѣ подобнаго примѣра столь пагубной трусости цѣль вытекавшихъ отсюда событій и дѣйствій не могла оборваться на этомъ, и дѣйствительно вскорѣ Брюссель послѣдовалъ примѣру Парижа. Здѣсь вина была на сторонѣ королевской власти, такъ какъ именно послѣдняя дала поводъ разыгратъ революцію; въ Брюсселѣ же напротивъ не произошло ничего подобнаго, если не считать благодѣяній со стороны монарха. Однако было принято въ осно-

Галиль-паша.

(Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ „Histoire de la Turquie“).

ваніе то же начало; было сказано: страна не признаетъ болѣе прежняго государя, слѣдовательно, эта страна независимая; поторопимся же признать ее за таковую и узаконимъ это, давъ ей государя. Но монархъ оставался еще повелителемъ своей старой отчины, которая, думая лишь о своей чести, не колебалась приложить все свои успія, чтобы поддер-

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

живать его, являя собою чудный примѣръ, заслуживающій и лучшей участи и монарха, болѣе достойнаго оцѣнить его.

«Точно такъ же, какъ было поступлено по отношенію къ Франціи, не посовѣтовавшись предварительно со своимъ союзникомъ, Австрія и Пруссія поспѣшили обѣщать свое согласіе, но мы съ самаго начала держались болѣе благороднаго образа дѣйствій и, явившись единственными носителями принципа справедливости, нашли возможнымъ пренебречь яростью Англіи и Франціи. Можемъ ли мы, не покрывая себя позоромъ, измѣнить своей системѣ?

«Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о чести и будемъ говорить только о выгодахъ. Выгодно ли для насъ согласиться на этотъ новый актъ беззаконія? Работать вмѣстѣ надъ разрушеніемъ нашего собственнаго дѣла значитъ ли это поддерживать старый союзъ, когда двѣ державы дѣйствуютъ въ прямо противоположномъ направленіи тому, что составляло сущность союза? Существуетъ ли онъ еще, когда Пруссія даетъ понять намъ, что даже въ случаѣ французскаго нашествія на Австрію она окажетъ послѣдней лишь одну нравственную поддержку? Господи Боже, развѣ это союзъ, созданный нашимъ безсмертнымъ императоромъ? Сохранимъ этотъ священный огонь неприкосновеннымъ и не осквернимъ безмолвнымъ одобреніемъ беззаконныхъ и гнусныхъ дѣйствій державъ, стремящихся къ союзу съ нами только тогда, когда онѣ хотятъ превратить насъ въ сообщниковъ подобныхъ дѣяній; сохранимъ, повторяю, священный огонь для торжественнаго мгновенія, котораго никакая человѣческая сила не можетъ ни избѣжать, ни отдалить,—мгновенія, когда должна разразиться борьба между справедливостью и силами ада (*la lutte entre la justice et le principe infernal*). Это мгновеніе близко, подготовимся къ нему, мы—зная, вокругъ котораго въ силу необходимости и для собственнаго спасенія вторично сплотятся тѣ, которые трепещутъ въ настоящее время.

«Мы признали самый фактъ независимости Бельгіи, потому что его призналъ самъ нидерландскій король; но не признаемъ Леопольда, потому что мы не имѣемъ никакого права сдѣлать это, пока его не признаетъ нидерландскій король³⁸⁵. Но въ то же время не станемъ скрывать нашего порицанія двусмысленному и лживому поведенію короля и отстранимся отъ конференціи.

«Если Англія и Франція соединятся, чтобы напасть на Голландію, мы будемъ протестовать, потому что мы не можемъ сдѣлать ничего большаго, но, по крайней мѣрѣ, русское имя не будетъ запятнано соучастіемъ въ подобномъ поступкѣ. Нашъ образъ дѣйствій по отношенію къ Австріи и Пруссіи долженъ оставаться неизмѣнно одинъ и тотъ же; онъ долженъ постоянно указывать имъ на опасности пути, по которому онѣ слѣдуютъ, и уяснить имъ, что это онѣ отдаляются отъ основъ союза,

что мы никогда не впадемъ въ ту же ошибку, потому что мы усматривали бы въ этомъ неизбежную гибель благороднаго дѣла, что въ минуту опасности насъ всегда увидятъ готовыми летѣть на помощь союзникамъ, которые снова вернулись бы къ прежнимъ воззрѣнiямъ, но что въ противномъ случаѣ Россiя никогда не принесетъ въ жертву ни своихъ денегъ, ни драгоцѣнной крови своихъ солдатъ.

«Вотъ моя исповѣдь (*voilà ma confession*), она серьезна, рѣшительна, она ставитъ насъ въ положенiе новое, одинокое, но, — я осмѣлюсь высказать это, — почетное и достойное насъ. Кто посмѣлъ бы напасть на насъ? А если бы посмѣли, я былъ бы увѣренъ въ поддержкѣ страны, потому что она оцѣнила бы по достоинству свое положенiе и съ помощью Бога сумѣла бы покарать дерзость зачинщиковъ».

VII.

Повелѣнiя, отданныя императоромъ Николаемъ въ Москвѣ, предвѣщавшiя близость европейской войны, не нашли себѣ сочувственнаго отголоска ни въ Берлинѣ, ни въ Варшавѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ III остался вѣренъ своей осторожной, выжидательной политикѣ, а цесаревичъ Константинъ Павловичъ продолжалъ попрежнему предостерегать государя отъ опрометчивыхъ рѣшенiй, вмѣняя ему въ обязанность сохраненiе спокойствiя и хладнокровiя (*mais au nom de Dieu pas de précipitation, mais du calme et du sang froid*).

Распоряженiя императора Николая, доложенныя графомъ Дибичемъ королю прусскому 18-го (30-го) октября въ Шарлотенбургѣ, были встрѣчены прежде всего похвалою относительно великодушiя, энергiи и быстроты рѣшенiя государя. Мобилизацію и приближенiе русскихъ корпусовъ къ западной границѣ Фридрихъ-Вильгельмъ признавалъ одною изъ спасительнѣйшихъ мѣръ, такъ какъ, по его словамъ, онъ не сомнѣвался въ предстоявшей въ будущемъ необходимости покончить дѣло оружиемъ. Къ окончательной же мобилизаціи польской арміи король отнесся несочувственно по той причинѣ, что первый корпусъ его арміи, стоявшей въ одной линiи съ польскими войсками, еще не могъ собрать своихъ ландверовъ, мѣра, на которую Пруссiя рѣшится только тогда, когда исчезнетъ всякая надежда на сохраненiе мира; болѣе же ранняя мобилизація польскихъ войскъ могла бы породить сомнѣнiе насчетъ согласiя обѣихъ державъ въ преслѣдованiи своихъ политическихъ цѣлей. Въ заключенiе король сказалъ, что считаетъ полезнымъ выработать записку о политическомъ и военномъ положенiи дѣлъ и послать на обсужденiе австрiйскаго и англійскаго кабинетовъ³⁸⁵.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ какъ бы предугадалъ мысли прусскаго короля и писалъ 14-го (26-го) октября графу Дибичу въ Берлинъ:

«Не имѣя отъ васъ никакихъ указаній, не имѣя также свѣдѣній о мѣрахъ, которыя приняты прусскимъ дворомъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Бельгій, видя, съ другой стороны, изъ извѣстій, обнародованныхъ въ «*Observateur Autrichien*», что Австрія не намѣрена занять наступательное положеніе, я имѣю поводъ думать, что если мы одни станемъ принимать мѣры, которыя могутъ привести къ вооруженному вмѣшательству въ Бельгій, предпринимая обширныя военныя приготовленія и подвергаясь большимъ затратамъ, безъ единодушнаго принятія такихъ же распоряженій другими державами, то эта большая посѣщность съ нашей стороны только усилитъ нынѣшнее смятеніе и можетъ повредить интересамъ Пруссіи. Если бы во Франціи царствовалъ еще Карлъ X, а во владѣніяхъ нидерландскаго короля вспыхнуло подобное возстаніе, то вооруженное вмѣшательство Россіи совмѣстно съ другими державами, получивъ другое освѣщеніе и пріобрѣтая законное основаніе, въ силу совершившагося факта и по смыслу договоровъ, наложило бы на эти самыя державы неотмѣнную обязанность водворить въ томъ краѣ спокойствіе и возстановить короля во всей полнотѣ его власти. Но духъ крамолы и броженія, господствующій не только во Франціи, но и во многихъ частяхъ Европы, могъ бы лишь усилиться отъ шума этихъ военныхъ приготовленій и произвести всеобщій пожаръ, участіе въ коемъ могла бы принять Франція, и послѣдствія котораго трудно было бы въ настоящую минуту опредѣлить. Такъ какъ высочайшія повелѣнія, сообщенныя графомъ Чернышевымъ, опредѣляютъ 10-е (22-е) декабря, какъ срокъ, къ которому войска должны быть готовы къ выступленію, то въ виду близости этого срока я посылаю къ вамъ фельдъегеря, прося увѣдомить меня и съ нимъ же и въ возможно скорѣйшемъ времени, долженъ ли я привести сіи мѣры въ исполненіе или нѣтъ» ³⁸⁷.

Графъ Дибичъ отвѣчалъ цесаревичу въ желаемомъ имъ смыслѣ и сообщилъ въ Варшаву, что мобилизація польскихъ войскъ можетъ быть отложена, по крайней мѣрѣ, еще на мѣсяць, въ виду ихъ близости къ предполагаемому театру военныхъ дѣйствій.

Изъ отвѣта фельдмаршала видно, что «Дибичъ настолько уже разочаровался въ своихъ воинственныхъ ожиданіяхъ, что принялъ смѣлость измѣнить весьма категорическое приказаніе самого государя. По тону, господствовавшему въ правительственныхъ кружкахъ Пруссіи, онъ видѣлъ, что вопреки нѣкоторымъ подготовительнымъ мѣрамъ государство это подниметъ мечъ развѣ для самозащиты, а ужъ никакъ не изъ-за платонической любви къ легитимности или безусловной преданности

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

принципамъ священнаго союза. Ни обѣщанная нами помощь, ни заявленная около того же времени готовность Австріи выставить 150.000 человекъ въ Италіи и столько же въ Германіи не могли сбить пруссаковъ съ принятаго ими направленія»³⁸⁸.

Пока продолжались дипломатическіе переговоры, императоръ Николай возвратился изъ Москвы и въ крайне возбужденномъ состояніи ожидалъ рѣшительнаго слова изъ Берлина. Между тѣмъ отсутствіе

Французскій король Карлъ X.
(Съ гравюры Метцерони).

рѣшительнаго отвѣта Дибича, отъѣздъ котораго все откладывался королемъ, окончательно взволновало государя и побудило его писать 1-го (13-го) ноября фельдмаршалу:

«Любезный другъ, я рѣшительно теряю терпѣніе; въ одномъ письмѣ за другимъ вы извѣщаете меня то объ отъѣздѣ курьера съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, то о предстоящемъ вашемъ отъѣздѣ, и вотъ скоро два мѣсяца, не случается ни того ни другого; вотъ вамъ разгадка моего молчанія по поводу вашихъ писемъ: я хотѣлъ отвѣчать на что либо положительное, а это положительное не являлось. Наконецъ, вчера жена получила письмо отъ короля, который пишетъ ей, что еще удержалъ васъ при себѣ ради важныхъ причинъ. Хочу, по крайней мѣрѣ, чтобы

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

вы знали, что мы здоровы, что наши военныя приготовленія, при помощи Божіей, идутъ хорошо, и что 10-го (22-го) декабря мы можемъ выступить съ корпусами: 1-мъ, 2-мъ и Литовскимъ, съ польскими войсками, съ гренадерами и резервною кавалеріею; а дабы устранить всякое сомнѣніе въ томъ, что мною твердо и безповоротно рѣшено, я приказалъ все это обнародовать въ газетахъ. Я болѣе, чѣмъ когда либо, убѣжденъ, что если есть еще средство предотвратить войну, то оно состоитъ въ томъ, чтобы доказать якобинцамъ всѣхъ странъ, что ихъ нисколько не боятся, что повсюду стоятъ подъ ружьемъ, и что если даже въ своихъ неисповѣдимыхъ путяхъ Провидѣніе рѣшило, что мы должны погибнуть, — мы погибнемъ съ честью, на самой бреші. Таково мое чувство вотъ уже пять лѣтъ, такимъ оно останется всю мою жизнь; я желалъ бы передать этотъ взглядъ повсюду и всѣмъ; пока же исполнимъ нашъ долгъ.

«Австрійскій императоръ желаетъ, чтобы арміи поставлены были подъ ваше начальство; я, конечно, не отказалъ, такъ какъ это есть знакъ лестнаго довѣрія и служить ручательствомъ въ его намѣреніяхъ. Я совершенно доволенъ чувствами нашихъ военныхъ; всѣ готовы и въ восхищеніи, что идутъ въ походъ, а я молю Бога, чтобы въ этомъ не было надобности. Константинъ не хочетъ итти, какъ главнокомандующій; онъ проситъ быть поставленнымъ подъ чье мнѣ угодно начальство» ³⁸⁹.

Въ такомъ же духѣ писалъ нѣсколько позже графъ Чернышевъ тому же фельдмаршалу; по его мнѣнію:

«Хотя и есть еще люди, достаточно слѣпые для того, чтобы вѣрить въ возможность отстраненія грозы посредствомъ конференцій и переговоровъ, но въ настоящее время идетъ уже вопросъ о существованіи, о борьбѣ на жизнь и смерть между законными правительствами и демагогіею, во всемъ, что послѣдняя можетъ представить наиболѣе отвратительнаго и наиболѣе циническаго; настало уже время поставить твердую преграду этому ужасному разврату, который въ одинъ годъ, а, можетъ быть, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ охватитъ значительную часть Европы, и гдѣ тогда найдутся средства для его обузданія? Если бы лондонскій, берлинскій и вѣнскій кабинеты мыслили о семъ такъ же, какъ нашъ возлюбленный повелитель, который съ перваго же раза не поколебался оцѣнить, какъ слѣдуетъ, послѣдствія всѣхъ этихъ грустныхъ событій, то зло давно уже было бы подрѣзано въ самомъ корнѣ» ³⁹⁰.

Переходя затѣмъ къ подробностямъ относительно хода вооруженій въ Россіи, графъ Чернышевъ сообщалъ фельдмаршалу, что мѣстомъ сосредоточенія войскъ избрано королевство Польское, при чемъ, независимо отъ другихъ соображеній, имѣлось также въ виду доставить экономію для государственной казны, такъ какъ содержаніе вводимыхъ въ него войскъ императоръ Николай полагалъ возложить на польское правитель-

ство, въ зачетъ уплаты должныхъ имъ нашему казначейству болѣе тридцати милліоновъ. Начальникомъ штаба дѣйствующей арміи государь избралъ графа Толя.

Нѣсколько иначе разсуждалъ въ то время графъ Нессельроде; онъ сообщалъ Дибичу менѣе утѣшительныя вѣсти и находилъ, что спасеніе не въ войнѣ, а въ Лондонской конференціи ³⁹¹.

«Я провелъ утро въ засѣданіи весьма грустнаго комитета,—пишетъ вице-канцлеръ,—гдѣ Канкринъ развернулъ передъ нами картину бѣдности нашихъ финансовъ. Не выполнѣ раздѣляя его мнѣніе относительно нашихъ невозможностей (*nos impossibilités*), я долженъ, однако, согласиться, что источники займовъ и нѣкоторыхъ другихъ чрезвычайныхъ средствъ совершенно изсякли. Безъ субсидій отъ Англіи, я не знаю, гдѣ мы почерпнемъ ресурсы для веденія войны, продолжительность которой никто не можетъ предвидѣть» ³⁹².

Наконецъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ продолжалъ сообщать графу Дибичу откровенное изложеніе своихъ мыслей, совершенно расходившихся съ петербургскими воззрѣніями.

«При всѣхъ распоряженіяхъ моихъ,—пишетъ цесаревичъ 6-го (18-го) ноября,—я руководствуюсь осторожностію, чтобы излишнею торопливостію и несвоевременными мѣрами не повредить интересамъ нашего августѣйшаго, почтеннаго и достоуважаемаго союзника, короля прусскаго. Впрочемъ, какъ бы мудры ни были повелѣнія, приходящія ко мнѣ изъ Петербурга, въ томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь, они для меня уже старая исторія, такъ какъ пятнадцатю днями ранѣе узнаю о событіяхъ. Итакъ, я ожидаю отъ васъ указаній, мой любезный фельдмаршалъ, и что до меня касается, признаюсь, что буду крайне сожалѣть о вашемъ отъѣздѣ изъ Берлина. Мнѣ будетъ казаться тогда, что я нахожусь между молотомъ и наковальней, положеніе очень ненадежное и весьма трудное. Причины, заставляющія меня все болѣе и болѣе держаться принятаго мною образа дѣйствій, основываются на доходящихъ до меня политическихъ извѣстіяхъ насчетъ мнѣній и поступковъ Англіи, въ коихъ я усматриваю лишь рознь и формальное отреченіе отъ единоподушнаго согласія, которое должно руководить намѣреніями августѣйшихъ союзниковъ. Что же касается Франціи, то она, не отказываясь отъ логики и не впадая въ противорѣчіе, не можетъ въ чужихъ земляхъ проповѣдывать не тѣ принципы, что у себя дома, и потому она не можетъ открыто высказаться противъ революцій внѣ своихъ предѣловъ, если она сама дышитъ одною революціею. Впрочемъ, по моему слабому мнѣнію, ей слѣдовало бы предоставить рвать и раздирать себя на части (*il faut la laisser se déchirer et s'entredéchirer à elle seule*), но не скоро проходящими смутами и бунтами, а искусно возбужденною междоусобною войною (*par une guerre civile bien fomenté*); въ против-

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

номъ случаѣ, европейская война противъ Франціи только бы соединила въ ней всѣ партіи, въ виду сохраненія неприкосновенности французской территоріи и обезпеченія ея отъ всякаго покушенія. Это не должно мѣшать намъ быть готовыми къ дѣйствию; но я говорилъ и всегда буду говорить, что слѣдуетъ поступать неторопливо, сохраняя спокойствіе и хладнокровіе. Вотъ вамъ, мой любезный фельдмаршалъ, моя исповѣдь во всей ея чистотѣ и полнотѣ; повергаю ее съ совершеннымъ довѣріемъ на ваше просвѣщенное воззрѣніе. Наконецъ, если я вынужденъ буду дѣйствовать вопреки моего мнѣнія, то исполню это съ тѣмъ послушаніемъ, которое вамъ извѣстно, сохраняя всегда мой взглядъ на вещи» ³⁹³.

Если цесаревичъ, при всемъ своемъ консерватизмѣ, не сочувствовалъ петербургскимъ мѣропріятіямъ и возвѣщенному крестовому походу, то легко себя представить, съ какими чувствами польское общество относилось къ направленію, принятому русской политикой. Польша не могла не сочувствовать польскому перевороту, армія же должна была опасаться похода, который привелъ бы ее къ вооруженному столкновенію съ Франціею во имя началъ священнаго союза. Хотя, повидимому, въ Варшавѣ царствовало спокойствіе, но тайныя общества продолжали тѣмъ съ большимъ стараніемъ свою разлагающую работу. Не было, впрочемъ, недостатка въ разныхъ зловѣщихъ признакахъ, указывавшихъ на приближеніе развязки, однако цесаревичъ продолжалъ утѣшать себя несбыточными надеждами. Еще 10-го (22-го) ноября 1830 года Константинъ Павловичъ нашель возможнымъ писать Ѳ. П. Опочинину: «Вы пишете насчетъ Бельгіи, что дѣла въ ней ни въ какомъ отношеніи не утѣшительны. Это — правда: совершенный хаосъ; одному Всевышнему извѣстно, чѣмъ всѣ эти мерзости кончатся. У насъ, слава Богу, доселѣ все спокойно и по-старому, и надѣюсь на благость Его, что такъ и останется» ³⁹⁴. Но Богъ разсудилъ иначе.

Графъ Дибичъ все еще выжидалъ въ Берлинѣ окончанія переговоровъ, когда они внезапно прервались довольно неожиданнымъ образомъ. 21-го ноября (3-го декабря) 1830 года фельдмаршалъ получилъ отъ графа Бернсторфа извѣщеніе о революціи, происшедшей въ Варшавѣ 17-го (29-го) ноября: польская армія, входившая въ составъ подготовлявшейся коалиціи, обратила оружіе противъ Россіи. Прусское министерство получило эти печальныя свѣдѣнія отъ своего варшавскаго консула Шмидта, и за обѣдомъ, къ которому приглашенъ былъ въ тотъ же день графъ Дибичъ въ Шарлотенбургѣ, король подтвердилъ фельдмаршалу справедливость сдѣланныхъ ему сообщеній. Разсказываютъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ обратился къ Дибичу съ вопросомъ: «гдѣ же теперь 160.000 человекъ, обѣщанныя намъ Россіей?»

Дибичу оставалось только поспѣшить въ Петербургъ; извѣщая объ этомъ императора Николая, онъ писалъ: «Надѣюсь на милость съ вашей

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Съ портрета принадлежащаго Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Михайловичу.

Дворецъ въ Лазенкахъ.
(Съ литографіи начала прошлаго столѣтія).

стороны, государь, что вы разрѣшите мнѣ сражаться вмѣстѣ съ вашими храбрыми и вѣрными подданными противъ этихъ презрѣнныхъ мятежниковъ (*ces misérables rebelles*), чтобы строго наказать зачинщиковъ, которые своими ужасными происками и еще болѣе отвратительными принципами увлекли за собою массу народа, легко поддающуюся внушеніямъ, и молодежь, испорченную всѣмъ, что только невѣріе, тщеславіе и распущенность (*l'irréligion, la vanité et la licence*) представляютъ наиболѣе достойнаго порицанія». Все случившееся, присовокупилъ графъ Дибичъ, будутъ восхвалять, какъ славный подвигъ; польскій народъ искупить послѣдствія всеобщей испорченности; столь укоренившіеся пороки нельзя уничтожить иначе, какъ вырвавши ихъ съ корнемъ. (*Le peuple Polonais subira les peines d'une corruption générale; on ne peut détruire des vices radicaux, qu'en les déracinant*). Вотъ съ какими мыслями Забалканскій герой направился въ Петербургъ, воображая вмѣстѣ съ тѣмъ, что усмиреніе польскаго мятежа—дѣтская игра³⁹⁵.

Когда графъ Дибичъ разстался наконецъ съ Берлиномъ, въ С.-Петербургѣ еще ничего не знали о кровавыхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ собою ночь 17-го (29-го) ноября. Только вечеромъ 25-го ноября (7-го декабря) 1830 года императоръ Николай получилъ отъ цесаревича донесеніе о возмущеніи войскъ и жителей Варшавы. Оно не содержало въ себѣ никакихъ подробностей о совершившихся событіяхъ, но служило дополненіемъ къ донесенію, ранѣе отправленному, которое еще не прибыло въ С.-Петербургъ. Изъ полученнаго же донесенія государь узналъ только имена убитыхъ генераловъ и наименованіе войскъ, оставшихся вѣрными законному правительству. «*Ce fut là la première nouvelle telle que je la reçus et qui me fit apprendre la révolution polonaise*»,—пишетъ императоръ Николай. Но это было не первое донесеніе цесаревича; онъ упоминалъ въ немъ о другомъ, которое государь получилъ только четырнадцать часовъ спустя³⁹³.

На другой день, въ среду 26-го ноября (8-го декабря), назначенъ былъ разводъ отъ 3-го баталіона Преображенскаго полка. Государь, по обыкновенію, пріѣхалъ въ манежъ. Сначала все шло своимъ порядкомъ; даже слѣдовъ душевной тревоги не обнаруживалось на этомъ прекрасномъ лицѣ съ классически-правильнымъ профилемъ; оно сохраняло, какъ и всегда, свое величавое благородство. При концѣ развода императоръ Николай, выѣхавъ на средину манежа, подозвалъ къ себѣ офицеровъ и лично объявилъ имъ о мятежѣ, вспыхнувшемъ въ Варшавѣ. «Я уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы указанныя мною войска двинулись къ Варшавѣ, а если будетъ нужно, то пойдете и вы, моя гвардія, пойдете наказать измѣнниковъ и возстановить порядокъ и оскорбленную честь Россіи. Знаю, что я во всѣхъ обстоятельствахъ могу полагаться на васъ»,—сказалъ государь. Единодушный взрывъ негодованія

Дворецъ намѣстника въ Варшавѣ.
(Съ гравюры начала прошлаго столѣтія).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

охватилъ мгновенно всѣхъ присутствовавшихъ, раздался восторженный крикъ: ведн насъ противъ мятежниковъ; мы отомстимъ за оскорбленную честь Россіи. Цѣловали у государя руки, ноги, одежду, при крикахъ «ура». Порывъ негодованія былъ такъ силенъ, что Николай Павловичъ счелъ необходимымъ умѣрить его и съ свойственнымъ ему величіемъ напомнилъ офицерамъ, его окружавшимъ, что не всѣ поляки нарушили клятву вѣрности, что должно карать зачинщиковъ мятежа, но не мстить народу, прощать раскаявшихся и не допускать ненависти³⁹⁷.

По возвращеніи съ развода во дворецъ, государь получилъ наконецъ запоздавшее первое донесеніе цесаревича, а на слѣдующій день 27-го ноября (9-го декабря) прибыло третье донесеніе. Оказалось, что цесаревичъ разрѣшилъ остававшимся при немъ частямъ польской арміи возвратиться въ Варшаву; взамѣнъ того явившіеся къ цесаревичу въ Вержбну депутаты обѣщали ему и русскому отряду свободный проходъ къ границамъ имперіи.

По мнѣнію Бенкендорфа, «это снисхожденіе поддержало и скрѣпило бунтъ, давъ возможность принять въ немъ участіе всей польской арміи, большая часть которой еще выжидала, по крайней мѣрѣ, по виду, дальнѣйшихъ указаній цесаревича».

«Да будетъ воля Господня,—пишетъ императоръ Николай къ цесаревичу.—Мы трепещемъ за васъ, но если бы даже намъ пришлось погибнуть всѣмъ, мы спасемъ васъ; это — обѣтъ всецѣло преданнаго вамъ на жизнь и на смерть Николая. (Que la volonté de Dieu soit faite... Nous tremblons pour vous, mais dussions nous perir tous, nous vous sauverons, c'est le voeu de tout à vous pour la vie et la mort Nicolas)»³⁹⁸.

Государь повелѣлъ генералъ-адъютанту барону Розену приступить немедленно къ сосредоточенію войскъ Литовскаго корпуса въ Брестъ и Бѣлостокъ и вести ихъ противъ мятежниковъ прямо на Варшаву, если онъ не получитъ особаго повелѣнія отъ цесаревича относительно дѣйствій подчиненныхъ ему войскъ. Генералъ-адъютанту графу Палену предписано было поддержать это движеніе войсками перваго корпуса. 28-го ноября (10-го декабря), приведенное нами распоряженіе было отчасти измѣнено, такъ какъ при ближайшемъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ признано было необходимымъ сосредоточить сперва достаточное число войскъ, чтобы затѣмъ уже дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ противъ мятежниковъ. Къ 1-му января императоръ Николай обѣщаль ввести 100.000 человекъ въ Польшу. «Я исполню мой долгъ по отношенію къ отечеству и къ Польшѣ и заставлю уважать ихъ достоинство», — присовокупилъ государь.

По достиженіи цесаревичемъ русской границы, онъ писалъ государю 1-го (13-го) декабря изъ Влодавы:

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«И вотъ твореніе шестнадцати лѣтъ совершенно разрушено подпрапорщиками, молодыми офицерами и студентами съ компаніею. Я не распространяюсь объ этомъ болѣе, но долгъ повелѣваетъ мнѣ засвидѣтельствовать передъ вами, что собственники, сельское населеніе и всѣ,

Князь Любецкій.

(Съ рисунка съ натуры Кия. Изъ собранія А. О. Думберга).

кто только владѣетъ хоть какимъ нибудь имуществомъ, въ отчаяніи отъ этого. Офицеры, генералы, равно какъ и солдаты, не могли удержаться, чтобы не послѣдовать за общимъ движеніемъ, будучи увлечены молодежью и подпрапорщиками, которые всѣхъ сбили съ толку. Однимъ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

словомъ, положеніе дѣлъ самое скверное, и я не знаю, что изъ этого, по благодати Божіей, выйдетъ. Всѣ мои средства надзора ни къ чему не привели, несмотря на то, что все начинало раскрываться... Вотъ мы, русскіе, у границы, но, великій Боже, въ какомъ положеніи, почти босикомъ; всѣ вышли какъ бы на тревогу, въ надеждѣ вернуться въ казармы, а вмѣсто сего совершили ужасные переходы. Офицеры всего лишились и имѣютъ лишь то, что на нихъ надѣто... Я сокрушенъ сердцемъ; на 51^{1/2} году жизни и послѣ 35^{1/2} лѣтъ службы я не думалъ, что кончу свою карьеру столь плачевнымъ образомъ» ³⁹⁹.

«Молю Бога, чтобы эта армія, которой я посвятилъ шестнадцать лѣтъ жизни, одумалась и вернулась на путь долга и чести, признавъ свое заблужденіе прежде, чѣмъ противъ нея будутъ приняты понудительныя мѣры. Но это было бы слишкомъ хорошо для вѣка, въ которомъ мы живемъ, и я сильно сомнѣваюсь въ осуществленіи моихъ желаній» ⁴⁰⁰.

Съ каждымъ днемъ вѣроятность возможнаго соглашенія съ Польшею становилась все болѣе невозможною. Обѣ враждующія стороны готовились къ войнѣ. 5-го (17-го) декабря обнародовано было воззваніе императора Николая къ войскамъ и народу царства Польскаго, а 12-го (24-го) декабря манифестъ, въ которомъ выражалась готовность къ примиренію со всѣми, кои возвратятся къ долгу. Послѣ этой послѣдней примирительной попытки государь писалъ цесаревичу 8-го (20-го) декабря:

«Если одинъ изъ двухъ народовъ и двухъ престоловъ долженъ погибнуть, могу ли я колебаться хоть мгновеніе? Вы сами развѣ не поступили бы такъ? Мое положеніе тяжкое, моя отвѣтственность ужасна, но моя совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ меня въ отношеніи поляковъ, и я могу утверждать, что она ни въ чемъ не будетъ упрекать меня, я исполню въ отношеніи ихъ всѣ свои обязанности, до послѣдней возможности; я не напрасно принесъ присягу, и я не отрѣшился отъ нея; пусть же вина за ужасныя послѣдствія этого событія, если ихъ нельзя будетъ избѣгнуть, всецѣло падетъ на тѣхъ, которые повинны въ немъ! Аминь» ⁴⁰¹.

Между тѣмъ въ Варшавѣ водворился диктаторомъ генералъ Хлопицкій, но и онъ не былъ въ силахъ спасти Польшу отъ разрыва съ Россіей. Въ Петербургъ посланы были два депутата для переговоровъ съ императоромъ Николаемъ: выборъ палъ на министра финансовъ князя Любецкаго и члена сейма графа Езерскаго. Они должны были представить государю домогательства Польши и просить о восстановленіи королевства въ прежнихъ предѣлахъ. Императоръ Николай, желая отстранить всякую мысль, что имъ была допущена какая либо депутація отъ мятежниковъ, не принялъ ихъ вмѣстѣ. Князь Любецкій призванъ былъ къ государю въ качествѣ министра, а графъ Езерскій принятъ былъ, какъ путешественникъ.

Въ письмѣ къ цесаревичу отъ 19-го (31-го) декабря императоръ Николай представилъ слѣдующую картину происшедшаго тогда свиданія:

«Какъ только я былъ извѣщенъ о пріѣздѣ Любецкаго и Езерскаго, я отдалъ приказаніе не позволить имъ пододвинуться ближе Нарвы и черезъ Грабовскаго велѣлъ увѣдомить ихъ, что если они являются въ качествѣ депутатовъ правительства или власти, которыхъ я не могу признать, то они не могутъ быть допущены ко мнѣ, ни даже оставаться здѣсь. На это Любецкій отъ имени ихъ обоихъ написалъ отвѣтъ, который я приказалъ напечатать въ газетахъ, что онъ никогда не принялъ бы подобнаго порученія, и что онъ является въ качествѣ члена моего правительства для того, чтобы представить отчетъ о происшедшемъ, что г. Езерскій сопутствуетъ ему. Это было то, что требовалось и для меня самого, и для тѣхъ, кто здѣсь, и для тѣхъ, кто тамъ. Итакъ они пріѣхали; я собралъ у себя Михаила Волконскаго, Толстого, Нессельроде и Грабовскаго (которымъ я какъ нельзя болѣе доволенъ) и призвалъ Любецкаго одного... послѣ полуторачасового разговора я отпустилъ его. Въ тотъ же вечеръ я велѣлъ сказать черезъ Бенкендорфа Езерскому, путешественнику (*voyageur*), что я буду имѣть удовольствіе видѣть его у себя. Онъ привелъ его ко мнѣ; какъ только онъ вошелъ въ комнату, онъ бросился передо мною на колѣни, рыдая, какъ ребенокъ; я съ трудомъ успокоилъ его, и послѣ того какъ я обнялъ его, мы усѣлись всѣ трое, и я предложилъ ему рассказать все то, что онъ желалъ передать мнѣ. Онъ повторилъ мнѣ почти все то, что я уже зналъ отъ васъ, Гауке и Любецкаго. Все, что онъ высказалъ, было проникнуто самымъ лучшимъ духомъ. Когда онъ кончилъ, я попросилъ его на мгновеніе стать на мое мѣсто и сказать мнѣ, что мнѣ слѣдовало бы сдѣлать. Онъ испустилъ громкое восклицаніе и сказалъ, что одинъ лишь Богъ можетъ вдохновить меня. Я спросилъ его, читалъ ли онъ воззваніе; онъ сказалъ мнѣ, что «да», и что оно хорошо для честныхъ людей, но что оно не прощаетъ виновныхъ, и что эти изверги (*ces diables*) нарочно замѣшали въ дѣло какъ можно болѣе лицъ, чтобы быть увѣренными, что ихъ не оставятъ и не предадутъ. Я отвѣтилъ ему, что гнѣваюсь только на убійцъ, что остальные должны быть увѣрены въ моемъ прощеніи. Я указалъ ему, что случаю угодно было, чтобы именно сегодня, 14-го декабря, баталіонъ, занимавшій у меня караулъ, былъ тотъ же самый гвардейскій экипажъ, который пять лѣтъ тому назадъ былъ противъ меня; что вслѣдствіе этого приведенный примѣръ доказываетъ, что я найду средство не только простить, но также дать войскамъ случай очистить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ. Онъ нашелъ эту мысль очень хорошою, въ особенности, если для этого не будетъ избрана Азія; Азія или нѣтъ, сказалъ я, но нужно искать случай возстановить честь,—

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

и онъ согласился, что это вѣрно. Тогда ему пришла мысль, чтобы я созвалъ сеймъ; я замѣтилъ ему на это, что я, безъ сомнѣнія, могъ бы сдѣлать это, но что они сами пріяли на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, и что мнѣ уже не приличествуетъ мѣшаться въ это; но я предлагаю вамъ другое средство,—сказать я:—вы возвратитесь въ Варшаву, вы пунцій; устройте же такимъ образомъ, чтобы утвердили диктатора; сдѣлайте болѣе: если вы увѣрены въ большинствѣ вашихъ сотоварищей, предложите и даже потребуйте отъ диктатора, чтобы онъ покаралъ виновныхъ, то-есть, тѣхъ, которые убили своихъ начальниковъ и нарушили всѣ требованія дисциплины, вы мнѣ окажете величайшую, какую только можно, услугу, потому что, повторяю вамъ, роль палача отталкиваетъ меня, и я хочу пользоваться лишь своимъ правомъ миловать. Если вы дорожите тѣмъ, чтобы смыть съ себя пятно, марающее вашу армію, вашъ народъ, то вы очистите себя въ глазахъ вашего государя, вашего отечества и всей Европы. «Ну, такъ я сдѣлаю это»,—сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ. «И васъ повѣсятъ»,—отвѣчалъ я ему. «Все равно, я сдѣлаю это».

«Такимъ образомъ мы разстались очень довольные другъ другомъ. Два дня спустя, онъ, весь возбужденный, является къ Бенкендорфу и говоритъ ему: «Я нашелъ вѣрное средство устроить все». — «Что такое?» — «Пусть императоръ скажетъ: поляки! я недоволенъ вами! Вы обезчестили себя, но я предлагаю вамъ средство поправить все: сейчасъ же двиньтесь на Галицію и Познань—я даю вамъ ихъ!» — Бенкендорфъ вытаращилъ глаза отъ удивленія и спросилъ его, не сошелъ ли онъ съ ума. — «Почему?» — было его отвѣтомъ. Тогда тотъ перечислилъ ему все, что заключалось въ подобной мысли безразсуднаго, и очарованіе исчезло; онъ согласился со всѣмъ. Однимъ словомъ, они всѣ болѣе или менѣе страдаютъ разсудкомъ (*ils sont tous plus ou moins malades d'esprit*). Я не умѣю объяснить этого иначе» ⁴⁰².

По возвращеніи графа Дибича изъ Берлина, фельдмаршалъ, какъ и слѣдовало ожидать, назначенъ былъ, указомъ 1-го (13-го) декабря 1830 года, главнокомандующимъ дѣйствующей арміи ⁴⁰³, сосредоточившейся противъ польскихъ мятежниковъ; мѣсто начальника штаба арміи занялъ генералъ-адъютантъ графъ Толь, а генералъ-квартирмейстера генералъ-адъютантъ Нейдгартъ. Послѣ необходимыхъ совѣщаній и распоряженій фельдмаршалъ не замедлил своимъ отъѣздомъ; 28-го декабря 1830 года (9-го января 1831 года) онъ находился уже въ Гроднѣ.

Графъ Дибичъ, разставаясь съ Петербургомъ, находился въ какомъ-то угнетенномъ настроеніи. Передъ отъѣздомъ онъ сказалъ своему шурину, барону Тизенгаузену: «Признаюсь тебѣ, что въ предстоящемъ мнѣ жребіи непонятная тягость подавляетъ мой духъ непреодолимою силою, и темное

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

предчувствіе, что этотъ походъ будетъ послѣднимъ въ моей жизни, преслѣдуетъ меня повсюду, ибо неудачи я не переживу столь же мало, какъ пораженія на полѣ битвы. Для меня смерть въ пылу сраженія предпочтительнѣе, чѣмъ избавленіе отъ опасности съ потерей приобрѣ-

Польское возстаніе 1830 года.
Площадь Сигизмунда въ Варшавѣ.
(Отъ акварели Дитриха).

тенной славы. Но не это обстоятельство угнетаетъ меня темнымъ чувствомъ какой-то неизъяснимой боли; я предвижу, что кипжаль измѣны или ядъ злодѣя прекратитъ дни мои, потому что война противъ крамолы, противъ фанатизма и отчаянія, восторженнаго ослѣпленія освя-

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

щастъ каждое средство, чтобы избавиться отъ врага. Я, можетъ быть, объясняюсь слишкомъ легко и съ положительной увѣренностію въ полномъ успѣхѣ предполагаемаго похода, считая предстоящія намъ затрудненія маловажныѣ, нежели я самъ ихъ признаю, чтобы противнымъ объясненіемъ не произвести унынія въ окружающихъ меня помощникахъ и военныхъ товарищахъ, но тебѣ признаюсь, что я разсчитываю эти затрудненія въ болѣе размѣрѣ, чѣмъ я ихъ оцѣниваю въ разговорахъ, и потому я долженъ дѣйствовать быстро, безъ малѣйшей потери времени, чтобы лишить бунтовщиковъ возможности сосредоточиться и развить всѣ свои средства къ защитѣ и къ нападеніямъ. Сколько я здѣсь, въ Петербургѣ, въ состояніи окинуть политическій горизонтъ моихъ завистниковъ, стало быть, моихъ противниковъ, я опасюсь, что они соединенными силами постараются замедлить всѣ вспомоgetельныя средства къ быстрому началу похода, — средства, въ которыхъ армія безъ резерва, безъ заготовленнаго продовольствія чрезвычайно нуждается. Я предвижу, что, кромѣ открытаго врага въ сраженіяхъ, я оставляю за собою въ тылу легіонъ непріятелей»⁴⁰⁴.

Независимо отъ мрачныхъ предчувствій, которыя, по собственному признанію графа Дибича, «никогда въ такихъ рѣзкихъ чертахъ и въ такихъ мрачныхъ откликахъ не представлялись его воображенію», самое здоровье фельдмаршала сильно пошатнулось послѣ турецкаго похода. Нельзя также не указать на послѣдствія того нравственнаго потрясенія, которое испыталъ графъ Дибичъ, когда во время пребыванія съ арміею въ Бургасѣ, въ 1830 году, онъ лишился горячо любимой супруги, внезапно скончавшейся въ Петербургѣ⁴⁰⁵. Принимая всѣ приведенныя здѣсь обстоятельства во вниманіе, можно было дѣйствительно опасаться за благополучный исходъ новой кампаніи, предстоявшей Забалканскому герою, — кампаніи, отъ которой, по мѣткому выраженію императора Николая, зависѣло «политическое бытіе Россіи (*l'existence politique de la Russie*)». До Монмартра, о занятіи котораго мечталъ Дибичъ въ Берлинѣ, было теперь далеко; приходилось довольствоваться Варшавой, да и въ нее не суждено было ему вступитъ. Подобно обѣтованной землѣ, фельдмаршалъ увидѣлъ ее только издали.

За нѣсколько дней до новаго года, императоръ Николай, окончательно убѣжденный въ неизбежности вооруженнаго столкновенія съ мятежною Польшею, писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Твердо помните, что я исчерпалъ всѣ средства, чтобы вернуть этихъ безразсудныхъ на путь разума; сдѣлать большее превосходить мое пониманіе (*dépasse ma conception*), такъ какъ это было бы несо-
вмѣстимо съ честью лица, которое я представляю, и съ честью имперіи, недостойнымъ образомъ оскорбленной; такимъ образомъ насъ заставить сражаться не месть, а необходимость»⁴⁰⁶.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Насколько глубоко было впечатлѣніе, произведенное на императора Николая событіями, ознаменовавшими собою исходъ 1830 года, можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ цесаревичу:

«Желая приготовиться ко всему, я предложилъ женѣ отвѣтъ вмѣстѣ, не зная, будетъ ли Богу угодно позволить намъ быть вмѣстѣ въ такое время, когда мы имѣемъ обыкновеніе дѣлать это; по крайней мѣрѣ, мы причастимся, и я прошу у васъ обоихъ прощенія и вашего благословенія; да сподобитъ меня таинство, къ которому я готовлюсь приступить, найти ту силу и то присутствіе духа, въ которыхъ съ каждымъ днемъ я все болѣе нуждаюсь, и которыя я тщетно искалъ бы гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ тамъ, откуда истекаетъ милосердіе и сила» ⁴⁰⁷.

Смутныя времена, наступившія въ 1830 году, нашли себѣ тотчасъ отголосокъ среди помѣщичьихъ крестьянъ и вызвали разные толки. Доказательствомъ тому можетъ служить секретный циркуляръ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, тайнаго совѣтника Ангеля, къ губернаторамъ, отъ 22-го декабря 1830 года (3-го января 1831 года).

«Г. генераль-адъютантъ Бенкендорфъ сообщилъ мнѣ, — пишетъ Ангель, — что до свѣдѣнія государя императора доходили неоднократно нелѣпыя толки, распространяемые въ губерніяхъ неблагонамѣренными, или, вѣроятнѣе, глупыми людьми, о переходѣ крестьянъ изъ владѣнія помѣщиковъ въ казну, и тому подобныя; что таковыя толки тѣмъ болѣе требуютъ вниманія, что, распространяясь въ мѣстахъ, подверженныхъ холерѣ, они еще болѣе возмущаютъ легковѣрныхъ и тревожатъ малодушныхъ, и что его императорское величество высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ: обратить особенное вниманіе на сіе обстоятельство и предписать циркулярно г.г. предводителямъ дворянства, чтобы они старались благоразумными и скромными мѣрами открывать источники таковыхъ толковъ и по долгу своего званія сколь можно содѣйствовать къ прекращенію ихъ въ самомъ началѣ».

Толки среди крестьянъ замѣчены были, впрочемъ, уже ранѣе, еще до возникновенія польскаго мятежа, какъ видно изъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютанта Закревскаго, къ губернаторамъ отъ 4-го (16-го) мая 1830 года слѣдующаго содержанія:

«До свѣдѣнія его императорскаго величества дошло, что съ нѣкотораго времени люди неблагонамѣренные или развратные начали, подобно прочимъ прежнимъ примѣрамъ, разсѣвать слухи о намѣреніи правительства дать крестьянамъ свободу. Хотя ваше превосходительство въ высочайшемъ манифестѣ, 12-го мая 1826 года изданномъ и 13-го того же мѣсяца отъ правительствующаго сената опубликованномъ, имѣете уже полное руководство къ дѣйствіямъ вашимъ по предмету сему; однакожъ его величеству угодно было высочайше повелѣтъ мнѣ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

поставить вамъ снова въ непремѣнную обязанность преслѣдовать строжайшимъ образомъ всѣхъ тѣхъ, кои подобныя ложныя слухи распространять будутъ, принимая вмѣстѣ и самыя дѣятельнѣйшія мѣры къ прекращенію и малѣйшихъ признаковъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ ихъ. Его величество, пребывая въ непреложныхъ правилахъ о сохраненіи тѣхъ отношеній, въ коихъ крестьяне находятся къ помѣщикамъ ихъ, поставяетъ въ особенную обязанность вашего превосходительства опровергать всѣ толки, сему не сообразныя».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Наступилъ 1831-й годъ, — годъ страшнаго расчета между Россіею и Польшею, наложившаго свою роковую печать на правительственныя мѣропріятія послѣдовавшаго затѣмъ цѣлаго двадцатипятилѣтія.

Несмотря на всѣ недавнія личныя огорченія, испытанныя цесаревичемъ въ Польшѣ, незлобіе и доброе сердце его имѣли случай выказаться еще разъ въ полномъ блескѣ въ самомъ началѣ года. Посылая императору Николаю въ письмѣ изъ Бржестовицы, отъ 1-го (13-го) января 1831 года, свои вѣрноподданическія поздравленія и пожеланія наилучшихъ успѣховъ, Константинъ Павловичъ прибавилъ:

«Но я не могу сдѣлать этого, не осмѣлившись еще разъ поручить вашему милосердію заблудшій народъ, члены котораго не всѣ виновны, а виновны именно тѣ, которые вывели его на путь преступленія и всевозможнаго разврата. Пощада для нихъ, дорогой и несравненный братъ, и снисхожденіе для всѣхъ — это мольба брата, имѣвшаго несчастіе изъ послушанія посвятить лучшую часть своей жизни на образованіе войскъ, къ сожалѣнію, обратившихъ свое оружіе противъ своей родной страны. Моя общественная роль кончена послѣ всего того, что случилось со мною въ послѣднее время, никакое командованіе не прельщаетъ меня». Затѣмъ цесаревичъ выразилъ желаніе остаться при своемъ гвардейскомъ отрядѣ, выведенномъ имъ изъ Варшавы. «Потерпите, чтобы я остался съ нимъ, — писалъ Константинъ Павловичъ, — ихъ судьба будетъ моею. Если же тѣмъ не менѣе вы полагаете, что я долженъ разстаться съ нимъ, разрѣшите мнѣ совѣмъ удалиться отъ дѣлъ и сдѣлаться совершеннымъ ничто (*que je devienne absolument*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

пул), чѣмъ, — я чувствую это все болѣе и болѣе, — я являюсь въ дѣйствительности»⁴⁰⁸.

Почти одновременно императоръ Николай писалъ цесаревичу 3-го (15-го) января:

«Трудно прозрѣть будущее, но, соображая въ предѣлахъ человѣческаго разума, взвѣсивая различныя вѣроятія успѣха, трудно предположить, чтобы новый годъ оказался для насъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ 1830 годъ; дай Богъ, чтобы я не ошибся. Я желалъ бы видѣть васъ спокойно водворившимся въ нашемъ Бельведерѣ и порядокъ возстановленнымъ повсюду, но сколько еще предстоитъ сдѣлать, прежде чѣмъ быть въ состояніи достигнуть этого. Кто изъ двухъ долженъ погибнуть, — такъ какъ, повидимому, погибнуть необходимо, — Россія или Польша? Рѣшайте сами. Я исчерпалъ всѣ возможныя средства, чтобы предотвратить подобное несчастіе; средства, совмѣстимыя только съ честью и моею совѣстью, эти средства исчерпаны, или, по крайней мѣрѣ, ничто не можетъ заставить меня повѣрить, чтобы ихъ хотѣли тамъ; что же мнѣ остается дѣлать»⁴⁰⁹?

Вскорѣ въ Варшавѣ принято было рѣшеніе, довершившее разрывъ Польши съ Россіею. 13-го (25-го) января 1831 года сеймъ объявилъ династію Романовыхъ лишенною польскаго престола. Такимъ образомъ сами поляки развязали руки императору Николаю, и единоборство Россіи съ Польшею стало неизбежнымъ. Императоръ Николай отвѣтилъ на этотъ вызовъ, 25-го января (6-го февраля), манифестомъ, въ которомъ было сказано:

«13-го сего мѣсяца, среди мятежнаго противозаконнаго сейма, присваивая себѣ имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что царствованіе наше и дома нашего прекратилось въ Польшѣ, и что тронъ, возстановленный императоромъ Александромъ, ожидаетъ иного монарха. Сіе наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломыслии исполнили мѣру преступленій; настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и мы, призвавъ въ помощь Всевышняго Судію дѣлъ и намѣреній, повелѣли нашимъ вѣрнымъ войскамъ идти на мятежниковъ. Россіяне! Въ сей важный часъ, когда съ прискорбіемъ отца, но съ спокойною твердостію царя, исполняющаго священный долгъ свой, мы извлекаемъ мечъ за честь и цѣлость державы нашей, соедините усердныя мольбы свои съ нашими мольбами предъ алтаремъ Всевиद्याщаго, Праведнаго Бога. Да благословитъ онъ оружіе наше для пользы и самихъ нашихъ противниковъ; да устранить скорою побѣдою препятствія въ великомъ дѣлѣ успокоенія народовъ, десницею Его намъ ввѣренныхъ, и да поможетъ намъ, возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ

Гельмгутъ, генералъ польской арміи.
(Съ рисунка съ натуры Кия. Изъ собранія А. О. Думберга).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

съ потребностями и благомъ всей нашей имперіи, и положить навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи».

Въ день изданія манифеста главныя силы русской арміи перешли границы имперіи и вступили въ царство Польское, а 13-го (25-го) февраля послѣдовалъ рѣшительный бой передъ Прагою при Гроховѣ, заставившій польскую армію отступить въ Варшаву съ потерей до 12.000 человекъ. Съ нашей стороны потери были также весьма велики и состояли изъ 9.400 человекъ.

Около пяти часовъ вечера графъ Дибичъ послѣ нѣкотораго колебанія прекратилъ бой и приказалъ войскамъ стать биваками въ одной верстѣ отъ Праги. Рѣшеніе, внезапно принятое фельдмаршаломъ, лишило его плодовъ одержанной побѣды и возможности окончить кампанію однимъ рѣшительнымъ ударомъ. А между тѣмъ дѣла противника находились не въ блистательномъ положеніи. Во время сраженія Хлопицкій былъ тяжело раненъ; удаленіе его съ поля битвы лишило польскую армію общаго управленія. Номинальный главнокомандующій, Радзивиллъ, совершенно растерялся, шепталъ про себя молитвы, а на вопросы отвѣчалъ текстами изъ священнаго писанія; малодушный Шембекъ плакалъ; Уминскій ссорился съ Круковецкимъ, и изъ старшихъ строевыхъ начальниковъ одинъ Скржинецкій сохранилъ полное присутствіе духа и обнаружилъ распорядительность, содѣйствовавшую поддержанію нѣкотораго порядка въ потрясенной арміи ⁴¹⁰. Когда же послѣ нашей кавалерійской атаки среди поляковъ распространилась паника, она отразилась и на Радзивиллѣ, который ускакалъ со свитой въ Варшаву.

«Если бы Дибичъ зналъ, въ какомъ состояніи находилась польская армія, — пишетъ генералъ Пузыревскій, — то едва ли бы пріостановился въ нанесеніи полякамъ рѣшительнаго удара. Деморализація была полная; всѣ почти стремились въ Варшаву, полагая тамъ найти убѣжище. Радзивиллъ до того растерялся, что приказалъ очистить не только Прагу, но и пражскій тетдепонъ; только впоследствии онъ отмѣнилъ это приказаніе, вернувшись и самъ въ Прагу, чтобы озаботиться отступленіемъ арміи за Вислу; Скржинецкій долженъ былъ прикрывать эту опасную операцію, которая началась въ 6 часовъ вечера; сначала должны были переправиться обозы, затѣмъ кавалерія, наконецъ пѣхота. При этомъ случаѣ обнаружилась главная невыгода Гроховской позиціи, т.-е. что въ тылу ея было дефиле — единственный мостъ чрезъ Вислу. Потрясенныя части собрались къ нему въ безпорядкѣ; пѣхота, кавалерія, артиллерія, обозы — все это торопилось переправиться поскорѣе, мѣшало одно другому. Около полуночи переправа окончилась. Радзивиллъ поручилъ защиту тетдепона бригадѣ Малаховскаго, а самъ возвратился въ Варшаву.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГРОХОВѢ ВЪ 1831 ГОДУ.
Съ польской литографіи того времени.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«Жители Варшавы, слѣдившіе съ возвышеннаго берега рѣки за ходомъ сраженія, были уstraшены постепеннымъ приближеніемъ гула канонады; множество приносимыхъ съ поля сраженія раненыхъ, рассказы бѣглецовъ—

Польское возстаніе 1830 года.
Медовая улица 17-го ноября 1830 года.
(Оъ акватинты Дитриха).

все это повергло ихъ въ ужасъ и смятеніе, національная гвардія побросала мундиры и смѣшалась съ населеніемъ; не много нужно было усилій, чтобы привести городъ въ повиновеніе русскому правительству; но когда гроза притихла,—всѣ постепенно успокоились, и настроеніе быстро измѣнилось»⁴¹.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Спрашивается: въ чемъ заключалась таинственная причина ранняго прекращенія боя? Почему графъ Дибичъ отказался отъ немедленнаго штурма Праги и на плечахъ непріятеля не овладѣлъ мостомъ, представлявшимъ собою единственный путь отступленія для разбитаго непріятеля, или же не выставилъ на берегу многочисленную артиллерію съ угрозою бомбардировать мятежную столицу? Для объясненія столь страннаго образа дѣйствій фельдмаршала приводятъ разныя причины: графомъ Дибичемъ руководилъ будто ложный расчетъ, на основаніи котораго онъ полагалъ, что послѣ разгрома польской арміи Варшава покорится безъ новаго кровопролитія. Другіе утверждаютъ, что прекращеніе боя послѣдовало по настоящему совѣту графа Толя.

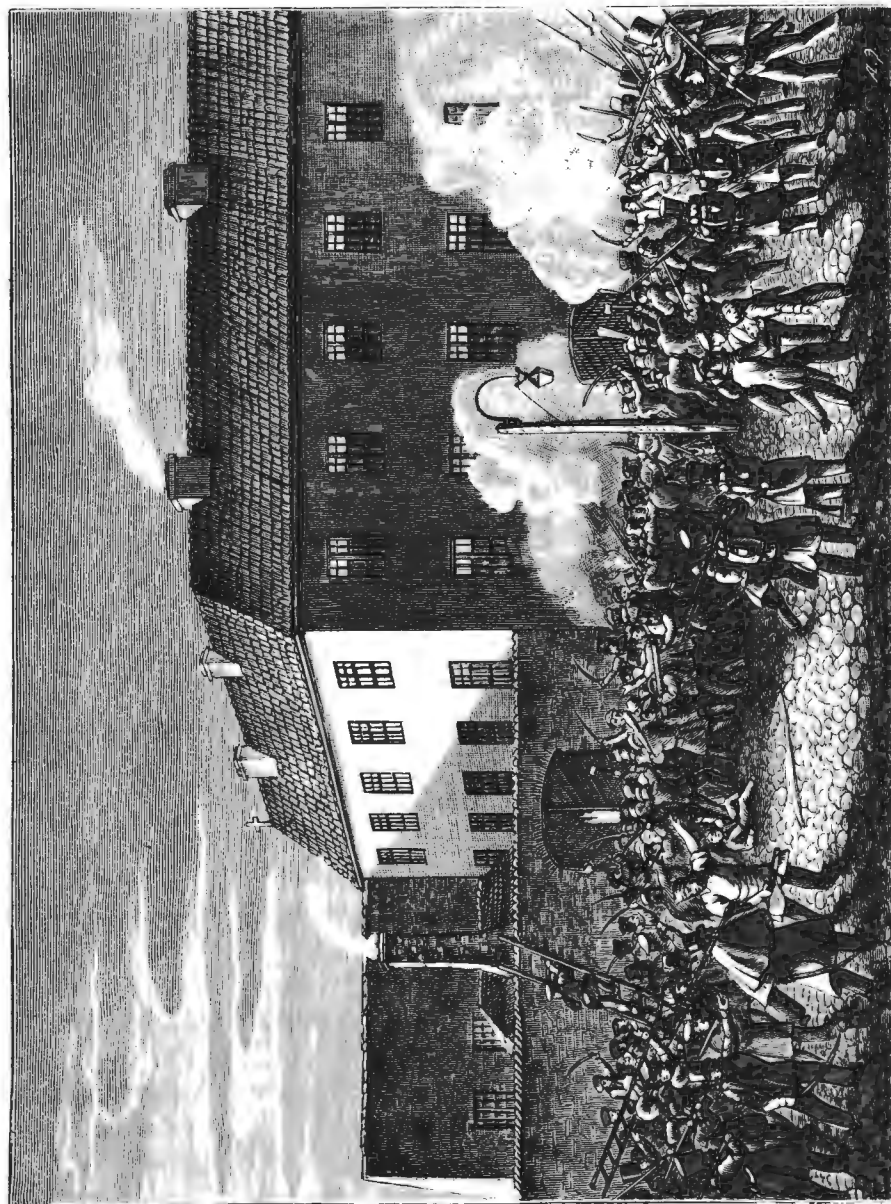
Бенкендорфъ приписываетъ внезапное бездѣйствіе графа Дибича немѣстнымъ совѣтамъ цесаревича Константина Павловича и пишетъ:

«Въ Варшавѣ распространился общій ужасъ. Мостъ черезъ Вислу былъ покрытъ бѣгущими; безпорядокъ сдѣлался общимъ; мятежная столица уже видѣла себя на краю гибели и выбирала депутацію для поднесенія побѣдителю ключей и испрошенія помилованія. Еще одно усиліе, чтобы овладѣть пражскими укрѣпленіями, Варшава была бы наша, и революція окончена. Но въ эту рѣшительную минуту звѣзда фельдмаршала Дибича померкла. Онъ заколебался, велѣлъ войскамъ построиться въ колонны для атаки, повелъ ихъ, но потомъ самъ остановилъ ихъ порывъ и такимъ образомъ задержалъ побѣду, а съ нею и развязку дѣла. Онъ утратилъ свою славу и изъ экспедиціи, которой слѣдовало быть однимъ громовымъ ударомъ, брошеннымъ рукою могущественнаго владыки Россіи на слабыхъ мятежниковъ маленькаго царства Польскаго, развилъ продолжительную и кровавую войну. Съ этого времени, убѣдившись самъ, но уже поздно, въ неизвинительной своей ошибкѣ и тщетно искавъ ее поправить, Дибичъ потерялъ всю энергію и то, можетъ быть, преувеличенное довѣріе, которое питалъ къ своимъ дарованіямъ. Въ упомянутую выше минуту, когда онъ велъ свои колонны на пражскія укрѣпленія, одинъ генералъ далъ ему совѣтъ пріостановить нападеніе, чтобы избѣжать кровопролитія, и онъ имѣлъ слабость его послушаться. Дибичъ никогда не хотѣлъ назвать этого генерала по имени и тайну свою унесъ въ гробъ, но на смертномъ одрѣ сказалъ графу Орлову:

«Мнѣ дали этотъ пагубный совѣтъ; послѣдовавъ ему, я провинился передъ государемъ и Россіею. Главнокомандующій одинъ отвѣчаетъ за всѣ свои дѣйствія». Заслуженная Дибичемъ укоризна глубоко отозвалась въ благородномъ сердцѣ его, преданномъ государю и Россіи, и погасила его твердость и таланты. Думаютъ, что совѣтъ, остановившій карательный мечъ, поднятый имъ надъ крамольною Варшавою, принадлежалъ цесаревичу Константину Павловичу. Видъ этого города, гдѣ цесаревичъ жилъ и начальствовалъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, гдѣ образо-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

вались его связи, и устроился его бракъ, гдѣ укрѣпились всѣ его привычки,—видъ этого города въ минуту грозящаго ему бѣдствія могъ тронуть сердце цесаревича и внушить ему мысль о спасеніи Варшавы. Если

Польское возстаніе 1830 года.
Взятіе инсургентами тюрьмы въ Варшавѣ.
(Оъ аквагинны Дитриха).

точно имъ данъ былъ этотъ совѣтъ, то онъ понесъ жестокое наказаніе въ горестяхъ и униженіи, не перестававшихъ съ тѣхъ поръ его преслѣдовать и низведшихъ его вскорѣ въ гробъ, вдали отъ сбереженной имъ Варшавы» ⁴¹².

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Въ письмѣ къ императору Николаю, посланномъ графомъ Дибичемъ на другой день послѣ Гроховскаго сраженія, главнокомандующій ничего не упоминаетъ о данномъ ему совѣтѣ и объясняетъ прекращеніе боя слѣдующимъ образомъ:

«Вся линія войскъ подвинулась впередъ, и такъ какъ Грохово оказывалось занятымъ, то поляки бѣжали въ безпорядкѣ и оставили поле сраженія, покрытое трупами и усѣянное ружьями, киверами и даже косами. По приближеніи князя Шаховскаго, я построилъ его баталіоны въ колонны къ атакѣ; въ это время его артиллерія подбивала послѣднія полевые батареи поляковъ. Пѣхота, кавалерія—все искало спасенія въ бѣгствѣ. Но такъ какъ наступилъ вечеръ, то я не могъ штурмовать само предмѣстье, еще вооруженное многочисленною артиллеріею. Я приказалъ прекратить огонь (*j'ai fait cesser le feu*); мятежники отступили къ Прагѣ, гдѣ расположились подъ прикрытіемъ орудій этого укрѣпленія; тамъ они не могли держаться и ночью очистили это предмѣстье» ⁴¹³.

Предмостное укрѣпленіе продолжало держаться и, по мнѣнію графа Дибича, занято было на другой день послѣ Гроховской битвы четырьмя или пятью баталіонами.

Что же касается цесаревича Константина Павловича, то онъ писалъ государю 14-го (26-го) февраля: «Если бы всѣ оказались на своихъ мѣстахъ, какъ это слѣдовало бы ожидать, день былъ бы рѣшительнымъ и кампанія оконченной. Но Богу угодно было рѣшить иначе, и все отложено до другого раза. Если бы князь Шаховской прибылъ на наше правое крыло, какъ онъ долженъ былъ сдѣлать это, никогда поляки не увидѣли бы снова Праги, но, — не понимаю, — произошло колебаніе. Впрочемъ поговорка говоритъ: *que sans des si et des mais, l'on met des villes dans des bouteilles*» ⁴¹⁴.

Получивъ донесеніе о Гроховской побѣдѣ и достигнутыхъ ею отрицательныхъ результатахъ, императоръ Николай высказалъ фельдмаршалу свое неудовольствіе, справедливо замѣтивъ: «Почти невѣроятно, что послѣ такого успѣха непріятель могъ спасти свою артиллерію и перейти Вислу по одному мосту. Слѣдовало ожидать, что онъ потеряетъ значительную часть своей артиллеріи, и что произойдетъ вторая Березинская переправа» ⁴¹⁵... Итакъ, потеря 8.000 человекъ, и никакого результата, развѣ только тотъ, что непріятель потерялъ по малой мѣрѣ то же число людей. Это очень, очень прискорбно! Но да будетъ воля Божія!» ⁴¹⁶.

Но, какъ бы то ни было, графъ Дибичъ не сумѣлъ воспользоваться психологическимъ моментомъ и потому несетъ передъ потомствомъ отвѣтственность за недовершеніе побѣды подъ Гроховомъ, а вслѣдствіе сего за семимѣсячную отсрочку въ покореніи царства Польскаго ⁴¹⁷. Поляки опомнились въ-время; князь Радзивиллъ отказался отъ званія главнокомандующаго, и вмѣсто него избранъ былъ Скржинецкій, который немед-

Графъ Гауке, военный министр царства Польскаго
(Съ рисунка съ натуры Кия. Изъ собранія А. О. Думберга).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ленно принялся за реорганизацію армін. Измѣнившаяся обстановка препятствовала графу Дибичу исправить ошибку, сдѣланную 13-го февраля; а затѣмъ предстоявшее вскрытіе Вислы не позволяло и думать о переправѣ на лѣвый берегъ. Оставалось только расположить армію по квартирамъ. Съ этого времени для злополучнаго фельдмаршала начался періодъ колебаній, дѣйствій ощупью и нелѣпыхъ предначертаній, между тѣмъ какъ инициатива дѣйствій всецѣло перешла на сторону поляковъ, которые воспользовались ею не безъ успѣха. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ О. П. Опочинину 13-го (25-го) марта изъ Бѣлостока: «Военныя наши дѣйствія не заключаютъ, какъ ихъ ни рассказывай, доселѣ ничего рѣшительнаго, и, по моему глупому смыслу, поляки имѣютъ доселѣ l'initiative дѣйствій надъ нами. У насъ войска на бумагѣ бездна и, какъ говорится, чортова пропасть, а на дѣлѣ взять—вездѣ такой некомплектъ, что ей-ей страшно». По мнѣнію Дениса Давыдова: «Дибичъ былъ человѣкъ умный, это безспорно, но умъ, подобно безумію, имѣетъ многія степени. Умъ Дибича далеко не былъ необыкновеннымъ. Кажется, что ему была бы по плечу какая нибудь войнишка, съ какимъ нибудь Гессенскимъ курфирстомъ, но врядъ ли онъ могъ управиться даже съ королемъ Саксонскимъ. Мантия полководца была не по росту Дибичу». Скржинецкій и его сотрудники олицетворили собою образъ того фантастическаго саксонскаго короля, созданнаго воображеніемъ Давыдова, который долженъ былъ низвести Забалканскаго героя на степень прежняго ничтожества. Въ этой печальной истинѣ пришлось, къ сожалѣнію, убѣдиться постепенно императору Николаю, и къ тому же въ войнѣ, отъ которой, по мѣткому выраженію государя, зависѣло «политическое бытіе Россіи».

Николай Павловичъ высказалъ эту мысль въ письмѣ отъ 2-го (14-го) апрѣля, сопровождая ее слѣдующими разсужденіями:

«Да будетъ воля Божія! Я ей покоряюсь; однако мнѣ да позволено будетъ выразить вамъ мое изумленіе и мою скорбь, что въ теченіе всей этой несчастной войны вы извѣщаете меня больше о пораженіяхъ, чѣмъ о счастливыхъ дѣлахъ, что, имѣя, согласно вашему рапорту, 189.000 человѣкъ подъ ружьемъ, мы ничего не предпринимаемъ противъ приблизительно 80.000 человѣкъ, и что непріятель встрѣчаетъ насъ повсюду, по меньшей мѣрѣ, въ равномъ числѣ, мы же почти всегда дѣйствуемъ малыми и недостаточными силами... Безпокойство мое не поддается описанію, потому что во всѣхъ вашихъ распоряженіяхъ я не вижу ничего могущаго обѣщать успѣхъ и наконецъ обезпечить за вами исходъ кампаніи, такъ какъ я не усматриваю въ вашихъ собственныхъ мысляхъ ничего опредѣленнаго (*je ne vois enfin rien de fixe dans vos propres idées*)... Не удивляйтесь поэтому, что я удрученъ оборотомъ, который приняла правая война, начатая съ огромными средствами и,

скажемъ прямо, отъ которой зависитъ политическое бытіе Россіи, — все это держится вашей головою! Что же я могу сдѣлать на такомъ разстояніи другого, какъ не скорбѣть послѣ совершившагося факта и не проповѣдывать постоянно одного и того же? Докажите мнѣ, что я ошибаюсь, и я буду счастливъ этимъ; но я не брежу, я говорю на основаніи фактовъ... Не обижайтесь сказаннымъ мною: оно приличествуетъ тому, который одинъ имѣетъ право говорить вамъ правду, и который васъ искренно любитъ, хотя и не всегда одобряетъ ваши измѣнчивыя рѣшенія (*vos déterminations trop peu stables*). Да вдохновитъ васъ Богъ»⁴¹⁸.

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ письмахъ императоръ Николай писалъ Дибичу:

«Суворовъ умѣлъ бить поляковъ съ малымъ числомъ людей»⁴¹⁹. «Я не отчаиваюсь и не буду ни въ чемъ отчаиваться. Русскіе не могутъ быть постоянно побѣждаемы поляками; въ томъ порукою вѣка. Богъ поможетъ намъ снова сіе доказать. Итакъ мужество, твердость; обладайте ею сами и вселите ее въ души тѣхъ, которые могли бы колебаться, съ нами Богъ, и все можетъ еще поправиться»⁴²⁰. «Правду сказать, я не знаю болѣе ни того, что вы дѣлаете, ни того, что происходитъ въ васъ, и готовъ поспорить, что этого не пойметъ кто бы то ни было... Ваша постоянная нерѣшительность, марши и контръ-марши могутъ только истощать и убивать армію; она должна потерять всякое довѣріе къ своему вождю, когда она не видитъ другого результата своихъ безполезныхъ усилій, какъ нужду и смерть!... Ради Бога не теряйте времени, будьте тверды въ своихъ рѣшеніяхъ, не колеблитесь постоянно и постарайтесь смѣлымъ и блестящимъ подвигомъ доказать Европѣ, что русская армія неизмѣнно та же, какою дважды она была въ Парижѣ. Плачевное воздѣйствіе этой несчастной кампаніи на нашихъ враговъ и на нашихъ друзей—хуже, чѣмъ можно представить себѣ это. Все можетъ быть исправлено, если въ концѣ концовъ вы снова станете тѣмъ, чѣмъ вы были. Постоянство, сила и непоколебимая твердость и поболѣе дѣятельности и порядка, съ Божіею помощію, снова приведутъ насъ къ днямъ славы. Русскій народъ, а вмѣстѣ съ нимъ и я не можемъ понять, чтобы его армію нельзя было вести къ побѣдѣ, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы повести русскихъ сражаться съ поляками. Нужно снова доказать ему это, и съ Божіею помощію мы достигнемъ этого»⁴²¹. «Я ничего не понимаю ни во всемъ томъ, что происходитъ, ни въ вашихъ намѣреніяхъ, и съ покорностью волю Божіею ожидаю того, что Ему въ Его милосердіи будетъ угодно сотворить изъ всего этого. Вѣдь это въ первый разъ, что русская армія въ составѣ, по словамъ вашего же собственнаго рапорта, 189.000 человѣкъ оказывается въ оборонительномъ положеніи противъ мятежниковъ численностью отъ 40.000 до 50.000 человѣкъ. Суворовъ, располагая вдвое меньшими силами, чѣмъ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

у непріятеля, умѣлъ побѣждать его, потому что онъ умѣлъ внушать русскому солдату, что онъ долженъ постоянно побѣждать двухъ непріятелей; я опасаюсь, чтобы вскорѣ армія не утратила этого преданія и не увѣровала бы въ противное». «*Tout cela est pitoyable*», прибавилъ государь ⁴²².

Приведенныя здѣсь выписки изъ писемъ императора Николая въ достаточной мѣрѣ выясняютъ плачевное положеніе дѣлъ въ дѣйствующей арміи въ 1831 году и отношеніе къ нимъ государя. Затруднительность нашего положенія усиливалась еще появленіемъ въ рядахъ нашей арміи холеры и возстаніемъ въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, затруднявшихъ сообщеніе съ арміею и самое продовольствованіе ея. Пришлось организовать резервную армію, начальство надъ которой ввѣрено было графу П. А. Толстому. Наконецъ графъ Дибичъ пришелъ къ печальному заключенію, что русская армія не въ силахъ побороть польскую революцію, и что для сего потребуются содѣйствіе народнаго ополченія ⁴²³. Всѣ эти обстоятельства побудили императора Николая 5-го (17-го) апрѣля вызвать изъ Тифлиса фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго.

II.

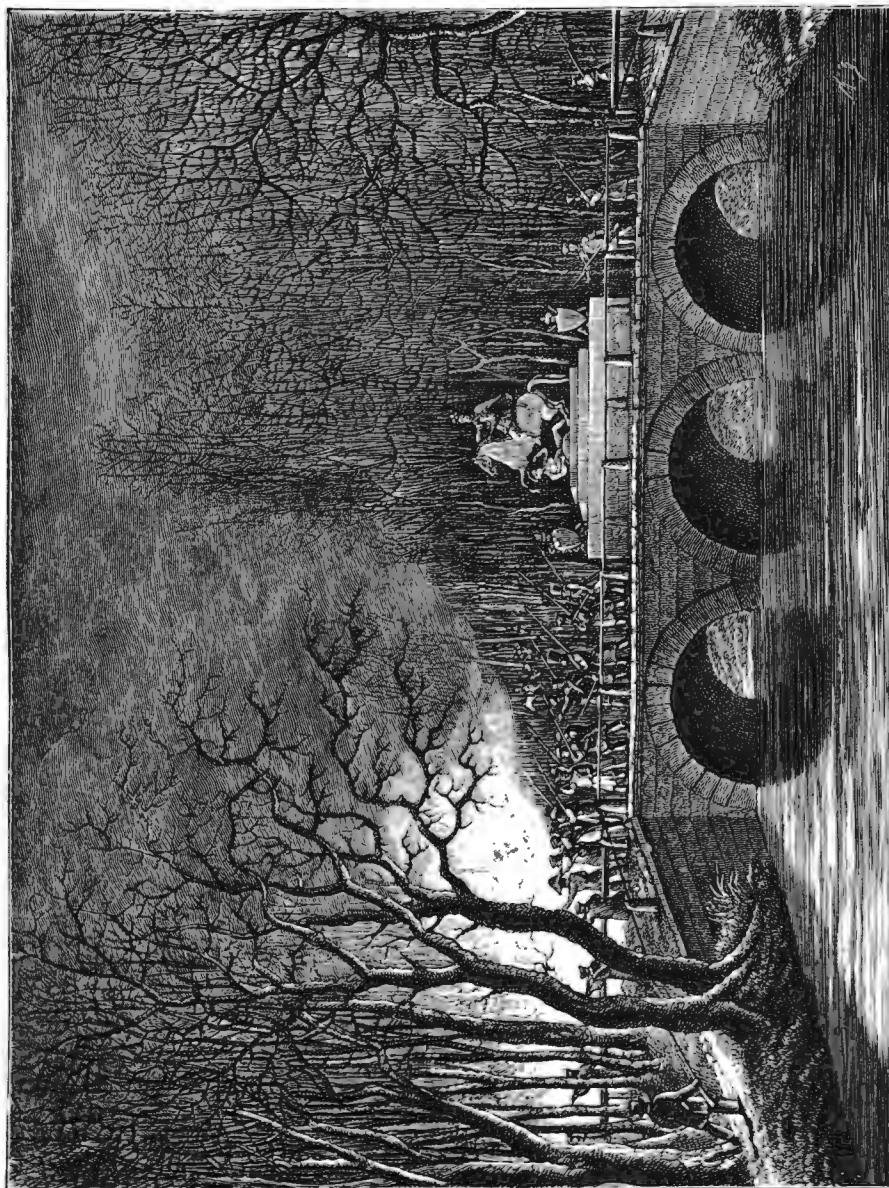
Когда дѣйствующая армія перешла границу царства Польскаго, и началась междоусобная война, императоръ Николай задалъ себѣ вопросъ, что же слѣдуетъ дѣлать послѣ вторичнаго покоренія возставшей страны и какимъ образомъ удовлетворить интересы Россіи въ этомъ сложномъ политическомъ дѣлѣ. Первоначальныя мысли свои по этому вопросу государь изложилъ въ собственноручной запискѣ, въ которой подъ впечатлѣніемъ огорченія, вызваннаго недавними событіями, онъ пришелъ къ совершенно неожиданному заключенію, что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть провинціями, неблагодарность которыхъ обнаружилась столь очевиднымъ образомъ. Поставивъ вопросъ такимъ образомъ, государь остановился на мысли новаго раздѣла Польши между Россіею, Австріею и Пруссіею.

Приведемъ здѣсь содержаніе записки императора Николая.

«Польша постоянно была соперницей и самымъ непримиримымъ врагомъ Россіи,—пишетъ государь.—Это наглядно вытекаетъ изъ событій, приведшихъ къ нашествію 1812 года, и во время этой кампаніи опять такіе поляки, болѣе ожесточенные, чѣмъ всѣ прочіе участники этой войны, совершили болѣе всего злодѣйствъ изъ тѣхъ же побужденій ненависти и мести, которыя одушевляли ихъ во всѣхъ войнахъ съ Россіею. Но Богъ благословилъ наше святое дѣло, и наши войска завоевали Польшу. Это—неоспоримый фактъ. Въ 1815 году Польша была отдана Россіи по

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

праву завоеванія. Императоръ Александръ полагалъ, что онъ обезпечить интересы Россіи, возсоздавъ Польшу, какъ составную часть имперіи, но съ титуломъ королевства, особою администраціею и собственною арміею. Онъ даровалъ ей конституцію, установившую ея будущее устройство, и

Польское возстаніе 1830 года.
Мостъ Собіескаго въ Лазенкахъ.
(Оъ акватинты Дитриха).

заплатилъ такимъ образомъ добровольнымъ благодѣяніемъ за все зло, которое Польша не переставала причинять Россіи. Это было местию чудной души (*c'était la vengeance d'une belle âme*). Но цѣль императора Александра была ли достигнута?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Я сказалъ выше, что главная цѣль заключалась въ обезпеченіи интересовъ Россіи путемъ возсозданія Польши, счастливой и процвѣтающей подъ покровительствомъ и благодаря связи съ Россіею. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта маленькая страна, разоренная, ослабленная непрерывными войнами, напряженіемъ, вызывавшимся цѣлымъ рядомъ революцій, частымъ переходомъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, въ пятнадцатилѣтній промежутокъ времени достигла замѣчательнаго благосостоянія; ея финансовыя средства оказались не только достаточными для удовлетворенія потребностей страны, но послужили еще для образованія наличнаго фонда казначейства, пригодившагося въ теченіе почти года для покрытія всѣхъ нуждъ настоящей борьбы. Наконецъ, армія, созданная по образцу арміи имперіи, снабженная всѣмъ и богато надѣленная запасами въ арсеналахъ, безъ всякаго обремененія страны, достигшая рѣдкаго совершенства, оказалась въ состояніи послужить кадрами для 100.000 человекъ. Что же хорошаго вышло изъ этого для имперіи? Огромныя жертвы, хотя и не выдѣленные особо изъ того, что было сдѣлано въ 1813 и 1814 годахъ, были принесены для осуществленія завоеванія ея; другія столь же значительныя жертвы были принесены въ послѣдующія 15 лѣтъ частью для содержанія и снаряженія арміи, частью для вооруженія крѣпостей и обременительнаго содержанія ядра войскъ, служившихъ ей инструкторами.

«Имперія въ ущербъ своей собственной промышленности была наводнена польскими произведеніями; однимъ словомъ, имперія несла всѣ тягости своего новаго приобрѣтенія, не извлекая изъ него никакихъ иныхъ преимуществъ, кромѣ нравственнаго удовлетворенія отъ прибавленія лишняго титула къ титуламъ своего государя. Но вредъ былъ дѣйствительный. Прежнія польскія провинціи, видя, какъ ихъ соотечественники пользуются вблизи ихъ всѣми правами самостоятельнаго народа, которыми они даже злоупотребляютъ, болѣе чѣмъ когда либо стали задумываться надъ тѣмъ, какъ ускользнуть отъ владычества имперіи. Поэтому оказалось, что при первой же искрѣ эти провинціи готовы были возстать и, какъ слѣдствіе этого, самымъ пагубнымъ образомъ повліять на дѣйствія арміи. Другое еще болѣе существенное зло заключалось въ существованіи передъ глазами порядка вещей, согласнаго съ современными идеями, почти неосуществимаго въ королевствѣ, а слѣдовательно невозможнаго въ имперіи. Зародившіяся надежды нанесли страшный ударъ уваженію власти и общественному порядку и впервые привели къ несчастнымъ послѣдствіямъ, открытымъ въ концѣ 1825 года. Разъ ударъ былъ нанесенъ, примѣръ поданъ, трудно предположить, чтобы во время всеобщихъ волненій и смутъ эти идеи не продолжали развиваться, несмотря на доказанную ихъ призрачность и опасныя послѣдствія. Однимъ словомъ, это являлось разрушеніемъ того, что со-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ставляло силу имперіи, то-есть убѣжденія, что она можетъ быть велика и могущественна лишь при монархическомъ образѣ правленія и самодержавномъ государѣ. То, что было ложно въ основаніи, не могло продержаться долго. При первомъ же толчкѣ зданіе рухнуло; такъ какъ

Польское возстаніе 1830 года.
Бельведеръ 17-го ноября 1830 года.
(Съ акватинты Дитриха).

интересы различно понимались въ обѣихъ странахъ, то отсюда проявилось разногласіе въ воззрѣніяхъ на жизненный вопросъ, какимъ образомъ разсматривать и судить преступленія противъ безопасности государства и особы государя. То, что признавалось и наказывалось, какъ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

преступленіе въ имперіи, было оправдано и даже нашло защитниковъ въ королевствѣ. Вслѣдствіе всего этого создались непреодолимые затрудненія, настроеніе умовъ обострилось, поляки укрѣпились въ своемъ намѣреніи избавиться отъ русскаго владычества и наконецъ довели дѣло до катастрофы 1830 года.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ средства примиренія, совмѣстимыя съ достоинствомъ Россіи, были снова испробованы, но напрасно. Присяга была повсюду нарушена, измѣна сдѣлалась общою, и всякая возможность соглашенія исчезла. Тогда-то были двинуты русскія войска. Они шли, чтобы отомстить за свою народную честь, оскорбленную самою черною неблагодарностію въ томъ, что она представляетъ наиболѣе священнаго. Всевозможныя неслыханныя жертвы приносятъ ежедневно для этой цѣли. Но, когда она будетъ достигнута, и вопросъ будетъ рѣшенъ силою оружія, въ чемъ же будетъ заключаться результатъ, къ которому нужно будетъ стремиться? Или, лучше сказать, въ чемъ будетъ заключаться при этихъ обстоятельствахъ истинная польза Россіи?

«Все, что дѣлается, и все, что еще происходитъ въ Польшѣ, очевидно, доказываетъ, что прошла пора великодушія; неблагодарность поляковъ сдѣлала его невозможнымъ, и на будущее время во всѣхъ сдѣлкахъ, касающихся Польши, все должно быть подчинено истиннымъ интересамъ Россіи. Установивъ это положеніе, нельзя не согласиться, что русскій интересъ несовмѣстимъ съ существованіемъ Польскаго королевства въ томъ видѣ, какъ оно было создано въ 1815 году, и при условіи сохраненія имъ своей конституціи. Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы лишить Польшу матеріальной возможности вредить Россіи, но слѣдуетъ еще разсмотрѣть, какое вознагражденіе можетъ получить Россія за свои тяжкія жертвы, и какія выгоды она можетъ извлечь изъ обладанія Польшей. На первый вопросъ легко отвѣтить: ничто не можетъ вознаградить Россію за жертвы и потери, понесенныя ею лишь для отомщенія за свою народную честь. Что же касается второго вопроса, мнѣ кажется, что Россія не можетъ извлечь изъ Польши, такой, какова она есть, никакихъ дѣйствительныхъ выгодъ, и, что еще болѣе важно, что для имперіи даже нѣтъ гарантій, которыя могли бы обезпечивать ей въ будущемъ спокойное обладаніе этой страной. Итакъ, вѣрный принципу, который я высказалъ вначалѣ, то-есть истинной пользѣ Россіи, я полагаю, что единственный способъ отдать себѣ отчетъ въ этомъ вопросѣ заключается въ слѣдующемъ.

«Россія—держава могущественная и счастливая сама по себѣ; она никогда не должна быть угрозою ни для другихъ сосѣднихъ государствъ, ни для Европы. Но она должна занимать внушительное, оборонительное положеніе, способное сдѣлать невозможнымъ всякое нападеніе на нее. Если бросишь взглядъ на карту, страшно становится, когда видишь, что гра-

ница польской территоріи имперіи доходитъ почти до Одера, тогда какъ фланги отходятъ за Нѣманъ и Бугъ, чтобы упереться близъ Полаугена въ Балтійское море и у устьевъ Дуная въ Черное море. Въ этой выдающейся части находится армія, чтобы держать ее въ покорности. Эта страна ничего не приноситъ имперіи. Напротивъ того, она не можетъ существовать иначе, какъ посредствомъ постоянныхъ жертвъ со стороны имперіи, чтобы дать ей возможность удовлетворять потребностямъ собственной администраціи. Такимъ образомъ, убѣдительно, что выгоды отъ этого неудобнаго положенія ничтожны, а недостатки велики и даже угрожающи. Остается рѣшить, какъ помочь этому. Я тутъ не вижу другого средства, кромѣ слѣдующаго:

«Объявить, что честь Россіи получила полное удовлетвореніе завоеваніемъ королевства, но что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть страной, неблагодарность которой была столь очевидна; что истинные ея интересы требуютъ установить свою границу по Вислѣ и Нареву; что она отказывается отъ остального, какъ недостойнаго принадлежать ей, предоставляя своимъ союзникамъ поступить съ нимъ по своему усмотрѣнію; что, тѣмъ не менѣе, оставаясь вѣрно своимъ принципамъ, Россія предоставляетъ той части королевства, которая останется за нею, пользованіе ея законами и учрежденіями въ той мѣрѣ, которая окажется совмѣстимою съ истинными будущими интересами; что титулъ королевства Польскаго останется присвоеннымъ этой части страны, во избѣжаніе того, чтобы подобное наименованіе, данное другой какой либо части, не создало вновь государства, враждебнаго Россіи, чего она не потерпитъ ни въ какомъ случаѣ»⁴²⁴.

По мѣрѣ дальнѣйшаго хода междоусобной польско-русской войны, императоръ Николай пришелъ къ заключенію, что задуманное имъ рѣшеніе польскаго вопроса представляется въ дѣйствительности невозможнымъ. Такимъ образомъ мысли государя, изложенныя въ вышеприведенной запискѣ, остались безъ примѣненія и перешли къ потомству, какъ любопытное политическое разсужденіе.

Тѣмъ не менѣе, записка императора Николая была, вѣроятно, передана на обсужденіе фельдмаршала Паскевича, потому что послѣдній, съ своей стороны, представилъ государю 4-го (16-го) іюня 1831 года записку, въ которой вмѣсто безвозмездныхъ уступокъ воеводствъ лѣваго берега Вислы и Кракова онъ предлагалъ замѣнить ихъ устьями Нѣмана съ городомъ Мемелемъ и крѣпостью Торномъ, съ одной стороны, и Восточной Галиціей—съ другой.

Паскевичъ въ упомянутой запискѣ высказывалъ государю слѣдующее:

«Разсматривая со всѣхъ сторонъ теперешнее положеніе, мнѣ пришло въ мысль: нельзя ли наказать дерзкихъ и неблагодарныхъ такъ, чтобы они въ дальнѣйшемъ своемъ потомствѣ чувствовали сіе, упрочить на

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

всегда наше положеніе въ Польшѣ; словомъ постановить такимъ образомъ, какъ вы, государи, въ манифестѣ изволили сказать, что надобно, чтобы Польша для Россіи была полезна, но не вредна ⁴²⁵.

«Разсуждая на сихъ основаніяхъ, я осмѣливаюсь изложить мои мысли:

«Какимъ образомъ наказать неблагодарныхъ поляковъ, какъ не лишивши ихъ даже имени поляка?»

«Для исполненія сего надобно уничтожить царство Польское.

«Въ Европѣ согласятся ли на сіе? ибо въ этомъ (то-есть въ настоящемъ положеніи вещей) они видятъ ослабленіе Россіи, а всѣ государства, не исключая ни одного, думаютъ, какъ бы насъ ослабить.

«То какимъ образомъ постановить, чтобы интересовать государства въ нашу пользу?»

«Я полагаю слѣдующее:

«1) Три воеводства на лѣвой сторонѣ Вислы уступить Пруссіи, то-есть Мазовецкое, Калишское и Сандомірское; четвертое — Краковское, уступить Австріи.

«2) Взамѣнъ уступленныхъ Пруссіи сихъ трехъ воеводствъ Пруссія должна уступить намъ крѣпость Торнъ съ окрестностями, по удобству, и въ восточной Пруссіи по рѣкѣ Прегель; если же большое сопротивленіе будетъ на сіе, или доходы, или населеніе превышаютъ требуемыя нами земли отъ Пруссіи, то уступку взять по мѣстности. Въ семъ краѣ, перерѣзанномъ многими рѣками въ разныхъ направленіяхъ, можно сдѣлать хорошую границу. Если и на сіе Пруссія не согласится, то можетъ взамѣнъ земель, ею получаемыхъ, добавить деньгами; но во всякомъ случаѣ граница съ этой стороны должна быть, по крайней мѣрѣ, по Нѣманъ съ городомъ Мемелемъ и съ другими городами, сколько удобство для коммерціи того потребуетъ.

«3) Австріи уступить Краковское воеводство, а взамѣнъ взять Тарнополь или другія земли въ обмѣнъ, по числу народонаселенія и доходовъ.

«4) Если же отъ Пруссіи трудно будетъ получить взамѣнъ трехъ воеводствъ, то уступить Пруссіи два, а два воеводства уступить Австріи на вышензложенныхъ основаніяхъ.

«Такимъ образомъ сіи двѣ державы будутъ дѣйствовать съ нами, ибо участвовали въ семъ раздѣлѣ, какъ то было и при вашей бабушкѣ. Польза обѣихъ сихъ державъ въ уничтоженіи королевства состоитъ въ томъ, что притязанія Россіи, какъ королевства Польскаго, на взятія Пруссіею и Австріею провинціи симъ уничтожаются. Если взять въ соображеніе, что королевство Прусское не только имѣетъ отъ Польши приобрѣтенныя въ первомъ раздѣлѣ провинціи, но даже и сама Пруссія есть уступка отъ Польши курфюрсту Бранденбургскому, то удовольствіе ея будетъ велико, когда все могущее возродить домогательства однимъ актомъ уничтожается. Австрія находится въ томъ же положеніи, и су-

ществованіе королевства Польскаго есть ей всякую минуту угроза на ея галиційскія провинціи. Итакъ, Пруссія и Австрія будутъ въ нашихъ интересахъ. Но Франція и Англія что скажутъ?

«По теперешнемъ новомъ образованіи Франціи, она весьма сильна, и, конечно, съ нею надобно бы весьма осторожно поступать.

«Но можетъ быть, что для общаго спокойствія, когда онѣ увидятъ, что Россія, отдавая свои провинціи за Вислой, отступаетъ, такъ сказать, отъ Европы, то, можетъ быть, согласятся; въ противномъ случаѣ надобно выждать время, или когда Франція будетъ имѣть внутреннія безпокойства.

«Что же касается до Англіи, то я не полагаю, что если будутъ согласны съ нами Австрія и Пруссія, чтобы Англія могла намъ вредна быть, выключая въ коммерціи.

«Итакъ, изъ сихъ предложеній явствуется:

«1) Что Россія ничего не потеряетъ въ народонаселеніи и въ доходахъ, ибо получить взаимнѣ то же.

«2) Государство выиграетъ гораздо лучшую границу, ибо Висла представляетъ всѣ удобства къ дефансивной войнѣ и для коммерціи во время мира.

«3) Симъ ваше императорское величество докажете европейскимъ государямъ, что вы не хотите распространяться въ Европѣ, ибо отдаете провинціи, которыя въ наступательной войнѣ ихъ устрашали.

«4) Накажете сей народъ за его вѣроломство и неблагодарность искорененіемъ его съ лица земли, и тѣмъ покажете, что вы не хотите сдѣлать ему честь носить имя его короля.

«5) Введете Пруссію и Австрію быть участницами въ семъ дѣлѣ.

«6) Но важнѣе всего, что вы изволите уничтожить представительное правленіе въ вашемъ государствѣ, которое, по теперешнимъ мыслямъ въ Европѣ, влечетъ и вашихъ російскихъ подданныхъ къ симъ новизнамъ; но если онаго не будетъ, то государство Россійское, не имѣвши въ себѣ ничего разнообразнаго, будетъ представлять оплотъ противъ вольнодумства» ⁴²⁶.

Русское правительство не рѣшилось, однако, вступить на путь международныхъ переговоровъ по вопросу, затронутому въ приведенныхъ нами запискахъ; поэтому высказанныя въ нихъ предположенія остались лишь любопытными памятниками политическаго настроенія минуты.

III.

Неудачный оборотъ, принятый польско-русскою войною, вызвалъ слѣдующее письмо графа Чернышева къ фельдмаршалу Паскевичу отъ 5-го (17-го) апрѣля:

«Государь императоръ, желая, чтобы при настоящихъ обстоятельствахъ, какъ политическихъ, такъ и военныхъ, ваше сіятельство находились при особѣ его величества, высочайше повелѣтъ миѣ соизволилъ сообщить о семъ вашему сіятельству и покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, въ исполненіе сей высочайшей воли поспѣшить сколь возможно пріѣздомъ въ С.-Петербургъ.

«Управленіе войсками и краемъ, вамъ ввѣреннымъ, его величество соизволилъ предоставлять устроить тѣмъ же порядкомъ, какой былъ принятъ во время отсутствія вашего въ С.-Петербургъ въ минувшемъ году, а именно: войска на кавказской линіи подчинить совершенно генералу отъ кавалеріи Эмануелю, а войска, въ Грузіи находящіяся, подчинить начальнику штаба вашего, генералъ-лейтенанту Панкратьеву; гражданскую же часть оставить на томъ основаніи, какое заблагоразсудить изволите. Впрочемъ, если ваше сіятельство изволите признать нужнымъ сдѣлать въ порядкѣ управленія по военной части какія либо измѣненія, то его величество предоставляет оныя вашему усмотрѣнію, но желаетъ только, чтобы всѣ распоряженія о семъ были окончены въ нѣсколько дней, дабы его величество могъ сколь возможно скорѣе имѣть удовольствіе увидѣть васъ въ С.-Петербургѣ».

Графъ Паскевичъ получилъ письмо 20-го апрѣля (2-го мая); сдѣлавъ необходимыя распоряженія, онъ выѣхалъ изъ Тифлиса 26-го апрѣля (8-го мая) и прибылъ въ С.-Петербургъ 12-го (24-го) мая⁴²⁷. Между тѣмъ, съ самаго вызова Паскевича, неудовольствіе императора Николая противъ графа Дибича съ каждымъ днемъ все болѣе возрастало. Нерѣшительность главнокомандующаго и неустойчивость въ его мысляхъ (*je ne vois rien de fixe dans vos propres idées*) побудили государя выработать планъ для дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ; но, сообщая графу Дибичу свои предположенія, государь не хотѣлъ, однако, насиловать намѣренія и волю главнокомандующаго, напротивъ того въ письмѣ отъ 7-го (19-го) апрѣля предоставлено было фельдмаршалу, по обсужденіи плана совмѣстно съ Толемъ и Нейдгартомъ, слѣдовать собственному плану, если онъ будетъ признанъ лучшимъ; но государь прибавилъ: «требую письменнаго опроверженія».

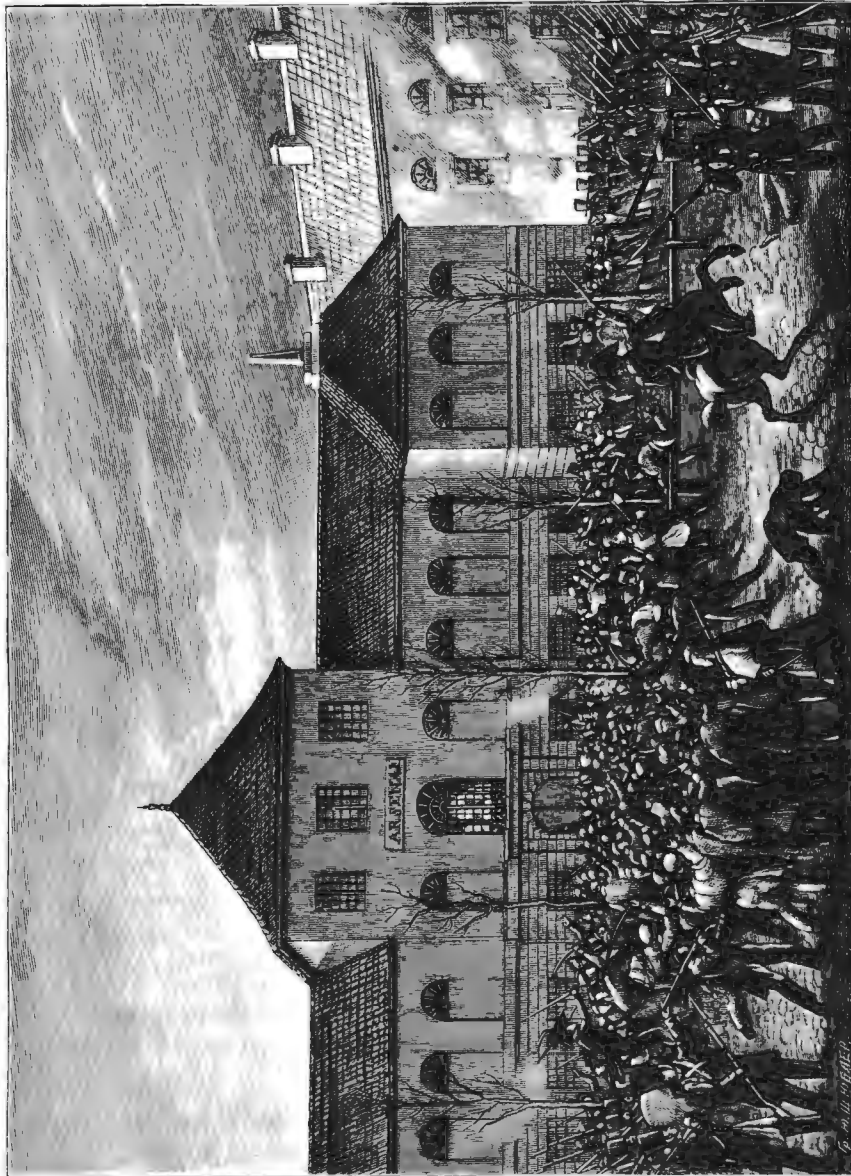
Спорный вопросъ заключался въ слѣдующемъ: графъ Дибичъ предполагалъ перейти Вислу въ верхнемъ ея теченіи, между тѣмъ какъ импе-

Графъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ-Забалканскій.
Съ портрета того времени, писаннаго масляными красками.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

раторъ Николай справедливо признавалъ нижнюю Вислу мѣстомъ будущей переправы арміи на лѣвый берегъ, при чемъ продовольствованіе войскъ могло быть обезпечено соглашеніемъ съ прусскимъ правительствомъ.⁴²⁸

Польское возстаніе 1830 года.
Арсеналь 17-го ноября 1830 года
(Съ аквареллы Дитриха).

Отвѣтъ графа Дибича на присланный ему планъ дѣйствій не удовлетворилъ императора Николая. «Отвѣтъ вашъ на мой проектъ, — писалъ государь 22-го апрѣля (5-го мая) 1831 года, — мнѣ доказываетъ, что вы съ удовольствіемъ готовы отказаться отъ всякой отвѣтственности, сваливъ ее на меня, предоставляя себѣ впослѣдствіи сказать, что

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

я помѣшалъ вамъ исполнить ваши намѣренія, и я предвижу уже, что, можетъ быть, подобное соображеніе побудило васъ отказаться отъ наступленія, которое вы начали. Я не хочу характеризовать, насколько подобный образъ дѣйствій можетъ быть признанъ предосудительнымъ, тѣмъ болѣе, что, хотя я и убѣжденъ, что мой планъ представляетъ единственно возможное рѣшеніе вопроса, я вамъ, однако, положительно приказалъ руководствоваться исключительно вашимъ личнымъ убѣжденіемъ. Только быстрое и немедленное исполненіе могло сдѣлать эту операцію удобною и рѣшительною, но если вы предполагаете двинуться лишь черезъ четыре недѣли и притомъ вести дѣло съ тою же слабостью, съ тою же нерѣшительностію и при соблюденіи того же безпорядка, я предвижу одно несчастіе и гибель вмѣсто почти вѣрнаго успѣха»⁴²⁹.

Для разъясненія положенія дѣлъ въ арміи императоръ Николай послалъ къ фельдмаршалу генералъ-адъютанта графа Орлова, «pour suppléer par une conversation à tout ce que mes lettres paraissent n'avoir pu vous faire comprendre». Но, пока графъ Орловъ пробирался черезъ возставшую Литву въ главную квартиру фельдмаршала, на театрѣ военныхъ дѣйствій произошли новыя событія. Скржинецкій, ободренный бездѣйствіемъ Дибича, предпринялъ наступательное движеніе противъ гвардейскаго корпуса. По мнѣнію императора Николая, высказанному въ письмѣ къ графу Дибичу, «все это движеніе непріятеля было бы настоящимъ безуміемъ, если бы вы не приучили его безнаказанно предпринимать все. Есть мѣра всякому терпѣнію, а я, кажется, проявилъ его въ достаточной степени»⁴³⁰.

Дибичъ наконецъ встрепенулся, и 14-го (26-го) мая разыгралась кровопролитная битва при Остроленкѣ. Здѣсь подобно тому, какъ и подъ Гроховомъ, одержана была рѣшительная побѣда, но нерѣшительность главнокомандующаго вторично спасла польскую армію отъ гибели; несмотря на настоянія графа Толя, фельдмаршалъ, отказавшись отъ преслѣдованія непріятеля, далъ Скржинецкому возможность спокойно отступить съ разбитою арміею въ Варшаву⁴³¹. Бездѣйствіе графа Дибича послѣ Остроленской побѣды принесло плачевные плоды. Совершилось то, что предвидѣлъ императоръ Николай, когда писалъ фельдмаршалу: «Теперь поляки будутъ имѣть достаточно времени, чтобы восполнить свои потери, укрѣпить, что имъ нужно, однимъ словомъ изгладить всѣ слѣды своего пораженія, заставляя насъ путемъ новыхъ и тяжелыхъ жертвъ искупить выгоды, за которыя мы уже такъ дорого заплатили, и отъ которыхъ добровольно отказываемся». Дибичъ расположился между Пултускомъ, Голыминомъ и Масковымъ, готовясь къ движенію на нижнюю Вислу.

«Prouvez que vous êtes encore le старый Забалканскій», — писалъ императоръ Николай графу Дибичу, но государь такъ и не дождался

воскресенія стараго Забалканскаго. 1-го (13-го) іюня Николаю Павловичу пришлось заключить переписку съ своимъ фельдмаршаломъ горестнымъ восклицаніемъ: «Прощайте, любезный другъ, поступите же наконецъ такимъ образомъ, чтобы я могъ понять васъ. (Adieu, mon cher ami, faites de façon que je puisse vous comprendre)». Но это письмо⁴³² не было уже прочитано графомъ Дибичемъ: 29-го мая (9-го іюня) фельдмаршалъ внезапно скончался отъ холеры въ с. Клешовѣ около Пултуска. Графъ Толъ, на основаніи «учрежденія объ управленіи болъшой дѣйствующей арміи», вступилъ во временное командованіе вой-

Засада. Эпизодъ изъ войны 1831 года.

(Съ акварели Зауервейда).

сками⁴³³, но, отправляя вмѣстѣ съ тѣмъ въ С.-Петербургъ всеподданнѣйшее письмо, онъ просилъ государя о скорѣйшемъ назначеніи главнокомандующаго, признаваясь, что чувствуетъ себя неспособнымъ принять на себя столь важную обязанность. Просьба графа Толя вполне соответствовала прежнимъ его заявленіямъ, сдѣланнымъ еще покойному фельдмаршалу.

Желаніе графа Толя исполнилось въ самомъ скоромъ времени.

Еще до Остроленскаго сраженія смѣна Дибича графомъ Паскевичемъ представлялась уже до нѣкоторой степени вполне вѣроятною; но,

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

какъ справедливо замѣтилъ будущій князь Варшавскій, «Остроленское дѣло удержало мою поѣздку въ армію, пбо трудно было послать смѣнить главнокомандующаго, выигравшаго сраженіе»⁴³⁴. Когда же, 3-го (15-го) іюня, пришло въ С.-Петербургъ извѣстіе о кончинѣ графа Дибича, то на другой же день, 4-го (16-го) іюня, послѣдовалъ указъ сенату о назначеніи фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго главнокомандующимъ дѣйствующею арміею. Въ виду возстанія въ Литвѣ, принимавшаго все большіе размѣры, новый главнокомандующій долженъ былъ для большей безопасности избрать морской путь, а затѣмъ слѣдовать въ армію черезъ Пруссію. Онъ быстро собрался въ предстоявшій ему новый походъ и 6-го (18-го) іюня отправился изъ Петергофа въ три часа утра на пароходѣ «Ижора» въ Мемель. По прибытіи въ этотъ городъ, 9-го (21-го) іюня, фельдмаршалъ, продолжая путь черезъ Тильзитъ, пріѣхалъ въ армію въ ночь съ 13-го (25-го) на 14-е (26-е) іюня.

Изъ Пултуска фельдмаршалъ Паскевичъ 17-го (29-го) іюня писалъ императору Николаю: «Я рѣшилъ дѣйствовать по плану, апробованному вашимъ величествомъ». Планъ же государя заключался въ томъ, чтобы совершить переправу на нижней Вислѣ и затѣмъ идти къ Варшавѣ⁴³⁵.

Вскорѣ послѣ кончины графа Дибича-Забалканскаго прусская армія также понесла чувствительную потерю. 11-го (23-го) августа 1831 года въ Познанн скончался отъ холеры фельдмаршалъ графъ Гнейзенау; его постигла одинаковая участь съ другомъ и сотоварищемъ по наполеоновскимъ войнамъ, графомъ Дибичемъ. Смерть Гнейзенау весьма опечалила императора Николая; онъ писалъ по этому случаю графу Паскевичу изъ Царскаго Села 26-го августа (7-го сентября) 1831 года:

«Прусская армія и мы всѣ понесли невозвратную потерю въ фельдмаршалѣ Гнейзенау, который меня и Россію любилъ и видѣлъ спасеніе Европы и пользу Пруссіи въ короткой связи обонхъ государствъ».

Не напрасно императоръ Николай отзывался въ столь сочувственныхъ выраженіяхъ о героѣ войны за освобожденіе Германіи, никогда не забывавшемъ чувство признательности къ Россіи за жертвы, принесенныя ею въ 1813 году; во время польско-русской войны Гнейзенау искренно соболѣзновалъ о неудачахъ, постигшихъ русскую армію подъ предводительствомъ графа Дибича, и въ апрѣлѣ 1831 года совѣтовалъ королю Фридриху-Вильгельму III немедленно вступить съ двумя корпусами въ Польшу, чтобы покончить съ возстаніемъ⁴³⁶.

IV.

Обратимся теперь къ тому, что дѣлалъ въ самое критическое время польско-русской войны цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Послѣ Гроховской битвы цесаревичъ въ виду временнаго затишья въ военныхъ дѣйствіяхъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, уѣхалъ въ Бѣлостокъ, гдѣ находилась княгиня Ловичъ ⁴³⁷. Съ этого времени для цесаревича наступилъ самый тяжелый въ его жизни періодъ. «Мое положеніе такое, — пишетъ Константинъ Павловичъ въ письмѣ къ Ѳ. П. Опочинину, — что дѣйствительно живу со дня на день, и нельзя даже обратить мысль или желаніе на будущее. Одна надежда на Господа Бога и упованіе на Его всемогущую волю. Безъ того есть съ чего съ ума сойти. Жена у меня шибко была больна и теперь еще столь слаба, что лежитъ въ кровати уже другую недѣлю. Всѣ ея недуги не суть иное, какъ послѣдствіе нашего выгона изъ Варшавы и претерпѣнія всѣхъ безпокойствъ какъ физическихъ, такъ и моральныхъ, а хуже всего продолженіе сего положенія, ибо по всѣмъ обстоятельствамъ конца не предвидится ни въ чемъ, слѣдовательно и надежды нѣтъ къ тому» ⁴³⁸.

Когда военныя дѣйствія возгорѣлись съ новой силой, цесаревичъ пожелалъ опять возвратиться къ своему гвардейскому отряду и даже настаивалъ на этомъ, но императоръ Николай воспротивился подобному намѣренію, находя неудобнымъ, чтобы братъ принялъ на себя вторично ту незначашую роль, не соотвѣтствующую занимаемому имъ положенію (*le rôle insignifiant et inconvenant à votre rang*), которую онъ уже разъ разыгралъ. «*C'est préjudiciable et à votre caractère et à ce que vous avez été pour moi et à ce que vous êtes encore*», — прибавилъ государь.

«Вамъ угодно было часто говорить мнѣ, что вы ревностно и преданно будете служить мнѣ, — писалъ государь къ цесаревичу, — такъ вотъ позвольте же мнѣ во имя этого обѣщанія, даннаго съ вашей стороны, и подъ видомъ личной мнѣ услуги, попросить ея у васъ, потребовать ея. Вся эта война мѣняетъ свой характеръ; изъ дня въ день она становится болѣе серіозной, болѣе ожесточенной, благодаря толкамъ, которые вожаки умѣютъ давать ей, пользуясь нашимъ долгимъ бездѣйствіемъ; уже однимъ изъ предлоговъ, которыми они пользуются между прочимъ для воодушевленія противъ насъ войскъ, является бывшее ваше присутствіе въ арміи, какъ доказательство прямой мести. Отстранимъ даже призракъ подобной мысли. Я уже сказалъ вамъ и снова повторяю: никто не имѣетъ права упрекать васъ въ томъ, что вы не раздѣлили опасностей вашихъ храбрецовъ; благопріятный для этого моментъ ми-

новаль; другія соображенія, болѣе настоятельныя, должны противиться вашему возвращенію туда. Вы отказываетесь также отъ командованія гвардіей, хотя я предлагалъ вамъ снова вступить въ него, что было бы вполне естественно и въ порядкѣ вещей, а въ будущемъ объединило бы все подъ вашимъ начальствомъ. Вы сего не желаете, вѣроятно, у васъ должны быть свои причины отказываться отъ него, но, повторяю, это именно то, чего я желаю. Болѣзненное состояніе моей несравненной сестры, о чемъ Михаилъ сообщаетъ мнѣ подробности, также является могущественнымъ побужденіемъ, чтобы въ настоящее время вамъ оставаться возлѣ нея. Однимъ словомъ, дорогой Константинъ, я долженъ настаивать на томъ, чтобы въ настоящую минуту вы отказались отъ намѣренія, на которое мнѣ невозможно согласиться»⁴³⁹.

Убѣдительные доводы императора Николая оказались тщетными; цесаревичъ продолжалъ настаивать на своемъ мнѣніи. Тогда государь написалъ брату, что, исчерпавъ «все, что только было у меня на душѣ высказать вамъ, какъ въ качествѣ брата, такъ и въ качествѣ преданнаго друга, и, наконецъ,—что мнѣ было и постоянно будетъ самымъ тягостнымъ,—по долгу моего положенія (*par devoir de ma place*), къ этому мнѣ болѣе нечего прибавлять... Вы властны дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ согласно вашей совѣсти, вашимъ убѣжденіямъ,—и я умолкаю. (*Vous êtes le maître d'en agir selon votre conscience, votre conviction, et je me tais*)»⁴⁴⁰.

Не легко было императору Николаю писать все это брату, который, по выраженію государя, «былъ нашимъ властелиномъ и остался для меня таковымъ навсегда въ глубинѣ моего сердца (*vous qui avez été notre maître et qui pour moi l'êtes toujours au fond de mon coeur*)»,—но долгъ въ умѣ императора-рыцаря, какъ и всегда, взялъ верхъ надъ чувствомъ. Цесаревичъ покорился волѣ государя, которая, по его словамъ, для него была, есть и будетъ святая, и остался въ Бѣлостокѣ.

Наступили пасхальные праздники, и Константинъ Павловичъ писалъ Опочинину:

«Дай, Боже, чтобы при сихъ высокаторжественныхъ дняхъ по благодати Его всѣ наши до сихъ поръ не весьма благополучныя событія военныя и мірскія перемѣнились въ нашу пользу. Я увѣренъ, что вы, любезный Федоръ Петровичъ, раздѣляете въ полной мѣрѣ мои желанія, истекающія отъ глубины сердца моего, чуждаго всегда всякаго зла и ничего другого не желающаго, какъ общаго блага и справедливости... Я здоровъ, но до крайности скученъ, и признаюсь, что надо много и много духу и твердости, дабы перенести теперешнее мое положеніе, вспоминая каждую минуту прошедшее... есть минуты таковыя, что голова идетъ въ кругъ и до сумасшествія не далеко. Я бы былъ одинъ, почти все потерявъ, бѣда не большая, но всѣ сіи невинныя жертвы

Графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ
(Оъ гравированнаго портрета Туркера).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

и страдальцы каждую минуту передъ глазами и изъ мысли не выходять» ⁴⁴¹.

«Какая для меня разница въ окончаніи моихъ пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду и начатіи пятьдесятъ третьяго года съ предыдущими, и признаюсь, что никогда не воображалъ, чтобы могли постичь меня и моихъ тѣ всѣ несчастія, которыя уже были и продолжаютъ преслѣдовать въ награду трудовъ, усердія, ревности къ службѣ и исполненія возложеннаго въ теченіе 16¹/₂ лѣтъ. Богъ есть судія виновникамъ всего сбывшагося со всѣхъ сторонъ съ нами. Мое дѣло — молчаніе, терпѣніе и упованіе твердое на милость и благодать Господа Всемогущаго, что поздно или рано выведетъ изъ сего столь труднаго положенія... Сегодня два года тому назадъ, какъ былъ торжественный въѣздъ государя въ Варшаву, и гдѣ онъ былъ принятъ съ восторгомъ и съ изъявленіемъ наивнѣйшихъ чувствъ привязанности и усердія. Я же былъ счастливъ тѣмъ, что могъ какъ бы сказать, водворить моего государя, представля ему плоды заботъ всѣхъ родовъ, 16¹/₂ лѣтъ продолжавшихся. Кто бы могъ тогда вообразить, что, спустя два года, все будетъ поставлено вверхъ дномъ столь неистовыми, столь подлыми, столь неблагодарными, столь измѣнническими и столь ехидными способами, и которые завлекли цѣлый народъ и ³/₄ онаго противъ желанія и благополучія, которымъ онъ пользовался, въ бездну пропасти несчастія, въ угодность лицемѣровъ и ихъ пользу, дабы воспользоваться трудами другихъ. Волосы дыбомъ становятся, только что объ этомъ подумаешь» ⁴⁴².

Вскорѣ пребываніе цесаревича въ Бѣлостокѣ сдѣлалось небезопаснымъ, вслѣдствіе появленія въ окрестностяхъ польскаго отряда Хлаповскаго. Тогда цесаревичъ съ княгинею Ловичъ выѣхалъ, 9-го (21-го) мая, въ Слонимъ; но здѣсь поджидалъ его новый врагъ — холера. Страшась за свою супругу, цесаревичъ продолжалъ начатое отступленіе по Бѣлорусскому тракту, черезъ Минскъ въ Витебскъ. По прибытіи въ послѣдній городъ, 3-го (15-го) іюня, цесаревичъ поселился въ домѣ генералъ-губернатора князя Хованскаго. Здѣсь Константинъ Павловичъ написалъ государю, 7-го (19-го) іюня 1831 года, свое послѣднее письмо, въ которомъ коснулся своего тягостнаго положенія и невозможности возвратиться въ С.-Петербургъ.

«Я осмѣливаюсь настоятельно умолять васъ войти въ мое тягостное положеніе данной минуты, — писалъ цесаревичъ, — и въ ту фальшивую роль, которую я вынужденъ играть; блуждая, какъ я, отдѣленный отъ плачевныхъ остатковъ моихъ, которыхъ я не долженъ былъ бы покинуть иначе, какъ съ жизнью, и изъ чувства благодарности за вѣрность, которую они проявляли и доказывали мнѣ со времени всѣхъ моихъ несчастій; съ какимъ лицомъ и съ какимъ выраженіемъ хотите вы, дорогой и несравненный братъ, чтобы я явился къ вамъ въ С.-Петер-

бургъ, гдѣ уже, слава Богу, меня, надѣюсь, почти забыли? Или я могъ бы приблизиться къ вамъ съ выраженіемъ стыда? Или же съ выраженіемъ недовольнаго, какимъ я, конечно, никогда не буду? Или же съ видомъ огорченнаго, который будетъ истолкованъ своими и чужими въ смыслѣ недовольства и фамиліной распри, которая равнымъ образомъ есть и будетъ совершенно чуждой мнѣ, но которая, несмотря на это, будетъ по-своему истолкована недовольными, которые кишатъ повсюду? Или, наконецъ, для того, чтобы запереться у себя, почти не выходя оттуда, такъ какъ, признаюсь, я не буду въ состояніи показаться куда бы то ни было, не ощущая стыда за ту жалкую роль, которую я вынужденъ играть послѣ 36-ти лѣтъ службы. Благоволите также подумать, сколько людей потребуютъ отъ меня отчета въ своихъ родственникахъ и дѣтяхъ, которыхъ они мнѣ ввѣрили, и которыхъ я, повидимому, покинулъ, не будучи въ состояніи отвѣтить имъ съ доказательствами въ рукахъ, и, тѣмъ не менѣе, они съ трудомъ этому повѣрятъ. Всѣмъ говорунамъ я не могу представить въ свое оправданіе письма, которыя вы соблаговолили мнѣ написать; они увидѣли бы въ нихъ только мою покорность и мое послушаніе въ исполненіи вашей высочайшей воли, удаляясь согласно вашему желанію изъ арміи»⁴⁴³.

Одновременно съ письмомъ къ государю цесаревичъ излилъ также свою скорбь Ѳ. П. Опочинину и писалъ ему 7-го (19-го) іюня изъ Витебска:

«Я живу здѣсь уже четвертыя сутки и отдыхаю отъ скуки и усталости физической и моральной и никакого занятія другого не имѣю, какъ скуку, скуку и скуку. Впрочемъ здоровъ, но жена по пріѣздѣ сюда крайне ослабла и уже третьи сутки, какъ изъ кровати не встаетъ, авось Господь Богъ поможетъ, надежда на Него одного. Здѣсь покамѣстъ все тихо и хорошо. По всей дорогѣ насъ окружали уваженіемъ и желаніемъ угодить и дѣлать пріятное во всѣхъ сословіяхъ. Симъ, признаюсь, я былъ весьма тронутъ и благодаренъ, въ особенности въ моемъ теперешнемъ скитающемся положеніи. Долго ли я здѣсь пробуду, и что изъ меня будетъ,—зависитъ отъ обстоятельствъ и отъ разрѣшенія государя императора на письмо, которое я сегодня къ нему послалъ. Испытавъ все въ службѣ военной, на старость лѣтъ испыталъ и должность фурштатдскаго чиновника: *du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*. Что же дѣлать, ежели судьбѣ такъ угодно?»

Развязка была уже близка. Въ ночь съ 14-го (26-го) на 15-е (27-е) іюня 1831 года, цесаревичъ Константинъ Павловичъ заболѣлъ холерою и въ тотъ же день въ 7^{1/4} часовъ вечера скончался.

Княгиня Ловичъ увѣдомила государя о случившемся печальномъ событіи особымъ письмомъ:

«Мой братъ, вы будете очень несчастны, потому что несчастна я, а одно лишь обстоятельство въ мірѣ могло сдѣлать меня несчастной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Въ четыре часа онъ заболѣлъ, а въ восемь вечера!.. О, мой Боже, сжалятесь надъ нами, надъ императоромъ, надо мною, надъ нами... Мой братъ, каковы будутъ ваши приказанія относительно его?» ⁴⁴⁴.

Вечеромъ, 17-го (29-го) іюня, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ отправился къ государю, находившемуся въ Петергофѣ. На пути, пишетъ Бенкендорфъ, «встрѣтилъ меня фельдъегерь, который, остановивъ коляску, подалъ мнѣ записку отъ князя Волконскаго, требовавшего именемъ государя неотложнаго моего прибытія. Нѣсколько удивленный симъ, такъ какъ пріѣзда моего въ Петергофъ уже и безъ того ожидали, я, однако же, велѣлъ погонять лошадей и вскорѣ домчался до маленькаго домика, занимаемаго государемъ. Первыя попавшіяся мнѣ лица были два доктора императрицы. Ихъ озабоченный видъ крайне меня испугалъ. Едва я успѣлъ на вопросъ мой услышать, что императрицѣ сейчасъ пускали кровь, какъ вышелъ государь, весь въ слезахъ, и, схвативъ меня за руку, увлекъ въ свой кабинетъ. Здѣсь въ такомъ волненіи, какъ мнѣ никогда не случалось его видѣть, онъ передалъ мнѣ полученное имъ извѣстіе, что братъ его Константинъ Павловичъ скончался отъ холеры ⁴⁴⁵. Когда я прочелъ печальныя подробности этой внезапной кончины, государь сказалъ мнѣ, что, желая дать очевидное доказательство живого участія, пріемлемаго имъ въ положеніи несчастной вдовы цесаревича, онъ сейчасъ отправляетъ меня къ княгинѣ Ловичъ съ изъясненіемъ ей своего соболѣзнованія и съ приглашеніемъ пріѣхать въ Петербургъ при тѣлѣ ея мужа, котораго она не рѣшалась оставить. Чувствуя себя при выѣздѣ изъ города совершенно здоровымъ, я вышелъ изъ государева кабинета больнымъ. Относя это единственно къ печальнымъ ощущеніямъ отъ неожиданной вѣсти о кончинѣ цесаревича, я пошелъ въ свои комнаты, чтобы распорядиться приготовленіями къ предстоящей поѣздкѣ, но едва успѣлъ, кончивъ ихъ, прилечь, какъ во мнѣ открылись всѣ признаки холеры. Прибывшій въ эту минуту изъ Петербурга врачъ государевъ, Арендтъ, прибѣжавъ ко мнѣ, испугался при видѣ перемѣны въ моемъ лицѣ. Послѣ данныхъ имъ лѣкарствъ и горячей ванны, откуда меня вынули безъ чувствъ, мнѣ сдѣлалось нѣсколько легче. Тотчасъ взяты были всевозможныя предосторожности для охраненія царскаго жилища отъ привезенной мною заразы. Но государь въ ту же ночь навѣстилъ меня и потомъ въ теченіе слишкомъ трехъ недѣль каждый день удостоивалъ меня своимъ посѣщеніемъ и продолжительною бесѣдою, предметы которой представляли, впрочемъ, обыкновенно мало отраднаго».

Въ это время ко всѣмъ заботамъ, обременявшимъ тогда императора Николая, присоединилась еще новая печаль: съ 14-го (26-го) іюня, въ Петербургѣ открылась холера, которая черезъ нѣсколько дней приняла угрожающіе размѣры. Страшная болѣзнь привела въ трепетъ всѣ классы

Штурмъ укрѣпленія Воли 25-го августа 1831 года.
(Оъ литографіи Монстера, сдѣланной по рисунку Тимма).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

населенія и въ особенности простонародѣ, которое всѣ мѣры для охраненія его здоровья, усиленный полицейскій надзоръ, оцѣпление города и даже уходъ за пораженными холерою въ больницахъ начало считать преднамѣреннымъ отравленіемъ. Стали собираться въ скопища, останавливать на улицахъ иностранцевъ, обыскивать ихъ для открытія носимаго при себѣ мнимаго яда, гласно обвинять врачей въ отравленіи народа. Напослѣдокъ, 22-го іюня (4-го іюля), чернь, возбужденная толками и подозрѣніями, столпилась на Сѣнной площади и посреди многихъ другихъ безчинствъ бросилась съ яростію разсвирѣпѣвшаго звѣря на домъ, въ которомъ была устроена временная больница. Всѣ этажи, какъ пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, въ одну минуту наполнились этими бѣшеными, которые разбили окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больныхъ, приколотили до полусмерти больничную прислугу и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ умертвили нѣсколькихъ врачей. Полицейскіе чины, со всѣхъ сторонъ тѣснимые, попрятались или ходили между толпами переодѣтыми, не смѣя употребить своей власти. Наконецъ, военный генералъ-губернаторъ, графъ Эссенъ, показавшійся среди сборища, равномѣрно не успѣлъ возстановить порядка и также долженъ былъ укрыться отъ изступленной толпы. Въ недоумѣніи, что предпринять, городское начальство собралось у графа Эссена, куда прибылъ и командовавшій въ Петербургѣ гвардейскими войсками князь Васильчиковъ. Послѣ предварительнаго совѣщанія послѣдній привелъ на Сѣнную площадь баталіонъ Семеновскаго полка съ барабаннымъ боемъ. Это хотя и заставило народъ разойтись съ площади въ боковыя улицы, но нисколько его не усмирило и не заставило образумиться. Въ ночь волненіе нѣсколько стихло, но все еще городъ былъ далекъ отъ обыкновеннаго порядка.

Князь Меншиковъ въ дневникѣ своемъ пишетъ: «Принуждены были двинуть войска, которыя, не видя государя, показали недовѣріе къ началству, но магическое для русскихъ слово все перемѣнило. Графъ Закревскій сказалъ, что поляки подбиваютъ народъ, и мигомъ преображенцы зарядили ружья. 23-го іюня (5-го іюля) государь поѣхалъ въ Петербургъ водою, на пароходѣ «Ижора», взявъ меня и доктора Арендта; мы пристали къ Елагину острову, который запертъ для охраненія отъ холеры. Здѣсь государь узналъ о положеніи города отъ военнаго генералъ-губернатора и другихъ лицъ, призванныхъ для свиданія и объясненія. Сѣлъ въ коляску и, взявъ меня съ собою, отправился на преображенское парадное мѣсто, гдѣ лагеремъ стоялъ баталіонъ сего полка. Государь объявилъ имъ, что есть злоумышленные люди, подбивающіе народъ къ безпокойству, что войска вчера возстановили порядокъ, что онъ войска благодаритъ и увѣренъ, что впредь также будутъ дѣйствовать. Солдаты отвѣчали восклицаніями преданности весьма замѣ-

чательными и крикомъ «ура». Государь проѣхалъ потомъ Каретною частью, гдѣ погрозилъ нѣкоторымъ толпамъ и лавочникамъ. Оттуда проѣхалъ на Сѣнную площадь, гдѣ собрано было до 5.000 народу. Вставъ среди коляски и обратившись къ толпѣ, государь сказалъ:

«— Вчера учинены были злодѣйства, общій порядокъ былъ нарушенъ. Стыдно народу русскому, забыть вѣру отцовъ своихъ, подражать буйству французовъ и поляковъ, они васъ подучаютъ, ловите ихъ, представляйте подозрительныхъ начальству, но здѣсь учинено злодѣйство, здѣсь прогнѣвали мы Бога, обратимся къ церкви, на колѣни, и просите у Всемогущаго прощенія!

«Вся площадь стала на колѣни и съ умиленіемъ крестилась, и государь тоже; были слышны нѣкоторыя восклицанія: согрѣшили, окаянные! Продолжая потомъ рѣчь свою къ народу, государь объявилъ толпѣ, что, «клявшись передъ Богомъ охранять благоденствіе вѣреннаго ему Промысломъ народа, онъ отвѣчаетъ передъ Богомъ и за безпорядки, а потому онъ ихъ не попуститъ», — повторяя еще: «самъ лягу, но не поущу, и горе ослушникамъ».

«Въ это время нѣсколько человѣкъ возвысили голосъ. Государь воскликнулъ къ народу:

«— До кого вы добираетесь, кого вы хотите, меня ли? Я никого не страшусь, вотъ я (показываетъ на свою грудь)!

«Народъ въ восторгѣ и слезахъ кричалъ «ура». Послѣ сего государь поцѣловалъ одного старика изъ народа и воротился на Елагинъ и въ Петергофъ.

«24-го іюня (6-го іюля) слухи и ложныя извѣстія о безпокойствахъ въ Петербургѣ тревожили насъ цѣлый день, и государь нѣсколько разъ собирался туда ѣхать. 25-го іюня (7-го іюля)—день рожденія государя. Послѣ обѣда онъ опять поѣхалъ изъ Петергофа на пароходѣ къ Елагину острову, гдѣ, взявъ графа Чернышева съ собою, объѣзжалъ городъ; былъ въ Аничковскомъ дворцѣ и возвратился въ Петергофъ» ⁴⁴⁶.

Порядокъ былъ возстановленъ, но холера не уменьшалась: умирало до 600 человѣкъ въ день. Несмотря на значительное число вновь устроенныхъ больницъ, ихъ становилось мало; священники едва успѣвали отпѣвать трупы.

26-го іюня (8-го іюля) императоръ Николай писалъ фельдмаршалу Паскевичу:

«Здѣсь у насъ послѣдовали новыя весьма важныя затрудненія, которыя, однако, съ помощію всемогущаго, всемілосердаго Бога, мы превозможемъ. Холера уже тринадцатый день насъ посѣтила, и ею заболѣло болѣе 1.200 человѣкъ всѣхъ состояній, изъ коихъ до половины умерли. Народъ ей не вѣритъ, и буйство возросло до того, что два госпиталя разграбили и убили лѣкаря и другихъ. Мнѣ удалось унять

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

народъ своими словами безъ выстрѣла, но войска, стоя въ лагерѣ, безпрестанно въ движеніи, чтобъ укротить и разсѣивать толпы. Вчера былъ я опять въ городѣ, меня съ покорностію слушаютъ и, слава Богу, начинаютъ приходить въ порядокъ. Но, признаюсь, все это меня крайне мучитъ, отъ тебя жду съ нетерпѣніемъ утѣшенія. Да поможетъ тебѣ Богъ» ⁴⁴⁷.

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, отъ 4-го (16-го) іюля, государь сообщилъ графу Паскевичу еще слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ болѣзни въ Петербургѣ:

«Здѣсь со вчерашняго дня, благодаря милосердому Богу, холера нѣсколько слабѣетъ. Но дѣйствія ея были ужасны и на всѣ состоянія. Мы лишились отличнаго почтеннаго графа Оппермана; потеря сія для меня наиболѣе чувствительнѣйшая, я его никѣмъ не могу замѣнить. Умерли также генераль-интендантъ флота, генераль Головинъ, морской артиллеріи генераль-майоръ Богдановъ, путей сообщенія генераль-майоръ Шефлеръ и Аванасевъ и много другихъ, графъ Ланжеронъ умираетъ, и наконецъ сею же болѣзнію умерла штатсъ-дама, княгиня Куракина. Въ городѣ все тихо, и народъ вѣритъ и унылъ. Въ войскѣ потеря сносна, но въ Кронштадтѣ ужасна! Потерялъ я также бѣднаго графа Потоцкаго, котораго любилъ и уважалъ, какъ друга, но сей не отъ холеры, а отъ камня въ печени».

15-го (27-го) іюля государь могъ уже сообщить Паскевичу болѣе успокоительныя извѣстія: «Здѣсь все тихо и въ порядкѣ... болѣзнь, слава Богу, столь же скоро исчезаетъ, какъ страшно скоро разлилась».

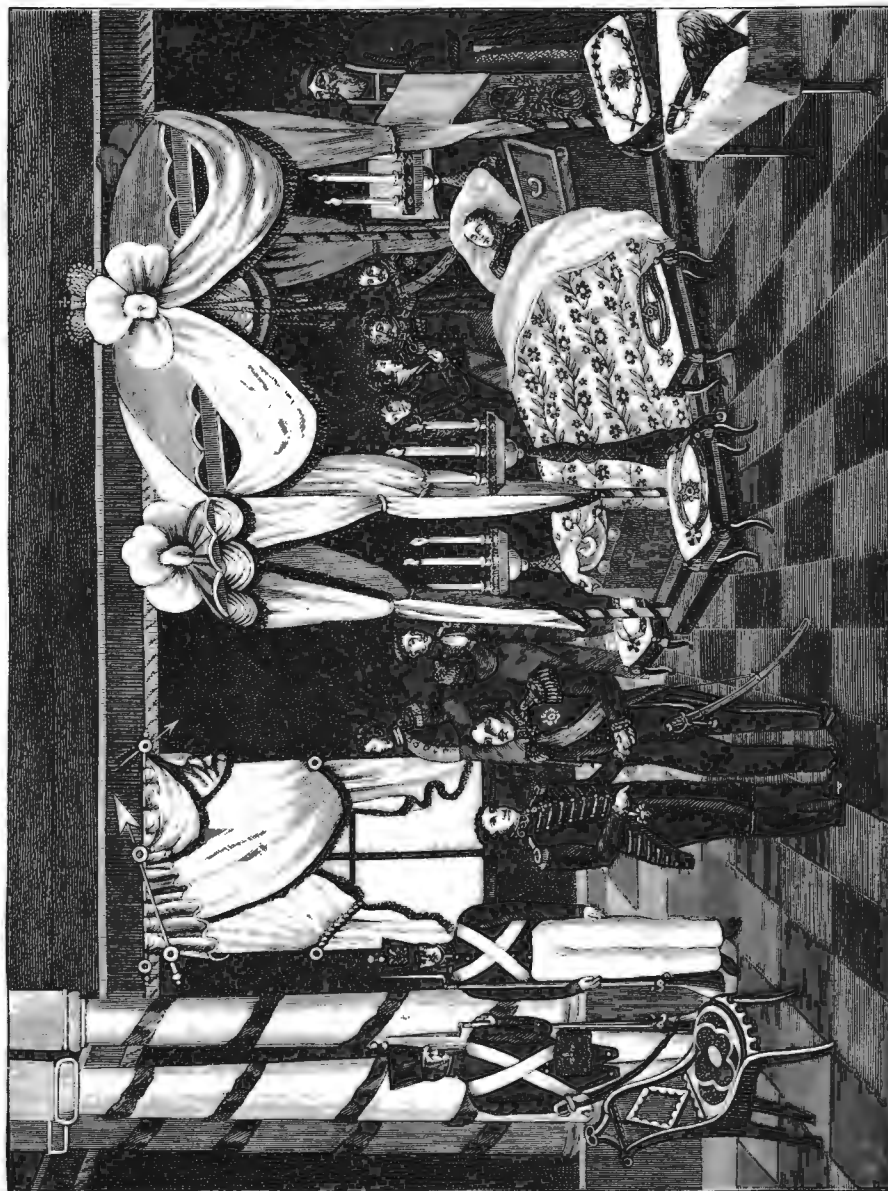
По свидѣтельству генераль-адъютанта Бенкендорфа, въ Петербургѣ «на каждомъ шагѣ встрѣчались траурныя одежды и слышались рыданія. Духота въ воздухѣ стояла нестерпимая. Небо было накалено, какъ бы на далекомъ югѣ, и ни одно облачко не застилало его синевы, трава поблекла отъ страшной засухи, вездѣ горѣли лѣса и трескалась земля. Дворъ переѣхалъ изъ Петергофа въ Царское Село, куда переведены были и кадетскіе корпусы. За исключеніемъ Царскаго Села, холера распространилась и по всѣмъ окрестностямъ столицы. Народъ страдалъ отъ препонъ, которыя полагались торговлѣ и промышленности. Правительству должно было работать за всѣхъ, подавая руку помощи нуждавшимся, предупреждая безпорядки и заботясь о народномъ продовольствіи».

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1831 году издано было «Наставленіе къ распознаванію признаковъ холеры, предохраненію отъ оной и къ первоначальному ея лѣченію». Эта брошюра наполнена многими любопытными правилами и причинила немало бѣдъ руководствовавшимся заключавшимися въ ней наставленіями. Лицамъ, подающимъ помощь одержимому холерою, предписывалось: «имѣть съ собою скляночку съ растворомъ хлориновой извести, или съ крѣпкимъ уксусомъ, которымъ чаще

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

потирать себѣ руки, около носа, виски и проч., кромѣ сего, носить въ карманѣ сухую хлориновую известь въ полотняной сумочкѣ».

Между тѣмъ всѣхъ тѣхъ, которые строго исполняли это правило, народъ на улицахъ останавливалъ и, если находилъ въ карманѣ въ

Поклоненіе тѣлу великаго князя Константина Павловича.

(Факсимиле гравюры 1831 года).

скляночкѣ укусъ либо порошки хлористой извести, заставлялъ въ удовольствіе, что это не ядъ, выпивать, а порошокъ насильно сыпать въ ротъ. Несчастныя жертвы заботливости о самосохраненіи были избиваемы, и многія поплатились даже жизнію. Всѣ эти печальныя явленія про-

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

исходили отъ усвоенной тогда властями ложной отправной точки, что холера обладаетъ свойствами чумы и переносится людьми и вещами; поэтому правительство придумывало цѣлый рядъ охранительно-стѣснительныхъ мѣръ, вызвавшихъ только народныя волненія и всеобщее неудовольствіе.

Въ «Наставленіи» попадаются и комическія страницы; такъ, напримѣръ, запрещалось жить въ жилищахъ тѣсныхъ и нечистыхъ; запрещалось предаваться гнѣву, страху, унынію и безпокойству духа и вообще сильному движенію страстей; запрещалось вскорѣ послѣ сна выходить на воздухъ. «А если требуетъ того необходимость, то должно одѣваться теплѣе и никакъ не выходить безъ обуви». Запрещалось выходить изъ дому, не омывши всего тѣла или, по крайней мѣрѣ, рукъ, висковъ и за ушами «растворомъ хлориновой соды или извести, а за недостаткомъ оныхъ чистымъ уксусомъ или простымъ виномъ, смѣшаннымъ съ деревяннымъ чистымъ масломъ».

Въ объявленіи «Положенія С.-Петербургскаго комитета, составленнаго подъ предсѣдательствомъ г. губернатора, для принятія мѣръ противъ распространенія холеры въ здѣшней столицѣ» отъ 20-го іюня 1831 года, между прочимъ, сказано было: «При полученіи извѣстій отъ частнаго пристава о каждомъ сомнительномъ больномъ, попечитель отправляется самъ для освидѣтельствованія больного, оказанія ему пособія и чтобъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія о томъ домѣ, гдѣ больной оказался, дабы всѣ мѣры къ огражденію самого дома были приняты» и проч.

Очевидецъ тревожныхъ холерныхъ дней 1831 года рассказываетъ слѣдующій случай, вызванный упомянутымъ объявленіемъ: «Разъ, проходя по Моховой улицѣ, я увидѣлъ, что трехэтажный домъ, находящійся наискось церкви Симеона, былъ запертъ и оцѣпленъ полиціей; у воротъ стояли два будочника, а третій ходилъ подъ окнами по тротуару. Жители, въ страхѣ и отчаяніи, высунувшись изъ отворенныхъ оконъ всѣхъ этажей, что-то кричали, — я разобрать не могъ. Лица, проходящія мимо этого дома, бѣжали, затыкая платками носы или нюхая уксусъ. Я изъ любопытства остановился наблюдать, что будетъ; думалъ, что вотъ явится попечитель, или частный, или квартальный, и распорядится, чтобы больной былъ удаленъ въ больницу, а здоровые были выпущены. Но напрасны были мои ожиданія: прошло вѣрныхъ полчаса, никто не являлся, и никакого распоряженія не послѣдовало. Слышу въ воротахъ крикъ, шумъ, стукъ молотковъ; ворота шатаются, и видно, что на нихъ изнутри напираютъ. Къ счастью жителей, на дворѣ жилъ слесарь, который, собравъ своихъ рабочихъ, сбиль калитку съ петель; калитка упала, и вся эта толпа съ радостью и крикомъ бросилась на улицу; жители вздохнули свободно; въ одну минуту у оконъ никого не было; всѣ ринулись вонъ изъ дома и разбѣжались по всѣмъ направленіямъ;

Князь Иванъ Теодоровичъ Паскевичъ.
Съ портрета акварелью художника Эртингера.

Графъ Петръ Кирилловичъ Эссенъ

(Съ литографія того времени).

полиція въ мигъ исчезла; что было далѣе, сказать не могу, потому что я, дивясь тому, что видѣлъ, продолжалъ путь свой» ⁴⁴⁸.

Встрѣчались и другія картины тогдашнихъ петербургскихъ нравовъ. Неумѣлая и невѣжественная полиція того времени нерѣдко забирала въ домахъ пьяныхъ людей и, принимая ихъ за холерныхъ, отправляла въ больницы. Здѣсь подобный мнимый больной, очнувшись, бѣжалъ домой по улицѣ въ больничномъ халатѣ и въ колпакѣ, распространяя въ на-

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

родѣ ненависть къ докторамъ и къ больницамъ, а также молву, что туда хватаютъ народъ для отравы.

Множество народа покинуло въ холерное время столицу; эти бѣглецы разнесли по Россіи нелѣпные слухи объ отравѣ; въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ подобные слухи нашли для себя благопріятную почву и послужили поводомъ къ страшному возмущенію. «Въ Старой Руссѣ,—писалъ императоръ Николай графу Паскевичу 15-го (27-го) іюля 1831 года,—и въ другихъ мѣстахъ повторились здѣшнія сцены и подъ тѣмъ же глупымъ предлогомъ. Въ Старую Руссу посланы войска, и дальнѣйшаго еще не знаю».

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ посвятилъ этому печальному событію въ своихъ запискахъ слѣдующія строки:

«Несмотря на всѣ перемѣны, внесенныя въ военныя поселенія императоромъ Николаемъ, сѣмя общаго неудовольствія, возвращенное между поселянами коренными основами первоначальнаго ихъ образованія и стѣснительнымъ управленіемъ Аракчеева, еще продолжало въ нихъ корениться. Прежніе обыватели этихъ мѣстъ, оторванные отъ покоя и независимости сельскаго состоянія и подчиненные строгой дисциплинѣ и трудамъ военнымъ, покорялись и той и другимъ лишь противъ воли. Введенные въ ихъ составъ солдаты, скучая однообразіемъ безпрестанной работы и мелочными требованіями, были столь же недовольны своимъ положеніемъ, какъ и прежніе крестьяне. Достаточно было одной искры, чтобы вспыхнуло общее пламя безпокойства. Холера и слухи объ отравѣ послужили къ тому лишь предлогомъ. Военные поселяне, возбуждая другъ друга, дали волю давнишней своей ненависти къ начальству и бросились съ яростію на офицеровъ и врачей. Всѣ округа огласились общимъ воплемъ, требовавшимъ смерти офицеровъ и отравителей; всякій, кто не могъ спастись отъ нихъ скорымъ бѣгствомъ, былъ безпощадно убиваемъ, и одно только поселеніе 1-го карабинернаго полка не приняло никакого участія въ этихъ звѣрскихъ кровопролитіяхъ. Резервные баталіоны тѣхъ полковъ, которые такъ мужественно дрались въ Польшѣ, равнодушно смотрѣли на совершавшіяся въ ихъ глазахъ неистовства и, хотя не уклонялись прямо отъ повиновенія, но очень вяло исполняли приказанія своихъ начальниковъ. Уже люди злонамѣренные начинали являться для направленія этого гнуснаго возстанія, уже эмиссары старались возбудить окрестныхъ помѣщичьихъ крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ. Въ Старой Руссѣ народъ бросился на помѣщеніе полиціи, умертвилъ городничаго, нанесъ жестокіе побои прочимъ полицейскимъ чиновникамъ, разбилъ питейные дома и въ торжествѣ бѣгалъ по опустѣлымъ улицамъ. Генералы собрали баталіоны, но не отваживались идти на бунтовщиковъ изъ опасенія, что приказанія ихъ останутся неисполненными. Все, что еще оставалось на сторонѣ законной власти, было погружено въ уныніе и бездѣйствовало⁴⁴⁹.

«Но среди произведенныхъ безчинствъ поселяне сами испугались всего ими совершеннаго и рѣшились послать депутацію къ государю. Нѣкоторые изъ числа ихъ повѣренныхъ были остановлены за станцію до Царскаго Села, другіе прошли прямо въ Петербургъ. Государь пожелалъ видѣть этихъ людей и приказалъ графу Орлову привести ихъ въ Ижору, куда взялъ и меня съ собою. Когда они предстали передъ его величествомъ, то онъ велѣлъ всѣмъ стать на колѣни, строго изобразилъ имъ всю гнусность ихъ поступковъ и всю тягость заслуженнаго ими наказанія. — «Ступайте домой, — заключилъ онъ, — и скажите вашимъ, что я пришлю моего генералъ-адъютанта Орлова, чтобы произвести строжайшее разысканіе и принять надъ ними начальство. Смотрите жѣ, слушаться его».

«Орловъ вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ въ поселенія. Его твердость, присутствіе духа и значеніе, которое давала ему присылка отъ высочайшаго имени, ободрили начальниковъ и утвердили повиновеніе въ колебавшихся солдатахъ.

«Но государь хотѣлъ самъ все лично видѣть и потушить въ его началѣ бунтъ, угрожавшій самыми опасными послѣдствіями. Онъ отправился въ поселенія совершенно одинъ, оставивъ императрицу въ послѣднемъ періодѣ ея беременности и въ смертельномъ безпокойствѣ по случаю этой отважной поѣздки. Постоянный рабъ своихъ царственныхъ обязанностей, государь исполнялъ то, что считалъ своимъ долгомъ; ничто, лично до него относившееся, не въ силахъ было остановить его.

«Онъ пріѣхалъ прямо въ кругъ военныхъ поселеній и предсталъ передъ собранными баталіонами, запятнавшими себя кровью своихъ офицеровъ. Лицъ ему не было видно; всѣ преступники лежали распростертыми на землѣ, ожидая безмолвно и трепетно монаршаго суда. Повторивъ сказанное ихъ депутатамъ, государь приказалъ вывести изъ рядовъ главныхъ виновныхъ и предать ихъ немедленно военному суду. Все было исполнено съ слѣпою покорностію. Одному баталіону, еще болѣе другихъ осквернившему себя злодѣяніями и также лежавшему лицомъ къ землѣ, государь тутъ же велѣлъ выйти изъ эзерциргауза и идти немедленно, въ полномъ его составѣ, въ Петербургъ, гдѣ людей размѣстить по крѣпостямъ, подвергнуть суду и исключить изъ списковъ. Весь баталіонъ поднялся, повернулся направо и пошелъ въ величайшемъ порядкѣ къ мѣсту своего назначенія. Ни одинъ солдатъ не отважился даже попросить позволенія проститься съ семьею или взять чтонибудь изъ своего имущества.

«Потомъ государь обратился къ начальникамъ, отдалъ имъ приказанія о составѣ военносудныхъ комиссій и о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ для возстановленія порядка⁴⁵⁰. Старорусскіе жители также хотѣли просить себѣ помилуванія, но государь, наиболѣе противъ нихъ раздра-

женный, отозвался, что его нога не будетъ въ ихъ преступномъ городѣ, и что ихъ разберетъ также военный судъ.

«Между тѣмъ обнаружившіяся на дѣлѣ пагубныя послѣдствія существованія военныхъ поселеній почти у воротъ столицы и глубоко укоренившася въ поселеніяхъ неудовольствія къ своему положенію не могли не обратить на себя особеннаго вниманія. Явилась необходимость измѣнить начала устройства поселеній и уничтожить этотъ духъ братства и совокупныхъ интересовъ, который изъ двѣнадцати гренадерскихъ полковъ составлялъ какъ бы отдѣльную и притомъ вооруженную общину, разъединенную и отъ арміи, и отъ народа. Но какъ послѣ случившагося надлежало избѣгать малѣйшей уступки, то ко всѣмъ перемѣнамъ было приступлено уже позже и притомъ болѣе въ видѣ наказанія. Одинъ 1-й карабинерный полкъ, въ награду за свое поведеніе, остался на прежнемъ своемъ положеніи; во всѣхъ прочихъ велѣно дѣтей поселянъ, причислявшихся прежде къ своимъ полкамъ, распредѣлять безъ разбора по полкамъ армейскимъ; убыль въ гренадерскихъ полкахъ пополнить рекрутами изъ всѣхъ губерній; отдѣлить солдатъ отъ поселянъ, оставляя первыхъ только на жительство у послѣднихъ, какъ вообще въ деревняхъ, и обложить поселянъ денежными сборами. Впослѣдствіи помѣщенія двухъ гренадерскихъ полковъ были заняты двумя гвардейскими кавалерійскими полками, квартировавшими прежде въ Варшавѣ, а помѣщеніе третьяго отведено подъ кадетскій корпусъ.

«Изъ этой поѣздки, составлявшей столь блестящую страницу царствованія императора Николая, онъ успѣлъ возвратиться ко времени разрѣшенія августѣйшей своей супруги. Богъ обрадовалъ его, 27-го іюля (8-го августа) 1831 года, рожденіемъ сына, Николая⁴⁵¹. Послѣ всѣхъ испытанныхъ государемъ огорченій это радостное событіе было первымъ свѣтлымъ проблескомъ и какъ бы началомъ новой, лучшей эпохи въ его жизни. Въ прошедшемъ все было омрачено печалью и бѣдствіями, надъ будущимъ висѣла, казалось, такая же черная туча. Война въ Польшѣ, возстаніе въ западныхъ губерніяхъ, страшная смертность въ столицахъ, мятежъ на Сѣнной площади и въ военныхъ поселеніяхъ—все это мало обѣщало хорошаго. И вдругъ все измѣнилось: съ каждымъ курьеромъ стали приходить одна за другою лишь добрыя вѣсти».

Но до прибытія въ Петербургъ столь нетерпѣливо ожидаемыхъ добрыхъ вѣстей изъ дѣйствующей арміи императоръ Николай испыталъ еще много душевныхъ волненій. «Что за минута! лихорадка бьетъ, но съ покорностью жду, что Богъ дастъ»,—писалъ государь графу Паскевичу. Къ существовавшимъ тогда политическимъ тревогамъ присоединилось еще потрясающее впечатлѣніе, которое должно было произвести на государя погребеніе тѣла скончавшагося цесаревича Константина Павловича. 1-го (13-го) августа императоръ Николай писалъ графу Пас-

Сънная площа въ Петербургѣ въ началѣ прошлаго столѣтія.
(Озъ литографіи Гаузера).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

кевичу: «Вчера привезли тѣло брата въ Гатчино, и, признаюсь, тяжелый былъ мнѣ день; свиданіе съ сестрой было ужасно, и я большою воротился».

Церемонія ввоза тѣла цесаревича черезъ Петербургъ въ крѣпость состоялась лишь 14-го (26-го) августа; шествіе двинулось отъ Московской заставы и продолжалось четыре часа во время проливного дождя. За колесницею ѣхалъ верхомъ императоръ Николай со свитою. 17-го (29-го) августа тѣло было предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ кончины цесаревича Константина Павловича явился указъ отъ 29-го августа 1831 года, въ которомъ сказано:

«На основаніи закона, постановленнаго въ учрежденіи объ императорской фамиліи, повелѣваемъ: любезнѣйшаго сына нашего, наслѣдника всероссійскаго престола, его императорское высочество великаго князя Александра Николаевича, отнынѣ впредь именовать во всѣхъ случаяхъ государемъ наслѣдникомъ, цесаревичемъ и великимъ княземъ».

Княгиня Ловичъ поселилась въ Царскомъ Селѣ. По разсказу генералъ-адъютанта Бенкендорфа, «болѣзненная, печальная, убитая судьбою, неумолчно оплакивавшая того, который возвелъ ее на степень невѣстки царской и не переставалъ до конца своихъ дней питать къ ней самую нѣжную привязанность и дружбу, она не хотѣла никого видѣть и заключилась въ своей скорби. Только для меня сдѣлано было исключеніе, такъ какъ въ послѣднее время я состоялъ въ постоянной перепискѣ съ цесаревичемъ и притомъ жилъ въ одномъ изъ флигелей того дворца, который она занимала. Я нашелъ, что умъ и сердце ея сохранили всю прежнюю теплоту и живость; но постигшій ее ударъ и несчастіе горячо любимой ею отчизны сильно подѣйствовали на ея нервы и разстроили воображеніе. Она съ жаромъ заступалась за образъ дѣйствія своего покойнаго супруга и старалась, если не оправдать, то, по крайней мѣрѣ, ослабить безразсудство и неблагодарность своихъ соотечественниковъ. Вся ея бесѣда свидѣтельствовала о сильномъ волненіи, въ конецъ разрушавшемъ остатокъ жизненныхъ силъ, уже истощенныхъ слабымъ сложеніемъ. Вскорѣ княгиня пала жертвой нервическаго недуга».

Между тѣмъ, польскій мятежъ все болѣе приближался къ окончательной кровавой развязкѣ. 4-го (16-го) іюля русская армія начала переправляться на лѣвый берегъ Вислы у Осьека близъ прусской границы; а затѣмъ продолжала медленно и осторожно наступать къ Варшавѣ. Наконецъ, двухдневный штурмъ 25-го и 26-го августа (6-го и 7-го сентября) рѣшилъ участь польской столицы; остатки мятежной арміи очистили городъ и Прагу, отступивъ къ Модлину. Гвардія, подъ личнымъ предводительствомъ великаго князя Михаила Павловича, вступила 27-го августа (8-го сентября) въ покоренную Варшаву, черезъ Іерусалимскую заставу; къ вечеру графъ Паскевичъ переѣхалъ въ Бельведерскій дворецъ.

«Варшава у ногъ вашего императорскаго величества», доносили фельдмаршалъ Паскевичъ императору Николаю. Посланный съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ, флигель-адъютантъ ротмистръ князь Суворовъ, внукъ генералиссимуса, прибылъ въ Царское Село 4-го (16-го) сентября. За два дня до того государь получилъ отъ фельдмаршала диспозицію для предстоявшаго штурма Варшавы; легко представить себѣ, въ какомъ безпокойствѣ провелъ Николай Павловичъ эти двое сутокъ въ ожиданіи рѣшительнаго извѣстія. Все русское общество въ Петербургѣ и въ Москвѣ находилось съ нѣкотораго времени въ подобномъ же тревожномъ ожиданіи грядущихъ событій. Наконецъ, рождельный курьеръ прибылъ. Окружавшая Царское Село цѣпь остановила Суворова. Государь самъ къ нему выѣхалъ и привезъ его, торжествуя, во дворецъ.

«Какъ всегда, первымъ движеніемъ великаго нашего монарха было возблагодарить Бога. Въ нѣсколько минутъ дворецъ наполнился людьми, и всѣ были въ себя отъ радости»,—пишетъ Бенкендорфъ.

По словамъ государя, «восторгъ Петербурга описать нельзя, только что съ ума не сходятъ, что будетъ въ Москвѣ».

Императоръ Николай осчастливилъ своего побѣдоноснаго фельдмаршала слѣдующими милостивыми строками:

«Слава и благодареніе всемогущему и всемилосердному Богу! Слава тебѣ, мой старый отецъ командиръ, слава геройской нашей арміи! Какъ мнѣ выразить тебѣ то чувство безпокойства, которое вселило во мнѣ письмо твое отъ 24-го числа, все, что происходило во мнѣ тѣ три безконечные дни, въ которые между страха и надежды ожидалъ роковой вѣсти, и наконецъ то счастье, то неизъяснимое чувство, съ коимъ обнялъ я твоего вѣстника.

«Ты съ помощью Бога всемилосерднаго поднялъ вновь блескъ и славу нашего оружія, ты наказалъ вѣроломныхъ измѣнниковъ, ты отмстилъ за Россію, ты покорилъ Варшаву — отнынѣ ты свѣтлѣйшій князь Варшавскій! Пусть потомство воспоминаетъ, что съ твоимъ именемъ неразлучна была честь и слава россійскаго воинства, а имя твое да сохранить каждому память дня, вновь прославившаго имя русское. Вотъ искреннее изреченіе благодарнаго сердца твоего государя, твоего друга, твоего старого подчиненнаго. Ахъ! зачѣмъ я не летѣлъ за тобой попрежнему въ рядахъ тѣхъ, кои мстили за честь Россіи; больно носить мундиръ и въ таковыя дни быть приковану къ столу, подобно мнѣ, несчастному»⁴⁵².

Паденіе Варшавы не положило сразу конецъ кровопролитію въ Польшѣ. Война продолжалась еще нѣкоторое время, но не долго.

Ромарино съ 14.000 человекъ при 42 орудіяхъ перешелъ въ Галицію и 5-го (17-го) сентября сдался австрійцамъ; вмѣстѣ съ нимъ удалился изъ Польши князь Адамъ Чарторижскій, который, предуга-

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

дывая печальную судьбу, ожидавшую его въ Россіи, воспользовался случаемъ безпрепятственно выйти изъ сферы русскаго вліянія ⁴⁵³.

Занятіе генераломъ Ридигеромъ вольнаго города Кракова побудило Ружницкаго также искать спасенія на австрійской территоріи. Главныя силы польской арміи, удалившіяся къ Модлину, кончили тѣмъ, что 23-го сентября (5-го октября) подъ начальствомъ новаго главнокомандующаго Рыбинскаго перешли въ Пруссію въ числѣ 21.000 человекъ при 95 орудіяхъ. При польскихъ войскахъ, удалившихся изъ Варшавы, находилось и новое мятежное правительство, съ Бонавентурой Немоевскимъ во главѣ. Модлинъ съ 6.000-мъ гарнизономъ сдался 26-го сентября (8-го октября), а въ заключеніе Замостье съ 4.000-мъ гарнизономъ 9-го (21-го) октября 1831 года. Польскій мятежъ кончился; но для Россіи вождѣнный миръ сопровождался новымъ зломъ: въ Европѣ появилась польская эмиграція. Десятки тысячъ человекъ разсѣялись по всему міру, утративъ отечество; интересы ихъ и испытанныя невзгоды требовали выставлять себя и Польшу жертвами тиранства и гоненій; они понесли свою ненависть и вопль противъ Россіи въ Парижъ, Лондонъ, Бельгію и Америку. Образовавшейся тогда эмиграціи обязаны мы были съ 1831 года враждебнымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ къ русскому правительству, выражавшимся при каждомъ удобномъ случаѣ и словомъ и дѣломъ.

Въ Петербургѣ побѣдоносное окончаніе польско-русской войны отпраздновали 6-го (18-го) октября торжественнымъ парадомъ и молебствіемъ на Марсовомъ полѣ.

«Помолившись сегодня утромъ Богу и воздавъ Ему за благодѣянія Его,—писалъ государь князю Варшавскому,—обращаюсь вторично къ тебѣ, мой любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, какъ виновнику сегодняшняго торжества, именемъ монмъ и отъ лица благодарнаго отечества: спасибо, отъ глубины души спасибо! Смотръ и вся церемонія были прекрасны; войска было 19.000 при 84 орудіяхъ, погода прекрасная и видъ чрезвычайный». вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай обрадовалъ князя Варшавскаго новою милостію: сынъ фельдмаршала удостоился производства въ прапорщики. «Поздравляю тебя съ прапорщикомъ имени твоего полка, княземъ Ѳеодоромъ Варшавскимъ; желаю, чтобъ онъ шелъ по стопамъ отца и былъ достойный ему во всемъ наслѣдникъ».

Глубоко растроганный неожиданною царскою милостію фельдмаршалъ отвѣчалъ государю:

«Еще одна милость изліяна вашимъ императорскимъ величествомъ на меня пожалованіемъ моего сына въ офицеры. Увеличенныя благодѣянія ваши налагаютъ на меня обязанность приложить стараніе заслужить оныя, но вашимъ милостямъ нѣтъ конца, и силы мои къ службѣ вашей, государь, у ногъ вашихъ, чтобы заслужить оныя» ⁴⁵⁴.

НА ПОБѢДЫ РУССКИХЪ въ Польшѣ.

Возмнилъ Ляхъ буйный, вѣроломный
Измѣной Россовъ устрашишь:
Скрывая въ сердцѣ духъ къ нимъ злобный,
Мечпалъ, ихъ кровью мечъ оспришь.
Но кто сражалъ сыновъ Беллоны?
Кто Россовъ удержалъ полеть!
Что нѣтъ ихъ мужеству препоны,
Тому свидѣтель цѣлый свѣтъ.
И въ полѣ, и въ окопахъ, равныхъ
Себѣ не встрѣпилъ храбрый Россъ!
Съ времянь непамятныхъ и давныхъ,
Среди побѣдъ, гигантъ возросъ.
Когда сыны Героевъ — Славы,
Кѣмъ, гдѣ они побѣждены?
Основы Россіи Державы
Мечами ихъ утверждены

И ежели ихъ силы рапны,
Могла судьба ошановитъ,
Умѣли груди ихъ булапны
Гранипны стѣны проломитъ.
И Сѣну и Дунай смирили,
И Альпы и Кавказъ прещали;
Являлись гдѣ, — все покорили,
И въ храмъ безсмертія вошли.

Д. Рунигъ.

С. Петербургъ.
13 Сентября 1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

18 Сентября 1831.

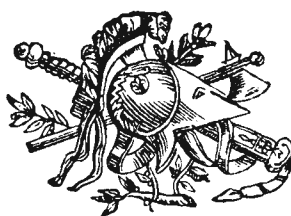
Цензоръ В. Семеновъ.

Санктпетербургъ. Въ Типографіи Н. Греча.

НА ПОБѢДЫ КНЯЗЯ ВАРШАВСКАГО.

Отъ Эривана до Варшавы
Побѣдъ твоихъ промчался слухъ,
И что попомки Росской славы.
Съ побой, явили предковъ духъ!
Не лавры ихъ, сей слухъ докажетъ,
Побѣды, храбрость, ихъ удѣлъ:
И штурмъ Варшавскій лишь покажетъ,
Что мужеству ихъ — смерть предѣлъ.

Д. Рунигъ.

С. Петербургъ
13 Сентября 1831.

КЪ ПОРТРЕТУ
КНЯЗЯ ВАРШАВСКАГО
ГРАФА
ПАСКЕВИЧА – ЭРИВАНСКАГО.

Гнѣздо предательства, измѣны,
Онъ въ основаньи разгромилъ;
Чтожъ въ духѣ Русскихъ нѣшъ премѣны,
Варшавскимъ шпурмомъ подтвердилъ!

Д. Рунинъ.

С. Петербургъ
6 Сентября 1831.

ФАКСИМИЛЕ ТРЕХЪ ПЕЧАТНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ Д. П. РУНИЧА.

Посѣщеніе императоромъ Николаемъ генералъ-адъютанта Сухозанета,
потерявшаго ногу при штурмѣ Варшавы въ 1831 году.

(Съ литографіи Корна).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На это письмо императоръ Николай отвѣчалъ безцѣнными для фельд-маршала строками, ярко освѣщающими отношенія, окончательно установившіяся, послѣ взятія Варшавы, между государемъ и его другомъ, отцомъ-командиромъ.

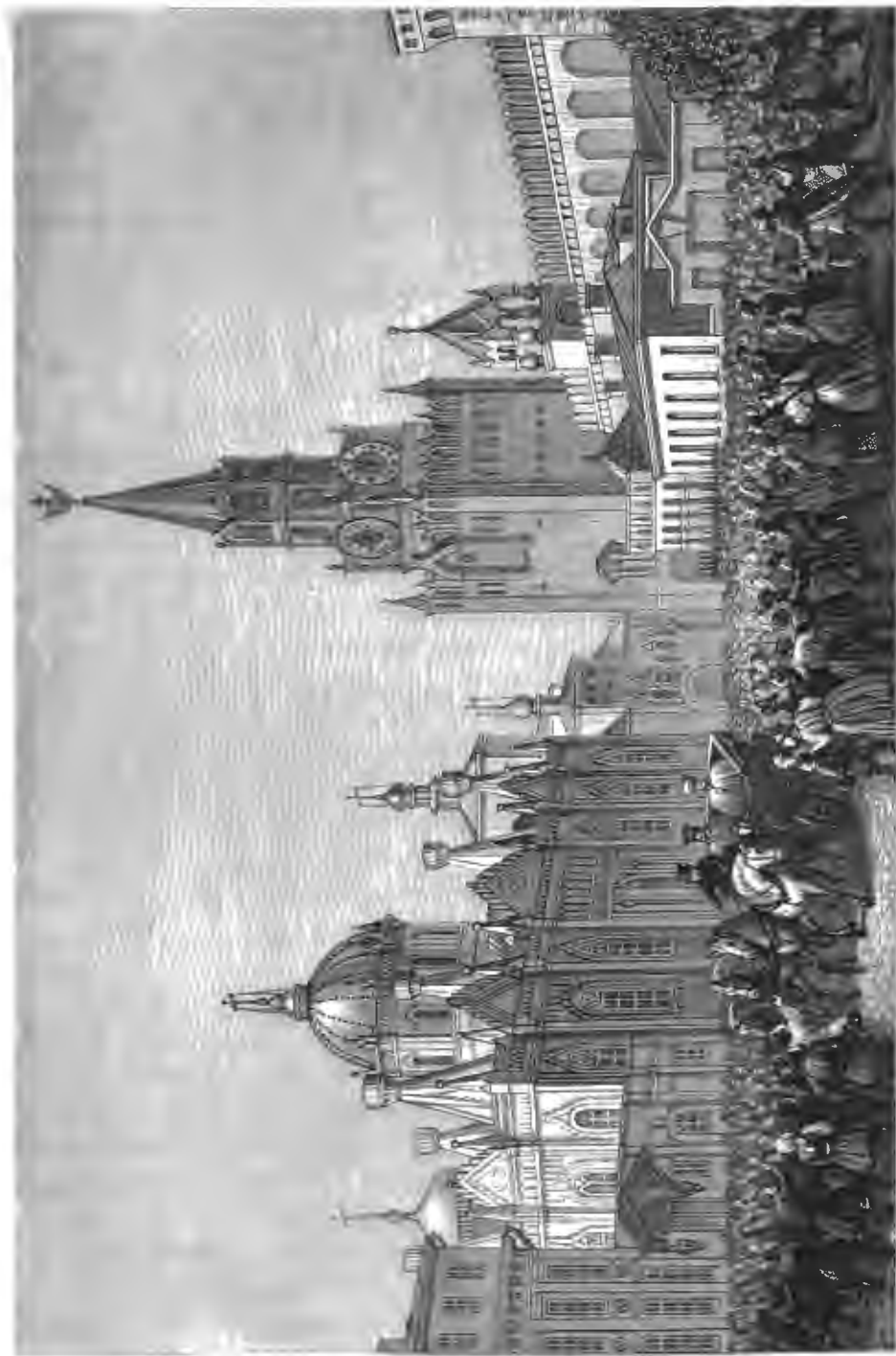
«Я радуюсь,—писалъ государь,—ежели назначеніемъ сына могъ тебѣ принести удовольствіе; но знай, что и твои заслуги выше моихъ наградъ, ежели мнѣ по моимъ чувствамъ судить. Наружные знаки милостей для людей; но то сердечное чувство благодарности, которое въ моемъ сердцѣ, оно для твоей души, которая мою понимаетъ; стало, ежели ты вѣришь моей благодарности, моей искренней любви, дружбѣ и довѣренности, то я доволенъ» ⁴⁵⁵.

Въ день петербургскаго мирнаго торжества обнародованъ былъ манифестъ, въ которомъ объявлялось, что возведенная измѣной война прекратилась; вмѣстѣ съ тѣмъ государь коснулся въ немъ и будущей своей политической программы по отношенію къ побѣжденной Польшѣ.

«Россіяне! съ помощію Небеснаго Промысла мы довершимъ начатое нашими храбрыми войсками,—читаемъ мы въ заключительныхъ словахъ манифеста.—Время и попеченія наши истребятъ сѣмена несогласій, столь долго волновавшихъ два соплеменные народа. Въ возвращенныхъ Россіи подданныхъ нашихъ царства Польскаго вы также будете видѣть лишь членовъ единого съ вами великаго семейства. Не грозою мщенія, а примѣромъ вѣрности, великодушія, забвенія обидъ, вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ нами мѣръ, тѣснѣйшему, твердому соединенію сего края съ прочими областями имперіи, и сей государственный неразрывный союзъ къ утѣшенію нашему, ко славѣ Россіи, да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному монарху, однихъ нераздѣльныхъ потребностей и пользъ и общаго никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастья» ⁴⁵⁶.

На молебствіе 6-го октября были также приглашены представители дипломатическаго корпуса. Французскій полномочный министръ, баронъ Бургоэнъ, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ императору Николаю людей сказалъ: «Что скажетъ Франція, если въ моемъ лицѣ ея цвѣта появятся на предстоящемъ торжествѣ? Я не въ правѣ поступать такъ, и сердце мое возмущается при этой мысли». Послѣ приведенныхъ здѣсь словъ французскаго дипломата неудивительно, что онъ не присутствовалъ на молебствіи, чѣмъ очень опечалилъ государя, осыпавшаго его нѣкогда знаками своего вниманія.

Въ Варшавѣ молебствіе и парадъ по случаю окончанія польской войны происходили 4-го (16-го) октября. Торжество имѣло мѣсто на равнинѣ между Іерусалимскою и Вольскою заставами; парадомъ командовалъ великій князь Михайлъ Павловичъ. По окончаніи молебствія его

Въѣздъ императора Николая въ Москву во время холеры 1831 года.
(Оъ гравюры того времени).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

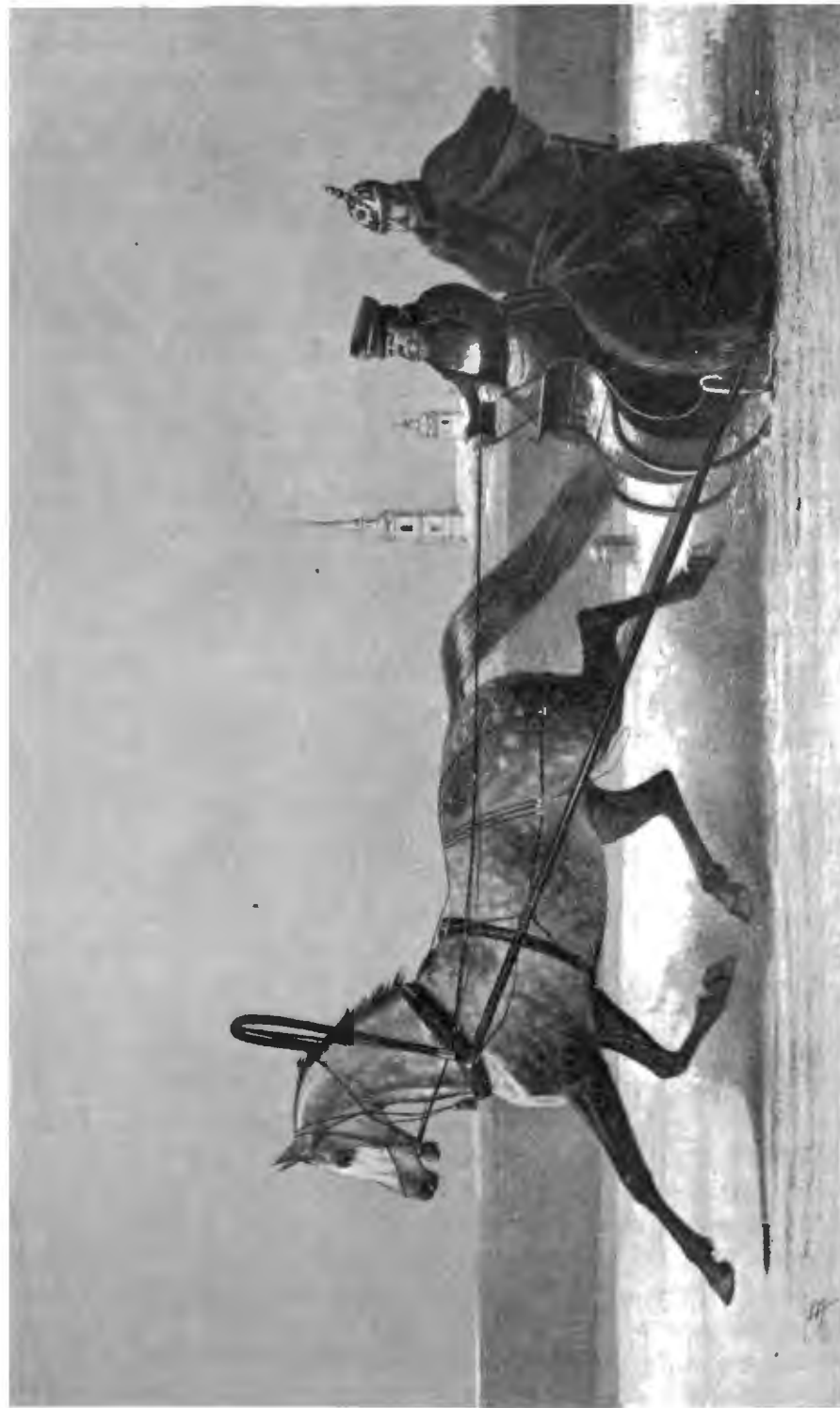
высочество неожиданно, приказавъ войскамъ взять на караулъ, отдать честь князю Варшавскому и, подъѣхавъ къ фельдмаршалу, опустил шпагу предъ представителемъ русской военной славы. Шумное и долго неумолкавшее «ура» раздалось въ рядахъ войска. «Въ минуту этого пѣтческаго состоянія каждаго изъ находившихся на парадѣ всѣ были поражены новымъ зрѣлищемъ,—нипетъ очевидецъ этого торжества,—фельдмаршалу угодно было приказать войскамъ взять на караулъ, чтобъ отблагодарить его высочество, и только что его свѣтлость, подъѣхавъ къ его высочеству, снялъ шляпу, безъ всякаго предварительнаго приказанія вновь разлилось по войску «ура» — непрерывное, безконечное; восторгъ былъ всеобщій»⁴⁵⁷.

За границею извѣстіе о взятіи Варшавы, какъ и слѣдовало ожидать, не было принято сочувственно. «Въ Парижѣ бѣсились нѣсколько дней сряду,—писалъ императоръ Николай,—и насъ ругали до крайности; но все это очень хорошо, ибо доказываетъ яено, что они заодно стояли, и что сей ударъ, *par contre-coup*, имъ отдался сильно. Въ Англіи напротивъ приняли сіе, какъ должно и благородно»⁴⁵⁸.

Государь остался также недоволенъ австрійскимъ правительствомъ, когда, между прочимъ, явились затрудненія при выдачѣ нижнихъ чиновъ корпуса Ромарино. Объ этомъ свидѣлствуютъ слѣдующія строки письма императора Николая къ князю Варшавскому: «Затѣи австрійцевъ подлы и двуличность гнусна, но не время съ ними ссориться, а ты весьма умно и хорошо поступилъ, велѣвъ объявить нижнимъ чинамъ, что могутъ возвратиться; оно не только не противно, но даже совершенно согласно съ моими намѣреніями, тебѣ извѣстными. Поведеніе нашихъ сосѣдей тѣмъ неблагоразумнѣе, что не даетъ имъ права въ тяжелое для нихъ время просить нашей помощи; и я вѣрно не пролью капли драгоцѣнной русской крови за ихъ дѣло, ежели они произвольно нарушать станутъ трактаты, а для насъ однихъ считать ихъ будутъ святыми. Предвижу имъ всѣмъ плохой конецъ съ подобной политикой. Тѣмъ нужнѣе намъ скорѣе кончить и упрочить наше дѣло»⁴⁵⁹.

Основной взглядъ императора Николая на польскія дѣла, выработавшійся послѣ братоубійственной войны 1831 года и опредѣлившій собою послѣдующую судьбу Польши, выразился въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ государемъ въ разговорѣ съ барономъ Бургоэномъ:

«Да, я знаю, Европа несправедлива въ отношеніи меня. Обоихъ насъ, моего брата Александра и меня, подвергаютъ отвѣтственности за то, чего мы оба не дѣлали. Не намъ принадлежитъ мысль о раздѣлѣ Польши: это событіе уже стоило Европѣ многихъ хлопотъ, пролило много крови и можетъ пролить еще; но не насъ слѣдуетъ упрекать въ томъ. Мы должны были принять дѣла такими, какими ихъ передали намъ. Я имѣю обязанности, какъ императоръ россійскій. Я долженъ

Императоръ Николай въ саняхъ на набережной Невы.
(Оъ рисунка Тимма, сдѣланнаго съ картины Оверкова).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

остерегаться повторенія тѣхъ ошибокъ, которыя породили нынѣшнюю кровопролитную войну. Между поляками и мною можетъ существовать лишь полнѣйшая недовѣрчивость (*méfiance absolue*). Привожу доказательства: покойный братъ мой осыпалъ благодѣяніями королевство Польское, а я свято уважалъ все, имъ сдѣланное. Что была Польша, когда Наполеонъ и французы пришли туда въ 1807 году? Песчаная и грязная пустыня. Мы провели здѣсь превосходные пути сообщенія, вырыли каналы въ главныхъ направленіяхъ. Промышленности не существовало въ этой странѣ; мы основали суконныя фабрики, развили разработку желѣзной руды, учредили заводы для ископаемыхъ произведеній, которыми изобилуетъ страна, дали обширное развитіе этой важной отрасли народнаго богатства. Я расширилъ и украсилъ столицу; существенное преимущество, данное мною польской промышленности для сбыта ея новыхъ продуктовъ, возбудило даже зависть въ моихъ другихъ подданныхъ. Я открылъ подданнымъ королевства рынки имперіи; они могли отправлять свои произведенія далеко, до крайнихъ азіатскихъ предѣловъ Россіи. Русская торговля высказалась даже по этому поводу, что всѣ новыя льготы дарованы были моимъ младшимъ сыновьямъ въ ущербъ старшихъ сыновей. Вы отвѣтите, что это только матеріальныя благодѣянія, и что въ сердцахъ таятся другія чувства, кромѣ стремленій къ выгодамъ. Очень хорошо! Посмотримъ, не сдѣлали ли мы, мой братъ и я, всего возможнаго, чтобы польстить душевнымъ чувствамъ, воспоминаніямъ объ отечествѣ, о національности и даже либеральному чувству. Императоръ Александръ возстановилъ названіе королевства Польскаго, на что не рѣшался даже Наполеонъ. Братъ мой оставилъ за поляками народное обученіе на ихъ національномъ языкѣ, ихъ кокарду, ихъ прежніе королевскіе ордена, Бѣлаго Орла, святого Станислава и даже тотъ военный орденъ, который они носили въ память войнъ, веденныхъ съ вами и противъ насъ. Они имѣли армію, совершенно отдѣльную отъ нашей, одѣтую въ національные цвѣта. Мы надѣлили ихъ оружейными заводами и пушечными литейнями. Мы дали имъ не только то, что удовлетворяетъ всѣмъ интересамъ, но и что льститъ страстямъ законной гордости: они нисколько не оцѣнили всѣхъ этихъ благодѣяній. Оставить имъ все, что было даровано, значило бы не признать опыта. Мои-то дары они и обратили противъ своего благодѣтеля. Прекрасная армія, такъ хорошо обученная братомъ моимъ Константиномъ, снабженная вдоволь всѣми необходимыми предметами, вся эта армія возстала; литейни, оружейные заводы, арсеналы, мною же столь щедро наполненные, послужили ей для того, чтобы воевать со мною. Я въ правѣ принять предосторожности, чтобы предупредить повтореніе случившагося. Углубимся, какъ говорятъ, въ самую суть вопроса. Что такое поляки? Народъ, разбросанный по обширной терри-

торіи, которая принадлежитъ тремъ различнымъ державамъ. Развѣ я въ правѣ вернуться къ раздѣлу, такъ давно исполненному тремя различными державами? Всѣ сторонники поляковъ разглагольствуютъ объ этомъ надосугѣ. Они забываютъ, что я російскій императоръ, что я долженъ принимать во вниманіе не только выгоды, но и страсти моихъ русскихъ подданныхъ и сочувствовать ихъ страстямъ въ томъ, что онѣ имѣютъ въ себѣ справедливаго. Гдѣ же я возьму составныя начала Польши, возстановляемой въ воображеніи? Имѣютъ ли въ виду раздѣлъ 1792 года, или мечтаютъ о возстановленіи всей Польши, какъ она существовала до перваго раздѣла? Но вѣдь ни Австрія, ни Пруссія; ни мои русскіе подданные не позволили бы мнѣ этого. Вы видите, что нѣтъ возможности вернуться къ прошедшему. Могу утверждать съ полною искренностью, мы осыпали поляковъ всякаго рода благодѣяніями; могу сказать ихъ самымъ восторженнымъ сторонникамъ: найдите мнѣ, въ какое угодно время, подъ русскимъ ли владычествомъ, въ эпоху ли герцогства Варшавскаго, въ пору ли буйнаго избирательнаго королевскаго правленія, Польшу, болѣе богатую, лучше устроенную, съ болѣе превосходною арміею, съ болѣе цвѣтущими финансами, съ болѣе развитою промышленностію передъ Польшею въ царствованіе императора Александра и мое. Поляки не оцѣнили всѣхъ этихъ преимуществъ; довѣріе навсегда разрушено между ими и мною. (*La confiance est à jamais détruite entre eux et moi*)».

Всѣ доводы императора Николая не поколебали, однако, убѣжденій барона Бургоэна, который продолжалъ настаивать на необходимости возстановить въ Польшѣ, хотя отчасти, тотъ порядокъ вещей, который существовалъ до мятежа, находя, что поляковъ скорѣе можно образумить милосердіемъ, нежели строгостію. Государь возразилъ, въ свою очередь, дипломату, что никогда не позволитъ себѣ этого (*je m'en garderai bien*). Впрочемъ, въ семь роковомъ вопросѣ баронъ Бургоэнъ былъ не одинокимъ проповѣдникомъ политики милосердія и всепрощенія. Парротъ, опальный другъ императора Александра, также заступился за поляковъ и писалъ въ 1831 году его преемнику:

«Прежде чѣмъ написать вамъ эти строки, я палъ ницъ передъ Богомъ. Я просилъ его очистить мое сердце отъ всякой слабости, а мой умъ—отъ всякаго предубѣжденія. Я умолялъ Его осѣнить меня, чтобы подать вамъ совѣтъ. Почтите, государь, эту мольбу безкорыстнаго старца, который имѣетъ въ виду лишь васъ, ваши истинные интересы, вашу славу. Я вопрошалъ свое сердце, соразмѣрялъ настоящее и будущее, и вся моя душа взываетъ къ вамъ: милосердіе! милосердіе! Конфисковать имѣнія мятежниковъ—это значитъ обогащаться гнуснымъ способомъ. Желать отомстить русскую пролившуюся кровь—заблужденіе. Казня живыхъ, нельзя воскресить мертвыхъ. Мечь—проявленіе страстей. Про-

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

щать—это сѣять братство среди людей, предотвратить месть въ какой либо критическій моментъ. А кто поручится вамъ, государь, что критическій моментъ не наступитъ для васъ? или для вашего дорогого сына? Развѣ у васъ, государь, нѣтъ какого либо грѣха, который нужно было бы искупить? И вотъ милосердіе въ отношеніи Польши искупитъ ихъ всѣ» ⁴⁶⁰.

Наконецъ, независимо отъ краснорѣчивыхъ изліяній несправимаго александровскаго идеалиста, даже среди русскаго общества, несмотря на патріотическія увлеченія минуты, раздавались голоса въ пользу примирительной политики. Князь П. А. Вяземскій въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ: «Что дѣлается въ Петербургѣ послѣ взятія Варшавы? Именемъ Бога (если Онъ есть) и человѣчности (если она есть) умоляю васъ, распространяйте чувства прощенія, великодушія и состраданія. Миръ жертвамъ! Право сильнаго восторжествовало. Такимъ образомъ, Провидѣніе удовлетворено. Да будетъ Оно прославлено, равно какъ и тѣ, кому сіе надлежитъ; но не будемъ подражать дикарямъ, съ пѣснями пляшущимъ вокругъ костровъ, на которые положены ихъ плѣнники. Будемъ снова европейцами» ⁴⁶¹.

Тѣмъ не менѣе идеи строгости и возмездія одержали верхъ. Императоръ остался вѣренъ мысли, высказанной имъ еще до усмиренія польскаго мятежа, что «если вопросъ рѣшится оружіемъ, тогда между нами будетъ лишь полнѣйшее недовѣріе (*la méfiance la plus absolue*)».

V.

Государь, раздѣлившій съ Москвою въ 1830 году холерное бѣдствіе, пожелалъ теперь побывать снова въ своей древней столицѣ, когда послѣ усмиренія польскаго мятежа воцарились опять въ землѣ Русской миръ и спокойствіе. 11-го (23-го) октября императоръ Николай прибылъ въ Москву; черезъ три дня пріѣхала туда императрица Александра Ѳеодоровна, а 28-го октября (9-го ноября) — наслѣдникъ цесаревичъ.

«Ты удивишься, любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, когда узнаешь мой внезапный отъѣздъ съ женой сюда; но я считалъ его полезнымъ для того, чтобъ удостовѣриться самому о духѣ Москвы и дать оному нужное мнѣ направленіе», писалъ императоръ Николай князю Варшавскому 15-го (27-го) октября 1831 года. По пріѣздѣ же въ Москву государь писалъ: «Сказать восторгъ жителей Москвы невозможно, надо самому это видѣть; день былъ прелестный, и народу было столько, что сверху страшно было смотрѣть. Замѣчательно, что ключи Модлина ко мнѣ доставлены наканунѣ молебствія; ключи Замостья здѣсь — наканунѣ

Б И Л Е Т Ъ

Отъ Начальника Вышневолоцкаго Карантина.

№ 2064.

Объявитель сего *Действительнаго Статскаго Со-
ветника Буткова дворянина Гельмгольца Петра Кареевича*
въ Вышневолоцкомъ Карантинѣ выдержалъ определенной
14-ти дневный терминъ и выпущенъ изъ Карантина 29-
числа *Сентября* мѣсяца 1831- года въ благополучномъ
состояніи.

Генералъ-Маіоръ *Александръ 2*

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

же молебствія. Великъ Богъ русскій, десница Его видна вездѣ и во всемъ, Онъ любитъ Россію» ⁴⁶².

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ по поводу пребыванія государя въ Москвѣ, что площадь передъ дворцомъ съ утра до ночи кипѣла народомъ, надѣявшимся увидѣть кого нибудь изъ членовъ импера-

Императрица Александра Теодоровна.

(Оъ литографіи Гольдбаха, сдѣланной съ портрета Разумихина).

торской фамиліи въ окошко. «При ихъ выѣздахъ толпа бѣжала имъ навстрѣчу и сопровождала радостными криками ихъ экипажи. Государь, посѣщая съ обычною своею дѣятельностью общественныя заведенія, работалъ между тѣмъ неусыпно надъ преобразованіемъ управленія царства Польскаго и надъ сліяніемъ западныхъ нашихъ губерній, въ от-

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ношеніи къ ихъ законамъ и обычаямъ, съ великороссійскими. Дано было новое направленіе Виленскому университету и другимъ мѣстнымъ училищамъ введеніемъ въ нихъ преподаванія русскаго языка, какъ основы всего ученія. Бездомное и вѣчно безпокойное сословіе шляхты было отдѣлено въ правахъ и привилегіяхъ своихъ отъ истиннаго дворянства и обращено въ нѣчто среднее между помѣщикомъ и землевладѣльцемъ. Наконецъ, присутственныя мѣста и должностныя лица, вмѣсто прежнихъ польскихъ своихъ названій, получили тѣ же, какъ и въ Россіи. Въ это пребываніе двора въ Москвѣ привезли туда всѣ знамена и штандарты бывшей польской арміи, и государь приказалъ поставить ихъ въ Оружейную палату, въ числѣ трофеевъ, скопленныхъ тутъ вѣками⁴⁶³. Тамъ же, на полу, у подножья императора Александра, была положена и хартія, нѣкогда имъ пожалованная царству Польскому»⁴⁶⁴.

По этому поводу императоръ Николай писалъ князю Варшавскому изъ Москвы: «Спасибо за *charte constitutionnelle* и за знамена; все здѣсь храниться будетъ въ Оружейной палатѣ, какъ памятникъ великодушія нашего Александра I-го и польской благодарности, равно какъ твоей славы и храбраго нашего войска»⁴⁶⁵.

Затѣмъ въ позднѣйшемъ письмѣ къ фельдмаршалу государь посвятилъ тому же предмету еще нѣсколько строкъ: «Я получилъ ковчегъ съ покойницею конституціей, за которую благодарю весьма; она изволитъ покоемъ здѣсь въ Оружейной палатѣ»⁴⁶⁶.

Относительно генераловъ бывшей польской арміи императоръ Николай распорядился не очень милостиво.

Сначала казалось, что правительство откажется отъ респрессивныхъ мѣръ относительно генераловъ мятежной арміи. Дѣйствительно, 10-го (22-го) сентября, графъ Чернышевъ писалъ князю Варшавскому, что государь повелѣваетъ, чтобы всѣ польскіе генералы, пользовавшіеся этимъ званіемъ въ арміи до революціи, отправлены были въ Москву и тамъ ожидали бы полученія дальнѣйшихъ приказаній его величества. Чернышевъ прибавилъ, что государь не желаетъ, чтобы господа эти, направляясь въ Москву, были арестованы, но только сопровождаемы (*elle désire que ces messieurs se dirigent sur Moscou sans être arrêtés, mais accompagnés*); напротивъ того, писалъ Чернышевъ, государь желаетъ, чтобы генералы эти знали, что, требуя ихъ въ Москву, онъ не намѣревается принять противъ нихъ карательныя мѣры; они должны остаться въ Москвѣ, пока Польша не будетъ вновь организована, и тогда, какъ полагалъ Чернышевъ, государь намѣревается ихъ видѣть и дозволить имъ возвратиться (*il ne faut pas qu'ils croient que l'empereur a l'intention de sévir contre eux, ou qu'il leur arrive autre chose que de séjourner à Moscou jusqu'à ce que la Pologne se réorganise*).

Но вскорѣ снисходительное настроеніе государя измѣнилось, и уже 1-го (13-го) октября государь писалъ князю Варшавскому изъ Царскаго Села: «Польскихъ генераловъ ни въ какомъ случаѣ я не полагаю оставить въ Москвѣ, но разошлю врозь по губернскимъ городамъ и подалѣе». Затѣмъ, по приѣздѣ въ Москву, государь писалъ въ разное время: «Польскіе генералы валяютъ сюда ежедневно и спроваживаются не медля въ Ярославль и Вологду». «Подвозъ поляковъ съ недѣлю какъ приостановился было, какъ вдругъ сегодня привезены трое, въ томъ числѣ и его милость Крюковецкій. Какъ имъ будетъ весело любоваться другъ на друга! Я ихъ прибралъ по мастямъ, такъ что всѣ наслѣдники главнокомандованія обрѣтаться будутъ въ Ярославль, а прочая вся сволочь въ Вологдѣ» ⁴⁶⁷.

Разрѣшеніе возвратиться въ Польшу дано было весьма немногимъ избраннымъ лицамъ, сумѣвшимъ внушить къ себѣ довѣріе правительства.

Императоръ Николай воспользовался своимъ пребываніемъ въ Москвѣ, чтобы съѣздить въ Ярославль. Въ этой поѣздкѣ сопровождалъ государя генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, который въ своихъ запискахъ сообщаетъ: «На пути въ Ярославль мы ночью посѣтили Троице-Сергіевскую лавру. Архимандритъ съ братією встрѣтили насъ у святыхъ воротъ съ зажженными свѣчами. Несмотря на 12 градусовъ мороза, государь пошелъ съ непокрытою головою черезъ дворъ и коридоры въ ту древнюю и великолѣпно украшенную церковь, гдѣ нѣкогда, въ польскую осаду, иноки, ослабленные трудами защиты, голодомъ и ранами, собрались въ ожиданіи конечнаго штурма и неминуемой смерти для причащенія въ послѣдній разъ св. тайнъ, а вмѣсто того послѣдовало неожиданное отступленіе непріятеля. Воспоминанія этой сцены, древность зданія, посвященнаго молитвѣ, окружавшій насъ мракъ, разсѣиваемый лишь свѣтомъ свѣчей, едва достаточнымъ, чтобы видѣть золото и драгоценные камни на иконахъ, — все это вмѣстѣ произвело во мнѣ глубокое и благоговѣйное умиленіе. Монахи проводили государя обратно до его саней, и, поѣхавъ далѣе, мы около обѣда прибыли въ Ростовъ, гдѣ все народонаселеніе высыпало передъ соборомъ. Помолившись въ немъ, государь остановился въ отведенномъ для него домѣ одного изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ купцовъ, отъ котораго послѣ разспросовъ о торговлѣ этого города принялъ и обѣдъ, поданный съ привычнымъ русскимъ хлѣбосольствомъ. Вечеромъ мы пріѣхали въ Ярославль, коего улицы были усыяны народомъ и дома ярко освѣщены. Общій восторгъ выразился здѣсь еще явственнѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Государь уже давно находился въ своихъ комнатахъ, а крики все не умолкали, возобновляясь иногда съ большею еще силою. Пришлось наконецъ выслать сказать, что государь усталъ отъ дороги и хочетъ спать; только тогда толпа

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

разошлась, но съ ранняго утра она снова уже стояла подъ его окнами. Государь посѣтилъ соборъ и общественныя заведенія, въ томъ числѣ и Демидовскій лицей, этотъ благородный памятникъ щедрости русскаго вельможи. Украшеніе города, нивелировка волжской набережной, фабрики шелковыхъ и льняныхъ издѣлій и прекрасный Спасскій монастырь обратили на себя его особенное вниманіе. Дворянство дало для него балъ въ своемъ общественномъ домѣ, въ которомъ помѣщается приказъ общественнаго призрѣнія и училище для неимущихъ дѣтей обоюго пола. Осмотрѣвъ все и отдавъ соотвѣтственныя нуждамъ и потребностямъ приказанія, государь возвратился въ Москву, гдѣ пробылъ до 25-го ноября (7-го декабря). Большіе концерты въ дворянскомъ собраніи и вечера у императрицы и у военнаго генералъ-губернатора дали высшей публикѣ возможность насладиться высочайшимъ лицезрѣніемъ, и ихъ величества восхитили всѣхъ своимъ благодушіемъ и свойственною имъ привѣтливостью, передъ которой исчезали принужденность этикета и различіе сана».

Пребываніе государя въ Москвѣ ознаменовалось встрѣчею съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ. Она не прошла безслѣдно.

Императоръ Николай, какъ уже выше упомянуто, питалъ глубокое, можно сказать, непреодолимое недовѣріе и нерасположеніе къ бывшему проконсулу Грузіи; эти чувства продолжали существовать и въ 1831 году, хотя со времени невольной отставки Ермолова прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ. Настроеніе государя вполне отразилось въ перепискѣ его съ княземъ Варшавскимъ. 15-го (27-го) октября императоръ Николай писалъ отцу-командиру: «Здѣсь нашелъ я Ермолова, онъ былъ у меня, ужасно постарѣлъ, растолстѣлъ и обрюзгъ, и, какъ кажется, прismsирѣлъ. Полагаютъ, что ему хочется проситься вновь на службу, хотя онъ мнѣ про сіе ничего не говорилъ; но казалось и мнѣ, что симъ кончится; ежели такъ, я не откажу, но не мнѣ его приглашать. Je connais mon homme». Нѣсколькими днями позже, 24-го октября (5-го ноября), государь продолжалъ: «Мое ожиданіе сбылось, сегодня Ермоловъ просилъ меня письмомъ принять паки въ службу! Вотъ до чего дожили, посмотримъ, что изъ сего будетъ; повидимому, прismsирѣлъ; не проведетъ дружокъ!»⁴⁶⁸.

Къ этимъ неблагопріятнымъ отзывамъ императоръ Николай прибавилъ 3-го (15-го) ноября слѣдующія строки: «Ермоловъ покуда скромнень и тихъ, посмотримъ, что дальше будетъ, я за нимъ съ любопытствомъ слѣдую, и покуда еще не понимаю».

Внѣшнимъ образомъ государь и императрица Александра Ѳеодоровна обошлись съ Ермоловымъ въ Москвѣ чрезвычайно милостиво; при различныхъ встрѣчахъ съ ветераномъ 1812 года Николай Павловичъ удостоивалъ его продолжительными разговорами⁴⁶⁹. Всѣ глаза устремились на Ермолова. Всѣ чаяли его скорое возвышеніе, и, какъ пишетъ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Погодинъ: «придворные паразиты посыпались къ нему съ визитами». Тѣмъ не менѣе ничего особеннаго или чрезвычайнаго не случилось, и назначеніе Ермолова на должность, соотвѣтствующую его способностямъ и опытности, все-таки не послѣдовало. Императоръ Николай принялъ только Ермолова вновь на службу и назначилъ членомъ государственнаго совѣта, вслѣдствіе чего Алексѣй Петровичъ долженъ былъ переселиться въ Петербургъ⁴⁷⁰.

Денисъ Давыдовъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующія подробности относительно обстоятельствъ, обусловившихъ вторичное вступленіе на службу Ермолова. «Государь, ожидавшій, что Ермоловъ, облас-

Бунтъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 году.

(Съ картины того времени).

канный имъ, вступить снова въ службу, былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что онъ даже не намекнулъ ему о подобномъ желаніи. Бенкендорфъ, посѣтивъ Ермолова, сказалъ ему по порученію государя слѣдующее: «его величеству весьма непріятно то, что вы, будучи столь милостиво приняты имъ, не изъявили до сего времени желанія поступить на службу», на что Ермоловъ отвѣчалъ: «государь властенъ приказать мнѣ это, но никакая сила не заставитъ меня служить вмѣстѣ съ Паскевичемъ». Это было передано, куда слѣдуетъ. Графъ А. Ѳ. Орловъ, посѣтивъ Ермолова въ то время, какъ онъ собирался въ подмосковную, объявилъ ему о волѣ государя, дабы онъ вступилъ вновь въ ряды войска. Онъ сказалъ ему, что государь даетъ ему слово, что его никогда не сведетъ съ фельд-

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

маршаломъ. Вынужденный написать въ этомъ смыслѣ письмо къ государю, Ермоловъ вскорѣ узналъ изъ приказа о принятіи своемъ въ службу»⁴⁷¹.

Можетъ быть, нѣчто подобное дѣйствительно случилось и можетъ быть до нѣкоторой степени согласовано съ содержаніемъ писемъ императора Николая о Ермоловѣ къ князю Варшавскому.

Намъ остается еще упомянуть объ одномъ распоряженіи, сдѣланномъ императоромъ Николаемъ въ Москвѣ въ 1831 году; оно касалось государственной уставной грамоты императора Александра I-го.

Когда вспыхнула революція въ Варшавѣ, поляки захватили множество секретныхъ бумагъ, принадлежавшихъ цесаревичу Константину Павловичу и Н. Н. Новосильцову. Въ числѣ послѣднихъ находилась также государственная уставная грамота, разработкою которой нѣкогда занимался Новосильцовъ. Польское революціонное правительство воспользовалось сдѣланной находкой для своихъ цѣлей и напечатало грамоту 18-го (30-го) іюля 1831 года въ Варшавѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ съ прибавкою предисловія, написаннаго министромъ иностранныхъ дѣлъ Андреемъ Городискимъ (André Horodyski)⁴⁷². Когда русскія войска вступили въ Варшаву, государственная уставная грамота продавалась въ книжныхъ магазинахъ города; узнавъ объ этомъ, императоръ Николай написалъ князю Варшавскому, 14-го (26-го) сентября 1831 года, слѣдующія замѣчательныя строки:

«Чертковъ привезъ мнѣ экземпляръ проекта конституціи для Россіи, найденнаго у Новосильцова въ бумагахъ; напечатаніе сей бумаги крайне непріятно; на 100 человѣкъ нашихъ молодыхъ офицеровъ 90 прочтутъ, не поймутъ или презрять, но 10 оставить въ памяти, обсудятъ — и главное не забудутъ. Это пуще всего меня беспокоитъ. Для того столь желательно мнѣ, какъ менѣе возможно, продержатъ гвардію въ Варшавѣ. Вели графу Витту стараться достать елико можно болѣе экземпляровъ сей книжки и уничтожить, а рукопись отыскать и прислать ко мнѣ, равно какъ и оригинальный актъ конституціи польской, который искать должно въ архивѣ сената.... Начальникамъ велѣтъ обращать самое бдительное вниманіе на сужденія офицеровъ и стараться и словами и собственнымъ примѣромъ доказывать, коликаго презрѣнія заслуживаютъ тѣ, кои подобнымъ оружіемъ намъ вредить хотятъ».

Князь Варшавскій отвѣчалъ государю, 26-го октября (7-го ноября) 1831 года:

«Генералъ графъ Виттъ, которому я во исполненіе высочайшей воли вашего императорскаго величества поручилъ сдѣлать разысканіе о такъ называемой русской конституціи, донося мнѣ, что изъ числа 2.000 экземпляровъ, въ Варшавѣ напечатанныхъ, взято революціоннымъ правительствомъ для раздачи всѣмъ министрамъ, членамъ революціоннаго пра-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

вленія и депутатамъ сейма 150, отправлено помянутымъ правленіемъ къ главнокомандующему арміею мятежниковъ для употребленія по его усмотрѣнію 150, распродано частнымъ лицамъ: до занятія нашими войсками Варшавы 102 и въ первые дни по занятіи сего города распродано 18,— доставилъ ко мнѣ рукопись сей книги на французскомъ и русскомъ языкахъ и 1.578 печатныхъ экземпляровъ, нами выкупленныхъ, кромѣ экземпляра, представленнаго вашему императорскому величеству, и экземпляра, врученнаго его императорскому высочеству государю великому князю Михаилу Павловичу. Поднося при семъ вашему императорскому величеству упомянутую рукопись, всеподданнѣйше доношу, что означенные 1.578 экземпляровъ отправлены мною въ двухъ запечатанныхъ печатью генерала графа Витта ящикахъ для представленія вашему императорскому величеству къ генераль-адъютанту графу Чернышеву.

«Что же касается до экземпляровъ, взятыхъ революціоннымъ правительствомъ и распроданныхъ частнымъ лицамъ, то генераль графъ Виттъ при всемъ усерднѣйшемъ стараніи не успѣлъ еще открыть, у кого оныя находятся, и по сіе время никакого не оказалось повода, по коему бы можно было полагать, чтобы нѣкоторые изъ тѣхъ экземпляровъ были у гвардейскихъ офицеровъ».

Участь присланныхъ въ Москву ящиковъ съ уставною грамотою вскорѣ опредѣлилась. 23-го ноября (5-го декабря) генераль-адъютантъ Адлербергъ сообщилъ московскому коменданту генералу Стаалу, что «государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ въ присутствіи вашего превосходительства и моемъ сжечь 1.578 экземпляровъ одного сочиненія, распространеніе коего, по содержанию своему, не можетъ быть допущено. Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу ваше превосходительство назначить на сихъ же дняхъ время и мѣсто къ должному исполненію сей высочайшей воли».

Дальнѣйшій ходъ дѣла виденъ изъ нижеслѣдующаго секретнаго всеподданнѣйшаго рапорта, отъ 27-го ноября (9-го декабря) 1831 года:

«Во исполненіе высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія доставленные отъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею два запечатанныхъ ящика, сего числа, со всѣми находившимися въ оныхъ 1.578-ю экземплярами такъ называемой русской конституціи, на арсенальномъ дворѣ въ Кремлѣ сожжены. О чемъ счастье имѣемъ всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству.

«Московскій комендантъ генераль-майоръ Стааль.

«Генераль-адъютантъ Адлербергъ»⁴⁷³.

Императоръ Николай остался чрезвычайно доволенъ временемъ, проведеннымъ въ Москвѣ, отдохнувъ здѣсь отъ девятимѣсячнаго мученія, какъ выразился государь въ письмѣ къ князю Варшавскому,

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

прибавивъ, «которое Богъ прекратилъ черезъ твое лицо». Печальное извѣстіе внезапно прервало пребываніе двора въ первопрестольной столицѣ: 17-го (29-го) ноября княгиня Ловичъ скончалась въ Царскомъ Селѣ въ первую годовщину польской революціи. «Бѣдная сестра княгиня Ловичъ кончила свою страдальческую жизнь» ⁴⁷⁴, писалъ государь князю Варшавскому. Подобно императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, княгиня не могла пережить своего супруга.

Государь выѣхалъ изъ Москвы 25-го ноября (7-го декабря) вмѣстѣ съ императрицею и проводилъ ее до ночлега въ Твери. Здѣсь онъ сѣлъ въ открытыя, какъ всегда, въ его поѣздкахъ сани и проѣхалъ въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Бенкендорфа, нигдѣ не останавливаясь, до Царскаго Села. По разсказу Бенкендорфа, «близъ Новгорода холодный проливной дождь пробилъ насъ до костей и остался нашимъ спутникомъ во всю ночь. Нужно было имѣть крѣпкое здоровье, чтобы остаться здоровымъ послѣ этой поливки. Но государь спѣшилъ въ Царское Село для отданія послѣдняго долга скончавшейся княгинѣ Ловичъ. Весь дворъ былъ тамъ собранъ, и тѣло ея предали землѣ въ тамошней римско-католической церкви, избранной ею самою для послѣдняго своего обиталища».

Когда императоръ Николай возвратился въ Петербургъ, совершилась уже одна, не лишенная значенія, перемѣна въ личномъ составѣ высшей администраціи. Еще до московской поѣздки государь сообщилъ князю Меншикову, что графъ Закревскій просится въ отставку, и поручилъ ему спросить графа, кого онъ избралъ бы себѣ въ преемники по управленію министерствомъ. Вскорѣ, 19-го ноября (1-го декабря) 1831 года, дѣйствительно состоялось увольненіе графа Закревскаго въ отставку, въ которой Арсеній Андреевичъ пробылъ до 1848 года, когда, по личной просьбѣ государя, графъ снова вступилъ на служебное поприще. Управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ; должность же финляндскаго генералъ-губернатора занялъ генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ.

Въ чемъ же заключалась причина столь внезапнаго и неожиданнаго увольненія столь заслуженнаго государственнаго дѣятеля? Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ объясняетъ, что графъ Закревскій при назначеніи его министромъ внутреннихъ дѣлъ принесъ съ собою въ управленіе, несмотря на недостатокъ высшаго образованія, очень много усердія, добросовѣстности и правдивости и, сверхъ того, очень энергическій характеръ, доходившій въ незнаніи угодливости сильнымъ нерѣдко до строптивости. Возстановивъ противъ себя черезъ эту черту всѣхъ пользовавшихся властью, въ особенности предсѣдателя государственнаго совѣта и комитета министровъ графа Кочубея, графъ Арсеній Андреевичъ естественно не могъ долго удержаться на мѣстѣ. Начало его опалѣ по-

ложено было проектомъ закона о состояніяхъ, разсматривавшимся въ государственномъ совѣтѣ въ 1830 году.

«Я не только,—разсказывалъ Закревскій барону Корфу,—сопротивлялся всѣми силами этому, какъ онъ его называлъ, нелѣпому проекту, но и осмѣлился даже въ совѣтѣ, въ присутствіи государя, собиравшагося тогда въ Варшаву, сказать, что первымъ условіемъ для изданія новаго закона считаю присутствіе его величества въ столицѣ. Почему же?—спросилъ государь съ весьма раздраженнымъ видомъ. Потому, отвѣчалъ я, что невозможно предвидѣть, какія послѣдствія будетъ имѣть этотъ государственный переворотъ, и я, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, не могу принять на себя отвѣтственности за сохраненіе народнаго спокойствія въ отсутствіе вашего величества. Прямого возраженія не послѣдовало, и хотя проектъ былъ отложенъ и потомъ совсѣмъ взятъ назадъ, однако съ тѣхъ именно поръ государь видимо ко мнѣ охолодѣлъ, а Кочубей, мужчины и женщины, во всѣхъ поколѣніяхъ и во всей ихъ роднѣ, еще болѣе на меня озлобились, потому что проектъ, какъ вы знаете, былъ созданіемъ этой ватаги, вмѣстѣ съ Сперанскимъ. Потомъ, при появленіи у насъ впервые холеры, государь командировалъ меня внутрь Россіи, для мѣстныхъ распоряженій, а позже назначилъ главнымъ распорядителемъ по всѣмъ мѣрамъ противъ болѣзни въ столицѣ. Здѣсь, увидясь со мною на другой день послѣ несчастныхъ іюньскихъ происшествій на Сѣнной, онъ спросилъ: чему я приписываю народное волненіе?

«— Единственно распоряженіямъ и злоупотребленіямъ полиціи.

«— Это что значитъ?

«— То, государь, что полиція силою забираетъ и тащитъ въ холерныя больницы и больныхъ и здоровыхъ, а потомъ выпускаетъ только тѣхъ, которые откупаются.

«— Что это за вздоръ!—закричалъ государь, видимо разгнѣванный.— Кокоткинъ, доволенъ ли ты своею полиціею?

«— Доволенъ, государь,—отвѣчалъ оберъ-полицеймейстеръ, тутъ же находившійся.

«— Ну, и я совершенно тобою доволенъ!

«Съ этимъ словомъ государь отвернулся и ушелъ въ другую комнату. Тутъ я еще болѣе убѣдился, что мой часъ насталъ: такая очная ставка съ подчиненнымъ и такое предпочтеніе его передо мною ясно доказывали, что мнѣ уже не оставаться министромъ. Я хотѣлъ только докончить нѣкоторыя, особо мнѣ данныя, порученія, а потомъ откланяться. Между тѣмъ дѣло нѣсколько оттянулось отъ того, что государь велѣлъ мнѣ ѣхать въ Финляндію для наблюденія за расположеніемъ тамъ умовъ по случаю революціи въ Польшѣ. Я остался въ Финляндіи до извѣстія объ окончаніи польскаго мятежа и, воротясь въ концѣ октя-

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

бря 1831 года, въ самую минуту отъѣзда государя изъ Петербурга, послалъ просьбу объ отставкѣ, застигшую его еще въ Царскомъ Селѣ. Отставка дана мнѣ была тотчасъ же, безъ затрудненій, безъ объясненій и даже безъ личнаго свиданія».

Въ дополненіе къ этому разсказу слѣдуетъ еще замѣтить, что немилости, въ которую впалъ тогда графъ Закревскій, наиболѣе способствовали слишкомъ крутыя мѣры, принятія имъ во время объѣзда Россіи по случаю холерной эпидеміи; онѣ вызвали много неудовольствія и справедливыхъ жалобъ ⁴⁷⁵.

Въ эту пору императора Николая не переставала занимать мысль о возможномъ вредномъ вліяніи польскаго общества на молодыхъ представителей нашей арміи среди покоренной ею страны. Тотчасъ послѣ занятія Варшавы государь не замедлилъ высказать фельдмаршалу, что онъ крайне опасается для офицеровъ, находящихся въ Польшѣ, «заразы нравственной», и писалъ 14-го (26-го) сентября изъ Царскаго Села, совѣтуя чаще мѣнять гарнизонъ въ Варшавѣ и обратить самое бдительное вниманіе на сношенія и поведеніе офицеровъ. Къ этому наставленію государь присовокупилъ: «заразы нравственной всего болѣе боюсь». Послѣднія слова были три раза подчеркнуты государемъ.

По прибытіи изъ Москвы, императоръ Николай въ своей перепискѣ снова возвратился къ этому жгучему вопросу и 10-го (22-го) декабря сообщилъ князю Варшавскому еще слѣдующія дополнителныя мысли:

«Все, что говоришь о спокойствіи края, мнѣ весьма пріятно ⁴⁷⁶; но прошу на сіе не полагаться и вездѣ подтверждать быть осторожну. Я боюсь женщинъ; этотъ адскій народъ ими всегда дѣйствовалъ, и наша молодежь между ихъ соблазна и яда вольныхъ мыслей точно въ опасномъ положеніи; молю тебя, ради Бога смотри, что дѣлается, и не принимается ли зараза у насъ. Въ семъ наблюденіи нынѣ состоитъ какъ твоя, такъ и всѣхъ начальниковъ, самая первая, важная, священная обязанность. Надо вамъ сохранить Россіи вѣрную армію; въ долгой же стоянкѣ память прежней вражды скоро можетъ исчезнуть и замѣниться чувствомъ соболѣзнованія, потомъ сожалѣнія и, наконецъ, желаніемъ подражанія. Сохрани насъ отъ того Богъ! Но, повторяю, въ семъ вижу крайнюю опасность и неотступно прошу усугубить за сямъ самое бдительное попеченіе, надзоръ и подтвержденіе всѣмъ начальникамъ. Надо елико можно дѣйствовать оружіемъ презрѣнія и во всѣхъ случаяхъ передъ нашими выставять всю гнусность мятежническихъ правилъ и указать ужасныя онаго послѣдствія для края и для всѣхъ состояній. Пиши мнѣ, что ты по сему думаешь и замѣчаешь. Но лучшій способъ избѣгать опасности есть удалиться отъ оной, то-есть выслать домой все, безъ чего обойтись можно».

На предостереженіе императора Николая князь Варшавскій отвѣчалъ 18-го (30-го) декабря:

«Спокойствіе края до сихъ поръ, благодаря Бога, продолжается; ни одного важнаго происшествія не случилось; съ самаго начала я сколько возможно занялся, чтобы войска, а особливо офицеры не испортились въ Варшавѣ, и для того по вашему повелѣнію войска перемѣняются; солдаты стоятъ въ казармахъ. Гренадеры теперь смѣняются; офицеры сего корпуса весьма хорошо вели себя, сохраняя дисциплину и мало гдѣ знакомились. Я займусь, нельзя ли будетъ какими постановленіями предупредить дурныя знакомства; но сіе весьма трудно по деревнямъ исполнить; но я думаю, что на массу офицеровъ знакомства сіи не сдѣлаютъ большого вліянія, но, можетъ быть, нѣсколько шалуновъ и будутъ въ ихъ мысляхъ. Я думаю, что сіе еще не такъ опасно, ибо до сихъ поръ почти половина нашей арміи стояла въ Польшѣ; но, кромѣ 6-го корпуса, который былъ составленъ изъ поляковъ, всѣ другія войска весьма хорошо дрались, и не слышно было приверженности къ революціоннымъ мыслямъ; но еще предпишу всѣмъ начальникамъ обратить на сіе строгое вниманіе. Притомъ же я сколько примѣчаю, что и самые поляки не весьма хорошо насъ принимаютъ; вмѣсто того, я замѣчаю нѣкоторую въ нихъ гордость и удивленіе, что осмѣливаются съ нами строго обходиться и пренебрегать. Словомъ я не вижу, чтобы сей народъ былъ къ намъ весьма уклончивъ».

Въ отвѣтъ на приведенное нами письмо государь благодарилъ отъ командира «за добрыя извѣстія о краѣ», но прибавилъ: «Весьма желаю, чтобы надежды твои насчетъ сохраненія добраго духа въ войскахъ сбылись, но самая бдительная осторожность необходима. Для большаго раздѣленія офицеровъ варшавскаго гарнизона отъ жителей предлагаю тебѣ размѣстить ихъ предпочтительно, въ видѣ казармъ, въ домахъ секвестрованныхъ, какъ, напримѣръ, въ домѣ Паца и Чарторижскаго; такимъ образомъ, всѣ будутъ вмѣстѣ и подъ однимъ надзоромъ, и городу будетъ тогда легче отъ квартированія. Гордость польская не помѣшаетъ имъ всячески стараться пробовать и портить образъ мыслей молодежи, въ чемъ женщины будутъ главнымъ орудіемъ, такъ какъ это всегда бывало. Удивленіе же ихъ, что строго съ ними обходятся, крайне мило и забавно... Прощай, любезный отецъ-командиръ, обнимаю тебя сердечно и поздравляю съ наступающимъ новымъ годомъ; да будетъ онъ миренъ и счастливъ для Россіи, которой нуженъ отдыхъ; но ежели присуждено быть иначе, да будетъ же онъ случаемъ новой славы храбрымъ нашимъ героямъ, подъ предводительствомъ варшавскаго побѣдителя. Да благословитъ тебя Богъ!»⁴⁷⁷.

Закончился столь тревожный всякими событіями 1831-й годъ; для Россіи наступило мирное восемнадцатилѣтіе, продолжавшееся безъ пере-

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

рыва до венгерской войны 1849 года. Чего не могло бы быть достигнуто для благосостоянія Россіи при столь благопріятной обстановкѣ! Но государь былъ уже не тотъ, какимъ онъ явился на престолѣ въ 1825 году; польская революція довершила пагубное вліяніе, оставленное въ умѣ Николая Павловича событіями 14-го декабря. Отнынѣ императоръ сталъ все болѣе и болѣе склоняться на сторону абсолютизма, погубившаго его отца и столь много повредившаго его брату въ общественномъ уваженіи. Направленіе, данное дальнѣйшимъ ходомъ царствованія императора Николая, привело принца Евгенія Виртембергскаго къ слѣдующимъ размышленіямъ:

«Я сказалъ бы императору Николаю: испытай свое сердце, и ты увидишь, что оно благородно, доброжелательно и склонно ко всему великому; не обманывай самого себя насчетъ собственныхъ чувствъ. Протяни Европѣ братскую руку и не дѣлай ни для кого исключенія. Открой двери твоего государства просвѣщенію и торговлѣ! Ты самъ настолько великодушенъ, человеколюбивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ твердъ и рѣшителенъ, что тебѣ предназначено играть блестящую роль во главѣ могущественнѣйшаго государства. Тебѣ слѣдуетъ стать во главѣ всякаго добраго начинанія и презирать крикуновъ; но если ты не тиранъ, то не старайся же казаться имъ!» ⁴⁷⁸.

Этими строками заканчиваются воспомнанія принца Евгенія, сочувственныя отношенія котораго къ императору Николаю и къ Россіи не могли быть поколеблены, несмотря на всѣ невзгоды и несправедливости, испытанныя имъ въ разное время на служебномъ поприщѣ. Поэтому за отзывомъ принца слѣдуетъ признать значеніе безпристрастнаго историческаго приговора.

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ

КО ВТОРОМУ ТОМУ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ.

1. Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 12-го мая 1826 года.

2. Въ числѣ особъ, прибывшихъ въ Москву по случаю короновація, находились еще: представитель папы, чрезвычайный посолъ монсиньоръ Бернетти, и представитель сардинскаго короля, маркизъ де-Бриньоле-Саль.

3. Императоръ Николай писалъ 3-го (15-го) августа 1826 года цесаревичу Константину Павловичу:

«Nous sommes ici depuis dix jours; j'ai remis le couronnement à la fin du carême; la santé de ma femme, excessivement ébranlée depuis tout ce hiver, exige des soins particuliers et la plus parfaite uniformité d'existence et de genre de vie; nous sommes à cet effet établis dans la maison de la comtesse Orloff, jouissant en plein de ce superbe local».

4. За своднымъ гвардейскимъ отрядомъ, отправленнымъ въ Москву, начальство зорко слѣдило; о немъ поступало великое множество секретныхъ донесеній, въ которыхъ встрѣчаются и разнаго рода безсмысленныя сплетни. Такъ, напримѣръ относительно Преображенскаго полка сообщалось, что солдаты любятъ и преданы государю, но въ нихъ будто бы стараются вселить любовь къ цесаревичу Константину Павловичу и ненависть къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; рассказывали, будто цесаревичъ просилъ недавно государя уменьшить гвардейскимъ солдатамъ срокъ службы до 15-ти лѣтъ; государь изъявилъ на то согласіе, но императрица Марія Ѳеодоровна воспротивилась сему и настояла на томъ, чтобы цесаревичу было отказано въ его просьбѣ. «за что его высочество остался столь недовольнымъ, что не пишетъ болѣе къ государю императору».

Донесенія поступали и о частяхъ, расположенныхъ въ Петербургѣ; агентами служили прачки, которыхъ нанимала и наставляла одна дама, и ей сообщались слухи и разговоры въ полкахъ.

Генераль-адъютанту Закревскому поручено было при проѣздѣ въ Москву развѣдывать скромнымъ образомъ о мнѣніяхъ и разговорахъ выступившихъ на коронацію гвардейскихъ солдатъ. Онъ писалъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 20-го іюня 1826 года: «Связывали мнѣ, якобы нижніе чины говорили, что ихъ мучать ученіями и не даютъ покоя на растагахъ, и они готовы сами дать по два рубля на мѣсто жалованья имъ денегъ за хорошее ученіе, лишь бы перестали мучить».

5. «Je suis très content de Moscou et de son aspect physique et moral; j'en dirai de même des troupes... Nos étrangers crient merveille, et je les prie de ne pas tant s'extasier jusqu'à ce qu'ils n'aient vu la garnison d'été de Varsovie. Marmont compare ces

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

troupes à l'état de l'armée française au camp de Boulogne. A la revue mon petit drôle au trot et au galop à la droite de la division de son régiment et s'en est bien tiré, au grand plaisir du papa et des spectateurs».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) августа 1826 года.

6. «L'empereur me disait, en regardant son fils avec l'expression de la sollicitude la plus tendre: «Vous imaginez que j'éprouve de l'agitation et de l'inquiétude en voyant cet enfant, qui m'est si cher, dans un pareil mouvement; mais j'aime mieux m'y soumettre pour lui former le caractère et l'accoutumer de bonne heure à être quelque chose par lui même».

«Voilà ce qu'on peut appeler de bons principes d'éducation; et quant ils sont appliqués à l'éducation d'un homme destiné à être chef d'un grand empire, on doit en prévoir les meilleurs résultats».

Mémoires du maréchal Marmont duc de Raguse de 1792 à 1841. Paris, 1857. T. VIII, p. 50.

По поводу воспитанія наследника Александра Николаевича Мармонъ еще пишетъ (p. 49):

«Une chose admirable est l'éducation donnée par Nicolas à son fils, prince charmant, d'une rare beauté, et dont le temps n'aura sans doute fait que développer les qualités. Je demandai à l'empereur à lui être présenté, et il me répondit: «Vous voulez donc lui tourner la tête. Ce serait un beau motif d'orgueil pour ce petit bonhomme que de recevoir les hommages d'un général qui a commandé les armées. Je suis fort touché de votre désir de le voir, et vous pourrez le satisfaire quand vous irez à Zarskoie-Sélo. On vous fera rencontrer mes enfants. Vous les examinerez et vous causerez avec eux; mais une présentation d'étiquette serait une chose inconvenante. Je veux faire de mon fils un homme, avant d'en faire un prince». Plus d'une fois l'empereur, en apprenant les détails de l'éducation de M. le duc de Bordeaux, a gémi avec moi de la pompe ridicule qui entourait ce prince dans sa plus grande enfance».

7. Изъ записокъ барона Модеста Андреевича Корфа. Императоръ Николай относился вообще съ большимъ благоволеніемъ къ князю Любецкому. Для характеристики этихъ отношеній можетъ служить слѣдующій разсказъ, также записанный барономъ М. А. Корфомъ.

Однажды, въ первый годъ царствованія императора Николая, при откровенной бесѣдѣ, князь Любецкій выговорилъ ему множество истинъ относительно Россіи и ея самого. Выслушавъ все благосклонно, государь вдругъ остановилъ своего собесѣдника вопросомъ:

«— Да скажи, пожалуйста, откуда у тебя берется смѣлость высказывать мнѣ все это прямо въ глаза?»

«— Я вижу, государь, что кто хочетъ говорить вамъ правду, не въ васъ находитъ къ тому помѣху, и дѣйствую по этому убѣжденію. Но власть—самая большая благодѣтельница въ мірѣ. Теперь вы милостиво позволяете мнѣ болтать и не гнѣваетесь, но лѣтъ черезъ десять или и меньше все переменится, и тогда, свыкнувшись съ всемогуществомъ, съ лестью и съ поклонничествомъ, вы за то, что теперь такъ легко мнѣ сходится, прикажете, можетъ быть, меня повѣсить».

«— Никогда, я всегда буду радъ правдѣ и позволяю тебѣ тогда, какъ и теперь, если я стану говорить или дѣлать вздоръ, сказать мнѣ прямо: Николай, ты врешь».

«Года два послѣ того, — продолжалъ Любецкій въ своемъ объ этомъ разсказѣ, — я опять пріѣхалъ въ Петербургъ и явился къ государю. Въ этотъ разъ онъ принялъ меня чрезвычайно холодно, даже не въ кабинетѣ, какъ прежде, а въ передней залѣ, и, оборотясь съ разсѣяннымъ лицомъ къ окошку, встрѣтилъ самыми сухими разспросами о погодѣ, о дорогѣ и пр. Не было и тѣни прежней довѣрчивости, и я, разумѣется, сохранялъ съ моей стороны глубочайшій этикетъ, не позволяя себѣ ни малѣйшихъ намековъ на прежнія бесѣды. Вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, государь оборотился ко мнѣ съ громкимъ хохотомъ и съ протянутою рукою:

«— Что, хорошо ли я сыгралъ свою роль избалованнаго могуществомъ и лестью? Нѣтъ, братецъ, я не переменился и не переменяюсь никогда, и если ты въ чемъ не согласишься со мною, то можешь попрежнему смѣло сказать: Николай, ты врешь».

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

8. «J'espère, avec l'aide de Dieu, être pour le 22 Juillet à Moscou; ainsi donc vous voilà au fait, autant que moi-même de mes projets. Je ne vous cache pas que je serai bien heureux de vous voir; si la chose est impossible, je me résigne, puisque apparemment telle sera la volonté de Dieu».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23-го іюня (5-го іюля) 1826 года.

9. Цесаревичъ находился въ пути пять дней. На станціяхъ онъ приказалъ разспрашивать ѣдущихъ изъ Москвы, была ли уже коронація или нѣтъ. При въѣздѣ въ Москву цесаревичъ оставилъ своихъ спутниковъ въ ихъ экипажахъ у Смоленской заставы и одинъ отправился въ Кремль.

10. Изъ разсказовъ сенатора Данилова о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ («Русская Старина» 1870 года, томъ 1-й, изданіе 1-е, стр. 280).

Сенаторъ Иванъ Даниловичъ Даниловъ находился при цесаревичѣ съ 1801 года до самой его кончины и нѣсколько лѣтъ управлялъ военно-походною канцеляріей его высочества.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 20-го августа 1826 года напечатано было въ извѣстіяхъ изъ Москвы отъ 15-го августа: «Вчера въ одиннадцать часовъ пополудни прибылъ сюда изъ Варшавы его императорское высочество цесаревичъ. Его высочество изволилъ остановиться въ Кремлевскомъ дворцѣ».

11. Свиньинъ: Историческое описаніе священнѣйшаго коронованія. «Отечественныя Записки» 1827 года, № 88.

12. Присужденнымъ на каторжную работу вѣчно опредѣленъ былъ по указу 22-го августа срокъ на 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

На печатномъ указѣ рукою генералъ-адъютанта Бенкендорфа написана была высочайшая воля слѣдующаго содержанія:

«По истеченіи 20 лѣтъ остаются въ Сибири, не какъ поселенцы, а на основаніи прочихъ вольныхъ жителей, припишутся въ какойнибудь цехъ или гильдію, а въ Россію не могутъ возвращаться, ибо они остаются политически умершими для Россіи».

13. Въ учрежденіи императорскаго двора сказано было: «Министръ императорскаго двора имѣетъ состоять подъ собственнымъ вѣдѣніемъ государя императора; слѣдственно во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ отчетъ даетъ токмо его императорскому величеству, равно и всѣ повелѣнія получаетъ отъ его величества, а другое никакое правительство никакого отчета по дѣламъ, ввѣряемымъ его распоряженію, требовать и предписаній по оному чинить права не имѣетъ».

14. Проектъ этого манифеста императоръ Николай послалъ цесаревичу Константину Павловичу, который по этому поводу писалъ государю 4-го (16-го) января 1826 года: «Quant à l'acte ci-joint, je le trouve, devant Dieu qui m'entend et d'après mon âme et conscience, parfaitement logique et bien pensé, hormis un point, auquel je ne puis souscrire et qui est celui où il fait mention de moi et écrit de votre main au crayon, puisqu'ayant renoncé à tout droit à la couronne, je ne puis en aucune façon me mêler d'actes semblables, sans tomber dans une alternative des plus fausses possibles, qui aurait l'air que ce n'est que pour la forme que j'ai fait ma renonciation, mais qu'au fond je dirige au dessous, ou bien je me mêle des affaires du gouvernement; voilà ma profession de foi publique. Quant à la particulière, je ne puis qu'y reconnaître un procédé de plus de votre part, cher frère, auquel je suis bien sensible et reconnaissant et qui me prouve votre amitié et votre tolérance. Ainsi soit-il».

15. Графиня Ливень находилась въ Петербургѣ. Графъ Комаровскій пишетъ: «Сомной посланы были нѣкоторые награжденія; между прочими мнѣ пріятно было почтеннѣйшей и всѣмъ уважаемой графинѣ Ливень самому вручить браслетъ съ портретомъ императора, осыпанный брилліантами, и объявить ей, что она и все ея потомство возведены на степень князей съ титуломъ свѣтлости, ибо грамоту на сіе достоинство не имѣли время еще изготovitъ».

Записки графа Е. О. Комаровскаго. («Историческій Вѣстникъ», 1897 года, т. LXX, стр. 456).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

16. «Recevez, cher et excellent frère, ma plus entière et ma plus vive reconnaissance pour toute l'amitié que vous avez bien voulu me témoigner lors de mon dernier séjour à Moscou, auprès de vous. Soyez sûr, cher frère, que je sais l'apprécier et que j'espère, avec l'aide de Dieu, n'en être jamais indigne. Ces huit jours passés auprès de vous à Moscou, ne s'effaceront jamais de ma mémoire, ainsi que votre amitié pour moi. Que le bon Dieu daigne répandre sur vous tous Ses bienfaits et Ses bénédictions, je le Lui demande de coeur et d'âme et de pensée. Me voilà rentré chez moi et heureux de me retrouver auprès de ma femme et peiné de vous avoir tous quittés, — prenez le au pied de la lettre et tel que je le dis».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го августа (11-го сентября) 1826 года.

17. «C'est moi, cher Constantin, qui aurais dû être le premier à vous exprimer tout le bonheur que votre visite chez nous et vos bontés particulières pour moi m'ont fait éprouver, quand dans ce moment même je reçois votre chère et excellente lettre du 30 Août (11 Septembre); mais vous êtes trop bon et trop juste pour ne pas me pardonner; mais vous avez été témoin de mon genre de vie et ce qui s'est passé depuis m'a encore plus gêné dans l'emploi de mon temps; mais tout cela ne sont que de mauvaises excuses vis-à-vis de vous dont mon coeur sait apprécier les bontés; votre amitié et votre confiance sont pour moi un bien inappréciable et qui fait la tranquillité de ma vie; deviner vos intentions et vos désirs est et sera toujours un besoin pour moi, sachez le, et pour toute occasion».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 5-го (17-го) сентября 1826 года.

18. «Ma soeur Marie m'a fait exactement parvenir votre lettre en date du 15 de ce mois, mon cher et respectable instituteur, pour laquelle je vous prie d'agréer les expressions de ma plus sincère gratitude, ainsi que pour les sentiments que vous voulez bien me conserver. Votre suffrage m'est des plus flatteurs, monsieur, et je suis bien heureux de l'avoir mérité par ma conduite lors du couronnement de Moscou, mais il est de ma franchise de vous prier de ne pas y mettre un si grand prix, puisque décidé à suivre les traces de la conduite que je me suis imposée sans en dévier, il n'y a eu de ma part que le simple et le naturel qui y a agi. Personne au monde ne craint et n'a en horreur plus que moi des conduites à faire effet, dont on calcule d'avance les effets ou bien des conduites à représentations, à drame, à enthousiasme, à mouvement spontané et autres, j'avoue ma bêtise que je n'y entend rien, comme je l'ai dit plus haut. Mon parti une fois pris, ayant été sanctionné par feu notre immortel empereur et ma mère, tout le reste ne devient que pure et simple conséquence et mon rôle était d'autant plus facile que je me retrouvais au même poste que j'avais rempli antérieurement et que je n'avais pas quitté. J'avoue de plus avec la franchise que vous me connaissez, monsieur, que je ne désire rien, rien du tout, puisque je suis content et heureux autant que l'on peut l'être. Ce que j'ai à moi en propre personne au monde ne peut me l'ôter, c'est le souvenir des temps que j'ai employé au service de mes deux empereurs avec fidélité, zèle, dévouement et attachement à toute épreuve durant 32 années, comme j'espère servir celui d'à présent autant que cela pourra lui être agréable et que mes forces physiques me le permettront. Ayant de plus toujours été étranger à toutes intrigues, n'ayant connu que l'obéissance la plus passive et ayant agi envers eux avec la franchise la plus désintéressée et sans aucune arrière pensée, gardant mon opinion privée pour moi et ne l'énonçant que lorsque j'étais appelé à le faire, me soumettant toujours contre mon opinion même à remplir la volonté de mes maîtres avec la plus scrupuleuse bonne foi et y mettant pour ainsi dire une espèce de chevalerie pour faire réussir contre mon avis même ce qui m'était prescrit. Voilà ce qui m'appartient et ce que personne au monde ne peut et ne pourra m'ôter. De plus, mon appui je le chercherai dans le bon Dieu et Lui voyant dans mon coeur la pureté qu'il a daigné y placer et que je tâcherai de conserver, a fait le reste en daignant me guider entre les écueils que je rencontrais parfois. Aussi je l'en remercie tous les jours du fond de mon coeur et de toute

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

mon âme. Bien des personnes, mon cher et respectable instituteur, ne me comprendront pas, cela n'est pas mon affaire, c'est la leur, ils n'ont pas eu comme moi le bonheur d'avoir un frère empereur, un ami empereur, un camarade et un bienfaiteur empereur et lui avoir porté les sentiments que je lui portais et qu'il me portait à son tour. En voilà assez sur cet article.

«Les vœux que vous voulez bien m'adresser pour le bonheur de notre pays ne sauraient être agréés par moi qu'avec la plus vive reconnaissance. Comme j'aime à le croire ils l'auraient été par chacun de mes compatriotes. Puisse cette chère et grande Russie être heureuse, puisse-t-elle ne plus revoir des scènes de désolation et de honte, puisse-t-elle être grande non seulement par son étendue, mais par les véritables sentiments d'honneur qui doivent la soutenir et la faire considérer, puisque sans cela sa force ne peut être stable. Je parle ici en Russie, mon cher instituteur, et non comme son représentant, puisque je ne l'ai jamais été, et puisque vous me dites avoir été accoutumé à offrir vos vœux à notre immortel empereur en temps et lieu, vous me priez de les agréer en son nom. Je ne saurais y adhérer sans lui manquer, à moins que je ne les agréer comme indigène du pays et à ce titre je les agréer avec tout cœur et toute âme».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ларару отъ 24-го декабря 1826 года (5-го января 1827 года) изъ Варшавы. Государственный архивъ. Разрядъ V.

19. «Tout le monde s'est ranimé: la gaité reprend ses droits et se venge de ces années perdues pour son culte. La jeunesse se remet à la danse et s'occupe déjà beaucoup moins de l'organisation de l'état, de la politique des deux mondes et des rêves de la mysticité».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу М. С. Воронцову изъ Москвы отъ 19-го сентября 1826 года. (Архивъ князя Воронцова, книга 35-я, стр. 268).

20. Въ письмѣ отъ 19-го сентября 1826 года къ графу М. С. Воронцову генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ:

«Celle de la comtesse Orlov a écrasé toutes les fêtes par sa magnificence et son bon goût. C'est la plus belle fête qu'on aie jamais donnée, les proportions dépassaient même celles d'un particulier; le local et les ornements appartenaient au luxe d'un souverain».

Архивъ князя Воронцова, книга 35-я.

21. «Nous sommes abimés de bals etc., je serai content d'en voir la fin», писалъ императоръ Николай цесаревичу 5-го (17-го) сентября 1826 года.

22. П. Анненковъ: А. С. Пушкинъ въ александровскую эпоху. 1799 — 1826 гг. С.-Петербургъ. 1874.

23. Александръ Михайловичъ Тургеневъ въ письмѣ въ Михайловскому-Данилевскому отъ 10-го января 1828 года пишетъ: «Прилагаю вамъ стихи Пушкина, impromptu, написанные авторомъ въ присутствіи государя въ кабинетѣ его величества».

Редакція этихъ стиховъ, написанная рукою Тургенева, нѣсколько разнится отъ того, въ какомъ видѣ стихотвореніе это, подъ заглавіемъ «Стансы», напечатано въ собраніи сочиненій Пушкина.

24. М. Н. Сухомлиновъ. Исслѣдованія и статьи. С.-Петербургъ. 1889. Томъ 2-й. Стр. 211 и 212.

25. Записки А. О. Смирновой. С.-Петербургъ. 1895. Часть 1-я. Стр. 45.

26. Для характеристики отношеній, установившихся между императоромъ Николаемъ и Пушкинымъ, можетъ служить нижеслѣдующая высочайшая резолюція 1828 года на докладѣ о богохульной поэмѣ Гаврилиадѣ, по поводу которой поэтъ удостовѣрился, что не онъ ее писалъ и не помнить, отъ кого онъ ее досталъ; свой же списокъ, вѣроятно, сжегъ въ 1820 году:

«Г. Толстому призвать Пушкина къ себѣ и сказать ему моимъ именемъ, что, зная лично Пушкина, я его слову вѣрю; но желаю, чтобъ онъ помогъ правительству открыть, кто могъ сочинить подобную мерзость и обидѣть Пушкина, выпуская оную подъ его именемъ».

Графъ П. А. Толстой занималъ въ то время мѣсто главнокомандующаго въ Петербургѣ, полученное имъ при отъѣздѣ императора Николая въ армию, на Балканскій полуостровъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

27. «Русскій Архивъ» 1881 года. Книга 1-я. Стр. 338.

28. Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 5-го (17-го) сентября изъ Москвы.

29. Е. П. Ковалевскій. Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ.—«Вѣстникъ Европы», 1868 года, т. 2-й, стр. 155.

Къ приведенной нами замѣткѣ Ковалевскаго онъ прибавляетъ еще слѣдующее поясненіе: «Конечно, на Кавказѣ войска не такъ обучены фронтовой службѣ, какъ внутри Россіи; оно и понятно: имъ некогда; но знаніе боевой службы, своего рода образованіе солдата существовало, то образованіе, какое, по крайпей мѣрѣ, по началамъ свенмъ, признали нынче у насъ за единственное раціональное; Ермоловъ въ этомъ случаѣ былъ учителемъ опытнымъ и свѣдущимъ, въ чемъ нельзя не сознаться. Въ томъ же духѣ была и дисциплина, правда, своеобразная и въ то же время, можетъ быть, поражавшая людей, не привыкшихъ къ ней, но теперь она кажется естественной».

30. Записки Петра Кононовича Менькова. С.-Петербургъ. 1898. Т. 2-й. Стр. 169.

Приведенныя нами слова были сказаны императоромъ Николаемъ при посѣщеніи имъ 21-го августа 1851 года въ Москвѣ фельдмаршала князя Варшавскаго.

31. Князь Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. С.-Петербургъ. 1888. Т. 1-й. Стр. 392—395.

32. Записки Алексѣя Петровича Ермолова. Москва. 1868. Т. 2-й. Стр. 216—218.

33. Князь Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Т. 2-й. Стр. 45, 56 и 57.

Впослѣдствіи, когда генералъ-адъютантъ Паскевичъ началъ жаловаться на трудность своего положенія на Кавказѣ, подъ начальствомъ Ермолова, генералъ-квартирмейстеръ, графъ Сухтеленъ, писалъ ему 24-го января 1827 года:

«L'on eut peut-être été charmé de vous voir dès le commencement user des pouvoirs qui vous étaient donnés. Une fois que vous vous êtes contenté d'acquérir la gloire et de vous ranger en sous-ordre, l'on ne doit plus, pour le moment du moins, vouloir de vous qu'un esprit d'abnégation... plus vous pourrez vous maintenir en bonne intelligence avec César (т.-е. съ Ермоловымъ) plus, j'en suis convaincu, vous serez réellement utile où vous êtes, et utile à vous même ici où vous n'êtes pas (т.-е. въ Петербургѣ)».

Графъ Сухтеленъ былъ близкій человѣкъ къ Дибичу, посвященный во всѣ тайны и дѣла того времени.

34. «Вы, вспоминая древнія римскія времена, теперь проконсуломъ въ Грузіи, а я здѣсь префектомъ, или начальствующимъ легіонами на границѣ Европы, или, лучше сказать, въ срединѣ оной».

Письмо цесаревича Константина Павловича къ генералу Ермолову отъ 3-го (15-го) августа 1818 года изъ Варшавы.

35. Князь Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Т. 2-й. Стр. 82.

Въ день коронаціи, 22-го августа, Н. О. Паскевичъ произведенъ былъ въ генералы отъ инфантеріи. Объ этомъ Паскевичъ узналъ уже по прибытіи въ Тифлисъ.

36. «Les nouvelles de Georgie sont telles que je les ai prévues. M-r Yermolow ne ait rien; à le croire les Persans sont inatacables; il a demandé des troupes, on les lui a envoyés; il se trouve qu'il n'a pas de quoi les nourrir; il prétend qu'il fait trop froid maintenant pour ouvrir la campagne; il demande des canons de siège; on les lui envoie; il dit déjà qu'ils seront inutiles; il craint les georgiens, les arméniens, il craint tout après avoir tout exaspéré; en attendant l'indiscipline fait des progrès dans son armée. Le pauvre Paskévitch ne peut y remédier à côté d'un chef qui n'a acheté les crieurs en sa faveur que par le relâchement de toutes les exigences militaires. Voilà ce grand patriote, qui trouvait Barclay, Wittgenstein et tout ce qui n'avait pas un nom moscovite indigne de l'honneur du nom russe; le voilà à sa juste valeur!... Pas un plan de fait pas un arrangement pris; les vaisseaux persans se promènent dans la mer Caspienne; nos forteresses ne sont pas approvisionnées et nos soldats mal vêtus. Rtitchew même avait mieux fait, mais Yermolow a beaucoup crié, et on l'a cru».

Архивъ князя Воронцова. Книга 35-я. Стр. 272.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

37. Записка, сочиненная Л. Д. Боровковымъ, была напечатана въ «Русской Старинѣ» 1898 года, т. 96-й, стр. 353—362.

Она состоитъ изъ слѣдующихъ статей: 1) Введеніе; 2) Воспитаніе; 3) Законы; 4) Судопроизводство; 5) Система правленія; 6) Жалованье чиновникамъ; 7) Взиманіе податей; 8) Дорожная повинность; 9) Недоимки; 10) Казенное хозяйство; 11) Торговля; 12) Состояніе флота; 13) Военныя поселенія; 14) Экономическій капиталъ поселеній; 15) Состоянія; 16) Заключение.

38. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 595.

39. Убѣжденія императора Николая въ смыслѣ необходимости подобныхъ ограничительныхъ постановленій возбуждались и поддерживались разными, доставляемыми ему изъ Третьяго Отдѣленія, свѣдѣніями. Примѣромъ можетъ служить слѣдующая записка:

«Извѣстно ли вашему императорскому величеству, что отставной артиллеріи генералъ-майоръ Николай Муравьевъ, учредитель бывшей въ Москвѣ школы колонновожатыхъ, имѣетъ нынѣ здѣшней губерніи Рузскаго уѣзда въ деревнѣ своей другое заведеніе, въ коемъ 60 крестьянскихъ дѣтей воспитываются столь хорошо, что въ теченіе четырехъ лѣтъ могутъ быть управителями имѣній. По слухамъ Муравьевъ намѣревается теперь распространить еще сіе заведеніе. Но, сообразивъ извѣстныя послѣдствія отъ прежней его школы, не благоудно ли будетъ вашему величеству приказать подробно и съ точностію рассмотреть сіе новое крестьянское Муравьева заведеніе, ибо оное, дѣйствуя на многочислѣннѣйшій классъ народа, можетъ быть въ будущемъ гораздо опаснѣе первой его школы».

На этой запискѣ написано рукою императора Николая: «Не мѣшаетъ узнать».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

40. Дѣло о воспрещеніи обучать крѣпостныхъ дѣтей высшимъ наукамъ. 1827 года. (Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

41. Собственноручная резолюція императора Николая, относящаяся къ этому дѣлу, заключалась въ слѣдующемъ:

«Мнѣніе Г. Кочубея совершенно согласно съ моимъ; я не выразилъ довольно en détail классъ учебныхъ заведеній, въ который принимать крѣпостныхъ полагаю; надо велѣть С. С. Блудову изготovitъ проектъ указа министру народнаго просвѣщенія, въ коемъ подробно изложить сей предметъ».

Для характеристики возрѣній императора Николая на дѣло воспитанія дѣтей лицъ высшаго класса приведемъ здѣсь слѣдующую замѣтку изъ дневника князя А. С. Меншикова отъ 21-го мая 1827 года:

«Въ 9 часовъ былъ съ докладомъ у государя на Елагиномъ острову и между прочими предметами показывалъ записку князя Павла Павловича Гагарина, въ которой онъ проситъ объ опредѣленіи сына въ морскую службу и спрашиваетъ, не нужно ли будетъ отправить его въ Англію для изученія мореходства. На сію статью государь сказалъ слѣдующее: «Je vous avoue que je n'aime pas les envois à l'étranger; les jeunes gens en reviennent avec un esprit de critique qui leur fait trouver peut-être avec raison les institutions de leur pays défectueuses».

42. Рескриптомъ отъ 14-го мая 1826 года на имя адмирала Шишкова повелѣно было образовать комитетъ устройства учебныхъ заведеній, который долженъ былъ между прочимъ опредѣлить подробно на будущее время всѣ курсы ученій, означивъ и сочиненія, по которымъ оныя должны впредь быть преподаваемы.

43. А. С. Шишковъ былъ уволенъ при слѣдующемъ рескриптѣ отъ 23-го апрѣля 1828 года:

«Александръ Семеновичъ! Согласно прошенію вашему увольняя васъ по преклонности лѣтъ и разстроенному вашему здоровью отъ должностей: министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Оставляя васъ въ званіи члена государственнаго совѣта и президента императорской российской академіи, я увѣренъ, что вы съ извѣстнымъ мнѣ рвеніемъ употребите опытъ вашего долговременнаго служенія для пользы государства. Вмѣстѣ съ сими я

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

далъ повелѣніе министру финансовъ объ оставленіи при васъ всего получаемаго вами нынѣ содержанія».

Адмиралъ Шинковъ умеръ въ 1841 году.

44. «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи». С.-Петербургъ. 1862. (Въ типографіи морского министерства). Въ продажу не поступало.

45. Командиръ 7-го пѣхотнаго корпуса генералъ отъ инфантеріи Рудзевичъ, въ томъ же высочайшемъ приказѣ, назначался командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса.

46. «Depuis quelque temps, les plaintes contre les exigences minitieuses et la sévérité du grand duc Michel avaient augmentés à un point qui paraissait allarmant; le comte Kotchoubey, le général Wassiltchikow et enfin moi en parlâmes à l'empereur, sans pourtant nous être abouchés entre nous, ce qui prouva que le bruit était général. On m'ordonna de parler au grand duc; la scène devait être vive et pénible pour moi, et chagrinante pour notre maitre; le résultat en est, que depuis quatre jours on ne reconnaît pas son altesse, il est poli, affable, enfin ce qu'il devrait être toujours, et que moi je suis brouillé peut-être pour toujours avec lui. Mais pourvu que le bien se fasse et je me console de tout, car mon seul but est le bien: mais il est difficile à faire; de jour en jour la colère des grands employés et nommément des gouverneurs généraux des deux capitales augmente contre moi, en raison que l'opinion publique se prononce pour l'établissement d'une haute police protectrice, et j'ose le dire, pour la manière dont je la conduis. Tant que faire se pourra j'éviterai à l'empereur toute espèce de tracasserie; j'en grisonnerai, mais je ne me plaindrai jamais; lorsque les intrigues dépasseront ma patience, je demanderai la place de mon frère à la tête d'une cavalerie; là au moins, lorsque le canon tire, l'intrigue reste derrière le front».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ 8-го (20-го) марта 1827 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

47. 14-го февраля 1826 года. Сборникъ Имп. Русск. ист. общ., т. 73-й, стр. 186.

48. Записка о денежномъ капиталѣ военнаго поселенія, состоящемъ по вѣдомостямъ къ 1-му марта 1826 года.

(Приложеніе къ всеподданнѣйшему письму графа Аракчеева отъ 9-го апрѣля 1826 года).

1) Общаго капитала на устройство военнаго поселенія	17.611.072 рубл.
2) Для содержанія конныхъ заводовъ	3.347.099 »
3) Для покупки офицерскихъ верховыхъ лошадей	291.217 »
4) Для кантонистовъ учебныхъ баталіоновъ и эскадроновъ	150.271 »
5) Капиталъ мастеровыхъ поселенныхъ войскъ	451.312 »
6) Для учрежденія и содержанія церквей	200.243 »
7) Заемный денежный офицерскій капиталъ	446.848 »
8) Заемный военныхъ поселянъ хозяевъ	2.095.239 »
9) Для поддержанія хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ	385.380 »
10) Для устройства офицерамъ рестораций 1-й гренадерской дивизіи	72.171 »
11) Для заведенія полковыхъ библіотекъ въ сей же дивизіи	14.915 »
12) Разныхъ мелочныхъ суммъ	140.772 »
13) Ремонту для содержанія отстроенныхъ поселенныхъ ротъ	33.886 »
14) Капиталъ для военно-сиротскихъ отдѣленій	1.365.950 »
15) Ремонта Охтенскаго порохового завода	84.853 »

Поступающихъ въ 1826 году изъ министерства финансовъ:

16) Назначенные по государственной росписи	1.430.240 »
17) Рекрутскихъ по 89 и 90 наборамъ и откупная за продажу питей	36.961 »

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Изъ министерства военнаго:

18) Изъ комиссаріатскаго департамента по указу 25-го декабря 1826 г.	2.550.742 рубл.
19) Отъ провіантскаго департамента за продовольствіе войскъ въ 1826 году отъ земли своихъ округовъ, по докладу, высочайше подтвержденному 15-го января 1826 года	1.773.580 »

Всего капитала военныхъ поселеній находится въ наличныхъ деньгахъ 32.482.733 рубл.

20) Сверхъ сего сокращено на сей 1826 годъ по государственной росписи о расходахъ военнаго министерства продовольствіемъ поселенныхъ войскъ отъ земли	1.774.558 »

49. См. въ приложеніяхъ письмо графа Аракчеева къ императрицѣ Маріи Теодоровнѣ отъ 3-го мая 1826 года.

50. Н. Шильдеръ: «Александръ I». Т. 4-й.

51. Пока графъ Аракчеевъ управлялъ еще военными поселеніями, то-есть до 1-го мая 1826 года, императоръ Николай осматривалъ новгородскія поселенія съ 23-го по 26-е апрѣля. Это было первое путешествіе государя по Россіи, предпринятое имъ послѣ воцаренія. Николай Павловичъ, оставшись вполне довольнымъ осмотрѣнными войсками, объявилъ свою особенную признательность графу Аракчееву. 30-го апрѣля по военнымъ поселеніямъ послѣдовалъ по случаю этого радостнаго событія приказъ:

«Усердіе, которое всегда отличало 1-ю поселенную гренадерскую дивизію въ устройствѣ, ученіяхъ и смотрахъ, къ особенному удовольствію моему, отличило ее и нынѣ, при высочайшемъ смотрѣ, бывшемъ 22-го, 23-го, 24-го, 25-го и 26-го числа сего апрѣля мѣсяца. Государь императоръ совершенно доволенъ. Прилагаемый при семъ высочайшій приказъ, отданный въ 28-й день сего апрѣля мѣсяца, удостовѣритъ каждаго въ монаршемъ благоволеніи. Гордитесь, воины, царскою милостію и потщитесь усердіемъ и добрымъ поведеніемъ болѣе и болѣе обратить на себя монаршее вниманіе! Въ поселенныхъ баталіонахъ, столь отлично учившихся, не производите никакого ученія до сентября мѣсяца сего года. Первое царское денежное награжденіе, по высочайшему приказу получаемое, раздать въ присутствіи полковыхъ командировъ, по принадлежности, каждому человѣку въ руки непременно, а бригаднымъ командирамъ оное засвидѣтельствовать. Высочайшій приказъ и сей отдаваемый мною прочитатъ во всѣхъ поселенныхъ полкахъ 1-й гренадерской дивизіи, въ каждой ротѣ».

Въ то время, когда графъ Аракчеевъ находился за границею, онъ удостоился еще разъ получить монаршее благоволеніе. Императоръ Николай во время проѣзда изъ Петербурга въ Москву для коронаціи, 17-го іюля 1826 года, снова осмотрѣлъ войска новгородскаго отряда военныхъ поселеній и, найдя ихъ въ отличномъ видѣ, объявилъ о томъ въ приказѣ. Въ заключеніи высочайшаго приказа сказано: «Его величество, отпоя такое отличное состояніе означенныхъ войскъ наиболее неутомимымъ трудамъ главнаго надъ военными поселеніями начальника генерала отъ артиллеріи графа Аракчеева, объявляетъ ему особенную свою признательность».

52. См. въ приложеніяхъ приказъ по отдѣльному корпусу военныхъ поселеній отъ 1-го мая 1826 года, съ критическимъ разборомъ неизвѣстнаго лица. На этой бумагѣ рукою генералъ-адъютанта барона Дибича написано: «къ свѣдѣнію».

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1047.

53. Во всякомъ случаѣ послѣдовавшее въ 1826 году уничтоженіе прежняго исключительнаго положенія, занимаемаго въ государствѣ военными поселеніями, позволяло, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что дальнѣйшему расширенію или развитію этого зловреднаго учрежденія положенъ будетъ предѣлъ.

Не такъ смотрѣлъ на любимое твореніе Александра I цесаревичъ Константинъ Павловичъ. 22-го января (3-го февраля) 1827 года онъ писалъ императору Николаю:

«C'est à vous, cher frère, de mettre la dernière main à l'oeuvre favorite de notre immortel empereur au sujet des colonies militaires qui n'ont été, pour ainsi dire, qu'ébauchées par lui».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

54. Въ завѣщательномъ распоряженіи графа Аракчеева о предназначенной наградѣ за лучшую исторію царствованія императора Александра I сказано, что сумма сія назначается въ награду тому изъ русскіихъ писателей, который къ 1925 году напишетъ исторію Александра Перваго «лучше всѣхъ, то-есть полнѣе, достовѣрнѣе и краснорѣчивѣе».

Остается пожелать, чтобы тотъ невѣдомый, заранѣе отмѣченный Аракчеевымъ, историкъ вдохновился при своей работѣ мудрыми словами графа:

«Нелицемерный судія — грядущее время и потомство, изречетъ всему справедливый приговоръ».

55. На щитѣ воина изображенъ былъ гербъ графа Аракчеева, съ его извѣстнымъ девизомъ: «Безъ лести преданъ».

Въ перепискѣ своей во поводу этого памятника Аракчеевъ писалъ: «Хотѣлось бы мнѣ, дабы русскій воинъ былъ я именований».

Отливка и постановка фигуръ стоила 22.000 рублей, подножіе изъ гранита 9.000 р.

«Что дѣлать, что дорого, то мило, а что дешево, то гнило», выразился однажды графъ Аракчеевъ при заказѣ знаменитыхъ грузинскихъ часовъ.

56. На задней сторонѣ памятника надпись: «Отъ подданнаго въ 1833 году. Царствовалъ 25 лѣтъ».

57. Михайловскій-Данилевскій: Императоръ Александръ I и его сподвижники въ 1812, 1813, 1814, 1815 годахъ. Военная галлерея Зимняго дворца. С.-Петербургъ. 1845—1849, т. 6-й, стр. 21.

58. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 622.

59. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048.

60. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 973.

61. Поименованное здѣсь изданіе графа Аракчеева слѣдуетъ признать вторымъ.

Первое изданіе было напечатано въ 1822 году, еще при жизни «отца и благодѣтеля» графа Аракчеева, подъ заглавіемъ:

«Собственноручные рескрипты государя императора Александра I къ графу Аракчееву. Съ 1796 по 1822 годъ».

62. «Que dites vous de l'impudence de M. le comte Arakcheeff qui nie formellement avoir imprimé les fameuses lettres, demande une enquête et prétend que c'est une invention des злоумышленники. Entre autres preuves pour le confondre, l'empereur a reçu par m-r Kankrin la traduction des deux dernières lettres faites par un nommé Salvatori, qui dit en avoir eu l'ordre du comte et y avoir travaillé en sa présence. On tache de rassembler les imprimés et Czernicheff ira en ambassade à Groussino, dès l'arrivée du seigneur pour lui prouver son mensonge. Qu'un homme capable d'une impudence aussi hardie est dangereux auprès d'un souverain».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ 26-го февраля 1827 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

19-го февраля (3-го марта) 1827 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«Le lendemain de votre départ j'ai reçu les deux lettres que voici, dont le contenu peut fournir à maintes réflexions!—je n'en ferai aucune et me bornerai à ajouter qu'après pareille déclaration, j'ai procédé officiellement à réclamer les exemplaires et qu'à cette occasion l'individu chargé par le comte de la traduction en français des deux fameuses lettres de Taganrog, est venu restituer les deux brouillons de la traduction avec les ratures dessus!—Je vous prie instamment de me renvoyer les lettres, ainsi que le livre, vu l'importance de l'inscription autographe; il m'est indispensable pour l'avenir».

63. 20-го февраля 1815 года генералъ-адъютантъ Чернышевъ писалъ графу Аракчееву:

«Зная, сколь всякое слово вашего сіятельства уважается нашимъ обожаемымъ монархомъ, почелъ я долгомъ показать ему лестное писмо, коимъ вы меня удостоили».

8-го августа 1815 года:

«Благосклонное расположеніе вашего сіятельства всегда было для меня столь драгоценно, что въ каждомъ случаѣ не переставалъ я руководствоваться желаніемъ бо-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

лѣе и болѣе удостоиться оказанной вашимъ сіятельствомъ мнѣ ласки. Если обстоятельства не позволяли мнѣ объяснять вамъ непрерывною перепискою привязанность мою и давать отчетъ дѣяніямъ моимъ, то не менѣе того служило мнѣ простое одобреніе ваше всегда цѣлю, вмѣстѣ и наградою... Мы всѣ крайне сожалѣли, что вы не изволили во все послѣднее время сопутствовать государю императору; всѣмъ извѣстно уваженіе, которое его величество признаетъ къ совѣтамъ и видамъ вашимъ».

Въ времена силы и могущества Аракчеева Чернышева приводили въ благоговѣйный трепетъ усердіе и преданность къ славіи государя и пользѣ службы, о конхъ графъ Алексѣй Андреевичъ неутомимо пецись изволилъ. Въ 1827 году онъ обратился уже для него въ «individu».

64. «Lors de l'expédition du dernier courrier j'étais absent pour une commission fort désagréable à Groussino; j'ai fait convenir de tout l'individu et lui ai pris tous les exemplaires imprimés qu'il avait entre les mains, soi-disant pour son propre usage. Mon coeur a gémi de ce qu'un homme qui a été si fort dans les bonnes grâces de notre angélique bienfaiteur, se soit montré même si bas et si poltron».

Изъ письма графа Чернышева къ барону Дибичу отъ 26-го марта 1827 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

65. «Le comte Arakhtchéw est de retour à Groussino; avant hier le comte Tchernicheff lui a été envoyé, les documents en mains, pour lui prouver son crime envers son bienfaiteur et maître, son abus de confiance envers l'amitié dont il en était honoré, et son mensonge impudent envers l'empereur régnant. La mission est positive, mais elle n'est pas agréable pour un homme qui pendant tant d'années a cherché et obtenu les bonnes grâces du vizir disgracié». (Изъ письма генераль-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу, отъ 18-го марта 1827 года).

Une autre affaire moins importante, mais plus sale encore, vient d'être terminée à Groussino, par l'entremise de Tchernicheff; il a tout remis, il a été aussi poltron, aussi bas qu'il avait été arrogant autrefois. Quelle leçon; l'empereur a comblé cet homme coupable de toute la délicatesse que sa belle âme devait à la mémoire de son incomparable frère; les hommes nous respecté en lui jusqu'à la faiblesse du maître qui n'existait plus; personne ne l'a attaqué, quoique tous le condamnaient. Lui seul est tombé par le propre poids de ses actions, et la Providence qui a commencée sa punition du jour de l'assassinat de sa maîtresse, n'a pas eu besoin de l'assistance des hommes, ni de la puissance de l'empereur, pour le rendre bien plus malheureux que ne l'a été Menchikow exilé au nord de la Sibérie». (Изъ письма генераль-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ 19-го марта 1827 года).

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048.

66. «Ce matin m'est revenu Чернышевъ de Groussino, où je l'avais envoyé s'expliquer verbalement avec Аракчеевъ. J'avais fait choix de lui pour plus de sûreté parce qu'il avait été dans les bonnes grâces du comte. Eh bien que croyez vous? il m'a rapporté 18 exemplaires et un aveu de ce qu'il avait eu tort; mais que comme on lui avait demandé s'il n'avait pas connaissance de livres pareils qui couraient le monde et non s'il les avait fait imprimer pour lui, il n'avait pas cru mentir en disant qu'il n'en avait pas entendu parler. Il a pleuré, protesté que c'était de l'aveu de l'empereur qu'il les avait fait imprimer et que même l'empereur lui avait souvent demandé de combien l'édition avait augmentée. Qu'il n'en a fait cadeau qu'à deux personnes, mais qu'il est possible qu'on lui en a volés; qu'au reste il les avait fait voir à plusieurs. Quant aux fameuses dernières, il était vrai qu'il les avait montrées, traduites, copiées et distribuées, et qu'en cela il s'avouait coupable devant moi de ne m'en avoir pas demandé permission. Voici un exemplaire que vous m'avez demandé».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 15-го (27-го) марта 1827 года.

67. «Les mains m'en tombent et je n'ai rien à ajouter à l'indignation que j'en ressens tant envers lui, qu'envers le misérable... qui, comblé comme il l'a été de ses bontés, a eu la bassesse de rendre son exemplaire avec la souscription autographe; moi, à

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

sa place, je l'aurais fait disparaître, en gardant toutefois l'exemplaire, si je n'aurais pu l'annuler. Un homme qui manque de reconnaissance envers son bienfaiteur, tel qu'il puisse être est un homme vil et bas, méprisable et indigne, à mon avis, de rester dans la société et surtout auprès du souverain, dans une place quelconque—c'est mon avis. Quant au livre en soi-même, il ne contient rien autre qu'une aveugle confiance d'une part d'un homme, qui jugeait les autres d'après son coeur angelique, et de l'autre une sotte vanité, un amour propre déhonté et une envie de se faire valoir au détriment même de celui qu'il appelait son père et son bienfaiteur—en un mot c'est déplorable. Si vous pouvez, cher frère, me procurer un des exemplaires, veuillez me l'envoyer, vous m'obligeriez par là infiniment».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 2-го (14-го) марта 1827 года.

68. Вѣроятно, упомянутый здѣсь Шкуринъ есть флигель-адъютантъ Павелъ Сергѣевичъ Шкуринъ, произведенный въ октябрѣ 1827 года въ генераль-майоры. Въ письмѣ къ генераль-адъютанту Бенкендорфу отъ 23-го февраля 1827 года онъ объявилъ, что получилъ отъ графа Аракчеева только копію съ письма къ нему отъ императора Александра изъ Таганрога отъ 3-го октября 1825 года, а матушка его получила отъ него двѣ копіи на французскомъ языкѣ также съ писемъ императора Александра отъ 22-го сентября и отъ 3-го октября 1825 года, «изъ коихъ въ первой четыре строки были помараны». Эти строки относились къ Мнихиной, и на это обстоятельство мы указали въ сочиненіи: «Императоръ Александръ I». Копіи эти Шкуринъ препроводилъ Бенкендорфу и заявилъ, что отъ графа Аракчеева никогда не получалъ никакихъ печатныхъ экземпляровъ писемъ императора Александра.

69. 30-го марта (11-го апрѣля) 1827 года цесаревичъ писалъ императору Николаю: «Veuillez agréer mes remerciements pour le livre du comte Araktchéew; je ne puis rien concevoir à toute sa conduite,—elle me passe».

70. Генераль Бахметевъ занималъ мѣсто генераль-губернатора въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской и Пензенской.

71. Архивъ канцеляріи военнаго министерства: «Дѣло о вредномъ вліяніи д. с. с. Магницкаго по Казанскому университету и объ отправленіи его арестованнымъ изъ Казани въ Ревель».

72. Подражатель Магницкаго, Д. П. Руничъ, находясь также въ опалѣ, написалъ на него слѣдующую эпиграмму:

Нагницкій думалъ нагибать и тою и другою рукою,
Кого ни встрѣтитъ на пути,
А самъ надѣялся уйти
Заблаговременной порою.
Не такъ-то вышло, какъ мечталъ:
Въ тенета скоро самъ попалъ,—
Согнули самого дугою.

73. Въ своихъ запискахъ Руничъ пишетъ: «Ce jour était l'anniversaire de la naissance de l'empereur Nicolas: il fut le jour de ma mort politique et du commencement des calamités incessantes qui m'accablèrent pendant seize ans».

74. «L'arrivée du grand duc a fait plaisir, mais pas le moindre effet; on dirait que c'est pour la dixième fois sous ce règne qu'il paraît à Pétersbourg. Il est de très bonne humeur, mais peu prévenant en général. On se dit l'un à l'autre, il n'a pas changé. Avant hier, à la parade, il demanda la permission de commander les ordonnances à cheval. Il a crié, s'est enroué, et a fait ressortir le calme et la tenue de l'empereur d'une manière si éclatante, que généraux, officiers et même soldats en ont fait la remarque».

Изъ письма генераль-адъютанта Бенкендорфа къ генераль-адъютанту барону Дибичу, отъ 9-го февраля 1827 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. I. № 1048).

75. «Le grand duc Constantin a quitté St.Petersbourg hier soir pour coucher à Strelna et se mettre ce matin en route pour Varsovie. Dieu soit loué, son séjour ici a

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

encore consolidé la bonne harmonie des deux frères; ils se sont quittés très content l'un de l'autre et le public est enchanté de la tenue de l'empereur et de l'empressement respectueux du grand duc. Celui-ci peut venir ou ne plus arriver; cela devient indifférent; cette dernière apparition a été très utile, en ce qu'elle a remis tout à sa place. Le grand duc est maintenant positivement à la place qu'il occupait du temps de l'empereur Alexandre, avec la différence que cet espèce de parti, qui prônait le changement qui s'était opéré en lui et qui vantait ses qualités pour l'administration, se tait entièrement et que le public se demande d'où était venu cette impulsion en sa faveur».

Изъ письма генераль-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ 16-го (28-го) февраля 1827 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

76. Записки графа Бенкендорфа.

77. Предсѣдателемъ комитета назначенъ былъ начальникъ морского штаба, а членами вице-адмиралы: Сенявинъ, Пустошкинъ и Грейгъ, контръ-адмиралъ Рожновъ и капитанъ-командоры: Крузенштернъ, Ратмановъ и Белингсгаузенъ.

78. Собственноручная записка императора Николая.

Устройство морского министерства.

Морское министерство состоитъ изъ:

- 1) инспекторскаго департамента,
- 2) комиссаріатскаго,
- 3) провіантскаго,
- 4) артиллерійскаго,
- 5) инженернаго,
- 6) аудиторіатскаго.

При морскомъ министрѣ: 1) особая канцелярія, 2) совѣтъ.

Должность морского министра править начальникъ морского штаба.

- 1) Инспекторскій департаментъ ведетъ счетъ людямъ.
- 2) Комиссаріатскій одѣваетъ и снабжаетъ все, что принадлежитъ до экипажной части морского вѣдомства, завѣдываетъ и медицинскою частью.
- 3) Провіантскій кормитъ и снабжаетъ флотъ провизіей.
- 4) Артиллерійскій вооружаетъ экипажи и флотъ.
- 5) Инженерный завѣдываетъ всею строительною частью и снабжаетъ верфи всѣми строевыми подробностями и содержитъ въ исправности всѣ суда.
- 6) Аудиторіатскій — судная часть.
- 7) Канцелярія министра — общій центръ дѣлъ.
- 8) Совѣтъ — посторонніе члены для обсуживанія проектовъ и попеченія о постепенномъ улучшеніи всего.

79. Выпишемъ здѣсь замѣчательный отзывъ князя Мещникова о дѣятельности вице-адмирала Грейга:

«Сердце восхищается, видя труды сего человѣка, единственно къ пользѣ и усовершенствованію обращенные. Онъ нашелъ флотъ и всѣ принадлежности въ гнусномъ и отвратительномъ положеніи; офицеровъ невѣждъ, корабли гнилые, дурно вооруженные, и флагмановъ и капитановъ, боящихся ночью плавать; постепенно сіи предметы улучшены, охота къ наукамъ водворяется. Эскадры по три мѣсяца плаваютъ, не входя въ порты; а наиболѣе меня удивило, что ни одно изобрѣтеніе новое, ни одна книга, вышедшая въ Европѣ, не остается въ безызвѣстности, и все здѣсь испытывается и примѣняется».

80. Въ первыхъ числахъ марта въ Тифлисъ прибылъ еще товарищъ дѣтства и другъ государя, флигель-адъютантъ Адлербергъ, съ порученіемъ помогать Дибичу. Въ письмѣ своемъ къ Дибичу императоръ Николай называетъ его: «votre secrétaire privé».

81. «Je suis charmé, je vous avoue, de vous savoir sur les lieux et à même de juger par vos yeux dans ce dédale d'intrigues; j'espère que vous ne vous laisserez pas fasciner

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

les yeux par cet homme pour qui mentir est une vertu quand cela peut lui être utile et qui se joue des ordres qu'on lui donne. Enfin que Dieu vous assiste et vous inspire pour être juste».

Изъ письма императора Николая къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 8-го (20-го) марта 1827 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 973).

82. Князь Щербатовъ. Т. 2-й. Стр. 177.

83. Князь Щербатовъ. Т. 2-й. Стр. 178.

84. Дибичъ не оставался безъ извѣщеній изъ Петербурга о томъ, какіе преобладаютъ тамъ взгляды относительно кавказскихъ дѣлъ.

14-го (26-го) февраля 1827 года, графъ Сухтеленъ писалъ Дибичу: «Il m'est revenu par voies que je crois sûres, que sa majesté l'empereur aurait témoigné de plus en plus son mécontentement à l'égard du général Yermoloff. Je me tromperai fort, ou l'on espère de vous, mon général, un parti décisif. Ne trouvez pas mauvais si j'ose me mêler de vous communiquer un semblable avis, ni même si j'ajoute, qu'on paraît redouter de vous voir mettre un excès de chevalerie dans vos rapports avec l'homme qui vous a regardé comme son ennemi personnel. Dire cela à votre excellence n'est point intriguer auprès d'elle. Le lui cacher, serait une réticence que je me reprocherais. Bref, je puis me tromper, mais je crois que la destitution est la chose indispensable autant que désirée, et que tout terme moyen exigerait un vrai plaidoyer pour être agréé ici».

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ въ своей перепискѣ съ Дибичемъ также давалъ ему понять, чего отъ него желаютъ въ Петербургѣ, и писалъ 16-го (28-го) февраля 1827 года:

«Toutes les nouvelles qu'on reçoit depuis votre départ sur la Georgie officielles et particulières augmentent la persuasion de l'empereur et même du public, que votre envoi était indispensable, et que l'honneur de la Russie a été complètement compromise par m-r Ermolow. Les loix et la discipline qui sont notre force en Asie, puisqu'ils sont en balance contre l'arbitraire et l'indiscipline musulmane ont été rejetés par la vanité et le désir de séduction de celui qui pour premier devoir aurait du professer le respect pour les loix, le zèle pour la discipline militaire. Je fais des vœux bien sincères pour votre santé et la pleine réussite de la grande et belle commission dont vous êtes chargé. Tout le monde conçoit la difficulté de votre position, mais aussi tout le monde s'accorde à dire, que vous la remplirez avec loyauté et adresse».

Наконецъ въ письмѣ своего товарища, графа Чернышева, генералъ-адъютантъ Дибичъ могъ найти еще болѣе драгоценныя указанія для рѣшенія порученнаго ему щекотливаго дѣла.

28-го февраля (12-го марта) 1827 года графъ Чернышевъ писалъ:

«Avant d'avoir eu de vos nouvelles, tous les jours, notre travail commençait par un calcul de l'endroit où vous pouviez être arrivé. Sa majesté le faisait avec le plus vif intérêt, se reposant entièrement sur tout ce que vous jugerez à propos de décider pour le bien des affaires; une autre fois il m'a dit à moi tout seul, que si vous ne parveniez pas à y mettre fin et si la mesure de votre envoi ne suffisait point, il paraîtrait qu'il n'y aurait plus d'autre moyen à prendre que d'y aller soi même. Je ne vous rapporte tout cela que pour vous prouver l'importance que l'on met à votre envoi et l'influence que vos décisions doivent avoir; je suis trop de vos amis pour ne point vous répéter que tant que vous garderez là l'homme qui y est, vous n'aurez rien terminé, vous aurez de belles promesses et voilà tout, à moins de rester là pour terminer le tout, et Dieu nous en garde; mon vœu le plus cher est que vous preniez vos mesures de manière à ce qu'en votre présence, comme après votre départ, l'impression que vous aurez donnée se poursuive également. Nos amis communs spéculent là dessus, mais ils seront bien confondus lorsque, comme je l'espère, vous reviendrez avec des titres de plus et à la reconnaissance de notre souverain si judicieux et de la patrie. Je regrette beaucoup de ne pas être à même de vous aider sur les lieux, je pense que j'aurais pu aussi vous y être utile».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Еще ранѣе, въ письмѣ отъ 14-го (26-го) февраля, графъ Чернышевъ умолялъ Дибича отложить въ сторону: «toute délicatesse et ce sentiment de générosité qui vous honore, mais qui pourrait entraîner après soi des conséquences bien funestes pour le service et qui retomberait sur vous. Il faut bien vous aimer et vous porter un estime à toute épreuve pour vous parler de la sorte. Tout ce que je vois et entend me fait désirer ardemment que vous terminiez au plus tôt vos affaires avec un plein succès d'une manière stable et définitive et nous reveniez sous peu».

85. Князь Щербатовъ, т. 2-й, стр. 187, и Военно-ученый архивъ, отд. 2, № 4442.

По словамъ графа В. Ф. Адлерберга, «Дибичъ Ермолова не любилъ, но еще болѣе не любилъ Паскевича, котораго побанвался, зная къ нему дружбу государя».

Паскевичъ, вспоминая прїѣздъ Дибича въ Тифлисъ въ 1827 году, рассказывалъ, что онъ всячески упрощалъ Ермолова остаться на Кавказѣ, съ тѣмъ, чтобы не поручать Паскевичу этого высокаго поста. «А отчего? — прибавилъ Паскевичъ: — оттого, что Ермоловъ былъ уже старъ и слѣдовательно не могъ быть ему опасенъ, а на меня онъ завистливо смотрѣлъ, какъ на своего соперника; я былъ однихъ съ нимъ лѣтъ и заявилъ уже свой военный талантъ; но Ермоловъ былъ непреклоненъ въ рѣшимости своей удалиться съ Кавказа».

«Древняя и Новая Россія», 1878 года, т. 1-й, стр. 84: А. А. Филипповъ: «Воспоминанія о князѣ И. О. Паскевичѣ-Эриванскомъ».

86. Князь Щербатовъ, т. 2-й, стр. 122.

87. «Hier soir est arrivé votre courrier, porteur de votre intéressante lettre du 28. Que voulez-vous que je vous dise après pareille lecture? Si vous qui êtes sur les lieux n'avez pas cru pouvoir vous décider encore, comment pourrais-je moi le faire à cette distance et d'après tout ce que vous me dites. Je vois clairement que les choses ne peuvent pas aller de cette sorte; vous et Paskévitch partis, cet homme abandonné à lui même vous mettra dans la même position à l'égard de la connaissance des affaires et de la certitude de le voir marcher dans notre sens, comme cela fut avant le départ de Paskévitch à Moscou — responsabilité que je ne puis prendre sur moi. Aussi après avoir tout pesé murement et tout en attendant votre second courrier, s'il n'apporte pas d'autres données que celles que vous m'avez déjà fait entrevoir, je ne vois pas de possibilité autre que de vous faire user du plein pouvoir donné pour renvoyer Yermoloff. C'est Paskévitch que je destine pour le remplacer, car je ne vois pas dans vos rapports qu'il aie en rien manqué aux devoirs de la plus stricte discipline. Or, deshonorer cet homme par son rappel en pareil cas est contre ma conscience... Pour administrer le pays c'est Sipiaguine que j'enverrais par le retour du courrier décisif que j'attends de vous. Enfin, je vous le répète, si votre dernier courrier ne porte aucune circonstance de plus de celle de celui-ci, sans plus tardes exécutez ce que je vous ai parlé et informez m'en de suite. Mettez d'abord Paskévitch sur le pied convenable et faites lui voir toute l'importance du poste auquel je l'appelle en pareil cas et sentir tout le prix de ma confiance; homme d'honneur et mon ancien chef il saura, je réponds de lui, remplir mes vœux... Voilà, cher ami, mon dernier mot, et je vous répète encore qu'il est pour le cas que votre courrier que j'attends ne m'apporte pas d'autres nouvelles que les dernières reçues hier... Que Dieu vous guide dans vos démarches et recevez tous mes remerciements pour votre zèle et vos soins dans une démarche aussi difficile. Que Dieu vous assiste et fasse marcher tout pour le mieux».

Изъ письма императора Николая къ барону Дибичу отъ 12-го (24-го) марта 1827 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 973).

88. Въ письмѣ отъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1827 года императоръ Николай по поводу Сипягина еще разъ писалъ Дибичу:

«Portez toute votre attention à ce que Sipiaguine dès son arrivée se met bien avec Paskévitch et sur le pied le plus confiant possible; je compte sur votre zèle, cher ami, et sur votre savoir faire, pour arranger cette partie importante du service dès le commencement de façon à ne devoir rien appréhender pour l'avenir. Dites bien à Sipiaguine que

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

j'espère que les intrigues n'auront plus jeu près du commandant de là bas, et que c'est sur lui que je compte pour prévenir les suites d'une aussi fâcheuse tendance». (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 973).

Генералъ-адъютантъ Сипягинъ прибылъ въ Тифлисъ въ концѣ апрѣля 1827 года и тамъ же умеръ въ октябрѣ 1828 года.

89. Отношеніе генералъ-адъютанта Дибича генералу Ермолову отъ 29-го марта 1827 года:

«По высочайшему его императорскаго величества соизволенію на увольненіе вашего высокопревосходительства въ Россію и на вступленіе по сему случаю въ главное начальство надъ войсками кавказскаго отдѣльнаго корпуса и въ главное управленіе здѣшнимъ краемъ, на существующемъ нынѣ основаніи, генералу отъ инфантеріи Паскевичу, прошу ваше высокопревосходительство покорнѣйше учинить нужное о семъ съ вашей стороны распоряженіе».

Наканунѣ, т.-е. 28-го марта, Дибичъ сообщилъ словесно повелѣніе государя прежде всего Паскевичу, а затѣмъ и Ермолову.

90. О. М. Уманецъ: «Прокопсулъ Кавказа». «Историческій Вѣстникъ», 1888 года.

91. 26-го марта (7-го апрѣля) 1827 года графъ Чернышевъ писалъ барону Дибичу:

«Le contenu de la lettre que sa majesté vous a adressée par le courrier du 13, nous a été entièrement inconnu, tant au comte Tolstoy qu'à moi, jusqu'à ce matin; c'est au moment de notre travail qu'on est venu apporter vos dépêches; l'empereur en a pris connaissance en notre présence et nous a dit vous avoir écrit que si votre prochain courrier n'apportait point une détermination positive de votre part, sa majesté résoudrait l'éloignement du général Yermoloff, en confiant le commandement de cette contrée au général Paskévitch; en même temps sa majesté a ordonné de préparer un courrier pour être expédié au général Sipiaguine que sa majesté impériale nomme gouverneur militaire de Tiflis, dirigeant aussi la partie civile sous les ordres du chef de corps; ce courrier vient d'être expédié ce matin et il porte l'ordre à ce général de partir dans les 24 heures et 10.000 roubles pour ses fraix de route. Cette issue était inévitable et bien à prévoir et voici sur quoi on base non seulement ce qui justifie, mais plus sur ce qui a rendu cette détermination de toute nécessité: d'abord on assure que conserver à cette distance un homme qui inspire de la méfiance tant pour ses capacités, que pour sa bonne volonté, ne pourrait être qu'essentiellement nuisible pour le bien du service et même pour la tranquillité de l'empereur; que dix ans de son administration et les derniers événements militaires, ont donné sa mesure sous ces deux rapports et loin de donner une garantie quelconque pour des opérations vigoureuses et bien entendues; tous les antécédents déposent contre lui et font prévoir la même marche tortilleuse et indécise dès que vous aurez tourné les talons; que sans parler des sentiments de haine, qui lui portent les peuplades soumises à notre domination, sa position personnelle politique vis-à-vis la dynastie régnante en Perse éloignerait les bienfaits d'une paix prompte et honorable, et lui ferait toujours préférer des moyens révolutionnaires pour parvenir à ses fins, si peu d'accord et avec nos véritables intérêts et en général au principe conservateur qu'on ne saurait observer assez religieusement; qu'en définitif même en lui confiant les opérations militaires, il faudrait toujours le changer pour conclure la paix. Vos amis y ajoutaient qu'en gardant Yermoloff dans son poste contre le désir prononcé de sa majesté impériale et l'opinion de la grande majorité des gens bien pensants, vous vous rendiez en quelque sorte garant de toutes ses actions et porteriez la responsabilité morale, à moins de rester là pour le surveiller constamment; je vous avouerai avec une entière franchise que je partage moi-même une bonne partie de ces raisonnements et me félicite de ce que vous allez sortir d'une situation des plus délicates et qui aurait pu devenir de plus en plus désagréable».

92. «Je m'applaudis d'avoir désigné Paskévitch pour remplaçant; car je vois par votre lettre, qu'au cas que ce fut lui que je nommasse, vous ne supposiez pas nécessaire de prolonger votre séjour. Vous aurez vu par ma dernière lettre que je vous autorisais de rester aussi longtemps que vous le jugeriez nécessaire, pour mettre Paskévitch sur le pied convenable et régler tout le nouvel ordre des choses».

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Изъ письма императора Николая къ генераль-адъютанту Дибичу отъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1827 года.

93. «Vous me donnerez tous les détails possibles sur la manière dont tout se passera; point de bruit, de scandale; je défends toute injure de la manière la plus positive et vous en rends tous responsables, mais point de farces, de lamentations déplacées, que tout se passe en ordre, avec dignité et dans la stricte règle de service».

Изъ письма императора Николая къ генераль-адъютанту Дибичу отъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1827 года.

94. О томъ, какъ совершилась смѣна, баронъ Дибичъ не замедлилъ донести государю въ письмѣ отъ 29-го марта (10-го апрѣля) 1827 года:

«J'ai communiqué de suite l'ordre de votre majesté verbalement au général Paskévitch qui a reçu sa nomination avec pleine reconnaissance et mettra certainement tout son zèle à s'en rendre digne; sans se cacher nullement les difficultés de sa situation, il paraît être persuadé de ne pas devoir les craindre; avec le fond de droiture que je lui connais, je serais entièrement rassuré, si je ne craignais toujours un peu l'influence des intrigues asiatiques. Je lui en ai parlé en ami et en serviteur fidèle de votre majesté impériale et il m'a répondu de même et je ne laisserai certainement pas passer la moindre occasion sans la lui faire remarquer avec sincérité et délicatesse. Le général Yermoloff auquel j'ai parlé après a reçu cet ordre avec la plus parfaite soumission et une résignation, qui a surpassé mon attente en me répétant qu'il prouverait, comme il l'avait dit avant, que dans tout état il serait un sujet soumis et fidèle. Il m'a parlé après sur beaucoup de détails regardants le pays et le service, et je dois dire que dans tout cela je n'ai pu remarquer la moindre astuce. Ce n'est qu'en prenant congé de moi qu'il m'a adressé la demande sur quoi je croyais surtout fondée la mauvaise opinion de votre majesté impériale sur son compte. Je lui ai répondu que je ne me croyais pas en droit de faire là dessus aucune réponse, que votre majesté disposait sur le choix de ses généraux d'après le degré de confiance qu'elle portait à leur capacité de bien remplir ses ordres, mais s'il voulait savoir mes suppositions à moi, que je devais croire que c'était surtout le peu d'assurance dans une marche décisive des opérations qui avait dû baser une telle résolution».

(Военно-ученый архивъ. Отд. II. № 4442).

95. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его биографіи, собранные М. Погодинымъ. Москва. 1864. Стр. 390.

96. «Le renvoi du général Yermoloff m'impose le devoir de présenter à votre majesté impériale que dans ce pays aussi enclin aux délations même fausses, on ne porte aucun doute au désintéressement complet de ce général. Il est pauvre en même temps, car la fortune de son père doit être extrêmement délabrée. Il me paraît juste de récompenser la qualité bonne, même en reprimant les torts. En osant fixer l'attention de votre majesté sur cet objet, je dois ajouter qu'on dit que le général Yermoloff a refusé une ferme accordée par sa majesté feu l'empereur».

Изъ письма генераль-адъютанта Дибича къ императору Николаю отъ 29-го марта (10-го апрѣля) 1827 года.

По свидѣтельству Погодина, графиня А. А. Орлова-Чесменская, услышавъ о скудномъ содержаніи Ермолова, сказала у себя за столомъ, что она почла бы себя счастливою, если бы Алексѣю Петровичу угодно было взять въ свое распоряженіе ея подмосковное имѣніе — Островъ. Тогда государь велѣлъ обратить столовыя деньги также въ пенсію Ермолову, и онъ началъ получать по 30.000 рублей асс. ежегодно.

97. Е. П. Ковалевскій: Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ. «Вѣстникъ Европы», 1868 года, т. 2-й, стр. 161.

Насколько примѣръ безкорыстія Ермолова не нашелъ себѣ подражателей, можетъ служить слѣдующій эпизодъ его антагониста Дибича.

2-го марта 1816 года Дибичу было всемілостивѣйше выдано 150.000 рублей ассигнаціями изъ государственнаго заемнаго банка заимообразно на 15 лѣтъ, съ тѣмъ чтобы уплату начать производить по прошествіи семи лѣтъ, т.-е. со 2-го марта

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

1823 года. 22-го октября 1817 года князь Волконскій увѣдомилъ Дибича, что государь императоръ въ знакъ особеннаго своего благоволенія за отличную и ревностную службу его повелѣть соизволилъ платить ежегодно (въ продолженіе 14-ти лѣтъ) изъ кабинета государственному заемному банку причитающіеся оному проценты. Высочайше разрѣшено было уплачивать капиталъ съ 1823 года согласно особому расчету, составленному генераль-адъютантомъ Дибичемъ въ продолженіе трехъ лѣтъ по 10.000 капитала, а остальные шесть лѣтъ по 20.000 рублей. Замѣчательно, что расчеты Дибича кончились роковымъ для него въ послѣдствіи 1831 годомъ (2-го марта).

98. Воспоминанія Э. В. Бриммера — «Кавказскій Сборникъ», т. 15-й.

99. «L'ordre du jour vous aura appris le changement de Yermolow par Paskévitch. D'après le tableau exact de ce que Diebitsch m'a décrit, les choses tout en n'étant pas aussi outrées mauvaises qu'on les décrivait, se trouvaient l'être assez pour prouver, blanc sur noir, que Diebitsch et Paskévitch partis, tout rentrerait dans le cahos, le désordre qui avaient précédés et étaient habituels dans ce pays, vu les principes en usage chez Yermolow. Vous m'avouerez qu'à la veille d'une guerre c'étaient de tristes garanties pour le succès. Paskévitch était irréprochable; je ne pouvais donc balancer et j'ai franchi le grand pas. On a été tout abasourdi ici pendant deux à trois jours et les качели on fait oublier et Yermolow et la Georgie. Ce matin j'ai reçu de Diebitsch le rapport que le changement a eu lieu et tout s'est passé en ordre; Yermolow a reçu la chose humblement et sans plaintes. J'ai fortement intimé à Diebitsch à user de tout son pouvoir et de mon nom pour empêcher et prévenir tout transport ni exclamation ni pour ni contre, mais que tout se passe sévèrement dans le strict ordre de service; il paraît que je réussirai donc à voir la chose finie non ainsi qu'une chute de personnage de cour, disgrâce ou etc. mais comme une sдача doit avoir lieu».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 9-го (21-го) апрѣля 1827 года.

100. Слово «качели» въ кавычкахъ написано императоромъ Николаемъ по-русски.

Въ письмѣ графа Чернышева къ барону Дибичу, отъ 12-го апрѣля 1827 года, по тому же поводу сказано:

«On a beaucoup bavardé en ville, lorsque l'ordre du jour a été connu, et quelques uns même, que vous connaissez, d'une manière impermise; actuellement ce sujet de conversation tombe».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

101. Сообщая барону позднѣйшія извѣстія изъ Грузіи, императоръ Николай 27-го апрѣля (9-го мая) 1827 года писалъ:

«Les affaires même à en juger par les rapports ont pris un air d'ordre qui me fait espérer pouvoir bien augurer de l'avenir».

102. Императоръ Николай возвратился изъ Вязьмы въ Петербургъ 19-го (31-го) мая 1827 года.

103. Графъ Сакенъ обнаруживалъ въ это время уже поразительные признаки старости. По окончаніи смотра, фельдмаршалъ не могъ доѣхать до квартиры верхомъ; его сняли съ лошади и, разостлавъ коверъ у самой дороги, по которой двигался народъ обратно, сложили старика, который и заснулъ, несмотря на шумъ и топотъ кругомъ. Около него сталъ караулъ и не позволялъ экипажамъ ѣхать слишкомъ скоро.

Записки М. С. Николаевой: «Русскій Архивъ», 1893 года, книга 3-я, стр. 184.

104. Государь выѣхалъ изъ Петербурга 26-го іюля и возвратился изъ поѣздки 30-го числа.

105. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048.

На письмѣ рукою барона Дибича написано:

«Хранить въ канцеляріи по секретной части до востребованія».

106. Изъ письма М. М. Фока къ генераль-адъютанту Бенкендорфу отъ 14-го сентября 1826 года.

107. Peter von Goetze: Fürst Alexander Nikolajewitsch Galitzin und seine Zeit. Leipzig. 1882, p. 393.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

108. На рукописи «Историческаго обозрѣнія» Н. Г. Устряловымъ написано собственноручно:

«Сочиненіе сіе написано мной въ 1841—1842 годахъ и въ свое время было представлено министру народнаго просвѣщенія. Министръ не нашелъ удобнымъ докладывать о немъ государю императору. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1846 года попечитель С.-Петербургскаго университета и предсѣдатель цензурнаго комитета М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, внимательный ко всему благонамѣренному, препроводилъ рукопись, по разсмотрѣніи ея, къ управлявшему министерствомъ императорскаго двора генералъ-адъютанту Адлербергу. Генералъ Адлербергъ представилъ ее императору 1-го декабря 1846 года утромъ и на другой день вечеромъ получилъ обратно, съ повелѣніемъ пригласить автора и поручить ему исправить свой трудъ согласно съ сдѣланными его величествомъ собственноручными карандашемъ замѣчаніями. Всѣ сіи замѣчанія переписаны слово въ слово красными чернилами въ семь нарочно святомъ для того списокѣ съ подлинной рукописи.

«Декабрь 1846 года.

Н. У.».

109. Эта замѣтка была очевидно вызвана воспоминаніемъ о всеподданѣйшемъ письмѣ Ермолова отъ 3-го марта 1827 года. Въ немъ дѣйствительно встрѣчаются выраженія о неспособности, бездѣятельности, отсутствіи доброй воли, но Ермоловъ нисколько не приписываетъ себѣ этихъ качествъ, но пишетъ, что государь можетъ приписать ему эти недостатки. Притомъ, какъ выше упомянуто, увольненіе Ермолова составляло уже совершившійся фактъ, когда письмо его доставлено было въ Петербургъ.

110. Историческое обозрѣніе царствованія государя императора Николая I. Сочиненіе Н. Устрялова. С.-Петербургъ. 1847.

111. Н. Г. Устряловъ: «Воспоминанія о моей жизни». — «Древняя и Новая Россія», 1880 года, стр. 651.

Біографъ Ермолова пишетъ: «Алексѣй Петровичъ былъ очень огорченъ однимъ мѣстомъ въ исторіи царствованія Николая Павловича, которое касается до увольненія его изъ Грузіи. Онъ написалъ письмо къ автору и прочелъ мнѣ уже переписанное набѣло. Я сказалъ нѣсколько словъ за Устрялова; Ермоловъ началъ по обыкновенію отклоняться: «это правда, я напрасно сердился на него, онъ не виноватъ и проч.» (Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи, собранные М. Погодинымъ. Москва. 1864, стр. 406).

112. Николай Барсуковъ: Жизнь и труды М. П. Погодина. С.-Петербургъ. 1896. Книга 9-я. Стр. 178.

113. Замѣтимъ здѣсь, что слова «по волѣ Ермолова» написаны были императоромъ Николаемъ; Устряловъ написалъ, что Паскевичъ немедленно принялъ по высочайшей волѣ начальство надъ войсками. Государь написалъ съ боку: «неправда». Слова: «по высочайшей волѣ», зачеркнуты и замѣнены: «по волѣ Ермолова».

Затѣмъ остается еще сказать, что на стр. 38 своего «Историческаго обозрѣнія» Устряловъ написалъ, что государь назначилъ вмѣсто генерала Ермолова главнокомандующимъ генерала Паскевича. Императоръ Николай прибавилъ: «вмѣсто уволеннаго по желанію своему Ермолова».

114. По поводу письма А. П. Ермолова въ дневникъ графа П. Х. Граббе читаемъ: (1847 г.) «Письмо А. П. Ермолова къ Устрялову по поводу одного мѣста объ немъ въ его исторіи нынѣшняго царствованія. Нахожу, что нѣсколько вычурно. Главное возраженіе не могло быть высказано по вышинѣ, откуда брошена молнія».

Записная книжка графа П. Х. Граббе. Москва. 1888. Стр. 198.

115. Передъ отъѣздомъ изъ Тифлиса Дибичъ осматривалъ нѣкоторыя части войскъ, двинувшіяся въ походъ; судя по его донесеніямъ, все его вниманіе, при оцѣнкѣ боевой готовности этихъ войскъ, сосредоточивалось на одиночной выправкѣ людей, равненіи при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ и щеголеватой пригонкою мундировъ.

116. К. Х. Бенкендорфъ, подобно своему брату, шефу жандармовъ, также относился къ Ермолову недружелюбно и недоверчиво. По пріѣздѣ Дибича въ Тифлисъ Бенкен-

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

дорфъ увѣрялъ его, что общее мнѣніе не позволяетъ оставить Ермолова начальникомъ на Кавказѣ. Въ такомъ же духѣ Бенкендорфъ писалъ, конечно, въ Петербургъ.

117. 14-го (26-го) іюля къ Паскевичу прибылъ изъ Петербурга генераль-квартирмейстеръ, графъ П. П. Сухтеленъ, и вступилъ въ исправленіе должности начальника корпуснаго штаба.

118. Гассанъ-ханъ бѣжалъ ночью изъ крѣпости Сардаръ-Абада.

119. Съ нашей стороны во все время осады убыль доходила до ста человѣкъ убитыми и ранеными.

120. Князь Щербатовъ, т. 3-й, стр. 18.

121. «Вообще всѣ провинціи пристають къ намъ,—доносили Паскевичъ,—такъ что я теперь только стараюсь удержать ихъ отъ лишняго порыва противъ своего прежняго правленія».

Ханы Урмійскій и Хойскій предлагали Паскевичу не только предаться намъ, но и содѣйствовать истребленію послѣднихъ войскъ Аббаса-Мирзы.

122. Князь Щербатовъ, т. 3-й, стр. 23.

123. Всеподданнѣйшій рапортъ генераль-адъютанта Паскевича отъ 29-го октября 1827 года.

124. По странной случайности, въ одинъ и тотъ же день утромъ пришло въ Петербургъ извѣстіе о подписаніи Аббасъ-Мирзою предварительныхъ условій мира, а вечеромъ императоръ Николай получилъ отъ генерала Ермолова прошеніе объ увольненіи его въ отставку. По этому поводу государь писалъ цесаревичу Константину Павловичу 29-го ноября (11-го декабря) 1827 года:

«Nos troupes sont admirables dans leur conduite dans ce pays et comme Constantin Benkendorf l'écrivait à son frère, fort justement, c'est là le plus beau des lauriers que notre immortel ange ait acquis dans la campagne de 14, car c'est bien de ce moment que notre excellente armée a senti le prix d'une conduite pareille: Yermoloff a failli nous faire perdre cette belle qualité. A propos de lui, n'est-il pas extraordinaire que ce même vendredi matin, j'ai reçu sa demande de démission du service et le soir le courrier avec les préliminaires de la paix de ce même Tauris où il prétendait que nous ne pouvions arriver que l'automne 1828».

По полученіи приведеннаго здѣсь отзыва о Ермоловѣ, сдѣланнаго императоромъ Николаемъ, цесаревичъ отвѣчалъ 7-го (19-го) декабря 1827 года:

«Quant au général Yermoloff il doit crever dans sa peau, comme on le dit, et, si jamais Figaro a eu raison, c'est bien le cas de dire, comme il le dit, que les gens d'esprit sont bêtes. Je suis bien peiné de ce qu'il ait tourné de la sorte puisqu'on ne peut lui contester ni des talents, ni du mérite; je vois par l'ordre du jour qu'il vient d'obtenir son congé».

125. Архивъ канцеляріи военнаго министерства.

126. Указъ правительствующему сенату отъ 15-го марта 1828 года:

«Въ воздаяніе отличнаго усердія и важныхъ отечеству заслугъ генераль-адъютанта нашего, генерала отъ инфантеріи Паскевича, многими блистательными побѣдами, въ продолженіе счастливо прекратившейся нынѣ съ Персіей войны пріобрѣтшаго новую славу нашему оружію и увѣнчавшаго сіи подвиги заключеніемъ выгоднаго во всѣхъ отношеніяхъ мира, коимъ предѣлы государства распространяются за Араксъ, и присоединяется къ владѣніямъ нашимъ область Армянская,—всемилоостивѣйше жалуетъ его и потомство его въ графское Россійской имперіи достоинство, повелѣвая ему отнынѣ именоваться графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ».

127. Князь Щербатовъ, т. 3-й, стр. 55.

128. П. Глиноецкій: «Русскій генеральный штабъ въ началѣ царствованія императора Николая I». «Военный Сборникъ», 1877 года, № 5.

129. На письмо императора Николая отъ 18-го марта графъ Паскевичъ отвѣчалъ государю 12-го апрѣля 1828 года изъ Тифлиса:

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«Ваше императорское величество,

«всемиловѣйшій государь.

«Ваше императорское величество явили на мнѣ милости необыкновенныя; вкогда малыя заслуги подданнаго не были награждаемы столь щедро государемъ милосерднымъ. Памятникъ благотвореній вашихъ увѣковѣченъ на мнѣ и моемъ потомствѣ.

«Никакія слова, никакія выраженія не могутъ изъяснить чувствъ безпредѣльной сердечной благодарности моеѣ къ государю моему и благодѣтелю; вся жизнь моя, посвящаемая службѣ вашему императорскому величеству, всѣ силы мои и способности да обратятся къ одной цѣли и мысли—заслужить щедроты столь безпримѣрныя.

«Но, бывъ осчастливленъ великимъ благоволеніемъ вашимъ, государь всемиловѣйшій, съ ощущеніемъ радости смѣшиваю прискорбіе душевное: жалобы моихъ подчиненныхъ на строгую мою взыскательность, отчасти справедливыя, дошли до высочайшаго престола; повергаю милосердному воззрѣнію вашего императорскаго величества полную мою въ томъ исповѣдь.

«Съ вѣчною признательностію къ великимъ благодѣяніямъ вашего императорскаго величества и съ вѣрноподданническою покорностію повергаюсь къ стопамъ государя премилосерднаго,

«вашего императорскаго величества,

«всемиловѣйшаго государя

вѣрноподданный

«графъ Иванъ Паскевичъ Ериванскій».

Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5322.

Упомянутую въ письмѣ графа Паскевича исповѣдь намъ не удалось найти въ архивахъ.

Письмо графа Паскевича отъ 12-го апрѣля не приведено въ біографіи его, написанной княземъ Щербатовымъ.

130. Князь Щербатовъ, т. 3-й, стр. 96.

131. На просьбу султана о содѣйствіи Персіи въ войнѣ съ Россіею шахъ отвѣчалъ: «Когда Персія находилась въ затруднительномъ положеніи и требовала вспоможенія отъ турокъ, то они оставались равнодушными зрителями покоренія областей ея; что, заключивъ нынѣ вѣчный миръ съ Россіею, онъ не можетъ измѣнить своему слову, но считаетъ обязанностью ходатайствовать за турокъ у императора руссійскаго чрезъ своего посланника, котораго намѣренъ скорѣе отправить».

Рапортъ графа Паскевича графу Дибичу отъ 10-го (22-го) іюня 1828 года. Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2759.

132. «Il faut avouer que les musulmans sont spirituels pour le moment de faire la paix. L'année 1812 les turcs se sont pressés de la signer au moment que Napoléon avec l'Europe à sa suite envahissait l'empire; maintenant les persans les imitent pour nous faciliter les moyens d'écraser leurs corréligionnaires. La paix est superbe... Aussi Paskévitch a-t-il été fait comte d'Erivan avec une dot d'un million. Voilà comme il faut récompenser... Enfin la chose est terminée, comme il convient à un empereur de Russie. Tout le monde y applaudit, et même les jaloux, les envieux, les critiqueurs, les aboyeurs ne trouvent rien à dire».

Архивъ князя Воронцова. Книга 35-я. Стр. 276.

133. «Je me permets de vous faire mes félicitations plus que sincères sur une autre victoire que vous avez remportée et qui à mon faible avis n'est pas sans conséquence, c'est celle que le tout s'est passé sans le général Yermoloff, qui a été l'idole de l'opinion publique et réputé comme le seul capable dans notre pays. Ceci, à mon avis, est une victoire non moins essentielle et qui fera rentrer bien des gens à leur place avec leurs idées du siècle et subversives de tout ordre légal où le génie doit toujours rempla-

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

cer ce qui est établi. Vous avez prouvé que l'on a pu se passer de lui et j'en bénis le ciel de tout coeur, c'est une bonne leçon donné à l'univers entier».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 24-го марта (5-го апрѣля) 1828 года.

134. Письмо цесаревича Константина Павловича къ А. П. Ермолову, отъ 25-го іюня 1816 года.

Выражая въ этомъ письмѣ опасенія, чтобы Персія не перевела много православныхъ, цесаревичъ пишетъ: «Впрочемъ все зависитъ отъ миссіонерства послѣдника общества Грубера. У насъ все смирно и слава Богу хорошо; дѣло идетъ впередъ, но хлопотъ и работъ много. Заднихъ дверей у насъ нѣтъ, и хотя вы и увѣрены, что я послѣдникъ Грубера, но въ оправданіе скажу вамъ, что для этого слишкомъ горячъ, строгъ и откровененъ».

Цесаревичъ любитъ приравнивать Ермолова къ извѣстному своею хитростью іезуитскому патеру Груберу и писалъ: «Я всегда къ вамъ какъ въ душѣ, такъ и на языкѣ, а вы, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ и товарищъ, иногда и съ обманомъ бывало». (Изъ письма отъ 17-го февраля 1817 года).

135. Когда Ермоловъ произведенъ былъ въ генералы отъ инфантеріи, цесаревичъ писалъ ему 6-го марта 1818 года:

«Достойному достойное! Истинно отъ всего сердца я весьма обрадованъ былъ повышеніемъ вашимъ, и отъ всей искренности спѣшу вашего высокопревосходительства поздравить съ онымъ. Всякъ, кто безпристрастенъ и не терзаемъ завистью, зная дарованія ваши, вѣрно будетъ для пользы отечества доволенъ симъ».

136. 28-го іюня 1826 года генералъ-адъютантъ Дибичъ донесъ цесаревичу рапортомъ, что государь проситъ его высочество: «всѣхъ прикосновенныхъ къ слѣдствію варшавскаго комитета лицъ, принадлежащихъ къ русскимъ губерніямъ, отъ Польши присоединеннымъ, по совершенному окончанію производящегося объ нихъ изысканія, приказать отправить въ С.-Петербургъ ко мнѣ, для посаженія ихъ въ крѣпость и преданія суду на основаніи русскихъ узаконеній».

Une haute cour nationale connaîtra des crimes d'état et des délits commis par les grands fonctionnaires du royaume, dont le sénat décrète la mise en jugement d'après l'article 116. La haute cour est composée de tous les membres du sénat.

(Article 152).

137. Lisicki: Le marquis Wielopolski. Vienne. 1880. T. I, 1, p. 76.

138. «Quant à ce que vous me dites de ce que vous ne pouvez comprendre comment est-ce que l'on peut qualifier de tendance éloignée la connaissance d'un complot qui avait pour but l'assassinat du roi et de sa famille,—ceci peut paraître au premier aperçu; mais le crime de ceux qui le servaient, d'après les lois existantes ne peut être qualifié que de non révélation, chose tout à fait distincte et prévu par le code. Quant à l'assassinat même et que les russes provoquaient, il est prouvé par les dépositions des prévenus tant russes que polonais que ces derniers s'y sont constamment refusés et n'ont pas voulu seulement entendre parler, mettant en avant qu'aucun régicide n'a entaché la nation polonaise. Le crime donc consiste purement dans la non révélation de ce fait. La tentative éloignée dont il est fait mention se rapporte donc purement et simplement au désir du renversement du gouvernement actuel en profitant pour l'exécuter sur les changements qui auraient pu arriver en Russie et, comme l'époque n'en était pas fixée, il ne peut donc être autrement dénommé comme il l'a été par le procureur général, surtout vu les dépositions même des russes qui le remettaient d'année en année».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го ноября (12-го декабря) 1827 года.

Въ письмѣ императора Николая къ цесаревичу отъ 23-го ноября (5-го декабря) 1827 года, на которое ссылается Константинъ Павловичъ, государь пишетъ: «J'ai achevé la lecture de la première partie de l'acte d'accusation . . . Je ne cache donc pas à Grabowski que cette lecture ne m'a entièrement satisfait, car je ne comprend pas la manière dont on peut qualifier de tentative éloignée la connaissance d'un complot

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

(par quelques uns des prévenus) dont le but avoué, permanent était l'assassinat de leur roi et de sa famille. Il y a d'autres expressions aussi que je ne trouve pas bien choisies».

139. «La mercuriale a été reçue avec respect et soumission, mais pas avec persuasion, d'après tous les rapports qui me parviennent de différentes parts; au reste à quoi peut-on s'attendre d'êtres semblables et à un ramassis comme le sont les sénateurs dans la majorité de ce pays-ci. Pourtant il faut être juste qu'il y en a entre eux qui sentent le faux pas qu'ils ont fait et sont repentants. Au lieu de sentir la délicatesse de votre procédé envers eux, en leur faisant faire des reproches à huis clos, il y en a qui l'attribuent à ce que l'on n'a pas osé le faire publiquement et qu'au reste ils ont emporté la prise en délivrant des patriotes qui faisaient tout pour la patrie. C'est l'interprétation qui court entre la jeunesse oiseuse et, surtout, entre les étudiants; ils deviennent de jour en jour plus insolents et plus audacieux et surtout depuis l'enterrement du palatin Bielinski. J'en ai déjà prévenu le gouvernement et de la grande urgence qu'il y a de remettre toute cette jeunesse turbulente à l'ordre; tous les êtres bien pensants le sentent et sont de mon avis; mais je ne sais à quoi cela tient, les mesures que l'on croit pouvoir prendre ne répondent pas à l'urgence du cas. Il est à remarquer que la jeunesse studieuse a pris une tendance très remarquable pour le mal depuis peu, et je serai assez porter à le croire, qu'elle est guidée du dehors et nommément du duché de Posen et de la France; au reste tout le monde dirigeant est averti et l'on fait tout son possible pour prévenir et réprimer le mal s'il venait à se manifester d'une manière plus hostile».

140. Графъ Грабовскій, Шабанскій, Родовицкій, Оскерко, Иосифъ Булгаринъ, Сергѣево-путовскій, Довнаровичъ, Дочевскій, Кленковскій, Дерамеръ, Дениско, графъ Грохольскій, Ленкевичъ, Рокицкій и графъ Мощенскій.

141. Письмо генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу, отъ 9-го (21-го) марта 1829 года. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961.

142. 24-го октября (5-го ноября) 1827 года Рибопьеръ писалъ изъ Буюкъ-дере графу Палену, управляющему Новороссійскими губерніями:

«Un combat terrible entre les escadres alliées et la flotte Turco-Egyptienne a eu lieu à Navarin le 8 (20). La flotte turque a été détruite. Cette nouvelle étant parvenue ici a plongé la Porte dans un état de stupeur et d'exagération. La seule mesure qui semble arrêtée jusqu'ici, c'est d'empêcher les bâtiments russes, français et anglais de sortir. Je crains qu'on n'arrête ma poste; je n'ai pas de nouvelles de Smyrne depuis cinq jours, quoique j'en attende de l'amiral Heyden et que mes collègues aient à en recevoir de leurs amiraux. La Porte pourrait se porter à quelque excès contre nous. Je ne crois pas ma position sans danger. Ne laissez sortir aucun bâtiment russe du port d'Odessa jusqu'à ce que vous recevriez de mes nouvelles et envoyez cet avis à Pétersbourg, Greig et au comte Wittgenstein. Bonjour, cher Pahlen. Dieu veuille que cette crise ne soit que passagère. Je vous embrasse en me recommandant à votre souvenir.

«Ribeupierre».

По полученіи этого письма, графъ Паленъ отправилъ немедленно изъ Одессы, 30-го октября (11-го ноября) 1827 года, нижеслѣдующее всеподданнѣйшее донесеніе:

«Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше представляю письмо полномочнаго министра при Портѣ Оттоманской, тайнаго совѣтника Рибопьера, сейчасъ мною полученное, о важномъ сраженіи, происшедшемъ при Наваринѣ между соединенными и турецко-египетскимъ флотами, въ которомъ сей послѣдній совершенно истребленъ. Свѣдѣніе сіе доставлено сюда и партикулярнымъ образомъ шкиперомъ коммерческаго судна, бѣжавшаго изъ пролива, который объявляетъ, что поводомъ сраженія было дерзкое поведеніе начальниковъ турецкаго флота, которые, не принимая никакихъ миролюбивыхъ предложеній со стороны союзниковъ, желали дѣйствовать военною силою и даже стрѣляли въ парламентаровъ, изъ коихъ одинъ, племянникъ англійскаго адмирала, убитъ. Шкипера коммерческихъ судовъ, прибывшихъ въ Одессу изъ пролива въ четыре дня, присовокупляютъ, что флотъ вашего императорскаго величества, бывъ въ самомъ пылу сраженія, болѣе всѣхъ отличился, но что корабль «Азовъ» пострадалъ нѣсколько.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

«При семъ всеподданнѣйше доношу вашему императорскому величеству, что о приостановленіи отправленія въ Константинополь коммерческихъ судовъ подъ російскимъ флагомъ сдѣлано отъ меня надлежащее распоряженіе по всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ портамъ, съ дружескимъ предвареніемъ о томъ и судовъ подъ англійскимъ и французскимъ флагами.

«О настоящемъ случаѣ увѣдомлены мною главнокомандующій 2-ю арміею и вице-адмиралъ Грейгъ».

Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2599.

Наваринское сраженіе сопровождалось слѣдующимъ случаемъ въ Рени, о которомъ донесъ 3-го (15-го) ноября 1827 года командиръ военной брандвахты:

«Сего числа въ 5 часовъ пополудни турецкое судно, проходя мимо брандвахты, было, по заведенному порядку, опрашиваемо, откуда и куда слѣдуетъ. Имѣя ходъ сильный и будучи въ полномъ своемъ грузу, почти промчалось мимо мнѣ ввѣреннаго поста, крича гвалтомъ: «Война, война! Гибель русскимъ!»

«Сображая сіи дерзости съ полученными отъ галацкой агенціи извѣстіями, за нужное считаю о томъ увѣдомить».

Галацкія извѣстія заключались въ томъ, что въ Бранловѣ былъ читанъ султанскій фирманъ, чтобы всѣ военные чины были въ готовности и при своихъ постахъ и чтобы цѣпь выставить со стороны Молдавіи, по обомъ берегамъ Серета, дабы наблюдать, съ которой стороны послѣдуетъ нападеніе.

143. Der Russisch-Türkische Feldzug 1828 und 1829. Berlin. 1845.

144. Австрійскій дипломатъ Прокешъ-Остенъ справедливо замѣтилъ: «*Avant Navarin les grecs n'avaient en leur faveur que dix chances sur cent, ils en ont aujourd'hui soixante dix contre trente*».

145. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера. «Русскій Архивъ», 1877 года, стр. 23.

146. 22-го ноября 1827 года Рибопьеръ писалъ графу Витгенштейну изъ Перы: «Наконецъ дѣла наши съ Портою приняли оборотъ рѣшительный; истощивъ бесполезно всѣ средства убѣжденія, я и сотоварищи мои, французскій и англійскій послы, выѣзжаемъ отсюда».

Письмо Рибопьера получено было въ Тульчинѣ 7-го декабря.

Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2578.

147. Рибопьеръ писалъ 5-го (17-го) декабря 1827 года генеральному консулу Минчиаки въ Букарестъ:

«*Ayant vainement attendu un vent favorable pour me rendre à Odessa et ne pouvant plus prolonger mon séjour ici, je me suis décidé à me rendre à Trieste . . . Je crois encore une fois pouvoir vous assurer que d'après toutes les apparences aucun turc ne passera le Danube et que vous pourrez par conséquent rester dans les principautés sans inconvénient jusqu'aux ordres que vous recevrez de m. le comte de Nesselrode*».

148. По словамъ Меттерниха: «*L'événement de Navarin, ses causes et ses suites plus que probables, tout place sa majesté impériale dans la situation morale la plus pénible. Je vous avouerai même que dans le long cours de plus de huit ans que j'occupe une place qui me met en contact journalier avec sa personne, je n'ai jamais vu notre auguste maître ni plus douloureusement affecté ni plus activement inquiet*».

Mémoires de Metternich, t. 4, p. 404.

149. «*Dans cet écrit le comte de Nesselrode s'exprime en vrai bravache . . . C'est ainsi qu'ont pensé et parlé Carnot et Danton avec ceux qui les ont copiés plus tard. Ils n'en ont pas moins été écrasés par les «vieux et ennuyeux principes», et c'est ce qui arrivera également au comte de Nesselrode avec ces rodomontades*».

Mémoires de Metternich, t. 4, p. 416.

150. Е. Θεокτιστοῦ: Борьба Греціи за независимость. С.-Петербургъ. 1863. Стр. 169.

151. Контръ-адмиралу де-Риньи императоръ Николай пожаловалъ орденъ св. Александра Невскаго.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

152. Графа Гейдена императоръ Николай награди́лъ орденомъ св. Георгія 3-й степени и чиномъ вице-адмирала. Въ числѣ отличившихся русскихъ моряковъ находились капитанъ 1-го ранга М. П. Лазаревъ, будущій начальникъ Черноморскаго флота, равно какъ и лейтенантъ П. С. Нахимовъ и мичманъ В. А. Корниловъ — все имена, стяжавшія себя въ послѣдствіи всемірную извѣстность.

«Вообще въ теченіе этой кампаніи выказались блестящіе дарованія Лазарева въ управленіи эскадрою, состоявшею по большей части изъ полусгнившихъ судовъ и неопытной команды, въ образованіи отличныхъ офицеровъ, въ умѣніи узнавать въ молодыхъ людяхъ достойныхъ себя преемниковъ и приобрести уваженіе и пріязнь лучшихъ моряковъ англійскаго флота». (Исторія вѣншательства Россіи, Англіи и Франціи въ войну за независимость Греціи. С.-Петербургъ. 1862. Стр. 29).

153. Лондонскій договоръ 24-го іюня (6-го іюли) 1827 года.

154. «Pour vous donner une idée de la besogne que j'ai eue, figurez vous que cette nouvelle ¹ est venue me surprendre le soir même du jour que le courrier porteur de la nouvelle de la bataille de Navarin, m'était arrivée!—Voilà bien d'une autre affaire!—Je ne me suis pas étonné de la chose, car, selon moi, elle était la conséquence très naturelle des clauses du traité ², qui mettaient nos escadres dans le cas, selon moi, immanquable d'en venir à l'extrémité pareille, sitôt que les turcs persistaient à céder aux insinuations autrichiennes, que tout ce que nous faisons sous le nom d'alliance n'était qu'une mauvaise farce et que faisant les obstinés dans leurs idées d'extermination, ils nous mettraient dans le cas de faire crouler tout notre traité d'alliance par crainte d'en venir à des extrémités. Hé bien!—le cas prévu est arrivé; des parlementaires ont été tués, la destruction de la flotte s'en est suivie et a prouvé à l'Europe étonnée combien nos résolutions d'en finir étaient sérieuses, sincères et combien sincère et franche était l'union de nos trois cours dans cette délicate affaire. Chose unique dans l'histoire, les trois pavillons les plus hétéroclites réunis et combattant comme des frères d'une même nation! Je m'attends toujours, d'après le même principe que nous devons suivre fidèlement, à quelque coup semblable contre les grecs, si eux de leur côté ne finissent l'infâme métier qu'ils font; les ordres les plus sévères sous ce rapport ont déjà été donnés et j'engage instamment mes alliés à les répéter encore le plus solennellement possible, pour prouver que nous ne sommes dans cette affaire ni grecs, ni turcs, mais que nous persistons à user de tous nos moyens pour faire finir cette infâme lutte de part et d'autre et que nous ne désirons qu'ordre et tranquillité. Avant que ce but, tant et si longuement désiré, ne fut atteint, il est très possible toujours par les mêmes causes, qu'une guerre s'en suive; déjà je sais que l'empereur d'Autriche, dans le premier moment de peine à la réception de cette nouvelle, a dit: «Si je ne suivais que mon sentiment je ferais marcher 100.000 hommes pour soumettre la Morée, mais je sens que je ne puis le faire»!—Cela joint à d'autres nations nous commande la plus grande circonspection».

(Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 12-го (24-го) ноября 1827 года).

155. Повидимому, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, подобно цесаревичу Константину Павловичу, также не слишкомъ сочувствовалъ обороту, данному въ то время нашей политикѣ въ восточномъ вопросѣ, если судить по слѣдующему отрывку его записокъ:

«Посреди стеченія взаимныхъ неудовольствій и недовѣрчивости, Европу вдругъ поразило неожиданное извѣстіе о кровавой Наваринской битвѣ. Нашъ флотъ вмѣстѣ съ англійскимъ и французскимъ сражался противъ оттоманскаго, сжегъ его, захватилъ турецкія суда и матросовъ. Какъ было изъяснить, что этотъ лютыи бой, истребившій соединенныя морскія силы Турціи и Египта, произошелъ единственно отъ недоразу-

¹ Императоръ Николай получилъ извѣстіе о занятіи нашими войсками Тавриза.

² Лондонскій договоръ 24-го іюня (6-го іюли) 1827 года, заключенный между тремя державами: Россіею, Англіею и Франціею.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

мѣнія и не долженъ имѣть никакого вліянія на прерваніе добраго согласія между сказанными кабинетами и константинопольскимъ дворомъ? Нужно ли прибавлять, что такое странное изъясненіе трудно было Портѣ понять и еще труднѣе съ нимъ согласиться? Съ этого времени отношенія къ намъ Турціи стали еще хуже; наша торговля подверглась новымъ притѣсненіямъ, данныя въ Аккерманѣ обѣщанія остались неисполненными, и наконецъ явный разрывъ былъ неминуемъ. Начались приготовленія къ войнѣ.

156. «Quant à la victoire de Navarin, tout en reconnaissant la valeur et le courage de notre marine et en leur faisant mes félicitations du fond de mon coeur, je ne puis que déplorer et les motifs et les résultats et les suites incalculables de cette victoire navale: l'anglais en vrai Machiavel a su profiter de la situation du russe et du français qui, dans tous les cas, étant mis au pied du mur ne pouvaient qu'accepter la proposition du combat sans être taxés de timidité ou de poltronnerie. Le russe y est pour sa bonne foi, le français pour sa bêtise et l'anglais seul pour son avantage en détruisant une flotte n'importe quelle, qui pût lui faire un peu d'ombrage, ayant pour principe de ne mépriser aucune nacelle sur eau. Pardon, cher frère, de vous exposer ces idées; elles ne tirent à aucune conséquence vous venant d'un homme dont la nullité est le partage, mais je le devais à ma loyauté et ma franchise et comme un tribut de franchise que je vous doit et ne pouvant et ne devant rien vous cacher; c'était ma marche envers feu notre immortel empereur et le sera toujours le même envers vous, jusqu'à ce que vous n'en ordonnier autrement».

(Изъ письма цесаревича Константина Павловича отъ 20-го ноября (1-го декабря) 1827 года).

157. Оцѣнка политическаго значенія Наваринскаго боя, сдѣланная императоромъ Николаемъ, сходится вполне съ мнѣніемъ Джона Росселя, сказавшаго: «Я рѣшительно того мнѣнія, что эта блистательная побѣда была необходимымъ результатомъ Лондонскаго договора. Кромѣ того, я полагаю, что это была одна изъ самыхъ честныхъ побѣдъ, одержанныхъ оружіемъ какой либо державы отъ начала міра».

158. «L'affaire de Navarin toute désastreuse qu'elle ait été pour les turcs, n'est qu'une conséquence naturelle et légale du traité qui a été longtemps d'avance déclaré à la Porte et déclaré parce que c'était le seul moyen de faire cesser un ordre de choses incompatible avec un ordre légal dans cette partie du monde. Cinq années ont prouvé que la Turquie ne pouvait terminer elle-même une lutte infâme de part et d'autre. L'Angleterre l'aurait terminée à elle seule et comme il lui convenait; je ne pouvais le souffrir, car c'eût été lui céder de bon gré le droit d'y faire ce que bon lui semble dans le sens exclusif non du bien de la chose en général, mais bien pour ses intérêts exclusifs. Il fallait la forcer donc à s'engager à la face de l'Europe de renoncer à toute vue d'avantages exclusifs dans ces contrées—voilà la raison du traité du 6 Juillet. La France par défiance y est entrée, et tant mieux; les voilà liées; nous y sommes comme contrepoids ou antidote; les conséquences en seront non une république ou des républiques, mais la cessation de la part des turcs et des grecs, que nous allons à leur tour mettre à la raison, de toute hostilité, et le rétablissement de la liberté de commerce dans ces parages,—point trop important pour tout notre midi pour que je puisse en confier le soin ni aux anglais, ni même à l'ami Metternich. Maintenant si la guerre doit avoir lieu, c'est une conséquence fort malheureuse et fort probable même à la déraison des turcs, et voilà où il m'est impossible de rien préciser d'avance».

(Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 29-го ноября (11-го декабря) 1827 года).

159. «Quant à l'affaire turque, elle est bien d'une autre conséquence; les nouvelles que nous en avons ici sont tellement contradictoires que réellement on ne sait à quoi s'en tenir. Dans tous les cas, si la guerre a lieu ou non, la cause des grecs n'en sera pas pour cela terminée; elle est trop embrouillée, trop compliquée pour ses résultats et pour ses intérêts pour que l'on puisse dès à présent porter un jugement définitif. D'après ce que j'en pense, toute politique mise à part ainsi que les intérêts particuliers des puissances européennes, cette cause grecque est la cause du jacobinisme pur et simple et n'en

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

дѣлаетъ изъ того, что м-р президентъ Capodistrias, qui peut vouloir la faire envisager sous un autre point de vue pour le moment, n'en est pas moins du jacobinisme ou bien du libéralisme qui l'a remplacé dans ce siècle. En résumé, c'est la cause de l'émancipation des peuples par la révolte contre leurs gouvernements légaux, et si l'on l'admet où que ce soit, elle entraîne des conséquences semblables à l'infini et encouragées par la réussite et le soutien que l'on y a données. J'ai le droit plus que personne d'en parler et de dire hautement ma façon de penser, puisque je l'ai dite au comte lui-même et que je n'ai pas changé d'avis à ce sujet dès le principe de l'insurrection. Je dirai plus que, si les chances des événements tournent à l'avantage des grecs, ce qui est fort probable, nous verrons le comte changer de conduite, augmenter ses prétentions et, en résumé, établir un ordre républicain et un état qui remplacerait celui des turcs. Alors, j'oserai demander ce que l'on aura gagné au change?

«La cause a été et est appuyée par toutes les têtes révolutionnaires du monde entier; y prêter les mains — c'est se mettre de pair et compagnie avec eux, et déjà l'on a été trop loin, d'après ce que j'en pense, par la reconnaissance du président d'un état révolutionnaire et de fait et non de droit. C'est l'histoire des états du midi de l'Amérique qui, à mon avis, devraient être détruits aujourd'hui même et non demain, si toute fois on pouvait y parvenir».

«L'opinion publique, comme on l'appelle de nos jours, est une peste et si les gouvernements s'y soumettent et assissent d'après il n'y a plus de bornes puisqu'elle est aussi versatile que le vent,—c'est au gouvernement à la diriger et non de la suivre pour avoir la majorité du moment; il faut penser aux conséquences. Au reste les grecs si vantés pour leurs malheurs, sont aussi peu civilisés et sont aussi plus barbares que les turcs que l'on veut leur faire remplacer. Voilà ma profession de foi, elle peut déplaire à bien du monde, ce qui ne m'importe guère, mais elle n'en restera pas moins la même. Il ne faut pas admettre chez autrui ce qu'on ne souffrirait chez soi».

(Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 7-го (19-го) декабря 1827 года).

Въ такомъ же духѣ цесаревичъ писалъ и въ слѣдующемъ году, предъ самымъ открытиемъ кампаніи на Дунаѣ, 24-го марта (5-го апрѣля) 1828 года.

«Quant à votre politique et à vos mesures envers les turcs, il ne me reste qu'à former les vœux les plus sincères pour que tout finisse à votre gloire et pour le bien-être de notre pays; mais je me permettrai d'observer que la cause des turcs est une et celle des grecs une autre chose. Je ne conçois pas comment est ce que l'on peut exiger des premiers la clause de devoir gouverner les seconds de telle ou telle manière; si c'était le cas, on pourrait à juste titre exiger de nous de gouverner tel peuple de notre dépendance, de la même façon, d'après les intérêts de nos voisins. Peut-être je ne sais ce que je dis, mais je vous dois ma franchise de vous exposer mes idées telles qu'elles me viennent, puisqu'à mes yeux la justice est partout justice et elle est immuable; le vieux proverbe dit: «ne faites pas à autrui ce que vous ne voulez pas que l'on vous fasse».

160. Султанская прокламація начиналась прямымъ обращеніемъ къ Россіи:

«Всѣмъ здравомыслящимъ людямъ извѣстно, что какъ всякій мусульманинъ естественно есть смертельный врагъ невѣрныхъ, такъ и невѣрные суть равномѣрно смертельные враги мусульманъ, и что наипаче дворъ Россійскій есть непримиримый врагъ народа мусульманскаго и Оттоманской имперіи».

161. «Enfin nous sommes dans une grande crise politique. Il est très difficile d'en calculer le dénouement; le fait est que l'empereur est calme, attend les événements, se prépare à tout ce qu'ils peuvent avoir de plus difficile et restera toujours loyal et modéré. Si cela déplaît à quelques cabinets, au moins les peuples y applaudiront, et c'est une grande balance dans les affaires de nos jours». Архивъ князя Воронцова. Книга 35-я, стр. 275. (А. X. Бенкендорфъ графу М. С. Воронцову 12-го марта 1828 года).

162. Въ февралѣ 1828 года графъ Нессельроде писалъ въ Лондонъ князю Ливену:

«Nous ne connaissons pas d'état qui puisse permettre que son commerce soit ainsi arrêté, ses sujets maltraités, son honneur insulté, ses traités foulés aux pieds. Nous ne

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

connaissions pas d'état qui puisse laisser des actes pareils impunis et ne point chercher dans des mesures de répression la garantie d'un avenir moins contraire à ses intérêts. Les droits de la Russie à cet égard sont incontestables, indépendants de toute transaction avec des puissances tierces, et ils ne sauraient provoquer leur opposition, de même qu'ils ne demandent pas leur concours».

163. Въ деклараціи, обнародованной тогда русскимъ правительствомъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія заключительныя ея строки, свидѣтельствующія о безкорыстныхъ видахъ, отличавшихъ политику императора Николая:

«Принужденная употребить силу для защиты правъ своихъ, Россія, вопреки приглашеніямъ Порты, не имѣетъ ненависти къ сей державѣ, не умышляетъ ея разрушенія. Если бы намѣренія нашего правительства были устремлены къ войнѣ непримиримой и къ сокрушенію Турецкой имперіи, оно давно бы воспользовалось однимъ изъ безчисленныхъ, непрестанно представляющихся случаевъ къ разрыву. Россія не имѣетъ и видовъ честолюбія; довольно предметовъ для заботливой попечительности ея правительства въ обширныхъ странахъ, ему подвластныхъ».

Нельзя сказать, чтобы русскій officialный переводъ деклараціи, подлинникъ которой написанъ на французскомъ языкѣ, отличался точностію. Достаточно привести для сравненія по-французски послѣднія вышеприведенныя слова деклараціи: «Assez de pays et de peuples reconnaissent ses lois; assez de soins s'attachent à l'étendue de ses domaines».

164. Въ силу указа 12-го апрѣля генералъ-интендантъ второй арміи, генералъ-майоръ Мельгуновъ, оставаясь въ своемъ званіи, долженъ былъ состоять подъ начальствомъ главноуправляющаго Абакумова.

165. Одинъ изъ такихъ фазисовъ обозначился, напримѣръ, въ слѣдующемъ письмѣ графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 4-го декабря 1827 года:

«Je vous restitue, mon cher comte, le rapport du comte Wittgenstein qui me semble s'exagérer extrêmement les difficultés de l'occupation des principautés. L'idée d'une explication préalable avec l'Autriche a été, comme vous devez vous en rappeler, prise en pure considération et rejetée comme déplacée et même, je vous l'avouerai, comme un peu ridicule. D'après ma plus intime conviction il m'est impossible de lui supposer l'intention de nous prévenir dans l'occupation des principautés. Ce sont de ces mesures que pourrait prendre Bonaparte, d'audacieuse mémoire, mais ni l'empereur François, ni même son principal ministre, n'ont fait preuve jusqu'ici d'une pareille témérité. D'ailleurs je ne comprendrai même pas trop comment ils pourraient effectuer une opération aussi hardie. Il faudrait pour cela qu'ils eussent munis leurs généraux sur les frontières d'ordres éventuels et d'une latitude qui ne sont pas dans leurs habitudes. Je ne doute donc pas qu'une colonne poussée avec vigueur de Reni sur Boucares n'ait le temps de les prévenir partout. Au reste d'après les derniers rapports de Ribeaupierre, il paraît que la Porte, tout en laissant partir les représentants, continuera à éviter soigneusement de nous fournir aucun grief direct. L'entrée de nos troupes sur le territoire Turc devra donc nécessairement être arrêtée en commun avec nos alliés, ce qui nous donnera également le temps d'éclaircir davantage l'attitude que l'Autriche sera disposée à prendre au milieu de cette complication. D'après cette considération il me semble que d'autoriser le comte Wittgenstein à mettre son armée dès à présent sur le pied de guerre serait prématuré».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2563).

166. «Tout jusqu'à ce moment est tranquille sur la frontière turque, et ce ne sera pas moi qui commencerai, à moins que je n'y sois forcé par les circonstances prévues par le traité».

Императоръ Николай — цесаревичу Константину Павловичу 23-го ноября (6-го декабря) 1827 года.

167. «Mes résolutions sont prises; elles sont irrévocables et en cela les turcs nous ont rendu un vrai service», писалъ императоръ Николай цесаревичу Константину Павловичу 17-го февраля 1828 года.

168. Принцъ Евгеній, ничего не знавшій объ этихъ намѣреніяхъ императора Николая, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что, если бы государь послалъ польскую армію

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

въ Турцію, то въ 1880 году въ Польшѣ не вспыхнула бы революція. «На полѣ битвы быстро заключается братскій союзъ, — пишетъ принцъ, — къ тому же поляки храбрые солдаты, а безъ ихъ содѣйствія возстаніе было бы немислимо».

169. 15-го (27-го) февраля 1828 года цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ фельдмаршалу графу Сакену, что, находясь въ Петербургѣ, «нимало не скрывая, откровенно и гласно» высказывалъ мнѣніе, «начиная сіе предъ самимъ государемъ императоромъ, что имѣть намъ войну нѣтъ никакой въ виду пользы. Начать оную весьма легко; какой же будетъ конецъ, одному только Богу извѣстно. Надѣяться на свою силу не можно. Наполеонъ показалъ надъ собою разительный примѣръ: при всемъ могуществѣ его какія вышли послѣдствія».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 410).

170. Письмо цесаревича Константина Павловича къ Вильгельму Николаевичу Оливу, отъ 20-го августа (1-го сентября) 1829 года, изъ Франкфурта на Майнѣ. «Русскій Архивъ», 1870 года, стр. 425.

171. Для характеристики отношеній между двумя братьями приведемъ здѣсь слѣдующія строки изъ двухъ писемъ императора Николая къ цесаревичу.

Отъ 15-го (27-го) сентября 1827 года:

«Je puis vous assurer que toute ma vie mon seul désir est d'être constamment digne de vous; s'il m'arrive quelquefois d'être dans le cas d'émettre une opinion qui diffère de la votre, croyez toujours que j'agis d'après ma conscience, le sentiment de l'énorme responsabilité dont je suis accablé et la conviction que toute autre manière de m'acquitter de mes devoirs serait blâmable et ne mériterait pas votre estime, chose à laquelle je tiens plus qu'à toute chose!»

Отъ 2-го (14-го) ноября 1827 года:

«Je voudrais que vous puissiez lire dans mon coeur et vous trouveriez le désir ardent que chaque geste, chaque mot, enfin tout ce que je fais, puisse me mériter vos bontés, votre satisfaction—c'est là le but de mon existence, que ne m'est il toujours possible de vous en donner des preuves; c'est du moins là tout ce que je désire».

172. «Mais en tout état de choses, du calme, pas de précipitation et pas de légèreté, et permettez moi de vous répéter les paroles du maréchal Souvorow qui disait: глазъ впередъ, глазъ назадъ, глазъ направо, глазъ налево, et ajoutait à ceci, malgré son horreur des retraites, en prétendant qu'il ne devait pas y en avoir, qu'avant de faire un pas en avant, il fallait regarder en arrière pour voir si on pouvait en faire deux et même quatre».

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ императору Николаю, изъ Варшавы отъ 28-го февраля (11-го марта) 1828 года.

173. См. въ приложеніяхъ переписку по поводу прусскихъ и австрійскихъ вооруженій и предположеній объ участіи польской арміи въ турецкой войнѣ.

174. Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 9-го (21-го) іюня 1828 года, изъ лагеря близъ Траянова вала.

175. Quant aux affaires de l'Orient et puisque vous m'en parlez, je crois de mon honneur et de mon devoir de ne pas vous cacher en rien mon opinion, qui est celle d'éviter toute rupture formelle avec les turcs si ne le faire qu'à la dernière extrémité et sans précipitation. Le mal ne viendra pas de ce côté, mais s'il vient, il viendra de l'Occident, c'est pour cela qu'il fait tout son possible pour nous occuper tant en Perse, contre les turcs et pour les grecs. L'Occident craignait notre force physique, prête à fondre sur lui, s'il bougeait; maintenant que ces forces sont nécessairement divisées, elles imposent moins et nos ennemis d'Occident pourront agir à leur aise. Par cet état de chose, il s'est soustrait pour ainsi dire de notre surveillance. Je parle de ceci généralement, puisque tout bouleversement, n'importe quel, est une atteinte portée à votre dignité et à votre puissance. L'Occident a voulu nous donner de la tablature en Orient et y a réussi parfaitement. Nous y sommes par nos moyens, nos intérêts et notre bonne foi et risques, orsque l'Occident se soucie fort peu de nous et ayant réussi à détourner notre surveil-

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

lance de dessus lui, pourra se réunir dans le sens tel qu'il voudra. Mais en tout état de choses, du calme, pas de précipitation et pas de légèreté».

Изъ письма цесаревича къ императору Николаю отъ 28-го февраля (11-го марта) 1828 года.

176. «Je ne me permettrai jamais de vous tracer des principes que vous devez suivre, cher frère, comme vous le dites dans votre lettre, et si la vérité, que je crois être telle d'après ma conscience, vous est parfois exprimée par moi, avec toute la franchise qui me caractérise, ce n'est que l'habitude que j'ai contractée de le faire auprès de feu notre immortel empereur qui m'y engage et la parole sacrée que je lui ai donnée d'en user de même envers vous, une fois qu'il n'existerait plus et ce qu'il a exigé de moi sous serment».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю, отъ 24-го марта (5-го апрѣля) 1828 года.

177. Императоръ Николай впервые упомянулъ о своемъ желаніи имѣть у себя польскихъ офицеровъ въ письмѣ къ цесаревичу отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1828 года:

«J'allais oublier de vous demander si vous ne trouveriez pas très convenable de m'envoyer pour la campagne quelques officiers polonais, pour être près de moi la première fois que depuis la réunion nous avons guerre; si c'est faisable je l'aimerai bien».

178. «Je ne puis assez me louer des officiers que vous avez bien voulu m'envoyer; ils se distinguent partout où l'on les emploie et plusieurs méritent déjà des récompenses. J'espère qu'ils sont contents de leurs camarades qui sont vraiment frères avec eux».

Императоръ Николай — цесаревичу Константину Павловичу 18-го іюля 1828 года, изъ лагеря противъ Шумлы.

То же самое повторено было въ кампанію 1829 года: цесаревичъ прислалъ въ распоряженіе главнокомандующаго 19 офицеровъ.

179. См. въ приложенияхъ распоряженія императора Николая по случаю отправления его въ турецкую кампанію.

Государственный архивъ. Разрядъ II. № 1.

180. Архивъ канцеляріи военного министерства: дѣло объ образѣ управленія по военной части во время отсутствія государя императора изъ С.-Петербурга въ 1828 году.

Задача, выпавшая на долю графа Чернышева, была не легкая. Онъ писалъ 6-го (18-го) іюня 1828 года графу П. П. Сухтелену:

«Je mène ici une existence d'enfer, je succombe sous les poids des affaires; en temps de paix, ces deux parties réunies étaient déjà très fortes pour un seul, à plus forte raison dans le moment actuel; aussi vous qui me connaissiez, vous pouvez bien vous imaginer si je me donne du repos. Puis-je réussir à bien conduire cette immense besogne. Tout est triste et morne en ville, tous les yeux, toutes les pensées sont tournés de votre côté».

181. «Permettez, cher Constantin, que je vous offre ici mes vœux d'avance pour votre fête qui approche; puisse la divine Providence vous combler en tout de toutes ses bénédictions; puissiez vous être toujours le même pour moi, et dans cet instant solennel, où il peut être écrit là haut que je dois trouver ma fin dans cette campagne, croyez que je vous ai servi avec le même dévouement et que je rendrai mon dernier souffle avec le même sentiment de tendresse et de reconnaissance pour vous qui m'a constamment guidé dans tous les instants de ma vie. Si telle, en effet, était la volonté divine, je quitterai la vie avec le sentiment d'avoir fait mon devoir en honnête homme et avec le regret de n'avoir pu être plus utile à ma chère patrie. Pensez alors à ma pauvre femme, à cet être angélique, auquel je dois depuis onze ans tous les instants heureux de mon existence; veuillez lui tenir lieu de père et d'ami; continuez vos bontés à mes chers enfants et, surtout, au pauvre malheureux qui devra me remplacer! Enfin, sachez alors qu'il vous restera un être dévoué de moins dans le monde. Donnez moi vos bénédictions et accordez moi le pardon pour mes fautes, certainement involontaires, vis à vis de vous».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1828 года, изъ С.-Петербурга.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

182. «Quant à la fin de votre lettre, cher frère, je ne saurai vous dépeindre l'impression profonde et pénible qu'elle m'a fait éprouver. Que le bon Dieu veuille vous faire éprouver tous les biens de cette terre, cher frère, en vous évitant tout mal, et je ne saurai m'arrêter à cette triste idée. J'ose espérer de sa clémence que ses bénédictions vous accompagneront toujours ainsi que notre chère Alexandrine et tous vos enfants, et en vous réunissant tous dans la paix et la tranquillité la plus parfaite. Vous êtes si bon mari et père, qu'il est de toute justice de vous faire goûter longtemps du bonheur domestique dont vous jouissez à si juste titre. Si mes bénédictions vous sont toutefois nécessaires, cher frère, vous les avez en plein et je n'hésite pas certainement à vous les donner, sans me croire autorisé à le faire, mais simplement par dévouement de coeur et réel attachement».

183. «Je ne sais pas encore ce que l'Angleterre fera; j'ai tout lieu d'espérer que la France restera fidèle à ses engagements; j'espère donc, avec l'aide de Dieu, que la seule occupation des principautés nous suffira. Nos mesures vont être prises en conséquence, tout en nous préparant à pousser à fond si la nécessité l'exige. L'empereur d'Autriche s'est exprimé envers Tatishew de manière à me faire supposer que nous n'avons rien à craindre de ce côté les armes à la main».

184. «Je dois vous avouer, mon cher ami, que cela m'a beaucoup peiné de voir que l'on ne veut pour le commencement qu'occuper les principautés, n'y voyant qu'une demi-mesure qui paralyse le début de la campagne et qui me fait penser qu'en voulant échelonner les réserves depuis Mohilew jusqu'à Ismail, l'on ait le but d'avoir un corps d'observation contre les autrichiens, ce qui fait croire que les affaires ne traînent de nouveau en longueur. Mon opinion serait qu'une fois la décision prise, il faut agir avec énergie et ne pas marcher en tatouinant. Cela fera un bon effet sur l'Europe, et procurera des avantages à la Russie, en conséquence il serait nécessaire:

«1) de concentrer les troupes pour effectuer le passage en masse et le même jour sur le Pruth et le Danube;

«2) de prendre Toultscha et Isaktcha, assiéger Brailoff et occuper jusqu'au rempart de Trajan;

«3) se porter avec rapidité et avec force sur Boukarest, car il est probable qu'au moment où nous passerons le Pruth, les turcs effectueront le passage du Danube en grande masse pour dévaster la Valachie; les nouvelles que nous recevons viennent à l'appui de cette assertion:

«4) nos troupes avancées devant être soutenues par de bonnes réserves pour agir à coup sûr et ne pas être dans les cas de se replier. car s'est la première affaire qui décide du succès de la campagne et influe sur le moral de toute l'armée, surtout sur une armée qui a peu d'expérience, après qu'elle n'a pas vu l'ennemi depuis 13 ans;

«5) comme je n'ai pas le droit d'accélérer la marche des troupes de la 2-de armée, l'on ne peut commencer les opérations, si le tout doit se faire à la fois, que vers le 13 de Mai. Cela n'empêchera pas cependant d'être au pied du Balkan dans les premiers jours du mois de Juin et ce qui est absolument nécessaire.

«Je suis bien heureux si sa majesté daigne approuver mes idées qui du reste ne changent rien à ses dispositions, excepté que je tiens beaucoup à effectuer le passage le même jour sur tous les points. Je ne doute pas, mon cher ami, que vous ne soyez de mon opinion, car plus que nous tarderons d'effectuer le passage du Danube, plus nous perdrons de temps précieux, et cela fera croire à notre ennemi que nous n'agissons pas sérieusement et ce qui encore pire, c'est que cela nous gênera pour les approvisionnements du côté de la mer, ne pouvant être maître des embouchures du Danube. Du reste je n'ai plus rien à vous dire; le général Kisselef vous exposera l'état de notre armée et différentes choses que nous supplions; j'espère que vous aurez la bonté d'appuyer ces demandes. Je me fais une véritable fête de vous posséder bientôt, cher ami, et de faire encore une campagne avec mon ancien camarade et compagnon de gloire de Kliastizi et Polotzk».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5322).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

185. Въ царствованіе императора Александра даже генераль Канкринъ занимался разработкою плана войны съ турками. Въ 1819 году онъ представилъ записку подъ заглавіемъ:

«Mémoire secret sur l'expulsion des turcs de l'Europe, surtout par rapport à l'administration militaire, avec un plan de campagne».

Эта обширная записка представлена была при всеподданнѣйшемъ письмѣ генерала Канкринъ отъ 4-го апрѣля 1819 года изъ Шклова. Въ упомянутомъ письмѣ между прочимъ сказано: «La permission que votre majesté a daigné m'accorder de présenter à elle un mémoire secret quant à la guerre avec les turcs m'a encouragé de traiter de ce sujet sous tous les points de vue».

На запискѣ 1819 года неизвѣстный критикъ, читавшій ее, написалъ карандашемъ слѣдующія строки:

«Te Deum, diner-galàs, feux d'artifices et festins. Bal officiel au sérail, cancan non officiel au harem! Les épouses du grand-seigneur seront plus ou moins épousées par l'armée victorieuse, le tout pour le triomphe de la foi orthodoxe. Summ cuïque».

Въ 1821 году Канкринъ представилъ новую записку по тому же предмету:

«Военныя соображенія о походѣ противъ турокъ въ связи съ продовольствіемъ, основанныя на секретныхъ свѣдѣніяхъ депо картъ и на нѣкоторыхъ частныхъ матеріалахъ».

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

186. Собственноручная записка генераль-адъютанта барона Дибича: о дѣйствіяхъ противъ турокъ, отъ 7-го іюля 1821 года. Военно-ученый архивъ. Отд. 4. № 198.

187. Въ 1821 году генераль-адъютантъ Дибичъ писалъ:

«Твердость вашего императорскаго величества въ точнѣйшемъ наблюденіи объявленнаго въ Лайбахѣ намѣренія своего въ полной мѣрѣ должна была доказать всей Европѣ, что миролюбіе ваше превосходитъ даже желаніе прекратить бѣдствія единоверцевъ. Но усилившіеся безпорядки во всей Турціи и извѣстная черта въ характерѣ азіатскихъ владѣльцевъ, что скромность противъ ихъ возраждаетъ всегда болѣе наглости, въ скоромъ времени могутъ принудить насъ къ началу военныхъ дѣйствій. Предусмотрительность вашего императорскаго величества въ политическихъ дѣлахъ ожидаетъ, конечно, самую крайность къ совершеннѣйшему убѣжденію всѣхъ въ твердомъ миролюбіи вашемъ... но великое терпѣніе ваше въ пользу общаго спокойствія Европы не можетъ, кажется, остановить нужныя приготовленія, дабы тогда, когда самая крайность заставитъ начать военныя дѣйствія, быть въ совершенной готовности рѣшительнымъ и безостановочнымъ ходомъ оныхъ окончить войну въ европейскихъ владѣніяхъ Турціи въ одной кампаніи; ибо опыты прежнихъ временъ доказываютъ несчастныя послѣдствія медленности, происходящей отъ степеннаго приведенія дѣйствующихъ войскъ или отъ лишняго раздѣленія оныхъ во время самыхъ дѣйствій... Нынѣшняя война противъ турокъ, по мнѣнію моему, требуетъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій. Уже одни политическіе виды заставляютъ желать, чтобы мы овладѣли Царьградомъ прежде всякой другой державы».

Залогомъ успѣха войны Дибичу казалось тогда «быстрое наступленіе достаточныхъ силъ, которыя поражаютъ и дѣятельностью и скоростью всѣхъ противостоящихъ войска, коихъ сообщенія сохраняются слѣдующими непосредственно за ними другими войсками нашими, которымъ ввѣряются блокады крѣпостей и устройство земли».

188. Насколько важно было открыть какъ можно ранѣе военныя дѣйствія противъ Турціи, можно видѣть изъ сообщенія, сдѣланнаго графомъ Виттомъ начальнику главнаго штаба еще 3-го сентября 1827 года: «La puissance turque n'a jamais été plus faible que dans ce moment; ils ne seraient pas en état de présenter une armée en campagne avant le mois de Juin 1828 et alors serait ce encore très insignifiant; ils ne peuvent compter que sur une cinquantaine de milliers de cavaliers qui viendraient de l'Asie et tout au plus 40.000 hommes de faible infanterie».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2599).

189. Генераль-адъютантъ Киселевъ признавалъ эти силы недостаточными, такъ какъ, по его мнѣнію, занятіе княжествъ потребуетъ въ теченіе войны отъ 30 до 40.000 человекъ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

190. Судя по именному списку «лицамъ, имѣющимъ быть при главной квартирѣ», подписанному генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ, число ихъ (включая сюда прислугу, писарей, мастеровыхъ и проч.) простиралось до 300 человекъ.

При главной квартирѣ должны были состоять: дивизионъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, взводъ лейбъ-гвардіи жандармскаго полускадрона, казачій его высочества наслѣдника полкъ и 6 фуриштатскихъ ротъ. Лошадей верховыхъ, упряжныхъ, обозныхъ насчитывалось до 550-ти.

191. Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій, генераль-адъютантъ съ 30-го августа 1816 года.

192. Всеподданнѣйшее письмо генераль-адъютанта Храповицкаго, отъ 30-го мая 1828 года, изъ Петербурга.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 959).

193. Сборникъ Н. Р. Н. О., т. 78, стр. 304.

Въ этомъ же письмѣ генераль-адъютантъ Закревскій упоминаетъ о безденежьи. Тотъ же аргументъ выставлялся также цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ перепискѣ его съ братомъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 4-го (16-го марта) 1826 года онъ писалъ государю:

«Vous me dites de plus, que vos finances sont embarrassées,—comment donc voulez vous commencer une hostilité, puisque pour la guerre il faut: de l'argent et de l'argent et, certes, ce n'est pas dans les principautés que vous en trouverez».

194. Въ высочайшемъ приказѣ отъ 10-го (22-го) мая 1828 года объявлено было особенное благоволеніе его величества командиру 2-й бригады 4-й уланской дивизіи, генераль-маіору барону Гейсмару, за быстрое движеніе къ Бухаресту отряда, ему ввѣреннаго, и предохраненіе тѣмъ сего города отъ нашествія непріятеля.

195. 1-го мая 1828 года графъ Дибичъ писалъ государю:

«Послѣднія извѣстія о возможности къ переправѣ на нижнемъ Дунаѣ неудовлетворительны; вода нимаго не убывла и покрываетъ берегъ отъ пяти до десяти верстъ на два и на три аршина».

Въ донесеніи же отъ 15-го мая 1828 года графъ Дибичъ пишетъ о безпримѣрномъ въ семь году разлитіи Дуная.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2518).

196. «On hâte tant que l'on peut les préparatifs du passage du Danube près d'Ismail, mais le débordement excessif du Danube rend l'opération difficile et longue; nous sommes à chercher un point près de Turtucaï, pour y passer en cas qu'il fut plus aisé de l'y faire». Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 16-го (28-го) мая 1828 года изъ Одессы.

197. Изъ безчисленныхъ затрудненій, встрѣченныхъ при подготовленіи переправы у Туртукай, здѣсь достаточно указать на то, что 30-го мая 1828 года генераль Ротъ доносилъ генераль-адъютанту Киселеву, что для устроенія предполагаемаго здѣсь моста нельзя достать якорей, канатовъ и смолы. Поэтому даже 22 лодки, собранныя на рѣкѣ Аржисѣ для употребленія при первоначальной переправѣ, оставались не осмоленными. Заготовленіе дѣса сопряжено было также съ величайшими затрудненіями.

198. Записки Іосифа Петровича Дубецкаго. «Русская Старина» 1895 года, т. 88.

199. Императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу отъ 16-го (28-го) мая изъ Одессы: «J'ai eu un fort accès de fièvre qui m'a tout à fait mis à bas pendant 86 heures. Le lendemain, j'ai dû rester en chambre; enfin le troisième jour, j'en ai été quitté par une forte diarrhée qui m'a remis tout à fait».

200. «Эта поѣздка, со всеми ея удобствами, такъ отличалась отъ обыкновенныхъ путешествій государя, скакавшаго всегда день и ночь и безъ кухни, что показалаась мнѣ настоящей прогулкою», пишетъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ.

201. Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2754.

202. Осипъ Михайловичъ Гладкій, кошевой атаманъ Запорожской сѣчи. «Русская Старина» 1881 года, т. 30-й, стр. 384.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

203. Заблоцкій-Десятовскій: «Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ и его время». С.-Петербургъ. 1862 года, т. 1, стр. 275.

204. Посылая графу Дибичу диспозицію, императоръ Николай писалъ своему начальнику штаба:

«Voici, mon cher ami, crainte de confusion et de sois-disants ordres de ma part, mon idée sur l'ordre dans lequel le passage doit se faire; faites y vos remarques, et si vous n'y trouvez rien à changer, faites copier et donner à qui de droit la disposition en son temps. Si vous trouvez quelque chose à changer, marquez le moi».

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 968.

205. Заблоцкій-Десятовскій: «Графъ П. Д. Киселевъ», т. 1, стр. 277.

206. 3-го іюня 1828 года изъ лагеря при Бабадагѣ графъ Дибичъ сообщилъ графу Чернышеву слѣдующее высочайшее повелѣніе относительно запорожцевъ:

«Государь императоръ, одобвивъ представленіе генералъ-лейтенанта Инзова о водвореніи въ Аккерманскомъ цинутѣ перешедшихъ къ намъ запорожцевъ, соизволилъ поручить ему надлежащія по сему предмету соображенія, а между тѣмъ высочайше повелѣтъ соизволилъ помянутыхъ запорожцевъ наименовать Дунайскимъ казачьимъ полкомъ и пожаловать имъ знамя съ надписью: «За храбрость и усердіе, оказанныя при переходѣ черезъ Дунай 27-го мая 1828 года».

Въ заключеніе графъ Дибичъ просилъ приказать изготовить въ Петербургѣ знамя, на подобіе пожалованнаго лейбъ-гвардіи Казачьему полку.

207. Der Russisch-Türkische Feldzug in der Europäischen Türkei 1828 und 1829 dargestellt durch Freiherr von Moltke, Major im königlich-preussischen Generalstabe. Berlin. 1845.

Французскій переводъ этого сочиненія появился въ 1854 году; въ Россіи же къ переводу классическаго сочиненія Мольтке приступлено было только въ 1873 году, и появилось оно подъ заглавіемъ:

«Русско-турецкая кампанія въ Европейской Турціи 1828 и 1829 годовъ. Сочиненіе графа Мольтке. Съ нѣмецкаго перевелъ Н. Шильдеръ. С.-Петербургъ. 1876».

Переводъ, прерванный Восточною войною 1877 года, былъ оконченъ лишь въ 1883 году. (Кампанія 1829 года).

208. Графъ Мольтке: «Русско-турецкая кампанія въ Европейской Турціи 1828 и 1829 годовъ. Съ нѣмецкаго перевелъ Н. Шильдеръ», стр. 87.

209. Въ Бабадагѣ получено было извѣстіе объ успѣшномъ ходѣ осадныхъ работъ, предпринятыхъ противъ крѣпости Анапы. Поздравляя князя Меншикова съ одержаннымъ успѣхомъ, графъ Дибичъ писалъ ему изъ Бабадагскаго лагеря 3-го (15-го) іюня 1828 года:

«Nos affaires ici vont en général bien, mais le siège de Brailof traine plus longtemps que je ne l'avais espéré. La saison nous protège, les chaleurs ne sont pas excessives et l'herbe est encore bien fraîche. Il n'existe point d'armée turque en deça du Balcan et à peine Hussein-Pacha pourra-t-il rassembler 20 à 30.000 à Choumla, ayant encore assez mal fourni toutes les places du Danube».

Очевидно, что настроеніе графа Дибича было въ ту пору еще вполне оптимистическимъ; вскорѣ уже дальнѣйшій ходъ событій долженъ былъ навести его на другія размышленія.

210. Послѣ переправы черезъ Дунай, диспозиціи по 3-му корпусу, а затѣмъ при движеніи главныхъ силъ къ Базарджику, Енибазару и во время обложенія Шумлы, отдаваемые за подписью генералъ-адъютанта Киселева, начинались словами:

«По соизволенію его императорскаго величества г. генералъ-фельдмаршалъ приказалъ объявить слѣдующее на завтрашній день распоряженіе».

Или: «Г. генералъ-фельдмаршалъ съ высочайшей его императорскаго величества воли приказать изволилъ».

Или: «По высочайшей волѣ г. генералъ-фельдмаршалъ приказалъ объявить къ исполненію слѣдующее».

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

211. 970 убитыхъ и 2.237 раненыхъ; въ этомъ числѣ находились 13 убитыхъ и 110 раненыхъ офицеровъ.

212. По мнѣнію графа Мольте, Силистрійская крѣпость находилась въ такомъ неудовлетворительномъ положеніи, что до прибытія браиловскаго гарнизона нечаянное на нее нападеніе представляло вѣроятіе успѣха.

213. Изъ лагеря близъ Базарджика императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу 30-го іюня (12-го іюля) 1828 года:

«Hier nous avons été joints par le 7-me corps; je l'ai trouvé dans le plus grand ordre, malgré ses pertes et ses fatigues; les derniers jours étaient très fatiguants; pas d'eau et 44 degrés au soleil».

Относительно дальнѣйшаго пути къ Козлуджѣ государь писалъ:

«La route est fort étroite et difficile; les bois sont infestés par des habitants armés qui tirent et attaquent où ils peuvent impunément et sous ce rapport nous gênent beaucoup».

214. «Nous ne voulons rien précipiter, mais user de tous les moyens pour parvenir à un bon résultat sans rien compromettre».

Такъ писалъ императоръ Николай цесаревичу Константину Павловичу 2-го (14-го) іюля 1828 года изъ лагеря близъ Базарджика, когда уже рѣшено было двинуться къ Шумлѣ съ 3-мъ и 7-мъ корпусами. Результатъ получился какъ разъ обратный содержанію письма.

215. Lacroix: Histoire de Nicolas 1-er. T. 3, p. 360.

216. По поводу Буланлыкскаго сраженія императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу 18-го (30-го) іюля 1828 года:

«Nous avons eu une fort belle affaire contre près de 10.000 chevaux. C'était une vraie belle manoeuvre et pour la disposition et pour l'exécution».

Датскій посланникъ графъ Бломъ писалъ изъ-подъ Шумлы, 12-го (24-го) іюля 1828 года:

«Sa majesté l'empereur commandait en personne tous les mouvements, et les troupes les exécutèrent avec une précision qui n'aurait pu être plus parfaite aux manoeuvres de Krasnoe-Sélo. Le calme et la tranquillité avec lesquels sa majesté donnait ses ordres étaient admirables, digne du général le plus consommé. Aucun mouvement d'impatience, ni d'humeur, quand même les aides de camp qui avaient mal compris les ordres osèrent lui demander de les leur répéter. Il les leur expliquait avec une clareté et une précision, qui ont provoqué l'étonnement des officiers qui ont toute l'habitude de commander».

«Chaque jour ajoute à la haute opinion que dès le moment de son avènement au trône, ce souverain a su inspirer de son caractère, de ses moyens et de ses talents».

(Военно-учебный архивъ. Отд. 2. № 4445).

217. Графъ Бломе въ письмѣ отъ 12-го (24-го) іюля 1828 года пишетъ:

«Sa majesté l'empereur en faisant des reconnaissances journalières, observe des précautions pour ne pas être reconnu par les avant-postes de l'ennemi; mais tout ce qui l'approche de près ne se méprend pas sur la violence que ce jeune et courageux prince s'impose, en se refusant de braver gratuitement les plus grands dangers de la guerre au milieu des boulets et des balles, et c'est un pénible sacrifice qu'il porte à l'amour de ses peuples, et j'ose ajouter à celui de tout être bien pensant, qui ne peut que reconnaître dans sa conservation le bonheur de la Russie et celui de toute l'Europe. On frissonne à l'idée seule d'un malheur qui puisse lui arriver et auquel sa situation présente ne prête que trop de chances funestes».

(Военно-учебный архивъ. Отд. 2. № 4445).

218. «Les motifs sont fort simples; durant ces trois semaines il n'y avait rien à faire à l'armée qu'à continuer le blocus de Choumla et le siège de Varna; il m'importait de voir ce point moi-même, car je le regarde comme la clef de la campagne, bien plus que Choumla, notre véritable base d'opérations étant sur la mer et le long de la côte».

Изъ письма императора Николая цесаревичу Константину Павловичу отъ 11-го (23-го) августа 1828 года изъ Одессы.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ.

219. См. въ приложеніяхъ письмо императора Николая къ графу Дибичу изъ лагеря при Козлуджѣ, отъ 21-го іюля 1828 года.

220. Письмо князя Меншикова императору Николаю отъ 21-го іюля 1828 года, изъ лагеря при Дервентіой.

«Je serai, sire, demain à la pointe du jour en position sur les hauteurs au N. E. de Varna et je tâcherai d'établir un poste fortifié au bord de la mer, ce qui probablement ne pourra se faire qu'à la suite d'un combat. Ce poste établi il me servira de point de départ pour gagner successivement du terrain afin de bloquer la place de ce côté du lac. L'étendue est immense et dans un pays de chicane. Je ne puis me mouvoir que lentement, pour ne pas agir à tâtons. Le plateau sur lequel je vais m'établir est une plaine qui prolonge vers Bazardjik et Kawarna, mais ma cavalerie n'est pas en état de la reconnaître, les chevaux sont exténués par défaut de fourrage. Dans une reconnaissance que j'ai entreprise hier, un peloton de lanciers n'a pas pu atteindre deux turcs à pied dans la plaine. J'expédierai Dellingshausen à votre majesté dès que je pourrai entrer en communication avec l'escadre, et en attendant je l'ai expédié à Tetikiu avec le bataillon de Wellington, il doit revenir ce matin avec deux compagnies et les deux autres pousseront jusqu'à Kawarna, pour ouvrir la communication et revenir avec la brigade de chasseurs. Votre majesté ne pourra voyager qu'avec une forte escorte, le pays est infesté de brigands; il serait urgent avant votre arrivée, sire, de faire battre par de l'infanterie les environs de Kosludji».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2744).

Въ донесеніи къ графу Витгенштейну князь Меншиковъ жалуется на недостатокъ зернового фуража, благодаря которому Бугскій уланскій полкъ скоро спѣшится; артиллерійскія лошади также слабосильны. «Разѣздовъ для открытія окрестностей почти не имѣю возможности посылать,—пишетъ князь Меншиковъ,—нападать же на турецкую конницу никакъ не осмѣлюсь, по худобѣ лошадей, отъ недостатка фуража происшедшей». Онѣ питались соломою съ крышъ деревни Дервентіой.

Численный составъ отряда генерала Ушакова, поступившаго подъ начальство князя Меншикова, простирался до 6.500 человекъ.

221. Въ запискѣ князя Меншикова о дѣйствіяхъ подъ Варною въ 1828 году встрѣчается довольно странная замѣтка: «Осматривая съ позиціи въ зрительную трубу Варну, государь изволилъ отозваться князю Меншикову, что эта крѣпость болѣе не дѣйи держаться не можетъ». (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4448).

222. 25-го іюля 1828 года князь Меншиковъ писалъ графу Дибичу:

«L'empereur est escorté par la fregate le Standart, qui va prendre les ambassadeurs à Kustendji, le brig Mercure et un pyroscaphe».

223. «Tout est dans le vague pour moi quant à l'issue de cette campagne et je ne puis absolument rien préciser sur notre avenir. . . . j'espère que le bon Dieu nous aidera à nous en tirer, comme il nous a aidé en des occasions bien plus difficiles».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 20-го августа (1-го сентября) 1828 года изъ Одессы.

224. См. въ приложеніяхъ письмо князя Волконскаго къ императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ отъ 27-го іюля 1828 года изъ Одессы.

225. Въ дневникѣ князя Меншикова 9-го августа 1828 года записано:

«Послѣ обѣда вылазка. Непріятель прогнанъ, отбито у него два знамени. Послѣдній выстрѣлъ изъ крѣпости ранилъ меня ядромъ, коимъ вырвана внутренность обѣихъ лядвей. На правой ногѣ рана въ 6 вершковъ, а на лѣвой въ 4. Я могъ еще пройти нѣсколько шаговъ, потомъ упирался на адъютантѣ моемъ Д. П. Бурмейстерѣ. Встрѣтившійся лѣкарь Олейниковъ наложилъ первую перевязку. Пока несли меня въ лагерь, я могъ еще распорядиться войсками».

«10-го августа. Отправленъ въ Одессу флигель-адъютантъ Римскій-Корсаковъ съ извѣстіемъ къ государю о моей ранѣ. Хорошо переносу и съ веселымъ духомъ свое положеніе. Докторъ Павловской говоритъ по-латыни своимъ товарищамъ, что нечего

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

много хлопотать обо мнѣ, ибо не переживу. Приказанія по отряду отдастъ моимъ именемъ начальникъ штаба, генераль-майоръ Перовскій».

226. Графъ Воронцовъ 13-го (25-го) августа 1828 года писалъ императору Николаю: «Le général Benkendorf m'a communiqué votre volonté à mon égard. Je suis non seulement prêt, mais heureux de vous obéir et je désire seulement justifier votre confiance». (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2744).

16-го (28-го) августа графъ Воронцовъ принялъ уже подъ Варною начальство надъ отрядомъ князя Меншикова.

227. Записка начальника главного штаба арміи, генераль-адъютанта Киселева, отъ 25-го іюля 1828 года (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2704).

Одна изъ побудительныхъ причинъ, склонившихъ Киселева къ наступательнымъ дѣйствіямъ, заключалась въ томъ, «что фуражирное довольствіе становилось съ каждымъ днемъ скуднѣе, и что фуражиры наши должны уже отъѣзжать на 20 и болѣе верстъ отъ лагеря, дабы имѣть нѣсколько сноповъ соломы для прокормленія лошадей».

Къ тому же по запискѣ сенатора Абакумова (отъ 23-го іюля) оказывалось, что продовольствіе арміи подъ Шумлою, съ отрядомъ при Праводахъ, можетъ безостановочно производиться (кромѣ фуража) до порчи дорогъ отъ дождей, ожидаемой въ концѣ августа.

Генераль-адъютантъ Киселевъ придавалъ взятію Шумлы рѣшающее значеніе для исхода кампаніи, что не свидѣтельствуетъ о вѣрности его военного взгляда. Въ одномъ изъ писемъ его, отъ 28-го іюля 1828 года, онъ пишетъ: «J'ai toujours pensé que la prise de Choumla déciderait de la campagne et peut-être de la guerre».

228. 13-го (25-го) августа 1828 года императоръ Николай писалъ цесаревичу изъ Одессы:

«Quelle sera notre direction ultérieure m'est encore indécis; je suppose cependant que ce devra être vers Choumla, pour ne pas laisser une verrue pareille à notre dos».

20-го августа (1-го сентября) 1828 года, императоръ Николай въ другомъ письмѣ изъ Одессы снова коснулся этого вопроса въ томъ же неопредѣленномъ смыслѣ:

«À Choumla tout reste dans le même état et ne pourra faire de progrès jusqu'à l'arrivée des gardes; alors il faudra agir vigoureusement pour en finir».

229. См. въ приложеніяхъ французскій подлинникъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 21-го августа (2-го сентября) 1828 года.

230. Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5322.

16-го (28-го) августа графъ Дибичъ писалъ по поводу здоровья графа Витгенштейна. еще до полученія имъ высочайшаго выговора: «Le maréchal est au désespoir sur ces événements et a été attaqué par une forte dyssenterie le 15, mais aujourd'hui cela va beaucoup mieux».

231. Даже графъ Дибичъ опомнился во-время и писалъ императору Николаю 16-го августа 1828 года:

«J'aime à me persuader que votre majesté sera aussi de l'avis que la prise de Warna est sinon plus importante, au moins plus nécessaire pour nous que celle de Choumla».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2757 (а)).

232. Великій князь Михаилъ Павловичъ выѣхалъ уже ранѣе навстрѣчу гвардіи, 5-го (17-го) августа, въ Кюстенджи.

233. Императрица Александра Оеодоровна и великая княжна Марія Николаевна выѣхали изъ Одессы 9-го (21-го) сентября и прибыли въ Петербургъ 3-го (15-го) октября 1828 года.

234. Въ этомъ мѣстѣ своихъ записокъ Бенкендорфъ пишетъ:

«Даже теперь, по прошествіи шести лѣтъ отъ событія, дрожь пробѣгаетъ по мнѣ, когда я только вспомню, что въ то время ѣхалъ одинъ, по непріятельской землѣ, съ русскимъ императоромъ, ввѣреннымъ моей охранѣ!»

Отсюда можно вывести заключеніе, что генераль-адъютантъ Бенкендорфъ писалъ свои воспоминанія въ 1834 году.

235. Въ то время въ Каварѣ, въ одной изъ мечетей, нарочно къ тому приспособленной, лежало тѣло брата Александра Христофоровича Бенкендорфа, генераль-

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

адъютанта Константина Христофоровича, въ ожиданіи перевозки въ Одессу. Онъ за-
немогъ отъ трудовъ и лишеній, сопряженныхъ съ этой войной, находясь съ отрядомъ
въ Правдахъ, гдѣ не было ни лѣкаря ни лѣкарствъ, и умеръ безъ всякой врачебной
помощи.

«Государь въ благодушій своемъ,—пишетъ А. Х. Бенкендорфъ,—желая, чтобы я
не видѣлъ этого дорогого гроба, велѣлъ скрывать отъ меня, что тѣло брата моего еще
въ Каваритѣ, а самого меня во время осмотра имъ города услалъ въ лагерь».

236. При посѣщеніи князя Меншикова, государь пожаловать ему орденъ св. Але-
ксандра Невскаго. 31-го августа раненаго князя перенесли на фрегатъ «Флора»; здѣсь
его вторично посѣтилъ государь. На этомъ фрегатѣ князь Меншиковъ былъ перевезенъ
въ Николаевъ.

237. «J'aime mieux que le maréchal reste à Шумла. . . . montez la machine et
revenez ensuite me rendre compte de tout l'état des choses», писалъ императоръ Ни-
колай 9-го (21-го) сентября 1828 года къ графу Дибичу съ корабля «Парижъ».

238. Принцъ Евгений исполнилъ полученное приказаніе, признавая, однако, предпи-
санную ему атаку: «entreprise trop téméraire».

До и послѣ боя 18-го сентября происходили большія несогласія между генераль-
адъютантомъ Сухозанетомъ и принцемъ Евгениемъ, весьма невыгодно повліявшія на
бывшія здѣсь операціи. Дошло до того, что послѣ боя принцъ написалъ графу
Дубичу: поведение Сухозанета превосходитъ предѣлы возможнаго снисхожденія (dont
la conduite a passée les bornes de l'indulgence). Интриговалъ также и графъ Дибичъ.

Впослѣдствіи императоръ Николай сказалъ принцу Евгению: «Если тутъ кто виноватъ,
то это я одинъ, такъ какъ я далъ повелѣніе къ нападенію, но бѣда учить разуму».

239. Moltke: Der Russisch-Türkische Feldzug 1828 und 1829.

240. Англійскій писатель Henry Bulwer справедливо замѣчаетъ: «Quoi que fassent
les turcs, cherchez s'il existe une interprétation raisonnable de leur conduite. Quand vous
l'aurez trouvée, écarter la complètement. Toute autre conclusion peut être possible; celle
à ne l'est sûrement pas».

241. Въ дѣлѣ 3-го октября 1828 года принцъ Евгений Виртембергскій въ послѣдній
разъ распоряжался русскими войсками. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ разрѣшеніе
императора Николая отправиться въ Петербургъ; здѣсь онъ присутствовалъ при похо-
ронахъ императрицы Маріи Оеодоровны, послѣ чего удалился за границу.

242. «Le matin quand j'arrivais au camp, je vis la scène la plus extraordinaire pos-
sible: Ioussouf-Pacha avec un tas des siens établis dans notre quartier général le plus
amicalement du monde; puis plus loin, un corps de près de 3.000 turcs armés, à pied et
à cheval, approchant tranquillement, escortés par des hussards de la garde et quelques
pelotons d'infanterie, s'arrêtèrent devant la 1-re brigade de la garde, sous les armes; puis
un des officiers de Ioussouf-Pacha assis sur une caisse de tambour à nous, faisant appro-
cher un à un tout ce monde et rendre les armes à un bas-officier Préobrajensky et cela
avec le plus grand calme et l'ordre le plus parfait».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 1-го
(13-го) октября 1828 года, съ корабля «Парижъ».

243. А. Волькенштейнъ: Исторія лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона 1812—1852.
С.-Петербургъ. 1852.

Исторія баталіона была прочитана императоромъ Николаемъ въ рукописи и соб-
ственноручно имъ исправлена.

244. «Je fais hommage à Varsovie de 12 pièces comme souvenir historique remar-
quable, car il est particulier que ce fut une armée russe avec un roi de Pologne qui
fut venue venger la mort d'un autre roi de Pologne; j'ai cru la chose convenable et pou-
vant faire plaisir au public. Si vous en jugez autrement, je vous demande pardon d'avance».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 1-го
(13-го) октября 1828 года, съ корабля «Парижъ».

245. «Avec quel plaisir j'ai vu par la lettre que vous avez bien voulu adresser à
Benkendorf la part que l'on a prise à Varsovie à l'heureuse reddition de Warnau; puissent

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

polonais et russes s'identifier les uns aux autres de plus en plus, c'est là le but de tous mes vœux et de tous les efforts de mon entendement. Peut-être que le cadeau des pièces de canons pourra-t-il leur prouver ce que je vous exprime ici par ces mots».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 22-го октября (2-го ноября) 1828 года изъ С.-Петербурга.

Цесаревичъ писалъ государю 15-го (27-го) октября 1828 года:

«D'après vos ordres, j'ai communiqué à l'armée par un ordre du jour et au conseil d'administration, par un office, le don de 12 pièces de canons, trophée que vous daignez faire à ce pays en mémoire de la prise de Warna et des mânes vengées du roi Vladislas de Pologne. Je ne doute nullement que cette marque d'attention de votre part ne fut appréciée à sa juste valeur, ce qui prouve qu'au milieu de vos sérieuses occupations du moment, votre souvenir se rapportait nonobstant sur vos nouveaux sujets. Je suis bien heureux d'apprendre par votre lettre que m.m. les officiers polonais aient justifié par leur conduite mon attente et mon choix et je ne doute nullement qu'il en serait de même de toute l'armée, si un jour elle aurait à combattre pour son souverain; c'est une justice facile qu'il m'est doux de lui rendre, que certainement ce n'est pas de leur côté que vient l'éloignement que je me suis efforcé de faire disparaître et qui existait entre les deux nations, mais bien de la notre. Je suis bien charmé que le colonel Haucke ait pu fixer votre attention, cher et excellent frère; j'en ai été constamment très content. C'est un honneur de plus accordé à l'armée de ce pays que sa nomination à la place de votre aide de camp, puisqu'elle avait dans son sein un officier que vous avez jugé digne de l'être».

См. въ приложеніяхъ приездъ цесаревича Константина Павловича по польской арміи отъ 16-го (28-го) октября 1828 года.

Въ исторіи императора Николая I-го Лакруа по поводу дара государя сказано:

«Замѣчательно, что поляки неблагоклонно встрѣтили благородную, истинно рыцарскую мысль императора Николая; она показала имъ скрытымъ намѣреніемъ унижить ихъ, напоминая, что одинъ изъ польскихъ королей былъ побѣжденъ мусульманами, а русскій императоръ побѣдилъ ихъ».

Въ письмѣ цесаревича къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу (отъ 8-го (20-го) октября 1828 года), о которомъ упоминаетъ императоръ Николай, великій князь пишетъ:

«A peine les feuilles publiques, annonçant cet heureux événement, avaient elles été imprimées, qu'elles furent enlevées d'emblée. La joie est si grande et si universelle dans la troupe et dans toutes les classes, qu'il est impossible de la dépeindre. On est en extase Et ce qui surtout y a contribué le plus, c'est de savoir que Warna a été prise sans qu'il y ait eu du sang répandu, ce que l'on craignait au dessus de tout... Pour célébrer ici cette victoire le mot d'ordre d'aujourd'hui est Warna. C'est un hommage rendu, dans notre éloignement, à un succès obtenu sous les yeux de notre auguste maître».

См. также въ приложеніяхъ письмо цесаревича Константина Павловича къ генералъ-адъютанту барону Розену, отъ 21-го октября (2-го ноября) 1828 года.

246. Владиславъ III, король польскій и венгерскій, погибъ подъ стѣнами Варны, въ битвѣ съ султаномъ Амуратомъ, 10-го ноября 1444 года.

247. Н. Лукьяновичъ: Біографія генералъ-адъютанта Бистрома. С.-Петербургъ. 1841. Стр. 42.

248. Гвардія перешла Дунай въ Сатуновѣ (въ августѣ) въ составѣ 25.518 человекъ нижнихъ чиновъ. При обратномъ переходѣ черезъ Дунай, когда войска возвращались въ предѣлы Россіи, въ строю находилось 19.474 человекъ.

249. Плѣнный Юсуфъ-паша позже отвезенъ былъ въ Одессу на фрегатѣ «Рафаиль». Это былъ тотъ самый фрегатъ, который въ слѣдующемъ 1829 году сдѣлался добычею турокъ.

250. Въ донесеніи отъ 8-го (20-го) октября 1828 года генералъ-адъютанта Адлерберга графу Дибичу о плаваніи императора Николая отъ Варны до Одессы, написанномъ на кораблѣ по прибытіи его на рейдъ, событіе это изложено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

«По снятіи съ якоря, попутный вѣтеръ, продолжавшійся до полудня 3-го числа, довель корабль «Императрица Марія» благополучно до высоты Георгіевскихъ Дунайскихъ гирлъ. Послѣ того сдѣлался совершенный штиль, который продолжался до 10-го часа вечера. Поднявшійся въ то время свѣжій противный NO вѣтеръ мало-по-малу сталъ крѣпчать и въ полночь 4-го числа сдѣлался сильнымъ штормомъ, который свирѣпствовалъ 36 часовъ сряду, началъ утихать только 5-го числа пополудни въ шестомъ часу.

«Въ продолженіе сей бури корабль потерялъ на фокмачтѣ стенгу и брамстенгу и на бушпертѣ утлегеръ и бамутлегеръ съ парусами, и былъ увлеченъ отъ настоящаго курса своего назадъ, почти до высоты крѣпости Кюстенджъ, а отъ берега слишкомъ на 70 миль. Качка была столь велика, что по всѣмъ палубамъ и на шканцахъ были перестянуты веревки, дабы матросамъ можно было за оныя держаться. Государь императоръ много страдалъ отъ морской болѣзни, и изъ всѣхъ сопровождавшихъ его величество особъ не было никого здороваго. Его величество при семъ случаѣ сожалѣлъ весьма, что не предпринялъ обратной дороги сухимъ путемъ. По окончаніи бури вѣтеръ продолжалъ дуть противный и только въ ночь съ 5-го на 6-е число сдѣлался попутнымъ, въ полдень же 6-го числа вновь сдѣлался противнымъ, что и принудило лавировать, и лишь 8-го числа во второмъ часу утра корабль «Императрица Марія» бросилъ якорь въ Одесскомъ рейдѣ, и государь императоръ съѣхалъ на берегъ, гдѣ ожидали его величество дорожные экипажи».

Копія съ этого донесенія была послана цесаревичу Константину Павловичу и великому князю Михаилу Павловичу.

Императоръ Николай писалъ цесаревичу уже по приѣздѣ въ Петербургъ 21-го октября (2-го ноября) 1828 года:

«Nous avons eu en mer la nuit du 3 au 4 et jusqu'à celle du 5 une tempête horrible qui a failli nous faire faire le voyage de Constantinople au lieu d'ici; vous n'avouerez que l'erreur eut été un peu forte; enfin, grâce au bon Dieu, c'est passé et n'y pensons plus».

251. Фрегатъ «Пантелеймонъ», на которомъ находились дипломаты, испыталъ одинаковую участь съ кораблемъ «Императрица Марія». Гибель его казалась неизбежною, и онъ спасся какимъ-то чудомъ. Буря привела фрегатъ въ Севастополь.

252. Къ концу осады Варны императоръ Николай обрадованъ былъ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной генераломъ Гейсмаромъ въ Малой Валахіи.

Сераскиръ виддинскій, Ибрагимъ-паша, собравъ 26.000 человекъ, вздумалъ овладѣть Крайовымъ. 14-го (26-го) сентября, генералъ-майоръ баронъ Гейсмаръ съ четырьмя тысячнымъ отрядомъ началъ съ турками бой при Бойленцахъ, а затѣмъ по наступленіи ночи нечаяннымъ нападеніемъ обратилъ Ибрагима-пашу въ бѣгство, овладѣлъ его лагеремъ и преслѣдовалъ до Калафата.

Императоръ Николай наградилъ барона Гейсмара чиномъ генералъ-лейтенанта и назначилъ генералъ-адъютантомъ. Городъ Букарестъ, въ знакъ признательности къ генералу Гейсмару, поднесъ ему богатую брильянтами украшенную саблю, съ благодарственнымъ письмомъ отъ лица всей Валахіи.

253. Графъ Мольтке справедливо называетъ операціи подъ Силистріею въ 1828 году «предпріятіемъ, невѣрно соображеннымъ, слабо выполненнымъ и совершенно неудавшимся».

Подъ Силистріею ощущался недостатокъ въ снарядахъ. На это обстоятельство встрѣчается указаніе въ письмѣ генерала Довре къ графу Дибичу отъ 14-го октября 1828 года:

«Le tout n'est pas bien consolant, cependant je ne perds pas courage; le seul article des munitions de siège est odieux. Que m.m. les artilleurs débrouillent la chose s'ils le peuvent. Il me semble que tout le monde a écrit, mais seulement trop tard. Personne n'a pensé que le temps marchait».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5323).

254. 21-го октября (2-го ноября) 1828 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«J'ai retrouvé ma femme fort bien, à un gros rhume près, mes enfants, grâce au bon Dieu et aux soins bienveillants de ma mère, ont beaucoup prospéré, l'aîné a grandi et s'est développé beaucoup: les petites sont gentilles et votre filleul devient fort drôle et marche un peu. Enfin, quant à moi même, je me porte bien à 6 verchoks de culotte et d'habit de moins qu'à mon départ d'ici; j'étais plaisant à voir en arrivant dans les habits que j'avais laissé ici».

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 16-го октября 1828 года (№ 258) появилась слѣдующая статья по случаю возвращенія государя изъ заграничнаго похода:

«С.-Петербургъ, 14-го октября.

«Сего утра въ 11½ часовъ государь императоръ изволилъ возвратиться изъ турецкаго похода въ вожделѣнномъ здравіи. Нельзя представить себѣ восхищенія жителей административной столицы, когда они увидѣли развѣвающійся на Зимнемъ дворцѣ флагъ. Прибытіе его величества было для большей части жителей неожиданно: тѣмъ живѣе, тѣмъ сердечнѣе наша радость, наше счастье».

255. «Rlui est parfaitement satisfait de son état et n'a aucun doute sur son prompt rétablissement».

Въ томъ же письмѣ императоръ Николай пишетъ еще брату: «la santé de ma mère depuis deux jours marche à grands pas vers son entier rétablissement».

256. Такъ писалъ императоръ Николай къ цесаревичу. Въ манифестѣ же отъ 24-го октября 1828 года сказано, что императрица Марія Оеодоровна скончалась въ два часа пополудни.

Въ этомъ манифестѣ сказано, что всѣ минуты драгоцѣнной жизни ея «были посвящены исполненію обязанностей высшей добродѣтели», а въ заключеніе упомянуто о ея «кроткой душѣ, бывшей вмѣстилищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ и доблестей».

257. «Prions Dieu pour celle qui fut tout pour nous sur cette terre! Que sa volonté soit faite et qu'il nous accorde des forces pour supporter le plus affreux des malheurs! Tout est fini depuis ce matin à deux heures et demie. Le mal a empiré avec une promptitude telle qu'aucun remède n'a pu l'arrêter; le sang portant à la tête on l'avait saignée avant hier soir; cela parut faire du bien. La nuit fut passable; le matin la tête n'était pas libre, on fit l'essai de la purge; l'effet fut tel à prouver cette nécessité, mais les forces diminuaient après chaque effet; la langue servait mal et il y avait difficulté d'avaler; les médecins craignèrent de suite une paralysie de poumons; une cantharide au dos ne produisit aucun effet et les forces et la présence d'esprit décroissaient. Il fallut lui faire sentir son état et l'engager à remplir ses devoirs religieux. Ah, cher Constantin, figurez-vous mon état en m'acquittant de ce terrible devoir. Je lui fis comprendre qu'il était temps d'y penser; comme elle m'avait souvent fait la question: «Suis-je donc en danger?» — elle me dit: «Ah, je suis donc en grand danger?» — je lui répondis: «J'espère que non, mais je connais vos sentiments et il est bon de puiser de la force dans ce qui nous en donne toujours». Elle me répondit: «Je le ferai demain, je veux me préparer aujourd'hui», — je lui dis: «Pourquoi remettre, vous êtes prête toujours», — elle me dit: «Appelez Villamow». Il entra, mais il ne put rien comprendre, la langue allant déjà avec peine; alors un instant d'agitation suivit: elle voulut absolument passer dans son lit, puis s'asseoir et le tout sans se comprendre elle-même. Enfin, dans quelques instants, je parvins à lui faire entrevoir le confesseur, alors, elle redevint calme et confessa et communia avec toute sa tête, priant avec ferveur. Quel moment édifiant et affreux pour nous! Je priais seul près d'elle et toute la famille avec ma pauvre, mon excellente femme; je priais pour vous tous et Dieu aura entendu nos prières pour nous donner des forces et pour celle qui réunissait en elle toutes mes affections! Cela fait, elle nous appela près d'elle, et sans pouvoir parler elle nous prit par les mains avec force encore; je nommais tous les noms de la famille; elle leva les yeux et dit quelques paroles dont nous ne pûmes comprendre que «Aly»; je fis venir tous les petits, elle embrassa avec force ma petite Adine et les deux petites de Michel et sourit même. Les autres, elle ne put que leur mettre la main. Elle ne souffrait pas; les extrémités devenaient froides et la respiration accélérée, mais sans

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

râle ni effort; enfin, à deux heures et demie, sans aucune souffrance ni crampe, elle finit doucement de respirer par quelques soupirs!

«Nous voilà orphelins! Il ne nous reste que vous, vous — l'ainé et le chef de notre pauvre famille. C'est à vous que passent nos affections, ne les repoussez pas, cher Constantin, et remplacez pour nous tant que vous le pouvez celle qui fut tout pour nous tant que Dieu la conserva.

«Je remercie Dieu du fond de mon âme de m'avoir accordé la triste consolation d'avoir pu être près d'elle à cet affreux instant; j'en avais comme le besoin ou le pressentiment; quelque chose d'irrésistible me poussait vers ici; j'étais loin de prévoir pourquoi! — Je n'en puis plus, ma pauvre femme est abîmée; Dieu veuille la soutenir. Que sera ce de vous? de ma bonne sœur? c'est elle cependant sur qui je me fonde pour vous soutenir, qui mieux qu'elle saurait le faire. Croyant qu'il est peut-être de votre intention de venir ici lui rendre vos derniers devoirs, je puis vous dire que vous en avez tout le temps, les préparatifs durant au moins dix jours. Vous dire que ce serait un bonheur dans ces cruels moments d'être ensemble, ne peut vous étonner! Que Dieu de miséricorde nous soutienne.

«Je vous embrasse de coeur et d'âme et vous demande à vous la bénédiction comme je le demandais à elle pour moi, ma femme et mes bons, chers enfants.

«Nicolas».

(Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 24-го октября (5-го ноября) 1828 года).

Цесаревичъ получилъ письмо государя 28-го октября (9-го ноября) и отвѣчалъ: «Je ne vous parle pas de moi, cher frère; vous devez juger par vous même de l'état où je suis, ma seule consolation est dans les vertus éminentes de maman, qui rapporte à Dieu son talent non seulement doublé, mais centuplé et qui recevront leur récompense de Celui dont tout émane. Que Dieu daigne nous protéger dans ce bas et triste monde Je me représente vos prières, vos angoisses, votre seule position dans ces tristes et augustes moments! Dieu saura vous en récompenser, cher frère, certainement, dans votre femme et vos enfants. Songez, que vous êtes père et chef de votre famille; ménagez vous pour eux, c'est votre devoir et qui vous est imposé par Dieu même... J'emploierai la journée de demain pour mettre ordre à mes affaires et, si le bon Dieu le permet et que ma santé ne s'y oppose, je compte me mettre en route mardi, matin, 30 du courant; il me faudra 5 à 6 jours pour arriver, toutefois si les rivières n'y mettent obstacle, ainsi que les routes qu'on dit épouvantables. J'ose vous supplier d'une grâce que j'espère vous ne me refuserez pas, c'est celle de me laisser paisiblement arriver et m'établir chez moi. Je vous avoue qu'après un voyage aussi rude et violent, et avec toutes les émotions qui m'attendent pour le lendemain, je demande au préalable quelques heures de repos».

258. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ переночевалъ въ Стрѣльнѣ и здѣсь утромъ 17-го (29-го) ноября 1828 года получилъ письмо императора Николая, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Deux mots, cher et excellent Constantin, pour vous souhaiter un bon voyage et vous exprimer encore toute ma vive et profonde gratitude pour toutes les marques d'amitié et de bonté dont vous m'avez comblé durant votre séjour parmi nous; puissais-je en être toujours digne et vous le prouver. Mettez moi aux pieds de ma belle-sœur et que le bon Dieu nous réunisse le plutôt possible».

259. «Je suis persuadée et c'est l'opinion générale, que Ruhl, médecin de l'impératrice aura méconnu la maladie; c'est un sort que notre famille impériale s'entoure de médecins détestables et les aiment tellement qu'elle n'en veuille pas d'autres, et ce Ruhl a méconnu la maladie».

Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43.

260. «J'ai dû, par ses ordres, brûler moi-même une caisse entière remplie d'une suite de volumes, année par année, d'une espèce de mémoires ou de journal de sa main remontant aux années 70 et finissant vers 1800. J'avoue que cela m'a fait beaucoup de peine. Il est incompréhensible où ma mère trouvait le temps pour écrire tout ce qu'elle a tracé de sa propre main».

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 14-го (26-го) января 1829 года.

261. «Je conçois la peine que vous avez dû éprouver en brûlant, d'ordre de ma mère, son journal depuis 1770 jusqu'à 1800; il aurait été fort curieux de lire, mais puisque telle fut sa volonté, il fallait l'exécuter ponctuellement».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 24-го января (5-го февраля) 1829 года.

262. Въ 1818 году императоръ Александръ сказалъ матери принца Евгенія въ Веймарѣ: «Je conviens de tous mes torts envers lui, mais on ne peut taxer les souverains d'après l'échelle des particuliers. La politique leur dicte des devoirs que le coeur réprouve».

Die nachgelassene Correspondenz zwischen dem Herzog Eugen von Württemberg und dem Chef seines Stabes von Hofmann-Cannstatt, 1883, p. 63.

263. 15-го декабря 1828 года въ госпиталяхъ дѣйствующей на Балканскомъ полуостровѣ арміи числилось 23.787 человекъ больныхъ, между тѣмъ какъ въ іюлѣ въ нихъ находились 11.315 человекъ, слѣдовательно, въ полгода число больныхъ возросло вдвое.

264. Представимъ здѣсь нѣкоторыя выписки изъ свѣдѣній, доставленныхъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, касающихся заграничныхъ разсужденій по поводу неудачнаго исхода войны 1828 года:

Варшава 1-го (13-го) декабря 1828 года.

«Les bruits qu'on répand à Vienne sur le compte de l'armée russe ne sauraient ce répéter; en un mot on la compare à la retraite de l'armée française en 1812. On dit que hors plusieurs régiments des gardes, qui ont leurs rangs garnis, le reste de l'armée, dont les bataillons ont passé la frontière forts de 1000 hommes, s'en reviennent à 200, et quelques uns moins que cela; que la cavalerie de la ligne est à peine sortie avec ses cadres et quant au matériel de l'armée, ce qui n'a pas été évacué avant la saison pluvieuse, les premiers froids et le dégel, a été perdu, tout est resté dans les neiges ou dans la boue. Enfin commence la critique des opérations de la campagne, où personne n'est épargné, ce qu'on dit ne saurait être rapporté comme dépassant les bornes de la convenance et de la justice».

Варшава 8-го (20-го) декабря 1828 года.

«On se livre avec plaisir et même avec enthousiasme à conter et détailler les différents désastres qu'éprouve l'armée russe en quittant les positions de la droite pour passer sur la gauche du Danube. Il n'est pas question de la mise à exécution d'un mouvement ordonné pour prendre les quartiers d'hiver; c'est envisagé comme la totalité de l'armée russe, y compris les gardes, désorganisée et forcée à se retirer devant un ennemi qui la poursuit avec vigueur et mine le reste de cette armée en masse ou en détail comme il la rencontre. On dirait que nourrissant des projets hostiles, l'Autriche a besoin d'inventer toutes ces misères pour donner du courage à ses troupes et faire consentir tacitement ses peuples à une guerre, pour ensuite en supporter le fardeau sans murmure».

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

Варшава 20-го декабря 1828 года (1-го января 1829 года).

«On conclut que les affaires de la Russie ne se trouvent pas entre les meilleures mains. Dès le commencement des hostilités on a fait l'observation que le général Wittgenstein n'avait jamais été heureux, qu'il s'était souvent laissé battre; que la présence de l'empereur à l'armée, sans que sa majesté prenne le commandement en chef, n'était pas faite pour favoriser cet ensemble que est de rigueur lorsqu'il s'agit d'opérations militaires, dont dépend le succès d'une campagne en pays ennemi. Aujourd'hui que toutes les craintes ont été outrepassées, que la retraite de l'armée russe parait avoir été accompagnée d'affreux désastres; que la puissance morale de la Russie et sa renommée militaire ont subi une atteinte mortelle, on peut s'imaginer que les conversations de nos salons se ressentent plus ou moins de cette tournure désavantageuse, et que l'on trouve partout quelque partisan des turcs, qui croit devoir leur faire amende honorable aux frais du gouvernement russe, lequel on n'hésite pas d'accuser d'un manque absolu de prévoyance,

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

д'ун мѣкомпте complet dans le calcul des moyens de résistance de la Porte. A tout prendre la conviction est générale que la Russie se trouve dans une situation embarrassante. L'honneur lui défend de déposer le glaive, tandis que les conjectures ne sont pas aussi favorables pour une seconde campagne qu'elles l'ont été pour la première, qui cependant a été perdue... Cet exposé démontre assez la tournure désavantageuse qu'a pris l'opinion publique, qui ne veut pas voir des victoires là où l'on se retire, et qui embarrasse à vrai dire les partisans les plus zélés de la Russie.

«On remarque que l'activité qui a régné dans le ministère des affaires étrangères autrichien, dès le commencement des hostilités entre la Russie et la Porte Ottomane, a sensiblement augmentée depuis qu'on est instruit du malheureux résultat de la dernière campagne. Immédiatement après que les premières nouvelles officielles de la retraite des armées russes sont parvenues à la connaissance du cabinet de Vienne, on a expédié un officier d'état major au commandant en chef en Transylvanie, à ce qu'on présume avec l'instruction sur la conduite à tenir pour le cas où des corps détachés de l'armée russe, trop pressés par les troupes ottomanes, se verraient obligés de chercher une retraite sur le territoire transylvain. L'officier employé à cette mission et qui fut expédié au milieu de la nuit, avait reçu l'ordre de mettre toute la diligence possible, afin de parvenir à temps au but de sa destination.

«La conversation dans les salons de Vienne roule principalement sur les revers désastreux qui, à ce que l'on prétend, ont accompagné la retraite précipitée des armées russes, et on remarque que les nouvelles qui concernent cet événement malheureux, sont accueillies avec tous les symptômes d'une joie secrète».

(Военно-учебный архивъ. Отд. 2. № 4445).

265. Недружелюбное къ намъ отношеніе Австріи не подлежало сомнѣнію, но оно сопровождалось не пролитіемъ крови, но только однихъ чернилъ. Трудно было бы подвинуть императора Франца къ какимъ либо воинственнымъ предпріятіямъ, монарха, остроумно замѣтившаго русскому послу: «Mon empire est comme une maison vermoulue; si on veut en démolir une partie, on ne peut prévoir combien d'autres on en fera crouler».

266. Такъ, напримѣръ, 9-го (21-го) сентября 1828 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу: «Voilà un nouvel échantillon de l'insouciance du maréchal». Въ то время оказалось, что въ Каварѣ имѣются только 500 четвертей сухарей; виновникомъ этого непріятнаго открытія оказался, конечно, главнокомандующій.

267. 29-го августа (10-го сентября) 1828 года императоръ Николай писалъ къ графу Дибичу съ корабля «Парижъ»:

«Vous direz au maréchal que j'ai reçu sa lettre avec peine; que puisqu'il sentait la honte de ce qui s'est passé je n'en parlerai plus; que quant à l'état de sa santé je pensais qu'elle n'était pas telle à le forcer à quitter le commandement avant la fin de la campagne, et que je désirais qu'il garde son poste au moins jusqu'à ce qu'elle fût finie».

(Военно-учебный архивъ. Отд. 2, № 27576).

268. «En général la bêtise et l'insouciance du maréchal se fait voir en tout, et votre maladie, mon cher ami, lui a donné beau jeu pour faire voir son ineptie en plein».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 14-го (26-го) августа 1828 года, «à bord de l'Утѣха». Въ это время государь собирался отправиться въ Николаевъ.

(Военно-учебный архивъ. Отд. 2. № 27576).

269. Всеподданнѣйшее письмо фельдмаршала графа Витгенштейна отъ 5-го (17-го) октября 1828 года изъ Варны:

«Всеимлостивѣйшій государь.

«Имѣвъ счастье удостоиться всеимлостивѣйшаго вашего императорскаго величества рескрипта, во 2-й день сего октября послѣдовавшаго, конмъ ввѣряются моему попеченію всѣ войска дѣйствующей арміи, чувствую въ полной мѣрѣ столь высокомонаршую для меня милость и довѣріе. Но съ особеннымъ прискорбіемъ долженъ признаться, что

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

при всемъ желаніи моемъ оправдать оныя усердіемъ и рвеніемъ къ службѣ, чувствую себя не въ состояніи того исполнить; ибо ваше императорское величество изволите быть извѣстны, что въ продолженіе настоящей кампаніи я имѣлъ неоднократно лихорадочные припадки, которые при нынѣшнемъ осеннемъ времени и по здѣшнему климату вновь начинаютъ оказываться. А потому, предположивъ, при всей слабости моего здоровья, отправиться по окончаніи дѣлъ къ Силистріи для скорѣйшаго, если Богъ поможетъ, покоренія оной нашему оружію и по отправленіи войскъ на зимовья квартиры, осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества соизволенія на отъѣздъ мой въ Подольскую губернію.

«Вашего императорскаго величества

«вѣрноподданнѣйшій графъ Витгенштейнъ».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445).

270. Посылая приведенный здѣсь рескриптъ, императоръ Николай писалъ графу Дибичу 10-го (22-го) ноября 1828 года:

«Je vous charge de dire au maréchal, en lui remettant la lettre ci-jointe, que j'attends de son zèle et de son dévouement qu'il conserve le commandement en chef de l'armée; sa position actuelle l'exige impérieusement et l'expérience du passé et surtout le rôle que j'assigne à l'armée pour la campagne prochaine, le mettront parfaitement à même de remplir mes instructions à ma satisfaction. Je compte sur vous pour l'y persuader. Kiselef doit rester comme par le passé».

271. 20-го ноября (2-го декабря) 1828 года графъ Витгенштейнъ писалъ императору Николаю изъ Яссы:

«Всемилоствѣйшій государь!

«Удостоясь получить всемилостивѣйшій рескриптъ вашего императорскаго величества отъ 11-го сего ноября мѣсяца и посвятить себя безусловно на службу вашу, государь, мнѣ не остается ничего болѣе, какъ превозмочь недуги мои и исполнить священную волю вашего императорскаго величества, оставаясь при арміи, доколѣ силы мои позволятъ, и пока ваше императорское величество изволите найти, что могу еще быть полезнымъ вамъ и отечеству.

«Всемилоствѣйшій государь,

«вашего императорскаго величества

«вѣрноподданный графъ Витгенштейнъ».

272. 5-го (17-го) октября 1828 года графъ Дибичъ писалъ императору Николаю изъ Варны:

«Le maréchal paraît vraiment sentir le besoin de se retirer, après avoir ramené l'armée dans les quartiers d'hiver. Dans le cas où votre majesté impériale jugerait bon d'acquiescer à sa prière, je compte de mon devoir de vous répéter, sire, que la troupe, surtout depuis le colonel jusqu'au dernier soldat, n'a pas perdu une juste confiance des anciens succès par quelques échecs partiels, qui sont arrivés pendant la prise de deux principautés et de la Bulgarie jusqu'aux monts Balcan avec toutes les forteresses très bien garnies, résultats plus grands que tous ceux des campagnes précédentes et plus que la somme de ceux de 1808—1811, si Dieu voudra nous donner la prise de Silistrie.

«Votre majesté jugera tout cela et je n'ose pas même porter un jugement, car je pourrais craindre que des sentiments inspirés par la reconnaissance et l'expérience ce qu'un quartier-maitre général qui n'est mené que par ses devoirs doit produire, pourraient m'inspirer. Mais mon devoir impose de vous soumettre, sire, que d'après le caractère et les actions de personnes que ma situation et la confiance dont sa majesté feu l'empereur et votre majesté impériale ont bien voulu m'honorer, je suis persuadé que le maréchal comte Wittgenstein est bien difficile à remplacer; mais si votre majesté veut ce changement, je suis persuadé qu'il n'y a que le comte Sacken, qui gardant son état major, pourrait le remplacer dans le cas que votre majesté ne voudrait pas être elle même à

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

la tête de ses armées, et que dans le cas de sa présence le comte Langeron me paraîtrait celui qui remplirait avec le plus de zèle et d'abnégation d'amour propre les ordres de votre majesté impériale. Mon devoir de serviteur fidèle et reconnaissant toutes les preuves non méritées de grâce et de confiance que votre majesté a bien voulu me donner, a dû me dicter ces lignes. En attendant vos ordres ultérieurs, sire, j'emploierais toutes mes forces à remplir ceux que vous m'aviez donnés».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2757а).

Императоръ Николай отвѣчалъ графу Дибичу 16-го (28-го) октября 1828 года:

«J'en viens à l'article le plus important de votre lettre, celui qui parle du remplacement du maréchal, puisqu'il ne veut pas rester, je ne puis le retenir, mais en tout cas il ne doit pas quitter, avant que tout ne soit emplanté dans les quartiers d'hiver. Passant par Mohileff j'ai vu le bon vieux Sacken et je crains que son état de faiblesse le rende impossible pour lui d'accepter ce nouveau commandement, qui pour le reste me conviendrait je crois qu'en attendant Langeron peut rester sans titre le plus ancien à commander en Moldavie et Roth en Bulgarie; s'il n'y a aucun espoir d'éviter une seconde campagne il faudra bien que j'y retourne et alors je commanderai moi-même ayant Langeron sous moi. En attendant au cas qu'il fût possible que Sacken accepte ce nouveau commandement, il faut que vous me disiez ce que vous pensez faire de Kisseleff et des autres membres de l'état major de la ci-devant seconde armée et que vous me disiez vos pensées sur le mode d'administration pour ce qui reste en place de la première armée».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2757б).

273. Тѣ же мысли императоръ Николай высказалъ въ разговорѣ съ принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, въ ноябрѣ 1828 года. «Обстоятельства и политика требуютъ пока однихъ оборонительныхъ мѣръ», сказалъ ему государь.

274. «Passons à l'essentiel pour l'année qui vient: au plan de campagne. Tout pensé, tout pris en considération, je m'arrête à l'idée qui suit. L'expérience de cette campagne nous a prouvé à l'évidence à quel pays et à quelle nation nous avons affaire. Répéter les pertes gratuites que nous devons à nos fausses mesures, provenant de nos données erronées sur ces deux points si importants, serait un crime, dont je ne chargerai jamais ma conscience. Il s'agit donc de décider: que devons nous faire d'après ce que nous pouvons faire ou entreprendre. Avant de commencer la guerre j'ai annoncé que je désirais obtenir des garanties qui puissent me faire espérer des conditions honorables pour la paix. Malgré que la campagne n'a pas répondu en entier à nos espérances, néanmoins la Providence a daigné mettre en nos mains deux provinces intactes et une autre, théâtre de la guerre, dont la clef est Varna; en Asie, excepté Anapa et Poti, trois pachaliks sont en notre pouvoir. Ce sont des garanties considérables si elles ne sont pas suffisantes encore, pour obtenir notre but. Serait-ce prudent à moi de vouloir pousser au hasard une campagne au delà des Balkans, sans aucune sûreté de succès, si même j'en pouvais avoir l'espoir, tandis que pour s'assurer la possession des garanties, il me reste à m'emparer des places situées le long du Danube? Il me paraît donc que loin de pousser au delà du Balkan, le bon sens et la prudence exigent impérieusement d'abandonner l'idée d'une invasion au delà des monts, et à se borner d'occuper de pied ferme ce que nous possédons déjà, en achevant de s'emparer de ce qui n'est pas encore en notre pouvoir. Des expéditions partielles, exécutées par la flotte, avec des troupes de débarquement, peuvent être faites et seront utiles. Mais une division est suffisante pour cet objet; le reste, c'est à dire, les 6-e et 7-e corps, seront destinés à se maintenir à Varna et environs tandis que le 2-me et une du 3-me s'occuperont du siège de Silistrie et Jourja, tout en menaçant en flanc qui voudrait marcher vers Bazardjik. Par contre l'armée de Géorgie opérerait activement vers Erzeroum et Trebizonde, d'après l'opinion et les connaissances locales du comte Paskévitch. Enfin si le blocus des Dardanelles est faisable, il coopérera au plan général, qui est de se maintenir dans les pays occupés et de gêner, autant que possible, le sultan dans tous les besoins de la capitale et de son empire, pour l'amener à traiter, sans faire nous mêmes de grands sacrifices ni en hommes, ni en moyens pécuniaires. Ce plan prouvera à l'univers entier que nous continuons non en conquérants,

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

mais en gens sages et prudents un plan qui ne peut que nous amener à de grands résultats. Il nous met en mesure de tenir l'Europe en respect et fermer la bouche à ceux qui sous prétexte d'arrêter mon ambition, voudraient contrecarrer nos opérations hasardeuses».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 27576).

275. «J'espère au reste que l'exécution du plan projeté ne peut pas trouver de grandes difficultés, excepté celle des approvisionnements, qui par l'extrême pauvreté et la mauvaise administration des principautés est devenue bien grande... D'après des calculs probables sur le nouveau plan d'opération, je ne crois pas que la prise de Silistrie, ainsi que celle de Roustchouk et Giurgevo devront nous mener au delà de la mi-juillet et tout au plus aux premiers jours d'août, il restera donc encore deux mois et peut-être même deux mois et demi de campagne. Il faudra les employer utilement et dans le sens politique et militaire du plan général. Il me paraît qu'il y a quatre points qui méritent dans ce cas à se disputer le choix. Sinope, si les opérations de l'armée d'Asie peuvent en assurer la possession pour l'hiver; Bourgas ou une autre place sur son golfe, si les localités permettent à s'y fortifier et y rester en permanence, soutenu du côté de la mer; Choumla, si nous aurons encore assez de moyens de siège et surtout si la grande armée turque se trouve au delà du Balkan; enfin Widdin avec toutes les petites places peu considérables du haut Danube.

«Chacune de ces places augmenterait d'une manière réelle les otages que votre majesté se désire procurer pour la paix. Sinope ne pourra être mise en ligne qu'à raison de nos succès en Asie. Widdin opposerait apparemment le moins de difficultés, surtout si le général Geismar passait le Danube beaucoup plus tôt et lui couperait les communications. Mais la prise de cette place élèverait la jalousie de l'Autriche au plus haut degré et il serait difficile même qu'elle n'eût pour effet la révolution en Serbie, malgré tous nos conseils, ce qui me paraît entièrement contraire au plan proposé. La prise de Bourgas serait extrêmement importante, mais je crois que les puissances étrangères regarderaient cette conquête plutôt comme une base pour une campagne au delà du Balkan, que comme un gage de paix. Celle de Choumla, faite en automne, pourrait bien inspirer les mêmes idées, quoique dans un degré moins fort, mais nous avons vu les immenses difficultés d'un long séjour devant cette place. Si au contraire nous pouvons commencer la campagne assez de bonne heure, pour qu'il n'y eût point d'armée, mais seulement une garnison à Choumla, je pense autant pour l'opinion que pour intimider les Turcs, de manière qu'ils penseraient sérieusement à la paix, on devrait commencer par là tout de suite après avoir investi Silistrie. En marchant avec le 3-me, 6-me et 8-me corps d'armée sur Choumla, nous pouvons y réunir six à sept divisions d'infanterie et trois de cavalerie, avec une douzaine de régiments de cosaques, et il faut marcher avec la ferme résolution d'emporter coûte qu'il coûte, d'assaut, premièrement les hauteurs et puis la ville même, et sans regarder à la perte de 8 à 10.000 hommes tués et blessés, en calculant qu'il nous en coûtera autant dans des petits combats que les liaisons entre Roth et l'armée demanderont et que nous perdrons, en marches, contre-marches et positions, que nous devrons souvent choisir malgré nous, beaucoup plus encore en malades et morts de maladies.

«Cette expédition devrait être commencée avant le premier de mai et finie avant le 10; plus tard elle ne serait plus à conseiller, à moins que l'armée turque ne reste pas au delà du Balkan, supposition difficile à faire après la moitié du mois de mai. Choumla prise d'une telle manière serait rasée, mais un fort sur les hauteurs nous en assurerait la possession et le corps de Roth se mouvant entre Choumla, Pravody et Varna, serait assez fort pour défendre tout passage de la grande armée turque, et nous pourrions à notre aise nous occuper des places du Danube. Ce mouvement entièrement défensif et en quelque façon retrograde des forces principales prouverait en même temps de la manière la plus claire nos dispositions pacifiques et le système adopté».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4446).

276. До этой мысли додумался въ концѣ 1828 года и графъ Витгенштейнъ. Передъ отъѣздомъ графа Дибича въ Петербургъ главнокомандующій вручилъ ему 12-го (24-го) декабря 1828 года слѣдующую записку:

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

«Исполнивъ обязанность вѣрнопопдааннаго, оставаясь согласно высочайшей волѣ въ званіи, на меня возложенномъ, доколѣ силы преклонныхъ лѣтъ моихъ сіе дозволять, я поставляю себѣ въ обязанность, при неограниченной преданности моеи къ государю, представить на всемілостивѣйшее благоусмотрѣніе тѣ истины, которыя почитаю полезными для службы его императорскаго величества. А какъ ваше сіятельство отправляется въ С.-Петербургъ, то не только по мѣсту, вами занимаемому, но и по долготѣнному моему къ вамъ уваженію и пріязни, я за удобнѣйшее почитаю просить васъ изустно доложить его величеству, что прошлая кампанія доказала, что большая часть безпорядковъ въ арміи происходила не отъ чего другого, какъ отъ раздѣленія властей, которыя тѣмъ болѣе вредны были, что затрудненія въ сообщеніяхъ не позволяли своевременно исправлять ошибки, происходящія отъ разныхъ отдаленныхъ повелѣній; нынѣ къ душевному прискорбію вижу, что сіе можетъ возобновиться, ибо одному начальнику войскъ сообщено отъ вице-канцлера наставленіе для политическихъ сношеній съ сербами, другому же предписано отъ товарища начальника главнаго штаба доносить прямо его императорскому величеству не только объ экстренныхъ военныхъ происшествіяхъ, но и о всѣхъ внутреннихъ и хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Посему въ предупрежденіе невыгодныхъ послѣдствій, произойти могущихъ, я полагаю не для личнаго желанія безраздѣльной власти, но для пользы службы:

«1) Если государю императору угодно будетъ командовать арміею, то всѣ высочайшія повелѣнія должны быть отдаваемы именемъ его величества начальникомъ его штаба, которому должно находиться безотлучно при немъ, главнокомандующему же поручить въ командованіе часть войскъ на общихъ правилахъ, какъ то и было въ прошлую войну, гдѣ князь Барклай и я командовали корпусами.

«2) По отбытіи государя отъ арміи главнокомандующій принимаетъ оную въ полное свое распоряженіе и всѣ высочайшія повелѣнія, какого бы то роду ни были, получаетъ отъ его величества или чрезъ его начальника штаба и передаетъ ихъ подчиненнымъ своимъ, которые затѣмъ ни отъ кого и ни въ какомъ случаѣ мимо главнокомандующаго таковыхъ не получаютъ.

«3) Строго воспретить корпуснымъ и отряднымъ командирамъ, равно и всѣмъ вообще лицамъ, находящимся при арміи, дабы никто не могъ доносить мимо главнокомандующаго государю императору.

«4) То же правило относится и къ полномочному предсѣдателю дивановъ княжествъ, всѣ повелѣнія къ нему должны быть объявляемы чрезъ главнокомандующаго, равно и предсѣдатель дивановъ не долженъ мимо его доносить; все, что главнокомандующій не можетъ разрѣшить, представляетъ по общему соображенію военныхъ обстоятельствъ на благоуваженіе и рѣшеніе его императорскому величеству.

«Въ сихъ статьяхъ заключаются, по моему мнѣнію, необходимыя основанія подчиненности, порядка и успѣховъ».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5323).

Приведенная нами записка доказываетъ, что упрекъ, сдѣланный фельдмаршалу Витгенштейну во время кампаніи 1828 года: «думаетъ ли онъ?»—и обвиненіе въ глупости, безпечности и неспособности не вполне справедливы. Напротивъ того, теперь выясняется, что графъ Витгенштейнъ отлично понималъ и оцѣнилъ обстановку, среди которой ему приходилось и предстояло, можетъ быть, еще и впредь дѣйствовать; основываясь на приобрѣтенномъ опытѣ, онъ откровенно заявилъ свои скромныя требованія во избѣжаніе повторенія въ будущемъ испытанныхъ имъ прежнихъ невзгодъ.

277. Замѣтимъ здѣсь, что еще во время кампаніи 1828 года генералъ-адъютантъ Васильчиковъ высказался въ пользу присоединенія гвардіи къ войскамъ, осаждавшимъ Варну, предостерегая двинуть ее къ Шумъ. По этому животрепещущему тогда вопросу онъ написалъ записку: «*Projet d'opérations contre les turcs au mois de septembre 1828*».

278. См. въ приложеніяхъ записку генералъ-адъютанта Васильчикова: «*Aperçu sur la campagne de l'année 1828*».

279. Министръ финансовъ, генералъ Канкринъ, не принималъ участія въ совѣщаніяхъ комитета 19-го ноября. Еще ранѣе, 7-го ноября 1828 года, Канкринъ предста-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

видъ записку: «*Considérations sur la campagne suivante contre la Porte*». Она состоитъ изъ слѣдующихъ четырехъ пунктовъ:

«1) Les puissances étrangères ont sans doute l'arrière pensée de nous affaiblir en hommes, en matériel et argent, et elles calculent qu'une guerre contre les turcs est coûteuse.

«2) En considérant la brièveté du temps, les difficultés naturelles et l'opiniâtreté des turcs, il n'est pas probable de finir la guerre par une campagne vigoureuse, si même on parvenait à rassembler tout ce qu'il y faut.

«3) En se bornant à l'observation et à tenir les forteresses conquises ayant une armée moyenne sur le Danube et une armée considérable sur le Dniestre on ferait la guerre avec le minimum de dépenses de toute nature; la population turque se laisserait du service, les ressources pécuniaires de la Porte tariraient, le blocus des Dardanelles fatiguerait la capitale et les intentions des puissances seraient déjoués.

«4) Si au contraire on se décidait de finir la guerre dans une campagne, elle doit être vite, vigoureuse, sanglante, entreprise avec de grandes forces et des grands moyens, et même dans ce cas si l'ennemi nous attendait à Adrianople, ce succès être précaire».

Припомнимъ здѣсь (см. «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствование», т. 4-й), что еще въ 1819 году генераль Канкринъ представилъ императору Александру записку: «*Mémoire secret sur l'expulsion des turcs de l'Europe, surtout par rapport à l'administration militaire*» (архивъ канцелярии военнаго министерства), а въ 1821 году записку: «*Военныя соображенія о походѣ противъ турокъ въ связи съ продовольствіемъ, основанныя на секретныхъ свѣдѣніяхъ депо картъ и на нѣкоторыхъ частныхъ матеріалахъ*» (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2517А). Записки эти свидѣтельствуютъ, что генераль Канкринъ уже давно изучалъ условія возможной войны Россіи съ Портою, въ особенности съ военно-административной точки зрѣнія.

У генерала Канкринъ было немало враговъ, а назначеніе его министромъ финансовъ, конечно, послужило къ немалому ихъ увеличенію; послѣ воцаренія императора Николая приложено было немало старанія, чтобы поколебать довѣріе къ нему государя. Строгий критикъ тогдашнихъ порядковъ и дѣятелей, графиня Нессельроде, пишетъ въ 1827 году: «*Le ministre des finances s'est ancré, malgré sa tête à l'envers*». Конечно, нельзя было ожидать другого отзыва отъ дочери графа Гурьева.

Вѣроятно, къ концу 1828 года генералу Канкрину нанесены были какія-то особые огорченія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ написалъ императору Николаю 30-го ноября слѣдующее письмо:

«Sire! M'apercevant que l'état de mes forces ne me permet plus de veiller au ministère des finances avec le succès indispensable et de résister aux contrariétés inséparables d'un emploi de cette nature: je me vois réduit à la nécessité de recourir à la clémence de votre majesté impériale et de la supplier humblement de bien vouloir me délivrer d'une charge, où je crains de rétrograder. Le budget pour 1828 allant être conclud, mon successeur ne trouvera pas de difficulté au commencement de son administration; quant à moi, je me flatte que votre majesté ne me privera pas entièrement de ses bonnes grâces.

«Je suis avec respect et soumission, sire, de votre majesté impériale,
«le très fidèle sujet

«G. de Cancrine».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

Императоръ Николай не согласился на просьбу, заявленную генераломъ Канкринымъ, который оставилъ должность министра финансовъ только 1-го (13-го) мая 1844 года, уже вслѣдствіе совершенно разстроеннаго здоровья.

Замѣтимъ здѣсь, что Канкринъ произведенъ былъ въ генералы отъ инфантеріи 25-го іюня (7-го іюля) 1828 года.

280. «*Mémoire sur les discussions du 19 Novembre 1828*». Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Въ этой запискѣ отъ 26-го ноября 1828 года графъ Чернышевъ собственноручно изложилъ общій ходъ обсужденія вопросовъ, предложенныхъ государемъ комитету, и заключеній, на которыхъ тогда остановились.

281. Въ «Mémoire sur les discussions» графъ Чернышевъ пишетъ: «Votre majeste a jugé à propos de rappeler que le but de notre guerre actuelle contre la Turquie n'était point de conquérir Constantinople ou de renverser le sultan, mais d'obtenir le plus de garanties possibles, pour forcer la Porte Ottomane à conclure une paix qui puisse désormais assurer d'une manière solide et immuable l'exécution positive de tous les avantages que la Porte avait déjà concédés à la Russie par les traités précédents et que sept années de négociations n'avaient pu obtenir du cabinet Ottoman. En conséquence de ce principe et prenant en considération l'état politique de l'Europe, votre majesté a déclaré qu'elle ne croyait pas devoir employer pour la campagne prochaine plus de 110 à 120.000 hommes au plus. A la suite de divers raisonnements, à l'appui de cette détermination, votre majesté a daigné inviter les personnes que sa confiance a rassemblé autour d'elle, à émettre leur opinion sur le meilleur emploi à tirer de ses forces, pour obtenir le résultat que le gouvernement avait en vue en déclarant la guerre à la Turquie.

«D'un commun avis il a été soumis à votre majesté impériale qu'une guerre systématique qui se bornerait simplement à la prise de quelques forteresses sur le Danube, tout en conservant notre gauche dans sa position actuelle et en faisant quelques démonstrations de ce côté, ne pourrait dans aucun cas forcer le sultan à demander la paix, ni donner un espoir fondé d'attirer ses troupes dans la plaine, par suite du système que les turcs ont adopté de ne point se hasarder contre nous dans ce genre de combat. Que les progrès de nos opérations en Asie, fort essentiels, en ce qu'ils ne permettraient point au sultan de tirer de cette partie de ses états tous les renforts qui lui étaient nécessaires en Europe, ne pouvaient point produire d'effet assez immédiat pour forcer Mahmoud à plier. Que le seul moyen d'obtenir le but désiré était de chercher à porter à l'ennemi des coups sensibles, vigoureux et inattendus, propres à le jeter dans un véritable état de stupeur et de crainte. Que les glorieux efforts et sacrifices que cela nous coûterait étaient plus que compensés par la prompte fin d'une lutte qui, si elle devait durer plusieurs campagnes, nous occasionnerait gratuitement des pertes immenses en hommes et en argent, épuiserait les ressources de l'empire et nous maintiendrait dans une situation précaire vis-à-vis des autres puissances de l'Europe».

Изъ записки: «Mémoire sur les discussions du 19 Novembre 1828».

282. Въ заключеніе собранія 19-го ноябля императоръ Николай выразилъ желаніе, чтобы присутствовавшіе въ немъ лица изложили письменно мысли, которыя могли еще прийти имъ на умъ, по поводу обсуждавшихся въ совѣщаніи вопросовъ перво-степенной важности. Приглашенію государя послѣдовали генералъ-адъютанты Васильчиковъ и Толъ, а также графъ Кочубей.

Въ запискѣ Васильчикова (отъ 26-го ноябля) сказано: «Mon opinion ne sera jamais que pour une paix solide, une paix signée au delà des Balkans. Si non, je la regarderai comme une trêve qui nous fera perdre notre considération en Europe et nous mettra dans le cas de recommencer bientôt la guerre, avec des chances de succès bien moins favorables».

Противъ этого мѣста записки написано графомъ Дибичемъ: «c'est très vrai».

283. «Русская Старина», 1886 года, т. 51-й, стр. 42: Journal meiner Reise nach Russland im Jahre 1839. (Извлечено изъ сочиненія: «Das Leben des Generals Friedrich von Gagen. Leipzig. 1857. 3 Bände».)

284. Графъ Сакенъ въ своемъ дневникѣ записать 4-го января 1829 года:

«General Toll macht durch einen Feldjäger aus Petersburg auf Befehl des Kaisers den Antrag die active Armee zu commandiren».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 411).

285. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. №№ 441 и 959.

286. Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5322.

Въ этомъ же письмѣ графъ Витгенштейнъ писалъ о своемъ здоровьѣ:

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«Pour ce qui regarde ma santé, elle est très bonne et si sa majesté l'empereur veut me confier son armée, il peut être persuadé que je mettrai tout le zèle possible pour exécuter le plan ci-dessus mentionné».

Генераль-адъютантъ Киселевъ раздѣлялъ взгляды фельдмаршала и имѣлъ даже въ виду третью кампанію противъ Турціи! 11-го (23-го) января 1829 года Киселевъ писалъ графу Дибичу: «Il faut surtout rendre celle campagne préparatoire pour celle de l'année suivante». (Архивъ канцеляріи военного министерства).

287. Генераль Красовскій, находившійся въ 1827 году въ кавказскомъ корпусѣ, удалился оттуда вслѣдствіе несогласій съ графомъ Паскевичемъ.

288. 1-го (13-го) февраля 1829 года графъ А. О. Орловъ писалъ генераль-адъютанту Киселеву:

«Я не понимаю, какимъ образомъ эти два характера сойдутся. Надо надѣяться, что они почувствуютъ необходимость не вредить другъ другу; иначе никакого толку не выйдетъ. Увѣряютъ, что выше уже заручились ихъ общаніемъ въ этомъ родѣ».

289. «J'ai eu la certitude que le maréchal ne pourrait pas conduire les opérations de la campagne prochaine, ses forces ayant réellement baissées et au moral et au physique, et qu'il fallait le remplacer; cependant j'ai attendu encore pour le décider que je le sus d'une manière plus positive; en attendant j'ai dû préparer un choix, l'autre maréchal étant tout aussi âgé et plus cassé encore que Wittgenstein, j'ai dû chercher parmi les autres aspirants ou candidats et, ne pouvant me passer près de moi de Tolstoy, je me suis décidé à donner le commandement à Diebitsch, non comme major général, mais comme un véritable главнокомандующій, en lui donnant pour chef d'état major Toll. Ce choix m'a paru être le meilleur et, je l'avoue, presque le seul à faire. Il n'y a que la similitude des défauts des deux individus qui m'a fait craindre qu'ils ne s'arrangeraient pas et, pour être sûr de ne pas compromettre à la légère des intérêts aussi graves, j'ai résolu de faire expliquer les individus entre eux d'abord et d'une manière privée, avant que d'en parler officiellement à Toll; celui-ci s'est montré en galant homme, en promettant à l'autre obéissance et zèle pour le seconder de son mieux et a promis de ce maîtriser pour ne pas mériter le reproche que l'on fait souvent à son caractère. L'ayant alors appelé chez moi, je l'ai engagé de me dire franchement s'il croyait pouvoir me promettre de se charger du poste que je lui donnais, en sentant la difficulté de la position vis-à-vis de son chef, vu leurs caractères respectifs; il m'a donné sa parole et, le sachant honnête homme, je crois qu'il ne m'a pas donné en vain sa parole. Depuis lors, une lettre du maréchal nous a démontré qu'il ne pouvait décidément rester et j'ai décidé le changement. Diebitsch part ce soir. Il me reste à demander à Dieu de bénir cette détermination importante et à espérer qu'Il daignera bénir mes bonnes intentions».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 5-го (17-го) февраля 1829 года.

290. Quant à la nomination de Diebitsch et Toll et la retraite du maréchal, je ne puis rien en dire qu'à faire des vœux pour l'accomplissement de vos volontés; mais puisque vous daignez m'en parler je ne crois pas devoir passer sous silence le mécontentement général qui règne contre le général Diebitsch et surtout à l'armée dont il va prendre le commandement, où il a su indisposer tout le monde à peu d'exception près. Le général Toll n'est pas non plus des plus aimés, mais il réunit plus de formes et plus de suffrages. Je le dis avec franchise à vous, cher frère, ne sachant vous nier la vérité et bien fâché de dire du mal de deux individus avec lesquels je suis au mieux et que j'estime particulièrement. La manière de faire du général Diebitsch a trop blessé d'amours-propres et de personnalités pour pouvoir être oublié de sitôt, et il aura une double campagne à faire: l'une contre les fautes et l'autre pour regagner la bonne opinion, l'estime et la confiance de son armée».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 16-го (28-го) февраля 1829 года.

291. «Votre opinion sur Diebitsch et Toll est bien juste; j'espère que le premier saura faire oublier le passé que je lui ai vivement placé sous les yeux; il sent

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

trop la responsabilité qui pèse sur lui et s'aime trop lui-même pour ne pas tout faire pour s'acquitter de sa charge au contentement de tout le monde».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23-го февраля (7-го марта) 1829 года.

292. Изъ письма графини Нессельроде къ своему брату, графу Николаю Гурьеву, отъ 13-го (25-го) февраля 1829 года. Государственный архивъ, разрядъ III. № 43.

16-го (28-го) февраля 1829 года генераль-адъютантъ Адлербергъ писалъ графу Дибичу:

«Votre nomination n'a étonné personne, on s'y attendait et le fameux parti se tait; il n'agit point, parce qu'il sent son impuissance, mais il n'est point dissout; les circonstances ranimeront peut-être son activité, mais elle n'aura pas plus de succès, j'en ai l'intime conviction». (Военно-ученый архивъ, отд. 2, № 5322).

Къ сожалѣнію, въ перепискѣ Адлерберга съ Дибичемъ не выяснено, изъ кого состоялъ «le fameux parti». Можетъ быть, тутъ подразумѣвались сторонники опальнаго А. П. Ермолова.

«Перемена чрезвычайная и, по крайней мѣрѣ, неожиданная. Даѣ, Боже, ожидаемой отъ нея пользы.... а у меня изъ головы не выходитъ малороссійская пословица: старый быкъ борозды не портить»,—писалъ генераль-адъютантъ Депрерадовичъ фельдмаршалу графу Сакену 28-го февраля 1829 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 45186).

293. Ф. П. Фонтонъ: Юмористическія, политическія и военныя письма изъ главной квартиры Дунайской арміи въ 1823 и 1829 годахъ. Лейпцигъ. 1862, т. I-й, стр. 256.

294. Ошибка, сдѣланная во время турецкой кампаніи 1828 года, сопровождавшаяся Шумлинскимъ сидѣніемъ, оставила въ умѣ императора Николая столь глубокое впечатлѣніе, что онъ вспоминалъ о ней даже во время Польской войны 1831 года и писалъ графу Дибичу 8-го (20-го) февраля: «Un long séjour devant Praga serait fatal sous tous les rapports possibles et serait pire que celui de Choumla».

295. Тѣло А. С. Грибоѣдова перевезено было въ Тифлисъ и похоронено въ монастырѣ св. Давида. Жена Грибоѣдова воздвигла надъ прахомъ его памятникъ, на которомъ написано съ одной стороны:

«Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года, января 4-го дня; убитъ въ Тегеранѣ 1829 года, января 30-го дня».

На другой сторонѣ:

«Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?»

296. «Tous nos successeurs au royaume de Pologne sont astreints à se faire couronner rois de Pologne dans la capitale, suivant la forme que nous établirons, et ils prêteront le serment ci-après: «Je jure et promets devant Dieu et sur l'Evangile de maintenir et faire exécuter de tout mon pouvoir la charte constitutionnelle».

297. «Opotchinine m'a parlé de votre couronnement d'ici et m'a dit que vous désiriez avoir mon avis à ce sujet; avec toute la franchise que vous me connaissez et avec la meilleure volonté possible de satisfaire en vous énonçant mon opinion, je ne saurais le faire, puisque la charte constitutionnelle de ce pays parle bien de l'obligation de couronnement pour les successeurs de celui qui l'a octroyée, en y ajoutant la clause, qu'il se fera d'après ce qui aura été établi; mais comme rien ne l'a été, je suis dans le plus cruel embarras de vous rien dire de positif; veuillez me permettre d'agir d'après ma façon de faire du temps de feu l'empereur, alors j'en parlerai à Novossiltzoff, ce que je n'ai pu faire sans votre consentement, et nous arrangerons la chose ensemble pour vous la soumettre. J'attends vos ordres; j'avoue ma bêtise dans des cas pareils».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 24-го мая (5-го іюня) 1826 года.

298. «Vous désirez vous aboucher avec Novossiltzoff pour l'affaire du couronnement à Varsovie; veuillez le faire et m'informer des résultats. Je tiens beaucoup à ce que cela puisse se faire avec le moins de formes possibles et m'en remets à vous sur tout le reste; pour une cérémonie religieuse, il s'entend bien que c'est complètement impossible».

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАИ ПЕРВЫЙ

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 6-го (18-го) іюня 1826 года.

299. Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23-го іюня (5-го іюля) 1826 года.

Вообще въ перепискѣ съ цесаревичемъ императоръ Николай высказывалъ относительно варшавской коронаціи слѣдующіе взгляды:

«La cérémonie qui se répète à Varsovie n'est pas un sacre, mais la répétition pour les polonais du couronnement seul». Или же: «Le couronnement pour les russes du roi de Pologne s'est fait à Moscou et ne se répète à Varsovie que pour les polonais».

300. «J'ai prêté d'avance le serment exigé par la loi; je l'ai fait spontanément et de bon gré, comme le meilleur gage de la sincérité de mes intentions envers les sujets polonais, de l'empereur et roi; je me tiens donc quitte vis-à-vis d'eux, pour tout ce que l'article de la charte avait de formes obligatoires pour moi; quant au mode de couronnement, telle cérémonie que bon me semble aura force de loi; ainsi si j'ordonne une diète extraordinaire et que je réitère le serment déjà prêté par moi à la nation et que je le fasse ensuite suivre d'un Te Deum romain en actions de grâce, en plein champ pour éviter de le faire à la cathédrale et pour pouvoir y faire assister les troupes,—en voilà bien assez je le pense, si nous y ajoutons une entrée solennelle et les fêtes de rigueur en ville, il y en aura assez pour moi, votre pauvre diable de frère. Voilà franchement ma pensée pour vous que je vous soumets».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) августа 1826 года изъ Москвы.

301. «J'espère que sous peu tout sera fini et cette éternelle et odieuse affaire terminée. J'espère alors que je pourrai enfin me rendre chez vous et voir de mes yeux ce qu'il est bien temps que je puisse voir et entendre, pour ne pas rester éternellement étranger à un pays où je ne puis être responsable de rien, ne le connaissant qu'à peine et encore moins les individus qui y agissent en mon nom, et certes, ce n'est pas l'envie qui m'a manqué pour le faire».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 2-го (14-го) января 1829 года.

302. «Permettez que je vous expose le vœu sincère et ardent de vous trouver à Varsovie le même pour moi comme par le passé: excellent frère et parfait ami; soyez indulgent pour moi et sentez toute la difficulté de ma position, unique dans le monde et plus difficile là, près de vous, dans le lieu de votre séjour habituel, qu'elle ne l'est déjà partout ailleurs! Que votre indulgente amitié soit mon guide et mon soutien, que j'y puise le courage et que j'y trouve l'encouragement dont j'ai souvent besoin, quand mon moral fléchit sous le poids de mes peines. J'espère en Dieu; Il connaît mes bonnes intentions; elles sont pures, car elles sont celles d'un frère qui vous a dévoué son existence; Il vous inspirera aussi».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 20-го марта (1-го апрѣля) 1829 года.

303. «Je pense qu'aucun acte religieux ne peut avoir lieu dans la salle du sénat, sans porter préjudice à la religion elle même, n'importe le rite, puisque l'on n'est que trop enclin à éliminer tout culte chrétien et ne l'envisager que comme une vaine cérémonie, et cette manière de faire n'encouragerait que trop les esprits à un ordre ou bien désordre semblable. A mon avis, tout en invitant processionnellement le clergé à se rendre au sein du sénat et votre serment prêté; vous devrez vous rendre pour le Te Deum dans la cathédrale, ce qui prouverait tolérance et protection de tous les cultes... Dieu vous a appelé à régner sur un peuple d'un autre rite que le vôtre, c'est à vous à le protéger, à le respecter et à le maintenir, et à ne pas le frapper pour ainsi dire de votre index. Il ne vous est pas donné comme à qui que ce soit de vous immiscer dans des controverses; laissez les croyances aux hommes, ils ne vous en seront pas moins fidèles et reconnaissants; au plus, assister à un Te Deum n'est pas un sacrement, vous y serez comme assistant... Voilà mon opinion et je ne puis la changer. Nos troupes russes assistent dans

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

les grandes solennités aux messes catholiques-romaines au camp et font ce que font les troupes polonaises; tel est l'ordre établi par feu notre immortel empereur et personne n'a rien à y redire; vous l'avez vu vous même lors de votre premier séjour ici à la S-t Alexandre; votre femme y a aussi assisté. Suivez mon conseil et vous-vous en trouverez bien, j'en ai la conviction».

(Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го марта (11-го апрѣля) 1829 года).

Цесаревичъ не довольствовался приведенными здѣсь доводами и въ письмѣ къ государю отъ 16-го (28-го) апрѣля 1829 года еще разъ возвратился къ защитѣ своей точки зрѣнія и продолжалъ настаивать на необходимости молебствія въ католическомъ соборѣ:

«Le clergé catholique assistant dans la salle du château prouverait parfaitement que le couronnement ne s'est pas fait à l'église catholique et personne n'y aurait rien à redire. Je dirai plus, que si, comme grand duc de Finlande, il y aurait dû y avoir un couronnement, je serai d'avis que vous assistiez au sermon luthérien comme un hommage rendu au culte professé par le peuple sur lequel la volonté de Dieu vous a appelé à régner et en prouvant une tolérance générale et universelle, sans vous arroger le droit de vous immiscer dans les affaires de conscience. Voilà mon avis, cher et excellent frère, d'après mon coeur et la pureté qui y règne devant Dieu et les hommes. J'y ajoute que tout ceci coïncidera fort bien avec l'émancipation qui vient d'avoir lieu en Angleterre».

304. Въ письмѣ къ графу Дибичу отъ 13-го (25-го) апрѣля 1829 года генераль-адъютантъ Бенкендорфъ выразилъ ту же мысль въ болѣе рѣзкой и опредѣленной формѣ:

«Les fougoux patriotes y voient l'abaissement de la dignité impériale, les nuls s'occupent à discuter les fêtes, les cérémonies et les récompenses qu'il y aura à cette occasion; les raisonnables et les vrais amis de notre maître sentent l'urgence de ce voyage et font des vœux pour qu'il tourne au profit de la tranquillité et de la bonne harmonie; moi, je crains autant que j'espère et je plains de toute mon âme l'empereur, car je prévois les grandes difficultés qui se présenteront à lui, lorsqu'il s'agira de concluer en dernière analyse; elle est simple, mais l'exécution en est difficile: 1) Novossiltzow et... éloignés; 2) de bons remplaçants!!; 3) les provinces polonaises mises sur pied du reste de l'empire; 4) le royaume se gouvernant sans secousses arbitraires. Tout cela est aisé à dire. Que le Ciel protège l'empereur».

Изъ письма генераль-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 13-го (25-го) апрѣля 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

305. «Partout présentation, parade et courses dans les établissements publics, c'est à dire que nous n'avons rien vu. C'était un peu le but de sa majesté l'empereur qui craignait de devoir voir ce qu'il n'aurait pas voulu voir; il fallait arriver satisfait à Varsovie, et c'est ce qui a été: partout une population heureuse de voir son souverain; des démonstrations de joie sincère; de l'ordre, de belles troupes, enfin ce qui plait à l'oeil, et doit rejouer le coeur d'un maître, mais qui en même temps doit lui prouver qu'on attend tout de lui, et qu'il a une tâche bien sacrée à remplir, celle de justifier les grandes espérances de ses sujets».

Изъ письма генераль-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 16-го (28-го) мая 1829 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

Великій князь Михаилъ Павловичъ, по просьбѣ цесаревича, изъ Динабурга прямо прослѣдовалъ въ Варшаву.

306. «Ce trait accuse la froideur que l'on opposa aux avances de Nicolas et l'ensemble des symptômes ne laissait aucun doute quant au présent et à l'avenir: la rupture entre les polonais et la dynastie était moralement consommée».

Lisicki: Le marquis Wielopolski, t. I, p. 82.

307. 21-го мая (2-го июня) 1829 года генераль-адъютантъ Нейдгартъ писалъ графу Дибичу изъ Тульчина:

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«Благодареніе небу, въ Варшавѣ все прошло благополучно и продолжаетъ итти какъ нельзя лучше. Тѣмъ не мѣнѣе все вообще является чѣмъ-то уродливымъ. Черный двуглавый орелъ — отецъ бѣлаго одноглаваго; они различны по природѣ и останутся таковыми. (Doch ist das ganze eine Missgeburt. Der schwarze zweiköpfige Adler ist der Vater eines einköpfigen; sie sind verschiedener Natur und werden es bleiben)».

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 959.

308. «Un homme d'un caractère aussi entier avait dû se sentir obligé dans son for intérieur à satisfaire aux devoirs qu'il avait contractés envers la Pologne, lors de son avènement au trône. Il le fit d'ailleurs avec une bonne grâce parfaite, offrant aux polonais une excellente occasion d'effacer leurs torts, et de jeter de leur côté un voile d'oubli sur le passé. Lui, plus tard si impitoyablement dur à l'égard des polonais, s'évertuait pour lors à leur plaire personnellement, à évoquer les souvenirs glorieux de notre histoire, et à faire sonner bien haut son titre de roi de Pologne».

Lisicki, t. I, p. 81.

309. Въ письмѣ къ графу Дибичу отъ 16-го (28-го) мая изъ Варшавы генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ:

«J'ai trouvé l'esprit raisonnable et préparé à recevoir les volontés du souverain; dans les provinces russes-polonaises, comme dans le royaume, on ne compte plus sur la réunion; on demande dans les premières le terme du régime militaire en temps de paix, dans le second, la fin de l'arbitraire qui s'y est glissé et qui effraye toutes les classes. Tout cela paraît aisé et est bien difficile à obtenir. L'empereur est adoré par ses manières nobles et franches; hommes et femmes sont dans l'enthousiasme de lui, de l'amabilité de l'impératrice, des espérances futures que donne l'héritier. Varsovie est dans l'ivresse et Vienne je crois très désappointé... Nous sommes dans une capitale sous tous les rapports; la population est augmentée d'une foule de peuple arrivé des environs, de seigneurs et de dames venues jusque de Paris, pour voir le roi de Pologne. Le couronnement a été sous ce rapport l'acte le plus politique possible; les polonais datent de ce moment seulement la sécurité de leur existence nationale et les espérances dans l'avenir; ils disent, en parlant des provinces russes-polonaises, nous ne devons plus regarder derrière nous, c'est en avant que notre ambition et la gloire de notre souverain doit nous faire porter nos regards».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

310. Заграничныя свѣдѣнія, доставленныя цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, отъ 6-го (18-го) іюля и 6-го (18-го) октября 1829 года.

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

311. «Je suis parfaitement satisfait ici de tout, et les troupes sont réellement superbes».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 7-го (19-го) мая 1829 года изъ Варшавы:

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 28956).

312. «Dieu veuille que le contentement que votre majesté impériale a éprouvé à Varsovie soit toujours stable et sans variations. J'en suis persuadé pour l'excellente armée polonaise, mais connaissant par des relations fréquentes que j'ai eu beaucoup et sous différents rapports la nation même, je suis persuadé qu'elle a aussi d'excellentes qualités, mais qu'il faut toujours lier à une générosité magnanime beaucoup de fermeté et même de sévérité beaucoup plus qu'avec toute autre, et qu'il faut surtout se garder de tomber avec les individus des classes élevées dans le piège d'une loyauté apparente, qui est une suite du pouvoir immense qu'exerce dans ce pays un sexe qui à toutes ses belles qualités joint dans ce pays là encore plus que dans les autres une espèce d'esprit chevaleresque, soi-disant national, et qui est bien loin de ressembler à l'esprit du chevalier sans peur et sans reproche. Pardonnez moi, sire, si j'ai osé faire entrer ces réflexions dans ma lettre, mais je crois l'époque trop importante pour ne pas vous dire tout ce que mon coeur m'inspire».

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 16-го (28-го) мая 1829 года изъ лагеря близъ Силистріи.

(Военно-ученый архивъ. Отд. № 2. 2895а).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Письмо графа Дибича получено было въ Варшавѣ послѣ отъѣзда государя въ Берлинъ. Цесаревичъ, уполномоченный вскрывать письма главнокомандующаго, по прочтеніи его, писалъ императору Николаю 23-го мая (4-го іюня) 1829 года:

«D'après vos ordres, cher et excellent frère, j'ai décacheté les lettres en mains propres que vous adresse le général Diebitsch et qui, grâce à Dieu, sont assez satisfaisantes, hormis les progrès de la maladie contagieuse. Ayant lu avec la plus grande attention la lettre autographe du général Diebitsch, j'y ai vu les observations et les idées d'un homme de bien et je ne puis que partager entièrement ses conclusions au sujet de la nation polonaise et vous me rendrez justice, cher et excellent frère, qu'elles furent constamment les miennes».

313. «Je partage parfaitement votre opinion à l'égard des polonais».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 26-го мая (7-го іюня) 1829 года изъ Берлина.

314. На другой день послѣ пріѣзда государя въ Берлинъ король повезъ въ театръ также и императорскую чету, которую публика встрѣтила съ безконечными рукоплесканіями. Давали оперу «Нѣмая въ Портучи» (Фенелла). Бенкендорфъ сопровождаетъ рассказъ объ этомъ представленіи слѣдующими разсужденіями. По его мнѣнію, революціонныя сцены этой оперы, восхищавшія въ то время всю Европу своею музыкою, испугали бы даже на театрѣ всякое другое монархическое правительство, кромѣ прусскаго, сильнаго любовью къ нему народа и общимъ благоденствіемъ.

315. «Que vous dire d'ici? que nous avons été reçus avec cette cordialité, cette bonhomie qui caractérise tout le monde ici, que l'on ne s'est pas douté de mon arrivée et que le roi est presque tombé à la renverse de surprise en me voyant derrière lui. Toujours excellent, mais il souffre, et selon sa manière de faire ne se ménage pas du tout».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 26-го мая (7-го іюня) 1829 года изъ Берлина.

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ государь писалъ графу Дибичу (26-го мая):

«C'est d'ici, du cher Berlin que je réponds à votre lettre. . . . Que vous dirai-je d'ici? que je suis arrivé tellement inattendu, que je me tenais derrière le roi, qui ne me voyait pas et qui ne s'en doutait pas encore; il est presque tombé à la renverse en m'apercevant. Enfin je me repose ici, après quatre années de peines! Tout le monde nous a reçu, non avec plaisir, mais avec enthousiasme et nous avons l'air d'appartenir ici».

316. Müffling: Aus meinem Leben. Berlin. 1855. S. 255.

317. «Русскій Пинавидъ» 1829 года, № 155. (Письмо къ издателю «Сѣверной Пчелы», напечатано по приказанію высшаго начальства).

318. «Il serait difficile de dépeindre à votre excellence la sensation que la nouvelle dont vous avez bien voulu me faire le porteur a produite sur l'empereur. Au comble de la joie ou plutôt du bonheur, il m'a couvert de baisers, s'est jeté à genoux pour rendre grâces à Dieu et m'a tout de suite félicité comme son aide de camp et colonel, deux grâces auxquelles je ne m'attendais nullement à la fois; puis sans me laisser le temps de me reconnaître, m'a enlevé pour ainsi dire dans son drochky pour aller communiquer cette agréable nouvelle au grand duc Constantin; j'ai ajouté de vive voix tout ce que je savais en fait de détails sur cette journée, ainsi que sur tout le temps de notre marche de Silistrie. L'empereur ne se lassait pas d'écouter et de témoigner son extrême satisfaction sur tout ce qui s'est passé; l'artillerie du vizir surtout entre nos mains le rendait heureux. . . . Le soir du jour de mon arrivée, l'empereur m'a fait revenir dans son cabinet, et tout en me faisant prendre le thé ensemble, a causé près de deux heures avec moi en tête à tête sur l'ordre des choses chez nous en général».

Изъ письма князя Трубецкаго къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 959).

319. Цесаревичъ сообщилъ слѣдующія извѣстія изъ Австріи отъ 29-го іюня (11-го іюля) 1829 года:

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«La nouvelle de la défaite de l'armée du grand vizir a presque généralement produit une sensation désagréable à Vienne et a intimidé le parti Metternich. Le prince a de suite annoncé la nouvelle aux archiducs, ainsi qu'au prince de Hohenzollern et après une entrevue avec l'ambassadeur d'Angleterre, le prince s'est rendu en personne auprès de son souverain. L'empereur était à sa toilette au moment où le premier ministre entra pour lui annoncer la nouvelle en question. L'empereur lui répondit en allemand: «eh bien, vois-tu». Les gens de service sortirent de la chambre, on ne connaît point la suite de la colloque, mais «Nu siehst du» circule à la cour et dans la capitale».

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

320. «Que Dieu soit mille fois béni, mon cher ami, et qu'il vous récompense dans l'autre vie pour le service signalé que vous venez de rendre à notre patrie! Vous connaissez mes sentiments pour vous et vous savez aussi la confiance que je mets dans les vôtres; je suis heureux que vous avez prouvé à la face du monde que je l'avais bien placée en la plaçant en vous. Recevez ma reconnaissance de coeur et d'âme. Voilà votre nom inscrit dans les fastes de notre armée d'une manière immortelle! . . . La joie ici a été grande et toute l'armée sous les armes a assisté sous mes ordres au Te Deum, que nous avons chanté ce matin au bruit des salves de toute l'artillerie et en présence de tout Varsovie . . . Quant à la possibilité d'une tentative sur Choumla, j'aime mieux en douter, que de me flatter d'un vain espoir; au reste je suis persuadé que vous ne voudrez pas perdre les fruits de la victoire, en compromettant les troupes sans certitude de succès. Choumla est un accessoire utile, mais non indispensable, tandis que les préparatifs du passage des Balkans sont le but que vous devez avoir constamment devant les yeux et vers lequel vous devez tourner tous vos efforts. Je ferai ce que je puis pour vous en faciliter le succès».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 28956).

321. «Vos talents, votre persévérance, votre fermeté, votre entreprenante résolution ne pouvaient être mis en doute, tant de faits les ont attesté, mais la fortune pouvait vous manquer; vous venez de prouver au monde, qu'à toutes les grandes qualités qui constituent le général, vous joignez encore cet accessoire si indispensable, cette fortune qui fait le grand capitaine. L'armée, la Russie, l'empereur avaient besoin d'une victoire pour reprendre aux yeux de l'Europe jalouse. leur ancienne attitude d'importante supériorité; vous en aviez besoin vous même pour faire taire l'envie et l'intrigue; vous avez atteint ce double but d'une manière éclatante; en battant le vizir, en détruisant son armée, vous avez terrassé vos ennemis et ceux de l'état secrets et déclarés. Encore une fois je vous en félicite, que je m'en félicite moi-même et tous les gens de bien! Puisse le Ciel continuer à bénir vos efforts, puissiez vous ajouter bientôt aux beaux lauriers de la victoire, ceux non moins glorieux de pacificateur... Je n'essayerai pas de vous peindre la joie de l'empereur, elle est en proportion de l'importance de l'événement qui en est la cause, elle est à l'unisson de son amour pour le bonheur et la gloire de son peuple et de son armée, de sa bienveillante amitié, sa confiance illimitée pour vous».

Изъ письма генераль-адъютанта Адлерберга къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5822).

322. «Dieu soit loué et grâce en soit rendu à la force que l'empereur a sur lui-même, tout s'est bien terminé et les deux augustes frères se sont séparés très satisfaits l'un de l'autre; les polonais enchantés de leur roi et plein de confiance en sa sagesse. Je vous assure qu'il n'est pas possible d'être plus raisonnables qu'ils ne sont, et plus soumis au décret de la Providence qui les a mis sous l'influence militaire du grand duc. J'ai vu maintenant, mon cher comte, par mes propres yeux et ne croirai qu'à mes yeux. Les provinces russes-polonaises sont encore bien plus à plaindre; pas d'appel, pas de constitution à opposer à la volonté d'un chef militaire. Tous espèrent et attendent avec resignation les décrets de l'empereur.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

«La division d'infanterie la 25-e est très belle, et Dieu soit loué restée ou redevenue russe; Rosen est parfaitement à sa place; c'est là que nous avons entendus de nouveau ces hurras bien nourris que la contrainte étouffe à Varsovie».

Изъ письма генераль-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 25-го іюня 1829 года изъ Кіева.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

323. 16-го іюля, 94 знамени, отбитыя у непріятеля въ Европейской и Азіатской Турціи, возимы были по улицамъ Петербурга. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

324. По окончаніи главнѣйшихъ занятій въ лагерномъ сборѣ подъ Варшавой, цесаревичъ Константинъ Павловичъ и княгиня Ловичъ отправились на воды за границу. Императоръ Николай назначилъ брату на путевыя издержки 100.000 рублей.

Цесаревичъ отправился въ путь 5-го (17-го) августа 1829 года и въ тотъ же день писалъ государю:

«Je laisse ici tout sous le commandement de mon vieil et fidèle Kourouta qui saura, Je n'en doute pas, maintenir le tout dans l'ordre établi et auquel il a travaillé sans relâche depuis 15 ans concurremment avec moi. Je pars donc comblé de vos bienfaits et avec un coeur rempli de reconnaissance, et je m'en vais me rincer, me laver et remettre tant mon physique que mon moral et qui a ressenti. je ne le cache pas, une rude atteinte par toutes les calomnies infâmes et la lâcheté des moyens dont on s'est servi contre moi, sans égard aucun à 34 années de service passées sans tâche, ni au zèle, ni au dévouement qui n'ont cessé de me guider».

Цесаревичъ возвратился изъ поѣздки и снова вступилъ въ должность 20-го ноября (2-го декабря) 1829 года.

325. Императоръ Николай писалъ 12-го (24-го) августа графу Дибичу:

«Avant-hier Hozrew-Mirza a eu son audience de pardon; c'était très réel et fort beau et imposant».

326. Графъ Дибичъ распорядился во время этой операціи слѣдующимъ образомъ: генераль Красовскій послѣ занятія Силистріи оставленъ былъ для наблюденія за Шумлю, въ то время какъ три корпуса: 6-й, 7-й и 2-й, двинулись черезъ Балканы.

327. «Mon cher ami, avec quelle joie je puis vous dire: спасибо, Забалканскій; ce nom vous revient de droit et je vous l'ai donné de bien bon coeur. Mais avant tout que le bon Dieu soit mille et mille fois béni de ce qu'il vous aie secondé d'une manière si visible; reconnaissons sa protection dans tout ce qui nous arrive d'heureux. Ensuite recevez toute ma reconnaissance pour votre mouvement aussi heureusement qu'habilement combiné et parfaitement exécuté par vos braves aides. Vous avez raison de dire que l'on doit se convaincre maintenant combien avaient raison ceux qui soutenaient qu'il était complètement faux de s'acharner à prendre Choumla, tandis que le vrai point à attaquer et à pénétrer était celui des Balkans. La preuve est là. La victoire de Kulevitcha a mis la base de tout et vous, vous en cueillez les fruits».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 4-го (16-го) августа 1829 года изъ Александріи близъ Петергофа.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 28956).

328. «Après 17 jours d'inquiétude j'ai reçu hier, cher ami, votre excellente lettre du 9 d'Adrianople! Que le bon Dieu soit mille fois béni pour cette nouvelle grâce et recevez toute ma vive et sincère reconnaissance pour le résultat brillant et solide obtenu par vos excellentes dispositions et par suite de l'exécution parfaite qui y fut apportée. Votre nom, cher ami, appartient désormais à jamais à l'histoire et il illustrera les fastes de notre armée... que Dieu vous guide et vous assiste dans vos dernières oeuvres et vous permette le plus tôt possible de signer une belle paix d'Adrianople».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 28-го августа (9-го сентября) 1829 года изъ Царскаго Села.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 28956).

329. «Un homme sûr, d'esprit et un nom russe».—Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

330. Генераль-майоръ Михайловскій-Данилевскій былъ вызванъ графомъ Дибичемъ въ Адрианополь для исправленія должности дежурнаго генерала, вмѣсто заболѣвшаго генерала Обручева. Въ началѣ кампаніи 1829 года онъ командовалъ бригадою въ 6-й пѣхотной дивизіи и находился въ отрядѣ, блокировавшемъ крѣпость Журжу, подъ главнымъ начальствомъ генераль-адъютанта Киселева.

331. Портой были присланы два уполномоченныхъ: Мегметъ-Садикъ-Ефенди, великій дефтердаръ, и Абдулъ-Кадыръ-Бей, кази-аскеръ анатолійскій.

332. Письмо за подписью англійскаго и французскаго пословъ отъ 28-го августа (9-го сентября) 1829 года заключалось въ слѣдующемъ:

«Monsieur le comte.

«Dans les circonstances actuelles, il est un devoir impérieux que nous ne saurions nous dispenser de remplir, c'est d'informer votre excellence des conséquences infaillibles, qu'entraînerait la marche des armées impériales sur Constantinople. La Sublime Porte nous a formellement déclaré et nous n'hésitons point à attester la vérité de sa déclaration, que, dans ce cas, elle cessera d'exister et que la plus terrible anarchie, en anéantissant son pouvoir, livrera indistinctement sans défense aux chances les plus déplorables, l'existence des populations chrétiennes et musulmanes de l'empire. En vous taisant cet état de choses, monsieur le comte, nous eussions assumé sur nous vis-à-vis de nos cours, de sa majesté impériale elle même, en un mot de l'Europe entière, une responsabilité que nous devons repousser avec toute l'énergie dont nous sommes capables: ce devoir, nous le remplissons aujourd'hui, en vous adressant la présente lettre. Nous n'avons plus désormais qu'à nous occuper des moyens, qui pourraient encore dépendre de nous, pour chercher à préserver, autant que possible, les chrétiens de cette capitale du désastre imminent qui plane en ce moment sur leurs têtes.

«Nous avons l'honneur de renouveler à votre excellence, monsieur le comte, l'assurance de notre haute considération.

«R. Gordon.

«Comte Guilleminot».

(Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Замѣтимъ здѣсь, что, несмотря на то, что Порта продолжала упорствовать въ признаніи Лондонскаго договора 24-го іюня (6-го іюля) 1827 года, сэръ Робертъ Гордонъ и графъ Гильемино все-таки явились въ Константинополь въ самый разгаръ кампаніи 1829 года и 6-го (18-го) іюня приняты были въ торжественной аудіенціи султаномъ.

333. Письмо императора Николая графу Дибичу отъ 12-го (24-го) сентября 1829 года.

Въ письмѣ графа Дибича къ вице-канцлеру графу Нессельроде отъ 30-го августа (11-го сентября) 1829 года главнокомандующій по поводу заявленія пословъ замѣчаетъ, что оно представляетъ собою: «le plus beau monument que la politique européenne puisse élever à la gloire de l'empereur Nicolas, l'hommage le plus éclatant rendu à sa puissance et à sa magnanimité».

334. 17-го (29-го) сентября императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Enfin, cher et excellent Constantin, je suis heureux de pouvoir vous annoncer que la divine Providence, qui a si évidemment béni nos armes, a daigné nous accorder la paix tant désirée, et une paix digne de la Russie. Cet heureux événement a eu lieu le 2 (14) Septembre, dix-sept ans après l'entrée des français à Moscou! rapprochement singulier qui ne vous échappera point. Tout ce que nous pouvions désirer obtenir l'a été et nos garanties sont immenses... L'envoi de Muffling a été des plus utiles et cet officier s'est acquitté de la commission avec une intelligence vraiment au dessus de tout éloge; au reste, il lui a été assez aisé de faire les commentaires des progrès de nos armes à deux marches de Constantinople. Le rôle de l'ambassadeur d'Autriche a été le plus plat possible, car il n'en a pas même été fait mention. Ceux de France et d'Angleterre bon gré mal gré ont fait ce qu'il fallait pour faire chorus avec celui de Prusse».

*

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

335. «Mon cher et bon ami. La paix d'Adrianople a été signée aujourd'hui, dix-sept ans après l'entrée des français à Moscou et cinq mois après le départ du quartier général de la seconde armée de Iassy. Le maximum des conditions qui m'ont été donné pour base en est le résultat, regardé certainement par toute l'Europe pour un excès de magnanimité de notre maître chéri, au moment où rien ne pouvait arrêter ses armées victorieuses de s'emparer de Constantinople et du Bosphore et où la Porte par des ambassadeurs étrangers faisait l'aveu qu'elle cessait d'exister si nous continuons notre marche. Vous verrez les détails dans mes offices à l'empereur et à Nesselrode et il m'est impossible de vous écrire beaucoup aujourd'hui. Les prussiens ont agi dans cette occasion en vrais et fidèles amis; vous pouvez vous imaginer que cela m'a rendu bien heureux».

Изъ письма графа Дибича къ графу Чернышеву отъ 2-го (14-го) сентября 1829 года изъ Адрианополя (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445).

336. «J'approuve en tout point vos mesures; mais j'insiste pour qu'au cas que les négociations soient rompues, vous poussiez un corps vers les Dardanelles, pour être sûr que des незваные гости ne s'y présentent pour se mêler et gêner nos affaires... Enfin si vous êtes aux Dardanelles, vous refuserez positivement le passage à toute autre flotte qu'à la nôtre. Et si l'on forçait, vous répondrez par des coups de canon. Mais que Dieu nous en préserve».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 28-го августа (9-го сентября) 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 28056).

337. «Maintenant passons aux possibilités que je prie Dieu de ne pas nous faire voir arriver! Celles de nous voir maîtres de Constantinople et par conséquent de la disparition de l'empire Ottoman en Europe. Cependant je ne veux pas vous laisser sans quelques directions générales, pour le cas où effectivement nous en fussions déjà là. Si les négociations manquaient il faut que vous marchiez sans délai sur Constantinople en vous assurant des Dardanelles; ne faites pas attention à votre peu de force numérique, elle est plus que compensé par votre force morale. Maître de Constantinople vous refuserez positivement d'entrer dans aucun pourparler quel qu'il fut et avec qui que ce fut. A plus forte raison vous ne permettrez à aucune flotte étrangère d'entrer dans les Dardanelles jusqu'à nouvel ordre... Mes nouvelles de Londres de ce matin par courrier disent positivement que le ministère anglais est complètement terrassé par le succès de nos armes, au point qu'Aberdeen a dit aux nôtres: au nom de Dieu ne nous traitez pas à la Diebitch et ménagez notre honneur... Enfin c'est un triomphe complet. Dieu soit béni et à vous спасибо, c'est plus que toutes les phrases. Mais, cher ami, maintenant plus que jamais tout à Dieu et soyons plus calmes, plus modestes, plus généreux et plus conséquents que jamais; voilà les triomphes que moi je cherche et que Dieu m'en préserve d'en chercher d'autres, et je suis sûr que vous me comprenez.... Ainsi donc si tout est fini revenez, si non впередъ».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) сентября 1829 года изъ Елагина острова.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 28956).

338. Etude historique sur la politique russe dans la question d'Orient, par F. Martens. Gand. 1877.

См. въ приложеніяхъ свѣдѣнія о секретномъ комитетѣ, извлеченныя изъ писемъ графа Нессельроде и графа Чернышева къ графу Дибичу.

339. «Veuillez recevoir mes félicitations et mes vœux les plus sincères à la fête que nous célébrons aujourd'hui, et dans laquelle les belles espérances d'un avenir qui nous n'appartiendra plus se lient dans les coeurs fidèles au bonheur présent et aux souvenirs les plus chers. Le Grand Dieu qui a si visiblement béni les armes de votre majesté impériale, nous a donné encore le bonheur de pouvoir annoncer à une telle journée la certitude d'une paix glorieuse. D'après tout ce que l'envoyé de la Prusse, envoyé par la Porte pour en hâter la conclusion m'a écrit et dit, et surtout en lisant la pièce mémorable signée par R. Gordon et le comte Guilleminot, et qui porte la déclaration de la Porte

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

confirmée par m. m. les ambassadeurs, qu'un mouvement de vos armées victorieuses sur Constantinople mettra fin à l'existence de l'empire Ottoman, cela me parait non seulement un monument de gloire pour vos armes, sire, mais en même temps le garant le plus sûr de la paix, car on ne fait pas de pareils aveux quand il reste encore un espoir de combattre».

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 30-го августа (11-го сентября) 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895а).

340. «Je ne puis commencer mon épître autrement qu'après avoir remercié Dieu de vous dire bravo, bravo et bravo. Le premier de s-t George, que je vous envoie, est ma réponse, au reste il vous est dû en plein. Maintenant recevez encore tous mes sincères remerciements pour votre conduite aussi ferme, habile, que noble et modérée. Votre position est digne du commandant en chef d'une armée russe aux portes de Constantinople. Militairement elle est fabuleuse et l'esprit à peine peut se l'imaginer: la droite appuyée à la flotte partie de Cronstadt, la gauche à celle de Sevastopol, un ministre de Prusse arrivant à votre quartier général, porter les supplications du sultan et un certificat de ruine, signé par les ambassadeurs de France et d'Angleterre! Après cela il ne reste qu'à dire: Великъ Богъ русскій et спасибо Забалканскому».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 12-го (24-го) сентября 1829 года изъ Александрии.

(Военно-ученный архивъ. Отд. 2. № 2895б).

За занятіе Адрианополя графъ Дибичъ награжденъ былъ алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго, а графиня Дибичъ пожалована въ статсъ-дамы.

Такія же награды удостоился получить графъ Паскевичъ за занятіе Эрзерума.

341. Въ дневникѣ князя А. С. Меншикова 17-го сентября 1829 года записано:

«Государь пріѣхалъ въ городъ по случаю полученнаго извѣстія о мирѣ съ турками и ѣздилъ со мною поклониться Казанской иконѣ въ соборъ».

342. Изъ письма флигель-адъютанта Чевкина къ графу Дибичу отъ 22-го сентября (4-го октября) 1829 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 959).

Графъ Нессельроде писалъ дѣйствительному статскому совѣтнику Фонтону 10-го (22-го) сентября 1829 года:

«Je n'ai pas une seule observation à faire sur le projet du traité. Comme vous dites tout y est au maximum. Avec Batoum de plus et une cinquantaine de millions de moins, le traité serait parfait, et je défierai les plus hargneux de trouver un seul mot à y réduire».

(Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Черезъ два дня графъ Нессельроде писалъ графу Дибичу 12-го (24-го) сентября 1829 года:

«Quant aux acquisitions en Asie je pense comme vous qu'il ne faudrait pas les porter trop loin. Je n'attache pas une grande importance à Kars et Bayazid, mais Batoum nous serait nécessaire et j'espère encore que vous nous l'obtiendrez contre une diminution de l'indemnité pécuniaire».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5329).

343. Манифестъ о заключеніи мира съ Турціею объявленъ былъ 19-го сентября (1-го октября) 1829 года. вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай повелѣлъ по объявленному уже манифестомъ отъ 10-го (22-го) августа 1829 года рекрутскому набору, вмѣсто трехъ рекрутъ съ пяти сотъ душъ, собрать только по два рекрута.

344. 22-го сентября 1829 года графъ Чернышевъ писалъ графу Дибичу:

«Aujourd'hui nous vous devons la plus belle journée; une grande parade au champ de Mars, au milieu duquel était placé un autel ouvert comme lors du Te Deum à Paris, ont servi à célébrer la bienheureuse conclusion de la paix».

Замѣтимъ здѣсь, что недавно (5-го августа 1829 года) состоялось освященіе вновь отстроеннаго, по проекту архитектора Стасова, Преображенскаго собора, вмѣсто сгорѣвшаго въ 1825 году.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

6-го (18-го) августа 1829 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу:

«Aujourd'hui nous avons chanté le Te Deum à la nouvelle église de Preobrajensky, et votre nouveau surnom a été proclamé pour la première fois dans le temple de Dieu, que cela vous porte bonheur! Après la messe et le Te Deum, les régiments des chevaliers gardes et de la garde à cheval y ont porté les trophées des deux campagnes au nombre de 562 pièces; c'était un beau et imposant spectacle».

345. Насчетъ этихъ орудій императоръ Николай, при чтеніи записокъ графа Бенкендорфа, написалъ по поводу ошибочно изложенныхъ въ нихъ фактовъ:

«Ils furent pris à Varna et donnés aux polonais par moi comme souvenir de la mort du roi Wenceslas sous ces mêmes murs de Varna; les polonais, par reconnaissance de ce don, les tournèrent un an après contre nous; la garde les reprit: j'en fis cadeau à ceux qui deux fois en firent la conquête au prix de leur sang».

346. «Après avoir rendu grâce au Tout-Puissant sur le champ de Mars au milieu des troupes et d'une foule immense, je vous adresse à vous, mon cher ami, mes bien sincères remerciements pour l'heureuse fin qui couronne votre belle campagne. La paix d'Adrianople est une des plus glorieuses qui jamais eut été conclue, et vous avez su lui imprimer le caractère qui convenait à une paix, issue d'une pareille guerre; notre modération doit fermer la bouche à tous nos détracteurs, pour nous même elle nous met d'accord avec notre conscience. Encore une fois toute ma reconnaissance vous est vouée pour la vie. Le grade de maréchal auquel je vous ai promu aujourd'hui vous appartient de droit».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 22-го сентября (4-го октября) 1829 года изъ Петербурга.

(Военно-ученный архивъ. Отд. 2. № 28956).

347. Князь Щербатовъ: Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, т. 3-й, стр. 228.

Когда Паскевичъ награжденъ былъ чиномъ фельдмаршала, ему было 47 лѣтъ.

348. «Les gazettes étrangères commencent déjà à déraisonner sur notre traité de paix. Laissons les dire, allen kann man es ja nicht recht machen, mais tout ce qu'il y a de gens raisonnables, jugeant sans passion et avec impartialité, ne trouve rien à redire et pense que la paix unit aux avantages que tant de victoires nous {autorisaient à réclamer cette modération qui caractérise si noblement la politique de l'empereur. Contentons nous, mon cher maréchal, de leur suffrage et moquons nous du reste. Avec cette maxime on est toujours sûr de faire de la bonne besogne».

Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 13-го (25-го) октября 1829 года.

(Военно-ученный архивъ. Отд. 2. № 5329).

349. По вѣрному замѣчанію Поццо-ди-Борго, подобное обѣщаніе очень мало цѣнится въ началѣ дѣла, а при завершеніи его бываетъ крайне вреднымъ.

350. Prokesch-Osten: Geschichte des Abfalls der Griechen. Wien. 1867. B. 2, S. 384.

351. «Exigez absolument d'abord Batoum, et même Kars si c'est possible. Batoum nous est des plus utiles et Kars pourrait être l'équivalent de quelques millions».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 10-го (22-го) сентября 1829 года изъ Александріи.

352. «Je vous prie de vous rappeler que des raisons que j'avais présenté par vous à sa majesté sur la question d'Asie m'avaient paru être reçu avec approbation, car vous m'avez communiqué alors son auguste volonté de ne tenir qu'au seul Akhalzyk au delà du minimum. C'est pour cela que je n'ai pas demandé ni Kars, ni Batoum, d'autant plus que je n'ai reçu les dépêches avec le mémoire de Paskéwicz que deux jours après que j'avais déjà donné officiellement aux négociations le maximum de nos demandes, auquel j'aurai certainement mis le tout, si ce mémoire et les ordres de l'empereur me seraient parvenu trois jours plus tôt, tout peiné que je suis été de devoir demander une place comme Batoum qui n'a pas même été menacée par nos troupes pendant la guerre et pourra guère l'être vu sa situation géographique».

Изъ письма графа Дибича къ графу Нессельроде отъ 8-го (20-го) октября 1829 года изъ Адрианополя.

(Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

353. Князь Меншиковъ въ дневникѣ своемъ 7-го ноября 1829 года записалъ:

«Государю вчера пускали кровь; рѣшительно горячка воспалительнаго свойства. Не дай Боже потерять его и Россіи оставить регентство».

Князь Меншиковъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ 24-го августа; но онъ еще не вполне оправился отъ полученныхъ имъ подъ Варною ранъ. Государь разрѣшилъ ему для облегченія не носить шпаги, а кортикъ.

2-го сентября подписанъ былъ указъ о вступленіи князю Меншикову, по выздоровленіи, въ должность начальника морского штаба.

354. Это былъ фрегатъ «Blonde», которому разрѣшено было пройти Дарданеллы, съ орудіями, хотя и маскированными, еще во время кампаніи 1829 года. Турки смотрѣли на него въ ту пору, какъ на предвѣстника англійскаго флота, который освободить Черное море отъ русскаго владычества. Осенью капитанъ этого фрегата (какъ увѣряли потомъ) вздумалъ совершить прогулку по Черному морю.

355. 27-го ноября (9-го декабря) 1829 года императоръ Николай продиктовалъ генераль-адъютанту Адлербергу письмо къ графу Дибичу, въ которомъ сказано:

«J'apprends que vous avez été tout aussi furieux que moi de l'apparition de la frigate anglaise dans la mer Noire; c'est encore un tour de la façon de nos amis de Londres. Ma fureur en a été telle que j'ai failli en reprendre la fièvre et j'espère que les ordres que je vous ai adressés en conséquence ne s'en ressentent pas et que vous aurez trouvé que j'ai en raison d'exiger des représailles pareilles. L'ami Orloff n'a qu'à s'escrimer».

Въ этомъ же письмѣ государь сообщалъ графу Дибичу, что онъ провелъ четыре недѣли въ постели: «digne d'appartenir à la С.-Петербургская инвалидная команда, car non seulement j'étais dans l'impossibilité de me mouvoir, mais parfaitement incapable de m'occuper, ni même d'entendre parler d'affaires».

356. «Enfin, mon cher ami, me voilà grâce au bon Dieu en état de vous répondre. Je suis presque retabli en entier de la forte secousse que j'ai éprouvé, mais la miséricorde divine, pour cette fois, m'a conservé à ma femme et à mes enfants; je n'ai plus que les pieds qui sont faibles: cependant j'ai pu aujourd'hui monter à cheval, ainsi готовъ на службу».

357. «Vous concevez, cher et bien respectable comte, combien nous avons dû être inquiets ici pour la santé de l'empereur. Sachant combien l'éloignement d'ait encore aggraver vos alarmes à ce sujet, je priais tous les jours Czernichew de vous donner le plus souvent possible des nouvelles sur la maladie. Maintenant Dieu soit loué, notre excellent maître est tout à fait bien, et il ne lui reste qu'une faiblesse et une maigreur, qui sont la plus forte preuve du danger que nous avons courus. Cette idée s'était emparée de tout le monde et faisait dresser les cheveux. On a vu dans toute son horreur les suites de la perte de l'homme, que le plus mal intentionné ou le plus indifférent, voit être indispensable, non seulement pour notre bonheur, mais pour notre existence. L'effet que la nouvelle de cette maladie a fait à Moscou et dans les provinces sont les plus belles preuves de l'attachement que l'empereur a su inspirer. Tout a été absorbé par ce grand intérêt; on ne parlait que de l'empereur; il fallait peut-être cette épreuve pour donner à l'empereur la juste valeur des soins qu'il doit à sa conservation, et la récompense de ses travaux, que l'amour seul des sujets peut donner au souverain».

Изъ письма генераль-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 25 ноября (7-го декабря) 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

358. «Je ne me rappelle pas d'hiver à Petersburg qui ait été plus rempli de bals, de fêtes et de plaisirs. Grâce à vos victoires et aux sages dispositions qui les ont arrêtées, nous jouissons ici d'une joie véritable, dans l'Europe entière d'une attitude imposante, et dans l'intérieur d'une tranquillité et d'une confiance envers le gouvernement qui ne peuvent qu'amener de bons résultats. Nous sommes libres maintenant de toute entrave, forts plus que jamais dans l'opinion de tous les peuples; rien n'empêche de se livrer avec suite aux améliorations, aux revirements nouveaux que demande la Russie. Ce sera le beau fruit de quatre années de guerre et d'efforts qui ont commencés le règne de notre

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

maitre. Il ne reculera pas plus devant les difficultés de l'administration qu'il n'a reculé devant celle de la guerre, il n'y trouvera pas des instruments aussi prompts, aussi brillants que les Забалканскіе et les Эриванскіе, mais ces difficultés une fois surmontées, il en retirera une gloire aussi belle et plus utile encoie pour ses nombreux sujets».

Изъ письма генераль-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 6-го (18-го) октября 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

359. По поводу дѣятельности графа Орлова въ Константинополѣ императоръ Николай писалъ графу Дибичу 17-го (29-го) января 1830 года: «Je suis extrêmement satisfait d'Orloff; il agit au delà de mes souhaits et vous pouvez vous applaudir de l'avoir désigné», — и 27-го февраля (11-го марта): «Je ne puis assez vous dire combien je suis satisfait d'Orloff; il agit vraiment à me surprendre moi-même, malgré mon tendre pour lui».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 28955).

360. 1-го (13-го) февраля 1830 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу:

«Nesselrode vous transmet le récit le plus exact de la mémorable conversation que j'ai eue avec les deux envoyés, n'ayant pour quatrième que Fonton; vous verrez que je leur ai dit leur fait avec ma franchise ordinaire, et les ai amenés à poser de fait que la fameuse instruction du Reiss-Effendi était désormais déclarée nulle et non avenue, ce dont j'ai pris acte en leur faisant remettre sur papier le lendemain tout ce que je leur avais dit et ce qu'ils m'ont répondu. Je dois leur rendre la justice que je les ai trouvés parfaitement dans la bonne voie; ils m'ont répété que le sultan était fermement résolu d'accomplir le traité. Il paraît qu'ils sont satisfaits, car je les comble de politesses; Halil me suit partout et il est extraordinaire qu'il aie paru pour la première fois à la rentrée de la 3-me brigade de la garde, et que le premier exercice auquel il a assisté est celui des chasseurs de la garde».

361. Письмо графа Чернышева къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) февраля 1830 года.

362. Во время переговоровъ въ Петербургѣ была сдѣлана попытка относительно замѣны части денежной контрибуціи новыми территориальными уступками въ Азіи, но турки благоразумно уклонились отъ подобной сдѣлки; то, что не было додѣлано въ Адриано-полѣ, нельзя было дополнить новыми поправками.

18-го (30-го) апрѣля 1830 года графъ Нессельроде писалъ графу Дибичу:

«Il nous a été impossible d'amener les envoyés turcs à nous offrir quelques cessions territoriales en Asie comme équivalant d'une partie de l'indemnité de guerre. Toutefois je dois leur rendre la justice qu'ils ont eu le bon esprit de ne point mettre en avant les réclamations qu'ils avaient ordre de faire valoir relativement à Akhaltzik et de reconnaître en général que le mode de payement et de garantie de l'indemnité de guerre devait faire le seul et unique objet de la négociation».

363. L'Empire Ottoman 1839 — 1877. — L'Angleterre et la Russie dans la question d'Orient, par un ancien diplomate. Paris. 1877, p. p. 52—54.

364. Freiherr von Müffling: Aus meinem Leben. Berlin. 1855. S. 335.

365. Изъ дневника Адриана Моисеевича Грибовскаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины.

366. 15-го (27-го) мая 1830 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу изъ Варшавы:

«Je bénis Dieu de vous savoir hors de tout cet horrible pays. L'idée de vous revoir sous peu et de faire partie de la route ensemble me réjouit sincèrement».

Фельдмаршалу графу Дибичу разрѣшено было для отдыха отправиться за границу въ Силезію, для свиданія съ родными.

30-го іюля (11-го августа) графъ Дибичъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ ему отведена была квартира въ Шепелевскомъ дворцѣ.

367. Поццо-ди-Борго давно уже остроумно замѣтилъ: «Le gouvernement de la France est un cone placé sur la pointe».

368. Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques, par le baron Paul de Bourgoing. Paris. 1864, p. 471.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

369. Въ 1830 году посѣтилъ также Петербургъ другой молодой фельдмаршалъ: графъ Паскевичъ Эриванскій. Его служебное положеніе на Кавказѣ осталось за нимъ и послѣ заключенія мира; нѣсколько нѣмъ являлось положеніе графа Дибича. Съ возвращеніемъ второй арміи изъ Турціи въ предѣлы имперіи она была расформирована; войска, ее составлявшія, вошли въ составъ первой арміи. Тогда наступила для графа Чернышева непріятная минута; представлялось возможнымъ, что графъ Дибичъ снова займетъ мѣсто начальника главнаго штаба. Дѣйствительно, 16-го (28-го) марта 1830 года, императоръ Николай писалъ графу Дибичу, находившемуся тогда еще въ Бурачѣ:

«Je vous fais libre, mon cher ami, de faire tout ce qui vous agrée, venir ici, aller à l'étranger d'ici ou directement, enfin je vous rends maître complet de vos actions. Quand vous serez parfaitement remis, alors je vous attends de nouveau près de moi dans vos anciennes fonctions, mais avec de toutes autres attributions, qui ne vous abîmeront plus de détails, mais vous permettront d'avoir tout le loisir pour soigner la véritable partie d'un chef d'état major de l'empire de Russie! Voilà, mon cher ami, mes projets; le reste dépend de vous et je vous le répète, vous avez champ libre».

Въ письмѣ отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1830 года государь снова коснулся этого вопроса:

«Voici à peu près l'arrangement que je me propose pour le partage des affaires à votre rentrée en fonction. Etant parfaitement satisfait de Чернышевъ pour les deux années d'administration, je pense le confirmer ministre de la guerre en continuant à travailler avec lui journellement en votre présence, comme nous l'avons déjà fait. Vous n'auriez donc que le département d'inspection pour les grandes dispositions et celui du quartier-maître à diriger en personne. De cette façon je pense que tout le temps vous resterait pour être mon chef d'état major en grand, c'est à dire de diriger tout ce qui est mesure d'état, et ce qui a plus particulièrement trait aux mesures. Vous seriez mon aide pour m'éclairer dans toutes les grandes questions, sans vous surcharger de détails minutieux, qui resteraient à Чернышевъ pour sa partie, comme à Tolstoy pour les colonies».

Всѣ высказанныя государемъ предположенія были донельзя милостивы, но довольно неопредѣленны и едва ли удовлетворяли графа Чернышева. Въ этомъ убѣдился фельдмаршалъ тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ. Графъ Дибичъ сказалъ барону Тизенгаузену: «Благодарность и любовь къ монарху налагаютъ на меня святую обязанность принять опять бремя прежней моей службы при его величествѣ, бремя тяжкое при разстроенномъ моемъ здоровьѣ». Затѣмъ фельдмаршалъ признался, что вступленіе въ новую должность, назначенную государемъ, сопряжено съ затрудненіями, такъ какъ оно касается до особы, которую онъ привыкъ уважать и любить, какъ друга. «Я предвижу,—говорилъ онъ,—что даже при соблюденіи крайней скромности и дружелюбномъ уваженіи предмѣстникъ мой (графъ Чернышевъ) будетъ огорченъ, а вслѣдствіе этого прежняя наша пріязненная связь ослабнетъ. Но воля государя требуетъ отъ меня и этой жертвы; единственно воля монарха избрала меня на новую должность, я ея не искалъ и исполняю лишь то, что мнѣ, какъ повелѣніе, всегда было священно».

На другой день графъ Дибичъ узналъ о парижскихъ событіяхъ и предвидя, что государь снова будетъ нуждаться въ немъ, какъ въ полководцѣ, онъ сталъ выжидать ходъ дальнѣйшихъ событій, оставаясь въ сторонѣ отъ дѣлъ. «Я полагаю этимъ самымъ заслужить благоволеніе его величества, сохраняя ему вѣломому, который въ занимаемомъ имъ мѣстѣ усердно исполнялъ обязанности свои»,—признался графъ Дибичъ тому же Тизенгаузену.

Когда фельдмаршалъ послѣ возвращенія государя изъ Финляндіи высказалъ ему причину, по которой не вступилъ въ новую должность, Николай Павловичъ одобрилъ предусмотрительность Дибича.

370. За отсутствіемъ графа Нессельроде, уволеннаго для поправленія здоровья къ Карлсбадскимъ водамъ, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ управлялъ посолъ нашъ въ Лондонѣ, князь Ливень. На него легло все бремя первыхъ распоряженій государя, вызванныхъ іюльской революціею.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

30-го іюля (11-го августа) 1830 года, Бургоэнъ получилъ отъ князя Ливена слѣдующую записку:

«Le prince de Lieven s'acquitte des ordres exprès de l'empereur en portant à la connaissance de m. le baron Bourgoing les pièces ci-jointes qu'il vient de recevoir de Berlin. Désirant s'entretenir elle-même avec m. de Bourgoing sur l'objet des nouvelles affligeantes que renferment ces pièces, sa majesté impériale l'invite à se rendre chez elle, à son palais particulier, dit le palais Anitchkoff, aujourd'hui mercredi, à huit heures du soir, en frac».

Приложенныя къ запискѣ бумаги заключали въ себѣ свѣдѣнія о революціи, вспыхнувшей въ Парижѣ.

Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ ошибочно говоритъ, что государь, собираясь въ путь, принималъ Бургоэна въ Елагинскомъ дворцѣ.

371. «Cette pièce était si voisine de celle où l'impératrice était couchée que, quelques ours après, cette princesse me dit qu'elle avait entendu tout notre entretien, et que nous l'avions empêchée de dormir».

Baron de Bourgoing: Episodes militaires et politiques, p. 507.

372. «Мы жили въ то время (то-есть въ началѣ сентября) въ Царскомъ Селѣ,—пишетъ Бенкендорфъ,—государю, недовольному самимъ собою, нужно было развлечься. и мы отправились въ военныя поселенія. Весь гренадерскій корпусъ былъ собранъ лагеремъ у Княжева двора. Государь, расположившись въ палаткѣ напротивъ лагеря, сдѣлалъ большой парадъ, а на другой день ученье и маневры. Потомъ мы поѣхали по полковымъ штабамъ и наконецъ въ Старую Руссу. Французскій повѣренный въ дѣлахъ Бургоэнъ сопровождалъ государя въ этой поѣздкѣ; онъ не могъ довольно надивиться всему, что онъ видѣлъ, въ особенности же общему довольству, замѣченному имъ въ Старой Руссѣ и въ нѣсколькихъ многолюдныхъ селеніяхъ, черезъ которыя мы проѣзжали».

Бургоэнъ въ своихъ запискахъ выражаетъ, однако, умѣренный восторгъ: «Je me bornais à être content, sans être surpris ni émerveillé, des beaux maniements d'armes et des magnifiques alignements de ces trente mille grenadiers».

373. «Je doute fort pourtant que, s'il advenait une seconde croisade européenne contre la France comme de 1813, 1814 et 1815, nous y trouvions le même zèle et le même enthousiasme de la bonne cause. Il y a eu depuis bien des promesses non exécutées ou éludées et bien d'intérêts lésés; on s'est servi alors de voies populaires partout pour abattre la tyrannie de Bonaparte, qui pesait sur le continent, et l'on ne prévoyait pas que ces mêmes mesures tôt ou tard pouvaient tourner contre nous-mêmes. Depuis il y a une époque de 16 ans, durant laquelle les événements se sont rapidement succédés et qui n'ont prouvé que trop qu'il ne faut pas démuseler le peuple, comme disait Mirabeau au commencement de la révolution, puisque personne ne saurait le remuseler. Bonaparte l'a prédit haut à Leipzig, en disant que l'alliance employe des moyens populaires contre moi qui tourneront contre elle-même, et je crois qu'il n'a pas eu tort. J'ai vu afficher en 1813 et publier en Silésie, lors de l'armistice, que si le roi voudrait faire la paix, il faudrait ne pas lui obéir et continuer la guerre, en le déclarant indigne de régner sur ce peuple généreux qui veut reconquérir ses droits. Que d'émancipations n'avons nous pas vu depuis, grand Dieu! Quant à l'esprit public de ce pays, je puis l'attester bon pour le moment dans la majorité, aux incorrigibles près qui ne sont pas en majorité; pourtant il ne faut pas se laisser induire en erreur que, malgré le bien-être du pays, il y a toujours l'ancien pactum conventa qui tient à coeur, c'est à dire que si le souverain enfreint en quoi que ce soit la constitution, l'on est délié envers lui des serments de fidélité et que la confédération est autorisée par le fait même; pourtant malgré cela, je garantis que vous pouvez compter sur l'armée et la majorité de la population La bourgeoisie est très bonne et fort dévouée; la petite noblesse l'est de même, la grande par intérêt; il n'y a que la race des juges et avocats, des professeurs et étudiants, qui ne me donne pas de sécurité. malgré qu'il y en a de bons sujets parmi eux Tout est tranquille chez nous jusqu'à ce moment, et je me flatte de l'espoir que cela restera de

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

même avec l'aide et la grâce de Dieu; qu'il me soit en aide! Les polonais vous prouveront leur fidélité, j'ose l'espérer de Sa clémence, et feront tomber le doute à ce sujet».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 13-го (25-го) августа 1830 года.

374. «Il y a quelques heures que mon courrier est revenu, porteur de votre lettre du 13 (25). Recevez en, cher Constantin, toutes mes actions de grâces. Je suis réellement heureux, plus que je ne puis vous le rendre, de ce que nous nous rencontrions si parfaitement dans notre manière de voir; au point que même la divergence au sujet du pavillon tricolore n'existe même plus, l'ayant levé aussitôt que nous avons reçu officiellement la nouvelle que ce n'était plus la couleur de la rébellion, mais que le gouvernement du lieutenant-général du royaume, confirmé par Charles X et par conséquent rendu légal à nos yeux, l'avait solennellement adopté. La légation française d'ici a parfaitement compris la chose, et il n'y a pas un seul français ici, qui ait pensé de prévenir ou dévancer l'ordre ou la permission de porter ces nouvelles couleurs. . . . Le jugement que vous portez quant aux polonais est exactement celui que je croyais en porter, et quant à ma confiance dans cette belle et brave armée, elle est pleine et entière et je n'en ai pas seulement douté un seul instant.

«Tout ce qui a été fait diplomatiquement ici, vous a été envoyé; j'espère que vous trouverez nos déterminations conformes à l'honneur et aux principes que nous avons hérité de feu notre aïeul. Nous ne nous pressons point d'agir, mais il me paraît, qu'en fait de principes immuables, sacrés, il ne faut jamais laisser subsister de doute; or c'eût été le faire que de ne pas exposer franchement notre manière d'envisager l'usurpation du duc d'Orléans. Au reste les événements marchent avec une telle rapidité qu'à la lettre à peine a-t-on le temps de mûrement peser une chose, de préparer les dépêches, qu'un nouvel incident survient et change l'apparence des choses. Telle est, selon moi, la circonstance du moment, car le roi légitime à mes yeux, — Henri V, est emmené par son grand père hors de France; ainsi de fait, il émigre et abandonne le pays. Ce pays ne peut rester sans chef et sans tomber, à son défaut, dans l'anarchie la plus affreuse; ainsi, de fait, le plus proche du trône, présent dans le pays, au défaut de ceux qui étaient avant lui, devient de fait roi de France pour nous; ainsi, si mes alliés trouvent à l'unanimité que nous devons en passer par le duc d'Orléans, il me paraît qu'il vaut mieux reconnaître la royauté de ce fait là que de celui du choix du peuple! Effrayant exemple, subversif de tout ordre et qui saperait notre propre existence; je le répète il me répugnerait trop de le reconnaître ainsi. . . . On m'a annoncé de Paris l'arrivée du général Athalin; j'ai même la copie de la lettre du duc pour m'annoncer sa royauté; elle est aussi raisonnable que possible; l'individu m'est connu de Londres; c'est le confident le plus intime et un homme de bien, il en a fait choix pour se justifier verbalement de ce qui nous paraît avec grande raison inexcusable. Je compte le recevoir en attendant comme envoyé par le chef du gouvernement, jusqu'à ce que l'avis de mes alliés me fut connu sur cet important objet».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 17-го (29-го) августа 1830 года.

375. «Vous sentez et vous appréciez les événements du jour en vrai homme d'honneur, pardonnez moi cette expression toute simple. mais à côté de cela, il ne faut pas oublier que vous êtes souverain et maître d'un empire immense, et que votre premier devoir est de concilier les intérêts de vos sujets et de vos alliés, qui sont placés dans des positions respectives bien différentes. Je place en premier lieu votre respectable et vénérable beau-père qui, certes, serait le premier compromis envers la France, si vous vous en détachiez; sa position géographique lui impose des devoirs peut-être durs, j'en conviens, mais que l'on ne saurait éviter. Il y a de cela 40 ans, et je m'en souviens parfaitement, que la révolution à son début inspirait une horreur à tout être pensant et à toutes les classes de la société, grands et petits, nobles et bourgeois, négociants et industriels, en un mot tout le monde la voyait en horreur. Depuis ce temps les choses ont bien changé de face et je suis certain que jadis sur 100 et 200 personnes il n'y en

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

avait pas une qui eut seulement osé ouvrir la bouche pour en faire l'apologie et se compromettre par là envers la société entière, lorsque maintenant sur 100 personnes bien pensantes il y en a certainement 25 qui sont pour la révolution. Les unes le sont par esprit du siècle, les autres par intérêt, d'autres par insouciance, d'autres enfin par cosmopolitisme. Les nations ont été dans ces derniers temps trop en contact entre elles pour ne pas se connaître à fond et, certes, le bien être matériel a fait place aux principes professés naguère. Il dépend de vous de commencer la guerre, mais non de la finir. A la première guerre de la révolution tout marchait avec enthousiasme provenant du devoir et de l'horreur que l'on ressentait; tous voulaient conserver leurs positions sociales et l'on était sûr de ses derrières. A la seconde, s'il y a lieu, on marchera par devoir et à contre coeur pour le grand nombre. Les nouvelles idées ont germé trop dans toutes les têtes et se sont trop enracinées dans la généralité de la nouvelle génération pour pouvoir croire au contraire. En outre il y a eu trop d'intérêts lésés, trop de promesses faites et non réalisées pour pouvoir compter sur un concours unanime de la bonne cause Au mot de guerre, au mot de la reprise des frontières du Rhin, de la Belgique, les partis cessent en France, la France devient une et se bat pour propager des principes subversifs au dehors et se donne par là de la consistance que lui oppose le courage seul des maîtres; c'est bien peu lorsque les intérêts des individus ne sont pas de la partie, lorsqu'au contraire, laissant la France à elle-même avec tous les germes le discord qui régent par tous les intérêts froissés, l'on y amène nécessairement une guerre civile, et ils s'entre-détruiront eux mêmes et du désordre jaillera l'ordre plus tôt que l'on ne s'y attendra et, si même la France a la bêtise de vouloir commencer une guerre au dehors, on a l'argument pour les siens que l'agression est venue de leur part, malgré notre reconnaissance basée sur la promesse de rester dans leurs frontières. Alors on est quitté envers sa conscience et, je le répète, en finissant ce long article, que telle est mon opinion Au nom de Dieu, pas de précipitation, mais du calme et du sang froid».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 21-го сентября (3-го октября) 1830 года.

376. «J'en ai fait choix, parce qu'il voit les choses exactement comme vous et moi et qu'il m'importe que mes paroles et mes pensées soient rendues au roi avec le ton que je mets à cette musique et pour recevoir de bouche la même chose du roi».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 17-го (29-го) августа 1830 года.

377. См. въ приложеніяхъ записку фельдмаршала графа Дибича, составленную имъ послѣ разговора съ императоромъ Николаемъ, передъ отъѣздомъ въ Берлинъ въ августъ 1830 года.

378. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, убѣждая императора Николая не начинать войны безъ вызова со стороны [Франціи, сошеяся мыслями съ королемъ прусскимъ. Цесаревичъ писалъ: «*Peu notre immortel empereur dans son manifeste au sujet de la guerre de 1812 concluait en disant: «на начинающаго Бога», et les faits l'ont prouvé du reste».*

(Изъ письма отъ 21-го сентября (3-го октября) 1830 года).

379. Письмо короля Людовика-Филиппа императору Николаю отъ 7-го (19-го) августа 1830 года.

380. «J'ai reçu des mains du général Athalin la missive dont il était porteur. Des événements à jamais déplorables ont placé votre majesté dans une cruelle alternative. Votre majesté a pris une résolution qui seule lui paraissait propre à épargner à la France de plus grands maux. Je ne dirai rien des motifs qui ont inspiré la conduite de votre majesté en cette occasion, mais j'adresse les vœux les plus ardents à la divine Providence, pour qu'il lui plaise de bénir les desseins de votre majesté, et vos efforts pour le bien-être du peuple français. De concert avec mes alliés je reçois avec satisfaction le désir exprimé par votre majesté d'entretenir des relations de paix et d'amitié avec tous les états européens.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«Aussi longtemps que ces relations seront fondées sur les traités existants, et sur la ferme volonté de maintenir les droits et les obligations solennellement reconnus par ceux-ci, ainsi que les propriétés territoriales, l'Europe y verra une garantie de la paix qui est si nécessaire même pour le repos de la France.

«Appelé conjointement avec mes alliés à continuer avec la France sous son nouveau gouvernement ces relations conservatrices, je m'empresserai de mon côté de mettre non-seulement tous les soins qu'elles exigent, mais je manifesterai encore sans cesse les sentiments de la sincérité desquels je me fais un plaisir d'assurer votre majesté, en échange de ceux qu'elle m'a exprimés».

381. Читая впоследствии записки Бенкендорфа, императоръ Николай написал на поляхъ рукописи слѣдующую замѣтку:

«Cette nouvelle me parvint à Moscou, le soir même du jour où je me trouvais mal et le même soir j'expédiais les ordres au ministre de la guerre, au maréchal Sacken et à mon frère Constantin pour mettre l'armée sur le pied de guerre».

Бенкендорфъ ошибочно относитъ сдѣланныя тогда распоряженія къ пребыванію государя въ Твери.

382. См. въ приложеніяхъ письмо императора Николая къ графу Чернышеву отъ 5-го (17-го) октября 1830 года изъ Москвы.

383. «Si les autres cabinets avaient la même énergie que l'empereur imprime au notre, comme les artisans de troubles et de rébellion auraient à trembler; il faudra bien avoir recours aux moyens de repression, mais le germe du mal aura gagné du terrain».

Изъ письма графа Чернышева къ графу Дибичу отъ 7-го (19-го) октября 1830 года.

384. «Et nous aussi, mon cher comte, nous ne sommes pas sur des roses. Le choléra-morbus règne dans un grand nombre de gouvernements qu'il a fallu exempter du recrutement, le commerce intérieur est arrêté par les mesures qu'il a fallu prendre pour empêcher le fléau de s'étendre, et nous ne sommes pas sûrs qu'il ne nous atteigne ici, car on dit qu'il est déjà près de Tikhvin; la récolte a été mauvaise et les impôts rentrent mal. C'est sous de pareils auspices que nous allons faire les préparatifs d'une guerre, dont Dieu seul peut prévoir les conséquences. Il ne faut certainement pas se décourager et tomber plus bas que les événements, mais j'ai pensé qu'il était indispensable de vous tracer le triste tableau de notre situation intérieure, afin que vous puissiez le prendre en considération dans toutes les combinaisons que vous aurez à arrêter avec le cabinet prussien».

Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 10-го (22-го) октября 1830 года.

385. Упомянутае здѣсь имя Леопольда (принца Саксенъ-Кобургскаго) служить указаніемъ, что записка императора Николая написана имъ въ 1831 году. Избраніе принца бельгійскимъ королемъ состоялось 23-го мая (4-го іюня) 1831 года.

Въ виду того, что записка исключительнымъ образомъ останавливается на оцѣнкѣ событій іюльской революціи 1830 года и совершенно умалчиваетъ о польскомъ мятежѣ, начавшемся въ концѣ того же года, мы признали умѣстнымъ предпослать эту записку изложенію событій, вызванныхъ варшавскою революціей.

Императоръ Николай вообще не жаловалъ принца Леопольда. Еще во время кандидатуры принца на греческій престолъ государь въ письмѣ къ графу Дибичу жаловался на «conduite plus qu'équivoque» Леопольда, прибавивъ: «Je n'aime pas les êtres faux, vous le savez».

386. «Sa majesté m'a donné ce matin une audience à Charlottenbourg. J'ai eu l'honneur de lui présenter les mesures énergiques que votre majesté a bien voulu prendre au moment de l'appel du roi des Pays-Bas. Sa majesté m'a dit qu'elle s'était toujours attendu de la part de votre majesté à cet élan généreux d'énergie et de promptitude; elle me chargea de vous en porter sa plus vive reconnaissance, sire, mais d'y ajouter que depuis déjà de nouvelles circonstances avaient amené de nouvelles considérations, que l'envoi du prince d'Orange et les mauvaises suites qu'ils paraissent avoir présageaient que l'affaire Belgique ne pourra plus être décidée que par le commun accord établi par les conférences de Londres ou de la Haye; qu'elle regarde cependant la mobilisation de

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

l'armée russe et le rapprochement des troupes éloignées pour une mesure des plus salutaires, ne doutant nullement elle-même de la nécessité dans laquelle on se trouvera de finir par les armes. Le roi croit cependant qu'il serait utile sous le rapport politique de ne pas mettre définitivement en état de guerre les troupes polonaises et leurs corps de réserve qui se trouvent sur la même hauteur que le 1-er corps prussien, pour ne pas faire naître des soupçons sur une différence d'intention entre les deux puissances, car les prussiens ne peuvent pas encore rassembler leurs landwehrs, mesure qui pèse extrêmement sur toutes les branches de l'administration et à laquelle le roi ne pourra se résoudre qu'au moment où déjà il ne restera plus une lueur d'espérance pour la paix Sa majesté croyait qu'il serait utile de faire tant des idées politiques sur les différentes questions que l'état actuel et ses suites vraisemblables font naître, que des idées militaires sur les opérations qui pourraient en être une suite, deux résumés raisonnés pour les communiquer à l'Autriche et l'Angleterre par des organes de confiance afin de demander leur adhésion ou les changements qu'elles trouveraient indispensables à y faire, et qu'en suite de cela sa majesté désirait que je reste encore peu de temps ici, tant pour y participer que pour pouvoir les porter ensuite moi-même à votre majesté».

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 18-го (30-го) октября 1830 года изъ Берлина.

387. «N'ayant reçu aucune direction de votre part, ni des renseignements sur les mesures adoptées par la cour de Prusse, dans la situation actuelle des affaires de la Belgique, voyant d'un autre côté par les nouvelles publiées par l'Observateur autrichien que l'Autriche déclare ne point vouloir se mettre sur le pied d'agression, j'ai lieu de croire que si nous sommes les seuls à adopter des mesures à l'effet d'amener une intervention armée en Belgique, en faisant de grands préparatifs de guerre et en nous exposant à de grands frais, sans que de pareilles dispositions soient unanimement adoptées par d'autres puissances, cette grande précipitation de notre part ne ferait qu'augmenter la fermentation actuellement existante et pourrait compromettre les intérêts de la Prusse.

«Si le roi Charles X régnait encore en France et qu'une insurrection de cette nature eut éclaté dans les états du roi des Pays-Bas, l'intervention armée de la Russie collectivement avec celle des autres puissances eussent été placées dans un autre jour, et tout en se légitimant par le fait même et par la teneur des traités, auraient imposées à ces mêmes puissances une obligation irrévocable dans le retablisement de la tranquillité dans ce pays et la réinstallation du roi, dans toute la plénitude de son pouvoir. Mais l'esprit de trouble et de fermentation qui règne non seulement en France, mais encore dans plusieurs parties de l'Europe, ne pourrait qu'augmenter au bruit de ces préparatifs de guerre, produirait un embrasement général, dans lequel la France elle-même pourrait participer et dont les conséquences seraient difficiles à apprécier pour le moment.

«Comme les ordres suprêmes de sa majesté, communiqués au comte Czernichef, fixent au 10 (22) Décembre prochain le terme pour les troupes d'être prêtes à marcher et comme cette époque est rapprochée, je vous adresse ce feldjaeger, monsieur le comte, en vous priant de m'informer dans le plus bref délai possible et par ce même courrier, si je dois mettre ces mesures à exécution ou non. J'aurai soin de préparer en attendant tous les ordres nécessaires à ce sujet».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ графу Дибичу отъ 14-го (26-го) октября 1830 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 676).

388. Статья «Между двумя войнами. Эпизодъ изъ царствованія императора Николая. 1830 годъ».

(«Русская Старина», 1881 года, т. 31-й).

389. См. въ приложеніяхъ письмо императора Николая къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) ноября 1830 года.

390. См. въ приложеніяхъ письмо графа Чернышева въ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) ноября 1830 года.

391. «Je n'ai pas besoin de vous dire avec quelle impatience j'attends l'ouverture des conférences de Londres et leurs premières délibérations, car c'est là notre ancre de salut».

Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 5-го (17-го) ноября 1830 года.

392. «J'ai passé ma matinée dans un bien triste comité où Cancrin nous a déroulé le tableau de notre pénurie financière. Sans partager en entier son opinion sur nos impossibilités, je dois cependant convenir que la source des emprunts et de quelques autres moyens extraordinaires est complètement tarie. Sans les subsides de l'Angleterre, je ne sais pas trop où nous puiserions les ressources pour faire une guerre dont personne ne saurait prévoir la durée».

Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) ноября 1830 года.

Графъ Дибичъ не одобрялъ политики графа Нессельроде, клонившейся къ отстраненію неумѣстнаго вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Европы, вызваннаго Июльскою революціею.

18-го (30-го) ноября 1830 года фельдмаршалъ писалъ вице-канцлеру, въ отвѣтъ на письмо его отъ 9-го (21-го) ноября.

«Si nos finances ne nous permettent pas de défendre la paix de l'Europe, alors elles nous permettront encore bien moins de soutenir le combat quand cette même Europe émancipera la Pologne. Telle est au moins ma conviction. Comme je n'ai jamais eu l'honneur de servir dans les armées autrichiennes, je ne puis encore comprendre l'axiome de Montecuculi; je crois au contraire avec notre grand dernier maître dans l'art de guerre: que la guerre donne l'argent pour la faire, si on la fait de bonne manière: vorwärts ou ypa! Alors elle dure moins et coûte moins d'argent et surtout en hommes, ce que je dois pourtant compter en ancien gentilhomme et en bon serviteur, bien au dessus de ce malheureux mobile d'argent, dont un système de juifs et d'athées veut faire la base des institutions futures de l'Europe, — en remplaçant par du métal et des papiers la foi et l'honneur de nos pères et ceux d'entre nous qui s'honorent de leur ressembler.

«Si on me reproche quelquefois de voir trop en rose, vous voyez du moins, cher comte, que mon humeur n'est pas toujours de cette couleur. Elle changera du reste dès que je verrai qu'on se persuadera que les délais gâtent plus les affaires qu'ils ne les font avancer. Ce qui est arrivé heureusement dans notre affaire d'Orient qui n'a pu et dû être débrouillée que par le glaive arrivera encore, et ce n'est que ce même glaive qui coupera le noeud gordien de la Belgique, mais il faudra un coup d'autant plus fort qu'on aura donné plus de temps pour entrelacer les liens, et la perte de tout genre en deviendra plus grande, même en argent et en crédit.

«Ne m'en voulez pas, cher comte, mais je ne sais jamais parler que d'après mon coeur; je ne crois pas l'avoir mauvais; je ne puis donc désirer aucune guerre, que je regarde toujours comme le plus grand fléau, mais je crois que ce fléau s'agrandit et se prolonge quand dans des cas inévitables on se trompe sur cette inévitabilité».

393. «Toutes mes dispositions guidées par la prudence ont pour objet de ne pas compromettre par trop de précipitation et par des mesures intempestives les intérêts de notre auguste, respectable et vénérable allié le roi de Prusse. Au reste quelque sages que soient tous les ordres qui me viennent de St.-Petersbourg, ils ne sont pour moi, dans la position où je me trouve, que de l'histoire ancienne, puisque je suis avancé de 15 jours sur les événements. J'attends donc mes lumières de votre part, mon cher maréchal, et j'avoue en mon particulier, que c'est avec le plus grand regret, que je vous verrai quitter Berlin. Je me croirai alors placé entre le marteau et l'enclume, position très précaire et fort difficile. Les motifs qui me déterminent à persévérer de plus en plus dans cette voie se fondent sur les notions politiques qui me parviennent au sujet des opinions et de la conduite de l'Angleterre, dans lesquelles je ne vois qu'une espèce de désunion et un démenti formel à l'accord unanime qui doit présider aux vues des augustes alliés. Quant à la France, elle ne peut sans manquer de logique et sans se contredire elle-même, publier à l'étranger d'autres principes, que ceux qu'elle a professés chez elle, en se déclarant ouvertement contre les révolutions au dehors, tandis qu'elle ne respire elle-même que révolution. Au

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

reste, d'après mon faible avis, il faut la laisser se déchirer et s'entre-déchirer à elle seule, non par des émeutes ou des insurrections éphémères, mais par une guerre civile bien fondée; autrement une guerre européenne contre la France ne ferait qu'y réunir tous les partis, dans la vue de maintenir l'intégrité du sol français et de le mettre hors de toute atteinte. Cela ne doit point nous empêcher d'être en mesure d'agir; mais je le dis et le répéterai toujours, que cela soit sans précipitation et en usant de calme et de sang froid.

«C'est là, mon cher maréchal, ma profession de foi, pure et entière; je la soumets en toute confiance à vos lumières. Enfin, si je devais agir contre mon opinion je le ferais avec l'obéissance que vous me connaissez, mais en conservant toujours ma manière de voir».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ графу Дибичу отъ 6-го (18-го) ноября 1830 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 967).

Мысли, высказанныя въ этомъ письмѣ, цесаревичъ высказывалъ уже ранѣе въ письмѣ къ императору Николаю отъ 21-го сентября (3-го октября) 1830 года, выдержки изъ котораго приведены нами выше.

394. Мѣсяцемъ ранѣе, 12-го (24-го) октября 1830 года, цесаревичъ въ письмѣ къ О. П. Опочинину выражалъ тѣ же мысли:

«Какой несчастный нынѣшній годъ: возмущенія, повальная болѣзнь и сверхъ того во всемъ полуденномъ краю совершенный неурожай. Chez nous jusqu'à ce moment tout est tranquille et j'espère dans la clémence de Dieu que tout restera de même».

395. Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 22-го ноября (4-го декабря) 1830 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 676).

Принцъ Евгений Виртембергскій смотрѣлъ на событія, разыгравшіяся въ Варшавѣ, съ нѣсколько иной точки зрѣнія. Онъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «Одновременно съ береговъ Невы прогремѣла вѣсть: «я иду съ 200.000 русскихъ», а полякамъ сказано: «вы будете моимъ авангардомъ». Французы же воскликнули: «авангардъ, обратись противъ главныхъ силъ»,—и авангардъ парировалъ. Поляковъ воодушевляла не столько ненависть къ русскимъ, сколько озлобленіе противъ системы русскаго правительства. Напротивъ того, я постоянно видѣлъ въ Варшавѣ, что поляки и русскіе братались и часто бранили сообща правительство».

396. «Je reçus ce soir là (т.-е. 25-го ноября) la nouvelle de la révolution par un rapport de mon frère qui n'était pas le premier, mais me parlait d'un autre qu'il m'avait envoyé, mais que je ne reçus que 14 heures plus tard, de façon que j'ignorais tout ce qui s'était passé et ne sus d'abord que les noms des officiers généraux tués et le nombre et le nom des troupes restées près de mon frère. Ce fut là première nouvelle telle que je la reçus et qui me fit apprendre la révolution polonaise».

Собственноручная замѣтка императора Николая, написанная имъ при чтеніи записокъ генераль-адъютанта Бенкендорфа.

397. Дневникъ князя А. С. Меншикова 1830 года.

Замѣтки генераль-адъютанта Павла Николаевича Игнатьева о царствованіи императора Николая I-го.

398. Изъ письма императора Николая къ цесаревичу отъ 27-го ноября (9-го декабря) 1830 года.

399. «Voici donc un ouvrage de 16 ans détruit totalement par des sous-officiers, de jeunes officiers et des étudiants et compagnie. Je n'en dis pas davantage, puisqu'il est de mon devoir de vous certifier que les propriétaires, les gens de la campagne et tout ce qui est seulement avec quelque avoir en sont en désespoir. Officiers, généraux, ainsi que les soldats n'ont pu d'empêcher de suivre le mouvement, entraînés par la jeunesse et les sous-officiers qui ont égaré tout le monde. Bref les choses sont au pire et je ne sais ce qui en adviendra de la clémence de Dieu. Tous mes moyens de surveillance ont été nuls, malgré que tout se découvrait Nous voilà, nous autres russes à la frontière, mais grand Dieu dans quel état, presque nus-pieds, sortis comme pour une alerte et

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАИ ПЕРВЫИ

croyant rentrer en casernes et au lieu de cela ayant fait des marches terribles. Les officiers ont tout perdu et n'ont que ce qu'ils ont sur le corps J'ai le coeur navré; à 51½ ans et après 35½ de service, je ne croyais pas finir ma carrière d'une manière aussi déplorable».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 1-го (13-го) декабря 1830 года изъ Влодавы.

400. «Tous mes vœux sont adressés au bon Dieu, afin que la masse de cette armée à laquelle j'ai consacré 16 années d'existence, fasse un retour sur elle même et rentre dans le chemin de l'honneur et du devoir et reconnaisse son égarement avant que les mesures coercitives fussent employés contre elle. Ceci est trop beau pour le siècle où nous vivons et, malgré mes vœux, j'en doute fort».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 26-го декабря 1830 года (7-го января 1831 года).

401. «Si des deux nations et des deux trônes l'un doit périr, puis-je balancer un instant?—Vous même ne le ferez pas? Ma position est grave, ma responsabilité terrible, mais ma conscience ne me reproche rien vis-à-vis des polonais et je puis assurer qu'elle ne me reprochera rien, je m'acquitterai envers eux jusqu'à la dernière possibilité de tous mes devoirs, je n'ai pas prêté en vain serment, et je ne l'ai pas vidé, que le reproche donc des suites affreuses de cet événement, si elles ne pouvaient être évitées, retombe en entier sur ceux qui en sont coupables! Аминь».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 8-го (20-го) декабря 1830 года.

402. Dès que je fus informé de l'arrivée de Lubecki et Ieserski, je fis donner ordre de ne pas les laisser avancer plus loin que Narwa, et je leur fis adresser un avis par Grabowski que, s'ils arrivaient comme députés d'un gouvernement ou d'un pouvoir que je ne puis reconnaître, ils ne pouvaient être admis ni devant moi, ni même rester ici: sur quoi Lubecki adressa une réponse au nom de tous deux, que je fis mettre dans les journaux, qu'il n'eut jamais accepté une commission pareille et qu'il arrivait comme membre de mon gouvernement pour rendre compte de ce qui s'était passé; que m-r Ieserski l'accompagnait. C'était ce qu'il me fallait et pour moi-même, et pour ici, et pour là bas. Ils arrivèrent donc; je réunis chez moi Michel Wolkonsky, Tolstoy, Nesselrode et Grabowski (dont je suis on ne peut plus content) et je fis venir Lubecki seul; il arriva, comme toujours, le nez en l'air, et d'un air très gai commença le récit je le traitais très froidement après une heure et demie de conversation, je le congédiais. Le même soir, je fis dire à Ieserski, voyageur, par Benkendorf que j'aurai plaisir à le voir chez moi. Il me l'amena; dès qu'il entra dans la chambre, il se jeta à deux genoux devant moi, sanglotant comme un enfant; j'eus peine à le calmer, et, après l'avoir embrassé, nous nous assimes tous trois et je lui dis de me raconter tout ce qu'il avait à me dire. Il me répéta à peu-près tout ce que je savais déjà par vous, Haucke et Lubecki. Tout ce qu'il disait était dans le meilleur sens possible. Après qu'il eut fini, je le priais de se mettre un instant à ma place et de me dire ce que j'avais à faire?—Il fit une grande exclamation et me dit que c'était Dieu seul qui pouvait m'inspirer. Je lui demandais s'il avait lu la proclamation; il me dit que «oui», et qu'elle était bonne pour les honnêtes gens, mais qu'elle ne pardonnait pas les coupables et que ces diables avaient exprès compromis le plus de monde possible pour être sûrs de ne pas être abandonnés et livrés. Je lui répondis que je n'en voulais qu'aux assassins, que le reste devait être sûr de son pardon. Je lui citais que ce même 14 Décembre le hasard voulait que le bataillon qui me donnait la garde était ces mêmes marins de la garde qui furent contre moi, il y avait 5 ans, que par conséquent cet exemple prouvait que je trouverai moyen non seulement de pardonner, mais aussi de donner à la troupe l'occasion de se rehabiler à ses propres yeux. Il trouva cette idée fort bonne, surtout si ce n'était pas en Asie; en Asie ou non, je dis, qu'il fallait chercher l'occasion de regagner l'honneur,—et il convint que c'était juste. L'idée lui vint alors que je convoque la Diète; je lui observais que j'eusse pu le faire sans doute, mais qu'eux-mêmes avaient pris l'initia-

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

tive et qu'il ne me convenait plus de m'en mêler; mais, lui dis-je, je vous offre un autre moyen, tout aussi efficace: vous reviendrez à Varsovie, vous êtes nonce, faites en sorte que l'on confirme le dictateur, faites plus, si vous êtes sûr de la plupart de vos collègues, proposez et même exigez du dictateur qu'il fasse justice des coupables, c'est à dire de ceux qui ont tué leurs chefs et enfreint toute discipline, vous me rendrez le plus grand service possible, car, je vous le répète, je repousse le rôle de bourreau, et je ne veux user que de mon droit de gracier. Soyez jaloux de vous laver de la tâche qui souille votre armée, votre nation, et vous vous rehabiliterez aux yeux de votre souverain, de votre patrie et de l'Europe entière?—Eh bien, je le ferai, me dit-il avec chaleur, et on vous pendra, lui répondis-je. C'est égal, je le ferai.

«Nous nous quittâmes ainsi, fort contents l'un de l'autre. Deux jours après, il arrive chez Benkendorf, tout fringant, et il lui dit: j'ai trouvé un moyen infailible de tout arranger!—Quoi donc?—Que l'empereur dise: «Polonais! je suis mécontent de vous, vous avez forfait à l'honneur, mais je vous offre le moyen de tout réparer: marchez à l'instant sur la Galicie et Posen, je vous les donne!» — Benkendorf fit de grands yeux et lui demanda s'il était fou?—Pourquoi? fut sa réponse. Alors l'autre lui énumera tout ce qu'il y avait d'insensé dans une pensée pareille,—et le charme se dissipa; il convint de tout. En un mot, ils sont tous plus ou moins malades de raison! Je ne sais l'expliquer autrement».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 19-го (31-го) декабря 1830 года.

403. 1-го декабря 1830 года даны были два указа:

1) «Главномандующимъ дѣйствующей арміею, собираемою къ западнымъ границамъ имперіи, повелѣваемъ быть генераль-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому со всѣми правами, властію и преимуществами, присвоенными званію сему учрежденіемъ объ управленіи большою дѣйствующею арміею».

2) «Губерніи: Гродненскую, Виленскую, Минскую, Подольскую и Волынскую, и Бѣлостокскую область повелѣваемъ объявить состоящими въ военномъ положеніи, подчинивъ оныя главнокомандующему дѣйствующею арміею, генераль-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому».

404. Фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій въ его воспоминаніяхъ, записанныхъ въ 1830 году барономъ Тизенгаузенемъ. «Русская Старина», 1891 года, т. 69.

405. Едва открылась кампанія 1831 года, какъ уже начались сѣтованія графа Дибича по поводу своего потрясеннаго здоровья. 8-го (20-го) февраля, за нѣсколько дней до Гроховскаго сраженія, фельдмаршалъ писалъ императору Николаю изъ Милосны:

«Nous sommes tous harasté de fatigues, surtout moi qui malheureusement me ressens toujours d'une faiblesse de nerfs qui m'est resté des fièvres orientales et peut-être des émotions morales que la faiblesse humaine n'a pas permis de supporter avec toute la résignation que notre religion divine nous prescrit».

406. «Dites vous bien que j'ai épuisé tous les moyens pour ramener des insensés à la raison; faire plus dépasse ma conception, comme cela serait incompatible avec l'honneur du personnage que je représente et de l'empire indignement insulté: ce n'est donc pas la vengeance qui nous fera combattre mais la nécessité».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 27-го декабря 1830 года (8-го января 1831 года).

407. «Voulant me préparer à tout, j'ai engagé ma femme à faire nos dévotions, ne sachant pas si, à l'époque où nous sommes dans l'habitude de le faire, Dieu nous permet d'être ensemble; du moins nous allons communier et je viens vous demander à tous deux mon pardon et votre bénédiction; puisse-je dans l'acte que je vais consommer trouver cette force et cette présence d'esprit qui de jour en jour me deviennent plus nécessaires, et que je chercherai en vain ailleurs que là d'où émanent la miséricorde et la force».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 19-го (31-го) декабря 1830 года.

408. «Mais je ne saurais le faire sans oser encore recommander à votre clémence une nation égarée et dont tous les membres ne sont pas tous coupables, mais bien ceux qui

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

les ont induits dans le sentier du crime et de la perversité de tous genres. Grâce pour eux, cher et excellent frère, et indulgence pour tous, — c'est le vœu d'un frère qui a eu le malheur de passer la plus belle époque de sa vie et par obéissance à former une troupe qui malheureusement a tourné ses armes contre son pays natal. Mon rôle public est fini après tout ce qui vient de m'arriver; tout commandement ne me flatte aucunement. Souffrez que je reste avec elle (la garde); leur sort sera le mien. Si toutefois vous jugez, cher et excellent frère, que je dusse la quitter, souffrez que je me retire entièrement et que je devienne absolument nul, ce que je sens de plus en plus que je le suis.

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 1-го (13-го) января 1831 года.

409. «Il est difficile de pénétrer dans l'avenir, mais en combinant humainement parlant les diverses chances, il paraît difficile qu'elle put être pire pour nous que celle de 1830, et fasse le ciel que je ne me trompe pas. Je voudrais vous voir tranquillement établi dans votre Belvédère et tout rentré dans l'ordre, mais que de choses à faire avant que de pouvoir en venir là. — Qui des deux doit périr, car il paraît que périr il faut, est-ce la Russie ou la Pologne? Décidez vous même. J'ai épuisé tous les moyens possibles pour prévenir un pareil malheur; les seuls moyens compatibles avec l'honneur et ma conscience, ces moyens sont épuisés, ou du moins rien ne peut me faire croire que l'on en veuille là bas; que me reste-t-il à faire?».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) января 1831 года.

410. Донося императору Николаю 28-го января (9-го февраля) 1831 года изъ Высоко-Мазовецка о благополучномъ вступленіи арміи въ предѣлы царства Польскаго, графъ Дибичъ украсилъ письмо свое тяжеловѣснымъ разсужденіемъ, могущимъ служить образцомъ стилистики Забалканскаго героя:

«L'absence totale des troupes régulières, même de tout poste d'avertissement dans une espace aussi grande et vis-à-vis nos forces concentrées paraît indiquer une grande nullité dans les mesures défensives du gouvernement qui a osé prendre sur lui la conduite de la rébellion criminelle, soutenue malheureusement par la soi-disante noblesse en presque totalité, ainsi que par le clergé, avec cette chaleur insensée qui a toujours distinguée les sarmates des slaves du nord et qui me paraît une suite de l'éducation faite toujours dans un sens semi républicain aristocratique et des séductions d'un sexe qui s'est distingué dans ce malheureux pays depuis des siècles plus encore par son immoralité et son penchant pour les intrigues. et qui est mené encore par un clergé ignorant et inconséquent et plus immoral encore».

411. Пузыревскій: Польско-русская война, 1831 года. С.-Петербургъ, 1890. Т. 1. Стр. 106. Т. 2. Стр. 108.

412. Записки генералъ-адъютанта Бенкендорфа были послѣ его смерти прочитаны императоромъ Николаемъ; при малѣйшемъ уклоненіи отъ истины или неточности разсказа, государь дѣлалъ на поляхъ поправки; поэтому историкъ не можетъ оставить безъ вниманія обстоятельство, что разсказъ Бенкендорфа о цесаревичѣ Константиинѣ Павловичѣ не вызвалъ со стороны императора Николая ни малѣйшаго возраженія. Не служить ли отсутствіе всякой поправки косвеннымъ доказательствомъ справедливости разсказа Бенкендорфа?

Въ неизданной части записокъ Эразма Ивановича Стогова разсказъ о внимательствѣ Константина Павловича въ исходѣ Гроховскаго сраженія переданъ со словъ очевидца, съ нѣкоторымъ фантастическимъ оттенкомъ, слѣдующимъ образомъ:

«Поля у палатки были подняты, Дибичъ передъ палаткой сидитъ на барабанѣ, пригнулся къ колѣнямъ и грызетъ ногти правой руки; замѣтно, что онъ слышитъ каждый выстрѣлъ; штабныя, адъютанты, ординарцы — всѣ разосланы. Говорили, что сраженіе къ концу, поляки разбиты. При палаткѣ Дибича оставался я одинъ. Вижу: галопомъ ѣдетъ великій князь Константинъ Павловичъ, подъѣхалъ и громко сказалъ: «Фельдмаршалъ, поздравляю васъ съ побѣдой!» — Дибичъ будто не видитъ, не пошевелился и продолжалъ кусать ногти. Я думалъ, не хватилъ ли онъ черзчуръ. Великій

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

князь громко говоритъ: «Фельдмаршалъ, поляковъ рѣжутъ, какъ барановъ! Фельдмаршалъ, милосердія!» — Дибичъ не шевелился. Великій князь вспыхнулъ: «Фельдмаршалъ, съ вами говоритъ старшій братъ вашего государя!» — Дибичъ, точно кто ткнулъ шиломъ, быстро вскочилъ, руку къ шляпѣ и проговорилъ: «Что угодно приказать вашему высочеству?» — «Прекратить рѣзню!» — Дибичъ обернулся къ съѣхавшимся штабнымъ и адъютантамъ и повелительно скомандовалъ: «Отбой на всѣхъ пунктахъ».

413. «Toute la ligne s'étant avancée et Grokhowa se trouvant occupée, les polonais ont fui en désordre et ont abandonné le champ de bataille, couvert de morts et parsemé de fusils, de schakos, etc. Le prince Schakhowskoy s'étant rapproché, j'ai formé ses bataillons en colonnes d'attaque; son artillerie démontait pendant ce temps les dernières batteries de campagne polonaises. Infanterie, cavalerie, tout cherchait son salut dans la fuite. Le jour étant cependant tombé je n'ai pu faire attaquer le faubourg lui-même, garni encore de nombreux canons. J'ai fait cesser le feu; les rebelles se sont retirés à Prague où se sont placés sous le canon de cette place; ils n'y pouvaient tenir et comme j'ai eu déjà l'honneur de le dire, ils ont évacué dans la nuit ce faubourg».

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 14-го (26-го) февраля 1831 года изъ Грохова, которое начинается слѣдующимъ общимъ обзоромъ боя 13-го числа: «La journée d'hier a été sanglante et décisive. Les troupes de votre majesté impériale ont battu les rebelles, les polonais fuyaient derrière la Vistule; les approches de Prague avaient été occupées et le faubourg a été évacué durant la nuit, la tête de pont tient seule encore et ne peut contenir que 4 ou 5 bataillons au plus».

414. «Si tout le monde s'eut trouvé à sa place, comme il y avait à prévoir, la journée eut été décisive et la campagne terminée; mais le bon Dieu en a décidé autrement et c'est pour une autre fois que la partie est remise. Si le prince Schakhowskoy serait arrivé à notre aile droite, comme il devait le faire, jamais les polonais n'eussent revu Prague, mais je ne sais il y a eu hésitation. Au reste le proverbe dit que sans des si et des mais, l'on met des villes dans des bouteilles».

Изъ письма цесаревича къ императору Николаю отъ 14-го (26-го) февраля 1831 года.

415. «C'est hier à 3 heures qu'est arrivé Boudberg porteur de votre lettre du 14 (26). Je bénis Dieu pour le succès qu'il a daigné nous accorder; la bravoure de nos excellentes troupes ne saurait me surprendre, je ne m'étonnerais que du contraire. Mais je vous avoue, mon cher ami, que je m'attendais à de plus grands résultats, et surtout plus décisifs, vu l'immense supériorité de nos forces et les autres avantages que la position vous offrait. Il est presque incroyable qu'après de telles chances, l'ennemi ait pu sauver toute son artillerie et repasser en entier la Vistule sur un seul pont. L'on pouvait au moins s'attendre à lui voir perdre une grande partie de son artillerie et voir répéter un second Bérézina. Maintenant c'est partie remise. Il faut le dire que le bon Dieu l'a voulu ainsi et s'y résigner, en continuant cette guerre odieuse avec toute la vigueur possible».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 21-го февраля (5-го марта) 1831 года. Въ томъ же письмѣ государь снабдилъ фельдмаршала слѣдующими наставленіями на случай сдачи Варшавы:

«Reste enfin la supposition d'une reddition; elle ne doit être qu'à discrétion. Vous ferez dans ce cas arrêter tous les grands coupables, en faisant amnistie à la multitude; j'appelle grands coupables les auteurs de l'attaque contre Belvédère et les assassins, les membres du gouvernement illégal et surtout Tchartorisky et Lélével, et autres faquins semblables. Vous établirez dans la ville telle administration que vous trouverez convenable pour le moment. Je vous autorise de transformer le château royal en hôpital militaire, en ne respectant que le cabinet de feu l'empereur. Tous les objets, tels que l'uniforme de l'empereur et autres objets qui lui ont appartenus, me seront envoyés sur le champ. Les objets royaux comme trône etc. devront être mis en lieux de sûreté et scellés jusqu'à nouvel ordre. Vous ferez de même mettre les scellés sur la bibliothèque de l'université et celle de la société des belles-lettres. Les canons de Varna devront être enlevés et envoyés à Danabourg. Du reste la plus exacte discipline, le moins de troupes possible

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

en ville et l'indispensable en casernes. Le mieux serait de confier la garde de la ville à la garde, qui y possède ses établissements et ses habitudes».

Въ письмѣ отъ 4-го (16-го) марта 1831 года государь снова возвращается къ этому предмету и пишетъ:

«Ma lettre précédente vous a délié les bras et mis au fait de mes résolutions irrévocables: 1) soumission complète, 2) amnistie pour tous, hors les grands coupables, et rien de plus; il s'entend que je conserverais au pays ses lois d'administration, mais rien d'engagements constitutionnels et surtout de conditions de soumission. Plus que l'on tardera à se soumettre et plus que l'on aura versé de sang et moins l'on pourra espérer d'indépendance».

416. «Ainsi 8.000 hommes hors de combat, et excepté une perte pour le moins égale en hommes chez l'ennemi, aucun autre résultat! C'est bien, bien fâcheux. Mais que la volonté de Dieu se fasse!».

Изъ письма императора Николая графу Дибичу отъ 24-го февраля (8-го марта) 1831 г.

417. Въ письмѣ отъ 8-го (20-го) февраля 1831 года императоръ Николай писалъ между прочимъ графу Дибичу:

«D'après ce que vous me dites, je vous crois maintenant devant Varsovie, mais je me demande ce que vous y ferez? Une fois que l'ennemi a su se refuser à un combat en rase campagne, où le nombre vous assurait un avantage probable et qu'il se sera renfermé dans les retranchements, quel avantage aurez vous? Voulez vous faire le second volume de l'assaut de Praga? Je n'y vois rien d'avantageux! Ainsi que reste-t-il à faire? Il me paraît, comme je vous l'ai toujours dit, qu'en tournant Varsovie et en l'isolant ainsi de tous les moyens physiques et moraux, c'est à dire en la privant par là de ses relations avec l'Europe, vous forcerez probablement l'armée à sortir et venir vous offrir le combat où toute chance de succès est pour vous et cette armée tombée, détruite, Varsovie est à vous et par conséquent la Pologne soumise».

Приведенныя строки изъ письма государя подали поводъ къ ошибочному заключенію, будто бы императоръ Николай, не одобряя повторенія Суворовскаго штурма, вызвалъ бездѣйствіе графа Дибича послѣ Гроховской побѣды. Между тѣмъ письмо государя написано при томъ очевидномъ предположеніи, что поляки въ виду наступавшей русской арміи откажутся отъ намѣренія принять сраженіе въ открытомъ полѣ впереди Праги; сверхъ того, упомянутое здѣсь письмо получено было графомъ Дибичемъ 14-го (26-го) февраля, на другой день послѣ Гроховскаго сраженія, въ то время, когда фельдмаршалъ собирался послать въ Петербургъ донесеніе о происшедшемъ нападѣніи; слѣдовательно письмо государя, даже ложно понятое, не могло повліять на несвоевременный отбой, данный, по приказанію главнокомандующаго, вечеромъ 13-го (25-го) февраля.

Графъ Дибичъ пишетъ государю 14-го (26-го) февраля: «C'est au moment où je voulais envoyer le colonel Boudberg avec la nouvelle de la sanglante bataille d'hier, qui après des chances quelquefois presque douteuses par le retard du détachement du prince Chakhowskoi à reprendre l'offensive, a eu pour résultat décisif la retraite de l'armée rebelle dans un état bien dérangé au delà de Vistule, que j'ai eu le bonheur de recevoir avec une grande célérité la lettre de votre majesté impériale du 8 Février».

Дѣйствительно письмо императора Николая отъ 8-го (20-го) февраля, снабженное еще припискою отъ 9-го (21-го) февраля, доставлено было графу Дибичу съ необычайною скоростью, пробывъ въ дорогѣ всего шесть дней. Отвѣтъ же главнокомандующаго полученъ былъ государемъ только по прошествіи восьми дней, т.-е. 20-го февраля (4-го марта).

Замѣтимъ здѣсь, что императоръ Николай былъ вообще того мнѣнія, что драма, разыгравшаяся въ Польшѣ, должна быть окончена рѣшительнымъ ударомъ, и писалъ графу Дибичу 17-го февраля (1-го марта) 1831 года, еще до полученія донесенія о Гроховскомъ сраженіи: «Il est temps que ce drame finisse d'une manière éclatante».

418. «Que la volonté de Dieu soit faite! et je m'y résigne; mais il m'est très permis de vous exprimer ma surprise et ma douleur de ce que dans cette malheureuse guerre

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

vous m'annoncez bien plus d'échecs que de bonnes nouvelles; qu'avec 189.000 hommes dans votre rapport, nous ne faisons rien devant à peu près 80.000, que l'ennemi est partout en nombre pour le moins égal, et nous partout presque toujours en forces inférieures et insuffisantes Mon inquiétude ne peut se décrire, parce que je ne vois rien dans toutes vos dispositions, qui puisse faire présager un succès, qui puisse enfin vous assurer l'issue de la campagne, parce que je ne vois enfin rien de fixe dans vos propres idées Ne vous étonnez pas alors que je sois navré de la tournure qu'a prise une guerre juste, commencée avec des moyens immenses et tranchons le terme, dont dépend l'existence politique de la Russie, — tout cela repose sur votre tête! Que puis-je moi dans cet éloignement si non me désoler après coup et prêcher toujours la même chose. Prouvez-moi que je me trompe et j'en serais heureux; mais je ne rêve pas, je parle sur des faits Ne vous offensez pas de mon langage, il est celui qui convient à celui qui seul a le droit de vous parler vrai, et qui vous aime sincèrement malgré qu'il n'approuve pas toujours vos déterminations trop peu stables. Que le bon Dieu vous inspire».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 2-го (14-го) апрѣля 1831 года.

419. «Souvorof savait battre les polonais avec peu de monde».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 5-го (17-го) апрѣля 1831 года.

420. «Que Sa sainte volonté soit faite! Je suis prêt et résigné à tout. Je prends de grands moyens, mais ne désespère, ni ne désespérerais de rien. Des russes ne peuvent pas être toujours vaincus par des polonais; les siècles sont là pour le prouver. Dieu nous aidera pour le prouver encore. Courage donc, fermeté; ayez en vous-même et sachez la faire passer dans l'âme de ceux qui pourraient faiblir, сь нами Богъ et tout pourra se remettre».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) апрѣля 1831 года.

Въ такомъ же духѣ государь писалъ 13-го (25-го) апрѣля 1831 года:

«Il ne faut pas ni se laisser abattre par un grand revers, ni surtout laisser voir aux autres ce que l'on éprouve et faire ainsi tomber l'esprit de l'armée. Dites positivement à tous, officiers et soldats, que j'attends la nouvelle d'une victoire, que des russes doivent toujours finir par battre les polonais, et que je croirais jamais le contraire. Il faut les conduire et vous le saurez faire, je n'en doute pas avec l'espoir que nous mettons en Dieu, tous tant que nous sommes constance et persévérance et tout ira bien et à bonne fin».

421. «En vérité je ne sais plus ce que vous faites ni ce qui se passe en vous et je défie qui que ce soit de le comprendre Tout cela est réellement inexplicable et fort triste et pour ici et pour l'armée, que vos continuelles irrésolutions, marches et contre-marches ne font que épuiser et abattre; elle doit perdre toute confiance en son chef, quand elle ne voit d'autre résultat de ses efforts inutiles que la misère et la mort! Au nom de Dieu, ne perdez pas de temps, soyez ferme dans vos résolutions, ne tergiversez pas continuellement, et tachez par une action brillante et hardie à prouver à l'Europe que l'armée russe est toujours celle qui a été deux fois à Paris. L'effet détestable de cette malheureuse campagne sur nos ennemis et même sur nos amis est pire que l'on ne peut se l'imaginer. Tout peut-être réparé, si à la fin des fins vous redevenez ce que vous avez été. Constance, force et fermeté inébranlable et plus d'activité et d'ordre nous ramèneront avec l'aide de Dieu à des journées de gloire. La nation russe ne peut comprendre et moi avec, que ses armées ne soient pas menées à la victoire, quand il s'agit de mener des russes combattre des polonais. Il faut le lui prouver de rechef, et avec l'aide de Dieu, nous y arriverons».

422. «Je ne comprends rien à tout ce qui se passe, ni à vos intentions, et j'attends avec soumission aux volontés de Dieu ce qu'il voudra dans sa miséricorde faire dériver de tout cela. C'est la première fois qu'une armée russe forte d'après votre propre rapport

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

de 189.000 combattants, se trouve sur la défensive devant 40.000 à 50.000 revoltés. Souvorof avec la moitié des forces de l'ennemi savait le battre, parce qu'il savait persuader aux soldats russes qu'ils devaient battre toujours deux ennemis; je crains que bientôt l'armée n'en perde la tradition et ne croie le contraire».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 27-го апрѣля (9-го мая) 1831 года.

423. Въ письмѣ къ императору Николаю отъ 2-го (14-го) апрѣля графъ Дибичъ пишетъ:

«En général il est certain qu'il faut les plus grands moyens pour dompter cette révolution et qu'il faudra employer contre l'incendie dans nos provinces même toutes les forces militaires et même nationales de la Russie. Je répète que c'est la plus cruel malheur pour moi d'avoir si mal répondu par les opérations de l'armée aux justes espérances de votre majesté impériale. Je prie Dieu de vouloir me donner les forces pour ne pas succomber à l'abattement du chagrin profond qui me dévore et de m'inspirer le moyens pour rétablir autant que possible les malheurs essuyés».

Всего болѣе долженъ былъ беспокоить императора Николая полнѣйшій упадокъ духа, замѣченный имъ въ фельдмаршалѣ. Объ этомъ свидѣлствуетъ письмо графа Дибича отъ 12-го (24-го) апрѣля 1831 года:

«Que je serais heureux de pouvoir réparer le passé au moins en partie, mais je serais pas digne de vous servir, sire, si je ne vous avouerai pas avec franchise, que je sens avoir baissé sensiblement dans mes facultés morales et physiques, et que malgré toute la peine que je me donne pour reprendre mes anciens sentiments de confiance dans le succès, les revers continuels et surtout la non réussite de toutes les opérations que j'ai cru pouvoir mener à un but heureux avec les forces principales, m'ont inspiré [une espèce de timidité morale qui m'a été inconnue autrefois dans les plus grands revers et qui d'après moi est un des plus grands défauts d'un commandant en chef. Je ferais tout mon possible pour vaincre ce malheureux sentiment; les conseils du brave Toll m'aideront en cela, mais je répète que je craindrais de manquer à mon devoir si je n'exprimais pas devant votre majesté mes appréhensions, d'autant plus qu'une faiblesse toujours augmentante de nerfs, irrités par des effets moraux pourra augmenter le mal. Votre majesté connaît mon dévouement entier à remplir exactement ses volontés, j'espère qu'elle est aussi persuadé que je sacrifie avec plaisir toute personnalité et tout amour propre, si elle trouverait un chef plus digne que moi pour commander ses armées, et qu'elle l'est aussi de mes sentiments que je suis dans tous les temps, et partout à ses ordres, sans bornes et sans limites».

Спрашивается, что же можно было ожидать отъ полководца, утратившаго всякую вѣру въ свои собственныя предначертанія, который самъ произнесъ надъ собою приговоръ, выраженный въ приведенныхъ выше строкахъ, и, будучи удрученъ постоянными неудачами, называть себя: «le plus malheureux des hommes»?

Графъ Толъ находился не въ лучшемъ положеніи; о немъ фельдмаршалъ писалъ 4-го (16-го) мая 1831 года:

«Il y a dans plusieurs chefs et surtout dans ceux que l'âge et les fatigues de tant de guerres ont vieilli, une certaine fatigue, suite d'une rude campagne d'hiver et dont le succès n'a pas répondu aux espérances qu'on s'était formé. Je ne m'exclus pas de ce nombre, sire, malgré toutes les peines que je me donne, et mon moral est encore plus abattu que mon physique. Le mécontentement de notre majesté impériale exprimé d'une manière aussi douloureuse pour moi, m'abat encore tout les jours davantage. Je prie Dieu qu'il veuille bien me donner des nouvelles forces et je cherche à employer celles qui me restent aussi bien que je l'entends, mais je sens bien qu'elles ne répondent pas à mes vœux et je serai coupable si je ne répétais pas cette malheureuse conviction à votre majesté. En vertu d'elle je n'aurais pas hésité un moment de supplier votre majesté de permettre que je remette les hauts intérêts qu'elle a daigné me confier au comte Toll, mais malheureusement il sent aussi ses forces décliner et m'a formellement déclaré qu'il ne pourrait jamais accepter le commandement de l'armée; si

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

done votre majesté n'a pas d'autre en vue, je ne puis qu'à me fier à la grâce de Dieu qu'Il m'inspirera mieux dans le sens de vos augustes intentions et dans vos intérêts, sire, et qu'Il voudra dans Sa miséricorde suprême augmenter mes forces et me laisser surpasser avec résignation les cruelles épreuves, pour pouvoir recouvrir votre confiance».

Упадокъ силъ, замѣченный главнокомандующимъ въ графѣ Толѣ, побудилъ 11-го (23-го) мая 1831 года фельдмаршала написать о немъ государю еще слѣдующія строки:

«Malheureusement ma triste situation est encore bien empirée par le changement visible qui s'est opéré dans l'état physique de mes premiers et fidèles aides Toll et Neidhart. Les fatigues énormes de la campagne d'hiver et l'âge, qui ne permet pas de supporter pareille chose, les a rendu méconnaissables et tous les deux viennent encore me répéter aujourd'hui leur ferme persuasion qu'il leur est impossible de remplir leurs fonctions avec cette activité que les circonstances actuelles demandent si sérieusement et qu'ils ont au moins besoin d'un repos, après lequel le premier se fera un devoir de revenir à l'armée comme chef de corps et le second sera disponible pour le poste que votre majesté impériale lui destinera.

«Je ne puis pas leur refuser de présenter cette persuasion à votre majesté; je vous ai fait mes vœux sur le même article depuis assez longtemps, sire, mais si votre majesté impériale malgré cela et la fatalité dont le Providence divine paraît vouloir punir toutes mes entreprises, veut cependant me conserver dans mon poste, j'espère comme toujours dans l'aide de Dieu de trouver des forces, et dans ce cas je ne pourrai demander que Gortchakoff et Berg à la place de Toll et Neidhart. Ayant exposé cette conviction à votre majesté en serviteur malheureux mais fidèle, il me reste à répéter avec la même franchise, que j'ai la persuasion qui peut être fautive comme tant de mes suppositions l'ont été, mais que je crois jusqu'à présent vraie, que même le passage de la Vistule ne donnera pas une souveraine décision aux affaires, tant que les insurgés ne sont pas comprimés dans nos provinces».

На это заявленіе императоръ Николай отвѣчалъ 23-го мая (5-го іюня) 1831 года:

«Je ne vous réponds rien au sujet de ce que vous m'avez écrit au nom de Toll et Neidhart, quoique j'aie peine à croire qu'ils vous aient chargé de me demander à s'en aller dans le moment le plus décisif de la guerre. Si à leur honte c'est le cas, alors je dis hardiment qu'ils ne sont plus dignes de porter l'uniforme russe; l'on meurt à son poste, mais on ne le quitte pas, et c'est vous qui auriez dû le leur dire».

Вообще въ то время государь былъ недоволенъ штабомъ графа Дибича и писалъ главнокомандующему 2-го (14-го) мая:

«En attendant il m'est revenu que Toll s'est permis de donner un soufflet à un officier polonais prisonnier: je vous laisse à penser l'effet qu'une pareille coquetterie a produit sur moi. Je vous prie de lui dire que je suis étonné de ce qu'un aide de camp général à moi aie osé se souiller au point de faire chose pareille».

Еще ранѣе, 22-го апрѣля (4-го мая), государь писалъ: «Je dois à cette occasion vous dire que toutes les notions qui nous arrivent de l'armée s'accordent à dire que l'on se plaint généralement de la grossièreté de Toll qui l'est surtout envers les généraux».

Графъ Дибичъ на послѣднее обвиненіе отвѣчалъ 30-го апрѣля (12-го мая):

«J'ai parlé à Toll de ce que votre majesté impériale m'écrivait sur son compte; il a été extrêmement sensible et peiné d'un pareil reproche qu'on lui fait, ne se rappelant positivement pas d'avoir dit des grossièretés à aucun général, tout en ayant souvent fortement exigé l'exécution des ordres donnés. Il supplie de lui citer un fait pour pouvoir s'en rappeler et être plus sur ses gardes, ou se laver du reproche s'il serait injuste».

Относительно пощечины, данной графомъ Толемъ, въ перепискѣ графа Дибича не встрѣчается никакихъ разъясненій.

Но если графъ Дибичъ до извѣстной степени отстаивалъ въ глазахъ государя своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, графа Толя и Нейдгарта, то онъ, съ другой стороны, съ полною безпощадностью обвинялъ большинство генераловъ своей арміи въ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

неспособности и отсутствіи соображеній. Такъ, напримѣръ, главнокомандующій неодобрительно отзывался о генералъ-адъютантѣ баронѣ Розенѣ, равно какъ о графѣ Паленѣ 2-мъ; князя Щербатова признавалъ: «une nullité des plus tristes pour toute disposition militaire»; одинъ графъ Паленъ 1-й удостоился особенной похвалы, но и тому фельдмаршалъ желалъ побольше здоровья. Вообще же графъ Дибичъ въ письмѣ отъ 27-го апрѣля (9-го мая) произнесъ надъ своими сотрудниками слѣдующій безпощадный приговоръ:

«Dans plusieurs de mes rapports précédents j'ai eu occasion de soumettre à votre majesté toute la gêne que m'impose constamment le manque d'aides capables de bien diriger une opération ou un commandement isolé. Parmi mes généraux, sans en excepter même les chefs de corps, la grande majorité remplie de bravoure personnelle et même de très bonne volonté, se trouve dénuée soit de moyens, soit de l'habitude de toute disposition et surtout de toute combinaison militaires. Une fois soumis à une direction supérieure ils pensent que leur devoir se borne uniquement à obéir et exécuter, pour tout objet soit grave, soit peu important, ils attendent des ordres, sans même les demander, et toute mesure, tout détail que les instances du chef n'auraient point prévus restent négligés. C'est ainsi que parvenus eux-même à un commandement isolé, ils se trouvent manquer de l'aplomb et de l'expérience nécessaires pour le mener habilement, surtout au milieu de circonstances un peu graves ou compliquées. Une semblable gêne m'est principalement pénible au milieu de la guerre actuelle, lorsque le système dont l'ennemi a fait choix, son extrême activité, la hardiesse de ses partis et tous ses efforts pour attiser une guerre nationale m'obligent impérieusement à détacher des troupes, tantôt pour maintenir nos communications, tantôt pour défendre quelque point menacé sur l'immense étendue que nous avons à couvrir, ou bien pour escorter nos convois et préserver nos dépôts et nos hôpitaux, ou enfin pour étouffer quelques germes de rébellion naissante. Dans toutes ces opérations secondaires j'ai pu jusqu'à présent soit trouver quelques officiers actifs parmi les plus jeunes des généraux, soit remédier à l'incapacité du chef par un surcroît de forces à sa troupe. Tel ne pourrait plus être le cas dans une combinaison stratégique; là je me trouve limité pour le choix d'un chef détaché aux seuls commandants des corps, et la force numérique elle-même ne sait remédier à l'impéritie du commandant ou au manque de vigilance».

Много лѣтъ спустя, императору Николаю пришлось вторично услышать нѣчто подобное въ 1854 году, но при несравненно болѣе тягостныхъ политическихъ и военныхъ обстоятельствахъ, когда князь Мениковъ началъ жаловаться на своихъ крымскихъ сотрудниковъ.

424. См. въ приложеніяхъ: «Ecrit autographe de l'empereur Nicolas sur la question polonaise».

(Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

425. Припомнимъ здѣсь, что въ манифестѣ императора Николая отъ 25-го января 1831 года сказано: «возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей нашей имперіи и положить навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи».

426. Князь Щербатовъ: Князь Паскевичъ. Т. 4-й. Стр. 175—179.

427. 23-го апрѣля (5-го мая) 1831 года графъ Паскевичъ писалъ графу Чернышеву:

«Отношеніе вашего сіятельства отъ 5-го апрѣля № 180 я имѣлъ честь получить 20-го числа сего мѣсяца. Для исполненія высочайшей государя императора воли во всей точности, я въ то же время приступилъ къ необходимымъ распоряженіямъ, а по окончаніи оныхъ, поставлю себя въ непремѣнную обязанность выѣхать изъ Тифлиса сего мѣсяца 26-го числа, хотя и теперь страдаю лихорадочными припадками. Прося покорнѣйше васъ, милостивый государь, доложить о семъ его императорскому величеству, съ истиннымъ почтеніемъ» и пр.

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Еще до вызова графа Паскевича въ Петербургъ болѣзненное состояніе фельдмаршала Паскевича возбудило нѣкоторыя опасенія со стороны государя, о чемъ свидѣтельствуется помѣщенная въ приложеніяхъ переписка по этому предмету.

428. См. въ приложеніяхъ планъ войны, указанный императоромъ Николаемъ въ собственноручной запискѣ отъ 7-го (19-го) апрѣля 1831 года.

Въ письмѣ отъ того же числа императоръ Николай писалъ:

«Je vous propose donc dans la note ci-jointe mon plan de campagne que j'abandonne tout à fait à votre jugement, quoique convaincu de l'immense avantage qu'il vous présente. Je désire que vous le raisonnez avec Toll et Neidhart, décidez ensuite, et au cas qu'il vous convienne, tout en me répondant, procédez de suite à son exécution; dans le cas contraire suivez votre plan, arrêté avec Toll dans la note que vous m'avez envoyée».

429. «La réponse à mon projet me prouve que vous êtes charmé de vous décharger de la responsabilité de tout ce qui se fait sur moi, en pouvant dire pour le futur, que c'est moi qui vous ait empêché de suivre vos projets, et je prévois déjà que c'est peut-être cela qui vous a fait renoncer à l'attaque que vous aviez commencée. Je ne caractériserai pas ce qu'une pareille manière de faire aurait de blâmable, d'autant plus, que tout en étant convaincu, que ce que je proposais était le seul parti à prendre, je vous ai expressément ordonné de ne suivre que votre propre conviction. Il n'y avait qu'une prompte et immédiate exécution qui pouvait rendre cette opération aisée et décisive; mais si ce n'est qu'en quatre semaines que vous comptez vous mettre en mouvement, et que le tout soit conduit avec la même faiblesse, la même irrésolution et le même désordre, je ne prévois que le malheur et désastre, au lieu d'un succès presque certain».

Когда графъ Дибичъ усмотрѣлъ изъ этихъ строкъ гнѣвъ государя, онъ отвѣчалъ 30-го апрѣля (12-го мая):

«Je suis bien malheureux du mécontentement de votre majesté impériale avec les opérations, mais je m'y soumetts avec résignation,—je ne me sens pas au contraire coupable du reproche accablant d'avoir cédé au plan d'agir par la droite et basse—Vistule par un calcul qui serait, j'ose le dire, infâme de ma part. Si votre majesté peut me croire coupable d'une telle conduite, je ne puis trouver de consolation que dans la conviction que l'Être suprême qui lit dans tous les cœurs me donne la force de supporter comme homme ce malheur si inattendu pour quelqu'un qui trouvait une consolation réelle, dans les malheurs de la carrière politique, dans des intentions toujours fidèles et à toute épreuve; mais ces mêmes sentiments qui ne me quitteront jamais, sire, me font un devoir, sire, de vous avouer franchement que je ne conçois pas comment avec une pareille supposition de l'intention infâme (je dois répéter le seul mot applicable à une telle conduite) de vouloir rejeter mes torts sur mon souverain, ne fussiez vous pas même mon bienfaiteur, ne m'eussiez vous pas même comblé de cette confiance qui est bien au dessus de toutes les grâces,—vous pourriez garder la moindre confiance pour les temps futurs, confiance sans laquelle tout sera glacé».

Императоръ Николай остался при своемъ мнѣніи и писалъ 6-го (18-го) мая:

«Vous vous êtes offensé de ce que j'ai dû vous écrire, en recevant la singulière note qui a motivé ma réponse. Je suis persuadé que vous n'avez pas voulu donner un sens pareil à ce que vous écriviez, le fait est cependant que vous l'avez écrit, et que l'effet que cela a produit sur moi d'abord, a été partagé par tous ceux qui l'ont lu comme moi».

Когда въ письмѣ отъ 4-го (16-го) мая графъ Дибичъ выражалъ свое глубокое горе по поводу того, что совершенно лишился довѣрія государя,—императоръ Николай отвѣчалъ фельдмаршалу 10-го (22-го) мая:

«Vous me dites que vous voyez avoir perdu ma confiance; si c'était entièrement le cas, vous me connaissez assez pour savoir que je ne vous aurai pas conservé le commandement de l'armée; ce n'est pas dans mon caractère. Mais rappelez vous de ce qui s'est passé avant votre départ d'ici, de ce que je n'ai cessé de vous répéter depuis, de ce que vous avez persisté de faire depuis, et des résultats que tout cela a eu et jugez

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

vous-même si ma confiance a été complètement justifiée . . . Ici tout va bien, le commerce est pareil à celui de l'année 1817, c'est à dire immense; l'année dernière il n'y avait que 15 vaisseaux d'arrivés à cette époque; il y en a plus de 400 déjà à Cronstadt, et plus de 800 à Riga; des victoires à coté de cela et une prompte fin et tout serait bien,—mais!»

Изъ этихъ строкъ письма императора Николая видно, насколько ошибочна была сложившаяся легенда о томъ, что графъ А. О. Орловъ, отправляясь въ дѣйствующую армію, былъ вѣстникомъ увольненія графа Дибича отъ должности главнокомандующаго.

430. «Tout ce mouvement de sa part serait une vraie folie, s'il n'avait pas été habitué par vous de pouvoir tout entreprendre impunément et en face de vous, sans que même vous le sachiez. J'espère dans la miséricorde Divine qu'il vous donnera dans ce moment décisif assez d'énergie pour ne pas laisser échapper cette occasion précieuse de punir l'ennemi de son audace et de le battre dans la position la plus avantageuse possible pour vous et la plus fatale pour lui, si vous savez en profiter. Aussi mon angoisse n'est pas à décrire; il est temps que nous sachions enfin que l'armée russe existe, car en vérité on pourrait en douter d'après tout ce qui arrive . . . L'ennemi vous dérobe le mouvement de toutes ses forces, vous brûle votre pont de communication et vous n'en savez rien; enfin depuis trois jours la garde se bat et se tire par son audace et la sagesse de Michel de la position la plus difficile, et c'est à peine alors que vous daignez vous convaincre qu'elle mérite la peine que vous marchiez à son secours! — Je défie qui que ce soit de vous comprendre.—Enfin voici la dernière occasion pour vous justifier aux yeux de tout militaire; espérons en Dieu que vous ne la laisserez pas échapper; cela serait trop fort . . . Il y a mesure à toute patience et je crois en avoir eu assez . . . Enfin je veux encore espérer de la bonté Divine, que vous redeviendrez ce que vous devez être, et personne n'en sera plus heureux et sous tous les rapports que moi».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 14-го (26-го) мая 1831 года.

431. 23-го мая (5-го июня) 1831 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу:

«J'ai reçu hier soir votre lettre du 15 (27) d'Ostrolenka; la bravoure de nos grenadiers, ainsi que des autres troupes qui ont pris part au combat sanglant du 14 (26), est admirable comme toujours. Il est d'autant plus triste de voir que ces braves ont été sacrifiés comme le 13 (25) sous Praga, dans une affaire sans résultat, comme sans vrai but dans cette occasion, tandis qu'une autre direction prise depuis Nur, amenait inmanquablement la destruction de l'armée polonaise . . . L'on peut encore moins comprendre pourquoi vous n'avez pas profité du succès du 14, pour poursuivre l'ennemi, et ayez attendu 24 heures pour le faire suivre par un détachement. Tout cela est inexplicable et fait craindre de nouvelles pertes sans plus de résultats».

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 27-го мая (7-го июня) 1831 года государь снова возвращается къ оцѣнкѣ Остроленскаго сраженія и пишетъ:

«Les détails sur la bataille sont d'un grand intérêt et relèvent encore plus l'éclat de la bravoure admirable de nos excellentes troupes; d'autant plus je regrette que ce succès nous ait coûté si cher. Je crois toujours aussi que si vous aviez poussé de suite fortement ce qui ne s'était pas battu aux trousses de l'ennemi, le succès eut été bien plus grand encore . . . Activité, prudence et vigueur et que le Ciel vous soit en aide, un grand pas est fait, sachez en profiter et prouvez que vous êtes encore le старый Забалканскій».

432. «Hier soir est arrivée votre lettre du 25; elle n'a fait qu'augmenter mon étonnement et mon affliction par les lenteurs inexplicables que vous mettez à vos opérations. C'est elles qui vous ont privé de tous les avantages que la glorieuse journée d'Ostrolenka vous offrait pour abimer encore plus un ennemi battu. Toutes les lettres de Varsovie prouvent unanimement leur surprise et leur joie de ce que vous ne les avez pas poursuivies. Maintenant ils auront tout le temps pour se refaire de leurs pertes, fortifier ce qui leur convient, en un mot effacer toutes les traces de leur défaite, pour nous faire acheter par de nouveaux et cruels sacrifices les avantages que nous avons déjà si chère-

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

ment payés, et que nous abandonnons gratuitement Adieu, mon cher ami, faites enfin de façon que je puisse vous comprendre».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) іюня 1831 года.

433. См. въ приложеніяхъ всеподданнѣйшее донесеніе и письмо графа Толя отъ 29-го мая 1831 года.

Сообщая 4-го (16-го) іюня 1831 года цесаревичу Константину Павловичу извѣстіе о кончинѣ графа Дибича, императоръ Николай писалъ:

«Vous vous êtes dit d'avance avec quel pénible sentiment j'ai appris hier soir la triste nouvelle de la mort de notre digne maréchal; j'y perds un ami, et vous, cher Constantin, un être qui vous était sincèrement dévoué et vous conservait un profond sentiment de reconnaissance».

Цесаревичъ по поводу того же событія писалъ государю 2-го (14-го) іюня:

«Malgré les défauts du maréchal et ses fautes stratégiques, dont certes je ne suis pas juge, je ne saurais m'empêcher de le plaindre ainsi que sa perte, l'ayant sincèrement aimé. Sa mort est trop prompte au dire du courrier pour qu'elle soit toute naturelle; est-ce choléra, est-ce autre chose?»

Въ письмѣ отъ 7-го (19-го) іюня цесаревичъ снова возвращается къ смерти графа Дибича, высказывая о немъ слѣдующее сужденіе:

«Je regrette infiniment le maréchal, qui certainement était un homme de bien et de rare probité et ayant des principes moraux et de soumission qui ne sont plus de ce siècle. Pour les défauts, et qui n'en a pas?—et il serait fort injuste et de peu d'équité de vouloir prétendre qu'il n'en ait pas, lorsque chacun en a plus ou moins».

Ө. П. Опочинину цесаревичъ писалъ изъ Витебска 3-го (15-го) іюня 1831 года: «полагаютъ, что Дибичъ умеръ: 1) или отъ холеры, 2) или отъ отравленія въ ядѣ, 3) или отъ отравленія своевольнаго, и 4) или отъ удара. Вотъ слухи. Странно и странно, въ два часа будучи здоровымъ и гуляющимъ по саду въ 11 часовъ вечера, умереть въ часъ полночи».—Разсуждая о скоротечности человѣческой жизни, цесаревичъ не предчувствовалъ, что уже онъ самъ стоитъ на краю могилы; ему лично предстояло въ скоромъ времени испытать, что можетъ сотворить холера въ нѣсколько часовъ времени.

Подробности кончины фельдмаршала, дошедшія до цесаревича, оказались невѣрными: Дибичъ заболѣлъ ночью на 29-е мая и скончался утромъ въ 11^{1/4} часовъ.

434. Князь Щербатовъ: Князь Паскевичъ, т. 4-й, стр. 19.

435. См. въ приложеніяхъ: «Предположеніе графа Паскевича о дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ, составленное въ маѣ 1831 года» (Архивъ канцеляріи военнаго министерства). Эта записка была составлена въ Петербургѣ еще при жизни графа Дибича, и въ сущности, не заключая въ себѣ ничего новаго, имѣетъ только предметомъ развитіе нѣкоторыхъ частей плана императора Николая отъ 7-го (19-го) апрѣля 1831 года.

Въ запискахъ П. К. Менькова (томъ 2-й, стр. 183) воспроизведенъ со] словъ Паскевича фантастическій рассказъ фельдмаршала о томъ, какъ «отецъ-командиръ» на вопросъ государя, какому плану онъ намѣренъ слѣдовать, внезапно вдохновившись, указалъ на Осьскъ, какъ на мѣсто будущей переправы черезъ Вислу, и получилъ благословеніе государя на совершеніе этого подвига. Однимъ словомъ изъ этого рассказа оказывается, что переправа на нижней Вислѣ была придумана Паскевичемъ, какъ нѣчто новое, не приходившее никому въ голову, равно какъ и продовольствованіе арміи изъ Пруссіи; въ дѣйствительности же подобный планъ дѣйствій былъ уже давно начертанъ государемъ, и подготовительныя къ тому работы приведены въ исполненіе графомъ Дибичемъ.

436. Briefe des Feldmarschalls Grafen Gneisenau an seinen Schwiegersohn Wilhelm Scharnhorst.—Historische Zeitschrift. 1896.

Большинство напечатанныхъ въ этомъ историческомъ журналѣ писемъ графа Гнейзенау относятся къ 1831 году.

437. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ по этому поводу императору Николаю:

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«Le maréchal, n'ayant rien en vue pour le moment, a bien voulu me permettre de prolonger mon séjour ici (т.-е. въ Бѣлостоѣ) jusqu'à ce qu'il entreprenne quoique ce soit».

438. Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Федору Петровичу Опочинину отъ 13-го (25-го) марта 1831 года изъ Бѣлостока.

439. «Vous avez bien voulu me dire souvent que vous me serviriez avec zèle et dévouement; eh bien, permettez que ce soit au nom de cette promesse de votre part et à titre de service que vous me rendrez que je vous la demande, que je l'exige. Toute cette guerre change de caractère; elle devient de jour en jour plus grave, plus acharnée par l'impulsion que les meneurs savent lui donner en profitant de notre longue inaction; déjà un des prétextes dont ils se servent entre autre pour animer la troupe contre nous est celui de votre présence passée à l'armée comme une preuve de vengeance directe. Eloignons même cette apparence de raison. Je vous l'ai dit et vous le répète: personne n'est en droit de vous faire le reproche de ne pas avoir partagé les périls de vos braves; le moment pour le faire est passé; d'autres motifs plus impérieux doivent s'opposer à votre retour là bas. Vous refusez aussi le commandement de la garde, quoique je vous avais proposé de le reprendre, ce qui eût été parfaitement naturel et en règle et plus tard réunissait le tout sous vos ordres. Vous ne voulez pas, vous devez avoir probablement vos raisons pour le refuser, cependant je le répète, c'est là ce que je désire. L'état souffrant de mon excellente soeur, dont Michel me donne les détails, est aussi un puissant motif pour vous fixer près d'elle dans ce moment. En un mot, cher Constantin, je dois insister à ce que vous renonciez pour le moment à cette intention, à laquelle il m'est impossible de consentir».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 16-го (28-го) марта 1831 года.

440. Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 30-го марта (11-го апрѣля) 1831 года.

441. Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ О. П. Опочинину отъ 1-го (13-го) мая 1831 года изъ Бѣлостока.

442. Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ О. П. Опочинину отъ 5-го (17-го) мая 1831 года.

Въ припискѣ къ этому письму цесаревичъ написалъ:

«Pro memorio:

«1° сего дня 52 года, какъ я крещенъ.

«2° сего дня 36 лѣтъ, какъ я поступилъ на службу.

«3° сего дня 2 года, какъ былъ торжественный въѣздъ государя въ Варшаву для коронаціи».

443. «J'ose vous supplier instamment d'entrer dans ma pénible situation du moment et du faux rôle que je suis forcé de jouer; errant comme je le suis, séparé des tristes restes des miens, avec lesquels j'aurais dû ne me séparer qu'avec l'existence et par gratitude de la fidélité qu'ils m'ont prouvée et témoignée depuis tous mes malheurs, quelle mine et quelle figure voulez vous, cher et excellent frère, que j'apporte auprès de vous à Pétersbourg où déjà grâce à Dieu l'on m'a, j'espère, presque oublié? Est-ce avec la mine de honte que je pourrai vous approcher?—est-ce avec la mine d'un mécontent que certes je ne serai jamais?—est-ce avec une mine peinée et qui sera interprétée par les siens et les étrangers comme mécontentement et brouille de famille partout?—est-ce enfin pour me claquemurer chez moi, sans en sortir puisque, je l'avoue, que je ne pourrai me présenter nulle part sans honte du triste rôle que je suis forcé de jouer après 36 années de service. De plus, veuillez songer combien de monde me demanderont compte de leurs parents et enfants qu'ils m'avaient confiés et que j'ai l'air d'avoir abandonnés et auxquelles je ne pourrai répondre preuves en mains et, malgré cela, ils y croiront avec peine. Je ne pourrai présenter mes justifications dans les lettres, que vous avez daigné m'écrire, à tous ces parleurs et dans lesquelles ils ne verraient que ma soumission et mon obéissance à exécuter vos ordres suprêmes . . . en m'éloignant d'après vos désirs de l'armée».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 7-го (19-го) іюня 1831 года изъ Витебска.

444. «Witebsk ce ¹⁵/₂₇ 1831. Mon frère, vous serez bien malheureux, car je le suis et une chose au monde pouvait me rendre malheureuse. A quatre, il est tombé malade, mais à huit du soir.... O mon Dieu, prenez pitié de nous, de l'empereur, de moi, de nous.... Mon frère, qu'ordonnez vous à propos de lui?»

445. Кончина цесаревича Константина Павловича возведена была манифестомъ, подписаннымъ 17-го іюня 1831 года на дачѣ Александрин близъ Петергофа, въ которомъ сказано:

«Среди печальныхъ сердцу нашему событій Всевышнему угодно было усугубить горестъ нашу. Любезнѣйшій братъ нашъ цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ, пораженный заразительною болѣзнію, въ Витебскѣ свирѣпствовавшей, послѣ сильныхъ, но скоротечныхъ страданій скончался отъ холеры въ пятнадцатый день сего мѣсяца. Съ душою скорбною, но съ смиреніемъ къ неисповѣдимымъ опредѣленіямъ Царя царей, воздвигаемъ всенародно о постигшей домъ нашъ печали».

446. См. въ приложеніяхъ донесенія, представленныя генераль-адъютанту Бенкендорфу изъ III Отдѣленія по поводу событій, сопровождавшихъ появленіе холеры въ Петербургѣ въ 1831 году.

447. Графу П. А. Толстому государь писалъ 29-го іюня (10-го іюля) 1831 года:

«Здѣсь появилась холера, и уже около 2.000 ею заболѣло, и половина померла. Были безпокойства и буйства, но съ помощію Божіею прекращены безъ оружія; но гибель это большая!»

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 645.

448. И. Р. фонъ-дербъ-Ховенъ: Холера въ С.-Петербургѣ въ 1831 году. «Русская Старина» 1884 года. Т. 44-й. Стр. 395.

449. Когда начался бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ, графъ Аракчеевъ, опасаясь за свою безопасность, посѣщилъ удалиться изъ Грузина въ Новгородъ. Но здѣсь графа ожидало новое, не менѣ чувствительное огорченіе; мѣстное начальство не только не озаботилось принять мѣры къ его успокоенію, но поступками своими даже побуждало его къ выѣзду въ Тверскую губернію. Тогда Аракчеевъ обратился къ императору Николаю съ письменною жалобою.

По поводу этого письма государь написалъ графу Чернышеву нижеслѣдующія строки:

«Изъ прилагаемаго письма графа Аракчеева увидите, сколь неприлично поступаютъ съ генераломъ, въ службѣ считающимся. Напишите предписаніе г. Люце и г. губернатору, что на личную ихъ отвѣтственность возлагаю блюсти за безопасностью графа Аракчеева во время его пребыванія въ Новгородѣ; что ихъ дѣло охранять отъ обидъ каждаго, подавно же тѣхъ, коихъ удастанваю носить мой военный мундиръ. Г. Люце, какъ временному коменданту, поставитъ слѣдующихъ по уставу часовыхъ къ дому графа Аракчеева и принять всѣ мѣры, еслибъ, чему не вѣрю, была точная опасность, чтобъ съ нимъ ничего не приключилось. Напишите въ сильныхъ и положительныхъ выраженіяхъ».

Вслѣдствіе высочайшей воли, выраженной въ приведенной нами резолюціи, графъ Чернышевъ обратился изъ Царскаго Села 1-го (13-го) августа 1831 года къ новгородскому коменданту, генераль-майору Люце, съ слѣдующимъ отношеніемъ:

«До высочайшаго свѣдѣнія дошло, что г. генераль отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ, по случаю разнесшихся слуховъ объ угрожающей будто бы ему опасности отъ буйства военныхъ поселянъ, пріѣхалъ изъ имѣнія своего Грузина въ Новгородъ, полагая быть тамъ безопаснѣе; но что вопреки сего ожиданія мѣстное начальство не только не озаботилось принять зависящія мѣры къ его успокоенію, но напротивъ того совершенно несоотвѣтственными ни званію, ни лѣтамъ его, своими поступками показало рѣшительную склонность побудить его къ выѣзду въ Тверскую губернію.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

«Въ чувствахъ негодованія на столь неприличное отношеніе къ полному генералу. состоящему на службѣ его величества, государь императоръ высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ немедленно предписать вашему превосходительству, что его величество изволить возлагать на личную вашу и г. новгородскаго гражданскаго губернатора отвѣтственность имѣть за безопасностію графа Аракчеева, во все пребываніе его въ Новгородѣ, самое дѣятельнѣйшее попеченіе, поставя притомъ на видъ вамъ, что ежели вы по настоящему своему званію и г. губернаторъ облечены непремѣнно обязанности ограждать отъ обидъ всѣхъ и cadaго, то кольми паче были обязаны обратить сугубое вниманіе ваше къ особѣ генерала высшей степени, и что сверхъ того въ особенности ваше превосходительство, какъ временный комендантъ города, имѣли долгомъ своимъ поставить къ дому генерала графа Аракчеева слѣдующихъ по уставу часовыхъ, и вообще употребить къ охраненію его всѣ способы, ежели бы ему дѣйствительно могла угрожать какая либо опасность, что, однако же, государь императоръ изволить полагать совершенно невѣроятнымъ.

«Такую высочайшую волю объявляя вашему превосходительству къ точному и непремѣнному исполненію, долгомъ считаю присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ предписано уже объ оной и г. новгородскому гражданскому губернатору».

450. Подверглись наказанію:

Розгами 150 человекъ.

Шпиль-рутенами 1.599 человекъ.

Кнутомъ 88 человекъ.

Исправительно 773 человека.

Послѣ тѣлеснаго наказанія и во время такового умерло 129 мятежниковъ.

451. Въ письмѣ къ графу П. А. Толстому императоръ Николай 28-го іюля (9-го августа) пишетъ: «Богъ меня награди́лъ за поѣздку мою въ Новгородъ, ибо, спустя нѣсколько часовъ послѣ моего возвращенія, Богъ даровалъ женѣ счастливое разрѣшеніе отъ бремени сыномъ Николаемъ».

Въ тотъ же день государь писалъ по тому же поводу графу Паскевичу:

«Богъ благослови́лъ жену мою, давъ ей вчера счастливое разрѣшеніе отъ бремени сыномъ Николаемъ. Наша радость велика, и нельзя отъ глубины души не признавать милость Божию, что среди всѣхъ несчастій и скорбей поддержалъ здоровье жены моей столь удивительнымъ образомъ».

452. См. въ приложеніяхъ письмо императора Николая къ князю Варшавскому отъ 4-го (16-го) и 5-го (17-го) сентября 1831 года. Приложенная къ письму собственноручная записка государя не напечатана въ сочиненіи князя Щербатова.

453. 6-го (18-го) октября 1831 года послѣдовалъ указъ правительствующему сенату:

«Члена государственнаго совѣта и сенатора тайнаго совѣтника князя Чарторижскаго, нарушившаго присягу вѣрности и съ упорствомъ участвовавшего во всѣхъ преступныхъ предпріятіяхъ польскихъ мятежниковъ, до самаго окончательнаго ихъ усмиренія и покоренія оружіемъ нашимъ всего края, признавая недостойнымъ присутствовать въ государственномъ совѣтѣ и правительствующемъ сенатѣ, повелѣваемъ изъ списковъ службы исключить».

454. Изъ письма князя Варшавскаго императору Николаю отъ 19-го (31-го) октября 1831 года.

455. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 24-го октября (5-го ноября) 1831 года.

456. См. въ приложеніяхъ манифестъ императора Николая отъ 6-го (18-го) октября 1831 года.

Одновременно съ манифестомъ императоръ Николай отдалъ еще приказъ по арміи, который также помѣщенъ нами въ приложеніяхъ.

457. Достопамятныя черты изъ жизни генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго и храбрыхъ его сподвижниковъ. Москва. 1833. Стр. 193 — 201.

458. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 24-го сентября (6-го октября) 1831 года изъ Царскаго Села.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

459. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 18-го (30-го) октября 1831 года изъ Москвы.

460. «Avant de vous écrire ces lignes je me suis prosterné devant la Divinité. Je L'ai priée de purifier mon cœur de toute faiblesse et mon esprit de toute prévention. Je L'ai supplié de me sanctifier pour vous donner des conseils. Honorez, sire, cette prière d'un vieillard désintéressé qui ne voit que vous, votre véritable intérêt, votre gloire. J'ai sondé mon cœur, j'ai calculé le présent et l'avenir et mon âme entière vous crie: clémence! clémence! Confisquer le bien des reelles, c'est s'enrichir d'une manière odieuse. Vouloir venger le sang russe qui a coulé, c'est une erreur. On ne ressuscite pas les morts par le supplice des vivants. La vengeance est de la passion. Pardonner, c'est fraterniser les hommes, c'est prévenir la vengeance dans un moment critique. Et qui vous répondra, sire! que le moment critique ne viendra pas pour vous? ou pour votre fils chéri? N'avez vous pas, sire, quelque péché à expier. Eh bien! la clémence envers la Pologne les expiera tous».

Изъ письма Партота къ императору Николаю отъ 2-го (14-го) марта 1831 года.

461. «Que devient Pétersbourg après la prise de Varsovie? Au nom de Dieu, s'il y en a un, et de l'humanité, s'il y en a une, propagez des sentiments de pardon, de générosité, de commisération. Paix aux victimes! Le droit du plus fort a eu le dessus. La Providence est donc en règle; gloire lui soit rendue, ainsi qu'à tous à qui de droit; mais n'imitons pas les sauvages, qui dansent autour des buchers de leurs ennemis. Redevenons européens».

Изъ письма князя П. А. Вяземскаго къ Елисаветѣ Михайловнѣ Хитровой, отъ 7-го (19-го) октября 1831 года изъ Москвы. «Русскій Архивъ», 1896 года. Книга 2-я. Стр. 111.

462. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 18-го (30-го) октября 1831 года изъ Москвы.

Фельдмаршалъ отвѣчалъ 27-го октября 1831 года:

«Восторгъ жителей Москвы меня не удивляетъ; это восторгъ благороднаго народа, который чувствуетъ, чѣмъ онъ обязанъ своему царю».

463. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ забылъ упомянуть, что въ качествѣ трофеевъ также присланы были въ Москву тронъ королевскій и дворцовый флагъ. Всѣ эти знаки прежняго существованія Польши, какъ самостоятельнаго королевства, сданы были, подобно знаменамъ и штандартамъ, на храненіе въ оружейную палату.

464. Къ этимъ словамъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ прибавляетъ, что императоръ Александръ въ послѣдній годъ царствованія оплакивалъ дарованную имъ царству Польскому конституцію, «какъ актъ великодушія, столь же предосудительный для политической будущности царства, сколько оскорбительный для самолюбія Русской имперіи». Здѣсь, кажется, Бенкендорфъ приписываетъ собственныя свои мысли и разсужденія императору Александру; едва ли мы имѣемъ достаточное основаніе утверждать, что творецъ соглашенія 1815 года съ Польшею измѣнилъ своимъ кореннымъ убѣжденіямъ по поводу этого вопроса и оплакивалъ принятое имъ рѣшеніе? Напротивъ того, существуютъ несомнѣнныя доказательства, что императоръ Александръ помышлялъ даже объ увѣнчаніи водруженнаго имъ политическаго зданія новыми мѣропріятіями въ прежнемъ духѣ. Поэтому нельзя приписать императору Александру мыслей и чувствъ, вызванныхъ въ думѣ его преемника неумолимымъ ходомъ позднѣйшихъ событій.

465. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 15-го (27-го) октября 1831 года изъ Москвы.

466. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 24-го октября (5-го ноября) 1831 года изъ Москвы.

467. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 3-го (15-го) ноября 1831 года изъ Москвы.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ императора Николая къ князю Варшавскому отъ 14-го (26-го) декабря 1831 года изъ Петербурга гнѣвное настроеніе государя выразилось еще болѣе рѣзкимъ образомъ. Упоминая о безпорядкахъ, происшедшихъ въ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Данцигъ, Николай Павловичъ пишетъ: «Поляки въ Данцигъ до того начудили, что самихъ французовъ испугали; очень здорово и здорово и пруссакамъ за всѣ ихъ комплименты съ этими мерзавцами».

468. Въ такихъ же мало сочувственныхъ выраженіяхъ императоръ Николай отозвался въ своей перепискѣ съ княземъ Варшавскимъ и о князѣ П. А. Вяземскомъ и А. И. Тургеневѣ: «Довольно странно, что всѣ извѣстные говоруны, какъ-то князь Вяземскій и А. Тургеневъ, зашаркались, и первый усердно служить».

Изъ письма императора Николая князю Варшавскому отъ 8-го (15-го) ноября 1831 года изъ Москвы.

Камергеръ, коллежскій совѣтникъ князь П. А. Вяземскій, въ то время занималъ мѣсто чиновника по особымъ порученіямъ въ министерствѣ финансовъ; въ 1831 году онъ былъ командированъ въ Москву членомъ комиссіи по устройству выставки российскихъ произведеній и промышленности въ большомъ кремлевскомъ дворцѣ.

469. Денисъ Давыдовъ пишетъ, что Ермоловъ, будучи позванъ къ императорскому столу, едва не навлекъ гнѣва государя принятіемъ участія въ нѣкоторыхъ польскихъ генералахъ, которые, какъ онъ выразился, поступили, какъ благородные граждане. Государя, начавшаго возвышать голосъ и намекать на то, что эти любезные ему граждане будутъ сосланы въ Сибирь, Ермоловъ успокоилъ лишь словами: «никто ихъ, конечно, не убѣдитъ, что милосердіе государя никогда не обратится на нихъ».

470. А. П. Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи, собранные М. Погодинымъ. Москва. 1834.

471. Когда Ермоловъ находился уже въ Петербургѣ, ему было сдѣлано странное предложеніе. Графъ Чернышевъ спросилъ Алексѣя Петровича, согласился ли бы онъ принять на себя званіе предсѣдателя въ главномъ аудиторіатѣ. Ермоловъ отклонилъ сдѣланное ему лестное предложеніе, сказавъ: «Единственнымъ утѣшеніемъ была для меня всегда привязанность ко мнѣ войска, и я не хочу потерять ее. Готовъ принять всякую должность, какую государю угодно возложить на меня, но только не могу быть наказателемъ». Такъ пишетъ М. П. Погодинъ.

Денисъ Давыдовъ формулируетъ отказъ Ермолова почти въ тѣхъ же выраженіяхъ: «Единственнымъ для меня утѣшеніемъ была привязанность войска; я не приму этой должности, которая бы возлагала на меня обязанности наказывать». Государь замѣтилъ на это: «Ермоловъ не такъ это понимаетъ».

472. Государственная уставная грамота напечатана въ приложеніяхъ къ 4-му тому сочиненія: «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе».

Въ предисловіи Городискій объясняетъ слѣдующимъ образомъ причину появленія въ печати государственной уставной грамоты:

«Nous laissons à la nation russe le soin d'apprécier les motifs pour lesquels une idée aussi grande, une oeuvre aussi importante est tombée dans l'oubli. Les polonais désirent ardemment, que cette découverte fortuite rappelle au gouvernement russe, qu'il serait temps enfin, que la nation dont il se fait obéir et qui attend depuis si longtemps l'amélioration de son existence politique, que cette nation composée de tant de millions d'êtres opprimés par le despotisme, commence enfin à goûter les fruits d'une monarchie constitutionnelle. Les polonais s'estimeront heureux, si en portant ce projet à la connaissance du public ils se trouvent avoir rendu service à ce grand peuple».

473. Архивъ канцеляріи военнаго министерства.

474. Въ томъ же письмѣ отъ 20-го ноября (2-го декабря) 1831 года къ князю Варшавскому императоръ Николай пишетъ: «Я ѣду въ среду съ тѣмъ, чтобы быть на похоронахъ. Въ Петербургѣ будемъ съ женой въ субботу 28-го числа; признаюсь, съ сожалѣніемъ оставляю Москву».

475. Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ приводитъ слѣдующую записку, полученную имъ 4-го (16-го) іюля 1831 года отъ графа Кочубя изъ Царскаго Села, подтверждающую повсемѣстный ропотъ, вызванный мѣропріятіями графа Закревскаго: «Изъ докладной записки г. министра внутреннихъ дѣлъ вы увидите, что онъ наконецъ и самъ почувствовалъ все неудобство мѣръ, прежде имъ къ охраненію отъ холеры

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

предписанныхъ. Страшно подумать, что по одному московскому тракту скопилось въ карантинахъ до 12.000 душъ. Нѣтъ добрѣе и смирнѣе нашего народа!»

Впрочемъ неудовольствіе, высказанное императоромъ Николаемъ противъ графа Закревскаго, началось ранѣе 1831 года. Приведемъ здѣсь примѣръ, относящійся къ 1828 году. Во время пребыванія государя въ арміи въ Турціи главнокомандующій въ Петербургѣ графъ П. А. Толстой представилъ графу Дибичу отзывъ Закревскаго, въ которомъ сообщалось, что министръ внутреннихъ дѣлъ не принимаетъ сношеній съ нимъ помощника начальника штаба по военнымъ поселеніямъ, а требуетъ, чтобы въ этомъ случаѣ былъ соблюдаемъ порядокъ, начертанный въ общемъ учрежденіи министерствъ; относительно сношеній министровъ съ одними только главноначальствующими лицами, а не съ подчиненными ихъ.

20-го августа (1-го сентября) 1828 года послѣдовала въ Одессѣ нижеслѣдующая собственноручная резолюція императора Николая:

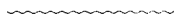
«Поручить графу Толстому, призвавъ генераль-адъютанта Закревскаго къ себѣ, объявить ему, что я съ удивленіемъ и съ крайнемъ неудовольствіемъ узналъ странную прихоть его, и что я подтверждаю и впредь не отступать отъ данныхъ главному штабу правилъ».

Слово «прихоть» было три раза подчеркнуто государемъ.

476. 29-го ноября (11-го декабря) 1831 года князь Варшавскій писалъ императору Николаю: «Здѣсь вездѣ утихло и успокоилось; въ провинціяхъ гораздо лучше приняли манифестъ вашего императорскаго величества. Варшава издавна была гнѣздо революціонистовъ; надобны годы на ихъ исправленіе. Въ провинціяхъ же даже въ продолженіе самой войны, гдѣ жители въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все имущество потеряли, не находилъ я того ожесточенія, каковое встрѣчалось въ другихъ войнахъ и противъ другихъ народовъ. Я думаю, что если уменьшится власть помѣщиковъ надъ крестьянами, такъ какъ я буду имѣть счастье представить проектъ, то Польша можетъ со временемъ быть если не привержена, то, по крайней мѣрѣ, во время войны съ другими націями неопасна.

477. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 26-го декабря 1831 года (7-го января 1832 года).

478. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. T. 4. S. 158.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I.

Два письма графа Аракчеева императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

1.

Ваше императорское величество!

Всемилоствѣйшая государыня императрица Марія Ѳеодоровна!

По крайне разстроенному моему здоровью, послѣдую совѣту врачей, я долженъ былъ просить всемилоствѣйшаго государя императора объ увольненіи меня за границу къ водамъ Карлсбадскимъ.

Его величество, всемилоствѣйше снисходя на просьбу мою, изволилъ облагодѣтельствовать меня пожалованіемъ 50.000 рублей на дорожныя мои издержки.

Всемилоствѣйшая государыня! Я не имѣлъ еще ни времени, ни случая заслужить сіе монаршее благодѣяніе. Оно есть награда за службу мою въ Бозѣ почившему государю императору Александру Павловичу, моему отцу и благодѣтелю.

Обезпечивъ уже издержки предпринимаемаго мною пути продажей бывшаго у меня столоваго серебра и фарфора, я нашелся въ способахъ свободно расположить всемилоствѣйше пожалованною мнѣ суммою.

Я предназначилъ сію сумму на доброе христіанское дѣло, и не могу лучше употребить оной, какъ на прославленіе великаго имени и благоговѣйное почитаніе памяти того, кто и за гробомъ, чрезъ августѣйшаго брата, благодѣтельствуетъ слугѣ его вѣрному — императора Александра Благословеннаго.

Всемилоствѣйшая государыня! Удостоите, съ свойственною вамъ милостію и благоволеніемъ, взять всеподданнѣйшему прошенію, которымъ державу утруждать ваше императорское величество. Оно заключается въ слѣдующемъ:

1. Приказать принять отъ меня въ ломбардъ наличныхъ денегъ пятьдесятъ тысячъ рублей для составленія вѣчнаго капитала, въ принадлежность императорскаго военно-сиротскаго дома, первому отдѣленію дѣвичьяго училища.

2. Ежегодные проценты съ сей суммы, двѣ тысячи пятьсотъ рублей, употреблять на воспитаніе пяти дѣвицъ, сверхъ положеннаго въ семъ заведеніи штатнаго числа.

3. Назначать на сію сумму преимущественно тѣхъ дѣвицъ, коихъ отцы служатъ въ военномъ поселеніи новгородскаго отряда; когда же ихъ не будетъ, то назначать дочерей дворянъ Новгородской губерніи.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

4. Дѣвицамъ сямъ именоватьсѣ пансіонерками императора Александра Благословеннаго.

Милостивое вашего императорскаго величества благоснисхожденіе на сіе всеподданнѣйшее прошеніе мое, хотя нѣсколько уладить разлукѣ мою съ милымъ отечествомъ и огорченія, глубоко напечатлѣнныя въ моемъ сердцѣ кончиною обожаемаго мною государя, отца и благодѣтеля. Праведная душа Александра Благословеннаго, по благочестивой здѣсь жизни, навѣрное предстоитъ нынѣ тамъ, на небеси, у престола славы Божіей. Она подкрѣпляетъ всегдашнія молитвы наши ко Всевышнему о продолженіи здравія и спокойствія вашего императорскаго величества, только драгоцѣнныхъ для отечества, только нужныхъ для удовольствія и облегченія государственнаго бремени царствующаго императора.

Вашего императорскаго величества до конца моей жизни

вѣрноподанный

генераль графъ Аракчеевъ.

Апрѣля 17-го дня
1826 года.

2.

Ваше императорское величество,

всемиловитѣйшая государыня

императрица Марія Феодоровна.

Приношу вашему императорскому величеству всеподданнѣйшую благодарность мою за милостивый рескриптъ, мною полученный, который навсегда пребудетъ вѣчнымъ памятникомъ благоволенія вашего императорскаго величества ко мнѣ.

Всеподданнѣйше доношу вашему императорскому величеству, что капиталъ 50.000 рублей мною въ сохранную казну внесенъ, и билетъ на оный препровождень къ генераль-майору Арсеньеву; но желаю вмѣстѣ съ симъ, дабы бѣдныя дѣвицы въ семь же году еще воспользовались дарованною мнѣ отъ государей императоровъ милостію. Я при билетѣ препровожу къ генераль-майору Арсеньеву и денегъ 2.500 рублей, то-есть годовые проценты съ вышеписанной суммы на сей годъ, испрашивая вашего императорскаго величества всемиловитѣйшаго соизволенія, дабы оныя деньги нынѣ же употреблены были на воспитаніе тѣхъ дѣвицъ, кои будутъ вашимъ императорскимъ величествомъ назначены.

Гдѣ бы я ни находился, то вездѣ буду, до конца моей жизни, вашего императорскаго величества

вѣрноподанный слуга

графъ Аракчеевъ.

С.-Петербургъ,
3-го мая
1826 года.

II.

Приказъ графа Аракчеева и критическій его разборъ, сдѣланный
неизвѣстнымъ лицомъ.

Приказъ.

По отдѣльному корпусу военныхъ поселеній.

С.-Петербургъ, мая 1-го дня, 1826 года.

№ 153.

1) Господа генералы и офицеры войскъ поселенныхъ! къ удовольствію моему многіе изъ васъ, почтенные мои сотоварищи, находятся въ сихъ войскахъ съ самага открытія военныхъ поселеній; я не могу имѣть справедливейшихъ цѣнителей трудовъ по сей части, какъ васъ, достойные мои сотрудники, и особенно васъ, г.г. генералы и командиры поселенныхъ полковъ 1-й гренадерской дивизіи, принимавшихъ дѣятельное участіе въ образованіи округовъ, отъ первоначальнаго плана до настоящаго ихъ положенія.

Возраженіе.

По пунктамъ сего приказа.

1) Всѣ г.г. генералы и офицеры поступили въ его команду поневолѣ, а оставались донынѣ еще болѣе по сей же причинѣ, ибо жестокіе примѣры съ тѣми, кои осмѣливались просить увольненія отсюда, удерживали ихъ въ политической ссылкѣ. А какое множество достойнѣйшихъ чиновниковъ, которые, предвидя, что части войскъ, ими командуемая, должны вскорѣ поступить въ его же команду, рѣшились вовсе оставить службу, чтобы только избавиться сего несчастія, чрезъ что государь императоръ и отечество лишились усердныхъ и вѣрныхъ слугъ, и особливо, когда графъ Аракчеевъ, не удовольствуясь тиранствомъ своимъ, съ тѣми, кои желали избавиться поселенія, не исключая и раненыхъ, въ вѣщающее поощреніе противъ дворянской грамоты, успѣлъ выпросить высочайшій приказъ, чтобы всѣхъ тѣхъ, кои выйдутъ изъ поселенія въ отставку, никуда не опредѣлять. Можно ли же было послѣ сего кому либо оставить поселеніе? Обращаясь со всѣми варварски, теперь называется почтенными сотоварищами и достойными сотрудниками, исключая, однако же, прочія поселенія, которыя вѣрно не меньше трудились 1-й гренадерской дивизіи. Повидимому, надѣется больше успѣть въ своей лести.

Бѣсъ преданъ лести!

Дивизъ, милымъ отечествомъ, какъ онъ называетъ, давно справедливо данный ему.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

2) Сіе новое никогда нигдѣ на принятыхъ основаніяхъ небывалое великое государственное предпріятіе, справедливо обратившее на себя вниманіе цѣлой Европы, обязано своимъ началомъ и существованіемъ величайшему изъ царей, въ Божѣ почившему государю императору Александру Благословенному. Въ его всеобъемлющемъ умѣ родилась счастливая мысль о военныхъ поселеніяхъ; его мудрыми соображеніями получила свою зрѣлость, и ему только одному въ началѣ извѣстны были тѣ основанія, на какихъ надлежало сію великую мысль произвести въ дѣйствіе.

3) Мнѣ первому и единому, мнѣ она была открыта. Удостоенный довѣренности его величества, я одинъ имѣлъ счастье принимать его приказанія, руководствоваться его наставленіями.

2) Правда—какъ то, что новое, никогда, нигдѣ небывалое предпріятіе, такъ и то, что обратило вниманіе всей Европы, но для чего онъ не приложилъ многихъ письменныхъ иностранныхъ сужденій? Извѣстно, что оныя совершенно противны мнѣнію Аракчеева и ясно доказываютъ, что предпріятіе сіе несравненно больше приноситъ государству вреда, чѣмъ пользы. Кажется, мысль сія родилась въ Аракчеевѣ единственно для прославленія своего имени и чтобы, окруживъ Грузино свое войскомъ, могъ удобнѣе тиранствовать надъ своими крестьянами и удовлетворять непомѣрному своему честолюбію.

3) Подтверждаетъ сказанное въ концѣ 2-го пункта возраженія: ибо великое государственное предпріятіе должно быть открыто всему государству, а не единому Аракчееву. По распространившемуся отъ него слуху, якобы цѣль сія клонится къ тому, что поселеніе само собою продовольствуется: до сихъ поръ не только что поселенія довольствуются отъ казны, но навѣрное можно положить третью часть дорожекъ противу всѣхъ войскъ. Стоитъ только исчислить отпуски суммъ какъ на продовольствіе, такъ на заведеніе вновь магазиновъ и на постройки по смѣтамъ, имъ же представляемымъ, и разсмотрѣть расходы,—тогда откроется настоящая экономія, имъ сдѣланная, которая состоитъ въ разореніи государства не только деньгами, но и людьми. Изъ ста баталіоновъ знаменитой арміи, поступившихъ въ его команду, едва ли третья часть осталась въ живыхъ, а прочіе всѣ въ гробѣ въ землѣ лежатъ отъ египетской работы и чистоты и украшенія его Грузина, облитая кровью человѣческою. Якобы рекрутскихъ наборовъ не будетъ, а вмѣсто того 14 лучшихъ въ государствѣ губерній, составляющихъ половину рекрутскаго набора, комплектуютъ, но на баталіяхъ за

4) Приводя въ исполненіе священную волю его величества, я самъ былъ новъ въ семъ важномъ дѣлѣ и долженъ былъ съ людьми совершенно новыми въ одно и то же время учить, учиться, объяснять, растолковывать каждому благую, но еще никому тогда неизвѣстную цѣль военныхъ поселеній и защищать устройство оныхъ противъ несправедливыхъ разглашеній, устрашившихъ не только нижнихъ чиновъ, но, можетъ быть, нѣкоторыхъ и пзъ васъ самихъ.

5) Сего же довольно, чтобы истощить силы чловѣка въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ и со слабымъ моимъ здоровьемъ, но вы были свидѣтелями, какихъ трудовъ мнѣ стоилъ выборъ для военныхъ селеній мѣстъ, которыя бы по своему положенію соединяли въ себѣ всѣ удобства для жительства предполагаемаго числа людей и достаточно обезпечивали будущее ихъ положеніе. Вы часто видѣли меня, съ сею цѣлію ѣдущаго въ телѣгѣ и верхомъ, видѣли пробирающагося пѣшкомъ помѣстамъ, до того непроходимымъ, и въ грязи и въ лѣсахъ назначающаго сіп самыя столь хорошо съ Божіею помощью обработанныя нынѣ поля и за-

отечество убитыхъ и отъ ранъ умершихъ, но погибшихъ отъ варварскихъ работъ Аракчеева.

4) Какое противорѣчіе безумное! быть нову въ важномъ дѣлѣ, дѣйствовать съ людьми совершенно новыми, учить, учиться, объяснять, растолковывать благую цѣль военныхъ поселеній (и донинѣ только ему извѣстную),—какихъ же должно ожидать послѣдствій отъ такой школы, когда и учитель сознается въ незнаніи,—доказываютъ издержанныя чрезвычайныя суммы и ужасная потеря людей! Какія же и кому Аракчеевъ давалъ баталін, защищая устройство поселеній отъ несправедливыхъ, по его мнѣнію и словамъ, разглашеній? Кажется, для него сія защита не только ни трудна, ни изнурительна не была, но напротивъ доставляла пищу кровожадной душѣ его. Если только кто осмѣлился, по истинной преданности своей государю императору и отечеству, проговорить о частицѣ неистовыхъ дѣяній Аракчеева и могущемъ отъ того быть общемъ несчастіи, то стоило только Аракчееву пожаловаться на помѣшательство въ его злодѣяніяхъ, тотъ навѣрное былъ жертвою его злобы и мщенія.

5) Что, защищаясь отъ несправедливыхъ, по его мнѣнію, заглашеній, онъ нисколько не могъ изнуриться, о томъ ясно сказано въ предыдущемъ пунктѣ, а развѣ отъ трудовъ, которые онъ ко всеобщему посмѣянію честолюбія его выставилъ выше дѣяній—графа Румянцова, князя Суворова, князя Барклая де-Толли и имъ подобныхъ. Нѣсколько верстъ проѣхалъ въ телѣгѣ, верхомъ, прошелъ пѣшкомъ,—возможно ли о семъ писать въ приказѣ? И для чего же такіе геройскіе труды? думаютъ дать баталін, рѣшить войну, доставить безсмертную славу и выгоды отечеству, ничего не бывало! назначить мѣсто вреднѣйшему селенію, вы-

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

строенныя мѣста, которыя составляютъ предметъ хвалы прїѣзжающихъ видѣть настоящее положеніе военныхъ поселеній.

6) Постоянство нашихъ трудовъ могло поддерживать единымъ только моимъ усердіемъ и безпредѣльною моею приверженностію къ блаженной памяти государя, отца-благодѣтеля моего, на служеніе которому посвятить я 30-ть лучшихъ лѣтъ моей жизни. Его милостивый взоръ награждалъ меня за всё; его отеческое вниманіе облегчало бремя трудовъ и заботъ моихъ и укрѣпляло слабыя силы мои, но судьбамъ Всевышняго угодно было воззвать отъ насъ къ себѣ сего отца монарха. Внезапная, горестная для всего свѣта кончина его величества поразила мой духъ и сердце и до того разрушила мое здоровье, что я ни днемъ, ни ночью не имѣлъ спокойствія.

строить домики, по наружности блестящіе, а въ самомъ дѣлѣ гробы, стоящіе государству разоренія несмѣтныхъ суммъ, а и того важнѣе истребленія народа, столь нужнаго Россіи. О чемъ умалчиваетъ, какъ и о томъ, чего еще будетъ стоить поддерживать сін строенія и селенія, отъ коихъ въ послѣдствіи времени ожидать должно общей гибели.

6) Возможно ли, чтобы постоянство имъ же описанныхъ въ предшедшемъ пунктѣ трудовъ его, то-есть, что нѣсколько верстъ проѣхать въ телѣгѣ, верхомъ и пѣшкомъ прошелъ,—позволяло ему хвастаться единымъ своимъ усердіемъ и безпредѣльною приверженностію, которая состоитъ въ нижеслѣдующемъ. Когда внезапная и подлинно для всего свѣта горестная кончина его величества поразила духъ и сердца всѣхъ, то тогда одинъ только онъ, Аракчеевъ, выздоровѣлъ отъ приключившейся ему болѣзни чрезъ смерть истиннаго его друга, простой бабы Анастасіи, которой за тиранства ея, въ угодность ему, дворовые его люди, числомъ до 60 человекъ, потерявши терпѣніе, согласились отрубать ей голову. И съ того-то времени, съ 10-го числа сентября 1825 года, пораженъ былъ духъ и сердце Аракчеева; онъ не устыдился цѣлаго свѣта показать свое малодушіе, не остановился огорчить отца и благодѣтеля великаго государя, имѣвшаго несчастье въ отсутствіе свое поручить ему важныя государственныя дѣла; дерзновенно отъ всѣхъ порученій отказался: для чего же? что нечестивой бабѣ достойно отрубили голову. Вотъ тогда-то не имѣлъ онъ подлинно ни днемъ ни ночью покоя, лишившись достойнаго своего друга, сходнаго съ его правилами, сколько отъ горести, столько и отъ страха, чтобы и его подобная Анастасіи участь не постигла. Теперь прилично возразить. Такъ, какъ онъ начи-

наеть въ приказъ своемъ, 5-го пункта сего уже довольно, чтобы доказать, что и весь его приказъ исполненъ такой же наглої лжи, лести, коварства, какъ и сей его пунктъ. Такимъ же точно образомъ и въ то же время на дѣлѣ оказалъ онъ такое же свое усердіе и безпредѣльную преданность блаженнымъ памяти государю императору Павлу I-му, отцу и благодѣтелю своему, подѣ бюстомъ въ церкви высочайшей особы сдѣлавъ девизъ: «Сердце и духъ правъ предъ тобою». Приготовя себѣ могилу и гробъ, удостоилъ положить туда же бабу Анастасію, любезнаго своего друга, какой чести удостоилъ царскую фамилію; и вотъ какъ онъ всѣмъ безъ лести преданъ.

7) По совѣту врачей мнѣ осталось одно средство: испытать Карлебадскія воды.

7) Лучше бы ему послушаться сдѣланной ему умной епитафін: милымъ отечествомъ, какъ онъ называетъ, подѣ камнемъ симъ покоится прахъ непогребенной Анастасіи: пора, нечестивецъ, и тебѣ туда же отправляться для блага Россіи.

8) Съ душевнымъ прискорбіемъ я долженъ былъ просить всемилостивѣйшаго государя императора Николая Павловича объ увольненіи меня за границу для пользованія минеральными водами.

8) Такой же отвѣтъ, какой на 7-й пунктъ сдѣланъ.

9) Его величество, всемилостивѣйше снисходя на мою просьбу, изволилъ пожаловать мнѣ увольненіе высочайшимъ рескриптомъ, въ 30 день апрѣля на имя мое послѣдовавшимъ и при семъ въ копіи прилагаемымъ, повелѣвая управленіе отдѣльнымъ корпусомъ военныхъ поселеній на время отсутствія моего оставить по общимъ правиламъ въ вѣдѣніи начальника штаба военныхъ поселеній.

9) Въ высочайшемъ рескриптѣ при увольненіи его хотя сказано поручить по общимъ правиламъ въ вѣдѣніе начальника штаба военныхъ поселеній, но, прилагая уже при приказѣ своемъ копію высочайшаго рескрипта, казалось, не нужно было выписывать изъ онаго ничего, или уже весь повторить, но онъ слова въ концѣ высочайшаго рескрипта: въ важныхъ случаяхъ относиться къ начальнику главнаго штаба его величества, исключилъ. Какая примѣрная дерзость! единственно, чтобъ показать свое величіе и возвеличить Клейнмихеля, котораго отецъ началъ свою службу гусаромъ, стоя за каретою.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

10) Всемилостивѣйшій государь императоръ при увольненіи меня высочайше изволилъ прислать мнѣ на собственные мои расходы 50 тысячъ рублей. Принимая сію царскую награду милостивымъ ко мнѣ его благоволеніемъ, я долгомъ моимъ считаю о сей высочайшей милости объявить по корпусу военныхъ поселенныхъ войскъ, прилагаемая же при семъ копія со всеподданнѣйшаго моего просительнаго письма къ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ покажетъ моимъ сослуживцамъ сдѣланное мною оной суммѣ употребленіе.

11) Оставляя такимъ образомъ васъ, почтенные мои со товарищи, я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ принести вамъ истинную и совершенную мою благодарность за тѣ опыты вашего усердія къ

10) Безстыдный, безсовѣстный льстецъ, имѣя пребольшое состояніе, безъ заслугъ, по единой величій щедротѣ блаженныя памяти государя императора Павла I-го, не имѣя покоя въ семъ знаменитомъ имѣніи отъ угрызенія совѣсти, что за отрѣзаніе головы бабы Анастасіи онъ пролилъ кровь болѣе 40 человекъ, изъ коихъ иные подъ кнутомъ лишились жизни, а прочіе, варварски пересѣченные, сосланы въ Сибирь. Не устыдился послать въ кабинетъ его величества табакерки съ портретами въ Божѣ почившаго государя императора Александра, общаго и своего особаго отца и благодѣтеля, на продажу, дабы могъ на сію сумму сдѣлать вояжъ въ чужіе края, гдѣ его такъ же любятъ, какъ и въ называемомъ имъ миломъ отечествѣ. По всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ нынѣ царствующему государю императору, его величество высочайше повелѣтъ изволилъ выдать ему на сей вояжъ 50 тысячъ рублей. А онъ, Аракчеевъ, долгомъ поставилъ по своимъ единственнымъ чувствамъ похвастаться поселенію о сей милости, утаивъ, однако же, въ приказѣ продажѣ портретовъ, а также и въ письмѣ своемъ ея императорскому величеству умолчавъ объ оной; говоритъ, что, обезпечивъ уже издержки предпринимаемаго пути продажей бывшаго у него столоваго серебра и фарфора, предназначаетъ 50 тысячъ рублей на доброе христіанское дѣло. Не есть ли это лесть, подлость и глупость совершенная? и могутъ ли служить намятникомъ величайшему изъ государей 5 пансіонеровъ Аракчеевскихъ, когда всѣ чрезвычайныя благодѣтельныя училища и заведенія обязаны существованіемъ великому монарху?

11) Подлинно особеннымъ Божескимъ благоволеніемъ спасена Россія, что ни одинъ изъ гнусныхъ заговорщиковъ не рѣшился адресоваться въ поселеніе, по всеобщему тамошнему огорченію и раз-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

службѣ, которые оказывали вы во все время бытія подъ моимъ начальствомъ. Ваша вѣрность обязанностямъ вашего званія имѣть уже лестную награду: она ознаменована особеннымъ Божескимъ благоволеніемъ ко всѣмъ войскамъ поселеннымъ, ибо ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ не причастенъ извѣстному гнусному заговору, объявленному отъ правительства во всенародное извѣстіе. Сидѣла бы честь корпусу военныхъ поселеній и, конечно, будетъ отличительною чертою въ исторіи государства Россійскаго.

12) Теперь къ вамъ обращаюсь, добрые солдаты войскъ поселенныхъ. Я васъ благодарю за ту довѣренность, которую вы ко мнѣ имѣли съ самаго начала вашего поселенія. Вы мнѣ повѣрили, что поселеніе ваше будетъ источникомъ вашего благополучія, и видите на дѣлѣ событіе сей истины. Служа царю, вы наслаждаетесь всѣми удовольствіями жизни семейной: вы не разлучны съ своими женами и дѣтьми, съ своими родными, пріятелями, друзьями, вы не обязаны уже разлучаться съ ними и переходить на квартиры изъ одной страны въ другую. Благодарю васъ также за усердіе ваше при всѣхъ бывшихъ смотрахъ въ Бозѣ почивнаго государя: осматривая васъ, онъ, какъ отецъ, входилъ въ ваше положеніе. Особенно же благодарю васъ, солдаты 1-й Гренадерской дивизіи и всего Новгородскаго отряда. Удостоиваясь ежегодно счастья быть представленными сему отцу монарху, вы доставляли своимъ устройствомъ истинное ему удовольствіе, и время высочайшаго его величества смотра было всегда временемъ вашего торжества, временемъ особеннаго къ вамъ благоволенія, что всякому извѣстно изъ печатныхъ моихъ приказовъ. Награды, кои отъ него вы ежегодно получали, и которые составляютъ значительную не-

драженію; сомнительно, чтобы такъ и скоро и благополучно уничтоженъ былъ злодѣйскій умыселъ. О томъ же, что настоящая причина сего гнуснаго заговора есть варварскія дѣянія Аракчеева, какъ и о томъ, что во время общей присяги всѣ начальники находились при своихъ мѣстахъ и сами читали присягу своимъ подчиненнымъ, а онъ съ Клейнмихелемъ въ то время находился въ Петербургѣ, повидимому, опасаясь участіи Анастасіи, вовсе умалчиваетъ.

12) Можетъ ли тотъ имѣть понятіе о добромъ солдатѣ, который въ жизнь свою нигдѣ противъ непріятеля не бывалъ? находясь во всю войну, при безсмертномъ своимъ дѣяніями государѣ императорѣ, не щадившемъ жизни своей для пользы и славы своихъ подданныхъ, безъ стыда признался и ни въ одномъ сраженіи не былъ. Теперь благодарить добрыхъ солдатъ за довѣренность къ нему, которую, якобы съ начала поселенія, они имѣли. Всей Россіи и даже Европѣ извѣстна сія довѣренность: какъ около Бронницы несчастные крестьяне, бывъ окружены войскомъ, нѣкоторые предпочли голодную смерть, чѣмъ воспользоваться обѣщаемымъ имъ благополучіемъ, многіе застѣнны кнутомъ и сосланы въ Сибирь, — подобное совершалось въ Чугуевѣ. И онъ безъ стыда и совѣсти говоритъ, что солдаты видятъ на дѣлѣ событіе сей истины! Да неудобно ли ему и теперь одному безъ конвоевъ и предосторожностей показаться въ томъ же поселеніи? Они вѣрно докажутъ ему какъ вѣру, такъ и любовь свою къ нему, подобно Анастасіи. Ихъ должно спросить объ упоминаемомъ имъ наслажденіи жизнію семейною! Человѣкъ, который тиранствомъ своимъ заставилъ благороднѣйшихъ чувствъ и поведенія законную жену свою оставить его, и

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

чатную книгу, будутъ вѣчнымъ памятникъ его къ вамъ милостей.

13) Наконецъ прошу васъ, добрые солдаты, молитѣ Бога объ успокоеніи души великаго основателя вашихъ селеній, общаго нашего благодѣтеля и отца, государя Александра, который, по благочестивой, праведной здѣсь жизни, предстоитъ навѣрное тамъ, на небесахъ, у престола славы Божіей, молитъ Его Всемогущество: да сохранитъ насъ отъ всякихъ дурныхъ дѣлъ, и да будемъ мы въ нашемъ служеніи великому его преемнику, государю императору Николаю Павловичу, одушевлены тѣмъ же усердіемъ и вѣрностію, которыя всегда отличали русскія войска.

14) Прошу гг. полковыхъ командировъ, баталіонныхъ и командировъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ сей приказъ прочитать въ каждой ротѣ и въ каждомъ эскадронѣ и раздать военные печатные его экземпляры.

Генералъ графъ Аракчеевъ.

который предпочелъ ей и избралъ себѣ другомъ подлюю Анастасію, можетъ ли говорить солдатамъ о неразлукѣ ихъ съ женами, изъ которыхъ большая часть, по приказу его, насильно соединена. Но одинъ можетъ увѣрять, но никто не повѣритъ, чтобы 1-я Гренадерская дивизія и прочее войско могли вѣчно недвижимо оставаться въ выстроенныхъ имъ гробахъ: при первой войнѣ и они должны попрежнему переходить изъ страны въ другую, и это настоящая участь солдата, которую онъ справедливо гордиться можетъ, чтобы защищать и успокоивать отечество, Аракчеевъ о семъ понятія не имѣетъ.

13) Безъ просьбы Аракчеева, навѣрное, не только все поселеніе, вся Россія, но даже и вся Европа, молятъ Бога объ успокоеніи души государя императора Александра. А ему, Аракчееву, самому весьма нужно прилежаніе и не по-фарисейски молить Бога, чтобы обратилъ его на путь истины и сохранить отъ всякихъ дурныхъ дѣлъ.

14) Вѣроятно, всѣ благомыслящіе напели приказъ сей исполненнымъ наглою лжи, лести, коварства, само и честолюбія. А если прочтутъ возраженіе, то всякій благомыслящій скажетъ, хотя и жестоко, но справедливо.

III.

Собственноручныя резолюціи императора Николая на докладныхъ запискахъ графа Нессельроде, 1826—1832 годовъ.

1.

Note particulière et secrète du grand duc Constantin.

31 Janvier 1826
12 Février

Le propriétaire polonais Morawski, impliqué dans un délit politique préjudiciable aux intérêts de notre gouvernement, réussit à s'évader en Prusse et ayant été réclamé auprès des autorités locales à titre de conscriptible, le président du grand duché de Posen refusa de le livrer, en alléguant que, selon le cartel en vigueur, il fallut que le délit fut spécifié. En conséquence de quoi le grand duc le réclama comme étant impliqué dans une affaire qui intéressait la tranquillité de l'état, mais on lui répondit que Morawski s'était évadé en Angleterre.

Son altesse observant que c'est déjà pour la seconde fois que le gouvernement Prussien favorise l'invasion d'un individu de ce genre, prie l'empereur de déterminer les mesures à prendre, afin de prévenir le retour d'un pareil déni de justice et de réciprocité, que, s'il devait se renouveler, nous placerait, dans une fausse position à l'égard d'une puissance voisine, amie et alliée.

Собственноручная
резолюція императо-
ра Николая.

«Il faut répondre que je crois éviter une fois pour toutes ces sortes de façon de faire des employés prussiens, en m'adressant toujours, ainsi que mon frère, directement au roi, comme je l'ai déjà indiqué au roi».

2.

Графъ Нессельроде императору Николаю.

10-го іюля 1827 года.

Nesselrode, en mettant sous les yeux de l'empereur des dépêches arrivées au chargé d'affaires de France, avec la première nouvelle de la signature du traité ¹, qui a eu lieu à Londres le 6 Juillet n. s., félicite sa majesté sur l'heureux résultat de nos longues négociations qui paraissaient exposés au plus fâcheuses vicissitudes.

Собственноручная
резолюція императо-
ра Николая.

«Que Dieu soit mille fois béni, et espérons que tout sera pour le mieux. Faites part à Capodistrias» ².

¹ Трактатъ этотъ былъ заключенъ между Россією, Францією и Англією, съ цѣлью возстановить миръ и спокойствіе между Турцією и греками.

² Бывшій статсъ-секретарь его величества, въ то время уже избранный въ президенты временнаго греческаго правленія, но проживавшій еще въ С.-Петербургѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

3.

Татищевъ ¹ графу Нессельроде.

$\frac{7}{19}$ августа 1827 года.

Je transmet en copie des instructions que le prince Metternich vient d'adresser au comte Apony² pour le charger d'engager le gouvernement français à démentir formellement les assertions calomnieuses des journaux, relatives au prétendu projet de l'Autriche sur le Piémont, et ajoute que Metternich, attachant une importance particulière à ces publications, qui lui semblent tenir à un vaste plan de faction révolutionnaire, dirigé non pas contre l'Autriche en particulier, mais en général contre les bases, sur lesquelles repose la paix de l'Europe, exprime le désir que sa majesté daigne faire adresser des représentations au ministère français sur la tendance dangereuse de la presse périodique.

Собственноручная
резолүція императора
Николая.

«Nous pouvons le faire, mais il est bon de répéter aux autrichiens ce que nous leur avons dit, je crois, déjà une fois, que nous nous moquons des articles des gazettes — du Beobachter en tête».

4.

Татищевъ графу Нессельроде.

$\frac{2}{31}$ декабря 1827 года.

Il fait part que le 6 (18) Décembre l'empereur d'Autriche a envoyé son grand chambellan pour complimenter notre ambassadeur à l'occasion de la fête de sa majesté et lui porter l'expression des vœux qu'il forme pour la prospérité du règne de son auguste ami et allié.

Собственноручная
резолүція императора
Николая.

«Vous voyez quelle tendresse, il faut bien y répondre».

Сверхъ сего, его величество изволить въ подлинной депешѣ послѣ слова «ami» поставить три знака восклицанія.

5.

Графъ Нессельроде императору Николаю.

29-го сентября 1830 года.

Il soumet à l'empereur des dépêches du comte Gouriew³ qui annoncent que tous les efforts du prince Frédéric des Pays-Bas pour se rendre maître de la ville basse de Bruxel-

Собственноручная
резолүція императора
Николая.

«Je suis navré de ce terrible résultat de nos espérances, j'avoue que la cho-

¹ Русскій посланникъ въ Вѣнѣ.

² Австрійскій посланникъ въ Парижѣ.

³ Нашъ посланникъ при Нидерландскомъ дворѣ.

les sont restés infructueux, et qu' il a même été forcé, après les combats les plus acharnés, à se retirer de la position qu' il occupait dans la ville haute ¹. Les conséquences de ce désastreux événement—ajoute Nesselrode—sont incalculables pour le royaume des Pays-Bas comme pour l'Europe entière, et dans le premier moment, où nous ne faisons que recevoir ces nouvelles, lui, Nesselrode, se trouve dans l'impossibilité de soumettre ses réflexions sur les mesures qu'elles réclament. D'ailleurs il est nécessaire de connaître les idées qui auront été échangées entre Diebitsch ² et le cabinet Prussien et surtout la détermination que l'Angleterre, si intéressée au sort de la Belgique, proposera à ses alliés.

6.

Графъ Нессельроде императору Николаю.

11-го октября 1830 года.

Nesselrode soumet à sa majesté deux lettres de l'empereur d'Autriche, qui lui ont été remises par le comte Orlow ³ ainsi qu'un mémoire du prince Metternich sur la situation actuelle de l'Europe et ajoute qu'une dépêche de Tatishew lui annonce que l'on compte beaucoup à Vienne sur la formation d'un parti royaliste en France ⁴, mais cependant il pense qu'il serait plus sûr de ne pas trop fonder nos calculs sur des espérances et des données tant qu'elles ne seront pas confirmées par des indications positives et plus dignes de foi.

En sus Nesselrode porte à la connaissance de l'empereur que le comte Orlow vient de perdre sa sœur mariée au sénateur Bésobrasow, morte en couche.

se m'est incompréhensible militairement parlant, à moins de raisons qui ne nous soient pas connus. J'attends avec grande impatience les nouvelles de Diebitsch et celles de Londres, vous conviendrez qu'il n'y a pas une minute à perdre, surtout après ce que Pozzo nous dit, et je crois qu'il faut insister tant qu' il en est encore temps; plus tard, la chose sera tout à fait irréparable».

Собственноручная
резолүція императора
Николая.

«La lettre de l'empereur prouve que l'ami Orlow a eu le succès que je lui désirais; d'après les paroles de l'empereur, il peut prétendre au titre de vicaire de Fiquelmont; je vous charge de le dire à tous deux.

«Beaucoup de vrai, beaucoup de paroles et, en réalité, nous nous comprenons; et il n'y a rien à changer à notre marche.

¹ По вѣнскому конгрессу Голландія и Бельгія были соединены подъ управленіемъ Вильгельма 1-го Оранскаго въ Нидерландское королевство. Бельгія, при извѣстїи о Іюльской революціи, будучи ближе всѣхъ къ Франціи и связана съ нею родствомъ языка и нравовъ, возмущилась.

Вслѣдствіе сего для усмиренія мятежниковъ король отправилъ въ Брюссель войска подъ начальствомъ принца Фридриха.

² Графъ Дибичъ находился тогда въ Берлинѣ, съ порученіемъ склонить Пруссію къ подавленію бельгійской революціи вооруженною силою.

³ Графъ А. О. Орловъ, въ то время возвратившійся съ коронованія австрійскаго императора королемъ венгерскимъ.

⁴ Т.-с. партія, желавшая имѣть королемъ герцога Бордоскаго, въ пользу котораго Карлъ X отрекся отъ престола.

«Je ne doute pas qu'il n'existe un parti, celui des renvoyés, s'entend, qui désire le retour du duc de Bordeaux. Mais Dieu nous préserve de dévier de notre marche pour nous fier à leurs chimères ou projets seuls.

«Dites lui combien j'ai été péniblement frappé par ce cruel malheur. Une mère de 14 enfants enlevée de cette affreuse manière est une idée qui peut nous frapper de terreur, tous, pères de famille, c'est vraiment horrible!»...

7.

Записка императора Николая графу
Нессельроде.

Je vous transmets une lettre de mon beau-frère d'Orange ¹, c'est celle que vous m'avez fait parvenir; elle vous mettra au fait de la manière dont le roi des Pays-Bas considère la forme indigne dont on lui a fait part des décisions de la conférence. Vous savez que je partage tout à fait son opinion sous ce rapport. Je suis peiné de devoir vous engager à témoigner à Lieven et Matuszewicz qu'ils ont outre passé leur pouvoir, en consentant à opposer leur signature à un acte pareil; s'il pouvait être admissible vis-à-vis des traîtres et des rebelles, jamais il n'était permis vis-à-vis d'un roi justement offensé, mon ami et mon parent.

8.

Татищевъ графу Нессельроде.

$\frac{23 \text{ января}}{4 \text{ февраля}}$ 1831 года.

Il annonce que Metternich a reçu une lettre du prince Adam Czartoriski (président du sénat révolutionnaire de Varsovie) dans laquelle il offre la couronne de Pologne à

Собственноручная
резолүція императо-
ра Николая.

«Vous demanderez par Tatishew que l'on n'accorde point de passeports,

¹ Письма этого въ архивѣ министерства императорскаго двора не оказалось; вѣроятно, оно было возвращено государю.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

l'archiduc Charles et demande si l'Autriche lui accorderait un asile, ainsi qu'aux polonais qui chercheraient à s'y réfugier, en cas d'une catastrophe en Pologne. Le gouvernement Autrichien a répondu à Czartoriski qu'il ne serait donné aucune suite à sa proposition, mais que le consul d'Autriche à Varsovie était autorisé à lui délivrer un passeport sous un nom supposé, s'il en demandait un pour l'Autriche, et qu'il y serait gardé suivant les règles établis à l'égard des réfugiés polonais.

9.

Князь Меттернихъ графу Фикельмону.

4-го февраля 1831 года.

Il le prie de porter à la connaissance du gouvernement russe la copie d'une lettre, adressée de Paris au ministre de France à Constantinople Guilleminot, et dont l'auteur inconnu propose, en cas de guerre entre la Russie et la France, le plan suivant: 1) de décider la Porte et la Perse de reprendre les armes contre la Russie; 2) d'intéresser dans cette alliance l'Angleterre et 3) de soustraire la Grèce à l'influence russe, en changeant son président le comte Capodistrias. Ensuite, comme la Turquie peut mettre sur pied 300.000 hommes, la France n'enverrait qu'une division de 10.000 à 15.000 hommes, qui passerait, ainsi que les troupes turques, sous le commandement de Guilleminot. Cette division serait transportée aux Dardanelles par la flotte française, qui, aussitôt après le débarquement des troupes, irait détruire les forces navales russes de la mer Noire, ainsi que les établissements d'Odessa, de Sébastopol etc., tirerait tout parti de la Crimée et appuyerait, au moins moralement, les opérations des persans. Ces dispositions combinées mettraient évidemment la Russie dans la nécessité de diviser ses forces et par conséquent serviraient puissamment à la France.

10.

Графъ Дибичъ графу Нессельроде.

11-го апрѣля 1831 года.

Il fait part, qu'étant dans l'impossibilité d'entreprendre le passage de la haute Vistule, il a prié le comte Alopéus de

et à personne; mais que l'on nous livre, au contraire, tous ceux, qui chercheraient à se réfugier en Autriche».

Собственноручная
резолюція императора
Николая.

«Le projet n'est pas mauvais; cela coïncide assez avec les nouvelles que nous avons déjà».

Собственноручная
резолюція императора
Николая.

«Je doute infiniment que la permission puisse nous

*

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

demander au roi de Prusse le passage à travers le pont de Thorn, car cette mesure, tenue en secret et dissimulée à l'ennemi par des démonstrations sur d'autres points, nous livrerait Varsovie après la première bataille avec les polonais.

11.

Татищевъ графу Нессельроде.

$\frac{17}{29}$ августа 1831 года.

Il fait part que pour donner suite à la proposition du cabinet de St. Pétersbourg d'établir un accord parfait et resserrer les liens entre les trois puissances continentales, Metternich propose d'établir à Vienne une conférence entre lui et les représentants de Russie et de Prusse.

12.

Татищевъ графу Нессельроде.

$\frac{13}{25}$ ноября 1831 года.

Il annonce que le prince Metternich, en lui donnant connaissance du traité, signé à Londres sur la base des 24 articles, auxquels le roi des Pays-Bas avait refusé d'accéder ne lui a pas caché combien il est mécontent de cette transaction et ne voyant pas dans son opinion particulière, comment les puissances pourraient refuser de ratifier ce traité, signé par leurs plénipotentiaires, désire que les cours de Russie, de Prusse et d'Autriche veuillent consigner dans une déclaration leurs principes, afin de constater l'irrégularité de la marche suivie par la conférence.

13.

Князь Ливень графу Нессельроде.

$\frac{8}{20}$ декабря 1831 года.

Ayant appris avec un profond regret l'impression défavorable qu' a causé à l'empereur la réception des décisions

être accordée; ce n'est pas avec des dispositions aussi peu amicales du ministère qui l'on peut l'espérer, et le roi seul ne s'y décidera pas».

Собственноручная
резолюція императо-
ра Николая.

«Voilà le grand désir de Metternich, celui d'être à la tête des affaires, clair et nettement prononcé; or, comme nous savons à quoi nous en tenir sur lui par les antécédents, je n'y consentirai qu'en cas où la Prusse le voudrait et nous le proposerait de son côté».

Собственноручная
резолюція императо-
ра Николая.

«Vous connaissez mon opinion, je n'ai rien de plus à ajouter».

Собственноручная
резолюція императо-
ра Николая.

«Je ne change en rien l'opinion que j'ai de cet

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

de la conférence de Londres, Lieven ne saurait, pourtant, trouver dans sa conscience le moindre reproche à s'adresser dans cette grave circonstance. Il croit avoir agi selon les intérêts du service de sa majesté et même avoir compris parfaitement l'esprit des instructions dont il a été honoré, en adoptant la seule voie propre à maintenir l'union entre les cinq puissances et à conserver à l'Europe le bienfait de la paix.

acte, aussi honteux, qu'il nous a été dangereux par ses conséquences»

14.

Князь Ливень¹ графу Нессельроде.

Лондонъ. ¹⁵/₂₇ апрѣля 1832 года.

Собственноручная
резолүція императо-
ра Николая.

Il demande les ordres de sa majesté, s'il entre dans son intention de consommer l'élection du prince Othon², en cas qu'il n'y ait aucune perspective de le voir embrasser la religion grecque, car à la conférence il n'est plus question de ce sujet et on ne parle même que faiblement de faire élever ses enfants dans la sus-dite religion.

«Je ne puis nullement consentir à l'élection du prince Othon, sans l'engagement formel d'embrasser la religion grecque».

IV.

Декларация о войнѣ съ Турціей 1828 года.

Искреннее желаніе Россіи оставаться въ мирѣ съ Турецкою имперіею не исполнилось. Тщетно было долговременное терпѣніе нашего правительства, тщетны и тягостныя пожертвованія, сохраненію общаго спокойства имъ принесенныя: Россія наконецъ видитъ себя въ необходимости силою оружія обезпечить свои права и пользы на Востокъ и принудить Оттоманскую Порту къ должному соблюденію договоровъ. Но, прибѣгая съ прискорбіемъ къ сему послѣднему средству удовлетворенія, государь императоръ желаетъ, чтобы причины объявляемой имъ войны, равно праведной и неизбѣжной, были въ полной мѣрѣ извѣстны свѣту.

Протекло шестнадцать лѣтъ отъ заключенія мира въ Бухарестѣ, и во все сіе время правительство оттоманское почти непрестанно отступало отъ постановленій, имъ утвержденныхъ, непрестанно изыскивало способы подъ разными предлогами останавливать или замедлять исполненіе данныхъ имъ обѣщаній. Случаи, доказывающіе сіе слѣдно непріязненное стремленіе турецкой политики, были многочисленны. Министерство его императорскаго величества означить ихъ въ сей деклараціи. Нѣ-

¹ Уполномоченный посланникъ на Лондонской конференціи, занимавшейся греческими дѣлами.

² Послѣ отказа принца саксенъ-кобургскаго Леопольда принять греческую корону, лондонская конференція положила избрать въ греческіе короли баварскаго принца Оттона.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

сколько разъ, и особенно въ 1821 году. Порта открытыми оскорбительными дѣйствіями изъясняла свою ненависть къ Россіи; нынѣ она снова обнаруживаетъ свои враждебныя чувства всенародными актами и принятіемъ насильственныхъ мѣръ, уже извѣстныхъ Европѣ.

Въ тотъ самый день, когда, оставляя Константинополь, министры трехъ державъ, соединенныхъ безкорыстными для защищенія святой вѣры и страждущаго человечества постановленными условіями, еще объявляли Портѣ о живѣйшемъ желаніи своихъ монарховъ не разрывать съ нею мирныхъ связей и указывали ей вѣрныя къ сему средства, когда и Порта съ своей стороны также увѣряла въ миролюбіи¹, въ тотъ самый день она уже готовилась воззвать всѣ магометанскіе народы къ возстанію противъ Россіи, провозглашая, что наше правительство есть вѣчный неукротимый врагъ мусульманства, что оно умышляетъ разрушеніе Оттоманской имперіи и, торжественно признаваясь предъ вселенною, что въ переговорахъ о мирѣ она только искала времени и способовъ къ принятію мѣръ для войны и что, рѣшась заранѣе не исполнять важнѣйшихъ постановленій Аккерманской конвенціи, заключала ее съ тѣмъ, чтобъ нарушить, — Порта не могла не знать, что симъ признаніемъ она уничтожаетъ и всѣ прежніе договоры, Аккерманскою конвенціею подтвержденные: все показываетъ, что она предвидѣла слѣдствія и соображала съ ними свои поступки и намѣренія.

За воззваніемъ султана къ народу послѣдовали притѣснительныя для русскихъ распоряженія; нарушены преимущества присвоенныя нашему флагу, русскія суда задержаны, и начальники оныхъ силою принуждены продавать свои захваченные грузы по цѣнамъ, произвольно назначаемымъ; даже сіи неисправно платимыя несообразныя съ истинною цѣною товаровъ суммы еще уменьшены пониженіемъ достоинства монеты; вскорѣ потомъ объявлено всѣмъ подданнымъ Россіи, что они должны быть рабами Порты, или немедленно выѣхать изъ владѣній ея, и закрытіемъ Босфора остановлено всякое движеніе торговли въ Черномъ морѣ. Цвѣтущіе сею торговлею города наши терять разорительные убытки, и весь полуденный край имперіи лишается единственнаго пути для сбыта своихъ произведеній, единственнаго средства выгодными промѣнами умножать свои богатства и оживлять промышленность жителей. Но симъ еще не ограничились непріязненныя дѣйствія Турціи. Въ то самое время, когда въ Константинополѣ принимались мѣры, столь явно противныя пользамъ Россіи, генералъ Паскевичъ послѣ ознаменованной славными успѣхами войны вступалъ въ мирныя переговоры съ Персіею. Дворъ Тегеранскій уже изъяснилъ согласіе на предложенныя ему условія, и вдругъ, противъ всѣхъ ожиданій, со стороны полномочныхъ Персіи стали оказываться холодность, желаніе отдалить заключеніе предначертаннаго договора: за отлагательствами слѣдовали споры, затрудненія; наконецъ обнаружилось и намѣреніе продолжать военныя дѣйствія. Причины сего нынѣ извѣстны Россіи изъ самыхъ достовѣрныхъ показаній: извѣстно, что наши въ сосѣдственныхъ турецкихъ областяхъ сѣйшили вооружиться, и что Порта втайнѣ обѣщала помощь персіянамъ, чтобы занять нашу армію въ семь краѣ.

¹ Въ письмѣ верховнаго визиря къ графу Нессельроде, за коимъ почти непосредственно слѣдовалъ гатти-шерифъ $\frac{8}{20}$ декабря.

Такимъ образомъ правительство турецкое, объявляя свѣту, что оно рѣшилось расторгнуть узы связующихъ его съ Россіею трактатовъ, уже на самомъ дѣлѣ ниспровергаетъ всѣ постановленія оныхъ, угрожая скорымъ начатіемъ войны, уже обременяетъ всѣми ея бѣдствіями подданныхъ Россіи, подрывая нашу торговлю и успливаясь, хотя безъ успѣха, возжечь снова пламень сей войны тамъ, гдѣ онъ готовъ былъ угаснуть.

Нужно ли доказывать, что Россія не можетъ сносить сихъ оскорбленій и попускать продолженію столь явно враждебныхъ дѣйствій. Отказаться отъ естественныхъ выгодъ своего положенія, позволить лишиться себя правъ, приобретенныхъ побѣдами и договорами, равно славными и полезными, сіе значило бы унижить достоинство державы, нѣмнѣе чести, измѣнить первому долгу правительства.

Права и обязанности Россіи въ семъ случаѣ тѣмъ священнѣе и очевиднѣе, что ея миролюбіе и умѣренность не могутъ подлежать сомнѣнію. Сколько разъ съ той незабвенной эпохи, какъ положенъ конецъ и успѣхамъ мятежей, и стремленію къ завоеваніямъ, Россія жертвовала своими особенными драгоцѣннѣйшими выгодами для обезпеченія тишины всеобщей. Европа отдаетъ справедливость ея безкорыстію, и память дѣйствій сей великодушной политики, спасительныхъ для свѣта, спасительныхъ для самой Турціи, навѣки сохранится въ бытописаніяхъ нашего времени. Но Турція, не имѣя правъ на снисходительность Россіи, не умѣетъ и цѣнить ее: она не знаетъ, сколь сообразны съ собственными ея пользами постановленія главныхъ трактатовъ ея съ нашимъ дворомъ, постановленія, коими Россія въ Кайнарджѣ, въ Яссахъ, въ Бухарестѣ, признавъ и оградивъ политическое существованіе Порты и цѣлость владѣній ея, безъ сомнѣнія, способствовала продолженію бытія сей державы. Но едва былъ заключенъ послѣдній изъ сихъ трактатовъ, и Порта уже снѣвшила воспользоваться тогдашними, славными по своимъ послѣдствіямъ, но затруднительными для Россіи обстоятельствами, чтобы невозбранно и безнаказанно измѣнять обязанностямъ, лишь только принятымъ ею. Народу сербскому было обѣщано всеобщее прощенье: въ противность данному слову турецкія войска вторглись въ Сербію и ознаменовали свое шествіе грабежами и кровопролитіемъ. Княжествамъ Молдавскому и Валахскому предоставлялись на время льготы и разныя преимущества; Порта обременила ихъ новыми налогами, истощила доходы, довершила разореніе сего несчастнаго края. Она обязывалась препятствовать набѣгамъ Закубанскихъ горцевъ, и напротивъ явнымъ образомъ побуждала ихъ къ нападеніямъ на Россію. Съ тѣмъ вмѣстѣ продолжались споры о владѣніи крѣпостей, необходимыхъ для безопасности Азіатскихъ границъ нашихъ, споры, коихъ неосновательность Порта сама признала впоследствии положеніями Аккерманской конвенціи, но, домогаясь возвращенія сихъ крѣпостей, она своими дѣйствіями доказывала, сколь онѣ нужны Россіи, ибо въ самомъ сосѣдствѣ нашемъ, на берегахъ Чернаго моря, заводила, ободряла противоестественный торгъ невольниками, благопріятствовала грабительствамъ, безпорядкамъ всякаго рода. Сего еще было недостаточно: и тогда уже, какъ нынѣ, остановлены русскія суда въ Босфорѣ, конфискованы ихъ грузы, нарушены всѣ постановленія торговаго трактата 1783 года. Въ сіе самое время побѣды, благословенныя челоувѣчествомъ, вознаграждали подвиги незабвеннаго императора Александра чистѣйшею славою. Довершивъ святое дѣло освобожденія Европы, онъ могъ однимъ словомъ устремить свое могущественное воинство на (Оттоманскую) Пору. Но великая, миролюби-

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

вая душа его не знала побуждений мести. Онъ пренебрегъ оскорбленія и не спѣшилъ требовать должнаго удовлетворенія за обиды, чтобы не возмутить всеобщей тишины, лишь водворенной въ Европѣ его попеченіемъ и успіями. Не пользуясь особенными безчисленными выгодами тогдашняго положенія своего, императоръ Александръ хотѣлъ дѣйствовать однимъ убѣжденіемъ, и въ 1816 году вступилъ съ правительствомъ Оттоманскимъ въ переговоры, коихъ цѣлю было только обезпеченіе порядка, исполненіе взаимныхъ обязанностей, продолженіе мирныхъ, на обоюдной пользѣ основанныхъ сношеній. Залоговъ твердости сего порядка и мира онъ могъ бы искать сплюю оружія; Порты была не въ состояніи противиться ему.

Она не умѣла и постигнуть истинныхъ причинъ его умѣренности. Во все время переговоровъ турецкое правительство какъ будто старалось истощить великодушное терпѣніе императора Александра, отвергая съ упорствомъ его дружественныя предложенія, изъясняя сомнѣнія въ его миролюбіи, оспаривая права Россіи, даже явно пренебрегая могущество ея, не зная, что дѣйствія сего могущества были удерживаемы одною мыслию: жертвовать частными пользами общему благу и спокойствію Европы. Но сіе спокойствіе едва ли могло быть возмущено разрывомъ съ Турціею. Путь не нарушались связи Россіи съ ея союзниками; Турецкая имперія не была ни участницею, ни предметомъ переговоровъ. Конны въ 1814-мъ и 1815-мъ году, послѣ столькихъ раздоровъ, установленъ новый политическій порядокъ для просвѣщенныхъ народовъ міра, подъ щитомъ правительствъ, соединяемыхъ и воспоминаемыхъ общей славой, и согласіемъ править и наумѣреній.

Въ теченіе пяти лѣтъ нашъ дворъ и посланникъ нашъ въ Константинополь съ неутомимымъ доброжелательствомъ старались объ утвержденіи мира; несмотря на нерѣшимость и умышленную медлительность Порты, наконецъ переговоры объ исполненіи нѣкоторыхъ статей трактата Бухарестскаго приходили къ окончанію, какъ внезапно возстаніе морейскихъ грековъ и вторженіе въ Молдавію измѣнишаго долгу своему русскаго чиновника возбудили въ народѣ и правительствѣ турецкомъ слѣпую, яростную ненависть ко всѣмъ христіанамъ, данникамъ Порты, безъ различія виновныхъ и невинныхъ. Россія немедленно изъяснила, сколь было противно ея видамъ и правиламъ безразсудное предпріятіе князя Испланты. Какъ держава, покровительница княжествъ Молдавскаго и Валахскаго, она безъ затрудненія дала свое согласіе на принятіе нужныхъ мѣръ для обороны и законнаго наказанія; но требовала отъ Порты, чтобы народъ, ни въ чемъ не преступившій своихъ обязанностей, не страдалъ за виновниковъ безпорядка. Сіи совѣты благоразумія отвергнуты, презрѣны; посланнику его императорскаго величества въ самомъ домѣ его нанесены личныя оскорбленія; почтеннѣйшіе сановники греческаго духовенства и патріархъ, глава ихъ, среди совершенія саященныхъ обрядовъ нашей церкви, преданы въ руки палачей на смертную позорную казнь, и всѣ знатнѣйшіе христіане, ограбленные, поруганные, безъ суда и изслѣдованія гибли въ мѣкахъ; немногіе спасались бѣгствомъ. Сіи мѣры не могли прекратить смятеній: христіане гонимые вооружались, пламя войны распространилось повсюду. Вотще нашъ посланникъ еще старался быть полезенъ Портѣ, и въ потѣ своей отъ 6-го іюля 1821 года означать ей вѣрнѣйшія, единственныя средства для возстановленія тишины; наконецъ, изъяснивъ праведное негодованіе двора нашего противъ сихъ дѣйствій свирѣпаго изуверства, почти безпримѣрныхъ въ исторіи, онъ исполнилъ данное ему высочайшее повелѣніе и оставилъ Константинополь.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Тогда всѣ союзныя съ Россіею державы, побуждаемы однимъ чувствомъ желанія обезпечить всеобщій миръ, спѣшили своимъ посредствомъ и увѣщаніями отвратить опасности, грозившія Турціи и ослабленному ея правительству. Наше правительство съ своей стороны рѣшилось не требовать немедленнаго удовлетворенія, надѣясь еще согласить свои права и достоинство съ мѣрами предосторожности, кои въ тогдашнемъ положеніи Европы казались необходимы для сохраненія спокойства ея. Сіи новыя знаки снисхожденія, сіи важныя пожертвованія Россіи были напрасны. Успіія нашихъ союзниковъ не могли побѣдить упорства Турціи. Вѣроятно, обманываясь и насчетъ истинныхъ побужденій императора Александра, и насчетъ своихъ собственныхъ силъ, она неуклонно стремилась къ употребленію христіанскихъ народовъ, ей подвластныхъ: война съ возставшими греками становилась день ото дня кровопролитнѣе, свирѣбѣе, несмотря на старанія, и тогда уже употребленныя для возстановленія мира въ Греціи. Порты угрожала и Сербія, хотя спокойной и вѣрной въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей. Военное занятіе Молдавіи и Валахіи продолжалось, вопреки постановленій объ управленіи сихъ княжествъ, вопреки данныхъ великобританскому послу точныхъ обѣщаній и тогда уже, когда Россія, вѣря симъ обѣщаніямъ, рѣшилась возобновить свои прежнія сношенія съ правительствомъ Оттоманскимъ. Столь постоянная непріязненность наконецъ превзошла мѣру терпѣнія императора Александра. Въ октябрѣ 1825 года по его повелѣнію вручена министерству турецкому сильная протестация противъ дѣйствій его, и когда смерть безвременная пресѣкла дни сего обожаемаго подданными монарха, памъ было уже объявлено намѣреніе принудить Порту къ уваженію правъ Россіи.

Начало новаго царствованія ознаменовано новыми доказательствами умѣренности и любви къ миру. Вступая на престолъ прародителей, государь императоръ немедленно повелѣлъ открыть негоціацію съ Портой для соглашенія въ тѣхъ дѣлахъ, кои въ особенности касались Россіи. Вскорѣ потомъ, ^{23 марта}_{4 апрѣля} 1826 года, его величество вмѣстѣ съ королемъ великобританскимъ предположили мѣры для посредничества, коего требовало общее благо Европы. Всѣми поступками, всѣми планами его императорскаго величества, видимо управляло постоянное, ревностное желаніе избѣгнуть крайностей. Съ одной стороны, государь императоръ, надѣясь, что согласнымъ дѣйствіемъ двухъ могущественныхъ державъ легко и скоро будетъ положенъ конецъ войнѣ, опустошающей Востокъ Европы, отказывался отъ всякаго отдѣльнаго, посредственнаго участія и вліянія въ семъ важномъ дѣлѣ; съ другой, продолжая особенныя переговоры съ Портою, его величество старался прекращеніемъ нашихъ съ нею споровъ устранить и сіе препятствіе къ примиренію грековъ съ правительствомъ турецкимъ. Въ сихъ обстоятельствахъ и въ семъ расположеніи открыта негоціація въ Аккерманѣ: она заключалась подписаніемъ дополнительной конвенціи къ трактату Бухарестскому. Постановленія сего акта снова доказали умѣренность нашего правительства, всегда подчиняющаго расчеты политики требованіямъ справедливости и не позволяющаго себѣ употреблять во зло ни выгоды положенія, ни превосходства силъ и средствъ успѣха. Слѣдствіемъ Аккерманскаго соглашенія, столь полезнаго Портѣ, было назначеніе постоянной россійской миссіи въ Константинополь, и скорѣ затѣмъ трактатъ ^{24 іюня}_{6 іюля} 1827 года явилъ свѣту, что Россія не измѣняетъ правилъ безкорыстной политики, кои служили основаніемъ постановленій протокола ^{23 марта}_{6 апрѣля}. Предначертанными въ семъ трактатѣ мѣрами соглашаются права и же-

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

ланія народа злосчастнаго съ цѣлостію, съ спокойствіемъ, съ истиннымъ благомъ Турецкой имперіи. Сіи спасительныя мѣры предложены Портѣ, и дворы союзныя сильными, но исполненными дружелюбія увѣщаніями старались склонить ее къ прекращенію кровопролитія. Ей съ совершенною откровенностію сообщены всѣ планы союзныхъ державъ; объявлено, что въ случаѣ отказа флоты ихъ будутъ принуждены остановить продолженіе войны, которая по свойству своему равно противна и безопасности морей, и потребностямъ торговли, и нравственному чувству европейскихъ народовъ. Порта пренебрегла и сіи совѣты и предостереженія. Одинъ изъ ея военачальниковъ, заключивъ перемиріе, внезапно нарушилъ его и отважился на битву. Но и сраженіе Наваринское, необходимое слѣдствіе измѣны данному слову и нападенія безъ причины, было для державъ союзныхъ поводомъ къ новому изъясленію миролюбія, къ новымъ стараніямъ убѣдить Порту въ необходимости примиренія, доказать, сколь для нея важно утвердить спокойство Востока взаимными ручательствами и въ то же время посредствомъ благоразумныхъ, нестягостныхъ уступокъ оградить свою безопасность въ будущемъ.

На сіи представленія, на сіи усилія доброжелательства, правительство турецкое отвѣчало своимъ воззваніемъ къ народу $\frac{8}{30}$ декабря и принятіемъ мѣръ, изъ коихъ каждая есть нарушеніе договоровъ и правъ Россіи, и всѣ устремлены ко вреду ея, къ возбужденію въ сосѣдяхъ ея враждебныхъ противъ нея чувствъ и намѣреній, къ подрыву ея торговли и уменьшенію благосостоянія.

Долгъ чести, обязанность охранять пользы своихъ подданныхъ не дозволяютъ Россіи оставаться въ такихъ отношеніяхъ съ Турціею. Государь императоръ объявляетъ войну Оттоманской Портѣ; онъ объявляетъ ее съ прискорбіемъ, но и съ твердою увѣренностію, что въ теченіе минувшихъ шестнадцати лѣтъ истощены всѣ средства для спасенія Турціи отъ бѣдствій, коихъ она сама будетъ виною.

Причины сей войны достаточно показываютъ, что будетъ предметомъ ея.

Она есть слѣдствіе политики правительства турецкаго; сіе правительство должно быть обязано удовлетворить Россію за убытки отъ войны и за убытки торгующихъ подданныхъ его императорскаго величества. Государь императоръ предпринимаетъ сію войну для необходимаго охраненія трактатовъ, нарушенныхъ, какъ бы не признаваемыхъ Портою; успѣхи оной должны на будущее время обезпечить надежными ручательствами дѣйствительность и точное исполненіе договоровъ. Наконецъ сей войны требуютъ важнѣйшія пользы Черноморской торговли, коей благосостояніе зависитъ отъ свободы сообщеній чрезъ Босфоръ, и однимъ изъ предметовъ усилій и попеченія Россіи будетъ открытіе свободнаго плаванія въ Босфоръ всѣмъ народамъ Европы.

Но и принужденная употребить силу для защиты правъ своихъ, Россія, вопреки разглашеніямъ Порты, не имѣетъ ненависти къ сей державѣ, не умышляетъ ея разрушенія. Если бы намѣренія нашего правительства были устремлены къ войнѣ непримиримой и къ сокрушенію Турецкой имперіи, оно давно бы воспользовалось однимъ изъ безчисленныхъ, непрестанно представлявшихся случаевъ къ разрыву. Россія не имѣетъ и видовъ честолюбія; довольно предметовъ для заботливой попечительности ея правительства въ обширныхъ странахъ, ему подвластныхъ. Объявляя войну Портѣ по особеннымъ не имѣющимъ связи съ трактатомъ $\frac{21}{6}$ іюня іюля причинамъ, оно не отступаетъ отъ постановленій сего договора. Заключая оный, Россія не могла

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

отказаться отъ охраненія своихъ собственныхъ правъ, или взять на себя обязанность сносить оскорбленія и не требовать должныхъ вознагражденій. Но всѣ условія, всѣ правила, въ семь актѣ начертанныя, будутъ ею въ точности наблюдаемы. Союзники ея всегда найдутъ въ ней готовность вмѣстѣ съ ними изыскивать средства для исполненія положеній лондонскаго трактата. И долгъ христіанства, и влеченіе чувствъ, коими человѣчество справедливо гордится, равно требуютъ совершенія взаимно данныхъ союзными державами обѣщаній; Россія во всякомъ случаѣ будетъ содѣйствовать имъ постоянно, усердно, и выгодами своего особеннаго положенія воспользуется лишь для того, чтобы скорѣе достигнуть цѣли договора $\frac{21 \text{ июня}}{6 \text{ июля}}$, не измѣняя ни въ чемъ ни свойства, ни дѣйствій его.

Государь императоръ рѣшился не покидать оружія, доколѣ безопасность и пользы державы его не будутъ обезпечены на основаніяхъ, въ сей деклараціи означенныхъ. Онъ твердо уповаеъ на помощь Всевышняго. Богъ, сильный въ браняхъ, слышитъ молитвы чистыхъ сердецъ и благословитъ правое дѣло.

V.

Переписка по поводу предполагавшагося участія польской арміи въ войнѣ съ Турціей.

Note particulière et secrète

(цесаревича Константина Павловича).

№ 87.

Варшава.

19-го ноября (1-го декабря) 1827 г.

Le colonel Katassanoff, commandant le cordon des cosaques frontières du côté de Kalisz, vient d'arriver à Varsovie pour me rendre compte de l'avis qui lui est parvenu quant à l'ordre de mobilisation donné au 5 corps Prussien cantonné dans le grand duché de Posen. Son rapport coïncidant avec des notions qui me sont parvenues d'autre part, j'ai dû y attacher la plus sérieuse attention, et jugeant que dans ce cas le 1-er et 2-me corps cantonnés à Koenigsberg, Danzig et Thorn, ainsi que le 6-me corps occupant la basse Silésie du côté de Breslau u. Neisse devaient avoir reçu des dispositions semblables, j'ai mis des agents intelligents et sûrs en campagne, afin de recevoir à cet égard les renseignements les plus précis...

Des notions qui font suite à celles que j'ai eu l'honneur de transmettre à votre majesté impériale et royale par mon rapport du 5 (17) dernier, et que je joins ici, confirment pleinement l'avis reçu par le colonel Katassanoff sur la mobilisation du 5-e corps Prussien. Votre majesté y verra de plus par les adoucissements apportés aux peines encourues par Uminski, Krzyzanowski et Milzynski à Posen, et prévenus de complicité dans l'affaire de l'association patriotique Polonaise, combien le gouvernement Prussien semble user de ménagement envers les polonais, combien aussi toutes leurs démonstrations patriotiques paraissent tolérées et même encouragées ¹.

Изъ нихъ одинъ Уминскій приговоренъ былъ къ заключенію въ крѣпости на 6 лѣтъ, но съ зачисленіемъ ареста въ этотъ срокъ.

•

«La manière dont le roi s'exprime surtout sur le général Um'nski, donne lieu à penser qu'il sera bientôt gracié.

«Le cri de guerre paraît être unanime; polonais ou prussiens, ils se souhaitent tous, quoique chacun sous un autre rapport. Les polonais croient que la guerre deviendra générale et que le résultat ne pourra être que propice pour leur patrie; les allemands espèrent que le roi prendra les armes pour affaiblir la prépondérance de la Russie, et ils espèrent que conjointement avec l'Autriche, l'Allemagne cherchera à la diminuer. Le public a déjà aperçu l'appareil guerrier, il ne sait cependant pas quel en est le véritable motif.

Voici un fait qui, à la suite d'une infinité d'autres vient à l'appui de cette observation. Depuis quelque temps on remarquait que le mot de Portorico était devenu une espèce de mot d'ordre parmi les polonais de Posen, qui se signalaient par leur patriotisme, c'était toujours entre eux de Portorico dont il était question, accompagné d'un grand éloge du tabac de Portorico. C'est récemment en fin que l'un de mes agents est parvenu à découvrir l'allusion cachée sous ce terme d'argot. Il se vend sous l'adresse de Spohner à Ohlau en Silésie du tabac de Portorico, l'inscription est sur l'enveloppe, mais lorsqu'après avoir vidé le tabac, on retourne la feuille, elle offre alors l'effigie de Kosciuszko entouré de toutes les armes de l'insurrection.

«Le 13 (25) il y a eu à Posen un bal patriotique (soi-disant pour les députés) chez m-r Mikorski, président de la cour de justice dans cette ville. Il n'y a eu d'invités que ceux de la noblesse, en omettant les individus qui portent des noms allemands, comme p. e. le comte Blankensee, le comte Unruh etc. et ceux des polonais qui ne sont pas envisagés comme bon polonais. Aussi n'y avait-il aucun employé prussien, ni aucun militaire. Les dames étaient en grande partie costumées à la polonaise; des habits de velour cramoisi brodés en argent, des robes en satin blanc avec des cocardes cramoisies; telle était aussi la toilette de plusieurs jeunes gens, qui s'étaient habillés à la polonaise. On a ouvert le bal par la polonaise de Kosciuszko, qu'on a répétée une douzaine de fois, et on a dansé ensuite presque toujours la mesure de Dębrowski...

Sa majesté l'empereur et roi témoigne sa reconnaissance à son altesse impériale monseigneur le grand duc Constantin pour les notions importantes communiquées dans la note part. et secr. du 19 Novembre (1 Décembre) N° 87. Sa majesté pense que la nouvelle donnée par le colonel Katassonoff et confirmée par l'agent secret sur l'armement de la Prusse, tout en méritant considération, n'est pourtant pas de nature à motiver des appréhensions sérieuses, sa majesté ne pouvant concilier dans son opinion des projets et des préparatifs hostiles, avec les sentiments d'amitié et le désir constant de maintenir le bon accord, que ne cesse pas manifester sa majesté le roi de Prusse, son beau-père, dont le caractère franc et loyal est aussi bien connu de monseigneur le grand duc Constantin que de l'empereur et roi. Il en coûte d'autant plus à sa majesté d'ajouter foi à l'indication d'une conduite perfide de la part du gouvernement prussien, que dans ce moment elle attend l'arrivée du prince Grillaume, son beau-frère, qui n'aurait point choisi pour une visite d'amitié fraternelle, le moment où dans le cabinet du roi son père on travaillerait à rompre avec la Russie la bonne intelligence fondée par les actes¹ de feu sa

¹ Въ черновомъ отпускѣ зачеркнуто «bienfaits» и замѣнено «actes».

majesté l'empereur Alexandre de glorieuse mémoire et cimentés par les liens les plus sacrés. Sa majesté pense même que ce prince pourra porter quelques éclaircissement sur les vues de la Prusse qu'on n'a pas voulu confier à la route ordinaire. Cependant sa majesté ne désire rien négliger pour savoir la vérité la plus exacte et se mettre en mesure de résister à une attaque imprévue, ou à déjouer des projets aussi injustes que perfides; elle est en outre persuadée que sa majesté impériale donnera de son côté, avec le zèle et la profonde intelligence dont elle a donnée tant d'éminentes preuves, tous ses soins à être bien instruite des menées secrètes et des démarches de nos voisins pour être prêt à s'y opposer quand elles deviendront évidentes. Sa majesté ne manquera pas de tenir monseigneur le grand duc au courant de tout ce qu'elle apprendra et espère que son altesse en agira de même à son égard comme elle l'a toujours fait jusqu'ici.

Quant aux nouvelles de Posen découvrant la fermentation des esprits dans le sens soi-disant patriotique, l'empereur et roi les juge de la plus haute importance et suppose que cet état de choses n'est pas isolément à Posen un cas accidentel, mais pourrait bien être qu'une suite des trames des sociétés secrètes dans les provinces qui ont appartenues à l'ancien royaume de Pologne.

Monseigneur le grand duc étant à même d'observer de près les individus et les choses, et par là de juger si cette idée est fondée, sa majesté s'en repose entièrement sur son altesse impériale¹.

Цесаревичъ Константинъ генераль-адъютанту Киселеву.

Варшава. 20-го ноября 1827 года.

№ 118.

Павель Дмитріевичъ.

За доставленные мнѣ свѣдѣнія при письмѣ вашего превосходительства къ начальнику главнаго штаба моего отъ 6-го сего ноября о заграничныхъ происшествіяхъ я обращаюсь къ вамъ съ особенною благодарностію и прошу ваше превосходительство принять увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго уваженія.

Константинъ.

P. S.

Подполковникъ Катасановъ, стоящій на кордонѣ въ городѣ Калишѣ, донесъ, что 5-й Прусскій корпусъ, стоящій въ великомъ княжествѣ Познанскомъ, получилъ по экстраспочтѣ 8 (20) ноября предписаніе о приведеніи себя на военное положеніе. Сіе повелѣніе подтверждается и донесеніемъ секретнаго агента изъ Познани, который прибавляетъ, что поляки выводятъ изъ онаго свои виды, а прусскіе офицеры предполагаютъ, что ежели начнется война между Россіею и Турціею, то пруссаки, соединяясь съ австрійцами, будутъ препятствовать Россіи увеличиться и уничтожать вліяніе ея надъ Германіею. Поляки въ своемъ смыслѣ и пруссаки въ своемъ громко говорятъ о войнѣ. Съ моей стороны взяты всевозможныя мѣры объ узнаніи истины. Прошу довести сіи извѣстія до свѣдѣнія господина главнокомандующаго.

¹ Списано съ черноваго отпуски, писаннаго рукою г.-а. Адлерберга и исправленнаго рукою графа Дибича.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Генералъ-адъютантъ Киселевъ цесаревичу.

Тульчинъ. 26-го ноября 1827 г.

Ваше императорское высочество.

Удостоюсь получить письмо вашего высочества отъ 20-го текущаго мѣсяца, я немедленно исполнилъ приказаніе ваше, представивъ оное для свѣдѣнія г. генералу Ф—ла.

Съ нынѣ отходящею экстрапочною я отпавилъ черезъ Радзивилловскаго почт-мейстера къ графу Куртѣ расписаніе австрійскаго корнуса, на границѣ нашей и турецкой расположеннаго. По свѣдѣніямъ (которые, однако же, требуютъ подтвержденія) войско сіе стягивается въ Трансильваніи, гдѣ учреждаются большіе хлѣбные запасы, и куда валахскій господарь отпавилъ уже нѣсколько транспортовъ съ пшеницею.

Между боярами появилась партія, явно провозглашающая, что покровительство Австріи есть для нихъ спасительное и которымъ отклонится разореніе, имъ нынѣ угрожающее.

Другія свѣдѣнія болѣе или менѣе положительныя даютъ право заключить, что преднамѣренія сей державы весьма противны нашимъ, и что они готовятся предупредить насъ въ занятіи Валахіи. Г. главнокомандующій о семъ представилъ на благоуваженіе его императорскаго величества и ожидаетъ рѣшительнаго повелѣнія на случай внезапнаго перехода границы и встрѣчи съ австрійскими войсками.

Почитая за особенное счастье быть угоднымъ вашему императорскому высочеству и со всеѣмъ усердіемъ исполнять волю вашу, я по настоящимъ обстоятельствамъ буду доводить до свѣдѣнія вашего высочества о всѣхъ тѣхъ пограничныхъ свѣдѣніяхъ, которые вниманія достойны быть могутъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго высокопочтанія имѣю счастье пребыть
вашего императорскаго высочества
всепокорнѣйшій слуга

П. Киселевъ.

Всеподданнѣйшій рапортъ цесаревича.

Варшава. 3-го мая 1828 г.

Доходили до меня свѣдѣнія, что прусское правительство принимаетъ мѣры къ укрѣпленію города Познанн; но я не давалъ сему вѣры, какъ слухамъ неосновательнымъ. Послѣ того сіе начало подтверждаться по получаемымъ письмамъ и разсказамъ пріѣзжающихъ, а нынѣ находящіеся въ Калишѣ начальникъ польской жандармской команды и командиръ донского казачьяго полка, подполковникъ Катановъ 2-й, доносятъ, что на построеніе крѣпости ассигновано прусскимъ правительствомъ два милліона талеровъ, и пріѣхалъ туда для сего инженерный генералъ Раухъ съ 5-ю офицерами, да и посланный отъ меня навстрѣчу ея императорскому высочеству, великой княгинѣ саксенъ-веймарской Маріи Павловнѣ, состоящій при ней генералъ-майоръ Феншъ слышалъ сіе на границѣ отъ прусскихъ офицеровъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Изъ всеподданнѣйшихъ донесеній и рапортовъ цесаревича.

Свѣдѣнія изъ Австріи и Пруссіи.

18-го ноября 1827 года.

Генераль отъ кавалеріи Редеръ въ Познани получилъ эстафетой 8 (20) ноября изъ Берлина повелѣніе о приготовленіи 5-го корпуса, конемъ онъ командуетъ, къ совершенной военной готовности.

22-го ноября 1827 года.

Прусскія войска приготовляются къ походу, только не извѣстно куда. Всѣ корпусные командиры вызываются въ Берлинъ.

25-го ноября 1827 года.

Транспортъ съ военными снарядами и полный экипажъ подвижныхъ походныхъ печей отправленъ изъ Ольмюца въ Лембергъ и Буковину.

Idem.

(Notes recueillies par un agent du grand duc à l'etranger).

La Prusse est vivement alarmée des mouvements qui ont eu lieu en France; elle a de l'inquiétude pour ses provinces Rhénanes; on a surpris plusieurs correspondances d'un très haute importance; si la chose continue, des troupes de toutes armes seront envoyées pour renforcer le corps d'armée qui se trouve sur le Rhin.

Un courrier est arrivé il y a quelques jours de Berlin à Posen avec des ordres secrets de sa majesté le roi pour les généraux qui commandent les troupes, de se tenir prêts au premier signal. Dès que l'Autriche osera faire la moindre démarche hostile, le corps d'armée Prussien, qui occupe maintenant la Saxe, la Silésie et le grand duché de Posen, et qui est fort de 100.000 hommes, doit aussitôt avancer et s'emparer de la Bohême. Cet ordre est tenu dans le plus grand secret par les généraux, et ce n'est que par un heureux hasard qu'il est parvenu à la connaissance du correspondant, qui a lu lui même la dépêche qui n'est encore connue que des généraux Roeder (командиръ 5-го корпуса) et Bothe (командиръ дивизіи).

28-го ноября 1827 года.

1) Нѣкоторымъ австрійскимъ полкамъ дано приказаніе, чтобы они сблизились къ русскимъ границамъ и расположились по квартирамъ, начиная занимать оныя отъ австрійскаго мѣстечка Черновицъ, что въ Буковинѣ, до конца русской границы; также имѣютъ занять сіи войска мѣста противу турецкаго мѣстечка Стефанешти, на границѣ состоящаго. Движеніе сихъ войскъ должно начаться въ будущемъ декабрѣ мѣсяцѣ.

2) Австрійцы не вѣрятъ, чтобы весь турецко-египетскій флотъ былъ сожженъ, и,ш, по крайней мѣрѣ, не хотятъ дать тому вѣры, а утверждаютъ, что малая и совсѣмъ незначительная часть флота истреблена, почему никакихъ толковъ о семъ пораженіи турокъ еще не открывается.

3) Въ Австріи предписано сдѣлать резервнымъ войскамъ разборъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Цесаревичъ графу Сакену.

3-го декабря 1827 года.

Начальникъ 25-й пѣхотной дивизіи генераль-майоръ Рейбницъ, вслѣдствіе секретнаго моего ему предписанія, дабы по мѣстному его нахожденію близъ австрійской границы всемѣрно старался узнавать въ подробности секретнѣйшимъ образомъ посредствомъ тайныхъ агентовъ о всемъ происходящемъ въ австрійской Галиціи и въ особенности въ г. Лембергѣ, отъ 29-го ноября доноситъ, что въ австрійской Галиціи формируется observational корпусъ, по словамъ однихъ — изъ 30.000, а по словамъ другихъ — изъ 60.000 человекъ; ожидаютъ также тамъ въ скорости большого рекрутскаго набора. Запасныя провіантскіе магазейны должны служить быть въ непродолжительномъ времени учреждены, но въ какихъ именно мѣстахъ и въ какомъ количествѣ, еще не извѣстно, какъ только то, что въ Лембергѣ назначено 300 человекъ хлѣбопеконъ.

Онъ получилъ также отъ Радзивиловскаго пограничнаго почтмейстера секретное извѣдѣніе, что австрійскій 30.000-й корпусъ формируется въ Офенѣ.

По другимъ свѣдѣніямъ, observational корпусъ въ 30.000 человекъ формируется въ Венгріи въ Офенѣ.

Извѣстіе объ истребленіи соединенными эскадрами большой части турецко-египетскаго флота въ бывшемъ морскомъ сраженіи при Наваринѣ крайне изумило всѣхъ въ Галиціи, при чемъ въ разговорахъ многіе изъявляли большое сожалѣніе о потерѣ, понесенной Портою, и утвердительно говорили о войнѣ съ нею Россіи.

3-го декабря 1827 года.

Во всей австрійской арміи получено повелѣніе быть въ совершенной готовности и произвести рекрутскій наборъ для укомплектованія войскъ.

...Un corps prussien de la province septentrionale composé de 50.000 h. a reçu l'ordre secret de se tenir prêt pour marcher vers les frontières autrichiennes. On fait rentrer les congédiés dans leurs corps. On parle en Prusse que l'Autriche s'arme et qu'elle a fait des contrats en Dalmatie pour différents objets de la marine.

Свѣдѣнія изъ Австріи:

3-го декабря 1827 года.

Le général Hohenegg qui depuis quelque temps se trouve de sa personne à Czernowitz, a de fréquentes communications avec la Turquie. C'est encore lui qui est chargé de surveiller le mouvement des troupes Russes sous les ordres du maréchal Wittgenstein; il expédie tous les jours des estafettes à Léopold, adressées au général Fresnel.

Варшава. 5-го (17-го) декабря 1827 года.

Le commandant de la gendarmerie des palatinats de Kalisz annonce qu'il n'y a plus de doute que 3 corps prussiens ont reçu l'ordre secret de se tenir prêt pour marcher et que la seconde levée (Landwehr 2-te Aufgeboth) soit aussi disposée au premier ordre pour occuper les forteresses.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Le general Ziethen qui commande à Breslau reçoit maintenant très souvent des estafettes. La gendarmerie prussienne depuis quelques semaines fait très souvent des enquêtes sur nos frontières, pour savoir ce qui se passe chez nous. Les Landraths du pays avoisinant nos frontières doivent de même prendre des renseignements du mouvement de notre pays et ont l'ordre de faire leurs rapports aux autorités supérieures.

Варшава. 7-го (19-го) декабря 1827 г. (Свѣдѣнія изъ Данцига отъ 1-го (13-го) декабря).

Les bruits sur l'ordre de mobilisation donné aux corps d'armée prussiens se sont rependus ici depuis quelques jours par des lettres particulières de Berlin.

Отъ цесаревича.

Варшава. 10-го (22-го) декабря 1827 года.

Изъ Пруссіи.

Toute l'armée est moralement sur le pied de guerre, car l'on présume qu'il est de toute impossibilité que la Prusse reste dans l'inaction si ses deux formidables voisins tirent l'épée. Ainsi chaque militaire de tel grade que ce soit fait d'avance ses plans de campagne, le public civil se mêle de la conversation, et en général le royaume entier, anticipant ainsi sur les événements, semble être prêt à marcher.

Ce qu'il y a de positif porte: que l'on travaille dans les arsenaux et les laboratoires, chose qui dans cette saison n'avait pas eu lieu aucune année.

Que les officiers de cavalerie qui sont moins biens montés cherchent à se procurer de meilleurs chevaux.

Que dans les instructions des régiments de toutes armes on s'occupe beaucoup plus des détails qui ont rapport à la guerre qu'à d'autres fins.

Que les officiers de génie et ceux qui ont rapport avec cette arme, se pourvoient d'instruments de papier à dessein et autres petites bagatelles relatives à leur branche de service militaire.

Le dire général est:

Que le corps de Magdebourg servira d'abord de réserve à celui du Rhin et il s'y rendrait aussitôt, si la France était révolutionnée. Que celui de la vieille Prusse et celui de Berlin et Poméranie se rendront en Silésie, ainsi l'évacuation de la vieille Prusse et de la Poméranie ne font pas présumer qu'on ait conçu de l'inquiétude du côté de la Russie.

Изъ Австріи.

La politique ainsi que la partie militaire est beaucoup plus mobilisée en Autriche qu'en Prusse.

Il est presque indubitable que l'on formera deux grands corps d'armée, l'un dans les environs de Semlin et l'autre en Transylvanie. Il est à présumer que les troupes de la Galicie se réuniront dans la Bukovine et environs, car l'on a commencé à former des magasins de cette contrée.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Его императорскому величеству
отъ его императорскаго высочества цесаревича

рапортъ.

Начальникъ 25-й пѣхотной дивизіи, генераль-майоръ Рейбницъ, отъ 6-го сего декабря доноситъ, что получены имъ извѣстія изъ Лемберга, что 60-ть тысячъ австрійскихъ войскъ уже тронулись въ походъ къ границѣ турецкой, для лучшаго оной укрѣпленія. Таковое же свѣдѣніе получилъ одинъ австрійской службы офицеръ отъ родственниковъ своихъ изъ Вѣны, и слухъ о семъ носится по Лембергу; войска же, расположенныя въ окрестностяхъ Лемберга, получили уже вторичное предписаніе быть въ готовности къ походу, но куда — неизвѣстно. Въ прочемъ подтверждаются всѣ тѣ же слухи, о которыхъ вслѣдствіе донесеній генераль-майора Рейбница было доведено до высочайшаго вашего императорскаго величества свѣдѣнія отъ меня.

О чемъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу.

Генераль-инспекторъ всей кавалеріи

Константинъ цесаревичъ.

№ 177.

14-го (26-го)

декабря 1827 года.

Варшава.

Австрія.

1-го января 1828 года.

Il est très possible que le corps de réserve cantonné en Hongrie se réunisse à celui qui se trouve en Galicie et qu'alors le prince de Hesse-Hombourg prendrait le commandement des troupes réunies.

Составъ резервнаго корпуса . . .	28 баталіоновъ,
	48 эскадроновъ.
Корпусъ въ Галиціи	29 баталіоновъ,
	2 полка драгунскихъ,
	3 » chevaux légers,
	2 » гусарскихъ.

Соединенная сила этихъ двухъ корпусовъ простирается до 70.000 человекъ.

Cette armée devra être opposée aux troupes sous les ordres de son altesse impériale, si jamais la Russie voulait faire la guerre à la Turquie, pour réaliser des projets particuliers, et non dans le but de soustraire la Grèce de la persécution des musulmans.

Пруссія.

7-е января.

Le 5-me, ainsi que le 6-me corps d'armée sont prêts à marcher, mais personne ne bouge.

La négligence dans laquelle on laisse toutes les places fortes situées aux frontières autrichiennes et le soin avec lequel on approvisionne et l'on répare les fortifications du côté de la Pologne, l'activité qu'on met à achever les forti-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

fications de Thorn, sans égard à la saison, à côté de la proche parenté des souverains, l'étroite amitié qui les unit, l'appel clandestin des semestriers, tout cela dérouté les combinaisons politiques de ceux qui ont l'habitude de les faire, et jusqu'à ce moment il n'y a pas d'opinion fixe en Prusse, ni dans le civil, ni dans l'armée.

Турція.

La nouvelle de la prise d'Erivan ayant été connue à Constantinople a produit une sensation désagréable et a intimidé les esprits. Ce n'est plus la paix de la Perse avec la Russie qu'on craint dans la capitale, c'est l'acceptation d'un traité d'alliance offensif et défensif qu'on y disait exister en projet entre la Russie et la Perse, et comme la Porte ne compte pas beaucoup sur la fidélité des pachas de Bagdad et de Bapora, qui n'ont pas encore aboli les janissaires et vers les pachalics desquels tous les individus qui ont appartenu à ce corps et ont eu le bonheur de se soustraire à la persécution, se sont portés en masse ne pouvant non plus compter sur les chrétiens de l'Arménie et de la Natolie, la Porte se trouve vivement alarmée de ce côté là, et il ne serait pas étonnant qu'une grande partie des renforts attendus d'Asie reçoivent l'ordre de veiller à la sûreté des frontières de l'Arménie.

...L'organisation des corps d'armée turcs ne pourrait avoir lieu qu'après l'arrivée des troupes d'Asie, lesquelles ne sont attendues à Constantinople que les derniers jours du mois de Mars, ou au commencement d'Avril.

Пруссія.

Варшава. 14-го февраля 1828 года.

L'armée est prête à être mise sur le pied de guerre; deux corps d'armée sont mobiles, c'est à dire prêts à marcher dans les 24 heures; le reste peut être rendu mobile en très peu de temps, vu que depuis plusieurs mois on s'est déjà préparé à cette opération. Si une levée de boucliers a lieu en Europe et si rien ne fait changer la politique que la Prusse vient d'adopter, il est évident que, dans les circonstances présentes, la Russie n'a rien à craindre de ce côté là, puisque en cas d'allerte, les troupes de la vieille Prusse auraient à quitter leurs cantonnements et marcher en arrière, pour se placer dans le talon de la Silésie.

Австрія.

Le prince Metternich désire une réunion en congrès des monarques ou des plénipotentiaires pour s'entendre, dit-il, sur les affaires de l'Europe, car vu les distances et souvent le défaut d'intelligence des différents ministres, l'on peut compromettre le sort des monarchies, allumant une guerre générale, et combien n'éviterait on pas de calamités à la pauvre humanité, si l'on voulait s'entendre. Car, dit-il, il ne faut se fier à la Russie, ni à cette espèce de politique stationnaire qu'elle semble avoir adoptée, non seulement qu'elle veut passer pour ne vouloir toucher à rien, mais elle semble reculer; oui, dit-il, mais c'est pour mieux sauter; et si l'on n'empêche pas l'empereur Nicolas de faire le

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Ius petit pas en avant, on ne saurait déterminer où il voudrait s'arrêter, si jamais il prend la résolution de faire ce petit pas.

Quant à l'Angleterre et à la France, elles auront, dit-on, assez à faire chez elles, pour enser au dehors; ce sera encore à l'Autriche à arrêter le débordement des torrents, c'est encore à elle, dit-il, à maintenir l'équilibre, à elle à sauver l'humanité.

Отъ цесаревича.

Варшава. 4-го (16-го) мая 1828 года.

Изъ Австріи.

Le prince de Metternich ainsi que tous ceux reconnus être de ses amis, ou ceux partisans de son système sont au désespoir de ne pouvoir pas détourner la Russie des projets qu'elle va mettre à exécution, de la résolution qu'elle a adoptée. On a pris à Vienne pour ainsi dire un deuil politique, on attend avec anxiété l'issue des événements, on ne doute pas de sa réussite et des avantages que la Russie en retirera.

On se déchaîne contre le duc de Wellington, on boude l'ambassadeur d'Angleterre, on fait la mine à celui de Prusse. En attendant tout s'est arrêté. Aucun envoi d'hommes, ni même de munitions, ni en Hongrie, ni d'aucun côté; seuls les courriers sont en activité.

...On vient de faire une nouvelle levée de recrues, avec lesquelles on a mis au 1-er Mai tout le corps de Galicie au grand complet de guerre.

On procède à l'achat de 6.000 chevaux de cavalerie, afin de mettre tous les régiments de cavalerie, faisant partie du corps d'armée de Galicie à 950 chevaux de dragons et chevaux légers et à 1.200 chevaux ceux des hussards.

Всеподданнѣйшая записка цесаревича Константина Павловича.

Варшава.

1-го (13-го) іюня 1828 года.

№ 43.

En exécution des ordres qu'il a plu à votre majesté impériale et royale de m'adresser, j'ai choisi 18 officiers de son armée royale polonaise, pour être détachés auprès de l'armée activement employée contre les turcs. En mettant ci près sous vos yeux la liste de ces militaires, j'ai l'honneur de vous exposer, sire, que parmi eux se trouvent 7 sous-lieutenants, qui, bien qu'il n'appartiennent point au quartier-maître général, ni au corps du génie, ainsi que votre majesté a daigné le prescrire, n'ont été placés dans la ligne, à leur sortie de l'école d'application, que faute de vacances et pour ne pas demeurer inactifs, car selon leurs études et leurs connaissances, ils auraient dû être agrégés au quartier-maître général et au corps du génie.

Comme dans le nombre de ces 18 officiers se trouve le colonel du quartier-maître général Hauke, qui a été employé jusqu'à présent auprès du général d'infanterie d'Auvray, pour la démarcation avec l'Autriche et qui, à cet effet, séjourne actuellement à Kamieniec-Podolski, je fais diriger tous ces officiers vers cette ville, en enjoignant au colonel Hauke de se rendre conjointement avec eux à l'armée active et de s'y mettre à la disposition du major-général comte Diebitsch.

Constantin.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Liste nominative des officiers destinés à se rendre à l'armée impériale
qui agit contre les turcs.

1828.

Quartier-maîtrat général.

Отмѣтки графа Чернышева.

Hauke, Joseph, colonel auprès de sa majesté l'empereur et roi.

Quartier-maîtrat général de la garde royale.

Szymanowski, Félix	} auprès du major-général comte Diebitsch. capitaines.
Chrzanowski, Albert	
	auprès du feldmaréchal comte Wittgenstein.

Quartier-maîtrat général:

Breza, Joseph auprès du général Kisseleff, chef de l'état
major de la 2-de armée.

Kijenski, Ignace	} sous-lieutenants, à l'état major général de la 2-de armée.
Matgorzewicz, Jacques	
Potkanski, Adolphe	
Piedzicki, Julien	auprès du comte Souchtelen.

Corps du génie.

Wilson, Joseph capitaine, auprès du général Trousson, chef
du génie de la 2-de armée.

Szultz, Auguste lieutenant, auprès du général Kisseleff.

Szymonski, Michel sous-lieutenant, auprès du général Trousson.

Régiments de ligne.

Sous-lieutenants:

Malczewski, Julien.	du 4-e de ligne	} Ces officiers se sont trouvés à l'école d'application et ont été placés, à leur sortie de l'école, dans ces régiments; mais d'après leurs études et leurs connaissances ils étaient destinés à entrer au quartier- maîtrat.
Stryjeński, Alexandre	du régiment des chas- seurs à pied de votre ma- jesté impériale et royale № 1	
Ledochowski, Francois.	du 6-e de ligne	
Borchard, Conrad	du 2-e de ligne	
Swieszewski, Jean.	du 4-e chasseurs à pied	} id. destinés au corps du génie.
Strzemieczny, Mathieu	du même	
Nynkowski, Constantin	du 3-e chasseurs à pied	

Constantin.

Въ аттестаціи каждаго изъ поименованныхъ здѣсь офицеровъ упо-
мянуто о его знаніяхъ по своей специальности и языкамъ. По русскому
языку большинство comprend le russe.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Отмѣтки графа

Чернышева.

Malczewski, Julien.	— auprès de son altesse impériale monseigneur le grand duc Michel.	Полковникъ Гауке сопровождалъ императора Николая, при отъѣздѣ его изъ арміи осенью 1828 г. моремъ, имѣя порученіе въ Варшаву къ его высочеству цесаревичу.
Stryeński, Alexandre	— auprès de colonel Hauke.	1-го (13-го) октября въ рапортѣ графу Дибичу (à bord du «Paris») сказано:
Ledochowski, François	} à l'état major général de la 2-de armée.«le capitaine Szymanowski du quartier-maître général de la garde est après moi le plus ancien officier. Votre excellence daignera donc pendant mon absence faire adresser à cet officier les ordres concernant les officiers polonais détachés à l'armée impériale».
Borchard, Conrad		
Swieszewski, Jean		
Strzemieczny, Mathieu. . . .		
Nynkowski, Constantin	— à Varna auprès du comte Souchtelen.	Тотъ же капитанъ завѣдывалъ вновь посланными офицерами и въ 1829 г.

Всеноданныйшая записка цесаревича Константина Павловича.

№ 24.

Варшава. 15-го (27-го) марта 1829 г.

J'ai l'honneur de porter à la connaissance de votre majesté impériale et royale que conformément à ses hautes intentions, qui m'ont été communiquées par son aide de camp général comte Czernicheff, j'ai fait choix de 19 officiers du quartier-maître général et du corps du génie de l'armée royale polonaise, pour être détachés auprès de l'armée activement employée contre les turcs. Ces officiers dont les noms se trouvent consignés dans la liste ci-jointe, quitteront incessamment Varsovie, et à leur arrivée au quartier général de la 2-de armée ils se mettront à la disposition du commandant en chef général d'infanterie comte Diebitsch.

Constantin.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Etat nominative des officiers destinés à se rendre à l'armée impériale
activement employée contre les turcs.

Quartier-maître général.

Szymanowski, Félix . . .	}	capitaines aux gardes.
Chrzanowski, Albert . . .	}	
Potkanski, Adolphe . . .	}	
Matgorzewicz, Jacques. . .	}	
Butryn, Nicodème . . .	}	lieutenants.
Breza, Joseph . . .	}	
Kijeński, Ignace . . .	}	
Zandrowicz, François . . .	}	
Piędzicki, Julien . . .		sous-lieutenant.

Corps du génie.

Szymanowski, Vincent. . .	}	
Rossmann, Frédéric . . .	}	
Iodko, Constantin . . .	}	
Wieszniewski, Félix . . .	}	lieutenants.
Szultz, Auguste. . .	}	
Leszczyński, François . . .	}	
Bielinski, Edouard . . .	}	
Szymonski, Michel . . .	}	
Dunin, Félix . . .	}	
Zelewski, Theophile . . .		sous-lieutenant.

Constantin.

Во всеподанныйшей запискѣ отъ 21-го марта (2-го апрѣля) 1829 г.
великій князь доносить, что вмѣсто поручика Лесчинскаго назна-
ченъ поручикъ инженернаго же корпуса Brodowski (Joseph).

Etat nominatif de m.m-rs les officiers du corps du génie de l'armée polonaise, dé-
tachés à l'armée impériale russe, activement employée contre les turcs en 1829.

Lieutenants:	Brodowski, Szymanowski, Rossmann, Iodko, Wiszniewski, Szultz, Bielinski, Dunin,
Sous-lieutenant:	Zelewski,

Ce 13-ro (25-ro) Mai 1829.

Le lieutenant du génie Brodowski.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Войскъ польскихъ, корпуса инженеровъ.

Поручики: Бродовскій.
Шимановскій.
Росманъ.
Юдко.
Вишневскій
Шульцъ.
Бѣлинскій.
Дунинъ.

Подпоручикъ: Желевскій.

Etat major général impérial et royal.

St.-Pétersbourg,
ce $\frac{26 \text{ Mars}}{9 \text{ Avril}}$ 1829.

Section de l'armée polonaise.

A son altesse impériale monseigneur le
grand duc Constantin Césarewitch

rapport

de l'aide de camp général comte Czernicheff
dirigeant l'état major général de sa majesté
impériale et royale.

L'empereur et roi ayant pris lecture du rapport de votre altesse impériale du $\frac{15}{27}$ Mars
№ 24, relativement au choix qu'elle a fait de 19 officiers polonais pour être détachés
auprès de l'armée activement employée contre les turcs, m'a chargé, monseigneur, de
vous témoigner sa pleine et entière satisfaction pour l'empressement que votre altesse
impériale a bien voulu mettre dans l'exécution de ses hautes intentions.

L'aide de camp général comte Czernicheff.

Графъ Дибичъ цесаревичу.

С.-Петербургъ. 9-го ноября 1827 года.

№ 472.

Государь императоръ высочайше повелѣтъ миѣ соизволить донести вашему импе-
раторскому высочеству, что полученныя на-дняхъ извѣстія о бывшемъ морскомъ сра-
женіи между флотами союзныхъ державъ и турецкимъ подъ командою Ибрагима-
пашы, въ которомъ надъ послѣднимъ одержана совершенная побѣда, дѣлають войну
съ турками весьма вѣроятною.

Хотя до сего времени не получено еще достовѣрныхъ извѣстій о разрывѣ Пор-
тоу существующихъ между нами мирныхъ отношеній, но легко статья можетъ, что

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

турки, можетъ быть, рѣшатся перейти Дунай и разорить княжества Молдавію и Валахію, или, можетъ быть, дерзнуть нанести какое либо оскорбленіе послу нашему въ Константинополь, или кому либо изъ пословъ союзныхъ державъ.

Если бы случилось то или другое, то сіе будетъ уже явнымъ знакомъ разрыва Портою существующаго между нами мира, и тогда должно будетъ съ нашей стороны принять рѣшительныя мѣры къ войнѣ.

По симъ обстоятельствамъ нынѣ же дано повелѣніе генераль-фельдмаршалу, графу Витгенштейну, что если бы онъ получилъ отъ пребывающаго въ Яссахъ консула нашего, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мінциаки, въ сходство особаго даннаго ему предписанія, офиціальное донесеніе о переходѣ турокъ чрезъ Дунай въ княжества Молдавію и Валахію, или что турки сдѣлали какое либо оскорбленіе послу нашему въ Константинополь, либо которому нибудь изъ пословъ союзныхъ державъ, въ таковомъ случаѣ приказать бы немедленно войскамъ, подъ начальствомъ его состоящимъ, перейти черезъ Прутъ и занять княжества Молдавію и Валахію, сходно съ назначеннымъ для сего планомъ.

По таковому положенію дѣлъ государь императоръ на случай могущей быть войны съ турками изволилъ имѣть слѣдующія предположенія.

1) Коль скоро 2-я армія перейдетъ черезъ Прутъ, то въ подкрѣпленіе оной назначить 3-й пѣхотный корпусъ.

2) Въ то же время ближайшія къ театру войны губерніи, въ томъ числѣ и Подольскую, объявить на военномъ положеніи.

3) Какъ политика Австріи до сего времени была въ томъ сомнительномъ положеніи, что въ случаѣ открытія войны съ турками мы должны опасаться, дабы она не сдѣлала противъ насъ непріязненныхъ движеній, то для необходимой въ семъ случаѣ осторожности и для охраненія границъ нашихъ отъ стороны Австріи учредить изъ войскъ польской арміи, изъ отдѣльнаго Литовскаго корпуса и изъ резервнаго корпуса войскъ, подъ начальствомъ вашего императорскаго высочества состоящихъ, наблюдательную армію подъ предводительствомъ вашего высочества, присоединивъ 1-ю гусарскую дивизію попрежнему къ 1-му пѣхотному корпусу.

4) Въ подкрѣпленіе же сей наблюдательной арміи назначить изъ 1-й арміи 1-й и 2-й пѣхотные и гренадерскій корпуса и резервную кавалерію подъ начальствомъ генераль-фельдмаршала графа Сакена.

О сихъ предположеніяхъ государь императоръ повелѣлъ мнѣ донести вашему императорскому высочеству только для предварительнаго вашего свѣдѣнія, съ тѣмъ, чтобы ваше высочество, впродъ до дальнѣйшаго объясненія дѣлъ съ турками и до полученія особаго высочайшаго разрѣшенія, не дѣлая еще никакого исполненія въ отношеніи составленія наблюдательной арміи, благоволили нынѣ сдѣлать одно только соображеніе: какимъ образомъ предположеніе сіе можетъ быть выполнено, и что для того нужно? а какъ на приведеніе польскихъ войскъ въ военное положеніе потребуются издержки, равномѣрно таковыя же потребуются и для войскъ Литовскаго корпуса по военному времени, то на что именно и какая сумма нужна особо для польской арміи и особо для войскъ Литовскаго корпуса? и обо всемъ ономъ почтили бы меня заблаговременно увѣдомленіемъ для доклада его величеству.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Цесаревичъ графу Дибичу.

14-го апрѣля 1828 года.

Графъ Иванъ Ивановичъ.

Видя изъ объявленныхъ распоряженій, что составляется резервъ войскъ для 2-й арміи, гвардія выступаетъ въ походъ, и по дошедшимъ извѣстіямъ восполагаетъ отбытіе государя императора къ арміи. Насчетъ же войскъ, подъ начальствомъ моихъ состоящихъ, была только извѣстная вашего сіятельства переписка о предполагаемомъ составѣ обсервационной арміи, какъ же по заведенному съ нѣсколькихъ лѣтъ по волѣ блаженной памяти государя императора Александра Павловича порядку къ 1-му іюня каждаго года войска Литовскаго корпуса и польской арміи собираются всегда въ кампанеты и въ лагеря, именно литовская уланская дивизія къ Несвижу, 24-я пѣхотная дивизія къ м. Скиделю, 25-я къ м. Млынову, съ ихъ артиллеріею, гренадеры резервнаго корпуса къ м. Цехановцу, а польская армія къ Варшавѣ, а какъ таковой сборъ можетъ отдалить нѣкоторые войска отъ австрійской границы, какъ-то: Брестской и Бѣлостокской пѣхотные полки находятся первой въ Брестъ-Литовскѣ, а другой въ Кобринѣ, имъ же надобно идти въ лагерь за Гродно; также изъ м. Шерешева 24-й артиллерійской бригадѣ, что сдѣлаетъ разницы дней 15, равномерно литовская уланская дивизія изъ Стоники къ Несвижу отдалится назадъ, и нѣкоторые полки и артиллерія польской арміи равно отдалится отъ австрійской границы къ Варшавѣ, то по сему случаю и въ теперешнемъ положеніи дѣлъ я остаюсь въ нерѣшимости дать мои приказанія насчетъ свода войскъ въ кампанеты и лагеря, время же къ сему уже приближается, и потому нужнымъ почелъ обратиться къ вашему сіятельству не официальнымъ отношеніемъ и чрезъ сіе письмо и просить не оставить увѣдомить меня, можетъ ли быть сдѣлано распоряженіе, какъ прежде было, къ своду войскъ въ кампанеты и лагеря, въ тѣ же мѣста, или не назначатся ли другіе, и не имѣется ли въ виду особенныхъ какихъ распоряженій.

Въ ожиданіи на сіе вашего извѣщенія прошу ваше сіятельство принять увѣреніе всегдашняго моего къ вамъ особеннаго уваженія.

Константинъ.

Высочайшій отвѣтъ на письмо цесаревича къ графу Дибичу отъ
14-го апрѣля 1828 года.

По случаю отсутствія начальника главнаго штаба, государь императоръ, раскрывъ письмо его императорскаго высочества цесаревича къ графу Дибичу отъ 14-го сего апрѣля, посылаетъ имѣть честь увѣдомить его высочество, что по настоящимъ сношеніямъ австрійскаго двора съ нами не только не предвидится настоятельной надобности къ приведенію въ исполненіе извѣстныхъ его высочеству предположеній насчетъ гласнаго состава обсервационной арміи, но напротивъ поведение австрійскаго кабинета подаетъ теперь еще менѣ сомнѣній, нежели прежде. Основываясь на сему, государь императоръ не видитъ никакого затрудненія въ томъ,

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

чтобы сборъ польскихъ войскъ не могъ производиться нынѣшнимъ лѣтомъ, какъ обыкновенно, въ окрестностяхъ Варшавы; желательно только, чтобы нѣкоторая часть пѣхоты въ видѣ гарнизона оставалась въ крѣпости Замостьѣ для вящей безопасности отъ наглаго нападенія.

Въ отношеніи войскъ Литовскаго корпуса его величество столь же мало видитъ препятствій въ сборѣ 25-й пѣхотной дивизіи къ мѣстечку Млынову и гренадеръ резервнаго корпуса къ м. Цехановцу. Что касается до 24-й пѣхотной дивизіи, то удобнѣе бы казалось собрать оную вмѣсто мѣстечка Скиделя къ Бресту-Литовскому, а литовскую уланскую дивизію, если есть возможность, также у Бреста, или въ недалекомъ отъ онаго разстояніи. Впрочемъ всѣ сіи предположенія государь императоръ совершенно предоставляетъ благоусмотрѣнію его высочества, ибо и къ самому изложенію мнѣнія своего его величество приступилъ потому единственно, что его высочество въ обыкновенной предусмотрительности своей изволилъ обратиться по сему предмету съ вопросомъ къ начальнику главнаго штаба.

VI.

Письмо А. П. Ермолова императору Николаю ¹.

Орель. 16-го января 1828 года.

Ваше императорское величество.

Щедрую награду вашего императорскаго величества, изліянную на меня, даже за предѣлы служенія моего, даръ сей единого великодушія, превосходящій заслуги мои, превышающій силы содѣлаться его достойнымъ, приѣмлю я съ чувствами чистѣйшей благодарности вѣрноподданнаго—съ благоговѣніемъ!

Знаю, государь, сколько мала жертва сія передъ милостію высокою, скорблю, не имѣя случая посвятить достойнѣйшую!

Исполненный щедротъ вашего императорскаго величества, дерзаю возносить единое желаніе: да воззрѣніе на меня благотворящаго мнѣ государя не возбудитъ завиствующихъ моему счастью.

Вашего императорскаго величества

вѣрноподанный

отставной генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ.

¹ Это письмо написано Ермоловымъ по случаю того, что императоръ Николай повелѣлъ увеличить его пенсію до 30.000 р. вмѣсто получаемыхъ имъ 14.000 р.

VII.

Письмо князя П. М. Волконскаго императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.

Odessa.

27 Juillet 1828.

Madame.

Il m'est impossible d'exprimer à votre majesté impériale tout ce que nous avons éprouvés ce matin par la surprise la plus agréable que nous a fait sa majesté l'empereur par son arrivée inattendue. A midi étant tranquillement dans ma chambre à préparer une expédition de courrier pour l'empereur, j'entends tirer le canon sur mer. J'envoie mon secrétaire reconnaître ce que c'était, et ne le voyant pas venir, j'entendis redoubler la canonade, et je sors pour m'en assurer moi-même. J'aperçois une fregate suivie d'un pyroscaphe, qui saluaient le pavillon de l'impératrice, et je vois en même temps flotter l'étendard impérial au gros mât du bâtiment; j'ai tout de suite dit à l'impératrice qui était venue également pour voir le vaisseau, que cela ne pouvait être que l'empereur, et en braquant notre télescope nous reconnûmes l'empereur. Je ne saurais vous exprimer, madame, le bonheur de l'impératrice et de la grande duchesse, qui toutes les deux courraient et criaient de joie. Un moment après nous vîmes la fregate jeter l'ancre et faire descendre à mer les bateaux sur lesquels est arrivé à terre l'empereur avec le grand duc Michel, les généraux Wassiltehikoff, Alex. Benkendorff, Adlerberg, le comte de Nesselrode, le comte Stanislas Potocki, le comte Matoussevich, les aides de camp de l'empereur Serge Strogonoff, Lazareff, Korsakoff, l'aide de camp du grand duc Bibikoff, celui de Benkendorff Tolstoi, m-r Taneeff, le médecin du grand duc Wyllie et le peintre Worobieff.

L'entrevue de leurs majestés était extrêmement touchante, et grâce à Dieu l'empereur et le grand duc se portent à merveille. Sa majesté après avoir ordonné au maréchal de continuer à fortifier la position de Choumla, est allé voir celle devant Varna, et de là s'est embarqué à bord d'une fregate pour nous faire une visite, pendant que l'on travaille aux fortifications devant Choumla.

Il n'y a pas de doute qu'il ne pouvait mieux employer son temps, et faire une surprise plus grande que celle là, aussi sa majesté nous a rendue tous extrêmement heureux par sa présence.

J'ai tout de suite pensé à votre majesté impériale, combien cela pourrait vous faire plaisir, si vous pouviez vous trouver ici pour le moment, et je n'ai pas voulu manquer l'occasion de la poste pour annoncer à votre majesté impériale le bonheur que nous éprouvons.

Je suis,

madame, etc.

le prince Pierre Volkonsky.

VIII.

Письмо императора Николая графу Дибичу.

Лагерь при Козлуджѣ.

21-го іюля 1828 года.

Мы дошли благополучно сюда. До Енибазара ничего не произошло, и я уже отпустилъ свой полкъ съ шестью орудіями, ибо рота ждала насъ у большого кургана. Тутъ встрѣтилъ я и осадное артиллерійское отдѣленіе и въ конвоѣ 328 выздоровѣвшихъ и раненыхъ изъ-подъ Браилова, въ совершенномъ порядкѣ. Но едва прошли ихъ, какъ прискакалъ казакъ отъ кургана, гдѣ стояла рота, съ донесеніемъ, что тутъ до 200 турокъ. Мы остановились, и покуда одинъ эскадронъ казаковъ пошелъ развѣдывать, я послалъ за артиллерією и за своимъ полкомъ; они скоро прибыли; между (тѣмъ) мы слышали нѣсколько выстрѣловъ и (видѣли) въ трубкѣ налѣво на горѣ человекъ 15 турокъ съ ружьями. Посланный адъютантъ донесъ, что генералъ Свѣчинъ привелъ уже другую роту, и что дорога пуста; тогда прошли мы весьма спокойно, но я продержалъ при себѣ весь конвой; послѣ привала у Туркъ-Арнаутлара пошли мы сюда съ 19-мъ Егерскимъ полкомъ и остальными конными орудіями. На дорогѣ видѣлъ я роту Одесскаго полка въ редутѣ и работы у фонтана. Но мнѣ кажется, что необходимо при самомъ фонтанѣ имѣть постъ, ибо съ редута нельзя мѣшать разбойникамъ стрѣлять по тѣмъ, которые за водой ходятъ; я приказалъ сіе исправить. Также необходимо на горѣ близъ большого кургана имѣть постоянно роту; вода есть напротивъ въ колодцѣ; а мѣсто сіе такъ важно, что тутъ бывають всѣ разбои, и сегодня нашли тамъ нѣсколько головъ; велите сіе сейчасъ исполнить.

Здѣсь нашелъ я жандармскаго офицера съ (почтою) посылкою отъ Меншикова ко мнѣ и къ фельдмаршалу; я не сомнѣваюсь, что онъ успѣетъ занять позиціи у берега; но жалкое состояніе лошадей отъ непростительнаго безпорядка меня крайне огорчаетъ; посему я рѣшилъ свой полкъ и всю Донскую роту вести туда, но не ранѣе, какъ пріѣдетъ ко мнѣ донесеніе чрезъ Деллингсгаузена. Завтра же пошлю Строгонова съ двумя ротами очистить и занять опасный постъ. Здѣсь есть 4 воловъ и рота; но она двигаться не можетъ отъ надежа воловъ, которыхъ пало множество по всей дорогѣ, но всего болѣе позади самаго лагеря и здѣсь, и очевидно, что отъ безкормицы. При Енибазарѣ корму много, и тамъ пало ихъ меньше; надо испробовать везѣть имъ все за лагеремъ сгрузить и сейчасъ порожнія фуры отправить, или складку дѣлать въ Енибазарѣ и оттуда возить ежедневно только нужную пропорцію. Надо велѣть Абакумову сейчасъ устроить продовольствіе овсомъ для Варны. Здѣсь стоитъ эскадронъ 1-го Бугскаго полка; они шесть недѣль не видали овса; пятый только день что начали получать. На нихъ тоже считать нельзя. Велите отправить всѣ обозы моего полка и Донецкой роты сюда, гдѣ если и не застанутъ насъ, то могутъ подъ прикрытіемъ слѣдовать. Вотъ покуда все, что узналъ. Про Бенкендорфа ничего не знаемъ, но около двухъ часовъ былъ пресильный дымъ къ сторонѣ Праводъ.

Меня крайне тревожитъ состояніе транспортовъ, ибо здѣсь нигдѣ никакого корму имъ нѣтъ; потому надо непремѣнно усилить мѣры противъ Варны, дабы, по крайней

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

мѣрѣ, сократить имъ путь, и хотя нѣсколько облегчить ихъ трудъ, иначе мы скоро станемъ въ пень. Призовите Абакумова и сами потрудитесь повѣрить все его распоряженія. Если мнѣ дорога на Варну отсюда будетъ заперта, я рѣшусь идти на Базарджикъ, хотя кругомъ, но хочу быть въ Варнѣ, чтобъ судить своими глазами.

Желаю покуда, чтобъ у васъ все шло хорошо и по нашему вчерашнему условію, въ чемъ поручаю вамъ особенно имѣть строгій присмотръ и настояніе моимъ именемъ. Да благословитъ Богъ наше предіріятіе; оно трудно, но смѣлымъ Богъ владѣетъ!

Мой поклонъ графу; прощайте, любезный Пванъ Ивановичъ, вѣрьте дружбѣ вамъ

искреннаго

Николая.

IX.

Распоряженіе императора Николая по случаю отъѣзда къ арміи въ Турецкую кампанію въ 1828 году.

Графъ Викторъ Павловичъ, графъ Петръ Александровичъ и князь Александръ Николаевичъ. Находя нужнымъ на время отсутствія моего изъ столицы учредить для однообразнаго и безостановочнаго отправления дѣлъ, на усмотрѣніе мое поступающихъ, особенную комиссію и назначивъ васъ членами оной, признаю за благо изложить здѣсь кратко волю мою касательно ея состава и дѣйствій.

1) Любезнѣйшій братъ мой, великій князь Михаилъ Павловичъ, имѣетъ быть членомъ сей комиссіи и присутствовать во всехъ засѣданіяхъ оной, когда находится въ С.-Петербургѣ.

2) Должность предѣдательствующаго на сихъ собраніяхъ будетъ исправлять старшій изъ присутствующихъ.

3) Комиссія въ представленіи дѣлъ на усмотрѣніе мое, а равно и въ сношеніяхъ съ министромъ финансовъ и управляющимъ военнымъ министерствомъ, съ морскимъ министромъ и статсъ-секретаремъ, управляющимъ моею собственною канцеляріею, и вообще во всехъ своихъ дѣйствіяхъ должна слѣдовать правиламъ, подробно опредѣленнымъ въ наказѣ ея, въ двухъ секретныхъ отъ сего числа на имя ваше указахъ и двухъ также секретныхъ указахъ правительствующему сенату отъ сего же числа.

4) Порядокъ для внесенія дѣлъ въ комиссію и для исполненія рѣшеній ея по министерствамъ финансовъ, военному и морскому и по собственной канцеляріи моеи устанавливается особенными съ симъ вмѣстѣ данными министру финансовъ, управляющему военнымъ министерствомъ, морскому министру и статсъ-секретарю моему тайному совѣтнику Муравьеву инструкціями. Они обязаны предъявить сіи инструкціи въ комиссію.

5) Все дѣйствія комиссіи за исключеніемъ лишь чрезвычайныхъ случаевъ, кои означены въ секретныхъ на имя ваше указахъ, должны оставаться въ тайнѣ.

Пребываю благосклонный къ вамъ

Николай.

С.-Петербургъ

24 апрѣля

1828 года.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Господамъ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Кочубею, генералу отъ инфантеріи графу Толстому и дѣйствительному тайному совѣтнику князю Голицыну.

Поручивъ вамъ главное наблюденіе за сохраненіемъ порядка и тишины въ государствѣ, я на ваше общее попеченіе возлагаю принятіе нужныхъ для сего мѣръ и въ томъ случаѣ, если Всевышнему будетъ угодно престѣчь дни мои во время отсутствія моего изъ столицы. Для руководства вашего въ сихъ обстоятельствахъ постановляются слѣдующія правила.

1) Офіціальное извѣстіе о кончинѣ моей долженствуетъ быть сообщено вамъ любезнѣйшимъ братомъ моимъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, если онъ будетъ свидѣтелемъ оной; въ противномъ же случаѣ начальникомъ моего главнаго штаба или тѣмъ, кто въ сіе время при мнѣ старшій находится будетъ.

2) Къ извѣстію имѣетъ быть приложено подробное описаніе всѣхъ обстоятельствъ кончины моей, утвержденное подписью медицинскихъ чиновниковъ и другихъ свидѣтелей.

3) До полученія сего офіціального извѣстія вы обязаны наблюдать, чтобы, несмотря на большую или меньшую достовѣрность всякихъ иныхъ свѣдѣній, всѣ правительственныя и судебныя мѣста въ имперіи продолжали дѣйствовать именемъ моимъ, на основаніи законовъ; получивъ же оное по означенному выше сего порядку, вы имѣете немедленно донести о томъ любезнѣйшему брату моему, великому князю Михаилу Павловичу, который въ силу постановленія манифеста моего отъ 28-го января 1826 года облечается саномъ и властью правителя государства и за подписаніемъ своимъ издастъ манифестъ отъ лица наслѣдника моего, сдѣлавъ всѣ надлежащія распоряженія для приведенія къ вторичной ему присягѣ.

4) Если въ сіе время любезнѣйшій братъ мой, великій князь Михаилъ Павловичъ, будетъ въ отсутствіи, то манифестъ наслѣдника моего, вслѣдствіе даруемаго вамъ чрезъ сей указъ полномочія, подписывается вами, и до прибытія правителя государства въ С.-Петербургъ вамъ предоставляется право завѣдывать всѣми дѣлами управленія, посылая указы и повелѣнія отъ имени новаго императора, за общимъ вашимъ подписаніемъ.

Николай.

С.-Петербургъ.
24 апрѣля
1828 года.

Господамъ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Кочубею, генералу отъ инфантеріи графу Толстому и дѣйствительному тайному совѣтнику князю Голицыну.

Оставляя столицу мою на неопредѣленное время и желая, чтобы и въ продолженіе отсутствія моего могли всегда и съ надлежащею скоростію быть принимаемы дѣйствительныя мѣры для охраненія общественнаго спокойствія, я призналъ за благо ввѣрить вамъ главное о семъ попеченіе. Вслѣдствіе сего вы имѣете непрестанно и тщательно наблюдать за положеніемъ и ходомъ дѣлъ въ государствѣ, отличая между оными тѣ, въ коихъ по самому свойству ихъ или особеннымъ обстоятельствамъ времени можетъ быть нужно приступить немедленно къ какимъ либо распоряженіямъ, выходящимъ изъ круга обыкновенныхъ дѣйствій управленія. Къ дѣламъ сего

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

рода принадлежать всѣ относящіеся къ чрезвычайнымъ случаямъ, въ коихъ можетъ быть угрожаема внутренняя или внѣшняя безопасность государства: бунты, открытіе злоумышленій, нашествіе непріятеля, голодъ, появленіе моровой язвы или иной опустошительной заразы и т. д. Въ сихъ случаяхъ и вообще въ обстоятельствахъ чрезвычайной важности вы имѣете, послѣ предварительнаго между вами соглашенія, предъявивъ государственному совѣту, правительствующему сенату и комитету министровъ, какъ сей секретный указъ, такъ и приложенный къ оному также секретный указъ правительствующему сенату, дѣйствовать по благоусмотрѣнію вашему съ полною властію, предписывая, если будетъ нужно, необыкновенныя выдачи денежныхъ казенныхъ суммъ, движеніе войскъ, удаленіе чиновниковъ, не исключая и самыхъ высшихъ, арестованіе пзобличенныхъ или подозрѣваемыхъ въ государственномъ преступленіи людей и дѣлая всѣ распоряженія, кои будутъ признаны необходимыми для соблюденія или возстановленія порядка и тишины въ государствѣ. Въ силу даннаго вамъ чрезъ сей указъ полномочія всякій главноначальствующій по военной и гражданской части обязанъ исполнять ваши предписанія, какъ именныя указы мои, и дѣйствіе сей ввѣряемой вамъ чрезвычайной власти будетъ продолжаться до полученія отъ меня новыхъ о семъ повелѣній. О всѣхъ происшествіяхъ и открываемыхъ умыслахъ, коими общественное спокойствіе можетъ быть болѣе или менѣ нарушено или угрожаемо, а равно и о принимаемыхъ вами мѣрахъ противодѣйствія или предосторожности, вы имѣете безъ малѣйшаго отлагательства доводить до моего свѣдѣнія.

Николай.

С.-Петербургъ.
24-го апрѣля
1828 г.

Указъ правительствующему сенату.

Признавая необходимымъ для пользы ввѣренныхъ намъ отъ Бога подданныхъ, чтобы и во время отсутствія нашего изъ столицы могли всегда и съ надлежащею скоростію быть принимаемы дѣйствительнѣйшія мѣры для охраненія общественнаго спокойствія, мы разсудили за благо снабдить особеннымъ на чрезвычайныя случаи полномочіемъ членовъ государственнаго совѣта: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Кочубея, главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ генерала отъ инфантеріи графа Толстого и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Голицына. Давъ имъ нужныя для руководства ихъ предписанія въ секретномъ отъ сего числа на имя ихъ указѣ, мы повелѣли имъ предъявить сей указъ правительствующему сенату, когда по усмотрѣнію ихъ будетъ въ семъ надобность, а правительствующему сенату повелѣваемъ сообразоваться въ точности съ волею нашею, въ ономъ указѣ изъясленною.

Николай.

С.-Петербургъ.
24-го апрѣля
1828 г.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Наказъ

учрежденной на время отсутствія моего комисіи.

I.

По случаю отъѣзда моего къ дѣйствующей арміи учреждается на время моего отсутствія изъ столицы особенная комисія, которая будетъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи часть дѣлъ, по установленному нынѣ порядку на усмотрѣніе мое подносимыхъ.

II.

Для сего статсъ-секретарь, управляющій моею собственною канцелярію, вноситъ въ сію комисію всѣ поступающіе въ сію канцелярію журналы и меморіи государственнаго совѣта и комитета министровъ, доклады и рапорты правительствующаго сената, представленія и донесенія комисіи прошеній, министровъ и другихъ главноначальствующихъ, а равно и военныхъ генераль-губернаторовъ, военныхъ губернаторовъ и прочихъ начальствъ, не исключая изъ того и дѣла, подлежащія тайнѣ. Министры финансовъ и морской и управляющій военнымъ министерствомъ, руководствуясь данными особенными постановленіями, вносятъ сами въ присутствіе комисіи означенныя въ сихъ наставленіяхъ дѣла.

III.

Доклады святѣйшаго синода также поступаютъ на предварительное разсмотрѣніе комисіи чрезъ I отдѣленіе собственной моей канцеляріи. По дѣламъ, коихъ разрѣшеніе будетъ зависѣть отъ комисіи, объявляются моимъ именемъ повелѣнія оберъ-прокурору святѣйшаго синода чрезъ посредство управляющаго моею собственною канцелярію статсъ-секретаря.

IV.

Комисія для разсмотрѣнія и отправленія поручаемыхъ ей вѣдѣнію дѣлъ собирается въ комнатахъ Зимняго или одного изъ загородныхъ дворцовъ моихъ; старшій изъ находящихся въ собраніи членовъ, исправляющій должность председателя, въ присутствіи прочихъ вскрываетъ вступающія въ оную бумаги.

V.

Комисія, въ силу особеннаго симъ даннаго ей на время отсутствія моего изъ столицы права, можетъ объявляемыми отъ имени моего, чрезъ председателя государственнаго совѣта и комитета министровъ, или чрезъ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, или же чрезъ управляющаго моею собственною канцелярію статсъ-секретаря, повелѣніями дѣлать слѣдующія распоряженія.

1) Обращать къ исполненію мнѣнія государственнаго совѣта, единогласно или большинствомъ голосовъ принятія, по дѣламъ тяжбымъ и уголовнымъ, по коимъ

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

не требуется указа за собственнымъ моимъ подписаніемъ, а равно и положенія комитета министровъ на томъ же основаніи.

2) Также обращать къ исполненію мнѣнія комиссіи прошеній.

3) Разрѣшать не опредѣленные въ общемъ расписаніи расходовъ выдачи денежныхъ и казенныхъ суммъ, на основаніи даннаго о семъ наставленія министру финансовъ.

4) Разрѣшать назначеніе чрезвычайныхъ слѣдствій.

5) Разрѣшать увольненіе въ отпускъ на срочное время.

6) Утверждать удаленіе отъ мѣстъ и преданіе суду чиновниковъ, изобличаемыхъ въ преступленіи.

7) Разрѣшать выдачу пенсій на основаніи правилъ утвержденнаго мною въ 6-й день декабря 1827 года устава о пенсіяхъ.

Всѣ прочія дѣла и въ особенности проекты какихъ либо новыхъ законовъ, учреждений и уставовъ комиссія представляетъ на мое усмотрѣніе. Она также представляетъ мнѣ сокращенныя вѣдомости о дѣлахъ, ею рѣшенныхъ, означая, когда сіи дѣла имѣютъ нѣкоторую важность, и причины постановляемыхъ ею рѣшеній.

VI.

Всѣ указы мои и повелѣнія, препровождаемые въ комиссію, отъ нея сообщаются или объявляются по принадлежности, чрезъ предсѣдателя государственнаго совѣта и комитета министровъ, или чрезъ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, или же чрезъ статсъ-секретаря, управляющаго собственною моею канцеляріею.

VII.

Комиссія съ особеннымъ вниманіемъ нечется о предохраненіи государства отъ всего, что можетъ явно или тайно угрожать общественному спокойствію. Для сего главнокомандующій въ С.-Петербургѣ сообщаетъ ей всѣ нужныя посредствомъ полиціи или инымъ образомъ получаемыя имъ свѣдѣнія. Извѣстія сего рода отъ прочихъ начальствъ поступаютъ въ 1-е отдѣленіе моей собственной канцеляріи и управляющимъ оною статсъ-секретаремъ представляются комиссіи.

VIII.

Комиссія рѣшаетъ всѣ представляющіеся въ разсматриваемыхъ ею дѣлахъ вопросы по большинству голосовъ, и отвѣтственность за принимаемыя ею мѣры остается на тѣхъ, кои составляли большинство.

IX.

Въ дѣлахъ важныхъ и вообще, когда сіе будетъ признано нужнымъ, комиссія составляетъ журналы своихъ засѣданій. Въ оныхъ означаются рѣшенія комиссіи, а равно и особенныя мнѣнія членовъ ея и присутствующихъ въ оной по дѣламъ своего вѣдомства министровъ морского и финансовъ, и управляющаго военнымъ министерствомъ. Сіи журналы могутъ быть составляемы или статсъ-секретаремъ, управляю-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ицимъ моею собственною канцелярією, или министрами финансовъ и морскимъ, и управляющимъ военнымъ министерствомъ, по дѣламъ, или въ комиссію вносимымъ, или же по особеннымъ распоряженіямъ и подъ надзоромъ комиссіи. Рѣшенія ея приводятся въ исполненіе по установленному въ V-й статьѣ порядку объявляемымъ отъ имени моего повелѣніями. Въ случаяхъ, когда нужны указы за моимъ подписаніемъ, комиссія представляетъ мнѣ проекты сихъ указовъ съ подробными реестрами или записками.

X.

1-е отдѣленіе собственной канцеляріи моей принимаетъ и отправляетъ дѣла по существующему нынѣ порядку, соображаясь съ постановленными въ семь наказъ правилами.

Николай.

X.

Письмо императора Николая I-го графу Дибичу отъ 21 августа 1828 года.

Odessa. le 21 Août.
1828.

Yvélitche vient d'arriver dans ce moment même, et je ne sais que vous dire, cher ami, si je suis plus indigné ou plus affligé de ce qui s'est passé chez vous. Depuis mon départ et votre maladie, il me paraît que tout s'est endormie et va à l'envers du sens commun. L'affaire du 14 n'a pas de nom et vous pouvez dire de ma part au maréchal que je ne comprends pas comment il peut se faire, s'il sait qu'il commande une armée russe, que les turcs ont pu rester en possession d'une redoute Russe sous son nez pendant 12 heures de suite. La perte des canons est encore plus honorable; en voilà déjà 8 au pouvoir des turcs, et qu'a-t-on fait depuis que l'on est à Choumla? Est ce ainsi que l'on remplit les ordres bien positifs que j'y ai laissés. Quand dans votre dernier rapport vous me disiez que les turcs ont détruit le village de Straja, je me suis d'abord douté qu'il voulait soit y faire une nouvelle batterie soit y placer une redoute ou bien nous attaquer sur ce point; comment personne ne s'en est-il douté chez vous?— L'abandon d'Eski Stamboul est une autre belle chose! Et que fait-on donc de toute l'immense artillerie qui est là; est-elle là uniquement pour faire crever les chevaux d'inanition et sans tirer un coup de canon; enfin qu'est ce que le maréchal pense donc, s'il pense! Enfin tout cela est pitoyable et détestable. Le rapport d'Abakoumof est ce qui m'inquiète le plus; tout peut se refaire mais si nous n'avons pas de quoi nourrir l'armée que reste-t-il à faire que de s'en aller au plus tôt et c'est un beau résultat d'atteindre après tous les sacrifices inutiles de portés. Je vous autorise de suite à accorder le plan que vous proposez; cependant j'ordonne que le maréchal reste avec son état major près du corps qui restera à Enibazar, c'est là sa place et je saurais me passer de lui à, Warnaj; vous venez me joindre avec le reste du 3-e corps et le 20-me chasseurs et laissez la division de chasseurs à cheval à Kostoudgi comme grande réserve pour couvrir nos communications, et pour appuyer soit à droite le maréchal soit Madatof si on le repous-

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

sait, soit nous, si nous avons besoin d'elle. Je pars cet après dîner. Les batteries de complètement du 3 corps doivent être près de vous déjà d'après la marche route que je tiens de Witt; celui de la 9-e division est à Bazardjik pour le 1 Septembre; et celui de la 8-e le 14; faites les venir de suite vous joindre. Je vous ai déjà dit que ceux de la 7 et 10 sont déjà à Warna. Vous aurez vu que nous nous sommes presque rencontré d'idée avec vous. La batterie de siège devra marcher vers Warna et non par l'autre rive du Liman. Je ferais arriver la garde si déjà elle ne l'aura pas fait de manière à y être pour le 29. Ayez bien soin de faire évacuer les malades et blessés sur Varna ou Kowarna, et j'espère aussi que vous aurez pensé à ne pas compromettre l'artillerie que vous renvoyez. Il faut aussi songer à ne pas compromettre la route de Silistrie, et en tous cas prévenir Rott de prendre bien garde à lui. Quelles mesures avez vous pris pour nourrir le corps de Scherbatof? j'espère que l'on n'aura pas négligé d'y songer à temps. Tout ce que je vous écris est pour le cas probable que Varna ne soit pas tombé; s'il l'était ce que Dieu veuille, alors il faut tenir devant Choumlà et nous attendre.

Je suis navré de tout ce tableau, et je vous assure que je ne sais trop comment nous nous en tirons. Faites connu haut que je suis fort mécontent des chefs et que c'est eux seuls que j'accuse de tout ce qui arrive. A revoir, mon cher ami.

Tout à vous

N.

Ma femme vous dit mille choses. J'ai signé le manifeste pour 4 de 500.

P. S. Dans votre note vous me dites être disposé à ne faire ce mouvement que quand, arrivé devant Warna, j'en voyais la nécessité; mais je préfère vous délier les bras dès ce moment pour prévenir les événements et ne pas vous laisser dans l'inactivité sur ce que vous avez à faire. Ainsi, si après son arrivée, le comte Woronzof jugeait qu'après l'arrivée de la garde il peut cerner complètement la place et se flatter de la réduire bientôt, et que vous, vous ne voyez point de danger à rester devant Choumla, et que vous y avez encore de quoi vivre, vous pourrez rester. Si non, suivez le plan proposé et auquel j'accède, mais de grâce sauvez les malades et les blessés et l'artillerie. Si vous restez à Choumla, il faut par un coup d'éclat remonter l'esprit de la troupe; l'on s'était toujours proposé de prendre la redoute de Мачинъ, ne serait-ce donc pas possible à tenter? Si vous quittez Choumla, probablement l'on vous suivra; il serait possible même qu'on le fasse avec imprudence, et que nous pourrions en profiter; une fois dans la pleine il serait plus que probable qu'avec notre nombreuse artillerie et notre bonne infanterie nous pourrions les battre; pensez y bien et que Dieu vous assiste.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

XI.

Манифестъ императора Николая о кончинѣ императрицы Маріи
Феодоровны 24-го октября 1828 года.

Божіею милостію
МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССИЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподаннымъ.

Всевышнему было угодно поразить Насъ новымъ страшнымъ ударомъ. Мы лишились Любезнѣйшей Родительницы Нашей Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. Болѣзнь, слабая вначалѣ и внезапно усилившаяся, двадцать четвертое сего мѣсяца въ два часа пополудни положила конецъ Ея драгоцѣнной жизни, коей всѣ минуты были посвящаемы исполненію обязанностей высокой добродѣтели. Въ терзаніяхъ сердца, смирясь предъ таинственнымъ испытующимъ Насъ Промысломъ, Мы обращаемся и къ любезному Намъ народу. Горесть наша есть горесть всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, и только въ ихъ усердномъ участіи Мы можемъ находить утѣшеніе. оплакивая незабвенную Родительницу Нашу, они вмѣстѣ съ Нами вознесутъ мольбы къ Благому и въ строгостяхъ Богу, да успокоитъ Онъ на лонѣ Своемъ Ея кроткую душу, бывшую вмѣстилищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ и доблестей; а Намъ и всему отягченному скорбію Дому Нашему, да ниспошлетъ силы и утѣшенія свыше. Данъ въ столичномъ градѣ Нашемъ Санктпетербургѣ, двадцать четвертое октября въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ двадцать восьмое, царствованія же Нашего въ третіе.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Николай.

(Мѣсто печати).

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ октября 24 дня 1828 года.

XII.

Приказъ цесаревича Константина Павловича польской арміи
16-го октября 1828 года.

Ordre de jour

à

l'armée polonaise.

Au quartier général
à Varsovie.

Le $\frac{16}{28}$ Octobre 1828.

№ 44.

Le succès des armes de sa majesté l'empereur et roi, ayant subjugué à son pouvoir Varna le $\frac{29\text{ Septembre}}{11\text{ Octobre}}$, sa majesté impériale et royale daigna se rappeler que depuis près de quatre siècles révolues le roi Vladislav III, un de ses prédécesseurs, perdit la vie au milieu d'un combat mémorable livré aux tures sous les murs de cette ville.

Voulant honorer les mânes du jeune héros d'un souvenir éclatant, sa majesté l'empereur et roi de Pologne a bien voulu ordonner, que 12 pièces d'artillerie, du nombre de celles prises dans cette forteresse, soient conduites à Varsovie afin d'y être gardées en mémoire de la chute décisive de Varna.

Publiant par le présent ordre cette preuve de la sollicitude paternelle de sa majesté pour ses sujets polonais, je ne doute point, connaissant l'esprit dont est animée l'armée polonaise, qu'elle saura apprécier cette haute faveur à laquelle désormais seront attachés tant de souvenirs brillants, qui, je suis sûr, lui présenteront un nouveau sujet de s'en rendre digne par une fidélité inébranlable et un dévouement sans bornes.

Le commandant en chef

Constantin.

XIII.

исьмо цесаревича Константина Павловича барону Розену
21-го октября 1828 года.

Любезнѣйшій баронъ Григорій Владимировичъ.

Препровождаю при семъ къ вамъ два полученныя мною донесенія отъ подольскаго гражданскаго губернатора, которыя по прочтеніи прошу ко мнѣ возвратить. Изъ оныхъ вы усмотрите: 1) что изъ-подъ Шумлы наши войска отступили 8-го октября, простоявъ тамъ напрасно три мѣсяца и сдѣлавъ большую потерю въ людяхъ,

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

а объ лошадяхъ можете судить, какъ велика она, изъ препровождаемой при семь записки, выписанной изъ доставленнаго мнѣ журнала отъ генераль-адъютанта Киселева, которыхъ въ 10 дней отъ 5-го до 16-го сентябрю пало болѣе 800, и, по сему разсчитывая, можно себѣ вообразить, сколько оныхъ пропало до 8-го октября и далѣе, и 2) главная квартира 2-й арміи будетъ въ г. Бузео, далѣе даже отъ Дуная, какъ бывало въ прежнія войны, ибо она обыкновенно располагалась въ Букарестѣ, а гвардія будетъ стоять въ Подольской губерніи. Изъ журнала же генераль-адъютанта Киселева видно, что получено было донесеніе отъ генераль-адъютанта князя Щербатова, что тогда, когда онъ шелъ съ своимъ корпусомъ къ Силистріи, онъ по недостатку продовольствія въ крѣпости Гирсовѣ и по дорогѣ отъ оной къ Силистріи принужденъ былъ дать войскамъ другое направленіе, — коли нѣтъ продовольствія даже внутри по сю сторону Дуная, какъ же судить о томъ, что далѣе.

Вы въ письмѣ ко мнѣ отъ 15-го октября говорите, что при началѣ войны не полагали, чтобы турки послѣ уничтоженія янычаръ могли въ такое короткое время замѣнить ихъ столь храбрыми и преданными войсками, скажу вамъ на сіе, что государь императоръ изволилъ прислать мнѣ нынѣ одного турецкаго барабанщика нынѣшнихъ регулярныхъ войскъ, ему лѣтъ 20-ть отъ роду, весьма проворенъ и острѣе; онъ сынъ янычара, который убитъ во время истребленія ихъ, и у него самого, имѣвъ онъ тогда 15 лѣтъ, прострѣлена насквозь шея. Коль скоро онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, то съ перваго взгляда на его стойку я тотчасъ увидѣлъ, что это французское дѣло; когда же онъ сталъ дѣлать ружьемъ, то я въ семь болѣе еще удостовѣрился, и несмотря на то, что барабанщикъ меня чрезвычайно удивилъ, такъ ловко, проворно и твердо прометалъ всю экзерцицію, что никакъ ожидать сего нельзя было, а руку откидывалъ такъ живо, что, можетъ быть, не лучше сего дѣлаютъ здѣсь въ 4-мъ польскомъ полку; онъ, кромѣ турецкаго, не знаетъ другого языка, но манера и звукъ командныхъ словъ, которыя онъ произносилъ по-турецки, есть совершенно французскіе, да и всѣ бои на барабанѣ, которые онъ билъ, французскіе же. Онъ мнѣ самъ сказывалъ, что въ турецкой арміи множество теперь французскихъ и итальянскихъ офицеровъ, считаютъ ихъ до 2.000 и даже въ каждой ротѣ по два и по три ¹; англичанъ же и нѣмцевъ вовсе нѣтъ. Слѣдственно у насъ весьма ошиблись, начиная войну, что съ турками весьма легко будетъ управиться, и вышло совсѣмъ тому противное, что и на дѣлѣ теперь подтвердилось.

Препровождаю еще для любопытства вашего приказъ, отданный по флоту, который прошу ко мнѣ возвратить. Изъ онаго вы замѣтите объявленную благодарность за вырѣзку турецкаго флота. Таковое выраженіе предоставить бы дѣлать султану и его капитанъ-панѣ, а не нашимъ морскимъ начальникамъ употреблять.

Всегда васъ съ дружбою уважающій

«Константины».

¹ «Это дѣйствія французскихъ либераловъ, которые за то, что покойный государь укротилъ ихъ при Наполеонѣ, мстятъ теперь Россіи. И французскіе журналисты и газетчики, которые насъ прежде подстрекали къ войнѣ противу турокъ, теперь острить свое жало насчетъ нашихъ неудачъ и порицаютъ оную войну. Журналъ, доставленный отъ генераль-адъютанта Киселева, при семь препровождается, который по прочтеніи прошу ко мнѣ возвратить».

XIV.

Записка генералъ-адъютанта Васильчикова по поводу кампании
1828 года.

Aperçu sur la campagne de l'année 1828.

La campagne qui vient de se terminer par un beau fait d'arme, n'a cependant pas répondu à l'attente de l'Europe; elle n'a pas eu les résultats qu'on s'en était promis; elle a laissé la question de la paix à résoudre, elle a ouvert un vaste champ aux intrigues des cabinets. Il faut donc se préparer à une nouvelle campagne en mettant à profit l'expérience que l'on a acquise, éviter de retomber dans les mêmes fautes qui ont empêché d'arriver à des résultats plus positifs.

Le but de cet aperçu consiste à rechercher les causes qui ont fait manquer la campagne et indiquer les moyens propres à assurer les succès de celle qui doit se faire. Je n'ai pas l'intention de présenter un plan d'opérations, encore moins celle de m'ériger en critique sévère, je veux uniquement mettre sous les yeux de mon souverain les remarques que j'ai été à même de faire. A la fin de ma carrière militaire, malade comme je le suis, je ne puis être taxé ni d'ambition, ni d'intrigues; je serai trop heureux, si une seule des idées que contient cet aperçu, pourra être reconnu utile et servir à la gloire de mon souverain.

Il ne faut pas rechercher les causes qui ont fait manquer cette campagne ni dans une ligne d'opération mal choisie, ni dans des fautes de stratégie ou de tactique, ni enfin dans la supériorité et les talents de l'ennemi; il est facile de les reconnaître dans les erreurs de calculs sur le nombre des troupes qui devaient être employés et dans les faux renseignements que l'on a eu sur les moyens offensifs du sultan et l'esprit qui animait ses troupes; on a méprisé son ennemi, on a malheureusement cru pouvoir faire une marche triomphale jusqu'à Constantinople et l'on a voulu méconnaître les difficultés sans nombre que cette guerre présentait. Pour s'en convaincre il s'agit seulement de jeter les yeux sur les forces avec lesquelles on faisait marcher un empereur de Russie à la conquête de l'empire Ottoman; on verra que cette armée de Xerxès, comme l'appelaient les diplomates étrangers à St.-Petersbourg, comptait à peine 90.000 hommes sous les armes. C'est avec ces forces que l'on devait occuper la Moldavie et la Valachie, bloquer les forteresses du Danube, faire le siège de Brailoff et marcher sur Varna et Schoumla; n'est-il pas clair que l'espoir de réussir avec d'aussi faibles moyens, ne pouvait être basé que sur la conviction, que les forteresses du Danube tomberaient à notre approche et que Choumla était une position ouverte, comme le disaient des individus qui prétendaient l'avoir reconnu.

On a voulu rejeter les résultats de cette campagne sur l'occupation de la petite Valachie et sur le siège de Brailoff; mais en supposant même que ce fut une faute (quoique je suis bien loin d'en convenir), cela ne change en rien mon raisonnement; car nous n'avions dans la petite Valachie que 6.000 hommes, le corps de Voïnoff ne dépassait pas 25.000 combattants; en convertissant le siège de cette place en blocus, il était impossible d'y employer moins de 10.000 hommes, car c'est un point beaucoup

trop rapproché de nos communications; la chute de Braïloff a entraîné celle de Hirsowa, Matchine, Toulitchi et Kustendjy, sans elle il est certain que toutes ces places auraient tenues et auraient occupés quatre brigades au moins; où est donc le surcroît de forces que nous avons perdu en assiégeant Braïloff? Est-ce les 6.000 hommes que nous avons en Petite Valachie qui nous manquaient pour avancer sur Varna et Choumla. A peine la campagne commencée que les militaires expérimentés au camp de Karatay, prévoyaient déjà qu'elle était manquée; au lieu de 100.000 hommes qui auraient dû s'y trouver, l'œil étonné en comptait à peine 18.000; cinq semaines du temps le plus précieux furent perdus à concentrer les corps isolés et pour accélérer la réunion de 50.000 hommes, on fut obligé de permettre la libre sortie des garnisons des forteresses du Danube, qui allèrent renforcer les troupes que nous allions combattre. Certes la réunion d'aussi faibles moyens ne peut s'expliquer, que par de faux renseignements sur les localités et la résistance qu'on devait rencontrer. Mais pouvait-on s'y méprendre? pouvait-on méconnaître le caractère ferme et résolu du sultan? pouvait-on ignorer, que si les tures sont faciles à vaincre en plaine, ils défendent aussi bien qu'aucune autre troupe leurs retranchements et leurs murailles? pouvait-on ne pas savoir qu'en marchant sur Varna et Choumla, on entrait dans un pays de défilés et de montagnes, et qu'outre les troupes, on aurait sur les bras une population armée et fanatique? pouvait-on enfin ignorer la force de la position de Choumla et croire que 50.000 hommes, dans un terrain coupé et difficile, suffiraient pour frapper des coups décisifs? Il est donc clair que le chef d'état major a basé les préparatifs de cette guerre sur des renseignements peu exactes, et qu'il a évité toute discussion avec des militaires dont l'expérience pouvait en fournir de plus positifs. Le génie même ne saurait faire tout par lui-même, et il n'y a pas d'hommes de talent qui puissent se passer des idées d'autrui. C'est sur cette vérité que j'ose appeler l'attention de l'empereur; la majesté impériale n'a pas d'homme d'un génie supérieur ni dans ses armées, ni dans ses conseils, auquel pourrait exclusivement et avec pleine sécurité remettre le soin des préparatifs d'une seconde campagne; mais elle a plusieurs hommes de talents, dont l'expérience et les idées ne sont pas à négliger; en réunissant en comité ceux d'entre eux dont les qualités inspireraient le plus de confiance, et leur faisant discuter en sa présence le plan d'opération, et les mesures nécessaires pour en assurer le succès, elle se mettrait à même de juger le pour et le contre, et adopterait l'opinion qui lui conviendrait. Une discussion partielle avec ces mêmes individus serait plus tôt nuisible qu'utile; on ne raisonne bien qu'entouré de tous les renseignements nécessaires et ce n'est que du choc des opinions que jaillit la vérité. Il ne faudrait pas que ce comité fût nombreux, trois ou quatre individus suffiraient; on y appellerait les généraux gouverneurs des provinces qui doivent fournir les subsistances; on réglerait le tout avec eux et environné de tous les renseignements, on combinerait les moyens de faire peser également sur toute la Russie les sacrifices que la guerre exigerait. Cette mesure inspirerait de la confiance et mettrait la personne de l'empereur à couvert de tout reproche.

Cet aperçu comme je l'ai déjà dit n'ayant pour but que de relever les fautes commises dans les préparatifs de cette guerre, afin de les éviter dans la campagne qui doit se faire, je commencerai par signaler comme faute principale l'admission d'un maréchal au commandement de l'armée lorsque l'empereur la dirige en personne; un pareil conflit de pouvoir ne saurait être utile; l'histoire des temps modernes nous en fournit plus

d'une preuve; car si le maréchal est un homme de talent et de mérite, il ne voudra pas jouer le simulateur d'un général en chef, si au contraire le choix tombe sur un homme sans moyens, qui se laisse faire, je ne vois pas de quelle utilité il pourrait être. En vain me dira-t-on que l'empereur ne peut entrer lui-même dans les détails de l'administration de l'armée, et que c'est pour cela qu'un général en chef nécessaire; je ferai à cette objection la même réponse, qu'un homme de talent ne voudra pas se borner à faire l'intendant de l'armée, et qu'un homme sans moyens ne l'administrera pas, mais la désorganisera. En supposant même que l'on trouve un homme de mérite qui voulut faire abnégation totale d'amour propre, son chef d'état major se trouvera dans une position aussi fautive que difficile, le conflit des deux autorités, du général en chef et du chef de l'état major de l'empereur, embarrassera et entravera son travail; il se trouvera sous la direction de l'un et de l'autre, obligé de complaire à tous les deux, il n'osera exécuter les ordres de son général en chef, sans avoir l'approbation du chef d'état major de l'empereur, il perdra son temps en négociations puériles, les affaires s'accumuleront, les décisions se ressentiront du trop de précipitation et le désordre s'en suivra. J'ai été à même de juger, combien, ce que j'avance ici, est positif et je ne crains pas d'être contredit; or en partant du principe que la centralisation et l'unité du pouvoir est une des premières conditions d'une armée bien organisée, je persiste à croire, que lorsque l'empereur commande en personne, un général en chef est un rouage de trop, qui entrave le mouvement de la machine. La faute que je viens de signaler a été, j'ose le dire, la source de bien des erreurs; au lieu de réunir à St.-Petersbourg tous les individus qui devaient coopérer aux préparatifs de la guerre et entourés de tous les renseignements possibles, discuter et arrêter un plan qui embrassa toutes les parties administratives; par ménagement pour le maréchal on lui abandonna le soin de régler l'approvisionnement et l'administration de l'armée; son chef d'état major homme de beaucoup d'esprit, de loyauté et d'activité manquait d'expérience; voyant la nullité des moyens de son chef, il craignit de prendre une trop grande responsabilité sur lui, de là vinrent des questions, des correspondances, des retards et même des bêtises. Le siège de Brailoff éprouva des entraves faute de matériaux nécessaires; le passage du Danube ne dut son exécution qu'à la ferme volonté de l'empereur; à peine entré en Bulgarie, les communications se trouvèrent interrompues par l'oubli des chevaux nécessaires pour transporter les courriers; à peine la campagne commencée, que les troupes se trouvèrent sans viande et sans sel; ce dernier article avait été totalement oublié, le premier devait être fourni par des réquisitions, dans un pays où jamais nos troupes n'avaient rencontré une poule; les hôpitaux dénués de tout, manquaient même de chirurgiens pour soigner les malades; les bâtiments qui apportaient l'approvisionnement de l'armée, restaient plusieurs semaines dans la rade, faute de bras pour les décharger; les convois marchaient sans escortes et si nous n'en avons perdu que peu, ce n'est qu'à l'ordre admirable dans lequel ils marchaient et la sottise de notre ennemi; on avait accumulé des équipages de ponts, tandis qu'on n'avait pas de rivières à passer et on avait négligé de se donner des ponts à chevalets portatifs, indispensables pour traverser un pays où chaque ruisseau devient un torrent à la moindre pluie.

Ces erreurs inouïes prouvent non seulement l'incohérence et le peu d'ensemble que l'on a mis dans les préparatifs de la guerre, mais mettent au jour l'incapacité des employés de l'administration de l'armée. Si le chef d'état major manquait d'expérience,

le quartier maître général en avait non seulement moins, mais était encore dénué d'activité et de coup d'oeil. Le général de service était un homme au dessous du médiocre, sans ordre, sans activité, sans la moindre prévoyance; l'intendant général était bien loin d'avoir les qualités nécessaires pour un poste aussi essentiel; ignorant, incapable de grandes combinaisons, sans prévoyance, sans aucune idée de la guerre. Voilà sur qui roulait l'administration d'une armée commandée par l'empereur en personne.

Mais, qui prendre, me dira-t-on, où sont les hommes de talent et d'expérience? C'est là où j'en voulais venir pour signaler un principe dont je ne puis admettre l'utilité. Rien de plus juste que d'employer un général à la tête d'une troupe qu'il a commandé en temps de paix, pour peu qu'on lui reconnaisse de la capacité; mais si ce général n'est arrivé aux grades supérieurs que grâce à son ancienneté et à des promotions trop fréquentes, s'il n'a ni instruction, ni moyens, s'il n'est bon enfin qu'à former des troupes et non à les mener au combat, ce principe peut devenir la source de bien des malheurs. Les promotions par tour de rôle sans égard à la capacité de l'individu promu, écrasent le vrai mérite, lui inspirent du dégoût et avilissent les rangs. Un bon colonel peut devenir un bien mauvais général, et un bon général de division peut se trouver très déplacé à la tête d'un corps. Or avancer 30 généraux sur lesquels il n'y en a peut-être pas dix d'employables, c'est augmenter inutilement les dépenses, jeter de la défaveur sur les rangs et faire par là un mal réel à l'armée. C'est au principe que je viens de signaler qu'il faut attribuer la composition d'un état major aussi étrange; on n'a voulu déplacer personne, et au lieu d'entourer l'empereur de gens dont l'expérience et les talents promettaient de ne pas compromettre sa gloire, on préféra d'en abandonner le soin à des mains novices et sans antécédents. Pourquoi n'avoir pas appelé Toll à St.-Petersbourg et ne lui avoir pas donné la place de Kissélef, qui aurait très bien commandé une division, et ne pouvait pas se trouver offensé d'être remplacé par le général Toll? Pourquoi n'avoir pas fait commander la cavalerie par le comte Pahlen, qui certes aurait mieux fait que Ridiger, que l'on n'a que trop employé? On conviendra qu'un général de service plus capable que Baïkoff et un intendant général plus distingué que Melgounoff était aisé à trouver. Ce n'est donc pas les hommes qui manquaient, c'est l'application du principe que je viens de combattre, qui a donné lieu à une réunion d'hommes d'une capacité aussi nulle.

Je finirai par une vérité que personne j'espère ne me contestera: c'est que ni le passage du Danube, ni la prise de Varna n'auraient eu lieu, sans la ferme volonté et la prévoyance de l'empereur; on se serait obstiné à attaquer de vive force ou à bloquer Choumla, on y aurait mené les gardes et on aurait consumé la saison des opérations sans aucun résultat. Toutes les erreurs que je viens de relever viennent à l'appui d'un principe que je crois incontestable, c'est que dans les opérations de la guerre, en présence de l'ennemi, celui qui commande ne doit prendre conseil que de ses lumières; mais pour préparer une campagne, on ne saurait assez s'entourer de gens expérimentés et capables. Je persiste donc à croire, que pour assurer le succès de celle qui va se faire, il faudrait que l'empereur, sans perdre de temps, appela près de lui les individus dont les lumières et l'expérience lui sont connus; qu'il les chargea de discuter en sa présence le plan de campagne, aussi bien que les moyens à employer pour en assurer le succès; qu'il les entoura de tous les renseignements possibles et que tous ceux qui doivent coopérer à l'exécution administratif du plan qui sera arrêté, se trouvassent à St.-Petersbourg pour recevoir leurs instructions. Je ne puis assez le répéter: la guerre contre la Turquie est

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

purement administrative, l'empereur a bien autre chose à faire que de s'occuper des détails minutieux qu'exigent les préparatifs d'une campagne, son chef d'état major est trop surchargé d'affaires pour pouvoir suffire seul à cette besogne; il est donc indispensable qu'il se trouve entouré d'individus capables de l'aider dans une opération aussi compliquée. Cette mesure me paraît d'autant plus nécessaire, que l'horizon politique n'est pas clair, que l'hiver peut nous amener plus d'un ennemi que les circonstances exigeront peut-être un grand développement de forces, que le temps presse, et qu'il est urgent de prendre les mesures les plus efficaces, pour que la campagne prochaine puisse commencer les premiers jours d'Avril et que les retards et le désordre qui ont eu lieu dans la formation des réserves sous les ordres du comte de Witt, ne puissent se répéter, si non, les plus belles combinaisons militaires ne produiront que de tristes résultats.

XV.

Переписка по поводу секретнаго комитета 4 сентября 1829 года.

Графъ Нессельроде графу Дибичу.

С.-Петербургъ. 7 (19) сентября 1829 г.

Vous avez désiré obtenir pour la mi-Septembre des reponses aux différentes questions que vous avez, mon cher comte, soumises à l'empereur dans votre note du 13 Août. Nous cherchons aujourd'hui à tous satisfaire autant qu'il peut être au pouvoir des hommes de prévoir et de juger d'aussi loin tous les cas qui peuvent se présenter. La quintessence de notre conseil s'est réuni; l'empereur a bien voulu honorer nos aperçus de son suffrage et vous recevez par le premier courrier les conclusions de notre première séance. Je vous invite surtout à lire un mémoire de Dachkoff fait vraiment de main de maître, et où les avantages de la conservation de l'empire Ottoman en Europe sont exposés avec tant de clareté qu'ils crèvent les yeux par leur évidence. Dieu veuille que notre travail et nos délibérations soient inutiles, car plus on médite l'immense question de la chute de l'empire Ottoman, plus on s'enfonce dans un labyrinthe de difficultés et de complications les unes plus inextricables que les autres. Ainsi, mon cher comte, faites nous la paix et comptez sur la reconnaissance que vous porteront tous ceux qui savent un peu penser et raisonner en Russie. C'est la plus belle gloire qui puisse rejaillir sur le règne de l'empereur.

Conformément à mes promesses, je vous envoie, mon cher comte, les dernières dépêches de Londres; j'y ajoute un rapport du prince Lieven reçu hier et qui est encore plus satisfaisant. Sie werden daraus ersehen, wie die Leute alle von Kreutz gekrochen sind; tout ce que vous diront et vous insinueront Gordon et Guilleminot n'a plus la moindre valeur aujourd'hui. L'affaire est entre vos mains, ces officieux ambassadeurs ne peuvent plus faire aucun bien aux négociations et très peu de mal, lorsqu'on considère l'attitude magnifique où nous placent vos victoires. Vous en tirerez sûrement tout le fruit possible, et c'est dans cette conviction que je vous renouvelle mes plus invariables amitiés.

Nesselrode.

Voici une lettre de notre excellent comte Kotchubey.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Графъ Чернышевъ Дибичу.

7-го сентября 1829 г.

Le motif de l'expédition du présent courrier, cher comte, est tout diplomatique; il vous porte le premier protocole de nos discussions sur la plus grave et la plus importante des questions du temps présent. L'empereur a parfaitement approuvé les vues et les principes qui y sont développés, tout en désirant que vous n'ayez nullement besoin de ces bases générales pour vos opérations ultérieures et qu'une paix honorable et solide soit déjà définitivement arrêtée, au moment où les dépêches d'aujourd'hui vous parviendront. Notre comité se composait du comte Kotschoubey, le prince A. Galitzine, Tolstoy, Nesselrode, Dachkoff et moi; nous avons mûrement pesé la question et notre vote unanime a été la nécessité de faire tout ce qui dépendra de nous pour conquérir au plutôt la paix sans en venir au bouleversement de l'empire Ottoman en Europe, à moins que la force des circonstances ne nous y oblige par des causes indépendantes de notre volonté. En adoptant ce principe nous avons pesé les avantages et les désavantages de l'un et de l'autre de ces cas et nous avons été à même de nous convaincre combien le premier serait préférable pour nous que le second, qui ne manquerait pas d'entraîner des complications à l'infini et devenir une nouvelle source de calamités quelques glorieuses qu'en soient les apparences. Tout ce qui nous revient même de Constantinople nous fait espérer qu'en tenant un langage ferme, sévère et imposant, vous êtes déjà parvenu opposer votre signature à un traité le plus glorieux et le plus avantageux qu'ait jamais connu la Russie. Nous attendons de vos nouvelles avec la dernière impatience, pénétrés comme nous le sommes tous de l'impérieuse nécessité de ne pas perdre de temps; à l'heure qu'il est, non seulement Constantinople, mais tous les cabinets de l'Europe sont frappés de stupeur, tous ont été pris au dépourvu par vos victoires, ce dont nous pouvons nous permoudr par le changement de langage que l'on tient vis à vis de nous, mais si on leur donnait le temps de se reconnaître il en serait assurément autrement. Nesselrode vous instruit de tout cela en détail, cher comte, en mon particulier je jouis de toute mon âme de ce que la majeure partie des vœux que j'ai formé pour vous se réalise et le Ciel vous a accordé déjà une gloire historique à laquelle j'espère vous allez mettre le comble. Les nouvelles que nous avons reçues directement de Constantinople, en date ²⁹/₁₇ août, nous ont instruit de l'émeute qui y a eu lieu ainsi que des exécutions commandées par le sultan; quelque affligeantes qu'elles soient, elles ont au moins le côté favorable de ce que le gouvernement existant a pris le dessus et qu'il désire sincèrement la conclusion de la paix. Que Dieu bénisse tous vos efforts et les couronne d'un entier succès, chaque bruit de voiture que nous entendons nous fait croire à l'arrivée d'un courrier de votre part, vu que vos dernières dépêches étaient du 17 et que nous devons en recevoir incessamment.

L'extra-poste d'aujourd'hui a apporté les rapports de Paskévitch en date du 7 août; ils n'annoncent rien d'important depuis son combat de Harti, il va se porter en avant sur la route de Sivas pour disperser quelques nouveaux rassemblements, mais il paraît qu'ils ne sont pas bien considérables; différents pachas entrent en accommodement avec lui, ce qui améliore sa position; la forteresse de Millisherd lui a envoyé ses clefs. Il est toujours un peu inquiet pour Bajazet, il l'a cependant renforcé autant qu'il a pu.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Je vous demande pardon pour ma lettre, elle est écrite très à la hâte à la suite d'une manoeuvre sur la route de Vibourg et au moment d'un départ pour Czarskoÿé Selo et vous savez, cher comte, tout ce qui vous tombe sur le corps dans un pareil moment.

Agréez l'expression de tous mes vœux pour vous, ainsi que de mes sentiments aussi sincères que dévoués et cela pour la vie.

Czernicheff.

Графъ Дѣбичъ графу Чернышеву.

Адріанополь. 23-го сентября 1829 г.

Recevez, mon bon et cher ami, mes remerciements pour vos lettres du 7, 10 et 12 Septembre; tous ces feldjegher sont allés supérieurement bien et surtout Sigismond 2 et Bravoi qui nous sont arrivés en moins de 9 jours, avec tous les entraves des quarantaines—chose presque incroyable; je les recommande, comme les connaissant de longue date, à votre protection, étant persuadé que dans ce corps il faut toujours une égale et prompte justice, en récompense comme en sévérité.

Je vous suis bien reconnaissant pour la part que vous prenez à la brillante récompense que notre chéri et auguste maître a daigné m'accorder, je m'honore de connaître les saints devoirs qu'elle m'inspire et je prie Dieu qu'il me donne les forces de les remplir.

J'ai lu avec une attention extrême votre mémoire du comité secret sur nos relations avec la Porte Ottomane; partageant sur l'ensemble entièrement l'opinion de nos premiers hommes d'état, persuadé que la gloire de notre maître et celle de la Russie, qui en est inséparable, demandent dans le cas actuel supérieurement une telle décision; je voudrais cependant qu'on ne se fasse pas illusion sur la nécessité de prévoir la mort d'un malade qui ne vit plus que des remèdes palliatifs et qu'on s'occupe sans délai et sans préjuger du danger et en augmentant même si l'on le croit possible pour le guérir tous les moyens qu'on possède — des conséquences énormes de cette mort politique — qui malheureusement me paraît inévitable encore de notre temps d'après tout ce que je vois.

Je crois que le soutien que Paskévitch a accordé aux janissaires n'est pas dans les règles de la politique droite et loyale de notre souverain — ainsi que de trop grandes espérances données aux arméniens, malgré je crois les opinions personnelles du comte Erivansky, qui je crois extrêmement justes sous ce rapport depuis qu'il est devenu chef. Son caractère loyal et entreprenant ne lui permettra pas des démarches révolutionnaires, mais lui fera passer outre, là, où il ne voit pas une instigation directe et où des espérances vagues pourraient contribuer à la gloire de nos armes. C'est j'espère le seul point où nos vues et nos principes ne sont pas les mêmes, avec ce digne camarade; les expériences de 1813 et 1814 et ceux des années plus paisibles de 1815—1818 ont assis mes idées sur ces points de vue politique; je puis me tromper, mais je suis sûr que je ne changerai pas d'une conviction, dont les exemples les plus augustes m'ont prouvé la justice.

Veuillez, cher comte, porter aux pieds de sa majesté ma reconnaissance profonde pour la nomination de Laczinoff et de Tolstoy; j'aime à être persuadé qu'ils seront des serviteurs utiles et fidèles. Je suis bien reconnaissant, cher comte, de l'attention que vous avez eu de communiquer à ma femme la récompense que sa majesté a daigné m'accorder; comme

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

elle a toujours vu mon cœur à ouvert elle aura pressentie d'avance ma joie et ma reconnaissance et je vous le dois, cher ami.

Je ne comprend pas comment vous avez pu prendre sur vous le reproche que j'adresse au département de médecine sur le manque de médecins; je sais fort bien que ce n'est pas vous et pas même le département, qui en soit la cause et c'est sous ce point de vue même, que je vous ai envoyé le papier, croyant que cela vous donnerait une meilleure occasion d'insister contre les préjugés de Wyllie qui dans des pareils cas aime à s'adresser directement au souverain, fort des mérites incontestables qu'il a dans sa partie, mais qu'il diminue quelquefois par une opiniâtreté et un amour propre exagérés.

Je vous suis bien reconnaissant, cher ami, pour ce que vous me dites sur les sentiments que me portent mes braves frères d'armes. Je sais que j'ai eu le bonheur de m'acquérir leur confiance et leur amour, mais je les dois aussi de m'aimer plus que je ne les aime. Cet amour est un noble héritage de notre immortel bienfaiteur commun et je m'honore de le partager avec celui qui suit si dignement ses traces — aussi ce sentiment pur et profond ne se relâchera jamais en faiblesse.

Ce n'est que par le courrier prochain que je pourrai vous répondre sur la dislocation de la 1-re armée, que vous m'avez envoyé. Vous ne dites rien de la 2-me à laquelle il ne resterait que 3 divisions d'infanterie jusqu'au de la 20.000; de ces trois divisions, il faudra deux pour occuper le pays qui nous restera en garantie pendant plusieurs années, il n'en resterait donc qu'une pour occuper les provinces qui sont d'une richesse immense en blé, qui ont une quantité de places fortes et des ports de mer qui demandent des garnisons considérables; et elle devrait encore servir de garde de cordon en cas d'un danger de contagion. Il me paraît donc qu'il faudrait un corps de plus à la 2-de armée ou si l'empereur ne veut pas le conserver, de rapprocher un corps d'armée de la 1-ère dans les cantonnements de la Podolie et des cercles polonais du gouvernement de Kieff. Je vous répète que je vous répondrai plus au long avec le feldjegher prochain.

Le pacha de Scodra qui n'a rien fait pendant toute la campagne commence à faire le fier, apparemment pour sauver la tête; je méprise ces fanfaronnades, mais je saurai les punir avec l'aide de Dieu, s'il ferait la moindre chose contraire aux stipulations de la paix.

Adieu, cher et bon ami, encore une fois bien de remerciements pour l'amitié dont vos dernières lettres me sont un si fidèle témoignage.

Tout à vous J. Diebitsch Zabalkanski.

XVI.

Всеподданныйшее донесение секретнаго комитета императору
Николаю.

Его императорскому величеству.

Вашему императорскому величеству угодно было при отъѣздѣ вашемъ къ дѣйствующей арміи составить особую комиссію и избрать насъ къ отправленію въ оной дѣлъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Бывъ удостоены таковой монаршей довѣренности, мы старались всѣми силами оправдать оную и если дѣйствія наши въ чемъ либо не отвѣчали ожиданіямъ вашего величества, то, конечно, не отъ недостатка рвенія, не только и исполнять, но и угадывать волю вашу.

Благополучное и столь желанное всѣми возвращеніе вашего величества въ столицу оканчиваетъ дѣйствія наши, посему мы поставляемъ непремѣннымъ долгомъ отдать вашему императорскому величеству сокращенный, но на строгой истинѣ основанный отчетъ о тѣхъ предметахъ, кои по ходу дѣлъ и по вліянію, какое настоящія обстоятельства на общее мнѣніе имѣли, заслуживать могутъ нѣкоторое вниманіе.

Вашему императорскому величеству, конечно, пріятно будетъ, что во все время отсутствія вашего не имѣли мы никогда надобности прибѣгать ни къ какимъ строгимъ или рѣшительнымъ мѣрамъ, на кои, по уполномочію вашему, мы имѣли право.

Сему не обязаны мы какимъ либо распоряженіямъ нашимъ, какому либо направленію, отъ высшаго правительства данному. Расположеніе умовъ внутри имперіи есть вообще совершенно удовлетворительно. Спокойствіе вездѣ было сохранено, и не видно было нигдѣ и ни въ какомъ сословіи никакихъ порывовъ къ новизнамъ. Владѣльцы, имѣющие недвижимую собственность, естественно и желать оныхъ не могутъ; но не знаменовалось ничего, что бы заключать заставляло, что и классъ, имъ подвластный, сноситъ досель съ нетерпѣніемъ зависимость свою, и если открывались иногда въ продолженіе сего времени небольшія движенія крестьянъ, то сіе происходило или отъ притѣсненія ихъ или отъ невѣжества и иногда отъ непонятія при исполненіи рѣшеній судебныхъ и другихъ случаевъ.

Такое положеніе, безъ сомнѣнія, долго еще сохранено быть можетъ, если правительство въ дѣйствіяхъ своихъ постоянно руководствоваться будетъ благоразуміемъ и справедливостію, съ твердостію соединенными.

Извѣстно, что намѣренія вашего величества, частию въ разныхъ случаяхъ ознаменованныя, произвели весьма полезное внутри государства вліяніе, таковы суть: предписанія и наблюденіе за успѣшнымъ производствомъ дѣлъ и въ особенности уголовныхъ; уменьшеніе колодниковъ въ тюрьмахъ; распоряженія къ прекращенію злоупотребленій при рекрутскихъ наборахъ; облегченіе при производствѣ самой тягостной для народа повинности, исправленія и содержанія дорогъ, на тѣхъ стѣснительныхъ правилахъ, коими до послѣднихъ временъ въ отбываніи сей повинности руководствовались; сокращеніе отчасти въ многихъ губерніяхъ земскихъ повинностей вообще и многія другія мѣры въ частности, выгодное впечатлѣніе произведшія. Но должно признаться, что именно, по мѣрѣ оказаннаго же вашимъ величествомъ благорасположенія къ подданнымъ вашимъ, всѣ внутри пребываютъ въ нѣкоторомъ ожиданіи, что сямъ не ограничите вы, всемілостивѣйшій государь, благотворныя намѣренія ваши, и что общими и существенными мѣрами довершите вы великое предназначеніе ваше. По мѣрѣ сихъ ожиданій и чувствъ признательности, благословенія общія досель на васъ вездѣ распространялись.

Если столь удовлетворительныя свѣдѣнія можно рѣшительно представить вашему императорскому величеству о расположеніи умовъ внутри государства, то не можно ничего сказать и въ предосужденіе здѣшней столицы. Главнокомандующій оною, по начальству своему и по подчиненности ему III-го отдѣленія собственной вашего величества канцеляріи, утвердительно всегда удостовѣрялъ, что не доходило до него

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ничего, что бы хотя малѣйшее сомнѣніе о расположеніи умовъ или о какихъ либо замыслахъ порождало. По свѣдѣніямъ графа Толстого, кромѣ шалостей, либо молодости, либо разврату свойственныхъ и во всѣхъ большихъ городахъ неизбѣжныхъ, ничего здѣсь не происходило.

Обративъ вниманіе вашего величества на таковое положеніе государства въ отношеніи внутренняго спокойствія его, мы должны привлечь оное на одно весьма важное обстоятельство. Мы уже имѣли счастье представлять вашему императорскому величеству о дѣлахъ раскольниковъ. Мысль, что гоненіе на нихъ обращается, начинается между ими утверждаться. Духовенство наше всегда было склонно преслѣдовать ихъ за вѣру, но какъ въ прошедшія времена таковое дѣйствіе не имѣло не только никакихъ успѣховъ и напротивъ утверждало еще болѣе ихъ въ расколѣ и ожесточало, такъ и нынѣ отъ одинакихъ началъ ожидать должно тѣхъ же послѣдствій. Неудовольствіе столь значительной массы простого и грубаго народа (до 4-хъ милліоновъ душъ) можетъ имѣть во всякое время важныя неудобства, наипаче же нынѣ, когда желать должно, чтобы и малѣйшее волненіе не тревожило правительства. Нужно, чтобъ въ секретномъ комитетѣ о раскольникахъ свѣтскіе члены, послѣдую постоянно силъ начальствъ, старались удерживать духовныхъ сотоварищей своихъ отъ всякихъ покушеній, сему противныхъ.

Въ войнѣ принимаемо было всѣми большое участіе. Независимо отъ самолюбія и нѣкоторой гордости, русскимъ свойственной, войны съ турками вообще у насъ въ народѣ всегда производили болѣе впечатлѣнія, нежели войны европейскія. Въ настоящемъ случаѣ, когда съ войною сопряжена въ народѣ мысль угнетенія единоувѣрцевъ нашихъ, и что мы дѣйствуемъ для спасенія ихъ, она привлекла особое участіе въ среднемъ классѣ и въ простомъ народѣ, чувствами духовенства нашего подкрѣпляемое.

Отъ таковыхъ расположеній порождалась живѣйшая радость, когда доходили извѣстія объ успѣхахъ оружія нашего, и скорбь, столь же сильная, когда въ послѣднее время разносились слухи о неудачахъ нашихъ. Не должно, однакожъ, скрыть отъ вашего величества, что и въ семъ послѣднемъ случаѣ, когда много происходило толковъ о недостаткѣ способовъ, противъ непріятеля употребленныхъ, о разныхъ распоряженіяхъ военныхъ, о планахъ операцій и проч.,—ничего лично вашему величеству не было приписуемо и напротивъ, когда положеніе войскъ нашихъ подъ Шумлою завязалось, и когда изъясняемо было опасеніе, что, можетъ быть, должно будетъ оставить и обложеніе Варны, то единое и общее желаніе изъясняемо было, чтобъ ваше величество сюда возвратились. Сохраненіе ваше было предметомъ всѣхъ желаній. Всѣ изъясляли опасеніе, чтобы при усиліяхъ непріятеля, который, можетъ быть, и въ увеличенномъ видѣ представлялся, при сильныхъ покушеніяхъ его и при вредномъ вліяніи климата, а наипаче въ трудное осеннее время, жизнь ваша или здоровье не подверглись опасности. Тутъ слышанъ былъ отголосокъ, что война съ Турціею заслуживаетъ ли, чтобъ ваше величество арміею предводительствовали? Не должно умалчать, однакожъ, о многихъ сужденіяхъ, насчетъ начальства надъ арміею происходившихъ, и нерѣдко встрѣчался вопросъ: кому начальство сіе ввѣрено быть можетъ? Здравый разсудокъ въ заключеніяхъ своихъ не позволялъ ошибаться. Въ семъ отношеніи есть мнѣніе общее, довольно рѣшительное, и ваше величество нынѣ сами въ томъ удостовѣриться изволите.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Внутреннее положеніе государства въ отношеніи богатства есть довольно страдательное. Государство не имѣло еще времени поправиться послѣ отечественной войны, потому ли, что не были приняты мѣры исправленія, или что мѣры сіи были недостаточны. Произведенія наши изобилуютъ почти вездѣ, но вѣтъ онимъ сбыту, и цѣны на все удерживаются самыя низкія; обороты денежныя почти ничтожны, и министр финансовъ въ комиссіи неоднократно отзывался, что онъ ожидаетъ, и сіе вѣроятно, большихъ въ сборѣ податей недоимокъ.

Въ семъ положеніи, если война продолжится, и будетъ вторая кампанія, не можно будетъ приобѣгать ни къ какимъ новымъ прямымъ налогамъ, они разорили бы остальной классъ зажиточныхъ въ простомъ народѣ людей, нынѣ за немущихъ подати уплачивающихъ. Должно будетъ обращаться къ другимъ средствамъ, къ займамъ, къ какимъ либо косвеннымъ налогамъ или способамъ, какъ-то: къ таможеннымъ сборамъ, къ оборотамъ по банкамъ (кромѣ выпуска новыхъ ассигнацій) и проч. и въ особенности къ возможному уменьшенію расходовъ вездѣ, гдѣ только можно, и къ введенію въ расходахъ самага строгаго порядка и отчетности во всѣхъ частяхъ, разумѣя тутъ и издержки на войну.

Учрежденіе реквизицій внутри государства произвело вообще невыгодное впечатлѣніе. Въ прошлыя наши съ турками войны, если и были иногда чинимы требованія разныхъ вещей, то всегда платили за нихъ деньги. Реквизиціи чинимы были только въ отечественную войну. Впрочемъ какъ бы ни были онѣ учреждаемы, реквизиціи не могутъ быть уравнительны для тѣхъ жителей, на коихъ онѣ упадаютъ, и несравненно полезнѣе было бы покупать предметы, для войскъ нужные, или и, требуя оныя отъ земли, платить деньги, ибо сіимъ способомъ обращеніе оныхъ могло бы увеличиться; недоимки могли бы успѣшнѣе поступать, и тягость пала бы не на нѣсколько губерній, но на государство, обязанное совокупно нести все бремя войны.

Изъ опыта нашего и вообще изъ опыта болѣе или менѣе всѣхъ государствъ заключить можно, что немалая осторожность нужна въ разрѣшеніи мѣръ, перѣдко министрами финансовъ предлагаемыхъ. Многіе изъ нихъ при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ занимаются предпочтительно тѣмъ, чтобъ удовлетворять требованіямъ, не останавливаясь на томъ, какое дѣйствіе способы, ими предлагаемые, произведутъ. Не могутъ ли они разстроить благосостоянія частнаго, на коемъ основано общественное? Не произойдетъ ли справедливыхъ жалобъ на правительство? Не знаменуя здѣсь никого, мы только хотѣли изложить передъ вашимъ величествомъ примѣры, вездѣ и вѣмъ извѣстные, и обратить вниманіе вашего величества, при случаѣ какихъ либо новыхъ финансовыхъ мѣръ. Драгоценно будетъ, конечно, для васъ, всемилостивѣйшій государь, всегда имѣть въ виду все то, что сохранить и утвердить можетъ къ вамъ любовь и приверженность подданныхъ вашихъ.

Въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ дѣла производились съ успѣхомъ, соответствующимъ намѣреніямъ вашего величества. Мы никогда не успѣвали принимать въ нихъ участіе, и развѣ только по болѣзни кого нибудь изъ насъ, или по какимъ либо особеннымъ занятіямъ, дозволяли мы себѣ, и то весьма рѣдко, въ собраніяхъ сихъ верховныхъ установленій не присутствовать. Въ правительствующемъ сенатѣ, сколько извѣстно, болѣе успѣшности въ производствѣ дѣлъ примѣчается. По крайней мѣрѣ, менѣе поступаетъ изъ сената дѣлъ въ государственный совѣтъ за разногласіемъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Рескрипты вашего императорскаго величества, на имена наши данные, имѣемъ счастье у сего представить, донося, не благоугодно ли будетъ повелѣть государственному совѣту и правительствующему сенату внести къ вашему величеству тѣ секретные указы, кои вашимъ величествомъ при отъѣздѣ вашемъ имъ были даны.

Вѣдомость о дѣлахъ въ комиссіи, собственно вашимъ императорскимъ величествомъ учрежденной, произведенныхъ, у сего имѣемъ счастье повергнуть на высочайшее усмотрѣніе. Число онымъ было велико, но не можемъ мы не донести вашему величеству, что въ множествѣ тѣхъ предметовъ, кои по установившемуся порядку вашему величеству представляются и въ отсутствіе ваше въ комиссію поступившихъ, находятся не въ маломъ числѣ такіе, которые, обременяя ваше величество и похищая столь драгоцѣнное время ваше, могли бы при постановленіи правилъ опредѣлительныхъ быть безъ всякаго неудобства министрами разрѣшаемы.

Счастливы будемъ мы, если ваше величество въ семъ краткомъ изложеніи найти изволите доказательство нашего усердія и приверженности къ священной особѣ вашей. Никакія другія побужденія нами не руководили.

Графъ В. Кочубей.
Графъ П. Толстой.
Князь Александръ Голицынъ.

16-го октября 1828 года.

Реестръ бумагамъ, рѣшеннымъ и принятымъ къ свѣдѣнію:

Итого	3199
Представлено его императорскому величеству прямо отъ комиссіи	290
Черезъ I-е Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи	97
Итого докладныхъ записокъ	387
Изъ нихъ возвращено	322
» » не возвращено	65
Сверхъ сего утверждено объявляемыхъ высочайшихъ повелѣній	297
По всѣмъ симъ бумагамъ было составлено журналовъ	575
Всего въ комиссіи въ производствѣ было	4458

Реестръ журналамъ.

1) Журналовъ, поступившихъ въ I-е Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи: общихъ дневныхъ	175
особенныхъ	381
Журналовъ, поступившихъ въ III-е Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи	5
Журналовъ, поступившихъ въ комиссію прошеній	27

XVII.

Письма графа Чернышева графу Дибичу по поводу болѣзни императора Николая I въ 1829 году.

6-го ноября 1829 г.

Je commence, mon cher comte, par accuser la réception de votre lettre et de vos dépêches du 16 Octobre et de vous en exprimer toute ma reconnaissance. Malheureusement sa majesté n'a pu voir de toute votre expedition que votre lettre particulière. Le 29 au soir l'empereur s'est trouvé indisposé et depuis ce jour une fièvre catharale, suite d'un gros refroidissement, s'est déclarée avec assez de violence pour l'obliger à garder le lit depuis quatre à cinq jours, avant ce temps sa majesté m'appelait sans papiers et j'avais la possibilité de lui soumettre verbalement quelques affaires pressées, mais depuis qu'elle est alitée, Chreyton et Rauch qui le traitent, ont absolument exigé qu'elle suspende toute espèce d'occupation et ni moi, ni personne n'a plus travaillé avec sa majesté; lorsque j'ai quelque chose de très intéressant à porter à sa connaissance, c'est l'impératrice qui a la bonté de se charger de le lui dire et de me transmettre ses ordres. Connaissant votre coeur et votre dévouement pour notre cher souverain, je me hâte de vous dire que les médecins n'ont aucune espèce d'inquiétude, la fièvre est forte, mais n'offre aucun symptôme alarmant; dans les commencements l'empereur se faisait lire les papiers, mais l'attention soutenue qu'il devait y donner augmentait la chaleur et c'est pour éviter toute irritation que les médecins ont défendu le travail; les deux dernières nuits il a dormi assez bien, la fièvre sans céder d'une manière marquante, a cependant perdu de son intensité et tous les efforts des médecins tendent à rétablir la transpiration; ils ne sont jusqu'à présent parvenu à leur but que partiellement, mais dès qu'elle sera générale, l'objet de tous nos vœux, le rétablissement de notre auguste malade sera très prompt. J'ai pris le parti de vous expédier ce courrier principalement pour vous instruire du véritable état des choses et afin d'éviter toute autre manière d'expliquer l'indisposition de sa majesté. J'espère que par le prochain courrier j'aurai le bonheur de vous informer de l'entier rétablissement de l'empereur, ou du moins que son état sera tel qu'il n'exigera plus les précautions que l'on a jugées nécessaires aujourd'hui.

J'ai instruit le comte Nesselrode de ma présente expedition et il va répondre à vos dernières dépêches; le courrier que vous avez dû recevoir du prince Lieven, vous a porté une communication qui vous a probablement indigné. L'empereur m'a dit à cette occasion qu'il était sûr, qu'en apprenant ce nouvel acte de mauvaise foi, de duplicité et en même temps de sottise, de la part des turcs, vous sauteriez bien haut. En effet cet acte ne peut être qualifié que de démente et on ne sait plus quel nom donner à ceux, qui après avoir été à vos pieds pour sauver l'empire Ottoman, ont probablement conseillé ou du moins reçu cet acte et l'ont transmis à leurs cours sans vous en faire part!! Heureusement que le langage ferme et énergique de nos plénipotentiaires à Londres est parvenu à faire reculer le ministère anglais devant l'idée de profiter de cet acte de félonie et il est probable, que cette misérable machination tombera à plat, comme toutes

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

celles, que nos envieux et soi-disants amis n'ont cessé de tramer depuis deux ans à leur propre honte et détriment!

Le rapport que je vous adresse aujourd'hui sur la rentrée des troupes, est entièrement dans le sens des ordres suprêmes, que je vous ai transmis par notre dernier courrier. L'empereur vous ayant déjà autorisé à garder pour l'hiver en Moldavie le 2-d et le 3-ème échelons, ce qui outre les raisons de sollicitude et de ménagement pour les troupes elles mêmes, peut aujourd'hui avoir aussi un but politique et renforcer votre influence morale, je n'y vois rien de changé, si ce n'est qu'en place du 1-er échelon que vous nous aviez indiqué précédemment, vous dirigez le 2-d échelon, et comme le comte Worontzoff nous a écrit, qu'il pourrait facilement cantonner trois divisions d'infanterie en Bessarabie, l'établissement des 5-ème et 6-ème divisions ne peut souffrir aucune difficulté; quant à la 2-de des hussards, s'il ne pourra pas la garder dans cette contrée à défaut d'écuries, il dépend de lui de la mettre en quarantaine et après sa purification la diriger, d'après son opinion, au delà du Dniestre. C'est dans ce sens que j'ai écrit hier au comte Worontzoff et je l'ai engagé au nom de l'empereur de se mettre en fréquentes communications avec vous et demander vos décisions sur les différents cas qui peuvent survenir, car les ordres suprêmes qu'on pourrait donner d'ici sur chacun d'eux, arriverait toujours trop tard.

La sottise des tures a encore été cause d'une nouvelle effusion de sang, toute à leur détriment du côté de Paskévitch et que vos sages dispositions auraient pu prévenir; vous en connaîtrez les détails par la feuille ci-jointe, c'est fâcheux, mais c'est une leçon des plus que ces marabouts reçoivent et dont l'impression leur restera.

Les nouvelles que je reçois dans ce moment sur la santé de notre cher empereur sont grâce au Ciel de plus en plus meilleures, il vient de passer une troisième bonne nuit et son état est plus satisfaisant; si j'ai encore quelques détails à vous donner sur ce sujet si important pour notre cœur avant le départ du courrier je le ferai sans faute; en attendant agréez, cher comte, l'expression de mon tendre et inaltérable attachement pour vous.

Czernicheff.

Czeffkine va se marier ces jours-ci.

6-го ноября вечеромъ.
1828 г.

L'empereur, comme je vous l'ai écrit ce matin, mon cher comte, a passé une très bonne nuit, mais comme la fièvre était toujours là et ne diminuait pas, les médecins ont jugé nécessaire de le saigner, ce qui a eu lieu à 2 heures; le sang tiré a prouvé, que sa majesté avait une fièvre inflammatoire et combien cette opération était indispensable; c'est Arendt qui a été appelé pour la faire; lui et ses autres collègues m'ont dit positivement que sa majesté n'avait aucune des parties intérieures de son corps affectées; ils n'attendaient de résultat marquant que 24 heures après la saignée; ils assurent que la maladie est sérieuse, mais que jusqu'à ce moment il n'y a pas de danger réel. Dieu veuille nous accorder ce mieux que nous appelons de tous nos vœux et de toutes les facultés de l'âme: ce soir l'empereur a pris deux tasses de thé avec plaisir et paraît assez calme. Je vous envoie les bulletins d'hier et d'avant hier, quant à celui d'aujourd'hui, je vous l'ai décrit. Indépendamment des inquiétudes et des angoisses que me cause

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

la maladie de l'empereur, je me trouve dans un cruel embarras pour l'expédition des affaires; j'en termine plusieurs dans le sens des ordres suprêmes que j'avais déjà reçu, mais beaucoup d'autres s'accumuleront et comme la convalescence de sa majesté sera longue et qu'il lui faudra de grands ménagements, j'aurai de la peine de remettre les affaires au courant.

Adieu, cher comte, j'espère d'expédier un courrier dans quelques jours et que la Divine Providence de la Russie me procurera l'inexprimable bonheur de pouvoir vous annoncer des nouvelles tout à fait tranquillisantes.

Tout à vous

Czernicheff.

13-го ноября 1829 года.

Je ne vous expédie ce courrier, cher comte, que pour vous tranquilliser sur la santé de notre cher empereur. Les 7-ème et 8-ème jours de la maladie, les médecins n'avaient plus aucun doute sur l'existence d'une fièvre inflammatoire, aussi se sont-ils décidé à une saignée au bras, exécutée par Arendt, qui depuis ce moment a été adjoint aux deux autres; cette saignée n'a pas produit de soulagement marquant; le pouls quoiqu' un peu tombé, était toujours resté entre 96 et 100 par minute; la peau continuait à être sèche et aucun indice de transpiration n'avait annoncé cette salutaire crise; la nuit du 9-me au 10-me jour avait été très agitée et comme on s'était aperçu d'une forte chaleur à la tête et d'une espèce d'assoupissement durant la journée, on a jugé nécessaire l'application des sangsues; le lendemain nous avons été ivres de joie en apprenant d'abord le matin qu'une forte sueur couvrait la tête de notre auguste malade et ensuite que tout le corps avait transpiré copieusement durant près de 4 heures. Depuis ce bien heureux moment le mieux continue progressivement; hier matin encore le pouls était 76 par minute, et après l'excellente nuit d'aujourd'hui il est tombé à 62, même au dessous de la pulsation ordinaire. Actuellement il ne reste plus qu'une grande faiblesse, signe évident d'une absence totale de la fièvre. Sa majesté se trouve dans un véritable état de convalescence, qui d'après l'avis des médecins nécessitera les plus grands ménagements; ils nous conjurent tous de ne soumettre à l'empereur de quelque temps que des sujets qui ne lui fassent pas de peine et ne l'assujettissent pas à un travail trop prolongé; ces précautions sont tout à fait essentielles pour éviter une rechute. Vous ne pouvez pas vous faire d'idée, cher comte, dans quel état nous nous sommes trouvés, tant que la crise n'avait pas eu lieu; la consternation était générale; chacun cherchait à lire sur le visage des médecins ce qu'il avait à craindre ou à espérer, et la cruelle épreuve par laquelle nous venons de passer, a donné la mesure de tous les sentiments que l'on a voué à sa majesté et de la manière dont l'apprécie. Quant à moi personnellement, je ne chercherai point à vous décrire ce que j'ai éprouvé, car personne plus que vous ne peut le comprendre; j'étais écrasé et par les angoisses présentes et par les déchirants souvenirs du passé. Dieu dans sa miséricorde nous a accordé le plus cher de nos biens, l'entière et pleine sécurité sur la santé de notre maître chéri et je me trouve heureux de pouvoir vous l'annoncer.

Outre ce sujet principal et essentiel, je n'ai rien de particulier à vous annoncer aujourd'hui. Je vous envoie les bulletins jusqu'au 12 inclusivement, mes lettres y servent de complément.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

J'ai vu le comte Toll; il a beaucoup changé et ne s'est pas bien trouvé d'abord après son retour; actuellement il va mieux; comme il est arrivé les tous premiers jours de la maladie de l'empereur il n'a pas pu voir sa majesté, qui m'a chargé d'ailleurs d'aller le voir et de lui dire de sa part de commencer par se bien soigner et de ne songer à sortir que lorsqu'il se trouverait entièrement remis. Le sénateur Besrodnoy est aussi arrivé depuis 5 à 6 jours; il est venu chez moi et je l'ai trouvé assez bien portant quoiqu'un peu maigri.

Vous concevez que ne pouvant point travailler avec l'empereur, j'ai peu de papier de service à vous transmettre; si quelques unes de vos présentations seront un peu arriérées, ne m'en voulez point, car il se passera encore un peu de temps avant que je puisse soumettre à sa majesté tout ce qui s'est encombré depuis ces 15 jours.

Je vous demande pardon de ne pas vous répondre aujourd'hui sur votre question au sujet des épaulettes; je vais faire venir chez moi Bittner et après l'avoir consulté, je soumettrai mes idées à l'empereur; vous savez comme il aime à décider ces questions lui même.

A l'empressement que je mets à vous instruire de notre joie commune, cher comte, vous reconnaîtrez un ancien ami qui connaît et apprécie votre cœur et vous restera éternellement et sincèrement dévoué

A. Czernicheff.

Nesselrode vous accuse la réception des ratifications qui nous ont été apportées par un feldjeger il y a trois jours. Boudberg n'est pas encore arrivé; si tôt qu'il viendra je le rappellerai à la bienveillance de l'empereur.

Czeflkine s'est marié avant-hier et a l'air fort heureux.

16-го ноября 1829 года.

Le comte Tolstoy nous a mis tous dans un cruel embarras; veuillez bien, cher comte, garder pour vous seul, ce que mon entière confiance en vous m'engage à vous dire. Malgré que l'empereur se trouve en pleine convalescence, que grâce au Ciel tout indice de fièvre a cessé et qu'à dater d'avant hier on ne publiera plus de bulletins sur son état de santé; cependant vu son état de faiblesse et d'irritation de nerfs, il est encore alité et les médecins et surtout l'impératrice ont trouvé nécessaire de lui défendre tout espèce de travail durant quelques jours encore et comme il commence à faire venir quelques uns de nous chez lui iniquement pour causer, les médecins nous ont bien recommandé à tous de ne lui rien dire qui puisse lui déplaire ou lui causer la moindre irritation. Le prince Gallitzin, Wolkonsky, Menchikoff, moi et Adlerberg, ainsi que Benkendorff avons été les seuls appelés jusqu'à la journée d'hier et avons fidèlement observé ce qui nous a été recommandé.

Hier matin sa majesté a fait venir le comte Tolstoy, qui n'a rien eu de plus pressé, que de lui dire qu'une fregate anglaise La Blonde ayant passé le détroit a été à Sévastopol. s'est rendu ensuite à Odessa. Nesselrode, Menchikoff et moi avons reçu le même avis, mais presumant que cette nouvelle fâcherait l'empereur, nous nous étions arrangés à ne porter cette circonstance à la connaissance de sa majesté que dans quelques jours; il ne nous était pas entré en tête que Tolstoy aurait eu la même nouvelle par les colonies militaires et encore moins qu'il aurait l'imprudence d'en parler sans consulter personne.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Effectivement ce que nous avions craint est arrivé; l'empereur a été extrêmement irrité, en apprenant qu'un bâtiment de guerre anglais avait paru et dans la mer Noire et devant nos ports et a ordonné qu'on vous expédie immédiatement un courrier, afin que vous exigiez de la Porte le libre passage d'un de nos vaisseaux de guerre qui se trouvent dans le golphe de Bourgas, pour aller au devant de Ribaucupierre et son retour dans la mer Noire, ainsi que celui de la frégate qui amènerait ce ministre. Tout ce que Nesselrode et Menchikoff ont soumis à sa majesté pour mitiger ces conditions a échoué et les offices que vous recevrez en date d'aujourd'hui en feront preuve. Il est certain que le prétexte que le capitaine anglais met en avant d'avoir voulu exercer son équipage, ne peut-être considéré comme valable dans aucun cas et ne peut point tromper; mais d'un autre côté la dureté des conditions exigées peut compliquer nos relations amicales avec la Porte à peine établies et faire naître des discussions désagréables avec l'Angleterre. Aussi Nesselrode compte-t-il sur votre esprit conciliant pour arranger la chose aussi bien que vous en aurez la possibilité; je vous réitère, cher comte, ma demande de garder tout cela pour vous seul.

N'ayant eu jusqu'à ce moment que des conversations avec l'empereur, je n'ai presque pas d'offices à vous expédier, mais j'espère que d'ici à très peu de jours je commencerai à soumettre à sa majesté les papiers les plus pressés; il faudra encore du temps pour débayer tout ce que j'ai sur ma table, car il faudra y aller avec beaucoup de ménagement.

Ne sachant pas trop comment décider la question que vous m'avez adressée au sujet des épaulettes de votre régiment, orné du chiffre, du X-os et des marques de votre dignité actuelle, j'en ai parlé à l'empereur; sa majesté a eu la bonté de me dire qu'elle se chargeait de vous en commander une paire et d'expliquer à Bittner comment il faut qu'il s'y prenne.

Vous n'avez pas à vous plaindre de notre paresse, voici au moins de dix jours le 3-me courrier que je vous expédie; j'étais sûr de vous rendre service. en vous tenant parfaitement au fait de ce qui se passe chez nous.

Agréez l'expression réitérée de tous les sentiments que vous me connaissez pour vous.

Comte A. Czernicheff.

28-го ноября 1829 года.

Je vous suis bien reconnaissant, mon cher comte, pour vos deux lettres du 31 Octobre et du 7 de ce mois; l'empereur a dicté lui même à Adlerberg une lettre pour vous; son contenu vous prouvera que j'ai eu raison en vous prévenant qu'on ne vous accorderait pas Neidhart; je n'ai rien à me reprocher à cet égard; j'ai rappelé cette affaire plus de dix fois à sa majesté et en ai toujours reçu des réponses évasives; quant à Neidhart lui même, je dois lui rendre la justice de dire qu'il était tout disposé à partir et que la détermination de sa majesté à son égard a paru lui faire de la peine. L'empereur vous désignera quelques individus pour le poste que vous lui assigniez, je ne sais jusqu'à quel point ils pourront vous convenir.

L'empereur va grâce à Dieu infiniment mieux, mais il est encore faible et son état exige de grands ménagements; les jambes surtout le servent encore mal; jusqu'à ce moment je n'ai pas encore eu de travail réglé avec sa majesté, mais de simples conversations, je me suis borné à lui soumettre les lettres particulières de votre part, ainsi que de la part du grand duc et de Paskévitch; depuis quelques jours il s'est fait lire par Adler-

berg les papiers qui s'étaient accumulés dans son cabinet. Il m'a dit lui même qu'il tenait essentiellement à débayer ce fatras et se mettre en courant; mais ces occupations forcées l'ont parfois bien fatigué en dépit des médecins; l'empereur m'a dit que ce serait fini aujourd'hui et que dès demain il commencerait avec moi pour terminer ce qui s'est encombé durant sa maladie. Vous concevez que je ferai tout mon possible pour lui abréger le travail.

J'ai profité d'un de mes entretiens avec sa majesté pour lui parler de votre demande du 1.600.000 r. des sommes conditionnelles pour le foin et les portions de viande; j'ai déjà intimé au ministre des finances l'ordre suprême de vous délivrer ces sommes; j'espère que vous ne serez pas en attendant dans un embarras d'argent, vu que toutes les sommes des appointements pour le tierçal vous ont été déjà envoyées et qu'il y a beaucoup de troupes qui dépassent la frontière dans le courant de ce mois et qui n'auront plus droit à la paye de guerre.

J'ai été désolé d'apprendre la mort de Hermann; l'empereur ne le sait pas encore et m'avait ordonné d'après votre opinion de le mettre à l'ordre du jour comme chef d'état major du premier corps. Comme Paskévitch ne veut pas de Hastford et qu'il s'est entiché de Joukoffsky qui a été дежурный штабъ-офицеръ près du grand duc, nous lui garderons son poste précédent jusqu'à son retour. Le choix de Paskévitch est tout à fait inconvenant, d'abord parce que l'individu n'a pas les qualités requises pour un pareil poste, et puis parce que c'est le frère de l'intendant, de manière que toute l'administration serait une oeuvre de famille; d'un autre côté, avec un caractère comme celui de Paskévitch il est impossible de lui imposer un chef d'état major contre son gré, les affaires en souffriraient, ainsi que l'individu envoyé d'ici.

J'ai soumis à l'empereur votre désir concernant Pierre Pahlen; sa majesté m'a répondu que probablement en faisant cette demande vous avez encore ignoré qu'elle l'avait nommé chef du régiment de Soumm et le rescrit qui lui a été adressé et qu'on pourrait avoir cette récompense en vue pour l'avenir.

Toll va presque tout à fait bien et m'a fait dire avant hier qu'il était prêt à sortir; je crois que l'empereur va le voir un de ces jours.

Adieu, cher comte, recevez l'expression de mon ancien et invariable attachement pour vous.

Comte A. Czernicheff.

28-го декабря 1829 года.

Je vous remercie infiniment, cher comte, pour votre lettre du 5 de ce mois. J'ai été charmé de voir que vous ne vous plaignez plus de votre santé, ce qui me fait espérer qu'au moyen des mesures de précaution que vous avez prises, le petit accès dont vous m'aviez parlé dans la précédente ne s'est plus renouvelé.

Grâce au Ciel le rétablissement de l'empereur est parfait et sa majesté a repris toutes ses habitudes, même la parade où elle va à cheval, vu que ses jambes ont encore conservé de la faiblesse. D'après l'avis des médecins l'empereur travaille peu le soir et l'arrange de manière à terminer toutes ses affaires le matin à moins de cas extraordinaires. Sa majesté a été parfaitement contente du premier résultat de la mission d'Orloff et de sa manière d'agir; la position brillante où il se trouve, le langage qu'il peut tenir, sont la conséquence non seulement de vos victoires, mais aussi de la conduite ferme, juste

et bienveillante que vous avez tenu et fait observer d'une manière si exemplaire dans les pays conquis; c'est un hommage sincère que tout le monde se plaît à vous rendre.

La situation du 2-d corps est très affligeante et demande de promptes mesures pour réparer ses pertes; l'empereur a déjà fait partir le comte Paul Pahlen pour en prendre le commandement en Bessarabie; vu la maladie de Habbe, sa majesté lui a donné Weymar pour remplir les fonctions de chef d'état major, jusqu'à ce que le corps arrive à ses quartiers permanents; plus tard Weymar ira prendre le 1-r corps dont il a été nommé chef d'état major. Avant d'avoir reçu vos lettres, l'empereur avait déjà décidé que les troupes du 2-d corps séjourneraient provisoirement dans les quartiers qu'avait occupé la garde; elles y resteront assez longtemps pour se reposer, recevoir tous les renforts de leurs réserves, ainsi que les effets d'habillements et d'équipement de Balta et ce n'est qu'après leur complète organisation, qu'on décidera leur marche à leurs quartiers permanents. Dans la dislocation approuvée par sa majesté pour ces cantonnements de repos il y a place pour les 4-e, 5-e, 6-e et 8-e d'infanterie, la 2-me de hussards et le 4-me corps de cavalerie; plus tard ces troupes seront remplacées pour le même but par celles que vous renverrez aussi en Russie. Les nouvelles que Mouhanoff vient de nous apporter de la 1-re brigade de la 4-me de lanciers (du Boug) sont très satisfaisantes; elle a été bien plus heureuse pour sa marche, elle a peu de malades et n'a pas éprouvé de pertes d'hommes; nous ne savons encore rien de la 8-me d'infanterie.

L'empereur a daigné accorder la 3-me Wladimir à Boudberg et la 2-de St. Anne à Mouhanoff; en sus sa majesté a fait nommer Boudberg votre aide de camp, voulant poser en principe que les maréchaux pouvaient avoir des colonels pour aides de camp. Boudberg vient d'obtenir un congé de 15 jours pour aller voir sa mère et à son retour vous sera expédié de suite.

Je suis dans toutes les horreurs des derniers moments qui précèdent la confirmation du budget; j'ai fait l'impossible pour la réduire autant que possible avec toutes les troupes que l'on veut garder; le total est même moindre que ce qui a été donné en 1828, eh bien, malgré cela Cancrin crie tapage et demande d'une manière fort peu polie des diminutions tout à fait extravagantes; je sais que lui même est embarrassé; mais il n'y a que l'empereur lui seul qui puisse décider de nouvelles réductions de troupes, ou de bâtisses, car celles qui ont été ordonnées sont de très peu d'importance. Je vous avoue qu'après tous les déboires que j'ai éprouvés depuis près de trois ans à cet égard épuisent ma patience.

Mon humeur n'est pas couleur de rose, au milieu de toutes mes tribulations, c'est pourquoi je vais terminer ma lettre, d'ailleurs l'empereur vous écrit lui même. Je joins ici un ordre du jour pour les nouveaux boutons que nous allons mettre à dater du 1-er de Janvier; la chose ayant été ordonnée assez tard, nous n'en aurons que très peu de prêts pour ce jour, cependant je vous en envoie pour l'uniforme de général; plus tard je vous en enverrai d'autres.

Adieu, cher comte, recevez l'assurance de toute mon amitié et de mon sincère dévouement.

Comte A. Czernicheff.

Je vous félicite sur la nouvelle année et vous la désire bonne et heureuse; celle qui vient de s'écouler a été bien glorieuse pour vous.

XVIII.

Политическая записка императора Николая Павловича.

Ecrit autographe de sa majesté l'empereur Nicolas.

(Sans date).

La gravité des circonstances présentes, dans leur rapport avec les intérêts directs de la Russie, m'a amené à me rendre compte à moi même des impressions qu'elle me fait éprouver. Le résultat de cet examen devant le tribunal de ma conscience semble me tracer mes devoirs.

La position géographique de la Russie est si heureuse qu'elle la rend presque indépendante, quant à ses propres intérêts, de ce qui se passe en Europe; elle n'a rien à appréhender; ses frontières lui suffisent, elle ne peut rien désirer sous ce rapport et par conséquent elle ne devrait être inquiétante pour personne. Les circonstances qui ont amené la conclusion des traités existants datent d'une époque, où la Russie, après avoir vaincu et anéanti l'agression inouïe de Napoléon, venait en libératrice aider l'Europe à secouer le joug qui l'oppressait. Mais le souvenir des bienfaits s'efface plutôt que celui des injures; déjà à Vienne la mauvaise foi faillit rompre l'union à peine cimentée et il ne fallut rien moins qu'un nouveau danger connu pour rallier franchement les puissances à celui qui, déjà une fois leur libérateur, était toujours généreux.

Durant les 10 années qui suivirent, l'union parut étroite entre la Russie, l'Autriche et la Prusse. Cependant plus d'une fois, ces deux puissances s'écartèrent du sens littéral ou des principes fondamentaux, sur lesquels étaient basés les traités d'alliance. Ce fut toujours la patience ou la modération de l'empereur qui sut ramener à la vraie soie, ou cacher la divergence d'opinion, par son inépuisable désir de sauver l'apparence de l'intimité la plus parfaite. Lorsque la Providence l'enleva à la Russie, nous vîmes bientôt qu'à côté des plus belles assurances l'Autriche trahissait ses arrières pensées; la Prusse nous fut plus longtemps fidèle il est vrai, mais une différence notable se fit voir entre les rapports personnels avec le roi et ceux avec son ministère.

Toute fois, il n'y eut point de divergence éclatante jusqu'à l'infâme révolution de Juillet. Nous avions des longtemps prévu cet affreux événement et nous avions épuisé près de Charles X et de ses ministres tous les moyens de persuasion que l'amitié et nos bons rapports admettaient. Tout fut en vain. Dès lors nous n'hésitâmes pas à prononcer fortement le blâme contre les démarches illégales de Charles X, mais pouvions nous en même temps reconnaître un maître légitime à la France que celui qui par tous les droits y devait être appelé? C'était faire notre devoir et rester fidèle aux principes qui avaient dirigé toutes les démarches des alliés depuis 15 ans. Cependant nos alliés sans se consulter avec nous sur une démarche aussi grave, aussi décisive, s'empressèrent par leur reconnaissance de couronner la révolte et l'usurpation, démarche fatale, incompréhensible et à laquelle il faut attacher le chaînon des désastres qui depuis cet instant n'ont cessé de pleuvoir sur l'Europe. Nous résistâmes, car nous le devions; je ne cédaï que pour le

seul motif de conserver l'union; mais il était facile à prévoir, qu'après un pareil exemple de lâcheté aussi subversive, la série d'événements et de démarches en conséquence ne pouvait s'arrêter là, et en effet Bruxelles suivit bientôt l'exemple de Paris. Là, l'autorité royale avait eu tort, car c'était elle qui avait donné présence à la révolte pour éclater; à Bruxelles, au contraire, rien de ce genre n'avait eu lieu, si non des bienfaits de la part du souverain. Cependant, le même principe fut adopté, il fut dit: le pays ne reconnaît plus un ancien maître, donc c'est un pays indépendant; hâtons nous de le reconnaître pour tel et constituons le, en lui donnant un maître. Mais le souverain était encore maître de son ancien patrimoine, qui, ne pensant qu'à son honneur, n'hésita pas à s'épuiser en efforts pour le soutenir, exemple sublime et qui eut mérité un meilleur sort et un maître plus digne de l'apprécier!

Ainsi qu'il fut fait pour la France, sans en consulter au préalable avec leur ancien allié, l'Autriche et la Russie se sont hâtées de promettre leur accession, mais nous avons, dès le commencement, suivi une voie plus noble et, seuls champions du principe de justice, nous avons su braver le courroux de l'Angleterre et de France. Pouvons nous sans nous déshonorer changer de conduite?

Mais laissons là la question d'honneur et parlons seulement intérêt. Y en a-t-il pour nous à consentir à ce nouvel acte d'iniquité? est-ce conserver l'union antique que de travailler en commun à détruire notre propre ouvrage? L'antique alliance existe-t-elle encore, quand deux des puissances vont directement dans le sens contraire de ce qui motiva l'antique alliance? existe-t-elle encore quand la Prusse nous fait pressentir que même en cas d'une invasion française en Autriche, elle n'accordera que son appui moral à cette dernière! Est-ce là, grand Dieu, l'alliance créée par notre immortel empereur? conservons ce feu sacré intact et ne le déshonorons pas par une accession muette aux actes de lâcheté et d'iniquité des puissances qui ne prétendent à notre alliance que quand elles veulent de nous pour complices à de pareils actes; conservons, dis-je, le feu sacré pour le moment solennel, qu'aucune force humaine ne peut éviter, ne peut retarder, moment où la lutte entre la justice et le principe infernal doit éclater. Ce moment est proche, soyons pour lors, nous la bannière, à laquelle forcément et pour leur propre salut viendront se rallier une seconde fois ceux qui tremblent dans ce moment.

Nous avons reconnu le fait de l'indépendance de la Belgique, parce que le roi des Pays-Bas l'a reconnu lui-même; mais ne reconnaissons pas Léopold ¹, car nous n'avons aucun droit de pouvoir le faire, tant que le roi des Pays-Bas ne le reconnaît pas. Mais en même temps, ne cachons pas notre désapprobation manifeste de la conduite double et fautive du roi et retirons nous de la conférence.

Si la France et l'Angleterre s'unissent pour tomber sur la Hollande, nous protesterons, car nous ne pouvons faire plus, mais du moins le nom russe n'aura pas été souillé par la complicité d'un pareil acte. Notre langage à l'Autriche et à la Prusse doit toujours être le même, il doit leur faire connaître constamment le danger de la route qu'ils suivent et leur démontrer que c'est eux qui s'éloignent des principes de l'alliance; que nous ne ferons jamais la même faute, car nous y verrions la perte irréparable de la bonne cause, qu'au moment du danger l'on nous verra toujours prêts à voler au secours de nos

¹ Принцъ Леопольдъ Кобургскій. избранный въ бельгійскіе короли Лондонскою конференціею.

alliés qui reviendraient à nos anciens principes; mais que, dans le cas contraire, jamais la Russie ne sacrifiera ni ses trésors, ni le sang précieux de ses soldats.

Voilà ma confession. elle est grave, décisive; elle nous place dans une position neuve, isolée, mais j'ose le dire honorable et digne de nous. Qui oserait nous attaquer? et si l'on osait, je serais sûr de l'appui de la nation, car elle apprécierait sa position et saurait punir, avec l'aide de Dieu, l'audace des agresseurs.

XIX.

Прибавленіе къ №. 39 «Сѣверной Пчелы».

1-го апрѣля 1830 года.

Письмо изъ Москвы, отъ 19-го марта.

Живая радость обитателей древней столицы русской была непродолжительна. Москва снова опустѣла по отбытіи царя, явившагося среди насъ на немного дней и уже оставившаго насъ. Наши русскія сердца говорятъ намъ, что нынѣшнее пребываніе государя императора въ Москвѣ отрадно было его великой душѣ: свѣтлый сердечнымъ удовольствіемъ взоръ его высказывалъ сію утѣшительную мысль, при каждомъ возвращеніи нашемъ на надежду-государя.

Воспоминаніе о пребываніи государя въ Москвѣ теперь стало дорого намъ, и каждая подробность сего событія такъ же драгоценна намъ, какъ надежда, что вскорѣ, можетъ быть, онъ опять также нежданнымъ вѣстникомъ счастья посѣтитъ свою добрую Москву. Мы обѣщали передать соотечественникамъ нашимъ извѣстія о пребываніи государя въ Москвѣ: исполняемъ наше обѣщаніе.

Государь императоръ выѣхалъ изъ С.-Петербурга марта 2-го числа и, по краткомъ пребываніи въ военныхъ поселеніяхъ, предпринялъ путь изъ Новгорода въ Москву. Во 2-мъ часу ночи на 7-е марта онъ былъ уже въ стѣнахъ Кремля. Рано поутру узнали о семъ въ Москвѣ, какъ будто земля голосъ дала, и Кремль былъ уже половъ народа: толпы ожидали вокругъ дворца, когда въ 12 часу государь вышелъ изъ дворца и пѣшкомъ отправился въ Успенскій соборъ. Народъ радостно зашумѣлъ, стѣнился, не давалъ дороги, ловилъ руки государя и цѣловалъ, восхищенный любовью и восторгомъ, какія видны были на лицѣ монарха. Полагая, что государь изъ собора пройдетъ чрезъ большой дворецъ, иные бросились туда; другіе побѣжали къ экзерциргаузу, гдѣ собранъ былъ 30-й Егерскій полкъ. Когда государь явился на разводъ сего полка, Моховая и Кремлевскій садъ были усеяны народомъ, и множество экипажей стояло тамъ. Шумъ, говоръ, кликъ: «ура», раздавались повсюду. По всей Москвѣ гремѣлъ въ то же время колокольный звонъ, послѣ отправленія благодарственнаго молебствія о благополучномъ прибытіи государя въ Москву. Послѣ сего государь посѣтилъ Чудовъ монастырь, примыкающій къ Николаевскому дворцу, гдѣ онъ остановился, и священный Москвѣ по мощамъ

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

св. Алексія митрополита, доставившаго Москвѣ житіе мирное, какъ говорилъ Димитрій Донецкій, сръбъ святытеля. Засимъ, государь выѣхалъ изъ Кремля, и осматривалъ два заведенія, коими ознаменовала для Москвы память свою мать его, императрица Марія Ѳеодоровна: институтъ ордена св. Екатерины, гдѣ съ 1803 года воспитывается всегда болѣе 200 дворянскихъ дѣвицъ, и Маріинскую больницу для бѣдныхъ, гдѣ безденежно врачуются по царскому милосердію множество безпомощныхъ больныхъ. Вечеру вся Москва была иллюминована.

Марта 8-го по утру, было во дворцѣ представленіе государю императору гг. сенаторовъ и почетнаго дворянства. Потомъ государь присутствовалъ на разводѣ 2-го Учебнаго Карабинернаго полка, въ экзерциргаузѣ, а по возвращеніи во дворецъ было представлено ему московское почетное купечество. Въ сей день государь посѣтилъ кадетскій корпусъ, нѣкогда бывшій въ Смоленскѣ и Костромѣ, но въ послѣдніе годы царствованія императора Александра переведенный въ Москву и нынѣ именуемый Московскимъ; также находящееся рядомъ съ корпусомъ Военно-спротекое отдѣленіе кантонистовъ. Каждый шагъ въ Москвѣ говоритъ памяти: кадетскій корпусъ помѣщается въ обширномъ Головинскомъ дворцѣ, гдѣ нѣкогда былъ домъ сподвижника Петрова, Лепорты, и гдѣ построена была юнымъ Петромъ первая потѣшная крѣпость, отъ которой отгрянули потомъ русскіе громы въ концахъ міра. Къ обѣденному столу во дворецъ приглашены были особы первыхъ двухъ классовъ. Вечеромъ въ домѣ благороднаго собранія данъ концертъ, въ которомъ присутствовали государь императоръ и его высочество принцъ Прусскій.

Марта 9-го, въ воскресенье, послѣ обѣди въ церкви Чудова монастыря, былъ въ присутствіи государя, въ экзерциргаузѣ, смотръ Рязанскаго пѣхотнаго полка и 15-й артиллерійской бригады, батареіной № 1-го роты. Потомъ посѣщаль онъ важнѣйшее изъ благотворительныхъ Московскихъ заведеній, Воспитательный Домъ—городъ благотворенія, въ Москвѣ воздвигнутый, если можно такъ выразиться, смотря на обширныя зданія Воспитательнаго Дома, гдѣ живетъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и гдѣ, въ умилительномъ воспоминаніи, соединяется для насъ память объ основательницѣ его, великой Екатеринѣ, и матери спроть, Маріи. Вечеръ провелъ государь императоръ у генералъ-адъютанта князя Щербатова, въ небольшомъ семейномъ его кругѣ.

Марта 10-го, послѣ смотра Рижскаго пѣхотнаго полка въ экзерциргаузѣ, государь посѣтилъ Вдовій домъ, еще одинъ изъ памятниковъ незабвенной императрицы Маріи, основанный въ 1803 году, откуда, призрачныя благотвореніемъ, вдовы сирдоболія несутъ отраду и поощреніе къ одрамъ болящихъ. Великолѣпный обѣденный столъ былъ у князя Н. Б. Юсупова. Посѣтивъ потомъ князя А. М. Урусова, государь императоръ былъ на большомъ вечерѣ у московскаго военнаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына. Здѣсь было повторено представленіе живыхъ картинъ, въ первый разъ представленныхъ 29 декабря прошлаго 1829 года. Особы избраннаго общества московскаго составляли и публику, и дѣйствующія лица въ картинахъ. Антракты заняты были пѣніемъ и игрою на фортепіано отличныхъ талантами любителей и любительницъ музыки.

Марта 11-го, въ присутствіи государя отправлена была въ Чудовомъ монастырѣ панихида. Исполнивъ долгъ сына, благоговѣющаго къ памяти родителя, государь сѣлши доставить подданнымъ неожиданную радость. По изъясненному

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

государемъ императоромъ наканунѣ желанію лично видѣть состояніе русской промышленности, находящимся въ Москвѣ (по особенному порученію министра финансовъ) чиновникомъ барономъ Мейендорфомъ, въ одиѣ сутки устроена была въ залахъ дворца выставка произведеній московской промышленности. Тутъ находились московскіе фабриканты и заводчики. Мы расскажем подробно о семъ событіи впоследствии, чтобы не прерывать здѣсь журналъ пребыванія государя, излагаемый въ краткомъ очеркѣ. Послѣ смотра въ эскерциргаузѣ 29-го Егерскаго полка государь въ сей день посѣтилъ два благотворительныя заведенія: Петропавловскую больницу, основанную родителемъ его въ 1763 году, въ благодарность Богу за исцѣленіе отъ тяжелой болѣзни, и больницу Голицынскую, памятникъ человеколюбія, оставленный потомству княземъ А. М. Голицынымъ. Отсюда, обозрѣвъ строящуюся подлѣ Голицынской, огромную Градскую больницу, государь былъ въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ.

Такъ протекали пять дней. Жители Москвы не вѣдали, что 12-го марта назначенъ былъ выѣздъ государя императора изъ Москвы. Въ 1 часу по полудни, въ сей день происходить въ эскерциргаузѣ смотръ 30-го Егерскаго полка; въ ознаменованіе монаршаго благоволенія, подполковникъ Пантелеевъ произведенъ былъ въ полковники, и капитанъ Курьяновъ въ майоры. Потомъ государь посѣтилъ Военный госпиталь, находящійся на Введенскихъ горахъ и основанный Петромъ Великимъ. Вечеру назначенъ былъ въ домѣ благороднаго собранія концертъ въ пользу Глазной лѣчебницы. Его составляли любители и любительницы музыки, не ожидавшіе, что ихъ безкорыстное состраданіе къ болящимъ братьямъ будетъ награждено столь блистательно посѣщеніемъ монарха. Государь прибылъ въ концертъ въ 10 часу. Никогда, кажется, не являлись съ такимъ блескомъ музыкальные таланты лучшаго московскаго общества, какъ въ сей вечеръ, оживленные его присутствіемъ. Артистовъ насмныхъ не было ни одного; но мы забывали ихъ, слушая арію Меркадате, пѣтую (съ хоромъ) Е. А. Акуловою; речитативъ и романсъ изъ Теобальда и Изолины, пѣтые А. С. Шереметевою, дуэтъ изъ Семпраниды, пѣтый Е. А. Акуловою и П. А. Бартеневою. Игра на фортепіано Е. А. Рахмановой (рондо Гуммеля) и превосходная игра Е. П. Озеровой (концертъ Рисса) и отлично разыгранныя увертюры Керубини и Вебера, и финаль Регини (П. А. Бартенева, гг. Фе и Фельцманъ, тріо, съ хоромъ) дополнили удовольствіе многочисленной публики. Провожая государя взорами и сердцами, и все еще мало наглядѣвшись на него, мы думали, что увидимъ его завтра, что онъ еще погоститъ въ Москвѣ. Печально услышали мы на другой день, что, возвратясь изъ концерта во дворецъ, въ самую полночь онъ выѣхалъ изъ Москвы.

Вотъ всѣ извѣстныя намъ подробности пребыванія государя императора въ Москвѣ, продолжавшагося шесть дней. столь краткаго, столь неожиданнаго, столь незабвеннаго для насъ и—осмѣливается прибавить—для него. Эти шесть дней будутъ прекрасны не только въ лѣтописяхъ Москвы, но и въ лѣтописяхъ его царствованія: ихъ означитъ не громъ побѣдъ, не звукъ оружія, но память народная, переживающая преданія браней.

Государь провелъ сіи дни среди неожиданнаго его народа и видѣлъ, что можетъ одинъ взоръ, одно слово его. Народъ видѣлъ царя своего, и это великодушіе, эта внушающая благоговѣніе, неизмѣняемая кротость и простота, съ какою

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

всюду являлся, всюду виденъ былъ повелитель шестой части Свѣта¹, возвышали и умиляли душу. Посвящая въ тишинѣ кабинета большую часть дня трудамъ, которыми рѣшаются жребіи царей и народовъ, счастье и судьба нѣсколькихъ сотъ милліоновъ, въ остальное время государь былъ въ Москвѣ или благотворителемъ, или добрымъ собесѣдникомъ, участникомъ радости и веселія своихъ подданныхъ. Мы нечислили посѣщенные имъ благотворительныя и учебныя заведенія; но надобно знать, каковы были сіи посѣщенія. Въ каждомъ являлся онъ попечительнымъ, ободрялъ, награждалъ, хвалилъ доброе, кротко наставлялъ несправное, входилъ во всѣ подробности; въ кадетскомъ корпусѣ онъ говорилъ и игралъ съ дѣтьми, довольный отличнымъ порядкомъ сего заведенія. — «Не жалѣйте издержекъ для добра — пусть только будетъ хорошо!» — сказалъ онъ въ другомъ заведеніи. Золотыя слова! — Мы упоминали о 50-ти тысячахъ, опредѣленныхъ имъ для бѣдныхъ обитателей Москвы. За билетъ для концерта Глазной тѣчебницы онъ приказалъ выдать 5.000 рублей. Милости, награды, ободренія изливались отъ него на все, заслужившее награду.

Выставка издѣлій московской промышленности будетъ для насъ всегда памятна. Огромная зала во дворцѣ заставлена была столами, около стѣнъ поставлены были нарочно сдѣланныя рамы, и блестящая выставка, составленная въ нѣсколько часовъ, слѣдственно, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, была неоспоримымъ доказательствомъ истины, какъ быстро, какими исполненскими шагами идетъ Россія по всѣмъ частямъ общественнаго богатства и образованія. Тутъ находились произведенія русскихъ прядиленъ хлопчатой бумаги, шелки русской размотки, мериносовая шерсть съ русскихъ овчарень, бумажныя, шелковыя, хрустальныя издѣлія, столовое бѣлье, стальные вещи, иглы, перчатки, табакерки, фарфоръ, бронза, шали, химическія произведенія. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробное перечисленіе того, что являла любопытная выставка во дворцѣ, и потому не упоминаемъ ни обо всѣхъ находившихся на ней предметахъ, ни объ именахъ гг. фабрикантовъ и заводчиковъ. Чтобъ судить хотя нѣсколько правильно объ успѣхахъ нашей промышленности въ послѣдніе годы, приведемъ только слѣдующіе немногіе примѣры: въ Россіи выпрядено уже было въ прошломъ году до 55.000 пудовъ хлопчатой бумаги, а въ нынѣшній годъ сіе число удвоится; изъ 32.000 пудовъ шелка, употребляемыхъ промышленностію Москвы ежегодно, 14 тысячъ получается уже изъ Закавказскихъ областей, въ томъ числѣ 4.000 пудовъ изъ новопріобрѣтенныхъ отъ Персін областей. Въ 1803 году у насъ вовсе не было мериносовой тонкой шерсти; теперь мы отпускаемъ оной ежегодно за границу на нѣсколько милліоновъ рублей, и въ Англіи рѣшительно не различаютъ русской шерсти отъ лучшей саксонской. Химическія произведенія нынѣ всѣ у насъ туземныя, и въ послѣдніе годы доведены до такого совершенства, что удивляютъ дешевизною и не могутъ бояться соперничества иностранцевъ. На выставкѣ можно было вдругъ видѣть и многообразіе, и совершенствованіе, и пользу промышленности русской. Многіе заводчики и фабриканты находились тутъ,

¹ Говорятъ, что Петръ Великій составилъ карту земного шара и раздѣлилъ ее на четыре извѣстныхъ тогда части свѣта, но на пять: пятая — была Россія. Мысль геніальная: почитать Россію выходящею изъ границъ всѣхъ другихъ обыкновенныхъ государствъ, совершенно оправдывается огромностію, многообразіемъ и исторіею Россіи.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

каждый при своихъ издѣліяхъ. Государь разсматривалъ все съ величайшимъ вниманіемъ, разговаривалъ со всѣми безъ различія, разспрашивалъ каждаго, слушалъ замѣчанія, сужденія, заставлялъ каждаго забывать, съ кѣмъ онъ говоритъ, и пзливать душу въ простыхъ, неприготовленныхъ словахъ. «Стоило пріѣхать въ Москву для того только, чтобы видѣть это изображеніе нашей промышленности», — сказалъ наконецъ монархъ, оставляя восхищенное собраніе фабрикантовъ и заводчиковъ, обѣщая имъ всѣ пособія и поощренія и не различая въ словахъ своихъ себя отъ своихъ подданныхъ.

Счастлива Русская земля! И простое описаніе, простое изложеніе того, что мы видѣли, слышали, чувствовали, можетъ показаться пристрастнымъ. Мы не имѣемъ повторить здѣсь, что говорятъ и въ слухъ мыслятъ въ Москвѣ о государѣ; не смѣемъ, ибо не дерзаемъ оскорбить высокаго чувства души, съ какимъ отвергаетъ онъ всякую наружную почесть, всякій блескъ, все, что можетъ показаться лестію. Но мы желали бы, чтобы всѣ слова, все пребываніе въ Москвѣ государя были записаны и пересказаны будущимъ поколѣніямъ историкомъ, скрывшимся въ толпѣ добраго Русскаго народа, который достоинъ своего государя.

О, сколь монархъ благополученъ,
Что знаетъ россами владѣть!

— сказалъ безсмертный пѣснопѣвецъ, и мы невольно повторяемъ слова его, ибо надобно было видѣть Москву, съ 7-го по 13-е марта, чтобы понять духъ русскій, горячій въ любви, пламенный въ изъясненіи чувства. Не знаемъ, какъ узнавалъ народъ, гдѣ будетъ государь; толпа ѣхала за нимъ повсюду. Едва успѣвалъ онъ пріѣхать куда нибудь, какъ улица стѣнялась народомъ и нестрѣлась экипажами. Въ концертѣ Глазной лѣчебницы сборъ, за всѣми расходами, простирался до 30.000 рублей; послѣ сего, не диво, что въ огромныхъ залахъ и на хорахъ главной залы было тѣсно; что экипажи тянулись на нѣсколько верстъ, и разъѣздъ, при всемъ порядкѣ и быстротѣ, продолжался съ 12-ти до 5-ти часовъ по полуночи. Въ одинъ изъ выѣздовъ государя, на Троицкомъ мосту, ведущемъ изъ Кремля къ экзерциргаузу, народъ тѣсно окружилъ сани государя. — «Перестаньте, уроните!» — говорилъ государь ласково народу. — «Нѣтъ, нѣтъ, батюшка: русскіе не уронятъ своего государя!» — восклицалъ народъ, и едва согласился оставить сани: такихъ словъ не выдумаютъ...

Казалось, монархъ нашъ хотѣлъ пощадить насъ отъ горести разлуки съ нимъ и удалить всѣ изъясненія народнаго восторга при отъѣздѣ своемъ: Москва подвигнулась бы за нимъ, если бы знала, что разстается съ своимъ государемъ.

Но нѣтъ! Москва не разсталась съ нимъ, и до сихъ поръ всюду о немъ только слово, о немъ только бесѣда, и въ богатыхъ чертогахъ, и въ бѣдныхъ домахъ. Разсказъ о праздникѣ московскихъ мануфактуристовъ лучше нашихъ словъ покажетъ, что чувствуетъ Москва, покажетъ, что и въ его отсутствіи Онъ съ нами любовью къ нему.

Бывшіе на выставкѣ мануфактурныхъ издѣлій во дворцѣ, фабриканты и заводчики хотѣли ознаменовать сіе радостное для нихъ событіе празднествомъ въ кругу своемъ. Марта 18-го, собрались они въ залѣ Купеческаго собранія, гдѣ приготовленъ былъ богатый обѣдъ; въ собраніи ихъ находились г. московскій гражданскій губер-

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

наторъ, многіе вельможи и чиновники. Порядокъ, при общемъ удовольствіи, былъ совершенный. Провозглашены были тосты за здравіе государя императора, его августѣйшаго семейства; чувство яркое являлось при сихъ священныхъ именахъ, но все еще молчаливо скрывалось оно въ душахъ собесѣдниковъ. Послѣ желанія здравія уважаемому всѣми г. министру финансовъ, его сотрудникамъ, начальникамъ Москвы, предложено было за здоровье барона Мейендорфа, бывшаго учредителемъ выставки во дворцѣ. Тогда почтенный старецъ, гражданинъ московскій, М. П. Титовъ, просилъ удостоить вниманія, и одинъ изъ бывшихъ тутъ гражданъ, обращаясь къ барону Мейендорфу, сказалъ ему слѣдующее:

«Милостивый государь!

«По русскому обычаю, пожелавъ долголѣтія православному русскому царю и здравія добрымъ его вельможамъ, просимъ дать мѣсто нашей рѣчи и позволить высказать вамъ немного сердечныхъ словъ, которыя залегли въ душахъ нашихъ.

«Мы собрались здѣсь торжествовать тотъ счастливый день, когда въ стѣнахъ нашей старой, бѣлокаменной Москвы явился царь нашъ, когда мы увидѣли среди насъ того, кто потрясаетъ одною рукою Тегеранъ и Стамбулъ, и въ другой держитъ судьбу полуміра, прикрывъ державною порфирію треть Азіи и треть Европы. Онъ явился такъ, какъ по преданіямъ являлись нѣкогда его благочестивые отци и дѣдичи: не царемъ — но отцемъ; не грознымъ — но милостивымъ; не великолѣпнымъ — но великимъ. Такъ! только нынѣ поняли мы, что значитъ величіе, когда безъ стражи, безъ громовъ, безъ царедворцевъ, мы видѣли избранника Божія, и благоговѣніе проникало въ насъ отъ одного взора его; душа русская кипѣла отъ одного слова его; любовь къ нему сливалась съ счастьемъ нашимъ, какъ душа съ тѣломъ.

«Какое же чувство вспыхнуло въ насъ, когда въ его царскіе чертоги мы принесли плоды нашего труда, разостлали предъ нимъ наши издѣлія и говорили ему: «Взгляни, государь! когда твои воины громятъ твердыни Азіи и Царьграда; когда ты проводишь ночи безъ сна и дни въ трудахъ, мысли, заботясь о правосудіи, о истинѣ, о благѣ нашемъ, мы также не хотимъ остаться недостойными тебя, мы въ своихъ хижинахъ, въ своихъ домахъ, среди мирныхъ семействъ нашихъ, трудимся для общаго благоденствія; хотимъ умножить богатства и преуспѣяніе нашего отечества фабриками, мануфактурами, издѣліями; хотимъ отнять не оружіемъ, но умомъ, дѣятельностью, трудомъ вѣковыя богатства изъ рукъ чужеземцевъ, разлить ихъ въ нѣдрахъ отечества, сносипествовать ими — и тебѣ крѣпить землю Русскую, и согражданамъ нашимъ быть полезными и помогать тебѣ, и дѣтямъ нашимъ быть полезными и помогать Тебѣ, и дѣтямъ нашимъ просвѣщаться, въ страхъ Божіемъ и любви къ добру и правдѣ.

«Вы, милостивый государь, были свидѣтелемъ того времени, когда онъ, какъ въ родной семьѣ, сталъ среди насъ, бесѣдовалъ съ нами, ободрилъ насъ привѣтливымъ словомъ, освѣтилъ пріяннымъ взоромъ... Красный былъ этотъ для насъ день, и долго, долго будемъ мы бесѣдовать, говорить, воспоминать объ немъ: онъ оживилъ насъ новою жизнію въ трудахъ нашихъ.

«Вамъ принадлежитъ честь, вы были виною сего незабвеннаго для насъ событія... Не думайте, чтобы мы хотѣли оскорбить васъ хвалою, чтобы мы заставили васъ гордиться словами нашими! Близъ царя нѣтъ гордости; у русскаго нѣтъ слова

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

на лѣсть! Скажемъ, какъ говорили предки наши: да будетъ намъ стыдно, если мы васъ забудемъ! Вы, какъ вѣрный сынъ отечества, еще будете полезнымъ землѣ Русской — да сопутствуетъ же вамъ наше благословеніе — останетесь ли вы въ предѣлахъ отчизны, или, по волѣ царя, перейдете на берега Рейна, Сены и Темзы! Въ грустный часъ, когда тяжело будетъ вашему сердцу, въ преклонной старости, когда вы станете отдыхать послѣ трудовъ вашихъ, вспомните 11 марта 1830 года, вспомните, что васъ любятъ и помнятъ въ Москвѣ, и вамъ будетъ радостно, какъ радостно теперь намъ съ вами, добрымъ нашимъ гостемъ.

«Но, если вы и оставите на время Россію для пользы Россіи, то прежде будете вы въ Сѣверной столицѣ, счастливой пребываніемъ нашего Монарха: вы увидите его, будете съ нимъ бесѣдовать, и мы препоручаемъ вамъ наше душевное слово:

«Передайте ему наши чувства; скажите ему, какъ любятъ его въ Москвѣ; скажите ему, что мы, простые граждане, понимаемъ его царскую душу, душу великаго чловѣка; мы, простые граждане, горячо молимся за него, и крѣпкою стѣною стоимъ и всегда станемъ окрестъ престола его; что мы понимаемъ достоинство чловѣка, имъ признанное въ обхожденіи съ нами, въ словахъ и дѣлахъ его; что мы готовы на дѣло, на просвѣщеніе, на обогащеніе Россіи промышленностью, наукою, честью гражданскою... Пусть вѣрить онъ, что мы уже сознаемъ добро, честь и просвѣщеніе... Передайте ему и то, чего нельзя пересказать вамъ словами: жаръ сердецъ нашихъ; слезы радости, какія заставилъ онъ насъ проливать; руки, воздѣтыя за Него къ Богу; передайте ему перлъ вѣнца его — любовь народную, и то чувство, съ какимъ мы повторяемъ: «Боже, храни царя!» Пусть идетъ онъ впереди насъ, благословенный Богомъ, а мы не посраимъ земли Русскія!

«Простите, что желая мы не можемъ, не умѣемъ говорить много. Вотъ все, что мы хотѣли сказать вамъ, милостивый государь, и если вы не забудете Москвы, будете помнить объ ней, помнить объ этой минутѣ, — намъ не останется прибавить ничего болѣе, кромѣ того, что да сохранить васъ Промыслъ всегда въ радости и счастіи».

Впечатлѣнія, произведеннаго симъ простыми, безыскусственными словами, невозможно описать: всѣ присутствовавшіе, безъ изыятія, плакали во время рѣчи; громкое «ура!» загремѣло послѣ окончанія оной, и шумный восторгъ продолжался нѣсколько времени. Трогательно было видѣть, какъ безъ различія чиновъ и званій сердца чувствовали одно, рѣчи выражали одно. Сіи слезы, сіи слова — ихъ ничто не изгладитъ въ лѣтописи царствованія Николая, и чего не обѣщаетъ въ будущемъ Русскій народъ при такомъ царѣ!

XX.

Записка, поданная графомъ Дибичемъ, передъ отъѣздомъ въ Берлинъ, императору Николаю.

Copie de la note rédigée par feu m-r le maréchal comte Diebitsch Zabalkanski en sortant de son audience de congé près de sa majesté impériale à l'occasion de son d part pour Berlin le—de l'année 1830 et dont l'original a été brûlé d'après la volonté du défunt.

Sa majesté l'empereur croit de la plus haute importance dans les circonstances actuelles de s'entendre avec son auguste beau-père en tout et de la manière la plus précise, tant sur la conduite à tenir pour le moment, que sur les mesures à prendre pour l'avenir. Sa majesté croit, que dans un cas aussi important les explications par écrit ne seraient pas suffisantes, qu'elles ne pourraient pas rendre toujours avec assez de précision le sens même de la pensée et comme elle désire surtout que sa majesté le roi connaisse entièrement les plus secrètes pensées de son coeur dans cette importante affaire, elle a choisi le maréchal comte Diebitsch-Zabalkanski et s'étant ouvert à lui avec une entière confiance, elle l'a chargé de rendre à sa majesté le roi tous les détails de ces sentiments.

Sa majesté désire en tout et avec une entière confiance se régler d'après les conseils de son auguste beau-père suivre dans sa politique une marche entièrement conforme à celle de la Prusse et regarder l'opinion de sa majesté le roi comme si elle venait de son frère, feu l'empereur d'auguste mémoire. Elle croit d'un autre côté devoir prononcer de sa part son opinion avec une entière franchise. L'empereur en déplorant les malheurs dans lesquels la conduite inconcevable et illégale du roi Charles X a rejeté de nouveau la France et l'Europe entière et étant indigné de la conduite faible des princes de la branche aînée, ainsi que du jacobinisme du duc d'Orléans, ne peut pourtant pas se refuser de reconnaître ce dernier comme devenu le chef légitime de la France par sa nomination comme lieutenant du royaume par le roi Charles X, que lui a même renvoyé le reste de ses braves et fidèles gardes, mais ce n'est que dans cette qualité de lieutenant de Henri V que sa majesté peut regarder le duc d'Orléans comme pouvoir légitime et sa majesté ne pourra changer la persuasion de son coeur que le duc de Bordeaux est le seul légitime roi de France, et que ce n'est qu'après sa mort ou son abdication personnelle que le duc d'Orléans deviendrait roi légitime.

L'empereur malgré cette opinion inébranlable n'est pas d'avis qu'une intervention immédiate dans les affaires intérieures de la France serait désirable. Le roi Charles X ayant signé le premier la charte qui a été octroyée sous l'égide des cours alliées a renoncé par là même au droit de demander leur secours. Une invasion en France sans agression préalable de la part du gouvernement actuel serait donc probablement regardé par tout le peuple français comme suite de désirs ambitieux d'affaiblir encore leur pays et si même les succès des alliés les rendraient victorieux dans une guerre vraisemblablement devenue nationale, il serait difficile de fixer après le sort de la France vu l'extrême enfance du duc de Bordeaux qui ne pourrait trouver de tuteurs légitimes que dans la famille d'Orléans même.

Mais d'un autre côté l'empereur croit de la plus haute importance de garder dans les déclarations des cours alliées le langage fort de la légitimité pure et simple seul garant solide d'une tranquillité stable des empires et qui ne peut voir dans le duc d'Orléans que le lieutenant du royaume. Si des raisons majeures porteraient les autres cours alliées à reconnaître l'état actuellement existant en France, sa majesté croit que cela ne pourrait être qu'avec de fortes garanties des intentions du chef actuel du gouvernement ou peut-être en suite d'une abdication faite par Charles X au nom de son petit-fils, quoiqu'une telle abdication serait toujours une chose très peu légitime. Elle ne se refuseroit pas à suivre alors l'exemple de ses alliés en sacrifiant sa conviction intérieure au bonheur et à la tranquillité de l'Europe, mais elle garderait toujours dans son coeur le sentiment qu'il n'y a de roi légitime en France que Henri V. Elle s'honorera de n'avoir cédé que le der-

nier à la persuasion de ses augustes alliés et elle ne pourra jamais changer le sentiment intime de mépris que la conduite jacobine du duc d'Orléans lui a suggéré.

Sa majesté prévoit encore la possibilité que le roi Charles X ou le dauphin voyant la conduite du duc d'Orléans contraire à leurs espérances reviennent sur leur résolution et voudraient reprendre les rênes du gouvernement. L'empereur regarderait une telle conduite non seulement comme inconvenante mais comme intièrement illégitime; elle ne pourrait au contraire ne pas voir un principe légitime dans des mouvements pour soutenir la cause de Henri V.

L'empereur partage de tout son coeur les vœux de sa majesté le roi sur le maintien de la paix générale, mais elle ne peut pas se faire illusion sur le peu d'espérances que les circonstances actuelles peuvent donner à ce désir générale. Le bouleversement actuel accéléré par les mesures illégales du gouvernement précédent a été marqué par une marche entièrement démocratique, les changements subversifs faits dans la chartre dans le moment même ou on prétend ne s'être insurgé que pour la maintenir, sont tous dans le même sens et entre les déclarations du duc d'Orléans sur les raisons qui le font restaurer les couleurs soi-disant nationales, ses discours à la Chambre des députés, l'entier abandon de celle des pairs et les mesures tout à fait illégales par lesquelles on veut la réduire à une entière soumission et surtout ce gouvernement créé et sanctionné par la popularité du roi et une faible partie d'une chambre qui n'existait pas encore légalement ne peuvent pas rassurer sur les suites. L'empereur voyant l'extrême faiblesse avec laquelle le duc d'Orléans cède à toutes les propositions du parti révolutionnaire a la persuasion que ce dernier ira de pas à pas à demander des concessions jusqu'aux institutions entièrement républicaines on forcera le prince à revenir à une opposition tardive qui selon toute vraisemblance amènera les mêmes résultats et avec elles toutes les suites agressives et tous les malheurs qu'avait produit la première révolution.

Sa majesté désire de tout son coeur que ses appréhensions ne se réalisent pas, mais elle ne se pardonnerait pas de ne pas les avoir montrés d'après sa conviction et de ne pas prendre d'avance toutes les mesures pour rencontrer avec force et énergie toute agression qu'un pareil ordre de choses pourra amener. Elle ne croit pas que dans ce moment des démarches ostensibles puissent être utiles; elles pourraient au contraire augmenter le mouvement des esprits en France, mais il est de toute urgence d'unir les idées des cours alliées pour un cas d'agression qui peut arriver plutôt qu'on ne s'y attend et de se préparer même aux cas d'une guerre d'intérêt national auxquels la conservation d'Alger disputée par l'Angleterre pourra donner la première occasion.

Dans tous les cas l'empereur désire agir d'un entier accord avec ses alliés, mais il lui importe surtout d'en être avec son auguste beau-père. Le désir le plus vif de sa majesté est qu'en cas de guerre contre la France les troupes prussiennes et russes agissent avec la même unité de sentiments qui leur a fait remporter les glorieux succès de 1813 et 1814; elle désire qu'autant que possible l'action de ses troupes dont la masse sera conforme à la grandeur et l'importance du but, se lie entièrement à celle des armées prussiennes, qu'elles soient entremêlées autant que cela ne peut nuire à l'unité de l'organisation générale et que les armées puissent contribuer de toutes leurs forces au plan général d'opération que sa majesté le roi aurait approuvé ou approuverait pour le cas d'une guerre.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Ayant destiné le maréchal comte Diebitsch Zabalkanski au commandement des troupes destinées pour cette guerre, qui du premier moment se trouveront composées de 14 divisions d'infanterie et de 12 divisions de cavalerie tant russes que polonais et connaissant la confiance que daigne lui accorder sa majesté le roi, l'empereur l'a chargé de la communication des détails nécessaires. Il est autorisé de même de convenir avec les personnes que sa majesté le roi désignerait sur tout ce qui toucherait la marche et les opérations des troupes.

D'après la règle ci-dessus énoncée de ne donner pour le moment aucun signe hostile, l'empereur attendra de sa majesté le roi l'avis quand les événements en France se prononceront de manière que sa majesté ne pourra plus croire la guerre inévitable, pour mettre ses troupes en état de guerre et les faire rapprocher de la frontière ce qui demande un temps de 4--5 mois pour les plus éloignées. Si cependant une invasion des français, surtout dans les provinces rhénanes ou en Belgique rendra un secours partiel prompt et surtout la certitude publique sur la coopération russe désirable et que la saison le permis l'empereur se propose de faire transporter par mer à l'endroit qu'il plairait à sa majesté le roi la 2e division de la garde russe avec son artillerie.

L'empereur en attendant l'appel de sa majesté le roi pour le départ des troupes compte après avoir donné les ordres nécessaires voler à Berlin pour se consulter encore personnellement avec son auguste beau-père et pour combattre à ses côtés les ennemis du repos général.

Рукою графа Чернышева:

St.-Petersbourg,
le 11 Février 1832.

Conforme à l'original.

L'aide de camp général comte Czernicheff.

XXI.

Письмо императора Николая графу Чернышеву отъ 5 октября
1830 года.

Moscou, $\frac{5 \text{ Octobre}}{1830.}$

Москва. 5-го октяб́ря 1830 г.

Les dépêches que je viens de recevoir, mon cher ami, sont de telle nature, qu'il s'agit sans délai de prendre des mesures d'exécution pour notre entrée en campagne. Le roi des Pays-Bas vient de m'écrire pour me demander en vertu des traités existants un secours militaire. Son impatience à cet égard est telle, que Guillaume me demande en son nom, s'il est possible, l'envoi d'une partie des troupes par eau. Vous sentez vous même que la chose n'est pas faisable dans cette saison. Cette demande tardive, si elle était venue

un mois plus tôt, toutes mes mesures étaient prises pour pouvoir y adhérer. Voici ce dont il s'agit maintenant. Vous commencerez par informer le maréchal Sacken que le 1-r et le 2-d corps, ainsi que le 3-e et 5-e de cavalerie de réserve, doivent immédiatement être mis sur le pied de guerre. Vous savez déjà par l'office d'Edouard, que l'ordre a été donné directement au 5-e corps de cavalerie de réserve de marcher en Wolhynie pour se rapprocher de la frontière. J'envoie demain l'ordre au 3-e de cavalerie de réserve (déjà sur le pied de guerre) de marcher en Podolie et d'y prendre des cantonnements en passant provisoirement sous les ordres de Sacken; de même l'ordre a été donné à la 3-e division d'infanterie de se concentrer vers Wilna. Voilà à quoi se bornent les mesures déjà prises. Il faut immédiatement commencer l'achat des chevaux d'artillerie pour les 12 pièces et ceux du train (фурштаты) et pour que cette mesure soit le plus promptement exécutée, vous communiquerez l'ordre d'y procéder directement au comte Pierre Pahlen pour son corps; vous informerez de même mon frère Constantin, qu'il ait à exécuter immédiatement la même mesure pour toute son armée dans la composition qui lui avait été prescrite pour le cas de marche. Vous aurez soin à ce que toutes les mesures soient exécutées avec le plus d'épargnes possibles, et vous vous concerterez la dessus avec le ministre des finances et Grabovsky. Je ne parle pas encore ni des grenadiers, ni de la garde, car je ne les ferai bouger qu'à la dernière nécessité; d'ailleurs les grenadiers peuvent marcher dans 15 jours et nos mesures sont prises en conséquence. Vous écrirez aussi à Pierre Pahlen, tout en informant le maréchal Sacken, de faire passer les 4 bataillons des 4 régiments de ligne de la 4-e division à Riga, pour y faire garnison et les deux bataillons de chasseurs de la même division à Dunabourg. La 1-re division devra être concentrée le plus près possible de la frontière Prussienne, de façon à faire tête de colonne. Je propose pour accélérer la mise au complet des chevaux de la 4-e et 8 brigade d'artillerie pour les fondre dans les autres, quitte à les remplacer par des chevaux nouvellement achetés. Vous informerez de même mon frère, que du moment où le 1-r corps se met sur le pied de guerre, la 1-e division de hussards doit rentrer sous les ordres de Pahlen, il s'entend de soi même, que tous les semestriers des corps, qui doivent marcher, doivent être immédiatement rappelés. Vous informerez de toutes ces mesures Constantin par courrier et de même Dieblitsch, qui doit se trouver près de lui, ou qui est sur son retour. Faites en part à Nesselrode, à qui cette lettre à vous servira d'ample réponse. Le premier contingent dont comme membre de l'alliance je suis contribuable, sera formé de l'armée aux ordres de mon frère, je lui en écris moi-même demain. D'après mon calcul, à moins de deux mois de temps nous ne pouvons être prêts à marcher, du moins avec le tout. Ainsi chaque instant de gagné là dessus sera d'un grand prix. Reste à savoir si rien que la connaissance de ces préparatifs formidables, dont loin de faire un secret vous pouvez parler hautement, quoique sans affectation, ne préviendra déjà une guerre, que nous désirons tous sincèrement éviter. Vous informerez directement le général Witzleben des mesures, qui viennent d'être ordonnées, en lui disant, pour être soumis au roi, que dès ce moment ci je regarde nos armées comme déjà réunies, que je désire par conséquent, que pour tout ce qui est rapports militaires entre nous, toute forme diplomatique soit mise de côté, que vous avez ordre de le tenir constamment au courant de tout ce qui se fera chez nous et que je serai très reconnaissant au roi, s'il daignait permettre qu'on en usât de même à mon égard, dans les formes les plus simples et les plus directes. En voilà assez j'espère pour le premier moment, où avec

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

l'aide de Dieu je serai hors du choléra et des quarantaines, auxquelles je ne pourrai échapper. Grâce au bon Dieu, la maladie diminue chez nous et surtout en intensité. Calmez l'ancrin sur ces premières dépenses et tachez de les diminuer le plus possible.

Tout à vous

N.

Hâtez la marche des cosaques.

XXII.

Письмо императора Николая Павловича графу Дибичу.

С.-Петербургъ. $\frac{1}{13}$ ноября 1830 года.

St.-Petersbourg, le $\frac{1}{13}$ Novembre 1830.

Pour le coup, mon cher ami, je perds patience; d'une lettre à l'autre vous m'annoncez ou le départ d'un courrier décisif ou bien votre prochain départ; et voilà bientôt deux mois que ni l'un ni l'autre n'arrive, voilà pour vous l'énigme de ce que je ne vous répondais pas à vos lettres; je voulais répondre à du positif, et ce positif n'arrivait pas. Enfin hier ma femme a reçu une lettre du roi qui lui dit vous avoir encore gardé près de lui pour des raisons importantes. Je veux du moins que vous sachiez que nous nous portons bien, qu'avec l'aide de Dieu nos préparatifs de guerre vont bien et que pour le $\frac{10}{22}$ Décembre nous pourrions marcher avec les 1-r, 2-d, Lithuanie, Polonais et grenadiers, et la cavalerie de réserve; pour ôter même le doute aux résolutions que j'ai fortement et irrévocablement prises, j'ai fait annoncer le tout dans les journaux. Je suis plus convaincu que jamais, que s'il y a encore un moyen de prévenir la guerre, c'est en prouvant aux jacobins de tous les pays que l'on n'a point peur d'eux, que l'on est partout sous les armes et que si même dans ses impénétrables décrets la Providence a résolu que nous devons périr, nous périrons avec honneur et sur la brèche; tel est mon sentiment depuis cinq ans; tel il sera toute ma vie; je voudrais communiquer cette manière de voir partout et à tous; en attendant faisons notre devoir.

L'empereur d'Autriche désire que les armées soient mises sous votre commandement, je n'ai eu garde de refuser, comme une marque de confiance flatteuse et comme un gage de ses intentions. Je suis parfaitement satisfait des sentiments de nos militaires, tous sont prêts et enchantés de marcher, et moi je prie Dieu, qu'il n'en soit pas besoin. Constantin ne veut pas marcher comme commandant en chef; il demande être placé sous les ordres de qui je voudrai.

Mille choses à toutes mes connaissances, si vous êtes encore à Berlin, où je vous adresse ces lignes. Ma femme vous dit mille choses et moi je vous embrasse, étant pour la vie votre sincèrement affectionné.

Nicolas.

XXIII.

Письмо графа Чернышева графу Дибичу.

9-го ноября 1830 года.

Il règne une si grande incertitude sur l'époque de votre retour ici et même sur votre arrivée à Varsovie, cher comte, que j'ai obtenu la permission de sa majesté de vous expédier un courrier par Varsovie à Berlin, afin d'être sûr de ne pas vous manquer. Le but de cette expédition est de vous mettre parfaitement au fait de tout ce qui a été fait ici concernant les préparatifs militaires, ainsi que de la direction que sa majesté compte donner aux différents corps destinés à marcher, pour atteindre le premier point du rassemblement général de l'armée. J'entrerais dans quelques détails sur ces divers points, indépendamment de ceux que vous trouverez dans les annexes à ma lettre. J'espère, cher comte, que vous serez content des mesures ordonnées et de l'extrême activité que nous avons mise à leur exécution.

Malgré qu'il y ait encore des gens assez aveugles pour croire à la possibilité de conjurer l'orage par des conférences et des négociations, la question actuelle est une question d'existence, une question de vie et de mort entre les gouvernements légitimes et la démagogie dans ce qu'elle peut avoir de plus dégoûtant et de plus cynique; il est temps d'opposer une barrière d'airain à cet horrible débordement, qui dans un an, dans quelques mois peut être, embrassera une bonne partie de l'Europe et alors où seraient les moyens de répression. Si les cabinets de Londres, de Berlin et de Vienne avaient pensé là dessus comme l'a fait notre maître chéri, qui dès les premiers instants n'a pas hésité à évaluer toutes les conséquences de ces déplorables événements à leur juste valeur, il y a bien longtemps que le mal aurait déjà été coupé jusque dans sa racine. Quoiqu'il en soit, comme il est de notre devoir de persévérer dans notre marche, de prêcher d'exemple et d'être prêts à tout événement, je vais vous parler de nos formidables préparatifs et de l'époque où toutes les troupes vont être prêtes à marcher.

Vous savez déjà par ma dernière communication que les 1-er et 2-d corps d'infanterie, les 3-e et 5-e de cavalerie, le corps de Lithuanie, celui de réserve sous les ordres de monseigneur le grand duc Constantin et l'armée polonaise ont reçu l'ordre d'achever leurs préparatifs pour le 10 Décembre. Depuis l'empereur a ordonné que la 1-re division de hulans et la 3-ème de grenadiers se tiennent aussi prêtes à marcher le 20 Décembre.

Les détails de toutes les mesures administratives qui ont été prescrites sont consignés dans les notes sub lit. A et B. vous y trouverez aussi tout ce qui a trait aux parcs d'artillerie, aux hôpitaux, à l'habillement des troupes etc.

Les préparatifs pour l'armée polonaise et les corps de réserve de son altesse impériale ont été suspendus, par suite de votre communication à son altesse; leur mise à exécution dépend uniquement de ce que vous lui annoncerez à votre passage par Varsovie; les ordres suprêmes lui ont déjà été expédiés à cet égard, ainsi que les sommes dont elle peut avoir besoin. Monseigneur vient de me prévenir cependant qu'il a ordonné de procéder à l'achat des chevaux pour la brigade des grenadiers comme étant plus éloignée des frontières extérieures du royaume.

Indépendamment de la 3-ème de grenadiers, l'empereur a déjà décidé l'achat des chevaux d'artillerie et de train pour les 1-ère et 2-de de grenadiers de manière que tout le corps deviendra disponible à peu près à la même époque.

Malgré les difficultés et embarras extrêmes qu'éprouve l'administration militaire à cause de ce maudit choléra morbus, et par suite de l'établissement des quarantaines dans la plupart des gouvernements de l'Europe et de la suspension totale des affaires dans les commissions de Moscou, de Kasan, de Varsovie et autres, et la stagnation des fabriques, ce qui nous place dans une situation telle qu'il n'en a jamais existé de pareille, j'espère qu'avant le départ des troupes tous les corps auront reçu les годовыя вещи et le drap gris pour les capotes по сроку 1831 года; c'est un tour de force dont je serai redevable à l'activité et à l'énergie de Linden.

Je puis vous assurer que toutes les troupes seront décidément prêtes à marcher avant le 1-er de Janvier; le 2-d corps a reçu beaucoup de vieux soldats et sa force ne sera pas de beaucoup moindre que celle du 1-er corps. En général la suspension du nouveau recrutement ne portera pas beaucoup de préjudice aux corps destinés à marcher, car d'après les dispositions de l'empereur, les réserves ont versé dans les troupes actives tout ce qu'elles ont pu d'hommes formés et recevront en place des recrues, de plus nous en avons pris aussi au corps de Finlande.

Je vous envoie, cher comte, pour votre propre connaissance un petit tableau en résumé de toutes les dépenses que coûteront à l'état ces grands préparatifs et ce que l'administration militaire a pris sur son propre compte indépendamment d'effets, d'habillements pour plus de $\frac{1.500}{m.}$ r. que nous livrerons en sus; il y aura encore à défalquer du total ce que les colonies militaires dépensent de leur côté et dont je n'ai pas encore une connaissance exacte, ainsi que le nombre de chevaux de train qui sont revenus de Turquie et que le comte Sacken a en ordre d'employer pour les parcs au lieu d'en acheter de nouveaux. Je dois ajouter que d'après ce tableau les dépenses sont partagées en deux catégories: 1-е, en предварительные, c'est à dire, celles qui ont été nécessaires pour mettre les troupes en état de marcher et qui toutes sont déjà partis, et 2-d, en необходимые qui resteront à faire dès qu'il sera décidé qu'on se mettra en campagne.

Voici, mon cher comte, un résumé de tout ce qui a été fait pour les préparatifs, j'espère que cela obtiendra vos suffrages; je n'ai pas parlé de la garde, parcequ'il n'y a pas eu encore d'ordre pour la préparer, mais comme l'empereur la destine à marcher, nous avons pris toutes nos mesures pour qu'il n'y est pas de retard pour la bouger dès qu'il en sera question.

Actuellement je vais vous parler de la direction que l'empereur compte donner à toutes ces troupes et de ce qu'il désire que vous fassiez à ce sujet à Varsovie; j'espère que la détermination de sa majesté sera entièrement dans votre sens, car elle est dans vos principes et que vous n'aurez rien contre. L'intention de l'empereur est de profiter de la position saillante du royaume de Pologne pour y réunir toute l'armée, à l'exception de la garde, qui prendrait par Tilsitt, Koenigsberg, la grande chaussée de Berlin.

Sa majesté m'a ordonné de faire un projet de dislocation à grand trait de tous les corps qui devraient occuper le royaume et préparer les marches routes par divisions dans l'ordre dans lequel elle devraient se placer dans leurs quartiers. L'empereur considère cette concentration de toutes les forces comme un point de rassemblement et de

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

repos indispensable pour les troupes après la longue marche qu'elles exécuteront et leur court séjour sur les lieux donnera le temps à toutes les branches de l'administration intérieure de l'armée de s'organiser: le but de l'empereur consiste aussi dans l'épargne que l'entretien momentané de l'armée produira au trésor impérial, car sa majesté est dans l'intention d'en charger le gouvernement polonais qui doit à notre trésor plus de 30 millions, qu'on avait l'idée d'employer aux fortifications de Brest et dont on pourra défalquer cette dépense. Le désir de l'empereur est donc que vous communiquiez cela confidentiellement à monseigneur le grand duc et au prince Lubecky et prenez vos arrangements avec eux pour tout ce qui concerne la subsistance des troupes; malgré que sa majesté pense que ce point d'arrêt ne doit pas dépasser les 15 jours, cependant elle voudrait que l'on prépare tout ce qu'il faut aux troupes pour un mois comme je le dis dans ma note. Dès que vous m'instruirez du résultat de vos conférences à cet égard, j'enverrai sur les lieux un colonel de l'état major pour tous les arrangements de détails. Vous verrez sur la carte que tous les corps sont placés de manière à pouvoir suivre les directions que vous leur avez indiquées dans votre note; du reste les ayant tous sous la main, il dépendra de vous de les porter dans telle direction que les circonstances du moment pourront l'exiger. Le comte Toll que l'empereur désigne comme votre chef d'état major a été invité par moi avant hier pour voir et entendre tout ce qui a été fait chez nous, il a partagé entièrement ces dispositions premières et notre avis à cet égard.

Ma lettre est si longue et je suis si pressé que je vous demande pardon de son décousu; j'espère cependant que je suis parvenu à vous mettre au fait de ce dont il s'agit.

Les nouvelles de Moscou sont bien meilleures; la mortalité diminue et le nombre de ceux qui se rétablissent augmente. Dans le gouvernement de Vladimir, de Jaroslaw elle a presque cessé, mais par contre la maladie fait des grands ravages à Kharkoff et Kherson ainsi qu'à Nicolaïeff; à Odessa il n'y a eu que de légers indices.

Quelques désastreux que soient les résultats de ce fléau, je considère la contagion morale qui règne en Europe encore plus funeste; pourrions nous y appliquer un remède décisif et l'extirper entièrement.

L'empereur, grâce au Ciel, se porte bien et me charge de vous dire mille choses de sa part; sa majesté vous a écrit depuis peu par une estafette qui est partie pour Berlin. Nous allons attendre de vos nouvelles avec impatience; c'est de ce que vous nous manderez que dépendront nos dispositions ultérieures et la marche des troupes.

N'oubliez pas de sonder Lubecky quant à la direction de l'intendance à laquelle il est si important de songer d'avance; jusqu'à ce moment nous n'avons personne en vue pour ce poste si important.

Agrérez, cher comte, l'expression réitérée de mon inaltérable dévouement et amitié.

Tout à vous

comte A. Czernicheff.

XXIV.

Манифестъ императора Николая отъ 25-го января (6-го февраля)
1831 года.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССИЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Манифестомъ Нашимъ отъ 12 Декабря минувшаго года Мы объявили вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ о возникшемъ въ Царствѣ Польскомъ возмущеніи. Тогда, въ самомъ праведномъ Нашемъ негодованіи на мятежниковъ, готовясь смирить и наказать ихъ, Мы еще утѣшали Себя надеждою спасти заблуждающихся и обольщенныхъ. Гласомъ истины и новыми знаками милосердія Мы хотѣли возвратить ихъ къ долгу и съ тѣмъ вмѣстѣ, ожививъ бодрость въ благомыслящихъ устрешенныхъ первыми ужасами бунта, дать имъ возможность остановить успѣхи онаго и счастливымъ противодѣйствіемъ доказать свѣту, что не весь народъ Царства Польскаго достоинъ презрѣннаго названія измѣнниковъ. Мы и нынѣ удостовѣрены, что сей народъ несчастный есть токмо слѣпая жертва не многихъ злодѣевъ. Но сіи вѣроломные продолжаютъ имъ властвовать: они готовятъ оружіе на Россію, въ безумствѣ своемъ призываютъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ къ предательству и наконецъ, 13 сего мѣсяца, среди мятежнаго противозаконнаго сейма, присвоивъ себѣ имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что Царствованіе Наше и Дома Нашего прекратилось въ Польшѣ, а что Тронъ, возстановленный Императоромъ Александромъ, ожидаетъ инаго Монарха. Сіе наглосе забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломыслии исполнили мѣру преступленій; настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и Мы, призвавъ въ помощь Всевышняго, Судію дѣлъ и намѣреній, Повелѣли Нашимъ вѣрнымъ войскамъ итти на мятежниковъ. Россіяне! Въ сей важный часъ, когда съ прискорбіемъ Отца, но съ спокойною твердостью Царя, исполняющаго священный долгъ Свой, Мы извлекаемъ мечъ за честь и цѣлость Державы Нашей, соедините усердныя мольбы свои съ Нашими мольбами предъ Олтаремъ Всевидящаго, Праведнаго Бога. Да благословитъ Онъ оружіе Наше, для пользы и самихъ нашихъ противниковъ; да устранить скорою побѣдою препятствія въ великомъ дѣлѣ успокоенія народовъ, Десницею Его Намъ вѣренныхъ, и да поможетъ Намъ, возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей Нашей Имперіи, и положить навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи. Вѣрные под-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

данные Наши! Сія цѣль достойна вашихъ трудовъ и усилій; вы привыкли не щадить ихъ за Насъ и Отечество. Данъ въ Санктпетербургъ, 25-го Генваря, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ тридцать первое, Царствованія Нашего въ шестое.

XXV.

Письмо фельдмаршала Гнейзенау графу Чернышеву.

Познань. 12-го іюля 1831 года.

J'ai l'honneur d'accuser la réception de la lettre dont votre excellence m'a honoré sous la date du 5/17 Juin. Je me sens profondément touché des paroles gracieuses dont sa majesté l'empereur votre auguste maître a daigné m'honorer, dévoué de coeur et d'âme que je suis à un monarque si vertueux, l'ami du roi mon auguste maître.

La mort prématurée du maréchal comte Diebitsch Zabalkanski m'a amèrement affligé. J'ai perdu en lui un digne ami dont j'ai eu occasion de reconnaître les qualités éminemment militaires dans nos guerres contre Napoléon.

A son successeur le maréchal comte Paskiewicz-Erivanski je continuerai tous les bons offices qui sont dans les limites de mes devoirs et dans notre position particulière. Les hautes qualités dont il a fait preuves en Asie laissent favorablement augurer pour la prompte réussite de ses dispositions militaires contre les insurgés, et j'espère qu'il mettra bientôt fin à la guerre scandaleuse que les turbulents polonais ont suscité à la Russie, eux qui jamais, depuis que la Pologne existe, n'ont joui du plus de tranquillité, ni de plus de prospérité nationale que sous le sceptre de l'empereur Alexandre de glorieuse mémoire et sous celui de sa majesté l'empereur actuellement regnant.

Sujet et serviteur de sa majesté le roi de Prusse et jaloux du bonheur et de la gloire de la monarchie Prussienne, je regarde comme un devoir de reconnaissance les vœux que je porte aux armes russes dans la lutte actuelle. Si l'empereur Alexandre, après la retraite de Napoléon du territoire russe, n'eut pas continué la poursuite de l'envahisseur de son empire, s'il n'eut pas continué la guerre, s'il se fut contenté de faire la paix avec lui, la Prusse serait encore sous l'influence de la France et l'Autriche n'aurait pas levé le bouclier contre elle. Alors point d'île de S-te Hélène. Napoléon vivrait encore et Dieu sait comment il aurait vengé sur d'autres les désastres qu'il avait essuyés chez vous. Notre indépendance actuelle, nous la devons à votre alliance et vous nous rendrez la justice que nous avons taché de la consolider par nos efforts.

Dans ce moment les correspondances de Varsovie nous apprennent que Skrzynecki avec son armée va passer par Modlin, apparemment pour se jeter sur les derrières de votre armée dont 15.000 hommes se trouvent déjà à Plock; je m'imagine qu'il y aura bataille sur la rive droite de la Vistule; qu'elle soit propice!

Votre excellence veuille agréer l'expression réitérée des sentiments d'amitié et d'affection avec lesquels j'ai l'honneur d'être son très humble et très obéissant serviteur, le maréchal

comte de Gneisenau.

По ошибкѣ Гнейзенау поставилъ 1813 годъ.

Posen. 12 Juillet 1813.

XXVI.

Собственноручная записка императора Николая о польскомъ вопросѣ ¹.

Ecrit autographe de sa majesté l'empereur Nicolas.

La Pologne fut de tous temps la rivale, l'ennemie la plus implacable de la Russie; ce fut évident lors des événements qui amenèrent l'invasion de l'année 1812, et dans cette campagne ce furent encore les polonais, qui, plus acharnés que tous les autres contribuables de cette guerre, commirent le plus d'excès ², par les mêmes sentiments de haine et de vengeance, qui les animaient dans toutes les guerres avec la Russie. Dieu ayant béni notre sainte cause, nos armées conquièrent la Pologne. Ce fait est incontestable. L'an 1815, la Pologne a été donnée à la Russie par droit de conquête. L'empereur Alexandre crut assurer les intérêts de la Russie, en recréant la Pologne comme partie intégrante de l'empire, mais avec le titre de royaume, une administration et une armée distinctes. Il lui octroya une constitution, qui, en réglant son état futur, payait par un bienfait spontané tous les maux que la Pologne n'avait cessé de verser sur la Russie. C'était la vengeance d'une belle âme! mais ce but a-t-il été atteint?

J'ai dit plus haut, que le premier but était d'assurer les intérêts de l'empire, en recréant la Pologne heureuse et prospérant sous la protection et par les liens de la Russie. Il est bien positif que ce petit pays, ruiné, abîmé par des guerres continuelles, par les efforts d'une suite de révolutions, par le passage fréquent d'une domination à une autre, en 15 années de temps est parvenu à un état de prospérité remarquable; ses finances étaient non seulement suffisantes pour les besoins du pays, mais offraient un effectif dans le trésor, qui seul suffit, depuis près d'un an, à tous les besoins de la lutte actuelle. Enfin, une armée, créée à l'instar de celle de l'empire, fournie de tout et richement dotée dans les arsenaux, sans que le pays ait supporté aucune charge, parvenue à une rare perfection, a suffi pour former les cadres pour 100.000 hommes. Quel bien en est donc résulté à l'empire? Des sacrifices énormes ont été faits pour sa conquête, quoique confondus avec les autres opérations de l'année 1813 et 1814; d'autres tout aussi forts, durant 15 ans, ont été faits tant pour entretenir et doter l'armée, que pour armer les places et fournir à l'entretien onéreux du noyau des troupes qui leur servait d'instructeur.

L'empire était inondé des produits polonais au détriment de sa propre industrie, enfin l'empire portait toutes les charges de son acquisition nouvelle, sans en avoir retiré d'autre avantage que l'effet moral d'un titre de plus à ceux du souverain. Mais le mal a été réel. Les provinces anciennement polonaises, voyant près d'eux leurs frères jouir d'une nationalité réelle, abusive même, pensèrent plus que jamais à se soustraire à la domination

¹ Записка эта написана собственною рукою императора Николая карандашомъ, отчасти уже стершимся, но при ней находится копія, переписанная рукою графа Нессельроде съ нѣкоторыми, впрочемъ, незначительными измѣненіями въ словахъ и фразахъ.

Настоящій списокъ снятъ съ подлинника и только въ тѣхъ его мѣстахъ, которыхъ невозможно было разобрать, съ копій графа Нессельроде.

² Не разобрано. Вѣроятно, d'excès.

de l'empire. Aussi à la première étincelle, on a vu ces provinces prêtes à se bouleverser et influencer ainsi de la manière la plus désastreuse sur les opérations de l'armée. Un autre mal, plus réel encore, était celui de l'exemple d'un ordre de choses conforme aux idées du jour, presque impraticable dans le royaume et par conséquent impossible dans l'empire. Les espérances qu'on a conçues portèrent un coup terrible au respect et à l'ordre public et amenèrent pour la première fois aux malheureux résultats découverts à la fin de 1825. Le coup porté, l'exemple donné, il est difficile de supposer que dans un temps de troubles et de bouleversements universels, ces idées ne continuent à germer, malgré l'expérience de leur illusion et de leurs suites désastreuses. En un mot, c'était détruire ce qui faisait la force de l'empire, c'est à dire, la conviction qu'il ne pouvait être fort et grand que sous un gouvernement monarchique et un souverain autocrate. Ce qui était faux dans la base, ne pouvait se soutenir longtemps. A la première secousse, l'édifice a croulé, les intérêts étant différemment compris dans les deux pays, il en résulta une divergence d'opinions sur une question vitale, sur celle d'envisager et de juger les crimes contre la sûreté de l'état et la personne du souverain. Ce qui fut regardé et puni comme tel dans l'empire fut justifié et trouva même des apologistes dans le royaume. Des embarras inextricables s'en suivirent, les esprits s'aigrirent, les polonais se fortifièrent dans leur dessein de se soustraire à la domination russe et amenèrent enfin à la catastrophe de l'année 1830.

Néanmoins toutes les voies de conciliation compatibles avec la dignité de la Russie furent encore tentées, mais en vain. Les serments furent partout violés, la trahison devint générale et toute possibilité d'un accommodement disparut. Ce fut alors que les armées russes s'ébranlèrent. Elles marchèrent pour venger leur honneur national blessé dans ce qu'il y a de plus sacré et par la plus noire des ingratitude. D'inouïs sacrifices en tout genre se font tous les jours pour atteindre ce but. Mais quand il aura été rempli et lorsque la question aura été tranchée par la voie des armes, que sera le résultat auquel il faudra viser? ou plutôt quel sera dans cette circonstance le véritable intérêt de la Russie?

Tout ce qui se fait et tout ce qui passe encore en Pologne prouve évidemment que le moment de la générosité est passé, l'ingratitude des polonais l'a rendue impossible et dans les arrangements qui la concernent tout doit être subordonné, à l'avenir, aux vrais intérêts de la Russie. Ce point admis, il est impossible de ne pas convenir que l'intérêt russe ne saurait se trouver dans la construction d'un royaume de Pologne, tel qu'il fut créé en 1815 et conservant sa constitution. Il s'agit non seulement de mettre la Pologne matériellement hors d'état de nuire à la Russie, mais il faut encore considérer quel dédommagement elle peut obtenir de ses pénibles sacrifices et quels avantages elle peut retirer de la possession de la Pologne? Le premier point est facile à répondre: rien ne peut payer la Russie des sacrifices et des pertes qu'elle n'a faits que pour venger l'honneur national. Quant à la seconde question, il me paraît que la Russie ne peut retirer de la Pologne, telle qu'elle est, aucun avantage réel, et ce qui est plus important encore, qu'il n'y a pas même de garantie pour l'empire, pour l'avenir, qui puisse lui assurer la paisible possession de ce pays. Fidèle donc au principe que j'ai mis en tête, c'est à dire, celui du véritable intérêt de la Russie, je crois que la seule manière de se rendre compte de cette question est la suivante.

La Russie est une puissance forte et heureuse par elle-même, elle ne doit jamais être menaçante pour les autres puissances ses voisines, ni pour l'Europe. Mais elle doit avoir

une position imposante, défensive, telle à rendre toute agression impossible. En jettant les yeux sur la carte, l'on est effrayé de voir la frontière du territoire polonais de l'empire toucher presque à l'Oder, tandis que les flancs se trouvent retirés derrière le Niemen et le Boug pour s'appuyer à la Baltique près de Polangen et à la mer Noire près des bouches du Danube. Cette pointe contient une armée pour la maintenir dans la soumission. Ce pays ne rapporte rien à l'empire. Il ne peut au contraire exister que par les sacrifices continuels que l'empire doit lui faire pour qu'il puisse suffire aux besoins de son administration. Il est donc convaincant que les avantages de cette incommode possession sont nuls, les inconvenients graves, même menaçants. Reste à décider, comment pouvoir y remédier? Je n'y vois qu'un seul moyen, et le voici.

Déclarer que l'honneur russe a été amplement satisfait par la conquête du royaume, mais que la Russie n'avait pas d'intérêt à posséder une province dont l'ingratitude avait été aussi flagrante; que ses véritables intérêts lui dictaient de fixer ses frontières à la Vistule et au Narew, qu'elle abandonne le reste comme indigne de lui appartenir, en laissant à ses alliés le soin d'en faire l'usage qu'ils voudraient. Que fidèle, cependant, à ses principes, la Russie accordait à la portion du royaume qui lui resterait la jouissance de ses lois et institutions, en tant qu'elles seraient compatibles avec les vrais intérêts futurs. Que le titre de royaume de Pologne resterait attaché à cette portion du pays et pour que ce nom porté par une autre fraction ne recréa point un nouvel état hostile à la Russie, ce qu'elle ne souffrirait en aucun cas.

XXVII.

Собственноручная записка императора Николая отъ $\frac{7}{19}$ апрѣля 1831 года о планѣ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ.

Tous les avantages que nous possédions à l'ouverture de la campagne ont été totalement perdus par une suite de circonstances malheureuses, qu'il est inutile de répéter ici, mais qui pour le moment rendent l'issue de la guerre problématique. Notre armée est forcée de se replier vers les frontières pour se concentrer et pour tâcher de trouver les moyens de subsistance qui lui manquent totalement et qui menacent de ne pouvoir être rassemblés ni bientôt, ni même en quantité suffisante, par la pénurie et l'on peut même dire la famine qui régné en Wolhynie, et le manque total de tout ce que nous pouvions espérer de la Lithuanie, depuis que ce pays est en insurrection.

Il est permis de douter que l'ennemi nous permette de réunir même, par son inaction, nos nouveaux moyens et le plus probable est, que profitant de son initiative il cherchera soit à surprendre nos cantonnements fort étendus, ou à battre nos détachements fort isolés à Zéléhof et surtout à Tyrchin, où même à tenter un coup contre la garde. Quand même il vous serait permis de reprendre l'offensive dans la direction de la haute Vistule, nous serons forcés de passer de rechef par un pays épuisé, fort mal disposé contre nous et qui stratégiquement ne nous offre aucun avantage, nous portant après le passage dans un pays, où la résistance sera opiniâtre, car cette partie du royaume est connue pour

être la plus belliqueuse. Toute communication de l'empire se fera difficilement et tous nos transports devront toujours passer par le même pays épuisé, que nous sommes forcés d'abandonner dans ce moment-ci. Après le passage il faudra se couvrir de la gauche exposée aux insultes de tout ce qui se forme du côté de Cracovie et rétraverser un pays, en approchant de Varsovie, que l'ennemi a épuisé à dessein, nous attendant de ce côté. Je propose en échange un tout autre plan. Le voici.

Faire à l'instant même les marchés, même les plus onéreux, pour former des magasins en blé et fourrage tout le long de la frontière prussienne, en Prusse même, ce dont il est facile de convenir avec ce gouvernement, directement par Tengoborsky. Au lieu de faire appuyer la garde sur la gauche vers le Bug, de la laisser où elle est, ou même de la retirer plus au fond du Palatinat vers Augustof, de faire filer tout ce qui arrive du 2-e corps vers Lomza. En même temps tout le 3-e corps approcherait des frontières avec le 4-e de cavalerie de réserve et la 5-e de lanciers pour renforcer Rüdiger dans ses positions actuelles. Tous ces corps seraient remplacés à fur et mesure par les nouveaux bataillons de réserve des 24, 25, 26 divisions qui sont déjà à la hauteur de Novgorod—Wolynsk, et par une partie de la 18-e division à Kamenetz. Le 6-e corps (les restes) réuni aux bataillons de réserve, qui devaient former la nouvelle 26-e seraient réunis près de Brest, où près de Terespol, où l'on ferait incontinent commencer une tête de pont, et le tout sous les ordres de Sacken le maréchal.

En même temps tout le reste de l'armée, c'est à dire les 1-r et le corps de grenadiers avec le 3-e corps de cavalerie de réserve et le détachement de la garde de Varsovie avec sa brigade de grenadiers, fileraient à droite par Droguitschin, Melniky ou Nur sur Ostrolenka, où tous les derniers moyens de subsistance devraient être dirigés de suite.

Tout le pays entre le Weprij et le Bug devrait être abandonné à des forts partisans, et bien choisis pour être tenu au courant des mouvements de l'ennemi. Kreutz avec la 1-re de dragons couvrirait Rüdiger, et en cas de nécessité se retirerait comme Rüdiger lui même dans nos frontières et ne rentrerait en Pologne, que pour talonner ce qui se ripierait. L'armée étant parvenue à Ostrolenka, marcherait ayant fait rentrer le détachement de Sacken, le 2-e corps sur Pultusk et Sierotsk, suivis par les grenadiers; arrivé à ce point important, l'on y laisserait un bataillon de sapeurs et une ou deux brigades pour le remettre en état de défense, et y tenir garnison. Le 1-r corps suivi de la garde marcherait par la route parallèle sur Pzaznitz et Ciehanof, et toute l'armée se réunirait à Plonsk; si l'ennemi débouchait de Modlin, pour chercher une bataille on la lui livrerait avec des forces supérieures, s'il ne bougeait pas, l'armée laisserait momentanément le 2-e corps à Plonsk et chercherait un passage à Plotzk ou au dessous, pour lequel on ferait louer ou acheter des bateaux en Prusse. Il va sans dire que la droite du 1-r corps et de celui de la garde aurait un détachement léger pour marcher par Mlava, Biezun sur Lipno, pour explorer tout ce pays et en assurer la tranquillité. A Néchava l'on pourrait aussi faire lancer un partisan sur l'autre rive pour nettoyer la rive opposée.

Le point le plus avantageux sur la carte me paraîtrait devoir être Plotzk; il est possible qu'il s'en trouve de meilleur. Le passage effectué le cours de la Vistule nous assure nos subsistances. Il faudra tâcher de se porter de suite avec toutes les forces réunies par Gombin pour gagner la chaussée et marcher directement contre l'ennemi pour le chercher et le battre, s'il n'aura pu empêcher le passage, ce sera à Sochatschef probablement qu'il cherchera à livrer bataille, la position y étant forte et bonne.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Ce plan d'opération hardi, mais nullement aventureux, offre l'immense avantage d'assurer nos approvisionnements et d'en être à fort peu de distance et de surprendre l'ennemi qui ne s'y attendra nullement, car l'on fera toujours mine de vouloir conserver ses préparatifs à Tirchin, et enfin, il coupe la communication morale de l'ennemi avec l'Europe qui passe par la Prusse.

Telle est mon opinion, vous me répondrez et ferez selon votre conviction à vous deux avec Toll, mais j'en exige la réfutation par écrit.

XXVIII.

Два всеподданнѣйшихъ донесенія графа Толя о кончинѣ графа Дибича.

29-го мая 1831 г., подъ Полтускомъ д. Клецево.

1.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ я вижу себя въ обязанности донести вашему императорскому величеству о горестной внезапной кончинѣ господина главнокомандующаго, графа Дибича Забалканскаго, умершаго нынѣ въ 12-мъ часу до полудни, отъ припадка холеры въ одной изъ высшихъ ея степеней.

Вчерашняго 28-го числа рано утромъ онъ нѣсколько жаловался, что дурно себя чувствуетъ; но, однако, весь день казался совершенно здоровымъ, обѣдалъ и вообще кушалъ по-обыкновенному, былъ веселъ и ни малѣйшаго не подавалъ повода къ какому либо не только опасенію, но даже сомнѣнію. Вечеромъ легъ онъ, по обыкновенію, въ послѣдніе дни принятому, около 10-ти часовъ; вскорѣ послѣ былъ разбуженъ для нѣкоторыхъ нужныхъ по службѣ дѣлъ, и во все время сіе казался столь же здоровымъ, какъ и веселымъ. Вдругъ около третьяго часа ночи почувствовалъ себя дурно, призвать людей, запрета имъ, однако, кого либо будить и даже доктора призвать. Въ четвертомъ только часу видя нездоровіе свое усиливающимся, онъ приказалъ позвать лейбъ-медика Шлегеля, но кого либо другого возбранилъ тревожить. Вслѣдъ за прибытіемъ своимъ докторъ усмотрѣлъ признаки холеры, кои постепенно увеличились до самой несомнѣнной и даже сильной степени. Изверженія и испороженія продолжились нѣсколько часовъ. Немедля пущена была кровь, поставлены пиявки, употреблены сильнѣйшія средства къ оттиранію и преподаны всѣ возможные пособія. Графъ оставался все въ совершенной памяти; подходящихъ къ нему лицъ, кромѣ медицинскихъ, просилъ немедленно удаляться, опасаясь сообщить имъ заразу. Около семи часовъ усилія медиковъ вывели потъ, и больной нѣсколько успокоился; до того времени корчи немного показывались, и страданія ограничались болѣе жаромъ и дрожью; послѣ осьмого часа они начались частью въ ногахъ; частью же боль бросилась во внутренность, и терзанія, съ перемежками продолжавшіяся до 10-ти почти часовъ, казались чрезмѣрными. Около 10-ти часовъ вопль страждущаго нѣсколько уменьшился, но силы жизненныя видимо ослабѣвали; дыханіе дѣлалось постепенно труднѣе;

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

вскорѣ наступилъ родъ безжизненности, прерываемой лишь рѣдкими движеніями головы; взглядъ совершенно потухъ, и наконецъ въ 11^{1/4} часовъ невозвратная потеря наша свершилась, и Всевышнему Промыслу угодно было лишить армию достойнаго ея предводителя.

Среди столь горестнаго положенія я знаю всю важность лежащихъ на мнѣ обязанностей и смѣю завѣрить ваше императорское величество, что къ усерднѣйшему выполненію оныхъ направлены будутъ все мои усилія и вся безусловная моя къ службѣ преданность. Главнокомандующему угодно было уже утромъ приказать мнѣ принять командованіе арміею. Я съ симъ вмѣстѣ исполню сіе и приму временное, до полученія повелѣній вашего императорскаго величества, начальство надъ арміею, согласно съ правилами, въ учрежденіи о большой дѣйствующей арміи изложенными. Все дѣйствія мои будутъ направлены къ той же цѣли и сходно съ тѣми же видами, о коихъ главнокомандовавшій самъ неоднократно доводилъ уже до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, особенно въ послѣднихъ собственныхъ донесеніяхъ своихъ.

По важности наступившихъ насъ обстоятельствъ я считаю обязанностью отписать сіе донесеніе мое немедленно и вдвойнѣ, чрезъ Брестъ и чрезъ Пруссію.

Тѣло покойнаго будетъ вскрыто и бальзамировано и до времени сложено въ Ломзѣ, а буде возможнымъ окажется, то въ Пруссіи. Насчетъ дальнѣйшаго отправления онаго я испрашиваю повелѣнія вашего императорскаго величества.

Генераль-адъютантъ графъ Толъ.

2.

29-го мая 1831 г., д. Клецево.

Изъ всеподданнѣйшаго донесенія моего вашему императорскому величеству усмотрѣть изволите роковую участь, постигшую побѣдоносную армию вашего императорскаго величества. Я, согласно учрежденія большой дѣйствующей арміи, принялъ временно командованіе надъ оною и посвящу все мои слабыя силы и способности слѣдовать видамъ и предположеніямъ покойнаго генераль-фельдмаршала. За всеѣмъ тѣмъ, я, какъ истинный сынъ отечества и вѣрный слуга вашего императорскаго величества, не могу умолчать, что скорое назначеніе главнокомандующаго надъ оною необходимо, ибо я чувствую себя неспособнымъ принять на себя столь важную обязанность, о чемъ предварительно въ письмахъ покойнаго фельдмаршала сіе чисто-сердечное мое признаніе доведено было до свѣдѣнія вашего императорскаго величества. Съ назначеніемъ же новаго главнокомандующаго я готовъ, буде вашему императорскому величеству угодно, остаться въ нынѣ занимаемой мною должности; въ противномъ же случаѣ всеподданнѣйше прошу о назначеніи меня, согласно представленія покойнаго генераль-фельдмаршала, въ письмѣ его отъ 11-го числа къ вашему императорскому величеству изложеннаго¹. Въ заключеніе еще присовокупить обязываюсь, что для пользы службы полагаю я необходимымъ, хотя на первое время

¹ Въ письмѣ графа Дибича отъ 11-го мая 1831 года главнокомандующій сообщалъ о необходимости даровать графу Толю временный отдыхъ вслѣдствіе совершеннаго упадка его физическихъ силъ послѣ трудной зимней кампаніи.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

командованія новаго главнокомандующаго, оставить всѣхъ главныхъ начальниковъ управленія главнаго штаба арміи въ теперешнемъ его составѣ.

Съ чувствами всеподданнѣйшей преданности имѣю счастіе быть, всемплощности-вѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшій

графъ К. Толь.

XXIX.

Предположеніе графа Паскевича-Эриванскаго о дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ въ маѣ 1831 года.

1.

Предполагая переходъ Вислы ниже Варшавы, нужно настоятельно просить прусское правительство, дабы оно позволило заготовить въ крѣпости Торнѣ 100.000 четвертей провіанта и 100.000 четвертей овса. Тѣмъ лучше, если и въ другихъ мѣстахъ въ Пруссіи, по назначенію главнокомандующаго, фельдмаршала графа Дибича Забалканскаго, будетъ сдѣлано таковое заготовленіе; также въ Торнѣ приготовить мостъ, или суда для моста, и притомъ до ста большихъ лодокъ, называемыхъ берлинскими, ходящихъ по Вислѣ и поднимающихъ до ста человѣкъ, на коихъ 10.000-й корпусъ можетъ быть переправленъ въ одинъ разъ, для сдѣланія той же части на той сторонѣ тетъ-де-иона и потомъ для устройства моста. Такимъ образомъ переправа можетъ быть готова въ 48 часовъ.

2.

На мѣстѣ переправы при устройствѣ моста сдѣлать сильныя укрѣпленія съ обѣихъ сторонъ; въ сихъ укрѣпленіяхъ должны быть сложены: 1) магазейны, 2) всѣ военные запасы, 3) госпитали и 4) обозы, неудобныя къ движенію.

3.

Имѣть осадную артиллерію и осадный паркъ, хотя одну комплектную роту и по 100 выстрѣловъ на орудіе.

4.

Нанять въ Пруссіи для поднятія магазейновъ до 4.000 большихъ повозокъ, которыхъ тамъ можно найти большое количество. Сими самымъ можно уменьшить обозы, столь обременительные при переправѣ. Денегъ не жалѣть для заплаты подводчикамъ.

5.

Если бы по непредвидимымъ обстоятельствамъ найдено было выгоднѣе сдѣлать переходъ на верхней Вислѣ, то и въ такомъ случаѣ снѣгъ приготовленія въ Пруссіи весьма нужны, ибо, обошедши по лѣвой сторонѣ Вислы Варшаву, можно стать такимъ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

образомъ, чтобы имѣть соединеніе съ магазиномъ, находящимся въ Торнѣ, и при томъ предполагаемое на Вистѣ близъ Торна укрѣпленіе, заключаая въ себѣ депо и переправу, будетъ нужно, какъ для доставленія запасовъ, такъ и во избѣжаніе двухъ коммуникаціонныхъ линій.

6.

Устроивши такимъ образомъ сей пунктъ, идти на Варшаву.

XXX.

Письмо императора Николая князю Паскевичу отъ 4-го сентября 1831 года.

Царское Село. 4-го (16-го) сентября 1831 года.

Слава и благодареніе всемогущему и всемилосердному Богу! Слава тебѣ, мой старшій отецъ командиръ, слава геройской нашей арміи! Какъ мнѣ выразить тебѣ то чувство? Безпокойство, которое вселило во мнѣ письмо твое отъ 24 часа, все, что происходило во мнѣ тѣ три безконечные дня, въ которые между страха и надежды ожидалъ роковой вѣсти, и наконецъ то счастье, то неоцѣнимое чувство, съ коимъ обнялъ я твоего вѣстника?

Ты съ помощію Бога всемилосерднаго поднялъ вновь блескъ и славу нашего оружія, ты наказалъ вѣроломныхъ измѣнниковъ, ты отомстил за Россію, ты покоришь Варшаву—отнынѣ ты свѣтлѣйшій князь Варшавскій! Пусть потомство воспоминаетъ, что съ твоимъ именемъ неразлучна была честь и слава русскаго воинства; а имя твое да сохранитъ каждому память дня, вновь прославившаго имя русское. Вотъ искреннее изреченіе благороднаго сердца твоего государя, твоего друга, твоего стараго подчиненнаго. Ахъ! зачѣмъ я не летѣлъ за тобой попрежнему въ рядахъ тѣхъ, кои мстили за честь Россіи, больно носить мундиръ и въ таковыя дни быть приковану къ столу, подобно мнѣ, несчастному.

Потеря наша велика, но благодарю Бога, что не больше; если вспомнить, что брать должно было, и что симъ пріобрѣтено, такъ почти сказать можно, что даже весьма умѣренна. Надо надѣяться, что безуміе поляковъ не доведетъ ихъ до того, чтобы вновь начать дѣйствія на другомъ пунктѣ, для того важно будетъ, что заключать съ Бергомъ, который отлично дѣйствовалъ.

Армію, то-есть нижнихъ чиновъ, кромѣ плѣнныхъ, лучше всего распустить всю по домамъ, отобрать, разумѣется, все оружіе. Офицерамъ считаю лучше дать пашпорты на выѣздъ за границу царства. Тогда мы ихъ избавимся и возвратно не выпустимъ. Генераламъ нашего времени велѣть ѣхать всѣмъ въ Москву, придавъ офицеровъ для провожанія, но не арестуя. Чарторижскаго, Лелевеля и подобныхъ арестовать и подъ строгимъ карауломъ отправить въ Кіевъ или Бобруйскъ, впредъ до повелѣнія. Такъ же поступить со всѣми редакторами газетъ и журналовъ, кои въ Варшавѣ, или индѣ попадутся.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Ты назначилъ графа Витта и весьма хорошо избралъ, ибо его я тебѣ предложить хотѣлъ. Теперь не могу немного не побранить тебя за то, что вопреки обѣщанію мнѣ ты столько подвергался опасности, что надо одной милости Божіей приписать, что хуже съ тобой не случилось. Всѣ въ одинъ голосъ тебя въ томъ винятъ; и точно что бы было съ арміею и со всѣмъ дѣломъ, ежелибъ тебя не стало! ужасно и подумать, и ты самъ видишь, что при такихъ герояхъ, какъ тѣ, которые у тебя служатъ, некого ободрять своимъ примѣромъ. Стало, полно шалить, отецъ-командиръ.

Ты хорошо сдѣлалъ, что отпустилъ и Толя и Нейдгарта, а Горчакова и Берга я утверждаю, но послѣдняго не балуй; его надо держать сильно въ рукахъ, а то занесется. Ежели Богъ приведетъ къ тому, что точно кончено, то въ особой запискѣ найдешь мои предположенія и предложенія по нѣкоторымъ предметамъ, которые тебѣ предоставляю приноровить къ твоимъ намѣреніямъ, елико сіе возможно будетъ. Главный предметъ—успокоеніе края и возстановленіе въ немъ порядка; второй, столь же важный—устройство арміи, дабы къ веснѣ быть ей сильну, готову и бодрѣ физически и морально, дабы духъ заразы умственной до нея не добрелъ; сіе отмѣнно важно. Все означено въ моей запискѣ.

Необходимо, не теряя времени, приступить къ устройству крѣпкой цитадели въ Варшавѣ. Пунктъ я избираю близъ, или, лучше сказать, вокругъ Александровскихъ казармъ, какъ мѣсто въ краю города, на возвышенномъ открытомъ мѣстѣ, и гдѣ есть казармы и строенія на 6 тысячъ гарнизону; сверхъ того, тутъ былъ мостъ новый, который тѣмъ важенъ намъ, что переправа черезъ него—не черезъ городъ. Вотъ планъ, на которомъ примѣрно начертить я главные линіи. Вели сообразить на мѣстѣ тщательно и пришли мнѣ детальный планъ съ твоими мыслями и не медля вели начать работу, употребляя нашихъ саперъ и жителей по наряду или найму, но лучше по наряду, платя хорошую плату изъ городскихъ суммъ.

Чѣмъ скорѣе цитадель посіѣтъ, тѣмъ лучше. Хорошо бы и Модлинъ намъ получить поскорѣе, тогда весь край нашъ. Пзвѣстія изъ Персіи лучше, и кажется, что теперь еще будетъ тише; Геленджикъ также занять.

^{5/17}. Сейчасъ я возвратился отъ молебна, гдѣ мы усердно за тебя и всѣхъ героевъ молились; дай Богъ, чтобы все уже кончено было. Поручаю тебѣ изъяснить всей арміи мою благодарность и удовольствіе за ихъ безсмертный подвигъ и поспѣшить представленіемъ къ наградамъ достойныхъ.

Къ тебѣ отправляется всего для 1, 2 и 3 корпусовъ по 5.400 человекъ въ каждый, а въ Гренадерскій 9 тысячъ человекъ; сверхъ того, по 200 артиллеристовъ въ каждый корпусъ и въ гренадерскую артиллерию 300 человекъ; вотъ все, что нынѣ прислать можно. Къ веснѣ же подойдетъ больше, такъ что съ ними и съ выздоравливающими и плѣнными будетъ комплектъ. Жена тебѣ сама пишеть. Сегодня вышла въ первый разъ въ церковь. Да храни тебѣ Богъ, любезный Иванъ Федоровичъ, и дастъ тебѣ счастливо довершить святое дѣло къ чести, и славѣ, и пользѣ Россіи. Моя благодарность и дружба тебѣ принадлежитъ навѣки.

Твой искренно доброжелательный

Н.

Дѣйствующую армію составить изъ:

Гренадерскаго,
1 пѣхотнаго,

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

2 пѣхотнаго,
3 пѣхотнаго,
3 резервнаго кавалерійскаго,
4 резервнаго кавалерійскаго,
20 казачьихъ полковъ.

Гренадерскій корпусъ, какъ сильнѣйшій и самый готовый къ дѣйству, поставитъ корпусной квартирой въ Калишѣ. 1-й пѣхотный въ Плоцкомъ воеводствѣ, 2-й пѣхотный въ Ловичѣ корпусной квартирой и 3-й пѣхотный вѣтво отъ него до краковскихъ окрестностей, 3-й резервный кавалерійскій въ Варшавѣ и Ловичѣ по казармамъ, а 4-й резервный кавалерійскій въ Кутнѣ и и Колло до Петрокова.

Въ Варшаву присылать поочередно по дивизіи помѣсячно отъ 1 и 2 корпусовъ, дабы долгой стоянкой не обременять и не баловать въ соблазнахъ города.

Сводная бригада 8-й дивизіи перейдетъ въ Модлинъ для постоянного гарнизона; гвардія и кавалерія ея пойдутъ куда въ Вильно и Гродно зимовать, доколь обстоятельства не объяснятся.

Казачьи полки станутъ по границѣ или индѣ, гдѣ нужно будетъ.

Укрѣпленія Варшавы скрыть жителями, по непремѣнному наряду, какъ строены ими же были.

Обратить все вниманіе на возстановленіе устройства полковъ по всѣмъ частямъ, поспавъ, коль скоро можно будетъ, генераль-адъютанта Псленьева, Шипова и генераль-майора Бергмана, произвести инспекторскіе смотры всѣмъ полкамъ 1, 2 и 3-го корпусовъ, дабы имѣть настоящее понятіе объ ихъ состояніи и нуждахъ, и указать сейчасъ, какъ способы все привести въ должный видъ и порядокъ, и основать правильную доучку молодыхъ полковъ и ожидаемыхъ къ нимъ резервовъ.

Уравнять полки плѣнными.

Стараться запрячь сукно для шинелей изъ фабрикъ края.

Въ артиллерию послать генераль-майора Сухозанета для осмотра и устройства. Въ кавалерію изъ флигель-адъютантовъ, знающихъ кавалерійскую службу. Для всего дать печатныя образцовыя вѣдомости, по образцу того, что сдѣлано было послѣ Турецкой кампаніи, что долженъ знать генераль Обручевъ.

Велѣтъ въ Варшавѣ обыскать всѣ польскія знамена и штандарты бывшей нашей арміи и прислать ко мнѣ. Найти и у насъ взятыя и отослать въ комиссаріатъ. Всѣ революціонныя вещи, какъ-то: пиагу или шарфъ Костюшки, взять и прислать сюда въ Преображенскій соборъ, равно изъ церквей убрать всѣ турецкія знамена.

Отыскать и прислать ко мнѣ всѣ мундиры покойнаго императора, равно всѣ вещи, собственно ему принадлежавшія въ его кабинетѣ. Убрать троны и прочія къ сему вещи и отправить въ Брестъ. Черезъ нѣкоторое время велѣтъ генералу Бергу поручить кому знающему взять и, осторожно уложивъ, отправить въ Брестъ университетскую бібліотеку и кабинетъ медалей, равномѣрно и бібліотеку de la Société des belles lettres.

Словомъ, убрать понемногу все, что имѣетъ историческую національную цѣнность, и доставить сюда; равно и флагъ съ королевскаго замка. Велѣтъ опечатать архивы и банкъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Поручить дипломатическому чиновнику найти всю переписку мятежнаго правительства съ заграничными своими агентами, въ особенности въ Лондонѣ и Парижѣ. Оно важно, ибо многое намъ откроетъ коварство, которое хорошо изобличить.

Съ прибытіемъ Ангеля, велѣть временному правительству открыть свои дѣйствія и обратить особое вниманіе на то, чтобъ скопить все могущія остаться индѣ суммы.

Новыя бумажки, революціоннымъ правительствомъ въ ходѣ пущенныя, уничтожить и объявить, что ни онѣ, ни другія какія либо квитанціи, или бумаги сего правительства, нигдѣ въ платежѣ не будутъ приняты и не имѣютъ болѣе никакого значенія.

Революціонныхъ кокардъ носить не позволять.

Насчетъ національной гвардіи ожидать буду твоего мнѣнія.

Школу шяристовъ, подъ предлогомъ постройки цитадели, велѣть закрыть, а монаховъ сего ордена имѣть подъ самымъ строгимъ присмотромъ.

Вотъ и все на первый случай.

XXXI.

Манифестъ объ окончаніи польской войны 1831 года.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССИЙСКИЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всемъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Возженная измѣной война прекратилась: народъ Царства Польскаго освобожденъ отъ насилія мятежниковъ, и тѣ слабыя остатки ихъ полчищъ, кои до конца упорствовали въ заблужденіи, тѣснимые отовсюду Нашими храбрыми войсками, удалились въ предѣлы сосѣдственныхъ съ Нами Державъ и тамъ положили оружіе. Вѣрные подданные Наши! возвышая васъ о семъ торжествѣ истинно утѣшительномъ, ибо имъ возстановляются спокойствіе и порядокъ, Мы такъ же, какъ при началѣ сей горестной для сердца Нашего борьбы, обращаемся вмѣстѣ съ вами къ Тому, Кто, владычествуя судьбами Царствъ и народовъ, столь видимо благословилъ Наше правое дѣло. Первая мысль Наша, первая жертва хвалы и благодаренія да вознесутся къ Престолу Его. Онъ въ непознаваемомъ совѣтѣ Своемъ положилъ подвергнуть насъ новымъ, тягостнымъ непытаніямъ, но посреди ихъ явилъ и новые знаки Своей къ Намъ благодати, показалъ твердость могущества Россіи, и вѣрныя Наши войска, сію необоримую ограду Отечества, покрыты новымъ блескомъ славы. Храбрые воины Наши оправдали Нашу довѣренность. Прославленные подвигами на берегахъ Евфрата, на высотахъ Балкана, Тавра и на поляхъ Румеліи, они въ семъ достопамятномъ бо-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

лѣе семи мѣсяцевъ непрерывавшемся походѣ умѣли еще превзойти себя, презирая опасности, перенося неимоверные труды и нужды, сражаясь съ препятствіями, самую природою поставляемыми, и съ отчаяннымъ сопротивленіемъ враговъ, не щадившихъ достоянія и крови народа, ими вовлеченнаго въ преступленіе, и рядъ блистательныхъ успѣховъ достойно заключенъ покореніемъ Варшавы, гдѣ непріятель былъ равно изумленъ великодушнымъ мужествомъ побѣдителей и уваженіемъ ихъ къ жизни и собственности побѣжденныхъ. Но сею кротостію въ побѣдѣ, симъ безкорыстіемъ и человѣколюбіемъ ознаменованы и все дѣйствія нашихъ воиновъ въ Царствѣ Польскомъ. Помня слова Наши, они среди самыхъ кровопролитій старались уменьшать ужасы сей междоусобной брани, вездѣ щадили падшихъ заблуждающихся и всехъ возвращающихся къ долгу принимали, какъ братьевъ. Россіяне! съ помощію Небеснаго Промысла, Мы довершимъ начатое нашими храбрыми войсками. Время и попеченія Наши истребятъ сѣмена несогласій, столь долго волновавшихъ два соплеменные народы. Въ возвращенныхъ Россіи подданныхъ нашихъ Царства Польскаго вы также будете видѣть лишь членовъ единаго съ вами великаго семейства. Не грозою мщенія, а примѣромъ вѣрности, великодушія, забвенія обидъ вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ нами мѣръ, тѣснѣйшему, твердому соединенію сего края съ прочими областями Имперіи, и сей Государственный неразрывный союзъ, къ утѣшенію Нашему, ко славѣ Россіи, да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному Монарху, однихъ нераздѣльныхъ потребностей и польза и общаго никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастья.

Данъ въ Санктпетербургѣ въ шестой день Октября въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ тридцать первое, Царствованія же Нашего въ шестое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Николай.

XXXII.

Донесеніе о холерѣ въ 1831 году.

1.

Начальникъ 1-го округа корпуса жандармовъ отъ 22-го іюня 1831 года донесъ, что въ Каретной и Рождественской частяхъ, на улицахъ, въ коихъ учреждены временныя больницы по случаю болѣзни холеры, со дня ея появленія собиралась ежедневно толпа праздныхъ и любопытныхъ людей, болѣе изъ низшаго сословія, трагующихъ о ходѣ сей болѣзни. Вчерашняго же числа, вѣроятно, по случаю праздника собралось въ Рождественской части болѣе, чѣмъ въ прочіе дни, народа, окружили больницу и начали выходить изъ послушанія полиціи. Въ 5-мъ часу пополудни частный приставъ донесъ о семъ сборищѣ оберъ-полицмейстеру, который, пріѣхавъ туда, приказалъ собравшейся толпѣ разойтись. Въ это время одинъ пьяный изъ толпы бросилъ камень въ окно больницы и вышибъ два стекла, не причинивъ впрочемъ дальнѣйшаго вреда. Какъ этотъ человѣкъ, такъ и другіе, около семи, замѣченные въ буйствѣ, взяты полиціею подъ стражу.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Оберъ-полицмейстеръ приказалъ полиціи рѣшительно разогнать народъ и въ ту же минуту послалъ къ плацъ-майору просить наряда караула для охраненія больницы и отъ С.-Петербургскаго жандармскаго дивизіона приказалъ выслать конную команду на случай усиленія безпорядковъ; почему, по полученіи такого приказанія, въ 10 часу вечера отряжены отъ дивизіона 2 оберъ, 3 унтеръ-офицера и 16 рядовыхъ, съ конми отпавилея и самъ командиръ дивизіона. Команда прибыла къ Рождественской больницѣ въ 10 часовъ, но народъ почти весь уже разошелся. Въ 11 часовъ прибылъ караулъ, и по приказанію оберъ-полицмейстера, оставлена половина команды жандармовъ для ночного патруля.

Утромъ сего числа собирався также народъ небольшими кучками у больницы въ домъ Таирова, на Сѣнной.

2.

Записка дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Фока къ графу Бенкендорфу.

Ce lundi matin.

Nous avons eu quelques accidents fâcheux et tumultueux; mais on les exagère trop. Je suis persuadé qu'avec de l'énergie et des mesures sages on parviendra à bout de les prévenir pour l'avenir. En voici les détails véridiques.

Aujourd'hui à 8 heures et demi du matin on a amené à l'hôpital central, placé à la Sennoi maison Taïroff, un malade frappé de choléra. Tout d'un coup se sont attoupés une foule de peuple: on a ouvert la voiture qui a été brisée et on en a tiré le malade qui n'a été pas encore retrouvé jusqu'à 10 heures et demi du matin. De plus la foule a brisé les vitres dans deux fenêtres du rez-de-chaussée de la maison Taïroff. Les propos étaient virulentes: «point de guérison; qu'avons nous à faire des médecins; ce sont eux et la maudite police qui font plus de mal que le choléra. On encombra les hôpitaux des dens qui sont pour la plupart incommodés seulement, ou même bien portants. Nous sommes tous des russes, nous sommes tous compatriotes, nous réprimerons les injustices de la police et des médecins. L'empereur est notre père, il va arriver; nous nous jeterons à ses pieds, les persécutions cesseront; au reste, en réprimant celles-ci chacun ne fait que son devoir comme russe et bon citoyen...».

Des mesures de sûreté ont été prises de suite par la présence d'esprit de l'officier de police du second quartier, nommé Kretchetoff. Un officier allait à la tête de 30 hommes relever la garde de la Sennoi; Kretchetoff lui dit: c'est ici qu'il faut monter la garde, voilà un mouvement populaire, il s'agit de défendre l'hôpital. Le colonel de la gendarmerie Panoff se trouvait par hasard sur la place et persuada l'officier de suivre ce conseil, et l'ordre fut rétabli de suite. Plus tard, des détachements de cosaques et de gens d'arme arrivaient sur la place. Il paraît que l'ordre ne sera pas troublé d'avantage.

D'après le premier aperçu, les colporteurs-boulangers paraissent avoir donné l'impulsion au mouvement; on en a arrêté trois, ainsi qu'un individu qui avait arrêté la voiture, où se trouvait le malade. Pour le moment il est impossible de donner des renseignements plus positifs sur la direction du mouvement. Très certainement il y a des moteurs et des instigateurs. Le fait est que l'esprit dans la classe ouvrière et mercantile, surtout des colporteurs (разносчики), est foncièrement mauvais.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Je viens de recevoir des rapports que la nuit déjà il y avait eu des attroupements à la Sennoi et qu'on y avait maltraité des guéritiers (блудчики).

Il y a eu également un mouvement populaire à l'hôpital central Рождественской части, mais beaucoup moins violent et qu'on a d'abord apaisé.

Des propos circulent avec véhémence de bouche en bouche et il ne faut pas se dissimuler que le mouvement et la disposition des esprits doivent attirer l'attention du gouvernement. La vigilance et la modération doivent caractériser les mesures de celui-ci, pour ne pas augmenter le mal.

J'ajoute ici un exposé que j'avais ordonné avant-hier déjà à Kobervein de coucher sur papier et qu'il m'a remis hier. Je n'ai pas le temps de le rendre un peu plus lisible; mais vous le comprendrez tel quel.

Je viens de sortir de chez le général Essen, qui m'a reçu parfaitement bien. J'y ai rencontré le général Vassiltchikoff et m-r Peroffsky. Le comité se rassemblera ce soir à six heures. Dieu veuille que le général Vassiltchikoff y introduit plus d'énergie, c'est ce qui manque au brave et excellent général Essen, ainsi que le nom russe et partant la popularité. Attributions inmanquables dans ces circonstances si graves.

Demain je vous entretiendrai avec plus de détail sur toutes ces choses.

Je n'ai qu'un seul désir, c'est celui de pouvoir suffir à ma besogne.

Je vous expédie encore sous ce pli une lettre populaire, projetée par Gretch, qu'il proposera aujourd'hui au comité, pour être insérée dans son journal. Je la trouve très bonne et, après avoir parlé moi-même à plusieurs individus de la classe des colporteurs, je suis persuadé qu'elle ne manquera pas d'effet. Je me suis abouché aussi avec Ritter, qui m'a donné une petite note que je n'ai pas le temps de traduire.

Les plaintes contre quelques majors de quartier sont très forts et je crois qu'elles ne sont pas tout à fait dénuées de fondement. M'autorisez vous à en parler au général Essen, ou au comité?

3.

Записка Кобервейна.

On a remarqué dès le commencement de la maladie affligeante de la choléra dans cette ville, d'un côté des appréhensions exagérées, d'un autre côté une insouciance comdamnable dans les classes plus élevées et formées de la société—tandis qu'une apathie, presque totale, paraissait régner dans les classes inférieures. Que ces classes moins instruites voyent tout de travers, et qu'influencées peut être par des meneurs malveillants jugent presque toujours mal et faux en fait de politique et qu'elles croient bonnement à des choses qu'elles ne voyent pas; ceci est peut-être naturel et même inséparable de l'insuffisance de leurs moyens intellectuels; mais qu'elles refusent la croyance à ce qu'ils voyent et qui est palpable—qu'elles méconnaissent la sollicitude paternelle pour leur sort—qu'elles s'y opposent non seulement, mais qu'elles osent anéantir d'une main rebelle ce que la clémence du souverain a fait pour leur bien dans la prévoyance paternelle; ceci serait un phénomène inexplicable si on attribuait à eux mêmes la source de pareils traits d'ingratitude, qui sous tous les rapports font leur malheur. A portée par les localités depuis deux jours à être témoin attentif des événements, et dépourvu de toute partialité, je crois de mon devoir d'en dire ce que j'ai remarqué.

Dès le commencement de la maladie on pouvait aisement remarquer que les mesures prises par le gouvernement pour le salut physique des habitants ne convenaient pas trop au peuple puisqu'elles rétrécissent un peu les habitudes de l'intempérance; mais ces mesures mêmes offraient au moins un asyle contre les suites malheureuses de cette intempérance et le malheureux coupable ou non y trouvait le moyen de mourir soigné, ou de se sauver la vie. La mortalité rapide qui se manifestait aurait dû être la meilleure preuve pour ces brutes, que la maladie existait effectivement, malgré ce qu'assuraient les fausses insinuations de gens perfides du contraire. Il n'y a ouvertement que les insinuations de coquins qui ont séduits cette populace effrénée et malheureuse aux excès tumultueux des dernières journées. On a remarqué partout dans les attroupements sur les rues ainsi que dans les cabaks des gens, inconnus au reste, qui menaient la parole faisant accroire qu'il n'existait pas de choléra et comme l'évidence de la mortalité et des malades parlait contre eux, on se donnait la peine de faire sentir au peuple que l'établissement des hôpitaux n'avait d'autres buts que d'y laisser périr les malheureux faute de soin et de nourriture soutenant la connivence des médecins pour le même but par leur traitement se prévalant pour preuve de leurs assertions des anecdotes forgées sur le compte de la choléra à Moscou où on avait agi de même.

Les malades arrivaient en voitures avec un valet de police sur le derrière; tous ces transports excitaient des attroupements et surtout dans la rue qui donne sur l'hôpital et on raisonnaient déjà dimanche assez haut, pour évoquer quelques mesures de sûreté plus énergique, il aurait suffi si on avait d'abord garni les deux issues de cette rue de troupes suffisantes, au lieu que tout le dimanche il n'y en a eu que quelques soldats de police au lazaret. Ce n'est qu'après les excès de la nuit dans d'autres quartiers, et qu'on a cru voir quelque mécontentement que quelques gendarmes sont survenus, par malheur les médecins ou la police ont commis des bévues assez grossières exprès ou non. On a envoyé comme atteints de maladie de la choléra des gens en voiture qui ont été ivres la veille et qu'à la suite de l'ivresse on a pris pour malades. A l'arrivée à l'hôpital on a forcé la voiture qui a été cassée par le peuple et on a affranchi le soi-disant malade avec des cris de hurrah la choléra et de là et toute la journée la rue a été obstruée de peuple et de curieux. Vers deux heures le commandant Bachutzky y est venu mais encore sans rien effectuer. Enfin vers neuf heures du soir passé le gouverneur militaire y a passé ainsi que Bachutzky une seconde fois; j'ignore ce qu'ils ont parlé mais quelqu'un m'assura que le gouverneur lui-même a dit au peuple qu'il n'y a pas de choléra, que l'empereur viendrait le lendemain (comme aujourd'hui) qu'ils devaient être tranquilles et partant ventre à terre ainsi que le sieur Bachutzky dans la 2e voiture ils ont été accompagnés des hurras ou plutôt des huées d'un peuple très nombreux le long de la rue des jardins jusqu'à la rue de Catherinenhof traversant à moitié. Dans le même moment ou plutôt déjà un peu avant on a forcé le peu de soldats et on a pillé, en jettant tous les ustensils dans la rue, la maison en affranchissant les malades; on m'assure même qu'on a emporté des morts. Cette expédition finie j'ai entendu moi-même que des mutins se sont mis en marche pour la Подъяческая où il y avait un autre hôpital primaire auquel on a fait subir le même sort et à d'autres peut-être encore. Aussi m'assure-t-on aujourd'hui que les mutins ont pillé dans le Щуквинъ дворъ. Areste tout le scandale provient d'insinuations de malve-

illants, de la faiblesse de la police dont je n'ai vu le dimanche que deux à trois officiers, de la bétise, je ne sais à qui la faute d'envoyer comme malades des gens qui n'étaient qu'à demi ivres encore. Des mesures trop faibles ne faisant venir du militaire que vers les onze heures, ou au moins dans ce quartier là, au lieu que dans la journée tout aurait été calmé et fini sans effusion de sang ni pillage et de la participation de la canaille qui une fois en train ne cesse pas si facilement.

Il faut que j'observe encore que d'après tous les renseignements on craint que l'affaire n'est pas encore apaisée et que d'après des propos de gens dans la nuit on n'attendait pour recommencer que la journée d'aujourd'hui. Aussi m'averti-t-on qu'à entendre parler d'une intention de révolte dans les fabriques de la couronne de fonderie et chez le fabricant Berthe et d'autres menaces.

4.

Записка, на которой рукою фонъ-Фока написано:

«Jamais la caricature n'a existé: ce ne sont que de mauvais propos, auxquels il faut s'attendre, mais très heureusement, ils sont très rares jusqu'à l'heure qu'il est».

L'apparition enfin de la choléra dans la ville, les aveux du gouvernement sur son existence, ainsi que les mouvements qu'on se donne pour en restreindre la propagation et la crainte de cette maladie persécutrice, tout ceci ne laisse pas de faire une profonde impression sur l'esprit du public, en même temps cependant cela n'empêche pas de provoquer les mauvaises têtes à faire courir une caricature dont on m'assure positivement l'existence quoique jusqu'à présent je n'ai pu parvenir à la voir moi-même, le sujet en est pris à ce qu'on prétend de la maladie en question même et des moyens employés par le gouvernement pour l'éviter ou en retenir au moins les ravages. On assure qu'on y voit le rassemblement de différentes personnes du gouvernement en forme de comité de discussion et de personnes de l'art médical, que la personne du ministre Zakrewsky y joue un grand rôle; qu'on voit dans les airs au dessus flotter l'ordre de S-e André et d'autres rubans de décorations, beaucoup d'assignats et des mottos analogues à l'idée de caricature de l'inventeur etc.

5.

Записка начальника 1-го округа конныхъ жандармовъ отъ 23-го іюня 1831 года.

Послѣ отиравленія вчерашней моеѣ записки я былъ на Сѣнной площади, гдѣ нашелъ небольшое число народа разнаго званія, но больше, однако, обыкновеннаго, были и во фракахъ какъ бы для любопытства.

Тутъ узналъ я, что передъ симъ толпа народа насильно освободила везомыхъ въ лазаретной каретѣ больныхъ въ холерную гошпиталь, попомомъ усмирилась. Въ 8 часовъ вечера узналъ я, что толпы вновь собираются, отправился тотчасъ къ генералъ-губернатору, который объявилъ мнѣ, что онъ приказалъ собираться войскамъ, а мнѣ велѣлъ собирать сколько можно болѣе жандармовъ и съ ними быть какъ напскорѣе на Сѣнную площадь, что немедленно и было мною учинено.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

По прибытіи, толпы разсѣялись и попрятались въ домахъ. Нѣсколько подозрительныхъ лицъ взято и отведено въ крѣиость. Находились тутъ всѣ генералы: Васильчиковъ, Закревскій, Денпреadowичъ, Перовскій, оберъ-полицмейстеръ и проч.

Безъ особенныхъ строгихъ мѣръ, я полагаю, обойтись нельзя.

6.

Заниска 23-го іюня.

La nouvelle enfin décidée sur la mort du grand duc Constantin qui déjà depuis avant-hier existait partout a été précédée les derniers jours de nouvelles l'une plus folle et absurde que l'autre, dont le bruit de trahison et de sa connivance avec les polonais n'a pas été le moindre. On se permettait de soutenir que cette triste découverte avait enfin forcé sa majesté l'empereur de le rappeler très sérieusement et de prendre des mesures de sûreté, qu'enfin la mort a mis fin à tous ces embarras de politique. Mais on ne cesse pas pour cela de jaser encore sur le compte du défunt. Il n'est pas difficile de remarquer que la conduite de ce prince en Pologne lui avait totalement éloigné l'esprit du peuple. On assure qu'on a fait d'ici des envois à la rencontre du corps pour le faire amener ici.

Et on a désapprouvé même cette mesure, disant (ceux qui prétendent qu'il es mort aussi de la choléra) qu'après le mal, qu'il a causé avant sa mort, on veut encore le propager après son décès. On remarque peu de part a ce triste événement.

7.

Tableau du mouvement de l'émeute populaire depuis le matin du 22 Juin 1831 jusqu'à 3 heures après midi du 23.

Рукою государя написано:

«Tout cela est l'exacte vérité; il faut que vous partez de suite, si vous le pouvez, pour aider de vos conseils sur les lieux et me tenir au conrant de tout».

Après la tentative qui a échouée le 21 въ Рождественскоѣ части pour enfoncer l'hôpital central, on en a fait une pareille au Marché au foin. L'hôpital, maison Тапровъ, était le but de mire. Le mouvement a commencé à 8 heures et demi par le brisement d'une voiture où il y avait deux malades; ceux ci furent renvoyés et le peuple menaça hautement la police et surtout les médecins de les assommer, comme causes des abus, qui se commettaient, en mettant au nombre des malades des gens qui étaient gris ou se portaient bien. Le désordre alla toujours en croissant, et cela de deux en deux heures. Le gouverneur militaire se décida à paraître lui-même sur la place; il était sept heures et demi du soir, la force armée n'avait point encore été appelée.

Il pérora les mutins, mais tout en ourrah, ceux-ci brisent encore une autre voiture sous ses yeux. Il quitta la

place. Le désordre était à son comble. L'hôpital central, maison Тапровъ, n'offrit dans l'espace d'une demi-heure qu'un amas de décombres, rien n'échappa à la fureur des mutins; tout fut brisé en éclats. Il était huit heures et demi du soir. On se décida alors à appeler la force armée, dont la présence seule suffit pour en imposer au peuple; après avoir fait tout le mal possible et assommé le médecin de l'hôpital, ce même peuple ne fit pas le moindre opposition, ce qui prouve que le mouvement n'a point eu de but politique. Cependant, il faut avouer d'autre part, que la continuation de ce même mouvement pendant la matinée d'aujourd'hui, 23 Juin, doit nécessairement faire supposer que le peuple cherche encore à faire quelque chose et qu'il doit être fortement incité par des moteurs. Cela est palpable. Plus de cent personnes ont été arrêtées. Le résultat des interrogatoires qu'on leur a fait subir, n'est pas encore connu, de sorte qu'il n'y a que des suppositions vagues à faire pour le moment sur cet objet. Pour rendre hommage à la vérité, il faut dire que la menace de cerner les maisons a fait une impression défavorable, que peut être il y a eu des irrégularités de commises par la police, et le moyen que cela soit autrement, qu'enfin au lieu d'appeler la force armée le soir, il eut été bien plus avantageux de la faire douze heures plutôt. L'événement l'a prouvé, car personne n'a bougé et il est probable qu'on parviendra bientôt à rétablir l'ordre, mais le désordre a été commis impunément, la populace a obtenu une victoire sur le pouvoir public, et les souffleurs, les provocateurs, enfin les Erostrates se tiennent à l'ombre et rient sous cape. C'est là un mal affreux, il faut le dire; mais espérons que la présence du souverain mettra un terme aux mouvements tumultueux d'une populace insensée. Elle demande à grands cris la clôture des hôpitaux pour arrêter les progrès du mal, dit-elle, et celui-ci doit naturellement recevoir de nouvelles forces par le rassemblement de masses de cinq mille forcés ou bêtes brutes. Beaucoup de personnes pensent, que le motif allégué par la populace n'est qu'apparent, car comment supposer que la multitude se décide, sans une raison majeure, à abandonner ses occupations pour imiter la populace de Rome dans le Forum, et prendre un si vif intérêt à l'abolition des mesures sanitaires. Il n'y a, surtout parmi les militaires, qu'un cri, le coup part des sarmates. Le 23 environ à une heure avant midi, l'empereur s'est rendu à la Сънная. Le peuple s'inclina devant lui; il s'écria aussitôt: «Prosternez vous devant l'Être Suprême, que vous avez offensé, à genoux, tous à genoux». On obéit, c'était

en face de l'église. Ensuite il continua de la sorte: «Qu'avez vous fait insensés? Je rougis de honte pour vous aux yeux de l'univers. Êtes vous des français ou des polonais, je ne reconnais plus en vous des russes. J'ai perdu un frère chéri; la conduite des mutins de Pologne a été cause de sa mort, voulez vous par la vôtre être cause de la mienne? Me voila, je ne vous crains pas! Dieu me donnera la force de vous ramener à l'ordre. Vous avez péché en versant le sang d'un médecin, bienfaiteur de vos frères souffrants. Oui, vous avez péché contre le Ciel; comment répondrai-je à l'Être Suprême, auquel par mon serment je suis responsable de vos actions. Oui, vous avez gravement péché. Retirez vous, rentrez dans vos maisons, et je vous ordonne d'obéir, comme à moi-même, au gouverneur militaire, il a pour vous les sentiments d'un père. Obéissez!»—La foule se dissipa sur le champ. Demain on pourra donner des détails plus positifs sur le résultat et les effets du discours paternel de l'empereur.

8.

Другая записка о томъ же.

Mardi, le 23 Juin 1831.

A onze heures et vingt minutes sa majesté l'empereur est arrivée à l'isle Ielaguine, où l'attendaient le général gouverneur et le grand-maitre de police, le ministre comte Zakréwsky, le général en chef Vassiltchikoff, le général Perowsky et le comte Moden.

A une heure et dix minutes sa majesté s'approcha de la Сѣнная en arrivant par la Садовая et à commencer de la Bibliothèque Impériale tout le cortège allait à petits pas comme suit:

En avant, à trois pas de la calèche impériale le comte Orloff à cheval, alors en calèche sa majesté l'empereur et le prince Menchikoff, puis le général Perowsky, le général Vassiltchikoff, Zakréwsky, des aides de camps, Arndt, le docteur, et le feldjeger. Tout l'ensemble faisant un beau aspect solennel, en approchant près du ou entre le corps des gardes et l'église Спасъ, sa majesté fit halt, se leva en calèche, y resta de bout, jetta bas son manteau, et ordonna au peuple: *Поближе! Поближе! Я никого не боюсь!* puis: *«На колѣнки! падайте на колѣнки! Монtrand sur l'église: Креститесь! молитесь Богу!»* Tout le monde se mit à genoux et fit la croix; alors l'empereur, menaçant du doigt droit, dit au peuple d'un ton ferme: *«Что вы вчера надѣлали?»* (выражаясь съ большимъ гнѣвомъ). *«Вы меня предъ вѣсѣмъ свѣтомъ осрамили! Что вы—французы или поляки! (Все громче). Вы лѣкаря убили; русскій ли это сдѣлаетъ? (mit mehr erzürnt). Вы предъ Богомъ грѣшны! Какъ я буду отвѣчать за васъ Богу! Я присягалъ, а вы меня осрамили. Знали скорбь мою, что я любимаго брата поте-*

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

рялъ, котораго огорченія уморили, вы и меня хотите уморить! Уморите! (mit Schmerz). Кто изъ васъ хочетъ приступить?» et dans ce moment présente au peuple sa poitrine (mit Tränen in Augen). C'était si touchant que tout le monde pleurait à chaudes larmes comme l'empereur lui-même; cela dura certes une minute et demi, lorsque sa majesté recommença: «Подумайте, что вы надѣлали, что вы не французы, не поляки, но русскіе! за мною на колѣни, на колѣни, просите у Бога прощенія!» Tout tomba à genoux et e'est là qu'on voyait du véritable repentir dans la plupart des présents. «Чтобъ мнѣ этого болѣе не было! буду наказывать! Не боюсь никого, сошлю туда, туда! Помните мои слова! Я все сдержу!» Là-dessus on commença à avancer et après avoir fait le tour de la Сънная en s'arrêtant plusieurs fois, sa majesté retourna chez elle en recommandant au peuple d'obéir au général-gouverneur et à chaque place au nom de sa majesté l'empereur. Un панихида au Спасъ conclut le tout.

Le 23 Juin, à 2 heures après-midi.

9.

Третья записка.

Le 23 Juin, soir.

Les attroupements de la populace dans les environs de l'hôpital dans la maison Taï-roff sur le Marché de foin et la rue des Jardins augmentait depuis ce matin malgré les patrouilles militaires nombreuses, lorsque vers une heure après midi arriva sa majesté l'empereur qui fit le tour de la petite rue où se trouve l'hôpital et la partie de la rue des Jardins ainsi que sur le Marché de foin.

Sa majesté y fut reçu aux acclamations du peuple nombreusement rassemblé. L'empereur leur parla sérieusement en les engageant à l'obéissance aux ordres des autorités, en ajoutant que ce n'étaient ni des français ni des polonais qu'il leur convenait d'écouter, de suivre les ordres du général qu'il leur avait fixé en montrant sur le gouverneur militaire, et qu'il punirait rigoureusement toute desobéissance à ses ordres; et remarquant dans la foule un homme, une sorte de bonnet sur la tête, sa majesté daigna s'informer qui il était; apprenant que c'était un polonais, elle le fit arrêter. Sa majesté avait aussi ordonné d'arrêter un homme parmi la foule qui avait osé se plaindre de la manière dont on traitait les malades, mais elle lui pardonna, d'après ce que m'assurent des gens qui se trouvaient très près. En partant avec les mêmes acclamations sa majesté engagea (en partant) les spectateurs de se disperser et d'aller à leurs affaires sans s'attrouper dans la rue, en ordonnant aux militaires présents sous les armes de faire leur devoir sans égard pour les contrevenants, en promettant de punir rigoureusement toute contrevention, aussi le peuple après le départ de l'empereur s'écoula peu à peu et tout fut tranquille pendant toute la journée. Les patrouilles de toutes armes se suivaient dans la journée. La seule observation a été faite, que les rues donnant des deux côtés sur le Marché de foin étaient remplies pendant toute la journée jusque vers onze heures du soir de promeneurs, parmi lesquels le beau sexe ne manquait pas malgré la crainte de choléra,— beaucoup de monde a parcouru même l'hôpital, apparemment que c'était permis, quoique j'ignore quelle peut être le but de cette permission pour la déracination de la maladie. Au reste tout a été parfaitement tranquille.

Après le départ de sa majesté on a célébré une панихида en pleine rue sur le Marché de foin en présence du gouverneur militaire.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

10.

Записка дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Фока къ графу Бенкендорфу (возвращена отъ государя).

Ce mercredi, à 3 heures après-midi.

Quoique les esprits se trouvent encore dans une fermentation assez saillante, mais il n'y a absolument rien d'inquiétant pour le moment. La publication d'aujourd'hui fera beaucoup de bien et ôtera aux moteurs le moyen d'exciter le peuple. Au reste les mesures sont prises en tout cas. Il y a aujourd'hui une grande fête à la Yamskaja et au Глазовъ кабакъ; mais j'espère que cela passera sans grand tumulte.

Je vous expédie un tas de notices et d'autres papiers. Je n'ai pas le temps de me résumer; à chaque mot que j'écris, on vient m'interrompre; et il faut absolument écouter tout le monde. Je n'ai pas un moment à moi. Le soir derechef comité. Je prierai qu'on me dispense au moins d'assister à ce grand tas de discussions de contabilité et autres futilités avec les curateurs; je me chargerai volontiers de tout ce qui a trait aux réglemens administratifs et de tout ce qui regarde la police. Mais en perdant six heures de la journée à siéger dans le salon du général Essen, je me déroute parfaitement dans ma propre besogne qui pour le moment est plus important que jamais.

11.

Записка, писанная рукою дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Фока къ графу Бенкендорфу.

Рукою государя:

Ce jeudi matin.

«Nous en parlerons au long; je puis dire avec vérité que hier j'ai été fort content; et cela doit aller de mieux en mieux».

Je vous expédie les notices qui me sont parvenues sur la journée d'hier en y ajoutant les observations suivantes.

Quoique les attroupements continuaient en plusieurs endroits et que la fermentation se prononçait avec force, les propos et les raisonnemens avaient cependant parfaitement changés de couleur. La masse se prononçait hautement en faveur du gouvernement. On entendait dire qu'il fallait absolument prouver à l'empereur qu'il était trompé et que le peuple avait raison de soutenir qu'on le tuait gratuitement. La suite de cela fut que la populace se mit à arrêter et à molester des individus qu'elle soupçonnoit de distribuer du poison et de provoquer les esprits, comme c'est dit dans les bulletins.

J'ai parlé moi-même avec plusieurs разносчики qui comprennent parfaitement le mal de la chose. Ils me disaient tous: «Вотъ Батюшка насъ побранилъ и прогнѣвался на

насъ! Надо быть каменному, чтобы не прослезиться; да и самъ Батюшка плакать. Но вотъ вамъ Богъ, ни одинъ изъ нашихъ братій ярославскихъ и коренныхъ русскихъ не буйнилъ—это одни фабричные!»

La circonstance la plus désastreuse est celle, que la foule ne veut absolument pas croire à l'existence de la maladie. Rien ne peut le convaincre en cela; et plus malheureusement encore on rencontre un grand nombre de vieux gens de la classe des marchands et même de celle des employés, bien intentionnés, qui sont du même avis.

Vous entendez encore dans la foule les propos suivants: «Государь Батюшка самъ сказать, что нѣтъ холеры; что поляки и французы на насъ се насылаютъ, и что надо ловить мошенниковъ».

Mais le plus grand malheur et le plus réel est celui, que nous n'avons pour le moment point de police. Les officiers de police sont tellement effarouchés qu'on n'en voit plus sur les rues. Je viens de sortir de chez le comte Orloff, auquel j'ai été heureux de pouvoir parler tout franchement à coeur ouvert. Il m'a beaucoup tranquilisé en m'assurant que vous nous arriverez ces jours-ci, mon excellentissime chef, pour rester chez nous quelque temps. J'ai commencé à respirer un peu plus librement après cette nouvelle.

Je ne vois rien d'éminemment dangereux dans l'état actuel des choses; mais il faut inmanquablement mettre fin à ces attroupements et à cette effervescence de la populace. Cela peut devenir de jour en jour plus grave et en fatiguant trop la troupe, nous pourrions aisément corrompre l'esprit de celle-ci, qui jusqu'à ce moment est excellent.

Aujourd'hui tout a en ville, jusqu'à l'heure qu'il est, un aspect plus tranquille. On ne voit point d'attroupements, chacun semble vaquer à sa besogne. Mais dans le moment même on vient de me dire qu'il y a eu un attroupement à la Yamskaja, mais que tout a été dispersé par la présence de quelques troupes armées.

Il y a une vingtaine de personnes qui m'entourent. Je vous envoie quelques papiers et vous embrasse très respectueusement de tout mon coeur.

12.

Приложенныя записки.

I.

Le 25 Juin 1831.

La journée d'hier a offert un nouvel objet d'attention publique. Jusque vers le midi la tranquillité paraissait régner partout ce n'est qu'à cette époque qu'on a vu commencer des arrestations, exécutés pour la plus grande partie par des gens du peuple même, sur des individus qui presque tous étaient bien habillés, parmi lesquels on a remarqué même des employés et même un officier de police, il y en avait très peu qui eussent l'air d'appartenir à la populace. Les arrestations ont continuées jusque vers minuit et plus tard elles étaient sous escorte militaire. Des patrouilles parcouraient les différentes rues en grand nombre et chaque transport d'arrestants ne manquait pas d'être accompagné d'un attroupement de peuple. Non-seulement parmi le peuple, mais aussi dans le public de meilleures classes on soutenait que ces arrestations se faisaient contre des polonais suspects d'empoisonnement—plusieurs personnes de tout état m'ont assurés avoir été témoins oculaires d'empoisonnements intentionnés par des inconnus chez des colporteurs de pain, de boissons etc.—et mille anecdotes se repandent là-dessus dans le public et généralement on a trouvé le moyen de faire sentir au peuple que la maladie régnante n'a été causée que par les empoisonnements, à la poursuite desquels on était dans ce moment. On ne parle partout que de cet objet; on assure que jusqu'à 1500 même 3000 personnes, la plus grande partie étrangers, appartiennent à ce complot, et que ceux qui y appartiennent tâchent de se fourrer partout dans les restaurations, cabaks, marchés publics, le camp, parmi les soldats, et pour chercher à exercer leur métier. On inculpe même des médecins et jusqu'à la police d'y appartenir—en appuyant ces assertions d'histoires et anecdotes controuvées apparemment. Si le tout est une invention, cela a été au moins très bien exécuté; car il serait difficile, même de la peine perdue, de vouloir disvader quelconque, tant on en paraît convaincu presque généralement. Parmi les arrestants on ne remarquait que peu d'individus maltraités et tous furent remis aux autorités militaires. Quant à la police qui est en très mauvais odeur chez le peuple, elle était invisible en uniforme, mais il en fourmillait en frac. On assure que par ordre de sa majesté trois généraux ont été nommés encore pour aides de gouverneur militaire, parmi lesquels on nomme Wassiltchykoff et le prince Troubetskoy.

On raconte que de deux frères médecins Leblanc l'un a manqué d'être tué par la populace et que l'autre s'est suicidé; et on raconte publiquement des horreurs sur le compte des médecins et la police.

On m'assure que les arrestations recommencent déjà aujourd'hui, et comme c'est un jour de fête et une foule de gens oisifs dans les rues, ne serait ce pas nécessaire de continuer les patrouilles et même d'en doubler et augmenter le nombre.

II.

25 Juin 1831.

La journée d'hier a été presque aussi orageuse que celle du 22 d. c. Provoquer le désordre est toujours le point de mire des malveillants. Ils ont seulement changé de mode d'agression. Lundi on a combattu le choléra, les médecins; hier, 24 d. c., on s'est déchaîné contre les empoisonneurs, vrais ou prétendus; car jusqu'à présent, il n'y a pas encore de preuves matérielles pour établir le fait. Hier encore la populace intimement convaincue de la vérité de ce fait, s'est arrogée le droit de faire la police elle-même, et une foule d'incarcérations ont eu lieu. Въ Ямскоѣ, ainsi que dans tous les carrefours du quartier de la Владимірская, il y a eu force attroupements, et les vociférations contre la police n'ont pas discontinués un seul instant. Il est vrai de dire, que la sûreté individuelle n'était rien moins qu'étayée, que l'état d'érection où nous sommes est pénible, et qu'enfin il est à craindre, que la foule armée ne perde et ses forces et sa patience. Cependant autant que l'état actuel des choses durera, sa présence est et sera notre palladium. Beaucoup de militaires, de gens comme il faut, de prêtres mêmes, ont l'idée fixe, que c'est l'action des empoisonneurs, et les exactions de la police, surtout la protection qu'elle accorde à ceux-ci, qui constituent la véritable cause du mal. Il est plus vraisemblable de poser en fait, que ce mal provient et peut augmenter par l'absence de la police qui est frappée de paralysie dans ce moment, et par l'avantage qu'a eu la populace le 22 Juin de faire à sa guise impunément, pendant une demi-journée seulement. Le bas peuple et la moyenne classe presque entière ont la conviction intime, que les empoisonneurs sont la cause des décès qu'ont eu lieu jusqu'aujourd'hui. A l'église de la Цѣнная, pendant la messe, on a arrêté, en ma présence, un homme soupçonné d'avoir du poison dans ses poches. Plusieurs faux délateurs, qui avaient amené des prétendus empoisonneurs au corps de garde de la Цѣнная, ont été fustigés publiquement sur le perron par les cosaques. La promenade d'hier à la Ямская a été plutôt tumultueuse que populaire. On y a répandu la fausse nouvelle qu'un médecin y avait été assommé. Un mal bien grand est que bien de gens s'obstinent à croire que les empoisonnements et les empoisonneurs existent réellement, tandis que le bulletin d'aujourd'hui signale officiellement ces deux faits comme faux et controuvés.

III.

Le 25 Juin 1831.

Рукою государя:

«Malheureusement il est vrai de dire qu'un homme a été amené au régiment Сѣмѣнофскы par le peuple, comme empoisonneur; et il s'est trouvé qu'il avait quelque chose de semblable à l'examen de médecin. L'on

Après avoir été hier dès le matin partout où l'on pouvait juger de la disposition du peuple, j'ai l'honneur de soumettre les remarques sur ce dont j'ai pu me convaincre sur les lieux. L'aspect alarmant des tumultes depuis trois jours a changé de face et n'offre plus cette inquiétude d'une cohérence dangereuse pour le moment; l'apparition de sa majesté l'empereur au milieu de ce peuple excité, son énergie, sa conduite souveraine divine, mémorable à jamais, ont été couronnés de l'effet salutaire qui nous rapproche dès hier à l'espoir que sous peu des jours l'impression de sa haute

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

fait une enquête dessus, et il paraît que c'était un polonais».

volonté prononcée avec tant d'influence dominera sur tout le peuple.

Déjà dans tous les attroupements hier on entendait généralement: Спаси Богъ, государя! онъ не виновать! Спаси Богъ его! побрашилъ насъ, но, какъ отецъ, охраняетъ насъ отъ гибели! Partout on voyait des groupes autour d'un грамотей qui lisait à haute voix l'annonce du général-gouverneur et un ура général: Ура, государь! отецъ нашъ! спаситель! —était le signe pour se disperser de tous les côtés et rapporter aux siens le contenu de l'annonce.

La fête à la Ямская en général s'est passé en ordre; vers la fin l'esprit de vin par ci et là encore agissait, mais ce n'était plus l'esprit excité des premiers jours.

Un officier de police fut encore maltraité près de la maison Бѣлозерской и Пашкова, les autres se cachèrent dans la première et cela finit par là. J'ai vu cet officier encore à une heure la nuit, —il était lui-même ivre mort! à peine pouvant se porter sur ses pieds, il radotait ченуху en se cachant de maison en maison.

La police malheureusement est à bas! soit ce qu'il en est de sa faute, mais à tout pas elle est encore en danger et cependant il en faut une! C'est le plus pressant de la remettre sur pied respecté!

La nomination du comte Orloff et prince Troubetskoy se porte de bouche en bouche avec ravissement! Le peuple et les habitants de Pétersbourg le partagent.

Toutes les troupes sont d'une conduite distinguée, même jusqu'aux tartars, respectés et craints. La gendarmerie donne preuve de tout son mérite, à travers le plus grand tumulte l'on voyait partout ce crédit et cette considération qu'on lui porte. La morale et le savoir faire qui les guide du premier au dernier sont admirables, leur apparition déjà intimide et influe respect, on n'entend que de tout côté: полно, полно, смотри, жандармъ ѣдетъ! Jamais il n'y en aura de trop sur le pied où ils se trouvent.

Aujourd'hui tout est tranquille excepté une petite répétition des empoisonneurs pris par des дворники.

C'est un objet sur lequel je n'ose pas encore me prononcer, mais d'après ce que j'ai vu de mes propres yeux en 7 occasions; établissez une enquête sûre et d'abord, car il y en a —ne fut ce que du chlore en poudre ou liquide qui dissipent et versent de tous les côtés.

Les prêtres catholiques —croyez le moi—y sont compris. Les polonais n'osent plus sortir. Cela doit se débrouiller.

13.

Записка, писанная рукою дѣйствительнаго статскаго совѣтника
фонъ-Фока.

Ce dimanche, à 3 heures après-midi.

Рукою государя:

«Les bruits sur le compte de notre famille sont singuliers et me paraissent prouver que l'on travaille le peuple uniquement pour l'inquiéter».

La fête d'hier a été chômée avec la retenue la plus prononcée. Les années passées, à pareil jour, il y a eu ordinairement un rassemblement de plusieurs milliers de personnes, et cela avait toujours l'air d'une foire de village—cette fois-ci il y a eu à peine trois cent personnes. Tous les individus du bas peuple parlaient de leur désir de quitter Pétersbourg, et ceux qui sont domiciliés à une couple de centaine de verstes se mettent déjà en route.

Les разносчики, que j'ai vu le matin, m'assurent la même chose. Je crois qu'il sera bon de ne pas les empêcher dans l'exécution de ce dessein. Les propos qui circulaient étaient les suivans: воля ихъ, а отравляютъ, и это дѣло поляковъ (la troupe même commence par-ci par-là à partager cet opinion).—Мы правду говоримъ.—Все будетъ скоро ладно... можетъ быть, еще немного поиграютъ, но бѣды не будетъ.

Dans toute autre circonstance que celle-ci, la présence de la force armée eut été foncièrement inutile; mais hier elle n'a rien gâté. Certes, rien de marquant ne serait arrivé, mais cependant il y aurait eu de bruit. Or, personne n'a soufflé.

On a eu occasion de remarquer, pendant le courant de la journée, que le peuple et principalement les marchands reconnaissent qu'il n'y a pas de doute sur la présence de l'épidémie. Vous rencontrez déjà souvent des marchands et surtout des femmes des classes inférieurs qui tiennent un mouchoir trempé de vinaigre devant le nez.

Les réglemens sanitaires sont encore très défectueux. Pas plus tard que hier il y avait à l'hôpital d'Oboukhoff (la partie des cholériques) 60 cadavres exposés sur l'herbe qui attendaient l'inhumation, manque de cercueils. On a d'abord pris de mesures sérieuses. Au comité d'hier, Kounoff fit le rapport qu'il avait déjà trouvé de l'emplacement pour 4 hôpitaux et que le reste s'arrangerait de même.

Chaque dimanche, vers les trois heures après midi, tous les ouvriers et toute la populace oisive se rassemble ordinairement près de l'Apraxin Dwor. Il faut donc observer tout ce que s'y fera. Toutes les mesures sont prises pour

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

cela. Humainement pensant, je suis parfaitement tranquille, mais comme employé public je dois être sur mes gardes et parler après coup.

On prédisait l'arrivée pour ce soir de quelques masses d'ouvriers du Стекланный заводъ, du Чугунный заводъ, etc., j'ai expédié des furets sur les différentes routes; mais l'on m'assure qu'on ne laissera partir personne.

Ce lundi, à 3 heures après-midi.

Рукою государя:

«Il faut vous arranger avec Wolckonsky pour employer à cette mesure les gendarmes revenant de Ropcha, que l'on pouvait distribuer par égales personnes à Красный кабакъ et Соломенный et avec l'autre mettre aussi à quatre bras et sur la Néva».

Рукою графа Бенкендорфа:

«L'empereur a voulu mettre Wassiltckihoff, dites le lui et à Essen et faites donner de suite les ordres, Пановъ surveillera le tout. On peut employer à cela ce même peloton en y ajoutant un officier et plus de gendarmes encore s'il le faut».

Dieu soit béni! chez nous tout est parfaitement tranquille, hormis les propos, qui vont toujours leur train. Le bas peuple quitte en masse la capitale pour retourner dans ses foyers. D'après les nouvelles que j'ai pu recueillir je porte le compte de ces émigrants à 6 milles, mais le calcul de la police le fait monter au delà de 10 milles individus. La mortalité parmi cette classe est très forte et ils commencent à se convaincre de l'existence du fléau et manifestent déjà beaucoup de terreur.

J'ai entendu de mes propres oreilles que quelques individus de la basse classe, mieux disposés, disaient aux autres, qui manifestaient leur envie de quitter la ville: «Срыньте съ Богомъ, у насъ чище воздухъ будетъ».

Il faudrait nécessairement lever les quarantaines qui étaient établies pour nous préserver du mal. Cela continue toujours avec les mêmes exactions, et cela désespère la basse classe. Un cocher qui m'a servi plusieurs années, en est arrivé hier et m'a raconté des horreurs. A Ladoga même il y a eu un tumulte, mais qui a été d'abord apaisé. Mais pourquoi ces mesures si le mal se trouve déjà au milieu de nous?

Une mesure serait encore indispensable et elle serait d'abord exécutée si l'on pouvait la faire glisser d'en haut. Il est constaté que la plupart des chalands des cabaks fuyent pour le moment la capitale, craignants d'être pris en partie dans leurs propres filets. Ces gueux se sont pour la plupart dispersés dans les cabarets et tavernes qui se trouvent hors de la ville sur les grandes routes de Царское Село et de Péterhof. Mes limiers en poursuivent plusieurs, mais ils ne peuvent que voir et rapporter. Ils ne peuvent guère agir, crainte d'être assommés.

Il faut en charger la police districtoriale. J'en ai prévenu le comte Orloff qui m'a conseillé de vous en parler.

Dans le nombre de malades que montre le gouverneur général ne se trouvent pas ceux du militaire. C'est ce que m'assure le comte Orloff, qui m'a dit de même que le nom-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

bre de ces derniers ne se monte qu'à 50 et quelques individus. C'est qu'on vient de m'affirmer aussi dans la chancellerie du général Essen.

Ce vendredi, à 3 heures après-midi.

Dieu soit loué, chez nous tout reprend de nouveau une physionomie calme et tranquille. L'empereur a été hier soir inopinément en ville et s'en est persuadé lui-même. Je ne dirai pas que la fermentation parmi le peuple se soit totalement apaisée, mais cela ne manquera pas d'arriver. Malheureusement, nous avons encore quelques fêtes publiques ces jours-ci: demain Самсонія, après demain dimanche et lundi Пятра и Павла. Les cabaks seront beaucoup hantés et les ouvriers paresseux cherchent à se récréer. J'espère cependant que tout passera au mieux; ou que le petit camp sur l'esplanade de la forteresse impose beaucoup et que les mesures prises en général sont bonnes et approuvées. Malgré cela, l'idée fixe des empoisonneurs est trop enracinée dans la foule pour être combattue de sitôt avec succès.

Hier soir tard, dans la nuit, j'ai rencontré, ainsi que ce matin, de bonne heure, quelques troupes de paysans, parmi lesquels je reconnus quelques uns de ceux qui viennent dans ma maison comme разносчики. Ils étaient tous un peu gris et m'apostrophèrent ainsi: «Полно, батюшка, полно; теперь все кончено, ужъ болѣе ничего не будетъ». — Да не врете ли? — Вотъ вамъ Христосъ, батюшка, не будетъ».

J'ai passé quelques heures de la matinée chez le comte Orloff, pour concerter le plan de nos enquêtes sous main. Le comte a prié l'empereur de lui subordonner le général Чихачевъ. Cet individu peut nous rendre beaucoup de services dans ces circonstances. Il connaît la capitale comme personne et se mettra en quatre pour se remettre dans l'opinion de l'empereur. Le comte le connaît parfaitement et ne lui permettra pas de se donner des airs. Au reste je suis persuadé qu'il prendra la peau de mouton.

Ce samedi, à 3 heures après-midi.

Рукою государя написано: Dieu soit béni!

Votre commission concernant l'expédition des gendarmes dans les environs de Ropcha a d'abord été mise à exécution, et le colonel Panoff avec le détachement des gendarmes s'est mis en route vers minuit. Je crois cependant que tout ceci n'est qu'une fausse alarme. Personne n'en sait rien ici. Il est vrai qu'il y a eu un village débrûlé, et si la sécheresse continue, il y en aura certainement encore d'autres qui subiront le même sort, mais par suite de négligence, comme c'est ordinairement le cas dans cette saison et par toute la Russie. Mais on n'a entendu rien, même parmi le peuple, des incendiaires ou de quelque chose de pareil. Au reste l'expédition partie nous éclairera à ce sujet.

Hier il y a eu un petit tumulte parmi les gens de la fonderie du ministre des finances. On y avait envoyé du militaire qui l'a d'abord apaisé et l'on a arrêté les principaux mutins.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

En ville tout se passe tranquillement et on n'attend rien de saillant jusqu'à l'heure qu'il est. Le peuple se rassemble pour chômer la fête de l'église de Sampson sur le côté de Vibourg. On a pris des mesures sous main, en tout cas. Comme c'est presque vis à vis de ma petite cabane d'été, je surveillerai moi même de près tout ce qui s'y passera.

XXXIII.

Манифестъ по поводу холеры въ 1831 году.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Посвятивъ всѣ дѣйствія и мысли Наши попеченію о благѣ Богомъ врученнаго и любезнаго Намъ народа, Мы видѣли съ сокрушеннымъ сердцемъ распространеніе эпидемической болѣзни холеры въ предѣлахъ Имперіи Нашей. Покорствуя неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, Мы не преминули употребить всѣ возможные усилія для подавіи помощи страждущимъ и для огражденія отъ заразы тѣхъ мѣстъ, въ кои она еще не проникла. Въ минувшемъ году, при первомъ извѣстіи, что свирѣпствовавшая за Кавказомъ холера миновала сей оплотъ и приближалась постепенно ко внутреннимъ губерніямъ, Правительство имѣлось въ необходимости предписать строгія полицейскія и врачебныя мѣры: но въ самомъ началѣ приведеніе оныхъ въ дѣйство встрѣтило въ иныхъ мѣстахъ нѣкоторыя затрудненія со стороны простаго народа. Въмѣсто того, чтобы съ христіанскимъ смиреніемъ нести сіе тяжкое испытаніе, отъ Бога ниспосланное, и охотно подвергнуться мѣрамъ, для общаго спасенія предпринимаемымъ, люди легкомысленные во многихъ мѣстахъ старались противодѣйствовать симъ мѣрамъ, единственно потому, что оныя не могли согласоваться съ обыкновеннымъ ихъ образомъ жизни и выгодами ихъ промышленности. Но бдительнымъ и строгимъ надзоромъ затрудненія сии были отклонены: дѣятельныя врачебныя средства ослабили силу болѣзни въ Москвѣ и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ она уже появилась; а соблюденіе карантинныхъ правилъ спасло отъ нея многіе города и самую Столицу, отъ коей зараза и тогда была въ близкомъ разстояніи. При семъ съ признательностію воспоминаемъ Мы отличный подвигъ, оказанный всѣми сословіями первопрестольной столицы Москвы. Пламенія всегда рвеніемъ къ пользамъ и славѣ Отечества, они и при постигшемъ ихъ бѣдствіи явили всякой хвалы и подражанія достойный примѣръ христіанскаго смиренія, единодушнаго усердія и безусловнаго повиновенія всѣмъ мѣрамъ, Правительствомъ предписаннымъ.

Съ наступленіемъ нынѣшней весны, появленіе холеры сперва въ Ригѣ, а потомъ въ Рыбинскѣ, средоточіи водяныхъ сообщеній столицы съ внутренними губерніями,

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

снова указало необходимость учредить карантинны для безопасности С.-Петербурга; но между тѣмъ болѣзнь, быстро распространяясь по пути водяного снлава, около половины Юня достигла столицы. Немедленно всѣ нужныя мѣры, еще въ минувшемъ году приготовленныя, были приняты. Но простой народъ, сомнѣваясь въ необходимости и пользѣ оныхъ и подстрекаемый злонамѣренными людьми, покусился насильственно сопротивляться распоряженіямъ начальства: въ безразсудной злобѣ устремился на блюстителей порядка и на врачей, жертвовавшихъ жизнью для облегченія страждущаго человечества, и пришелъ въ чувство тогда только, когда личнымъ присутствіемъ Нашимъ увѣрился въ справедливомъ негодованіи, съ какимъ узнали Мы о его буйствѣ; когда увѣрился, что нарушители общаго покоя и благоустройства не избѣгутъ достойнаго наказанія.

Вслѣдъ за симъ разнеслись нелѣпныя слухи о мнимыхъ причинахъ видимой въ народѣ смертности. Не взирая на объявленія, изданныя Правительствомъ для всеобщаго успокоенія, лековѣрные усомнились въ существованіи заразной болѣзни, донинѣ въ Россіи не знаемой, но извѣстной во многихъ странахъ Востока и ужасными опустошеніями бытіе свое ознаменовавшей, и принесли бѣдствіе свое отравѣ. Сии разглашенія не имѣли въ столицѣ важныхъ послѣдствій, но, распространясь въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, и особливо на пути изъ С.-Петербурга въ Москву, подали поводъ къ смятеніямъ и неустройствамъ. Злодѣйства, несвойственныя доброду и православному народу Русскому, совершены въ городѣ Старой Руссы и въ округахъ Военнаго Поселенія Гренадерскаго Корпуса, гдѣ поселеные, ожесточенные слухами объ отравѣ, обратили подозрѣнія свои на врачей и на собственныхъ начальниковъ, и забыли Святою Церковію повелѣваемое повиновеніе властямъ предержащимъ. Нынѣ возстановленъ уже тамъ повсемѣстно должный порядокъ: виновные предаются въ руки Правительства самими заблужденными и главнѣйшіе изъ нихъ подвергнутся примѣрному, законному наказанію.

Мы увѣрены, что всѣ Наши вѣрноподданные съ равнымъ негодованіемъ узнаютъ о преступныхъ покушеніяхъ людей, дерзнувшихъ противодѣйствовать Отеческимъ Нашимъ попеченіямъ. Сколь болѣзненно будетъ сердцу каждаго истинно русскаго, когда, преклонивъ слухъ свой къ ложнымъ и нелѣпымъ внушеніямъ, онъ потомъ увидитъ себя виновно или участникомъ неустройствъ, коихъ жаждутъ враги Россіи; когда убѣдится, что неразуміемъ или легкомысліемъ своимъ препятствовалъ успѣху распоряженій, имѣющихъ единственную цѣлю общее спасеніе и многими примѣрами уже оправданныхъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители съ вѣрою и надеждою на Бога встрѣтили посланное отъ Него бѣдствіе и съ вѣрноподданническою покорностію послѣдовали всѣмъ велѣніямъ Правительства, сѣмя заразы истреблено въ непродолжительномъ времени: и въ самой столицѣ, по возстановленіи порядка, нынѣ болѣзнь видимо прекращается. Такъ и вездѣ да будетъ! Да не дерзаетъ никто подъ видомъ сомнѣнія въ существованіи болѣзни возставать противъ властей, закономъ установленныхъ! На мѣстныхъ начальства и на помѣщиковъ возлагаемъ Мы особенное попеченіе о томъ, чтобы предписанія высшаго Правительства были вездѣ непремѣнно и съ точностію исполняемы; чтобы никто не позволялъ себѣ ни малѣйшаго самоуправства: и чтобы неповинующіеся своему начальству или же помѣщику, а также распространители ложныхъ объ отравѣ слуховъ, были подвергаемы всей строгости законовъ. Но каждый сынъ Церкви, каждый сынъ Отечества да пріемлетъ

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

безъ ропота постигшее насъ зло за дѣйствіе гнѣва Божія и да способствуетъ пресѣченію онаго, возсылая молитвы къ милосердію Всевышняго и употребляя средства, кои данный отъ Него разумъ указываетъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ въ шестой день Августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ тридцать первое, Царствованія же Нашего въ шестое.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

Николай.

XXXIV.

Письма императора Николая къ графу П. А. Толстому.

1.

Царское Село. 18-го іюля 1831 г.

Послѣ 14 дней совершенной безызвѣстности о тебѣ и арміи твоей, сего дня утромъ получилъ я письмо твое, Петръ Александровичъ, изъ Вильны отъ 15-го числа. По смыслу онаго полагать долженъ, что ты писалъ мнѣ 10-го числа, но сіе письмо до меня не дошло, и, какъ выше сказать, даже постороннихъ свѣдѣній или слуховъ никакихъ сюда не доходило, и ставило насъ въ самое затруднительное положеніе. Имѣвъ отъ Ѳ. Н. Паскевича извѣстія уже отъ 8-го числа, послѣ благополучной переправы всей арміи чрезъ Вислу, подобная неизвѣстность становилась еще менѣе понятна, тѣмъ болѣе, что и графъ Паскевичъ до 8-го числа никакихъ отъ тебя увѣдомленій не получалъ съ самаго твоего пріѣзда въ армію. Одни пруссаки извѣщали его кое-какъ о томъ, что въ Литвѣ происходило. Положеніе его было самое затруднительное, но Богъ помогъ ему оное превозмочь славно и совершить безъ выстрѣла переправу, которая столь долго казалась непреодолимою преградой. Ты весьма хорошо сдѣлалъ, что отправилъ войска, къ арміи принадлежащія; но крайне жаль, что голова оныхъ могла пройти Ковно только 13-го числа, ибо ранѣе 1-го августа никто изъ нихъ не дойдетъ до Вислы! Минута важная, ибо нынѣ на-дняхъ все рѣшиться должно! Да поможетъ намъ всемогущій и всемилосердый Богъ!

Движеніе Дембинскаго крайне непріятно, боюсь, чтобъ не направился онъ на Несвижъ, дабы истребить наши артиллерійскіе запасы; въ семъ случаѣ Станкевичъ не довольно будетъ силенъ, чтобъ его отбить, въ особенности, если край въ возстаніи.

Между тѣмъ здѣсь у насъ въ военномъ поселеніи произошло для меня самое прискорбное и весьма важное происшествіе. Тѣ же глухие толки и разглашенія, что и въ Петербургѣ, произвели бунтъ сначала въ Старой Руссѣ, гдѣ звѣрски убиты Манжосъ, Мевесъ и лѣкаря; прибытіе 2 бат. съ 4 орудіями остановило своеволие; но въ то же время въ округахъ 1-й и 3-й бригадъ, но въ особенности въ артиллерійскомъ округѣ бунтъ сдѣлался всеобщій; были и терзали всѣхъ почти баталіонныхъ командировъ и офицеровъ, кои едва, и то не всѣ, спаслись: Эйлеръ принялъ хорошія мѣры, и 1-я бригада приведена уже въ порядокъ; но баталіону, отправленному въ въ артиллерию, стрѣляли и даже изъ орудій, но посланный баталіонъ подъ командой спасителя Малеева прогналъ ихъ за 20 верстъ и занялъ штабъ. Между тѣмъ толпы

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

артиллеристовъ разграбили сосѣдніе помѣщичьи дворы и дѣлаютъ ужасъ окрестностей. Тоже были безпорядки и въ Коростени. Но что всего хуже, въ Австрійскомъ полку убили баталіоннаго командира Бутовича, и, кажется, резервный сей баталіонъ въ томъ участвовалъ. Въ Старой же Руссѣ 10-й рабочій почти весь участвовалъ въ бунтѣ. Я посылаю завтра Орлова, графа Строгонова и князя Долгорукова, чтобъ мною именемъ возстановить порядокъ. Но не ручаюсь, чтобъ успѣли, и тогда поѣду самъ. Все сіе крайне меня огорчаетъ.

Такъ какъ на Литвѣ почти все кончено, и скоро войска 4-го корпуса и 2-го резервнаго кавалерійскаго сойдутся съ войсками, подчиненными графу Сакену, то я считаю твое пребываніе гораздо полезнѣе здѣсь, чѣмъ въ Вильнѣ. Если завтра не получу лучшихъ извѣстій отъ Эйлера, коему велѣлъ себѣ ежедневно доносить, то веду тебѣ не медля сюда быть съ Клейнмихелемъ, чтобы возстановить должный порядокъ. 4-й корпусъ и 2-ю резервную кавалерійскую подчиню графу Сакену, равно какъ и 4-ю сводную дивизію; а резервы могутъ относиться по формировакѣ сюда. Бунтъ въ Новгородѣ важнѣе, чѣмъ бунтъ въ Литвѣ, ибо послѣдствія быть могутъ страшныя! Не дай и сохрани насъ отъ того милосердый Богъ, но я крайне безпокоюсь. Войска, участвовавшія въ бунтѣ, велѣлъ я обезоружить, раскассировать и отправить не медля врозь и малыми частями въ 13-ю и 15-ю дивизіи на распредѣленіе, чтобъ изъ корня вырвать. Вообще надо сдѣлать примѣръ самый строгій.

Повторяю, иппи чаще и обстоятельнѣе, ибо наиболѣе догадкой узнаю, что дѣлалось, и ни одного подробнаго рапорта не получалъ.

Вѣрь моей дружбѣ.

Н.

Здѣсь болѣзнь скоро уменьшается.

2.

Царское Село. 22-го іюля 1831 г.

Донесеніе твое, Петръ Александровичъ, отъ 10-го числа получилъ я третьяго дня, а сейчасъ дошли два письма твои: первое—съ извѣстіемъ о появленіи Ромарино, второе—въ отвѣтъ на мое письмо отъ 15-го числа. Сличая числа отправленія твоихъ донесеній съ тѣми, въ кои они до меня доходятъ, ты долженъ самъ видѣть ясно, въ какомъ я положеніи нахожусь и могъ ли быть снѣмъ доволенъ. Послѣ рапорта отъ 3-го, рапортъ отъ 15-го числа получилъ я здѣсь 18-го, стало, пробылъ пятнадцать дней безъ малѣйшаго свидѣнія о тебѣ, тогда какъ рапортъ твой отъ 10-го прибылъ сюда 20-го числа! И только отъ того, что вмѣсто должнаго направленія посланъ былъ курьеръ съ посторонними порученіями на Минскъ. Нынѣ обстоятельства столь трудны, столь сложны, что каждая минута дорога, потеря одной минуты можетъ быть причиною нечисленныхъ бѣдствій. Я никакъ не могу согласиться на отъѣздъ твой, даже по причинѣ болѣзни, ибо, сколько бы ни желалъ, по тому, что происходитъ въ поселеніяхъ, имѣть тебя при себѣ, но присутствіе твое на Литвѣ, по вновь открывшимся обстоятельствамъ, признаю необходимымъ. Признаюсь, что я ожидалъ подобнаго новаго покушенія, ибо сіе одно можетъ продлить войну, въ чемъ весь расчетъ поляковъ, по наущенію Франціи. Такъ какъ, къ несчастію, не удалось уничтожить Дембинскаго, и нынѣ онъ, соединясь съ Ромарино, составитъ

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

вновь сильный отрядъ, тебѣ должно не медля соединить все и употребить все успѣлія, чтобъ совершенно уничтожить сей замыселъ. Для того считай г. Крейца съ его войсками въ твоёмъ распоряженіи, если бѣ весь его корпусъ или часть онаго потребовалась къ скорѣйшему достиженію уничтоженія Дембинскаго и Ромарино. Считаю присутствіе твое въ Гроднѣ, какъ ближайшемъ пунктѣ, необходимымъ; надо стараться не раздроблять силъ, но придвинуть и соединить все, что можно, чтобъ нанести рѣшительный ударъ, вѣроятно, въ то же время, какъ и генералъ Розень съ своей стороны дѣйствовать будетъ. Не полагаю, чтобъ на Ломзѣ или на Герстенцвейга обратились большія силы, иначе что жъ останется противъ графа Паскевича, который по вчерашнему его рапорту отъ 14 (26-го) числа изъ Нешавы пишетъ, что на другой день выступаетъ къ Варшавѣ, и то подъ Сухачевымъ непріятель его ждетъ, сильно укрѣпясь. Ты изъ сего видишь, что довѣренность моя къ тебѣ не переставала, но не переставало во мнѣ никогда чувство требовать отъ тѣхъ, кои облечены моею довѣренностію, чтобъ исполняли свой долгъ, какъ то подобаетъ. Аминь!

Сейчасъ получилъ я первый рапортъ Орлова. Въ Австрійскомъ полку пришло опять все въ должный порядокъ; есть надежда и на прочіе округа 1-й дивизіи, коихъ посланные были у меня. Въ Медвѣдѣ все пребыло спокойно; но въ Коростенѣ подобно прочимъ, кромѣ одного округа 2-й дивизіи, буйства и злодѣйства были страшныя; коростенскіе были у меня въ искреннемъ раскаяніи, жду послѣдствій. Резервные баталіоны Кіевскій и графа Аракчеева рѣшительно вышли изъ повиновенія, прочія 2 дивизіи мало надежны, также и артиллерія гренадеръ. Тѣ же двѣ роты, кои остались въ своемъ округѣ, дѣйствуютъ заодно съ бунтовщиками, перебивъ офицеровъ. Надо итти смѣло, осторожно и взять строгія мѣры. Орловъ дѣйствуетъ умно и прекрасно. Но Эйхеръ, Леонтьевъ и Томашевскій совершенно потеряли голову, и боюсь, чтобъ не уронили совершенно духъ въ остальныхъ войскахъ. По всему этому и дабы имѣть хоть одно довѣренное лицо при себѣ, знающее порядокъ дѣлъ военного поселенія, крайне бы нуженъ мнѣ былъ Клейнмихель, если ты его одного можешь мнѣ прислать, остави весь штабъ при себѣ. Такъ какъ ты не довѣряешь Довре, я предлагаю тебѣ на время Деллингсгаузена, если Крейцъ тобой употребленъ будетъ. Подумай и рѣши скорѣе. Вотъ все, что имѣлъ тебѣ сказать; говорю всегда всю правду, какъ есть, это долгъ мой и нравъ мой. Я на правду себѣ никогда не сержусь; позволь себя поставить въ примѣръ. Прощай и вѣрь моей дружбѣ.

Н.

3.

Царское Село. 28-го іюля 1831 г.

Въ дорогѣ на обратномъ пути изъ поселеній получилъ я письмо твое, Петръ Александровичъ, за которое благодарю, какъ и за нынѣшнюю твою неправность въ перепискѣ со мной. Богъ меня награди за поѣздку мою въ Новгородъ, ибо, спустя нѣсколько часовъ послѣ моего возвращенія, Богъ даровалъ женѣ счастливое разрѣшеніе отъ бремени сыномъ Николаемъ. Вели возвѣститъ пушечными выстрѣлами вѣрной Вильнѣ; пусть они видятъ, что Богъ не оставляетъ тѣхъ, кои на него одного возлагаютъ свою надежду. Въ Новгородѣ нашелъ я всѣ власти съ длинными запутанными лицами сверхъ всякаго вѣроятія; все голову потеряю, и вотъ причина

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

всѣмъ убивствамъ и невѣроятнымъ неистовствамъ, кои къ несчастію были почти вездѣ. Но пріѣздъ Орлова, потомъ мой приказъ, все сіе кончили. Я одинъ пріѣхалъ прямо въ Австрійскій полкъ, который велѣлъ собрать въ манежѣ и нашелъ все на колѣняхъ и въ слезахъ и чистомъ раскаяніи. На другой день въ Новгородѣ видѣлъ три резервныхъ баталіона Австрійскихъ и 1 и 2-й Карабинерныхъ и три кадровыхъ баталіона 1-й и 2-й дивизій, равно 24 орудія своднаго артиллерійскаго 1-го и 2-го корпуса. Пѣхота посредственна и требуетъ взять въ руки по фронту, артиллерія въ порядкѣ, но нова. Потомъ поѣхалъ въ полкъ наслѣднаго принца, гдѣ менѣе было грѣха, но нашелъ то же раскаяніе и большую глупость въ людяхъ, потомъ въ полкъ короля Прусскаго; они всѣхъ виновнѣе, но столь глубоко чувствуютъ свою вину, что можно быть увѣрену въ ихъ покорности. Тутъ инвалидная рота прескверная, которую я уничтожу. Потомъ—въ полкъ графа Аракчеева; то же самое, покорность совершенная и раскаяніе. Но тутъ мастеровая рота готова была къ бунту; и я ихъ при себѣ отпраздновалъ вонъ въ походѣ. Я тутъ обѣдалъ и вездѣ все по дорогѣ нашелъ въ порядкѣ. Замѣтъ, что, кромѣ Орлова и Чернышева, я былъ одинъ среди ихъ, и все лежало ницъ! Вотъ русскій народъ! Въ Старой Руссѣ все приходитъ къ порядку, а въ Медвѣдѣ все такъ оставалось и во все время; безподобно. Есть черты умиленные, но долго все описывать. Всѣ резервные баталіоны я вывожу съ артиллеріей въ Гатчино, а тамъ ставлю кадры одни и 3 гренадер. 4 бат.—Холера, слава Богу, совсѣмъ пропадаетъ.

Жду съ нетерпѣніемъ возвращенія Клейнмихеля. Если же самъ можешь пріѣхать, то и то бы лучше. Отвѣчай скорѣе. Изъ арміи имѣю извѣстія отъ 19-го изъ Гомбина, и все шло хорошо. Тылъ войска поставленъ очень хорошо, но въ Ковнѣ нужно бы хоть два орудія на случай.

Прощай и вѣрь моему дружбѣ

Н.

Жена тебѣ кланяется.

4.

Царское Село. 1-го августа 1831 г.

Письмо твое отъ 27-го числа получилъ я третьяго дня, Петръ Александровичъ, и радуюсь, что все начинаетъ приходить въ порядокъ, и дѣло, на тебя возложенное, приведено нмѣ къ окончанію. Клейнмихель прибылъ, но за карантинномъ я его еще не видѣлъ. Хотя, благодаря Богу, дѣла въ Новгородѣ и Старой Руссѣ улучшились, но требуютъ непремѣнно строгаго разбора, а, можетъ быть, и силы, дабы прійти въ должное устройство. Не сомнѣваюсь, что графъ Орловъ исполнитъ первое, второе же и разборъ грѣховъ одинъ ты можешь сдѣлать, ибо мы имѣемъ возможности ни часто, ни долго отлучаться; потому считаю твой пріѣздъ сюда нынѣ же необходимымъ, потомъ ѣхать въ Москву можешь и на сколько тебѣ потребуется. Открываются важныя упущенія г. Подуектова и нѣкоторыхъ его подчиненныхъ, и все сіе требуетъ строгаго и безпристрастнаго разбора, но безъ слабости и съ полнымъ познаніемъ сего дѣла. Увѣдомивъ о твоемъ отъѣздѣ графа Сакена и велѣвъ Савоини вступитъ въ командованіе сходно предписанію, отпавъ тѣмъ путемъ, который предпочтешь сюда, отпустивъ и г. Довре и прочій штабъ. Здѣсь все въ порядкѣ. Изъ арміи получилъ извѣстія изъ Ловича, который намъ отданъ безъ выстрѣла, что отмѣнно важно. Одно затрудненіе отъ карантинновъ Пруссіи для нашего продовольствія, что крайне все затрудняетъ. Но съ

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

помощію Божіею и это превозмочь можно. Жена поправляется и тебѣ кланяется. Вчера тяжелый былъ мнѣ день, свиданіе съ сестрой и съ тѣломъ брата; больнымъ я пріѣхалъ домой.

Прощай, вѣрь моей дружбѣ.

Н.

5.

Царское Село. 6 августа 1831 г.

Я получилъ два нисѣма твои, Петръ Александровичъ: одно—третьяго дня, отъѣзжая въ Красное Село, другое—отъ 2-го августа, за которое весьма благодарю, равно какъ и за сообщеніе добрыхъ вѣстей отъ Розена; дай Богъ, чтобъ они оказались справедливыми. По извѣстіямъ изъ Полаугена носилась тамъ молва, будто новыя пайки мятежниковъ изъ Августовскаго воеводства намѣревались ворваться къ намъ; хорошо бы сему помѣшать, дабы не дать вновь разстроиться порядку, съ толикими трудами нынѣ только еще возстановленному. Въ Красномъ Селѣ видѣлъ я Клеймихеля, который мнѣ передалъ всѣ твои порученія. Я утвердилъ предположеніе объ отпращиваніи пѣхотныхъ резервовъ, съ тою только разницею, чтобъ направить ихъ не на Ковно, а на Гродно, дабы на всякій случай имѣть ихъ подъ рукою и ближе. Здѣсь, слава Богу, идетъ все очень хорошо. Въ поселеніяхъ приходитъ все въ порядокъ. зачинниковъ и убійцъ выдаютъ сами поселяне. Резервные баталіоны частью уже прибыли, частью уже идутъ. Екатеринославскій баталіонъ покрытъ себя славой геройскими. Когда всѣ соберутся, я ихъ осмотрю въ Гатчинѣ и отошлю къ арміи по двѣ роты съ баталіона, ибо пора полки усилить, а къ намъ пришло и идетъ довольно рекрутъ. Я тебя жду въ такомъ случаѣ, если въ Литвѣ спокойно, въ противномъ случаѣ увѣренъ, что ты не выѣдешь, не обезопасивъ вновь ввѣренный тебѣ край. Такъ какъ Храповицкій убѣдительно проситъ его уволить отъ должности, то я назначаю на его мѣсто сенатора Горголи, человека способнаго, проворнаго и строгаго. Вотъ и все. Жена благодаритъ тебя и кланяется; она уже другой день какъ встала. Уланъ мой здоровъ. Прощай. вѣрь моей дружбѣ.

Н.

Въ видѣ дополненія къ настоящему тому помѣщаемъ двѣ статьи покойнаго Н. К. Шильдера, относящіяся къ болѣе поздней эпохѣ царствованія императора Николая Павловича. Одна изъ нихъ «Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 годахъ» была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1899 года, а другая «Императоръ Николай I и освобожденіе христіанскаго Востока»—въ «Русской Старинѣ» 1892 года.

Кромѣ того, считаемъ умѣстнымъ также помѣстить здѣсь списанные Н. К. Шильдеромъ съ подлинной рукописи отрывки изъ записокъ генераль-адъютанта графа Бенкендорфа, обнимающіе время 1832—1837 годовъ и заключающіе въ себѣ весьма важный матеріалъ для біографіи императора Николая. Изъ этихъ отрывковъ одинъ, относящійся къ 1832 году, былъ напечатанъ Н. К. Шильдеромъ въ «Русской Старинѣ» 1898 года, а два, относящіеся къ 1835 и 1837 годамъ,—въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1903 года.

Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 годахъ.

I.

Весело встрѣтили въ Петербургѣ масленицу 1848 года; начался рядъ ежедневныхъ баловъ, привлечшихъ къ себѣ вниманіе всего столичнаго общества. Всѣ эти увеселенія должны были завершиться 22-го февраля, въ воскресенье, *folle journée* у наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Въ Петербургѣ никто не предвидѣлъ въ то время приближенія той страшной политической грозы, которая готова была разразиться надъ Европою; о подобномъ бѣдствіи также мало думали, какъ и о возможности вторичнаго появленія холеры въ нашей столицѣ, — несчастія, также выпавшаго на долю злосчастнаго 1848 года. Всѣ эти печальныя событія надолго повергли умы въ самое тревожное состояніе.

21-го февраля, въ субботу, государь получилъ изъ Варшавы телеграфическую депешу, сообщавшую, что парижскія волненія побудили короля Людовика-Филиппа отказаться отъ престола въ пользу своего внука, графа Парижскаго, съ назначеніемъ регентства, въ лицѣ матери послѣдняго, вдовствующей герцогини Орлеанской.

Это извѣстіе быстро разнеслось по городу, но никто не предугадывалъ, что за отреченіемъ короля немедленно послѣдуетъ полное крушеніе Іюльской монархіи и провозглашеніе республики. Великій князь Михаилъ Павловичъ говорилъ всѣмъ: «*Vous verrez que dans deux mois ils auront une révolution complète*»,—его высочество ошибся лишь двумя мѣсяцами въ своей оцѣнкѣ парижскихъ событій.

22-го февраля, состоялся назначенный балъ у наслѣдника цесаревича. Танцующіе званы были къ двумъ часамъ передъ обѣдомъ, а въ девять часовъ вечера должны были присоединиться къ нимъ и прочіе приглашенные.

•

Гриммъ въ своей біографіи императрицы Александры Ѳеодоровны представилъ намъ слѣдующую картину этого достопамятнаго дня.

«Залы были наполнены какъ блескомъ огней, такъ и блескомъ тугалетовъ; взглядъ на беззаботную танцующую массу людей могъ породить увѣренность, что находишься въ вѣчномъ царствѣ мпра и счастья. Но вдругъ раскрываются двери шумной залы: взоры всѣхъ устремляются туда, и черезъ дверь выходитъ на середину залы императоръ, съ сумрачнымъ видомъ, съ бумагой въ рукѣ, подаетъ знакъ, музыка обрывается на полутактѣ, и танцующее общество по его мановенію замираетъ въ безмолвной неподвижности. Послѣ нѣсколькихъ секундъ боязливаго ожиданія слышали, какъ государь громовымъ голосомъ возвѣстилъ на всю залу: «Sellez vos chevaux, messieurs: la république est proclamée en France!» Затѣмъ онъ покинулъ залу, и балъ прекратился».

Такъ пишетъ Гриммъ.

Въ дѣйствительности же обстановка, при которой парижскіи вѣсти нарушили общее веселіе собраннаго во дворцѣ общества, была нѣсколько иная.

Въ 5 часовъ, въ залу, гдѣ происходили танцы, быстро вошелъ императоръ Николай Павловичъ съ какими-то бумагами въ рукѣ и сказалъ нѣсколько отрывистыхъ словъ о переворотѣ во Франціи и о бѣгствѣ короля изъ Парижа,—слова, оставшіяся непонятными для большинства присутствовавшаго здѣсь общества. Затѣмъ государь направился въ кабинетъ наследника цесаревича; за нимъ послѣдовала сперва царская фамилія, а за нею понемногу устремились туда же и прочіе приглашенные. Здѣсь государь громко прочелъ депешу, полученную отъ посланника нашего въ Берлинѣ, барона Мейендорфа, а вслѣдъ затѣмъ поручилъ принцу Александру Гессенскому (брату цесаревны) прочесть также громко чрезвычайное прибавленіе къ Берлинской газетѣ, приложенное къ этой депешѣ. Въ депешѣ было сказано, что изъ Парижа нѣтъ ни газетъ, ни писемъ, но что пріѣхавшій оттуда въ Брюссель путешественникъ сообщилъ вѣсти, которыя находящіеся въ этомъ городѣ прусскій повѣренный въ дѣлахъ передалъ своему двору, а Мейендорфъ счѣнилъ представить государю съ особою эстафетою: во Франціи была провозглашена республика.

Вечеромъ того же 22-го февраля къ цесаревичу должны были собраться остальные приглашенные. Государь вышелъ поздно обыкновеннаго и, увидѣвъ стоявшихъ вмѣстѣ князя Александра Сергѣевича Меншикова, нашего посланника въ Вѣнѣ графа Медема и статсъ-секретаря барона Модеста Андреевича Корфа, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Qu'en dites vous? Voilà donc la comédie jouée et finie et le coquin à bas. Voilà bientôt dix huit ans qu'on me taxe d'imbécile, quand je dis que son crime trouvera sa punition encore ici-bas, et pour-

tant mes prévisions viennent de s'accomplir: и подѣломъ ему, прекрасно, безподобно! il sort par la même porte par laquelle il est entré». Государь продолжалъ еще говорить нѣсколько времени въ этомъ же духѣ и повторялъ то же самое въ разныхъ концахъ залы, привѣтствуя особенно милостиво командировъ гвардейскихъ полковъ, но прибавляя, что «даетъ слово, что за этихъ бездѣльниковъ французовъ не будетъ пролито ни одной капли русской крови».

Въ дальнѣйшихъ затѣмъ разговорахъ государь высказывалъ мнѣніе, что было бы любопытно знать, что скажетъ обо всемъ случившемся Англія, и какъ желательно было бы, чтобы французы въ минутномъ неистовствѣ своемъ тотчасъ устремились на Рейнъ, «тогда, прибавилъ онъ, нѣмцы воспротивятся имъ изъ національной гордости, а не то, если французы завяжутъ дѣло у себя и дадутъ нѣмцамъ опомниться, то коммунисты и радикалы между послѣдними легко могутъ, пожалуй, затѣять что нибудь подобное и у себя».

Наслѣдникъ цесаревичъ съ своей стороны замѣтилъ, что если вообще нечего много жалѣть Людовика-Филиппа, то важенъ тутъ «le principe», и отвратителенъ тотъ вандализмъ, съ которымъ французы посягнули на истребленіе королевскихъ дворцовъ, галлерей и проч.

Очевидецъ приводить съ своихъ замѣткахъ и такое мнѣніе: одинъ изъ присутствовавшихъ восхвалялъ допетровскую Русь, когда мы были отдѣлены отъ Европы, и благодаря одушевлявшимъ въ то время русское населеніе чувствамъ, событія, подобныя случившимся теперь во Франціи, прошли бы для насъ совсѣмъ незамѣтнымъ образомъ.

Императоръ Николай оставался на балѣ очень недолго и вскорѣ удалился во внутренніе покои, сопровождаемый графомъ Нессельроде. Среди разнородныхъ чувствъ и мыслей, овладѣвшихъ собравшимся обществомъ, самый балъ уже имѣлъ видъ какой-то аномаліи. Хотя танцы и продолжались, но, повидимому, даже молодежь участвовала въ нихъ какъ бы нехотя, а изъ нетанцовавшихъ образовались во всѣхъ углахъ залы кружки, среди которыхъ толковали о случившемся до пресыщенія. Наконецъ наступило время разъѣзда. Високосный годъ взялъ таки свое, говорили многіе. Другіе, не понимавшіе духа времени и не слѣдившіе за проявленіемъ различныхъ зловѣщихъ движеній, ознаменовавшихъ въ послѣднее время жизнь европейскихъ народовъ, «витали, какъ слѣпые или какъ бы въ другомъ мірѣ», пишетъ очевидецъ. Не можетъ быть,—воскликали эти голоса,—статочное ли дѣло: все казалось такъ спокойно, мы были такъ увѣрены, что живемъ среди самой прозаической эпохи, и вдругъ, неожиданнымъ образомъ попадаемъ въ полный разгаръ революціи 1789 года!

На другой день, въ чистый понедѣльникъ, было обычное засѣданіе государственнаго совѣта, но и оно, подобно вчерашнему балу у цеса-

ревича, утратило свой обычный характеръ. Никто не слушалъ предложенныхъ дѣлъ, и шопотъ съ сосѣдями объ извѣстіяхъ изъ Парижа угрожалъ обратиться почти въ громкій разговоръ. Обычное затишье въ столичной жизни, неразлучное съ наступленіемъ великаго поста, на этотъ разъ вполне отсутствовало. Общественное вниманіе до такой степени сосредоточилось на парижскихъ происшествіяхъ, всѣ такъ были заняты высшими интересами, такъ жаждали развязки начавшейся грозной драмы, что почти не оставалось мѣста ни другимъ разговорамъ, ни другимъ помысламъ. Весь городъ былъ, такъ сказать, на ногахъ; всѣ скакали изъ дома въ домъ за новыми вѣстями, осаждали газетную экспедицію, и тѣмъ болѣе недоумѣвали и тревожились, когда оказывалось, что самыя газеты, ожидаемыя съ такимъ нетерпѣніемъ, приносили одни противорѣчія, недомолвки или извѣстія мало достовѣрныя.

22-го февраля государь, пригласилъ къ себѣ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Мерсье (Mercier de Lostende), котораго очень жаловалъ; принимая его, уже какъ частнаго человѣка, Николай Павловичъ, не стѣняясь, высказалъ ему со всею откровенностію истинныя мысли свои о Людовикѣ-Филиппѣ, заключавшіяся въ томъ, что Іюльская монархія рухнула, какъ и возникла, путемъ революціи.

Въ тотъ же день, когда Мерсье имѣлъ аудіенцію у императора, всѣ находившіеся въ Петербургѣ французы были собраны къ шефу жандармовъ, графу А. Ѳ. Орлову. Онъ передалъ имъ, именемъ государя, что они будутъ продолжать пользоваться прежнимъ покровительствомъ нашего правительства, разумѣется, при соблюденіи съ ихъ стороны совершенной тишины и спокойствія, но что, впрочемъ, каждому изъ нихъ, кто самъ пожелаетъ, предоставляется право выѣхать изъ Россіи.

Февральская революція, взволновавшая собою не только всѣ высшіе слои русскаго общества, вызвала также толки среди народа и солдатъ, которые по-своему старались объяснить смыслъ совершившихся за границею событій. Приведемъ здѣсь для примѣра одно забавное истолкованіе слова «республика» и смысла парижскаго переворота, придуманное нашими солдатами въ эту смутную пору.

Государь нашъ,—говорили они,—далъ французскому королю денегъ въ займы. Наступилъ срокъ уплаты; король не платитъ. Нечего дѣлать, государь пишетъ, пишетъ, а все толку нѣтъ; вотъ напоследокъ онъ и велѣлъ написать французскому народу, что дескать вашъ король занялъ у меня деньги, и срокъ прошелъ, а уплаты все нѣтъ; заставьте же его. И народъ разсудилъ, что государь требуетъ дѣло, и приступилъ къ своему королю: заплати да заплати, а король взялъ да и убѣжалъ съ деньгами. Вотъ народъ и разсердился, что король его такой невѣрный въ своемъ дѣлѣ; потолковали промежъ себя и положили распубликовать его по всей землѣ, сдѣлали распублику.

Явилась также остроумная карикатура. Представлены три бутылки, одна съ шампанскимъ, пробка вылетѣла, и въ искристомъ фонтанѣ вышибаетъ изъ бутылки корону, тронъ, конституцію, короля, принцевъ, министровъ и проч. Это — Франція. Другая съ чернымъ густымъ пивомъ; изъ мутной влаги выжимаются короли, гротгерцоги, герцоги и т. п. Это — Германія. Наконецъ третья бутылка — съ русскимъ пѣнникомъ; пробка обтянута крѣпкой бичевкой и на ней казенная печать съ орломъ. Не нужно прибавлять, что это — Россія.

II.

Начавшееся въ февралѣ революціонное движеніе въ Европѣ не ограничилось одною Франціей. Опасенія, высказанныя императоромъ Николаемъ Павловичемъ, не замедлили оправдаться: нѣмцы дѣйствительно затѣяли нѣчто подобное и у себя. Вскорѣ послѣдовали одна за другою вѣсти о смутахъ въ Германіи и наконецъ даже въ Вѣнѣ, въ тогдашнемъ центрѣ европейскаго консерватизма, восторжествовавшая революція обратила въ бѣгство князя Меттерниха.

Переворотъ, совершившійся съ такою легкостью въ Парижѣ, не замедлилъ отразиться на настроеніи императора Николая Павловича, придавъ ему на первыхъ порахъ воинственный оттѣнокъ.

Владимиръ Ивановичъ Панаевъ сохранилъ въ своихъ запискахъ любопытный разсказъ князя Петра Михайловича Волконскаго о первомъ докладѣ его у государя, 23-го февраля, на другой день послѣ описаннаго нами бала у наслѣдника цесаревича.

«Министръ возвратился отъ доклада съ раскраснѣвшимися щеками, — пишетъ Панаевъ. — Это было всегда для меня знакомъ, что онъ имѣлъ съ государемъ какое нибудь преніе.

«— Вы, кажется, взволнованы, ваша свѣтлость?

«— Да.

«— Отъ чего?

«— Поспорилъ съ государемъ.

«— О чемъ?

«— Хочетъ воевать.

«Хотя сейчасъ догадался, въ чемъ дѣло, но, желая болѣе ввести князя въ разговоръ, спросилъ: «съ кѣмъ?»

«— Съ французами.

«— За что?

«— За то, что прогнали Филиппа.

«— Да вѣдь онъ не жалуетъ Филиппа.

«— Ну, вотъ, подите. Говорить, что черезъ два мѣсяца поставить на Рейнъ 300.000 войска. На это я замѣтилъ ему, что у него не

найдется столько войскъ, чтобы отдѣлить на Рейнъ 300.000, а есть ли деньги, безъ которыхъ нельзя воевать? — «Деньги? — возразилъ государь: — да какъ же вы съ Александромъ Павловичемъ вели три года такую большую войну? Нашлись же деньги». — «Но развѣ вы не знаете, что мы вели ее на чужія деньги? Англія осыпала насъ субсидіями, а попробуйте-ка попросить теперь — не дадутъ ни гроша». — «Ну, — продолжалъ князь, — кажется, я прохладилъ его жаръ, думаю, что отступится отъ своего намѣренія».

Князь Волконскій былъ правъ, сдѣлавъ это заключеніе. Такъ и случилось. Благоразуміе и государственная предусмотрительность одержали верхъ въ умѣ государя надъ этими порывами личнаго мужества, направленными къ безкорыстному поддержанію законнаго порядка въ Европѣ. Онъ остановился на томъ, чтобы отнюдь не предпринимать ничего ни противъ Франціи, ни противъ другихъ государствъ, пока они будутъ ограничиваться одними внутренними своими дѣлами, но быть всегда готовымъ на случай, если бы дѣйствія ихъ нарушили внѣшній миръ. Руководствуясь этими соображеніями, императоръ Николай Павловичъ предназначилъ выдвинуть съ весны сильную армію къ нашимъ западнымъ границамъ. Въ этомъ смыслѣ посланы были инструкціи нашимъ дипломатическимъ представителямъ за границую.

Не всѣ, однако, приближенные къ императору Николаю Павловичу лица рѣшились бы, подобно князю Волконскому, высказать государю въ минуты его воинственнаго одушевленія столько правды и въ столь рѣзкой формѣ; едва ли старый ветеранъ Александровскаго царствованія напелъ бы много подражателей. Для подтвержденія этой истины достаточно указать на образъ дѣйствій князя Варшавскаго, находившагося во время этихъ происшествій въ Петербургѣ. На взглядахъ, высказываемыхъ фельдмаршаломъ, ясно отражалось то же воинственное увлеченіе, черезъ которое прошелъ и государь. «Къ веснѣ, — говорилъ знаменитый «отецъ-командиръ», — мы можемъ выставить 370.000 войска и съ нимъ поидемъ и раздавимъ всю Европу».

— Очень хорошо, да гдѣ жъ возьмете вы на эту армію деньги? — возразилъ ему графъ Павелъ Дмитриевичъ Киселевъ.

— Деньги! всякій дастъ, что у него есть, и я самъ пошлю продать послѣдній мой серебряный сервизъ.

— Ну, не велики еще будутъ эти деньги; да другой вопросъ: кому же командовать вашей арміей? — спросилъ графъ Киселевъ.

— Кому? А на что жъ Паскевичъ? — отвѣтилъ разгнѣванный фельдмаршалъ. — Кто поправилъ Ермолова грѣхи, кто Дибичевы? кто во всей новѣйшей исторіи счастливо и съ полнымъ успѣхомъ совершилъ пять штурмовъ? Все тотъ же Паскевичъ. Авось, Богъ дастъ ему теперь не ударить лицомъ въ грязь!

Но по прошествіи нѣсколькихъ дней Паскевичъ совершенно пере-
мѣнилъ тонъ: онъ уже началъ говорить о безполезности внѣшнихъ
съ нашей стороны дѣйствій и о большей необходимости охранять внут-
реннее спокойствіе. Однимъ словомъ, при своемъ отъѣздѣ, 29-го фе-
враля, въ Варшаву, фельдмаршалъ уже былъ настроенъ совсѣмъ на
другой ладъ и являлся сторонникомъ мира.

III.

Въ эти смутныя времена положеніе императора Николая Павло-
вича было, конечно, однимъ изъ самыхъ тягостныхъ. Съ его привязан-
ностью къ монархическому началу, имѣя близкихъ ему или его семьѣ
лицъ почти во всѣхъ дворахъ Германіи, а въ одномъ изъ нихъ и род-
ную дочь, онъ принужденъ былъ оставаться въ бездѣйствіи, смотрѣть,
какъ рушились вокругъ него престолы, и попирались среди револю-
ціоннаго вихря, охватившаго всю Европу, священные преданія преж-
нихъ политическихъ вѣрованій. Каждая телеграфическая депеша сооб-
щала, каждый курьеръ привозилъ извѣстія о новыхъ требованіяхъ на-
родовъ и о новыхъ уступкахъ, сдѣланныхъ правительствами, потеря-
вшими окончательно голову. Революція повсемѣстно торжествовала, а
потому можно было быть увѣреннымъ, что молчаніе Россіи не будетъ
продолжительнымъ.

9-го марта, во время прогулки по Большой Морской, государь встрѣ-
тилъ статсъ-секретаря барона Корфа. «Ну, что,—сказалъ ему импера-
торъ,—хороши вѣскія штуки! Я собираюсь позвать тебя къ себѣ и по-
ручить новую работу. Надо будетъ написать манифестъ, въ которомъ
показать, какъ всѣ эти гадости начались, развились, охватили всю
Европу и, наконецъ, отпрянули отъ Россіи. *Le tout ne doit pas être long, mais énoncé avec dignité et énergie*, чтобъ было порѣзче. Подожду
еще нѣсколько, посмотримъ, какія будутъ дальше извѣстія, а тамъ по-
зову тебя и надѣюсь, что ты не откажешься отъ этого труда».

Дѣйствительно, государь призвалъ къ себѣ барона Корфа черезъ
нѣсколько дней, 13-го марта, въ субботу, къ 12-ти часамъ, по полу-
ченіи извѣстія о революціи въ Берлинѣ. Баронъ Корфъ явился въ на-
значенное время и взялъ съ собою составленный имъ послѣ разговора
съ государемъ проектъ манифеста. Передъ кабинетомъ императора
Корфъ встрѣтилъ выходившаго оттуда графа Нессельроде. — *L'empereur veut vous charger d'écrire un manifeste approprié aux circonstances*, сказалъ графъ. Въ отвѣтъ на эти слова Корфъ разсказалъ канц-
леру о встрѣчѣ съ государемъ и о заготовленномъ проектѣ. Нессель-
роде сообщилъ тогда, что государь уже написалъ свой проектъ мани-

феста, котораго онъ, канцлеръ, еще не читалъ; но прибавилъ, что просилъ государя приказать сообщить ему окончательную редакцію, для соображенія ея въ видахъ дипломатическихъ. Тогда Корфъ предложилъ графу Нессельроде выслушать привезенный проектъ манифеста, канцлеръ не только исполнивъ его одобрилъ, но и просилъ доложить государю, что съ своей стороны не видитъ надобности перемѣнить въ немъ ни одного слова.

Спустя нѣсколько минутъ, когда Нессельроде уже уѣхалъ, изъ кабинета государя вышелъ графъ А. Ѳ. Орловъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи, утирая рукою слезы: «Ахъ, Боже мой, — сказалъ онъ, обратившись къ барону Корфу, — что за человѣкъ этотъ государь! Какъ онъ чувствуетъ, какъ пишетъ! Сейчасъ прочелъ онъ мнѣ свои идеи по манифесту, который хочетъ поручить вамъ написать; я отвѣчалъ, что это не идеи, а уже совсѣмъ готовый манифестъ, и что лучше, конечно, никто не напишетъ. *Et effectivement, vous pourriez y mettre un peu plus de style, plus d'élégance, mais jamais personne ne pourra parler avec autant d'énergie, de sentiment et de cœur. C'est juste ce qu'il faut à notre nation. Impossible de faire mieux*».

Едва Орловъ успѣлъ это сказать, какъ его собесѣдника позвали къ государю.

Императоръ Николай Павловичъ стоялъ въ кабинетѣ у письменнаго стола. — «*Qu'est ce que vous avez là?*» — спросилъ государь.

«У меня былъ въ рукахъ мой проектъ, — пишетъ баронъ Корфъ въ своихъ запискахъ.

«— *Sire, comme vous avez daigné m'énoncer vos idées au sujet du manifeste, j'ai cru de mon devoir d'en tracer un canevas.*

«— Ну, хорошо, nous verrons cela après, а теперь я прочту тебѣ свои идеи, которыя ты потомъ потрудишься привести въ порядокъ.

«И государь началъ читать мнѣ свой проектъ, прерывая нѣсколько разъ чтеніе для словесныхъ объясненій. Многозначительность предмета, торжественность минуты, выразившіяся въ проектѣ высокія чувства, образъ чтенія, наконецъ, можетъ быть, и то впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго отъ словъ Орлова я вошелъ въ кабинетъ, привели и меня въ невольный восторгъ. Когда государь кончилъ, я бросился къ его рукѣ, но онъ не допустилъ и обнять меня. — Какое счастье, какое благословеніе неба, — вскричалъ я, — что въ эти страшныя минуты Россія имѣетъ васъ, государь, васъ съ вашею энергіею, съ вашею душою, съ вашею любовью къ намъ!

«Содержаніе отвѣта состояло въ томъ, что мыслимъ и чувствуемъ мы все одинаково, а, бывъ поставленъ во главѣ, онъ, конечно, не можетъ оставить и никогда не оставитъ дѣла. Но моего проекта государь уже не спросилъ и болѣе о немъ не вспоминалъ.

«— Теперь, — сказалъ онъ, — поѣзжай домой и уложи все это хорошенько на бумагу.

«— И потомъ прикажете прислать къ вашему величеству?

«— Нѣтъ, принеси опять самъ. Я буду дома въ три часа, или, пожалуй, и вечеромъ.

«Въ передней камердинеръ объявилъ мнѣ волю наследника цесаревича, чтобы отъ государя я зашелъ къ его высочеству. Цесаревичъ уже зналъ, зачѣмъ я былъ у государя, но, кажется, еще не видалъ проекта; по крайней мѣрѣ, взявъ его отъ меня, тутъ же прочелъ про себя и, прослезившись, сказалъ: «Я очень радъ, что выборъ государевъ въ этомъ дѣлѣ палъ на васъ; вотъ вамъ еще одно драгоценное воспоминаніе на цѣлую жизнь».

«Дома, въ типш кабинета и съ перомъ въ рукѣ, нѣкоторыя изъ выраженій проекта, казавшіяся мнѣ, при живомъ чтеніи государя и при собственной мой восторженности, пресвходно-умѣстными, предстали въ другомъ свѣтѣ. Иное имѣло видъ вызова къ войнѣ; другое какъ бы указывало на угрозы намъ извнѣ, которыхъ ни отъ кого не было; третье, наконецъ, проявляло надежды на побѣду, когда не имѣлось еще въ виду никакой брани. Но такъ какъ собственный мой проектъ, веденный отъ другой основной идеи, остался непрочитаннымъ, то мнѣ и надо уже было, въ качествѣ просто редактора, ограничиться однимъ изложеніемъ даннаго эскиза съ сохраненіемъ, по возможности, даже самыхъ его словъ. Въ три часа я былъ опять во дворцѣ.

«Поутру государь принялъ меня въ офиціальномъ своемъ кабинетѣ, наверху, а въ это время — въ домашнемъ, внизу.

«— Какъ, ты уже готовъ? — спросилъ онъ, увидѣвъ меня.

«— Мой трудъ, государь, былъ не великъ: мнѣ оставалось почти только переписать написанное вами.

«— Ну, нѣтъ, я, признаюсь, не великій мастеръ на редакторство; voilà.

«И я вслѣдъ затѣмъ прочелъ привезенную бумагу, а кончивъ взглянулъ на государя. У него текли слезы. Видно было, что онъ всею душою слѣдилъ за этимъ выраженіемъ заветныхъ его мыслей и чувствъ.

«— Очень хорошо, — сказалъ онъ, — передѣлывать тутъ, кажется, нечего.

«— Дозвольте, государь, повергнуть на ваше усмотрѣніе одну только мысль.

«— Что такое? Говори.

«— Не позволите ли включить въ манифестъ хотя два слова о дворянствѣ: оно всегда окружало престолъ своею преданностью, и особенный призывъ отъ васъ польститъ лучшему его чувству.

— Я самъ объ этомъ думать, и сперва, въ черновомъ моемъ проектѣ, именно сказано было: всѣ государственныя сословія; но послѣ мнѣ показалось, что слово сословіе не совсѣмъ уместно при теперешнемъ духѣ и обстоятельствахъ. Гдѣ же полагалъ бы ты сказать о дворянствѣ?

Я указалъ мѣсто. Онъ перечелъ раза два или три громко это мѣсто и, пробѣжавъ потомъ снова про себя весь проектъ, сказалъ:

«— Нѣтъ, право, и такъ очень хорошо; если упоминать отдѣльно о дворянствѣ, то прочія состоянія могутъ огорчиться, а вѣдь это еще не послѣдній манифестъ; вѣроятно, что за нимъ скоро будетъ и второй, уже настоящее воззваніе, и тогда останется время обратиться къ дворянству, а теперь пусть будетъ такъ, какъ есть. Я попрошу только тебя съѣздить къ Нессельроде и показать ему нашъ проектъ; онъ очень взыскателенъ на выраженія и въ теперешнихъ обстоятельствахъ совершенно въ томъ правъ. Если онъ сдѣлаетъ какія нибудь замѣчанія, то пріѣзжай опять ко мнѣ сказать объ нихъ, если жъ нѣтъ, такъ отдавай съ Богомъ въ переписку, или... знаешь что, перепиши лучше самъ своею рукою, а теперь покуда прощай, и большое спасибо».

Изъ дворца баронъ Корфъ, согласно приказанію государя, отправился къ канцлеру. Нессельроде, прочитавъ проектъ, остановился именно на тѣхъ же замѣчаніяхъ, о которыхъ упоминаетъ редакторъ манифеста въ своемъ разсказѣ; но какъ они относились къ основнымъ идеямъ, отъ которыхъ, по предположенію графа Нессельроде, государь ни въ какомъ случаѣ не отступилъ бы, то канцлеръ отказался отъ всякихъ возраженій и предпочелъ оставить все, какъ было написано.

Манифестъ, переписанный рукою барона Корфа, былъ подписанъ въ тотъ же день, въ субботу, 13-го числа; но государь выставилъ на немъ 14-е марта. Въ ночь успѣли его напечатать, а въ воскресенье манифестъ былъ прочитанъ всенародно во всѣхъ петербургскихъ церквахъ, а вслѣдъ за нимъ, по распоряженію государя, проиѣтъ вездѣ тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя».

Въ воскресенье, рано утромъ, у наслѣдника цесаревича всегда собирались полковые командиры и адъютанты всей гвардейской пѣхоты, которою онъ въ то время начальствовалъ. Цесаревичъ самъ прочелъ имъ манифестъ. По мѣрѣ чтенія все болѣе и болѣе, видимо для всѣхъ, возрастало его волненіе, такъ что послѣднія строки были произнесены совершенно дрожащимъ и прерывавшимся голосомъ. Окончивъ чтеніе манифеста, онъ первый возгласилъ «ура». Тутъ раздался общій нескончаемый крикъ; всѣ бросились цѣловать ему руки, и, по свидѣтельству современника, «сцена достигла высшей степени умленія». Между тѣмъ находившіяся тутъ же маленькія дѣти цесаревича, испуганныя страшнымъ крикомъ, съ своей стороны также начали плакать, такъ что пришлось ихъ унести.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Грозный манифестъ императора Николая Павловича 1848 года возбуждалъ слѣдующее:

«Послѣ благословеній долготѣшняго мира западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими испроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

«Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи, и, разливаясь повсемѣстно съ наглостію, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся, наконецъ, и союзныхъ намъ имперіи Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ въ безуміи своемъ и нашей Богомъ намъ вѣренной Россіи.

«Но да не будетъ такъ!

«По заветному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ на помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ съ святою нашею Русью защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

«Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный нашъ, отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя; что древній нашъ возгласъ: за вѣру, царя и отечество, и нынѣ предугажетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святого на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ:

«Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!»

Появленіе манифеста 14-го марта навело В. И. Панаева на слѣдующія размышленія:

«Этотъ грозный манифестъ, въ которомъ порядочно досталось всѣмъ революціонерамъ, произвелъ на тогдашнихъ демагоговъ, а ихъ полна была Европа, самое непріятное и враждебное для насъ впечатлѣніе, которое и не замедлили они выразить въ своихъ журналахъ и выказать на дѣлѣ, стараясь возмутить Польшу. Думаю, что государь поступилъ бы осмотрительнѣе, если бы вмѣсто барона Корфа потребовалъ къ себѣ старика князя Волконскаго. Можетъ быть, тогда манифестъ этотъ остался бы не изданнымъ, и мы имѣли бы менѣе враговъ за границею. Но Николай Павловичъ зналъ, что встрѣтить въ князѣ противорѣчіе, и потому, къ сожалѣнію, не позвалъ его».

Благодаря полному отсутствію въ Россіи въ 1848 году политической прессы, нельзя встрѣтить въ изданіяхъ того времени какой либо оцѣнки правительственнаго акта 14-го марта; единственное исключеніе составлялъ «Journal de St.-Petersbourg», издававшійся при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Графъ Нессельроде призналъ необходимымъ помѣстить въ своемъ органѣ объясненіе истиннаго смысла и значенія обнародованнаго манифеста.

Приведемъ здѣсь содержаніе статьи, напечатанной тогда въ «Journal de St.-Pétersbourg»:

«Мы надняхъ сообщили высочайшій манифестъ, изданный по случаю смутъ, волнующихъ нынѣ Западную Европу. Всякій вѣроподданный царя, конечно, понялъ значеніе сего манифеста. Это возгласъ вѣры, возгласъ отечества, намъ сродный языкъ, которымъ русскіе цари во дни испытанія обыкновенно зываютъ къ своему народу. Но за границею дѣйствія нашего правительства часто перетолковываются совершенно въ превратномъ смыслѣ, а потому мы считаемъ не излишнимъ войти въ нѣкоторыя объясненія, дабы предупредить тѣ ложныя заключенія, которыя иностранцы вздумали бы выводить изъ означеннаго манифеста.

«Весьма заблуждались бы тѣ, которые полагали бы, что въ этомъ манифестѣ заключается что либо, могущее возбудить опасенія касательно нарушенія мира. Ничего подобнаго нѣтъ въ помыслахъ нашего правительства. Но при непріязненныхъ чувствахъ, явно возбуждаемыхъ противъ насъ за границею, ничего не могло быть естественнѣе воззванія царя къ русскимъ сердцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, не только во Франціи, гдѣ даже власти принимаютъ участіе въ замыслахъ польскихъ выходцевъ, но въ Венгріи, въ Пруссіи и въ Германіи, вездѣ раздавались враждебные противъ Россіи клики. Эти клики повторяемы были въ публичныхъ совѣщаніяхъ разныхъ сословій, въ представительныхъ собраніяхъ и даже въ полуофіціальныхъ газетахъ. Правительствамъ, которыя были низвергнуты или преобразованы были мятежемъ, ставили въ вину, что они находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нашимъ дворомъ. Лишь только узнали о событіяхъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ провозглашеніе республики во Франціи, намъ тотчасъ стали приписывать воинственные замыслы. Громогласно отвергали союзъ съ Россіей тогда, когда не могли даже знать, намѣрены ли мы проливать кровь свою изъ-за чуждыхъ намъ распрей. Россію старались представлять какимъ-то страшилищемъ. Тогда какъ мы никому не думали грозить, стали угрожать намъ самимъ, какъ бы желая тѣмъ предупредить всякое со стороны нашей вмѣшательство.

«Мы только можемъ удивляться подобнымъ изъявленіемъ; ибо мы не мнимъ, чтобъ въ нашъ вѣкъ Россія когда либо нарушила права Германіи, или въ чемъ либо посягнула на ея независимость.

«Достопамятныя событія 1812 года свидѣтельствуютъ о томъ, съ чьей стороны предпринято было непріязненное нападеніе; исторія указываетъ, въ пользу ли или во вредъ германскимъ народамъ послужило участіе, тогда принятое нами въ ихъ дѣлахъ.

«Пусть же успокоятся умы, напрасно встревоженные. Ни въ Германіи, ни во Франціи Россія не намѣрена вмѣшиваться въ правительственныя преобразованія, которыя уже совершились, или же могли бы

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

еще послѣдовать. Россія не помышляетъ о нападеніи: она желаетъ мира, нужнаго ей, чтобы спокойно заниматься постепеннымъ развитіемъ внутренняго своего благосостоянія.

«Пусть народы Запада ищутъ въ революціяхъ того мнимаго благополучія, за которымъ они гоняются. Пусть каждый изъ этихъ народовъ по своему произволу избираетъ тотъ образъ правленія, который признаетъ наиболѣе себя свойственнымъ. Россія, спокойно взирая на таковыя попытки, не принимаетъ въ нихъ участія, не будетъ противиться онымъ; она не позавидуетъ участи сихъ народовъ даже и въ томъ случаѣ, если бы и дѣйствительно изъ нѣдръ безначалія и безпорядковъ возникла наконецъ для нихъ лучшая будущность.

«Что касается до Россіи, то она спокойно ожидаетъ дальнѣйшаго развитія общественнаго своего быта какъ отъ времени, такъ и отъ мудрой заботливости своихъ царей.

«Всякое общественное устройство, всевозможныя, даже самыя усовершенствованныя, формы правленія имѣютъ свои недостатки. Зная это, Россія почитаетъ первымъ для себя благомъ незыблемость существующаго въ оной законнаго порядка; такъ какъ безъ этого не можетъ существовать ни политическаго могущества внѣ государства, ни кредита, ни торговли, ни промышленности, ни народнаго богатства внутри онаго, то Россія не попуститъ, чтобы поколебали благонадежныя и прочныя ея установленія, столь для нея драгоцѣнныя. Она не потерпитъ, чтобы чужеземные возмутители раздували въ предѣлахъ ея пламя мятежа; чтобы подъ предлогомъ возстановленія исчезнувшихъ народностей покусились отторгнуть какую либо часть, составляющихъ въ совокупности своей цѣлость и единство имперіи.

«Если же наконецъ изъ хаоса всѣхъ политическихъ переворотовъ, всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ о взаимныхъ правахъ, всѣхъ противоположныхъ стремленій суждено возникнуть войнѣ, то Россія въ свое время разсмотритъ, соотвѣтственно или нѣтъ ея выгодамъ вмѣшиваться, и до какой именно степени, въ распри между тѣмъ и тѣмъ государствомъ, тѣмъ и тѣмъ народамъ.

«Но она не упуститъ изъ виду того распредѣленія границъ между государствами, тѣхъ взаимныхъ правъ владѣнія, кои освящены ея речательствомъ, и рѣшительно не потерпитъ, чтобы въ случаѣ измѣненія политическаго равновѣсія и иного какого либо распредѣленія областей подобное измѣненіе обратилось въ ущербъ имперіи.

«Дотолѣ она будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ. Не предпринимая никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, она будетъ бдительнымъ окомъ слѣдить за ходомъ событій. Однимъ словомъ, Россія не станетъ нападать ни на кого, если только на насъ самихъ нападать не будутъ; она строго воздержится отъ всякаго посягательства на независимость и

неприкосновенность сосѣдственныхъ областей, если и сосѣдственныя области съ своей стороны не посягнуть на собственную ея неприкосновенность и независимость».

Въ заключеніе остается сказать, что, несмотря на всѣ комментаріи графа Нессельроде, въ Западной Европѣ продолжали смотрѣть на манифестъ 1818 года, какъ на вызовъ со стороны Россіи. Въ самой же имперіи манифестъ далеко не способствовалъ къ успокоенію умовъ. Одни видѣли въ немъ воззваніе къ войнѣ, другіе полагали, что предстоитъ готовиться уже и внутри Россіи къ смутамъ и безпорядкамъ; многіе же признавали изданіе манифеста преждевременнымъ. Между тѣмъ, вникая ближе въ свойства характера императора Николая Павловича, слѣдуетъ признать, что избранная имъ форма проявленія своей державной воли была вполне естественною и не могла быть иною. Одушевлявшее государя чувство возстановить мощною рукою нарушенный въ Европѣ законный порядокъ настолько соответствовало самымъ заветнымъ его мыслямъ, что никакія убѣжденія, никакіе доводы, внушаемые благоразумною осторожностію, не могли бы отклонить его отъ принятаго рѣшенія; поле для дѣйствія въ желаемомъ государемъ смыслѣ пока еще не открывалось, а потому тѣмъ болѣе неудержимо влекло его высказаться, по крайней мѣрѣ, во всеуслышаніе о политическомъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, и, конечно, сдѣлать это со свойственнымъ ему рыцарскимъ прямодушіемъ.

19-го марта 1848 года, въ годовщину занятія нашею арміею Парижа въ 1814 году, началось выступленіе первыхъ частей войскъ къ нашей западной границѣ, на случай возможной войны.

IV.

Хотя въ Россіи господствовало въ 1848 году полнѣйшее спокойствіе и, по выраженію одного писателя, «все казалось поконченнымъ, запакованнымъ и за пятью печатами сданнымъ на почту для выдачи адресату, котораго заранее предположено не разыскивать», но, тѣмъ не менѣе, политическое броженіе на западѣ Европы все-таки отразилось на нашихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Явилась возможность провести въ жизнь нѣкоторую реакцію. Задача была не изъ легкихъ при тогдашнихъ условіяхъ жизни въ Россіи, но усердіе нѣкоторыхъ сторонниковъ реакціоннаго направленія добилось осуществленія своихъ предположеній.

Уже во время описаннаго выше бала въ Зимнемъ дворцѣ, 22-го февраля, князь А. С. Меншиковъ нашелъ возможнымъ сказать цесаревичу, что у насъ явно идетъ «подкопная работа либерализма», которая отзывается и въ преподаваніи наукъ и въ направленіи журналовъ.

«Да, очень дурны журналы, — отвѣчалъ ему цесаревичъ, — и ежели что въ нихъ такое встрѣтится, то покажите мнѣ»¹.

Подобная же мысль пришла въ голову и статсъ-секретарю, барону М. А. Корфу. Но онъ не ограничился разговоромъ, а прибѣгъ и къ перу. По его мнѣнію, нельзя было не обратить вниманія на нашу журналистику, въ особенности же на два журнала «Отечественныя Записки» и «Современникъ». Оба журнала, пользуясь, какъ пишетъ баронъ Корфъ, «малоразуміемъ тогдашней цензуры, позволяя себѣ печатать Богъ знаетъ что и, по проповѣдуемымъ ими подъ разными иносказательными, но очень прозрачными для посвященныхъ формами, коммунистическимъ идеямъ, могли сдѣлаться небезопасными для общественнаго спокойствія. Безпрерывно размышляя о томъ, чѣмъ можно было бы его оградить и упрочить въ виду судорожныхъ движеній Запада, я набросалъ нѣсколько мыслей о дѣйствіяхъ нашихъ періодическихъ изданій и цензуры; но долго колебался дать имъ ходъ изъ опасенія явиться въ глазахъ другихъ, а еще болѣе въ своихъ собственныхъ, какимъ-то доносчикомъ. Разсудивъ, однако, что жертвовать на общее благо ничтожною своею личностію есть священный долгъ каждаго изъ насъ въ такое опасное время болѣе, чѣмъ когда либо, что я буду тутъ дѣйствовать, не какъ частный человѣкъ, а въ качествѣ члена правительства, и что, говоря лишь о фактахъ, а не о лицахъ, удалю отъ себя, въ собственной совѣсти, всякое нареканіе въ презрѣнномъ доносѣ, я рѣшился отвезти мою записку къ наслѣднику цесаревичу. Не заставъ его высочество, я зашелъ съ нею къ великому князю Константину Николаевичу, который остался чрезвычайно доволенъ моею запискою и совѣтовалъ непремѣнно отослать къ наслѣднику, не теряя времени».

Баронъ Корфъ исполнилъ данный ему совѣтъ и отослалъ записку къ цесаревичу 23-го февраля вечеромъ, на другой день по полученіи извѣстія о провозглашеніи во Франціи республики.

23-го февраля баронъ Корфъ былъ приглашенъ обѣдать къ наслѣднику, который объявилъ своему гостю, что государь учредилъ подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова особый комитетъ, состоящій изъ графа Александра Григорьевича Строганова (бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ), Дмитрія Петровича Бутурлина и барона Корфа. «Ваша записка пришла какъ нельзя болѣе кстати», — прибавилъ цесаревичъ. — «Вчера вечеромъ у государя былъ разговоръ именно объ этомъ, а, воротясь къ себѣ и найдя вашу бумагу, я сегодня же отнесъ ее къ батюшкѣ, и онъ, прочитавъ, оставилъ у себя для объясненія съ Орловымъ, котораго ждалъ въ эту минуту».

¹ Изъ дневника князя А. С. Меншикова 1848 года.

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

27-го февраля члены вновь созданнаго комитета получили отъ шефа жандармовъ, графа Орлова, слѣдующее официальное извѣстіе:

«По дошедшимъ до государя императора изъ разныхъ источниковъ свѣдѣніямъ о весьма сомнительномъ направленіи нашихъ журналовъ, его императорское величество, по докладѣ моемъ по сему предмету, собственноручно написать изволить:

«Необходимо составить особый комитетъ, чтобы рассмотреть, правильно ли дѣйствуетъ цензура, и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы. Комитету донести мнѣ съ доказательствами, гдѣ пойдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, т.-е. министерства народнаго просвѣщенія, и которые журналы и въ чемъ вышли изъ своей программы. Комитету состоять подъ предѣлательствомъ князя Меншикова изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, статсъ-секретаря Корфа, генералъ-адъютанта графа Строганова 2 и статсъ-секретаря Дегаля¹. Увѣдомить о семъ кого слѣдуетъ и занятія комитета начать немедленно».

Князь Меншиковъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

«Получилъ отъ графа Орлова сообщеніе высочайшаго повелѣнія, что мнѣ быть предѣлателемъ комитета о проступкахъ цензуры въ пропускѣ недозволенныхъ статей въ журналахъ, т.-е. родъ слѣдствія надъ министромъ просвѣщенія графомъ Уваровымъ; порученіе весьма непріятное».

4-го марта состоялось у князя Меншикова первое засѣданіе комитета, а 7-го марта государь призвалъ его «для отмѣны послѣдовавшаго сего же дня приказанія призвать редакторовъ журналовъ въ Третье Отдѣленіе для внушенія имъ не либеральничать въ газетахъ. Порученіе это,—пишетъ князь Меншиковъ,—возложено на мой цензурный комитетъ. Причиною тому графъ Орловъ, который не хотѣлъ принять на свою часть этого порученія и съ такимъ сердцемъ, что государь ему уступилъ. По этому случаю я имѣлъ съ Орловымъ размовку. При семъ государь приказалъ мнѣ объявить Уварову, чтобы съ завтрашняго дня всѣ статьи журнальныя были подписаны редакторами. По этому случаю я былъ у Уварова, который убѣдился, что я не инквизиторъ».

11-го марта на засѣданіе цензурнаго комитета, собраннаго въ залѣ адмиралтействъ-совѣта, призваны были редакторы журналовъ, издаваемыхъ въ Петербургѣ, и имъ объявлено, что «за напечатаніе либеральныхъ и коммунистическихъ статей они подвергнутся личному взысканію, независимо отъ отвѣтственности цензуры».

Учрежденный тогда комитетъ просуществовалъ слишкомъ мѣсяцъ; онъ привелъ къ тому, что у государя родилась мысль учредить подѣ

¹ Вслѣдъ затѣмъ къ составу комитета присоединенъ былъ еще начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ Дубельтъ.

непосредственнымъ своимъ руководствомъ всегдашній безгласный надзоръ за дѣйствіями нашей цензуры. Съ сею цѣлью вмѣсто прежняго временнаго комитета учрежденъ былъ 2-го (14-го) апрѣля 1848 года постоянный, изъ члена государственнаго совѣта, Д. Н. Бутурлина, и статсъ-секретарей, барона Корфа и Дегая, съ обязанностію представлять свои замѣчанія и предположенія непосредственно государю. Сначала надзоръ этого комитета предполагалось ограничить одними лишь періодическими изданіями; но потомъ онъ распространенъ былъ на все вообще произведенія нашего книгопечатанія. Призвавъ къ себѣ трехъ членовъ вновь образованнаго комитета, императоръ Николай объявилъ, что поручаетъ имъ это дѣло по особому, какъ онъ выразился, безграничному своему довѣрію. «Такъ какъ самому мнѣ некогда читать все произведенія нашей литературы, — сказалъ государь, — то вы станете дѣлать это за меня и доносить мнѣ о вашихъ замѣчаніяхъ, а потомъ мое уже дѣло будетъ расправляться съ виновными».

Комитетъ этотъ, какъ его называетъ баронъ Корфъ, родъ нароста въ нашей администраціи, существовалъ до 1856 года подъ названіемъ Комитета 2-го апрѣля; личный составъ комитета только видоизмѣнялся, и въ заключеніе косвенный творецъ его, баронъ Корфъ, сдѣлался предсѣдателемъ комитета до упраздненія имъ же вызваннаго къ жизни нароста въ нашей администраціи. Такимъ образомъ образовалась у насъ двойная цензура въ 1848 году, предварительная, въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ, просматривавшая до печати, и взыскательная, или карательная, подвергавшая своему разсмотрѣнію только уже напечатанное и привлекавшая, съ утвержденія и именемъ государя, къ отвѣтственности, какъ цензоровъ, такъ и авторовъ за все, что признавала предосудительнымъ или противнымъ видамъ правительства¹. Спрашивается: какимъ образомъ могла существовать при такихъ условіяхъ какая бы то ни было печать? Кончилось тѣмъ, какъ ниже будетъ рассказано, что даже государь получилъ, по невѣдѣнію комитета, такъ сказать, выговоръ отъ этого учрежденія.

¹ Разсуждая впоследствии уже въ царствованіе императора Александра II-го объ этомъ комитетѣ въ своихъ запискахъ, баронъ Корфъ нашелъ возможнымъ разомъ похвалить учрежденіе комитета и вмѣстѣ съ тѣмъ его упраздненіе. Этотъ бюрократическій фокусъ заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь дословно:

«Если въ эпоху своего учрежденія, когда министерствомъ народнаго просвѣщенія управлялъ еще графъ Уваровъ, цѣль и надобность особаго тайнаго надзора оправдывались тѣмъ, что министръ утратилъ прежнее довѣріе государя, и если въ началѣ своего существованія комитетъ нашъ, по глубокому моему убѣжденію (?), принесъ большую и существенную пользу, то дальнѣйшее продолженіе этого вишняго посторонняго надзора, при преемникахъ Уварова, когда все постепенно вошло въ законные предѣлы, сдѣлалось уже совершенною аномаліею и только парализовало дѣйствіе и власть самого министерства, вредило косвенно всякому полезному развитію и успѣхамъ отечественной письменности. Эти обстоятельства были удостоены высочайшаго вниманія (въ 1856 году), и вслѣдствіе того комитетъ 2-го апрѣля, по неслыханнѣйшему докладу моему, закрытъ».

Князь Меншиковъ рассказываетъ, что по учрежденіи комитета 2-го апрѣля Д. П. Бутурлинъ былъ въ большихъ попыхахъ и признавался ему, что онъ находится въ затруднительномъ положеніи, ибо не можетъ себя дать отчета, въ чемъ состоятъ должны обязанности комитета, котораго онъ былъ председателемъ. Встрѣтивъ барона Корфа въ государственномъ совѣтѣ, князь Меншиковъ нашелъ его блѣднымъ, желчнымъ и разстроеннымъ негласнымъ доносомъ; ударъ направленъ былъ противъ графа Уварова, и Корфъ надѣялся быть министромъ народнаго просвѣщенія и вмѣсто того назначенъ былъ «въ цензурно-фискальный комитетъ, то-есть уже не скрытнымъ, а явнымъ доносчикомъ».

Положеніе дѣлъ того времени и духъ его выясняются позднѣйшимъ разговоромъ императора Николая съ барономъ Корфомъ, случившимся на платформѣ Царскосельской желѣзной дороги.

Государь заговорилъ о цензурномъ комитетѣ и замѣтилъ, что послѣднее замѣчаніе о какомъ-то анекдотѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» неважно, но прибавилъ: «однако хорошо, что и это отъ васъ не ускользнуло».

— Государь,—отвѣчалъ Корфъ,—мы вмѣняемъ себя въ обязанность доводить до вашего свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ замѣчаніяхъ, даже и мелочныхъ, предпочитая представить даже что нибудь мелочное, чѣмъ пропустить важное.

— Такъ, такъ и надо,—замѣтилъ Николай Павловичъ,—прошу и впредь также продолжать; ну, а что теперь Краевскій съ своими «Отечественными Записками» послѣ сдѣланной ему головомойки?

— Я въ эту минуту именно читаю майскую книжку и нахожу въ ней совершенную перемену; совсѣмъ другое направленіе, и нѣтъ уже слѣда прежняго таинственнаго арга. Повѣшенный надъ журналистами Дамокловъ мечъ видимо приносить добрые плоды.

— Надѣюсь,—заключилъ государь,—и признаюсь, не могу только надивиться, какъ прежде допустили вкрасться противному.

Продолжая затѣмъ рѣчь о томъ же предметѣ, государь сказалъ еще барону Корфу:

— Больше всего мнѣ досадны глупые возгласы противъ Петра Великаго; досадно, когда и говорятъ, а тѣмъ больше нестерпимо, когда печатаютъ. Петръ Великій сдѣлалъ, что могъ, и даже болѣе, чѣмъ могъ, и въ правѣ ли мы теперь при такомъ отдаленіи отъ той эпохи и въ нашемъ незнаніи тогдашнихъ обстоятельствъ критиковать его дѣйствія, унижать его славу, унижая черезъ то славу самой Россіи?

Графиня Блудова, вспоминая въ своихъ запискахъ о дѣятельности Бутурлина въ 1848 году, признаетъ Дмитрія Петровича, котораго когда-то въ шутку называли «Boutourline-Jomini», остроумнымъ и увлекательнымъ собесѣдникомъ, но замѣчаетъ, что батюшка ея и председатель негласнаго комитета совершенно разошлись въ мнѣніи насчетъ цензуры.

Она пишетъ, что Бутурлинъ по врожденной рѣзкости и деспотизму характера доходилъ до такихъ крайнихъ мѣръ въ этомъ отношеніи, что иногда приходилось спросить себя: не плохая ли это шутка? «Напримѣръ, онъ хотѣлъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ акаѳиста Покрову Божіей Матери, находя, что они революціонны. Батюшка сказалъ ему, что онъ такимъ образомъ осуждаетъ своего собственнаго ангела, святого Дмитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ и никогда не считался революціонеромъ; преосвященный же Иннокентій только поновилъ въ этомъ акаѳистѣ, такъ сказать, слогъ устарѣвшій.

«— Кто бы ни сочинилъ, тутъ есть ¹ опасныя выраженія,—отвѣчалъ Бутурлинъ.

«— Вы и въ Евангеліи встрѣтите выраженія, осуждающія злыхъ правителей?—сказалъ мой отецъ.

«— Такъ что жъ? — возразилъ Дмитрій Петровичъ, переходя въ шуточный тонъ:—если бы Евангеліе не была такая извѣстная книга, конечно, надобно бъ было цензурѣ исправить ее».

Трагикомическій эпизодъ произошелъ съ комитетомъ 1851 году. Бутурлинъ уже умеръ, и въ комитетѣ предсѣдательствовалъ баронъ Корфъ. Знаменитая танцовщица Фанни Эльслеръ давала представленія въ Москвѣ и привела зрителей въ неописуемый восторгъ, который превзошелъ даже предѣлы приличія. Кончилось тѣмъ, что москвичи изъ-подъ ея экипажа выпрягли лошадей и возили ее на себѣ, при чемъ должностныя лица садились на козлы, на запятки и т. п. Въ Петербургѣ стало извѣстно, что всѣ эти неумѣстныя выходки возбудили большое неудовольствіе государя, но что, впрочемъ, выраженію ихъ не препятствовали официально.

Вдругъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (21-го марта 1851 года, № 64) появились стихи, порицавшіе и осмѣивавшіе эту восторженность, но въ такомъ тонѣ и съ такой точки зрѣнія, которые представились барону Корфу почти столько же неумѣстными, какъ и восторженность москвичей.

Приведемъ здѣсь содержаніе стиховъ въ статьѣ, озаглавленной:

«Отрывокъ изъ московской жизни на сырной недѣлѣ 1851 года.

«Несмѣтное множество экипажей и пѣшихъ съ букетами, вѣнками и разными драгоценными коврами неистово стремятся къ театральной площади.

¹ Графиня Блудова приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ акаѳиста, которыя Бутурлинъ признавалъ опасными:

«Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и вѣвровравныхъ
«Совѣты неправедныхъ князей разори; зачинающихъ рати погуби» и пр. и пр.

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

ПРОХОЖІЙ ГОВОРИТЪ:

«Куда народъ нашъ православный
Стремится съ радостью такой?
Не торжество ль побѣды славной
Россіи матушки святой?
Куда несутъ дары златые,
Алмазы, яхонты, цвѣты
И жемчугъ, и парчи драгія,
Весь причетъ міра суеты?
Зачѣмъ народъ нашъ православный
На сырной вдругъ затѣялъ пиръ?
Аль прибылъ къ намъ царь державный,
Нашъ европейскій богатырь?
Скажи мнѣ, старичекъ почтенный,
Скажи, пожалуй, наконецъ,
Ужъ не въ Москвѣ ли нашъ безцѣнный,
Нашъ ненаглядный царь-отецъ?»

СТАРИКЪ.

«Эхъ, батюшка, вѣдь молвить стыдно
(Старикъ невольно отвѣчалъ),
Бѣгутъ зачѣмъ, ей-ей, обидно,
Народъ дурить ужъ очень сталъ.
Какой тутъ царь! А лишь приманкой
Въ кіатерь сатана завлекъ,
Прельститъ насъ хочетъ басурманкой,
Что ноги мечетъ въ потолокъ.

ПРОХОЖІЙ.

«Такъ вотъ причина восхищенья
Въ столицѣ-матушкѣ Руси!
Спаси насъ Богъ отъ посрамленья,
И паче отъ грѣховъ спаси.
Знать, нѣтъ грѣхамъ твоимъ и счету,
О грѣховодница Москва!
Что ты бѣсовскому причету
Готовишь нынѣ торжества».

Въ Петербургѣ заговорили, что эти стихи напечатаны были по высочайшему повелѣнію; но какъ вышнему цензурному комитету ничего не было о томъ сказано, то предсѣдатель призналъ противнымъ долгу службы удержаться отъ представленія государю замѣчаній о неприличіи напечатанныхъ стиховъ.

Въ виду указанныхъ соображеній въ комитетѣ состоялся слѣдующій журналъ:

«Комитетъ по разсмотрѣніи напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» стиховъ, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ московской жизни», нашелъ, что, содержа въ себѣ, можетъ статья, и справедливое, но весьма, однако же, рѣзкое порицаніе всего московскаго населенія по случаю преувеличеннаго чествованія Фанни Эльслеръ, они едва ли могутъ быть признаны приличными въ томъ отношеніи, что сравниваютъ и какъ бы ставятъ въ параллель преходящія похвалы нѣсколькихъ восторженныхъ лицъ съ тѣми общими, священными чувствами вѣрноподданнической любви и преданности, за которыя вся Москва удостоивалась всегда изъявленій монаршаго благоволенія.

«Считая, что включеніе въ напечатанные для публички стихи подобнаго сравненія не можетъ не быть огорчительно для самой большей части московскихъ жителей, не участвовавшихъ въ этихъ смѣльныхъ изліяніяхъ восторга, и потому неумѣстно, комитетъ долгомъ признаетъ такое заключеніе свое повергнуть на высочайшее воззрѣніе».

Излишнее усердіе не всегда бываетъ полезнымъ; эта истина получила новое подтвержденіе и въ разсматриваемомъ случаѣ. Слухи о томъ, что стихи были напечатаны по высочайшему повелѣнію, оказались справедливыми. Къ ужасу членовъ комитета и его чрезъ мѣру усерднаго предсѣдателя, представленный журналъ возвращенъ былъ государемъ съ слѣдующею собственноручною надписью: «Напечатано съ моего дозволенія, какъ полезный урокъ за дурачество части московскихъ тунеядцевъ».

Виновникомъ происшедшаго недоразумѣнія оказался графъ Орловъ; онъ позабылъ своевременно предупредить комитетъ о томъ, что въ «Сѣверной Пчелѣ» появятся стихи, высочайше одобренные. Государь, попрекнувъ въ этомъ упущеніи графа Орлова, прибавилъ: «За то комитетъ порядкомъ погонялъ меня».

Императоръ Николай и освобожденіе Христіанскаго Востока.

Въ «Русской Старинѣ», въ замѣткахъ по поводу Восточной войны 1853—1856 годовъ, была высказана мысль, что если со временемъ появится въ печати обширная собственноручная переписка императора Николая, прервавшаяся только за нѣсколько дней до кончины государя и обнимающая собою всѣ политическіе и военные вопросы того времени, то это будетъ лучшимъ памятникомъ, воздвигнутымъ этому державному вождю Россіи. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но каждое вновь открываемое историческое свидѣтельство, касающееся этой эпохи и вообще тридцатилѣтія съ 1825 по 1855 годъ, служитъ только подтвержденіемъ справедливости высказаннаго тогда взгляда.

Къ числу такихъ драгоценныхъ памятниковъ, доселѣ еще не сдѣлавшихся достояніемъ исторіи, относится, безъ сомнѣнія, помѣщенная ниже собственноручная записка императора Николая о восточномъ вопросѣ, предназначавшаяся для государственнаго канцлера графа Несельроде; она написана государемъ въ началѣ ноября 1853 года, въ то время, когда недоброжелательство западныхъ державъ (въ особенности же Англіи) къ Россіи обрисовалось уже съ достаточною ясностію. До сихъ поръ ни одинъ историкъ Восточной войны 1853—1856 годовъ не упомянулъ объ этой запискѣ, и никто не подозрѣвалъ о томъ новомъ направленіи русской политики, которое намѣревался придать ей императоръ Николай въ 1853 году. Преданія священнаго союза, связавшія Россію по рукамъ и по ногамъ, готовы были, наконецъ, прерваться, и русскому государственному эгоизму предстояло вступить въ свои законныя права. Но злой рокъ воспрепятствовалъ осуществленію благихъ намѣреній государя, и на Россію обрушились безпримѣрные испытанія...

Вотъ что начерталъ императоръ Николай для вразумленія своего канцлера.

«Les déclarations inqualifiables de lord Aberdeen, l'intention avouée d'entraver nos opérations sur mer et de permettre, cependant, d'agir contre nous par cette voie, exigent de notre part une combinaison telle à nous mener directement à notre but, en augmentant nos moyens d'action et en les mettant à l'abri des atteintes anglaises.

«Il semble que le gouvernement anglais, tout en prenant fait et cause pour les turcs, entrevoit dans un prochain avenir que cet empire ne peut durer en Europe et combine déjà comment il pourra faire tourner contre nous les conséquences de cette crise, en se mettant peut-être à la tête de l'émancipation des chrétiens d'Europe, quitte à les organiser ensuite de façon à créer leur future existence dans les conditions qui seraient contraires à nos plus grands intérêts.

«N'est-il donc pas de notre devoir impérieux de prévenir cet infâme calcul, en déclarant dès à présent à toutes les puissances que, reconnaissant l'inutilité des efforts communs pour ramener le gouvernement turc à des sentiments de justice, et forcés à une guerre dont l'issue ne peut être définie, nous restons fidèles à notre principe déjà proclamé de renoncer, s'il est possible, à toute conquête, mais que nous reconnaissons que le moment est venu de rétablir l'indépendance des états chrétiens en Europe, tombés depuis des siècles sous le joug Ottoman. Qu'en prenant l'initiative de cette résolution sainte, nous en appelons à toutes les nations chrétiennes, pour se joindre à nous dans ce but sacré! Qu'il ne s'agit pas seulement des chrétiens du rit orthodoxe grec, mais du sort de tous les chrétiens sans distinction, soumis à la domination musulmane en Europe. Ainsi donc que nous déclarons vouloir l'indépendance réelle des moldavo-valaques, des serbes, des bulgares, des bosniaks et des grecs; que chacune de ces nations entre dans la jouissance du pays qu'elle habite depuis des siècles, que chacune se gouverne par l'homme de son choix, élu par eux-mêmes et pris parmi leurs nationaux.

«Je pense qu'un appel ou déclaration faite ainsi doit subitement faire changer de face à l'opinion de toute la chrétienté et ramener, peut-être, à des idées plus justes sur ce grave événement, et au moins le faire échapper à la direction exclusive et mal intentionnée du gouvernement anglais.

«Je ne vois que ce seul moyen d'en finir avec le mauvais vouloir anglais, car il n'est pas croyable, après une déclaration semblable qu'ils puissent encore se joindre aux turcs pour combattre contre les chrétiens.

«Il s'entend que l'organisation future des provinces émancipées doit être remise à une entente commune, après que le premier but sera atteint. Il n'est pas douteux qu'il offrira encore maintes difficultés, mais elles ne seront pas invincibles, j'en ai l'intime conviction, et d'ailleurs,

si nous réussissons dans ce que nous voulons, nous aurons plus de chances à faire prévaloir nos intentions pour le reste.

«Il serait urgent de sonder les dispositions de ces provinces, en envoyant sur les lieux des individus intelligents et sans plus tarder pour obtenir le plus vite possible des données exactes sur le véritable esprit des populations et sur le secours que l'on pourrait en attendre. Des individus comme Ковалевскіи seraient précieux pour cela. Il s'agirait des serbes et des bosniaks, car nous savons ce qui en est des bulgares, et il faudrait faire appeler ici incontinent une députation de notables moldaves et valaques, pris parmi ce qu'il y a de plus raisonnable, parmi les boyars et le clergé, pour leur faire connaître nos intentions pour leur avenir, à les gagner à ce projet».

[Переводъ]. «Непозволительныя заявленія лорда Абердина, заключающія въ себѣ явное намѣреніе затруднить наши дѣйствія на морѣ и въ то же время дозволеніе дѣйствовать противъ насъ этимъ же путемъ¹, вынуждаютъ насъ обратиться къ комбинаціи, способной вести насъ прямо къ нашей цѣли, увеличивъ наши средства дѣйствія и обезпечивъ ихъ отъ нападеній англичанъ.

«Кажется, что англійское правительство, вступаясь за турокъ, предвидитъ, что существованіе ихъ имперіи въ Европѣ сдѣлается невозможнымъ въ весьма близкомъ будущемъ, и теперь уже соображаетъ свои дѣйствія такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность обратить противъ насъ послѣдствія этого кризиса. Для этого, можетъ быть, оно само встанетъ во главѣ освобожденія европейскихъ христіанъ съ цѣлью дать имъ затѣмъ такое устройство, чтобы условія ихъ будущаго существованія шли совершенно въ разрѣзъ съ нашими существеннѣйшими интересами.

«Не представляется ли, слѣдовательно, нашимъ настоятельнымъ долгомъ предупредить этотъ постыдный расчетъ и объявить теперь же всѣмъ державамъ, что, сознавая всю бесполезность общихъ усилій обратить турецкое правительство на путь справедливости и вынужден-

¹ Великобританское правительство объявило, что оно ничего не предприметъ противъ положенія, занятого Россіею въ княжествахъ, на лѣвомъ берегу Дуная, пока война не будетъ перенесена на правый берегъ; затѣмъ Англія предупреждала, что она доставитъ матеріальную поддержку Турціи только въ случаѣ атаки, направленной нами съ моря, противъ одного изъ турецкихъ черноморскихъ портовъ. Принимая подобную систему дѣйствій, Англія утверждала, что она, тѣмъ не менѣе, не находится съ нами въ разрѣзъ.

На депешѣ барона Бруннова, сообщившаго это оригинальное рѣшеніе лондонскаго кабинета 26-го октября 1853 г., императоръ Николай написалъ;

«C'est infâme. Et les turcs pourraient inopinément passer la rive gauche; voilà un paradoxe digne des anglais. Ainsi c'est la guerre avec nous. Soit».

Синопскій бой произошелъ 18-го ноября; англо-французскій флотъ вступилъ въ Черное море 22-го декабря 1853 года.

Н. III.

ные къ войнѣ, исходъ которой не можетъ быть опредѣленъ заранѣе, мы остаемся вѣрны нашему провозглашенному уже принципу отказаться, по возможности, отъ всякаго завоеванія, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ, что наступило время возстановить независимость христіанскихъ народовъ въ Европѣ, подпавшихъ, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, оттоманскому игу. Принимая на себя починъ этого святаго дѣла, мы приглашаемъ всѣ христіанскія націи присоединиться къ намъ для достиженія этой священной цѣли. Дѣло идетъ не только о христіанахъ греко-католическаго вѣроисповѣданія, но и о судьбѣ всѣхъ христіанъ, безъ всякаго различія, подвластныхъ въ Европѣ мусульманскому владычеству. Такимъ образомъ, мы провозглашаемъ желаніе дѣйствительной независимости молдаво-валаховъ, сербовъ, болгаръ, босняковъ и грековъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ этихъ народовъ вступилъ въ обладаніе страной, въ которой живетъ уже цѣлые вѣка, и управлялся человѣкомъ по собственному выбору, избраннымъ имъ самимъ изъ среды своихъ же соотечественниковъ.

«Я думаю, что сдѣланное такимъ образомъ воззваніе или заявленіе должно произвести быструю перемѣну во мнѣніи всего христіанскаго міра и, быть можетъ, возвратитъ его къ болѣе правильнымъ понятіямъ объ этомъ важномъ событіи или, по крайней мѣрѣ, освободитъ его отъ исключительнаго и злонамѣреннаго руководства англійскаго правительства.

«Я вижу только одно это средство, способное положить предѣлъ недоброжелательству англичанъ, такъ какъ невозможно предположить, чтобы послѣ подобнаго заявленія они все-таки рѣшились примкнуть къ туркамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними сражаться противъ христіанъ.

«Само собою разумѣется, что послѣ достиженія первоначальной цѣли будущее устройство освобожденныхъ областей должно быть предоставлено общему соглашенію. Нѣтъ сомнѣнія, что оно представитъ еще немало затрудненій, но я вполне убѣжденъ, что разрѣшеніе ихъ не встрѣтитъ непреодолимыхъ препятствій. Къ тому же, если успѣхъ увѣнчаетъ наши намѣренія, то представится болѣе вѣроятія одержать верхъ и въ остальныхъ нашихъ намѣреніяхъ.

«Было бы крайне необходимо послать безъ малѣйшаго замедленія въ эти области способныхъ людей, чтобы ознакомиться съ ихъ положеніемъ и собрать на мѣстѣ какъ можно скорѣе точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ настроеніи мѣстныхъ жителей и о содѣйствіи, на которое мы можемъ разсчитывать со стороны ихъ. Люди, подобные Ковалевскому, были бы для этого весьма полезны. Это слѣдовало бы сдѣлать по отношенію къ сербамъ и боснякамъ, такъ какъ все, что касается до болгаръ, намъ уже извѣстно. Сверхъ того, слѣдуетъ немедленно вызвать сюда изъ Молдавіи и Валахіи депутацію, избранную изъ самыхъ

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

разсудительныхъ бояръ и духовныхъ лицъ, чтобы ознакомить ихъ съ нашими намѣреніями насчетъ ихъ будущности и тѣмъ склонить ихъ на сторону этого проекта».

Императоръ Николай передалъ эту записку гр. Нессельроде и по поводу содержащихся въ ней мыслей имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Легко себѣ представить, съ какимъ ужасомъ престарѣлый представитель преданій 1815 года выслушалъ смѣлыя предположенія, высказанныя при этомъ свиданіи государемъ. Чтобы поколебать рѣшимость императора Николая, графъ Нессельроде ухватился за вѣрное средство: онъ выставилъ противорѣчіе этого проекта съ политическимъ направлениемъ, котораго неуклонно придерживались почти полстолѣтія, и невозможность для консервативной Европы (*l'Europe conservatrice*) слѣдовать за Россіею по этому новому пути. Не довольствуясь словеснымъ опроверженіемъ и выраженными сомнѣніями, графъ Нессельроде представилъ государю 8-го ноября 1853 года еще записку ¹, въ которой доказывалъ невозможность для насъ вызвать возстаніе христіанъ, не становясь въ то же время въ противорѣчіе съ основными правилами, которыми мы до сихъ поръ руководствовались, и не лишая вмѣстѣ съ тѣмъ консервативную Европу возможности присоединиться къ намъ и согласиться съ нами. Она будетъ имѣть право, писалъ графъ Нессельроде, возражать намъ словами всѣхъ нашихъ заявленій, въ которыхъ мы постоянно увѣряли, что, вступая въ предѣлы княжествъ, мы не предпримемъ ничего, что могло бы вызвать возстаніе христіанскаго населенія противъ султана.

По мнѣнію канцлера, вопросъ этотъ можетъ представиться совершенно въ иномъ видѣ въ томъ случаѣ, когда съ наступленіемъ весны мы будемъ вынуждены необходимостію вести противъ Порты безпощадную войну; если въ это время, что весьма вѣроятно, христіане безъ всякаго съ нашей стороны подстрекательства возстанутъ поголовно, тогда мы можемъ принять ихъ возстаніе, какъ совершившійся фактъ.

¹ «Le dernier entretien que sa majesté a daigné lui accorder,—пишетъ графъ Нессельроде,—lui a laissé une cruelle impression, ayant eu le malheur de lui déplaire. Regardant comme un devoir, sacré de ne lui déguiser aucune de ses pensées et de lui soumettre ses doutes sur des projets que sa conscience lui fait juger dangereux aux intérêts de la Russie, il soumet à l'empereur un mémoire sur les écueils que sa majesté rencontrerait dans son chemin, en exécutant le plan exposé dans la note précédente».

(Переводъ): «Послѣдній разговоръ, которымъ его величеству угодно было удостоить меня, оставилъ во мнѣ самое тягостное впечатлѣніе, такъ какъ я имѣлъ несчастье не угодить его величеству. Но, почитая своимъ священнымъ долгомъ не скрывать отъ его величества ни одной изъ своихъ мыслей и представлять свои сомнѣнія относительно проектовъ, которые совѣсть моя заставляетъ меня считать опасными для интересовъ Россіи, представляю при семъ записку о тѣхъ камняхъ преткновенія, которые его величество встрѣтитъ на пути своемъ при выполненіи плана, изложеннаго въ его предыдущей запискѣ».

Н. III.

При рѣшительномъ движеніи значительныхъ силъ, которыя мы должны будемъ выставить на театрѣ военныхъ дѣйствій, и при согласованіи этого движенія съ возстаніемъ христіанъ, Оттоманская имперія не будетъ въ состояніи выдержать такого удара и перестанетъ существовать. Конечно, Англія и Франція не возьмутъ на себя труда вновь завоевать шагъ за шагомъ въ пользу султана освобожденную уже территорию, защищаемую Россією и христіанскими народами, готовыми умереть съ оружіемъ въ рукахъ за свою національную независимость. Тогда независимость эта можетъ быть провозглашена Россією предъ лицомъ всего міра, и это будетъ носить на себѣ характеръ такого безпристрастія и великодушія (*un tel caractère de désintéressement et de générosité*), что недоброжелательность и недобросовѣстность не будутъ въ состояніи ея оспорить. Вслѣдствіе этого графъ Нессельроде признавалъ необходимымъ теперь же развѣдать о настроеніи населеній, о которыхъ идетъ рѣчь, и собрать точныя данныя о средствахъ борьбы, которыми они будутъ располагать, а также о размѣрѣ денежной помощи, которая будетъ необходима имъ для пріобрѣтенія оружія и боевыхъ припасовъ.

Императоръ Николай возражалъ государственному канцлеру. «Я не раздѣляю вашего чувства безопасности; я убѣжденъ, что англичане, весьма мало разборчивые въ своихъ дѣйствіяхъ, лишь только убѣдятся въ томъ, что успѣхъ войны склоняется на нашу сторону, не задумаются перемѣнить роль и тотчасъ же пожелаютъ присвоить себѣ дѣло освобожденія христіанъ, чтобы лишить насъ инициативы въ этомъ предпріятіи. Преслѣдуя, безъ всякаго стѣсненія, исключительно свои личныя интересы, они постараются придать дѣлу освобожденія такое направление, которое, по ихъ мнѣнію, окажется для насъ самымъ вреднымъ. Должны ли мы допустить это? — полагаю, что нѣтъ. Провозглашеніе освобожденія должно быть сдѣлано нами лишь тогда, когда мы будемъ навѣрное знать, что христіане не только желаютъ освобожденія, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, но что они готовы дѣйствовать, не щадя жизни и съ напряженіемъ всѣхъ ихъ усилій при нашей поддержкѣ»¹.

¹ «Je ne partage pas votre sécurité, je suis convaincu que les anglais fort peu scrupuleux dans leurs moyens d'action, sitôt convaincus que les chances de la guerre tournent en notre faveur, n'hésiteront pas à changer de rôle, et dès ce moment, voudront s'ériger en libérateurs des chrétiens, pour nous frustrer de l'initiative de ce rôle, se livrer à leurs combinaisons sans gêne, pour donner telle direction à l'émancipation qu'ils jugeront nous être le plus nuisible. Devons nous le permettre? — je pense que non. La déclaration de l'émancipation ne doit être faite par nous avant que nous ne sachions pour sûr que les chrétiens non-seulement la désirent, ce qui n'est pas douteux, mais qu'ils sont prêts à l'agression au prix de leur sang et de tous leurs efforts soutenus par nous».

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Мнѣніе графа Нессельроде восторжествовало. Все было отложено въ долгій ящикъ, и благопріятный моментъ безвозвратно утраченъ.

26-го декабря 1853 года баронъ Мейендорфъ донесъ изъ Вѣны, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Константинополя, представители четырехъ великихъ державъ настаиваютъ у Оттоманской Порты на освобожденіи ея христіанскихъ подданныхъ. Императоръ Николай написалъ на этой депешѣ слѣдующія многознаменательныя слова: «Вотъ оно, правъ ли я?»

Записки графа А. Х. Бенкендорфа (1832—1837 гг.).

1832 годъ.

Европа, ревнуя къ нашему могуществу и симпатизируя польскому возстанію, какъ ослаблявшему наши силы, была, однако же, бездѣйственною свидѣтельницею новыхъ успѣховъ нашего оружія, распущенія польской арміи и всѣхъ тѣхъ преобразованій, которыми государь старался поставить царство Польское въ большую гармонію съ прочими частями своей имперіи. Кабинеты вѣнскій и берлинскій, одинаково съ петербургскимъ заинтересованные въ покореніи Польши, отдѣлились отъ общаго вопля и искренно обрадовались прекращенію тѣхъ смуть, которыхъ отголосокъ проникалъ уже въ ихъ предѣлы. Люди разсудительные въ Англіи и Франціи не оспаривали, что польскій бунтъ справедливо вынудилъ императора Николая употребить всю силу и строгость для его подавленія, и соглашались, хотя и съ сожалѣніемъ, что усмиреніе этого буйнаго края есть одна изъ необходимыхъ гарантій мира и спокойствія Европы. Но либералы и оппозиціонная партія въ парижскихъ и лондонскихъ камерахъ громко требовали отъ своихъ правительствъ, чтобы они вступились за поляковъ и принудили Россію къ исполненію вѣнскаго трактата, которымъ утверждена независимость Польши, съ подчиненіемъ только ея конституціонному царю, въ лицѣ русскаго императора. Французское и англійское министерства должны были, по виду, уступить народнымъ крикамъ и обѣщали свое посредничество передъ русскимъ правительствомъ. Они предписали своимъ посламъ замолвить слово въ пользу поляковъ; но положительный отвѣтъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ отнялъ у нихъ всякую охоту поднимать официально голосъ по такому дѣлу, на которое государь справедливо смотрѣлъ, какъ на подлежащее исключительно его суду и не имѣющее ничего общаго съ нашею внѣшнею политикою. Итакъ, имъ пришлось замолчать,

предоставивъ оппозиціи горланить въ Парижѣ и Лондонѣ. Газеты старались выместить безполезность и безсиліе попытокъ ихъ правительствъ самыми ѣдкими и желчными статьями противъ Россіи, а государь, презирая ихъ разглагольствованія, продолжалъ развивать и приводить въ дѣйствіе свои планы.

Затѣмъ на первый планъ выдвинулось голландско-бельгійское дѣло. Франція склонялась въ пользу новаго Бельгійскаго королевства, порожденнаго революціею, а Англія, Австрія, Пруссія и Россія держали сторону Голландіи. Такая разность въ видахъ и взглядахъ замедлила окончательное рѣшеніе дѣла. Франція хотѣла присвоить себѣ и держать за собою вліяніе на судьбы Бельгіи, которое давали ей географическое положеніе этой страны и тождественность языка, нравовъ и интересовъ ея населенія. Англія ревновала къ своей соперницѣ, и одно лишь средство интересовъ и принциповъ, одна лишь ненависть англійскихъ министровъ къ чистымъ монархіямъ могли привести ихъ союзу съ Франціей, наперекоръ исторіи и положенію обоихъ государствъ. Голландскій король оттягивалъ дѣло, въ надеждѣ разрыва между первостепенными державами, а съ нимъ всеобщей войны, полезной для личныхъ его интересовъ. Леопольдъ, бывшій герцогъ Кобургскій и овдовѣвшій супругъ принцессы Каролины англійской, поддавался интригамъ кабинета Людовика-Филиппа, который чрезъ посредство стараго хитреца Талейрана старался склонить министерство англійское въ пользу герцога Леопольда, уже предъизбраннаго королемъ французовъ въ супруги своей дочери и слѣдовательно въ вассалы Франціи. Протоколы писались одинъ за другимъ, противорѣчили между собою, не вели ни къ чему, а между тѣмъ заставляли Голландію, Бельгію, Пруссію и Францію держать войска на военной ногѣ. Императоръ Николай уступилъ просьбѣ прусскаго короля и общему желанію, рѣшился сдѣлать попытку склонить короля голландскаго къ меньшей настойчивости и на этотъ конецъ отправилъ къ нему графа Орлова. Но король, отличавшійся упорнымъ нравомъ и все надѣявшійся, что возгорится европейская война, воспротивился всѣмъ убѣжденіямъ нашего посла. Тогда графъ Орловъ пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ дворъ, министры и публика приняли его со всѣмъ почетомъ, подобавшимъ великому монарху, котораго онъ являлся представителемъ, и личнымъ качествомъ самого графа, привлекившимъ къ нему безъ различія всѣ партіи. Послѣ этой попытки нашъ государь предоставилъ времени рѣшеніе голландско-бельгійскаго вопроса, какъ не состоявшаго ни въ какомъ непосредственномъ прикосновеніи къ годамъ и пользамъ Россіи.

Между тѣмъ, при возстановившемся въ западныхъ нашихъ губерніяхъ порядкѣ и спокойствіи, государь освободилъ ихъ отъ управленія на военномъ положеніи, подѣ которымъ онѣ находились еще со временъ

императора Александра. Эта мѣра произвела въ краѣ самое благопріятное впечатлѣніе, послуживъ доказательствомъ, съ одной стороны, довѣрія правительства, съ другой — окончательнаго прекращенія обстоятельствъ, принуждавшихъ оное къ такимъ предосторожностямъ.

Съ окончаніемъ устройства царства Польскаго на новыхъ началахъ, временное тамошнее правительство было закрыто, и фельдмаршалъ Паскевичъ, командовавшій расположенными въ Варшавѣ войсками, сталъ также во главѣ гражданскаго управленія, съ званіемъ намѣстника царскаго и предсѣдателя совѣта управленія, составленнаго изъ русскихъ и польскихъ чиновниковъ, а также изъ управляющихъ разными частями, замѣнявшихъ прежнихъ министровъ. Число войскъ въ царствѣ было ограничено однимъ корпусомъ. Сверхъ того, велѣно было образовать тамъ жандармскій корпусъ, на подобіе учрежденнаго въ Россіи, изъ поляковъ и русскихъ, и инвалидныхъ команды по воеводствамъ, сформировавъ ихъ изъ тѣхъ офицеровъ и солдатъ польской арміи, которые со времени усмиренія мятежа вели себя безукоризненно. Начальниками опредѣлены штабъ-офицеры нашей службы. Изъ числа офицеровъ, поляковъ, предавшихся великодушію государя, отличившимся покорностію и испушнымъ назначено содержаніе, соотвѣтственное прежнимъ ихъ чинамъ. Наконецъ сироты военныхъ и дѣти бѣдныхъ офицеровъ, по упраздненіи Калишскаго кадетскаго корпуса, отправлены на казенный счетъ въ корпуса петербургскіе и московскіе, а солдаты размѣщены по нашимъ войскамъ, сухопутнымъ и морскимъ. Имущество зачинщиковъ и главныхъ дѣятелей бунта, а также тѣхъ, кои, не воспользовавшись амнистіею, остались за границей, было подвергнуто секвестру, какъ въ предѣлахъ царства, такъ равно и во всемъ Западномъ краѣ, впредь до разбора лежавшихъ на нихъ долговъ и окончательной конфискаціи сихъ имѣній въ казну.

Наконецъ, въ распоряженіе намѣстника царства были отпущены значительныя суммы для пособій помѣщикамъ, фабрикантамъ и крестьянамъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ бунта и войны. Правительство закупило въ Россіи огромныя гурты скота для раздачи въ царствѣ нуждавшимся въ немъ. Кромѣ того, была назначена особая коммиссія для разбора показаній о потеряхъ, понесенныхъ мирными жителями или тѣми, которые оставались вѣрными своей присягѣ. Впослѣдствіи, основываясь на изысканіяхъ этой коммиссіи, государственное казначейство щедро вознаградило ихъ за потери, чтобы такимъ образомъ всемірно изгладить слѣды этой бѣдственной войны.

Въ наступившую затѣмъ зиму не случилось ничего особеннаго, замѣчательнаго, и государь, пользуясь общимъ миромъ и спокойствіемъ, неуспынно занимался разными проектами и преобразованіями по гражданской части. Въ городскомъ населеніи учреждено было новое сословіе

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

почетныхъ гражданъ, для удержанія людей торговаго сословія отъ недуманныхъ и бесполезныхъ, какъ для нихъ, такъ и для общаго дѣла, переходовъ въ гражданскую службу.

Строгій указъ запретилъ всѣ азартныя игры, въ послѣднее время сильно развипіяся въ нашемъ обществѣ и разорившія многихъ молодыхъ людей и даже отцовъ семействъ.

Измѣнена была система мѣдныхъ денегъ нашихъ, дававшая дотолѣ поводъ къ вывозу ихъ въ значительномъ количествѣ за границу и даже къ спекуляціямъ на противозаконный ихъ перекупъ. Военное министерство получило новое образованіе черезъ упраздненіе званія начальника главнаго штаба и учрежденіе военнаго совѣта. Наконецъ, сдѣланы были также перемѣны въ устройствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ томъ же году праздновался, 17-го февраля, столѣтній юбилей 1-го кадетскаго корпуса. Въ присутствіи приглашенныхъ къ этому торжеству всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ корпуса, кадеты съ наслѣдникомъ престола въ ихъ рядахъ прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо государя, передъ монументомъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, одного изъ первыхъ воспитанниковъ сего корпуса. Потомъ послѣ молебствія въ корпусной церкви императорская фамилія, приглашенные особы и кадеты были угощены завтракомъ въ залѣ корпуснаго зданія, гдѣ помѣщается его музей, и въ тѣхъ комнатахъ, которыя занималъ нѣкогда любимецъ Петра Великаго, князь Меншиковъ, выстроившій этотъ домъ для собственнаго своего жилища, а потомъ обѣдомъ въ Георгіевской и Бѣлой залахъ Зимняго дворца.

Въ началѣ мая государь принялъ въ торжественной аудіенціи депутацію, явившуюся изъ царства Польскаго для принесенія благодарности за дарованную его жителямъ амнистію. Придворные, члены государственнаго совѣта, сенаторы, городскія дамы, военные чины и всѣ имѣющіе пріѣздъ ко двору были собраны въ Георгіевскую залу Зимняго дворца, гдѣ государь съ императрицею и наслѣдникомъ стали на ступеняхъ трона. Депутація, состоявшая изъ 12-ти знатнѣйшихъ и почетнѣйшихъ лицъ царства, была введена попарно и приблизилась къ трону, между выстроенными по обѣ стороны залы дворцовыми гренадерами. Князь Антонъ Радзивиллъ, непрічастный къ безумнымъ замысламъ своихъ соотечественниковъ, произнесъ рѣчь отъ имени депутаціи.

Эта сцена, столь уничижительная для Польши, произвела самое благоприятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ при ней русскихъ и нѣ которыми образомъ примирила національное самолюбіе видомъ униженія и покорности нашихъ укрощенныхъ враговъ.

Между тѣмъ, на другомъ концѣ свѣта завязалась новая политическая сумятица, которая опять возбудила къ намъ недовѣріе и зависть

европейскихъ кабинетовъ. Могущественный паша египетскій Мехмедъ-Али, давно уже негодовавшій на свое зависимое положеніе, вдругъ, подъ предлогомъ неблагодарности Порты Оттоманской за принесенную имъ жертву посылкою для усмиренія Греціи своего сына и лучшихъ своихъ войскъ, поднялъ забрало и провозгласилъ себя врагомъ своего повелителя, султана. Интриги кабинетовъ парижскаго и находящагося подъ его вліяніемъ лондонскаго подожгли это возстаніе своими обѣщаніями точно такъ же, какъ прежде они раздували огонь революціи бельгійской и польской. Императоръ Николай, всегда благородный и послѣдовательный въ своей политикѣ, забылъ, что Турція вѣками враждуетъ противъ Россіи, и, чтобы дать разительное доказательство своихъ стремленій къ поддержанію законныхъ властей, поспѣшилъ отозвать изъ Египта нашего консула. Мехмедъ-Али чрезвычайно огорчился этимъ знакомъ неодобренія его дѣйствій, польстившимъ Портѣ, и который Франція и Англія старались съ своей стороны истолковать, какъ новую честолюбивую попытку нашего правительства. Но государь, не ограничиваясь этимъ, велѣлъ предложить султану прямую свою помощь, войсками или флотомъ, въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ онъ признаетъ это нужнымъ. Турки, однако же, сами слишкомъ хитрые и недоувѣрчивые, чтобы положиться на благородное великодушіе Россіи, отклонили сѣ предложеніе. А Франція и Англія, съ цѣлью изгладить выгодное впечатлѣніе, произведенное русскими предложеніями на умы турокъ, поспѣшили и съ своей стороны сдѣлать подобное же предложеніе, такъ что все ограничилось одною перепискою. Никто не повѣрилъ искренности императора Николая, и приготовились: Мехмедъ-Али къ нападенію, слабая Порта къ защитѣ, а Лондонъ и Парижъ къ вооруженному нейтралитету, которому главную силу давали интриги ихъ посольствъ въ Константинополѣ и проески находившихся въ Египтѣ ихъ агентовъ.

Въ теченіе этого времени Людовикъ-Филиппъ, продолжавшій, несмотря на тѣсный союзъ съ политикой Англіи, ревновать къ этой всегдашней соперницѣ Франціи, искалъ случая сблизиться съ русскимъ монархомъ, уже принимавшимъ въ свои руки вѣсы Европы. Хотя близкая связь съ Франціей обѣщала парализовать виды англійскаго министерства, враждебнаго нашимъ интересамъ и вообще монархическимъ началамъ, однако императоръ Николай, питая естественное отвращеніе къ хищнику законнаго трона Бурбоновъ, вѣжливо отклонилъ всѣ вкрадчивыя его предложенія. Это не остановило Людовика-Филиппа въ достиженіи его плановъ. Онъ прислалъ въ Петербургъ маршала Мортье, поручивъ ему всемѣрно стараться пріобрѣсти благорасположеніе императора и установить между обоими монархами сношенія менѣе прежнихъ холодныя. Мортье былъ принятъ со всѣмъ почетомъ, приличествовавшимъ старому и храброму воину, тридцать лѣтъ сражавшемуся муже-

ственно подъ знаменами республики и Наполеона. Государь почтилъ его своимъ довѣріемъ и пріобрѣлъ взаимно всю пріязнь престарѣлаго маршала, но въ политическомъ отношеніи дѣла остались, какъ были, и въ разговорахъ своихъ съ Мортье государь избѣгалъ даже произносить когда либо имя короля французъ.

Англія прислала также своего посла въ Петербургъ, но совѣмъ съ другой цѣлью, именно съ тѣмъ, чтобы еще болѣе охладить отношенія между Россіей и Франціей, утвержденныя въ продолженіе двухъ вѣковъ взаимными интересами, торговлей и обоюдною симпатіею сихъ націй. Лордъ Грей выбралъ для этой миссіи своего зятя, лорда Дургамъ, отчаяннаго либерала, человѣка заносчиваго, желчнаго и врага всѣхъ самодержавныхъ правительствъ, въ особенности же русскаго. Англійское министерство хотѣло употребить этого сварливаго и ненавидѣваго насъ посла орудіемъ для истолкованія по-своему опасности, грозящей конституціонной Европѣ со стороны Россіи, чтобы оправдать черезъ сіе передъ англійскою націей тѣ жертвы, которыхъ намѣревалось требовать отъ нея (т.-е. отъ англійской націи) для вооруженія и, можетъ быть, уже и для нападенія на императора Николая.

Съ такими непріязненными намѣреніями Дургамъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ на линейномъ кораблѣ, чтобы обозрѣть наши морскія силы, которыхъ возрожденіе пугало Великобританію, и изыскать средства къ возможному ихъ сокрушенію. Въ самую минуту прибытія англійскаго корабля въ Кронштадтъ туда случайно пріѣхалъ государь на пароходѣ «Ижора», и наша эскадра, по нѣскольку разъ въ годъ выходившая изъ этого порта и снова въ него возвращавшаяся, производила морскіе маневры. Государь, сидя въ шлюпкѣ, на которую сошелъ съ парохода, одною рукою правилъ рулемъ, а другою придерживалъ у себя на колѣняхъ шестилѣтняго своего сына, генералъ-адмирала русскаго флота, Константина Николаевича, и такимъ образомъ обѣзжалъ суда. Въ этомъ видѣ англійскій посолъ и экипажъ его корабля впервые увидѣли монарха Сѣвера,—котораго ихъ газеты изображали недоступнымъ тираномъ,—окруженнаго офицерами въ сюртукахъ и фуражкахъ. Эта простота, это отсутствіе всякаго этикета, это личное приготовленіе царственнаго младенца къ будущему его поприщу, на самыхъ первыхъ порахъ поразили лорда Дургамъ, воображавшаго себѣ лицо русскаго самодержца не иначе, какъ среди пышнаго двора и бдительныхъ тѣлохранителей; но удивленіе его еще болѣе возросло, когда подплылъ къ его кораблю флигель-адъютантъ, приглашавшій его отъ имени государя на «Ижору», какъ онъ есть, въ томъ же костюмѣ и безъ всякихъ церемоніальныхъ приготовленій. По прибытіи посла на царскій пароходъ, государь принялъ его съ тѣмъ радушіемъ и тою прирожденною ему искренностію, которыя отстраняли всякую принужденность и тотчасъ

вселяли довѣріе. Введя Дургамъ въ свою каюту, онъ безъ всякихъ предисловіи и фразъ тотчасъ вступилъ съ нимъ въ пространный и задушевный разговоръ о цѣли его миссіи, о дѣлахъ Европы, о началахъ, руководствующихъ прямотушною политикою Россіи, и о личномъ своемъ желаніи оставаться въ добромъ и искреннемъ согласіи съ Англіей, ибо хотя министры ея могутъ временно слѣдовать тому или другому направленію, но постоянные народныя интересы и опытъ прошедшаго ясно указываютъ на пользу и необходимость дружественныхъ сношеній между обѣими державами. Дургамъ вышелъ изъ этой аудіенціи въ совершенномъ изумленіи и съ инымъ совсѣмъ понятіемъ о государѣ. Едва бросивъ якорь у береговъ Россіи, онъ познакомился съ ея монархомъ, услышалъ отъ него лично то, что могъ бы желать услышать отъ министра иностранныхъ дѣлъ, узналъ такія вещи, которыя въ другихъ государствахъ сдѣлался бы ему извѣстными развѣ лишь послѣ долгихъ трудовъ и поисковъ, и съ самой первой минуты сталъ въ такія близкія и довѣрчивыя отношенія къ главѣ имперіи, какія для самыхъ искусныхъ дипломатовъ бываютъ большею частью плодомъ долготѣвшихъ соприкосновеній. Человѣкъ умный и благородный, лордъ Дургамъ тотчасъ понялъ императора Николая, пересталъ сомнѣваться въ правотѣ его намѣреній и правдивости его словъ и, польщенный успѣхомъ столь быстрымъ и столь новымъ въ лѣтописяхъ дипломатіи, сдѣлался самымъ ревностнымъ поклонникомъ того монарха, въ которомъ предубѣжденіе и либеральный взглядъ на вещи и лица заставляли его дотогѣ такъ грубо ошибаться. Все время миссіи лорда Дургамъ было для него рядомъ самыхъ пріятныхъ ощущеній и сопровождалось добрымъ согласіемъ. А донесенія его, въ которыхъ его личность не позволяла никому подозрѣвать пристрастія въ пользу самодержавнаго императора, образумили лондонскій кабинетъ и разсѣяли его прежнія ложныя предубѣжденія. Англійскій посоль уже никогда болѣе не измѣнялъ составленнаго имъ мнѣнія о государѣ и уѣзжая чувствовалъ то же удивленіе и довѣренность, которыя были плодомъ этого перваго свиданія.

На слѣдующее утро государь сдѣлалъ парадный смотръ флоту, по окончаніи котораго посѣтилъ англійскій корабль. Онъ присутствовалъ на немъ при обѣдѣ матросовъ и со стаканомъ въ рукѣ провозгласилъ здоровье англійскаго короля. Капитанъ и офицеры были приглашены къ обѣденному столу въ Петергофъ, присутствовали на безподобномъ праздникѣ 1-го іюля и потомъ на красносельскихъ маневрахъ и уѣхали въ совершенномъ восхищеніи отъ императора Николая, флотъ котораго при пріѣздѣ своемъ хотѣли уничтожить. Петергофское общество, блескъ двора, изящество праздниковъ, стройная красота нашего войска, все это было для нихъ ослѣпительнымъ зрѣлищемъ, совершенно противополо-

ложнымъ тѣмъ понятіямъ о деспотизмѣ и общемъ мракѣ да ожидающей ихъ ненависти, съ которыми они прибыли.

Тогда были у насъ въ большой модѣ Ревельскія морскія купальни, и лѣтомъ 1832 года отправили туда великихъ князей Марію, Ольгу и Александру Николаевну ¹, въ сопровожденіи оберъ-шталмейстера князя Долгорукова и наставницы ихъ, г-жи Барановой. Миѣ данъ былъ отпускъ на нѣсколько дней на мызу мою Фалль, и я съ семьею удостоился счастія принять тамъ августѣйшихъ дочерей моего императора, которыя провели у насъ цѣлый день.

Государь, постоянно занятый реформами въ западныхъ нашихъ губерніяхъ и убѣдившись въ послѣднюю революцію въ дурномъ духѣ, господствовавшемъ въ римско-католическихъ монастыряхъ, которые и вообще представляли скорѣе вертепъ разврата, нежели домъ молитвы, возобновилъ дѣйствіе папской буллы, издавна пришедшей въ забвеніе, чтобы обители, вмѣщающія въ себѣ не болѣе шести монашествующихъ, упразднить, съ распредѣленіемъ братіи въ другіе монастыри того же ордена. Хотя эта мѣра и соответствовала строгой буквѣ закона, однако произвела громкій вопль между поляками, прикрытый похвальною привязанностію къ вѣрѣ, но въ сущности возбужденный желаніемъ втайнѣ упрекнуть правительство въ проступкѣ противъ вѣротерпимости и правосудія. Это не помѣшало, однако же, дѣйствительно закрыть довольно много монастырей, съ переводомъ изъ нихъ монашествующихъ, а другіе обратить въ православные храмы, малочисленность и бѣдность которыхъ огорчали простое населеніе этого края, почти все принадлежащее къ господствующей церкви. Богатая и знаменитая Почаевская лавра, которая въ рукахъ униатовъ служила во время революціи притономъ для бунтовщиковъ, была возвращена православію. Такимъ образомъ, государь старался снова поднять въ этихъ издревле русскихъ губерніяхъ православное вѣроисповѣданіе, пережившее тамъ польское завоеваніе и всѣ ухищренія латинянъ, которые, не успѣвъ задушить въ народѣ привязанность его къ вѣрѣ отцовъ, примѣнили ее къ латинской вѣрѣ—вымысленіемъ униі, подчинили ее главѣ римско-католической церкви въ лицѣ папы и, наконецъ, отторгли отъ нея древнее русское дворянство, всѣ ея богатства и всѣ воспоминанія, которыми она жила въ народномъ преданіи.

Въ продолженіе лѣта 1832 года Дагестанскія горы сдѣлались на границѣ Персіи театромъ нашихъ военныхъ дѣйствій. Отважный фанатикъ Казн-Мулла возбудилъ воинственные племена Закавказья противъ креста и противъ русскаго владычества. Прославившись своею набожностію и увлекательной силой слова, онъ вознамѣрился разыгры-

¹ Цѣлю поѣздки великихъ князей былъ собственно Добберанъ, но по случаю открывшейся тамъ холеры онъ остался въ Ревелѣ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

вать роль пророка и покровителя исламизма и безъ труда собралъ подъ свое знамя многочисленныя толпы горцевъ, всегда жаждущихъ боя и добычи и глубоко ненавидящихъ христіанство. Пробѣгая край съ алкораномъ въ одной рукѣ и съ оружіемъ въ другой, Кази-Мулла напалъ врасплохъ на нѣкоторые изъ нашихъ постовъ и перерѣзалъ ихъ. Эта удача еще болѣе его ободрила и вмѣстѣ съ тѣмъ оживила всегдашнія надежды персіянъ и кавказскихъ племенъ сокрушить наше владычество въ этомъ краѣ. Вскорѣ изъ скопища, первоначально собравшагося около Кази-Муллы, съ присоединеніемъ новыхъ сборищъ горцевъ, составила многолюдная армія, страшная своимъ фанатизмомъ. Главнокомандующій баронъ Розенъ поспѣшилъ направиться противъ нея во главѣ стянутыхъ имъ силъ и открылъ непріятеля, занимавшаго почти неприступныя высоты, которыхъ вся выгода была на сторонѣ горцевъ, сроднившихся съ своими, едва проходимыми тропами и извилистыми крутизнами дикихъ горъ.

Наши храбрые солдаты преодолѣли всѣ эти препятствія, взобрались на скалы, перекинулись черезъ овраги и пропасти и, сбивъ Кази-Муллу со всѣхъ его позицій, отважно бросились наконецъ на штурмъ укрѣпленной его засады. Бой былъ продолжителенъ и кровопролитенъ, но побѣда осталась за Розеномъ. Множество горцевъ пало подъ штыками нашихъ удалцевъ, и самъ Кази-Мулла заплатилъ жизнью за свою фанатическую попытку. Съ его смертію все возвратилось къ порядку, и кавказскія племена, уstraшенные своею неудачею, перестали сопротивляться. Джаробълоканскій край, гдѣ суровые лезгины столько лѣтъ вели съ нами упорную борьбу, поспѣшилъ покориться и прислать аманатовъ.

1-го сентября государь отправился для обозрѣнія внутреннихъ губерній Россіи. Мы поѣхали на Лугу и Великія Луки, гдѣ его величество осмотрѣлъ нѣсколько полковъ гренадерскаго корпуса, отличавшихся своими подвигами въ послѣднюю Польскую кампанію. Они уже были частію укомплектованы и имѣли совершенно прежній прекрасный видъ. На слѣдующей станціи намъ встрѣтилось нѣсколько сотъ польскихъ военноплѣнныхъ, предназначенныхъ къ поступленію въ ряды нашей арміи. Государь осмотрѣлъ каждого поодиночкѣ, спросилъ о полкахъ, въ какихъ кто служилъ во время революціи, и по засвидѣтельствованію препровождавшаго ихъ офицера о добромъ ихъ поведеніи выбралъ нѣкоторыхъ въ гренадеры, а другихъ въ полки, расположенные въ Финляндіи, а остальныхъ въ Балтійскій флотъ. Я роздалъ имъ деньги, и они отправились въ дальнѣйшій путь въ восторгѣ отъ милостей того императора, противъ котораго сражались единственно подъ вліяніемъ измѣнническихъ внушеній.

Ночью мы приѣхали въ Смоленскъ, городъ, прославившійся въ нашихъ лѣтописяхъ своими вѣковыми несчастіями и представлявшій въ продол-

женіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ нашествія Наполеона груды развалинъ и пепла. Императоръ Александръ началъ возобновлять его, а императоръ Николай вновь воскресилъ его посредствомъ значительныхъ денежныхъ пособій пострадавшимъ жителямъ и возведеніемъ важныхъ казенныхъ построекъ. Все въ немъ было ново, вездѣ кипѣла работа и хотя мѣстами еще отдѣльно торчали трубы, и обгорѣлыя стѣны указывали на слѣды разрушенія, постигшаго этотъ древній городъ, но уже онъ обрисовывался въ возобновленномъ его видѣ: прекрасные дома, большія общественныя зданія, отдѣланныя заново церкви, чудесная больница, обширныя казармы свидѣтельствовали о возвращающемся благосостояніи города и о попечительности правительства. Государь все объѣхалъ и осмотрѣлъ со свойственною ему наблюдательностью, указалъ разныя новыя постройки и улучшенія, въ томъ числѣ поправку древнихъ городскихъ стѣнъ, дважды въ теченіе двухъ вѣковъ выдержавшихъ непріятельскій натискъ; велѣлъ также замѣнить новымъ достойнымъ подвига памятникомъ ничтожный монументъ, стоявшій на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ разстрѣлянъ смоленскій дворянинъ Ангельгардтъ, который предпочелъ смерть позору служить французамъ. По осмотрѣ двухъ пѣхотныхъ полковъ на полѣ сраженія, гдѣ Наполеонъ развернулъ свои многочисленныя полчища, государь продолжалъ путь къ Бобруйску и остался очень доволенъ всѣми работами, произведенными тамъ съ послѣдняго его посѣщенія. Оттуда, черезъ Козелецъ, въ которомъ государь пробылъ три дня для осмотра войскъ, мы поѣхали въ Кіевъ. Здѣсь государь остановился, какъ и въ прежнія свои поѣздки, у Печерской лавры, а на другой день осматривалъ на крѣпостной эспланадѣ нѣсколько резервныхъ батальоновъ и 6-ю уланскую дивизію, особенно сильно пострадавшую въ польской войнѣ. Съ престарѣлымъ фельдмаршаломъ графомъ Сакеномъ онъ обошелся со всею ласкою и дружбою, соответствовавшими его преклоннымъ лѣтамъ, заслугамъ и особенно ревностному усердію къ службѣ, нисколько не охладившемуся отъ дѣйствія времени. По осмотрѣ государемъ публичныхъ заведеній и обширныхъ работъ, долженствовавшихъ обратить Кіевъ въ крѣпость первостепенной важности, и по приѣмѣ властей и главныхъ жителей города, мы выѣхали изъ него съ наступленіемъ ночи. Зажженная по этому случаю прекрасная иллюминація еще и вдалекѣ обрисовывала для насъ живописное положеніе Кіева и контуры богатыхъ его храмовъ.

Слѣдующее утро застало насъ въ Лубнахъ, главномъ складочномъ мѣстѣ аптекарскихъ матеріаловъ для войскъ, расположенныхъ на югѣ имперіи. Осмотрѣнными здѣсь тремя полками 1-й драгунской дивизіи государь остался недоволенъ и, къ большому своему сокрушенію, вмѣсто похвалъ, которыя онъ такъ любилъ разсыпать, вынужденъ былъ бранить. Сходя съ лошади, онъ почувствовалъ себя нездоровымъ; это насъ

сильно встревожило, тѣмъ болѣе, что докторъ его отсталъ въ пути. Къ счастію, государь скоро оправился до такой степени, что могъ продолжать путь свой до Полтавы. Страшныя жары чрезвычайно затрудняли предстоящіе осмотры. Полтава носила на себѣ слѣды дѣятельности, водворившейся въ его царствованіе во всѣхъ частяхъ управленія. Городъ украсился, а малороссійскіе казаки, составляющіе главную часть городского населенія, только что передъ тѣмъ получили новое образованіе, съ большею точностію опредѣлившее ихъ повинности и ихъ отношенія къ властямъ и болѣе обезпечившее этотъ классъ отъ притѣсненій мелкихъ чиновниковъ.

Изъ Полтавы намъ довольно было нѣсколькихъ часовъ, чтобы доѣхать до Харькова, жители котораго съ живою радостію встрѣтили своего юнаго монарха. По выслушаніи краткаго молебствія въ соборѣ, государь подробно осмотрѣлъ университетъ и остался недоволенъ худою постройкою его зданій, которыя, сооруженныя за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ съ огромными издержками, мѣстами угрожали уже разрушеніемъ. Студенты имѣли довольно порядочный видъ, и ректоръ хвалилъ ихъ добровравіе и прилежаніе, но вообще это заведеніе казалось не вполне отвѣчающимъ своему назначенію. Единственною, совершенно удовлетворительною частью представлялась медицина, особенно же родовспомогательная клиника. Государь похвалилъ, побранилъ и кончилъ свой обзоръ указаніемъ на необходимость разныхъ перемѣнъ.

Потомъ онъ посѣтилъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, созданный благотворной рукою покойной его родительницы и перешедшій въ главное управленіе августѣйшей его супруги. Здѣсь все было прекрасно и все дышало тѣмъ порядкомъ и тою материнскою заботливостію, которыми вообще отличались заведенія императрицы Маріи, этого ангела благотворительности. Только помѣщеніе, частію деревянное, показалось государю не совсѣмъ удобнымъ, и онъ самъ выбралъ болѣе обширное у городской заставы, при которомъ находился большой садъ. Затѣмъ, по осмотрѣ городской тюрьмы и богоугодныхъ заведеній, мы перенеслись въ Чугуевъ, центральный пунктъ украинскихъ военныхъ поселеній, гдѣ ожидали насъ въ сборѣ дивизіи кирасирская и уланская. Въ прежнія времена чугуевское населеніе составляло десяти-эскадронный уланскій полкъ, который отличался красотой людей и лошадей, равно какъ и преданностію и мужествомъ. Но въ предыдущее царствованіе воинственное племя чугуевскихъ казаковъ было переформировано въ военныя поселенія, по безпощадно строгой и жестокой системѣ графа Аракчеева, измѣнившей видъ этого небольшого, но богатаго края, и превратившей его въ пространную казарму; эта система нарушила всѣ права собственности и водворила повсюду горькое раскаяніе. Множество казаковъ, посѣдѣвшихъ подъ ружьемъ и покрытыхъ славными ранами,

было переселено изъ родного края и осуждено умереть въ мѣстахъ, для нихъ чуждыхъ, частію даже въ Сибири, и всѣ эти ужасы совершились въ царствованіе самое мягкосердое, подъ скипетромъ самымъ просвѣщеннымъ, при государѣ, который спасъ Россію и Европу отъ Наполеонова рабства! Виною тому была одна слѣпая его довѣренность къ Аракчееву, котораго имя чугуевскіе казаки будутъ проклинать до позднѣйшаго потомства.

Императоръ Николай уже облегчилъ положеніе этихъ несчастныхъ въ настоящемъ, но не могъ исправить бѣдствій, перенесенныхъ ими въ прошедшемъ. Стараясь отвратить зло, по крайней мѣрѣ, на будущее время, онъ сдѣлалъ множество важныхъ и благотѣльныхъ перемѣнъ въ устройствѣ этихъ поселеній.

Собранное войско было въ самомъ блестящемъ положеніи и отличалось красотою и выѣзкою лошадей, а нижніе чины и офицеры превосходно знали свое дѣло. Мы провели тутъ три дня посреди ученій и хозяйственныхъ осмотровъ. Государь разсыпалъ щедрыя награды и почтилъ милостивымъ пріемомъ депутацію коренныхъ жителей поселеній, стекавшихся отовсюду съ хлѣбомъ и солью.

Въ Бѣлгородѣ заслужила особенное высочайшее одобреніе 2-я драгунская дивизія, какъ находившаяся подъ командою генерала Граббе, одного изъ прощенныхъ заговорщиковъ 14-го декабря 1825 г., отличившагося въ Турецкую войну. Государь, не выдавшій Граббе съ той минуты, какъ онъ былъ приведенъ передъ него въ качествѣ преступника, поблагодарилъ возстановившаго свою честь генерала и вообще обошелся съ нимъ чрезвычайно ласково. Граббе былъ растроганъ до глубины души и сказалъ мнѣ со слезами: «я болѣе въ долгу передъ государемъ, чѣмъ кто либо другой изъ его подданныхъ, и я сумѣю заслужить его милость и великодушіе».

Въ Воронежѣ при исправленіи фундамента древняго собора открыли гробъ архіепископа Митрофанія, кончившаго свою жизнь въ царствованіе Петра Великаго, особенно къ нему благоволившаго. Его тѣло, облаченіе и гробъ были найдены нетлѣнными, и это открытіе, вмѣстѣ съ сохранившеюся въ преданіяхъ блаженною жизнью святителя, привлекало въ Воронежъ множество вѣрующихъ, жаждавшихъ поклониться его мощамъ. Вскорѣ вѣсть объ ихъ нетлѣнности и объ исходящихъ отъ нихъ чудесахъ распространилась по всей Россіи, и общій голосъ нарекъ Митрофанія святымъ. Синоду поручено было изслѣдовать это дѣло, и государь, соизволивъ на его приговоръ, подтвердившій общее мнѣніе, послалъ въ Воронежъ камергера Бибикова для присутствованія при открытіи мощей, которое совершилось съ подобавшею торжественностью. Съ тѣхъ поръ Воронежскій соборъ сдѣлался цѣлю богомолья вѣрующихъ.

Въ Бобруйскѣ государь получилъ письмо отъ императрицы, совѣтовавшей и ему поклониться св. Митрофанію. Онъ не замедлилъ это исполнить. Измѣненный маршрутъ привелъ насъ въ Воронежъ. Коляска едва могла двигаться среди толпы, ожидавшей государя на улицахъ и у собора. Войдя въ древнія стѣны собора, государь съ благоговѣніемъ припалъ къ рагѣ святителя. На слѣдующее утро онъ подробно осмотрѣлъ госпитали, тюрьму, школу кантонистовъ, приказалъ спланировать площади и произвести разныя другія улучшенія. Народъ вездѣ бѣжалъ за нимъ съ неумолкаемыми криками восторга.

Изъ Воронежа поѣхали мы въ Рязань, гдѣ государя встрѣтили съ тѣмъ же энтузіазмомъ. Онъ остановился въ огромномъ домѣ нѣкоего Рюмина, который изъ мелочныхъ торговцевъ сдѣлался милліонеромъ и употреблялъ свои богатства самымъ благороднымъ образомъ на помощь бѣднымъ и украшеніе города.

Время года было уже довольно позднее, и перепали частые дожди. Въ Рязанской губерніи мы ѣхали по ужаснымъ дорогамъ, изрытымъ слѣдовавшими въ Москву обозами и гуртами. Государь разгнѣвался и рѣшилъ предложить къ изслѣдованію и обсужденію новую систему посейныхъ дорогъ, начавъ съ путей, ведущихъ къ Москвѣ. Впослѣдствіи онъ неунынно занимался осуществленіемъ этой мысли и, приведя ее въ исполненіе, стяжалъ вѣчную благодарность торговцевъ и путешественниковъ. На проѣздъ 200 верстъ, отдѣляющихъ Рязань отъ Москвы, мы употребили почти двое сутокъ и, пробывъ въ древней столицѣ только три дня, перелетѣли въ Петербургъ въ 36 часовъ. Императрица ожидала своего разрѣшенія, и нѣжная къ ней любовь августѣйшаго супруга ускорила наше возвращеніе. Спустя нѣсколько дней, родился великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Въ теченіе минувшаго лѣта Мехмедъ-Али, въ существѣ уже независимый повелитель Египта, продолжалъ свои приготовленія къ наступательной войнѣ противъ султана. Уже онъ переступилъ черезъ границы подвластныхъ ему областей, и сынъ его, Ибрагимъ-паша, вошелъ завоевателемъ и бунтовщикомъ въ сосѣднія провинціи. Уже войска султана отступали передъ нимъ, и все мѣстное населеніе призывалось къ возстанію. Ибрагимъ не тайлъ намѣренія отца своего: сокрушить державу, управлявшую мусульманами со временъ Магомета, и, если нужно, проникнуть до Константинополя, чтобы низпровергнуть колеблющійся тронъ султана. Онъ гласно возвѣщалъ преобразование Турецкой имперіи, отмѣну всѣхъ европейскихъ нововведеній и возвратъ къ обычаямъ и одеждѣ предковъ. Турки, недовольные этими нововведеніями и уничтоженные послѣднею войною съ Россіей, охотно внимали его обѣщаніямъ и лишь весьма слабо защищали интересы своего монарха, неумѣстными переменами почти совсѣмъ утратившаго народную любовь.

Армія его, худо устроенная и худо управляемая, отступала передъ египетскою, и частые побѣги увеличивали силы противниковъ. Англія и Франція только на словахъ сулили Портѣ свою помощь, но ничѣмъ не старались остановить вторженіе Мехмеда-Али. Въ этомъ положеніи дѣлъ нашъ великодушный императоръ возобновилъ прежній свой вызовъ прислать Турціи вспомогательное войско и пригласилъ Англію и Францію способствовать дѣйствительными мѣрами къ предупрежденію паденія Порты Оттоманской. Обѣ сіи державы, не отказывая прямо, отвѣчали уклончиво и употребили свой вѣсъ у Дивана лишь для того, чтобы понудить его отклонить предложеніе императора Николая. Все, чего удалось намъ достигнуть, ограничилось просьбою Порты о посылкѣ съ нашей стороны въ Египетъ лица для переговоровъ. Выборъ государя палъ на генерала Н. Н. Муравьева, долго воевавшего за Кавказомъ и изучившаго обычаи и характеръ турокъ. Сѣвъ въ Крыму на фрегатѣ, онъ проплылъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы въ Александрію и былъ принятъ Мехмедомъ-Али со всѣми внѣшними знаками почтенія и даже преданности русскому царю. Ихъ переговоры ведены были втайнѣ и внѣ интригъ иностранныхъ консульствъ. Муравьевъ, сознавая все достоинство роли Россіи въ этомъ дѣлѣ, требовалъ прекращенія военныхъ дѣйствій и покорности султану, обѣщая взамѣнъ свои услуги у Порты для полюбовнаго соглашенія и забвенія прошлаго. Мехмедъ-Али согласился и, разсыпаясь въ увѣреніяхъ уваженія и довѣрія, отправилъ Ибрагиму приказаніе остановить всякое дальнѣйшее движеніе. Таковъ былъ почти неожиданный успѣхъ этой миссіи: Ибрагимъ пріостановился, и турки могли оправиться. Но, къ несчастію, подозрительность и зависть Англіи и Франціи испортили дѣло черезъ посылку въ Египетъ Галиль-паши, того самаго, который пріѣзжалъ въ Петербургъ благодарить государя за Адрианопольскій миръ. Корабль, на которомъ прибылъ Галиль-паша, бросилъ якорь возлѣ фрегата Муравьева. Не снесся съ Муравьевымъ, Галиль-паша преклонился передъ Мехмедомъ-Али и не скрылъ всѣхъ опасеній Дивана, а черезъ то познакомилъ честолюбимаго врага съ выгодами его положенія и со слабостію средствъ, которыми владѣлъ султанъ. Муравьевъ воротился чрезъ Константинополь въ Россію. Порта замѣтила, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно свою ошибку, а Англія и Франція обрадовались, что имъ удалось уничтожить покровительственное вліяніе Россіи. Вскорѣ за тѣмъ турецкій агентъ былъ принужденъ оставить Египетъ, и непріятельскія дѣйствія возобновились.

1833-й годъ.

Армія султана подъ личнымъ предводительствомъ визиря была разбита въ двухъ сраженіяхъ. Въ ней обнаруживался дурной духъ; племена Малой Азіи открыто взяли сторону побѣдителя; константинопольское населеніе волновалось и громко роптало противъ нововведеній султана, желало торжества Ибрагиму; турецкій флотъ подъ командою того же Галиль-паши, который такъ неловко испортилъ удачно проведенные переговоры Муравьева, не принявъ боя, предложеннаго ему морскими силами Мехмедъ-Али, и укрылся въ Мраморное море; азіатскія провинціи съ ихъ крѣпостями быстро падали, одна за другою, передъ побѣдоносными египтянами; всѣ средства защиты были истощены; посланники англійскій и французскій, продолжая свои обѣщанія, равнодушно смотрѣли на осуществленіе плановъ мятежнаго паши и на приближающееся паденіе Порты. Уже тогда только уstraшенный султанъ созналъ, гдѣ ему должно искать спасенія, и обратился къ нашему императору съ усиленными просьбами о той помощи, отъ которой прежде такъ упорно отказывался. Извѣстіе о семъ пришло въ Петербургъ въ воскресенье масленицы. Государь и императрица были въ это время на танцевальномъ завтракѣ у графа Кочубея, пригласившаго къ себѣ все высшее общество столицы. Государь дважды удалялся изъ шумнаго собранія почти незамѣтно, всего на какой нибудь часъ, а между тѣмъ ему этого времени достаточно было для передачи своихъ приказаній министрамъ: иностранныхъ дѣлъ, военному и морскому. Въ тотъ же вечеръ отправили курьеровъ съ повелѣніемъ уже готовой заранѣе бригадѣ плыть на линейныхъ корабляхъ въ Константинополь, подъ начальствомъ того же самаго генерала Муравьева, только что возвратившагося изъ египетской своей миссіи. Всего черезъ 12-ть дней отъ полученія извѣстія, а именно 8-го февраля, корабли наши, съ двумя пѣхотными полками, артиллеріею и нѣсколькими сотнями казаковъ, уже плыли по Босфору, къ крайнему удивленію иностранныхъ посольствъ, къ живой радости султана и къ испугу всѣхъ приверженцевъ честолюбивыхъ замысловъ египетскаго паши. Хотя это неожиданное появленіе нашего вспомогательнаго отряда тотчасъ удержало Ибрагима отъ дальнѣйшихъ дѣйствій, однако, по новому ходатайству Порты и для большаго еще обезпеченія успѣха, въ подкрѣпленіе къ первой бригадѣ послали еще другую также на судахъ, которыми увеличились наши морскія силы подъ стѣнами древней Византіи. Войска были высажены на Азіатскій берегъ, противъ Терапіи, а небольшой отрядъ турецкой гвардіи, оставшійся еще въ распоряженіи султана, расположился возлѣ нашего и отданъ былъ подъ команду Муравьева. Между тѣмъ, при необходи-

мости соединить въ этой экспедиціи подъ одно главное завѣдываніе часть политическую съ управленіемъ флота и сухопутнаго войска, въ Константинополь былъ посланъ графъ Орловъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла. Султанъ осыпалъ его почестями; открытое и любезное обращеніе графа привлекло къ нему всѣ партіи, и онъ внушилъ полное къ себѣ довѣріе даже самымъ мнительнымъ саповникамъ Порты, а дисциплина и отличное поведеніе нашихъ войскъ изгладилъ всѣ слѣды той недовѣрчивости, которую турки, по старинной своей ненависти къ русскимъ, не могли не ощутить на первыхъ порахъ появленія нашихъ войскъ вблизи ихъ столицы. Иностранные дипломаты, испуганные этимъ новымъ усиленіемъ нашего значенія въ такомъ краѣ, который Англія и Франція желали видѣть подчиненнымъ лишь своему вліянію, всемѣрно старались возбудить въ умахъ султана и его совѣтниковъ прежній страхъ и прежнія подозрѣнія противъ Россіи, но миновавшая опасность была слишкомъ велика, и помощь наша слишкомъ дѣйствительна, чтобы ихъ наговоры могли потрясти то чувство благодарности, которымъ Турція считала себя обязанною русскому императору.

Орловъ заявилъ, что срокъ пребыванія въ Турціи ввѣренныхъ главному его начальству сухопутныхъ и морскихъ силъ будетъ зависѣть отъ поведенія египетскаго пашы, что послѣдній обѣщалъ генералу Муравьеву прекратить непріятельскія дѣйствія и возвратиться къ покорности, что онъ не сдержалъ своего слова, и что непремѣнная воля императора Николая есть принудить его къ тому; слѣдственно, что иностраннымъ державамъ, желающимъ удаленія нашихъ войскъ, остается лишь употребить свое вліяніе на Мехмедъ-Али, и какъ только египтяне начнутъ отступать и обезпечать должнымъ образомъ прочность мира, такъ и русскія войска не замедлятъ оставить турецкія владѣнія.

Твердый тонъ Орлова, приготовленія нашего отряда къ долговременной стоянкѣ въ занятыхъ имъ мѣстахъ, наконецъ доброе согласіе, продолжавшее господствовать между нами и турками, убѣдили дипломатію, что ей остается только помогать Орлову въ его намѣреніяхъ. Иностранныя посольства въ Константинополь отправили нарочныхъ офицеровъ къ Ибрагиму съ приглашеніемъ прекратить военныя дѣйствія, а къ отцу его съ приглашеніемъ ускорить исходатайствованіе у Порты прощенія его бунта.

Пока эти посланцы спѣшили въ Египеть, а по всѣмъ большимъ дорогамъ скакали курьеры съ извѣстіемъ о прибытіи нашего флота въ Константинополь, графъ Орловъ давалъ праздники султану и посламъ, устраивалъ на берегахъ Босфора и на своихъ корабляхъ великолѣпныя иллюминаціи и показывалъ туркамъ русскія военныя эволюціи. Нашему вѣку дано было видѣть необычайное зрѣлище: русскихъ войскъ, пришедшихъ спасти Порту Оттоманскую, столѣтіями враждовавшую съ

Россіей, войскъ, за три года до того заставлявшихъ трепетать Константинополь, а теперь дружественно стоявшихъ подъ его стѣнами; наконецъ русскихъ судовъ, которыхъ выстрѣлы раздавались у входа въ проливъ, защищавшихъ теперь столицу Турціи отъ мятежнаго пашп, наперекоръ зависти и морскому владычеству Англіи. Соединенныя успія посольствъ и страхъ, вынужденный присутствіемъ нашихъ войскъ, скоро привели къ рѣшенію вопроса. Мехмедъ-Али согласился признать себя вассаломъ Турціи и платить ей дань. Ибрагимъ получилъ повелѣніе отступить. Постановлено было точнѣе опредѣлить границы подъ гарантіею заинтересованныхъ державъ, и всѣ затрудненія были устранены.

Орловъ послалъ офицера главнаго штаба Дюгамеля удостовѣриться въ отступленіи Ибрагима и объявилъ, что ждетъ лишь его донесеній, чтобы возвратиться съ своимъ отрядомъ въ Россію. Никто не вѣрилъ въ близость отступленія, однако едва только Дюгамель донесъ, что Ибрагимъ удался до назначеннаго нами пункта, Орловъ испросилъ прощальную аудіенцію у султана, и весь вспомогательный корпусъ уже плылъ по Босфору, салютуя спасенной имъ столицѣ. Иностранцы изумились столь точному исполненію даннаго слова. Дипломаты только еще обсуждали, какъ бы исторгнуть проливы изъ нашихъ рукъ, а наши войска уже находились вѣдъ предѣловъ Турціи. Это великодушіе заставило умолкнуть нашихъ враговъ, привязало къ намъ султана, увеличило значеніе наше на Востокѣ и страхъ, внушаемый нами западу. Орловъ заключилъ съ Портою оборонительный и торговый трактатъ, по которому дарованы были и новыя льготы коммерческимъ судамъ всѣхъ націй при проходѣ ихъ черезъ Дарданеллы и Босфоръ. По подписаніи трактата Орловъ уѣхалъ, осыпанный подарками и изъявленіями благодарности ему и его монарху. Султанъ роздалъ ордена всѣмъ начальникамъ нашихъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ и установилъ особую медаль для всѣхъ офицеровъ, солдатъ и матросовъ, участвовавшихъ въ этой достопамятной экспедиціи. Нашъ государь съ своей стороны также велѣлъ выбить въ память о ней медаль, которою были награждены всѣ наши войска, находившіяся въ Константинополѣ¹.

Въ ту же зиму, когда все это происходило на далекомъ Востокѣ, государь, не развлекаясь сими событіями, дѣятельно занимался своимъ постояннымъ трудомъ — улучшеніемъ внутренняго управленія государства. Кромѣ переформированія всѣхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ нашей арміи, вслѣдствіе дознанной опытами послѣднихъ войнъ малочисленности ихъ состава, на что при превосходномъ устройствѣ военной отчетности потребовалось не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, — важнѣйшимъ событіемъ этой эпохи было изданіе «Свода законовъ»,

¹ Императоромъ Николаемъ отмѣчено: «Неправда, у насъ за эту экспедицію медали не было дано, а таковая была учреждена за минувшую войну 1828 и 1829 годовъ».

приведеннаго къ окончанію неуспынными трудами М. М. Сперанскаго, подъ бдительнымъ надзоромъ самого государя. Этотъ огромный трудъ, столько разъ со временъ Петра Великаго безплодно переначиваемый, былъ наконецъ довершенъ всего въ восемь лѣтъ.

31 января императоръ Николай неожиданно явился въ государственнѣйшій совѣтъ и, занявъ мѣсто между его членами, произнесъ длинную и подробную рѣчь, поразившую всѣхъ своею ясностію, послѣдовательностію и силою, о необходимости для Россіи систематическаго свода изданныхъ въ разныя времена законовъ, еще сохраняющихъ свою силу. Онъ заключилъ ее тѣмъ, что этотъ «Сводъ» теперь оконченъ, и всякому члену предоставляется выразить свое мнѣніе о его достоинствѣ и о той эпохѣ, съ которой, по разсмотрѣніи его во всѣхъ частяхъ, онъ долженъ будетъ воспріять свою силу. Министръ юстиціи Дашковъ представилъ нѣкоторыя замѣчанія собственно на редакцію «Свода», не оспаривая впрочемъ основной его идеи, и всѣ прочіе члены признали ее въ высшей степени полезной. Сперанскій и государь не отстаивали своей работы, сознаваясь, что и она, какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, можетъ имѣть свои недостатки. Положено было: «Сводъ» обнародовать, присвоивъ ему съ этого же времени силу закона, и назначить двухлѣтній срокъ на представленіе отъ подлежащихъ властей всѣхъ замѣчаній, какія, по опыту и познаніямъ ихъ, могли бы представиться по той или другой статьѣ. По окончаніи этого достопамятнаго засѣданія, государь, не выходя изъ совѣта, обнялъ Сперанскаго и надѣлъ на него снятую съ себя самого Андреевскую звѣзду, въ награду славнаго его труда, памятника долговѣщнаго, чѣмъ всѣ завоеванія, столь часто обращающіяся въ несчастія народовъ.

16-го мая государь предпринялъ новую поѣздку по своей имперіи. Мы остановились прежде всего въ Псковѣ, въ которомъ онъ еще не бывалъ. Переночевавъ здѣсь и осмотрѣвъ на другой день общественныя заведенія, государь отправился въ Динабургъ, гдѣ за окончаніемъ уже всѣхъ работъ онъ желалъ лично присутствовать при освѣщеніи крѣпости. Гарнизонъ и всѣ расположенныя въ окрестностяхъ войска были разставлены на валѣ, по всѣмъ извилинамъ куртинъ и бастіоновъ. Послѣ торжественнаго богослуженія въ церкви всѣ вышли на тотъ бастіонъ, который предназначенъ былъ для поднятія крѣпостнаго флага, и когда послѣдній взвился на верхъ мачты, войска и крѣпостныя орудія салютовали освященію этой величественной и грозной твердыни. Особенно примѣчательнаго случилось тутъ то, что въ минуту окропленія флага святой водою и потомъ поднятія его всѣхъ насъ оросило дождемъ при совершенно чистомъ и ярко сіявшемъ небѣ. Солдатамъ это показалось особеннымъ чудомъ, изліяніемъ милости Божіей на новую крѣпость, и ихъ «ура» загремѣло отъ того еще громче. За сѣмъ го-

сударь въ предшествіи духовенства со святою водою и въ сопровожденіи своей свиты обошелъ весь валъ и всѣ стоявшіе на немъ войска, которыя отдавали ему честь. Величественное это зрѣлище привлекло множество народа изъ всѣхъ окрестностей. Въ заключеніе церемоніи войска, сойдя съ вала, выстроились въ колонны за эспланадою, гдѣ государь сдѣлалъ имъ смотръ.

Изъ Динабурга мы поѣхали въ Ригу, по дорогѣ на древній Кокенгузенскій замокъ, лежащій на крутомъ берегу Двины. Во весь этотъ путь я находился въ смертельномъ безпокойствѣ вслѣдствіе полученныхъ съ разныхъ сторонъ свѣдѣній о покушеніи на жизнь государя, замышляемомъ будто бы именно въ этой мѣстности. Онъ, всегда увѣренный въ покровительство Божию, не обращалъ на эти слухи, дошедшіе до него, ни малѣйшаго вниманія и спалъ въ коляскѣ сномъ праведнаго. Я же, сидя возлѣ него, безпрестанно глядѣлъ во всѣ стороны и старался бодрствовать за него. Намъ было писано изъ Лондона, Парижа и Гамбурга, а, кромѣ того, мы прочли въ нѣсколькихъ перехваченныхъ письмахъ, что цѣлое, довольно многочисленное общество, состоящее большею частію изъ польскихъ выходцевъ, поклялось лишить жизни государя, и что для исполненія этого гнуснаго замысла выбраны окрестности Динабурга и Риги. Я послалъ нѣсколько человѣкъ впередъ провѣдать дорогу; но убійцѣ такъ легко скрыться подъ одеждою крестьянина или просителя, что часто одинъ только счастливый случай можетъ способствовать его открытію. Единственная предосторожность, дозволенная мнѣ государемъ, состояла въ томъ, что у насъ на козлахъ сидѣлъ линейный казакъ, одинъ изъ числа тѣхъ 20-ти, которые въ Петербургѣ приписаны къ гвардейскому корпусу.

Слухъ объ этомъ замыслѣ распространился и въ публикѣ; русскіе, путешествовавшіе по Германіи, писали о немъ своимъ родственникамъ въ Петербургѣ, какъ о вѣсти гласной, для предваренія о томъ государя. Въ Пруссіи и Польшѣ назначали эпохою убійства его именно эту поѣздку. Петербургская публика испугалась и умоляла меня со всѣхъ сторонъ о величайшей осмотрительности. Но съ императоромъ Николаемъ не могло быть рѣчи о какихъ либо мѣрахъ предосторожности: онѣ были чужды его свойствамъ и тому безпредѣльному упованію, которое онъ полагалъ на Провидѣніе. «Богъ—мой стражъ! — говаривалъ государь въ подобныхъ случаяхъ: — и если я уже не нуженъ болѣе для Россіи, то онъ возьметъ меня къ Себѣ!»

На этотъ разъ все, однако же, миновалось благополучно. Мы прибыли въ Ригу среди дня, проѣхавъ, по обыкновенію, цѣлую ночь. Рижскіе жители приняли государя тѣмъ съ большимъ восторгомъ, что уже и въ Ригѣ сталъ извѣстенъ названный слухъ. Въ слѣдующее утро при разводѣ на эспланадѣ я замѣтилъ, что впереди народа вездѣ станови-

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

лись съ испытующимъ взглядомъ дворяне и почетнѣйшіе граждане, какъ бы стѣною окружая государя для огражденія его отъ злонамѣренныхъ попытокъ.

Войска, стоявшія въ Ригѣ, принадлежали къ числу тѣхъ, которыя такъ храбро сражались въ Польшѣ, подъ начальствомъ графа Палена. Государь остался доволенъ ими.

Осмотрѣвъ все заслуживающее его вниманія и почтивъ присутствіемъ балъ въ залѣ Черноголовыхъ, государь отправился въ Ревель. По выѣздѣ изъ Риги, насъ очень удивило множество щеголеватыхъ всадниковъ, которые до половины второй станціи то обгоняли насъ, то ѣхали навстрѣчу, не теряя изъ вида государственной коляски. Оказалось, что это были молодые дворяне и купцы, которые подъ видомъ прогулки разсыпались по всей дорогѣ для сопровожденія и возможнаго охраненія государя. Онъ былъ чрезвычайно тронутъ такимъ знакомъ преданности, и эта свита отстала наконецъ отъ насъ только по успеннымъ его настояніямъ.

У вѣзда въ Екатеринентальскій садъ, въ обѣденную пору, насъ встрѣтило цѣлое общество, пріѣхавшее изъ Петербурга въ Ревель, по уговору со мною, навѣстить меня въ моемъ Фаллѣ. То были датскій посланникъ графъ Блумъ, вице-канцлеръ графъ Нессельроде, оберъ-шенкъ графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, оберъ-церемоніймейстеръ графъ Воронцовъ-Дашковъ и графъ Матусевичъ. Государь тотчасъ пригласилъ ихъ къ себѣ во дворецъ и очень весело принялъ эту веселую компанію.

Часть флота, стоявшая въ это время на Ревельскомъ рейдѣ, своимъ присутствіемъ еще болѣе украшала и безъ того неподобный видъ съ дворцоваго балкона. Государь, узнавъ, что императрица ѣдетъ тоже въ Ревель, чтобы сдѣлать ему сюрпризъ, тотчасъ по окончаніи обѣда сѣлъ одинъ въ маленькую фельдъегерскую бричку и поскакалъ навстрѣчу своей супругѣ. Спусти нѣсколько часовъ, громкія «ура» возвѣстили ихъ пріѣздъ. Императрица еще въ первый разъ была въ Ревелѣ и въ томъ дворцѣ, который, бывъ нѣкогда жилищемъ Петра Великаго и его супруги, болѣе вѣка стоялъ въ запустѣніи. Императоръ Николай и императрица Александра были первою императорскою четюю, поселившеюся временно въ этомъ дворцѣ, послѣ великихъ ихъ предшественниковъ.

Черезъ день послѣ своего пріѣзда государь съ императрицею почтили посѣщеніемъ мой скромный Фаллъ. Это было 27-е мая, день перехода нашей арміи черезъ Дунай, въ 1828 году. Государь, вспоминая о томъ, милостиво отозвался, что ему пріятно провести этотъ день у меня. Сады, домъ, его убранство, все понравилось государю. Передъ обѣдомъ сдѣлали большую прогулку, а за столомъ онъ умѣлъ

придать всѣмъ истинную веселость и непринужденность. Къ ночи же мы цѣлымъ обществомъ возвратились въ Ревель.

На слѣдующій день государь сдѣлалъ смотръ флоту, который салютовалъ изъ всѣхъ орудій. Императорскій флагъ также со временъ Петра Великаго не развѣвался на Ревельскомъ рейдѣ. Подъ вечеръ государь сѣлъ на одинъ изъ кораблей эскадры и велѣлъ дать ей сигналъ къ отплытію. Очень слабый вѣтеръ медленно понесъ суда, и мы съ берега долго могли любоваться этимъ величественнымъ зрѣлищемъ. Императрица со свойственною ей привѣтливостію и ласкою собрала вокругъ себя всѣхъ моихъ петербургскихъ гостей и все высшее ревельское общество; народъ и дѣти толпились около нея; она со всѣми разговаривала и радовалась общему усердію и веселію. Послѣ ужина императрица сѣла на пароходъ «Ижора» и скоро догнала флотъ, слѣдовавшій къ Свеаборгу, который государю хотѣлось ей показать. Оттуда они поѣхали вмѣстѣ водою же въ Петергофъ, а я съ моими гостями проѣхалъ прямо въ Фалль и черезъ нѣсколько недѣль возвратился къ отправленію моихъ обязанностей.

Слухи о польскихъ злоумышленіяхъ оправдались послѣдствіями: въ іюнѣ 1833 года явилось изъ-за границы нѣсколько эmissаровъ; одни изъ нихъ прокрались въ царство Польское, и отсюда часть ихъ успѣла проникнуть даже въ Виленскую губернію; другіе же, рассчитывая на сочувствіе своихъ соотечественниковъ, сбросили личину и вторглись вооруженною рукою въ наши предѣлы со стороны Галиціи, бросились на казачьи пикеты, оберегавшіе пограничную линію, безчеловѣчно умертвили нѣсколько солдатъ, захваченныхъ ими врасплохъ въ ближнихъ избахъ, и подняли знамя національнаго возстанія. Собранный наскоро небольшой отрядъ пѣхоты и казаковъ устремился противъ этой шайки, упоенной ложными надеждами и шампанскимъ. Послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ эти полоумные патріоты обратились въ бѣгство съ тою же поспѣшностію, съ какою ворвались къ намъ. Нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе взяты въ плѣнъ, а остальные спаслись, лишь благодаря быстротѣ своихъ лошадей и близости границы. Точно также и другіе эmissары, вкравшіеся къ намъ для воззванія къ мятежу, разбѣжались во всѣ стороны, и нѣкоторые изъ нихъ тоже были пойманы или выданы своими единоземцами. Такъ окончилась нелѣпая и гнусная попытка, послужившая только новымъ доказательствомъ безразсудства этой націи. Несчастные ввели въ бѣду многихъ своихъ родственниковъ, равно какъ и мирныхъ жителей, не донесшихъ по слабости или по излишней довѣренности объ ихъ убѣжищахъ. Судъ надъ попавшими къ намъ въ руки былъ коротокъ: тѣхъ, которые обогрѣли себя кровью нашихъ солдатъ, умертвили, другихъ сослали или заключили въ тюрьмы. Старались обвинять какъ мож-

но меньше людей, и вскорѣ объ этихъ безумцахъ вспоминали, лишь проклиная ихъ за усилившіяся, по поводу ихъ покушенія, мѣры строгости и надзора со стороны правительства. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ, по имени Шпманскій, пойманный въ Литвѣ и осужденный къ висѣлицѣ, вымолилъ себѣ жизнь искреннимъ раскаяніемъ и показаніями, казавшимися чистосердечными. Его привезли въ Петербургъ, гдѣ я говорилъ съ нимъ нѣсколько разъ. Онъ излилъ передо мною, казалось, всю душу; назвалъ всѣхъ соучастниковъ; передалъ мнѣ всѣ замыслы парижскихъ революціонныхъ комитетовъ, средства, употребляемыя ими для обольщенія легкомысленныхъ умовъ, требуемую ими присягу и даваемыя ими ихъ adeptамъ инструкціи, наконецъ показанія свои заключилъ просьбой дозволить ему служить нашему государю, обѣщая при этомъ служить съ тѣмъ же усердіемъ и рвеніемъ, съ какими служилъ дѣлу, признаваемому теперь имъ самымъ за безчестное и преступное. Я ему повѣрилъ, и онъ получилъ полную свободу, а его мать, бывшая въ отчаяніи отъ поведенія сына и находившаяся, притомъ, въ большой бѣдности, была успокоена назначеніемъ ей денежнаго пособія. Шпманскій, растроганный такимъ великодушіемъ, уѣхалъ въ Германію и доставилъ мнѣ изъ Берлина, а послѣ изъ Франкфурта, весьма полезныя указанія о демагогическихъ замыслахъ противъ Россіи. По прибытіи же въ Парижъ, онъ вдругъ написалъ мнѣ гнуснѣйшее письмо, наполненное самыхъ грязныхъ ругательствъ противъ императора Николая и угрозъ противъ жизни того, кто избавилъ его отъ смерти.

Тѣмъ же лѣтомъ мнѣ доложили объ одномъ молодомъ полякѣ, желающемъ сообщить мнѣ наединѣ какую-то тайну. Я принялъ его въ моемъ кабинетѣ, и онъ сознался безъ всякой утайки, что пріѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ отомстить за поработненное свое отечество и освободить міръ отъ тирана Николая. Лучшимъ доказательствомъ того, что у него достало бы духу для исполненія такого замысла, можетъ служить его настоящее сознаніе; слыша за границей о постыдномъ будто бы рабствѣ Польши и повѣривъ всему сообщенному ему и прочитанному имъ тамъ, онъ считалъ Россію несчастною, а государя ненавидимымъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, сойдясь съ нѣкоторыми своими соотечественниками, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ ихъ на свободѣ, нѣкоторыхъ на службѣ и въ орденахъ и всѣхъ отдающихъ справедливость высокимъ качествамъ государя; что такое же удивленіе возбуждено было въ немъ благосостояніемъ, спокойствіемъ и довольствомъ жителей этой великолѣпной и обширной столицы; наконецъ, что посреди встрѣченныхъ вездѣ знаковъ любви и преданности къ императору Николаю ненависть его превратилась въ благоговѣніе, когда онъ увидѣлъ государя, и теперь онъ пришелъ предать себя тому наказанію, какое за-

служиваетъ замышленное имъ преступленіе. Я отвѣчалъ, что его раскаяніе и признаніе достаточно очищаютъ преднамѣренную имъ вину, что онъ остается на свободѣ, и что о всемъ слышанномъ я доложу государю. Спустя нѣсколько дней, онъ былъ вытребованъ въ Петергофъ, и я вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ кабинетъ его величества. Государь принялъ его съ тою простотою и съ тѣмъ искреннимъ прямодушіемъ, которыя всегда такъ поражали имѣвшихъ счастье впервые видѣть нашего монарха. Онъ разспросилъ молодого человѣка о его жизни и причинахъ его рѣшимости. Полякъ съ ненарушимымъ спокойствіемъ повторилъ все уже сказанное мнѣ. На вопросъ государя о будущихъ его планахъ онъ отвѣчалъ, что желаетъ посвятить всю свою жизнь службѣ царской. «Гдѣ?» — «Въ царствѣ Польскомъ», и государь велѣлъ мнѣ написать фельдмаршалу Паскевичу, чтобы онъ опредѣлилъ молодого человѣка на службу и употребилъ бы его по его желанію и способностямъ. Послѣдній, вышедъ изъ государственнаго кабинета въ неопisanномъ волненіи, пожмая мнѣ руку, сказалъ: «Я сумѣю заслужить такія милости и такое великодушіе безпредѣльною моею преданностію».

Въ этомъ году еще одинъ бичъ поразилъ Россію и далъ государю новый случай обнаружить свою дѣятельность и свою отеческую заботливость о вѣрренной ему странѣ. Имперія почти на всемъ ея пространствѣ была постигнута неурожаемъ, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земля не дала ровно ничего. Травы погорѣли, хлѣбъ не уродился, огороды стояли пустые, и даже картофель весь погибъ. Многочисленныя стада овецъ, главное богатство плодородныхъ южныхъ нашихъ губерній, гибли тысячами отъ недостатка корма. Рогатый скотъдохъ, и малороссійскіе крестьяне теряли съ нимъ послѣднія средства къ существованію. На широкихъ равнинахъ земли войска Донского и на Кавказской линіи лучшіе и многочисленнѣйшіе табуны лошадей исчезали за неимѣніемъ ни пастбищъ, ни даже воды, изсякшей отъ продолжительной засухи. Вездѣ сельское населеніе было доведено до крайности, и жителямъ многихъ мѣстностей грозили всѣ ужасы голодной смерти.

Государь настоятельно повелѣлъ комитету министровъ озаботиться о мѣрахъ отвращенія народныхъ бѣдствій и обезпеченія продовольствія и будущихъ посявовъ; разослалъ своихъ флигель-адъютантовъ для надзора за раздачею хлѣба и денегъ наиболѣе нуждающимся. Снабдивъ начальниковъ губерній и предводителей дворянства особыми полномочіями, велѣлъ открыть повсемѣстно казенные магазины и сдѣлать значительныя покупки хлѣба въ нѣмецкихъ портахъ для восполненія недостатка; наконецъ предназначилъ изъ государственнаго казначейства для покрытія настоятельныхъ нуждъ свыше 20-ти милліоновъ рублей.

Невѣроятная дѣятельность государя, которую онъ умѣлъ сообщить и мѣстнымъ властямъ, спасла Россію отъ голода и еще болѣе увеличила къ нему любовь и благодарность.

Уже нѣсколько лѣтъ сряду австрійскій императоръ Францъ изъявлялъ желаніе лично познакомиться съ нашимъ государемъ. Революціи французская и бельгійская, безумный польскій мятежъ, который отозвался и въ Галиціи, волненія въ Италіи и Швейцаріи, преобразовательныя доктрины въ Англіи и порывы къ общему равенству въ Германіи, — все это вмѣстѣ испугало вѣнскій дворъ и заставило его забыть обычную свою завистливость къ могуществу Россіи и искать возобновить тѣ связи съ нею, которыя въ 1814 и 1815 годахъ возвратили Австріи ея независимость и первенство въ Германіи. Посоль австрійскій въ Петербургѣ, графъ Фикельмонъ, уже умѣлъ ловко и вмѣстѣ прямоудушно подготовить это сближеніе, указанное мудрою и предусмотрительною политикою, и необходимость котораго сами мы давно видѣли.

Пруссія, всегда шаткая въ своихъ планахъ, всегда возбуждаемая воинственнымъ и неосторожнымъ жаромъ своихъ принцевъ, въ противоположность съ постояннымъ спокойствіемъ своего короля, раздвоенная въ своихъ правительственныхъ началахъ между монархической арміей и либеральнымъ среднимъ сословіемъ, также чувствовала необходимость снова присоединиться къ старому союзу, воскресившему ее въ 1814 и 1815 годахъ и представлявшему единственный якорь спасенія противъ конституціонныхъ и демагогическихъ идей, волновавшихъ ея провинціи.

Австрія и Пруссія сознали наконецъ, что императоръ Николай былъ краеугольнымъ камнемъ, о который должны были опираться сила монархическихъ державъ и миръ Европы. Онъ одинъ могъ сопротивляться замысламъ демократіи и революціоннаго движенія, связавшаго Лондонъ съ Парижемъ.

Отсюда родилась мысль о личномъ совѣщаніи между монархами Австріи, Пруссіи и Россіи, съ жаромъ воспринятая императоромъ Николаемъ, постигавшимъ всю ея необходимость для поддержанія мощною его рукою колебавшихся троновъ. Но, чтобы не слишкомъ встревожить прочіе кабинеты созваніемъ официальнаго конгресса, онъ рѣшился свидѣться съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ порознь съ каждымъ. Для этого свиданія король прусскій выбралъ Шведтъ, а австрійскій императоръ городокъ Мюнхенгрецъ.

15-го августа, вечеромъ, государь, взявъ съ собою князя Волконскаго, графа Орлова и меня ¹, сѣлъ у Петергофа на пароходъ «Ижора». Къ разсвѣту мы были уже въ открытомъ морѣ и рассчитывали

¹ Въ свитѣ находились еще генералъ-адъютантъ Адлербергъ и флигель-адъютантъ князь Суворовъ.

уже заранѣе день и часъ нашего прибытія въ Штетинъ, куда отпразднили наши экипажи для переѣзда въ Шведтъ. Вдругъ сталъ разыгрываться вѣтеръ, и постепенно развилось страшное волненіе, отъ котораго нашъ легкій пароходъ, построенный лишь для прогулокъ между Петергофомъ и Кронштадтомъ, бросало, какъ мячикъ. Къ тому же «Ижора» вмѣщала въ себѣ топлива только на трое сутокъ, и при бурѣ, замедлявшей нашъ ходъ, мы рисковали остаться въ морѣ безъ угляевъ. Капитанъ судна объявилъ, что необходимо обождать конца бури, укрывшись въ сосѣдней бухтѣ у Эстляндскихъ береговъ, и мы, покоряясь его приговору, принуждены были стать на якорь. въ виду лѣспистыхъ береговъ, верстахъ въ сорока отъ Ревеля. Качка была и тутъ страшная, вѣтеръ не ослабѣвалъ, стало очень холодно. Капитанъ крайне тревожился нашимъ положеніемъ, и самъ государь начиналъ беспокоиться о потерѣ времени, зная, что король пріѣдетъ въ Шведтъ къ назначенному дню, а принцъ прусскій уже выѣхалъ въ Штетинъ навстрѣчу намъ. Впослѣдствіи мы узнали, что эта буря свирѣствовала на всей Балтикѣ и, потопивъ множество судовъ, дала поводъ иностраннымъ газетчикамъ разгласить, что императоръ Николай былъ поглощенъ волнами со всею своею свитою.

Уже слишкомъ двѣнадцать часовъ какъ насъ нестерпимо качало на брошенныхъ якоряхъ, при ежеминутной опасности, если бы цѣпи порвались, быть выброшенными на утесистый берегъ. Вѣтеръ не перемѣнялъ направленія и продолжалъ гудѣть все съ одинаковою силою. Тогда капитанъ предложилъ, какъ единственное средство выйти изъ этого тягостнаго положенія, идти по вѣтру, обратно въ Кронштадтъ. Государь собралъ насъ въ свою каюту на совѣщаніе и весело потребовалъ мнѣнія этого импровизированнаго совѣта. Мы поспѣшили согласиться съ капитаномъ, и «Ижора» быстро понеслась къ Кронштадту, къ великой радости Волконскаго, небольшого охотника до бурь, тутъ же закалявшагося ѣхать когда нибудь впредь водою. 17-го, вечеромъ, мы прибыли въ Петергофъ, но нашли его уже опустѣвшимъ. Дворъ уже переѣхалъ въ Царское Село, а у пристани не было даже катера, чтобы перевезти насъ на берегъ. Государь со мною переѣхалъ туда на маленькой пароходной гичкѣ и тотчасъ отправился въ дрожкахъ въ Стрѣльну, откуда полетѣлъ на перекладной въ Царское Село, велѣвъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ для приготовленій къ поѣздкѣ въ Пруссію сухимъ путемъ. Буря на сушѣ была такъ же сильна, какъ и въ морѣ; въ Петербургѣ вода, чрезвычайно повысая въ Невѣ и въ каналахъ, затопила нѣсколько кварталовъ, а вѣтромъ поломало и вырвало съ корнями множество деревьевъ. Всѣ въ городѣ трепетали за жизнь государя, и извѣстіе о его благополучномъ возвращеніи распространило общую радость.

На другой день вечеромъ государь и я уже катились въ коляскѣ по Нарвскому тракту. Лошади были заготовлены вездѣ на мое имя, и мы пронеслись, не останавливаясь до прусской границы. На станціяхъ въ Россіи, разумѣется, узнавали государя, а въ Таурогенѣ управляющій таможеню, не зная, что заключить изъ такого инкогнито, ограничился глубокимъ поклономъ нашей коляскѣ. Проѣхавъ съ такою же быстротою черезъ Тильзитъ и Кёнигсбергъ, мы только въ Эльбингѣ вышли изъ коляски, чтобы позавтракать, пока смазывали колеса. Государь продолжалъ, къ большому своему удовольствію, разыгрывать роль моего адъютанта, что часто давало поводъ къ смѣшнымъ сценамъ съ почтмейстерами. Проскакавъ такимъ образомъ пятеро сутокъ, ни разу не обѣдавши, мы остановились на той станціи, гдѣ дорога въ Шведтѣ отдѣляется отъ Берлинскаго шоссе, чтобы выбраться и смѣнить бѣлье. Здѣсь, пока хозяйка готовила намъ кофе, почтмейстеръ вступилъ въ разговоръ съ моимъ моимъ адъютантомъ, который занимался своимъ туалетомъ стоя, тогда какъ я преспокойно сидѣлъ передъ столомъ. На вопросъ, есть ли въ Шведтѣ какія нибудь свѣдѣнія о плаваніи государя, почтмейстеръ съ самодовольнымъ видомъ разсказалъ о полученномъ имъ сію минуту частномъ письмѣ, извѣщающемъ, что русскій императоръ вчера благополучно сошелъ на берегъ въ Штеттинѣ, къ успокоенію чрезвычайно тревожившейся о немъ королевской фамиліи. «Слышите ли, генераль?» — сказалъ мнѣ государь. — «Слава Богу», — отвѣтилъ я и благодарилъ почтмейстера за добрую вѣсть. На третьей станціи оттуда, государь одѣлся въ прусскій генеральскій мундиръ и остальную до Шведта дорогу сдѣлалъ одинъ, въ приготовленной для фельдъегеря бричкѣ. Я старался не отставать отъ него въ нашей коляскѣ, но онъ ускакалъ далеко впередъ, и въ то время, какъ король предавался жестокому безпокойству, а наслѣдный принцъ не сходилъ съ плотины у гавани, чтобы тотчасъ дать знать, когда покажется «Ижора», — государь вдругъ появился въ Шведтскомъ дворцѣ съ со-вѣмъ противоположной стороны. Радость о его прибытіи была общая, какъ въ королевскомъ семействѣ, такъ и между всѣми военными и жителями, знавшими, какою опасностью буря угрожала зятю ихъ короля.

Въ Шведтѣ, сверхъ членовъ королевской фамиліи и наслѣднаго принца Мекленбургъ-Стрѣлицкаго, супруга сестры нашей императрицы, находились только герцогъ Кумберландскій, первый генералъ-адъютантъ короля, Вицлебенъ, и прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Ансильонъ.

Насъ помѣстили во дворцѣ, гдѣ въ 1805 году, т.-е. 28 лѣтъ тому назадъ, при возвращеніи корпуса графа Толстого изъ Ганновера въ Россію, мы были представлены королю, дотолѣ союзнику Франціи, а тутъ вдругъ рѣшившемуся перейти на нашу сторону и объявить себя противъ Наполеона, за что сей послѣдній черезъ годъ отомстилъ заняті-

емъ всей Пруссіи и принудилъ короля удалиться въ Мемель. Въ то время, еще очень молодой, я былъ очарованъ красотою королевы и старался посредствомъ ея фрейлинь отвлечь ее отъ союза съ Франціей и побудить дѣйствовать въ томъ же смыслѣ своимъ вліяніемъ на короля. На несчастіе Пруссіи, это намъ тогда вполне удалось. Теперь я былъ снова въ томъ же дворцѣ съ моимъ могущественнымъ монархомъ, также искавшимъ склонить прусскій кабинетъ къ совершенному единодушію съ русскимъ, чтобы соединить силы обѣихъ державъ для отраженія всякаго нападенія извнѣ и для совокупной борьбы противъ революціи, гдѣ бы она ни зародилась.

Ансильонъ съ самыхъ первыхъ минутъ разговора развилъ довольно многословно и въ изысканныхъ фразахъ свои политическія идеи, свои опасенія и надежды; онъ заключилъ тѣмъ, что уже настало время перестать быть снисходительнымъ къ разрушительнымъ доктринамъ, угрожающимъ Германіи и цѣлой Европѣ, и что только посредствомъ тѣснѣйшаго союза между Россіею, Австріею и Пруссіею можно остановить разливъ тѣхъ конституціонныхъ утопій, которыя со временъ хищническаго занятія французскаго престола Людовикомъ-Филиппомъ увлекаютъ всѣ умы и колеблютъ всѣ троны. Генераль Вицлебень выражался менѣе сильно и короче; изъ его словъ проглядывало опасеніе разрыва съ Франціей и съ нѣмецкими либералами, которыхъ силы онъ, впрочемъ, преувеличивалъ. Вицлебень былъ органъ добрыхъ началъ своего монарха, который ясно видѣлъ зло и вполне постигалъ дѣйствительнѣйшія средства къ его искорененію, но котораго лѣтъ, прежнія несчастія и теперешнія привычки побуждали желать мира и страшиться войны. Ансильонъ, напротивъ, являлся органомъ наслѣднаго принца, нѣкогда его питомца, который, подобно младшимъ своимъ братьямъ, считалъ прусскую армію первою въ мірѣ и требовалъ войны, какъ требовали ее прусскіе принцы и генералы передъ Іенскою битвою. Самыя событія доказали, однако же, что и Ансильонъ прикрывалъ извѣстными фразами лишь свою слабость или отсутствіе доброй воли. Когда государь изъявилъ свое положительное желаніе, чтобы прусскій министръ ѣхалъ съ нимъ въ Мюнхенгрецъ для поддержки его въ переговорахъ съ австрійскимъ правительствомъ, то Ансильонъ, видя, что въ настоящемъ случаѣ уже нельзя отыгаться словами, прямо отказался сопутствовать императору Николаю, прибавивъ даже крайне неловко, что его присутствіе въ Мюнхенгрецѣ не соответствовало бы достоинству короля. «Какъ! — вскричалъ тутъ нашъ государь: — такъ меня смѣютъ обвинять въ такомъ требованіи, которое унизило бы достоинство моего тестя?» и, увлеченный крайнимъ раздраженіемъ, въ присутствіи принцевъ, въ весьма сильныхъ выраженіяхъ излился противъ наглаго министра. Между тѣмъ, самъ король избѣгалъ всякой серіозной бесѣды съ госуда-

ремъ, ограничиваясь одними свиданіями съ нимъ въ семейномъ кругу и изъясненіями ему самой нѣжной, истинно отеческой внимательности и дружбы; потому и переговоры принимали болѣе видъ сплетней, въ которыя всѣ вмѣшивались безъ толка и безъ результата, всякій по личнымъ своимъ видамъ и убѣжденіямъ. Государя все это глубоко огорчало, тѣмъ болѣе, что самъ онъ изъяснялся со всею искренностью и прямою, свойственными его характеру, его привязанности къ королю и его сочувствію къ судьбамъ Пруссіи, политическому существованію которой грозили гораздо большія опасности, чѣмъ Австріи и особливо чѣмъ Россіи. Эта безплодная болтовня подняла въ немъ желчь, и онъ внезапно занемогъ. Тутъ, по своему обыкновенію, онъ заперся въ своей комнатѣ, легъ на дорожную постель, состоявшую всего изъ кожаного мѣшка, набитого сѣномъ, и запретилъ кого либо къ себѣ впускать, даже и врача, такъ какъ собственнымъ его докторъ, Арендтъ, дожидаясь насъ съ прочими особами свиты за нѣсколько станцій отъ Мюнхенгрета. Испуганный камердинеръ прибѣжалъ сказать мнѣ, что государю очень не хорошо. Я вошелъ къ больному безъ доклада и съ большими успѣхами едва убѣждалъ его принять королевскаго доктора, который пощупалъ пульсъ и, прописавъ лѣкарство, объявилъ мнѣ, что государь въ опасности. Окаменѣвъ отъ ужаса, я не зналъ, на что рѣшиться: послать ли нарочнаго за Арендтомъ, который во всякомъ случаѣ поспѣлъ бы не прежде двухъ сутокъ, или пригласить другого доктора изъ Берлина, такъ какъ королевскій докторъ, по отзыву нашего посланника при прусскомъ дворѣ, Рибоьера, не пользовался особенною репутаціею. Всѣ члены королевскаго дома собрались въ аванзалѣ въ смертельной тревогѣ. Государь уснулъ, и я черезъ щель въ дверяхъ слѣдилъ за всѣми его движеніями. Когда онъ проснулся, я вошелъ къ нему въ душевномъ волненіи и доложилъ, что король съ истеричіемъ желаетъ его видѣть. При этихъ словахъ государь вскочилъ съ постели, потребовалъ одѣваться и самъ твердою поступью пошелъ къ августѣйшему своему тестю. Всѣ наши безпокойства разомъ прекратились, и я снова занялся дорожными нашими сборами.

Послѣ рѣшительнаго отказа Ансльона ѣхать при государѣ, необходимо было употребить съ нашей стороны всѣ старанія, чтобы Пруссія на мюнхенгретское свиданіе назначила какое нибудь другое довѣренное лицо, безъ чего союзъ трехъ державъ,—главная цѣль нашей поѣздки,—остался бы безъ всякаго внѣшняго проявленія. Послѣ продолжительныхъ толковъ и колебаній и довольно ясно выказаннаго Пруссіей равнодушія, рѣшено было, чтобы ѣхалъ наслѣдный принцъ, но только до прусской границы, гдѣ ему остаться, въ ожиданіи приглашенія австрійскаго императора въ Мюнхенгретъ. Желаніе государя слѣдственно исполнялось, и для Европы, слѣдившей за обоими этими свиданіями, они

свидѣтельствоваѣи объ единодушїи, господствующемъ между тремя монархами. Намъ, однако же, дѣло представлялось въ иномъ видѣ, открывая печальную перспективу на слабое сотоварищество Пруссїи и на мало-надежную помощь ея кабинета, всегда шаткаго, хитраго и недоувѣрливаго. Король, всѣ члены его дома, нѣсколько генераловъ и офицеровъ питали искреннюю привязанность къ нашему государю; но могущество Россїи внушало всѣмъ зависть; тщеславїе пруссаковъ не позволяло имъ искать въ немъ благотворнаго оплота. Принцы и молодое поколѣніе офицеровъ слишкомъ на себя надѣялись; мечтая о военной славѣ, они домогались войны съ Франціей. Въ этихъ видахъ они склонялись къ союзу, видя въ немъ лишь средство къ нападенію, тогда какъ въ сущности союзъ предназначался для избѣжанія войны, столь горячо желаемой французскими и нѣмецкими революціонерами.

Образъ нашей жизни въ четыре дня, проведенные въ Шведтѣ, былъ довольно однообразенъ. Собирались къ завтраку, потомъ въ часъ къ обѣду, за которымъ сидѣло до 50-ти человекъ, и въ 5^{1/2} къ чаю, послѣ котораго разыгрывались маленькіе фарсы въ дворцовомъ театрѣ, затѣмъ ужинъ, и въ 10 всѣ расходились.

Государь при всѣхъ поѣздкахъ обыкновенно пускался въ путь въ полночь; но въ виду недавняго нездоровья государя король уговорилъ его выѣхать въ 10 часовъ утра, 27-го числа. Онъ поѣхалъ съ наследнымъ принцемъ, а я съ полковникомъ Грёбенемъ. Въ слѣдующую ночь мы испытали всю прелесть нешоссированныхъ дорогъ и неловкости нѣмецкихъ почтарей. Государя завезли въ поле, а меня опрокинули, при чемъ сломалась коляска, и почтальонъ сильно ушибся. Принцъ прусскій былъ взбѣшенъ этими непрїятными приключеніями, заставившими государя пожать плечами, а меня—съ сожалѣніемъ вспомнить о поѣздкахъ нашихъ по Россїи.

На послѣдней прусской станціи, гдѣ наследный принцъ остановился въ ожиданіи приглашенія австрійскаго императора, государя встрѣтилъ посолъ нашъ при вѣнскомъ дворѣ, Татинцевъ, котораго онъ посадилъ съ собою въ коляску до Мюнхенгрета. Императоры сошлись другъ съ другомъ очень привѣтливо и со всевозможною искренностью. Престарѣлый и почтенный Францъ, Несторъ коронованныхъ главъ въ Европѣ, былъ видимо тронутъ, заключая въ объятія молодого преемника того Александра, котораго помощь возвратила ему потерянную державу, и дружбою котораго онъ всегда такъ дорожилъ. Николай Павловичъ, съ своей стороны, тотчасъ и со всею искренностью вступилъ въ роль нѣжнаго и почтительнаго племянника, смотрѣвшаго на императора Франца, какъ на брата и сослуживца императора Александра, котораго, по разности лѣтъ и по двадцатилѣтнему его царствованію, нашъ государь всегда считалъ истиннымъ своимъ отцомъ. Столь же искренна

и сердечна была и встрѣча съ императрицею, трогавшею каждого заботливою любовью къ августѣйшему своему супругу. Пытливый взглядъ австрійскихъ царедворцевъ съ первыхъ минутъ убѣдился въ совершенномъ согласіи, водворившемся между обоими монархами, а непринужденная скромность нашего государя и почтительная его предупредительность къ ихъ императору, лѣтя народному самолюбію, вскорѣ уничтожили всѣ предубѣжденія противъ русскаго самодержца, посѣянные ложью и недоброжелательствомъ.

Въ Мюнхенгретцѣ не былъ приглашенъ никто изъ прочихъ членовъ австрійскаго дома, и вообще старались придать этому свиданію, какъ можно менѣе блеска въ обстановкѣ; поэтому выборъ самаго мѣста свиданія и палъ на этотъ незначительный городокъ, собственность одного изъ сомненныхъ потомковъ знаменитаго въ тридцатилѣтнюю войну Валленштейна. Оба монарха помѣщались въ обширномъ замкѣ, въ которомъ нашлось еще довольно мѣста и для великой княгини Маріи Павловны, пріѣхавшей въ Мюнхенгретцъ съ супругомъ своимъ гротъ-герцогомъ Веймарскимъ для свиданія съ государемъ. Прибывшій нѣсколькими днями позже герцогъ Нассаускій остановился въ мѣстечкѣ. Онъ познакомился съ Николаемъ Павловичемъ въ послѣдніе годы царствованія императора Александра и особенно дружески съ нимъ сошелся.

Опередившій насъ нѣсколькими днями графъ Нессельроде уже до нашего пріѣзда вошелъ въ переговоры съ княземъ Меттернихомъ, стоявшимъ на дѣлѣ, по достоинствамъ своимъ, во главѣ вѣнскаго кабинета. Князь, судившій о нашемъ государѣ не по газетнымъ возгласамъ, а по его дѣйствіямъ, питалъ къ нему самое глубокое уваженіе, а императоръ Николай, съ своей стороны, имѣлъ высокое мнѣніе о талантахъ и ловкости этого стараго кормчаго искусной и лукавой австрійской политики. Оба готовились къ свиданію съ нѣкоторымъ смущеніемъ, въ чемъ послѣ и сознались другъ другу. При этомъ свиданіи, происходившемъ въ первое утро послѣ нашего пріѣзда, государь ясно и прямо изобразилъ Меттерниху критическое положеніе, въ которое Европа поставлена самими ея монархами, находящимися подъ гнетомъ постоянного опасенія либераловъ, заимствующихъ главную свою силу отъ недостатка единодушія между Австріею и Пруссіею, тогда какъ, соединившись искренно между собою и съ Россіею, эти три державы могли бы остановить потокъ революціи, обуздать Францію и Англію и сохранить спокойствіе, или, въ послѣдней крайности, одолѣть знамя мятежа и подавить, по меньшей мѣрѣ, въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ возрастающіе плевелы новой пронаганды. Государь продолжалъ далѣе, что Россія, какъ менѣе другихъ государствъ подверженная опасности, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ интересы Австріи и Пруссіи, что она отнюдь не хочетъ вмѣшиваться въ политическія распри, до нея прямо

не относящіяся, желая лишь быть надежною опорою для своихъ союзниковъ, но что не допустить также чужого вмѣшательства въ вопросы, непосредственно до нея касающіеся, какъ, напримѣръ, польскій и турецкій; наконецъ, что рѣшеніе послѣдняго вопроса должно принадлежать исключительно Россіи съ Австріей, какъ единственнымъ державамъ, коихъ владѣнія смежны съ турецкими.

Князь Меттернихъ былъ изумленъ поразительною вѣрностію картины, нарисованной ему императоромъ Николаемъ, и призналъ его виды и намѣренія столь справедливыми и полезными въ особенности для Австріи, что поспѣшилъ и по чувству и по разсудку изъяснить полное свое согласіе съ ними и, поблагодаривъ государя, торжественно поручился за дружественное и искреннее содѣйствіе своего монарха къ ихъ исполненію. Когда они вышли изъ кабинета, всѣ уже были собраны къ обѣду. Я коротко зналъ Меттерниха въ 18** году въ Парижѣ, гдѣ сблизили насъ любовныя интриги; мы сошлись слѣдственно, какъ старинные знакомцы. «Мюнхенгредскія конференціи окончены, — сказалъ онъ мнѣ, — бывало, на такихъ сѣздахъ толковали и марали бумагу по цѣлымъ мѣсяцамъ, а у вашего государя другая метода. Онъ въ одинъ часъ все покончилъ и рѣшилъ, такъ что мнѣ къ сказанному имъ не остается ничего прибавить». Старый дипломатъ всячески превозносилъ русскаго императора и рассказывалъ всѣмъ, что сдѣлался его министромъ, такъ какъ сего требовали интересы Австріи и всей монархической Европы. Дѣйствительно, Нессельроде не могъ довольно нахвалиться тѣмъ, какъ съ этихъ поръ Меттернихъ велъ дѣла; между ними не было больше никакихъ споровъ, все шло съ общаго согласія, и кабинеты вѣнскій и петербургскій совершенно соединились въ своей охранительной политикѣ.

На первыхъ порахъ обращеніе князя Меттерниха и особенно молодой его жены съ императорскою четою очень насъ озадачило. Настоящими царями являлись они, а не скромный Францъ и его супруга. Дѣло состояло въ томъ, что императоръ совершенно вѣрнулся министру, отъ души преданному его особѣ и его славѣ и занимавшему не легкій свой постъ съ высокимъ искусствомъ и со всѣмъ рвеніемъ. Престарѣлый Францъ, утомленный долговременнымъ царствованіемъ, исполненнымъ столькохъ превратностей, полагался на Меттерниха во всѣхъ дѣлахъ и политическихъ, и домашнихъ, оставляя себѣ лишь внутреннюю администрацію и высшее наблюденіе за правосудіемъ, въ которомъ многолѣтняя опытность и неукоризненное безпристрастіе стяжали ему любовь и благоговѣніе отъ всѣхъ сословій его державы.

Десять дней пребыванія нашего въ Мюнхенгредѣ проведены были очень тихо, какъ бы въ деревнѣ у какого нибудь богатаго помѣщика. Императоръ Францъ, въ маленькой коляскѣ парю, которою самъ правилъ,

возилъ нашего государя на охоту, гдѣ они забавлялись стрѣляніемъ фазановъ и другой дичи. Обѣдали всегда всѣ вмѣстѣ, а послѣ обѣда мы играли въ бильярдъ, подъ управленіемъ милой княгини Меттернихъ. Вечеромъ, выписанные изъ Праги актеры давали представленія на маленькомъ театрѣ въ замкѣ, при звукахъ полковой музыки, нисколько не уступавшей лучшимъ оркестрамъ. Вблизи Мюнхенгрета собрано было нѣсколько пѣхотныхъ полковъ, двѣ артиллерійскія батареи, одинъ кирасирскій и одинъ гусарскій полкъ, которыхъ австрійскій императоръ представилъ нашему государю на смотръ, привлекивъ множество народа изъ Праги и окрестностей. Войско было хорошее, но въ отношеніи къ обученію стояло еще на той же степени, какъ въ эпоху семилѣтней войны. На другой день австрійскій императоръ назначилъ императора Николая шефомъ осмотрънаго наканунѣ гусарскаго полка. Черезъ два дня государь, уже одѣтый въ мундиръ своего новаго полка, училъ его и, проведя его церемоніальнымъ маршемъ передъ императорскою четой, пріѣхавшей къ концу ученія, отдалъ ей честь и поднесъ почетный рапортъ. Его безподобная наружность, къ которой какъ нельзя болѣе шелъ венгерскій костюмъ, его прекрасная посадка на лошади и серьезная степенность, съ которою онъ являлся тутъ въ роли полкового командира, произвели самое благопріятное впечатлѣніе на зрителей и восхитили весь полкъ, съ гордостью видѣвшій у себя во главѣ могущественнѣйшаго владыку и красивѣйшаго мужчину во всей Европѣ. Собравъ вокругъ себя офицеровъ, государь въ милостивыхъ и сильныхъ выраженіяхъ передалъ имъ свои мысли о ихъ обязанностяхъ въ отношеніи монарха Австріи и свои чувства искренней къ нему привязанности. Эти слова, равно какъ и все поведеніе государя, почтеніе, которое онъ оказывалъ Францу I, нѣжная его внимательность къ императрицѣ, откровенность съ придворными, вѣжливость съ дамами, его одинокія прогулки во фракѣ между народомъ, всѣхъ очаровали и душевно привязали къ нему австрійскую императорскую чету. Францъ I, прося его дружбы и покровительства слабому и болѣзненному своему наслѣднику, объявилъ, что въ духовномъ своемъ завѣщаніи поставилъ въ обязанность послѣднему не предпринимать ничего, когда онъ будетъ на престолѣ, безъ совѣта императора Николая. Всѣхъ насъ престарѣлый императоръ также осыпалъ своими ласками, а меня лично часто удостоивалъ откровенными, веселыми и остроумными бесѣдами, нерѣдко смѣшавъ своимъ чисто вѣнскимъ акцентомъ.

Въ Мюнхенгретѣ, какъ и въ Шведтѣ, условились окончательно въ томъ, что на польскій вопросъ станутъ смотрѣть впредь, какъ на общій всѣмъ тремъ державамъ; что будутъ дѣйствовать противъ революціи, гдѣ бы она ни находилась, совокупными силами, и что уже ни одинъ нарушитель общественнаго спокойствія не найдетъ себѣ убожшица ни

въ которой изъ этихъ державъ, но будетъ преданъ въ руки правосудія въ той изъ нихъ, гдѣ его захватятъ.

Простившись въ восхищеніи другъ отъ друга, мы проѣхали безостановочно до Модлина, оставивъ Варшаву вправѣ.

Въ публикѣ опять много носилось слуховъ о замыслахъ на жизнь государя, и при вѣсти о его поѣздкѣ въ Польшу вся Россія трепетала за драгоценные его дни. При немъ не было никого, кромѣ меня и ѣхавшаго за нашею коляскою фельдъегеря. Фельдмаршалъ Паскевичъ разставилъ по почтовымъ домамъ небольшіе казачьи конвои, но государь запретилъ имъ за собою слѣдовать. На станціяхъ онъ бралъ прошенія отъ поляковъ, милостиво съ ними разговаривалъ и не принималъ ни малѣйшихъ мѣръ предосторожности, какъ бы среди вѣрнаго русскаго народа.

Въ Модлинъ мы прибыли ночью, въ страшную темноту, по проливному дождю, совершенно испортившему вновь проложенную дорогу. Князь Паскевичъ, выѣхавшій навстрѣчу государю, въ Ловичѣ, сопровождалъ его до новой крѣпости, близъ которой собраны были корпуса Ридигера и Крейца.

Модлинская крѣпость, выстроенная Карломъ XII во время побѣдоносныхъ его войнъ съ Польшей, была потомъ совсѣмъ запущена при слабыхъ правителяхъ этого края, пока не обновилъ ея нѣсколько Наполеонъ при вторженіи своемъ въ Россію. Польская революція 1830 года, во время которой поляки успѣли вооружить Модлинъ и усилить его разными новыми укрѣпленіями, доказала императору Николаю всю важность этого пункта, находящагося въ 40 верстахъ отъ Варшавы, при слияніи Нарева съ Вислой, господствующаго надъ всею мѣстностью. Немедленно по усмиреніи бунта государь самъ начертилъ планъ для возведенія тутъ обширной и сильной крѣпости, исполненіе сего возложилъ на дѣятельнаго Паскевича, переименовавъ Модлинъ Новогеоргіевскомъ. Все утро по приѣздѣ онъ употребилъ на обзоръ работъ, начатыхъ едва за полтора года передъ тѣмъ и уже значительно подвинувшихся. Послѣобѣденное время было посвящено осмотру пѣхотнаго лагеря, и трудно описать восторгъ, съ которымъ храбрые побѣдители Польши привѣтствовали своего монарха. Варшава, узнавъ, что владыка ея судебъ находится такъ близко отъ нея, просила позволенія прислать въ Модлинъ депутацію, для вымоленія у государя согласія имѣть счастье принять его въ своихъ стѣнахъ. Онъ велѣлъ отвѣчать, что пріѣхалъ для свиданія съ своею арміею, которой онъ всегда былъ доволенъ, но что Варшаву, столь разгнѣвавшую его, посѣтитъ тогда, когда ея жители снова заслужатъ его благоволеніе. Впрочемъ, гражданскія и военныя власти были вызваны въ Модлинъ и удостоились чести представиться государю.

Войска, стоявшія въ Варшавѣ, внутри царства и въ Брестѣ, нужны были на своихъ мѣстахъ, и потому подъ Модлиномъ собрано было только 44.000 человекъ. Но герцогъ Нассаускій и генералы австрійскіе и прусскіе были восхищены ихъ выправкою и красотою. Объявивъ ряды, государь велѣлъ отдать честь фельдмаршалу, водившему эти войска къ побѣдѣ, и первый закричалъ «ура», которое повторилось за нимъ, какъ раскатъ грома. Послѣ маневровъ, которыми государь остался очень доволенъ, онъ съ княземъ Паскевичемъ, герцогомъ Нассаускимъ, принцемъ Рейсомъ и нѣсколькими прусскими офицерами подѣхалъ къ Варшавѣ и въ шлюпкѣ присталъ къ цитадели, сооружавшейся въ то время вокругъ Александровскихъ казармъ, по плану, начерченному также самимъ государемъ. Всѣ орудія этого укрѣпленія были направлены на Варшаву, съ цѣлью разгромить ее при первой искрѣ бунта. Радостные клики возвестили столицѣ, что его величество у нея воротъ. Государь былъ столько же доволенъ, какъ и удивленъ громадностью и изяществомъ работъ въ новой крѣпости, возведенной, казалось, руками титановъ. Подъ ночь государь переѣхалъ въ той же шлюпкѣ на правый берегъ Вислы, гдѣ ждала его коляска, и возвратился въ Новогеоргіевскъ, откуда на слѣдующій день, утромъ, мы предприняли обратный путь по Ковенскому шоссе.

Остановившись только на нѣкоторое время въ Остроленкѣ, гдѣ генераль Бергъ, одинъ изъ участниковъ происходившаго тамъ блестящаго дѣла, объяснилъ государю всѣ его подробности, мы прибыли въ Царское Село 16-го октября вечеромъ.

Въ этотъ годъ государь, постоянно занятый мыслью сблизить и укрѣпить связь между населеніемъ возвращенныхъ отъ Польши губерній и коренными русскими, основалъ въ Кіевѣ, взамѣнъ упраздненныхъ Виленскаго университета и Волынскаго лица, новый университетъ св. Владимира. Онъ надѣялся чрезъ обученіе въ немъ поляковъ вмѣстѣ съ русскими изгладить въ первыхъ мечты о независимости и самобытности Польши и вообще удалить ихъ отъ вреднаго вліянія польскаго духа. Мѣстомъ для новаго университета былъ выбранъ Кіевъ, съ одной стороны, какъ древняя колыбель православія, съ другой—какъ штабъ-квартира 1-й арміи, что представляло всѣ удобства надзора за многочисленнымъ сборищемъ молодыхъ людей.

Въ концѣ ноября прибылъ въ Петербургъ Ахметъ-паша, присланный султаномъ для изъявленія его благодарности за быструю и безкорыстную помощь, оказанную нами Портѣ въ минуту опасности. Онъ былъ принятъ съ такими же церемоніями и почестями, какъ нѣкогда Галиль-паша. Кромѣ общаго старанія двора и публики быть ему пріятными, Ахметъ-паша достигъ еще сложенія части той суммы, которую Порты обязалась заплатить намъ по Адрианопольскому трактату.

Въ это время Москва была напугана частыми пожарами, повторявшимися въ разныхъ частяхъ города. Приписывая эти пожары то злоумышленникамъ, то мщенію поляковъ, простирая даже подозрѣніе на полицейскихъ чиновниковъ, жители проводили ночи безъ сна, укладывали свои пожитки и частью выѣзжали изъ города. Было поймано нѣсколько мошенниковъ, и по Москвѣ разнеслись нелѣпые слухи объ открытіяхъ, сдѣланныхъ будто бы на слѣдствіи. Распространившійся въ древней столицѣ паническій страхъ скоро привлекъ въ нее нашего неутомимаго государя. Мы пріѣхали туда поздно вечеромъ, къ изумленію, но и къ великой радости всѣхъ жителей. Утромъ, когда государь пошелъ пѣшкомъ на поклоненіе святынь Кремлевскихъ соборовъ, обычная толпа тѣснилась по его пути, наполняя воздухъ восторженными кликами. Съ его появленіемъ возвратилась къ москвичамъ успокоительная надежда, что пожары прекратятся, и весь городъ превозносилъ добраго царя, никогда не забывающаго своей первопрестольной столицы въ часы испытаній. Со всѣмъ тѣмъ, на другой же день вечеромъ, загорѣлся въ Замоскворѣчѣ деревянный домъ, окруженный множествомъ такихъ же. Государь взялъ меня съ собой, и мы прибыли на пожаръ почти вмѣстѣ съ пожарными трубами. Онъ лично принялъ команду надъ ними и распоряжался, стоя посреди узкаго загроможденнаго двора, у самаго пламени. Пожарные въ его присутствіи работали съ неимовернымъ усердіемъ и безстрашіемъ и менѣе чѣмъ черезъ полчаса осилили огонь. Сгорѣлъ только охваченный огнемъ домъ. Два дня спустя, загорѣлось снова на бульварѣ близъ казармъ. Государь прибылъ туда съ тою же поспѣшностью, и въ нѣсколько минутъ домъ, горѣвшій, какъ костеръ, былъ разобранъ до послѣдняго бревна, и огонь потушенъ. Несмотря на увеличившуюся темноту, толпившійся вокругъ пожарища народъ тотчасъ узналъ отъѣзжающаго царя и съ громкими «ура» долго бѣжалъ за его коляскою.

Напослѣдокъ открыли дѣйствительно нѣсколько зажигателей. Судъ надъ ними былъ коротокъ, и ихъ прогнали сквозъ строй на мѣстѣ преступленія каждаго. Эти наказанія успокоили жителей, не сомнѣвавшихся, что виновные были открыты, только благодаря высочайшему присутствію. Пожары прекратились, а съ этимъ вмѣстѣ возвратились сознаніе безопасности и чувство довѣрія, выражавшіяся въ благоговѣйной благодарности къ избавителю города, совершившему въ нѣсколько дней то, чего полиція не могла достигнуть цѣлые мѣсяцы.

Пробывъ въ Москвѣ шесть сутокъ, половину которыхъ государь посвящалъ, какъ всегда, обзорѣнію общественныхъ заведеній, мы вернулись въ Петербургъ.

1834-й годъ.

Съ наступленіемъ зимы начались, какъ всегда, балы и увеселенія. Всѣ, кому общественное положеніе позволяло приглашать къ себѣ императорскій домъ, непрерывъ, другъ передъ другомъ, снѣвши пользоваться этимъ правомъ. Императрица, милостиво принимая такія приглашенія и внося вездѣ съ собою веселость и непринужденность, съ каждымъ годомъ пріобрѣтала болѣе и болѣе любви въ народѣ. Все существованіе ея, казалось, было посвящено единственно счастьемъ ея супруга и дѣтей, общественной благотворительности и желанію всѣмъ быть пріятною. Обожаемая семействомъ и приближенными, не вмѣшиваясь никогда въ дѣла, какъ развѣ для исходатайствованія у государя какой нибудь милости или прощенія, она являлась въ глазахъ своихъ подданныхъ земнымъ ангеломъ и идеаломъ домашняго счастья. Но пока Россія наслаждалась всѣми благословеніями мира и отеческаго правленія, постоянно двигавшаго всѣ части впередъ, пока у насъ все совершенствовалось, и народныя сословія скрѣплялись общою любовью къ престолу,—остальная Европа бушевала, и народы ея были раздраемы духомъ партій и политическими ученіями, рѣзко одно другому противоположными.

Въ Англіи, къ торіямъ и вигамъ, которыхъ старинная вражда ожила теперь съ новою силой, присоединилась третья партія—либераловъ, осуждавшихъ древнюю англійскую конституцію и, въ желаніи своемъ все преобразовать, слѣпо стремившихся къ анархіи и народнымъ смутамъ.

Во Франціи безпрестанно возобновлялись кровопролитія, и вся мудрость новаго короля не могла избавить ее отъ вѣчнаго междоусобія. Легитимисты, вѣрные семейнымъ преданіямъ, требовали воцаренія Генриха V-го; доктринеры—охраненія хартій въ томъ видѣ, какъ она была пересоздана революціею, возведшею на тронъ Людовика-Филиппа; республиканцы—возвращенія ко временамъ директоріи; анархисты—просто безпорядка; наконецъ наполеонисты, сами не зная, чего хотѣли, горевали о томъ, что миновалось время завоеваній и грабежей. Всѣ эти партіи во взаимномъ ихъ столкновеніи глубоко ненавидѣли другъ друга, и каждая стремилась къ возобладанію надъ прочими. Въ Парижѣ непрерывно являлись охотники, старавшіеся возмутить народъ; національная гвардія то и дѣло созывалась для разогнанія сборищъ или для усмиренія бунтовъ. Линейныя войска, которымъ все это смертельно надоѣло, только и выжидали минуту, чтобы разъ навсегда покончить дѣло съ мятежниками. Король, лавируя между всѣми этими партіями, старался только о томъ, чтобы не давать имъ воли, обуздывать разрушительныя ихъ страсти, сохранить миръ и образомъ своихъ дѣйствій пріобрѣсти довѣріе европейскихъ кабинетовъ. Лондонскіе и парижскіе журналы съ своей стороны продол-

жали возбуждать умы противъ Россіи и проповѣдывать общій крестовый походъ для устраненія ярма, которое, по ихъ словамъ, императоръ Николай усиливается возложить на весь міръ.

Португалія, подъ гнетомъ коварнаго покровительства Англіи, все еще была раздѣлена на два враждебные стана, боровшіеся между собою изъ-за двухъ претендентовъ на ея корону: дона-Педро и дона-Мигуеля.

Въ Испаніи неблагоразумная королева, въ одинаковой степени жаждавшая и власти и удовольствій, была свидѣтельницею отступленія своей арміи передъ дономъ-Карлосомъ, явившимся изъ Англіи, чтобы потребовать обратно свои права на престолъ своего государства. Простой офицеръ, Зумалакарегви, одинъ пріуготовившій и усилившій партію претендента, уже успѣлъ пріобрѣсти военную славу и сдѣлаться надеждою испанцевъ, привязанныхъ къ своимъ привилегіямъ и къ древнему роду своихъ королей.

Италія волновалась при содѣйствіи парижской пропаганды и карбонаризма, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усиливающегося въ Неаполѣ, въ Римѣ и на сѣверѣ полуострова. Только 80-ти-тысячная армія удерживала явное возстаніе.

Швейцарія являлась дѣятельнымъ притономъ демагогическихъ обществъ; итальянцы, поляки, французы и нѣмцы учреждали тамъ свои сборища и увлекали въ свои разрушительные замыслы даже мирныхъ туземцевъ этого края, столь долго славнаго образцемъ истинной свободы. Толпа бродягъ ворвалась оттуда въ Сардинскія владѣнія, но вскорѣ, обезоруженная и разсѣянная, вернулась въ Швейцарію для приготовления тамъ новыхъ средствъ къ безпорядкамъ и междоусобной враждѣ.

Южная Германія была наполнена легко воспламеняющимися матеріалами. Сходбища недовольныхъ устраивались тамъ почти публично, и во Франкфуртѣ, напримѣръ, дошло до того, что шайка молодыхъ безумцевъ напала вооруженною рукой на гауптвахту. Шведское и Мюнхенское свиданія возвратили, однако же, нѣкоторую бодрость германскимъ владѣтелямъ, и бунтовщиковъ вездѣ преслѣдовали и усмиряли.

Одна Россія оставалась въ своей неподвижности грозною наблюдательницею этихъ политическихъ бурь, страшная для мятежниковъ и ободрительная для монарховъ.

У насъ въ это время готовилось зрѣлище болѣе отрадное, долженствовавшее утвердить силу и прочность нашей державы. Наслѣдникъ престола, великій князь Александръ Николаевичъ, достигнувъ 16-ти-лѣтняго возраста, вступилъ въ определенное государственными законами для его сана совершеннолѣтіе. Онъ соединялъ въ себѣ все, чего въ этомъ возрастѣ можно желать отъ молодого царевича, предназначеннаго къ такимъ высокимъ судьбамъ. Статный ростомъ, съ прелестнымъ лицомъ, въ которомъ выражались мягкосердіе и мыслительность, съ благород-

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

ною, прривлекательною осанкою, съ врожденною вѣжливостію. Онъ умѣлъ такъ же хорошо самъ вести бесѣду, какъ и съ пользою слушать другихъ. Товкій во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ, онъ прекрасно ѣздилъ верхомъ и отличался во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ; прилежный къ урокамъ, выказывалъ всегда большую любознательность и быстро уснѣвалъ во всѣхъ наукахъ; нѣжно почтительный къ родителямъ, любя ихъ со всею горячіюію своихъ лѣтъ, былъ заботливъ къ своимъ сестрамъ и меньшимъ братьямъ и искренно привязанъ къ товарищамъ своихъ игръ и уроковъ, молодому графу Вельгорскому и Паткулю; наконецъ не оставлялъ ничего желать ни своимъ родителямъ, ни публикѣ, которая съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе къ нему привязывалась.

Назначивъ 22-е апрѣля, день Пасхи, днемъ торжественнаго освященія его совершеннолѣтія, государь пожелалъ, чтобы этой церемоніи придана была вся пышность и важность, достойныя событія и соотвѣтственныя древнимъ преданіямъ нашего царскаго дома.

Къ часу пополудни Зимній дворецъ наполнился приглашенными. Члены государственнаго совѣта, сенаторы, дипломатическій корпусъ, придворные и военные чины и всѣ имѣющіе пріѣздъ ко двору заняли указанныя въ церемоніалѣ мѣста. Всѣ залы отъ внутреннихъ покоевъ императрицы до дворцоваго собора были окаймлены отрядами гвардейскихъ полковъ, а воспитанники военноучебныхъ заведеній, эти будущіе слуги молодого цесаревича, поставлены въ портретной галлерей 1812 года, какъ ближайшемъ покоѣ къ церкви, гдѣ ему надлежало присягнуть на управленіе ими нѣкогда, съ правдою и заботливою вѣрностію къ славіи отечества. Въ самой церкви были положены на особомъ столѣ передъ алтаремъ императорскія регаліи, возлѣ аналая съ св. Евангеліемъ и крестомъ.

Въ 2 часа государь, императрица, наслѣдникъ въ казачьемъ мундирѣ и прочіе члены императорскаго дома вошли, предшествуемые дворомъ, въ церковь, гдѣ встрѣтилъ ихъ митрополитъ Серафимъ со всѣмъ высшимъ духовенствомъ. Глубокое молчаніе воцарилось между присутствующими, и всѣ взоры обратились на императорскую чету и августѣйшаго ея червенца.

Къ этому случаю сочинено было святѣйшимъ синодомъ особое молебствіе, котораго прекрасныя и умиленные слова растрогали всѣхъ присутствующихъ. По окончаніи его, государь подвелъ своего сына къ аналою; поднявъ руку къ небу, наслѣдникъ цесаревичъ твердымъ и внятнымъ голосомъ началъ читать присягу, также по этому поводу вновь составленную. Но по мѣрѣ того, какъ царственный юноша подвигался впередъ въ своемъ чтеніи, голосъ его слабѣлъ, и волненіе очевидно увеличилось. Нѣкоторыя слова, прерванныя всхлипываніемъ, онъ принужденъ былъ повторять. Къ концу присяги слезы струились по его

прекрасному лицу. Онѣ нагнулись и на глазахъ августѣйшаго его родителя, стоявшаго возлѣ сына, какъ бы для ободренія его при исполненіи этого священнаго и торжественнаго обряда. Императрица смотрѣла на эту сцену, исполненная умиленія нѣжнѣйшей супруги и матери.

Прочитавъ присяжный листъ, наслѣдникъ подписалъ его и рыдая бросился на грудь своего отца, послѣ чего они вмѣстѣ подошли къ императрицѣ, которая заключила ихъ въ свои объятія, и тогда всѣ трое изобразили высоко умилительную группу. Трудно было представить себѣ картину трогательнѣе и прекраснѣе. У всѣхъ присутствующихъ занялось дыханіе, у всѣхъ текли слезы; конечно, каждый изъ нихъ призывалъ благословеніе Божіе на этотъ тройственный оплотъ благоденствія и славы Россіи. Торжественную минуту возвѣстили столпцѣ 301 выстрѣлъ съ крѣпости и съ стоявшей передъ дворцемъ флотиліи и общій колокольный звонъ во всѣхъ городскихъ церквахъ.

Вслѣдъ за симъ, всѣ перешли изъ церкви въ Георгіевскую залу, гдѣ на другомъ аналоѣ также лежали св. Евангеліе и крестъ, а на ступеняхъ трона стояли знаменщики и полковые адъютанты съ знаменами всѣхъ полковъ и кадетскихъ корпусовъ; только знамя Донскаго атаманскаго полка, какъ символъ начальствованія наслѣдника надъ всѣми казачьими войсками, держали передъ самымъ аналоемъ.

Императрица стала на высшей ступени трона, великія княжны ниже ея, а первые чины двора за ними по обѣ стороны.

Государь снова подвелъ къ аналою своего сына, который прочелъ и подписалъ тутъ вторичную военную присягу. Воспитанники военно-учебныхъ заведеній, стоявшіе широкою улицей отъ входа въ залу, и дворцовые гренадеры, поставленные противъ трона, сдѣлали на караулъ, музыка заиграла народный гимнъ, и знамена преклонились къ подножію трона.

Спустя нѣсколько дней, петербургское дворянство дало императорскому дому въ ознаменованіе общей радости о совершившемся торжествѣ великолѣпный балъ.

Лѣто 1834 года прошло, какъ обыкновенно, въ переѣздахъ между Царскимъ Селомъ, Петергофомъ, Елагинымъ, Кронштадтомъ и Красносельскимъ лагеремъ, въ ученіяхъ, маневрахъ и смотрахъ сухопутныхъ войскъ и флота.

30-е августа, какъ день бывшаго тезоименитства покойнаго государя, было назначено для открытія воздвигнутаго въ честь его памятника, столько же колоссальнаго по своимъ размѣрамъ, сколько колоссальны были кампаніи 1812-го, 1813-го и 1814-го годовъ, въ которыхъ Россія и Европа стяжали столь блестящій успѣхъ, благодаря лишь непоколебимой твердости покойнаго Александра. Мысль о сооруженіи этого памятника родилась у государя тотчасъ по восшествіи его на престолъ, и онъ начерталъ самъ

для него рисунокъ, а потомъ, руководивъ работами, пожелалъ совершить освященіе его со всеѣмъ величіемъ и блескомъ, достойными подвиговъ знаменитаго его предшественника.

Съ этою цѣлію были сдѣланы слѣдующія предварительныя распоряженія: въ Петербургъ собрано болѣе 100.000 войска и приглашены все военныя начальники, имѣвшіе честь служить въ царствованіе императора Александра, вслѣдствіе чего столица наполнилась старыми, израненными генералами, во главѣ которыхъ стояли фельдмаршалы Паскевичъ и Витгенштейнъ; построены, спиною къ экзерциргаузу, восходившій до его крыши и примыкавшій къ дому министерства иностранныхъ дѣлъ, амфитеатръ; выстроена на всемъ протяженіи противоположнаго дворцу полукруга эстрада, которая поднималась до второго этажа домовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и главнаго штаба, и сверхъ того балконы и все окна обонхъ огромныхъ зданій приспособлены къ занятію ихъ зрителями; наконецъ, надъ главными воротами Зимняго дворца воздвигнутъ изящный, крытый перистиль во вкусѣ, соответствующемъ архитектурѣ дворца, довольно просторный для помѣщенія на немъ всего двора. Отъ него шли на площадь въ обѣ стороны широкія лѣстницы.

Король прусскій самъ желалъ прибыть къ этому торжеству въ память своего освободителя и друга, но, бывъ удержанъ отъ того нездоровьемъ, прислалъ вмѣсто себя своего сына, принца Вильгельма, а въ видѣ депутаціи отъ прусской арміи, въ воспоминаніе совокупныхъ дѣйствій ея въ 1813 и 1814 годахъ съ нашими войсками, по нѣскольку человекъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, выбранныхъ по всей гвардіи и арміи изъ числа участвовавшихъ въ этихъ достопамятныхъ кампаніяхъ.

Въ день 30-го августа все петербургское населеніе уже съ ранняго утра было на ногахъ; всякій торопился занять мѣсто; все окна и балконы наполнились домами; Адмиралтейскій бульваръ былъ усыянъ народомъ, который покрывалъ и крыши. Но небо застилало черныя тучи, мрачныя, какъ былъ мраченъ 1812 годъ, предшествовавшій прославленію Александра, и событія, послѣдовавшія по его кончинѣ.

Государь также съ ранняго утра поѣхалъ въ Невскую лавру для присутствованія тамъ при богослуженіи. Къ 10 часамъ все были на своихъ мѣстахъ. Грохотъ отъ экипажей прекратился. Памятникъ, завѣшенный отъ подножія до начала стержня бѣлымъ покрываломъ, возвышался въ грозномъ одиночествѣ посреди пустой площади. Огромной массы войскъ не было никому видно; они стояли густыми колоннами въ выходящихъ на площадь улицахъ, сокрытыми отъ всеѣхъ зрителей.

Въ 11 часовъ государь подѣхалъ верхомъ къ поставленной у Адмиралтейской площади пушкѣ и велѣлъ трижды изъ нея выпалить. По первому выстрѣлу войска выстроились, по второму стали подъ ружье и по третьему выстрѣлу вдругъ со всеѣхъ сторонъ двинулись на площадь,

которая въ нѣсколько мгновеній, какъ бы по удару волшебнаго жезла, вся ими наполнилась. Эта внезапность имѣла для всѣхъ зрителей поразительность театральнѣйшей декораций.

Военная свита государя, фельдмаршалы и старѣйшіе полные генералы стали верхомъ у одной изъ лѣстницъ эстрады, за ними построились, направо отъ дворцовыхъ воротъ, военноучебныя заведенія въ составѣ 6-ти батальоновъ, а нѣтъ 1-я гвардейская пѣхотная дивизія. Остальныя войска размѣщены были, какъ вокругъ самаго памятника, занявъ собою всю Дворцовую площадь, кромѣ пространства между нимъ и дворцомъ, такъ и на Адмиралтейской площади; артиллерию же разставили между дворцомъ и Адмиралтейскимъ бульваромъ и по набережнымъ Дворцовой и Англійской и у Биржи на Васильевскомъ острову. На Невѣ вытянулся передъ дворцомъ рядъ легкихъ фрегатовъ, яхтъ и парусныхъ судовъ. Всего было подъ ружьемъ 86 батальоновъ и 106 эскадроновъ, съ 248 орудіями, не считая крѣпостныхъ и находившихся на судахъ. Вся эта масса, подобной которой по числу нѣкогда еще не являлось на такомъ небольшомъ пространствѣ, была обмундирована заново и блестяла столько же выправкою, сколько красотою людей и лошадей. Государь съ обнаженною шпагою въ рукѣ лично ею командовалъ. Въ то же время дворцовыя гренадеры, эти ветераны нашихъ побѣдъ, окаймляли ступени обѣихъ лѣстницъ эстрады. Во всемъ огромномъ стеченіи войскъ и народа царствовала глубокая тишина. Всѣ взгляды были обращены къ могущественному самодержцу, воздававшему такую дань памяти своего предшественника. Вскорѣ на дворцовой эстрадѣ показалась императрица, въ предшествіи высшаго духовенства, окруженная государственными сановниками и дворомъ. При появленіи ея войска отдали честь. Тогда на дворцовой эстрадѣ началось молебствіе, и по данному сигналу всѣ войска, а за ними и всѣ зрители, обнажили головы. Государь сошелъ съ лошади и при молитвѣ съ колѣнопреклоненіемъ, находясь между дворцомъ и памятникомъ, спиною къ послѣднему, съ стоявшими въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него наслѣдникомъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и принцемъ Прусскимъ, преклонился на одно колѣно. Никогда еще нашъ императоръ не казался намъ такъ прекрасенъ и такъ великъ, какъ въ ту минуту, какъ онъ принялъ передъ Царемъ царствующихъ, и когда его примѣру въ тотъ же мигъ послѣдовали все войско и тысячи зрителей, окружавшихъ площадь, даже до стоявшихъ на крышахъ. Чувство благоговѣнія навѣяло на всѣхъ такое глубокое безмолвіе, что слова молитвы можно было слышать на всѣхъ концахъ площади. Наконецъ, при возгласеніи вѣчной памяти императору Александру, покрывало, скрывавшее подножіе памятника, упало на землю, поддерживавшіе со всѣхъ сторонъ это покрывало орлы преклонились, государь повернулся лицомъ къ колоннѣ, и общее молчаніе преврати-

лось въ оглушительные клики «ура», къ которымъ присоединилась пальба изъ всѣхъ орудій съ набережныхъ, рѣки и крѣпостныхъ валовъ. Раскаты выстрѣловъ, какъ удары грома, то приближались съ трескомъ, то удалялись, то снова подходили, звуча вокругъ подножія памятника.

Въ это время императрица, предшествуемая духовенствомъ и сопровождаемая всею блестящею своею свитою, спустилась съ эстрады и обошла вокругъ памятника, который былъ окропленъ святою водою. Облачное небо вдругъ прояснилось, яркое солнце засіяло надъ величественнымъ зрѣлищемъ, и лучи его представились всѣмъ, какъ бы исходящія отъ самого Всевышняго, освящающаго дань благодарной памяти, приносимой Николаемъ тѣни Александра.

Когда императрица возвратилась на эстраду, государь, приведя самъ къ монументу роту гренадеръ дворцовыхъ, приставилъ къ нему на вѣчныя времена часового изъ среды этихъ александровскихъ ветерановъ. Затѣмъ, войска, по данному сигналу, опять очистили площадь, чтобы построиться къ церемоніальному маршу.

Государь во главѣ своего штаба, имѣя при себѣ принца Прусскаго, проѣхалъ мимо памятника и, опустивъ передъ нимъ шпагу, сталъ возлѣ него. Тогда начался церемоніальный маршъ, который открыли военно-учебныя заведенія. Пѣхота проходила батальонными колоннами, одна рядомъ съ другою, со всѣми полковыми знаменами впереди — построение совсѣмъ новое, придуманное самимъ государемъ собственно на этотъ случай, чтобы ускорить проходъ войскъ и придать ему видъ еще болѣе величественный. Пѣшая артиллерія въ колоннахъ побригадно; кавалерія тѣмъ же порядкомъ, какъ и пѣхота, дивизіонными колоннами, всѣ три въ одинъ рядъ¹; конная артиллерія въ такомъ же построеніи, какъ и пѣшая, — всѣ эти огромныя массы войскъ, одинаково щеголеватыя, проходили съ одинаковою стройностью и ровностью, постепенно исчезая, такъ что подъ конецъ площадь снова очистилась, и на всемъ ея пространствѣ былъ виденъ только государь съ своею свитою.

Императрица четыре года не видалась съ августѣйшимъ своимъ родителемъ, о здоровьѣ котораго были получены дурныя извѣстія. Рѣшивъ провести съ нимъ нѣкоторое время, она уѣхала въ Берлинъ 6-го сентября, а государь на слѣдующій день отправился въ Москву, гдѣ въ этотъ разъ знали о его пріѣздѣ. Онъ намѣревался проѣхать отсюда черезъ Нижній въ Казань и возвратиться обратно черезъ Орелъ, въ окрестностяхъ котораго былъ собранъ драгунскій корпусъ. Но проливные дожди, испортивъ дороги, побудили его перемѣнить планъ и ѣхать прямо въ Орелъ, остановившись въ Тулѣ только для ночлега. Устрой-

¹ Императоръ Николаемъ отмѣчено: «C'est faux; en colonnes de régiment par escadrons».

ство драгунскаго корпуса было одною изъ любимыхъ идей императора Николая въ общей цѣпи преобразованій, введенныхъ имъ постепенно въ нашей арміи. Этотъ корпусъ состоялъ изъ 8-ми до 10-ти эскадронныхъ полковъ, и въ каждомъ полку два эскадрона были вооружены пиками для защиты и конвоирования лошадей, въ то время какъ прочіе сѣдѣвшіе формировались въ пѣхотные батальоны. Настоящій смотръ превзошелъ всѣ ожиданія, доказавъ, что мысль государя была превосходно постигнута и исполнена.

По возвращеніи нашемъ въ Москву, погода нѣсколько поправилась, и послѣ двухдневнаго отдыха мы пустились въ Ярославль, гдѣ, несмотря на возобновившійся дождь, государь обозрѣлъ всѣ новыя постройки, нивелировку Волжской набережной, батальонъ кантонистовъ, Демидовскій лицей, больницы, церкви и монастыри. Потомъ въ большой шлюпкѣ, на руль которой сѣдѣлъ самъ государь, мы переѣхали на противоположный берегъ Волги, гдѣ ждали насъ наши коляски, и прибыли вечеромъ къ Ипатьевскому монастырю, столь знаменитому въ лѣтописяхъ Россіи. Ограда была вся обставлена народомъ, а у монастырскихъ воротъ ожидалъ настоятель съ братією. Всѣ думали, что въ коляскѣ ѣдетъ кто нибудь изъ свиты, и государя узнали тогда только, когда, выйдя изъ экипажа, онъ подошелъ къ кресту. Въ одно мгновеніе вся толпа бросилась къ нему, и при общемъ натискѣ я лишь съ трудомъ удержался на ногахъ. Государь медленно слѣдовалъ за монахами, которые съ факелами въ рукахъ освѣщали ему путь въ церковь. Это вступленіе потомка Романовыхъ въ ту уединенную обитель, изъ которой нѣкогда юный Михаилъ испелъ на Русское царство, эти черныя фигуры монаховъ, факелы, народный восторгъ—все вмѣстѣ невольно уносило воображеніе въ далекое прошлое. За стеченіемъ народа мы съ большимъ трудомъ могли подняться на церковную наперть, и еще большаго труда стоило выйти изъ церкви черезъ сплошную массу. Послѣ краткаго молитвословія государь пошелъ въ покои, которые занималъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и его родительница, и съ любопытствомъ осматривалъ всѣ закоулки этихъ тѣсныхъ келлій, откуда истекло величіе и могущество его дома. При этомъ обозрѣніи государя сопровождали только архимандритъ и я.

Ипатьевскій монастырь видѣлъ дотолѣ въ стѣнахъ своихъ изъ числа всѣхъ нашихъ самодержцевъ одну только Екатерину II. Императорскимъ домомъ не было внесено никакихъ вкладовъ для его обогащенія, и даже не было принимаемо мѣръ для поддержанія древнихъ его стѣнъ. Кострома, впадающая здѣсь въ Волгу, ежегодно подмываетъ берегъ, на которомъ возвышается обитель, и церковь, какъ и корпусъ съ келліями, стояли при нашемъ посѣщеніи полуобрушившимися. Государь велѣлъ все исправить, а берегъ укрѣпить каменною одеждою для защиты ограды отъ разлива рѣки.

Изъ монастыря мы проѣхали по мосту черезъ рѣку Кострому въ городъ того же имени, гдѣ отведена была намъ квартира на площади. Богатая иллюминація освѣщала толпы, не дававшія почти проѣзда нашей коляскѣ и продолжавшія кричать, по крайней мѣрѣ, цѣлый часъ подъ нашими окнами, такъ что у насъ отъ этого шума разболѣлась голова, и я долженъ былъ нѣсколько разъ высылать сказать, что его величеству угодно отдохнуть.

Утромъ государь посѣтилъ прекрасный и обширный соборъ и разныя городскія заведенія, принялъ мѣстныхъ чиновниковъ и дворянство, также депутацію отъ историческаго рода Сусаниныхъ, которыхъ потомство въ эту эпоху уже возросло до 123 человекъ. При такомъ размноженіи, они, несмотря на богатые дары отъ царя Михаила, давно обѣднѣли; но при всей бѣдности никогда ни одинъ изъ нихъ не запятналъ славнаго своего имени участіемъ въ какомъ нибудь преступленіи, и всѣ пользовались въ краѣ безукоризненною славою. Государь въ продолжительной и милостивой бесѣдѣ съ ихъ депутаціей подробно разспрашивалъ объ ихъ бытѣ и, велѣвъ губернатору представить записку о мѣрахъ къ возстановленію того благоденствія, въ которое нѣкогда возвелъ ихъ родоначальникъ императорскаго дома, указалъ, чтобы впредь всѣ дѣти Сусаниныхъ, въ случаѣ изъясненнаго на то желанія со стороны ихъ родителей, были воспитываемы на казенный счетъ.

10-го октября мы прибыли въ Нижній рано утромъ, въ неподобную погоду, когда въ городѣ всѣ еще спали. Послѣ кратковременнаго отдыха государь прежде всего поѣхалъ въ вновь перестроенный соборъ и здѣсь спустился въ склепъ, гдѣ поконится прахъ великаго Козьмы Минина. Два столѣтія онъ лежалъ въ церкви безъ всякихъ внѣшнихъ украшеній. Императоръ Николай велѣлъ сдѣлать для его останковъ приличную гробницу и поставить ее въ соборномъ склепѣ, рядомъ съ гробами древнихъ нижегородскихъ владѣтельныхъ князей.

Естественно, въ Нижнемъ болѣе всего интересовали государя постройки, возведенныя для склада товаровъ, привозимыхъ на Нижегородскую ярмарку изъ всѣхъ частей имперіи, изъ Европы, Средней Азии и даже Китая. Будучи начаты еще въ царствованіи императора Александра, когда ярмарку перевели изъ Макарьева въ Нижній, эти постройки были возложены на генерала Бетанкура и стоили милліоны, а между тѣмъ общее мнѣніе долго утверждало, что мѣсто для нихъ не искусно выбрано, а самыя постройки такъ плохи, что имъ грозитъ постоянная опасность отъ разлива Оки, впадающей здѣсь въ Волгу.

Мы пріѣхали въ такое время, когда ярмарка уже давно окончилась, и огромный кварталъ, занимаемый только на время ея продолженія, стоялъ совершенно пустымъ. Все вниманіе наше сосредоточилось слѣдовательно на зданіяхъ и на земляныхъ работахъ, служащихъ имъ

фундаментомъ. Государь былъ пріятно изумленъ, какъ величіемъ и красотою общаго расположенія, такъ и неожиданною прочностію всѣхъ построекъ, которыя мы думали, по слышанному нами, найти въ самомъ жалкомъ видѣ. Первою заботою государя было изыскать средства на необходимый ремонтъ сихъ огромныхъ сооруженій, для чего дотолѣ не было ассигновано никакихъ суммъ.

Мѣстоположеніе Нижняго вообще чрезвычайно понравилось государю, и онъ самъ предназначилъ разныя украшенія для этого города, велѣвъ развести въ древней его части, обнесенной еще высокою зубчатою стѣною, общественный садъ, и выбралъ мѣсто для построенія большой казармы. Сверхъ того, онъ пригласилъ городскихъ обывателей снести нѣкоторые старые дома и избы, лѣпившіеся на берегу рѣки, и замѣнить ихъ набережною и улицею съ домами и магазинами для торговли.

Его величество изѣздилъ весь городъ, все въ немъ осмотрѣлъ, мѣстами хвалилъ, мѣстами бранилъ и окончилъ свое двухсуточное пребываніе въ Нижнемъ присутствіемъ на данномъ отъ дворянства балѣ, послѣ котораго мы отпразднелись во Владимирѣ.

Въ этомъ древнемъ городѣ, нѣкогда цвѣтущемъ и соперничествовавшемъ съ Москвою, а теперь обратившемся въ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ и наименѣ населенныхъ губернскихъ городовъ, государь началъ, какъ всегда, молитвой въ соборѣ, древней усыпальницѣ многихъ великихъ князей. Другой, меньшій храмъ, бывшій домовою церковью здѣшнихъ властителей, также обратилъ на себя наше вниманіе. Въ городской тюрьмѣ государь былъ вынужденъ сдѣлать строгій выговоръ членамъ владимирскаго дворянства, которые, принявъ на себя попеченіе о ней, ограничились только тѣмъ, что расписали стѣны и нѣсколько не заботились о томъ, чтобы содержать ее въ опрятности. Зато его величество остался очень доволенъ богоугодными заведеніями и домомъ умалишенныхъ.

Владимиръ, какъ и Нижній, впервые имѣли счастье видѣть государя. Не нужно говорить о восторгѣ, съ которымъ его встрѣчали жители. Давка въ обоихъ городахъ, вездѣ, гдѣ онъ показывался, увеличивалась еще болѣе отъ того, что его величество здѣсь, какъ и во всѣхъ своихъ поѣздкахъ, строго запрещалъ полиціи разгонять или останавливать народъ и даже гнѣвался, если замѣчалъ, что кого нибудь толкнули, чтобы очистить ему дорогу.

Возвратившись въ Москву, мы нашли прибывшаго туда, по желанію государя, наслѣдника цесаревича, котораго сопровождалъ зять мой, князь Ливень, отозванный изъ Лондона для занятія почетнаго мѣста перваго ментора при будущемъ монархѣ Россіи. Москвичи душевно обрадовались свиданію съ цесаревичемъ, котораго любили называть своимъ, и

который, теперь уже настоящій молодой человѣкъ, утвердиль присягою вѣрность свою царю и родинѣ. Государь съ истиннымъ удовольствіемъ замѣчалъ, какъ Москва дѣлитъ свою любовь между нимъ и его первенцемъ, и выставлялъ послѣдняго всюду съ чувствомъ отца, наслаждающагося успѣхами своего сына.

Проведя вмѣстѣ въ Москвѣ съ недѣлю, они вмѣстѣ воротились въ Петербургъ въ одной коляскѣ, а я занялъ мѣсто наслѣдника въ его экипажѣ, о бока съ княземъ Ливеномъ.

У великой княгини Елены Павловны родилась дочь, и 27-го октября происходило въ Зимнемъ дворцѣ ея крещеніе. Послѣ трехъкласснаго обѣда, заключившаго это торжество, государь, взявъ съ собою наслѣдника, вернулся въ Анничковскій дворецъ, гдѣ жилъ послѣ пріѣзда изъ Москвы, и тутъ приказалъ ему быть готовымъ ѣхать съ нимъ черезъ часъ въ Берлинъ. Я одинъ зналъ заранѣе объ этой поѣздкѣ и, не посмѣвъ дѣлать къ ней никакихъ приготовленій, чтобы не огласить ея тайны, послалъ только утромъ того дня къ министру финансовъ за нѣсколькими тысячами червонныхъ, не опредѣляя впрочемъ, на какую надобность. Выйдя изъ-за стола, я поторопился домой захватить эти деньги и паспортъ для поѣзда по Пруссіи, въ которомъ государь значился генераломъ Николаевымъ, а наслѣдникъ — его адъютантомъ Романовымъ. Мнѣ казалось, что все это я исполнилъ съ возможною поспѣшностію, но, прибывъ въ Анничковскій дворецъ, нашелъ государя и наслѣдника уже совсѣмъ готовыми садиться въ коляску. Не то было съ находившимся при воспитаніи цесаревича генераломъ Кавелинымъ, который имѣлъ приказаніе ѣхать со мною, вслѣдъ за государемъ, въ наслѣдничей коляскѣ, и не понималъ, какъ можно требовать, чтобы онъ такъ скоро уложился и простился съ семьею. Его досада на то много насмѣшила государя и увеличила забавную сторону суматохи, произведенной нашимъ внезапнымъ отъѣздомъ между придворными чиновниками и прислугою. Въ городѣ никто не подозрѣвалъ намѣренія государя, а онъ уже катился по Рижскому тракту.

Я воротился домой для нужныхъ распоряженій касательно экипажей и свиты и, по медленности моего спутника, не пріученнаго къ такой быстротѣ, могъ выѣхать не прежде полуночи. Мы ѣхали такъ скоро, какъ только могли, не останавливаясь нигдѣ ни на минуту, и все-таки прибыли въ Берлинъ полусутками послѣ государя. Огромное пространство между нашею и прусскою столицею онъ промчался въ пять дней!

Совершенно неожиданное появленіе государя среди королевской фамиліи исторгло у всѣхъ радостное восклицаніе. Императрица была вѣдъ себя, а король, вернувшійся послѣ обѣда въ свой маленькій дворецъ, едва успѣлъ получить извѣстіе о новопріѣжемъ, какъ тотъ уже былъ

въ его объятіяхъ. Весь Берлинъ пришелъ въ восторгъ отъ этого любезнаго сюрприза, который польстилъ самолюбію его населенія.

Между тѣмъ общественное мнѣніе въ Пруссіи и особенно въ ея столицѣ было сильно возстановлено противъ государя французскими и нѣмецкими журналистами, возгласами поляковъ и завистію къ могуществу Россіи, такъ что императоръ Николай утратилъ здѣсь прежнюю популярность, и ему дѣйствительно приписывали всѣ пороки и дурныя свойства, которыя были вымыслены одною лишь злобою и досадою либераловъ. При дворѣ и между приближенными къ королевскому дому, впрочемъ, тотчасъ замѣтили, что онъ сохранилъ всѣ прежнія свои качества: то же самое прямодушіе, ту же доброту, ту же непринужденную привѣтливость, а его почтительная предупредительность къ особѣ короля, нѣжная пріязнь ко всѣмъ членамъ королевскаго дома, любовь къ императрицѣ и своему сыну постепенно снова привлекли къ нему сердца и въ массѣ публики и расположили опять въ его пользу всѣ сословія.

Король, несмотря на сопротивленіе государя, оберегавшаго его здоровье отъ вліянія дурной погоды въ такую позднюю пору года, захотѣлъ показать его величеству свое войско и устроить съ этою цѣлью парадъ «Подъ липами», на которомъ, проѣзжая во главѣ гвардіи, отдать честь своему зятю. Государь бросился къ старцу и поцѣловалъ его въ плечо. Это выраженіе сыновней почтительности было подмѣчено съ особеннымъ удовольствіемъ всѣми зрителями. Потомъ, когда проходили кирасирскій полкъ имени нашего императора и уланскій, котораго шефомъ былъ наслѣдникъ цесаревича¹, какъ государь, такъ и наслѣдникъ поспѣшили стать въ главѣ своихъ полковъ и отдать честь королю. При видѣ цесаревича, ѣхавшаго передъ фронтомъ съ необыкновенною ловкостію, престарѣлый его дѣдъ былъ тронутъ до слезъ и тутъ же выпросилъ у государя своему внуку, взамѣнъ оберъ-офицерскихъ эполетъ, полковничьи. Все это вмѣстѣ придавало параду такой благородный и умирительный характеръ, что не только высшее общество и войско, но и простолюдины почувствовали себя растроганными. По окончаніи парада нашъ государь и его сынъ сами повели отряды своего имени полковъ, отвозившіе штандарты во дворецъ, и толпа слѣдовала за ними на площадь и на дворцовый дворъ съ громкими изъявленіями пріязни. Въ слѣдующіе дни, уступая просьбамъ генераловъ, государь всякое утро выѣзжалъ верхомъ за Бранденбургскую заставу и присутствовалъ тамъ при полковыхъ ученіяхъ, а однажды и онъ и наслѣдникъ сами учили свои полки. Последнее зрѣлище привлекло на мѣсто ученія множество народа и офицеровъ Берлинскаго гарнизона, и всѣ были восхищены

¹ Императоромъ Александромъ II отмѣчено: «Я былъ назначенъ шефомъ еще въ 1829 году».

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

ловкостію нашихъ полковыхъ командировъ, равно какъ совершеннымъ ихъ знаніемъ прусскаго военнаго устава.

По утрамъ императоръ Николай въ статскомъ сюртукѣ прохаживался по берлинскимъ улицамъ совершенно одинъ. Эта довѣренность и простота обращенія окончательно расположили къ нему умы, изгладивъ вполнѣ всѣ предубѣжденія, внушенныя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ зложелательствомъ и клеветою.

Государь съ первой минуты своего пріѣзда объявилъ, что онъ прибылъ въ Берлинъ единственно для свиданія съ королемъ и его семействомъ и потому не станетъ заниматься политикою, ни принимать у себя министровъ, чтобы не могли иначе перетолковать цѣль его поѣздки. Завсѣмъ тѣмъ, снисходя къ настоятельнымъ убѣжденіямъ, онъ допустилъ изъятіе для нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ, и принималъ ихъ въ маленькомъ своемъ кабинетѣ, служившемъ вмѣстѣ и уборною и рабочею. Всѣ удостоившіеся этой чести выходили въ восторгѣ отъ его любезности и отъ того здраваго, свѣтлаго и вѣрнаго ума, которымъ была запечатлѣна обрисованная имъ картина положенія разныхъ державъ.

Въ короткое время нашего пребыванія въ Берлинѣ мы имѣли вновь случай убѣдиться въ нелѣпой шаткости мнѣній, господствующей въ представительныхъ правительствахъ. Пришли извѣстія изъ Парижа: одно, что французское министерство въ цѣломъ его составѣ смѣнено новымъ; другое, тремя днями позже, что министерство, едва смѣненное, снова восстановлено въ прежнемъ его составѣ. Такая вѣчная колеблемость, уничтожая всякую послѣдовательность въ дѣйствіяхъ и не давая ни одному начальнику времени вникнуть въ свою часть, уже начинала открывать глаза самымъ либераламъ касательно невыгодъ, сопряженныхъ съ представительною формою правленія.

Въ Берлинѣ мы были ежедневно приглашаемы къ обѣденному столу при дворѣ: или въ покояхъ императрицы, или въ залахъ большого дворца, или въ томъ, гдѣ жилъ король, или, наконецъ, у кого либо изъ принцевъ. Вечера проводили либо въ театрѣ, помѣщаясь въ большой королевской ложѣ, или на балахъ, дававшихся въ это время въ Берлинѣ только членами королевскаго дома, чтобы не заставлятъ истрачиваться прусскихъ вельможъ, недовольно для того богатыхъ. Нашъ посланникъ при прусскомъ дворѣ одинъ изъ всѣхъ частныхъ лицъ удостоился чести принять у себя своихъ монарховъ. Король съ своей стороны не упустилъ ничего, чтобы окружить пребываніе августѣйшихъ своихъ гостей въ Берлинѣ всѣми возможными удовольствіями. Предупредительность его простерлась до того, что у него, разумѣется, уже заранѣе обучены были пѣвчіе изъ туземныхъ пѣтъ въ нашей посольской церкви по-русски и тѣмъ же самымъ напѣвомъ, какой употребляется петербургскою придворною пѣвческою капеллою.

Пробывъ въ Берлинъ двѣнадцать дней, государь выѣхалъ 13-го ноября въ полночь; императрица же вмѣстѣ съ наслѣдникомъ оставили эту столицу нѣсколькими днями позже.

Я занялъ опять обычное мѣсто въ государственной коляскѣ, и мы поѣхали черезъ Бреславль, не останавливаясь до Ловича, гдѣ дожидался государя фельдмаршалъ Паскевичъ, а оттуда, отдохнувъ лишь нѣсколько часовъ, слѣдовали далѣе на Варшаву тѣмъ трактомъ, которымъ шла наша армія въ послѣднемъ дѣйстви кровавой польской драмы. По мѣрѣ приближенія нашего къ городу, взгляды наши съ любопытствомъ и удовольствіемъ останавливались на позиціяхъ, которыя были укрѣплены мятежниками и съ такимъ мужествомъ взяты съ боя нашими войсками. Наконецъ въ Волѣ, за двѣ версты отъ Варшавской городской черты, мы вышли изъ коляски, чтобы подробнѣе осмотрѣть верки, возведенныя въ этомъ мѣстечкѣ, о прежнемъ существованіи котораго свидѣтельствовала лишь сохранившаяся церковь, пронизанная ядрами. Хотя съ тѣхъ поръ прошло три года, и хотя снѣгъ скрывалъ глубину рововъ, все нельзя было не дивиться силѣ этихъ укрѣпленій и той львиной храбрости, которая, несмотря на мужественную защиту многочисленныхъ вражескихъ силъ, умѣла преодолѣть всѣ эти препятствія. Видъ Воли есть величественнѣйшій памятникъ и для полководца и для его арміи, а Паскевичу выпалъ счастливый удѣлъ быть самому живымъ истолкователемъ этого несокрушимаго памятника его славы. Государь обошелъ всѣ укрѣпленія и изъявилъ фельдмаршалу и нѣкоторымъ изъ находившихся тутъ генераловъ, также участвовавшимъ въ этомъ славномъ дѣлѣ, свое благоволеніе въ такихъ милостивыхъ выраженіяхъ, которыя порадовали ихъ, конечно, еще болѣе, чѣмъ всѣ полученныя за это дѣло ордена.

Изъ Воли мы отправились прямо въ Александровскую цитадель. Поляки приняли тамъ своего монарха съ усердіемъ, весьма странно противорѣчившимъ образъ ихъ дѣйствія за четыре года передъ тѣмъ. Точно также привѣтствовали государя громкими кликами при обозрѣніи нѣмъ укрѣпленій и при осмотрѣ корпуса графа Ридигера. На лицахъ зрителей выражались радость, надежда и вмѣстѣ изумленіе, что побѣдитель ихъ съ такою довѣрчивостію является посреди народной толпы, потому что за нимъ не слѣдовали даже и казаки, обыкновенно сопровождавшіе экипажъ фельдмаршала.

Послѣ смотра государь въ маленькой коляскѣ съ однимъ фельдмаршаломъ объѣхалъ нѣкоторые кварталы Варшавы и вышелъ у дворца, чтобы сдѣлать визитъ княгинѣ Паскевичъ. Потомъ, пересѣвъ въ дорожную коляску, онъ отправился въ Новогеоргиевскъ, гдѣ провелъ двое сутокъ въ разныхъ осмотрахъ и въ занятіяхъ съ фельдмаршаломъ дѣлами царства.

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Изъ Ковна, гдѣ также былъ сдѣланъ смотръ части корпуса генерала Оффенберга, и гдѣ государь принялъ съ докладомъ генераль-губернатора князя Долгорукова, мы свернули съ шоссе, и восемь дюжихъ лошадей едва могли тащить нашу легкую коляску по жмудскимъ дорогамъ, обратившимся отъ ноябрьскихъ дождей въ непроѣзжныя грязи. Къ закату солнца мы прибыли въ Шавли, куда по маршруту въ этотъ же день ожидалась императрица на возвратномъ пути ея изъ Берлина.

Государь остановился въ отведенномъ для его ночлега домѣ шавльскаго помѣщика, графа Дмитрія Зубова, и тотчасъ занялся привезенными изъ Петербурга бумагами, доставлявшимися оттуда и въ этотъ разъ, какъ и во всѣ его поѣздки, дважды или трижды въ недѣлю, и за которыя онъ, несмотря на утомленіе отъ дороги, немедленно принимался, хотя бы то было и ночью, никогда не задерживая ихъ у себя долѣе полутора сутокъ, а часто возвращая съ ними курьера даже черезъ двѣнадцать часовъ послѣ его приѣзда.

Около 9-ти часовъ вечера доложили, что ѣдетъ императрица. Государь выбѣжалъ навстрѣчу преднамѣренно въ сюртукъ Кавалергардскаго полка, котораго она шефъ.

Дороги были такъ дурны, что всѣ экипажи свиты, тяжело нагруженные, отстали, и императрица, не имѣя съ собою ничего для смѣны, принуждена была занять у хозяйки даже нужное для ночлега бѣлье. Въ этомъ же положеніи находилась и сидѣвшая въ каретѣ у императрицы великая княжна Марія Николаевна, что не помѣшало, однакожь, всѣмъ очень весело поужинать и разстаться уже послѣ 11-ти часовъ. Наслѣдникъ, переночевавъ, тотчасъ продолжалъ свой путь на Ригу.

Несмотря на всѣ ожиданія, кареты съ горничными не приѣхали еще и къ утру, и сколько ни старались продолжить время завтрака, надо было, наконецъ, рѣшиться ѣхать далѣе безъ нихъ. Государь, сѣвъ въ карету къ императрицѣ и оставивъ великую княжну въ Шавляхъ до прибытія ея экипажа, приказалъ мнѣ также дождаться камеръ-юнгферъ и потомъ взять одну изъ нихъ съ собою, въ его коляскѣ, съ самонужнѣйшими вещами. Остальные экипажи прибыли, только спустя часовъ пять или шесть по отъѣздѣ государя, и я тотчасъ поспѣшилъ исполнить данное мнѣ приказаніе; но мы поспѣли въ Митаву уже часомъ послѣ выѣзда оттуда императорской четы. Въ домѣ дворянскаго собранія, гдѣ она удостоила принять обѣдъ, оставалось еще много начальствовавшихъ лицъ, дворянъ и дамъ, и князь Волконскій рѣшился остаться тутъ въ ожиданіи приѣзда великой княжны, которая отстала далеко позади меня, и съ которою нельзя было рисковать переправиться, при наступившей уже ночной темнотѣ, черезъ Двину у Риги.

Я прибылъ къ этой переправѣ съ моею спутницею въ 11-ть часовъ ночи. Государя и императрицу перевезли черезъ рѣку на особо приго-

товленномъ для того большомъ поромѣ, посредствомъ прикрѣпленныхъ къ воротамъ, на противоположномъ берегу, канатовъ. Но ледъ на Двинѣ такъ уже сгустился, что переправа даже и на этомъ суднѣ совершилась съ чрезвычайнымъ трудомъ, и государь, во избѣжаніе всякихъ приключеній, запретилъ перевозить другихъ въ продолженіе ночи. Несмотря на то и на крикъ и вопль моей камеръ-юнгферы, зная, какъ она необходима императрицѣ, я отважился нарушить это запрещеніе и въ отысканной у берега лодкѣ, собравъ наскоро нѣсколько матросовъ, пустился съ Божіею помощію въ путь. Скопившійся у берега ледъ сначала долго насъ задерживалъ, но потомъ при довольно сплномъ и благопріятномъ вѣтрѣ мы подняли парусъ, и наша лодка кое-какъ прорѣзала себѣ проходъ сквозь льдины, такъ что черезъ полчаса, несмотря на туманъ, застилавшій отъ насъ даже городскіе огни, мы причалили къ противоположному берегу, откуда тотчасъ поѣхали во дворецъ. Здѣсь неожиданное появленіе камеръ-юнгферы чрезвычайно обрадовало императрицу уже готовившуюся идти опочивать. Она милостиво и съ собственною ей ласкою поблагодарила меня за все вынесенное для ея удобства.

На слѣдующее утро стоило большихъ трудовъ перевезти черезъ рѣку Марію Николаевну. Ледъ уже сплошною массою остановился на Двинѣ, такъ что пришлось его прорубать и увеличить число рабочихъ при воротахъ. Я съ наслажденіемъ любовался безподобнымъ личикомъ 15-лѣтней великой княжны, выражавшимъ совершенное спокойствіе, въ рѣзкую противоположность съ чертами князя Волконскаго, пришедшаго въ себя только тогда, когда онъ ступилъ на землю.

По увеличившемся, вслѣдствіе шавельской встрѣчи, числу экипажей, требовавшихъ и большаго числа лошадей, рѣшено было наследнику со мною ѣхать впередъ, а ихъ величествамъ остаться еще на день въ Ригѣ. Наслѣдникъ сѣлъ въ свою коляску съ Кавелинымъ, а я ѣхалъ за ними съ государевымъ докторомъ. За нѣсколько станцій до Петербурга былъ уже санный путь, и мы пересѣли въ сани, высланные къ намъ навстрѣчу.

26-го ноября благополучно прибыли въ Петербургъ и ихъ величества.

1835-й годъ.

Въ началѣ весны 1835 года государь разсудилъ ѣхать въ Москву. Отправившись туда 26-го апрѣля, мы по дорогѣ останавливались: въ Колпинѣ для обозрѣнія основаннаго тамъ Петромъ Великимъ и во многомъ улучшеннаго императоромъ Николаемъ завода; въ одномъ изъ прежнихъ военныхъ поселеній, обращенномъ теперь въ казармы для

Гродненскаго гусарскаго полка; въ Новгородѣ — для осмотра гвардейскихъ драгунъ и, наконецъ, во вновь учрежденномъ иждивеніи графа Аракчеева и названномъ по его имени кадетскомъ корпусѣ, гдѣ государь присутствовалъ при ужинѣ воспитанниковъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ насъ, пріѣхали также въ Москву сперва императрица съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, а потомъ великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, восхитившіе народъ особенно тѣмъ, что они выѣзжали одѣтые въ національномъ костюмѣ.

Время стояло прекрасное, и 1-го мая, въ день гулянья подъ Сокольниками, императорская фамилія смотрѣла на стеченіе экипажей и пѣшиходовъ изъ павильона, выстроеннаго для этого случая въ серединѣ рощи, а потомъ сама каталась въ экипажахъ по аллеямъ, при радостномъ «ура» толпы.

Прямо съ этого гулянья дворъ переселился на дачу, купленную государемъ у графини Орловой, откуда открывался очаровательный видъ на Москву-рѣку, на орошаемые ею луга и на весь городъ. Обширность дома и его пристроекъ позволила и всѣмъ намъ тутъ же помѣститься; только, къ сожалѣнію, съ слѣдующаго дня начались холода, вѣтеръ, дожди и даже снѣгъ, заставившіе насъ пожалѣть о рановременномъ переѣздѣ изъ Кремля. При такой погодѣ жизнь на дачѣ не представляла никакихъ удовольствій, и потому ихъ старались возмѣстить балами, спектаклями и большими или меньшими собраніями у императрицы.

Между тѣмъ, время у государя шло въ Москвѣ своимъ порядкомъ. Высочайшее вниманіе было обращено въ особенности на кадетскій корпусъ, на университетъ, на украшеніе города и на поправленіе отставшаго нѣсколько въ выправкѣ и движеніяхъ армейскаго корпуса, подъ командою князя Хилкова. Кромѣ того, государь каждое утро ѣздилъ въ Кремль для пріема военнаго генералъ-губернатора съ бумагами и прочихъ лицъ, имѣвшихъ къ нему доклады, а потомъ въ часъ сходилъ на площадь передъ дворцомъ, для присутствованія при разводѣ. Здѣсь государя забавляло ставить трехъ младшихъ сыновей своихъ на линію вмѣсто офицеровъ, къ большому наслажденію публики, ежедневно собиравшейся сюда во множествѣ въ экипажахъ и пѣшкомъ. Императрица, съ своей стороны, часто посѣщала и подробно осматривала Воспитательный Домъ и дѣвичьи институты, перешедшіе въ ея благодѣтельное завѣдываніе по наслѣдству отъ покойной императрицы-матери.

Въ это же время наступилъ въ Москвѣ срокъ публичной выставки мануфактурныхъ и фабричныхъ издѣлій, которая была устроена съ большимъ вкусомъ и изяществомъ въ домѣ Дворянскаго собранія, при единодушномъ стремленіи всѣхъ фабрикантовъ отличиться передъ своимъ царемъ. Императорская чета нѣсколько разъ съ величайшимъ внима-

ніемъ осматривала всю выставку, разспрашивая производителей о каждой мелочи и ободряя ихъ своимъ поощреніемъ.

Наконецъ, государь, чрезвычайно довольный видѣннымъ, призвать къ себѣ всѣхъ главныхъ экспонентовъ и, изъявивъ имъ свою благодарность за успѣхи ихъ производствъ, прибавилъ, что теперь, когда промышленность получила надлежащее направленіе и можетъ лишь идти къ дальнѣйшему еще развитію, необходимо и правительству и фабрикантамъ обратить свое вниманіе на такой предметъ, при отсутствіи котораго самыя фабрики скорѣе будутъ зломъ, нежели благомъ. Это, продолжалъ онъ, попеченіе о рабочихъ, которые, ежегодно возрастаея числомъ, требуютъ дѣятельнаго и отеческаго надзора за ихъ нравственностію, безъ чего эта масса людей постепенно будетъ портиться и обратится наконецъ въ сословіе столько же несчастное, сколько опасное для самихъ хозяевъ. Въ заключеніе онъ сослался на примѣръ двухъ фабрикантовъ, находившихся тутъ же въ числѣ прочихъ и особенно отличавшихся обращеніемъ своимъ съ рабочими, прибавивъ, что велитъ доносить себѣ о всѣхъ тѣхъ, которые послѣдуютъ этому примѣру, чтобы имѣть удовольствіе явить имъ за то знаки своего благоволенія.

Когда погода нѣсколько поправилась, императорская фамилія изъявила желаніе посѣтить нѣкоторыя окрестныя дачи. Министръ двора, князь Волконскій, удостоился чести принять ее къ обѣду въ своей прекрасной подмосковной, верстахъ въ 20-ти отъ города. По убранству дома и содержанію садовъ можно было подумать, что хозяинъ всегда въ ней живетъ, тогда какъ, напротивъ, въ продолженіе сорока лѣтъ служебныя обязанности позволили ему провести тамъ всего лишь нѣсколько дней. Такимъ же образомъ имѣлъ счастье принять императорскую фамилію въ безподобной своей «мельницѣ» постоянный московскій житель, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, пользовавшійся особеннымъ высочайшимъ благорасположеніемъ. Сверхъ того, государь почтилъ своимъ посѣщеніемъ подмосковную графа Шереметева, уже 50 лѣтъ остававшуюся необитаемою и, несмотря на то, все еще сохранявшую слѣды прежняго великолѣпія и богатства. Государя въ особенности заняло находящееся въ тамошнемъ домѣ, или, лучше сказать, дворцѣ, многочисленное собраніе портретовъ вельможъ и сановниковъ вѣка Петра Великаго и Елисаветы, и онъ велѣлъ князю Волконскому просить согласія настоящаго владѣльца, въ то время флигель-адъютанта его величества, на снятіе копій съ нѣкоторыхъ изъ этихъ портретовъ, недостававшихъ въ эрмитажной и дворцовыхъ коллекціяхъ.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ нѣсколько частныхъ дачъ, государь пожелалъ взглянуть и на свои собственныя. Онъ посѣтилъ сперва Царицыно, не удовлетворившее его, впрочемъ, ни своимъ мѣстоположеніемъ, ни остатками сооруженнаго тамъ нѣкогда Екатериною II и впо-

слѣдствіи полуразвалившагося дворца, почему онъ предполагилъ выстроить вмѣсто него со временемъ или казарму, или какое нибудь училище; затѣмъ государь обозрѣлъ Коломенское съ оставшеюся отъ древнихъ его зданій только одною дворцовою церковью. Взойдя по довольно высокой лѣстницѣ въ бесѣдку, построенную въ новѣйшее время на мѣстѣ старинныхъ царскихъ чертоговъ, государь былъ пораженъ открывшимся изъ нея восхитительнымъ видомъ на Москву и ея окрестныя села и деревни. «Вотъ, — сказалъ онъ, — гдѣ я поставлю дворецъ: рожденіе въ этомъ мѣстѣ Петра Великаго и безподобный видъ на древнюю столицу достаточно говорятъ, что здѣсь слѣдуетъ быть царскому жилью». Спустившись оттуда, государь вмѣстѣ съ императрицею вошелъ въ древнюю церковь и, увидѣвъ тамъ три четы, которыхъ бракъ благословлялся въ это время, приказалъ мнѣ потребовать ихъ на слѣдующее утро въ Кремлевскій дворецъ. Здѣсь императрица лично вручила молодымъ разные подарки, а я роздалъ имъ отъ имени государя нѣсколько сотъ рублей.

Пробывъ въ Москвѣ около мѣсяца, дворъ возвратился въ лѣтнія свои жилища окрестъ Петербурга.

Государь уѣхалъ прежде императрицы, въ ночь съ 21-го на 22-е мая, и по дорогѣ осмотрѣлъ войска сначала въ Твери, а потомъ въ Торжкѣ. По прибытіи въ Новгородъ, онъ пересѣлъ на пароходъ военныхъ поселеній, и мы отправились въ Юрьевъ монастырь. Здѣсь настоятелемъ въ то время былъ архимандритъ Фотій, прославившійся благоговѣйнымъ уваженіемъ, которое онъ умѣлъ внушить къ себѣ добродѣтельной графинѣ Орловой-Чесменской, уже нѣсколько лѣтъ посвящавшей огромныя свои богатства на украшеніе этой обители. Никто не ожидалъ пріѣзда государя; въ монастырѣ все было тихо, и мы, не встрѣтивъ ни души, вошли въ главный его соборъ; тамъ молился одинъ монахъ. Государь, также помолившись, осмотрѣлъ великолѣпныя ризы и оклады на иконахъ, и только при выходѣ его изъ собора разнеслась по монастырю вѣсть, что въ стѣнахъ его—императоръ.

Фотій пришелъ навстрѣчу его величеству и, несмотря на все желаніе казаться совершенно спокойнымъ, былъ въ крайнемъ замѣшательствѣ отъ этого неожиданнаго пріѣзда. Къ большому нашему изумленію, вслѣдъ за нимъ явилась и графиня Орлова, совершенно счастливая высочайшимъ посѣщеніемъ такой обители, которой она была благодѣтельницею и почти начальницею. Присутствіе женщины въ мужскомъ монастырѣ могло бы казаться соблазнительнымъ, если бы репутація графини не ставила ее превыше всякаго подозрѣнія. Она сопровождала государя въ больницу и по всѣмъ церквамъ, какъ бы сама офиціально принадлежа къ этому монастырю. Фотій съ своей стороны такъ растерялся, что позабылъ о всѣхъ почестяхъ, воздаваемыхъ въ подобныхъ случаяхъ главѣ государства и церкви.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

По возвращеніи нашемъ въ Петербургъ, государь велѣлъ вытребовать его въ Невскую лавру для наученія впредь лучше исполнять свои обязанности.

Дворъ, проведя нѣсколько дней на Елагиномъ острову, переѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ для государя начались обычные лѣтнія его занятія: поѣздки въ Кронштадтъ и въ Красносельскій лагерь, въ 1835 году тѣмъ болѣе привлекавшій его вниманіе, что великій князь Михаилъ Павловичъ былъ, для поправленія своего здоровья, на Карлсбадскихъ водахъ, и гвардейскимъ корпусомъ временно командовалъ вмѣсто него достойный, но израненный генералъ Бистромъ, которому не доставало силъ поддерживать строгость заведеннаго великимъ княземъ порядка.

Въ Петергофъ въ это лѣто пріѣхали и оставались тамъ во все продолженіе пребыванія царской фамиліи сестра императрицы съ супругомъ своимъ, принцемъ Фридрихомъ Нидерландскимъ, и герцогъ Нассаускій. Праздникъ 1-го іюля былъ еще великолѣпнѣе обыкновеннаго. Потомъ начались большіе маневры, въ которыхъ мы доходили до Гатчины.

Пока Петербургъ веселился и наслаждался самымъ безмятежнымъ спокойствіемъ, въ Парижѣ приготовлено было царевубійство, и дѣло шло о смертныхъ казняхъ. Извѣстный замыселъ Фіески, не достигшій настоящей своей цѣли, но стоявшій, однако, жизни престарѣлому и храброму маршалу Мортѣе, испугалъ Францію и, возмущивъ своею дерзостью остальную Европу, былъ какъ бы новымъ призывомъ для всѣхъ правительствъ вооружиться противъ гнуснаго скопища, поклявшагося ниспровергнуть троны и разрушить общественный порядокъ. Теперь было необходимѣе, чѣмъ когда либо, чтобы сѣверные кабинеты гласно заявили свѣту единство началъ, связывавшихъ ихъ союзъ, тѣмъ болѣе, что кончина Франца I-го вдохнула революціонерамъ новыя надежды и вселила общій страхъ въ правительства.

Рѣшенъ былъ новый съѣздъ трехъ монарховъ, но на этотъ разъ долженствовавшій сопровождаться всѣмъ блескомъ военныхъ торжествъ, достойнымъ воспоминаній совокупныхъ побѣдъ 1813 и 1814 годовъ, изъ числа соучастниковъ которыхъ оставался на престолѣ уже одинъ только король Пруссій.

Мѣстомъ свиданія съ нимъ нашего государя избрали городъ Калишъ, какъ ближайшій пунктъ къ границамъ Пруссіи. Для сего послано было туда заблаговременно, на присоединеніе къ корпусу, стоявшему въ царствѣ Польскомъ, по взводу отъ каждаго гвардейскаго кавалерійскаго полка ¹, что составило вмѣстѣ три эскадрона, въ прибавку

¹ Рукою императора Николая написано:

«Les premiers pelotons des grenadiers et les premières compagnies de carabiniers».

къ которымъ слѣдовало еще изъ южныхъ военныхъ поселеній кирасирскій принца Альберта Прусскаго полка. Два баталіона гвардіи, составленные изъ всѣхъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ, 4 орудія отъ 3-хъ артиллерійскихъ бригадъ гвардейскаго корпуса, гренадерскій полкъ имени короля Прусскаго и 1 баталіонъ гренадерскаго полка имени наследнаго принца Прусскаго были собраны въ Ораніенбаумъ для отправленія моремъ въ Данцигъ.

14-го іюля, послѣ напутственнаго молебствія, подъ открытымъ небомъ, передъ Ораніенбаумскимъ дворцомъ, государь самъ повелѣлъ всѣ знамена къ катерамъ, и въ то же время всѣ войска этого отряда направилсь, по отдѣленіямъ, къ шлюпкамъ, которыя должны были доставить ихъ къ назначеннымъ для ихъ перевозки парходамъ. Это движеніе было исполнено съ чрезвычайною точностью, и видъ длиннаго ряда судовъ, наполненныхъ сверкающими штыками и постепенно, въ опредѣленныхъ интервалахъ, отдѣлявшихся отъ берега въ направленіи каждаго къ своему парходу, представлялъ безподобное зрѣлище, котораго красоту увеличивало ярко сіявшее солнце.

Король Прусскій съ своей стороны также велѣлъ образовать отряды изъ всѣхъ полковъ своей гвардіи и вмѣстѣ съ кирасирскимъ имени императора Николая полкомъ расположить ихъ лагеремъ неподалеку отъ Калиша.

1-го августа государь съ императрицею, великою княжною Ольгою Николаевною, принцемъ Фридрихомъ Нидерландскимъ съ его супругою, герцогомъ Нассаускимъ и маленькимъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, носившимъ титулъ генералъ-адмирала, отправились на парходѣ «Геркулесъ» также въ Данцигъ. Графъ Орловъ и я удостоились чести быть на одномъ съ ними суднѣ, а остальная свита, дамы и кавалеры, поѣхала въ одно съ нами время на парходѣ «Ижора». Князь П. М. Волконскій, назначенный сопровождать императрицу во время ея путешествія по Германіи, уѣхалъ впередъ сухимъ путемъ.

Нашъ переѣздъ, благопріятствуемый прекраснымъ временемъ, былъ истинною прогулкою, и одинъ только герцогъ Нассаускій пролежалъ всѣ пять дней въ морской болѣзни. Мѣстами къ намъ подходили фрегаты или бриги, отряженные отъ нашего флота для принятія приказаній государя, если бы такія понадобились, а миляхъ въ 20-ти отъ прусскихъ береговъ весь флотъ пришелъ намъ настрѣчу на всѣхъ парусахъ и по отсалютованіи императорскому флагу повернулъ назадъ для сопровожденія «Геркулеса»; но при ослабшемъ между тѣмъ вѣтрѣ нашъ парходъ скорѣ оставилъ за собою парусныя суда. Къ закату солнца открылись данцигскія колокольни, и мы убавили ходъ, чтобы войти въ каналъ, начинающійся въ пяти или шести верстахъ передъ

городомъ. Оба берега этого канала были заняты любопытными, а у пристани ожидали власти, военныя и гражданскія, подъ красивымъ шатромъ, устроеннымъ для пріема ихъ величествъ, возлѣ котораго стояли почетный караулъ и приготовленные для нихъ экипажи.

Солнце уже сѣло, огонь орудій съ данцигскихъ укрѣпленій рпсовался въ темнотѣ, и гулъ выстрѣловъ величественно смѣшивался со звономъ колоколовъ и съ кликами толпы. Но патеръ былъ устроенъ такъ неспкусно, что нашъ «Геркулесъ» едва не опрокинулъ его своимъ колесомъ, и почти невозможно было сойти тутъ на берегъ. Вслѣдствіе того государь съ императрицею и своими спутниками сѣхалъ въ катеръ и, обнявъ принца Прусскаго, высланнаго королемъ ему навстрѣчу, отправился къ отведенному для нихъ помѣщенію. Городъ былъ иллюминованъ, и все его населеніе радостно привѣтствовало государя и августѣйшую дочь своего короля. Это былъ первый русскій монархъ, который со временъ Петра Великаго явился въ стѣнахъ Данцига, столько разъ испытывшаго силу нашего оружія и въ 1806 году такъ мужественно защищеннаго нашими войсками противъ полчищъ Наполеона.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, императрица съ своимъ братомъ отправилась въ Берлинъ, а государь съ принцемъ Нидерландскимъ и Нассаускимъ герцогомъ поѣхалъ въ Калишъ. Въ Торнѣ, незадолго до нашего проѣзда, загорѣлся большой мостъ, и мы, проѣзжая по немъ, видѣли еще сторожевыхъ его солдатъ. Зажигатели остались неоткрытыми; въ этой злонамѣренной попыткѣ подозрѣвали, можетъ быть, не безъ основанія поляковъ, думавшихъ воспользоваться безпорядкомъ для какого нибудь покушенія противъ особы государя. На границѣ царства Польскаго онъ отпустилъ приготовленный для него конвой, и мы проѣхали до Калиша краемъ, еще кипѣвшимъ горькою ненавистью къ Россіи, совершенно одни.

Фельдмаршалъ Паскевичъ принялъ его величество во главѣ генераловъ, командовавшихъ разными частями расположенныхъ въ лагерѣ войскъ, стоя у праваго фланга почетнаго караула передъ дворцомъ, убраннымъ со вкусомъ для короля Прусскаго и сестеръ императрицы, принцессы Нидерландской и гротъ-герцогини Мекленбургской. Для этого пребыванія отдѣляли также заново городской театръ, выстроили огромную залу, въ которой удобно могли помѣститься за обѣденными столами 300 человекъ, и въ флигеляхъ дворца, равно какъ и во многихъ частныхъ домахъ, отвели квартиры для принцевъ и другихъ особъ, приглашенныхъ или испросившихъ позволеніе присутствовать при калишескихъ маневрахъ. Къ большому изумленію тамошнихъ жителей, государь безъ всякой свиты обошелъ пѣшкомъ по всѣмъ приготовленнымъ для знатнѣйшихъ особъ помѣщеніямъ, стараясь, чтобы все въ

нихъ было удобно и прилично. Потомъ онъ осмотрѣлъ два лагеря, раскинутые за городомъ, одинъ для пѣхоты и другой для кавалеріи. Первый, заключающій внутри себя пустое мѣсто для ожидаемыхъ прусскихъ войскъ, былъ расположенъ по гребню огромной отлогости, господствовавшей надъ городомъ и всѣми окрестностями. Влѣво отъ оставленной пустоты находились палатки для государя и для Прусскаго короля съ ихъ свитами, а внутри лагеря возвышался убранный оружіями и трофеями деревянный шатеръ, въ которомъ находилась обширная зала для обѣдовъ; съ устроеннаго надъ нимъ бельведера былъ очаровательный видъ на лагерь и всю окружающую мѣстность.

Государь сдѣлалъ предварительный смотръ войскамъ, въ видѣ приготовления къ тому, къ которому ожидался Прусскій король и столько иностранныхъ принцевъ и генераловъ. Потомъ онъ забавлялся ученіемъ конно-мусульманскаго полка, составленнаго изъ магометанъ, обитающихъ въ Закавказскомъ краѣ. Эти войны, числомъ около 500, были богато одѣты, по образцу персіянъ, въ разноцвѣтныя одежды, что придавало имъ чуждый для остальной Европы видъ азіатскаго войска. Раздѣлившись на двѣ партіи, они начали нападать другъ на друга съ необыкновенною ловкостью и удачею, но постепенно до того разгорячились, что государь призналъ нужнымъ положить конецъ ихъ стычкѣ и велѣлъ всѣмъ собраться вокругъ ихъ знамени. Партія, находившаяся на-противъ знамени, вообразивъ, что приказано его схватить, бросилась на него съ такою стремительностію, что произошла очень серьезная ошибка; знаменики, сбитый съ лошади, вмѣстѣ съ своими товарищами совсѣмъ не въ шутку защищали вѣренную ему святыню; посыпались сабельные удары, съ той и съ другой стороны полилась кровь, и государь, клинувшись между сражавшихся, едва успѣлъ съ нашею помощью разогнать и умирить враждебныя партіи. Послѣ того они прошли мимо государя церемоніальнымъ маршемъ, съ криками «ура» и съ видомъ величайшаго самодовольства ¹.

По окончаніи этихъ предварительныхъ распоряженій государь поѣхалъ въ Лигницъ въ Силезію, гдѣ его ожидали императрица, король Прусскій, принцы Прусскаго дома, эрцъ-герцогъ австрійскій Фердинандъ съ дядею своимъ, эрцъ-герцогомъ Іоганномъ, наслѣдный герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій съ супругою своею, сестрою нашей императрицы, и нѣсколько другихъ еще принцевъ, которые всѣ собрались поклониться русскому императору и присутствовать при сборѣ прус-

¹ Императоръ Николай, читая записки графа Бенкендорфа, сдѣлалъ противъ этого мѣста замѣтку:

«C'est un poème! Cela ne fut pas si sérieux et il n'y eut heureusement ni coups de sabre, ni sang, mais c'en fut bien près et ce n'est qu'avec peine que je parvins à les calmer».

скаго корпуса. Туда же прибылъ изъ своей поѣздки по Германіи и Михаилъ Павловичъ.

Прусскій лагерь находился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, и на другой день послѣ нашего пріѣзда стоявшій тамъ корпусъ, числомъ около 20.000 человѣкъ, былъ выведенъ на парадъ; но отъ многочисленнаго стеченія любопытныхъ, верхами, въ экипажахъ и пѣшкомъ, которые, несмотря на всѣ подтвержденія, даже со стороны самого короля, очень мало обращали вниманія на соблюденіе порядка, церемониальный маршъ такъ разстроился, что парадъ сдѣлался похожъ больше на какую-то сумятицу.

Въ числѣ иностранцевъ, съѣхавшихся отовсюду въ Лигницъ, находился также австрійскій генераль, принцъ Ваза. Онъ заставилъ о позволеніи прибыть туда написать жену свою къ императрицѣ, а когда съ письмомъ осталось безъ отвѣта, то сказалъ князю Меттерниху, что считаетъ это молчаніе за знакъ согласія, и, несмотря на отзывъ Меттерниха, что съ императоромъ Николаемъ опасно играть въ пословицы, все-таки пріѣхалъ въ Лигницъ. Прусскій кабинетъ, находившійся не менѣе нашего въ тѣсныхъ связяхъ съ шведскимъ королемъ Карломъ-Юганномъ, былъ столько же раздосадованъ этимъ пріѣздомъ, какъ и нашъ государь. Одинъ изъ адъютантовъ короля шведскаго, находившійся также въ Лигницѣ и приглашенный въ Калишъ, пришелъ сказать мнѣ, что онъ будетъ въ тяжелой необходимости отказаться отъ этой чести, если принцъ Ваза получитъ приглашеніе тамъ присутствовать, и даже найдется въ необходимости выѣхать изъ Лигница, такъ какъ всѣмъ лицамъ, состоящимъ въ шведской службѣ, строго приказано избѣгать встрѣчи съ претендентомъ на шведскій престолъ. Государь поручилъ мнѣ объяснить эрцъ-герцогу Фердинанду, что сколько его величеству ни непріятно отклонять пріемъ въ своихъ владѣніяхъ генерала, носящаго австрійскій мундиръ и возбуждающаго сочувствіе своими несчастьями, однако онъ вынуждается къ тому политическими отношеніями и искренностью своего союза съ королемъ шведскимъ; въ то же время велѣно было сказать шведскому адъютанту, что государь проситъ его остаться въ Лигницѣ и беретъ это на свою отвѣтственность передъ его монархомъ, которому и изложилъ все дѣло въ письмѣ къ графу Сухтелену, нашему посланнику при шведскомъ дворѣ. Кончилось тѣмъ, что шведскій офицеръ былъ чрезвычайно польщенъ такою милостивою любезностью государя, а принцъ Ваза, поставленный своею опрометчивостью въ самое непріятное положеніе, воротился въ Вѣну изливаться въ жалобахъ передъ тамошними дамами, которыхъ онъ былъ любимцемъ.

Въ Лигницѣ король ежедневно собиралъ у себя всѣхъ прицѣвъ и знатныхъ иностранцевъ на большіе обѣды и вечера; городъ далъ балъ,

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

довольно плохенькій и худо освѣщенный, а войско угостило насъ подготовленнымъ заранѣе ученьемъ, послѣ котораго пошло къ Доманзе въ Силезіи, гдѣ стоялъ лагеремъ другой прусскій корпусъ, и куда всѣ мы также поѣхали. Государь съ императрицею были тамъ помѣщены въ старинномъ замкѣ графа Бранденбурга, лежащемъ въ очаровательной мѣстности и окруженномъ прекрасными видами, а король поселился въ другомъ частномъ замкѣ, въ пяти верстахъ отъ Доманзе и въ двухъ отъ лагеря. Всѣ окрестные дома были заняты принцами и свитою, что придавало этому красивому краю особенное оживленіе. Большая галлерей близъ жилища короля служила столовою для всѣхъ королевскихъ гостей, число которыхъ увеличивалось приглашавшимися къ столу дамами и окрестными помѣщиками. Въ лагерьъ былъ устроенъ большой баракъ, внутри драпированный, въ которомъ корпусъ офицеровъ далъ балъ всѣмъ августѣйшимъ особамъ, присутствовавшимъ при этомъ военномъ сборищѣ. Иногда король пріѣзжалъ также обѣдать къ нашему государю въ Доманзе, куда въ такихъ случаяхъ звали столько гостей, сколько позволяло мѣсто. По вечерамъ собирався тамъ лишь самый небольшой кружокъ, почти исключительно состоявшій изъ семейства императрицы и немногихъ лицъ, составлявшихъ свиту ея и государеву. Утро проводили на ученіяхъ, смотрахъ и маневрахъ.

28-го августа, нашъ императорскій домъ перебрался въ Калишъ, куда государь пріѣхалъ въ 2 часа пополудни, а императрица, принявшая еще на пути балъ, данный ей городомъ Бреславлемъ, въ 8 часовъ вечера.

На слѣдующій день прибыли туда и иностранные принцы, а 30-го числа, въ день тезоименитства наслѣдника цесаревича, послѣ церковнаго парада и богослуженія въ походной церкви, государь въ 3 часа отправился на границу царства для встрѣчи августѣйшаго своего тестя, съ которымъ и возвратился часа черезъ два въ Калишъ. Здѣсь, на дворцовомъ дворѣ, ожидалъ почетный караулъ съ стоявшими на правомъ его флангѣ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, фельдмаршаломъ Паскевичемъ и всѣми генералами. Пройдя передъ фронтомъ, король былъ встрѣченъ на дворцовой лѣстницѣ августѣйшею своею дочерью, которая провела почтеннаго старца въ приготовленные для него покои, тѣ самые, гдѣ онъ жилъ въ 1813 году, когда изгнаніе французовъ изъ нашихъ предѣловъ и пораженіе ихъ нашими побѣдоносными войсками предвѣщало Пруссіи и остальной Европѣ близкое освобожденіе, — тѣ самые покои, гдѣ за 22 года передъ симъ Александръ I, предавая забвенію совокупное дѣйствіе Пруссіи съ Наполеономъ противъ Россіи, протягивалъ Фридриху-Вильгельму III руку помощи и подписывалъ союзъ съ Пруссіею противъ ея притѣснителя. Король, глубоко тронутый этими воспоминаніями давно минувшихъ дней,

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

столь многозначительныхъ въ судьбѣ обоихъ государствъ, былъ еще болѣе растроганъ нѣжною попечительностью къ нему любимой дочери и могущественнаго зятя и пріемомъ этихъ славныхъ невиданныхъ имъ съ Парижа русскихъ войскъ, которыя приводили ему на память опасности и побѣды 1812—1814 годовъ.

Вечеромъ, передъ закатомъ солнца, всѣ находящіеся въ Калишѣ и въ лагерѣ генералы и офицеры собрались въ полной парадной формѣ на площади передъ дворцомъ, а за ними стали въ густыхъ колоннахъ полковые музыканты, барабаничники, флейтчики и горнисты, числомъ слишкомъ полторы тысячи. Какъ только король показался на балконѣ, его привѣтствовали единодушнымъ «ура», и музыка заиграла маршъ, сочиненный имъ самимъ, въ бытность его еще наслѣднымъ принцемъ, и потомъ національный нашъ гимнъ. Грандіозность этой сцены поразила всѣхъ присутствовавшихъ столько же, сколько тронула доблестнаго сотоварища и друга императора Александра.

На слѣдующее утро прусскія войска присоединились у Калиша къ нашимъ, и король верхомъ ожидалъ на правомъ ихъ флангѣ государя, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ императрицею, бывшею также верхомъ. Пруссаки приняли ихъ величества съ криками «ура», заимствованными отъ нашихъ войскъ въ 1813-мъ и 1814-мъ годахъ.

Въ свитѣ царской, кромѣ названныхъ уже выше прусскихъ принцевъ, австрійскихъ эрцъ-герцоговъ, герцога Нассаускаго, Нидерландскаго и Мекленбургъ-Шверинскаго, находились еще герцогъ Кумберландскій, наслѣдные принцы Гессенъ-Дармштадтскій и Гессенъ-Кассельскій, принцъ Фридрихъ Виртембергскій, принцы Карлъ и Фридрихъ Шлезвигъ-Голстинскіе и множество иностранныхъ генераловъ и офицеровъ. Сверхъ того, прибыла въ Калишъ и супруга прусскаго короля, княгиня Лигницъ.

Пока вся эта блестящая свита слѣдовала за обоими монархами передъ фронтомъ прусскаго корпуса, наши войска выстроились впереди своего лагеря такимъ образомъ, что между двумя образованными ими стѣнами оставался широкій проходъ; потомъ государь со своимъ штабомъ сталъ на лѣвомъ флангѣ пѣхоты, а императрица заняла мѣсто на правомъ флангѣ у кавалергардскаго взвода, и король повелъ свой корпусъ къ центру лагеря. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ между рядами нашихъ войскъ, знамена и штандарты преклонялись, и крики нашихъ солдатъ смѣшивались съ звуками музыки и пушечною пальбою, сопровождавшею это торжественное шествіе. Дойдя до назначеннаго для нихъ мѣста, пруссаки, въ свою очередь, выстроились въ двѣ линіи, и наши войска, подъ предводительствомъ государя и съ императрицею на флангѣ кавалергардовъ, прошли между ихъ рядами, привѣтствуемые такими же изъявленіями, какими прежде встрѣчали прус-

саковъ. Въ этомъ соединеніи войскъ двухъ сильныхъ націй и вообще во всемъ этомъ приѣмѣ было что-то рыцарское и могучее, расшевелившее всѣ сердца. Солдаты цѣловались между собою, какъ братья, офицеры пріязненно жали другъ другу руки, и оба монарха обнялись въ виду обѣихъ армій.

Все было приготовлено въ лагерѣ для обильнаго продовольствія прусскихъ солдатъ и для стола и для удобствъ офицеровъ. Последнихъ угощали въ большой залѣ, устроенной посреди лагеря, наши гвардейскіе офицеры, а принадлежавшіе къ свитамъ короля и принцевъ, равно какъ и прочіе иностранцы, обѣдали за роскошнымъ гофмаршалскимъ столомъ въ залѣ возлѣ дворца. Вечеромъ всѣмъ раздавались даровые билеты на нѣмецкій спектакль, для котораго, чтобы не лишить короля любимаго и ежедневнаго его развлеченія, была выписана труппа изъ Берлина.

Слѣдующій день, 1-е сентября, падалъ на воскресенье. Сперва всѣ собрались къ православному богослуженію въ походной церкви, устроенной посреди лагеря, вокругъ которой наши войска были разставлены въ огромныхъ карре; потомъ всѣ перешли нѣсколько сотъ шаговъ далѣе къ мѣсту, гдѣ прусскія войска, такимъ же образомъ разставленныя, слушали проповѣдь лютеранскаго пастора и пѣли свои церковные гимны. Такое сліяніе двухъ вѣроисповѣданій, двухъ богослуженій, въ одномъ лагерѣ, въ присутствіи двухъ монарховъ, стоявшихъ во главѣ этихъ двухъ различныхъ церквей, служило живымъ символомъ обоюдной ихъ вѣротерпимости, тѣмъ болѣе поразительнымъ, что все это происходило въ краѣ, исповѣдующемъ римско-католическую вѣру, которая отличается своею нетерпимостью и фанатизмомъ.

Покаместъ въ лагерѣ отправлялась божественная служба, на широкой равнинѣ передъ нимъ собраны были мусульманскій полкъ, черкесы и кавказскіе линейные казаки. Вокругъ нихъ образовался огромный амфитеатръ изъ солдатъ обѣихъ націй, передъ которыми тѣснились верхомъ и нѣшкомъ всѣ иностранные офицеры, жаждавшіе полюбоваться никогда не виданнымъ ими зрѣлищемъ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ, возлѣ артиллерійской батареи, сталъ царственный хозяинъ со всѣми своими августѣйшими гостями, и по данному имъ сигналу началось ристаніе. Татары, черкесы и казаки, въ разнообразныхъ и богатыхъ своихъ нарядахъ, пустили вскачь своихъ лошадей, нападая одни на другихъ и увертываясь отъ ударовъ съ свойственными имъ ловкостію и быстротою. То летя впередъ, то уклоняясь, какъ молнія, въ сторону, то толпою, то поодиночкѣ, то наконецъ стоя на лошадяхъ и въ этомъ положеніи стрѣляя изъ ружей и пистолетовъ, наконецъ, по одному знаку своихъ офицеровъ, строясь и разсыпаясь съ одинаковымъ проворствомъ, они всѣхъ изумили и своими атлетическими формами, и стремительно-

стію своихъ лошадей, и собственною своею удалю. Соединивъ въ себѣ Европу съ Азіею, этотъ праздникъ напоминалъ собою времена крестовыхъ походовъ.

Слѣдующіе дни Калининскаго съѣзда были посвящены парадамъ, ученьямъ и маневрамъ, на которыхъ блестящая выправка и точность движеній нашихъ войскъ вызвали общее удивленіе иностранцевъ.

Давались также большіе обѣды и другія празднества разнаго рода. При одномъ изъ нихъ, данномъ нашимъ монархомъ отъ лица всего лагеря, 2.000 музыкантовъ исполнили королевскій маршъ и слишкомъ 600 полковыхъ пѣвчихъ пропѣли куплеты въ честь короля, сочиненные простымъ солдатомъ и положенные на музыку моимъ адъютантомъ Львовымъ, съ аккомпанементомъ выстрѣловъ изъ 18-ти орудій. Въ заключеніе великолѣпнаго фейерверка бомбардировался нарочно выстроенный за лагеремъ городокъ съ высокими минаретами. Его зажгли гранатами, постепенно взрывавшимися фугасы, состоявшіе изъ безчисленнаго множества ракетъ. Это было точно изверженіе огнедышащей горы.

Простившись съ нашими генералами и офицерами въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, король оставилъ Калининъ 10-го сентября. Государь проводилъ его до границы царства. Вслѣдъ затѣмъ выступили изъ лагеря прусскій отрядъ, а потомъ началось обратное движеніе и нашихъ войскъ. При послѣднемъ прощаньи государь собралъ вокругъ себя всѣхъ офицеровъ и благодарилъ ихъ такъ милостиво, что они въ слезахъ бросились цѣловать ему руки и колѣни. При общемъ натискѣ лошадь его едва могла устоять на ногахъ.

Возвратившись въ сопровожденіи Паскевича ко дворцу, передъ которымъ стояла въ караулѣ рота Орловскаго егерскаго полка, государь приказалъ солдатамъ привѣтствовать новаго своего шефа — князя Варшавскаго, которымъ этотъ полкъ былъ сформированъ въ 1810 году. Милость сія была для всѣхъ совершенною неожиданностію.

Утромъ на другой день императрица отправилась въ Теплицъ, а государь послѣдовалъ за нею днемъ позже и въ Бреславлѣ остановился отужинать съ королевскою фамиліею.

На австрійской границѣ ожидалъ государя князь Лихтенштейнъ, а въ Нейшольцѣ встрѣтилъ его богемскій оберъ-бургграфъ, графъ Хотекъ. Касательно лошадей австрійцы такъ безопасно распорядились, что хорошихъ едва доставало подъ государеву коляску, а во всѣ прочіе экипажи запрягали крестьянскихъ, съ негодною упряжью и дрянными кучерами, что въ этихъ гористыхъ мѣстахъ грозило ежеминутною опасностію. Къ ночи мы прибыли въ какой-то маленький городокъ, гдѣ въ довольно плохой гостиницѣ рѣшился переночевать государь, а Лихтенштейнъ, Хотекъ и я должны были удовольствоваться какою-то харчев-

нею, гдѣ едва нашли чего поѣсть. Свита государева нагнала насъ уже на слѣдующее утро.

За двѣ станціи до Теплица ожидалъ придворный экипажъ, и Хотекъ умолялъ меня убѣдить государя остановиться тутъ на нѣкоторое время, чтобы онъ, Хотекъ, могъ предварить своего императора, желавшаго выѣхать навстрѣчу нашему. Его величество слышать о томъ не хотѣлъ и, переодѣвшись въ полковничій мундиръ венгерскихъ гусаровъ, поспѣшилъ отправиться съ княземъ Лихтенштейномъ. Я съ Хотekomъ въ другой коляскѣ выѣхалъ нѣсколько ранѣе, и хотя послѣднему велѣно было ѣхать впередъ, однако государь скоро обогналъ нашихъ крестьянскихъ лошадокъ, и мы потеряли его изъ вида. Хотекъ совершенно растерялся, кричалъ, бранился, сулилъ огромные трингельды, а я, смѣясь внутренно надъ забавнымъ отчаяніемъ моего спутника, старался утѣшить его тѣмъ, что императоръ австрійскій вѣрно проститъ ему замедленіе, происшедшее единственно по винѣ нашего государя. «Если бы императоръ и простилъ меня, — отвѣчалъ онъ, — то мнѣ все-таки страшно достанется отъ князя Меттерниха!»

Мы добрались до Теплица уже полчасъ послѣ того, какъ оба монарха встрѣтились тамъ на улицѣ. Помѣщеніе нашей императорской четѣ было отведено въ домѣ князя Клари, вмѣстѣ съ австрійскою; но послѣдняя занимала бельэтажъ, а первую помѣстили въ верхнемъ этажѣ, точно будто бы гостями тутъ были австрійцы.

Постепенно прибыли въ Теплицъ и всѣ калишскіе наши гости, бывшіе уже прежде въ Лигницѣ и въ Доманзе, въ томъ числѣ и прусскій король. Однажды, сидя въ этомъ обществѣ за обѣдомъ у австрійскаго императора, я шепнулъ гротъ-герцогинѣ Мекленбургской, что мы — точно труппа странствующихъ актеровъ, переряжающихся по мѣрѣ прибытія въ каждый городъ.

Впрочемъ общество наше въ Теплицѣ увеличилось еще нѣсколькими новопріѣзжими: эрцъ-герцогомъ Карломъ, княземъ Меттернихомъ, нашимъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ Татищевымъ, графомъ Колловратомъ и нѣсколькими нѣмецкими принцами съ ихъ свитами. Городъ былъ набитъ биткомъ. Вѣнцы съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ и даже страхомъ ожидали этой встрѣчи обоихъ императоровъ, опасаясь за сравненіе.

Контрастъ былъ въ самомъ дѣлѣ поразителенъ. Рядомъ съ однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ въ мірѣ, исполненнымъ силы нравственной и физической, являлось какое-то слабенькое существо, тщедушное и тѣломъ и духомъ, какой-то призракъ монарха, стоявшій по осанкѣ и рѣчи ниже самыхъ рядовыхъ людей. Нужна была вся вѣжливость и ласковая привѣтливость императора Николая, чтобы утаить отъ зоркихъ глазъ австрійцевъ, сколько онъ изумленъ этою фигурою; но его обращеніе

съ Фердинандомъ, всегда предупредительное, дружеское и даже почти-тельное, вскорѣ привлекло къ нему сердца всей австрійской свиты и, въ особенности, молодой императрицы, которая оцѣнила съ благодарностію трудное положеніе нашего государя. Можно смѣло сказать, что его австрійскій сотоварищъ былъ высшей ничтожностію и какъ бы совсѣмъ не существовалъ. Онъ едва даже могъ удерживать въ памяти наши фамиліи и на все, что мы ни старались говорить ему съ видомъ, будто бы не примѣчаемъ совершенной его ограниченности, отвѣчали лишь полусловами, совсѣмъ не клевшимися съ предметомъ разговора.

Но тѣмъ благороднѣе и величественнѣе было зрѣлище, даваемое свѣту австрійскою націею и управлявшими ею министрами. Все благоговѣло передъ трономъ, почти празднымъ; все соединялось вокругъ власти, представлявшей одинъ призракъ монарха. Всѣ управленія и начальства слѣдовали по пути, указанному покойнымъ Францемъ, котораго боготворимая память, какъ благотворная тѣнь витала надъ ихъ рѣшеніями и дѣйствіями. Князь Меттернихъ продолжалъ всѣмъ руководить, раздѣляя заботы правленія съ графомъ Колловратомъ, болѣе занимавшимся финансовою частью, и съ графомъ Кламмомъ, завѣдывавшимъ военными дѣлами. Этотъ триумвиратъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ истинную императорскую власть; всѣ про него знали, и всѣ, однако же, скрывали это отъ самихъ себя, давая видъ, что повинуются только волѣ императора.

Тѣмъ же самымъ высокимъ духомъ почтенія и преданности къ его особѣ дышали всѣ сословія, начиная отъ членовъ царственного дома и до послѣдняго крестьянина: слыша ихъ слова и видя усердіе, можно бы подумать, что ими управляетъ человекъ, вполне достойный стоять во главѣ ихъ прекрасной страны. Но сколько это ни представлялось почтеннымъ и достойнымъ удивленія, такой порядокъ вещей ничѣмъ ни упрочивался въ настоящемъ, и гроза висѣла надъ его будущимъ.

Меттернихъ, эрцъ-герцоги Іоаннъ и Карлъ и молодая императрица обратились къ благородному и твердому характеру нашего государя, ища въ немъ покровительственной опоры, и предалися ему съ безграничною и самою чистосердечною довѣренностію. Императоръ Николай свято помнилъ данное имъ Францу обѣщаніе быть попечителемъ его сына и оплотомъ его имперіи. Онъ съ обычною ревностною своею дѣятельностію выслушивалъ все повѣряемое ему австрійскими министрами и отъ искренняго сердца помогалъ имъ своими совѣтами. Для него уже не существовало тайнъ въ австрійской администраціи, и всѣ радовались этому благодатному и могущественному покровительству.

Въ Теплицѣ собирались къ обѣду почти всегда у австрійскаго императора, который, принимая у себя, скорѣе походилъ на мебель, чѣмъ на хозяина. Вечеромъ иногда бывали въ театрѣ, а потомъ день оканчи-

вался всегда въ салонѣ танцами или концертами въ присутствіи всѣхъ монарховъ и принцевъ, императрицъ и принцессъ, кромѣ только Фердинанда, рѣдко тутъ появлявшіеся. Однажды вечеромъ, когда и онъ тамъ показался, я побѣждалъ доложить о томъ государю, разговаривавшему съ кѣмъ-то поодаль. Его величество тотчасъ поспѣшилъ навстрѣчу Фердинанду и привѣтствовалъ его глубокимъ поклономъ; но бѣдный юродивый, незнакомый даже съ обыкновенными свѣтскими приличіями или чуждавшійся ихъ изъ неодолимой робости, отвѣчалъ государю однимъ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы и въ ту же минуту отвернулся отъ него. Сама императрица наша, сколько ни старалась приучить его къ себѣ, никакъ не могла въ томъ успѣть.

Подъ Теплицемъ собраны были гусарскій полкъ имени императора Николая, одинъ уланскій полкъ, нѣсколько баталіоновъ пѣхоты и много артиллеріи. Послѣ римско-католической обѣдин, отправленной въ палаткѣ, среди очаровательной долины близъ города, этимъ войскамъ сдѣланъ былъ смотръ. Фердинанда посадили на лошадь со всѣми предосторожностями, употребляемыми для какой нибудь трусливой дамы. Онъ поѣхалъ впередъ шагомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на русскаго императора. Потомъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ нимъ и передъ обѣими императрицами, сидѣвшими вмѣстѣ въ коляскѣ. Нашъ государь ѣхалъ впередъ своего полка и, отсалютовавъ, какъ простой полковникъ, подскакалъ къ австрійской императрицѣ съ почетнымъ рапортомъ.

Нѣсколько дней позже было произведено, въ честь нашего государя, въ двухъ миляхъ отъ Теплица, нѣчто въ родѣ ученья—маневровъ, при которыхъ австрійскій императоръ не присутствовалъ.

Въ другой разъ императоръ Николай, въ блестящемъ венгерскомъ мундирѣ, училъ свой гусарскій полкъ на Кюльмскомъ полѣ, гдѣ за двадцать одинъ годъ передъ тѣмъ гвардія его брата положила первую основу дальнѣйшихъ успѣховъ союзниковъ. Къ этому ученью пріѣхали обѣ императрицы, августѣйшія сестры государыни, и прусскій король, и государь представилъ свою супругу полку, разговаривая и шутя съ простыми гусарами, къ крайней ихъ радости. Фердинандъ, заставивъ себя съ полчаса дожидаться, явился наконецъ въ коляскѣ, и приближеннымъ лишь съ большимъ трудомъ удалось уговорить его сѣсть на лошадь, чтобы проѣхать передъ фронтомъ и принять честь отъ полковника, что, впрочемъ, онъ сдѣлалъ, тоже не обращая вниманія на этого полковника-императора. Но когда полкъ развернулся, чтобы пройти передъ Фердинандомъ церемоніальнымъ маршемъ, онъ вдругъ удался, и ничто уже не могло убѣдить его вернуться. Государю пришлось провести полкъ передъ императрицами, возлѣ которыхъ сталъ король прусскій. Позднее прибытіе Фердинанда къ ученью, уклоненіе потомъ сѣсть на лошадь и,

наконецъ, неностижимый капризъ, увлекшій его съ мѣста въ ту самую минуту, когда его присутствіе тутъ было всего необходимѣе, крайне огорчили и смутили безподобныхъ австрійцевъ, еще болѣе страдавшихъ отъ нелѣпостей своего монарха при сравненіи его съ нашимъ императоромъ.

Покойный Францъ еще въ 1813 году предположилъ воздвигнуть на Кульмскомъ полѣ памятникъ въ воспоминаніе одержанной тамъ побѣды, но исполненіе этого намѣренія отчего-то замедлилось. Теперь Меттернихъ приготовилъ торжество, долженствовавшее осуществить эту мысль, и для котораго не могло быть выбрано пристойнѣйшей минуты. На мѣстѣ, гдѣ предназначалось воздвигнуть памятникъ, поставили модель его въ настоящихъ размѣрахъ, а вокругъ собрали всѣ находившіяся въ окрестностяхъ войска. Къ предстоящему торжеству стеклось все теплицкое населеніе, и явились вмѣстѣ священники римско-католическій, лютеранскій и одинъ православный ¹, а также выписанные изъ Петербурга дворцовые гренадеры изъ числа сражавшихся и раненыхъ въ Кульмскомъ боѣ. Въ назначенный часъ пріѣхали и помѣстились въ красивой бесѣдкѣ всѣ три монарха, обѣ императрицы и всѣ принцы и принцессы. Чудеснѣйшая погода благопріятствовала празднику, на которомъ изъ участниковъ славнаго тройственного союза присутствовали уже одинъ только прусскій король. Совершена была панихида по положившихъ свой животъ въ этой достопамятной битвѣ ²; наши старые гренадеры, отдавая честь памяти своихъ сотоварищей, заливались слезами, и всѣ присутствовавшіе были глубоко растроганы. Церемонія окончилась закладкою фундамента для памятника. Три ружейные и пушечные залпа огласили при этомъ долину и повторились эхомъ окрестныхъ горъ и лѣсовъ.

Государь въ тотъ же день послалъ андреевскія ленты подвижникамъ Кульмскаго боя: графу Остерману и Ермолову, давно уже оставившимъ поприще служебной дѣятельности и, конечно, никакъ не воображавшимъ, чтобы русскому монарху, въ далекомъ уголкѣ Богеміи, пришло на память прежнія ихъ заслуги.

Во время нашего пребыванія въ Теплицѣ князь Меттернихъ старался еще болѣе со мной сблизиться и показывать мнѣ возможные знаки довѣрія. Съ годъ передъ тѣмъ я послалъ въ Германію одного изъ моихъ чиновниковъ, съ цѣлью опровергать посредствомъ дѣльных и умныхъ газетныхъ статей грубыя нелѣпости, печатаемыя за границею о Россіи и ея монархѣ, и вообще стараться противодѣйствовать революціонному духу,

¹ Подчеркнутыя слова зачеркнуты императоромъ Николаемъ, и противъ нихъ написано: «C'est faux».

² Подчеркнутыя слова зачеркнуты, и противъ нихъ написано императоромъ Николаемъ: «C'est faux; il y eût consécration d'après le rite catholique de la première pierre du monument à élever».

обладавшему журналистикою. Последнее обстоятельство очень интересовало и князя Меттерниха. Увѣряя, что у него нѣтъ чиновника способнѣе къ этому моего, который имѣлъ случай сдѣлаться ему лично извѣстнымъ, онъ просилъ прислать его на жительство въ Вѣну, чтобы имъ работать тамъ соединенными силами на пользу Россіи и Австріи и на распространеніе добрыхъ монархическихъ началъ. Я тѣмъ охотнѣе на это согласился, что мнѣ не хотѣлось возбуждать подозрѣнія объ участіи въ семъ дѣлѣ нашего правительства, слишкомъ высоко стоявшаго для борьбы съ журналами. Вслѣдствіе того, мой чиновникъ, развѣзжавшій по Германіи, какъ совершенно частное лицо, поселился въ Вѣнѣ въ такой же роли. Сверхъ того, князь Меттернихъ, постоянно обращавшій особенное вниманіе на дѣла высшей или тайной полиціи, предложилъ мнѣ прислать въ Вѣну одного изъ нашихъ жандармскихъ офицеровъ, чтобы ознакомить его со всѣмъ движеніемъ этой части въ Австріи и, введя его во всѣ подробности ея механизма, черезъ то самое согласить наши обоюдныя мѣры противъ поляковъ. И на это предложеніе я также съ удовольствіемъ согласился и, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, тотчасъ же командировалъ въ Вѣну подполковника Озерецковскаго, который былъ принятъ тамъ со всею ласкою и предупредительностью.

Мы оставили Теплицъ, пробывъ въ немъ какую нибудь недѣлю. Государь ѣхалъ съ императрицею, а я слѣдовалъ за ними въ государевой коляскѣ. Въ крѣпости Терезіенштадтъ, назначенной для ночлега ихъ величествъ, мы нашли эрцъ-герцога Іоганна, который, въ качествѣ начальника инженеровъ, принялъ государя и поднесъ ему всѣ планы укрѣпленій. На другое утро мѣстный гарнизонъ былъ выведенъ на ученіе съ палубою, а между тѣмъ открыли плузы, чтобы наполнить водою крѣпостные рвы, и государь, въ сопровожденіи эрцъ-герцога съ генералами и офицерами, подробно осмотрѣлъ всѣ крѣпостныя работы и строенія. Оттуда мы въ прелестную погоду поѣхали въ Прагу, видъ которой издалика поразилъ всѣхъ насъ сходствомъ съ Москвою.

Государя съ императрицею везли придворныя лошади, а я слѣдовалъ непосредственно за ними на почтовыхъ, но при подъемѣ на гору въ Градчину мои лошади запутались въ постромкахъ, и я отсталъ. Главная лѣстница къ замку была наполнена зрителями, и у нижнихъ ея ступеней ожидали князь Меттернихъ и Татищевъ, а на верхнихъ австрійскій императоръ съ своею супругою, эрцъ-герцогами и дворомъ. Я выскочилъ изъ коляски и спросилъ, гдѣ нашъ государь, Меттернихъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же самымъ вопросомъ. Дѣло было въ томъ, что государя привезли другою дорогою, и всему австрійскому двору пришлось отправиться въ крайнемъ смущеніи на поискъ тѣхъ августѣйшихъ гостей, для пріема которыхъ онъ собственно и собрался.

И, съ своей стороны, также довольно сконфуженный одиночнымъ появленіемъ моей персоны, вмѣшался въ толпу и пошелъ отыскивать назначенный мнѣ для квартиры домъ, который оказался окруженнымъ высокими стѣнами, совершенно заслонявшими всякій видъ. Вообще все отзывалось безпорядкомъ, царствовавшимъ при австрійскомъ дворѣ вслѣдствіе отрицательнаго положенія его монарха. Такъ, напримѣръ, пріѣхавъ въ Прагу именно для пріема и угощенія императорской четы, забыли бездѣлицу: приготовить для нея комнаты. Только за нѣсколько часовъ до прибытія нашего государя князь Меттернихъ, пожелавъ лично удостовѣриться, все ли устроено, какъ слѣдуетъ, съ ужасомъ увидѣлъ, что ничего не сдѣлано, и въ досадѣ прибѣжалъ къ своей императрицѣ доложить о томъ. Тогда она посѣпила выбраться съ супругомъ изъ собственныхъ покоевъ и уступить ихъ своимъ августѣйшимъ гостямъ.

Постепенно собралась въ Прагу и большая часть принцевъ и принцессъ, слѣдовавшихъ за нами съ самаго Лигница. Всѣ, больше или меньше, подверглись такимъ же недосмотрамъ и промахамъ въ отношеніи къ ихъ помѣщенію. Король прусскій сюда не пріѣхалъ и отправился ожидать государя съ императрицею въ Силезію.

Прага была всякій вечеръ великолѣпно иллюминирована, а утро проходило въ смотрахъ и ученіяхъ тамошняго гарнизона. Императоръ Николай со всевозможною предупредительностью занималъ вездѣ второе мѣсто, кромѣ ученій, на которыя Фердинандъ не отваживалъ своей тщедушной особы. Нашъ государь, въ венгерскомъ мундирѣ, восхищалъ всѣхъ многочисленныхъ зрителей, отовсюду стекавшихся посмотреть на него. При парадномъ спектаклѣ въ театрѣ, оба императора съ своими супругами находились вмѣстѣ въ одной ложѣ; но нашъ сѣлъ позади, такъ что всѣ обращенія къ нему рукоплесканія имѣли видъ, будто бы относятся къ Фердинанду, отвѣчавшему на нихъ неловкимъ киваніемъ головы. Большой балъ при дворѣ былъ очень многолюденъ, и все, что Прага и ея окрестности могли выставить изъ общества дамъ, съѣхалось сюда щегольнуть своими брильянтами и богатствами Богеміи. Наша 13-ти-лѣтняя великая княжна Ольга Николаевна, впервые явившаяся при этомъ случаѣ въ публикѣ, сіяла красотою и граціею. Достоиную спутницею ея на балѣ была прелестная и живая дочь эрцъ-герцога Карла, вступившая впослѣдствіи въ супружество съ королемъ Неаполитанскимъ.

Послѣ четырехдневнаго пребыванія въ Прагѣ всѣ августѣйшіе гости начали готовиться къ отъѣзду, и мы собравшись отправиться въ Силезію, какъ вдругъ утромъ, когда уже поданы были экипажи, государь, подойдя къ Фердинанду, сказалъ ему: «у меня есть до васъ просьба; позвольте мнѣ сѣздить въ Вѣну, чтобы засвидѣтельствовать мое почтеніе вдовствующей императрицѣ, ва-

ней матушкѣ и вдовѣ друга брата моего Александра и моего». Этотъ неожиданный вызовъ очень тронулъ бѣднаго Фердинанда, который принялъ его съ живою радостію и благодарностію¹. Затѣмъ государь попросилъ у князя Меттерниха письма къ его женѣ; и мы немедленно покатили въ Вѣну. Императрица же направилась къ Финнбаху, замку дяди своего, принца Вильгельма.

Тайна поѣздки въ Вѣну не была повѣрена никому, кромѣ меня, и лишь наканунѣ уже вечеромъ я послалъ впередъ фельдгегера заказывать лошадей на мое имя. Только по утру, въ день отъѣзда, было сообщено о нашемъ планѣ Татищеву, и онъ вручилъ мнѣ ключи отъ вѣнскаго своего кабинета, такъ какъ государь намѣревался остановиться въ посольскомъ домѣ.

Князь Лихтенштейнъ, готовившійся садиться въ коляску, чтобы слѣдовать за нами въ Силезію, узнавъ о перемѣнѣ маршрута, къ крайнему своему изумленію, только въ самую минуту отъѣзда. Всѣ были въ восторгѣ отъ этой любезной внимательности государя.

Благодаря огромнымъ тринкельдамъ, которыми я щедро надѣлялъ почтальоновъ, и рвенію князя Лихтенштейна, всѣми средствами старавшагося оживить хладнокровную флегму почтосодержателей, которымъ еще никогда не приходилось видѣть такихъ спѣшныхъ путешественниковъ, мы мчался съ обыкновенною нашею быстротою и въ дорогѣ немало тѣшились строгимъ инкогнито государя, фаворитаго въ качествѣ моего адъютанта. Я принималъ возможно серіозный видъ и по временамъ дѣлалъ молодымъ офицерамъ моей свиты выговоры за ихъ шумъ и громкій смѣхъ, а на одной станціи, пригласивъ отужинать съ собою почтосодержателя, мы очень забавлялись его кислымъ расположеніемъ духа.

Перевѣздъ былъ совершенъ всего въ однѣ сутки, — неслыханная скорость для этого края, гдѣ ни почтальоны, ни ихъ лошади, ни сами проѣзжіе никогда не торопятся.

Подъѣзжая къ Вѣнѣ, государь взялъ къ себѣ въ коляску князя Лихтенштейна, а я сѣлъ съ молодымъ адъютантомъ послѣдняго, и мы поѣхали, моя коляска впередъ, прямо къ посольскому дому, не обративъ на себя вниманія прохожихъ, кромѣ нѣсколькихъ только лицъ, узнавшихъ меня и казавшихся удивленными моимъ внезапнымъ появленіемъ. Ворота дома были заперты, и когда я выскочилъ изъ коляски, нивей-

¹ Подчеркнутыя слова зачеркнуты, и противъ нихъ написано императоромъ Николаемъ:

«C'est faux; nous revenions de l'exercice à tir d'artillerie en calèche, quand je lui demandais ses ordres pour Vienne; il me répondit comme si la chose était tout ordinaire, qu'il me chargeait de ses compliments à l'impératrice-mère, et ce ne fut que quand l'impératrice régnante marqua sa surprise, qu'il comprit qu'il y avait quelque chose sortant de l'ordinaire».

царь, при видѣ русскаго генерала, за которымъ слѣдовалъ еще другой экипажъ, такъ спльно раззвонился, что слуги и чиновники сбѣжались со всѣхъ сторонъ, какъ бы по набату. Одинъ изъ лакеевъ узналъ меня и повелъ по парадной лѣстницѣ, не замѣчая, кто идетъ за мною, а когда я спросилъ, гдѣ кабинетъ посла, показалъ ключъ отъ него, то и этотъ лакей и всѣ прочіе посматрѣли на меня съ удивленіемъ. Тутъ государь, шедшій позади меня, обратился съ вопросомъ къ другому лакею, родомъ русскому, не видывалъ ли онъ когда нибудь его фигуры на петербургскихъ улицахъ, и этотъ вопросъ поразилъ всѣхъ, точно электрическій ударъ. И едва успѣлъ велѣть затворить снова ворота и никого не впускать, какъ вся улица была полна народомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, только что заложили посольскій экипажъ, государь, переодѣвшись, поѣхалъ въ Шенбрунъ къ императрицѣ-матери. Вѣсть о его пріѣздѣ разнеслась по городу съ быстротою молніи, и мнѣ вскорѣ принесли записку отъ княгини Меттернихъ, упрашивавшей меня пріѣхать къ ней; между тѣмъ мои комнаты наполнились чиновниками посольства и лицами, присланными отъ разныхъ властей столицы, чтобы удостовѣриться въ справедливости этой вѣсти. Князь Эстергази, австрійскій посолъ при англійскомъ дворѣ, только за день передъ тѣмъ видѣвшій государя въ Прагѣ и увѣренный, что онъ теперь въ Силезіи, пріѣхавъ въ Вѣну черезъ три часа послѣ насъ, былъ пораженъ общимъ движеніемъ на улицахъ и, не давая никакой вѣры извѣстію, которымъ встрѣтили его домашніе, поспѣшилъ тотчасъ въ нашъ посольскій домъ, гдѣ мы вмѣстѣ съ нимъ поохотились надъ его изумленіемъ.

Княгиня Меттернихъ бросилась мнѣ на шею, когда я объявилъ ей, что государь послѣ обѣденнаго стола у императрицы пріѣдетъ лично вручить ей письмо отъ князя.

Любезная внимательность, оказанная государемъ черезъ пріѣздъ его въ Вѣну вдовѣ императора Франца, о которомъ память была еще такъ жива въ этой столицѣ, расположила къ нему всѣхъ, отъ членовъ императорскаго дома и до самыхъ низшихъ сословій. Дамы толпами стояли на лѣстницѣ и въ сѣняхъ посольскаго дома, чтобы взглянуть на Николая; на улицахъ народъ бѣжалъ за его каретою. Въ слѣдующее утро государь, во фракѣ, прохаживался съ княземъ Лихтенштейномъ¹ по городу, зашелъ по дорогѣ въ нѣсколько магазиновъ и закупилъ тамъ подарковъ для августѣйшей своей супруги; потомъ по возвращеніи домой онъ поѣхалъ съ княземъ же, въ простой извозничьей каретѣ, въ монастырь, гдѣ поконтся прахъ императора Франца. Двери въ склепъ имъ отворилъ монахъ, который былъ свидѣтелемъ трогательнаго благоговѣнія, выразившагося на лицѣ государя въ минуту, когда онъ прибли-

¹ Рукою императора Николая написано: «Non, seul».

зился къ завѣтной гробницѣ. Это поклоненіе останкамъ монарха, обожаемаго австрійцами, еще болѣе увеличило энтузіазмъ вѣнскихъ жителей къ императору Николаю, а везшій его извозчикъ сдѣлался предметомъ общаго любопытства и множества эстамповъ, появившихся въ магазинахъ.

Княгиня Меттернихъ, ослѣвленная пріемомъ у себя государя, умоляла меня убѣдить его повторить еще разъ свой визитъ къ ней вечеромъ. Опасаясь, можетъ быть, остаться наединѣ съ прелестнѣйшею женщиною, самымъ обворожительнымъ образомъ предавшеюся увлеченію своей радости, государь взялъ съ собою меня; но оказалось, что и она, движимая, вѣроятно, тѣмъ же страхомъ уединенной бесѣды съ красивѣйшимъ мужчиною въ Европѣ, вооружилась противъ него присутвіемъ двухъ замужнихъ своихъ падчерицъ. Свиданіе было чрезвычайно любезно съ обѣихъ сторонъ, но нѣсколько принужденно.

Тотчасъ послѣ нашего пріѣзда отправили курьера за эрцъ-герцогомъ палатиномъ. Онъ на другой день пріѣхалъ къ августѣйшему своему шурина, котораго видѣлъ только однажды въ Петербургѣ, и то двухлѣтнимъ ребенкомъ, въ то время, когда сочетался бракомъ съ великою княжною Александрою Павловною¹.

Вѣнскіе сановники домогались чести быть представленными нашему императору, и войска также непремѣнно желали явиться передъ нимъ; но мнѣ уже впередъ дано было приказаніе отклонить всѣ подобныя просьбы, объявляя, что государь пріѣхалъ только засвидѣтельствовать свое почтеніе императрицѣ и на слѣдующій день долженъ ѣхать. Изъятіе было сдѣлано только для чиновниковъ нашего посольства и еще для нѣкоторыхъ русскихъ, находившихся въ ту минуту въ Вѣнѣ. Государь былъ съ визитомъ у графини Чернышевой², жены нашего военнаго министра, отъ которой послалъ курьера передать ея мужу въ Россію вѣсть о появленіи своемъ въ столицѣ Австріи.

Послѣ обѣда мы отправились обратно тѣмъ же путемъ. Почтосодержатели и почтальоны, зная въ этотъ разъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, принимали насъ вездѣ съ радостными лицами, смѣясь сами надъ мистификаціею, въ которую были введены. Ровно черезъ сутки государя уже встрѣчали въ Прагѣ супруга Фердинанда и даже самъ онъ изъявленіемъ живѣйшей благодарности за посѣщеніе ихъ столицы; я съ своей стороны занялся сборами къ нашему отъѣзду, назначенному въ тотъ же вечеръ.

Въ это время зашелъ ко мнѣ князь Меттернихъ, который, исполненный восторга отъ милостей нашего государя къ его женѣ, прочелъ

¹ Рукою императора Николая написано: «Et un moment à Heidelberg, au quartier général de l'empereur Alexandre, l'année 1815».

² Императоромъ Николаемъ приписано: «Et chez la princesse Liechtenstein-mère».

мнѣ ея письмо и еще другое, въ такомъ же духѣ, отъ эрцгерцога Людвига, и сверхъ того оставилъ въ моихъ рукахъ на память слѣдующее донесеніе, только что полученное имъ отъ вѣнскаго генераль-губернатора Оттенфельса:

«Со времени послѣдняго донесенія моего вашему сіятельству отъ 7-го октября (н. с.) мы были очевидцами событія, столь чрезвычайнаго и столь неожиданнаго, что никогда не повѣрили бы ему безъ свидѣтельства собственныхъ нашихъ глазъ. Когда вчера, въ 2 часа пополудни, мнѣ прибѣжали сказать, что въ Вѣну пріѣхалъ русскій императоръ, и что онъ остановился въ домѣ своего посольства, я счелъ принесшаго мнѣ эту вѣсть за лунатика. Но мое изумленіе и невѣріе скорѣ превратились въ чувство благоговѣйнаго умиленія, когда императоръ Николай поѣхалъ въ Шенбрунъ для изъясненія своихъ пріязненныхъ чувствъ нашей вдовствующей императрицѣ. Не берусь передавать вашему сіятельству подробностей кратковременнаго пребыванія его величества съ нашей столицѣ. Вы изволите прочесть ихъ въ письмѣ вашей супруги, имѣвшей честь дважды принять у себя августѣйшаго гостя. Но не могу умолчать о томъ въ высшей степени благопріятномъ впечатлѣніи, которое великодушная мысль русскаго монарха и образъ ея исполненія произвели на здѣшнюю публику. Это событіе одно громче и положительнѣе всѣхъ самыхъ краснорѣчивыхъ дипломатическихъ актовъ свидѣтельствуетъ о тѣсномъ союзѣ, связывающемъ оба августѣйшіе дома».

Въ полночь, простившись съ австрійскимъ дворомъ, мы сѣли въ коляску и поѣхали черезъ Траутенау въ Финбохъ, куда прибыли къ обѣду. Король съ императрицею, дочерью и нѣсколькими принцами своего дома ожидали насъ въ прекрасномъ готическомъ замкѣ принца Вильгельма, куда собралось и много окрестныхъ владѣльцевъ. Здѣсь государь простился съ королемъ и съ своею супругою, которая отсюда возвратилась прямо въ Царское Село.

Въ полночь съ 1-го на 2-ое октября мы отправились въ царство Польское и 4-го октября, по вечеру, прибыли въ Лазенскій дворецъ, который нашли иллюминированнымъ, какъ бывало въ 1830 году въ вѣрной еще намъ Польшѣ. Фельдмаршалъ просилъ о дозволеніи представить на слѣдующее утро городскую депутацію, долженствовавшую поднести приготовленный заранѣе адресъ, выражавшій самую благоговѣйную преданность. Государь соизволилъ на принятіе депутаціи, но отозвался, что говорить будетъ не она, а самъ онъ.

Рано утромъ была введена въ залу эта депутація, и я озабочился, чтобы при ея пріемѣ не было никого, кромѣ князя Паскевича и варшавскаго военнаго генераль-губернатора Панкратьева.

Государь говорилъ такъ сильно и ясно, что рѣчь его не могла не произвести самаго глубокаго впечатлѣнія на слушателей. Видя, какъ

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

оно выражалось на ихъ лицахъ, и не сомнѣваясь, что всѣ газеты немедленно заговорятъ объ этой достопамятной рѣчи, я попросилъ Панкратьева тотчасъ положить ее на бумагу, чтобы передачею въ пестинномъ видѣ словъ государя въ печати парализовать всѣ могущіе возникнуть вымыслы и преувеличеніе.

Эта рѣчь дѣйствительно и появилась во всѣхъ современныхъ журналахъ въ томъ самомъ видѣ, какъ была записана Панкратьевымъ подъ моимъ наблюденіемъ. Она произвела огромное дѣйствіе на поляковъ, которые, находя ее строгою, однако же во всѣхъ частяхъ правдивою, ласкали себя надеждою, что слова ихъ монарха предвѣщаютъ конецъ заслуженной ими опалы¹. И хотя наши враги и либералы всѣхъ странъ

¹ Приводимъ здѣсь рѣчь, сказанную императоромъ Николаемъ депутатамъ Варшавы.

«Я знаю, господа, что вы хотѣли обратиться ко мнѣ съ рѣчью; я даже знаю ея содержаніе, и именно для того, чтобы избавить васъ отъ лжи, я желаю, чтобы она не была произнесена предо мною. Да, господа, для того, чтобы избавить васъ отъ лжи, ибо я знаю, что чувства ваши не таковы, какъ вы меня въ томъ хотите увѣрить.

«И какъ мнѣ имѣть вѣрить, когда вы мнѣ говорили то же самое наканунѣ революціи? Не вы ли сами, тому пять лѣтъ, тому восемь лѣтъ, говорили мнѣ о вѣрности, о преданности и дѣлали мнѣ такіа торжественныя завѣренія преданности? Нѣсколько дней спустя, вы нарушили свои клятвы, вы совершили ужасы.

«Императору Александру I, который сдѣлалъ для васъ болѣе, чѣмъ русскому императору сдѣловало, который осыпалъ васъ благодѣяніями, который покровительствовалъ (*vous a favorisés*) вамъ болѣе, чѣмъ своимъ природнымъ подданнымъ, который сдѣлалъ изъ васъ націю самую цвѣтущую и самую счастливую, — императору Александру I вы заплатили самую черною неблагодарностью.

«Вы никогда не хотѣли довольствоваться самымъ выгоднымъ положеніемъ и кончили тѣмъ, что сами разрушили свое счастье. Я вамъ говорю правду, чтобы уяснить наше взаимное положеніе, и для того, чтобы вы хорошо знали, чего держаться, такъ какъ я вижу васъ и говорю съ вами въ первый разъ послѣ смутъ.

«Господа, нужны дѣйствія, а не слова. Надо, чтобы раскаяніе имѣло источникомъ сердце; я говорю съ вами не горячась, вы видите, что я спокоенъ; я не злопамятенъ и буду вамъ дѣлать добро вопреки васъ самихъ. Фельдмаршалъ, находящійся здѣсь, приводитъ въ исполненіе мои намѣренія, содѣйствуетъ примѣненію моихъ воззрѣній и также печется о вашемъ благосостояніи. (При этихъ словахъ члены депутаціи кланяются фельдмаршалу).

«Господа, что же доказываютъ эти поклоны? Прежде всего, надо выполнять свои обязанности и вести себя, какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ. Вамъ предстоитъ, господа, выборъ между двумя путями: или упорствовать въ мечтахъ о независимой Польнѣ, или жить спокойно и вѣрноподанными подлѣ моихъ правленіемъ.

«Если вы будете упрямо лелѣять мечту отдѣльной національности, независимой Польши и всѣ эти химеры, вы только накличете на себя большія несчастія. Но повѣдѣнію моему воздвигнута здѣсь цитадель, и я вамъ объявляю, что при малѣйшемъ возмущеніи я прикажу разгромить вашъ городъ, я разрушу Варшаву, и ужъ, конечно, не я отстрою ее снова.

«Мнѣ тяжело говорить это вамъ, — очень тяжело государю обращаться такъ съ своими подданными; но я говорю это вамъ для вашей собственной пользы. Отъ васъ, господа, зависѣтъ будетъ заслужить забвеніе прошедшаго. Достигнуть этого вы можете лишь своимъ поведеніемъ и своею преданностью моему правительству.

«Я знаю, что ведется переписка съ чужими краями, что сюда присылаютъ предосудительныя сочиненія, и что стараются развращать умы. Но при такой границѣ,

поспѣшили выставить эти слова, какъ живое доказательство враждебнаго духа, гнѣздящагося еще въ Польшѣ противъ ея царя, и какъ выраженіе продолжающагося въ немъ самомъ раздраженія и чувства мести противъ поляковъ, однако люди благоразумные и безпристрастные видѣли въ рѣчи императора Николая напротивъ отголосокъ благородной искренности и твердости монарха, который, не обращаясь къ обыденнымъ фразамъ милости и обѣщаній, предпочитаетъ имъ, какъ въ бесѣдѣ отца, слова не прикрашенной, вразумляющей дѣтей его истины.

Послѣ этой аудіенціи государь въ коляскѣ съ княземъ Паскевичемъ поѣхалъ по варшавскимъ улицамъ и осматрѣлъ Александровскую цитадель, которая уже была не только почти совсѣмъ устроена, но и вооружена орудіями, направленными на Варшаву, въ подтвержденіе словъ государя о грозящей городу, въ случаѣ новой дерзкой попытки, неизбѣжной карѣ. Посреди цитадели уже возвышался и тотъ памятникъ, котораго сооруженіе императору Александру предназначено было народнымъ представительствомъ въ 1830 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до безразсуднаго приговора, произнесеннаго тѣмъ же самымъ собраніемъ о сверженіи съ престола преемника благодѣтеля Польши.

Слѣдующую ночь мы провели въ Новогеоргіевскѣ, гдѣ государь осматрѣлъ войска и всѣ укрѣпленія, также уже почти оконченныя, и присутствовалъ на одномъ изъ крѣпостныхъ валовъ при опытахъ надъ новыми ракетами, которыми, менѣе чѣмъ въ полчаса, были разрушены широкія ашпроши, вооруженныя осадными орудіями. Потомъ, отобѣдавъ наскоро, мы отправились въ Брестъ-Литовскій, становившійся также первостепенною крѣпостію, и послѣ трехъ дней, посвященныхъ осмотру и маневрированію корпуса генерала Крейца, поѣхали въ Кіевъ.

Вслѣдствіе посланнаго мною туда впередъ приказанія не дожидаться государя, если онъ будетъ позже 9-ти часовъ вечера, мы, пріѣхавъ уже почти въ полночь, застали иллюминацію потухающею, площадь передъ Печерскою лаврою совершенно безлюдною и самую церковь запертою. Вся обитель, эта колыбель русскаго иночества, которую намъ никогда не случалось видѣть иначе, какъ кипящею народомъ, была погружена

какъ ваша, наилучшая полиція въ мірѣ не можетъ воспрепятствовать тайнымъ сношеніямъ. (Старайтесь сами замѣнить полицію и устранить зло.

«Хорошо воспитывая своихъ дѣтей и внушая имъ начала религіи, вѣрности государю, вы можете пребыть на добромъ пути.

«Среди всѣхъ смутъ, волнующихъ Европу, и среди всѣхъ ученій, потрясающихъ общественное зданіе, Россія одна остается могущественною и неприкосновенною.

«Повѣрьте мнѣ, господа, принадлежать Россіи и пользоваться ея покровительствомъ есть истинное счастье. Если вы будете хорошо вести себя, если вы будете выполнять всѣ свои обязанности, то моя отеческая попечительность распространится на всѣхъ, васъ, и, несмотря на все происшедшее, мое правительство будетъ всегда заботиться о вашемъ благосостояніи.

«Помните хорошенько, что я вамъ сказалъ».

въ сонѣ и безмолвіе. Миѣ едва удалось отыскать монаха, который намѣ отперъ двери собора. Пока онѣ зажигалъ нѣсколько мѣстныхъ свѣчей, только одна лампада, тускло теплившаяся передъ иконою, освѣщала наши шаги подъ этими древними сводами. Государь запретилъ сказывать о своемъ прибытіи митрополиту и кому либо изъ братіи и, припавъ на колѣни, болѣе четверти часа провелъ въ уединенной, благоговѣйной молитвѣ о своей семьѣ и своемъ царствѣ. Въ таинственномъ полумракѣ этого величественнаго храма, пережившаго столько вѣковъ, вызывавшаго въ душѣ столько религіозныхъ и историческихъ воспоминаній, насъ было всего лишь трое, и я не помню, чтобы миѣ случилось когда нибудь въ жизни молиться съ такимъ умиленіемъ. Ночь и окружающая насъ тишина еще болѣе располагали къ благочестивымъ думамъ, чѣмъ торжественность церковнаго обряда и стеченіе народа.

Государь остановился у генералъ-губернатора, графа Гурьева, и утромъ вновь осмотрѣлъ, въ числѣ другихъ общественныхъ заведеній, университетъ св. Владимира, въ аудиторіи котораго уже начинало стесаться значительное число уроженцевъ западныхъ губерній.

Укрѣпленія вокругъ Кіева замѣтно подвинулись впередъ съ послѣдняго посѣщенія нами этого города, и огромная оборонительная казарма уже была подведена подъ крышу. Она особенно порадовала государя тѣмъ, что для ея цоколя былъ употребленъ камень, не уступавшій въ красотѣ граниту и даже походившій на лабрадоръ, который отыскили по личнымъ его указаніямъ, вопреки общему мнѣнію, утверждавшему, что въ этомъ краѣ не существуетъ камня. Между тѣмъ выпавшій уже въ довольно большомъ количествѣ снѣгъ значительно затруднялъ переходы наши по необитаемымъ пустырямъ, по которымъ мы пробирались къ укрѣпленіямъ съ дѣятельною живостью, отличавшею императора Николая, особенно во всемъ, касавшемся до инженерной части. По осмотрѣ этихъ укрѣпленій и потомъ небольшого отряда войскъ, государь возвратился домой и вскорѣ вышелъ къ собраннымъ, по его приказанію, въ залахъ графа Гурьева университетскимъ студентамъ и воспитанникамъ другихъ учебныхъ заведеній, которыхъ милостиво увѣщевалъ хорошо себя вести, старательно учиться и въ особенности прилежать къ русскому языку, исключенному дотолѣ глупымъ польскимъ патріотизмомъ изъ круга домашняго воспитанія.

Среди этой толпы молодыхъ людей вдругъ явился англійскій посолъ лордъ Дургамъ, отправившійся къ своему петербургскому посту чезъ Константинополь и Одессу, чтобы увѣриться собственными глазами въ отношенія Россіи къ Портѣ и въ приготовленія нашихъ на Черномъ морѣ, въ которыхъ англійское министерство все еще допускалось чего-то непріязненнаго противъ Турціи. Дургамъ на дѣлѣ убѣдился въ противномъ. Съ одной стороны, султанъ въ пріемной своей

аудиенціи поручилъ ему кланяться императору Николаю, какъ великодушному своему союзнику и покровителю, а, съ другой, для опроверженія неосновательныхъ опасеній лондонскаго кабинета, государь просилъ Дургама послать въ наши черноморскіе порты англійскаго морского офицера, принадлежавшаго къ посольской свитѣ, пригласивъ двухъ другихъ офицеровъ той же свиты сопровождать себя въ дальнѣйшемъ пути и присутствовать при смотрахъ войскъ; и то и другое Дургамъ принялъ съ благодарностію.

Онъ былъ пораженъ всѣмъ, дотолѣ имъ встрѣченнымъ въ Россіи, въ особенности же качествами нашихъ высшихъ мѣстныхъ чиновниковъ, въ сравненіи съ тѣми, которымъ обыкновенно ввѣряется мѣстное управленіе въ Англіи. Все, что ни видѣлъ онъ у насъ, говорило въ нашу пользу и совершенно уничтожало предубѣжденія, вывезенныя Дургамомъ съ собою изъ своего отечества; гдѣ онъ ожидалъ найти произволъ и бѣдность, тамъ ему представлялись напротивъ порядокъ, безопасность и довольство, и онъ продолжалъ свой путь къ нашей столицѣ, исполненный чувствъ удивленія къ благородному характеру императора Николая и къ огромнымъ средствамъ его державы.

Послѣ прекраснаго обѣда у графа Гурьева мы поѣхали почевать къ графинѣ Браницкой въ Бѣлую Церковь, въ окрестностяхъ которой были собраны 4-й корпусъ подъ командою генерала Кайсарова и 1.600 человекъ безсрочноотпускныхъ, которые послѣ 20-ти лѣтъ, проведенныхъ во фронтѣ, доживали остальные пять лѣтъ своей срочной службы въ отпуску въ сосѣдственныхъ губерніяхъ. Этотъ классъ людей созданъ былъ по личной мысли императора Николая, наперекоръ сильнѣйшимъ возраженіямъ многихъ лицъ, въ томъ числѣ и моихъ.

Я находилъ въ этой новой мѣрѣ лишь одинъ невыгодъ для арміи въ томъ, что она теряла заслуженнѣйшихъ своихъ воиновъ, послѣдѣвшихъ подъ оружіемъ и въ военной дисциплинѣ; а для государства въ томъ, что въ немъ образовывалось новое сословіе, могущее обратиться ему въ тягость и угрожать при безпорядкахъ опасностію общественному спокойствію.

Государь, напротивъ, видѣлъ въ этихъ людяхъ на случай войны резервы къ укомплектованію своихъ войскъ, а въ мирное время разсадникъ для замѣщенія разныхъ должностей по домашнему хозяйству и въ казенныхъ заведеніяхъ, и считалъ справедливымъ, чтобы солдатами, утомленными двадцатилѣтнею службою и отличавшимся неукоризненнымъ поведеніемъ, дана была возможность отдохнуть отъ трудовой жизни, пользуясь спокойнымъ бытомъ на родимомъ пенсильѣ. Числу этихъ людей, не получавшихъ во время отпуску ни жалованья, ни пайковъ, но только сохранявшихъ мундиры и шинели, въ это время простиралось во всемъ государствѣ уже тысячъ до шестидесяти. Изъ нихъ

упомянутые 1.600 человекъ еще впервые были собраны къ смотру, и изъ всего ихъ числа не явились только трое, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ.

Для принятія начальства надъ сформированными изъ нихъ временными командами созваны были офицеры, находившіеся въ тѣхъ же губерніяхъ, въ годовомъ отпуску, и, по снабженіи безсрочноотпускныхъ оружіемъ и всею нужною амунициею, они образовали изъ себя два баталіона, три эскадрона и артиллерійскую полуроту.

Государь былъ восхищенъ бодрымъ видомъ и отличною выправкою этихъ людей, представлявшихъ осуществленіе одной изъ любимыхъ его идей. Распуская ихъ снова по домамъ, онъ щедро всѣхъ наградилъ.

Корпусъ Кайсарова удовлетворилъ государя менѣе осмотрѣнныхъ имъ въ Калишѣ и Брестъ-Литовскѣ корпусовъ Ридигера и Крейца, и его величество поручилъ фельдмаршалу преимущественно заняться этимъ войскомъ, которое должно было вскорѣ смѣнить въ царствѣ корпусъ Ридигера, переходившій во внутреннія губерніи.

Проведя четыре дня въ Александріи, въ имѣніи графини Браницкой, государь отправился въ Новую Прагу, гдѣ графъ Виттъ показалъ ему заведенія и запасы кирасирскаго принца Альберта Прусскаго полка, изумившіе своимъ богатствомъ бывшихъ съ нами англійскихъ офицеровъ, а оттуда мы продолжали нашъ путь черезъ Полтаву и Харьковъ въ Чугуевъ, главный пунктъ 1-го корпуса поселенной кавалеріи, находившейся подъ командою генерала Никитина. Здѣсь государь остался совершенно доволенъ сколько фронтовымъ образованіемъ собранныхъ къ смотру полковъ, столько и обученіемъ кантонистовъ и всѣми хозяйственными заведеніями и сожалѣлъ, что позднее время года, при оставшемся еще намъ довольно продолжительномъ обѣздѣ, не позволяло ему долѣе оставаться съ такимъ превосходнымъ войскомъ.

21-го октября мы прибыли въ Курскъ. Эта губернія съ нѣкотораго времени была довольно худо управляема, и хотя послѣдній губернаторъ ея, богатый Демидовъ, сыпалъ деньги, чтобы поправить ея положеніе, однако при слабомъ характерѣ и маломъ знаніи дѣла онъ этими деньгами немного принесъ губерніи пользы. Преемникъ его былъ генералъ Муравьевъ¹, человекъ очень дѣятельный, очень строгій и ненавидимый всѣми за жестокость его обхожденія и крутой нравъ. Дѣла шли лучше, но неудовольствіе на него господствовало всюду. По представленію Муравьева было смѣщено нѣсколько чиновниковъ, и ни въ одной губерніи меня не осыпали такимъ огромнымъ числомъ просьбъ и жалобъ на имя государя, какъ въ Курскѣ.

¹ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, впоследствии министръ государственныхъ имуществъ, виленскій генералъ-губернаторъ и графъ.

Въ Орлѣ ожидала насъ 2-я дивизія драгунскаго корпуса. Здѣсь уже выпалъ глубокій снѣгъ, и стояли сильные морозы. Въ ту минуту, какъ я скакалъ за государемъ, проѣзжавшимъ передъ фронтомъ, моя лошадь, поскользнувшись, упала со всего размаха, и, прежде чѣмъ я успѣлъ подняться, лошади государевой свиты пронеслись черезъ меня и такъ помяли, что я принужденъ былъ сѣсть въ коляску и вернуться домой. Къ счастью, все кончилось нѣсколькими шишками и синяками.

На другой день, послѣ ученья, мы пустились въ путь по страшной погодѣ и по такой же погодѣ прибыли въ Тулу¹.

Этотъ городъ, за три года передъ тѣмъ, весь выгорѣлъ, и правительство оказало жителямъ его значительныя денежныя пособія деньгами и даровало имъ разныя льготы. Хотя Тула начинала снова возникать изъ пепла, и, между прочимъ, оружейный заводъ возобновилъ прежнюю свою дѣятельность, однако слѣды пожара видны еще были почти повсемѣстно. Государь обѣхалъ всѣ улицы, указывая разныя улучшенія и даруя новыя пособія при благодарныхъ кликахъ бѣжавшаго за нимъ народа.

По мѣрѣ приближенія къ концу нашего странствованія, нетерпѣніе государя свидѣться съ императрицею все больше и больше возростало, и находя, что мы не довольно скоро подвигаемся впередъ, онъ выѣхалъ изъ Тулы въ перекладныхъ пошевняхъ, взятыхъ со станціи, за которыми я слѣдовалъ въ другихъ такихъ же. Но едва онъ тронулся съ мѣста, какъ крики толпы испугали лошадей, и онѣ понесли вдоль улицы, образовавшей здѣсь довольно крутой спускъ. При видѣ явной опасности я совсѣмъ растерялся; но государь, ставъ на ноги въ пошевняхъ, схватилъ вожжи и своею атлетическою силою скоро успѣлъ сдержать лошадей.

Проѣхавъ нѣсколько станцій далѣе, мы встрѣтили высланныя къ намъ государевы сани и по чудесному первопутку перелетѣли 140 верстъ, отдѣляющія Тулу отъ Москвы, въ 7 часовъ. Изъ Москвы до Царскаго Села мы промчались всего въ 38 часовъ, хотя, по случаю еще не вездѣ установившейся зпмней дороги, должны были нѣсколько разъ пересаживаться изъ саней въ коляску.

1836-й годъ.

Польскіе эмигранты все еще продолжали питать преступныя свои замыслы и тѣмъ болѣе прилагали къ нимъ ревности и коварства, чѣмъ больше, вслѣдствіе дурнаго ихъ поведенія за границею, охлаждали тамъ участіе и симпатіи, возбужденныя ихъ дѣломъ въ началѣ возстанія.

¹ Рукою императора Николая написано: «Durant l'exercice le chasse neige devint si fort, que deux loups s'égarèrent et se trouvèrent entre deux lignes».

Средоточіемъ и исходною точкою ихъ злоумышленій въ послѣднее время сдѣлался Краковъ.

Одинъ полякъ, который наблюдалъ, по моему порученію, за однимъ тайнымъ обществомъ, считавшимъ его въ числѣ значительнѣйшихъ своихъ членовъ, возбудилъ противъ себя подозрѣніе и былъ убитъ близъ Кракова. Гласныя изъявленія ненависти противъ трехъ покровительствующихъ державъ, породивъ нѣсколько соблазнительныхъ сценъ въ этой маленькой и нелѣпой республикѣ, привели дворы Петербургскій, Вѣнскій и Берлинскій къ рѣшенію положить разъ навсегда конецъ подобнымъ неустройствамъ. Въ назначенный день отряды войскъ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ вступили въ предѣлы республики и, подъ командою австрійскаго генерала, заняли городъ Краковъ. Нѣкоторые изъ виновниковъ послѣднихъ сценъ были взяты подъ стражу, другіе успѣли спастись бѣгствомъ и перенести въ Парижъ и Лондонъ возгласы свои противъ этого «нарушенія народнаго права», хотя одна статья Вѣнскаго трактата именно уполномочивала три державы къ восстановленію въ Краковѣ порядка, если бы мѣстныя средства оказались недостаточными къ тому или худо направляемыми.

Иностранныя журналы разразились ругательствами противъ «акта тираніи деспотическихъ правительствъ», послѣдовалъ обмѣнъ нѣсколькихъ нотъ, и дѣло тѣмъ и покончилось. Спустя нѣсколько недѣль, союзныя войска выступили изъ республики, оставивъ въ ней австрійскій отрядъ, который, по всей вѣроятности, никогда уже оттуда не выйдетъ.

Краковская республика была, конечно, однимъ изъ несчастнѣйшихъ и противныхъ всякой здоровой политикѣ произведеній Вѣнскаго конгресса, и сохраненіе этого притона польской національности въ самомъ средоточіи польскихъ владѣній трехъ державъ, равно, какъ созданіе конституціоннаго Польскаго царства, имѣли весь видъ ухищреній, изобрѣтенныхъ врагами Россіи, тогда какъ, напротивъ, то и другое было исключительнымъ порожденіемъ всемогущей воли императора Александра. Эти либеральные порывы со стороны самодержавнаго монарха, наперекоръ мнѣнію и совѣтамъ довѣреннѣйшихъ его сановниковъ и интересамъ его народа, всегда останутся одною изъ загадокъ нашего вѣка.

Балы и другія зимнія увеселенія въ С.-Петербургѣ приближались къ концу съ наступленіемъ масленицы, къ которой, по обыкновенію, вся Адмиралтейская площадь покрывалась балаганами.

2-го февраля, въ воскресенье, съ часа пополудни, всѣ они наполнились зрителями. Въ одномъ самомъ обширнѣйшемъ изъ нихъ и наиболѣе посѣщаемомъ публикою давала свои представленія труппа Лемана; балаганъ этотъ могъ вмѣстить въ себѣ слишкомъ 500 человекъ, и въ немъ всѣ мѣста всегда были заняты. И только что сѣлъ обѣдать, какъ

увидѣлъ въ окно густой дымъ, поднимавшійся съ площади, вслѣдствіе чего тотчасъ туда поспѣшилъ, но былъ предупрежденъ государемъ.

Онъ ходилъ, крайне разстроенный, кругомъ Лемановскаго балагана, который пылалъ сверху донизу, и сквозь одну стѣну котораго, прорубленную топорами, видѣлась масса искаженныхъ и полуобгорѣлыхъ тѣлъ одно надъ другимъ. Пожарные лѣзли въ пламя, чтобы вытаскивать тѣхъ изъ несчастныхъ, въ которыхъ оставались еще признаки жизни, и складывали вынесенныхъ на снѣгу, а отсюда ихъ перевозили въ ближайшія залы Адмиралтейства, для поданія первой помощи. Все это, вмѣстѣ съ стономъ лежавшихъ на снѣгу, съ воплемъ тѣхъ, которые, успѣвъ сами выбѣжать въ началѣ пожара, разлучены были отъ родныхъ, оставшихся въ зданіи, наконецъ съ общимъ ужасомъ народа, столпившагося вокругъ этого страшнаго зрѣлища, представляло самую раздирающую картину. Матери искали дѣтей, оторванныхъ отъ нихъ во время безпорядочнаго бѣгства или отставшихъ отъ страха, мужья звали своихъ женъ, а полиція работала съ самоотверженіемъ и усердіемъ, превосходившимъ всякую похвалу. Государь, стоя возлѣ самага балагана и подвергаясь ежеминутной опасности отъ валившихся отовсюду горящихъ бревенъ и досокъ, отдавалъ свои приказанія со всею заботливостію отца, спасающаго своихъ дѣтей; его настоящая горестъ, весь его видъ имѣли что-то поразительное, тронувшее всѣхъ свидѣтелей этого бѣдствія. Онъ старался ободрять пожарныхъ, ускорять поданіе помощи извлекаемымъ изъ пламени еще живыми и утѣшать тѣхъ, которые окружали его въ слезахъ. Всѣ среди ужасовъ этой плачевной сцены смотрѣли на него, какъ бы на ангела-хранителя.

46 человекъ, болѣе или менѣе изуродованныхъ, было спасено, а слишкомъ 100 тѣлъ вытащено изъ огня мертвыми; прочіе исчезли съ самымъ балаганомъ, который сгорѣлъ до тла, оставивъ по себѣ на снѣгу огромное черное пятно, еще въ продолженіе нѣсколькихъ дней свидѣтельствовавшее о несчастіи, поразившемъ столько семействъ.

Огонь показался сперва между кулисами, которыя были вскорѣ имъ совсѣмъ объаты. Занавѣсъ въ то время былъ опущенъ, но когда Леманъ убѣдился, что не будетъ въ силахъ совладѣть съ пожаромъ, то велѣлъ поднять занавѣсъ и закричалъ зрителямъ, чтобы они спасались. Въ первую минуту подумали, что это какой нибудь фарсъ съ его стороны; но когда увидѣли, что дѣло не на шутку, всѣ бросились къ выходамъ; сидѣвшіе въ первыхъ мѣстахъ довольно легко вышли изъ балагана, остальные же, и это была самая большая часть, занимавшіе амфитеатръ, которымъ надо было спускаться къ дверямъ по лѣстницамъ, опрокидываясь другъ на друга, стѣснились до такой степени,

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

что только самымъ первымъ можно было вырваться изъ горѣвшаго зданія ¹.

Государь оставилъ площадь тогда лишь, когда всѣ его приказанія были исполнены, и велѣлъ доносить себѣ ежедневно утромъ и вечеромъ о положеніи несчастныхъ, спасенныхъ изъ огня. Часъ спустя, онъ прислалъ за мною. Я нашелъ его въ слезахъ и глубоко пораженного ужаснымъ зрѣлищемъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Послѣдовало повелѣніе составить комитетъ изъ меня, губернскаго предводителя дворянства, князя В. В. Долгорукова, и генералъ-адъютанта Дьякова, чтобы привести въ извѣстность число жертвъ этого несчастнаго приключенія и положеніе оставшихся послѣ нихъ семействъ, для оказанія пособія немущимъ и призрѣнія сиротъ. Сумма, назначенная въ распоряженіе этого комитета изъ казны, вскорѣ увеличилась 30.000 рублей, собранными по подпискѣ, въ которой участвовали и весь императорскій домъ. Всѣ были призрѣны и обезпечены. Печальное утѣшеніе для пережившихъ, но единственное, которое было во власти человѣческой!

На Оттоманской Портѣ оставалась еще значительная недоимка въ счетъ суммы, слѣдовавшей Россіи по Адрианопольскому трактату. При разстройствѣ финансовъ Турціи, вслѣдствіе возстанія египетскаго паши и бунта въ нѣкоторыхъ другихъ изъ ея областей, государь сложилъ всю эту недоимку и такимъ образомъ великодушно изгладилъ послѣдніе слѣды войны, вынужденной въ 1828 году непріязненными дѣйствіями султана.

Силистрія, остававшаяся въ нашихъ рукахъ въ видѣ залога по этому дѣлу, была сдана туркамъ со всею артиллеріею, которою мы вооружили ея стѣны.

Такая добровольная уступка, сдѣланная вопреки всѣмъ предвидѣніямъ европейскихъ державъ, несказанно обрадовала султана, пріятно изумила кабинеты Вѣнскій, Лондонскій и Парижскій и прекратила на минуту всякое злословіе, такъ что даже наиболѣе враждебные Россіи журналы принуждены были, по крайней мѣрѣ, временно смолкнуть.

Въ зиму 1836 года, въ постоянномъ попеченіи объ улучшеніи всѣхъ частей управленія, государь утвердилъ проекты новаго образованія министерствъ военнаго и морского, чрезвычайно упростившіе дѣлопроизводство, далъ новыя преимущества дворянству царства Польскаго, поставленному, по Наполеонову кодексу, въ уровень со всѣми другими сословіями, и Чесменскій дворецъ, сооруженный императрицею Екатериною II въ воспоминаніе знаменитой побѣды графа Орлова надъ турецкимъ флотомъ, предназначилъ обратить въ заведеніе

¹ Извѣстно, что давка, сдѣлавшаяся причиною гибели нѣсколькихъ сотъ чело-
вѣкъ, произошла главнѣйшимъ образомъ отъ того, что всѣ двери балагана отпирались
внутрь его.

для призрѣнія престарѣлыхъ инвалидовъ, не имѣющихъ возможности снискать себѣ пропитаніе. Послѣ соотвѣтственныхъ тому перестроекъ и распространенія зданій этотъ инвалидный домъ былъ торжественно освященъ 30-го іюня, въ присутствіи всего императорскаго дома и знатныхъ сановниковъ.

Съ наступленіемъ лѣта гвардейскій корпусъ выступилъ въ лагерь, а дворъ переѣхалъ въ Александрію близъ Петергофа. Десятилѣтніе неусышные труды довели нашъ флотъ до предназначенной ему степени комплекта, и государь пожелалъ обозрѣть его въ полномъ составѣ. Никогда еще Балтика не видѣла такой многочисленной морской силы, и весь блескъ этого зрѣлища императоръ Николай положилъ посвятить памяти великаго ея зиждителя. На сей конецъ былъ вывезенъ изъ Петербургской крѣпости тотъ маленькій ботъ, на которомъ нѣкогда Петръ Великій плавалъ и учился первымъ началамъ морского искусства на окрестныхъ въ Москвѣ озерахъ, и которому, тридцать лѣтъ спустя, онъ воздалъ такую честь на Кронштадтскомъ рейдѣ, среди военныхъ нашихъ судовъ, уже покрытыхъ лаврами побѣдъ надъ шведами.

Ботъ, по отсалютованіи ему всѣми орудіями Петербургской крѣпости, былъ перевезенъ при почетномъ караулѣ въ Кронштадтскій портъ. Затѣмъ 3-го іюля, для срѣтенія этого праотца нашего флота, были выстроены на Кронштадтскомъ рейдѣ 26 линейныхъ кораблей въ первой, 16 фрегатовъ во второй и какихъ нибудь 20 легкихъ судовъ въ третьей линіи; въ самомъ Кронштадтѣ — гребная флотилія и наконецъ передъ флотомъ — фрегаты, бриги и яхты съ кадетами морского корпуса, всего 92 выпела.

По приѣздѣ изъ Петергофа государя, со всѣмъ императорскимъ домомъ, военною свитою и множествомъ приглашенныхъ кавалеровъ и дамъ, «Ижора», везшая царскую фамилію, стала у линіи флота, и тогда показался пароходъ «Геркулесъ», посреди котораго, на обитыхъ краснымъ сукномъ подмосткахъ, возвышался знаменитый ботъ, съ императорскимъ надъ нимъ флагомъ и стоявшими вокругъ на стражѣ адмиралами, офицерами и дворцовыми гренадерами. Минута, въ которую при появленіи его раздался общій залпъ съ крѣпостныхъ стѣнъ, съ флотиліи и всего флота, была истинно величественна и поразительна. Она походила какъ бы на духовную церемонію, невольно внушавшую благоговѣніе, или на надгробное слово, произносимое въ честь исполнившей тѣни зиждителя и морскихъ силъ и всего величія Россіи. Вслѣдъ затѣмъ всѣ суда расцвѣтились флагами. Въ этотъ день выведенный изъ забвенія ботъ праздновалъ свое воскресеніе точно такъ же, какъ и русскій флотъ воскрешенъ былъ мощною волею Николая.

Черезъ два дня всѣ суда пошли въ море. Государь на «Геркулесѣ» вскорѣ ихъ настигъ. Съ его величествомъ ѣхалъ лордъ Дургамъ, а од-

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

ному морскому капитану англійской службы данъ былъ особый корветъ, чтобы открыть ему возможность еще лучше пзучить устройство нашего флота, съ его достоинствами и недостатками, что произвело на этихъ господъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе въ пользу прямоты и искренности императора Николая.

Несмотря на свѣжую погоду и очень сильный вѣтеръ, государь цѣлый день оставался на платформѣ надъ колесами, наблюдая за маневрами и давая сигналы. Подъ вечеръ мы бросили якорь въ маленькой бухтѣ у береговъ острова Гохланда, и когда фрегатъ, на которомъ находился генералъ-адмиралъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, сталъ по полученному имъ приказанію вблизи нашего парохода, то государь съѣхалъ на него, чтобы обнять молодого своего сына, готовимаго имъ быть нѣкогда душою нашихъ морскихъ силъ. Остальныя суда крейсировали въ эту ночь вокругъ острова; но къ утру противный намъ вѣтеръ такъ разыгрался, что флоту данъ былъ сигналъ идти обратно къ Кронштадту; на пути же, когда солнце разсѣкло висѣвшія надъ нами тучи, и вѣтеръ нѣсколько пріутихъ, государь велѣлъ судамъ раздѣлиться на двѣ половины и атаковать другъ друга. Маневры эти продолжались нѣсколько часовъ и были исполнены отчетливо, съ полнымъ знаніемъ дѣла и къ совершенному удовольствію государя и его гостей.

Съ окончаніемъ этихъ морскихъ смотровъ наступала очередь сухопутныхъ. Къ гвардейскому корпусу присоединился гренадерскій, пришедшій изъ Новгородскихъ поселеній, и въ маневрахъ, продолжавшихся нѣсколько дней и доведшихъ насъ до Гатчины, Спворицъ и Кипени, приняло участіе около 60.000 человекъ. Государь былъ неутомимъ: цѣлый день на конѣ подъ дождемъ, вечеромъ у бивачнаго огня, въ бесѣдѣ съ молодыми людьми своей свиты или въ рядахъ войскъ, окружавшихъ его маленькую палатку, онъ большую часть ночи проводилъ за государственными дѣлами, которыхъ теченіе нисколько не замедлялось отъ этого развлеченія государя съ своими войсками, составлявшаго, по его сознанію, единственное и истинное для него наслажденіе.

Именно во время самаго разгара военныхъ увеселеній сего рода рассмотрѣнъ и утвержденъ былъ государемъ новый рекрутскій уставъ, значительно облегчившій эту народную тягость и черезъ раздѣленіе государства для очередного ся отправленія на двѣ полосы приведшій рекрутство въ размѣры обыкновенной повинности; вмѣстѣ съ уставомъ обнародованы были особыя инструкціи для флигель-адъютантовъ и жандармскихъ офицеровъ, которыхъ съ нѣкотораго времени государь началъ командировать по губерніямъ, для надзора за порядкомъ и правильностію при сдачѣ и свидѣтельствованіи рекрутъ.

8-го августа, въ полночь, мы выѣхали изъ Петергофа по Московскому тракту, и насъ везли такъ скоро, что 9-го утромъ я разбудилъ

государя, спавшаго во всю дорогу, уже у Новгородской заставы. По осмотрѣ имъ въ Новгородѣ нѣсколькихъ резервныхъ баталіоновъ и рекрутъ, а въ Подсолнечной Горѣ 16-й пѣхотной дивизіи, мы прибыли къ ночи 10-го числа въ Москву, гдѣ трехдневное наше пребываніе прошло точно такъ же, какъ и въ прежніе наши пріѣзды, въ осмотрахъ, ученіяхъ, разѣздахъ и безпрестанной дѣятельности.

Изъ древней нашей столицы мы отправились 13-го числа въ полночь черезъ Владимиръ, Ковровъ, Вязники и Горбатовъ въ Нижній, куда насъ ожидали только къ ночи, а между тѣмъ мы прибыли въ часъ пополудни. Во время проѣзда по улицамъ и по спуску съ горы, ведущему къ Волгѣ, никто насъ не узналъ, и уже только на мосту, соединяющемъ городъ съ островомъ, на которомъ располагается ярмарка, вдругъ замѣтили государя, и вѣсть о его пріѣздѣ пронеслась, какъ электрическая искра. Мостъ мгновенно наполнился народомъ, и лишь съ величайшимъ трудомъ мы могли пробраться сквозь толпу ко дворцу, занимаемому на время ярмарки губернаторомъ, и гдѣ государь намѣревался остановиться, чтобы быть въ центрѣ торговаго движенія. Здѣсь восторгъ народный превзошелъ все, что миѣ до тѣхъ поръ случалось видѣть: это былъ общій энтузіазмъ всей имперіи и всѣхъ населяющихъ ее разнообразныхъ народовъ и племенъ. Къ ярмаркѣ собрались купцы, ремесленники, извозчики и рабочіе изъ всѣхъ губерній, въ числѣ слишкомъ 260.000; все это хотѣло видѣть государя и поклониться ему; площадь передъ дворцомъ, аркады, образующія нижній его этажъ, и всѣ окрестныя улицы представляли одну сплошную массу народа, не перестававшую оглашать воздухъ своими кликами.

Къ пріѣзду государя явился въ Нижній, по его волѣ, министръ финансовъ, графъ Канкринъ, и главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями, графъ Толъ.

На слѣдующій день, отслушавъ литургію въ ярмарочномъ соборѣ, государь принялъ мѣстное доорянство и депутатовъ отъ купечества разныхъ губерній, и послѣ продолжительной бесѣды о ярмарочной торговлѣ и о препятствіяхъ, полагавшихся ея развитію дурными дорогами, тутъ же велѣлъ графу Толю заняться этимъ предметомъ и, въ особенности, средствами къ уничтоженію страшной грязи, которою при малѣйшемъ дождѣ покрывалось все занятое ярмаркою пространство. Потомъ государь обозрѣвалъ ряды лавокъ и магазиновъ, а также работы по спуску къ рѣкѣ и другія, указанныя имъ въ послѣднее здѣсь пребываніе; наконецъ, имѣя въ виду облѣхать въ будущемъ году кавказскія и закавказскія наши владѣнія, велѣлъ представить себѣ купцовъ астраханскихъ, тифлисскихъ, кизлярскихъ, армянскихъ, дербентскихъ и ширванскихъ, вслѣдъ за которыми принялъ еще бухарцевъ, мордвинъ, черемисовъ и чувашей, со всѣми ими долго и милостиво разговаривая.

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Пронсходилъ еще при насъ въ Нижнемъ смотръ собранныхъ изъ ближайшихъ губерній безсрочноотпускныхъ, въ числѣ 392 унтеръ-офицеровъ и 2.200 рядовыхъ, которые восхитили государя своимъ здоровымъ и веселымъ видомъ. Сверхъ того псходатайствовали позволеніе представиться ему и вышедшіе въ чистую отставку солдаты, которыхъ находилось тутъ около ста, и которымъ всѣмъ роздано было денежное награжденіе. При осмотрѣ безсрочноотпускныхъ, пронсходившемъ за городомъ, стеченіе народа и давка были такъ велики, что коляска государя едва могла къ нему проѣхать, а мы всѣ добрались до нашихъ экипажей только съ опасностію жизни.

Дождливая погода и топкая грязь побудили государя продолжать путь изъ Нижняго въ Казань не сухимъ путемъ, а Волгою, на принадлежавшемъ одному астраханскому купцу пароходѣ, который весь выпчистили и приготовили для этой цѣли. Я устроилъ на палубѣ кухню; трюмъ, по удаленіи изъ него всей клади, превратилъ въ комнату съ маленькими отдѣленіями для свиты; для самого государя отгородилъ хорошенькую каюту, оклеивъ ее обоями, и наконецъ велѣлъ запастись нужною на весь путь провизіею.

18-го августа государь сѣлъ на этотъ пароходъ у моста. Все ярмарочное населеніе стеклось проводить его, и какъ мостъ, такъ и оба берега, до домовыхъ крышъ, были усыпаны народомъ, занявшимъ также всѣ барки и лодки на рѣчкѣ. Это огромное множество на сушѣ и на водѣ, этотъ лѣсъ мачтъ, унизывавшихъ рѣку, вмѣстѣ съ криками народа и звономъ всѣхъ колоколовъ, придали нашему отъѣзду нѣчто истинно величественное. Надо только было идти самымъ медленнымъ ходомъ и брать всевозможныя предосторожности, чтобы не наѣхать на которую либо изъ барокъ, или не потопить маленькихъ лодокъ, тѣснившихся вокругъ нашего парохода.

Къ сожалѣнію, погода была не хороша, и намъ при нашемъ плаваніи лишь по временамъ удавалось любоваться видомъ Волжскихъ береговъ, въ этихъ мѣстахъ столько же разнообразныхъ, сколько населенныхъ, и мелькавшихъ передъ нашими глазами съ соединенною быстротою рѣчного теченія и увлекавшихъ насъ паровъ. Рыбаки, искусно причаливая къ нашему судну, бросали въ него рыбу; депутаціи отъ городовъ и селеній въ маленькихъ лодкахъ подвозили намъ хлѣбъ и соль; мужчины и женщины входили въ воду по поясъ, чтобы только поближе наглядѣться на своего родимаго, появленіе котораго въ этихъ мѣстностяхъ было несслыханнымъ дивомъ.

20-го августа, на разсвѣтѣ, мы завидѣли берега Казани и, чтобы не пріѣхать слишкомъ рано, уменьшили нашъ ходъ.

На берегу ожидалъ военный губернаторъ Стрекаловъ съ экипажами для нашего переезда въ городъ, отстоящій отъ Волги въ 6-ти верстахъ.

Государь былъ удивленъ царствовавшею въ Казани опрятностію, множествомъ украшающихъ ее изящныхъ церквей и другихъ зданій и видомъ общаго довольства, проявлявшагося въ экипажахъ, нарядахъ и магазинахъ. Миѣ, бывшему въ Казани 34 года тому назадъ, она показалась совсѣмъ новымъ городомъ.

Проѣхавъ съ большимъ трудомъ въ соборъ сквозь толпу народа, между которымъ магометане нисколько не уступали въ усердіи кореннымъ русскимъ, мы оттуда пошли пѣшкомъ по стѣнамъ древняго кремля, нѣкогда столь долго сопротивлявшагося московскому могуществу. При этой прогулкѣ у государя родилась мысль возобновить во вкусѣ той эпохи, когда надъ Россіею еще тяготѣло татарское иго, старинный ханскій дворецъ, мѣсто котораго еще указывала одна сохранившаяся башня, и онъ велѣлъ представить себѣ планъ сего возобновленія. Потомъ мы осмотрѣли разныя новыя постройки и городскія заведенія, въ томъ числѣ университетъ, гдѣ государь остался въ особенности доволенъ обсерваторіею и залами рекреационною и библіотекою, отзываясь, что университетское зданіе вообще есть лучшее, какое ему когда либо случалось видѣть въ этомъ родѣ.

На слѣдующій день государь велѣлъ представить себѣ мужчинъ и женщинъ всѣхъ разнородныхъ племенъ, населяющихъ Казанскую губернію, въ праздничныхъ національныхъ ихъ нарядахъ. Татарки, никогда не снимающія своихъ покрывалъ въ присутствіи мужчинъ, рѣшились, однако же, сдѣлать изъятіе для своего царя и, казалось, очень были польщены честью представить ему собою образцы своей народности. Государь вникалъ въ подробности ихъ костюмовъ, милостиво со многими разговаривалъ и велѣлъ миѣ надѣлать всѣхъ подарками для ихъ туалетныхъ принадлежностей, что несказанно обрадовало этихъ дамъ.

За городомъ государь осматривалъ оба мѣстные гарнизонные баталіона и безсрочноотпускныхъ Казанской губерніи, собранныхъ подъ начальствомъ храбраго генерала Скобелева, у котораго оставалась одна только рука, и та только съ двумя пальцами. Поступивъ въ военную службу изъ солдатскихъ рекрутъ, онъ за 38 лѣтъ передъ тѣмъ парадировалъ въ Казани на этомъ же самомъ мѣстѣ унтеръ-офицеромъ армейскаго полка, передъ родителемъ императора Николая. Императору Павлу случилась нужда, для которой должно было укрыться отъ глазъ собравшейся къ парадѣ публики; онъ спрятался за ряды, возлѣ самаго Скобелева, и молодой унтеръ-офицеръ такъ полюбился императору, что онъ приказалъ великому князю Александру Павловичу дать ему 200 рублей. Такой богатый подарокъ возбудилъ въ Скобелевѣ охоту и далъ ему возможность купить себѣ книгъ и начать кое-чему учиться; съ этихъ поръ счастье начало ему благоприятствовать, и онъ, при похвальномъ

поведеніи, отличался такою блестящею храбростію во всѣхъ бояхъ, что достигъ наконецъ генераль-лейтенантскаго чина и званія начальника всей резервной армейской пѣхоты. Среди воспоминаній о первыхъ, именно на этомъ мѣстѣ, шагахъ своихъ на служебномъ поприщѣ, онъ не могъ удержаться отъ слезъ, опуская шпагу передъ императоромъ Николаемъ, третьимъ монархомъ, которому несъ вѣрную и честную службу.

Государь, имѣя въ виду, что главнѣйшую часть Казанскаго населенія составляютъ татары, пожелалъ почтить покорность и неукоризненную вѣрность этихъ своихъ подданныхъ посѣщеніемъ соборной ихъ мечети, въ которой муфти встрѣтилъ его рѣчью, выражавшею всю преданность и благодарность его единовѣрцевъ, глубоко осчастливленныхъ столь необычною царскою милостію. Дѣйствительно, на ихъ лицахъ отпечатана была живая радость, которую они продолжали изъяслять громкими кликами, до тѣхъ поръ пока наша коляска не скрылась изъ вида.

Наконецъ, государь посѣтилъ еще часовню, воздвигнутую, въ видѣ пирамиды, на Арскомъ полѣ, за городскимъ предмѣстіемъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ при Іоаннѣ Грозномъ преданы были землѣ русскіе воины, павшіе во время осады и взятія Казани.

Передъ выѣздомъ изъ этого города государь пожаловалъ награды военному губернатору, попечителю учебнаго округа и нѣкоторымъ другимъ мѣстнымъ чиновникамъ и принялъ балъ отъ тамошняго дворянства.

Ровно въ полночь и прямо съ этого бала мы отправились въ дальнѣйшій путь, при такомъ же стеченіи народа, какъ бы отъѣзжали среди дня. Катеръ вѣдомства путей сообщенія перевезъ насъ черезъ Волгу въ темную, но тихую и пріятную ночь. На той сторонѣ наши экипажи были окружены жителями селенія, которое тянется по берегу на очень большомъ протяженіи.

Спустя полсутки, мы уже были въ Симбирскѣ, котораго народонаселеніе тѣмъ больше обрадовалось своему царю, что со временъ Петра Великаго ни одинъ изъ нашихъ монарховъ не посѣщалъ этого города. Время здѣсь, какъ и вездѣ, было проведено въ осмотрахъ, при которыхъ государь въ особенности остался доволенъ Елисаветинскимъ институтомъ, тутъ же получившимъ отъ его щедротъ въ пособіе 10.000 рублей. Сверхъ того, государь призналъ нужнымъ лично обозрѣть тотъ длинный и крутой спускъ, идущій къ Волгѣ, который лишаетъ Симбирскъ всѣхъ выгодъ его положенія. Мы спустились въ тарантасахъ, какъ единственномъ возможномъ здѣсь экипажѣ, до большого селенія, лежащаго на самомъ берегу Волги и пользующагося тѣми удобствами, которыя должны бы принадлежать Симбирску. На возвратномъ пути мы должны были подняться на другую, еще болѣе крутую гору,

на которую едва втащили насъ лошади. Оттуда слѣдуя по береговому гребню, на которомъ расположенъ Симбирскъ, государь послѣ разныхъ поисковъ самъ указалъ мѣсто для проложенія отлогого спуска, къ устроенію котораго и велѣлъ немедленно приступить.

Послѣ обѣда мы отправились въ Пензу, куда и прибыли на слѣдующій день въ сумерки. Этотъ хорошенькій городокъ и улыбающіяся, покрытыя нивами и полями окрестности его очень понравились государю.

При осмотрѣ, между прочимъ, тюрьмы, его величество даровалъ прощеніе нѣсколькимъ крестьянамъ, содержавшимся въ ней за бунтъ, случившійся въ одномъ изъ Симбирскихъ удѣльныхъ имѣній. Болѣе же всего обратилъ на себя его вниманіе образцовый садъ, разведенный, по приказанію императора Александра, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Пензы, въ которомъ на большомъ пространствѣ красовались всевозможныя фруктовыя деревья, роскошныя цвѣтники и растенія всѣхъ климатовъ, и который служилъ разсадникомъ для сосѣднихъ губерній и предметомъ изученія для садоводовъ. Отличное содержаніе и богатое разнообразіе этого сада тѣмъ болѣе насъ изумили, что мы прежде не подозрѣвали даже и самаго его существованія, а какъ вся заслуга въ семъ новомъ и столь полезномъ дѣлѣ принадлежала нѣмцу садовнику, разведшему и украсившему тотъ садъ, то государь призналъ справедливымъ наградить его Владимирскимъ крестомъ,—милость, отъ неожиданности которой нашъ нѣмецъ едва не умеръ съ радости.

Изъ Пензы мы поѣхали на Тамбовъ.

1837-й годъ.

Зима 1837 года была въ Петербургѣ менѣе обыкновеннаго шумна. На праздникахъ и балахъ отозвалось еще не совсѣмъ возстановившееся здоровье государя, и всѣ гласно выражали единодушное желаніе, чтобы онъ поболѣе берегъ себя, какъ единственный оплотъ благоденствія Россіи и вмѣстѣ какъ страшилище для всѣхъ народныхъ волненій.

2-го марта, присутствуя въ засѣданіи комитета министровъ, я вдругъ почувствовалъ себя такъ дурно, что едва доѣхалъ оттуда къ себѣ и тотчасъ слегъ въ постель; жены и дѣтей моихъ я не засталъ дома, и когда они вернулись, на мнѣ уже не было лица. Послали за моимъ докторомъ, но онъ самъ лежалъ больно, и тогда пригласили Арендта. Онъ подалъ надежду, что не далѣе какъ въ нѣсколько дней поставитъ меня на ноги; но я отвѣчалъ, что онъ ошибается, и что я чувствую себя чрезвычайно дурно, хотя и не могу растолковать, чѣмъ я страдаю. На слѣдующее утро я пригласилъ къ себѣ графа Орлова и просилъ

его взять на себя исполненіе важнѣйшихъ дѣлъ, какія могли бы случиться по моему управленію, и едва успѣлъ отдать соотвѣтственные тому приказанія начальникамъ подвѣдомственныхъ мнѣ частей, какъ ослабъ до такой степени, что жизнь моя висѣла на волоскѣ.

Узнавъ объ опасномъ моемъ положеніи, государь тотчасъ ко мнѣ пріѣхалъ, но, чтобы не напугать меня, показалъ видъ, будто бы цѣлью его пріѣзда было только переговорить со мною о нѣкоторыхъ дѣлахъ; выходя же, накрѣпко запретилъ моимъ директорамъ вести со мною дѣловой разговоръ и даже входить ко мнѣ, а моего зятя, князя Бѣлосельскаго, послалъ за другимъ еще докторомъ, такъ что съ моимъ, между тѣмъ оправившимся, и съ двумя, которыхъ привезъ еще Арендтъ, этихъ господъ вышло пятеро. При видѣ такого многолюднаго конспліума и всего, что вокругъ меня происходило, я догадался, что нахожусь въ отчаянномъ положеніи; но почти ни на минуту не лишился памяти и не ощущалъ безпокойства, свойственнаго умирающимъ. Меня трогало до слезъ попеченіе обо мнѣ всѣхъ окружавшихъ; но положеніе мое, несмотря на многократныя посѣщенія врачей, нисколько не улучшалось. Государь имѣлъ терпѣніе внимательно слѣдить за ихъ преніями, пропсходившими за двѣ комнаты отъ той, гдѣ я лежалъ, и всячески оживлялъ ихъ. Меня облѣпили испанскими мухами, горчишниками, пѣвками, заставляли глотать почти ежеминутно Богъ знаетъ какія микстуры, и я всему этому повиновался съ покорностію ребенка.

Наконецъ, спустя десять дней, опасность какъ будто бы миновала; но вторичный приступъ болѣзни—послѣдствіе слишкомъ шумнаго выраженія радости близкихъ ко мнѣ—еще болѣе приблизилъ меня къ могилѣ. Тогда государь, заѣзжавшій ко мнѣ каждое утро, а не рѣдко и по вечерамъ, еще строже запретилъ кого нибудь ко мнѣ впускать; самъ же онъ продолжалъ по часу сидѣть у моей постели, рассказывать о такихъ новостяхъ, которыя, по его мнѣнію, могли меня развлекать безъ обремененія моихъ умственныхъ силъ, въ особенности же объ участіи, которое возбудила моя болѣзнь во всѣхъ сословіяхъ, и о письмахъ, полученныхъ по случаю ея изъ разныхъ городовъ. Это общее участіе превзошло всѣ самыя тщеславныя мои надежды; домъ мой сдѣлался мѣстомъ сборища для бѣдныхъ и богатыхъ, для знатныхъ и для людей, совершенно независимыхъ по своему положенію, для дамъ высшаго общества, какъ и для простыхъ мѣщанокъ: всѣ хотѣли знать, что со мною дѣлается; лѣстница была уставлена людьми, присылавшимися отъ своихъ господъ, а улица передъ домомъ—толпою народа, приходившаго навѣдываться о моемъ здоровьи.

Государь, выходя отъ меня, лично удостоивалъ передавать имъ самыя свѣжія вѣсти.

Въ православныхъ церквахъ просили священниковъ молиться за меня; такія же молитвы произносились въ лютеранскихъ и армянскихъ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

церквахъ, даже въ магометанскихъ мечетяхъ и еврейскихъ синагогахъ.

Наконецъ, монархи прусскій, австрійскій и шведскій, равно какъ и высшее общество ихъ столицъ, осыпали меня лестными знаками своего вниманія.

Я имѣлъ счастье заживо услышать себѣ похвальное надгробное слово, и это слово, величайшая награда, какой можетъ удостоиться человѣкъ на землѣ, состояло въ слезахъ и сожалѣніяхъ бѣдныхъ, сирыхъ, невѣдомыхъ, въ общемъ всѣхъ соболѣзнованіи и особенно въ живомъ участіи моего царя, который своимъ сокрушеніемъ и нѣжными заботами являлъ мнѣ лучшій и высшій знакъ своего милостиваго благо-расположенія. При той должности, которую я занималъ, это служило, конечно, самымъ блестящимъ отчетомъ за 11-ти-лѣтнее мое управленіе, и думаю, что я былъ едва ли не первый изъ всѣхъ начальниковъ тайной полиціи, котораго смерти страшились и котораго не преслѣдовали на краю гроба ни одною жалобою. Эта болѣзнь была для меня истиннымъ торжествомъ, подобнаго которому еще не испытывалъ никто изъ нашихъ сановниковъ. Двое изъ моихъ товарищей, стоявшіе на высшихъ ступеняхъ службы и никогда не скрывавшіе ненависти своей къ моему мѣсту, къ которой, быть можетъ, немного примѣшивалась и зависть къ моему значенію у престола, оба сказали мнѣ, что кладутъ оружіе передъ этимъ единодушнымъ сочувствіемъ публики, и съ тѣхъ поръ оказывали мнѣ постоянную пріязнь.

Но болѣе всѣхъ наслаждался этимъ торжествомъ государь, видѣвшій въ немъ одобреніе своего выбора и той твердости, съ которою онъ поддерживалъ меня и мое мѣсто противъ всѣхъ зложелательныхъ внушеній.

Недѣли черезъ три, когда меня перенесли изъ спальни въ залу, въ которой я лежалъ еще на диванѣ въ халатѣ, почтила меня посѣщеніемъ наша ангель-императрица, и наслѣдникъ цесаревичъ удостоивалъ навѣдываться ко мнѣ не одинъ разъ.

Мало-по-малу, съ теченіемъ времени, опасность миновала; но выздоровленіе шло чрезвычайно медленно, и, что главное, не возвращались силы. Врачи настаивали на поѣздкѣ въ чужіе края, но я рѣшительно объявилъ, что поѣду только въ любезный мой Фаль. Государь, располагая предпринять въ концѣ іюля продолжительное путешествіе на югъ имперіи и въ Закавказье и непремѣнно желая имѣть меня съ собою, твердилъ мнѣ безпрестанно о принятіи всевозможныхъ мѣръ и предосторожностей въ теченіе лѣта, чтобы быть въ силахъ ему сопутствовать.

Наконецъ, 12-го мая, повезли меня къ казенному пароходу, на которомъ я долженъ былъ совершить мой переѣздъ моремъ. Вся Англійская набережная была усыпана зрителями и лицами, собравшимися взглянуть на меня и пожелать мнѣ добраго пути. Эти проводы были

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

для меня очень трогательны, но истощили мои послѣднія силы. Многіе знакомые и даже люди посторонніе провожали меня до Кронштадта.

Такъ какъ петербургскіе мои врачи находили, что воздухъ Фалля, по возвышенности моего имѣнія, можетъ въ первые дни быть для меня вреденъ, то государь приказалъ, чтобы на эти дни приготовили мнѣ въ Ревелѣ его Екатерининскій дворецъ. Когда меня привезли туда, тамъ уже ждалъ фельдъегерь, присланный отъ его величества освѣдомиться, какъ я совершилъ морское путешествіе.

Въ Фаллѣ силы мои стали видимо возвращаться, и черезъ нѣсколько недѣль мнѣ уже позволялось бродить, хотя все еще съ большою осторожностію, по безподобнымъ моимъ рощамъ и садамъ. Это былъ еще первый совершенный покой, которымъ дано было мнѣ наслаждаться послѣ 38-ми лѣтъ дѣятельной службы. Я собирался возвратиться въ Петербургъ къ 25 іюня, дню рожденія государя, но онъ положительно мнѣ это запретилъ, требуя, чтобы я пріѣхалъ, какъ и прежде предполагалось, въ концѣ іюля. Почти ежедневно его величество присылалъ ко мнѣ нарочнаго курьера, и его письма сохраняются въ Фаллѣ, какъ драгоценное доказательство монаршаго ко мнѣ благоволенія.

12-го іюля я оставилъ Фалль и, чтобы испытать мои силы, проѣхалъ до Петербурга не останавливаясь. Императорская фамилія была на маневрахъ въ Красномъ Селѣ, куда и я отправился. Императрица, увидѣвъ меня съ балкона своего дворца, позвала къ себѣ, а, нѣсколько минутъ спустя, вошелъ государь и заключилъ меня въ свои объятія. Мы ушли къ нему въ кабинетъ, и онъ сталъ разспрашивать о моемъ здоровьѣ; я съ сокрушеннымъ сердцемъ принужденъ былъ сознаться, что мои силы еще не позволяютъ думать о дальней и утомительной поѣздкѣ, и что вмѣсто какой нибудь пользы отъ меня могли бы послѣдовать въ ней лишь хлопоты и остановка. Онъ велѣлъ позвать Арендта, который объявилъ, что такое путешествіе убьетъ меня, и что мнѣ необходимо еще нѣсколько мѣсяцевъ покоя. Государь раздѣлялъ и самъ это мнѣніе и милостиво изъявилъ сожалѣніе свое о томъ, что не можетъ взять меня съ собою. Рѣшено было, что въ путешествіе мѣсто мое займѣтъ графъ Орловъ. Онъ находился въ то время въ Лондонѣ, куда посланъ былъ поздравить молодую королеву Викторію съ восшествіемъ ея на престолъ; но его вскорѣ ждали обратно. Я, съ моей стороны, поѣхалъ въ Петербургъ осмотрѣться въ моихъ канцеляріяхъ, уже цѣлые пять мѣсяцевъ мною заброшенныхъ, и вступилъ въ исправленіе обычной моей должности.

31-го іюля императрица отправилась въ Москву, гдѣ ее ожидалъ цесаревичъ, уже возвратившійся изъ Сибири. Государь въ тотъ же день поѣхалъ черезъ Псковъ, Динабургъ, Ковно, Вильно, Бобруйскъ и Кіевъ въ Вознесенскъ, гдѣ впоследствии соединились съ нимъ императрица

и цесаревичъ, а я вернулся въ Фалля, горюя о томъ, что мнѣ не удастся быть съ его величествомъ въ Грузіи, гдѣ я впервые началъ боевую службу, и въ Землѣ войска Донскаго, посреди котораго оставалось еще столько храбрецовъ, моихъ сотоварищей на полѣ битвъ.

Императрица на пути своемъ изъ Москвы въ Вознесенскъ посѣтила Воронежъ и остановилась прямо у собора, въ которомъ почиваютъ мощи святителя Митрофанія; вечеромъ она съ великою княжною Марією Николаевою и княземъ Волконскимъ вторично посѣтила соборъ, гдѣ провела цѣлый часъ въ уединенной молитвѣ, и наконецъ на слѣдующее утро, передъ самымъ своимъ выѣздомъ, снова туда заѣхала. Вѣсть объ этомъ благочестивомъ поклоненіи императрицы новопрославленному святителю разнеслась по всѣмъ концамъ Россіи и исполнила радости сердца всего православнаго ея населенія.

Въ концѣ сентября я возвратился изъ Фалля, чтобы снарядить въ путь великихъ князей Ольгу и Александру Николаевнъ и трехъ младшихъ великихъ князей. Они ѣхали въ Москву для встрѣчи тамъ сначала ихъ августѣйшей родительницы, а потомъ родителя. Все это юное поколѣніе жило въ Царскомъ Селѣ и приняло меня съ тою радостью, съ какою молодость всегда привѣтствуетъ вѣсть о всякой поѣздкѣ. Мы отправились вмѣстѣ и спокойно ѣхали до Москвы цѣлыхъ шесть сутокъ. Для меня такой образъ путешествія былъ совершенною новостью. Тремя днями послѣ насъ прибыла въ Кремлевскій дворецъ и императрица.

При дворѣ въ это время крайне беспокоились о государѣ, зная, что онъ за Кавказомъ, откуда обратный путь лежалъ черезъ горы, обитаемыя непріязненнымъ намъ населеніемъ. Одинъ я, которому были извѣстны нравы горцевъ, ихъ благоговѣніе къ имени русскаго царя, никогда не обвиняемаго ими въ злоупотребленіяхъ или строгости его чиновниковъ и, напротивъ, составляющаго единственную ихъ надежду на лучшую будущность,—одинъ я утверждалъ, что жизнь государя безопаснѣе между этими полудикими племенами, чѣмъ была бы въ образованныхъ странахъ Европы, гдѣ демагогія уже полвѣка какъ подрывала уваженіе къ коронованнымъ главамъ и готова посягнуть на того, который одинъ могущественною своею рукою охраняетъ и троны и спокойствіе народовъ.

Предвидѣніе мое оправдалось. 28-го октября, вечеромъ, государъ благополучно прибылъ въ Москву вмѣстѣ съ августѣйшимъ своимъ наслѣдникомъ.

Государь принялъ меня необыкновенно милостиво и ласково, говоря, что онъ, несмотря на всю заботливость о немъ графа Орлова, на каждомъ шагѣ чувствовалъ мое отсутствіе. Потомъ его величество велѣлъ мнѣ быть у него на слѣдующее утро вмѣстѣ съ великимъ княземъ наслѣдникомъ и военнымъ министромъ, графомъ Чернышевымъ. Въ это утро, въ продолженіе трехъ часовъ, потомъ опять вечеромъ, съ 7-ми до

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

9-ти часовъ, и наконецъ еще на слѣдующій день утромъ, отъ 8-ми до 11-ти, онъ разсказалъ намъ всю поѣздку, день за днемъ, съ необыкновенною ясностью, точною и подробною.

Возвратившись къ себѣ, я поспѣшилъ положить его разсказъ на бумагу. Вотъ, но только въ краткомъ очеркѣ, сущность слышаннаго мною въ продолженіе этихъ восьми часовъ. Я ввожу здѣсь государя въ первомъ лицѣ, какъ будто бы разсказъ былъ имъ самимъ записанъ.

«Я остановился, за двѣ версты не доѣзжая Пскова, чтобы осмотрѣть строящіяся тутъ, вблизи шоссе, прекрасныя зданія полковыхъ штабовъ 2-й гренадерской дивизіи, а въ самомъ Псковѣ осматривалъ городскую больницу, тюремный замокъ, полубаталіоны военныхъ кантонистовъ, гимназію съ принадлежащимъ къ ней пансіономъ и четыре баталіона 1-й пѣхотной дивизіи.

«Въ Динабургѣ, куда мы пріѣхали 2-го августа въ 6 часовъ вечера, я, кромѣ 2-й пѣхотной дивизіи и гренадерскаго сапернаго баталіона, подробно осмотрѣлъ вновь построенный арсеналъ, провіантскіе магазины и крѣпостныя работы. Все идетъ тамъ прекрасно; но весенніе разливы еще продолжаютъ много портить, а укрѣпленіе песчанаго грунта валовъ потребуетъ еще немало издержекъ и трудовъ. Шоссе, выходящее изъ теть-де-пона, безподобно и много краситъ мѣстность.

Въ Ковно мы прибыли 4-го августа, въ 2 часа утра, и я сдѣлалъ маневры собранному тамъ 1-му корпусу, которымъ остался очень доволенъ. Окрестности Ковна представляютъ превосходную мѣстность для смотровъ и ученій, довольно притомъ обширную и разнообразную, на которой можно маневрировать въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ.

«Тутъ случилось происшествіе, очень меня огорчившее, а все-таки прекрасное. Маневры заключились штурмомъ города, и голова колонны, подъ командою дивизионнаго начальника Мандерштерна, остановилась на самомъ берегу Нѣмана, отъ котораго поромы, чтобы придать всему больше сходства съ настоящею войною, отведены были къ противоположному берегу. Проѣзжая мимо этого отряда, я сказалъ въ шутку: «Ну, что жъ, только-то! Чего вы тутъ ждете?». И вдругъ Мандерштернъ, принявъ сказанное мною за приказаніе, далъ лошади пшбры и исчезъ въ глубинѣ рѣки, а за нимъ бросилась и вся первая рота. Съ большимъ трудомъ вытащили его изъ воды; къ счастью, никто не утонулъ; но бѣднякъ Мандерштернъ, уже безъ того страдавшій отъ старыхъ ранъ, схватилъ жестокою горячку. На другой день я пошелъ къ нему, чтобы осведомиться о его здоровьѣ и попенять за то, что онъ принялъ мои слова за серьезныя. Позднѣйшія извѣстія о немъ, благодаря Богу, совершенно успокоительны; но эта черта показываетъ человѣка.

«Оставивъ Ковно 9-го числа, осмотрѣвъ по пути бывшую греко-уніатскую, а теперь нашу православную Почаевскую лавру, я вѣхалъ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

въ Вильну въ 10 часовъ вечера. Всѣ улицы были наполнены народомъ, принявшимъ меня съ изъявленіями большой радости; это — вещь, которая не приказывается и которая все-таки хороша, хотя я не слишкомъ разсчитываю на привязанность ко мнѣ этихъ молодцовъ. Благодаря генералъ-губернатору, князю Долгорукову, городъ много выигралъ относительно опрятности и вида довольства.

«Утромъ рано, помолвившись въ соборѣ, я зашелъ въ католическій кафедральный соборъ, гдѣ ждали меня ксендзы съ крестомъ и святою водою, а потомъ смотрѣлъ два баталіона егерскаго князя Кутузова полка. Цитадель совершенно господствуетъ надъ городомъ, и мы поступили очень хорошо, поставивъ ее здѣсь, на случай, если бы этимъ господамъ вздумалось опять зашалить.

«По осмотрѣ военнаго госпиталя, я принялъ гражданскихъ и военныхъ начальниковъ, дворянство и духовенство. Католическому архіерею я внушилъ строгимъ тономъ, какъ важны его обязанности, и какъ духовенство должно подавать собою прихожанамъ примѣръ доброй нравственности и преданности правительству. Съ дворянами я говорилъ и о пропедшемъ и о томъ, что будущее въ ихъ рукахъ, и что оно зависить отъ ихъ покорности и удаленія отъ себя нелѣпыхъ надеждъ на національную самобытность, возбуждаемыхъ, къ собственной ихъ гибели, преступными безумцами. Очень знаю тайныя объ этомъ мысли мѣстныхъ дворянъ, но были бы они только спокойны, а остальное придется, вѣроятно, съ слѣдующимъ поколѣніемъ.

«Видѣлъ я также бывшій университетъ, преобразованный теперь въ медико-хирургическую академію, и нашелъ, что воспитанники имѣютъ надлежащій видъ и сдѣлали большіе успѣхи въ русскомъ языкѣ. Директоръ отлично ведетъ свое дѣло. Наконецъ, осматривалъ я еще обѣ гимназіи, больницу сестеръ милосердія, римско-католическую духовную академію, благородный пансіонъ и богоугодныя заведенія: все хорошо и въ порядкѣ.

«Былъ приготовленъ парадный балъ, и всѣ чрезвычайно желали, чтобы я на немъ присутствовалъ и тѣмъ явилъ какъ бы забвеніе всего прошлаго; но мнѣ показалось, что послѣ всѣхъ надѣланныхъ ими гадостей это еще слишкомъ рано. Дамы, собиравшіяся соблазнить меня, очень огорчились моимъ отказомъ; но я долженъ сказать, что вообще принимали меня въ городѣ съ улыбающимися лицами, и народъ при всѣхъ моихъ выѣздахъ усердно вокругъ меня толпился.

«Послѣ обѣда я отправился въ Бобруйскъ черезъ Минскъ, гдѣ остановился только у собора. Этотъ городъ нисколько не украшается и попрежнему скученъ и бѣденъ.

«До Бобруйска мы добрались поздно ночью. Утромъ 12-го августа я смотрѣлъ 5-ю пѣхотную дивизію и крѣпостныя работы. И здѣсь, и

въ Динабургѣ я всегда люблюсь ими съ особеннымъ удовольствіемъ; все мною посаженное уже разрослось въ огромныя деревья, особенно итальянскіе тополи. Госпиталь меня взбѣсилъ. Представьте себѣ, что чиновники заняли для себя лучшую часть зданія, и то, что предназначалось для больныхъ, обращено въ залы гг. зрителя и докторовъ. За то я коменданта посадилъ на гауптвахту, зрителя отфѣшилъ отъ должности и всѣхъ отдѣлалъ по-своему.

«На слѣдующій день, по осмотрѣ двухъ саперныхъ баталіоновъ и временнаго госпиталя, мы, отстоявъ обѣдню въ лагерѣ, пустились въ Черниговъ, гдѣ я только зашелъ въ соборъ, и 14-го августа въ 9 часовъ вечера вышли у Печерской лавры въ Кіевъ.

«Я побранилъ графа Гурьева, который вмѣсто того, чтобы встрѣтить передъ лаврою, дожидался у отведенной для меня квартиры, на правомъ флангѣ почетнаго караула. Мой выговоръ ему не понравился, но онъ былъ заслуженный. Поутру я смотрѣлъ 3-й корпусъ, который выполнѣ меня удовлетворилъ, слухалъ обѣдню въ лаврѣ, посѣтилъ возобновленный Софійскій соборъ, былъ въ Михайловскомъ Златоверховскомъ монастырѣ и объѣхалъ городъ. Послѣдній улучшается съ каждымъ годомъ, и надо отдать справедливость графу Левашеву, въ управленіе котораго было сдѣлано очень много къ его украшенію. Арсеналъ, богато всѣмъ снабженный, есть, конечно, одно изъ красивѣйшихъ зданій въ своемъ родѣ.

«16-го августа я дѣлалъ маневры 3-му корпусу и обзрѣвалъ работы по возведенію крѣпости, которая заключить въ себя весь Кіевъ, для охраненія тамошнихъ огромныхъ военныхъ запасовъ. Работы подвигаются, но медленно, за встрѣчающимися на каждомъ шагѣ мѣстными препятствіями; строятъ хорошо, и открытый мною камень лучше мрамора. Работа по постройкѣ постоянного моста черезъ Днѣпръ представляетъ большія трудности и будетъ стоить громадныхъ суммъ; но нечего дѣлать: это—предметъ первостепенной важности.

«Военные госпитали я нашелъ въ отличномъ состояніи; университетъ развивается; число студентовъ возрастаетъ, и русскій языкъ идетъ успѣшно; но случаются еще глупыя польскія выходки. У нѣсколькихъ студентовъ нашли пакостныя стишонки, и хотя этому ребячеству не придали очень справедливо большей важности, чѣмъ оно заслуживало, однако надо держать ухо востро. Попечитель хорошій человѣкъ, но не довольно энергическій; я приказалъ написать Уварову (министру народнаго просвѣщенія), чтобы онъ пріѣхалъ сюда лично на все взглянуть и дать всему должное направленіе. Впрочемъ у студентовъ порядочный видъ; они смотрѣли на меня съ удовольствіемъ, и многіе изъ нихъ русьютъ, что не слишкомъ нравится нѣкоторымъ изъ родителей.

«Послѣ обѣда, поклонившись святымъ мощамъ въ пещерахъ, я отправился въ Вознесенскъ, куда прибылъ 17-го августа, въ 11-ть часовъ ночи, къ общему удивленію, потому что меня ждали пятью днями позже; зато и пріѣхалъ я первый изъ всѣхъ».

Прерву на минуту рассказъ государя, чтобы объяснить цѣль его пріѣзда въ Вознесенскъ. На огромной тамошней равнинѣ, орошаемой Бугомъ, предназначенъ былъ сборъ колоссальныхъ массъ кавалеріи. 1-й, 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса, сводный корпусъ изъ двухъ дивизій, принадлежавшихъ къ пѣхотнымъ корпусамъ, дивизія 40 эскадроновъ, образованныхъ изъ безсрочноотпускныхъ восьми сосѣднихъ губерній, и резервные эскадроны всей кавалеріи собраны и расположены были съ принадлежащею къ нимъ артиллерією въ окрестностяхъ Вознесенска.

Къ кавалеріи еще присоединились 12 резервныхъ баталіоновъ 5-го корпуса и 16 баталіоновъ съ 3-мя батареями артиллеріи, составленныхъ изъ безсрочныхъ тѣхъ же восьми губерній.

Неусыпными трудами графа Витта мѣстечко Вознесенскъ, дотолѣ лишь штабъ-квартира одного изъ кирасирскихъ полковъ, было менѣе, чѣмъ въ годъ, превращено въ настоящій городъ, съ дворцомъ для царской фамиліи, обширнымъ садомъ, театромъ, около двухъ десятковъ большихъ домовъ для знатныхъ особъ и до полутораста меньшихъ для свиты и приглашенныхъ на этотъ смотръ генераловъ и офицеровъ. Тутъ было соединено все, что только могло потребоваться для комфорта и даже для утонченной роскоши. Меблировка дворца представляла образецъ лучшаго вкуса, и изъ Одессы и Кіева были выписаны торговцы всѣхъ родовъ и лучшіе рестораторы. Для гостей было приготовлено до 200 экипажей и 400 верховыхъ лошадей. Прибавлю, что всѣ зданія были каменные и построены чрезвычайно прочно. Все имѣло видъ настоящаго волшебства!

Зрителями явились въ Вознесенскъ: изъ своихъ, кромѣ императрицы, наслѣдника, великаго князя Михаила Павловича съ супругою и великой княжны Маріи Николаевны, множество корпусныхъ и дивизіонныхъ командировъ изъ всей арміи, нѣсколько гвардейскихъ генераловъ и почти всѣ генераль- и флигель-адъютанты; изъ иностранцевъ: австрійскій эрцъ-герцогъ Іоганнъ; прусскіе принцы Августъ и Адальбертъ; принцъ Фридрихъ Виртембергскій; герцогъ Бернгардъ Веймарскій съ своимъ сыномъ; герцогъ Лейхтенбергскій изъ Баваріи; австрійскій посолъ, графъ Фикельмонъ, и генералы австрійскіе: князь Виндишгрецъ и Гаммерштейнъ съ 24-мя офицерами, и прусскіе: Натцмеръ и Бирнеръ съ 8-ю офицерами, англійскій генералъ Арбутнотъ, два датскихъ офицера и отъ султана Муширъ-Ахметъ-паша съ 6-ю офицерами.

Всѣ эти господа пріѣзжали постепенно, и для нихъ всѣхъ достало помѣщеній, экипажей и лошадей.

Этотъ огромный военный сборъ сильно занялъ чужестранные журналы и навелъ безпокойство на кабинеты парижскій и лондонскій, при вѣчной ихъ подозрительности къ Россіи. Австрія и Пруссія, хотя имъ ближе были извѣстны планы нашего правительства, тоже, однако, остались не совсѣмъ довольны показомъ съ нашей стороны такихъ силъ и, въ завистливости своей, всячески старались увѣрить и себя и другихъ, что тутъ гораздо менѣе войска, чѣмъ утверждаютъ, и что притомъ оно дурно обучено.

Одна Турція, вполне довѣряя императору Николаю, какъ своему благодѣтелю и спасителю, не обнаруживала никакого неудовольствія противъ такого чрезвычайнаго сбора войскъ близъ ея границъ, а посольскій султана съ многочисленною своею свитою видѣлъ для Оттоманской Порты въ развитіи нашихъ военныхъ силъ скорѣе оплотъ, нежели какую либо опасность.

«Я не утерпѣлъ, — продолжалъ государь, — чтобы не взглянуть на собранныя войска тотчасъ же по прибытіи, и на слѣдующее утро былъ уже среди нихъ. Безконечная долина казалась нарочно созданною для сосредоточенія на ней такой огромной силы, и не могу вамъ выразить, что я чувствовалъ, подѣхавъ къ ней. 350 эскадроновъ со 144-мя конными орудіями, вытянутые въ пять линій, представляли зрѣлище такое величественное и новое, что первою моею мыслию было возблагодарить вмѣстѣ съ ними Бога. Поразительно было смотрѣть на громадную массу всадниковъ, обнажившихъ головы для молитвы. Въ эту минуту я гордился принадлежать имъ и быть ихъ начальникомъ. Послѣ молебствія войска прошли передо мною церемоніальнымъ маршемъ; все блистало красотою и выправкою: люди, лошади, обмундировка, сбруя, все казалось вылитымъ по одному образцу. Я вполне наслаждался, и видѣнное тутъ превзошло мои ожиданія. Духъ этого войска тоже превосходный, потому что такого блестящаго состоянія можно достигнуть только ревностнымъ и совокупнымъ усердіемъ начальниковъ и солдатъ. Они приняли меня съ восторгомъ, выразившимся на всѣхъ лицахъ. Мнѣ уже не было причины сомнѣваться относительно впечатлѣнія, которое этотъ сборъ войскъ произведетъ на иностранцевъ.

«19-го августа я смотрѣлъ пѣхоту, и она хороша, а баталіоны безсрочныхъ — превосходны.

«На другой день я дѣлалъ маневры всей кавалеріи и боялся, что ея численность меня затруднитъ, но люди такъ хорошо выучены, а начальники такъ внимательны, что все шло въ совершенствѣ.

«Послѣ обѣда я осматривалъ госпитали, устроенныя по случаю сбора такой массы людей въ одномъ мѣстѣ; найденный въ нихъ порядокъ не оставлялъ ничего желать лучшаго. Впослѣдствіи было немало больныхъ глазами отъ пыли и жары.

«21-го августа, драгунскія дивизіи и артиллерійскія батареи производили въ моемъ присутствіи стрѣльбу въ цѣль. Видно, что онѣ надъ этимъ порядочно поработали: мишени были всѣ разстрѣляны.

«22-го августа, въ день моей коронаціи, я слушалъ обѣдню въ пѣхотномъ лагерѣ, а послѣ обѣда мнѣ показывали конскіе заводы поселенныхъ полковъ. Кобылы хороши, и есть нѣсколько замѣчательныхъ жеребцовъ; только въ породѣ для кирасиръ остается еще желать улучшенія.

«23-го августа, въ 8-мъ часовъ утра, сидя у эрцъ-герцога Іоганна, я велѣлъ ударить тревогу, и менѣе чѣмъ въ полчаса все было въ строю и подъ ружьемъ.

«27-го августа, рано утромъ я выѣхалъ навстрѣчу къ императрицѣ съ которою и вернулся въ Вознесенскъ. Насъ встрѣтили передъ городомъ, верхами, всѣ генералы и штабъ-офицеры, какъ изъ числа гостей, такъ и принадлежавшіе къ войскамъ, расположеннымъ въ лагерѣ, что составило огромнѣйшую свиту. Ночью пріѣхалъ и старшій мой сынъ, прямо изъ Сибири. Вы можете себѣ представить, какъ я радъ былъ съ нимъ увидѣться. Саша много выигралъ отъ этой поѣздки и совершенно возмужалъ.

«Жена моя присутствовала при большомъ парадѣ, который удался еще лучше перваго, сдѣланнаго мною въ видѣ репетиціи. Иностранцы были изумлены красотою и выправкою нашихъ войскъ, которыя могли поспорить съ гвардіею, а въ отношеніи къ подбору и выѣздкѣ лошадей еще чуть ли не стояли выше ея. Потомъ были у насъ ученія и маневры».

Государь разсказалъ ихъ во всей подробности и при этомъ обнаружилъ удивительную память, передавъ всѣ ихъ частности.

«Наконецъ, пришлось разстаться съ Вознесенскомъ, гдѣ въ продолженіе двухъ недѣль я испытывалъ одни наслажденія; признаюсь, что разставаніе съ этимъ прекраснымъ и добрымъ войскомъ мнѣ было очень тяжело. Простившись со всѣми и поблагодаривъ графа Витта, который въ этомъ случаѣ выказался истиннымъ волшебникомъ, я 4-го сентября, въ полдень, выѣхалъ въ Николаевъ, а жена съ Мерп¹ отправились прямо въ Одессу.

«Въ Николаевѣ я началъ съ осмотра Минскаго пѣхотнаго полка, который нашелъ въ крайне дурномъ положеніи, въ такомъ дурномъ, что, благодаря Бога, уже давно ничего подобнаго не видывалъ. Николаевъ улучшился, и выстроенныя въ немъ новыя зданія очень хороши. Госпитали, казармы, гидрографическое депо, штурманское училище, кабинетъ моделей въ адмиралтействѣ, магазины и мастерскія — все это

¹ Такъ императоръ Николай всегда называлъ свою дочь, великую княжну Марію Николаевну.

очень меня удовлетворило. На верфи строятся два линейных корабля, одинъ 120-ти, другой 80-ти-пушечный, которые будутъ безподобны. При мнѣ спустили три транспортных судна, и потомъ я присутствовалъ при посаженіи на суда двухъ сотенъ Азовскихъ казаковъ, которыхъ повезли на Кавказскій берегъ.

«По прибытіи изъ Николаева въ Одессу я 6-го сентября вмѣстѣ съ Сашею и братомъ Михаиломъ посѣтилъ соборъ, гдѣ жена моя уже была наканунѣ, послѣ чего смотрѣлъ на площади два баталіона Подольскаго егерскаго полка. Они оказались не лучше полка, видѣннаго мною въ Николаевѣ, за что досталось отъ меня не на шутку генералу Муравьеву ¹.

«Одесса чрезвычайно украсилась со времени моего послѣдняго въ ней пребыванія, и меня поразило множество новыхъ, изящныхъ въ ней зданій. Не могу не отдать полной справедливости графу Воронцову: онъ сдѣлалъ просто чудеса. Я только не скрылъ отъ него, что остался не доволенъ полиціею: она совершенно бездѣйствуетъ, и тотчасъ видно, что не умѣетъ заставлять себя повиноваться. Вечеромъ городъ далъ намъ балъ, столько же изысканный и утонченный, какъ любой въ Петербургѣ.

«7-го сентября я осмотрѣлъ въ подробности карантинъ, котораго устройство и порядокъ пзумили иностранцевъ, и въ особенности эрцгерцога Юганна; это, конечно, одно изъ лучшихъ заведеній въ своемъ родѣ въ цѣлой Европѣ. Я поблагодарилъ и наградилъ карантинныхъ чиновниковъ ². Осмотрѣвъ потомъ Дѣвичій институтъ благородныхъ дѣвицъ, которымъ управляетъ и который показывала мнѣ императрица, я обозрѣлъ еще тюремный замокъ, больницы и арестантскую роту.

«8-е сентября было посвящено осмотру учебныхъ заведеній. Ришельевскій лицей въ превосходномъ порядкѣ, и науки идутъ тамъ очень успѣшно; училища для евреевъ обоего пола тоже хорошо содержатся.

9-го сентября, въ 11 часовъ утра, императрица, Мери, наследникъ и я вмѣстѣ съ нашими гостями отправились на пароходѣ «Сѣверная Звѣзда» въ Севастополь. Въ 25-ти миляхъ оттуда мы встрѣтили весь Черноморскій флотъ, вышедшій къ намъ навстрѣчу. Видъ былъ безподобный. Я велѣлъ судамъ сдѣлать нѣсколько построеній, которыя за-

¹ Николаю Николаевичу, командовавшему въ то время 5-мъ корпусомъ, вскоре потомъ оставившему службу, а впоследствии назначенному главнокомандующимъ на Кавказъ и взявшему въ 1855 году Карсъ.

² Противъ подчеркнутыхъ словъ императоръ Николай написалъ:

«Fort à tort, car grâce à leur négligence huit jours après la peste fut introduite dans la ville et, peu s'en est fallu, dans tout l'empire».

ключилась общимъ салютомъ нашему пароходу, когда на немъ взвился императорскій флагъ.

«10-го сентября мы ѣздили въ монастырь св. Георгія, выстроенный на отвѣсной скалѣ надъ моремъ, послѣ чего я инспектировалъ часть пѣхоты 5-го корпуса, приходящую каждое лѣто въ Севастополь на крѣпостныя работы, и нашелъ ее столько же слабою по фронтовой части, какъ и представленную мнѣ въ Николаевѣ и Одессѣ. Это, поистинѣ, непростительно, и я не думалъ, что въ нашей арміи еще существуютъ подобныя войска.

«Работы въ гавани, быстро подвигающіяся впередъ, можно назвать исполненными, и онѣ обратятъ Севастополь въ одинъ изъ первыхъ портовъ въ мірѣ, но еще много остается додѣлать. Теперь снимаютъ цѣлую каменную гору, чтобы выстроить тутъ адмиралтейство, казармы и прекрасную церковь. Водопроводъ для снабженія водою корабельныхъ доковъ есть также работа гигантская.

«Въ полдень я проводилъ мою жену на Сѣверную сторону, откуда она поѣхала въ Бахчисарай, а мы съ послѣдникомъ осмотрѣли сперва Инкерманскую бухту, — часть того огромнаго залива, который образуетъ гавань, и въ которомъ было бы мѣсто укрыться всѣмъ европейскимъ флотамъ вмѣстѣ, а потомъ береговыя укрѣпленія. Милости просимъ теперь сюда англичанъ, если они хотятъ разбить себѣ носъ!

«12-го сентября мы обошли сухопутные и морскіе госпитали, магазины и адмиралтейскія заведенія: все это такъ хорошо, какъ только позволяютъ то старыя и ветхія зданія.

«Утро 13-го сентября я употребилъ на подробный обзоръ флота и нашелъ его въ превосходѣйшемъ положеніи касательно порядка, опрятности и выправки людей, но матеріальная часть еще отстала отъ Балтійскаго; есть суда старыя, но экипажи безподобны.

«Вечеромъ я поѣхалъ къ женѣ въ Бахчисарай. Находящійся здѣсь старинный ханскій дворецъ возобновленъ въ прежнемъ вкусѣ, и все убранство для него нарочно выписано изъ Константинополя. 14-го сентября мы отправились всѣ вмѣстѣ на южный Крымскій берегъ и частью верхомъ объѣхали этотъ край, прелестный и своими видами, и растительностью. Оконченное нами теперь шоссе — чудо: оно выровняло пропасти и превратило головоломныя тропинки въ спокойную дорогу, по которой ѣдутъ въ экипажахъ. Слѣдуя черезъ Артекъ, Массандру, Ялту и Оріанду, мы пріѣхали въ очаровательную Алушку графа Воронцова. Его замокъ еще не оконченъ, но онъ будетъ одною изъ прекраснѣйшихъ виллъ, какую только можно себѣ представить.

«Оставивъ тутъ у Воронцова мою жену, я самъ съ сыномъ въ Ялтѣ опять сѣлъ на «Сѣверную Звѣзду», которая повезла насъ къ азіатскимъ берегамъ. Вѣтеръ, уже и прежде довольно свѣжій, превра-

тился почти въ бѣрю, и насъ ужасно качало. 21-го сентябрю, утромъ, мы, однако же, добрались до Геленджика. Орудія изъ крѣпости и изъ лагеря генерала Вельяминова салютовали императорскому флагу и возвестили нашъ прїѣздъ Кавказскимъ горамъ, которыя еще впервые видѣли русскаго монарха. Вѣтеръ такъ волновалъ море, что мы съ большимъ трудомъ могли спуститься въ шлюпку и причалить къ берегу; другая же шлюпка, которая везла нашихъ людей, принуждена была возвратиться къ пароходу ¹.

«Мы отправились прямо въ лагерь, гдѣ войско ожидало насъ подъ ружьемъ. Но буря, все еще усиливавшаяся, такъ свирѣпствовала, что взводы въ буквальномъ значеніи шатались то назадъ, то впередъ; знамена держали по три, по четыре человека; даже я самъ, довольно, какъ вы знаете, сильный, едва могъ стоять на ногахъ и двигаться съ мѣста. Слѣдственно о церемоніальномъ маршѣ нельзя было и думать; за всѣмъ тѣмъ отрядъ представился прекрасно. Это — старые воины, съ воинственнымъ и внушающимъ довѣріе видомъ, и никогда ни одно войско не принимало меня лично съ такимъ восторгомъ; они замѣтно наслаждались при видѣ своего государя.

«Всѣ стихіи, повидимому, вооружились противъ насъ; вода, казалось, рвалась насъ поглотить, вѣтеръ дулъ съ невыразимою свирѣпостью, а тутъ еще въ прибавку надъ Геленджикомъ вспыхнуло пламя.

«Вельяминовъ тотчасъ поскакалъ на пожаръ, а за нимъ поѣхали мы.

«Горѣли провіантскіе магазины, а отъ нихъ занялось и сѣно, котораго было тутъ сложено нѣсколько милліоновъ пудовъ. Огонь и дымъ носились надъ артиллерійскимъ паркомъ, наполненнымъ порохомъ и заряженными гранатами. Мы ходили среди этого пламени, а солдаты съ величайшимъ хладнокровіемъ складывали снаряды въ свои шинели.

«Намъ захотѣлось ѣсть, но вѣтеръ опрокинулъ и обѣдъ и кухню. Вечеромъ я думалъ вернуться на пароходъ, но за бурю не представлялось къ тому никакой возможности. Надо было поневолѣ остаться съ голоднымъ желудкомъ и пережидать въ дрянномъ, холодномъ домишкѣ, когда утихнетъ вѣтеръ.

«Я съѣздила осмотрѣть госпиталь и навѣстила генерала Штейбена (Steuben), опасно раненнаго въ одномъ изъ послѣднихъ дѣлъ противъ горцевъ. Боюсь, что мы потеряемъ этого храбраго офицера ².

«Только на слѣдующій день, въ 5 часовъ послѣ обѣда, можно было возвратиться на пароходъ, который между тѣмъ также подвергался большой опасности. Я былъ радъ, что все это видѣлъ и мой сынъ, которымъ остался очень доволенъ при этомъ случаѣ.

¹ Императоръ Николай написалъ съ боку: «C'est faux».

² «Je crois qu'il se trompe et que j'ai vu le général Steuben à Anapa». (Замѣтка императора Николая).

«Въ 11 часовъ вечера мы бросили якорь передъ Анапою и 24-го сентября посѣтили эту крѣпость, гдѣ я смотрѣлъ гарнизонъ и госпиталь. Въ 4 часа послѣ обѣда мы уже были въ Керчи. Этотъ городъ много выигрываетъ отъ каботажнаго судоходства и становится значительнымъ. Новая набережная въ немъ прекрасна, постоянно производимыя раскопки уже открыли много замѣчательныхъ предметовъ древности; музей все болѣе и болѣе наполняется, и нѣсколько любопытныхъ вещей будетъ отправлено въ Петербургъ, между прочимъ найденная въ одной гробницѣ золотая маска превосходной работы, изображающая женское лицо.

«Въ Керчи я простился съ Сашею. Онъ направился черезъ Алупку въ дальнѣйшее свое путешествіе по Россіи, а я на «Сѣверной Звѣздѣ» въ Редутъ-Кале, куда прибылъ 27 сентября и гдѣ нашелъ главноуправляющаго барона Розена.

«Въ нѣсколькихъ верстахъ за этимъ гадкимъ, окруженнымъ болотами и нездоровымъ мѣстечкомъ меня встрѣтилъ князь Дадіанъ, владѣтель Мингреліи, съ многочисленною свитою. Его наружность и нарядъ были одинаково странны. При мѣстномъ своемъ костюмѣ онъ вздумалъ нахлобучить себѣ на голову нашу генеральскую шляпу.

«На почлегъ мы прибыли въ селеніе Зугдиды, гдѣ приготовлено было для меня помѣщеніе во дворцѣ того же князя Дадіана, въ большой залѣ, раздѣленной красивыми занавѣсками на спальню и кабинетъ. Насъ приняла княгиня, жена владѣтеля, огромная и дюжая, на которую стоитъ только посмотреть, чтобы увѣриться, что распоряжается всѣмъ она, а не тщедушный ея супругъ.

«Княгиня, впрочемъ, достойная женщина, оказавшая намъ большія услуги въ послѣднюю войну противъ турокъ, такъ что безъ нея, можетъ статья, поколебалась бы вѣрность къ Россіи ея мужа, на котораго дѣйствовали и Оттоманская Порта своими прельщеніями и нѣкоторые изъ его придворныхъ коварными совѣтами¹. Мингрельское дворянство приготовило для меня почетный караулъ, замѣчательный по нарядамъ и красотѣ людей. Они всѣ показали мнѣ большое усердіе и преданность, которыя въ этихъ племенахъ не могутъ быть притворными, и приняли меня съ добрымъ русскимъ «ура».

«На другой день князь Дадіанъ со всею его свитою проводилъ насъ до своихъ границъ, гдѣ ожидалъ меня управляющій Имеретіею съ

¹ Подчеркнутыя слова зачеркнуты императоромъ Николаемъ, и противъ нихъ написано:

«C'est faux».

«C'est du roman».

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

своими князьями и дворянами, которые въ Кутансѣ составили мой почетный караулъ. Ихъ наряды и вообще вся обстановка переносили меня въ сказочный міръ тысячи и одной ночи.

«29 сентября, рано утромъ, послѣ представленія мнѣ имперетинскаго архіепископа Софронія, митрополита Давида и разныхъ мѣстныхъ мелкихъ владѣльцевъ, я осмотрѣлъ госпиталь, уѣздное училище и казармы 10-го линейнаго Черноморскаго баталіона, а въ 10 часовъ пустился въ дальнѣйшій путь, въ сопровожденіи всѣхъ этихъ князьковъ и дворянъ, ѣхавшихъ за мною до границы Грузіи.

«На Молицкомъ постѣ, гдѣ я ночевалъ, ждали грузинскій гражданскій губернаторъ и предводитель дворянства съ князьями и дворянами и съ окрестными почетными старшинами. Вся дорога отъ Редуть-Кале до Молицкаго поста, по которой въ прежнее время можно было пробраться съ трудомъ только пѣшеходу, вновь устроена стараніями барона Розена и, представляя совершенно удобный проѣздъ для экипажей, сблизила такимъ образомъ страны, хотя и смежныя, но не имѣвшія прежде между собою никакого сообщенія.

«30 сентября мы пріѣхали въ Сурамъ, а 1 октября въ 7 часовъ вечера въ Ахалцыхъ, прославившій нашего Паскевича. У «страшнаго окопа» меня привѣтствовали мѣстные беки и старшины переселенныхъ изъ Эрзерума армянъ. 2 октября, осмотрѣвъ городскія заведенія и мечеть, обращаемую въ православный соборъ, я отправился на почъ въ Ахалкалаки, а 3-го—въ Гумры, гдѣ приняли меня съ обычными привѣтствіями старшины армянъ, перешедшихъ сюда изъ Карса. Меня поразили огромныя работы, предпріятыя по сооруженію этой новой крѣпости, настоящаго оплота для Грузіи и пункта, откуда можно угрожать одновременно и Турціи и Персіи, которыхъ границы здѣсь почти сливаются. Мѣстоположеніе крѣпости единственное, на отвѣсной скалѣ, далеко господствующей надъ оттоманскими владѣніями. Каменная одежда уже вся окончена съ тою тщательностью, какую мы привыкли видѣть въ лучшихъ нашихъ крѣпостяхъ, и здѣсь надо было отдать полную справедливость барону Розену и инженеру, управлявшему работами, какъ за быстроту возведенія послѣднихъ и прѣвосходное ихъ очертаніе, такъ и за бережливость, почти невѣроятную, съ которою все это построено.

«Я пожелалъ лично положить первый камень въ основаніе церкви, которая будетъ сооружена во имя св. мученицы, царицы Александры, и перекрестилъ Гумры въ Александрополь.

«Въ этой ближайшей къ оттоманскимъ предѣламъ крѣпости нашей явился ко мнѣ эрзерумскій сераскиръ Магометъ-Аседъ-паша, присланный отъ султана съ привѣтствіемъ и съ богатыми дарами, состоявшими изъ лошадей, шалей и оружія. Онъ сказалъ мнѣ, что вы-

брашъ для этой миссіи своимъ повелителемъ, какъ начальникъ смежныхъ турецкихъ областей, и присланъ за мной приказаніями.

«Въ деревнѣ Мастеры мы вступили въ Армянскую область. Ожидавшіе меня тутъ армянскіе беки и меліки и курдскіе старшины сопровождали насъ до нашего почлега въ Сардаръ-Абадѣ.

«Здѣсь край становится еще живописнѣе. Араратъ открывается во всемъ своемъ величіи, образуя задній планъ картины, и невольно переноситъ мысль къ воспоминанію о сѣдой старинѣ.

«Спустившись въ долину, я увидѣлъ передъ собою выстроенную къ бою безподобную конницу кенгерли, въ однообразномъ одѣяніи и на чудесныхъ лошадяхъ; начальникъ ея, Эсханъ-ханъ, подскакавъ ко мнѣ, отпраповалъ по-русски, какъ бы офицеръ нашихъ регулярныхъ войскъ. Съ этою свитою я подъѣхалъ къ знаменитому Эчміадзинскому монастырю, передъ которымъ встрѣтилъ меня армянскій патріархъ Іоанесъ — верхомъ. Сойдя съ лошади, онъ произнесъ рѣчь и потомъ опять, сѣвъ верхомъ, продолжалъ вмѣстѣ со мною пестіе къ стѣнамъ древней своей обители, этого капища армянской народности и религіи. Епископы и архимандриты, тоже всѣ верхами, придавали нашему поѣзду что-то странное и почти театральное; лошади патріарха вели подъ уздцы два шатира, или скорохода, а за нимъ ѣхало челоуѣкъ 50 почетной его стражи въ подумонашескомъ одѣяніи, и два духовныхъ сановника, одинъ съ его посохомъ, а другой съ хоругвей, что означало соединеніе въ лицѣ патріарха власти духовной съ свѣтскою и военною. Наконецъ, впереди всѣхъ патріаршій конюшій велъ двухъ заводныхъ лошадей подъ богатыми пононами. Когда мы въ такой процессіи подъѣхали къ стѣнамъ Эчміадзина, звонъ всѣхъ колоколовъ монастырскихъ и ближайшихъ церквей слился съ пѣніемъ духовныхъ стихиръ и съ криками народа, отовсюду сбѣжавшагося. Внѣ монастырской ограды стояли монахи, и два епископа во всемъ архіерейскомъ облаченіи поднесли мнѣ: одинъ—приложиться чудотворную икону, а другой—хлѣбъ и соль. Патріархъ отдѣлился отъ меня у Сѣверныхъ воротъ собора, чтобы войти въ южныя и принять меня передъ алтаремъ, тоже въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ и со всѣмъ блескомъ своего сана. Здѣсь Іоанесъ произнесъ вторую привѣтственную рѣчь, и затѣмъ своды древняго храма огласились пѣніемъ стихиръ на срѣтеніе царя, не раздававшихся здѣсь въ теченіе семи вѣковъ. Приложившись къ мощамъ, почивающимъ въ соборѣ болѣе тысячелѣтія, я все съ тою же многочисленною свитою обошелъ ризницу, синодальныя палаты, семинарію, типографію и трапезу, а потомъ зашелъ къ патріарху, который, призывая на меня и на мое потомство благословеніе Божіе, вручилъ мнѣ въ даръ часть животворящаго креста Господня.

«По выходѣ изъ монастыря, своими богатствами не исполнивъ отвѣтлившаго мнѣ ожиданія, я сдѣлалъ смотръ конницы кенгерли, которая сопровождала меня оттуда до Эривани. Здѣсь, помолившись въ соборѣ¹, я удалился въ приготовленный для меня домъ, очень радуясь возможности наконецъ отдохнуть.

«6-го октября я принялъ наследника персидскаго трона Валіята, дитя семи лѣтъ, при которомъ находился посоль отъ шаха. Посадивъ мальчика, очень хорошенькаго, къ себѣ на колѣни, я обратился къ послу съ весьма серьезною рѣчью, изъяснивъ ему, что всѣ его увѣренія прекрасны на словахъ, но что я не могу довѣрять имъ, пока Персія не только поощряетъ побѣги нашихъ солдатъ, но и образуетъ изъ нихъ особое войско, что я требую выдачи этихъ дезертировъ въ наискорѣйшемъ времени, безъ чего буду считать Персію въ непріязненныхъ къ намъ отношеніяхъ; наконецъ, что, строго наблюдая съ моей стороны всѣ трактаты, я сумѣю принудить и шаха къ точному ихъ исполненію. Впрочемъ мы разстались съ посломъ добрыми друзьями, и онъ подарилъ мнѣ отъ имени шаха прекрасныхъ лошадей, жемчугу и множество шалей.

«Переночевавъ въ этотъ день въ Чухлы, а 7-го въ Каді, я 8-го октября, въ 3 часа пополудни, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Тифлисъ. Прибытіе мое было возвѣщено пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ; множество народа наполняло улицы и плоскія крыши домовъ, а разнообразіе богатыхъ одѣяній туземцевъ представляло прекрасный видъ. Не могу иначе изобразить вамъ радуніе сдѣланнаго мнѣ пріема, какъ сравнивъ его съ встрѣчами, дѣлаемыми мнѣ всегда здѣсь, въ Москвѣ, и нельзя не дивиться, какъ чувства народной преданности къ лицу монарха не изгладились отъ того сквернаго управленія, которое, сознаюсь къ моему стыду, такъ долго тяготѣетъ надъ этимъ краемъ.

«Тифлисъ—большой и прекрасный городъ, съ азіатскою внутренностію, но съ предмѣстьями уже въ нашемъ вкусѣ и со многими домами, которые не обезобразили бы и Невскаго проспекта.

«Утромъ, 9-го октября, помолвившись въ Успенскомъ соборѣ, посреди огромнаго стеченія народа, я присутствовалъ при разводѣ отъ Эриванскаго карабинернаго полка, въ полдень принималъ хановъ и почетныхъ лицъ разныхъ горскихъ племенъ, собравшихся въ Тифлисъ къ моему пріѣзду, и потомъ осматривалъ корпусный штабъ, больницу, арсеналъ, казармы Кавказскаго сапернаго баталіона, устроенную при немъ школу съ училищемъ для молодыхъ грузинскихъ дворянъ и тюрьму. Все оказалось въ отличномъ порядкѣ.

¹ «Que j'avais fait bâtir». (Замѣтка императора Николая).

«10-го октября я слушалъ обѣдню въ церкви св. Георгія и смотрѣлъ войска, составляющія тифлисскій гарнизонъ. Хороши, въ особенности артиллерія.

«11-го октября, послѣ развода, бывшаго отъ своднаго учебнаго баталіона, и осмотра военнаго госпиталя, комиссаріатскаго депо и шелкоткальной фабрики, я принялъ грузинскихъ князей и дворянъ, составившихъ мой конвой и теперь содержавшихъ караулъ передъ моею комнатою. Они явились верхомъ на лучшихъ своихъ коняхъ и въ богатѣйшихъ нарядахъ, и соперничали между собою въ скачкѣ и въ искусствѣ владѣть оружіемъ. Одинъ ловчѣе другого, и между ними было немало такихъ, которые свели бы съ ума нашихъ дамъ.

«Вечеромъ я присутствовалъ на довольно многлюдномъ балѣ. Дамы были большею частью въ національномъ костюмѣ, скрадывающемъ талію и вообще не слишкомъ граціозномъ, тогда какъ сами по себѣ многія изъ нихъ блестятъ истинно восхитительною красотою, чего нельзя сказать, по крайней мѣрѣ, въ массѣ обѣ ихъ умѣ.

«Видѣнное мною въ Грузіи вообще довольно меня удовлетворило. Положеніе дорогъ и Гумрійская крѣпость свидѣтельствуютъ о попечительности барона Резена, но въ администраціи есть разныя закоренѣлыя безпорядки, превосходящія всякое вѣроятіе. Сенаторъ баронъ Ганъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ ревизующій этотъ край, открылъ множество вещей ужасныхъ, которыя, начавшись, впрочемъ, задолго до управленія барона Розена, должны были до крайности раздражить здѣшнее населеніе, сколько оно ни привыкло къ слѣпой покорности. Вездѣ страшное самоуправство и мошенничество. Въ числѣ прочихъ частей, и военные начальники позволяли себѣ неслыханныя злоупотребленія.

«Такъ, князь Дадіанъ, зять барона Розена и мой флигель-адъютантъ, командовавшій полкомъ всего въ 16-ти верстахъ отъ Тифлисской заставы, выгонялъ солдатъ и особенно рекрутъ рубить лѣсъ и косить траву, нерѣдко еще въ чужихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и потомъ промышлялъ этою своею добычею въ самомъ Тифлисѣ, подъ глазами начальства; кромѣ того, онъ заставлялъ работать на себя солдатскихъ женъ и выстроилъ съ своими солдатами, вмѣсто казармы, мельницу, а въ отпущенныхъ ему на то значительныхъ суммахъ даже не подѣлился съ бѣдными нижними чинами; наконецъ этотъ молодчикъ сданныхъ ему 200 человекъ рекрутъ, вмѣсто того, чтобы обучать ихъ строю, заставилъ, босыхъ и необмундированныхъ, пасти своихъ овецъ, воловъ и верблюдовъ. Это было уже черезчуръ, и по дошедшему до меня о томъ первому свѣдѣнію я въ ту же минуту отправлялъ на мѣсто моего флигель-адъютанта Васильчикова, изслѣдованіемъ котораго все было раскрыто точно такъ, какъ я вамъ сейчасъ рассказалъ. Въ виду такихъ мерзостей надо было показать примѣръ строгаго взысканія.

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

«У развода я велѣлъ коменданту сорвать съ князя Дадіана, какъ недостойнаго оставаться моимъ флигель-адъютантомъ, аксельбантъ и мой пифрѣ, а самого его тутъ же съ площади отправить въ Бобруйскую крѣпость для преданія несотложно военному суду.

«Не могу сказать вамъ, чего стоила моему сердцу такая строгость, и какъ она меня разстроила; но въ надеждѣ, поражая виновнѣйшаго изъ всѣхъ, собственнаго моего флигель-адъютанта и зятя главноуправляющаго, спасти прочихъ полковыхъ командировъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ подобнымъ же злоупотребленіямъ, я утѣшался тѣмъ, что исполнилъ святой свой долгъ. Здѣсь это было бы дѣйствіемъ самовластнымъ, бесполезнымъ и предосудительнымъ; но въ Азіи, удаленной огромнымъ разстояніемъ отъ моего надзора, при первомъ моемъ появленіи передъ Закавказскою моею арміею, необходимъ былъ громовый ударъ, чтобы всѣхъ устрашить и, вмѣстѣ, чтобы доказать храбрымъ моимъ солдатамъ, что я умѣю за нихъ заступиться. Впрочемъ, я вполне чувствовалъ весь ужасъ этой сцены и, чтобы смягчить то, что было въ ней жестокаго для Розена, тутъ же подозвалъ къ себѣ сына его, преображенскаго поручика, награжденнаго Георгіевскимъ крестомъ за Варшавскій штурмъ, и назначилъ его моимъ флигель-адъютантомъ на мѣсто недостойнаго его шурина.

«Я выѣхалъ изъ Тифлиса 12-го октября рано утромъ. Мнѣ дали кучера, который или не зналъ своихъ лошадей, или не умѣлъ ими править. Этотъ дуракъ началъ съ того, что сталъ ихъ стегать передъ спускомъ съ довольно большой крутизны, нѣсколько разъ прикасающейся къ краю бездонной пропасти. Вдругъ лошади понесли. Признаюсь вамъ, что минута была не шуточная. Опасность грозила очевидная, безъ всякаго средства спасенія; я всталъ въ коляскѣ, чтобы пособить кучеру сдерживать лошадей, однако напрасно; мнѣ припала нелѣпая мысль выскочить изъ коляски, но Орловъ разумно догадался удерживать меня. Мы уже видѣли передъ глазами смерть, какъ вдругъ сильнымъ толчкомъ опрокинулся экипажъ, и насъ отбросило въ сторону; я перекувырнулся нѣсколько разъ и тѣмъ на этотъ разъ отдѣлся; Орловъ порядочно ушибся; коляска, опрокинувшись, легла на два пальца отъ пропасти, въ которую безъ этого паденія мы неминуемо были бы сброшены; а какъ коляска находилась близко отъ края дороги, доказательство вамъ то, что обѣ уносныя повисли надъ пропастью на однихъ недоуздахъ, удержанныя единственно тяжестью опрокинутаго экипажа. Мы встали на ноги, немножко ошеломленные нашимъ полетомъ, и возблагодарили Бога за чудесное спасеніе.

«Между тѣмъ весь передокъ коляски былъ сломанъ. Такъ какъ у насъ въ Тифлисѣ имѣлась запасная, то я оставилъ на мѣстѣ Орлова распорядиться экипажами, а самъ продолжалъ путь верхомъ, на каза-

чьей лошади, и упалъ всѣмъ, какъ снѣгъ на голову, въ Квишетъ, у подножія главнаго перевала Кавказскаго хребта.

«13-го октября я сѣлъ опять на лошадь, чтобы переѣхать черезъ эту исполинскую цѣпь, отдѣляющую Европу отъ Азіи. Въ долину стояла еще прекрасная осень, а на горныхъ вершинахъ мы были встрѣчены 6-ти-градуснымъ морозомъ, и наши лошади каждую минуту скользили. Дорога, проложенная черезъ эти горы, скалы и стремнины, есть одна изъ величайшихъ побѣдъ человѣческаго искусства надъ природою. Вездѣ теперь можно ѣхать въ каретѣ четверкою въ рядъ, и только глаза пугаются окружающихъ ужасовъ.

«На почлегѣ въ Владикавказѣ меня ожидали мой конвой черкесовъ и линейныхъ казаковъ, возвращавшихся изъ Петербурга по выслугѣ срока своей службы, и депутаты отъ разныхъ горскихъ племенъ. Надо было видѣть взгляды, съ которыми мои молодцы казаки слѣдили за каждымъ движеніемъ этихъ господъ, изъ которыхъ, правда, у многихъ были настоящіе разбойничьи рожи.

«Я растолковалъ депутатамъ, чего желаю отъ ихъ единоплеменниковъ не для увеличенія могущества Россіи, а для собственнаго ихъ блага и для спокойствія ихъ семействъ; сказалъ имъ далѣе, что они, для удостовѣренія въ истинѣ моихъ словъ, могутъ спросить присутствующаго тутъ муллу, который, по моему повелѣнію, прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, чтобы учить магометанскому закону ихъ собратій и дѣтей, вѣранныхъ моему воспитанію, наконецъ, заключилъ тѣмъ, что я требую только, чтобы они жили спокойно, наслаждаясь благами своей прекрасной родины, и не покушались бороться противъ неодолимой для нихъ силы русскаго оружія.

«Они, кажется, вразумились моими словами, и мы разстались пріятелями; притомъ всѣ изъявляли желаніе проводить меня до Екатеринодара. Такимъ образомъ, въ моемъ конвоѣ было, по крайней мѣрѣ, вчетверо болѣе враговъ, чѣмъ своихъ, и всѣ усердствовали защищать меня противъ самихъ же себя. Все это представляло довольно любопытное зрѣлище. Нѣкоторые изъ отцовъ просили меня взять ихъ дѣтей на воспитаніе.

«Надо сказать, что до сихъ поръ мѣстное начальство принималось за свое дѣло совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ; вмѣсто того, чтобы покровительствовать, оно только утѣсняло и раздражало; словомъ, мы сами создали горцевъ, каковы они есть, и довольно часто разбойничали не хуже ихъ. Я много толковалъ объ этомъ съ Вельяминовымъ, стараясь внушить ему, что хочу не побѣдъ, а спокойствія; и что и для личной его славы, и для интересовъ Россіи надо стараться приглубить горцевъ и привязать ихъ къ русской державѣ, ознакомивъ этихъ дикарей съ выгодами порядка, твердыхъ законовъ и просвѣщенія; что безпре-

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

станнныя съ ними стычки и вѣчная борьба только все болѣе и болѣе удаляютъ ихъ отъ насъ и поддерживаютъ воинственный духъ въ племенахъ, безъ того любящихъ опасности и кровопролитіе.

«Я самъ тутъ же написалъ Вельяминову новую инструкцію и приказалъ учредить въ разныхъ пунктахъ школы для дѣтей горцевъ, какъ вѣрнѣйшее средство къ ихъ обрусенію и къ смяченію ихъ нравовъ. Надѣюсь, что Вельяминовъ меня понялъ, и впередъ дѣло пойдетъ лучше. Розень сдѣлалъ много хорошаго, но по слабости своей еще больше попустилъ безпорядковъ и злоупотребленій, такъ что зло беретъ верхъ надъ добромъ, и я велѣлъ Орлову присовѣтовать ему просить увольненія отъ должности. Надо позаботиться о немедленномъ его замѣщеніи, и я уже написалъ князю Паскевичу, чтобы онъ уступилъ мнѣ Головина.

«Осмотрѣвъ въ Владикавказѣ военный госпиталь и въ Пятигорскѣ, 16-го октября, все заведеніе минеральныхъ водъ, офицерскую больницу, казармы военно-рабочей команды, церковь и гулянья, я къ ночи переѣхалъ въ Георгіевскъ, гдѣ успѣлъ взглянуть на арсеналь и госпиталь. Тутъ я принялъ депутацію закубанскихъ племенъ и сказалъ имъ почти то же самое, что прежде говорилъ другимъ депутатамъ въ Владикавказѣ.

«Я осмотрѣлъ находящіеся въ Ставрополѣ войска, а потомъ военный госпиталь, который размѣщенъ по частнымъ домамъ; при сильномъ движеніи черезъ этотъ городъ на линію и въ Грузію необходимо поскорѣе выстроить для военнаго госпиталя большое особое зданіе.

«До Ставрополя сопровождали меня мои черкесы и казаки, никакъ не согласившіеся уступить другимъ чести меня конвоировать; они собирались скакать еще и далѣе, но я не допустилъ ихъ до того и простился тутъ съ этими людьми, показавшими мнѣ истинно трогательную преданность.

«19-го октября, въ 3 часа пополудни, я прибылъ въ Аксайскую станицу на Дону, гдѣ ждалъ меня мой сынъ, въ качествѣ атамана всѣхъ казачьихъ войскъ. Остатокъ дня и всю ночь я чувствовалъ себя очень нехорошо, такъ что даже принужденъ былъ принять лѣкарство и провести все 20-е число въ Аксаѣ. На слѣдующій день мы отправились въ Новочеркасскъ, куда вѣхали верхами. У заставы насъ встрѣтилъ наказной атаманъ, весь израненный старикъ. Власовъ, съ генералами своего штаба, множествомъ офицеровъ и толпою любопытныхъ, которые всѣ проводили насъ до собора. Тутъ стоялъ войсковой кругъ, съ войсковыми регаліями, посреди которыхъ архіерей и прочее духовенство встрѣтили меня съ крестомъ и святою водою.

«Выйдя изъ церкви, я взялъ изъ рукъ храбраго Власова атаманскую булаву и вручилъ ее наслѣднику, въ знакъ главнаго его началь-

ствованія надъ всѣми казачьими войсками. Пальба изъ всѣхъ орудій города возвѣстила введеніе его въ должность.

«22-го октября новый атаманъ представилъ мнѣ войска, собранныя подъ Новочеркасскомъ. Всего было въ конномъ строю до 18.000 человекъ. Кромѣ четырехъ гвардейскихъ эскадроновъ, полковъ атаманскаго и учебнаго и артиллеріи, все прочее — совершенная дрянь: негодныя лошади, люди, дурно одѣтые, сами офицеры, плохо сидящіе на конѣ. Къ искреннему моему сожалѣнію, все это показалось мнѣ скорѣе толпою мужиковъ, нежели военнымъ строемъ. Продолжительный миръ и довольство обабилъ казаковъ: они обратились просто въ земледѣльцевъ, какъ иначе и быть не могло при отдаленности ихъ отъ границъ и отъ всякой опасности. Надо будетъ подумать о преобразованіи ихъ устройства.

«За обѣдомъ у меня, къ которому были приглашены всѣ генералы и полковники, я откровенно высказалъ имъ мое мнѣніе. Старые усачи сами стыдились того плохого положенія, въ которомъ вывели передъ меня свое войско.

«Вечеромъ я былъ на балѣ и не могу сказать, чтобы дамы поразили меня своею красотою или изяществомъ своихъ манеръ; но устройство и роскошь праздника еще болѣе меня убѣдили, что казаки промѣняли прежнюю суровость своихъ нравовъ на утонченныя наслажденія образованности. Къ несчастію, для возстановленія прославленной ихъ удалы нужна бы продолжительная война. Это послѣднее явленіе въ драмѣ моего путешествія не было утѣшительно.

«23-го октября, утромъ, вы выѣхали въ Воронежъ, куда прибыли 24-го, вечеромъ. Поблагодаривъ тамъ Бога и святого его угодника за благополучное совершеніе длиннаго и труднаго пути, я уже нигдѣ болѣе не останавливался до Москвы».

Государь, располагая осмотрѣть еще войска въ Чугуевѣ и Ковнѣ и побывать въ Варшавѣ, всемирно ускорялъ нашу поѣздку и уже успѣлъ выиграть нѣсколько дней противъ маршрута. Мы мчались съ ужасающею быстротою, впрочемъ по хорошей дорогѣ и на славныхъ лошадяхъ. Ночная темнота, застигшая насъ по выѣздѣ изъ Пензы, нисколько не умалила скорости нашей ѣзды. Государь и я крѣпко спали въ коляскѣ, какъ вдругъ, въ часъ пополудни, 26-го августа, насъ разбудилъ крикъ фореитора и кучера; лошади понесли, и почти въ ту же минуту коляска опрокинулась съ грохотомъ пушечнаго выстрѣла. «Это ничего!» — вскричалъ государь. Очутившись, самъ не знаю какъ, на ногахъ возлѣ опрокинутаго экипажа, я увидѣлъ кучера государева, Колчина, и камердинера Малышева (спѣвшаго также на козлахъ) лежащими безъ чувствъ; паденіе коляски и родъ небольшого вала, на который свернули лошади, тотчасъ остановили ихъ стремительный бѣгъ. «Выходите!» —

закричалъ я государю; но такъ какъ онъ не отвѣтилъ, то я схватилъ его за воротникъ шинели и вытащилъ изъ коляски; тутъ, увидѣвъ, что ему сдѣлалось дурно, я, поддерживая его, отвелъ и посадилъ въ ровъ, окаймлявшій дорогу и находившійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ коляски¹. Первые его слова были: «Я чувствую, что у меня переломлено плечо; это хорошо: значить, Богъ вразумляетъ меня, что не надо дѣлать никакихъ плановъ, не испросивъ Его помощи». Въ это время показался прохожій: то былъ старый отставной солдатъ, съ увѣщенной медалями грудью. Я подозвалъ его и, давъ поддержать факель, принесенный рейткнехтомъ, который приближалъ въ испугѣ съ передовой телѣги, приказалъ остаться при государѣ, пока я съ рейткнехтомъ посмотрю, какъ помочь кучеру и камердинеру; послѣдній, весь въ крови, стоналъ, а первый не давалъ никакого признака жизни. Тогда я послалъ рейткнехта въ его телѣгу за врачомъ и другимъ экипажемъ на ближайшую станцію — городокъ Чембаръ, до котораго намъ оставалось всего пять верстъ. Государь между тѣмъ разговаривалъ съ державшимъ факель солдатомъ и самъ, приподнявшись, чтобы пособить намъ ухаживать за камердинеромъ, замѣтилъ, что у меня ушибъ на лбу, чего я прежде сгоряча не почувствовалъ. Тутъ наступилъ насъ слѣдовавшій всегда за государемъ фельдъегерь, котораго я тотчасъ отослалъ обратно, ускорить сколько можно прибытіе лейбъ-медика Арендта, ѣхавшаго въ одной коляскѣ съ генералъ-адъютантомъ Адлербергомъ и отставшаго въ пути. Покамѣстъ, я досталъ изъ кармана коляски хересу, которымъ обмылъ окровавленное лицо камердинера, принудивъ и государя, у котораго всякую минуту дѣлалась дурнота, выпить нѣсколько глотковъ. Видя передъ собою сидящимъ на голой землѣ, съ переломленнымъ плечомъ могущественнаго владыку нестой части вселенной, которому свѣтилъ старый инвалидъ, и, кромѣ меня, никто не прислуживалъ, я былъ невольно пораженъ этою наглядною картиною суеты и ничтожества земного величія. Государю пришла та же самая мысль, и мы разговорились объ этомъ съ тѣмъ религіознымъ чувствомъ, которое невольно внушала подобная минута.

До возвращенія изъ города рейткнехта прошелъ добрый часъ. Государь велѣлъ пріѣхавшему врачу заняться кучеромъ, который пришелъ между тѣмъ въ чувство, и камердинеромъ и уложить ихъ въ при-

¹ Эти слова зачеркнуты, и противъ нихъ написано императоромъ Николаемъ:

«Ce n'est pas exact. Quand Benkendorf fut debout, il me dit: sortez, sire; je lui répondis: c'est facile à dire sortez, mais je ne puis me soulever, je sens que mon épaule craque; et avec le plus pénible effort je parvins à me dégager de la voiture dont heureusement pour moi le soufflet avait été levé, ce qui probablement nous sauva la vie; à peine debout, je me sentis défaillir et le dis à Benkendorf».

бывшую коляску, а самъ, не допустивъ осмотрѣть своего перелома, сѣлъ въ нану, поднятую прѣхавшими людьми; но когда движеніе экипажа стало усиливать его страданія, то вышелъ изъ него и пошелъ дальше пѣшкомъ. Въ это время подскакали Арендтъ съ Адлербергомъ, а я побѣжалъ впередъ, чтобы похлопотать о какомъ нибудь помѣщеніи въ Чембарѣ. Тамъ все было погружено въ сонъ, и только разбуженный рейткнехтомъ городничій ждалъ у заставы. Отправившись вмѣстѣ съ нимъ къ уѣздному училищу, какъ единственному дому, въ которомъ, по его словамъ, представлялась возможность помѣстить нашего больного, я приказалъ наскоро очистить и освѣтить этотъ домъ и пустился назадъ навстрѣчу къ государю. Онъ уже дошелъ покуда до города и чувствовалъ себя крайне утомленнымъ; но, войдя въ импровизированную для него квартиру, сталъ шутить и, потребовавъ бумаги и карандашъ, написалъ императрицѣ цѣлыхъ четыре страницы въ такомъ юмористическомъ тонѣ, что, слушая это письмо, мы не могли удержаться отъ смѣха. Оно было тотчасъ отправлено съ нарочнымъ фельдъегеремъ; затѣмъ государь велѣлъ мнѣ дать знать во всѣ мѣста, чрезъ которыя лежалъ нашъ дальнѣйшій маршрутъ, чтобы его туда не ждали, а Адлербергу, завѣдывавшему въ пути военною частію, приказалъ разослать такія же извѣщенія князю Паскевичу, военному министру и начальникамъ собранныхъ на разныхъ пунктахъ войскъ. Уже только послѣ всего этого онъ, обратившись къ Арендту, сказалъ: «Ну, теперь твоя очередь, вотъ тебѣ моя рука: займись ею». Въ продолженіе всей перевязки онъ шутилъ съ нами и милостиво старался ободрить чембарскаго эскулана, сильно переконфуженнаго неожиданною честью ухаживать за своимъ монархомъ.

У государя дѣйствительно оказалась переломленною ключица.

Когда его уложили, я принялся за всѣ нужныя распоряженія для помѣщенія свиты и возвращенія передовой коляски, находившейся съ прочими камердинерами государевыми уже въ Тамбовѣ. Городокъ, въ которомъ мы принуждены были устроиться, одинъ изъ самыхъ ничтожныхъ въ цѣлой имперіи, не представлялъ никакихъ мѣстныхъ ресурсовъ; поэтому надо было тотчасъ позаботиться о снабженіи нашей кухни нужными припасами, добыть какую нибудь мебель, вывезти изъ Москвы вина, образовать родъ пожарной команды на случай огня въ нашемъ деревянномъ домишкѣ, покрытомъ въ большей его части соломой; наконецъ устроить движеніе курьеровъ и дать повсемѣстно знать о новой резиденціи государя. Все это обошлось безъ особенныхъ затрудненій. Безсрочноотпускные изъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ послѣпили къ намъ со всѣхъ концовъ губерніи, съ просьбою употребить ихъ въ дѣло; первыхъ я опредѣлилъ въ комнатную прислугу, а вторыхъ въ составъ полицейской команды. Чембарскіе жители цѣлыми

днями окружали наше скромное жилище въ грустномъ молчаніи, составляя такимъ образомъ постоянную царскую стражу и удаляя всякій шумъ: даже и между собою они шептались на ухо, какъ бы въ комнатѣ самого больного. Сосѣдніе помѣщики наслали фруктовъ и запасовъ всякаго рода, и кладовыя нашего дорожнаго метрдотеля Миллера вскорѣ обильно всѣмъ наполнились. Изъ окрестностей навезли даже цвѣтовъ и померанцевыхъ деревьевъ для убранства оконъ и комнатъ. Дамы и люди богатые и бѣдные пріѣзжали за сто, за двѣсти верстъ, точно на богомолье, чтобы освѣдомляться о здоровьи государя и въ надеждѣ какъ нибудь на него взглянуть. По мѣрѣ того, какъ слухъ о несчастномъ приключеніи долеталъ до сосѣднихъ губерній, стали являться посланные и отъ тамошнихъ дворянскихъ и городскихъ обществъ, съ разспросами о положеніи обожаемаго монарха. Ежедневно выходилъ бюллетень, за подписаніемъ Арендта и мѣстнаго врача, очень смысленаго молодого человѣка, и этотъ бюллетень пересылался въ Москву, въ Петербургъ и по всѣмъ трактамъ, шедшимъ отъ Чембара. Я едва успѣвалъ отписываться на письма, которыя приходили ко мнѣ съ нарочными. Вся имперія была въ тревожномъ испугѣ, и Чембаръ сдѣлался средоточіемъ всѣхъ страховъ и всѣхъ надеждъ. Въ Петербургѣ императрица съ тою твердостью, которою она умѣетъ вооружаться въ важныхъ случаяхъ, старалась умѣрять народныя опасенія, съ одной стороны, часто показываясь передъ публикою на островахъ, а, съ другой, сообщая каждому, кто только имѣлъ къ ней доступъ, утѣшительныя извѣстія, ежедневно получавшіяся ею въ письмахъ государя, столько же пространныхъ, сколько и написанныхъ всегда въ самомъ веселомъ тонѣ. Но въ сущности было не совсѣмъ то. Государь жестоко страдалъ. Въ началѣ нашего пребыванія въ Чембарѣ стояли тамъ страшныя жары, и плохенькій домикъ нашъ, обратившійся во дворецъ повелителя Россіи, не представлялъ никакого пріюта отъ томительной духоты. Въ первую минуту врачи не замѣтили, что, кромѣ ключицы, было переломлено и верхнее ребро, отъ чего естественно усугублялись боли. Впрочемъ больной, если по временамъ и жаловался, то и тутъ проявлялъ ту желѣзную твердость характера, которая ставила его такъ высоко надъ другими людьми, даже и при перенесеніи физическихъ страданій. Онъ продолжалъ заниматься дѣлами, какъ бы въ своемъ кабинетѣ въ Зимнемъ дворцѣ; курьеры привозили всѣ текущіе доклады министровъ, и все было имъ высылаемо обратно обыкновеннымъ порядкомъ. Въ свободныя минуты государь читалъ газеты и даже романы, но скучалъ этимъ чтеніемъ, въ постоянной тревогѣ о безпокойствѣ своей семьи и своего народа и о разстройствѣ, происшедшемъ въ его маршрутѣ. Онъ боялся, кромѣ того, чтобы императрица не рѣшилась сама пріѣхать въ Чембаръ, что могло бы повредить ея здоровью и еще

болѣе напугать всю Россію. Хотя онъ еще въ первомъ своемъ письмѣ именно запретилъ ей думать о такой поѣздкѣ, о чемъ написалъ и князю Волконскому (министру императорскаго двора). однако, зная нѣжную къ себѣ привязанность своей супруги, все продолжалъ опасаться, чтобы она не нарушила его запрещенія, и я на этотъ случай уже готовилъ для нея домъ присутственныхъ мѣстъ.

Врачи объявили, что надо пробывать въ Чембарѣ, по крайней мѣрѣ, три недѣли и потомъ дѣлать самые короткіе переѣзды. Эта перспектива еще болѣе волновала нетерпѣливый нравъ государя и даже замедляла его выздоровленіе. Притомъ первая перевязка, которую сняли только черезъ трое сутокъ, такъ сдавила ему животъ, что къ прежнимъ страданіямъ прибавились еще желудочныя судороги, съ нестерпимыми болями. Бѣдный Арендтъ не зналъ, что начать, особенно потому, что больной не соглашался принимать большую часть его лѣкарствъ, или сердился, когда они не доставляли ему облегченія. Разъ, ночью, государь почувствовалъ себя такъ дурно, что даже потребовалъ священника для напутствія къ смерти, и между тѣмъ все это, по точному и строгому его приказанію, должно было оставаться тайною и для императрицы и для всѣхъ. Во мнѣ лично такая таинственность, усиливая тяготѣвшую на мнѣ отвѣтственность, не могла не увеличивать еще болѣе тревожной заботы. Въ присутствіи больного я всегда старался казаться спокойнымъ и веселымъ; но сердце мое было истерзано, и я вполне обрисовывалъ себѣ весь ужасъ моего положенія въ отношеніи къ императрицѣ, къ наследнику престола и къ цѣлой имперіи. Дорожные мои спутники, Адлербергъ и прусскій полковникъ Раухъ, въ особенности же Арендтъ, съ ранняго утра приходили вливать передо мною въ жалобахъ и плакать, и мнѣ же еще доводилось утѣшать ихъ и ободрять унывавшаго лейбъ-медика. Утромъ до обѣда и потомъ опять послѣ стола я оставался у государя по цѣлымъ часамъ, стараясь развлекать его разговорами; въ промежутки моего отсутствія Адлербергъ поутру приносилъ ему бумаги по военному министерству, а вечеромъ что нибудь читалъ. Кромѣ того, въ Чембарѣ были вызваны съ докладами командиръ черноморскаго флота Лазаревъ и начальникъ кавалерійскихъ военныхъ поселеній графъ Виттъ, которыхъ государь, по прежнему маршруту, думалъ видѣть въ Чугуевѣ; часто также наѣзжали разные другіе генералы, флигель-адъютанты и проч., что хотя нѣсколько разгоняло скуку нашей однообразной жизни. Иногда государь прохаживался по двору своего дома, и тогда, счастливый, какъ узникъ, вырвавшійся изъ своей тюрьмы, любилъ встрѣчаться и шутить съ нами. Но желудочныя боли, ежедневно возвращавшіяся, очень его беспокоили; пребываніе въ Чембарѣ становилось ему съ каждымъ часомъ нестерпимѣе, и желаніе скорѣе оставить этотъ несносный городъ все сильнѣе

высказывалось, отражаясь и на расположеніи его духа. Трехнедѣльный срокъ казался ему цѣлою вѣчностью. Арендтъ, котораго все болѣе пугало и состояніе здоровья больного и его раздражительность, не могъ не видѣть, что потерялъ его довѣріе. Однажды бѣднякъ, изливая мнѣ, весь въ слезахъ, свое сокрушеніе, объявилъ, что единственнымъ средствомъ успокоить моральное раздраженіе государя считаетъ отъѣздъ изъ Чембара, хотя, съ другой стороны, движеніе экипажа можетъ увеличить страданія отъ перелома. Я расчелъ, что изъ двухъ бѣдъ послѣдняя — меньшая, и, несмотря на то, что съ нашего приключенія не минуло еще и двухъ недѣль, мы порѣшили отправиться въ путь черезъ четверо сутокъ. Вѣсть о томъ неописуемо обрадовала государя, и я тотчасъ занялся дорожными сборами. Но едва прошли первыя сутки, какъ государь вдругъ потребовалъ меня къ себѣ и, сѣдя на постели, съ сверкающими глазами, съ суровымъ выраженіемъ лица, почти закричалъ мнѣ: «Я ѣду непременно завтра утромъ въ 9 часовъ, и если вы не можете везти меня, то уйду пѣшкомъ». Никогда еще въ жизни онъ не выражался со мною такимъ повелительнымъ и рѣзкимъ тономъ. Видя его въ этомъ положеніи, я только спросилъ, переговорено ли уже объ этомъ съ докторами. «Это не ихъ дѣло», — возразилъ онъ въ томъ же тонѣ. Тогда я отвѣчалъ, что сдѣлаю сейчасъ все нужныя распоряженія, хотя не легко собраться въ какіе нибудь двѣнадцать часовъ. Едва, однако, я принялся за дѣло, какъ меня снова позвали къ государю. Выраженіе лица и голосъ его уже были опять обычные и, по докладу моему, что все будетъ готово къ назначенному времени, онъ тотчасъ развеселился и приказалъ мнѣ наградить всѣхъ прислуживавшихъ ему въ Чембарѣ, а также раздать значительныя суммы въ церковь, въ училище и на бѣдныхъ.

Въ слѣдующее утро государь былъ одѣтъ уже съ семи часовъ и торопился всѣхъ къ отъѣзду. Поблагодаривъ городничаго, уѣзднаго предводителя дворянства, жандармскаго полковника и безсрочныхъ, прислуживавшихъ въ комнатахъ, онъ пошелъ пѣшкомъ въ церковь, въ которую втѣснилось все чембарское населеніе. Послѣ краткаго молебствія мы всѣ вмѣстѣ съ нимъ уѣхали въ выписанную мною нарочно изъ Пензы длинную, низкую и казавшуюся болѣе спокойною, чѣмъ коляска, линейку и, напутствуемые благословеніями толпы, пустились въ дорогу по прекраснѣйшей погодѣ.

Прожитыя нами въ Чембарѣ двѣ недѣли, съ 26-го августа по 9-е сентября, казались мнѣ цѣлымъ годомъ, и я не менѣе государя радовался, что мы оставляемъ это скучное мѣсто. Первыя 20 верстъ все шло безподобно, и государь шутилъ съ Арендтомъ надъ медицинною вообще и надъ его невѣжествомъ въ частности. Но потомъ возобновились желудочныя судороги, и, пересѣвъ въ свою коляску, уже одинъ,

чтобы скрыть отъ насъ свои страданія, онъ пріѣхалъ на почлегъ совсѣмъ разнемогшійся и въ дурномъ расположеніи духа. Городокъ Кирсановъ, въ которомъ мы почевали, не могъ, къ несчастію, доставить больному большихъ удобствъ, и рано утромъ мы въ ужасное ненастье тронулись далѣе, сильно встревоженные положеніемъ государя.

Второй почлегъ былъ въ Тамбовѣ, куда мы пріѣхали въ 2 часа пополудни. Встрѣчи государю въ его путешествіяхъ по Россіи вездѣ, особенно же въ губернскихъ городахъ, бывали всегда самыя шумныя, но здѣсь случилось совершенно противное; огромныя массы народа, въ экипажахъ и пѣшкомъ, правда, точно также тѣснились вокругъ государевой коляски, но въ совершенномъ молчаніи, боясь обезпокоить его малѣйшимъ шумомъ. Эта благоговѣйная тишина, плоть такихъ чистыхъ побужденій, говорила сердцу еще краснорѣчивѣе, чѣмъ всѣ восторженные клики, къ которымъ въ продолженіе десяти лѣтъ народная любовь пріучила государя. Толпа цѣлый день не покидала площади передъ домомъ, гдѣ онъ остановился, и, храня все то же безмолвіе, не отрывала глазъ отъ временнаго жилища своего монарха. Утромъ, при оставленіи нами Тамбова, дамы въ экипажахъ старались объѣхать государеву коляску, чтобы имѣть счастье взглянуть на него; когда же мы выѣхали на широкую столбовую дорогу, то началась настоящая скачка: одни экипажи стремились опередить другіе, рискуя ежеминутно быть опрокинутыми, что продолжалось нѣсколько верстъ. Эта живая панорама счастливыхъ и хорошенькихъ личекъ, безпрестанно мелькавшихъ передъ глазами государя и ежеминутно смѣнявшихся новыми, очень его забавляла.

Слѣдующіе почлеги были въ Козловѣ, Рязскѣ, Рязани и Коломнѣ, и вездѣ насъ принимала та же самая благоговѣйная тишина со стороны народныхъ массъ, какъ бы всѣ онѣ были связаны одною электрическою нитью. Здоровье нашего больного нисколько, однако же, не поправлялось, и вмѣстѣ съ безпокойствомъ Арендта возрастали и наши страхи. По прибытіи въ Москву, государь протѣждовалъ ее почти во всю длину, отъ Коломенской заставы до Орловской своей дачи, сидя въ коляскѣ одинъ, чтобы имѣть болѣе простора для своей руки. Мы вдвоемъ съ Арендтомъ пріѣхали полчасомъ позже и нашли его крайне разнѣваннымъ. Всѣмъ городскимъ властямъ заранѣе было запрещено встрѣчать или ожидать государя; но никому не дано было предвидѣть, что у каждой изъ безчисленныхъ церквей, мимо которыхъ лежалъ его путь, будетъ выходить духовенство съ крестами и святою водою. Это заставляло его безпрестанно снимать фуражку и прикладываться къ крестамъ, тогда какъ онъ для обереженія руки былъ весь обложенъ подушками и вальками.

Вслѣдствіе того государь приказалъ мнѣ вытребовать къ себѣ правившаго должность военнаго генералъ-губернатора графа Толстого и

московскаго коменданта и сдѣлать имъ его именемъ строгій выговоръ. Послѣ обѣда я доложилъ его величеству, что не могъ исполнить полученнаго приказанія, потому что и Толстой и комендантъ предупреждали духовенство не дѣлать такой встрѣчи, которая въ обычаѣ единственно при вѣздѣ императора въ Москву передъ коронаціею; но митрополитъ, вопреки тому, именно велѣлъ всѣмъ причтамъ встрѣтить государя у церковныхъ папертей, въ томъ предположеніи, что это будетъ принято знакомъ благоговѣйнаго сочувствія къ выздоровленію монарха.

— Такъ вымой голову митрополиту, — отвѣчалъ онъ мнѣ.

Государь обѣщалъ намъ отдохнуть въ Москвѣ нѣсколько времени и потомъ останавливаться въ дорогѣ на каждую ночь; но его нетерпѣніе взяло верхъ, и я получилъ приказаніе стотовиться къ отъѣзду не далѣе, какъ на слѣдующій день. Утромъ, отслушавъ обѣдню въ домовоѣ церкви и принявъ графа П. А. Толстого (правившаго должность военнаго генералъ-губернатора) и князя С. М. Голицына (предсѣдателя опекунскаго совѣта, весьма любимаго императорскимъ домомъ), государь сѣлъ въ коляску опять одинъ и, отъѣзжая, сказалъ мнѣ, что будетъ обѣдать на второй станціи отъ Москвы. Вмѣсто того, прибывъ на эту станцію, онъ немедленно потребовалъ лошадей и, нигдѣ не останавливаясь, примчался въ Царское Село такъ скоро, что при всей прыти мы поспѣли туда уже часомъ послѣ него. Императрица и вся царственная семья несказанно обрадовались внезапному появленію своего больного, а самъ онъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, что отдѣлался отъ не-сноснаго Чембара и могъ снова обнять всѣхъ своихъ. Когда я пришелъ во дворецъ, всѣ уже сидѣли вмѣстѣ за столомъ. Меня тотчасъ позвали въ столовую, и императорская чета поблагодарила меня отъ полноты сердца: государь за всѣ мои заботы о немъ въ продолженіе этого несчастнаго путешествія, а императрица за то, что я привезъ ей ея супруга.

Государь провелъ въ Царскомъ Селѣ безвыѣздно двадцать дней. 8-го октября онъ съѣздилъ въ Петербургъ, но только на двое сутокъ, и потомъ, вернувшись обратно въ осеннюю свою резиденцію, оставался тамъ до 7-го ноября, медленно оправляясь отъ послѣдствій своего паденія...

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Переѣздъ двора въ Москву.—Прибытіе цесаревича Константина Павловича.—Коронація императора Николая Павловича.—Милости и облегченія по случаю коронаціи.—Реформа въ придворномъ вѣдомствѣ.—Награды.—Отъѣздъ цесаревича Константина Павловича.—Письма его къ императору Николаю и Гагарпу.—Коронаціонныя празднества.—Отношенія императора Николая къ А. С. Пушкину.—Бенкендорфъ и Пушкинъ.—Поэтъ Полежаевъ.—Нерасположеніе государя къ А. П. Ермолову.—Запутанность дѣлъ въ Грузіи.—Посылка на Кавказъ генераль-адъютанта Паскевича.—Разрывъ съ Персіей.—Побѣда подъ Елисаветполемъ.—Интриги противъ Ермолова.—Аккерманская конвенція.—Сводъ мѣстнѣй декабристовъ о внутреннемъ положеніи государства.—Назначеніе графа Кочубея предсѣдателемъ комитета министровъ.—Указъ о народномъ образованіи.—Цензурный уставъ.—Посѣщеніе государемъ сената.—Назначеніе великаго князя Михаила Павловича командующимъ гвардейскимъ корпусомъ.—Его требовательность и горячность.	1
ГЛАВА ВТОРАЯ. Графъ Аракчесевъ.—Его письмо императору Николаю Павловичу.—Увольненіе Аракчсева отъ управленія военными поседеніями.—Исторія съ письмомъ императора Александра.—Паденіе Магницкаго и Рунича. . . .	39
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Пріѣздъ въ Петербургъ цесаревича Константина Павловича.—Заботы императора Николая Павловича о возрожденіи флота.—Образованіе морского министерства.—Рожденіе великаго князя Константина Николаевича.—Переписка государя съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.—Посылка на Кавказъ барона Дибича.—Увольненіе Ермолова.—Назначеніе новыхъ министровъ: графа Чернышсва военнымъ, князя Долгорукова юстиціи и Закревскаго внутреннихъ дѣлъ.—Письма Ермолова къ Погодину и Устрялову.—Военныя дѣйствія въ Персіи.—Взятіе Эривани.—Переговоры Паскевича съ Аббасъ-Мирзою.—Заключеніе мира въ Туркманчаѣ.—Награды Паскевичу.—Отношенія къ нему государя.—Отношенія цесаревича Константина Павловича къ Ермолову.—Польскія тайныя общества.	86
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Греческія дѣла.—Лондонскій договоръ.—Истребленіе турецкаго флота при Наваринѣ.—Послѣдствія Наваринской битвы.—Разрывъ съ Турціей.—Переписка государя съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ по поводу участія въ военныхъ дѣйствіяхъ польской арміи.—Отъѣздъ императора Николая Павловича въ дѣйствующую армію.—Учрежденіе временной верховной комисіи.—Планы военныхъ дѣйствій противъ Турціи.—Составъ дѣйствующей арміи.	103
ГЛАВА ПЯТАЯ. Открытіе военныхъ дѣйствій противъ Турціи.—Возвращеніе запорожцевъ, бѣжавшихъ за Дунай.—Многовластіе въ арміи.—Переправа черезъ Дунай.—Некрасовцы.—Покореніе придунайскихъ крѣпостей.—Взятіе Анапы.—Осада Варны.—Движеніе арміи къ Шумлѣ.—Бездѣльныя операціи противъ Шумлы.—Отъѣздъ императора Николая Павловича въ Одессу.—Неудачи.—	

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА

	СТРАН.
Неудовольствія государя противъ главнокомандующаго, графа Витгенштейна.— Возвращеніе государя въ лагерь подъ Варной.— Сдача Варны.— Окончаніе кампаніи.— Опасный переѣздъ государя въ Одессу на корабль «Императрица Марія».— Возвращеніе въ Петербургъ.— Расположеніе арміи на зимнія квартиры.— Побѣды Паскевича въ Азіатской Турціи.— Взятіе Карса.— Болѣзнь и кончина императрицы Маріи Осодоровны.— Принцъ Евгений Виртембергскій.— Учрежденіе IV Отдѣленія собственной его величества канцеляріи	127
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Иланъ кампаніи 1829 года.— Записка Н. В. Васильчикова.— Засѣданіе особаго Комитета.— Увольненіе графа Витгенштейна.— Назначеніе главнокомандующимъ Дибича.— Начало военныхъ дѣйствій.— Занятіе Эрзерума.— Коронованіе императора Николая Павловича въ Варшавѣ.— Поѣздка государя въ Берлинъ.— Возвращеніе въ Варшаву.— Побѣда при Кулевчѣ.— Подвигъ Козарскаго.— Сдача фрегата «Рафаиль».— Поѣздка государя по Россіи.— Выходъ Силистріи.— Пріѣздъ въ Петербургъ персидскаго принца Хозревъ-Мирзы.— Учрежденіе особаго секретнаго Комитета.— Переходъ черезъ Балканы.— Занятіе Адрианополя.— Заключеніе мира съ Турціей.— Награды по этому случаю.— Миѣнія объ Адрианопольскомъ договорѣ.— Болѣзнь императора Николая Павловича.— Ея благополучный исходъ	192
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Турецкое посольство въ Петербургъ.— Аудіенція Галиль-пашы у государя.— Записка, составленная по этому случаю.— Бесѣда государя съ Галиль-пашей передъ его отъѣздомъ.— Осмотръ императоромъ Николаемъ Павловичемъ военныхъ поселеній.— Неожиданный пріѣздъ государя въ Москву.— Выставка мануфактурной промышленности.— Возвращеніе государя въ Петербургъ.— Созваніе польскаго сейма.— Пребываніе государя въ Варшавѣ.— Рѣчь императора представителямъ Польскаго королевства.— Отъѣздъ государя изъ Варшавы.— Cholera.— Государственный переворотъ во Франціи.— Бесѣда государя съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, барономъ Бургоэномъ.— Поѣздка въ Финляндію.— Аудіенція барона Бургоэна у государя.— Политическая переписка императора Николая Павловича съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.— Письма графа Дибича въ Берлинъ.— Письмо государя французскому королю.— Поѣздка въ Москву.— Бельгійская революція.— Политическая исповѣдь императора Николая Павловича.— Приготовленія къ войнѣ и дипломатическіе переговоры.— Возмущенія въ Варшавѣ.— Отступленіе цесаревича Константина Павловича изъ Варшавы.— Польскіе депутаты у государя.— Назначеніе графа Дибича главнокомандующимъ дѣйствующей арміи противъ поляковъ	265
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Манифестъ о войнѣ.— Начало военныхъ дѣйствій.— Нерѣшительность графа Дибича.— Гроховское сраженіе.— Неудовольствіе государя медленностью Дибича.— Письма его по этому поводу.— Записка императора Николая Павловича о новомъ раздѣлѣ Польши.— Записка о польскихъ дѣлахъ Паскевича.— Кончина графа Дибича.— Назначеніе главнокомандующимъ графа Паскевича.— Тягостное положеніе цесаревича Константина Павловича.— Его кончина.— Cholera въ Петербургѣ.— Уличныя безпорядки.— Государь усмиряетъ народъ на Сѣнной площади.— Прекращеніе холеры.— Бунтъ военныхъ поселеній.— Поѣздка государя въ военныя поселенія.— Штурмъ и взятіе Варшавы.— Окончаніе польско-русской войны.— Взглядъ императора Николая Павловича на дальнѣйшія отношенія къ Польшѣ.— Поѣздка государя въ Москву.— Свиданіе съ Ермоловымъ.— Отобраніе экземпляровъ польской конституціи.— Кончина княгини Ловичъ.— Увольненіе Закревскаго и назначеніе министромъ внутреннихъ дѣлъ Блудова.— Вліяніе польскаго возстанія на императора Николая Павловича	333
ПРИМѢЧАНІЯ	401
ПРИЛОЖЕНІЯ	498
ДОПОЛНЕНІЯ	619

ИЛЛЮСТРАЦИИ И АВТОГРАФЫ, ПОМѢЩЕННЫЕ ВО ВТОРОМЪ ТОМѢ.

П о р т р е т ы .

Александра Ѳеодоровна, императрица.

- Въѣздъ ся въ Москву. Съ литографіи того времени. Стр. 13.
- Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Съ литографіи пачала прошлаго столѣтія. Стр. 89.
- Съ гравюры Рафта. Стр. 93.
- На верхней террасѣ Ольгина острова въ Петергофѣ. Съ сеіи съ натуры Чернышева. Стр. 105.
- На парадѣ Кавалергардскаго полка. Съ рисунка, приложеннаго къ «Исторіи Кавалергардскаго полка». Стр. 169.
- Съ литографіи Гольдбаха, сдѣланной съ портрета Разумихина. Стр. 385.
- Вмѣстѣ съ великими княжнами Ольгой, Маріей и Александрой Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 17.

Александра Николаевна, великая княжна. Съ литографіи Митрейтера, сдѣланной съ портрета Штилера. Стр. 131.

- Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великими княжнами Ольгой и Маріей Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 17.

Александръ Николаевичъ, цесаревичъ, обозрѣвающій маневры изъ павильона Дудергофскаго дворца. Съ литографіи Иванова, сдѣланной съ картины Чернецова. Стр. 209.

- Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и принадлежащаго П. Я. Дашкову. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 217.
- Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, княземъ Волконскимъ и графомъ Бенкендорфомъ. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 1.

Аракчеевъ, графъ, Алексѣй Андреевичъ. Съ портрета, писаннаго Доу и принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 33.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

- Бенкендорфъ**, графъ, Александръ Христофоровичъ (въ свитѣ императора Николая Павловича). Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 1.
- Васильчиковъ**, князь, Платонъ Васильевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Историческому обзору дѣятельности комитета министровъ». Стр. 289.
- Вилламовъ**, Григорій Ивановичъ. Съ фотографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 281.
- Витгенштейнъ**, графъ, Петръ Христіановичъ. Съ гравюры Генриха Доу, сдѣланной съ портрета, писаннаго его отцомъ. Стр. 243.
- Виттъ**, графъ, Иванъ Осиповичъ. Съ портрета, находящагося въ «Военной галлерей» Зимняго дворца. Стр. 77.
- Волконскій**, князь, Петръ Михайловичъ (въ свитѣ императора Николая Павловича). Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевской залѣ Зимняго дворца. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 1.
- Галиль-паша**. Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ «Histoire de Turquie». Стр. 313.
- Гауке**, графъ, военный министръ царства Польскаго. Съ рисунка съ натуры Килы. Изъ собранія А. О. Думберга. Стр. 341.
- Гейденъ**, графъ, Ноггинъ Петровичъ. Съ портрета масляными красками, принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. Стр. 241.
- Гельмутъ**, генералъ польской арміи. Съ рисунка съ натуры Килы. Изъ собранія А. О. Думберга. Стр. 335.
- Грейгъ**, Алексѣй Самойловичъ. Съ фотографіи Сандоури, сдѣланной съ портрета, рисованнаго съ натуры Осокинымъ. Стр. 293.
- Дашковъ**, Дмитрій Васильевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Опыту біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи». Стр. 253.
- Дибличъ-Забалканскій**, графъ, Иванъ Ивановичъ. Съ портрета того времени, писаннаго масляными красками. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 353.
- Долгоруковъ**, князь, Алексѣй Алексѣевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Опыту біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи». Стр. 217.
- Ермоловъ**, Алексѣй Петровичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 41.
- Жомини**, баронъ. Съ фотографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 249.
- Закревскій**, Арсеній Андреевичъ. Съ фотографіи Смирнова, сдѣланной съ портрета Ранделя. Стр. 221.
- Банкринъ**, графъ, Егоръ Францовичъ. Съ фотографіи Мишелеса, сдѣланной съ портрета Крюгера. Стр. 225.
- Каподистрія**, графъ, Иванъ Антоновичъ. Съ гравированнаго портрета Милова, 1822 года. Стр. 307.
- Карль X**, французскій король. Съ гравюры Метцерони. Стр. 317.
- Козарскій**, Александръ Ивановичъ. Съ фотографіи Сандоури, сдѣланной съ портрета, писаннаго съ натуры Осокинымъ. Стр. 297.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Кодрингтонъ, англійскій адмиралъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 287.

Константинъ Павловичъ, великій князь. Съ гравированнаго портрета Карделли. Стр. 19.

— Поклошеніе его тѣлу. Факсимиле гравюры 1831 года. Стр. 367.

— Съ портрета, принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 321.

Константинъ Николаевичъ, великій князь. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 89.

Конференція въ Аккерманѣ въ 1826 году. Съ литографіи того времени Кавая, сдѣланной съ картины Гульманделя. Стр. 49.

Кочубей, графъ, Викторъ Павловичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Историческому обзору дѣятельности комитета министровъ». Стр. 53.

Лейхтенбергскій, герцогъ, Максимиліанъ. Съ литографіи того времени. Стр. 161.

Ливепъ, князь, Карлъ Андреевичъ. Съ портрета, писаннаго масляными красками. Стр. 59.

Лобановъ-Ростовскій, князь, Дмитрій Ивановичъ. Съ портрета, принадлежащаго князю А. Е. Лобанову-Ростовскому. Стр. 213.

Любецкій, князь. Съ рисунка съ натуры Киля. Изъ собранія А. О. Думбурга. Стр. 325.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Библиографическимъ Запискамъ» 1892 года. Стр. 65.

Марія Ѳеодоровна, императрица. Кончина ея. Съ гравюры того времени П. Ѳеодорова. Стр. 279.

Марія Николаевна, великая княжна. Съ литографіи Митрейтера, сдѣланной съ портрета Штилера. Стр. 129.

— Въѣздъ съ императрицею Александрой Ѳеодоровной и великими княжнами Ольгой и Александрой Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 17.

Мармонъ, французскій маршалъ. Съ гравированнаго портрета Калена. Стр. 21.

Меншиковъ, князь, Александръ Сергѣевичъ. Съ литографіи Басина, сдѣланной съ портрета А. Брюлова. Стр. 193.

Михаилъ Павловичъ, великій князь.

— Съ литографіи того времени. Стр. 177.

— Съ сидуста съ натуры, сдѣланнаго Лашкаревымъ и находящагося въ музеѣ Нахескаго корнуса. Стр. 185.

— Съ портрета, писаннаго Ладурнеромъ. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 185.

— Въѣздъ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, княземъ Волконскимъ и графомъ Бенкендорфомъ. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 1.

Нессельроде, графъ, Карлъ Васильевичъ. Съ гравированнаго портрета Гоффмейстера. Стр. 25.

Николай Павловичъ, императоръ.

— Съ литографіи Шмидта. Стр. 3.

— Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры карандашемъ Крюгеромъ. (Изъ собранія П. Я. Дашкова). Стр. 3.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

- Въѣздъ его въ Москву. Съ литографіи того времени. Стр. 13.
 - Съ императрицей Александрой Осодоровной и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 89.
 - Въ формѣ прусскаго кирасирскаго его имени полка. Съ портрета, приложеннаго къ исторіи полка, изданной въ 1842 году. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 129.
 - Съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Съ литографіи того времени. Стр. 161.
 - На охотѣ. Съ портрета, находящагося въ музеѣ П. П. Щукина въ Москвѣ. Стр. 165.
 - Съ императрицей Александрой Осодоровной на парадѣ Кавалергардскаго полка. Съ рисунка, приложеннаго къ «Исторіи Кавалергардскаго полка». Стр. 169.
 - Съ сидута съ натуры, сдѣланнаго Лашкаревымъ и находящагося въ музеѣ Пажескаго корпуса. Стр. 185.
 - На денныхъ маневрахъ. Съ литографіи Шмидта, сдѣланной съ рисунка Шварца. Стр. 197.
 - На ночныхъ маневрахъ. Съ литографіи Шмидта, сдѣланной съ рисунка Шварца. Стр. 201.
 - На бивуакѣ. Съ литографіи Шварца. Стр. 205.
 - Съ акварели съ натуры. Стр. 257.
 - Переправа его черезъ Дунай въ 1828 году. Съ гравюры Петрова, сдѣланной съ рисунка Звѣрева. Стр. 259.
 - Посѣщеніе имъ генераль-адъютанта Сухозанета. Съ литографіи Корна. Стр. 377.
 - Въѣздъ его въ Москву во время холеры 1831 года. Съ гравюры того времени. Стр. 379.
 - Въ саняхъ на набережной Невы. Съ рисунка Тимма, сдѣланнаго съ картины Сверчкова. Стр. 381.
 - Вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, княземъ Волконскимъ и графомъ Бенкендорфомъ. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 1.
 - Съ портрета масляными красками, писаннаго въ 1842 г. и принадлежащаго Н. Н. Буху. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 289.
- Ольга Николаевна**, великая княжна, вмѣстѣ съ императрицей Александрой Осодоровной и великими князьями Маріей и Александрой Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 17.
- Орловъ**, графъ, Алексѣй Осодоровичъ. Съ гравированнаго портрета Турнера. Стр. 359.
- Паскевичъ-Эриванскій**, графъ, Иванъ Осодоровичъ.
- Съ гравированнаго портрета Киселева. Стр. 45.
 - Съ портрета акварелью Эртингера. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 369.
- Полежаевъ**, Александръ Ивановичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Исторіи русской словесности» Полевого. Стр. 32.
- Пушкинъ**, Александръ Сергѣевичъ. Съ портрета, писаннаго Кипренскимъ. Стр. 29.
- Руничъ**, Дмитрій Павловичъ. Съ портрета, принадлежащаго его дочери, г-жѣ Храбро-Василевской. Стр. 87.
- Сакенъ**, графъ, Фабианъ Вильгельмовичъ. Съ рисунка съ натуры Кили. (Изъ собранія А. О. Думберга). Стр. 73.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Сухозанетъ, генералъ. Посѣщеніе его императоромъ Николаемъ. Съ литографіи Корна. Стр. 377.

Толстой, графъ, Петръ Александровичъ. Съ рѣдчайшей гравюры Доу. Стр. 245.

Толь, баронъ, Карлъ Ѳеодоровичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Стр. 291.

Фонъ-Фокъ, Максимъ Яковлевичъ. Съ портрета, находящагося въ «Альбомѣ Пушкинской выставки». Стр. 285.

Хозревъ-Мирза. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 301.

Храповицкій, Матвій Евграфовичъ. Съ портрета, находящагося въ «Военной галлерей» Зимняго дворца. Стр. 291.

Чернышевъ, графъ, Александръ Ивановичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 81.

Шаховской, князь, Иванъ Леонтьевичъ. Съ литографіи Поля. Стр. 69.

Шильдеръ, Карлъ Андреевичъ. Съ миниатюры, принадлежащей Н. К. Шильдеру. Стр. 275.

Шишковъ, Александръ Семеновичъ. Съ портрета, рисованнаго съ натуры въ альбомѣ С. Д. Пономаревой. Стр. 57.

Эссенъ, графъ, Петръ Кирилловичъ. Съ литографіи того времени. Стр. 369.

Виды городовъ, мѣстностей, зданій, бытовые и другіе рисунки.

Варна, крѣпость; видъ ея въ 1828 году. Съ рисунка съ натуры генерала К. А. Шильдера. Стр. 267.

— Взятіе ея въ 1828 году. Съ рисунка съ натуры того времени. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Стр. 269.

Варшава.

— Дворецъ въ Лазенкахъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Стр. 321.

— Дворецъ намѣстника. Съ гравюры прошлаго столѣтія. Стр. 323.

Москва.

— Въѣздъ въ нее императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны. Съ литографіи того времени. Стр. 13.

— Въѣздъ въ нее императора Николая Павловича во время холеры 1831 года. Съ гравюры того времени. Стр. 379.

— Кремль въ началѣ XIX столѣтія. Съ акварели того времени, принадлежащей П. Я. Дашкову. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 97.

Петербургъ.

— Эрмитажъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи Ланга. Стр. 109.

— Полицейскій мостъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Стр. 121.

— Марсово поле въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Стр. 133.

— Симеоновскій мостъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Стр. 145.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

- Михайловскій замокъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Стр. 181.
- Соборъ Спаса Преображенія. Съ гравюры, сдѣланной по рисунку Бегрова. Стр. 309.
- Сѣнная площадь въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи Гаузера. Стр. 373.
- Дворцовый мостъ и набережная Васильевского острова въ 1806 году. Съ акварели того времени Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 208.

Петергофъ.

- Императорское семейство въ Монплезира. Съ литографіи Бегрова. Стр. 99.
- Ольгинъ и Царицынъ острова. Съ акварели Шарлеманя. Стр. 101.
- Верхняя терраса Ольгина острова. Съ сепіи Чернышева. Стр. 105.

Рущукъ, крѣпость: видъ съ русской батареи въ 1828 году. Съ рисунка съ натуры. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Стр. 261.

Шумла, крѣпость. Видъ ея въ 1828 году. Съ акварели того времени. Стр. 273.

Эрзерумъ. Взятіе его въ 1829 году. Съ литографіи Гостейна, сдѣланной съ картины Машкова. (Цинкографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 305.

Вступленіе русской арміи въ Адрианополь 8-го августа 1829 года. Съ рисунка съ натуры очевидца. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Стр. 305.

Входъ въ Наваринскую бухту. Съ рисунка Вебера. Стр. 233.

Битва при Наваринѣ. Съ рисунка тушью того времени. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Стр. 235.

Бунтъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 году. Съ картины того времени. Стр. 389.

Заключеніе мира въ Туркманчаѣ 10 февраля 1828 года. Съ рѣдкой литографіи Бегрова, сдѣланной съ картины Машкова. Стр. 229.

Обученіе рекрутъ въ Николаевское время. Съ рисунка А. Васильева. Стр. 173.

Посѣщеніе императорскимъ семействомъ топей противъ Каменнаго острова въ Петербургѣ. Съ гравюры, сдѣланной по рисунку Бегрова. Стр. 157.

Публичное объявленіе о коронаціи императора Николая I въ Москвѣ. Съ литографіи того времени Куртена. Стр. 9.

Польское возстаніе 1830—1831 годовъ.

- Площадь Сигизмунда въ Варшавѣ. Съ акватинты Дитриха. Стр. 329.
- Медовая улица 17 ноября 1830 г. Съ акватинты Дитриха. Стр. 337.
- Взятіе инсургентами тюрьмы въ Варшавѣ. Съ акватинты Дитриха. Стр. 339.
- Мостъ Собіесскаго въ Лазенкахъ. Съ акватинты Дитриха. Стр. 343.
- Бельведеръ 17 ноября 1830 года. Съ акватинты Дитриха. Стр. 347.
- Арсеналь 17 ноября 1830 г. Съ акватинты Дитриха. Стр. 353.
- Засада. Эпизодъ изъ войны 1831 г. Съ акварели Зауервейда. Стр. 355.
- Штурмъ укрѣпленія Воли 25 августа 1831 года. Съ литографіи Мюнстера, сдѣланной по рисунку Тимма. Стр. 363.

Свиданіе графа Наскевича съ наслѣдникомъ персидскаго престола, Аббасъ-Мирзой, въ Дейкарганѣ, въ 1828 году. Съ рѣдкой литографіи Бегрова, сдѣланной съ картины Машкова. (Цинкографія на отдѣльномъ листѣ). Стр. 249.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Семейство императорское въ Монплезирѣ въ Петергофѣ. Съ литографіи Бегрова. Стр. 99.

Сраженіе при Гроховѣ въ 1831 году. Съ польской литографіи того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Стр. 337.

Типы петербургскіе въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ рисунковъ съ натуры Щедровскаго. (Изъ собранія И. П. Ваулина).

- Въ пивной. Стр. 113.
- Разносчики. Стр. 117.
- Шарманщики. Стр. 137.
- Швейцарь и продавецъ щетокъ. Стр. 141.
- Дворникъ и почталіонъ. Стр. 149.
- Мастеровые. Стр. 153.

Факсимиле.

- Заглавный листъ книги «Собраніе портретовъ», изданной въ 1825 г. Стр. 187.
- Заглавный листъ «Мѣсяцеслова» на 1826 годъ. Стр. 189.

Форма офицеровъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка въ 1826 году. Съ литографіи Мюнстера, сдѣланной съ рисунка Терebeneва. Стр. 171.

А в т о г р а ф ы.

I.

Письмо великаго князя Константина Павловича императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.

Ma tres chere Maman!

Je me mets tres humblement a Vos pieds pour Vous remercier des nouvelles que Vous daignés me donner de ma Socur, grace a Dieu que le tout va bien et j'espere que dans peu notre malade sera parfaitement retablie. Dieu voit combien je le desire. C'est a 7 heures du soir, ma tres chere Maman, que j'ai eu le bonheur de recevoir Votre lettre consolative et je Vous l'avourai que d'impatience j'ai envoyé a une heure un homme a moi pour avoir de nouvelles. Pardonés moi mon impatience mais il sagit de Cateau. Demain j'aurai le bonhbur de me presenter a Vous, ma tres chere Maman, ver les deux heures et j'aurai de même le bonheur de Vous remercier de vive voix pour Votre gracieux souvenir.

C'est avec le devouement le plus sincere et le respect le plus profond que j'ai l'honneur d'etre

Ma tres chere Maman

Votre très humble, tres obeissant et tres fidel fils

Contantin.

Strelna

le 22 Aout

810

7 heures du soir.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 49).

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА

II.

Письмо князя А. Н. Голицына князю П. М. Волконскому.

Mon Prince.

D'après les ordres de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth, que vous m'avez communiqués, j'ai pris les renseignemens nécessaires sur la manière de faire la donation de Kamennoi Ostroff au Grand-Duc Michel.

D'après l'acte de la Famille Impériale toute affaire de Famille doit être adressée à l'Empereur qui la termine par un rescript ou un oukaze; par conséquent il me semble que si Sa Majesté l'Impératrice voulait écrire une lettre à l'Empereur en l'informant qu'Elle a disposé de Kamennoi Ostroff en faveur du Grand-Duc et priant Sa Majesté de donner Ses ordres en conséquence l'Empereur alors donnera un oukaze à la Гофъ-интендантская pour qu'elle remette Kamennoi Ostroff d'après la volonté de l'Impératrice au Grand-Duc.

Pour ce qui concerne la volonté de l'Impératrice que l'entretien de Kamennoi Ostroff ne soit pas à charge au Grand-Duc et qu'il soit assigné sur des 400 m Roubles offerts en augmentation des 600 m R. de l'argent de Poche de Sa Majesté—j'ai eu l'honneur d'en faire mon rapport à l'Empereur. Sa Majesté m'a chargé de faire les dispositions nécessaires pour cela en y ajoutant qu'il se faisoit un plaisir de remplir les ordres de l'Impératrice Elisabeth et qu'il veut être toujours le caissier pour ces 400 m Roubles.

J'aurai l'honneur de vous informer combien il faudra pour l'entretien de Kamennoi Ostroff. Agreez je vous prie en même tems l'expression des sentimens les plus distingués de votre tout dévoué

serviteur le Prince

Alexandre Galitzin.

St Petersburg
le 16 février 1826.

P.S. L'Empereur m'a chargé encore de vous écrire sur Monsieur Longuinoff. Il voudrait savoir, si Sa Majesté l'Impératrice trouverait bon que l'Empereur lui confère l'ordre de St. Anne de la 1-re classe. Si vous trouverez une occasion favorable de me mettre aux pieds de l'Impératrice vous m'obligerez infiniment.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 65).

III.

Записка А. П. Ермолова.

D'après les détails de l'engagement que le détachement de la compagnie eut avec l'ennemi, je crois voir que les soldats, peu confians dans leur nombre, ont dû se conduire de manière à ne pas vous rendre très content d'eux ainsi que moi. Une ou deux rencontres sans succès peuvent gâter l'esprit des autres et vous ne réussirez pas à le remettre facilement. Ce n'est pas à un Timmermann de commander un bataillon, qui, en but à un ennemi rusé, exige un chef actif, entreprenant et capable de faire observer l'ordre nécessaire avec exactitude et sévérité.

Yermoloff.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 81).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

IV.

Письмо М. М. Сперанскаго В. В. Шнейдеру.

En vous remettant les livres que vous avez bien voulu me prêter et en y ajoutant les memoires de Bourienne, je vous proposerais, monsieur, de venir partager avec moi mon diner de gruau à 4 heures et nous parlerons de la philosophie de Platon. Agreez mes hommages.

Speransky.

Samedi.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 113).

V.

Письмо Д. П. Рунича А. Д. Балашеву.

Позвольте мнѣ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство о благосклонномъ извѣщеніи меня, въ какой день и въ которомъ часу могу имѣть честь быть у васъ, не разстроивая обыкновенныхъ занятій вашихъ? Я имѣю неотложную надобность въ личномъ объясненіи съ вами; памятуя всегда лестное для меня расположеніе, когото удостоивать мнѣ изволили, и пребывая съ глубокочитаіемъ и преданностію

вашего высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга.

Дмитрій Руничъ.

С. Петербургъ.

27 Декабря

1834 года.

Отвѣтъ А. Д. Балашева Д. П. Руничу.

А. Д. Балашевъ, свидѣтельствуя свое совершенное почтеніе Его Превосходительству Дмитрію Павловичу, честь имѣетъ увѣдомить, что завтрашній день собирается въ путь въ Рязанскую свою деревню.

30 Декабря 1834.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 145).

VI.

Письмо М. Л. Магницкаго Д. П. Руничу.

Благодарю, любезнѣйшій Дмитрій Павловичъ, за дружеское ваше участіе. Вчера въ вечеру очень плохо приходило. Средства мои однакожь помогли; а сегодня долѣчилъ меня К. Ад. Ник. увѣдомя, что Государь приказалъ Гурьеву сегодня же поднести указъ о той землѣ, которую я просилъ. Я знаю, что вамъ будетъ сіе пріятно, и потому сообщаю.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 153).

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА

VII.

Письмо графа А. И. Чернышева императору Николаю Павловичу.

Sire.

Privé du bonheur le plus inappréciable à mon coeur, celui de combattre sous Vos yeux et de donner à Votre Majesté Impériale de nouvelles preuves de dévouement sur le champ de bataille; qu'il me soit permis du moins, de porter à Vos pieds, Sire, mes félicitations et mes vœux ardents, à l'occasion du 25 Juin!

Je n'ai point profité jusqu'à ce moment, de la permission que Votre Majesté a daigné m'accorder de lui écrire, parceque l'état satisfaisant de la marche des affaires et l'esprit calme et tranquille de Pétersbourg ne m'ont point fourni de sujet assez intéressant pour être porté à sa connoissance. Tout ce que je puis dire à ce sujet, c'est que tous et chacun en particulier, pénétrés du sentiment de leur devoir et de l'esprit de Votre Majesté, travaillent avec accord et confiance et redoublent de zèle, pour continuer l'activité et l'énergie, que Votre Majesté Impériale a su imprimer à l'expédition des affaires.

On est ivre de joie ici, de l'heureux début de la campagne et du brillant passage du Danube; les sentimens d'attachement à Votre Personne, Sire, et de l'honneur national se développent de la manière la plus honorable; toutes les pensées et tous les vœux Vous accompagnent et l'on se croit en droit de tout attendre des glorieux travaux de Votre Majesté et de sa brave armée! Il n'y a que la contenance des étrangers qui contraste singulièrement avec la joie générale; ils paroissent effrayés et jaloux et du succès qui accompagne toutes les entreprises de Votre Majesté et de l'unanimité des vœux et des pensées qu'ils voyent régner ici.

Après Vous avoir porté, Sire, le plus grand sacrifice de ma vie, je ferai tout ce qui sera humainement possible, pour me rendre digne de Votre confiance dans la pénible sphère d'activité où il Vous a plu de me placer.

Je suis avec le plus profond respect Sire

de Votre Majesté Impériale

Le sujet le plus dévoué

C-te A. Czernicheff.

Ce 13. Juin 1828.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 161).

VIII.

Черновой отпускъ письма императора Николая графу Чернышеву, писанный Д. В. Дашковымъ, съ собственноручной припиской государя.

C'est parfait, mais je vous prie de croire que je serai fort ambarassé si je devais composer une lettre aussi bien écrite; всякое дѣло мастера боится.

Je vous remercie, mon cher Comte, pour la lettre affectueuse que vous m'avez adressée en date du 13 Juin et que j'ai lue avec un véritable plaisir. J'apprécie le sacrifice que vous Me faites de vos inclinations en demeurant éloigné du champ des batailles. Mais un homme vraiment dévoué à son pays le sert partout avec le même zèle, quel que soit le cercle d'activité qu'il se trouve appelé à remplir. Moi même, premier serviteur de notre patrie commune, je lui offre souvent de pareils sacrifices. D'ailleurs votre réputation militaire est si bien et depuis si longtemps établie parmi vos compagnons d'armes, que la

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

conviction de l'utilité réelle dont votre presence et vos travaux Me sont a Petersbourg, doit vous satisfaire pleinement.

Je suis tres content du temoignage que vous Me rendez sur le zele des employés de l'Etat et sur la tranquillité qui regne dans la capitale. L'attitude des etrangers et les sentiments qui les animent Me sont assez indifferens, comme vous le savez fort bien; les vœux de ceux qui j'estime Me suffisent.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 169).

IX.

ПРИКАЗЪ РОССІЙСКИМЪ ВОЙСКАМЪ.

Миръ съ Персією, славный и полезный Отечеству, не положилъ еще конца знаменитымъ подвигамъ Россійскаго воинства. Брань справедливая прекращена съ одной стороны: но съ другой предстоитъ намъ новая брань, столько же справедливая, для защиты чести нашей и правъ, купленныхъ цѣною крови Русской. Великодушное терпѣніе Благословеннаго Александра было уже истощено враждебными поступками Турецкаго Правительства: нынѣ сіе Правительство пренебрегло мѣру и явно сложило съ себя личную дружелюбія, едва утвердивъ миръ священнѣйшими клятвами. Мы идемъ пресѣчь смуты и убійства въ странахъ, намъ сопредѣльныхъ, и возстановить нарушенный миръ на прочныхъ основаніяхъ.

Воины! сражаясь съ народами просвѣщенными, искусными въ битвѣ, вы приобрѣли славу неуязвимую, не одною храбростію побѣждая, но и благодушіемъ. Безотвѣтное повиновеніе Начальникамъ, строгое соблюденіе порядка и милосердіе къ побѣжденнымъ, были всегда отличительною чертою Русскихъ ратниковъ. Отъ того мирные граждане вездѣ столь же радовались вашему пришествію, и вами побѣжденные именovali васъ избавителями. Вы сохраните и нынѣ сію драгоцѣнную славу: простирая дружелюбно руку къ единовѣрцамъ нашимъ, поражайте строптивыхъ, но щадите безоружныхъ и слабыхъ; щадите достояніе, дома и самые храмы враговъ, хотя и другую вѣру исповѣдающихъ. Такъ велитъ наша вѣра, Святое ученіе Спасителя! Преклонившій къ себѣ кротостію и человеколюбіемъ ожесточенныхъ, защитившій сироту и вдовицу—наравнѣ съ храбрѣйшимъ въ боѣ будетъ близокъ къ Моему сердцу.

Воины Русскіе! Вы не обманете Моихъ ожиданій. Съ нами Богъ, вѣнчающій побѣдами доблесть и правду!

На подлинномъ подписано
Собственною Его Император-
скаго Величества рукою:

Николай.

Въ Санктпетербургѣ.
Апрѣля 14 дня 1828 года.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 193).

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

X.

Письмо графа И. Ѳ. Паскевича графу Симоничу.

Mon cher Conte, je vous remercie de votre lettre. Je suis extrememens contemp de tout vos disposition, aies du pin pour votre detachement au moin pour 6 ou 7 jours. Peut etre je viendre vous rejoindre, autremens vous marcheré sur le grand chemin de Trapesonde et de la vous fairai votre retere, sur Beibourt. tout nos bagage ion tout drois sur cette route, a Dieu je vous remergie beaucoup.

Votre tres humble serviteur.

C: Jean Paskevitch d'Erivan.

1829 le 15 d'Aou.

Camp de temlia.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 201).

XI.

Факсимиле первой страницы статута ордена св. Анны 1829 года.

Божією поспѣшествующею милостію

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій:

Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса-Таврическаго, Государь Псковскій и Великій князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій, Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Нова-города Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій и вся Сѣверныя страны Повелитель и Государь Иверскія, Карталинскія, Грузинскія и Кабардинскія земли, и Армянскія области; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 219).

XII.

Письмо графа И. И. Дибича барону Б. К. Тизенгаузену.

Geliebter Schwager.

Herzlichen dank für deine Briefe u. die Beweise der Freundschaft die sie enthalten Verzeihe mir wenn ich dir nur in wenig Zeilen antworte. Herzlich freut es mich das du mit deiner Lage zufrieden scheinst: ich hoffe dasz dies auch zukünftig der Fall sein

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

wird. Da ich nicht weiss ob Balitsky noch in Witebsk ist u. im Gegentheile glaube dass er sich Wilna genähert haben wird so bitte den Feldjäger Fürsten Nikolaus Chovansky zur Bestellung zu geben wenn du nicht in Witebsk.

Lebe wohl.

Dein treuer Schwager u.

Freund I. Dibitsch-Sabalkansky.

Kleschevo bei Pultusk
d. 25 May 1831.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 273).

XIII.

Факсимиле трехъ печатныхъ стихотвореній Д. П. Рунича.

I.

На побѣды Русскихъ

въ Польшѣ.

Возмнилъ Ляхъ буйный, вѣроломный
Измѣной Россю утратить:
Скрывая въ сердцѣ духъ къ нимъ злобный,
Мечталъ ихъ кровью мечъ острить.
Но кто сражалъ сыновъ Беллоны?
Кто Россю удержалъ полеть!
Что нѣтъ ихъ мужеству препоны,
Тому свидѣтель цѣлый свѣтъ.
И въ полѣ, и въ окопахъ, равныхъ
Себѣ не встрѣтилъ храбрый Россъ!
Съ временъ непамятныхъ и давныхъ,
Среди побѣдъ, гигантъ возрѣлъ.
Когда сыны Героевъ—Славы,
Кѣмъ, гдѣ они побѣждены?
Основы Россіи Державы
Мечами ихъ утверждены.
И ежели ихъ силы ратны
Могла судьба остановить,
Умѣли груди ихъ булатны
Гранитны стѣны проломить.
И Сѣну и Дунай смирили,
И Альпы, и Кавказъ прешли;
Являлись гдѣ,—все покорили,
И въ храмъ безсмертія вошли.

Д. Руничъ.

С. Петербургъ.
18 Сентября 1831.

*

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

II.

На побѣды

князя Варшавскаго.

Отъ Эривана до Варшавы
Побѣдъ твоихъ промчался слухъ,
И что потомки Росской славы
Съ тобой явили предковъ духъ!
Не лавры ихъ, сей слухъ докажетъ,
Побѣды, храбрость, ихъ удѣлъ:
И штурмъ Варшавскій лишь покажетъ,
Что мужеству ихъ—смерть предѣль.

Д. Руничъ.

С. Петербургъ.
13 Сентября 1831.

III.

Къ портрету

князя Варшавскаго

графа

Паскевича-Эриванскаго.

Гнѣздо предательства, измѣны,
Онъ въ основаньи разгромилъ,
Чтожъ въ духъ Русскихъ нѣтъ премѣны,
Варшавскимъ штурмомъ подтвердилъ!

Д. Руничъ.

С. Петербургъ
6 Сентября 1831.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 377).

XIV.

Карантинный билетъ.

БИЛЕТЪ

Отъ Начальника Вышневолоцкаго Карантина.

Объявитель сего Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Буткова дворовой
человѣкъ Петръ Каревъ въ Вышневолоцкомъ Карантинѣ выдержалъ опредѣлен-
ной 14-ти дневный терминъ и выпущенъ изъ Карантина 20-го числа Генваря
мѣсяца 1831 года въ благополучномъ состояніи.

Генералъ-Маіоръ Набоковъ.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 385).

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХ ИМЕНЬ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ СОЧ. Н. К. ШИЛЬДЕРА «ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ».

(Крупныя цифры обозначаютъ страницы текста, мелкія — страницы примѣчаній).

А.

Абакумовъ, Андрей Ивановичъ, сенаторъ 1770—1841 г., т. II, 114, 159, 179, 428, 437, 533, 534, 539.

Аббасъ-Мирза, персидскій военачальникъ, т. II, 27, 83, 84, 85, 87, 88, 89, 212, 241, 420.

Абердинъ, Джорджъ-Гамильтонъ-Гордонъ, графъ, англійскій дипломатъ 1784—1860 г., т. II, 249, 641.

Абдулъ-Еадиръ, Бей, т. II, 459.

Августа, принцесса саксенъ-веймарская, впоследствии супруга императора германскаго Вильгельма I, т. I, 494; т. II, 226.

Августинъ, архіепископъ московскій, 1766—1818 (А. В. Виноградскій), т. I, 72.

Августъ, принцъ прусскій, т. II, 743.

Авраамъ (А. И. Шумилинъ), архіепископъ ярославскій, † 1844 г., т. I, 671.

Аврамовъ, полковникъ Казанскаго полка, декабристъ, т. I, 242, 629, 659, 676, 695, 701, 736.

Аврамовъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 676, 697, 702, 742.

Ага, графъ, французскій дипломатъ, т. II, 226.

Ададуровъ, Алексѣй Петровичъ, тайный совѣтъ, сенаторъ, 1758—1835 г., т. I, 671.

Адальбертъ, принцъ прусскій, т. II, 743.

Аделунгъ, Фридрихъ Павловичъ, 1768—1843, преподавалъ имп. Николаю I нѣмецкій, латинскій и греческій языки, — историкъ, археологъ, т. I, 27, 32, 34.

Фонъ-Адеркасъ, Эмануилъ Богдановичъ, псковскій губернаторъ, т. II, 14.

Адлербергъ, Владимиръ Ѳеодоровичъ, графъ, 1790—1884, товарищъ дѣтства имп. Николая, — впоследствии министръ императорскаго двора, т. I, 6, 20, 26, 31, 46, 85, 100, 182, 186, 254, 285, 287, 475, 484, 497, 498, 501; т. II, 150, 174, 232, 310, 391, 412, 415, 416, 419, 439, 452, 457, 463, 517, 532, 559, 560, 670, 758, 759, 761.

Адлербергъ, Юлія Ѳеодоровна, гувернантка имп. Николая I, т. I, 4, 6, 16, 26.

Акулова, Е. А., т. II, 567.

Акуловъ, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 677, 700, 702, 749.

Аленинскій, Александръ Павловичъ, генералъ, кавалеръ при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ, т. I, 28, 41, 477.

Александра Николаевна, вел. княгиня 1825—1844 г., т. I, 170; т. II, 654, 739.

Александра Павловна, великая княжна, впоследствии эрцгерцогиня австрійская,

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

супруга эрцгерцога Иосифа, палатина венгерскаго. † 1801 г., т. I, 3, 473; т. II, 718.

Александра Θεοδоровна, императрица 1798—1860 г., т. I, 47, 58, 60, 61, 64, 76, 83, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 96, 98, 99, 108, 110, 111, 112, 114, 116, 118, 120, 146, 147, 148, 156, 158, 159, 160, 162, 170, 179, 183, 184, 193, 292, 294, 356, 474, 478, 481, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 484, 495, 496, 503, 582, 591, 594, 606, 610, 613, 635; т. II, 8, 13, 120, 124, 130, 156, 216, 224, 228, 272, 384, 388, 431, 437, 620, 666, 698, 702.

Александръ I, императоръ 1777—1825 г., т. I, 2, 3, 6, 14, 15, 31, 34, 36, 37, 38, 41, 42, 44, 45, 47, 48, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 66, 72, 74, 76, 78, 80, 84, 87, 88, 92, 94, 96, 98, 100, 106, 108, 110, 111, 112, 114, 116, 117, 118, 119, 120, 123, 124, 126, 127, 131, 134, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 151, 152, 154, 155, 156, 158, 159, 160, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 183, 184, 187, 188, 191, 192, 193, 198, 199, 200, 202, 203, 204, 206, 208, 210, 212, 213, 216, 216, 219, 220, 221, 222, 225, 226, 227, 228, 229, 231, 233, 235, 236, 244, 245, 251, 252, 253, 254, 255, 262, 264, 266, 281, 295, 296, 304, 306, 309, 310, 311, 312, 319, 322, 324, 325, 333, 347, 349, 350, 353, 354, 355, 358, 359, 363, 364, 376, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 394, 395, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 412, 418, 419, 420, 422, 426, 436, 437, 446, 450, 454, 461, 462, 464, 473, 475, 476, 477, 478, 479, 481, 482, 484, 485, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 508, 517, 519, 524, 526, 528, 529, 532, 536, 541, 545, 566, 573, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 603, 606, 607, 608, 612, 617, 620, 635, 641, 642, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 665, 705; т. II, 7, 8, 16, 23, 31, 35, 37, 39, 40, 43, 46, 47, 50, 53, 60, 63, 64, 74, 79, 80, 98, 112, 115, 117, 122, 125, 188, 196, 212, 213, 214, 217, 222, 226, 227, 228, 241, 260, 264, 268, 277, 280, 287, 299, 303, 334, 345, 380, 382, 383, 386, 390, 409, 410, 412, 432, 443, 449, 488, 489, 493, 494, 496, 500, 502, 511, 512, 513, 517, 530, 566, 580, 581, 624, 649, 656, 675, 676, 685, 686, 687, 688, 690, 706, 707, 716, 718, 720, 721, 733, 735.

Александръ II, императоръ, 1818—1881 г., т. I, 70, 112, 114, 122, 156, 164, 256, 293, 437, 448, 475, 489, 491, 498, 535, 541, 634, 644; т. II, 67, 124, 216, 219, 228, 230, 374, 402, 619, 627, 628, 635, 683, 691, 692, 693, 697, 744, 746, 749.

Александръ, герцогъ виртембергскій, ген. отъ кав. русск. служб., членъ госуд. сов., авторъ «Записокъ», † 1833 г., т. I, 304.

Александръ, принцъ гессенскій, 1823—1888 г., т. II, 620.

Алопеусъ, Давидъ Максимовичъ, графъ, дипломатъ, 1769—1831 г., т. II, 507.

Альбедиль, Петръ Романовичъ, баронъ, оберъ-гофмейстеръ, 1770—1831 г., т. I, 85.

Альбрехтъ, Александръ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, род. 1788 г., т. I, 132.

Альбрехтъ, принцъ прусскій, младшій братъ императрицы Александры Θεοδоровны, т. II, 272, 275.

Амалия, принцесса баденская, сестра императрицы Елизаветы Алексѣвны, т. I, 477.

Амвросій, архіепископъ московскій и калужскій, † 1771 г., т. I, 766.

Амуратъ II, турецкій султанъ. 1421—1451 г., т. II, 439.

Ангулемскій, герцогъ, Луи-Антуанъ Бурбонъ, 1775—1844 г., т. II, 286.

Андреевичъ 2-й, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 674, 691, 700, 725.

Андреевъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 678, 698, 702, 744, 751.

Анна Павловна, великая княжна, впоследствии супруга Вильгельма II, короля нидерландскаго, т. I, 13, 14, 26, 28, 38, 59, 64, 78, 81, 476, 494, 550, 554.

Анна Θεοδоровна, 1-я супруга цесаревича Константина Павловича, 1781—1860 г., т. I, 127, 131, 476.

Анненковъ, Павелъ Васильевичъ, литературный критикъ и биографъ, 1812—1837 г., т. II, 15, 405.

Анненковъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 677, 693, 701, 731, 751, 753.

Анхильонъ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, 1767—1837 г., т. II, 672, 673, 674.

Антонинъ, Маркъ-Аврелій, императоръ римскій, философъ-стоикъ, (121 — 180 г.), т. I, 114.

Антроповъ, ротмистръ, декабристъ, т. I, 774.

Апонъ, графъ, австрійскій дипломатъ, т. II, 504.

Апраксинъ, Владимиръ Степановичъ, графъ, генералъ-майоръ, 1796—1833 г., т. II, 310.

Апраксинъ, графъ, Степанъ Θεοδоровичъ, генералъ-майоръ, † 1830 г., т. I, 284.

Аракчеевъ, Алексѣй Андреевичъ, графъ, 1768 — 1836 г., ген. отъ инф., любимецъ имп. Александра I, т. I, 42, 103, 108, 142, 143, 163, 164, 174, 177, 178, 179, 187, 203, 225, 230, 236, 238, 244, 245, 246, 292, 310, 328, 339, 349, 350, 251, 352, 353, 354, 355, 493, 494, 505, 508, 516, 524, 525, 615, 627, 629, 630, 631; т. II, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 58, 59, 60, 80, 370, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 436, 487, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 500, 501, 502, 614, 615, 657, 658, 698.

Арбузовъ, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 279, 655, 656, 657, 675, 692, 700, 727, 756.

Арбутнотъ, англійскій генералъ, т. II, 743.

Арендъ, Николай Θεοдотовичъ, лейбъ-медикъ, 1785 — 1859 г., т. I, 297, 514; т. II, 260, 310, 362, 364, 557, 558, 600, 674, 735, 736, 738, 758, 759, 760, 761, 762, 763.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Арсеньевъ, Константинъ Ивановичъ, статистикъ, историкъ и географъ, 1789 — 1865 г., т. II, 62.

Арсеньевъ, Никита Васильевичъ, директоръ военно-сиротскаго дома, 1783 — 1843 г., т. II, 494.

Арсеньевъ, Павелъ Ивановичъ, 1770 — 1840 г., воспитатель великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, т. I, 16, 41, 476.

д'Артуа, т. I, 566.

Арцыбашевъ, корнетъ, декабристъ, т. I, 774.

Аталэнъ, французскій генералъ, т. II, 303, 304.

Ахвердовъ, Николай Исаевичъ, 1755 — 1817 г., ген.-лейт., кавалеръ и преподаватель русской исторіи и географіи имп. Николая I, т. I, 16, 19, 20, 21, 23, 27, 28, 37, 64, 474, 476, 550, 551, 552, 553, 558.

Ахметъ, паша, т. II, 680.

Ананасьевъ, генералъ, т. II, 366.

Б.

Баграціонъ, Петръ Ивановичъ, князь, генералъ, герой Отечественной войны, 1765—1812 г., т. I, 127.

Вайковъ, генералъ, т. II, 204, 547.

Вакулинь, Илья Модестовичъ, ген.-майоръ, 1800—1841 г., т. I, 290.

Важеновъ, Василій Ивановичъ, 1757 — 1799 г., вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ, т. I, 8.

Валашовъ, Александръ Дмитриевичъ, 1770—1837 г., ген.-адъютантъ, спб. ген. губернаторъ и министръ полиціи, чл. гос. с., т. I, 426, 442, 670.

Валугьянскій, Михаилъ Андреевичъ, 1769—1847 г., ученый юристъ, преподаватель имп. Николая I, начальникъ II отдѣленія Собств. Е. В. канцеляріи, сенаторъ, т. I, 18, 32, 64, 460, 461, 463, 546.

Варанова, Юлія Ѳеодоровна, графиня, воспитательница дѣтей имп. Николая I, т. I, 1790—1864 г., т. II, 654.

Варановъ, Дмитрій Осиповичъ, сенаторъ, 1773—1835 г., т. I, 424, 442, 520.

Варановъ, Платонъ Ивановичъ, дѣйстви. ст. сов., директоръ сенатскаго архива, т. I, 463, 546.

Варклай-де-Толли, Михаилъ Богдановичъ, князь, 1761—1818 г., военный министръ, ген.-фельдмаршалъ, т. I, 58, 103, 104, 106, 487; т. II, 29, 406, 448, 497.

Варсуковъ, Николай Платоновичъ, писатель-историкъ, род. 1838 г., т. II, 419.

Вартенева, Парасковья Арсеньевна, фрейлина, † 1873 г., т. II, 567.

Вартеневъ, Петръ Ивановичъ, редакторъ-издатель «Русскаго Архива», р. 1829 г., т. I, 476.

Варыковъ, т. I, 640.

Варятинскій, князь, штабсъ-ротмистръ, декабристъ, т. I, 640, 660, 662, 675, 689, 700, 722, 735, 752.

Васаргинъ, Николай Васильевичъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 663, 676, 693, 701, 731, 751.

Ватенковъ, Гавріиль Степановъ, 1795—1863 г., декабристъ, авторъ «Записокъ», т. I, 164, 267, 272, 279, 458, 459, 676, 694, 701, 734, 751; т. II, 81.

Ватюшковъ, Павелъ Львовичъ, дѣйстви. тайн. сов., сенаторъ, 1765—1848 г., т. I, 671.

Бахметьевъ, Алексѣй Николаевичъ, генералъ отъ инфантеріи, 1774—1841 г., т. II, 61, 412.

Вашуцкій, Павелъ Яковлевичъ, генер.-отъ-инф., петербургскій комендантъ, т. I, 284, 614, 670; т. II, 596.

Везбородко, Александръ Андреевичъ, свѣтл. князь, канцлеръ, 1746—1799 г., т. I, 8.

Везобразова, жена сенатора, † 1830 г., т. II, 503.

Везродный, Василій Кирилловичъ, сенаторъ, † 1847 г., т. I, 671.

Велингсгаузенъ, Ѳеддей Ѳаддеевичъ, извѣстн. мореплаватель, военн. губерна-торъ Кронштадта, т. II, 413.

Венигсенъ, Леонтій Леонтьевичъ, графъ, ген.-отъ-кав., 1745—1826 г., т. I, 420, 540.

Венкендорфъ, Александръ Христофоровичъ, графъ, генералъ-адъютантъ, шэфъ жандармовъ, чл. госуд. сов., 1783—1844 г., т. I, 15, 245, 246, 262, 281, 286, 291, 307, 308, 326, 329, 332, 334, 355, 356, 394, 428, 440, 443, 451, 452, 455, 456, 464, 465, 466, 468, 470, 473, 522, 523, 524, 525, 541, 544; 545, 546, 600, 601, 602, 780 782; т. II, 1, 4, 7, 12, 16, 17, 18, 19, 28, 32, 37, 38, 54, 63, 64, 76, 80, 92, 102, 113, 125, 126, 129, 130, 134, 136, 142, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 156, 162, 169, 170, 172, 174, 176, 180, 185, 187, 216, 219, 220, 223, 224, 226, 227, 228, 229, 235, 236, 238, 239, 240, 254, 260, 261, 262, 263, 264, 274, 277, 280, 282, 283, 287, 288, 305, 306, 310, 324, 327, 328, 331, 338, 362, 364, 366, 370, 374, 375, 385, 387, 389, 392, 403, 405, 406, 410, 411, 412, 413, 414, 417, 423, 425, 427, 433, 437, 438, 439, 451, 453, 456, 458, 462, 463, 464, 466, 469, 472, 473, 474, 475, 476, 488, 532, 559, 594, 602, 608, 647, 670, 702, 704, 728.

Венкендорфъ, Константинъ Христофоровичъ, генералъ-адъютантъ, 1785—1829 г., т. I, 47; т. II, 85, 144, 419, 420, 437, 533.

Вѣргманъ, Александръ Петровичъ, генералъ-лейтенантъ, членъ военн. совѣта, † 1849 г., т. II, 591.

Вергъ, Ѳедоръ Ѳеодоровичъ, графъ, генералъ-фельдмаршалъ, 1790—1874 г., т. II, 140, 204, 470, 589, 590, 591, 680.

Вернетти, монсиньоръ, посолъ папы, т. II, 401.

Вернсдорфъ, графъ, т. I, 596; т. II, 227, 320.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕНЬ

Верстель, подполковникъ, декабристъ, т. I, 676, 698, 702, 743, 751.

Вертъ, фабрикантъ, т. II, 597.

Вестужевъ, Алекс. Алекс., штабсъ-капитанъ, декабристъ (Марлинскій), т. I, 267, 301, 510, 511, 651, 652, 653, 654, 657, 658, 674, 691, 701, 725, 751, 653, 754, 756; т. II, 31.

Вестужевъ, Михаилъ Александровичъ, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 277, 279, 291, 337, 511, 515, 516, 655, 675, 694, 701, 733.

Вестужевъ, Николай Александровичъ, капитанъ-лейтенантъ, декабристъ, т. I, 238, 262, 266, 268, 271, 277, 279, 300, 337, 509, 511, 524, 545, 652, 657, 658, 675, 694, 701, 733.

Вестужевъ, Петръ, мичманъ, декабристъ, т. I, 677, 699, 702, 744, 751.

Вестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Павловичъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 365, 660, 662, 663, 674, 687, 704, 719, 721, 752, 753.

Ветанкуръ, Альфонсъ Августовичъ, генераль-адъютантъ, † 1863 г., т. II, 690.

Ветлингъ, т. I, 11.

Вечасновъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 674, 690, 700, 724.

Вибиновъ, Александръ Николаевичъ, тайный совѣтникъ, дипломатъ, т. II, 658.

Вибиновъ, Дмитрій Гавриловичъ, ген.-отъ-инф., министръ внутр. дѣлъ, членъ гос. сов., 1792—1870 г., т. I, 286, 546, 599, 781; т. II, 140, 532.

Вилевичъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Вильбасовъ, Василій Алексѣевичъ, историкъ, род. 1838 г., т. I, 532.

Вирнеръ, прусскій генераль, т. II, 743.

Виртъ, англичанка, вела переписку съ имп. Николаемъ I, т. I, 541.

Висмаркъ, князь, германскій канцлеръ, т. I, 315, 519.

Вистромъ, Карлъ Ивановичъ, ген.-отъ инфантеріи (1770—1838 г.), т. I, 124, 256, 260, 273, 274, 308, 510, 601, 602, 670; т. II, 167, 168, 172, 701.

Витнеръ, прусскій генераль, т. II, 559.

Влокъ, дипломатъ, т. I, 438.

Вломе, графъ, датскій посланникъ, т. I, 340, 343; т. II, 124, 435, 666.

Влудовъ, Дмитрій Николаевичъ, графъ, предс. гос. сов. и комит. министр., 1785—1864 г., т. I, 431, 432, 433, 642; т. II, 15, 33, 392, 407.

Влудова, графиня, т. II, 636, 637.

Влюхеръ, Гебгардъ Леберехтъ, князь, прусскій фельдмаршалъ, 1742—1819 г., т. I, 58.

Вобринскій, графъ, отст. корнетъ, декабристъ, т. I, 240, 625, 642, 776.

Вобрицевъ-Пушкинъ 1-й, поручикъ, декабристъ, т. I, 676, 698, 702, 745.

Вобрицевъ-Пушкинъ 2-й, поручикъ, декабристъ, т. I, 676, 695, 701, 736.

Вогдановъ, генераль-майоръ морской артиллеріи, † 1831 г., т. II, 366.

Вогдановъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 779.

Воденштедтъ, Фридрихъ, авторъ «Воспоминаній», т. I, 540.

Водиско I, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 444, 677, 699, 702, 747, 751.

Водиско 2, мичманъ, декабристъ, т. I, 677, 696, 701, 739.

Волгарскій, Василій Ивановичъ, сенаторъ, 1769—1833 г., т. I, 442.

Волотниковъ, Алексѣй Ульяновичъ, дѣйств. тайн. сов., чл. госуд. сов., 1760—1828 г., т. I, 501, 670.

Вордоскій, герцогъ, см. Генрихъ V (графъ Шамборъ).

Ворисовъ 1, Петръ, отст. подпоручикъ, декабристъ, т. I, 247, 458, 674, 689, 697, 700, 721, 740.

Ворисовъ 2, Андрей, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 458, 684, 689, 700, 721.

Воровковъ, Александръ Дмитріевичъ, тайный совѣтникъ, † 1856 г., т. I, 262, 328, 330, 336, 423, 424, 431, 432, 437, 438, 444, 508, 514, 541; т. II, 31, 78, 79, 407.

Вороздинъ, Андрей Михайловичъ, сенаторъ, 1763—1838 г., т. I, 238.

Вороздинъ, Николай Михайловичъ, ген.-адъют., ген.-отъ-кавалеріи, 1777—1830 г., т. I, 237, 239, 442, 443, 623; т. II, 123.

Вортянский, Дмитрій Степановичъ, духовный композиторъ, 1757—1825 г., т. I, 27.

Ворхардъ, Конрадъ, т. II, 525, 526.

Вотъ, генераль прусской арміи, т. II, 519.

Вошнякъ, Александръ Карловичъ, т. I, 178, 605.

Вравуа, фельдъегерь, т. II, 550.

Врагинъ, сержантъ, т. I, 599.

Враницкая, Александра Васильевна, графиня, оберъ-гофмейстерина, 1754—1838 г., т. II, 723, 724.

Вревертъ, штабсъ-ротмистръ, декабристъ, т. I, 775.

Вреза, Юсифъ, т. II, 525, 527.

Фонъ-деръ-Вригенъ, Александръ Ѳеодоровичъ, декабристъ, т. I, 448, 652, 653, 677, 698, 702, 743, 753.

Вриммеръ, Эдуардъ Владимировичъ, генераль отъ артиллеріи, 1797—1874 г., т. II, 418.

Де-Вриньоле-Санъ, представитель сардинскаго короля на коронаціи импер. Николая I, т. II, 401.

Вродовскій, Юсифъ, т. II, 527, 528.

Вроке, поручикъ, декабристъ, т. I, 779.

Врунновъ, Филиппъ Ивановичъ, графъ, дипломатъ, 1797—1875 г., т. II, 642.

Вудбергъ, Александръ Ивановичъ, баронъ, генераль-адъютантъ, 1798—1876 г., т. II, 476, 477, 559, 562.

Вулатовъ, Александръ Михайловичъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 271, 272, 295, 509.

Вулгари, Андрей, графъ, декабристъ, т. I, 236, 239, 240, 624, 625, 778.

Вулгари, Николай, графъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 236, 238, 239, 240, 242, 246, 444, 623, 624, 625, 626, 640, 677, 698, 702, 743, 751.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Вулгари, Спиридонъ, графъ, декабристъ, т. I, 778.

Вулгари, Яковъ, графъ, декабристъ, т. I, 236, 621, 625.

Вулгаринъ, Иосифъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 423.

Вулгаринъ, Фаддей Бенедиктовичъ, писатель, 1789—1859 г., т. I, 460.

Вураковъ, т. I, 240.

Вурашовъ, т. I, 625.

Вургонъ, Поль, баронъ, французскій дипломатъ, 1791—1864 г., т. II, 284, 285, 289, 290, 299, 378, 380, 383, 466.

Вурмейстеръ, Д. П., адъютантъ кн. А. С. Меншикова, т. II, 436.

Вурцовъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 242, 629, 658, 659, 779.

Вуссе, докторъ, т. I, 83.

Вуташевичъ-Петрашевскій, Михаилъ Васильевичъ, т. I, 513.

Вутовичъ, баталіонный командиръ Австрійскаго полка, убитый во время холернаго бунта, т. II, 613.

Вутринъ, Никодимъ, т. II, 527.

Вутурлиаъ, Дмитрій Петровичъ, членъ государственнаго совѣта, военный историкъ, 1790—1849 г., т. II, 204, 633, 634, 635, 636, 637.

Выстрицкий, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 446, 776.

Вѣлинскій, сенаторъ, председатель, суда надъ польскими заговорщиками, т. II, 98, 99, 100, 423.

Вѣлинскій, Эдуардъ, т. II, 527, 528.

Вѣлозерская, петербургская домовладѣлица, т. II, 606.

Вѣдосельскій, князь, т. II, 736.

Вѣлоусовъ, фельдъегерскій офицеръ, т. I, 229, 232, 248, 252.

Вѣльченко, поручикъ, декабристъ, т. I, 776.

Вѣляевъ 1-й, мичманъ, декабристъ, т. I, 676, 696, 701, 737, 755.

Вѣляевъ 2-й, мичманъ, декабристъ, т. I, 676, 696, 701, 737, 755.

фонъ-Вюловъ, прусскій офицеръ, т. I, 82.

В.

Вагнеръ, дворянинъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Вадбольскій, князь, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 774.

Вадковскій, Оедоръ Васильевичъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 177, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 243, 244, 320, 362, 363, 620, 626, 227, 600, 601, 623, 624, 625, 626, 627, 631, 632, 633, 638, 639, 640, 641, 675, 690, 700, 724, 743, 752, 753.

Вадковскій, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 777.

Ваза, принцъ, австрійскій генераль, т. II, 705.

Валишевскій, авторъ «Записокъ», т. I, 500.

Валияъ, наслѣдн. персидск. принцъ, т. II, 752.

Валленштейнъ, Альбрехтъ, герцогъ, 1583—1634 г., т. II, 676.

Васильевъ, Владимиръ Оедоровичъ, графъ, т. I, 393, 532, 533.

Васильчиковъ, Алексѣй Васильевичъ, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, † 1854 г., т. I, 671.

Васильчиковъ, Дмитрій Васильевичъ, ген. отъ кавалеріи, чл. госуд. сов., † 1859, т. II, 753.

Васильчиковъ, Иларіонъ Васильевичъ, князь, генераль-адъютантъ, предсѣд. гос. сов. и комитета министровъ, 1774—1847 г., т. I, 66, 126, 149, 156, 190, 290, 291, 428, 442, 501, 575. 600, 601, 602, 670; т. II, 37, 150, 187, 197, 198, 199, 200, 364, 408, 443, 450, 532, 544, 595, 598, 600, 604, 608.

Васильчиковъ, корнетъ, декабристъ, т. I, 777.

Вахрушевъ, чиновникъ, т. I, 622.

Веденяпинъ 1-й, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 675, 698, 702, 744, 751.

Веденяпинъ 2-й, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 675, 700, 702, 746, 751.

Веймарскій герцогъ, Бернгардъ, т. II, 743.

Веймарскій герцогъ, Карлъ-Фридрихъ, т. II, 676.

Веліо, Иосифъ Иосифовичъ, ген. отъ кав., царскосельскій комендантъ, 1795—1867 г., т. I, 290, 300.

Веллингтонъ, Артуръ, герцогъ, полководецъ, 1769—1852 г., т. I, 80, 400, 405, 407, 412, 413, 414, 415, 416, 537, 538, 539; т. II, 524.

Вельяминовъ, Алексѣй Александровичъ, генераль-лейтенантъ, 1785—1838 г., т. I, 575; т. II, 748, 755, 756.

Веригинъ, Н. В., авторъ «Записокъ», т. I, 490.

Веселовскій, штабъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 775.

Вигель, Филиппъ Филипповичъ, авторъ «Записокъ», 1786—1856 г., т. I, 483.

Викторія, англійская королева, 1819—1901 г., т. II, 738.

Вилламовъ, Григорій Ивановичъ, статсъ-секретарь, дѣйств. тайн. сов., чл. госуд. сов., 1771—1842 г., т. I, 38, 181, 182, 406, 476, 496. 611, 613, 617; т. II, 189, 190, 441.

Вилліе, Яковъ Васильевичъ, баронетъ, лейбъ-медикъ, 1765—1854 г., т. I, 95, 154, 172, 180, 489, 496, 611, 612; т. II, 532, 551.

Вильгельмина, прусская принцесса, т. I, 596.

Вильгельмъ I, 1779—1888 г., принцъ прусскій, впослѣдствіи императоръ германскій, король прусскій, т. I, 54, 83, 85, 86, 87, 88, 92, 94, 96, 98, 99, 100, 106, 110, 144, 146, 152, 154, 155, 159, 203, 322, 399, 404, 405, 407, 479, 489, 491, 593; т. II, 224, 226, 566, 686, 688, 703.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕНЪ

Вильгельмъ I, король вюртембергскій, 1781—1864 г., т. I, 64.

Вильгельмъ II, король нидерландскій 1792—1849 г., т. I, 64, 78, 144, 407, 494; т. II, 124, 294, 308, 504, 506, 574.

Вильгельмъ, Фридрихъ-Карлъ, принцъ прусскій, 3-й сынъ кор. Фридриха-Вильгельма II, род. 1783—1851 г., т. I, 158; т. II, 716, 719.

Вильдерметъ, воспит. принцессы Шарлотты, впоследствии императрицы Александры Феодоровны, т. I, 83.

Вильманъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 776.

Вильсонъ, Иосифъ, т. II, 525.

Виндигрецъ, Альфредъ, князь, австрійскій генералъ, 1787—1862 г., т. II, 743.

Вистицкій, Григорій Степановичъ, тайн. сов., сенаторъ, 1766—1836 г., т. I, 671.

Витгенштейнъ, Петръ Христіановичъ, кн., генералъ-фельдмаршалъ, 1768—1842 г., т. I, 159, 165, 238, 240, 244, 299, 355, 363; т. II, 8, 29, 71, 112, 114, 122, 123, 124, 128, 132, 135, 136, 140, 144, 147, 150, 159, 176, 178, 191, 192, 194, 195, 196, 202, 203, 204, 205, 208, 406, 423, 424, 436, 437, 443, 444, 445, 447, 448, 450, 451, 520, 525, 529, 686.

Вятъ, Иванъ Осиповичъ, графъ, ген. отъ кав., начальникъ кожныхъ военныхъ поселеній, т. I, 178, 238, 239, 242, 365, 492, 506, 526, 603, 604, 634; т. II, 22, 46, 160, 300, 391, 432, 540, 290, 724, 743, 745, 761.

Вицлебень, прусскій генералъ, т. I, 165; т. II, 308, 575, 672, 673.

Вишневскій, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 677, 700, 702, 748.

Вишневскій, Феликсъ, т. II, 527, 528.

Владиславъ, король польскій и венгерскій, 424—444 г., т. II, 171, 172, 223, 439, 542.

Власовъ, Максимъ Григорьевичъ, генералъ отъ кавалеріи, наказной атаманъ войска Донского, 1767—1848 г., т. II, 756.

Вонковъ, Александръ Львовичъ, ген.-адъют., ген. отъ кавалеріи, 1770—1830 г., т. I, 160, 162, 182, 186, 262, 281, 284, 286, 356, 498, 499, 502, 613, 614, 616, 670, 689, 723, 756; т. II, 37, 123, 127, 128, 150, 544.

Волковъ, штабъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 779.

Волконская, Екатерина Алексѣевна, княгиня, статсъ-дама, т. I, 85.

Волконскій, Петръ Михайловичъ, свѣтл. князь, министръ имп. двора, ген.-фельдмаршалъ, 1776—1852 г., т. I, 34, 60, 151, 172, 182, 183, 199, 216, 248, 251, 310, 358, 395, 396, 406, 421, 426, 429, 497, 503, 504, 526, 586, 612, 617, 618, 619, 634; т. II, 8, 39, 77, 80, 124, 156, 162, 226, 327, 362, 418, 436, 473,

532, 559, 608, 623, 624, 629, 670, 671, 696, 697, 699, 702, 739, 761.

Волконскій, Сергѣй Григорьевичъ, князь, генералъ-майоръ, декабристъ, т. I, 244, 320, 520, 528, 659, 660, 662, 674, 690, 691, 701, 723, 726, 751.

Волконская, Марія Николаевна, жена предыдущаго, т. I, 458.

Вольгемутъ, Иванъ Николаевичъ, преподаватель франц. языка великимъ князьямъ, Николаю и Михаилу Павловичамъ, т. I, 32, 565.

Волькенштейнъ, А., т. II, 438.

фонъ-Вольскій, полковникъ, декабристъ, т. I, 777.

Вольфъ, колл. сов., кавалеръ при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ, т. I, 28.

Вольфъ, штабъ-лѣкарь, декабристъ, т. I, 675, 694, 701, 732.

Воробьевъ, камердинеръ имп. Александра I, т. I, 615.

Воробьевъ, Максимъ Никифоровичъ, профессоръ живописи, 1787—1854 г., т. II, 532.

Воронецкій, князь, т. I, 597.

Воронцовъ, Михаилъ Семеновичъ, свѣтл. князь, генералъ-фельдмаршалъ, 1782—1856 г., т. I, 81, 152, 247, 347, 416, 505, 625, 670; т. II, 28, 92, 113, 130, 157, 160, 162, 164, 170, 174, 175, 207, 254, 283, 406, 427, 437, 540, 557, 746, 747.

Воронцовъ, Семень Романовичъ, графъ, дипломатъ, посолъ въ Лондонѣ, дѣйств. тайн. сов., 1744—1832 г., т. I, 7, 8, 9, 72, 77, 127, 488.

Воронцовъ-Дашковъ, Иванъ Иларіоновичъ, графъ, дѣйств. тайн. сов., чл. госуд. сов., оберъ-церемоніймейстеръ, 1790—1854 г., т. II, 666.

Ворцель, графъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Враницкій, полковникъ, декабристъ, т. I, 675, 699, 702, 747, 751.

Вреде, Карлъ-Филиппъ, князь, баварскій фельдмаршалъ, 1767—1839 г., т. I, 400.

Выгодовскій, канцеляристъ, декабристъ, т. I, 676, 698, 702, 748.

Высочинъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 777.

Вьельгорскій, Иосифъ Михайловичъ, гр., совоспитанникъ имп. Александра II, 1817—1839 г., т. II, 684.

Вьельгорскій, М. Ю., графъ, оберъ-шенкъ, 1788—1866 г., т. I, 474.

Вяземскій, Петръ Андреевичъ, князь, тов. мин. нар. просв., чл. госуд. сов., 1792—1878 г., т. I, 294, 296, 516; т. II, 884, 488, 489.

Вяземскій, князь, корнетъ, декабристъ, т. I, 777.

Г.

Гааке, графиня, прусская оберъ-гофмейстерина, т. I, 83.

Гагаринъ, Иванъ Алексѣевичъ, князь, сенаторъ, 1771—1832 г., т. I, 671.

Гагаринъ, Павелъ Павловичъ, князь, предс. госуд. сов., 1789—1872 г., т. I, 211, 212; т. II, 407.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Галиль, паша, турецкій полководецъ, т. II, 265, 266, 271, 272, 282, 441, 660, 661, 680.
Галляминъ, подполковникъ, декабристъ, т. I, 779.

Гаммерштейнъ, австрійскій генераль, т. II, 743.

Ганъ, Павелъ Васильевичъ, баронъ, тайный совѣтникъ, чл. госуд. сов., † 1847 г., т. II, 753.

Гангеловъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 774.

Гассанъ, ханъ, персидскій военачальникъ, т. II, 86, 420.

Гассанъ, паша, т. II, 136, 268.

Гастфордъ, Густавъ Христофоровичъ, генер. отъ инф., чл. госуд. сов., 1790—1874 г., т. II, 561.

Гаугребенъ, баронъ, т. I, 4.

Гауке, Маврикій Оедоровичъ, военн. мин. царства Польскаго, 1775—1830 г., т. I, 375, 380, 531; т. II, 327, 463.

Гауке, Иосифъ, графъ, генераль-майоръ, 1790—1837, т. II, 172, 439, 524, 525, 526.

Гачки, паша, т. II, 212.

Гвоздевъ, подполковникъ, декабристъ, т. I, 775.

Гебель, командиръ Черниговскаго полка, т. I, 365, 721.

Гежелинскій, Оедоръ Оедоровичъ, дѣйств. ст. сов., управл. дѣлами комитета министровъ, т. I, 353, 524, 525.

Гейденъ, Логгинъ Петровичъ, графъ, адмираль, 1772—1850 г., т. II, 103, 105, 234, 242, 423, 424.

Гейкинъ, бар., Карлъ Александровичъ, авторъ «Записокъ», дѣйств. тайн. совѣтн., сенаторъ, 1751—1809 г., т. I, 10, 474.

Гейсмаръ, Оедоръ Климентьевичъ, баронъ, ген. отъ кав., 1783—1848 г., т. I, 365; т. II, 433, 440.

Гейтесбюри, лордъ, англійскій посланникъ въ Петербургъ, т. II, 299.

Генрихъ V, графъ Шамборъ, претендентъ на французскій тронъ, † 1883 г., т. II, 286, 288, 300, 467, 572, 573, 682.

Генрихъ VII, король англійскій, † 1509 г., т. I, 589.

Генрихъ VIII, король англійскій, т. I, 589.

Гентцъ, Фридрихъ, нѣмецкій публицистъ и австрійскій дипломатъ, 1764—1832 г., т. I, 539; т. II, 30, 256.

Георгій Ольденбургскій, принцъ, тверской генераль-губернаторъ, † 1812 г., т. II, 310.

Георгъ IV, Августъ-Фридрихъ, англійскій король, 1762—1830 г., т. I, 78, 79; т. II, 107.

Георгъ, Фридрихъ-Карлъ-Иосифъ, великій герцогъ мекленбургъ-стрелицкій, 1779—1860 г., т. I, 158, 159, 165.

Герлахъ, прусскій генераль, т. I, 405, 537.

Германъ, генераль, т. I, 251; т. II, 561.

Германъ, Карлъ Оедоровичъ, статистикъ, проф. Спб. унив., членъ академіи наукъ, 1767—1838 г., т. II, 62.

Геруа, Александръ Клавдіевичъ, инж.-генераль, членъ военнаго совѣта, † 1862 г., т. I, 309; т. II, 8.

Герцбергъ, прусскій министръ, т. I, 383.

Гильемино, графъ, французскій посланникъ въ Константинополь, т. II, 246, 251, 459, 507.

Гладкій, Иосифъ Михайловичъ, атаманъ запорожцевъ, 1789—1866 г., т. II, 130, 131, 136, 433.

Гладковъ, Иванъ Васильевичъ, генераль-лейтенантъ, 1766—1832 г., т. I, 671.

Глинка, Сергій Николаевичъ, писатель, 1776—1847 г., т. II, 35.

Глинка, Григорій Андреевичъ, наставникъ имп. Николая I, проф. русск. слов., 1776—1818 г., т. I, 30, 66, 72, 78, 79, 491, 492, 575, 578, 581.

Глинка, Оедоръ Николаевичъ, писатель, декабристъ, т. I, 224, 544, 752, 753, 778.

Глиноецкій, Н., т. II, 420.

Глѣбовъ, коллежскій секретарь, декабристъ, т. I, 678, 696, 701, 738.

Гнейзенау, Августъ, графъ, прусскій фельдмаршалъ, 1760—1831 г., т. II, 356, 484, 581.

Годеніусъ, корнетъ, декабристъ, т. I, 776.

Голенищевъ-Кутузовъ, Павелъ Васильевичъ, генераль-адъютантъ, членъ госуд. совѣта, 1772—1843 г., т. I, 66, 72, 77, 79, 80, 81, 186, 284, 285, 300, 329, 332, 350, 356, 451, 454, 481, 482, 483, 484, 493, 576, 578, 579, 581; т. II, 7.

Голицына, княгиня, т. I, 610.

Голицынъ, Александръ Николаевичъ, князь, оберъ-прокуроръ святѣйш. синода, мин. народн. просв., членъ госуд. сов., 1773—1844 г., т. I, 139, 140, 141, 143, 172, 187, 188, 192, 194, 200, 203, 212, 266, 329, 332, 939, 404, 405, 426, 491, 493, 500, 524, 616; 779; т. II, 43, 44, 80, 119, 187, 250, 261, 418, 534, 535, 536, 549, 555, 559.

Голицынъ, Андрей Борисовичъ, князь, т. I, 285, 513.

Голицынъ, Валеріанъ, князь, камеръ-юнкеръ, декабристъ, т. I, 676, 698, 702, 745, 751, 753.

Голицынъ, Владиміръ Сергѣевичъ, князь, сенаторъ, 1794—1868 г., т. I, 597.

Голицынъ, Дмитрій Владимировичъ, князь, ген.-губ. московскій, чл. госуд. сов., 1771—1844 г., т. I, 142, 143, 197, 210, 247, 325, 503, 536, 615; т. II, 276, 566.

Голицынъ, Дмитрій Михайловичъ, дѣйств. тайн. сов., учредитель больницы въ Москвѣ, 1721—1793 г., т. II, 567.

Голицынъ, Павелъ, князь, декабристъ, т. I, 774.

Голицынъ, Сергій Михайловичъ, князь, дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. совѣта, 1774—1855 г., т. I, 210; т. II, 699, 764.

Голицынъ, князь, начальникъ почтъ, т. I, 243, 245, 246.

Головинъ, Евгеній Александровичъ, генераль-адъютантъ, ген. отъ инф., чл. госуд. сов., 1782—1853 г., т. I, 308, 513; т. II, 167, 366, 756.

Головкинъ, Юрій Александровичъ, графъ, членъ госуд. сов., сенаторъ, 1749—1846 г., т. I, 412.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕНЪ

Головинъ, Василій Михайловичъ, вице-адмиралъ, писатель, 1776—1831 г., т. I, 776.

Горбачевскій, Иванъ Ивановичъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 645, 674, 689, 700, 722, 746.

Горголи, Иванъ Савичъ, сенаторъ, дѣйствит. тайный сов., 1770—1862 г., т. II, 616.

Гордонъ, англійскій посланникъ въ Константинополь, т. II, 246, 251, 459.

Горленко, полковникъ, декабристъ, т. I, 778.

Гордискій, Андрей, министръ иностр. дѣлъ въ Польшѣ, т. II, 390, 489.

Горожанскій, поручикъ, декабристъ, т. I, 778.

Горсткйнъ, титулярный совѣтникъ, декабристъ, т. I, 778.

Горчаковъ, Алексѣй Ивановичъ, князь, управляющій военнымъ министерствомъ, ген. отъ инфант., 1769—1817 г., т. I, 60.

Горчаковъ, Михаилъ Дмитриевичъ, князь, генералъ-адъютантъ, 1793—1861 г., т. I, 242; т. II, 140, 480, 590.

Гофманъ, майоръ, т. I, 240, 624, 641.

Граббе, Павелъ Христофоровичъ, графъ, генер. отъ инф., чл. госуд. сов., 1787—1875 г., т. I, 446, 544, 545, 639, 640, 779; т. II, 419, 658.

Грабовъ, прусскій полковникъ, т. I, 83.

Грабовскій, Станиславъ, графъ, генер.-контролеръ царства Польскаго, † 1845 г., т. I, 375, 379, 380, 388, 531, 532; т. II, 327, 422, 423, 473, 575.

Грабовскій, Францискъ, графъ, сенаторъ, т. I, 375, 380, 531.

Грёбенъ, прусскій свитскій офицеръ, т. II, 675.

Гревсъ, полковникъ, т. I, 625.

Грей, лордъ, англійскій государственный дѣятель, 1764—1845 г., т. II, 652.

Грейгъ, Алексѣй Самойловичъ, адмиралъ, командиръ Черноморскаго флота 1775—1845 г., т. I, 576, 776; т. II, 122, 142, 148, 150, 151, 155, 174, 232, 233, 234, 413, 424.

Гречъ, Николай Ивановичъ, тайный совѣтникъ, писатель, 1787—1867 г., т. I, 449, 450, 495, 515, 543.

Гржимайло, речетмейстеръ въ государ. совѣтъ царства Польскаго, т. I, 531; т. II, 98.

Грибовскій, Адрианъ Моисеевичъ, статъ-секретарь Екатерины II, авторъ «Записокъ», 1766—1833 г., т. I, 433, 543; т. II, 280, 464.

Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ, русскій драматургъ, посланникъ въ Персін, 1795—1829 г., т. II, 212, 462.

Гриммъ, Фридрихъ-Мельхіоръ, баронъ, публицистъ-дипломатъ, 1723—1807 г., т. I, 1, 2, 383, 384.

Гриммъ, биографъ императрицы Александры Оеодоровны, т. I, 90, 485; т. II, 620.

Гриммъ, камердин. императ. Николая I, т. I, 183, 294.

Гродецкій, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Грольманъ, генералъ, начальникъ генеральнаго штаба въ Пруссіи, т. I, 84.

Громницкій, поручикъ, декабристъ, т. I, 675, 693, 701, 729.

Грохольскій, графъ, т. II, 423.

Груберъ, Гавріилъ, генералъ іезуитскаго ордена, 1740—1805 г., т. II, 422.

Гружевскій, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Грушецкій, Владимиръ Сергѣевичъ, дѣйствит. тайн. сов., сенаторъ, † 1839 г., т. I, 671.

Гудима, поручикъ, декабристъ, т. I, 778.

Гурьевъ, Дмитрій Александровичъ, графъ, дѣйств. тайн. сов., мин. фин., членъ гос. сов., 1751—1825 г., т. I, 152, 162, 179, 576, 581, 608, 610; т. II, 449.

Гурьевъ, Николай Дмитриевичъ, графъ, тайн. сов., дипломатъ 1789—1849 г., т. I, 503, 525; т. II, 452, 504.

Гурьевъ, графъ, кіевскій ген.-губернат., т. II, 722, 723, 742.

Гурьевъ, Семеновъ, поручикъ, т. I, 763, 764.

Гурьевъ, Иванъ, капитанъ-поручикъ, т. I, 763, 764.

Гурьевъ, Петръ, квартирмейстеръ, т. I, 763, 764.

Гусевъ, фельдъегерь, т. I, 596.

Гуссейнъ, паша, т. II, 143, 146, 158, 159, 176.

Д.

Давидъ (кн. Церетели), митрополитъ имеретинскій, † 1853 г., т. II, 750.

Давыдовъ, Василій Львовичъ, отставн. полковникъ, декабристъ, т. I, 238, 458, 660, 674, 690, 700, 724.

Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ, 1781—1839, ген.-лейт., партизанъ войны 1812 г., поэтъ, т. I, 104, 487; т. II, 10, 342, 389, 489.

Дадіановъ, фельдъегерскій офицеръ, т. II, 243.

Дадіанъ Мингрельскій, князь, т. II, 749, 753, 754.

Даль, Владимиръ Ивановичъ, писатель, этнографъ, 1801—1872 г., т. II, 35.

Дамась, франц. министръ иностр. дѣлъ, т. I, 399, 537.

Даниловъ, Иванъ Даниловичъ, сенаторъ, 1768—1852 г., т. II, 403.

Дантонъ, дѣятель франц. революціи, мин. юстиціи, 1759—1794 г., т. II, 107, 112, 424.

Дараганъ, камеръ-пажъ императ. Александры Оеодоровны, т. I, 96, 98, 99, 486.

Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ, дѣйств. тайн. сов., мин. юстиціи, чл. госуд. сов., 1784—1839 г., т. I, 546; т. II, 124, 250, 548, 549, 664.

Дебровскій, т. II, 516.

Девонширскій, герцогъ, т. II, 12.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Дегай, Павелъ Ивановичъ, сенаторъ, 1792—1848 г., т. II, 634, 635.

Фонъ-Дезинъ, Вилгъ Петровичъ, адмиралъ, сенаторъ, 1740—1826 г., т. I, 501.

Деллингсгаузенъ, Иванъ Федоровичъ, баронъ, ген.-адъют., † 1845 г., т. II, 533, 614.

Дельвингъ, Антонъ Антоновичъ, баронъ, поэтъ, 1798—1831 г., т. II, 14.

Дембекъ, каноникъ, участникъ польск. заговора, т. I, 531; т. II, 98.

Дембинскій, участникъ польскаго возстанія, т. II, 612, 613, 614.

Демидовъ, Николай Ивановичъ, генер.-адъютантъ, ген.-отъ-инфант., сенат., 1771—1833 г., т. I, 356, 575, 631; т. II, 724.

Демидовъ, коллежскій совѣтникъ, т. I, 542, 665.

Дениско, участникъ польскаго заговора, т. II, 423.

Депрерадовичъ, Николай Ивановичъ, ген.-адъют., 1767—1843 г., т. II, 178, 452, 598.

Дерамеръ, участникъ польск. заговора, т. II, 423.

Державинъ, Гаврилъ Романовичъ, дѣйствит. тайн. сов., мин. юстиціи, сенаторъ, поэтъ, 1743—1816 г., т. I, 3, 112.

Дернбергъ, графъ, генералъ-майоръ, ганноверскій посланникъ въ Спб., т. I, 348; т. II, 124.

Джанотти, преподаватель инженерныхъ наукъ импер. Николая I, т. I, 20, 35, 41, 64, 478.

Джафетъ, паша, т. II, 268.

Дибичъ, Иванъ Ивановичъ, баронъ, генералъ-лейтен., военный писатель, 1758—1822 г., т. I, 11.

Дибичъ-Забалканскій, Иванъ Ивановичъ, графъ, ген.-фельдмаршалъ, членъ госуд. сов. 1785—1831 г., т. I, 100, 144, 151, 178, 179, 181, 182, 183, 184, 198, 206, 213, 214, 216, 231, 233, 234, 235, 236, 243, 244, 246, 247, 251, 299, 329, 330, 352, 358, 360, 362, 363, 366, 394, 398, 409, 429, 452, 454, 458, 459, 493, 495, 496, 499, 502, 503, 504, 507, 515, 523, 525, 526, 527, 536, 541, 545, 603, 608, 611, 612, 613, 617, 619, 620, 622, 623, 626, 628, 631, 632, 633, 638, 639, 673, 678, 781; т. II, 7, 8, 15, 20, 22, 23, 24, 46, 48, 54, 58, 63, 64, 66, 68, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 81, 85, 86, 119, 122, 123, 124, 128, 132, 144, 148, 149, 150, 152, 158, 159, 160, 161, 165, 170, 174, 176, 178, 187, 188, 194, 195, 196, 202, 203, 204, 206, 207, 208, 210, 211, 223, 224, 230, 231, 232, 236, 238, 239, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 251, 252, 254, 255, 256, 259, 260, 262, 263, 264, 282, 284, 302, 303, 308, 315, 316, 317, 319, 320, 322, 328, 330, 336, 338, 340, 342, 343, 344, 352, 353, 354, 355, 356, 406, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 421, 422, 423, 424, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 444, 445, 446, 447, 450, 451,

452, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 478, 493, 470, 471, 472, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 490, 505, 507, 517, 524, 526, 528, 530, 533, 534, 539, 548, 549, 550, 551, 556, 571, 572, 574, 575, 576, 577, 581, 586, 587, 588, 524.

Дибичъ-Забалканская, Анна Егоровна, статсъ-дама, 1798—1830 г., т. II, 461.

Дивовъ, Павелъ Григорьевичъ, кавалеръ велик. князей Николая и Михаила Павловичей, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, 1765—1841 г., т. I, 28, 291, 316, 318, 444, 446, 455, 501, 503, 505, 515, 517, 523, 525; т. II, 6, 36.

Дивовъ, мичманъ, декабристъ, т. I, 676, 692, 700, 729, 751, 755.

Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ, 1760—1837 г., министр юстиціи, баснописецъ, писатель, т. I, 162, 292, 418, 493, 516.

Добринскій, поручикъ, декабристъ, т. I, 779.

Довнар-Вичъ, т. II, 423.

Довре, Федоръ Филипповичъ, генералъ отъ инфантеріи, 1766—1846 г., т. II, 440, 524, 614, 615.

Долгоруковъ, Алексѣй Алексѣевичъ, князь, министр юстиціи, 1767—1834 г., т. II, 79.

Долгоруковъ, Василій Васильевичъ, князь, оберъ-шталмейстеръ, 1786—1858 г., т. I, 85, 287; т. II, 654.

Долгоруковъ, Николай Андреевичъ, князь, генер. отъ кавалеріи, 1794—1847 г., т. I, 597; т. II, 613, 696, 741.

Долгоруковъ, Николай Васильевичъ, князь, гофмаршалъ, т. II, 728.

Доросеевъ, матросъ, т. II, 756.

Дочевскій, т. II, 423.

Друцкой-Горскій, князь, статск. совѣтн., декабристъ. † 1849 г., т. I, 300, 317, 677, 685, 754.

Друцкой-Любецкій, Ксаверій Францевичъ, князь, т. II, 214.

Дубельтъ, Леонтій Васильевичъ, генер.-лейтенантъ, управляющ. III отдѣленіемъ, 1792—1862 г., т. II, 634.

Дубенскій, Николай Порфирьевичъ, сенаторъ, 1825 г., т. I, 671.

Дубецкій, Юсифъ Петровичъ, авторъ «Записокъ», т. II, 423.

Дунинъ, Феликсъ, т. II, 527, 528.

Дургамъ, лордъ, англійскій политическ. дѣятель, 1792—1840 г., т. II, 652, 653, 722, 723, 729.

Дурновъ, флигель-адъютантъ, т. I, 285.

Дьяковъ, Петръ Николаевичъ, генер.-адъютантъ, сенаторъ, т. II, 728.

Дюгамель, Александръ Осиповичъ, генералъ отъ инфантеріи, сенаторъ, 1801—1880 г., т. II, 663.

Дю-Пюже, преподаватель французскаго языка импер. Николая I, т. I, 27, 32, 47, 555.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

Е.

Евгеній Виртембергскій, принцъ, генер. отъ инфантеріи русск. службы 1788, † 1857, т. I, 13, 208, 210, 292, 295, 297, 298, 304, 305, 306, 308, 333, 334, 503, 516, 517, 518, 519, 523; т. II, 124, 150, 158, 168, 176, 187, 188, 204, 396, 428, 438, 443, 446, 472, 490.

Евгеній (Е. А. Болховитиновъ), митрополитъ кievскій и галицкій, 1767—1837 г., т. I, 516, 671; т. II, 6, 236, 238.

Евдокія Θεодоровна, рожденная Лопухина, 1-я супруга Петра I, 1669—1731 г., т. I, 132.

Езерскій, графъ, членъ сейма, т. II, 326, 327, 473.

Екатерина II, императрица, 1729 — 1796 г., т. I, 1, 2, 3, 6, 9, 10, 14, 112, 118, 123, 174, 383, 384, 386, 388, 389, 475, 489, 490, 499, 532, 533, 543, 666; т. II, 464, 556, 689, 699, 728.

Екатерина Павловна, великая княжна, впоследствии супруга Вильгельма I, короля виртембергскаго, т. I, 13, 58, 64, 81, 118, 550; т. II, 310.

Елена Павловна, супруга вел. князя Михаила Павловича, т. I, 148, 156, 180, 193, 501, 610, 612; т. II, 692.

Елизавета Александровна, вел. княжна, дочь императора Александра I, 1806 — 1808 г., т. I, 476.

Елизавета Алексѣевна, императрица, супруга императора Александра I, 1779—1826 г., т. I, 58, 87, 92, 94, 99, 114, 116, 143, 162, 172, 175, 180, 182, 183, 247, 395, 396, 418, 421, 422, 447, 476, 477, 485, 489, 491, 540, 612, 613, 618; т. II, 1, 392, 699.

Елизавета Петровна, императрица, 1709—1761 г., т. I, 454, 769; т. II, 32.

Елизавета, королева английская, 1533—1603, т. I, 589.

Елизавета, принцесса баварская, впоследствии супруга короля прусскаго Фридриха-Вильгельма IV, 1801—1873 г., т. I, 494.

Енохинъ, Иванъ Васильевичъ, лейб-медикъ, тайный совѣтникъ, 1791—1863 г., т. II, 310.

Ентальцовъ, подполковн., декабристъ, т. I, 662, 676, 697, 702, 740.

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, генер. отъ артилл., членъ госуд. сов., 1772—1861 г., т. I, 162, 251, 272, 327, 426, 479, 488, 513, 597; т. II, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 68, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 77, 80, 82, 83, 84, 85, 92, 94, 95, 122, 388, 389, 390, 406, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 452, 453, 531, 624, 713.

Ж.

Жебровскій, секретарь графа Плиньскаго, декабристъ, т. I, 778.

Желевскій, Теофилъ, т. II, 527, 528.

Желтухинъ, Петръ Θεодоровичъ, генер.-лейтенантъ, 1776—1829 г., т. II, 60, 61, 204.

Жемчужниковъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 775.

Жеребцовъ, Дмитрій Сергѣевичъ, дѣйств. статск. сов., новгородскій губернаторъ, т. I, 524, 530.

Жиро, историкъ-юристъ, 1802—1882 г., т. I, 64.

Жюмнинъ, Генрихъ, баронъ, генералъ русской службы, стратегъ, 1779—1869 г., т. II, 124.

Жуковъ, штабсъ-ротмистръ, декабристъ, т. I, 778.

Жуковский, Александръ Михайловичъ, генералъ-майоръ, † 1856 г., т. II, 561.

Жуковский, Василій Андреевичъ, тайн. совѣтн., воспитатель импер. Александра II, поэтъ, 1783—1852 г., т. I, 94, 112, 117, 184, 266, 419, 497, 498, 499; т. II, 216.

Жуфруа, т. I, 592.

З.

Заблоцкій, участникъ польскаго заговора, т. II, 98.

Заблоцкій-Десятовскій, Андрей Паросновичъ, государственн. дѣятель и писатель, 1807—1881 г., т. II, 434.

Завалишинъ, Д., лейтенантъ, декабристъ, т. I, 434, 516, 517, 652, 676, 692, 700, 727.

Завиѣаевъ, камердинеръ императ. Александра I, т. I, 405.

Завиша, дворянинъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Загорѣцкій, поручикъ, декабристъ, т. I, 676, 678, 702, 742.

Закинъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 676, 698, 702, 745.

Заіончекъ, Іосифъ, 1752 — 1826, генералъ, намѣстникъ царства Польскаго, т. I, 420.

Закревскій, Арсеній Андреевичъ, графъ, генер.-адъют., мнн. внутренн. дѣла, 1783—1865 г., т. I, 152, 198, 225, 356, 426, 615,

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

670, 775; т. II, 39, 79, 126, 288, 331, 364, 392, 393, 394, 401, 433, 489, 490, 597, 598, 600.

Залускій, графъ, флигель-адъютантъ, т. II, 167.

Залускій, графъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 98.

Замоискій, Станиславъ Андреевичъ, графъ, дѣйств. тайн. сов., президентъ сената царства Польскаго, т. I, 375, 380, 531; т. II, 98, 281.

Зандровичъ, Францъ, т. II, 527.

Зарѣцкій, поручикъ, декабристъ, т. I, 775.

Зассъ, Андрей Андреевичъ, ген.-лейтен., т. I, 240, 624, 631, 633.

Зотовъ, Рафаилъ Михайловичъ, дѣйств. статск. сов., романистъ, драматургъ, авторъ «Записокъ», 1794—1871 г., т. I, 207, 503, 513.

Зубовъ, Дмитрій Александровичъ, графъ, генераль-майоръ, 1764—1836 г., т. II, 696.

Зубовъ, Платонъ Александровичъ, князь, генераль отъ инфант., членъ госуд. сов., 1767—1822 г., т. I, 11, 473.

Зумалакарегви, испанскій офицеръ, т. II, 683.

Зыковъ, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 778.

И.

Ибрагимъ-Афетъ, вице-король египетскій, 1789—1840 г., т. I, 416; т. II, 104, 440, 659, 660, 661, 662, 663.

Ибрагимъ, паша, т. II, 528.

Ивановъ, провіантскій чиновн. 10 класса, декабристъ, т. I, 675, 695, 701, 735.

Ивашевъ, ротмистръ, декабристъ, т. I, 676, 694, 701, 732, 751.

Ивашкевичъ, отставной майоръ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Ивеличъ, Маркъ Константиновичъ, гр., сенаторъ, 1740—1825 г., т. II, 159, 539.

Иснатьевъ, Дмитрій Львовичъ, генер.-майоръ, 1782—1833 г., т. I, 286.

Иснатьевъ, Павелъ Николаевичъ, графъ, генер.-адъютантъ, членъ государств. сов., 1797—1879 г., т. II, 473.

Измайловъ, Михаилъ Михайловичъ, дѣйствит. тайн. сов., московскій генер.-губерн., сенаторъ, † 1800 г., т. I, 2.

Изяславъ, князь полоцкій, 981—1001 г., т. I, 384.

Иязовъ, Иванъ Никитичъ, генераль отъ инфантеріи, новороссійскій генер.-губерн., 1768—1845 г., т. II, 434.

Инокентій, архіепископъ херсонскій (Иванъ Евсеевичъ Борисовъ), 1800—1857 г., т. II, 637.

Ипсиланти, Александръ Константиновичъ, генераль-майоръ русской службы, † 1828 г., т. II, 512.

Искрицкій, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 774.

Исленьевъ, Николай Александровичъ, генер.-адъют., ген.-лейтенантъ, † 1851 г., т. I, 285, 286, 631; т. II, 591.

І.

Іаковъ II, король англійскій, 633—701 г., т. I, 339.

Іоанесъ, армянскій патріархъ, т. II, 751.

Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный, царь и великій князь всея Руси, 1440—1505 г., т. I, 64.

Іоаннъ Антоновичъ, 1740—1764 г., т. I, 764, 765.

Іоаннъ Веземельный, король англійск., т. I, 589.

Іоганнъ, эрцъ-герцогъ австрійск., 1782—1859 г., т. II, 704, 711, 714, 743, 745, 746.

Іодко, Константинъ, т. II, 527, 528.

Іомейко, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

К.

Кавелинъ, Александръ Александровичъ, генераль отъ инфант., членъ госуд. сов., 1793—1850 г., т. I, 285, 492, 493; т. II, 692, 697.

Казн-Мулла, горскій имамъ, † 1832 г., т. II, 654, 655.

Казнаковъ, Геннадій Ивановичъ, ген.-майоръ, 1792—1851 г., т. I, 600.

Кайсаровъ, Памсіи Сергѣевичъ, генер., 1783—1844 г., т. II, 723, 724.

Фонтъ-Кампенгаузенъ, Балътазаръ Балътазаровичъ, баронъ, тайн. сов., мин. внутр. дѣлъ, членъ госуд. сов., 1772—1823 г., т. I, 542.

Канкринъ, Егоръ Францевичъ, графъ, мин. финансовъ, чл. госуд. сов., 1774—1845 г., т. I, 151, 196, 304, 501, 512; т. II, 54, 80, 254, 308, 319, 410, 432, 445, 449, 471, 562, 576, 731.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕНЬ

Баннингъ, Джорджъ, англійскій госуд. дѣятель, 1770—1827 г., т. I, 412, 416, 539.

Каподистрія, Іоаннъ, графъ, русскій и греческій госуд. дѣятель, 1776—1831 г., т. I, 381; т. II, 250, 427, 503.

Капуданъ-паша, Изетъ Мегметъ, т. II, 169, 234, 268.

Караблиновъ, секретарь Казанскаго университета, экстраординарный профессоръ, т. II, 60.

Каразинъ, Василій Назаровичъ, статскій совѣтникъ, 1773—1842 г., т. I, 528.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ, дѣйств. ст. сов., исторіографъ, 1766—1826 г., т. I, 3, 144, 162, 254, 255, 266, 291, 292, 294, 296, 334, 418, 419, 420, 462, 493, 507, 516, 517.

Карасевскій, Александръ Ивановичъ, тайный совѣтникъ, т. I, 330.

Каратыгинъ, Петръ Андреевичъ, актеръ, авторъ «Записокъ», 1805—1879 г., т. I, 514.

Карвацкій, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Карвицкій, графъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Карлъ, принцъ шлезвигъ-голштинскій, т. II, 707.

Карлъ V, германскій императоръ, т. I, 120.

Карлъ X, французскій король, 1757—1836 г., т. I, 172, 400, 539; т. II, 1, 107, 284, 288, 295, 298, 300, 312, 316, 467, 470, 505, 507, 563, 572, 573.

Карлъ XII, король шведскій, 1682—1718 г., т. II, 679.

Карлъ, принцъ прусскій, братъ короля Вильгельма I, т. I, 54, 87, 607, 609; т. II, I, 173, 286.

Карлъ-Іоаннъ XIV, король шведскій, 1764—1844 г., т. I, 417, 540; т. II, 286, 705.

Карлъ-Людвигъ-Іоаннъ, эрцъ-герцогъ австрійскій, 1771—1847 г., т. II, 710, 711, 715.

Донъ-Карлосъ, Карлъ-Маріа-Хозе-Исидоръ, испанскій инфантъ, 1788—1855 г., т. II, 683.

Карно, Лазарь-Николай-Маргеритъ, дѣятель французской революціи, 1753—1823 г., т. II, 107, 112, 424.

Каролина, принцесса англійская, т. II, 648.

Карцовъ, Петръ Кондратьевичъ, адмир., чл. госуд. сов., сенаторъ, 1746—1830 г., т. I, 501, 670.

Касаткинъ, Тихонъ, придворный лакей, прикосновенный къ дѣлу Мировича, т. I, 765.

Катассановъ 1, полковникъ, т. II, 515, 516.

Катассановъ 2, подполковникъ, т. II, 518.

Каховской, Петръ Андреевичъ, отст. поручикъ, декабристъ, т. I, 297, 443, 456, 513, 651, 652, 653, 654, 656, 657, 674, 688, 704, 720, 725, 744.

Кашкинъ, губернский секретарь, декабристъ, т. I, 778.

Киенскій, Игнатій, т. II, 525, 527.

Кирияковъ, Николай Дмитріевичъ, генералъ, т. I, 487.

Кирияковъ, комиссіонеръ гр. Булгари, т. I, 625.

Кирѣевъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 675, 693, 701, 730.

Киселевъ, Павелъ Дмитріевичъ, графъ, ген.-адъют., ген. отъ инф., мин. госуд. им. чл. госуд. сов., 1788—1872 г., т. I, 162, 240, 363, 364, 424, 426, 527, 625; т. II, 80, 113, 120, 123, 126, 128, 130, 132, 134, 135, 136, 158, 204, 207, 254, 431, 432, 433, 434, 437, 445, 446, 451, 453, 517, 518, 525, 543, 547, 624.

Кистеръ, генералъ прусской арміи, т. II, 124.

Кламмъ, графъ, австрійскій госуд. дѣятель, т. II, 711.

Клейнмихель, Петръ Андреевичъ, графъ, главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями, чл. госуд. совѣта, 1793—1869 г., т. I, 41, 42, 328, 339, 353, 525, 615; т. II, 8, 45, 57, 80, 499, 501, 613, 614, 615, 616.

Кленковскій, т. II, 423.

Клинггеръ, Федоръ Ивановичъ, ген.-лейт., директоръ Пажеск. корп. и попечитель учебнаго округа въ Дерптѣ, 1752—1831 г., т. I, 11, 474.

Клокачевъ, Алексій Федоровичъ, вице-адмир., 1768—1823 г., т. I, 21.

Кноррингъ, Богданъ Федоровичъ, баронъ, ген. отъ инфантеріи, 1776—1826 г., т. I, 132.

Княжевичъ, Карлъ, польскій генералъ, 1762—1842 г., т. I, 376, 530.

Княжнинъ, Борисъ Яковлевичъ, ген. отъ инфантеріи, сенаторъ, 1777—1854 г., т. I, 516.

Кобервейнъ, т. II, 595.

Ковалевскій, Егоръ Петровичъ, публицистъ-писатель, авторъ книги «Графъ Блудовъ и его время», 1811—1868 г., т. I, 410, 411, 535; т. II, 74, 406, 417, 642, 643.

Кодрингтонъ, Эдуардъ, адмиралъ англійскаго флота, 1770—1851 г., т. II, 105, 107, 108.

Кожевниковъ, подпоручикъ л.-гв. Гренадерскаго полка, декабристъ, т. I, 774.

Кожевниковъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 678, 699, 702, 718, 752.

Кожуховскій, бібліотекарь госуд. сов. царства Польскаго, т. I, 531.

Козарскій, Александръ Ивановичъ, т. II, 233.

Козловъ, майоръ, т. I, 527.

Козодаевъ, Александръ Васильевичъ, сенаторъ, 1776—1854 г., т. I, 443.

Кокошкинъ, Сергій Александровичъ, сенаторъ, 1785—1861 г., т. II, 310, 393.

Колачковскій, генералъ, т. I, 168, 492, 494.

Колзаковъ, Павелъ Андреевичъ, адъютантъ велик. кн. Константина Павловича, впоследствии адмиралъ, † 1864 г., т. I, 214, 215, 375, 380, 504, 531.

Коловратъ, графъ, австрійскій госуд. дѣятель, 1788—1861 г., т. II, 710, 711.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Кологривовъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 776.

Колокольниковъ, корнетъ, декабристъ, т. I, 775.

Колошинъ, титулярный совѣтникъ, декабристъ, т. I, 752, 753, 776.

Колчинъ, кучеръ имп. Николая I, т. II, 757.

Комаровъ, подполковникъ, т. I, 242, 629, 659, 752.

Комаровскій, Евграфъ Федотовичъ, графъ, ген.-адъют., сенаторъ, авторъ «Записокъ», 1769—1843 г., т. I, 323, 324, 325, 442, 520, 670; т. II, 7, 403.

Коновницынъ, графъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 677, 699, 702, 747, 751.

Коновницынъ, Иванъ, графъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 774.

Коновницынъ, Петръ Петровичъ, графъ, генер.-адъют., военный министр, 1766—1822 г., 41, 42, 50, 51, 53, 56, 58, 59, 60, 66, 478, 479, 481, 481, 511, 565, 566, 568, 569, 570.

Коновницына, т. I, 780.

Константинъ Николаевичъ, великій князь, 1827—1892 г., т. II, 66, 252, 633, 652, 698, 702, 780.

Константинъ Павловичъ, великій князь, цесаревичъ, † 1831 г., т. I, 3, 6, 10, 15, 58, 90, 98, 108, 114, 118, 120, 122, 127, 128, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 143, 144, 147, 152, 154, 155, 166, 169, 170, 174, 180, 182, 184, 186, 187, 188, 190, 191, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 202, 203, 204, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 215, 217, 218, 219, 221, 222, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 234, 246, 248, 250, 252, 254, 255, 256, 258, 262, 264, 266, 267, 268, 272, 281, 284, 285, 287, 288, 289, 294, 266, 298, 300, 301, 302, 304, 310, 313, 316, 318, 322, 326, 327, 331, 344, 345, 350, 360, 362, 365, 366, 367, 370, 373, 375, 376, 379, 382, 383, 386, 387, 389, 390, 392, 393, 395, 408, 409, 413, 416, 421, 432, 448, 473, 474, 476, 480, 490, 491, 492, 493, 494, 496, 497, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 516, 517, 518, 520, 521, 522, 523, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 537, 538, 539, 541, 544, 598, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 634, 635, 636, 637, 642, 643, 644, 646, 647, 649, 650, 667, 749, 750, 754; т. II, 1, 2, 4, 6, 7, 8, 10, 27, 31, 55, 56, 59, 63, 66, 75, 92, 94, 95, 96, 98, 99, 108, 110, 112, 115, 116, 119, 132, 156, 159, 172, 182, 183, 184, 185, 187, 188, 191, 206, 214, 215, 218, 219, 230, 234, 277, 299, 315, 316, 318, 319, 320, 330, 333, 338, 340, 342, 357, 358, 360, 361, 362, 372, 374, 382, 390, 401, 402, 403, 404, 406, 409, 411, 412, 418, 420, 422, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 433, 435, 436, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 458, 459, 467, 468, 469, 470, 472, 473, 474, 475, 484, 485, 486, 503, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 524, 525, 526, 527, 530, 542, 543, 575, 577, 598.

Корниловъ, Алексѣй Михайловичъ, сенаторъ, 1764—1835 г., т. I, 671.

Корниловъ, Владимиръ Алексѣевичъ, вице-адмиралъ, 1806—1854 г., т. II, 425.

Курниловичъ, штабъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 238, 247, 298, 658, 676, 695, 701, 736, 747, 751.

Корсаковъ, генералъ, т. I, 21; т. II, 532.

Корсаковъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 779.

Корфъ, Модестъ Андреевичъ, баронъ, впоследствии графъ, директоръ Имп. Публичной библіотеки, чл. госуд. сов., 1800—1872 г., т. I, 4, 7, 25, 30, 31, 32, 34, 36, 70, 134, 200, 202, 203, 235, 256, 260, 349, 424, 428, 456, 461, 462, 478, 484, 490, 491, 494, 498, 499, 500, 501, 502, 504, 505, 506, 507, 509, 512, 513, 514, 515, 518, 524, 541; т. II, 16, 392, 393, 402, 489, 620, 625, 626, 628, 629, 633, 634, 635, 636, 637.

Костюшко, Оаддей, послѣдній полководецъ Польской республики, 1746—1817 г., т. I, 376, 529, 530; т. II, 516, 591.

Кочубей, Викторъ Павловичъ, графъ, впоследствии князь, мин. внутр. дѣлъ, предсѣд. госуд. сов., 1768—1834 г., т. I, 118, 306, 430, 472, 542, 574; т. II, 31, 32, 33, 37, 119, 187, 200, 250, 392, 393, 407, 408, 450, 489, 534, 535, 536, 548, 549, 555, 661.

Коселевъ, Александръ Ивановичъ, на дворн. сов., публицистъ, обществ. дѣят., авторъ «Записокъ», 1806—1883 г., т. I, 163, 493, 523, 545.

Кошкарровъ, капитанъ, т. I, 599.

Краевскій, Андрей Александровичъ, писатель-журналистъ, 1810—1889 г., т. II, 636.

Красницкій, поручикъ, декабристъ, т. II, 775.

Краснокутскій, оберъ-прокуроръ сената, дѣйств. статскій совѣтникъ, декабристъ, т. I, 545, 675, 698, 702, 745, 752.

Красовскій, Аванасій Ивановичъ, генералъ, † 1843 г., т. II, 35, 85, 91, 204, 238, 451, 458.

Красовскій, гренадеръ, т. I, 749.

Крафтъ, Логгинъ Юрьевичъ, профессоръ физики, академикъ имп. акад. наукъ, 1743—1814 г., т. I, 28, 32, 473.

Крейтонъ, лейбъ-медикъ, т. I, 72, 482, 582; т. II, 182, 260, 556.

Крейцъ, Кипріанъ Антоновичъ, графъ, генералъ отъ кавалеріи, 1777—1850 г., т. II, 614, 679, 721, 724.

Кречетовъ, полицейскій офицеръ, т. II, 594.

Кривцовъ, Александръ Ивановичъ, ген.-лейтенантъ, 1784—1851 г., т. I, 375, 380, 531.

Кривцовъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 677, 697, 702, 741, 751.

Криницкій, протопресвитеръ, т. I, 114, 184, 186.

Кроузе, адъютантъ Казанскаго университета, сподвижникъ Магницкаго, т. II, 61.

Крузенштернъ, Иванъ Федоровичъ, адмиралъ, 1770—1846 г., т. II, 413.

Круковецкій, Янъ, графъ, польскій генералъ, 1770—1850 г., т. II, 336, 387.

Кршижановскій, подполковникъ лейбъ-гвардіи польскаго конно-егерскаго полка, т. I, 532, т. II, 98, 515.

Крюденеръ, баронесса, т. I, 479, 480.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕНЪ

Ерюковъ 1, поручикъ, декабристъ, т. I, 676, 698, 701, 731.

Ерюковъ 2, поручикъ, декабристъ, т. I, 238, 676, 698, 701, 730.

Кудашевъ, князь, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 779.

Кузьминъ, декабристъ, т. I, 446.

Букольникъ, Василій Григорьевичъ, преподаватель вел. кн. Николая и Михаила Павловичей, юристъ, 1765—1821 г., т. I, 18, 32.

Кумани, Михаилъ Николаевичъ, адмиралъ, 1770—1865 г., т. II, 210.

Кумберландскій, герцогъ, Эрнстъ-Августъ, т. II, 707.

Куновъ, т. II, 607.

Куракина, Наталья Ивановна, княгиня, статсъ-дама, 1767—1831 г., т. II, 366.

Куракинъ, Алексѣй Борисовичъ, князь, мин. внутр. дѣлъ, чл. госуд. сов., 1759—1829 г., т. I, 292, 438, 501, 502, 503, 508, 616, 670.

Куракинъ, Борисъ Алексѣевичъ, князь, тайн. сов., сенаторъ, 1783—1850 г., т. I, 671.

Куртъяновъ, т. II, 567.

Курута, Дмитрій Дмитриевичъ, графъ, начальникъ штаба цесаревича Константина Павловича, ген. отъ инф., сенаторъ, 1770—1836 г., т. I, 182, 213, 214, 218, 222, 226, 375, 380, 504, 531; т. II, 8, 94, 458, 518.

Кутайсовъ, Александръ Ивановичъ, графъ, генералъ, 1784—1812 г., т. I, 14, 442.

Кучковскій, генералъ-штабъ-докторъ, дѣйств. статскій совѣтникъ, т. I, 504.

Кушелевъ, Егоръ Александровичъ, сенаторъ, 1765—1825 г., т. I, 501.

Кушниковъ, Сергѣй Сергѣевичъ, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, 1765—1839 г., т. I, 442, 670.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ, коллежскій ассессоръ, декабристъ, т. I, 289, 295, 428, 444, 459, 515, 675, 689, 701, 723, 744, 756.

Кюхельбекеръ, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 515, 677, 696, 701, 739, 751.

Кэмбель, англійская придворная дама, т. I, 81.

Л.

Лаваль, Иванъ Степановичъ, дѣйств. тайн. сов., 1778—1846 г., т. I, 801.

Лавровъ, Иванъ Павловичъ, тайн. сов., сенаторъ, 1768—1836 г., т. I, 442, 544.

Лагарпъ, Фредерикъ-Сезаръ, воспитатель имп. Александра I, 1754—1838 г., т. I, 11, 18, 42, 76, 118, 134, 385, 476, 480, 532, 536, 567; т. II, 10, 405.

Лазаревъ, адъютантъ ммп. Николая I, т. I, 196, 218, 219, 222, 232, 504, 506, 615.

Лазаревъ, Михаилъ Петровичъ, адмиралъ, 1788—1851 г., т. II, 425, 532, 761.

Лайонъ, Евгенія Васильевна, няня имп. Николая I, т. I, 3, 4, 16, 26, 27, 28.

Лавруа, Поль, французскій историкъ и романистъ, 1806—1884 г., т. I, 37, 475, 476, 477, 479, 480, 482, 483, 484, 519; т. II, 435, 439.

Ламздорфъ, Матвѣй Ивановичъ, ген. отъ инф., чл. госуд. сов., графъ, 1745—1828 г., т. I, 9, 10, 11, 12, 14, 16, 36, 39, 41, 42, 44, 50, 51, 52, 76, 77, 92, 94, 474, 476, 478, 479, 480, 482, 483, 549, 551, 556, 558, 562, 566, 567, 568.

Ламздорфъ, Константинъ Матвѣевичъ, т. I, 549.

Ламбертъ, Карлъ Осиповичъ, графъ, генер. отъ инф., сенаторъ, 1773—1843 г., т. I, 442, 670.

Лангъ, т. I, 597.

Ланжеронъ, Александръ Фёдоровичъ, графъ, ген. отъ инф., новороссійскій ген.-губ., 1765—1831 г., т. I, 152, 670; т. II, 178, 195, 204, 366, 446.

Ланской, Василій Сергѣевичъ, дѣйств. тайн. сов., мин. внутр. дѣлъ, чл. госуд. сов., 1762—1831 г., т. I, 152, 381, 429, 464, 471, 501, 542, 670.

Ланской, Дмитрій Сергѣевичъ, тайн. сов., чл. госуд. сов., † 1833 г., т. I, 671.

Лаппа, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 678, 700, 702, 748, 752.

Лаферрона, графъ, французскій посолъ при русскомъ дворѣ, т. I, 311, 342, 343, 347, 348, 368, 372, 373, 399, 402, 403, 412, 453, 524, 528; т. II, 296, 298.

Лачиновъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 775.

Лачиновъ, статскій совѣтникъ, т. II, 550.

Лебланъ, медикъ, т. II, 604.

Лебцельтернъ, графъ, австрійскій посолъ при русскомъ дворѣ, т. I, 348, 416, 424.

Левашовъ, Василій Васильевичъ, графъ, ген.-адъют., предсѣд. госуд. сов., 1783—1848 г., т. I, 280, 287, 288, 289, 298, 329, 332, 523, 597; т. II, 742.

Ледоховскій, Францъ, т. II, 525, 526.

Лейхтенбергскій, герцогъ, т. II, 743.

Лелевель, сеймовый посолъ, т. I, 532; т. II, 476, 589.

Леманъ, т. II, 726, 727.

Леманъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 774.

Ленкевичъ, т. II, 425.

Леонтьевъ, Николай Николаевичъ, генералъ-майоръ, 1776—1831 г., т. II, 614.

Леопольдъ I, король бельгійскій, 1790—1865 г., т. I, 80; т. II, 814, 469, 509, 564, 648.

Леопольдъ, Карлъ-Фридрихъ, великій герцогъ баденскій, т. I, 399.

Леопольдъ II, императоръ австрійскій, † 1792 г., т. I, 8.

Леопольдъ, великій герцогъ тосканскій, эрцъ-герцогъ австрійскій, 1797—1870 г., т. II, 520.

Лерошжакеленъ, французскій эмигрантъ, т. II, 296.

Лефорть, Францъ Яковлевичъ, адмиралъ Петра I, 1656—1699 г., т. II, 566.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Лещинскій, Францъ, т. II, 527.

Ливенъ, Карлъ Андреевичъ, князь, ген. отъ инф., чл. госуд. сов., мин. нар. просв., 1766—1844 г., т. I, 442, 670; т. II, 36.

Ливенъ, Христофоръ Андреевичъ, князь, дипломатъ, посолъ въ Лондонъ, 1777—1838 г., т. I, 74, 78, 481, 483, 581, 582, 583, 586; т. II, 103, 105, 287, 290, 427, 465, 466, 506, 508, 509, 548, 691, 692.

Ливенъ, Дарья Христофоровна, жена предыдущаго, † 1857 г., т. I, 81, 483.

Ливенъ, Шарлотта Карловна, свѣтлѣйш. княгиня, воспитательница великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, 1742—1828 г., т. I, 1, 3, 4, 6, 26, 88, 92, 461, 473; т. II, 8, 403.

Лигницъ, кн., графиня Гогенцоллернъ, урожд. графиня Гаррахъ, морганатическая супруга прусск. кор. Фридриха III, т. I, 158, 159, 494; т. II, 707.

Лизикскій, польскій писатель, т. I, 332; т. II, 422.

Линденъ, т. II, 578.

Липуновъ, сподвижникъ Магницкаго, бухгалтеръ Казанскаго университета, т. II, 60.

Лисовскій, поручикъ, декабристъ, т. I, 675, 697, 702, 741, 751.

Литта, Юлій Помпеевичъ, графъ, оберъ-камергеръ, чл. госуд. сов., 1763—1839 г., т. I, 190, 263, 500, 501.

Лихаревъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 238, 675, 697, 702, 740.

Лихтенштейнъ, Иоаннъ-Иосифъ, князь, австрійскій генералъ, 1760—1836 г., т. II, 709, 710, 716, 717.

Ллойдъ, т. I, 64.

Лобановъ-Ростовскій, Дмитрій Ивановичъ, князь, ген. отъ инф., чл. госуд. сов., мин. юстици, 1752—1832 г., т. I, 187, 192, 196, 198, 252, 254, 266, 286, 288, 292, 316, 438, 499, 501, 507, 616; т. II, 36, 79.

Лобановъ-Ростовскій, Яковъ Ивановичъ, князь, оберъ-камергеръ, воен. мин., чл. госуд. сов., 1760—1831 г., т. I, 501, 616, 670.

Ловичъ, Иоанна Антоновна, урожд. гр. Грудзинская, вторая супруга цесаревича Константина Павловича, т. I, 132, 134, 166, 170, 180, 205, 213, 230, 401; т. II, 4, 218, 219, 220, 357, 360, 361, 362, 374, 392, 438.

Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, натуралистъ, филологъ, литераторъ, членъ академіи наукъ 1711—1765 г. т. I, 8.

Лонгиновъ, Николай Михайловичъ, статсъ-секретарь, д. тайн. сов., чл. госуд. сов., сенаторъ, 1775—1853 г.; т. I, 421, 500.

Лондыревъ, рейткнехтъ имп. Николая I, т. I, 285.

Лопухинъ, Пётръ Василевичъ, князь, председатель государств. совѣта 1753—1827 г., т. I, 182, 187, 188, 190, 191, 195, 196, 219, 221, 232, 252, 254, 263, 264, 292, 438, 443, 446, 460, 499, 501, 502, 503, 507, 509, 509, 520, 542, 613, 614, 670; т. II, 32.

Лопухинъ, декабристъ, т. I, 320.

Лосевъ, юнкеръ, декабристъ, т. I, 776.

Лореръ, майоръ, декабристъ, т. I, 675, 695, 701, 736.

Лоттумъ, камергеръ прусскаго двора, т. I, 83.

Луиза, королева, супруга Фридриха-Вильгельма III, мать имп. Александры Оеодоровны, 1776—1810 г., т. I, 61, 83, 405.

Лукаду, прусскій майоръ, т. I, 83.

Лукинъ, Михаилъ, подполковникъ, декабристъ, т. I, 676, 693, 701, 730.

Лукьяновичъ, Н., т. II, 439.

Лунинъ, Михаилъ Сергѣевичъ, т. I, 375, 529, 545, 575, 663.

Лутковскій, мичманъ, декабристъ, т. I, 776.

Львовъ, сенаторъ, т. I, 66, 575.

Львовъ, Алексѣй Оеодоровичъ, оберъ-гофмейстеръ, композиторъ, 1799—1870 г., т. I, 474, т. II, 709.

Любецкій, князь, министръ финансовъ царства Польскаго, т. II, 2, 4, 326, 327, 402, 473, 579.

Любимовъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 779.

Люблинскій, дворянинъ, декабристъ, т. I, 675, 697, 702, 740, 751.

Людвигъ, эрцъ-герцогъ австрійскій, 1784—1864 г., т. II, 719.

Людвигсгаузенъ, Вольфъ, баронъ, т. II, 140.

Людовикъ XIV, король французскій, 1638—1715 г., т. II, 287.

Людовикъ XVI, Августъ, король французскій, 1754—1793 г., т. I, 475, 519.

Людовикъ XVIII, король французскій 1855—1824, т. I, 54, 477, 482, 567.

Людовикъ, Филиппъ, король французскій, 1773—1850 г., т. II, 288, 300, 303, 305, 311, 488, 619, 621, 623, 648, 651, 673, 682.

Люце, генералъ-майоръ, т. II, 436.

Лядуховскій, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 779.

М.

Мавринъ, Семенъ Филипповичъ, сенаторъ, 1772—1850 г., т. I, 671.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ, печатникъ Казанскаго учебн. округа, 1778—1835 г., т. II, 39, 60, 61, 62, 412.

Магометъ-Асетъ, паша, т. II, 750.

Мадатовъ, Валерьянъ Григорьевичъ, князь, генералъ-лейтенантъ, 1782—1828 г., т. II, 140, 160, 529.

Маевскій, участникъ польскаго заговора, т. II, 98.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕНЬ

Майборода, Аркадій, капитанъ Вятскаго пѣх. полка, т. I, 178, 235, 242, 243, 244, 247, 362, 507, 526, 620, 621, 622, 628, 629, 662.

Майковъ, Аполлонъ Александровичъ, директоръ императорскихъ театровъ, т. I, 512, 514.

Маккиавелли, итальянскій дипломатъ, 1469—1527 г., т. II, 110, 426.

Максутовъ, Петръ, князь, т. I, 429, 542.

Малаховскій, Казимиръ, польскій генералъ, участникъ возстанія, 1765—1845 г., т. II, 336.

Малаховскій, Густавъ, т. I, 532.

Малеевъ, т. II, 612.

Малиновскій, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 776.

Малышевъ, камердинеръ имп. Николая I, т. II, 757.

Мальцевъ, секретарь русскаго посольства въ Тегеранѣ, т. II, 212.

Мальчевскій, Юліанъ, т. II, 525, 526.

Малютинъ, подиоручникъ, декабристъ, т. I, 774.

Мандерштернъ, Евгеній Егоровичъ, генералъ-лейтенантъ, 1796—1866 г., т. II, 740.

Манжосъ, т. II, 612.

Мансуровъ, Павелъ Александровичъ, тайн. сов., сенаторъ, 1759—1834 г., т. I, 671.

Мантейфель, графъ, адъютантъ гр. Милорадовича, т. I, 197, 244, 247, 503.

Марать, Жанъ Поль, 1744—1793 г., французскій революціонеръ, членъ конвента, т. I, 371, 510.

Маріанна, принцесса, т. I, 158.

Марія Александровна, императрица, супруга Александра II, 1824—1880 г., т. I, 485.

Марія Николаевна, вел. княгиня, супруга Максимилиана, герц. лейхтенбергск., 1819—1876 г., т. I, 146, 166; т. II, 124, 156, 437, 654, 696, 697, 739, 743, 745, 746.

Марія Павловна, великая княжна, впо-слѣдствіи герцогиня саксенъ-веймарская † 1859 г., т. I, 1, 6, 41, 78, 136, 137, 166, 476, 477, 494, 550, 553, 595, 598, 609; т. II, 226, 404, 518, 676.

Марія Θεодоровна, императрица, супруга имп. Павла I, 1859—1828 г., т. I, 1, 2, 3, 6, 8, 13, 14, 16, 18, 19, 22, 27, 28, 30, 31, 32, 34, 37, 38, 39, 40, 42, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 66, 68, 72, 74, 76, 78, 79, 81, 87, 88, 92, 94, 98, 99, 102, 103, 108, 114, 117, 118, 124, 128, 129, 130, 131, 137, 139, 143, 146, 171, 174, 179, 180, 181, 183, 184, 192, 203, 206, 207, 208, 215, 220, 227, 229, 231, 250, 282, 292, 293, 294, 304, 305, 306, 333, 334, 395, 405, 421, 447, 474, 476, 477, 478, 487, 481, 482, 483, 484, 490, 495, 497, 500, 504, 506, 512, 518, 562, 564, 565, 566, 568, 569, 572, 573, 576, 577, 578, 579, 581, 583, 585, 609, 617, 620, 643; т. II, 1, 8, 43, 124, 154, 180, 185, 186, 187, 188, 190, 191, 401, 409, 436, 438, 441, 493, 494, 500, 532, 541, 566, 657.

Марія, принцесса саксенъ-веймарская, т. I, 494.

Маркевичъ, Андрей Ивановичъ, ген.-лейтен., преподаватель военныхъ наукъ имп. Николая I, т. I, 35, 64.

Мармонъ, Огюстъ Фредерикъ-Луи, герцогъ Рагузскій, франц. маршалъ, 1774—1852 г., т. II, 1, 2, 12, 401, 402.

Мартенсъ, Оедоръ Оедоровичъ, профессоръ международнаго права въ Петербургскомъ унив., род. 1845 г., т. I, 538; т. II, 460.

Маргосъ, Алексѣй Ивановичъ, авторъ «Записокъ», т. I, 487.

Мартыновъ, майоръ, декабристъ, т. I, 775.

Марченко, Василій Романовичъ, дѣйств. тайн. сов., государств. секретарь, 1782—1840 г., т. I, 292, 489, 512, 516, 541.

Матгожевичъ, Яковъ, т. II, 525, 527.

Матусевичъ, графъ, дипломатъ 1796—1842 г., т. II, 124, 159, 506, 532, 666.

Матюнина, т. I, 597.

Махмуть II, султанъ турецкій, 1785—1839 г., т. I, 539; т. II, 106, 191, 265, 271, 450.

Мевесъ, т. II, 612.

Мегметъ-Али, вице-король египетскій, 1769—1849 г., т. II, 104, 651, 659, 660, 661, 662, 663.

Мегмедъ-Гади, турецкій дипломатъ, т. I, 416.

Мегметъ-Садикъ-Ефенди, т. II, 459.

Медемъ, Павелъ Ивановичъ, графъ, тайный совѣтникъ, дипломатъ, 1800—1854 г., т. II, 620.

Мейендорфъ, Петръ Казимировичъ, баронъ, членъ госуд. сов., 1796—1863 г., т. II, 567, 570.

Мейендорфъ, Феликсъ Казимировичъ, баронъ, дипломатъ, † 1870 г., т. II, 620, 646.

Мекленбургъ-Шверинскій, наслѣдный принцъ, т. I, 399; т. II, 704, 707.

Меллеръ-Закомельскій, Петръ Ивановичъ, бар., генералъ отъ арт., военный министръ († 1823 г.), т. I, 152.

Мельгуновъ, генералъ-майоръ, т. II, 428, 547.

Меншиковъ, Александръ Даниловичъ, свѣтл. князь, генералиссимусъ, 1673—1729 г., т. II, 55, 650.

Меншиковъ, Александръ Сергѣевичъ, князь, ген.-адъют., адм., морской министръ, чл. госуд. совѣта, 1787—1869 г., т. I, 102, 123, 163, 164, 358, 486, 487, 493, 519, 525; т. II, 27, 64, 65, 66, 80, 103, 122, 123, 142, 148, 152, 153, 154, 155, 157, 158, 164, 165, 170, 262, 288, 364, 392, 407, 413, 436, 437, 438, 461, 463, 472, 481, 533, 559, 560, 600, 620, 632, 633, 634, 636.

Меньковъ, Петръ Кононовичъ, генералъ-лейтенантъ, военн. писатель, 1814—1875 г., т. II, 406, 484.

Мердеръ, Карлъ Карловичъ, генер.-адъют., ген.-майоръ, воспитатель императора Александра II-го, 1787—1834 г., т. I, 156, 492; т. II, 216.

Мерсье, французскій дипломатъ, т. II, 622.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Мертенсъ, Василий Оедоровичъ, сенаторъ, 1762—1839 г., т. I, 671.

Меттернихъ, князь, австрійскій канцлеръ, 1773—1859 г., т. I, 56, 155, 163, 410, 415, 416, 436, 437, 492, 530; т. II, 107, 111, 112, 192, 258, 424, 426, 457, 504, 505, 506, 507, 508, 523, 524, 623, 676, 677, 705, 710, 711, 713, 714, 715, 716, 718.

Меттернихъ, княгиня, т. II, 678, 717, 718.

Мечниковъ, Евграфъ Ильичъ, сенаторъ, 1770—1836 г., т. I, 671.

Мещерскій, Владимиръ Петровичъ, князь, писатель, т. I, 489.

Мещерскій, Петръ Сергѣевичъ, князь, оберъ-прокуроръ синода, сенаторъ, 1777—1856 г., т. II, 500.

донъ **Мигуель**, Марія-Эваристъ, претендентъ на португальскій престолъ, 1802—1866 г., т. II, 683.

Миклашевскій, подполковникъ, декабристъ, т. I, 752, 778.

Микорскій, т. II, 516.

Микулинъ, Василий Яковлевичъ, генераль-адъютантъ, т. I, 285.

Миллеръ, мѣтръ-д-отель имп. Николая I, т. II, 760.

Милорадовичъ, Михаилъ Андреевичъ, графъ, петербургск. ген.-губ., чл. госуд. сов., †1825 г., т. I, 149, 163, 182, 183, 186, 188, 189, 190, 194, 197, 198, 204, 207, 208, 211, 212, 226, 243, 244, 245, 246, 247, 260, 262, 270, 289, 284, 285, 292, 297, 298, 300, 301, 304, 324, 331, 332, 349, 352, 447, 448, 457, 496, 497, 499, 500, 502, 503, 504, 505, 508, 512, 513, 518, 602, 613, 614, 615, 616, 636, 667, 668, 688, 689, 720, 721, 750; т. II, 60.

Мильцинскій, т. II, 515.

Мининъ, герой смутн. времени, †1616 г., т. I, 327; т. II, 690.

Минкина, Настасья Оедоровна, домоправительница гр. Аракчеева, т. I, 177, 179; т. II, 412, 498, 498, 500, 501, 502.

Минчаки, дѣйств. ст. сов., дипломатъ, т. II, 112, 424, 529.

Мирабо, дѣятель французской революціи, род. 1749 г., т. II, 466.

Миріанъ, царевичъ, сенаторъ, т. I, 671.

Мировичъ, Василий, подпоручикъ, т. I, 653, 764, 765.

Митрофановъ, епископъ воронежскій, 1623—1703 г., т. II, 658, 659, 739.

Митьковъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 650, 676, 693, 701, 731, 752, 753.

Михайловскій-Данилевскій, Александръ Ивановичъ, ген., военный историкъ, авторъ «Дневника», 1790—1848 г., т. I, 15, 54, 55, 119, 144, 176, 354, 356, 395, 409, 489, 490, 493, 495, 525, 530, 671; т. II, 47, 245, 246, 405, 410, 459.

Михаилъ Николаевичъ, великій князь, род. 1832 г., т. II, 659, 698.

Михаилъ Павловичъ, великій князь 1793—1848 г., т. I, 4, 6, 7, 14, 16, 18, 19, 20, 21, 25, 26, 36, 41, 47, 50, 54, 55, 56, 87, 88, 92, 94, 98, 99, 100, 102, 103, 104, 108, 124, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 143, 156, 166, 175, 180, 190, 196, 202, 206, 213,

214, 216, 220, 226, 227, 228, 230, 231, 232, 252, 256, 259, 263, 264, 266, 282, 286, 287, 288, 289, 290, 301, 306, 308, 315, 316, 332, 336, 349, 356, 381, 404, 405, 407, 421, 454, 459, 476, 477, 478, 480, 481, 486, 487, 490, 495, 501, 503, 506, 515, 524, 553, 554, 555, 560, 568, 569, 570, 596, 599, 603, 619, 620, 631, 634, 635, 636, 637, 638, 643, 689, 701, 723, 744, 756; т. II, 4, 6, 8, 37, 76, 91, 119, 123, 124, 127, 128, 140, 148, 150, 175, 183, 184, 216, 218, 230, 237, 277, 327, 353, 374, 378, 391, 408, 437, 440, 441, 454, 473, 483, 485, 526, 532, 534, 535, 619, 637, 701, 706, 743, 746.

Михаилъ Оедоровичъ, царь, 1596—1645 г., т. II, 689, 690.

Мицельскій, капитанъ, адъютантъ цесаревича, т. I, 532.

Моденъ, Гавриилъ Францевичъ, графъ, оберъ-егермейстеръ, 1774—1833 г., т. I, 110, 356, 487, 488, 494, 495; т. II, 600.

Мозалевскій, декабристъ, т. I, 446.

Мозгалевскій, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 675, 699, 702, 746, 751.

Мозганъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 675, 695, 701, 735.

Монсеевъ, унтеръ-офицеръ, т. I, 749.

Моллеръ, Антонъ Васильевичъ, адмиралъ, морской министръ 1764—1848 г., т. II, 64, 66.

Моллеръ, Оедоръ Васильевичъ, вице-адмиралъ, т. I, 487.

Мольтке, Гельмутъ Карлъ Бернгардъ, графъ, германскій фельдмаршалъ, 1800—1891 г., т. II, 106, 137, 142, 143, 168, 178, 210, 234, 434, 435, 438, 440.

Монтекукули, графъ Раймундъ, австрійскій полководецъ, военный писатель 1609—1681 г., т. II, 471.

Монферанъ, Августинъ Антоновичъ, дѣйств. ст. сов., архитекторъ 1784—1858 г., т. I, 537.

Мордвиновъ, Николай Семеновичъ, графъ, адмиралъ, предсѣд. департ. госуд. экономіи госуд. сов., 1754—1845 г., т. I, 190, 264, 272, 320, 322, 423, 426, 501, 520, 521, 541, 670.

Моренгеймъ, баронъ, т. I, 375, 380, 531.

Морковъ, Аркадій Ивановичъ, графъ, дипломатъ, чл. госуд. сов., 1747—1827 г., т. I, 501, 616, 670.

Мортемаръ, графъ, французскій посланникъ въ Петербургъ, род. 1787 г., т. II, 124, 298, 304.

Мортъе, французскій маршалъ, 1768—1835 г., т. II, 651, 652, 701.

Мохнацкій, Маврикій, 1803—1835 г., польскій писатель, т. I, 384.

Мошинскій, графъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 152.

Мощенскій, графъ, т. II, 423.

Музовской, Николай Васильевичъ, протоіерей, оберъ-священникъ, † 1848 г., т. I, 64, 83, 90.

Муръ, Томасъ, англійскій поэтъ, 1799—1852 г., т. I, 146.

Муравьевъ, Александръ Никитичъ, декабристъ, т. I, 363, 436, 444, 542, 543, 676, 696, 701, 737, 751, 755.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

Муравьевъ, Александръ Николаевичъ. декабристъ. впоследствии нижегородскій губернаторъ, 1791—1864 г., т. I, 452, 320, 321, 677, 697, 702, 739, 751.

Муравьевъ, Артамонъ Захаровичъ. полковникъ, декабристъ, т. I, 458, 663, 675, 690, 700, 724, 751.

Муравьевъ, Михаилъ Николаевичъ. графъ, генералъ отъ инфантерій, членъ государств. совѣта, 1796—1866 г., т. II, 272, 724.

Муравьевъ, Никита, капитанъ, декабристъ, т. I, 238, 242, 244, 247, 320, 444, 621, 650, 653, 660, 661, 674, 691, 701, 726, 751, 752, 753, 754, 755, 780.

Муравьевъ, Николай Назаровичъ. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, † 1845 г., т. I, 546; т. II, 37, 407, 534.

Муравьевъ, Николай Николаевичъ. генералъ отъ инфантерій, намѣстникъ Кавказа, 1794—1866 г., т. II, 660, 661, 662, 746.

Муравьевъ-Апостоль, Плавъ Матвѣевичъ, сенаторъ 1769—1851 г., т. I, 424, 520.

Муравьевъ-Апостоль, Николитъ Ивановичъ, т. I, 446.

Муравьевъ-Апостоль, Матвѣй Ивановичъ, отст. подполковникъ, декабристъ, т. I, 366, 436, 444, 527, 639, 640, 641, 650, 651, 652, 657, 660, 661, 663, 674, 689, 701, 721, 751, 752, 753, 754, 755.

Муравьевъ-Апостоль, Сергѣй Ивановичъ. подполковникъ, декабристъ, т. I, 365, 366, 443, 452, 456, 527, 528, 639, 640, 658, 659, 662, 663, 674, 687, 704, 719, 752, 753.

Мусинъ-Пушкинъ-Врюсъ, графъ. Василій Валентиновичъ, оберъ-шенкъ, 1775—1836 г., т. II, 666.

Мусинъ-Пушкинъ, Михаилъ Николаевичъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ, сенаторъ, 1795—1862 г., т. II, 419.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ, капитанъ, декабристъ, т. I, 777.

Мусинъ-Пушкинъ, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 677, 700, 702, 749.

Мутіусъ, офицеръ прусской службы, т. I, 83.

Мухановъ, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 676, 695, 701, 734.

Мухановъ, Сергѣй Ильичъ, оберъ-штабс-мейстеръ, т. I, 582.

Мухановъ, т. II, 562.

Муширъ-Ахметъ, наша, т. II, 743.

Мысловскій, Петръ Николаевичъ, протѣрей членъ рос. акад., 1777—1846 г., т. I, 444, 454, 456.

Мюфлингъ, Фридрихъ, прусскій фельд-маршалъ, историкъ, 1775—1851 г., т. II, 228, 247, 269, 272, 274, 437, 439.

Мятлева, т. I, 597.

Н.

Назимовъ, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 678, 698, 702, 745.

Наполеонъ I, императоръ французскій, 1769—1821 г., т. 35, 38, 42, 44, 46, 48, 54, 68, 84, 104, 400, 533, 566; т. II, 30, 92, 218, 268, 299, 311, 382, 421, 429, 466, 543, 581, 652, 656, 672, 679, 703, 706.

Наполеонъ III, императоръ французскій, 1808—1873 г., т. I, 639.

Нарышкинъ, Кирилъ Александровичъ, оберъ-гофмаршалъ 1786—1838 г., т. I, 110, 264, 487, 488.

Нарышкинъ, Левъ Александровичъ, ген.-адъют., ген.-лейтенантъ, † 1845 г., т. I, 132.

Нарышкинъ, Левъ Александровичъ, оберъ-штабс-мейстеръ, 1733—1799 г., т. I, 3.

Нарышкинъ, М. М., т. I, 163.

Нарышкинъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 677, 696, 701, 738, 752.

Нассаускій, герцогъ, т. II, 676, 680, 701, 702, 703, 707.

Натцмеръ, прусскій генералъ, т. I, 83, 84, 85, 86, 90, 92, 94, 99, 100, 101, 106, 107, 108, 110, 484, 485, 486, 487, 488, 489; т. II, 743.

Нахимовъ, Павелъ Степановичъ, адмиралъ, герой севастопольской обороны, 1803—1855 г., т. II, 234, 425.

Нащокинъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 777.

Невентловскій, дворянинъ, декабристъ, т. I, 776.

Неджибъ-Сулейманъ-Ефенди, т. II, 265.

Нейдгартъ, Александръ Ивановичъ, ген. отъ инф., военный писатель, 1784—1845 г., т. I, 186, 282, 283, 499, 614, 616; т. II, 328, 352, 434, 480, 482, 560, 590.

Нелидова, Екатерина Ивановна, камеръ-фрейлина имп. Маріи Ѳеодоровны, 1758—1834 г., т. I, 98, 486.

Нелидовъ, Аркадій Ивановичъ, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, † 1834 г., т. I, 671.

Немоевскій, Бонавентура, т. II, 376.

Непенинъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 778.

Нессельроде, Карлъ Васильевичъ, графъ, государственный канцлеръ, 1780—1862 г., т. I, 75, 76, 80, 92, 190, 250, 262, 358, 368, 410, 414, 416, 424, 482, 501, 505, 523, 537, 539, 585, 670, 776; т. II, 79, 80, 105, 107, 112, 124, 150, 174, 187, 212, 240, 248, 250, 252, 254, 256, 259, 260, 262, 287, 308, 310, 319, 327, 474, 427, 428, 439, 490, 461, 462, 473, 465, 466, 471, 473, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 532, 548, 549, 556, 559, 560, 575, 582, 621, 625, 626, 628, 629, 632, 640, 644, 645, 646, 666, 676, 677.

Нессельроде, Марія Дмитріевна, графиня, жена предыдущаго, статсъ-дама, т. I, 204, 224, 503, 507, 508, 509, 513, 515; т. II, 186, 443, 452.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Никитинъ, Алексѣй Петровичъ, графъ, генералъ отъ кавалеріи, членъ госуд. сов., 1777—1858 г., т. II, 724.

Никитинъ, коллежск. сов., сенатскій чиновникъ, т. I, 196, 252.

Николаева, М. С., авторъ «Записокъ», т. II, 418.

Николаевъ, Степанъ Степановичъ, ген.-лейт., т. I, 178, 235, 238, 239, 241, 244, 247, 362, 363, 507, 622, 623, 625, 626, 628, 631, 632, 633, 638, 639.

Николай, Андрей Львовичъ, баронъ, президентъ академіи наукъ, 1788—1820 г., т. I, 6, 8.

Николай, Павелъ Андреевичъ, баронъ, дипломатъ, 1777—1847 г., т. I, 72, 77, 483.

Николай Николаевичъ, великій князь, 1835—1891 г., т. II, 372, 487, 614, 698.

Новоменскій, губернский регистраторъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Новосильцева, Екатерина Владимировна, т. I, 608, 610.

Новосильцевъ, Владимиръ Дмитриевичъ, флигель-адъютантъ, т. I, 237, 495, 607.

Новосильцевъ, М. М., т. I, 531.

Новосильцевъ, Николай Николаевичъ, дѣйств. тайн. сов., предсѣд. госуд. сов., 1761—1836 г., т. I, 214, 375, 380, 381; т. II, 214, 390, 452, 454.

Новосильцевъ, адъютантъ московск. ген.-губ., т. I, 615.

Норовъ, отст. подполковникъ, декабристъ, т. I, 676, 694, 701, 732.

Ностицъ, прусскій генералъ, т. II, 116, 124, 174.

Нынковскій, Константинъ, т. II, 525, 526.

Оболенскій, Евгеній Петровичъ, князь, поручикъ, декабристъ, т. I, 168, 262, 271, 273, 274, 276, 277, 286, 288, 298, 301, 433, 434, 448, 458, 508, 510, 511, 513, 650, 651, 653, 654, 656, 657, 674, 688, 700, 720, 752, 753, 755, 756.

Оболенскій, князь, поручикъ, декабристъ, т. I, 778.

Обресковъ, Михаилъ Алексѣевичъ, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, 1756—1842 г., т. I, 671.

Обручевъ, Владимиръ Аванасьевичъ, генералъ отъ инфантеріи 1795—1866 г., т. II, 204, 459, 591.

Одоевскій, Александръ Ивановичъ, князь, корнетъ, декабристъ, т. I, 511, 675, 696, 701, 738.

Ожаровскій, Адамъ Петровичъ, гр., ген.-адъют., ген. отъ кав., сенаторъ 1776—1855 г., т. I, 489, 597.

Озерецковскій, жандармскій офицеръ, т. II, 714.

Озерова, Е. П., т. II, 567.

Олейниковъ, врачъ, т. II, 436.

Оленинъ, Алексѣй Николаевичъ, дѣйств. тайн. сов., статсъ-секр., членъ госуд. сов., 1763—1843 г., т. I, 188, 192, 195, 196, 198, 202, 203, 263, 499, 500, 506, 542, 616.

Оливъ, Вильгельмъ Николаевичъ, т. II, 429.

Ольга Николаевна, вел. княгиня, вполнѣнствіи королева Виртембергская, т. I, 148; т. II, 654, 702, 715, 739.

Ольгердъ, великій князь литовскій, 1341—1377 г., т. I, 384.

Ольденборгеръ, Фредоръ Фредоровичъ, тайный совѣтникъ, 1790—1873 г., т. II, 57.

Ольшевскій, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 775.

Омеръ-Вроне, турецкій полководецъ, т. II, 167, 168, 169, 178.

Опочининъ, Федоръ Петровичъ, дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. сов., 1779—1852 г., т. I, 127, 196, 232, 375, 378, 379, 382, 383,

494, 502, 529, 531, 532; т. II, 10, 93, 94, 214, 320, 342, 357, 358, 361, 472, 484, 485.

Опперманъ, Карлъ Ивановичъ, графъ, инж. генералъ, 1750—1831 г., т. I, 35, 48, 670; т. II, 239, 356.

Оранскій, принцъ, см. Вильгельмъ II, кор. нидерландскій.

Оржитскій, отст. штабсъ-ротмистръ, декабристъ, т. I, 677, 699, 702, 746.

Орловъ, Алексѣй Осодоровичъ, князь, ген.-адъют., предс. госуд. совѣта, 1787—1862 г., т. I, 123, 124, 282, 286, 356, 358, 489, 523; т. II, 67, 80, 125, 174, 224, 244, 254, 262, 265, 266, 294, 302, 303, 338, 354, 371, 389, 451, 463, 464, 463, 484, 505, 561, 600, 608, 609, 613, 614, 615, 622, 626, 633, 634, 639, 648, 662, 663, 670, 702, 735, 738, 739, 754, 756.

Орловъ, Григорій Владимировичъ, графъ, тайн. сов., сенаторъ, т. I, 671.

Орловъ, Михаилъ Федоровичъ, генералъ-майоръ, декабристъ, т. I, 162, 238, 320, 356, 446, 447, 520, 523, 544, 545, 640, 752, 777.

Орловъ-Денисовъ, Василій Васильевичъ, графъ, ген.-адъют., ген. отъ кав., 1780—1843 г., т. I, 396, 405.

Орлова-Чесменская, Анна Алексѣевна, графиня, 1785—1848 г., т. II, 1, 12, 401, 405, 417, 698, 700.

Орловъ-Чесменскій, Алексѣй Григорьевичъ, графъ, адмиралъ, 1737—1808 г., т. II, 728.

Оскерко, т. II, 423.

Оссолинскій, графъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Остерманъ-Толстой, Александръ Ивановичъ, графъ, генералъ отъ инфантеріи, † 1837, т. II, 713.

Островскій, дворянинъ, декабристъ, т. I, 776.

Оттенфельсъ, австрійскій дипломатъ, т. I, 415; т. II, 258, 719.

Оттонъ II Рыжій, римскій имп., 955—983 г., т. I, 32, 565.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Оттонъ, принцъ баварскій, впоследствии король греческій Оттонъ I-й, 1815—1867 г., т. II, 509.

Оффенбергъ, Фёдоръ Петровичъ, баронъ, генералъ отъ кавалеріи, 1789—1856 г., т. II, 696.

II.

Павель I, императоръ 1754—1801 г., т. I, 1, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 20, 26, 49, 127, 131, 154, 224, 255, 311, 312, 450, 473, 475, 489, 490, 495, 764; т. II, 44, 185, 499, 500, 733.

Павловъ, поручикъ Черниговскаго полка, т. I, 366.

Павловскій, Станиславъ Андреевичъ, медикъ-хирургъ, т. II, 436.

Паленъ, Павелъ Петровичъ, графъ, генералъ отъ кавалеріи, генералъ-адъютантъ, 1775—1834 г., т. II, 423, 481, 547, 762.

Паленъ, Петръ Алексѣевичъ, графъ, ген. отъ кавалеріи, петербургскій ген.-губ., 1745—1825 г., т. I, 295, 420.

Паленъ, Петръ Петровичъ, графъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-инспекторъ кавалеріи, 1778—1864 г., т. II, 204, 324, 481, 531, 575, 666.

Паленъ, Фридрихъ Петровичъ, графъ, дипломатъ, дѣйств. тайн. сов., 1781—1863 г., т. II, 127, 204, 244.

Палицынъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 779.

Панаевъ, Владимиръ Ивановичъ, тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, писатель, 1792—1859 г., т. II, 623, 629.

Панкратевъ, варшавскій военный генералъ-губернаторъ, т. II, 352, 719, 720.

Пановъ, Николай Ивановичъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 287, 675, 692, 700, 728, 750.

Пановъ, Фёдоръ Андреевичъ, генералъ-лейтенантъ, 1804—1870 г., т. II, 594, 609.

Пановъ, подполковникъ, декабристъ, т. I, 774.

Пантелеевъ, полковникъ, т. II, 567.

Папа-Христо, Григорій Аргировичъ, вице-адмиралъ, 1780—1848 г., т. II, 174.

Парижскій, графъ, принцъ Людовикъ Филиппъ Альбертъ Орлеанскій, 1838—1894 г., т. II, 619.

Парротъ, Георгъ Фридрихъ, русскій физикъ, другъ имп. Александра I-го, 1767—1852 г., т. I, 76; т. II, 383, 488.

Паскевичъ, Иванъ Фёдоровичъ, князь Варшавскій, графъ Эриванскій, ген.-фельдмаршалъ, 1782—1856 г., т. I, 46, 102, 103, 104, 124, 126, 127, 227, 477, 485, 487, 490, 670; т. II, 22, 24, 26, 27, 28, 68, 69, 70, 71, 72, 75, 80, 81, 83, 85, 86, 88, 89, 90, 92, 93, 103, 114, 179, 191, 196, 211, 212, 240, 242, 243, 244, 254, 255, 259, 260, 263, 264, 344, 349, 352, 355, 356, 365, 366, 370, 372, 374, 375, 376, 380, 384, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 394, 395, 406, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 446, 451, 461, 462, 465, 481, 482, 484, 487, 488, 489, 490, 510, 550, 557, 560, 561, 581, 588, 589, 590, 612, 614, 624, 625, 649, 669, 679, 680, 686, 695, 703, 706, 709, 719, 721, 750, 756, 759.

Паскевичъ, Елизавета Алексѣевна, статсъ-дама, супруга фельдмаршала, 1795—1856 г., т. II, 695.

Паскевичъ, Фёдоръ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, сынъ фельдмаршала, т. II, 376, 612.

Паскевичъ, штабсъ-ротмистръ, декабристъ, т. I, 777.

Паткуль, Александръ Владимировичъ, генер.-адъютантъ, совоспитанникъ имп. Александра II-го, т. II, 684.

Пацъ, Людовикъ Михайль, графъ, участникъ польскаго возстанія, 1780—1835 г., т. II, 395.

Пашкова, т. I, 597.

Пашковъ, Василій Александровичъ, оберъ-гофмаршалъ, членъ госуд. совѣта, 1762—1838 г., т. I, 501.

Пашковъ, петербургскій домовладѣлецъ, т. II, 606.

Педицкій, Юліанъ, т. II, 525, 527.

Донъ-Педро, т. II, 688.

Перетцъ, титулярный совѣтникъ, декабристъ, т. I, 778; т. II, 31.

Перовскій, Василій Алексѣевичъ, графъ, ген.-адъют., ген.-отъ-кав., чл. госуд. сов., 1794—1857 г., т. I, 285, 498; т. II, 436, 595, 598, 600.

Пестель, Павелъ Ивановичъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 238, 240, 242, 243, 244, 320, 362, 363, 369, 374, 443, 447, 448, 456, 517, 520, 627, 628, 641, 644, 621, 625, 629, 638, 639, 640, 641, 642, 650, 651, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 674, 686, 691, 696, 704, 718, 752, 753, 754.

Пестовъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 674, 691, 700, 727.

Петръ I, императоръ, 1672—1725 г., т. I, 47, 132, 200, 286, 348, 456, 666, 762; т. II, 16, 36, 125, 144, 184, 220, 287, 566, 567, 568, 636, 650, 664, 666, 667, 697, 699, 700, 703, 729, 834.

Петръ III, императоръ, 1728—1762 г., т. I, 15, 495.

Пироговъ, Ипполитъ Ивановичъ, генералъ, т. I, 242.

Писаревъ, мичманъ, декабристъ, т. I, 776.

Плещеевъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 776.

Плещеевъ, т. I, 94.

Плисовъ, Моисей Гордеевичъ, профессоръ Петербургскаго унив., 1782—1853 г., т. II, 62.

Плихта, секретарь госуд. совѣта царства Польскаго, т. I, 531; т. II, 98.

Повало-Швейковскій, полковникъ, декабристъ, т. I, 654, 675, 692, 700, 720, 751, 752.

Погодинъ, Михаилъ Петровичъ, профессоръ Московскаго унив., 1800—1875 г., т. I, 420, 516, 540; т. II, 82, 83, 389, 417, 419, 459.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Поджіо, отст. подполковникъ, декабристъ, т. I, 650, 661, 662, 663, 675, 690, 700, 723, 727, 752.

Поджіо, отст. штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 676, 695, 701, 735, 751.

Пожарскій, Дмитрій Михайловичъ, князь, герой смутнаго времени, 1578—1642 г., т. I, 327.

Поздѣвъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 775.

Полежаевъ, Александръ Ивановичъ, поэтъ, 1805—1838 г., т. II, 20.

Полетика, Петръ Ивановичъ, сенаторъ, 1778—1842 г., т. I, 671.

Поливановъ, отст. полковникъ, декабристъ, т. I, 677, 698, 702, 742, 751, 753.

Полинскъ, графъ, отст. полковникъ, декабристъ, т. I, 776.

Полуктовъ, Борисъ Владимировичъ, генералъ отъ инфантеріи, † 1834 г., т. II, 615.

Понятовскій, Іосифъ-Антоній, князь, 1762—1813 г., т. II, 218.

Поповъ, Махилъ Максимовичъ, тайн. совѣтникъ, авт. «Записокъ», † 1872 г., т. I, 516.

Порошинъ, Семенъ Андреевичъ, преподаватель математики имп. Павла I, авторъ «Дневника» 1741—1769 г., т. I, 18.

Потановъ, Алексѣй Николаевичъ, ген.-адъют., ген. отъ кав., 1772—1847 г., т. I, 152, 182, 186, 222, 223, 224, 231, 251, 330, 332, 499, 506, 613, 616; т. II, 14.

Потемкинъ, Яковъ Алексѣевичъ, ген.-адъют., ген.-губернаторъ Волынской и Подольской губ., т. I, 602.

Потканскій, Адольфъ, т. II, 525, 527.

Потоцкій, Станиславъ Станиславовичъ, графъ, оберъ-церемоніймейстеръ, 1785—1831 г., т. II, 124, 150, 164, 174, 366, 532.

Поццо-ди-Ворго, Карлъ-Андрей, графъ, русскій дипломатъ, 1764—1842 г., т. I, 410, 411, 412, 538; т. II, 8, 192, 292, 304, 462, 463, 505.

Прибытковъ, капитанъ, т. I, 284.

Прокешъ-Остенъ, австрійскій дипломатъ, т. II, 423.

Прондзинскій, подполковникъ польской квартирмейстерской части, т. I, 531.

Протасовъ, Алекс. Протасевичъ, 1726—1796 г., т. I, 18.

Пруссскій принцъ, см. Вильгельмъ I, имп. германскій.

Прянишниковъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 779.

Пугачевъ, Емельянъ, 1726—1775 г., т. I, 766, 767.

Пузинъ, майоръ, т. I, 625, 626.

Пузыревскій, Александръ Казимировичъ, генералъ отъ инфантеріи, военный историкъ, род. 1845 г., т. II, 336, 476.

Пуласскій, штабсъ-ротмистръ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Пустошкинъ, Семенъ Афанасьевичъ, адмиралъ, 1750—1846 г., т. II, 413.

Путята, адъютантъ, декабристъ, т. I, 775.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, поэтъ, 1800—1837 г., т. I, 428, 515, т. II, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 405.

Пуцинъ, Иванъ, коллежскій асессоръ, декабристъ, т. I, 163, 270, 279, 428, 510, 511, 515, 650, 675, 691, 700, 726, 733, 754.

Пуцинъ, капитанъ, декабристъ, т. I, 240, 677, 699, 702, 748, 752.

Пыхачевъ, капитанъ, декабристъ, т. I, 777.

Р.

Радзивиллъ, Антонъ, князь, т. II, 650.
Радзивиллъ, Елизавета, княжна, т. I, 159.

Радзивиллъ, Михаилъ, князь, временный диктаторъ польскаго возстанія, 1778—1850 г., т. II, 336, 340.

Радофиникинъ, Константинъ Консгантиновичъ, дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. сов., сенаторъ, 1760—1838 г., т. II, 271.

Раевскій, Николай Николаевичъ, 1771—1829, генералъ отъ кавалеріи, герой Отечественной войны, т. I, 66, 162, 238, 575.

Растопчинъ, Федоръ Васильевичъ, графъ, московскій военный губ., 1763—1828 г., т. I, 7, 127, 420, 429, 490, 540.

Ратмановъ, Макарь Ивановичъ, вице-адмиралъ, 1772—1833 г., т. II, 413.

Раупахъ, Эрнстъ, прорессоръ Петербургскаго университета и драматическій писатель, 1783—1852 г., т. II, 62.

Раутенштраухъ, Іосифъ, директоръ путей сообщенія царства Польскаго, † 1842 г., т. I, 375, 380, 331.

Раухъ, Егоръ Ивановичъ, тайный совѣтникъ, лейбъ-медикъ, 1790—1864 г., т. II, 260, 556.

Раухъ, прусскій инженерный генералъ, т. II, 518.

Раухъ, полковникъ прусской арміи, т. II, 761.

Рахманова, Е. А., т. II, 567.

Рачинскій, капитанъ, декабристъ, т. I, 775.

Редеръ, генералъ прусской арміи, т. II, 519.

Рейбницъ, Карлъ Павловичъ, генералъ-лейтенантъ, чл. воен. сов., † 1843 г., т. II, 520, 522.

Рейсъ-Эффенди, т. II, 107, 464.

Рейсъ, принцъ, т. II, 630.

Ренкевичъ, корнетъ, декабристъ, т. I, 777.

Репнинъ, Николай Григорьевичъ, князь, генералъ-адъютантъ, членъ госуд. совѣта, 1779—1845 г., т. I, 639.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕНЬ

Рибопьеръ, Александръ Ивановичъ, графъ, оберъ-камергеръ, чл. госуд. совѣта, 1783—1865 г., т. I, 348, 416, 324; т. II, 106, 107, 423, 424, 425, 560, 674.

Ридигеръ, Ондоръ Васильевичъ, графъ, генераль-адъютантъ, членъ госуд. сов., 1783—1856 г., т. II, 140, 143, 376, 547, 585, 679, 695, 724.

Римскій-Корсаковъ, Николай Петровичъ, вице-адмиралъ, 1793—1848 г., т. II, 436.
де-Риньи, французскій адмиралъ, т. II, 105, 434.

Робеспьеръ, 1758—1794 г., дѣятель французской революціи, членъ конвента, т. I, 371, 310.

Роговской, Михаилъ Мартыновичъ, генералъ отъ инфантеріи, † 1881 г., т. II, 140.

Родовицкій, т. II, 423.

Рожновъ, Петръ Михайловичъ, адмиралъ, кронштадтскій военный губернаторъ, 1768—1839 г., т. II, 288, 413.

Розановъ, чиновникъ, т. I, 542, 664.

Розенъ, Андрей, баронъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 271, 338, 339, 434, 437, 500, 511, 524, 543, 545, 678, 696, 701, 739.

Розенъ, Григорій Владимировичъ, баронъ, генераль-адъютантъ, сенаторъ, 1781—1841 г., т. II, 324, 439, 441, 542, 614, 655, 749, 750, 753, 754, 756.

Розенъ, баронъ, флигель-адъютантъ, см. предыдущаго, т. II, 754.

Ройе, прусскій дипломатъ, т. II, 246, 247.

Роканцкій, т. II, 423.

Романовъ, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 778.

Ромарино, участникъ польскаго возстанія, т. II, 375, 380, 613, 614.

Ромеръ, дѣйств. ст. сов., участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Рославлевъ, корнетъ, декабристъ, т. I, 776.

Россель, Джонъ, лордъ, англійскій государств. дѣятель, 1792—1878 г., т. II, 426.

Росси, Карлъ Ивановичъ, дѣйств. ст. сов., архитекторъ, 1775—1849 г., т. I, 537.

Россманъ, Фредерикъ, т. II, 527, 528.

Ростовцевъ, Яковъ Ивановичъ, графъ, ген.-адъют., ген. отъ инф., чл. госуд. сов.,

1803—1860 г., т. I, 256, 258, 259, 260, 273, 274, 275, 276, 277, 507, 508.

Ротъ, Логгинъ Осиповичъ, генералъ отъ инфантеріи, т. I, 103, 241, 242, 244, 362, 365, 395, 507, 622, 628, 629, 654; т. II, 123, 127, 160, 176, 178, 195, 433, 447.

фонъ-Руге, подполковникъ, декабристъ, т. I, 779.

Рудзевичъ, Александръ Яковлевичъ, генералъ отъ инфантеріи, 1776—1829 г., т. I, 238, 239, 240, 247, 625; т. II, 23, 123, 127, 132, 134, 176, 177, 204, 408.

Ружицкій, участникъ польскаго возстанія, т. II, 376.

Румовскій, Степанъ Яковлевичъ, орд. профессоръ астрономіи, попечитель Казанскаго университета, 1732—1812 г., т. I, 8.

Румянцевъ, Николай Петровичъ, графъ, министръ коммерціи, а потомъ иностранныхъ дѣлъ, вполнѣдствіи государственнаго канцлеръ, 1754—1826 г., т. I, 420.

Румянцевъ, Петръ Александровичъ (Задунайскій), графъ, 1725—1796 г., генераль-фельдмаршалъ, т. I, 8; т. II, 254, 497, 650.

Руничъ, Дмитрій Павловичъ, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, 1780—1860 г., т. II, 62, 412.

Рыбинскій, Матвій, польскій генералъ, 1784—1874 г., т. II, 376.

Рылѣвъ, Кондратій Оеодоровичъ, отст. подпоручикъ, поэтъ, декабристъ, т. I, 112, 114, 163, 179, 238, 262, 266, 267, 268, 270, 271, 272, 273, 274, 276, 277, 278, 279, 298, 300, 301, 335, 337, 370, 413, 447, 448, 452, 456, 511, 541, 544, 650, 651, 652, 653, 654, 656, 657, 658, 674, 686, 687, 704, 718, 752, 753, 754.

Рылѣва, жена предыдущаго, т. I, 779.

Рынкевичъ, дворянинъ, декабристъ, т. I, 775.

Рѣпинъ, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 279, 675, 696, 701, 738, 756.

Рюль, Иванъ Оеодоровичъ, 1769—1847 г., лейбъ-медикъ, т. I, 41, 52, 184, 477, 613, 614; т. II, 182, 186, 187, 441.

Рюминъ, Гавріилъ Васильевичъ, т. II, 659.

С.

Сабанскій, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Саблуковъ, Николай Александровичъ, генералъ, чл. госуд. сов., авторъ «Воспоминаній», 1776—1848 г., т. I, 134, 263, 473, 490.

Сабуровъ 2-й, ротмистръ, декабристъ, т. I, 774.

Савари, французскій министръ полиціи, † 1833 г., т. I, 464, 561.

Савва Исаевъ, придворный духовникъ, протоіерей, 1740—1801 г., т. I, 1, 3.

Савенко, денщикъ декабриста Пестеля, т. I, 242, 629.

Савонинъ, Іеронимъ Яковлевичъ, генералъ отъ инфантеріи, 1766—1836 г., т. II, 615.

Саврасовъ, Иванъ Оеодоровичъ, тайный совѣтъ, сенаторъ, т. I, 30, 41, 66, 72, 78, 79, 477, 482, 483, 575, 576, 578, 581.

Сакенъ, Фабіанъ Вильгельмовичъ, графъ, ген.-фельдмаршалъ, чл. госуд. сов., 1752—1837 г., т. I, 248, 251, 299, 355, 363, 366, 367, 507, 526, 527, 528, 631, 632; т. II, 8, 76, 178, 195, 202, 203, 236, 308, 418, 429, 445, 450, 452, 459, 529, 575, 578, 585, 613, 615, 656.

Салтыковъ, Александръ Николаевичъ, князь, чл. госуд. сов., 1775—1837 г., т. I, 442, 670.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Салтыковъ, Николай Ивановичъ, свѣтл. князь, воспитатель имп. Александра I, генер.-фельдмаршалъ, чл. госуд. сов., † 1816 г., т. I, 3, 10.

Салтыковъ, Сергѣй Николаевичъ, князь, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, 1776—1828 г., т. I, 601.

Сальватори, Антоній, т. II, 54, 410.

Самойлова, т. I, 597.

де-Санглеъ, т. II, 22.

Свешевскій, Иванъ, т. II, 525, 526.

Свининъ, Павелъ Петровичъ, писатель и журналистъ, 1788—1839 г., т. II, 403.

Свининъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 777.

Свистуновъ, Петръ Николаевичъ, корнетъ, декабристъ, т. I, 625, 640, 641, 677, 693, 701, 730, 751, 753.

Свѣчинъ, Никаноръ Михайловичъ, генералъ-лейтенантъ, т. II, 533.

Седжеръ, Кирлъ Иванъ-овичъ, преподаватель англійск. языка имп. Николая I, дѣйств. ст. сов., 1788—1840 г., т. I, 32.

Сеймуръ, Джорджъ Гамильтонъ, англійскій дипломатъ, род. 1797 г., т. I, 538.

Семеновъ, титулярный совѣтникъ, декабристъ, т. I, 752, 753, 778.

Семицевъ, ротмистръ, декабристъ, т. I, 774.

де-Сенъ-При, Эмануиль, Луи-Мари, виконтъ, т. I, 400, 401, 402, 403, 404, 537.

Сенявинъ, Дмитрій Николаевичъ, 1763—1831 г., адмиралъ, чл. госуд. сов., т. I, 358, 670; т. II, 103, 413.

Сераскиръ, паша, т. II, 212.

Серафимъ (Стефанъ Вас. Глаголевскій), митрополитъ петербургскій, 1763—1843 г., т. I, 198, 262, 288, 515, 637; т. II, 6, 684.

Сержикутовскій, т. II, 429.

Сиверсъ, Егоръ Карловичъ, графъ, ген.-лейтенантъ, 1779—1827 г., т. I, 124.

Сивинскъ, т. I, 236.

Сипягинъ, Николай Мартыановичъ, генералъ-адъютантъ, ген.-лейтен., 1785—1828 г., т. II, 71, 91, 415, 416.

Скарятинъ, фавень-юнкеръ, декабристъ, т. I, 240, 625, 633, 640, 641, 778.

Скобелевъ, Иванъ Никитичъ, ген. отъ инф., комендантъ Петербургской крѣп., † 1849 г., т. I, 459; т. II, 733.

Скольмировскій, Ипполитъ, декабристъ, т. I, 775.

Скржинецкій, Янъ, польскій генералъ, 1778—1860 г., т. II, 336, 340, 342, 354, 581.

Смирнова, Александра Осиповна, рожд. Россетъ, придворная дама, писательница, 1810—1882 г., т. I, 544, 545; т. II, 16, 17, 405.

Смирновъ, штабъ-дѣкарь, т. I, 755, 756.

Соболевскій, Игнатій, графъ, управл. мин. юстиціи царства Польскаго, † 1840 г., т. I, 380, 531.

Соллогубъ, камеръ-юнкеръ, т. I, 85.

Соллогубъ, Владимиръ Александровичъ, графъ, писатель, 1814—1882 г., т. I, 280, 512.

Соловьевъ, баронъ, декабристъ, т. I, 446.

Солтыкъ, графъ, сенаторъ, каштелянъ царства Польскаго, т. I, 331; т. II, 98.

Софроній, архіепископъ императоринскій, † 1841 г., т. II, 750.

Сперанскій, Михаилъ Михайловичъ, гр., государственный дѣятель, 1772—1839 г., т. I, 187, 254, 255, 256, 272, 423, 424, 432, 442, 443, 460, 461, 462, 463, 499, 501, 513, 541, 543, 548, 616, 670; т. II, 50, 62, 393, 664.

Спиридовъ, майоръ, декабристъ, т. I, 674, 689, 700, 722.

Спиро, т. I, 239, 624.

Спонтини, Гаспаро, композиторъ, 1774—1851 г., т. I, 146.

Стааль, Карлъ Густавовичъ, генералъ отъ кавалеріи, московскій комендантъ, 1777—1853 г., т. II, 391.

Станкевичъ, участникъ польскаго возстанія, т. II, 612.

Станферъ, Филиппъ, авторъ «Переписки», т. I, 532, 536.

Стасовъ, Василій Петровичъ, архитекторъ-академикъ, 1769—1848 г., т. II, 461.

Стедингъ, графъ, шведскій фельдмарш., 1746—1837 г., т. II, 1.

Стоговъ, Эразмъ Ивановичъ, т. II, 475.

Столыпинъ, Аркадій Алексѣевичъ, тайн. совѣтъ, сенаторъ, 1778—1826 г., т. I, 424, 541.

Столыпинъ, Дмитрій Алексѣевичъ, ген.-майоръ, 1785—1826 г., т. I, 162.

Столыпинъ, генералъ-лейтенантъ, воен. севастопольскій губерн., † 1830 г., т. II, 282.

Стофрегенъ, Конрадъ, дѣйств. статскій сов., лейбъ-медикъ, т. I, 172.

Странфордъ, англійскій посолъ, т. I, 248.

Стрекаловъ, Степанъ Степановичъ, дѣйствит. тайн. сов., сенаторъ, 1782—1856 г., т. I, 283, 284, 285, 615; т. II, 732.

Стремицкий, Матвѣй, т. II, 525, 526.

Стріенскій, Александръ, т. II, 525, 526.

Строганова, Адель, т. I, 597.

Строгановъ, Александръ Григорьевичъ, графъ, генералъ-адъютантъ, членъ госуд. сов., т. II, 633, 634.

Строгановъ, Григорій Александровичъ, графъ, дѣйств. тайн. совѣтъ, членъ госуд. сов., 1769—1857 г., т. I, 415, 442, 670; т. II, 8.

Строгановъ, Сергѣй Григорьевичъ, гр., генералъ-лейтенантъ, членъ госуд. сов., 1794—1882 г., т. II, 532, 533, 613.

Стройниковъ, капитанъ 2-го ранга, т. II, 233, 234.

Струмило, титулярный совѣтъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Стюрлеръ, полковникъ, командиръ Гренадерскаго полка, т. I, 298, 300, 301, 331, 667, 688, 720, 750.

Суворовъ, Александръ Аркадьевичъ, гр. Рымникскій, князь Италійскій, генералъ отъ инфантеріи, генер.-инспекторъ кавалеріи, т. II, 167, 375, 670.

Суворовъ, Александръ Васильевичъ, 1720—1800 г., графъ Рымникскій, свѣтл. князь Италійскій, генералиссимусъ, т. I, 4; т. II, 116, 254, 343, 429, 437.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕНЪ

Сукнинъ, Александръ Яковлевичъ, ген.-адъют., ген. отъ инфант., членъ госуд. сов., 1765—1837 г., т. I, 356, 501, 670.

Сумароковъ, Павелъ Ивановичъ, сенаторъ, т. I, 671.

Суттофъ, Александръ Николаевичъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 196, 278, 279, 298, 511, 655, 658, 675, 692, 700, 728, 750, 754.

Сушиновъ, декабристъ, т. I, 446.

Сухожанецъ, Иванъ Онуфриевичъ, генералъ-адъютантъ, начальникъ Николаевской академіи, т. I, 282, 290; т. II, 438, 591.

Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ, историкъ-литераторъ, 1828—1901 г., т. II, 17, 18, 405.

Сухоруковъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 775.

Сухтеленъ, Павелъ Петровичъ, графъ, генер.-адъют., оренбургскій ген.-губернаторъ, 1788—1833 г., т. II, 91, 134, 141, 406, 414, 420, 430, 525, 526.

Сухтеленъ, Петръ Корнилевичъ, генер., дипломатъ, 1751—1836 г., т. II, 705.

Г.

Ганровъ, петербургскій домовладѣлецъ, т. II, 594, 598, 599, 601.

Галейранъ-Перигоръ, Шарль Морисъ, французскій дипломатъ, 1754—1838 г., т. I, 47; т. II, 648.

Гайдебей, Александръ Сергѣевичъ, дѣйствит. тайн. совѣтн., статсъ-секр., членъ госуд. сов., 1785—1866 г., т. II, 532.

Гарасовъ, Дмитрій Клементьевичъ, тайн. совѣтн., почетный лейбъ-хирургъ, 1792—1866 г., т. I, 404, 537.

Гарновскій, графъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Гатищевъ, Александръ Ивановичъ, гр., генералъ отъ инфант., военный министръ, 1763—1833 г., т. I, 152, 195, 196, 251, 262, 328, 329, 330, 332, 356, 423, 431, 444, 501, 502; т. II, 8, 78, 79.

Гатищевъ, Дмитрій Павловичъ, дѣйств. тайный сов., оберъ-камергеръ, дипломатъ, 1769—1845 г., т. I, 416; т. II, 431, 504, 505, 506, 508, 675, 710, 714, 716.

Гатищевъ, Сергѣй Спиридоновичъ, публицистъ, род. 1846 г., т. I, 372, 524, 528, 537.

Тизенгаузенъ, полковникъ, декабристъ, т. I, 545, 675, 697, 702, 741.

Тизенгаузенъ, В. К., баронъ, т. II, 328, 465, 474.

Титовъ, Михаилъ Ивановичъ, коммерц. совѣтникъ, 1767—1835 г., т. II, 570.

Титовъ, Николай Алексѣевичъ, генер.-лейтен., 1800—1875 г., т. I, 286.

Титовъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 777.

Тихоновъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 777.

Толстой, Дмитрій Андреевичъ, графъ, оберъ-прокур. свѣтѣйш. син. мин. нар. пр., мин. внутр. дѣлъ, 1828—1889 г., т. I, 312.

Толстой, Дмитрій Николаевичъ, графъ, тайный сов., писатель подъ псевдонимомъ Знаменскій, 1806—1874 г., т. I, 520, 523.

Толстой, Петръ Александровичъ, графъ, генер. отъ инфант., членъ государств. сов., 1761—1844 г., т. I, 325, 327, 442, 576, 581, 670, 781; т. II, 68, 71, 76, 119, 187, 250, 261, 262, 310, 327, 344, 405, 416, 451, 455, 473, 486, 487, 490, 532, 534, 535, 536, 549, 550, 553, 555, 559, 612, 613, 614, 615, 616, 672, 763, 764.

Толстой, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 640, 678, 697, 702, 741, 751.

Толстой, Яковъ, адъютантъ главнаго штаба, декабристъ, т. I, 775.

Толь, Карлъ Ѳедоровичъ, графъ, генер.-адъют., генер. отъ инфант., авторъ «Записокъ», 1777—1742 г., т. I, 54, 100, 251, 298, 430; т. II, 200, 202, 203, 204, 206, 207, 232, 246, 247, 254, 319, 328, 338, 352, 354, 355, 450, 451, 479, 480, 482, 484, 547, 559, 579, 586, 587, 588, 590, 731.

Томашевскій, Алексѣй Михайловичъ, генералъ-майоръ, т. II, 614.

Торсонъ, К., капитанъ-лейтенантъ, декабристъ, т. I, 267, 279, 500, 524, 652, 676, 694, 701, 733, 751.

Тотлебенъ, Эдуардъ Ивановичъ, графъ, генералъ-адъютантъ, 1818—1884 г., т. I, 450, 487.

Трубецкой, Василій Сергѣевичъ, князь, ген. отъ кав., членъ госуд. сов., сенаторъ, 1776—1841 г., т. I, 186.

Трубецкой, Николай Ивановичъ, князь, оберъ-гофмейстеръ, членъ госуд. сов., сенаторъ, 1796—1874 г., т. I, 327.

Трубецкой, Петръ Ивановичъ, князь, ген. отъ кав., сенаторъ, 1798—1871 г., т. II, 230, 456, 601.

Трубецкой, Сергѣй Петровичъ, князь, полковникъ, декабристъ, т. I, 270, 271, 272, 273, 280, 285, 298, 301, 335, 342, 370, 424, 448, 458, 498, 502, 503, 505, 509, 510, 511, 515, 633, 640, 641, 651, 652, 654, 655, 666, 657, 658, 662, 674, 688, 700, 720, 734, 752, 753, 780.

Труссонъ, Иванъ, Христіановичъ, генералъ-лейтенантъ, т. II, 525.

Трухинъ, майоръ, т. I, 366.

Трухсесъ, графиня, прусская придворная дама, т. I, 83.

Тургеневъ, Александръ Ивановичъ, тайный совѣтникъ, 1784—1845 г., т. I, 334, 523; т. II, 430.

Тургеневъ, Александръ Михайловичъ, статскій совѣтникъ, директоръ медицинск. деп., 1772—1863 г., т. II, 405.

Тургеневъ, Николай Ивановичъ, писатель, 1789—1871 г., т. I, 334, 447, 448, 523, 650, 678, 685, 692, 700, 752, 753, 754.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Тутолминъ, Иванъ Васильевичъ, дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. сов., т. I, 190.

Тухачевскій, Николай Сергѣевичъ, ст. сов., тульскій губернаторъ, т. I, 396.

Тучковъ 1-й, Сергѣй Александровичъ, генералъ-лейтенантъ, т. II, 130, 131.

Тыртовъ, мичманъ, декабристъ, т. I, 776.

Тышковскій, дворянинъ, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Тютчевъ, капитанъ, декабристъ, т. I, 675, 693, 701, 729.

У.

Уваровъ, Сергѣй Семеновичъ, графъ, дѣйств. тайн. сов., мин. народн. пр. президентъ акад. наукъ, 1786—1855 г., т. I, 94; т. II, 82, 634, 635, 636, 742.

Уваровъ, Фѣдоръ Петровичъ, графъ, ген.-адъют., ген. отъ кав., чл. госуд. сов., 1773—1824 г., т. I, 126, 160, 162, 418, 430, 540.

Уманецъ, О. М., т. II, 416.

Уминскій, участникъ польскаго возстанія, т. II, 336, 515, 516.

Урусовъ, Александръ Михайловичъ, князь, дѣйств. т. сов., чл. госуд. сов., сенаторъ, 1766—1853 г., т. II, 566.

Устряловъ, Николай Герасимовичъ,

историкъ, професс. Петерб. университета, 1805—1870 г., т. I, 80, 81, 82, 83, 419.

Устряловъ, Фѣдоръ Герасимовичъ, главный редакторъ свода военныхъ постановленій, р. 1808 г., т. II, 82.

Ушаковъ, Александръ Клеониковичъ, генералъ отъ инфантерій, авторъ «Записокъ», 1803—1879 г., т. II, 140, 144, 148, 152, 436.

Ушаковъ, Аполлонъ, поручикъ, сообщникъ Мировича, т. I, 765.

Ушаковъ, Павелъ Петровичъ, кавалеръ при велик. князѣ Николаѣ Павловичѣ, ген. отъ инфант., 1779 — 1853 г., т. I, 16, 477.

Ушакова, фрейлина, т. I, 85, 240, 625.

Ф.

Фаленбергъ, подполковникъ, декабристъ, т. I, 675, 695, 701, 735, 751.

Фе, т. II, 567.

Фелькерзамъ, т. II, 243.

Фелькнеръ, Владимиръ Ивановичъ, ген.-лейтенантъ, авт. «Записокъ», 1803—1871 г., т. I, 516.

Фельцманъ, т. II, 567.

Феншъ, Андрей Семеновичъ, ген. отъ инф., сенаторъ, т. I, 671; т. II, 518.

Фердинандъ I, австрійскій императоръ, род. 1793 г., т. II, 711, 712, 715, 716, 718.

Фердинандъ, Карлъ-Йосифъ, эрцъ-герцогъ австрійскій, 1781—1850 г., т. I, 400; т. II, 704, 705.

Фетъ-али-Ханъ, шахъ персидскій, т. II, 88.

Фіеска, т. II, 701.

Фикельмонъ, графъ, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, т. II, 299, 505, 507, 670, 743.

Филаретъ, митрополитъ московскій (Вас. Мих. Дроздовъ), 1782 — 1867 г., т. I, 139, 140, 142, 143, 187, 203, 210, 323, 324, 325, 522; т. II, 6, 276, 306.

Филипповъ, А. А., т. II, 415.

Фогель, полицейскій агентъ, т. I, 512, 513.

Фокъ, Михаилъ Максимовичъ, директоръ канцеляріи III отдѣленія, т. I, 355, 464, 525; т. II, 415, 594, 597, 602, 607.

Фокъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 678, 700, 702, 749.

Фонвизинъ, Михаилъ Алексѣевичъ, отставной генералъ-майоръ, декабристъ, т. I, 338, 435, 524, 676, 695, 701, 734, 751, 752, 755.

Фонтопъ, Іосифъ Петровичъ, дѣйствит. статск. сов., дипломатъ, т. II, 266, 452, 461, 464.

Фотій, архимандритъ, настоятель Юрьевскаго монастыря, 1792—1838 г., т. I, 225; т. II, 44, 700.

Фохтъ, штабъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 662, 677, 699, 702, 746.

Франкъ, ротмистръ, декабристъ, т. I, 777.

Францъ I, Іосифъ Карлъ, императоръ австрійскій, 1768—1835 г., т. I, 154, 416, 567; т. II, 107, 414, 670, 675, 677, 678, 701, 711, 713, 717.

Фредерика, прусская принцесса, т. I, 593.

Фредериксъ, Александръ Андреевичъ, баронъ, ген.-лейт., † 1849 г., т. I, 233, 235, 246, 247, 506, 638.

Фредериксъ, генер.-майоръ, т. I, 282, 298, 381, 667, 692.

Фрейштедтъ, баронесса, авторъ «Воспоминаній», т. I, 477, 480.

Фридрихъ Вильгельмъ III, король прусскій, 1770—1840 г., т. I, 121, 453, 459, 463, 572; т. II, 116, 225, 315, 320, 356, 706.

Фридрихъ, принцъ виртембергскій, т. II, 707, 743.

Фридрихъ, принцъ плеазвиъ-голштинскій, 1829—1880 г., т. II, 707.

Фридрихъ II Великій, король прусскій, 1712—1786 г., т. I, 103, 104.

Фридрихъ, Георгъ Людвигъ, принцъ — см. Вильгельмъ II.

Фрикентъ, полковникъ, т. I, 630.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

Фроловъ 2-й, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 675, 694, 701, 732.

Фроловъ 4-й, подполковн., декабристъ, т. I, 774.

Фурманъ, Андрей, капитанъ, декабристъ, т. I, 445, 446, 675, 698, 702, 746, 751.

Фуше, Жозефъ, французскій мин. полиціи, 1763—1820 г. т. I, 464.

Х.

Хвостовъ, Василій Семеновичъ, тайный сов. сенаторъ, † 1832 г. т. I, 671.

Хвостовъ, Дмитрій Ивановичъ, графъ, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, 1757—1835 г., т. I, 671.

Хвощинскій, полковникъ, т. I, 513, 692, 729, 749.

Хилковъ, Степанъ Александровичъ, кн., ген.-лейт., 1786—1854 г., т. II, 698.

Хитрова, Елизавета Михайловна, † 1839 г., т. II, 488.

Хитрово, Сергій Петровичъ, дѣйствит. тайн. сов., сенаторъ, 1748—1827 г., т. I, 671.

Хлопицкій, Іосифъ, польскій генералъ, диктаторъ польскаго возстанія, 1771—1854 г., т. II, 323, 336.

Хлоповскій, участникъ польскаго возстанія, т. II, 360.

Хованскій, Николай Николаевичъ, кн., генералъ отъ инфантеріи, сенаторъ, 1777—1837 г., т. II, 360.

Фонъ-дербъ-Ховень, П. Р., авторъ «Воспоминаній», т. II, 486.

Ходзько, участникъ польск. заговора, т. II, 102.

Хоенегъ, австрійскій ген., т. II, 520.

Хозревъ, мирза, т. II, 212, 240, 241.

Хозревъ, паша, т. II, 106.

Хотекъ, графъ, намѣстникъ Богеміи, 1783—1868 г., т. II, 709, 710.

Хотынцовъ I, подполковн., декабристъ, т. I, 773.

Храповицкій, Матвѣй Евграфовичъ, генералъ-адъют., генер. отъ инфант., членъ госуд. совѣта, т. I, 398; т. II, 78, 125, 310, 433, 616.

Хрущовъ, Алексѣй, коллежскій ассессоръ, т. I, 763, 764.

Хрущовъ, Петръ, поручикъ, т. I, 763, 764.

Хшановскій, Альбертъ, т. II, 525, 527.

Ц.

Цебриковъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 675, 685, 700, 702, 755, 756.

Цебриковъ, лейтенантъ, т. I, 755, 756.

Цитенъ, генералъ прусской арміи, т. II, 230, 521.

Цишевскій, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

фонъ-Цолликоферъ, командиръ прусск. Бранденбургскаго кирасирскаго полка, т. I, 484.

Ч.

Чарковскій, участникъ польскаго заговора, т. II, 102.

Чарторижская, Изабелла Фортуната, княгиня, 1743—1835 г., т. II, 235.

Чарторижскій, Адамъ Георгъ, князь, государственный дѣятель при Александрѣ I, польскій патріотъ, 1770—1861 г., т. II, 235, 476, 506, 507, 589.

Чаусовъ, фельдшерскій офицеръ, т. I, 454.

Чевкинъ, Константинъ Владимировичъ, ген.-адъют., членъ госуд. сов., сенаторъ, 1803—1875 г., т. II, 252, 461, 557, 559.

Черкасовъ, баронъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 677, 698, 702, 742.

Черновъ, Константинъ, подпор. Семевского полка, т. I, 179, 238, 495.

Черноглазовъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 779.

Чернышева, Анна Родіоновна, графиня, т. I, 625; т. II, 718.

Чернышевъ, Александръ Ивановичъ, свѣтл. князь, ген.-адъют., ген. отъ кавалеріи, военн. мин., предс. госуд. сов., † 1857 г., т. I, 243, 244, 247, 299, 330, 363, 423, 451, 454, 507, 524, 622, 633, 634, 638; т. II, 8, 54, 55, 56, 57, 58, 68, 71, 76, 78, 79, 80, 119, 187, 200, 247, 250, 252, 254, 262, 270, 288, 289, 290, 292, 308, 310, 318, 352, 365, 386, 391, 410, 411, 414, 415, 416, 418, 430, 434, 450, 460, 461, 463, 464, 465, 469, 470, 481, 486, 489, 525, 526, 528, 549, 550, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 574, 577, 579, 581, 615, 739.

Чернышевъ, Григорій Ивановичъ, графъ, оберъ-шенекъ, † 1831 г., т. I, 85.

Чернышевъ, Захаръ, графъ, ротмистръ, декабристъ, т. I, 239, 240, 244, 246, 247, 320, 520, 623, 625, 678, 697, 702, 742.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Чертковъ, Иванъ Васильевичъ, генераль-лейтенантъ, † 1848 г., т. II, 390.

Чесовниковъ, т. II, 60.

Чефаридзевъ, Семень, подпоручикъ, прикомандованный къ дѣлу Миронича, т. I, 765.

Чижевъ, лейтенантъ, декабристъ, т. I, 678, 698, 702, 745.

Чихачовъ, полицмейстеръ, т. I, 164.

Чихачевъ, генераль, т. II, 609.

Чичеринъ, Петръ Александровичъ, ген.-адъют., ген. отъ кавалеріи, 1778—1841 г., т. I, 152, 302, 492; т. II, 163.

Ш.

Шабанскій, т. II, 423.

Шамбо, секретарь прусскаго короля, т. I, 83.

Шарлеманъ, Іосифъ Ивановичъ, профессоръ архитектуры, 1782—1861 г., т. I, 172.

Шарлотта, супруга Леопольда I, короля бельгійскаго, т. I, 78, 80.

Шатобрианъ, Франсуа-Огюстъ, 1769—1848 г., т. I, 151, 349, 482, 492.

Шахиревъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 676, 699, 702, 746, 751.

Шаховской, Александръ Александровичъ, князь, ст. сов., чл. академіи наукъ, драматургъ, 1772—1846 г., т. I, 207, 503.

Шаховской, Иванъ Леонтьевичъ, князь, генераль отъ инфантеріи, членъ государственнаго совѣта, 1776—1860 г., т. II, 46, 340, 476, 477.

Шаховской, Николай Леонтьевичъ, князь, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, 1758—1836 г., т. I, 671.

Шаховской, Ѳеодоръ, князь, отст. майоръ, декабристъ, т. I, 676, 685, 698, 702, 755.

Шварцъ, полковникъ, т. I, 599, 600, 602.

Шелеръ, генераль, прусскій посланникъ въ Петербургъ, т. I, 62, 92; т. II, 299.

Шембекъ, участникъ польскаго возстанія, т. II, 336.

Шенингъ, Н. II., авторъ «Записокъ», т. I, 505.

Шеншинъ, Василій Никаноровичъ, ген.-адъют., ген.-лейтен., 1784—1831 г., т. I, 242, 282, 298, 300, 331, 356, 621, 667, 692, 729, 749.

Шервудъ-Вѣрный, Иванъ Васильевичъ, 1798—1867 г., т. I, 177, 178, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 247, 362, 450, 451, 467, 468, 495, 506, 507, 546, 622, 623, 626, 627, 639, 640, 641, 642.

Шереметева, А. С., т. II, 567.

Шереметевъ, Дмитрій Николаевичъ, графъ, т. II, 699.

Шефлеръ, генераль-майоръ, т. II, 366.

Шиллеръ, секретарь прусскаго двора, т. I, 83.

Шильденъ, баронъ, оберъ-гофмаршалъ прусскаго двора, т. I, 61, 63, 83, 159, 165, 481, 482, 572, 573, 591.

Шильдеръ, Карлъ Андреевичъ, генераль-адъютантъ, начальникъ инженеровъ

гвардейскаго корпуса, 1786—1854 г., т. II, 166, 167, 170, 238.

Шимановскій, Винцентъ, т. II, 527, 528.

Шимановскій, Феликсъ, т. II, 525, 527.

Шиманскій, участникъ польскаго заговора, т. II, 668.

Шимковъ, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 675, 696, 701, 737, 746.

Шимонскій, Михаилъ, т. II, 525, 527.

Шиповъ, Сергій Павловичъ, ген.-адъют., ген. отъ инфант., сенаторъ, 1790—1876 г., т. I, 288, 359; т. II, 591.

Шишковъ, Александръ Семеновичъ, адмираль, мин. народн. просв., чл. госуд. сов., 1754—1841 г., т. I, 187, 188, 203, 266, 500, 501, 509, 512, 516, 616, 625, 626, 670; т. II, 20, 33, 35, 36, 79, 407, 408.

Шишковъ, капитанъ, т. I, 238, 240, 247.

Шкуринъ, Павелъ Сергѣевичъ, генераль-майоръ, т. II, 58, 412.

Шлегель, Иванъ Богдановичъ, лейбъ-медикъ, 1787—1851 г., т. II, 586.

Шлифенъ, графъ, прусскій офицеръ, т. I, 83, 90.

Шмидтъ, прусскій консулъ въ Варшавѣ, т. II, 320.

Шнейдеръ, нѣмецкій писатель, т. I, 147, 491.

Штейбенъ, Николай Карловичъ, баронъ, генераль-майоръ, т. II, 748.

Штейнбоксъ, графъ, офицеръ, т. I, 241, 628.

Штейнгель, Владимиръ Ивановичъ, баронъ, отставн. подполковникъ, декабристъ, т. I, 274, 434, 503, 653, 656, 657, 676, 694, 701, 733, 751; т. II, 31.

Штокмаръ, лейбъ-медикъ Бельгійскаго двора, т. I, 80, 81, 483.

Шторхъ, Генрихъ (Андрей Карловичъ), 1766—1835 г., преподаватель политич. экономіи имп. Николая I-го, т. I, 18, 32, 38, 266.

Шторхъ, подпоручикъ, декабристъ, т. I, 777.

Шуазель, т. I, 597.

Шувалова, графиня, фрейлина имп. Александры Ѳеодоровны, т. I, 85.

Шульгинъ, А. С., генер.-майоръ, оберъ-полицмейстеръ, т. I, 516.

Шультепъ, поручикъ, декабристъ, т. I, 775.

Шульцъ, Августъ, т. II, 525, 527, 528.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

Щ.

- Щепиловъ**, декабристъ, т. I, 721.
Щепинъ-Ростовскій, князь, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. I, 277, 278, 298, 655, 674, 692, 700, 729, 749, 750.
Щербатовъ, Алексѣй Григорьевичъ, князь, генералъ-адъют., членъ госуд. сов., 1777—1848 г., т. I, 633, 640, 654; т. II, 76, 176.
Щербатовъ, князь, биографъ Паскевича, т. I, 477, 486, 487, 490; т. II, 88, 406, 414, 415, 420, 421, 462, 451, 454, 540, 543, 566.
Щинилла, декабристъ, т. I, 446.
Щуденовъ, Петръ Петровичъ, тайн. сов., сенаторъ, † 1832 г., т. I, 671.

Э.

- Эйхлеръ**, т. II, 612, 613, 614.
Эльслеръ, Фанни, балер., 1810—1884 г., т. II, 637, 639.
Эмманюель (Еманюэль), Егоръ Арсеньевичъ, ген. отъ кавал., 1777—1837 г., т. I, 670; т. II, 91, 352.
Энгель, Огдоръ Ивановичъ, дѣйств. тайн. сов., чл. госуд. сов., сенаторъ, † 1837 г., т. I, 442; т. II, 331, 592.
Энгельгардтъ, Александръ Николаевичъ, т. I, 577, 541.
Энгельгардтъ, Павелъ Ивановичъ, отст. полковникъ, † 1812 г., т. II, 656.
Эристовъ, Георгій Евсеевичъ, князь, генералъ отъ инфантеріи, сенаторъ, 1795—1863 г., т. II, 87.
Эссенъ, Петръ Кирилловичъ, графъ, генералъ отъ инфантеріи, военный ген.-губ. Спб., членъ госуд. сов., 1772—1844 г., т. II, 364, 595, 602, 608, 609.
Эстергази, князь, австрійскій дипломатъ, т. II, 717.
Эсханъ, ханъ, т. II, 751.
Эюбъ, паша, т. II, 136, 268.

Ю.

- Юрасовъ**, прапорщикъ, декабристъ, т. I, 775.
Юсуповъ, Николай Борисовичъ, князь, дѣйств. тайн. сов., чл. госуд. сов., † 1831 г., т. II, 12, 566.
Юсуфъ, паша, т. II, 169, 268, 439.
Юшневскій, генералъ интендантъ 2-ой арміи, декабристъ, т. I, 240, 242, 363, 343, 621, 625, 659, 663, 674, 691, 700, 725, 752.
Юшневскій, чиновникъ интендантства, 9-го класса, декабристъ, т. I, 774.

Я.

- Яблоновскій**, Антонъ, князь, участникъ польскаго заговора, т. II, 162.
Яблоновскій, Максимиліанъ Антоновичъ, князь, сенаторъ, † 1846 г., т. I, 379, 382, 529, 541.
Ягеллонъ (Ягайло), 1348—1434 г., король польскій, великій князь литовскій, т. I, 384; т. II, 171.
Ядвига, королева польская, жена Ягелло, 1370—1399 г., т. I, 384.
Языковъ, Николай Михайловичъ, поэтъ, 1773—1845 г., т. II, 17.
Якубовичъ, Александръ Ивановичъ, капитанъ, декабристъ, т. I, 277, 278, 285, 298, 370, 452, 458, 510, 511, 513, 514, 515, 544, 653, 656, 657, 675, 690, 700, 723, 735.
Якушкинъ, Иванъ Дмитриевичъ, отставн. капитанъ, декабристъ, т. I, 337, 444, 527, 536, 663, 675, 691, 701, 727, 751, 752, 755.

Ө.

- Өедоровъ**, матросъ, т. I, 756.
Өеоктистовъ, Е., т. II, 424.

УКАЗАТЕЛЬ

ПОРТРЕТОВЪ, РИСУНКОВЪ И ГРАВЮРЪ.

Портреты императора Николая I.

- Николай I.** Съ акварели, рисованной съ натуры Рокшталемъ въ 1821 году. (Хромо-
литографія на отдѣльномъ листѣ въ началѣ книги). Т. I. Стр. 1.
- Въ кабріолетѣ вмѣстѣ съ великой княгиней Александрой Оеодоровной. Съ
гравюры начала прошлаго столѣтія. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ).
Т. I. Стр. 113.
 - Въ костюмѣ Аларика, царя бухарскаго. Изъ рѣдкаго изданія «Lalla Roukh».
Divertissement exécuté au chateau royal de Berlin le 27 janvier 1821. (Хро-
молитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 137.
 - Съ гравюры Робинзона, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія
на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 273.
 - Съ польской литографіи 1825 года. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ)
Т. I. Стр. 289.
 - Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Оеодоровной и цесаревичемъ Алексан-
дромъ Николаевичемъ. Съ гравюры Райта. сдѣланной съ портрета, писан-
наго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 297.
 - Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ, по копін, сдѣланной проф. Швабомъ.
(Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 353.
 - Въ дѣтствѣ. Съ гравированнаго портрета того времени. Т. I. Стр. 13.
 - Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Т. I. Стр. 65.
 - На сенатской площади 14-го декабря 1825 года. Съ литографіи Рябцова, сдѣ-
ланной съ рисунка В. Садовникова. Т. I. Стр. 261.
 - Съ гравированнаго портрета Годара. Т. I. Стр. 269.
 - Съ литографіи Шмидта. Т. II. Стр. 3.
 - Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры карандашемъ Крюгеромъ. (Изъ собранія
Н. Я. Дашкова). Т. II. Стр. 3.
 - Въѣздъ его въ Москву. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 13.
 - Съ императрицей Александрой Оеодоровной и великимъ княземъ Констан-
тиномъ Николаевичемъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II.
Стр. 89.
 - Въ формѣ прусскаго кирасирскаго его имени полка. Съ портрета, приложен-
наго къ исторіи полка, изданной въ 1842 году. (Хромолитографія на
отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 129.
 - Съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 161.

УКАЗАТЕЛЬ ГРАВЮРЪ, РИСУНКОВЪ И ПОРТРЕТОВЪ

- На охотѣ. Съ портрета, находящагося въ музеѣ Н. Н. Щукина въ Москвѣ. Т. II. Стр. 165.
- Съ императрицей Александрой Ѳеодоровной на парадѣ Кавалергардскаго полка. Съ рисунка, приложеннаго къ «Исторіи Кавалергардскаго полка». Т. II. Стр. 169.
- Съ силуэта съ натуры, сдѣланнаго Лашкаревымъ и находящагося въ музеѣ Пажескаго корпуса. Т. II, стр. 185.
- На денныхъ маневрахъ. Съ литографіи Шмидта, сдѣланной съ рисунка Шварца. Т. II. Стр. 197.
- На ночныхъ маневрахъ. Съ литографіи Шмидта, сдѣланной съ рисунка Шварца. Т. II. Стр. 201.
- На бивуакѣ. Съ литографіи Шварца. Т. II. Стр. 205.
- Съ акварели съ натуры. Т. II. Стр. 257.
- Переправа его черезъ Дунай въ 1828 году. Съ гравюры Петрова, сдѣланной съ рисунка Звѣрева. Т. II. Стр. 259.
- Посѣщеніе имъ генералъ-адъютанта Сухозанета. Съ литографіи Корна. Т. II. Стр. 377.
- Въѣздъ его въ Москву во время холеры 1831 года. Съ гравюры того времени. Т. II. Стр. 379.
- Въ саяхѣ на набережной Невы. Съ рисунка Тимма, сдѣланнаго съ картины Сверчкова. Т. II. Стр. 381.
- Вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, княземъ Волконскимъ и графомъ Бенкендорфомъ. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 1.
- Съ портрета масляными красками, писаннаго въ 1842 году и принадлежащаго Н. Н. Вуху. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 289.

Портреты разныхъ лицъ.

- Александра Николаевна**, великая княжна. Съ литографіи Митрейтера, сдѣланной съ портрета Штилера. Т. II. Стр. 131.
- Вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великими княжнами Ольгой и Маріей Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 17.
- Александра Ѳеодоровна**, императрица. Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 297.
- Съ портрета, писаннаго Гессе въ Берлинѣ. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 369.
- Съ великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ и великой княгиней Маріей Николаевной. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 385.
- Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Т. I. Стр. 67.
- Съ портрета Гебауера 1817 года. Т. I. Стр. 71.
- Приѣздъ ея въ Варнемюнде въ 1824 году. Съ гравюры того времени Геншеля. Т. I. Стр. 173.
- Въѣздъ ея въ Москву. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 13.
- Вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 89.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

- Съ гравюры Райта. Т. II. Стр. 93.
- На верхней террасѣ Ольгина острова въ Петергофѣ. Съ сепіи съ натуры Чернышева. Т. II. Стр. 105.
- На парадѣ Кавалергардскаго полка. Съ рисунка, приложеннаго къ «Исторіи Кавалергардскаго полка». Т. II. Стр. 169.
- Съ литографіи Гольдбаха, сдѣланной съ портрета Разумихина. Т. II. Стр. 385.
- Въмѣстѣ съ великими княжнами Ольгой, Маріей и Александрой Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 17.
- Александръ Николаевичъ**, цесаревичъ. Въмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и императрицей Александрой Оеодоровной. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 297.
- Съ портрета, писаннаго Доу. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 329.
- Въмѣстѣ съ императрицей Александрой Оеодоровной и великой княжной Маріей Николаевной. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 385.
- Цесаревичъ, обозрѣвающій маневры изъ павильона Дудергофскаго дворца. Съ литографіи Иванова, сдѣланной съ картины Чернецова. Т. II. Стр. 209.
- Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и принадлежащаго П. Я. Дашкову. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 217.
- Въмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, княземъ Волконскимъ и графомъ Бенкендорфомъ. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 1.
- Александръ Павловичъ**, императоръ. Съ гравюры Одуена, сдѣланной съ портрета, писаннаго Бурдономъ. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 57.
- Съ акватинты Югеля, сдѣланной по рисунку Студи. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 97.
- Съ гравюры Райта. Т. I. Стр. 344.
- Анна Оеодоровна**, великая княгиня. Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Т. I. Стр. 125.
- Аракчеевъ**, графъ, Алексѣй Андреевичъ. Съ портрета, писаннаго Доу и принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 33.
- Балугьянскій**, Михаилъ Андреевичъ. Съ литографіи Мюнстера. Т. I. Стр. 433.
- Васаргинъ**, Николай Васильевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 453.
- Ватенковъ**, Гавріиль Степановичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1839 года. Т. I. Стр. 465.
- Венкендорфъ**, графъ, Александръ Христофоровичъ. Съ литографіи Поля. Т. I. Стр. 439.
- Въ свитѣ императора Николая Павловича. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 1.
- Вестужевъ**, Михаилъ Александровичъ (декабристъ). Съ гравюры Сѣрякова, приложенной къ «Русской Старинѣ» 1896 года. Т. I. Стр. 361.
- Вестужевъ**, Александръ Александровичъ (Маринскій). Съ портрета, рисованнаго акварелью и принадлежащаго П. Я. Дашкову. Т. I. Стр. 367.
- Воровковъ**, Александръ Дмитріевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1898 года. Т. I. Стр. 289.
- Вригенъ**, Александръ Оеодоровичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 457.

УКАЗАТЕЛЬ ГРАВЮРЪ, РИСУНКОВЪ И ПОРТРЕТОВЪ

- Васильчиковъ**, Иларіонъ Васильевичъ. Съ гравюры Генриха Доу, сдѣланный съ портрета, писаннаго его отцомъ. Т. I. Стр. 95.
Съ портрета, приложеннаго къ «Историческому обзору дѣятельности комитета министровъ». Т. II. Стр. 289.
- Вилламовъ**, Григорій Ивановичъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 281.
- Вильгельмъ**, принцъ Прусскій. Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ «Unser Heidenkaiser», изд. въ 1896 г. въ Берлинѣ. Т. I. Стр. 86.
- Витгенштейнъ**, графъ, Петръ Христіановичъ. Съ гравюры Генриха Доу, сдѣланной съ портрета, писаннаго его отцомъ. Т. II. Стр. 243.
- Виттъ**, графъ, Иванъ Осиповичъ. Съ портрета, находящагося въ «Военной галлерей» Зимняго дворца. Т. II. Стр. 77.
- Воиновъ**, Александръ Львовичъ. Съ литографіи Мейера, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 181.
- Волконскій**, князь, Петръ Михайловичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Т. I. Стр. 43.
Въ свѣтъ императора Николая Павловича. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ и находящагося въ Николаевской залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 1.
- Волконскій**, князь, Сергій Григорьевичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ его «Запискамъ». Т. I. Стр. 385.
- Воронцовъ**, графъ, Семенъ Романовичъ. Съ рѣдкаго карандашнаго рисунка того времени. Т. I. Стр. 17.
- Воронцовъ**, графъ, Михаилъ Семеновичъ. Съ гравированнаго портрета Райта. Т. I, Стр. 335.
- Галиль-паша**. Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ «Histoire de Turquie». Т. II. Стр. 313.
- Гауке**, графъ, военный министръ царства Польскаго. Съ рисунка съ натуры Кили. Изъ собранія А. О. Думберга. Т. II. Стр. 341.
- Гейденъ**, графъ, Логгинъ Петровичъ. Съ портрета масляными красками, принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. Т. II. Стр. 241.
- Гельмгуть**, генералъ польской арміи. Съ рисунка съ натуры Кили. Изъ собранія А. О. Думберга. Т. II. Стр. 335.
- Георгъ**, принцъ-регентъ англійскій. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. I. Стр. 57.
- Глинка**, Оедоръ Николаевичъ. Съ гравированнаго портрета Аоанасьева. Т. I. Стр. 413.
- Голенищевъ-Кутузовъ**, Петръ Васильевичъ. Съ литографіи Клюквина. Т. I. Стр. 51.
- Голицынъ**, князь, Александръ Николаевичъ. Съ портрета, писаннаго Брюловымъ и принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. Т. I. Стр. 141.
- Голицынъ**, князь, Дмитрій Владимировичъ. Съ литографіи прошлаго столѣтія Поля. Т. I. Стр. 275.
- Горбачевскій**, Иванъ Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 461.
- Грейгъ**, Алексѣй Самойловичъ. Съ литографіи Сандомури, сдѣланной съ портрета, рисованнаго съ натуры Осюкинымъ. Т. II. Стр. 293.
- Дашковъ**, Дмитрій Васильевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Опыту біографій генераль-прокуроровъ и министровъ юстиціи». Т. II. Стр. 253.
- Дибичъ-Забалканскій**, графъ, Иванъ Ивановичъ. Съ портрета того времени, писаннаго масляными красками. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 353.
- Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 209.
- Долгоруковъ**, князь, Алексѣй Алексѣевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Опыту біографій генераль-прокуроровъ и министровъ юстиціи». Т. II. Стр. 217.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

- Евгеній**, принцъ Виртембергскій. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 201.
- Екатерина II**, императрица. Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лампи въ 1794 году. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 17.
- Елена Павловна**, великая княгиня. Съ литографіи Погокина. Т. I. Стр. 157.
- Елисавета Алексѣевна**, императрица. Съ гравюры Карделли, сдѣланной съ портрета, писаннаго Рейхелемъ. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 73.
- Съ гравюры Райта. Т. I. Стр. 345.
- Ермоловъ**, Алексѣй Петровичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Стр. 41.
- Жоини**, баронъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 249.
- Закревскій**, Арсеній Андреевичъ. Съ литографіи Смирнова, сдѣланной съ портрета Ранделя. Т. II. Стр. 221.
- Банкринъ**, графъ, Егоръ Францевичъ. Съ литографіи Мишелеса, сдѣланной съ портрета Крюгера. Т. II. Стр. 225.
- Каподистрія**, графъ, Иванъ Антоновичъ. Съ гравированнаго портрета Милова, 1822 года. Т. II. Стр. 307.
- Карамзинъ**, Николай Михайловичъ. Съ гравированнаго портрета Уткина. Т. I. Стр. 283.
- Карль X**, французскій король. Съ гравюры Метцерони. Т. II. Стр. 317.
- Каховской**, Петръ Андреевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 357.
- Биселевъ**, Павелъ Дмитріевичъ. Съ литографіи Смирнова, сдѣланной съ портрета Крюгера. Т. I. Стр. 305.
- Елейнихель**, Петръ Андреевичъ. Съ литографіи Поля. Т. I. Стр. 39.
- Кондрингтонъ**, англійскій адмиралъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 237.
- Козарскій**, Александръ Ивановичъ. Съ литографіи Сандомури, сдѣланной съ портрета, писаннаго съ натуры Осокинымъ. Т. II. Стр. 297.
- Коновницынъ**, Петръ Петровичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 35.
- Константинычъ Николаевичъ**, великій князь. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 89.
- Константинычъ Павловичъ**, великій князь. Съ миниатюры, принадлежащей его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. Т. I. Стр. 121.
- Съ гравюры, изданной въ 1825 году съ подписью: «Его величество императоръ Константинычъ Павловичъ». Т. I. Стр. 205.
- Съ гравированнаго портрета Карделли. Стр. 19.
- Поклоненіе его тѣлу. Факсимиле гравюры 1831 года. Т. II. Стр. 367.
- Съ портрета, принадлежащаго его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 321.
- Кочубей**, графъ, Викторъ Павловичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Историческому обзору дѣятельности комитета министровъ». Т. II. Стр. 53.
- Кюхельбекеръ**, Вильгельмъ Карловичъ. Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 257.
- Ламздорфъ**, графъ, Матвій Ивановичъ. Съ портрета, принадлежащаго графу Николаю Александровичу Ламздорфу. Т. I. Стр. 24.
- Съ портрета, принадлежащаго графу Константину Николаевичу Ламздорфу. Т. I. Стр. 25.
- Ланской**, Василій Сергѣевичъ. Съ портрета масляными красками. Т. I. Стр. 351.
- Лаферрона**, графъ. Съ портрета, приложеннаго къ его «Воспоминаніямъ». Т. I. Стр. 233.

УКАЗАТЕЛЬ ГРАВЮРЪ, РИСУНКОВЪ И ПОРТРЕТОВЪ

- Лейхтенбергскій**, герцогъ, Максимилианъ. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 161.
- Ливенъ**, князь, Карлъ Андреевичъ. Съ портрета, писаннаго масляными красками. Т. II. Стр. 59.
- Ливенъ**, графиня, Шарлотта Карловна. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Т. I. Стр. 9.
- Лобановъ-Ростовскій**, князь, Дмитрій Ивановичъ. Съ портрета, принадлежащаго князю А. Е. Лобанову-Ростовскому. Т. II. Стр. 213.
- Ловичъ**, княгиня. Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1877 г. Т. I Стр. 129.
- Лопухинъ**, князь, Петръ Васильевичъ. Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета Боровиковскаго. Т. I. Стр. 189.
- Лунинъ**, Михаилъ Сергѣевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 401.
- Любецкій**, князь. Съ рисунка съ натуры Киля. Изъ собранія А. О. Думберга. Т. II Стр. 325.
- Магницкій**, Михаилъ Леонтьевичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Библиографическимъ Запискамъ» 1892 года. Т. II. Стр. 65.
- Марія Николаевна**, великая княжна.
- Въѣстъ съ императрицей Александрой Оеодоровной и великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ, Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 385.
 - Съ литографіи Митрейтера, сдѣланной съ портрета Штилера. Т. II. Стр. 129..
 - Въѣстъ съ императрицей Александрой Оеодоровной и великими княжнами Ольгой и Александрой Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 17.
- Марія Оеодоровна**, императрица.
- Съ гравированнаго портрета Карделли. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 41.
 - Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Т. I. Стр. 5.
 - Кончина ея. Съ гравюры того времени П. Оеодорова. Т. II. Стр. 279.
- Мармонъ**, французскій маршалъ. Съ гравированнаго портрета Калена. Т. II. Стр. 21.
- Меншиковъ**, князь, Александръ Сергѣевичъ. Съ портрета съ натуры, на камнѣ Эстрейна. Т. I. Стр. 299.
- Съ литографіи Басина, сдѣланной съ портрета А. Брюлова. Т. II. Стр. 193.
- Мердеръ**, Карлъ Карловичъ. Съ литографіи Мюнстера. Т. I. Стр. 167.
- Милорадовичъ**, графъ, Михаилъ Андреевичъ.
- Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 187.
 - Нанесеніе ему смертельной раны 14-го декабря 1825 г. Съ рисунка Шарлеманя. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 449.
- Михаилъ Павловичъ**, великій князь.
- Въ дѣтствѣ. Съ гравированнаго портрета того времени. Т. I. Стр. 13.
 - Съ портрета, писаннаго Беннеромъ. Т. I. Стр. 89.
 - Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. I. Стр. 153.
 - Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 177.
 - Съ силуэта съ натуры, сдѣланнаго Лашкаревымъ и находящагося въ музеѣ Пажескаго корпуса. Т. II. Стр. 185.
 - Съ портрета, писаннаго Ладурнеромъ. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 185.
 - Въѣстъ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, княземъ Волконскимъ и графомъ Бенкендорфомъ. Съ портрета, писаннаго Брюггеромъ и находящагося въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 1.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Мордвиновъ, графъ, Николай Семеновичъ.

— Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Т. I. Стр. 425.

Муравьевъ, Артамонъ Михайловичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 377.

Муравьевъ, Никита Михайловичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 371.

Муравьевъ-Апостолъ, Матвій Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 313.

Муравьевъ-Апостолъ, Сергій Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 311.

Натцмеръ, прусскій генераль. Съ портрета, приложеннаго къ его біографіи, изданной въ 1876 году въ Берлинѣ. Т. I. Стр. 61.

Нессельроде, графъ, Карлъ Васильевичъ. Съ рѣдкой литографіи прошлаго столѣтія. Т. I. Стр. 55.

— Съ гравированнаго портрета Гоффмейстера. Т. II. Стр. 25.

Новосильцевъ, Николай Николаевичъ. Съ портрета Каневского 1832 года. Т. I. Стр. 217.

Оболенскій, князь, Евгеній Петровичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 241.

Одоевскій, князь, Александръ Ивановичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1886 г. Т. I. Стр. 397.

Оленинъ, Алексѣй Николаевичъ. Съ гравюры Уткина. Т. I. Стр. 193.

Ольга Николаевна, великая княжна, вмѣстѣ съ императрицей Александрой Ѳеодоровной и великими княжнами Маріей и Александрой Николаевнами. Съ гравюры того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 17.

Олперманъ, графъ, Карлъ Ивановичъ. Съ рисунка съ натура Кия. Т. I. Стр. 33.

Орловъ, графъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ. Съ гравюры Вендрамини. Т. I. Стр. 249.

— Съ гравированнаго портрета Турнера. Т. II. Стр. 359.

Орловъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ (декабристъ). Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1877 года. Т. I. Стр. 391.

Орловъ-Денисовъ, графъ, Василій Васильевичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 321.

Павелъ I, императоръ. Съ гравюры Валькера, сдѣланной по рисунку Аткинсона. (Фототипія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 33.

Пановъ, Николай Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 253.

Паскевичъ, графъ, Иванъ Ѳеодоровичъ. Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета Реймерса. Т. I. Стр. 43.

— Съ гравированнаго портрета Киселева. Т. II. Стр. 45.

— Съ портрета акварелью Эртингера. (Хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 369).

Пестель, Павелъ Ивановичъ (декабристъ). Съ портрета, находящагося въ «Альбомѣ Пушкинской выставки». Т. I. Стр. 441.

Полежаевъ, Александръ Ивановичъ. Съ портрета, приложеннаго къ «Исторіи русской словесности» Полевого. Т. II. Стр. 32.

Поццо-ди-Ворго, графъ. Съ литографіи начала нынѣшняго столѣтія. Т. I. Стр. 329.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ. Съ портрета, писаннаго Кипренскимъ. Т. II. Стр. 29.

Рябошъеръ, графъ, Александръ Ивановичъ. Съ акварели Брюлова 1829 года. Т. I. Стр. 341.

Ростовцевъ, Яковъ Ивановичъ. Съ портрета, рисованнаго съ натуры на камнѣ Клеомъ. Т. I. Стр. 227.

Руничъ, Дмитрій Павловичъ. Съ портрета, принадлежащаго его дочери, г-жѣ Храбро-Василевской. Т. II. Стр. 87.

Рылѣевъ, Кондратій Ѳеодоровичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 233.

*

УКАЗАТЕЛЬ ГРАВЮРЪ, РИСУНКОВЪ И ПОРТРЕТОВЪ

- Сакентъ**, графъ, Фабианъ Вильгельмовичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 303.
— Съ рисунка съ натуры Кили. (Изъ собранія А. О. Думберга). Т. II. Стр. 73.
- Свистуновъ**, Петръ Николаевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 445.
- Сиверсъ**, графъ, Егоръ Карловичъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. I. Стр. 94.
- Сперакскій**, графъ, Михаилъ Михайловичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. I. Стр. 221.
- Суттофъ**, Александръ Николаевичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 449.
- Сухозанетъ**, генералъ. Посѣщеніе его императоромъ Николаемъ. Съ литографіи Корна. Т. II. Стр. 377.
- Толстой**, графъ, Петръ Александровичъ. Съ рѣдчайшей гравюры Доу. Т. II. Стр. 245.
- Толь**, баронъ, Карлъ Оедоровичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. Т. II. Стр. 291.
- Трубецкой**, князь, Сергій Петровичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 237.
- Уваровъ**, Оедоръ Петровичъ. Съ литографіи Клюквина. Т. I. Стр. 101.
- Филаретъ**, митрополитъ московскій. Съ гравированнаго портрета Пожалостина. Т. I. Стр. 137.
- Фонъ-Фокъ**, Максимъ Яковлевичъ. Съ портрета, находящагося въ «Альбомѣ Пушкинской выставки». Т. II. Стр. 285.
- Фридрихъ-Вильгельмъ**, король прусскій.
Съ акватинты Югеля, сдѣланной по рисунку Студи. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 97.
Съ портрета изъ «Исторической портретной галлерей», изданной Брукманомъ. Т. I. Стр. 49.
- Хозревъ-Мирза**, Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 301.
- Храповицкій**, Матвій Евграфовичъ. Съ портрета, находящагося въ «Военной галлерей» Зимняго дворца. Т. II. Стр. 291.
- Чернышевъ**, графъ, Александръ Ивановичъ. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу. Т. II. Стр. 81.
- Шаховской**, князь, Иванъ Леонтьевичъ. Съ литографіи Поля. Т. II. Стр. 69.
- Шервудъ-Вѣрный**, Иванъ Васильевичъ. Съ фотографіи, принадлежащей его дочери. Т. I. Стр. 185.
- Шильдеръ**, Карлъ Андреевичъ. Съ миниатюры, принадлежащей Н. К. Шильдеру. Т. II. Стр. 275.
- Шишковъ**, Александръ Семеновичъ. Съ портрета, рисованнаго съ натуры въ альбомѣ С. Д. Пономаревой. Т. II. Стр. 57.
- Эссенъ**, графъ, Петръ Кирилловичъ. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 369.
- Якубовичъ**, Александръ Ивановичъ (декабристъ). Изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова. Т. I. Стр. 245.

Виды городовъ, мѣстностей, зданій, бытовые и другіе рисунки.

- Витва** при Наваринѣ. Съ рисунка тушью того времени. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Т. II. Стр. 235.
- Вунтъ** въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 году. Съ картины того времени. Т. II. Стр. 389.
- Варна**, крѣпость: видъ ея въ 1828 году. Съ рисунка съ натуры генерала К. А. Шильдера. Т. II. Стр. 267.
— Взятіе ея въ 1828 году. Съ рисунка съ натуры того времени. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Т. II. Стр. 269.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Варшава.

- Дворецъ въ Лазенкахъ. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 321.
- Дворецъ намѣстника. Съ гравюры прошлаго столѣтія. Т. II. Стр. 323.
- - Визитка къ «Полярной Звѣздѣ» 1861 года, изданной Герценомъ, съ портретами пяти декабристовъ. (Факсимиле). Т. I. Стр. 407.

Вступленіе русской арміи въ Адрианополь 8-го августа 1829 года. Съ рисунка съ натуры очевидца. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Т. II. Стр. 305.

Входъ въ Наваринскую бухту. Съ рисунка Вебера. Т. II. Стр. 233.

Заключеніе мира въ Туркманчаѣ 10 февраля 1828 года. Съ рѣдкой литографіи Бегрова, сдѣланной съ картины Маникова. Т. II. Стр. 229.

Конференція въ Аккерманѣ въ 1826 году. Съ литографіи того времени Кавея, сдѣланной съ картины Гульманделя. Т. II. Стр. 49.

Лицей Царскосельскій. Съ литографіи начала прошлаго столѣтія. Т. I. Стр. 29.

Москва.

- Въѣздъ въ нее императора Николая Павловича и императрицы Александры Осодоровны. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 13.
- Въѣздъ въ нее императора Николая Павловича во время холеры 1831 года. Съ гравюры того времени. Т. II. Стр. 379.
- Кремль въ началѣ XIX столѣтія. Съ акварели того времени, принадлежащей П. Я. Дашкову. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 97.

Нанесеніе графу Милорадовичу смертельной раны 14-го декабря 1825 года. Съ рисунка Шарлемани. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 449.

Народная сцена въ окрестностяхъ С.-Петербурга въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Т. I. Стр. 133.

Обученіе рекрутъ въ Николаевское время. Съ рисунка А. Васильева. Т. II. Стр. 173.

Перевезеніе тѣла императора Александра I изъ Таганрога въ С.-Петербургъ. Съ картины, принадлежащей графу Граббе. Т. I. Стр. 317.

Петербургъ.

- Анничковскій дворецъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи Ланга. Т. I. Стр. 73.
- Тотъ же дворецъ и Невскій проспектъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ гравюры того времени. Т. I. Стр. 77.
- Елагинскій дворецъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ акватинты Мартенса. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 169.
- Зимній дворецъ и Дворцовая набережная въ 1806 году. Съ гравюры Патерсона. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 401.
- Калининскій пивоваренный заводъ въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Т. I. Стр. 115.
- Литовскій замокъ въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Т. I. Стр. 97.
- Михайловскій замокъ въ 1806 году. Съ акварели Патерсона. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 281.
- Мраморный дворецъ въ 1806 году. Съ акварели Патерсона. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 265.
- Мясной рынокъ въ 1794 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Т. I. Стр. 92.
- Набережная рѣки Фонтанки у Калинкина моста въ 1799 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Т. I. Стр. 105.
- Сенатская площадь въ 1806 году. Съ акварели того времени Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 105.
- Симеоновскій мостъ и Михайловскій замокъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ гравюры Иванова. Т. I. Стр. 161.
- Сытный рынокъ въ 1801 году. Съ рисунка съ натуры Кнаппе. Т. I. Стр. 145.

УКАЗАТЕЛЬ ГРАВИЮРЪ, РИСУНКОВЪ И ПОРТРЕТОВЪ

Петербургъ.

- Эрмитажъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи Ланга. Т. II. Стр. 109.
- Полицейскій мостъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 121.
- Марсово поле въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 133.
- Симеоновскій мостъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 145.
- Михайловскій замокъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи того времени. Т. II. Стр. 181.
- Дворцовый мостъ и набережная Васильевского острова въ 1806 году. Съ акварели того времени Патерсона, принадлежащей П. Я. Дашкову. (Хромо-литографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 208.
- Соборъ Спаса Преображенія. Съ гравюры, сдѣланной по рисунку Бегрова. Т. II. Стр. 309.
- Сѣнная площадь въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ литографіи Гаузера. Т. II. Стр. 373.

Петергофъ.

- Императорское семейство въ Монплезирѣ. Съ литографіи Бегрова. Т. II. Стр. 99.
- Ольгинъ и Царицынъ острова. Съ акварели Шарлеманя. Т. II. Стр. 101.
- Верхняя терраса Ольгина острова. Съ сепіи Чернышева. Т. II. Стр. 105.

Польское возстаніе 1830—1831 годовъ.

- Площадь Сигизмунда въ Варшавѣ. Съ акварели Дитриха. Т. II. Стр. 329.
- Медовая улица 17 ноября 1830 года. Съ акватинты Дитриха. Т. II. Стр. 337.
- Взятіе инсургентами тюрьмы въ Варшавѣ. Съ акватинты Дитриха. Т. II. Стр. 339.
- Мостъ Собіесскаго въ Лазенкахъ. Съ акватинты Дитриха. Т. II. Стр. 343.
- Бельведеръ 17 ноября 1830 года. Съ акватинты Дитриха. Т. II. Стр. 347.
- Арсеналь 17 ноября 1830 г. Съ акватинты Дитриха. Т. II. Стр. 353.
- Засада. Эпизодъ изъ войны 1831 г. Съ акварели Зауервейда. Т. II. Стр. 355.
- Штурмъ укрѣпленія Воли 25 августа 1831 года. Съ литографіи Мюнстера, сдѣланной по рисунку Тимма. Т. II. Стр. 363.

Посѣщеніе императорскимъ семействомъ тоней противъ Каменнаго острова въ Петербургъ. Съ гравюры, сдѣланной по рисунку Бегрова. Т. II. Стр. 157.

Пріѣздъ великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Осодоровны въ Варнемюнде въ 1824 году. Съ гравюры того времени Геншеля. Т. I. Стр. 173.

- короля прусскаго для встрѣчи великаго князя Николая Павловича въ Варнемюнде въ 1824 году. Съ гравюры того времени Геншеля. Т. I. Стр. 171.

Публичное объявленіе о коронаціи императора Николая I въ Москвѣ. Съ литографіи того времени Куртена. Т. II. Стр. 9.

Рушукъ, крѣпость; видъ съ русской батарей въ 1828 году. Съ рисунка съ натуры. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Т. II. Стр. 261.

Свиданіе графа Паскевича съ наслѣдникомъ персидскаго престола, Аббасъ-Мирзой, въ Дейкарганѣ, въ 1828 году. Съ рѣдкой литографіи Бегрова, сдѣланной съ картины Машкова. (Цинкографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 249.

Семейство императорское въ Монплезирѣ въ Петергофѣ. Съ литографіи Бегрова. Т. II. Стр. 99.

Сраженіе при Гроховѣ въ 1831 году. Съ польской литографіи того времени. (Гравюра на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 337.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Типы петербургскіе въ началѣ прошлаго столѣтія. Съ рисунковъ съ натуры Щедровскаго. (Изъ собранія П. И. Ваулина).

- Въ пивной. Т. II. Стр. 113.
- Разносчики. Т. II. Стр. 117.
- Шарманщики. Т. II. Стр. 137.
- Швейцаръ и продавецъ щетокъ. Т. II. Стр. 141.
- Дворникъ и почталіонъ. Т. II. Стр. 149.
- Мастеровые. Т. II. Стр. 153.
- Типы солдатъ въ концѣ царствованія Александра I. Съ рисунка того времени. Т. I. Стр. 107.

Факсимиле.

- Заглавный листъ книги «Собраніе портретовъ», изданной въ 1825 г. Т. II. Стр. 187.
- Заглавный листъ «Мѣсяцеслова» на 1826 годъ. Т. II. Стр. 189.

Форма русскихъ войскъ.

- Кондукторъ главнаго инженернаго училища и солдатъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 81.
- Офицеры лейбъ-гвардіи Павловскаго полка въ 1826 году. Съ литографіи Мюнстера, сдѣланной съ рисунка Теремова. Т. II. Стр. 171.
- Офицеръ Гренадерскаго корпуса. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 89.
- Офицеръ роты главнаго инженернаго училища и офицеръ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона. (Хромофотографія на отдѣльномъ листѣ). Т. I. Стр. 104.
- Форма лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ 1800 году. Съ литографіи Поля, сдѣланной съ рисунка Пиратскаго. Т. I. Стр. 109.
- Форма того же полка въ 1818 году. Съ литографіи Поля, сдѣланной съ рисунка Пиратскаго. Т. I. Стр. 113.
- Четырнадцатое декабря 1825 года въ С.-Петербургѣ. Съ фототипіи, приложенной къ «Русскому Архиву» 1893 года. (Съ рисунка Кольмана, изъ кабинета графа Бенкендорфа въ Фаллѣ). Т. I. Стр. 265.

Шумла, крѣпость. Видъ ея въ 1828 году. Съ акварели того времени. Т. II. Стр. 273.

Эрзерумъ. Взятіе его въ 1829 году. Съ литографіи Гостейна, сдѣланной съ картины Машкова. (Цинкографія на отдѣльномъ листѣ). Т. II. Стр. 305.

Автографы.

- Дѣтское письмо великаго князя Николая Павловича императрицѣ Маріи Оеодоровнѣ на русскомъ языкѣ. Т. I. Стр. 81. На отдѣльномъ листѣ.
- Дѣтское письмо великаго князя Николая Павловича императрицѣ Маріи Оеодоровнѣ на французскомъ языкѣ. Т. I. Стр. 89. На отдѣльномъ листѣ.
- Записка А. П. Ермолова. Т. II. Стр. 81. На отдѣльномъ листѣ.
- Карантиный билетъ. Т. II. Стр. 385. На отдѣльномъ листѣ.
- Блѣтвенное общаніе. Т. I. Стр. 225. На отдѣльномъ листѣ.
- Манифестъ о рожденіи великаго князя Николая Павловича. Т. I. Стр. 49. На отдѣльномъ листѣ.
- Объявленіе о кончинѣ императора Александра Перваго и присягѣ императору Константину Павловичу, напечатанное въ «Русскомъ Инвалидѣ» 29-го ноября 1825 года. Т. I. Стр. 185. На отдѣльномъ листѣ.
- Объявленіе о розыскѣ В. К. Кюхельбекера. Т. I. Стр. 457. На отдѣльномъ листѣ.

УКАЗАТЕЛЬ ГРАВЮРЪ, РИСУНКОВЪ И ПОРТРЕТОВЪ.

- Письмо великаго князя Константина Павловича императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Т. II. Стр. 49. На отдѣльномъ листѣ.
- Письмо великаго князя Николая Павловича къ цесаревичу Константину Павловичу. Т. I. Стр. 129. На отдѣльномъ листѣ.
- Письмо великаго князя Николая Павловича къ князю Д. И. Лобанову-Ростовскому. Т. I. Стр. 161. На отдѣльномъ листѣ.
- Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генералу Ламздорфу. Т. I. Стр. 105. На отдѣльномъ листѣ.
- Письмо барона К. Ѳ. Толя генералу Красовскому. Т. I. Стр. 337. На отдѣльномъ листѣ.
- Письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ женѣ одного изъ декабристовъ. Т. I. Стр. 464. На отдѣльномъ листѣ.
- Письмо графа П. Х. Витгенштейна П. И. Пестелю. Т. I. Стр. 313. На отдѣльномъ листѣ.
- Письмо графа И. И. Дибича барону Б. К. Тизенгаузену. Т. II. Стр. 273. На отдѣльномъ листѣ.
- Письмо И. И. Дибича цесаревичу Константину Павловичу. Т. I. Стр. 417. На отдѣльномъ листѣ.
- Письмо графа И. Ѳ. Паскевича графу Симоничу. Т. II. Стр. 201. На отдѣльномъ листѣ.
- Письмо графа А. И. Чернышева императору Николаю Павловичу. Т. II. Стр. 161. На отдѣльномъ листѣ.
- Письмо князя А. Н. Голицына князю П. М. Волконскому. Т. II. Стр. 65. На отдѣльномъ листѣ.
- Письмо М. Л. Магницкаго Д. П. Руничу. Т. II. Стр. 153. На отдѣльномъ листѣ.
- Письмо Д. П. Рунича А. Д. Балашеву и отвѣтъ А. Д. Балашева Д. П. Руничу. Т. II. Стр. 145. На отдѣльномъ листѣ.
- Письмо М. М. Сперанскаго В. В. Шнейдеру. Т. II. Стр. 113. На отдѣльномъ листѣ.
- Подорожная по указу императора Константина Павловича. Т. I. Стр. 249. На отдѣльномъ листѣ.
- Прибавленіе къ № 145 «Сѣверной Пчелы». Т. I. Стр. 209. На отдѣльномъ листѣ.
- Приказъ російскимъ войскамъ. Т. II. Стр. 193. На отдѣльномъ листѣ.
- Факсимиле первой страницы статута ордена св. Анны 1829 года. Т. II. Стр. 219. На отдѣльномъ листѣ.
- Факсимиле трехъ печатныхъ стихотвореній Д. П. Рунича. Т. II. Стр. 377. На отдѣльномъ листѣ.
- Черновой отпускъ письма императора Николая графу Чернышеву, писанный Д. В. Дашковымъ, съ собственноручной припиской государя. Т. II. Стр. 169. На отдѣльномъ листѣ.

